

Александр Павлович Лопухин
Толковая Библия: Ветхий Завет и Новый Завет

Аннотация

Книга А.П.Лопухина, выдержавшая до 1917 года около 20 изданий, не теряет своей актуальности и сегодня благодаря необыкновенно глубокому осмыслению Библейской истории. Автор открывает нам историческое значение изложенных в Библии фактов, доказывает, что библейские рассказы о сотворении человека, грехопадении, потопе, смешении языков имеют под собой реальную историческую основу. В книге приводится множество объяснений быта, реалий, традиций того времени, когда была создана Библия, которые помогают понять

глубину и смысл Библейского Писания. Автор предназначал свой труд широкой аудитории, поэтому язык изложения легок и прост для понимания. Данное издание объединяет труд автора по Библейской истории Ветхого и Нового Завета.

Александр Павлович Лопухин
Толковая Библия: Ветхий Завет и Новый Завет

Предисловие к первому изданию

В исторической науке в настоящее время совершается необычайное движение, именно благодаря тем изумительным открытиям, которые делаются на забытом пепелище исторической жизни древних народов Востока. С того счастливого часа, когда историки, не ограничиваясь пером, взялись за заступы и лопаты и начали раскапывать мусор развалин в долинах Нила, Тигра и Евфрата, равно как и в других странах исторического Востока, перед взорами исследователей открылся целый мир нового исторического знания: бледные и тощие страницы истории древних народов чрезвычайно оживились и расширились, открыто было даже существование новых, совершенно неизвестных дотоле народов и монархий, знание о которых пролило новый свет на всю судьбу древнего человечества. Но эти необычайные открытия получили еще больше значения вследствие того, что они оказались в ближайшем соотношении с библейской историей, и не только пролили в нее много нового света, уясняя часто самые темные ее страницы, но и представили почти чудесное подтверждение многих библейских событий и фактов, которые дотоле могли безнаказанно подвергаться критике скептицизма. Это обстоятельство чрезвычайно оживило интерес к библейской истории, которая перестала быть сухой специальностью богословов, а привлекает теперь внимание и светских ученых историков, и всего образованного общества всех цивилизованных народов. Интерес этот замечен и у нас; но, к сожалению, у нас он доселе еще не выходил из узких рамок кружка специалистов, и для нашего общества, собственно, доселе буквально не имеется ни одной такой общедоступной книги, которая бы могла служить руководством или введением к этой глубоко интересной и в высшей степени поучительной области знания. Удовлетворение этой, по нашему мнению, насущной потребности, отчасти и имеет в виду настоящая книга.

В своих главных частях она составлена была несколько лет тому назад и предназначалась лишь в качестве конспекта для наших личных кабинетных занятий в соприкосновенной с нашей специальностью («Историей Древнего мира») области библейско-исторического знания. Но сознание указанной выше глубокой потребности побудило нас обработать этот конспект в таком виде, чтобы он хоть в малейшей мере мог удовлетворить эту потребность, именно давая связный и живой курс библейской истории с привнесением в него главнейших черт из неисчерпаемого богатства новейших библейско-исторических исследований. Понятно, что в тех рамках, какие намечены были для настоящего руководства, означенные исследования не могли найти себе самостоятельного места в нем, и мы действительно ограничились лишь привнесением некоторых черт из них; но надеемся, что читатели заметят их присутствие при каждом более или менее важном библейско-историческом событии, и сами убедятся, как много света новейшие открытия проливают в области истории и сколько свежего интереса придают самым общеизвестным фактам и событиям.

Свое «руководство» мы предназначаем для чтения вообще, но особенно желали бы, чтобы оно нашло доступ в среду учащегося юношества. По нашему глубокому убеждению, библейская история может стать неисчерпаемым источником нравственного и высшего исторического воспитания для всякого более или менее способного к серьезной умственной жизни человека. Всякая история есть воспитательница ума и сердца и учительница мудрости; но библейская история в этом отношении стоит выше всех других историй, потому что предмет ее — центральные пункты духовной жизни человечества, и в ней раскрываются глубочайшие законы всемирно-исторического развития. Она яснее всего может показать, что в истории народов нет ничего случайного и произвольного, что всякая попытка «делать историю» бессмысленна и

вредна, потому что все ждет и требует «исполнения времен», которого нельзя ни приблизить, ни отдалить. Вместе с тем, она представляет ряд глубоких житейских опытов величайших характеров, которые своими добродетелями и не менее своими пороками широко раскрывают дверь в самую глубь духовной жизни человека и тем самым преподают глубочайшие уроки для всякого обладающего достаточно живым нравственным чувством для того, чтобы воспринимать подобные поразительные опыты. Наше «руководство», конечно, не имеет никаких претензий на изложение библейской истории с этой именно стороны: понимание этой стороны в ней предполагает предварительное знакомство с начатками библейско-исторического знания, и эти-то начатки именно и предлагаем мы в своей книге, в надежде, что она может послужить руководством к проникновению и в более глубокую область знания.

В непродолжительном времени имеет последовать подобное же «Руководство к библейской истории Нового Завета».

СПб. 31 декабря 1887 г.

А. Л.

Библейская история ветхого завета

Период первый

От Сотворения мира до потопа

I

Сотворение мира

Мир, рассматриваемый в его внешней красоте и внутренней гармонии, представляет собой дивное создание, изумляющее стройностью своих частей и чудесным разнообразием своих форм. Во всей своей необъятности он правильно движется подобно величественным часам, заведенным великим и искусным мастером. И как при взгляде на часы невольно является мысль о сделавшем и заведшем их мастере, так и при рассматривании мира в его правильном и стройном движении разум невольно приходит к мысли о том Виновнике, которому он обязан своим существованием и дивным устройством. Что мир не вечен и имеет свое начало, это ясно доказывается, прежде всего, общим верованием народов, у которых у всех сохраняется древнейшее предание о начале всех вещей. Затем изучение хода исторической жизни человечества, особенно древнейших его народов, показывает, что сама историческая жизнь имеет весьма ограниченную протяженность и скоро переходит в эпоху доисторическую, которая составляет детство человеческого рода, необходимо предполагающее, в свою очередь, рождение или начало. На то же указывает и ход развития наук и искусств, который опять приводит нас к первобытному состоянию, когда только начинались они. Наконец, новейшие науки (геология и палеонтология) через изучение наслоений коры земной и заключающихся в них останков неопровержимо и ясно доказывают, что земной шар постепенно образовывался в своей поверхности, и было время, когда на нем совершенно не было никакой жизни, и сам он находился в состоянии бесформенного вещества. Таким образом, начало мира несомненно, хотя бы и в виде бесформенного, первобытного вещества, из которого постепенно образовались все его формы. Но откуда явилось само это первобытное вещество? Вопрос этот издавна занимал мысль человеческую, но она бессильна была разрешить его без высшей помощи, и в языческом мире величайшие мудрецы и основатели религий не в силах были подняться выше той мысли, что это первобытное вещество существовало от вечности, и из него-то Бог создал или устроил мир, будучи лишь, таким образом, создателем или устроителем мира, но не в собственном смысле Творцом его. Тогда на помощь человеческому разуму явилось Божественное Откровение, заключающееся в книгах Св. Писания, и оно просто и ясно

провозгласило великую тайну бытия, постигнуть которую тщетно усиливались мудрецы всех времен и народов. Тайна эта открыта на первой странице книги Бытия, которой и начинается Библейская история мира и человечества.

«В начале сотворил Бог небо и землю», – говорит в первом стихе книги Бытия бытописатель, св. пророк Моисей. В этих немногих словах выражена та необъятная по своей глубине истина, что все существующее на небе и на земле, а следовательно и первобытное вещество, имеет свое начало, и все сотворено Богом, который один только вечен и существовал в довременном бытии, и притом сотворено из ничего, как означает самый глагол *барГ'Ў*, употребленный для выражения слова «сотворил». Бог есть единый Творец вселенной, и без Него ничего не могло произойти.

Утверждая эту мысль, бытописатель тем самым отверг все другие способы объяснения происхождения мира, т. е. что мир не мог произойти ни от случая, ни от самозарождения, ни от борьбы доброго и злого начал (как учили языческие мудрецы, а за ними и новейшие Любомудры), а единственно от свободного решения воли всемогущего Бога, благоволившего из небытия воззвать мир к временному бытию. Решение же это вытекло единственно из любви и благодати Творца, с целью дать и твари возможность насладиться этими величайшими свойствами Его существа. И вот «Он», по словам боговдохновенного псалмопевца, «сказал и сделалось, Он повелел и явилось» все (Пс 32:9). Орудием его при творении служило Слово Его («сказал и сделалось»), которое есть Слово изначальное, Сын Божий, через которого «все начало быть, и без Него ничто не начало быть, что произошло» (Ин 1:3). Так как во втором стихе отдельно говорится и об участии Духа Божия в деле творения, то ясно, что Бог действовал при создании мира как пречная Троица.

Открыв тайну происхождения мира как целого и его двух составных частей – неба и земли, бытописатель переходит к описанию порядка образования мира в его теперешнем виде, во всем разнообразии его видимых форм, и так как летопись бытия предназначалась в поучение жителям земли, то и главное внимание его обращается именно на историю образования земли, так что во втором стихе уже не упоминается о небе. В первобытном своем состоянии «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою». Это было только что сотворенное бесформенное вещество – хаос, в котором бродили слепые силы вещества, ожидая зиждительного слова Творца, и над этой-то бродящей бездной была тьма, и только творческий Дух Божий носился над водой, как бы оплодотворяя зародыши и семена имевшей возникнуть жизни на земле. Откровение ничего не сообщает о продолжительности такого хаотического состояния. Только с известного момента началась творчески-образовательная деятельность Творца, и она совершилась в шесть последовательных периодов времени, называемых днями творения.

Когда настало время для начала творческой деятельности, над темным бесформенным веществом прогремело слово Божие: «Да будет свет! и стал свет». Над бездной хаоса мгновенно рассвел прекрасный день Божий и озарил мрачную утробу довременной тьмы. «И увидел Бог свет, что он хорош»; и «отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».

Сотворение света

При появлении света усилилось брожение сил в клокочущем веществе хаоса. Огромные массы паров поднимались над поверхностью земного тела и окутывали его непроницаемыми тучами и мглой, так что терялась всякая грань, отделяющая его от других небесных тел. «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды; (и стало так). И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердию, от воды, которая над твердию; и стало так». Нижние слои паров превратились в воду и осели на поверхность все еще клокотавшей бездны, а верхние улетучились в необъятной области небесного пространства, и над землей открылось то прекрасное голубое небо, которое мы видим теперь. Это был день второй.

Над земным телом была уже очищенная от паров атмосфера, но сама земля была еще сплошным морем. Тогда «сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша; и стало так». Сгустившееся и постепенно охлаждавшееся вещество в одних местах поднималось, в других опускалось; возвышенные места обнажались от воды, делались сушей, а углубления и впадины наполнялись сливавшейся в них водой и образовали из себя моря. «И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морем: и увидел Бог, что это хорошо». Но как

ни хорошо было это распределение моря и суши, земля еще не обладала тем, что составляло цель ее создания: на ней не было еще никакой жизни, и лишь голые, мертвые скалы мрачно смотрели на вместилища вод.

Но вот, когда совершилось распределение воды и суши, и образовались необходимые условия для жизни, не замедлили появиться и первые начатки ее – в виде растительности. «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию ее), и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле, и стало так». – «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий».

Но растительность для своего прозябания нуждается в правильной смене света и тьмы. «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной (для освещения земли), для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов, и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю: и стало так». По слову Творца окончательно установилась солнечная и звездная система, как она существует теперь. Солнце запыхало своим могучим, животворным светом и озарило окружающие его планеты; небесный свод украсился мириадами звезд, и чарующий блеск их вызвал восторг ангелов небесных, которые хором восхвалили Творца (Иов 38:7). «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый».

Небо уже украшалось светилами, на земле развивалась исполинская растительность; но не было еще на земле живых существ, которые могли бы наслаждаться дарами природы. Для их существования не было еще надлежащих условий, так как воздух был насыщен вредными испарениями, которые могли способствовать лишь царству растительному. Но вот исполинская растительность очистила атмосферу, и подготовились условия для развития животной жизни. «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живу; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной».

В силу этого божественного веления совершился новый творческий акт, не просто образовательный, как в предыдущие дни, а в полном смысле творческий, каким был и первый акт творения первобытного вещества – из ничего.

Тут создавалась душа живая, вводилось нечто такое, чего не было в существовавшем первобытном веществе. И действительно, бытописатель здесь во второй раз употребляет глагол «бара» – творить из ничего. «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый».

Вода и воздух наполнились жизнью, но оставалась еще пустынной третья часть земли – суша, та именно, которая представляет наиболее удобств для жизни живых существ. Но вот настало время и для ее заселения. «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их: и стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их». Все эти животные образованы были из земли, откуда они и теперь извлекают свои питательные вещества, и в которую обращаются опять при разложении. «И увидел Бог, что это хорошо». Таким образом, земля уже во всех своих частях населилась живыми существами. Мир живых существ представлял стройное дерево, корень которого состоял из простейших, а верхние ветви из высших животных. Но это дерево было неполно, не было еще цветка, который бы завершал и украшал его вершину. Не было еще человека – царя природы. Но вот явился и он. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотами, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию

сотворил его, мужчину и женщину сотворил их». Здесь в третий раз совершился в полном смысле творческий акт (бара), так как человек в своем существе опять имеет нечто такое, чего не было в сотворенной до него природе, именно дух, отличающий его от всех других живых существ.

Так закончилась история творения и образования мира. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой». – «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые Он творил и созидал. И благословил Бог седьмой день и освятил его». Отсюда ведет свое начало установление субботы как дня покоя, и на этом установлении доселе основывается правильная смена труда и покоя в жизни человеческой.

II

Сотворение первых людей и их блаженная жизнь в раю

Человек как венец творения создан по особому совету Творца, и он только один создан по образу и по подобию Божию. Тело его, как и тела всех животных, образовано из земли; но духовная часть его есть непосредственное вдуновение Творца.

«И создал Господь Бог человека (Адама) из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Образ и подобие Божие в человеке поэтому состоит в духовном сыновстве его Богу, в стремлении к умственному и нравственному совершенству, дающему ему возможность господствовать над природой. Как царь творения он вводится в особый насажденный для него сад или рай в Эдеме на востоке, приводятся ему в подчинение все твари, и он делается владыкой земли.

Но человек, как разумное и духовное существо, не был бы достойным представителем Божества на земле, если бы он жил в уединении или в общении только с существами или высшими его, как ангелы, или низшими, как животные. Для него было необходимо не только для удовольствия и счастья, но еще более для совершенства божественного дела иметь помощника по себе, способного к восприятию и взаимному общению мыслей и чувств.

Между тем, среди уже созданных живых существ «для человека не нашлось помощника подобного ему». «И сказал Господь Бог: не хорошо человеку быть одному; сотворим ему помощника, соответственного ему».

И вот создается жена, и притом из ребра самого человека, взятого у него во время глубокого сна.

Как только создана была женщина, человек тотчас понял в этом деле Творца желание счастья для общественной жизни человека и пророчески произнес положение, которое стало законом брака на все последующие века: «вот это кость от костей моих, и плоть от плоти моей, она будет называться женою, ибо взята от мужа своего. Потому оставит человек отца и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть».

Из этих слов, равно как и из обстоятельств самого сотворения жены, естественно вытекает, что муж и жена представляют собой единство, заключаемое в браке, что брак должен состоять из союза одного мужчины с одной женщиной, и что жена должна подчиняться мужу как его помощница, созданная для него.

«И благословил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над всеми тварями».

И вот первые люди в блаженстве своей невинности обитали в раю, пользуясь всеми его плодами и наслаждаясь всеми его радостями. Им предоставлены были все блага совершенной и

невинной жизни.

В материальном отношении их окружал избыток богатейших даров райской природы, вместе с плодами деревьев, которые имели особенно чудесное значение для их телесной крепости и жизненности, давая им бессмертие.

Духовные потребности их находили полнейшее удовлетворение в непосредственном общении с Богом, являвшимся «в раю во время прохлады дня», а также в изыскании лучших способов господства над подчиненной им природой и управления ею, для чего Адам нарек имена животным, а также, конечно, и всем другим предметам, устанавливая таким образом язык как средство различения предметов и общественного сношения. Но высшее совершенство их заключалось в нравственной невинности, которая состояла в отсутствии самой мысли о чем-либо нечистом и греховном. «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

III

Грехопадение и его последствия. Местонахождение рая

Пребывание первых людей в раю было пребыванием их в непосредственном общении с Богом, которое и было первой и совершеннейшей религией человеческого рода. Внешним выражением этой религии была церковь, как собрание первых двух верующих. Но так как церковь, как внешнее учреждение, предполагает известные установления и условия, на которых основывается собрание, то и первобытная церковь была основана на особом завете между Богом и человеком. Завет этот состоял в том, чтобы человек любил Бога и ближних и оказывал Творцу своему совершенное послушание во всех Его повелениях, а Бог, с своей стороны, обещал за это человеку продолжение его блаженного состояния, безопасность от смерти как болезненного разрушения тела и, наконец, жизнь вечную. Чтобы предоставить человеку возможность засвидетельствовать свое послушание и укреплять свою веру, Бог дал ему заповедь, которая могла служить для него испытанием, как средство укрепления того свободного нравственного самоопределения, в котором заключается высшее благо жизни. Заповедь состояла в запрещении есть от плодов дерева познания добра и зла. «И заповедал Господь Бог человеку и сказал: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла – не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Предоставив человеку полную свободу, Творец, однако же, этой заповедью хотел показать ему, что как существо ограниченное, он должен жить под законом и что за нарушение закона последует страшное наказание.

Откровение не сообщает, как продолжительно было блаженное пребывание первых людей в раю. Но это состояние уже возбуждало злобную ненависть врага, который, лишившись его сам, с ненавистью смотрел на невинное блаженство первых людей. Когда на земле господствовал еще мир всеобщего блаженства и она не знала зла, мир в высших своих областях уже был знаком со злом, и происходила борьба с ним. В среде высших сотворенных существ или ангелов, одаренных высшими дарами разума и свободы, некоторые уже нарушили заповедь послушания Творцу, возгордились своим совершенством (1 Тим 3:6) и не сохранили своего достоинства (Иуд 6), за что и низвергнуты были из небесного рая в преисподнюю. Зависть и жажда зла сделалась душой этих существ. Всякое благо, всякий мир, порядок, невинность, послушание ста ли ненавистны для них, и они попытались разрушить их и среди людей, наслаждавшихся блаженством райской жизни на земле. И вот в раю явился искушитель – в виде змея, который «был хитрее всех зверей полевых». При этом он употребил лукавую хитрость, направив искушение не к обоим людям и не к мужу, а к одной жене, как слабейшему члену, скорее поддающемуся увлечению.

Змей приблизился к жене и сказал ей: «Подлинно ли сказал Бог, не ешьте ни от какого дерева в раю?» В вопросе этом заключалась коварная ложь, которая должна бы сразу оттолкнуть

собеседницу от искусителя. Но она, по своей невинности, не в состоянии была сразу понять здесь коварство, и, в то же время, была слишком любопытна, чтобы тотчас же прекратить разговор. Однако же она поняла ложь вопроса и ответила, что Бог разрешил им есть от всех деревьев, кроме одного лишь дерева, которое посреди рая, потому что от вкушения плодов его они могут умереть. Тогда искуситель прямо возбуждает недоверие к Богу. «Нет, – сказал он, – не умрете; но Бог знает, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Коварное слово глубоко запало в душу женщины. Оно возбудило ряд сомнений и душевную борьбу. Что такое добро и зло, которое она может узнать? И если люди блаженствуют в теперешнем состоянии, то в каком же блаженстве будут они, когда станут как боги?.. В тревожном возбуждении она невольно обращает взор к запретному дереву, а оно так приятно для глаз, вероятно сладостно для вкуса, а особенно заманчиво по своим таинственным свойствам. Это внешнее впечатление решило внутреннюю борьбу, и женщина «взяла плодов этого дерева, и ела; и дала также мужу своему, и он ел». Величайший переворот в истории человечества совершился. Те, которые должны были служить чистым источником всего человеческого рода, отравили себя плодами смерти. Женщина последовала змею, как бы он был выше Бога. По его внушению она сделала то, что запретил Творец. А ее муж во грехе последовал жене, которая из соблазненной тотчас же сделалась соблазнительницей.

Не замедлили сказаться и следствия вкушения запрещенного плода: у них действительно открылись глаза, как обещал искуситель, и запретный плод дал им знание; но что же узнали они? – узнали то, что они наги. Возмущенное нравственное чувство открыло перед ними сознание их наготы, ставшей победным знаком чувственности и торжества плоти, и чтобы прикрыть ее, они сшили себе смоковые листья и сделали из них опоясания – эту первичную форму одежды. Но если согрешившие устыдились так даже собственного внутреннего голоса совести, то им совершенно страшно стало предстать теперь перед Богом. Настал вечер, и прохлада теней его разливала блаженство по саду. В это время обыкновенно происходило у них собеседование с Богом, которого они до сих пор с невинной радостью ожидали и встречали, как дети своего отца. Теперь же они желают, чтобы этого момента никогда не наступало. А между тем он приблизился, и они услышали знакомый голос. Ужас объял Адама и жену его, и они «скрылись от лица Господа Бога между деревьями рая».

И воззвал Господь Бог к Адаму: «Адам, где ты?» А несчастный беглец с трепетом ответил из чаши дерев: «Голос Твой я услышал в раю и убоился, потому что я наг, и скрылся». – «Но кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от древа, с которого Я запретил тебе есть?» Вопрос был поставлен прямо, но грешник не в силах был ответить на него так же прямо; он дал уклончивый и лукавый ответ: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел». Вину он сваливает на жену и даже на Самого Бога. Господь обратился к жене: «Что ты это сделала?» Жена также, в свою очередь, отклоняет от себя вину: «Змей обольстил меня, и я ела». Жена сказала правду, но в том, что они оба старались выгородить себя от вины, заключалась ложь. В этом сразу сказалось пагубное влияние отца лжи, обольщению которого поддались первые люди, и это влияние, как испытый яд, отравило всю их нравственную и телесную природу.

Тогда Господь изрек заслуженное наказание и, прежде всего, змею, как послужившему орудием искушения: он был проклят перед всеми животными и ему определена жалкая жизнь пресмыкания на чреве своем и питания прахом земли. Жена осуждена на подчинение мужу и на тяжкие страдания и болезни при рождении детей; а муж осужден на тяжелую жизнь, так как земля, проклятая за дела человека, должна была оскудеть в своих дарах, производить терние и волчцы, и только в изнурительном поте он мог добывать себе хлеб для пропитания, пока не возвратится в землю, из которой взят был. «Ибо прах ты, и в прах возвратишься», – сказал Господь, осуждая его на телесную смерть. Страшно было наказание за преступление заповеди Божией; но как милосердный Отец, Бог не оставил Своих согрешивших чад без утешения, и тогда же дал им обетование, которое светлой надеждой на восстановление потерянного блаженства должно было поддерживать их унылый дух в дни последующих испытаний и

невзгод греховной жизни. Это именно обетование о семени жены, которое долженствовало стереть главу змия, т. е. окончательно победить разрушителя блаженства людей, и восстановить людям возможность достигать блаженства и жизни вечной на небе. Это было первое обетование о Спасителе мира, и в знамение Его пришествия установлено жертвоприношение животных (видимо, уже теперь разделенных на два класса – чистых и нечистых), заклание которых должно было предзнаменовать заклание великого Агнца за грехи мира. Сделав Адаму и жене его Еве (матери живущих, как назвал ее теперь Адам) кожаные одежды (из убитых для жертвоприношения животных) и научив их одеваться, Господь изгнал их из рая, «и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни», которого они через свой грех сделали теперь недостойны.

С изгнанием людей из рая у них среди трудов и невзгод греховной жизни изгладилась с течением времени самая память о точном его местонахождении, у разных народов мы встречаем самые смутные предания, неопределенно указывающие на Восток, как место первобытного блаженного состояния. Более точное указание находится в Библии, но и оно настолько неясно для нас при теперешнем виде земли, что по нему так же невозможно с географической точностью определить местоположение Эдема, в котором находился рай. Вот это библейское указание: «И насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке. Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон; она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото, и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Тихон (Геон): она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр); она протекает перед Ассириею. Четвертая река Евфрат» (Быт 2:8–14). Из этого описания прежде всего ясно, что Эдем – это обширная страна на востоке, в которой находился рай, как меньшее помещение, назначенное для обитания первых людей. Затем название третьей и четвертой рек ясно указывает на то, что эта Эдемская страна находилась в некотором соседстве с Месопотамией. Но этим и ограничиваются понятные для нас географические указания. Первые две реки (Фисон и Тихон) не имеют теперь ничего, соответствующего себе ни по географическому положению, ни по названию, и потому они подавали повод к самым произвольным догадкам и сближениям. Одни видели в них Ганг и Нил, другие – Фазис (Рион) и Аракс, берущие свое начало на возвышенностях Армении, третьи – Сырдарью и Амударью, и так далее до бесконечности. Но все эти догадки не имеют серьезного значения и основываются на произвольных сближениях. Дальнейшим определением географического положения этих рек служат земли Хавила и Куш. Но первая из них так же загадочна, как и орошающая ее река, и можно только догадываться, судя по ее металлическим и минеральным богатствам, что это некоторая часть Аравии или Индии, служивших в древности главными источниками золота и драгоценных камней. Несколько определеннее название другой страны Куш. Этим термином в Библии обыкновенно называются страны, лежащие к югу от Палестины, и «кушиты», как потомки Хама, от его сына Хуша или Куша, встречаются на всем пространстве от Персидского залива до Южного Египта. Из всего этого можно заключить лишь одно, что Эдем действительно находился в некотором соседстве с Месопотамией, на что указывают и предания всех древнейших народов, но в точности определить его местонахождение невозможно. Земная поверхность с того времени претерпела столько переворотов (особенно во время потопа), что не только могло измениться направление рек, но могла порваться и самая связь их между собой, или даже прекратиться самое существование некоторых из них. Вследствие этого науке так же прегражден доступ к точному определению местонахождения рая, как он прегражден был согрешившему Адаму – ко вкушению от древа жизни в нем.

IV

Сыновья и ближайшие потомки Адама. Каин и Авель. Два направления в жизни допотопного человечества. Долговечность патриархов. Летосчисление

Лишившись своего прежнего блаженного жилища, первые люди поселились к востоку от

Эдема. Эта восточная внерайская страна сделалась колыбелью человечества. Здесь начались первые труды обыденной суровой жизни, и здесь же явилось первое поколение «рожденных» людей. «Адам познал жену свою Еву, и она зачала и родила сына, которому дала имя Каин, что значит: приобрела я человека от Господа». При первом рождении Ева переживала совершенно новые, неизвестные ей состояния – беременность и болезненность родов. Последствием их явилось новое, дорогое для нее существо, которое привело ее в восторг, выразившийся в самом его наименовании, в котором, очевидно, выражается память об обетовании Божиим касательно семени жены. Но она жестоко ошиблась, предполагая в своем первом сыне начало избавления от постигшей ее кары: в нем явилось для нее лишь начало новых, неизвестных еще ей страданий и горя. Впрочем, Ева скоро сама поняла, что она слишком рано стала лелеять себя надеждой на исполнение обетования, и потому, когда родился у нее второй сын, она назвала его Авелем, что значит призрак, пар.

Теперь уже первые люди не одни: образовалось семейство, а вместе с ним стали вырабатываться и новые отношения. С приращением семейства увеличились потребности, для удовлетворения которых понадобился усиленный труд. Уже с первых дней нового положения, в которое люди поставлены были грехопадением, потребности оказались разнообразными: требовалось добывать пищу и одеяние. Соответственно этому произошло у первых людей и разделение труда: первый сын, Каин, стал обрабатывать землю для удовлетворения первой потребности – питания, а второй – Авель – стал заниматься скотоводством для добывания молока, а также и шерсти, и шкур. Выбор рода труда и занятий первых братьев, конечно, зависел от различия их характеров и склонностей. Занятия еще больше разделили их, и между первыми братьями не замедлило обнаружиться соперничество, кончившееся страшным злодеянием, какого дотоле не видела еще земля. «Однажды Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел». Причину этого, конечно, нужно видеть не только в качестве самих даров, но и особенно во внутреннем расположении для принесения их. Этим навсегда давался урок, что жертва Богу должна соединяться с внутренней жертвой доброго сердца и добродетельной жизни. Между тем, если Авель принес свою жертву с верой, подтверждаемой доброй жизнью, то, напротив, Каин принес ее очевидно без внутреннего участия, так как в жизни «дела его были злы» (1 Ин 3:12). Увидев предпочтение, оказанное брату, и видя в нем явное обличение своих «злых дел», Каин сильно огорчился, и омраченное лицо его поникло. На нем появились зловещие черты. Но совесть (этот голос Божий внутри человека) заговорила в Каине: «Почему ты огорчился, и от чего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Каин, однако, не послушался предостережения и отворил греху дверь своего сердца. Зазвав своего доверчивого брата в поле, он убил его, совершив невиданное еще землей злодеяние. Страшное злодеяние, впервые внесшее разрушение и смерть в порядок природы, не могло остаться без наказания. «Где Авель, брат твой?» – спросил Господь Каина. «Не знаю: разве я сторож брату моему?» – отвечал убийца, показывая таким ответом, какой страшный шаг вперед сделало зло со времени падения прародителей. Эта дерзость, это бесстыдное отрицание не допускали возможности дальнейшего испытания, и Господь прямо обратился к убийце с определением наказания. «Что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет больше давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Окровавленная земля в силу этого определения должна была потерять свое прежнее плодородие, так что Каину нельзя уже было оставаться в прежнем месте. Проклятие, вызванное первородным грехом, также пало на землю и только посредственно на человека; теперь же, когда грех дошел до убийства, проклятие падает уже на самого убийцу, но не безусловное проклятие, а проклятие изгнания, в силу которого земля, в качестве исполнительницы воли Божией, не давая своих плодов Каину, должна была принудить его удалиться из первобытной колыбели человечества. Ввиду тяжести возложенного наказания,

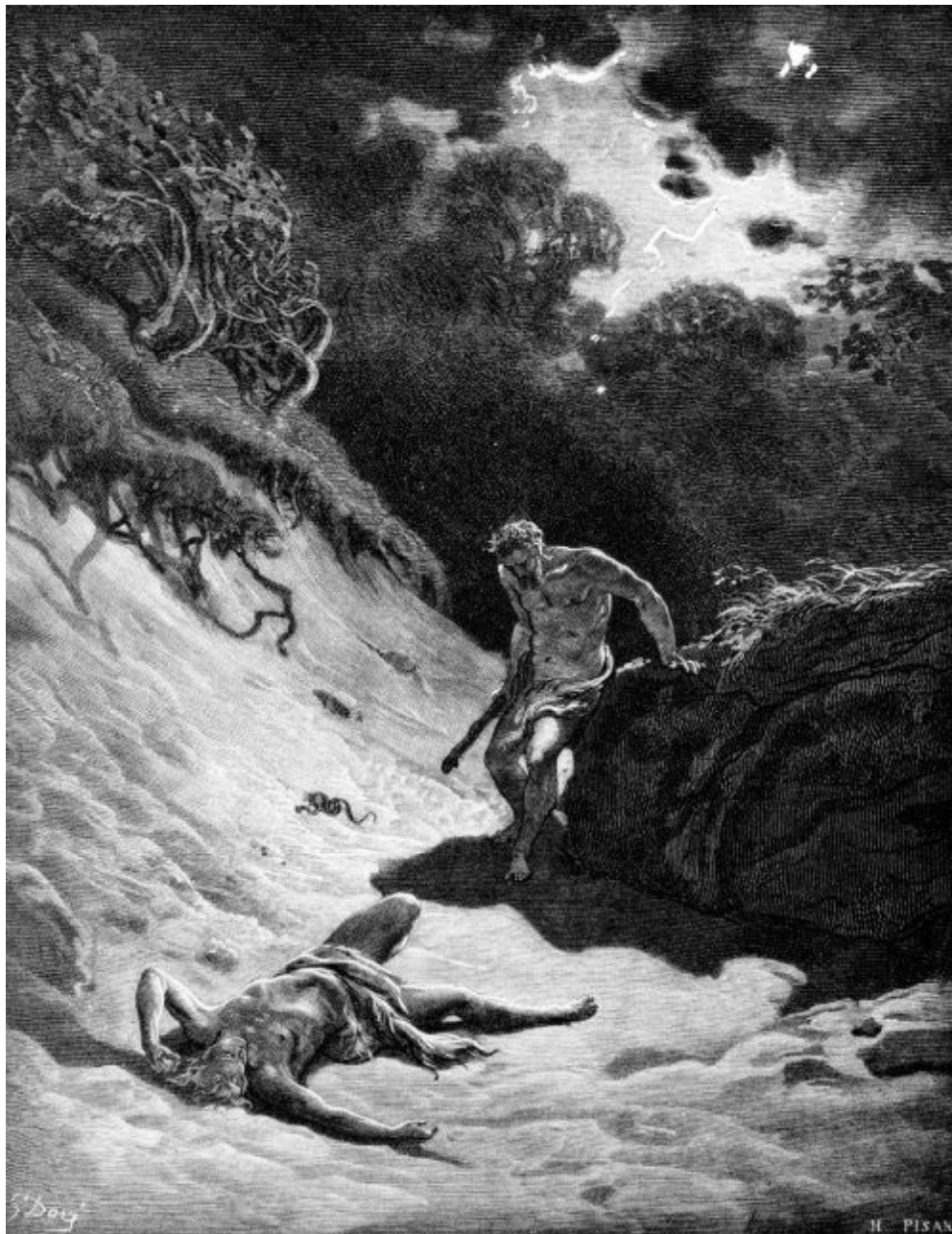
упорство Каина сломилось и перешло в малодушие и отчаяние. «Наказание мое, – воскликнул он, – больше, нежели снести можно. Пусть всякий, кто встретится, убьет меня». Но это желание Каина, вызванное его отчаянием, было преступно и потому не могло быть исполнено. Как наказанный убийца, он должен был служить предостерегающим примером для других. Поэтому всякому, кто бы решился на убийство Каина, должно было всемерно отомститься. Поникшее, искаженное злодейством лицо его должно было служить знаком, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его – будет ли то дикий зверь, или кто из братьев его.

И пошел Каин скитаться по земле, и, наконец, поселился в земле Нод, еще далее на восток от Эдема. Трудно определить точное положение этой страны. Некоторые исследователи указывают на Северную Индию, Китай и др. Во всяком случае, это земля, удаленная от первичного поселения людей, страна «изгнания», как показывает и самое ее название. Но туда Каин удалился не один. Как ни велико было его злодеяние и оскорбление, нанесенное чистоте и святости братской любви, из среды размножившихся за это время братьев, сестер и последующих поколений нашлись люди, которые решились последовать за Каином в страну изгнания, так что он поселился там с женой. Здесь у него родился сын, которого он назвал Енохом. Удаленный от остального общества людей, предоставленный своей собственной судьбе, Каин, от природы суровый и упорный, теперь еще с большим упорством должен был бороться с природой и внешними условиями жизни. И он действительно весь отдался тяжелому труду для обеспечения своего существования и был первым человеком, который построил город как начало оседлой жизни. Город назван был по имени сына его Еноха. Некоторые исследователи возражают, будто бы немыслимо допустить построение города в такое раннее время. Но до этого события могло пройти от происхождения человека уже несколько столетий, в продолжение которых люди могли прийти к мысли о лучших средствах защиты своего существования от внешних врагов. Притом, под именем «города», конечно, нельзя разуметь в собственном теперешнем смысле город, а просто ограду, возведенную для защиты находившегося среди ее жилища.

Поколение Каина стало быстро размножаться, а вместе с тем продолжалась начатая его родоначальником борьба с природой (культура). Из среды его выходили люди, которые, наследовав от Каина упорную волю в борьбе с природой, продолжали неумолимо изыскивать новые средства для успешнейшего ведения ее. Особенно замечательно в этом отношении семейство Ламеха, шестого члена в поколении Каина по прямой от него линии^[1]1 Вот последовательный ряд представителей этого поколения: Каин, Енох, Ирад, Мехиаель, Мафусал и Ламех (Быт 4:18). Встречающиеся здесь имена Еноха, Мафусала и Ламеха не нужно смешивать с подобными же именами в другом поколении – Сифовом.

[\[Заккрыть\]](#).

Сам Ламех замечателен в истории человечества тем, что он первый нарушил естественный, установленный при начале, порядок брачных отношений и ввел многоженство, сделавшееся впоследствии источником ужасного попрания человеческого достоинства женщины, особенно на Востоке. Подчиняясь своей страстной натуре, он взял себе две жены – Аду и Циллу. От них родились сыновья, которые явились изобретателями первых ремесел и искусств. От Ады родился Иавал. Он первый изобрел палатки и с ними начал вести вполне кочевую жизнь, переноса шатры и перегоняя стада с одного места на другое.

Убийство Авеля

Брат его Иувал был более поэтической натуры и прославился изобретением инструментов, посредством которых можно выражать порывы и чувства души. Он первый изобрел гусли и свирель и есть отец всех играющих на них. Гусли или арфа (по-еврейски кинур), по описанию Иосифа Флавия, имела десять струн, на которых играли при помощи плектра – особой музыкальной палочки. Изобретение Иувала, конечно, представляло простейшую форму струнного инструмента. Замечательно при этом, что первые музыкальные инструменты изобретены братом первого скотовода-кочевника, принимавшим, вероятно, в занятиях последнего близкое участие: большой и счастливый досуг этого занятия дает более всего поводов к такому изобретению. От Циллы у Ламеха также родился замечательный сын по имени Тувал-Каин. Он прославился самым полезным изобретением для борьбы с природой, именно пришел к мысли воспользоваться металлами для приготовления из них прочных орудий защиты и хозяйства и стал ковать эти орудия из меди и железа. До него все орудия для защиты или инструменты для домашних хозяйственных занятий, вероятно, приготавливались из камня, дерева или костей. Дикие народы до сих пор обходятся с такими орудиями, и в постепенном приближении их к цивилизованным народам эти первобытные орудия сменяются

сначала медными и бронзовыми (в Южной Америке – золотыми), а потом уже железными. Сестру Тувал-Каина Ноему – «Прекрасную» – предание называет изобретательницей тонов и песен. Но поэзия в собственном смысле обязана своим началом самому Ламеху, этому отцу стольких изобретателей. Восхищенный изобретениями своих сыновей, а особенно Тувал-Каина, он обратился к своим женам с такой речью:

Ада и Цилла, послушайте голоса моего,
Жены Ламеховы, внимайте словам моим:
Я убил бы мужа за язву мне,
И отрока за рану мне.
Если за Каина отомстится всемеро,
То за Ламеха в семьдесят раз всемеро.

В этом шестистишии представляется первый пример собственно поэтической речи в первобытную эпоху, и песнь эта представляет верное отражение еврейской, как самой древней, поэзии. Что касается содержания этой первобытной поэмы, то в общем смысл ее таков. Среди насилий и жестокостей того времени, особенно свирепствовавших между потомками Каина, Ламех утешает своих жен уверением, что с помощью медного и железного оружия, находящегося теперь, благодаря изобретению Тувал-Каина, в его руках, он может убить всякого, кто бы осмелился оскорбить его; и если Каину было обещано, что за него отомстится всемеро, то в руках потомства Ламехова теперь есть средство отмстить за себя в семьдесят раз всемеро. В этой поэме выразился тот дух высокомерия и самонадеянности, которым отличалось в своей жизни и в своем характере потомство преступного и мрачного изгнанника. Ламех смотрит на только что изобретенное оружие, которое выковал его сын, и из груди его вырывается песнь торжества. Как далеко он опередил своего предка Каина, принужденного беспомощно скитаться по земле! Он уже не нуждается теперь в посторонней помощи и сам сумеет защитить себя во всякое время. Он не только не боится убийства, но он сам воспекает убийство. Вот к чему пришло потомство первого убийцы. Потомки Каина всю свою деятельность направили на обеспечение материальной жизни. Эти чисто житейские заботы до такой степени поглощали все силы Каинова поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорной самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном поработлении житейской суете и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами – пороками и преступлениями. При таком направлении оно, очевидно, не могло быть истинным представителем человеческого рода и, тем более, хранителем великих духовных сокровищ – первого обетования о Спасителе и связанных с ним первобытных религиозных и нравственных установлений. Оно, по своей грубой односторонности, грозило только извратить предназначенный человечеству исторический ход развития. Этому одностороннему направлению необходим был противовес. И он действительно явился в поколении нового сына Адамова – Сифа, родившегося на месте убитого Авеля. Сифом начинается в истории то поколение людей, которое по своему духовному настроению представляло полную противоположность потомству Каина. В поколении Каина люди, поклоняясь единственно материальной силе, все свои способности (до полного забвения о Боге) обращали на вырабатывание и приобретение средств, увеличивающих эту силу; здесь, напротив, вырабатывалось и развивалось совершенно иное, более возвышенное направление, которое, пробуждая в людях смиренное сознание человеческой беспомощности и греховности, устремляло их помыслы к верховному Покровителю, давшему падшим людям обетование будущего избавления. Направление это заявило о себе уже при сыне Сифа – Еносе: «Тогда, – говорит библейская летопись, – начали призывать имя Господа Бога (Иеговы)». Это, конечно, не значит, что до этого времени совершенно не было в употреблении молитв как призывания Бога. Религия стала выражаться во внешних формах, а следовательно, и в молитве, еще при первых сыновьях Адама – в приношении Богу дара. Выражение это означает лишь то, что теперь в поколении Сифа призывание имени Господа Бога сделалось открытым

исповеданием их веры в Бога, знаменем, которое отличало их от Каинова поколения с его грубым безверием и нечестием. Высшим выразителем и представителем этого направления явился Енох, который «ходил перед Богом», т. е. во всей своей жизни отражал высоту первоначальной человеческой чистоты и святости. Вместе с тем, он первый сознал, к какой бездне порочности и греховности может привести каиновское направление, и выступил первым проповедником и пророком, предвозвещавшим Страшный суд Божий над «нечестивыми». «Се, – говорил он, – идет Господь со тьмами святых Ангелов Своих – сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники» (Иуд 14–15). В награду за это высокое благочестие и великую веру Бог «взял его» с грешной земли и тем освободил от вызванной грехом смерти (Евр 11:5).

Новое поколение, в котором проявилось противоположное каиновскому направление, будучи носителем истинной религии и связанного с ней обетования, естественно, должно было стать тем корнем, из которого надлежало развиваться всему дереву человечества. И оно действительно стало им. Ход исторического развития, начинаясь от первого человека и разделяясь на два течения, главнейшим своим руслом направился в сторону этого именно поколения. В этом поколении выступают один за другим те великие представители первобытного человечества или патриархи, которые, крепкие духом и телом, призваны были долговечным трудом вырабатывать и сохранять начала, долженствовавшие лечь в основу жизни всех дальнейших поколений. Для успешнейшего осуществления своего назначения они, по особому промыслу Божию, наделены были необыкновенной долговечностью, так что каждый из них почти целое тысячелетие мог быть живым хранителем и истолкователем вверенного им обетования.

Первый человек Адам, этот первый виновник совершившегося в истории человечества переворота и первый свидетель великого обетования о Спасителе, жил 930 лет; его сын Сиф – 912 лет; сын Сифа Енос – 905 лет; представители последующих поколений: Каинан – 910 лет, Малелеил – 895, Иаред – 962, Енох, жизнь которого прервана взятием на небо, – 365, Мафусал – 969, Ламех – 777 и сын последнего, Ной, – 950 лет. Об этой необычайной долговечности патриархов единогласно свидетельствует предание всех древних народов. При суждении о ней нужно иметь в виду, что они были близкие потомки только что созданных людей (и притом созданных бессмертными), естественные условия жизни были отличны от нынешних, сама жизнь была проста и естественна, да и вообще в состоянии природы после райского ее состояния не вдруг произошли те перемены, которые сделали ее влияние часто разрушительным для жизни. Еще и теперь продолжительность жизни человеческой достигает до 200 лет и между африканскими арабами, по свидетельству путешественников, даже не редко. Почему же нельзя считать возможной более чем в 200 лет продолжительность жизни в первобытное время, когда первобытные ископаемые останки указывают на грандиозные размеры и исполинскую крепость живших тогда существ? Доказано, что некоторые животные, и особенно птицы, и теперь живут 300–400 лет. Не невозможно поэтому, что и человек в стране своего первоначального происхождения и при образе жизни, более сообразном с природой, чем теперь, мог жить так долго, как именно свидетельствует летопись библейская.

Летосчисление жизни патриархов служит основой и для общего определения жизни человечества на земле, для установления хронологии первобытной истории. Построение ее облегчается и упрощается тем, что счет лет патриархам ведется в библейской летописи троякий: 1) от начала жизни до рождения первого сына, 2) от рождения первого сына до конца жизни и 3) число лет всей жизни.

Особенно важен первый счет. Он дает возможность провести непрерывную линию лет от Адама до всякого последующего патриарха: следует только складывать годы каждого, прожитые до рождения первого сына. Так, Адаму было 130 лет, когда у него родился сын Сиф, Сифу было 105 лет при рождении Еноса, Еносу было 90 лет при рождении Каинана. Сумма

этих лет составит период от сотворения Адама до рождения Каинана: $130 + 105 + 90 = 325$ лет. Тем же способом можно определить количество лет от Адама до Ноя, от которого началась новая эпоха в истории человечества[2]2

По еврейскому тексту счисление представляется в таком виде: Адам – 130, Сиф —105, Енос – 90, Каинан – 70, Малелеил – 65, Иаред – 162, Енох – 65, Мафусал – 187, Ламех – 182, Ной – 500, Сим до потопа – 100. Сумма этих цифр – 1656 – составляет количество лет от сотворения Адама до потопа.

[\[Заккрыть\]](#).

	Еврейский текст			Самаританский текст			Греческий текст		
	Лета до рождения Первого сына	Остаток лет	Вся жизнь	Лета до рождения Первого сына	Остаток лет	Вся жизнь	Лета до рождения Первого сына	Остаток лет	Вся жизнь
Адам	130	800	930	130	800	930	230	700	930
Сиф	105	807	912	105	807	912	205	707	912
Енос	90	815	905	90	815	905	190	715	905
Каинан	70	840	910	70	840	910	170	740	910
Малелеил	65	830	895	65	830	895	165	730	895
Иаред	162	800	962	62	785	847	162	800	962
Енох	65	300	365	65	300	365	165	200	365
Мафусал	187	782	969	67	653	720	187 (167)	782	969
Ламех	182	595	777	53	600	653	188	565	753
Ной	500	–	–	500	–	–	500	–	–
До потопа	100	–	–	100	–	–	100	–	–
Год потопа	1656	–	–	1307	–	–	2262	–	–

Но при видимой простоте летосчисление представляет почти неразрешимые трудности в другом отношении. Чтобы установить хронологию этой первобытной эпохи, необходимо еще предварительно найти прочную опору в самом счете лет жизни патриархов – как всей, так и до рождения первого сына, так как этот счет значительно разнится в трех наиболее древних и авторитетных текстах библейской летописи: еврейском, самаританском и греческом. Разницу эту можно видеть из сравнительной таблицы, приведенной выше.

Над разрешением и соглашением этого различия в счете лет трудились многочисленные толкователи, но до сих пор дело не выяснено с достаточной полнотой.

Делались всевозможные предположения. Одни объясняют эту разницу из случайных ошибок переписчиков священных книг; другие в отступлениях самаританского текста видят последовательное стремление к уменьшению невероятной будто бы долговечности патриархов, а в отступлениях греческого текста от еврейского – стремление семидесяти толковников подвести библейское летосчисление под формы египетского; иные, наконец, в уменьшенных показаниях еврейского текста видят преднамеренное искажение текста иудеями, желавшими этим доказать, что еще «не пришло исполнение времен», которое по древнему пророчеству должно было совершиться на шестой тысяче лет от сотворения мира.

Больше вероятности имеют первое и последнее предположения, хотя, быть может,

существовали и другие причины, еще неоткрытые наукой.

Во всяком случае, показания греческого перевода имеют за себя больше оснований, и они легли в основу летосчисления, принятого православной церковью и поддерживаемого многими знаменитыми учеными-исследователями. По этому летосчислению рассмотренный период обнимает (до потопа) 2 262 года.

Период второй

От потопа до Авраама

V

Потоп

Необычайное долголетие патриархов было необходимо в первобытной истории человечества как для скорейшего заселения земли и распространения полезных познаний, так и особенно для сохранения чистоты первоначального богопочтения и веры в данное первым людям обетование Избавителя. Патриарх каждого поколения мог передавать свои знания в течение целых столетий родоначальникам других поколений, которые, в свою очередь, передавали их далее в течение новых столетий. Так, Адам мог быть живым свидетелем первобытных преданий до самого рождения Ламеха, а отец последнего Мафусал – долговечнейший из людей – жил почти до самого потопа и умер за шесть лет до его наступления^[3]³. По еврейскому тексту – в самый год наступления потопа.

[\[Закрыть\]](#).

Но, с другой стороны, долголетие могло служить и удобнейшим средством умножения и распространения зла в человечестве. При необычайной редкости случаев смерти, с ее ужасами, совесть людей лишена была одного из страшнейших предостережений; затем сообщество злых людей содействовало умножению зла и порока, а кажущаяся отдаленность суда или избавления могла придавать смелость самому дерзкому неверию и кощунству. И вот, действительно, зло стало сильно разрастаться в мире; но высшего своего развития оно достигло вследствие смешения между собой потомков Каина и Сифа, и именно, когда по грубому влечению чувственности «сыны Божии (потомки Сифа) увидели дочерей человеческих (из потомства Каина), что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». В это время земля была уже значительно населена, но вместе с заселением ее распространилось страшное зло порочности и развращения. «И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время». Это, очевидно, была не простая порочность испорченной натуры, а всеобщее господство открытого и дерзкого греха и восстания против Бога. От преступно сладострастного общения потомков Сифовых с потомками Каиновыми произошло поколение «исполинов на земле», слагаясь на свою силу, они внесли в человеческое общество ужасы насилия, бесправия, хищничества, сладострастия и всеобщего неверия в обетование будущего избавления. Когда поколение Сифа жило обособленным, оставалась еще надежда на сохранение истинной религии и связанного с нею обетования, а теперь погибла и эта надежда, и оставался единственный исход для искоренения порока и неверия на земле – истребить все существующее человечество. И вот, при виде такого состояния людей, «раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь, истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их». Как созданные одновременно с человеком и для человека, животные постоянно должны разделять участь человека.

Но волны порока еще не залили всего человечества. Среди него оказался человек, который

«обрел благодать перед очами Господа Бога». Это был Ной, сын Ламеха, «человек праведный и непорочный в роде своем»; он «ходил перед Богом», как и его предок Енох. И вот, когда земля «растлилась перед лицом Божиим и наполнилась злодеянием», когда «всякая плоть извратила путь свой на земле», Господь сказал Ною: «Конец всякой плоти пришел перед лице Мое, и Я истреблю их с лица земли. Сделай себе ковчег. Я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни. Но с тобою поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою». Откровение было страшное и ввиду того, что кругом царило самое дерзкое неверие, служило сильным испытанием веры. Бог назначил сто двадцать лет на раскаяние человеческому роду, и в это время Ной должен был приступить к своему необычайному сооружению, которое могло вызывать у окружающих людей лишь насмешки и угрозы. Но вера его была непоколебима.

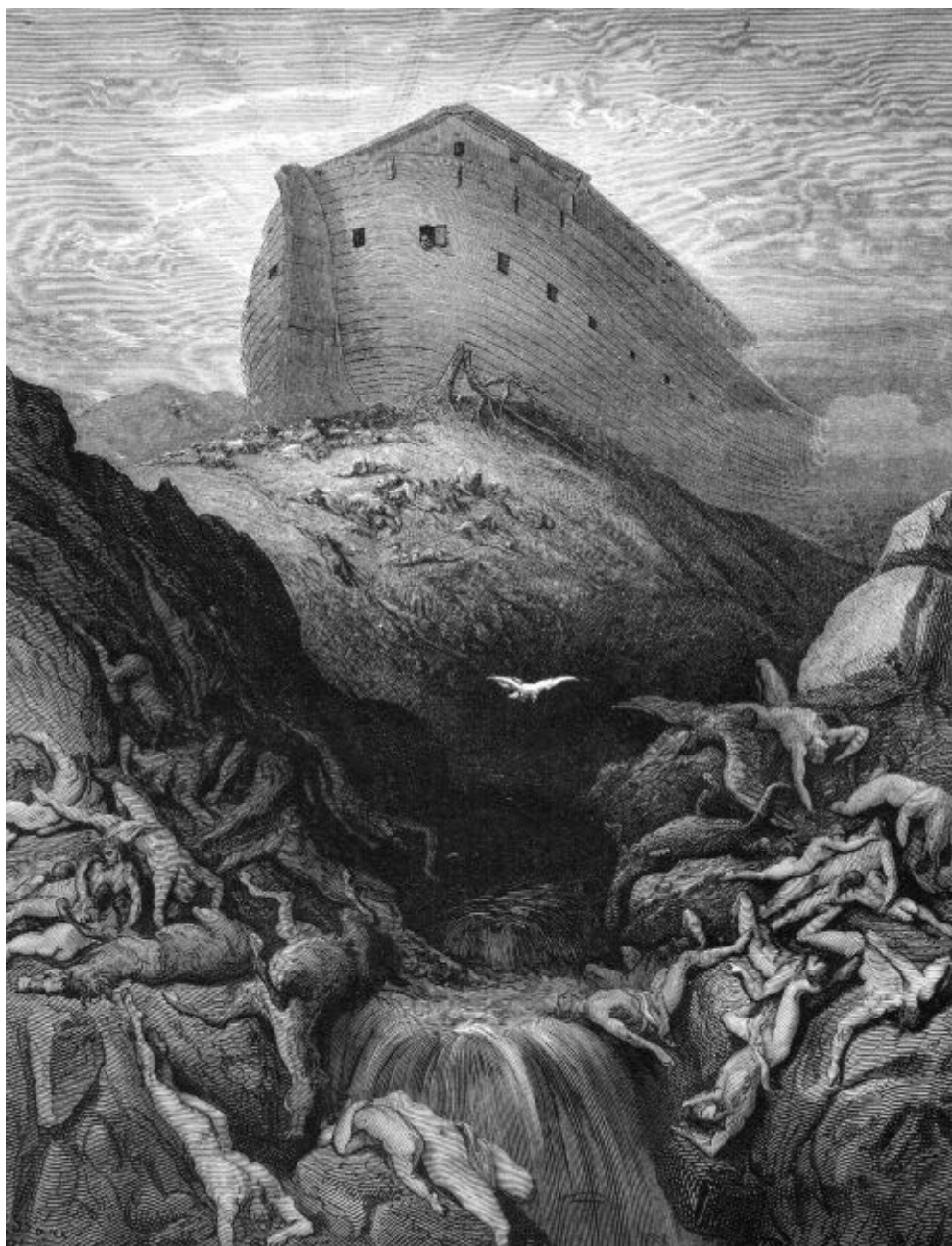
Ной был не только наследником праведности и веры, но и проповедником ее на земле, и, «получив откровение о том, что еще не было видимо» (Евр 11:7), приступил к сооружению ковчега для спасения дома своего, обличая своей проповедью весь мир с его неверием и беззаконием. Ковчег строился по точному указанию Божию – из дерева гофер, что более всего подходит к кипарису, и был осмолен внутри и снаружи. Длина ковчега была 300 локтей, ширина 50 локтей, и высота 30 локтей[4]4

Если считать локоть в 21 дюйм (т. е. 12 вершков), то это составит 525 футов длины, 87BS ширины и 52 BS высоты. По вычислению бл. Августина (о граде Божиим 15:26), размеры ковчега в его трех измерениях были те же, что и пропорциональные размеры нормального человеческого тела, «длина которого от подошвы до маковки в шесть раз более ширины груди и в десять раз более толщины или глубины лежащей фигуры человека, измеряемой по прямой линии от земли». В 1609 г. один голландец, Петр Янсен, в Гоорне построил корабль как раз по форме Ноева ковчега, и оказалось, что при такой форме корабль представляет гораздо большую вместительность (именно на одну треть), чем при обычной форме построения кораблей.

[Закреть]. Наверху было сделано длинное отверстие по всему ковчегу – в локоть ширины, для света и воздуха, а сбоку дверь. Он должен был состоять из трех ярусов, со множеством отделений в них. Последние предназначались для животных, которых Ной также должен был взять с собой (по семи пар чистых и по одной нечистых), а также и для жизненных припасов. «И сделал Ной все, что повелел ему Господь Бог». Несомненно, во время этой величественной постройки Ной продолжал вместе с тем «проповедовать праведность», особенно, когда это вызывалось присутствием любопытствующих и насмехающихся людей беззакония, приходивших смотреть на его построение. Но самой красноречивой и громкой проповедью было это самое сооружение. Долготерпение Божие все еще ожидало пробуждения покаяния и во время самого построения ковчега, но все было напрасно. Издеваясь над проповедью и грозным предостережением, люди становились еще более беззаботными и беззаконными. Они «ели, пили, женились и выходили замуж до того, как вошел Ной в ковчег; и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех» (Мф 24:38–39). Ко времени окончания построения ковчега Ною было шестьсот лет, и тогда, не видя больше надежды на покаяние грешного человечества, Господь повелел Ною войти в ковчег со всем своим семейством и определенным количеством животных. «Ибо чрез семь дней, – сказал Он, – Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли». Ной повиновался и вошел в ковчег со своими тремя сыновьями Симом, Хамом и Иафетом, со своей женой и женами своих сыновей, захватив и всех отобранных животных, и «Господь затворил за ним ковчег». И вот, когда прошли и эти семь дней, прошел последний срок, данный для покаяния, «воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый (27) день месяца (т. е. по нашему счислению, если здесь имеется в виду гражданский еврейский год – около начала или половины ноября) разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок

ночей».

Так совершилось великое наказание Божие развращенному и утопавшему во зле человечеству. Вода быстро затопляла все и поднималась все выше и выше, на пятнадцать локтей покрывая даже высочайшие горы. «И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности (всей) земли; остался только Ной, и что было с ним в ковчеге». Вода же прибывала в течение ста пятидесяти дней или пяти месяцев. Вся поверхность земли покрылась водой, и по этому необъятному морю носился только один ковчег Ноев, заключавший в себе лишь избранное семя для развития новой жизни на земле. «И вспомнил Бог о Ное и о всех бывших с ним в ковчеге, и навел Бог ветры на землю, и воды остановились». Источники бездны закрылись, дождь прекратился, и вода пошла на убыль. Ровно через пять месяцев с начала потопа ковчег остановился на горах Араратских. В первый день десятого месяца показались верхи гор, а еще по прошествии сорока дней Ной уже открыл окно в ковчеге, и выпустил первого вестника – ворона, который, однако же, вылетев и найдя, видимо, обильную для себя пищу в трупах на вершинах обнажившихся гор, не дал ясного извещения о состоянии земли, а неопределенно отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды». Выпущенный затем голубь, не найдя сухого места, возвратился в ковчег, выпущенный опять через семь дней он возвратился со свежим масличным листом во рту, и Ной таким образом «узнал, что вода сошла с земли». Выпущенный еще через семь дней голубь уже не возвратился. Тогда Ной открыл кровлю ковчеге и увидел, что поверхность земли обсохла, а к двадцать седьмому дню второго месяца шестисот первого года жизни Ноя, т. е. ровно через год со времени наступления потопа, и совсем осушилась.

Ной выпускает голубя

Тогда Господь повелел Ною выйти из ковчега и распустить животных для размножения на земле. По выходе из ковчега первой мыслью Ноя было воздать благодарение Господу за столь чудесное спасение; он воздвиг жертвенник Господу, взял чистых животных и птиц и принес их во всесожжение. Такое благочестие Ноя было приятно Господу и «Он сказал в сердце Своем: не буду более проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его, и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся».

Так как Ной со своим семейством являлся новым родоначальником человечества на земле, то Бог повторил ему благословение, некогда данное первым людям. «И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, (и обладайте ею)». Все звери были приведены человеку в подчинение, и ему разрешено было кроме растительной пищи употребление в пищу и мяса животных, но не крови их, потому что «в крови животных душа их». В то же время дан был закон против человекоубийства – на том основании, что все люди братья, и потому всякое убийство есть братоубийство, и что человек создан по образу

Божью. Первый убийца был изгнан из общества людей, но жизнь его объявлена неприкосновенной; теперь было постановлено, что «кто прольет кровь человека, того кровь прольется рукою человека». Этим законом устанавливалось право гражданской власти наказывать убийц смертью. Таким образом, к установлению субботы и брака было присоединено три новых постановления – о воздержании употребления крови, о запрещении убийства и о праве гражданской власти. Это так называемые «Ноевы законы», которых иудеи насчитывали семь, прибавляя к ним еще постановление против идолопоклонства, богохульства, распутства и воровства. Наконец, в завершение этих отдельных постановлений, Бог заключил с Ноем торжественный завет, т. е. один из тех договоров, которыми Он из любви к людям принимал на Себя известные обязательства, чтобы посредством их и на человека возложить спасительные для него обязательства. В силу этого завета Он торжественно обещал Ною, что «не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на истребление земли», и знаменем этого завета была указана радуга, появляющаяся в небе после дождя в знак того, что это не дождь потопа, а дождь благословения.

С историей потопа связываются некоторые недоумения, которые заставляют иногда перетолковывать ее действительный смысл. 1) Так, некоторые считают невозможным разуместь здесь в собственном смысле всемирный потоп, покрывший всю землю, и понимают его всемирность лишь в смысле всеобщего погубления людей в тех странах, на которых они успели дотоле расселиться. Но такое ограничение ничем не оправдывается, хотя оно и не непримиримо с прямыми библейскими выражениями, и, напротив, опровергается геологическими следами потопа в самых отдаленных частях земной поверхности. Притом, и науке известны такие перевороты на земле, когда целые материки покрывались водой, как например, материк Атлантида, закрытый теперь Атлантическим океаном. Если такие явления возможны в силу естественных переворотов, то тем понятнее становится в полном смысле всемирный потоп как страшное Божие наказание для истребления жизни на грешной земле. 2) Если допустить всемирность потопа, то будто бы немислимо было собрать все породы животных в том помещении, какое представлял Ноев ковчег. Но нужно иметь в виду, что в ковчег могли быть взяты лишь такие породы, которые решительно не могли пережить потопа и просуществовать в воде даже в виде зародышей и семени, чтобы после возродиться из них от солнечной теплоты; затем, по теперешнему разнообразию пород нельзя судить о породах допотопных, которых было несравненно меньше; и, наконец, многие породы несомненно прямо были обречены на истребление, как например, все те страшные допотопные чудовища (мамонты, мастодонты и пр.), останки которых находят в слоях земли и которые теперь не существуют в действительности. Таким образом, за исключением всего этого останется уже не так много, чтобы не поместиться в ковчег, с которым по величине и вместительности не может сравниться ни один даже из теперешних исполинских кораблей, плавающих по океанам. Что же касается, вообще, истинности истории потопа, то она находит поразительное подтверждение во всеобщности предания различных и самых отдаленных между собой народов. Как и естественно, предания различных народов в подробностях переполнены легендарными сказаниями, имеющими местный оттенок, но общий смысл их указывает на один общий потоп, погубивший все грешное человечество, за исключением одного благочестивого семейства. Такие предания мы встречаем у греков и народов Восточной и Западной Азии, встречаем даже у туземцев Америки и на самых отдаленных островах Океании. Но самое интересное и сходное с библейским повествование найдено у древних вавилонян. Это – халдейское повествование, подлинник которого недавно открыт и прочитан на каменных плитах из развалин Ниневии. Оно даже в подробностях подтверждает истинность библейского повествования. Все эти предания как бы указывают на один общий источник, откуда они разнесены были отдельными племенами при расселении их по всем странам земли.

VI

Потомки Ноя. Родословие народов. Столпотворение Вавилонское и рассеяние народов. Начало идолопоклонства

После потопа опять началась обыденная жизнь, с ее обычными заботами и трудами. Ной был примером благочестия, трудолюбия и других добродетелей для своих детей. Но истинно слово Божие, что «помышление сердца человеческого – зло от юности его», и сам праведный Ной вскоре показал своим сыновьям и пример порочной слабости. Он рассадил виноградник, воспользовавшись для этого, по иудейскому преданию, отростком лозы, высунувшейся из ограды райской. Не знал ли он действия плода виноградного, или в употреблении его проявилась в нем склонность к пороку, отличавшему погубленных потопом людей, которые неумеренно «ели и пили», во всяком случае он опьянел и повалился в неблагопристойном положении – «обнаженным в шатре своем», чем вызвал непочтительное и насмешливое отношение к себе со стороны своего сына Хама. Только другие сыновья – Сим и Иафет отнеслись к нему с почтением и прикрыли его. Узнав об этом, Ной выразил свои чувства в словах, которые получили пророческое значение для судьбы потомков его сыновей. Первобытное состояние общества было патриархальным. Патриарх, т. е. глава рода, имел над своими детьми и их потомками неограниченную власть, принадлежавшую впоследствии царю; он был в то же время священником, который приносил жертвы, и пророком, как хранителем истинной религии и провозвестником будущих судеб. Поэтому сказанное Ноем своим сыновьям действительно имело решающее значение для их будущей судьбы. Хам за его непочтение к своему родителю и патриарху был проклят в лице своего сына Ханаана; Сим благословлен как представитель истинного благочестия, а Иафету предсказано необычайное распространение на земле, и обоим им Ханаан отдан в рабство. Смысл этого пророчества таков: земля будет разделена между людьми и наибольшее пространство займут потомки Иафета; истинная религия сохранится в потомстве Симеона; в определенные времена он покорит себе землю Ханаанскую с населяющим ее племенем, и в его стране явится Искупитель мира. Потомки Иафета также вселятся в шатрах Симеоновых, т. е. войдут в землю Ханаанскую, как символ основанной в ней истинной церкви.

Сам Ной после потопа жил еще 350 лет и умер 950 лет от роду, будучи последним представителем допотопной долговечности. Больше о нем ничего не сообщается в библейской летописи, которая переходит к описанию дальнейшей судьбы его потомков. Земля была разделена на три части между потомками трех сыновей Ноя. Потомки Симеона заняли Азию, по преимуществу Аравийский полуостров с прилегающими странами; потомки Хама поселились почти исключительно в Африке с отпрысками в соседние страны Азии, и потомки Иафета заселили всю обитаемую в то время северную полосу земли, идущую от колыбели послепотопного человечества через Малую Азию в Европу, по северному берегу Средиземного моря. На происхождение населения этих стран света от трех сыновей Ноя указывает то обстоятельство, что многочисленные языки, на которых говорят народы и племена в этих частях света, наука сводит к трем основным корням, несомненно имеющим свое общее начало в первобытном языке, каким он был до «смешения языков». В частности, из потомков Иафета можно указать произошедшие от его сыновей и внуков народы: от Гомера – кимвры, от Магога – скифы, от Мадея – мидяне, от Иавана – греки (ионяне), от Фираса – фракийцы и так далее. От Симеона произошли все семитские народы, населявшие Аравию и другие соседние страны Азии. Он был «отец всех сынов Евровых», т. е. племен и народов, родственных народу еврейскому. Наконец, из сыновей Хама Хуш (или Куш) был родоначальником населения Ефиопии, Мицраим – Египта, Фут – Ливии и Ханаан – населения земли Ханаанской, или Палестины.

Вавилонская башня

Потомство Хамово поселилось почти исключительно в Африке, кроме Ханаана, который занял Палестину и впоследствии был отчасти изгнан из нее израильянами. Но был еще один потомок Хамов, который также поселился в Азии. Это именно Нимрод, сын Хуша, основатель Вавилонского царства и покоритель Ассирии. Это был «сильный зверолов», но по своему характеру он напоминает первого строителя городов – Каина с его ближайшим потомством. Он основал город (Вавилон), который быстро разросся в большую, гордую столицу, ставшую во главе многочисленного населения с целым рядом других соседних городов. Неудивительно, что такой успех наполнил Нимрода и его потомков необычайной гордостью. Они начали мечтать об основании всемирной монархии, чтобы объединить под своей властью все народы земли и господствовать над ними вопреки воле Божией, определившей им быть рабами. И вот с этой целью основав могущественный город в земле Сennaар, как в древности называлась Месопотамия, они составили совет, на котором порешили в знак своего политического могущества и в выражение своей гордости построить «башню, вышиною до небес». Предприятие, очевидно, было безумное и неисполнимое, но оно в то же время было преступное и опасное: преступное потому, что вытекало из гордости, граничившей с самонадеянностью и

отвержением Бога, и опасное потому, что исходило из среды проклятого и неблагословенного потомства Хамова. Успех его в этом деле мог пагубно повлиять на остальные народы и таким образом заразить и их преступной самонадеянностью и нечестием. И вот, когда закипела работа, обжигались кирпичи и приготавливалась земляная смола, Господь порешил наказать их за безумное предприятие. «И сказал Господь: вот один народ, и один у всех язык, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речь другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». Около местоположения Древнего Вавилона и теперь высятся громадные развалины какой-то исполинской, в семь разноцветных этажей башни, называемой Бирс-Нимруд, т. е. «Башней Нимрода», и предание иудейское видит в ней именно ту башню, построением которой до небес племя Хамово хотело прославить свое имя. Что касается «смешения языков», то не нужно отождествлять его с происхождением языков. Мы не знаем, в чем состояло это смешение, или какие начатки языка различные народы понесли с собой при рассеянии. Несомненно, что в это именно время произошли главные особенности, которыми отличаются различные классы языков, и что строители рассеялись потому, что не могли уже понимать друг друга. Но это не значит, что тогда сразу образовались языки, какими они существуют теперь. Сравнительное языкознание открывает в строении и развитии языков стройные и чудесные законы, чуждые всякого беспорядочного смешения. Смешение могло состоять в различном выговоре и сочетании слов (достаточном для взаимного непонимания), и по расселении в различные страны на основании этих особенностей уже выработались отдельные языки.

Так как нечестивое потомство Хамово, забывшее Бога и всецело полагавшееся на себя, не замедлило бы привить отличавшее его безбожие всем другим племенам и народам, которые оно хотело объединить под владычеством Вавилона, то с рассеянием народов была предотвращена опасность быстрого распространения этого зла. Но задатки самого зла все-таки остались, «потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его». Расходясь все дальше и дальше от первоначальной колыбели человечества и тех родоначальников, которые хранили истинную веру в Бога и связанные с нею истины, и встречаясь со множеством невиданных предметов и опасностей, народы мало по малу стали всецело сосредоточиваться на этих ближайших предметах; у них затемнялась память об общих преданиях предков, а вместе с тем затемнялось и самое понятие о Боге. Среди множества трудностей и опасностей им нужен был такой Бог, который был бы вблизи их и к которому можно бы прибегать за помощью при всяком наличном бедствии. Между тем Бог отцов их был для них невидим и лишь неясно предносился их воображению. Ввиду этого они легко могли перейти к боготворению чего-нибудь такого видимого, что могло особенно поражать их воображение своим величием, красотой, пользой или страхом. Так произошло идолопоклонство или язычество, которое есть не что иное, как отвержение невидимого и суеверная привязанность к видимому. Вместо невидимого Творца и Промыслителя человек стал боготворить видимое – прежде всего, быть может, солнце, луну и звезды, как благодетельные светила, дававшие жизнь и руководившие в странствовании, затем предметы окружающего неодушевленного и одушевленного мира (полезных или страшных животных), и, наконец, выдающихся чем-нибудь людей, которые в качестве героев делались полубогами и по смерти переходили в сонм богов. Боготворение видимого неба (сабеизм), видимой и особенно одушевленной природы (зоотеизм) и человека (антропотеизм) составляет три главные ступени язычества и как внешнего его выражения – идолопоклонства. Эти три вида идолопоклонства нашли впоследствии наиболее резкое выражение в трех отдельных странах – Месопотамии, Египте и Греции. Правда, человек не удовлетворялся таким грубым идолопоклонством и кроме всех видимых богов постоянно признавал над всеми и даже над богами господство высшей, неумолимой судьбы (в чем нельзя не видеть неясных следов воспоминания о едином всемогущем Боге-Промыслителе), но идолопоклонство уже по самой своей сущности приковывало ум к грубо чувственным предметам и отвлекало от всего сверхчувственного. Чувственные божества заставляли

боготворить в них чувственные силы и свойства, и с распространением нечестия дело дошло до того, что люди стали боготворить и освящать в своих чувственных божествах даже грубые пороки, подражание которым и ставилось в религиозный долг.

И вот таким образом вместо истинного благоговения и богочтения на земле распространилось грубое идолопоклонство и нечестие. Волны греха и суеверия опять затопляли землю и опять грозили окончательно погубить и искоренить истинную религию с ее основным корнем, заключавшимся в великом обетовании будущего Спасителя мира от рабства греху и нравственной смерти. Правда, на земле среди всеобщего идолопоклонства и нечестия оставались еще отдельные лица, которые сохраняли истинную веру. Но окружающая среда скоро могла увлечь и их общим потоком нечестия. Поэтому, чтобы сохранить семена истинной веры для будущего, необходимо было выделить какого-нибудь носителя их из среды беззакония и сделать его избранным отцом и родоначальником нового поколения верующих. Так и устроено было благим промыслом Божиим.

Это было через 352 года после потопа по еврейскому счислению и через 1207 – по греческому. Последнее счисление представляется более вероятным, так как дает больше исторического пространства для совершения изложенных важных событий.

	Еврейский	Греческий	Самаританский
Арфаксад	35	135	135
Каинан	—	130	—
Сала	30	130	130
Евер	34	134	134
Фалек	30	130	130
Рагав	32	132	132
Серух	30	130	130
Нахор	29	79	79
Фарра	70	70	70

Разногласие в определении этого времени зависит от того, что единственными данными для его определения служат лета послепотопных патриархов, показания которых опять значительно расходятся в главных текстах библейской летописи. Родословие послепотопных патриархов начинается Сим, у которого через 2 года после потопа родился Арфаксад. В этом показании сходятся все три текста, и потому разницу в показании лет следующих патриархов до рождения ими первого сына можно видеть из приведенной выше таблицы.

Из этой таблицы видно, что в показаниях лет послепотопных патриархов греческий и самаритянский тексты сходятся между собой, а еврейский уклоняется от них, последовательно умаляя цифру на сто лет и в показании лет Нахора на 50 лет. Такое отступление явно указывает на преднамеренное сокращение лет, и даже целых поколений, так как в еврейском тексте совершенно не значится Каинана. Ввиду полного согласия греческого и самаритянского текстов, показание их получает больше достоверности сравнительно с еврейским.

Период третий
От избрания Авраама до смерти Иосифа и заключения патриархальной эпохи

VII
Избрание Авраама. Переселение его в землю Ханаанскую и жизнь его в этой стране. Завет Бога с Авраамом и обетование сына

В южной части Месопотамии, в так называвшейся в древности Халдее, на правом берегу Евфрата, верстах в десяти от него находится деревня Мугейр, основанная на развалинах

древнего города, остатки которого видны еще и теперь. Город этот, как видно по надписям на памятниках, был Ур, называвшийся по месту своего положения Халдейским. В древнее время он находился гораздо ближе к берегу Персидского залива, от которого теперь отделяет его большая полоса наносной земли, и вел обширную морскую торговлю. Местность кругом была плодородная, промышленность оживленная и население (по преимуществу кушитского происхождения), отличавшееся мирным промышленным характером, пользовалось полным благосостоянием и стояло на высокой ступени цивилизации. Особенно развито у них было строительное искусство, и остатки больших сооружений и теперь возбуждают удивление в исследователях. Необычайная прозрачность воздуха, в котором звезды скорее пылают, чем просто светят, дала повод к раннему наблюдению над небесными светилами, и астрономия с сродной ей астрологией была любимым предметом особого класса ученых, которые занимались также изучением математики, законодательств и способов государственного управления. Письменность уже хорошо была известна, и существовали даже целые библиотеки, хотя вместо книг служили глиняные доски с изображенными на них письменами. Из промышленных искусств известны были особенно производство тканей, обработка металлов и гравирование. К несчастью, вся эта богатая цивилизация насквозь пропитана была самым грубым идолопоклонством с неразлучным с ним нечестием. Вместо жертвенников истинному Богу повсюду возвышались храмы и капища идолам, служение которым часто принимало грубо чувственный и постыдный характер. Главными божествами считались солнце и луна, за которыми следовали другие второстепенные божества, как меньшие планеты и звезды. Им строились храмы, посвящались города, делались с них изображения, получавшие значение домашних богов (терафимы), которым вверялось охранение благосостояния отдельных семейств. В эту-то страну идолопоклонства переселился один из последопотопных патриархов, именно сын Нахора – Фарра. Отдаленным предком его был Евер, который происходил по прямой линии от Сима, сына Ноева. Происходя от такого славного рода и будучи прямым его представителем, Фарра крепко держался отеческих преданий: хранил не только истинную веру в Бога и связанное с нею обетование, но и все законы Ноевы. Неизвестно, что именно побудило его переселиться в Халдею; но во всяком случае известно, что он поселился в Уре и жил там значительное время. У него образовалось там собственное семейство, состоявшее из трех сыновей – Аврама, Нахора и Арана, которые в свою очередь поженились, и у последних двух были свои дети, а жена Аврама Сара (сестра ему по отцу, но не от родной матери) была бесплодна.

Положение этого семейства в идолопоклоннической стране несомненно было тяжелое. Кругом царило самое омерзительное идолослужение. Самый Ур Халдейский был даже центром местного идолопоклонства и славился своими храмами идолам, среди которых самым почитаемым была луна. Все это так тяготило благочестивое семейство Фарры, что он, не видя возможности долее оставаться в идолопоклоннической и нечестивой стране, жители которой быть может к тому же враждебно относились к нему за его истинную веру и непоклонение идолам, намеревался совсем оставить ее и переселиться в землю Ханаанскую.

Но различные связи со страной все-таки удержали его от этого, и он переселился лишь в другой халдейский город Харран, где и остановился. Между тем, окружающая среда не осталась без влияния и на это благочестивое семейство: сам Фарра к концу жизни по-видимому поддался идолопоклонству (1 Ис Нав 24:2), и таким образом опасность угрожала вере даже и в этом благочестивом семействе. Тогда Господь определил взять из этого семейства человека, чтобы сделать его Своим избранным орудием в деле сохранения истинной религии в мире. Божественный выбор пал на Аврама. Это был несомненно самый верующий и благочестивый член в семействе, и, по иудейскому преданию, он еще в детстве проявил необычайную преданность истинной религии. Будучи еще отроком, Аврам при виде окружающего его грубого идолопоклонства тревожно занят был великим вопросом, правильно ли поступают люди, боготворя небесные светила. Однажды, говорит предание, озирая землю и взглянув на небо, отрок Аврам начал думать, кто бы мог сотворить все это. Вот взошло солнце во всем

своим блистательным великолепием, и он подумал, что должно быть это и есть Создатель всего, и он поклонился ему и боготворил его целый день. Когда, однако же, с наступлением вечера солнце закатилось, Аврам усомнился, чтобы так мог помрачаться Создатель всего. Но вот на востоке поднялась в своем чарующем блеске луна, и вокруг ее засверкали бесчисленные звезды. «Поистине, – закричал отрок, – это творец вселенной, и звезды его слуги!» – и он поклонился луне и обоготворил ее. Однако же и луна медленно скатилась на запад, звезды померкли, и вновь на восточном небосклоне поднялось дневное светило. Тогда сказал Аврам: «Нет, не может быть, чтобы какое-нибудь из этих небесных светил могло быть создателем мира; они повинуются только воле Невидимого, которому они и обязаны своим существованием: Его-то отселе я и буду только боготворить, Ему-то я и буду только поклоняться». И этой истинной веры он неизменно держался до того момента, когда промысел Божий сделал его своим избранным.

И сказал Господь Авраму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего, (и иди) в землю, которую Я укажу тебе». Чтобы ободрить его в этом подвиге, Господь тотчас прибавил великое обетование: «И Я произведу из тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение. И благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные». Авраму было в это время семьдесят пять лет от роду, он был женатый человек и хотя не имел детей, все-таки уже вполне устроился на своей родине; поэтому, чтобы оставить все и идти в неизвестную землю, требовалась сильная вера в голос откровения. Но Аврам был силен верой, в доме отца он мужественно боролся против вторжения идолопоклонства, и теперь, слыша такое великое обетование, выше которого в патриархальное время и для верующего человека ничего и не могло быть, он «верою повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная куда идет» (Евр 11:8). Взяв свою жену и племянника Лота (оставшегося сиротой после своего отца Арана) и захватив свои стада с состоящими при них домочадцами, Аврам переправился на правый берег Евфрата и направился по сирийской пустыне в Дамаск, где нашел себе верного слугу Елеазара, и затем, перейдя реку Иордан, вступил в землю Ханаанскую и раскинул свой шатер у дубравы МореМГ, близ Сихема, в одном из самых благодатных мест страны. И там ему вторично явился Господь и подтвердил, что Он отдаст эту землю потомству Аврама, в память чего Аврам воздвиг там жертвенник Господу. Туземцы-хананеи не особенно дружелюбно встретили пришельца, прибывшего пользоваться их пастбищами, и поэтому Аврам принужден был двинуться дальше к югу и там, остановившись между Вефилем и Гаем, воздвиг еще жертвенник Господу. Пребывание в этой гористой местности делало его безопасным от хананеев, занимавших более богатые пастбища на низменностях, но местность эта была скудна для прокормления стад. Он поэтому двинулся еще дальше к югу, пока полный голод не вынудил его совсем оставить обетованную землю и идти в житницу Древнего мира – Египет.

Египет в это время находился уже на высокой ступени цивилизации. На берегах Нила уже возвышались величественные пирамиды, как они возвышаются и теперь; были даже и памятники, свидетельствовавшие об исторической древности страны. Неограниченный правитель (фараон) принимал от своего народа божеские почести, как прямой потомок богов. Науки и искусства процветали, и имела уже значительная литература по разным отраслям знания, а особенно по анатомии и медицине. В больших богатых столицах и городах возвышались многочисленные храмы и обелиски, обложенные полированным гранитом, и повсюду можно было видеть множество сфинксов и всевозможных статуй и идолов – из камня, золота, серебра, бронзы и слоновой кости. Богатейшие и всячески разукрашенные живописью и скульптурой гробницы с покоящимися в них набальзамированными покойниками (мумиями) представляли собой целые «города мертвых». Кругом кипела самая бойкая и цветущая общественная жизнь. Фараонов дворец в Мемфисе кишел всевозможными жрецами и волхвами, состоявшими в качестве приближенных советников фараона. Знатные вельможи жили в великолепных домах, наполненных всякой челядью, всевозможными слугами и рабами,

и вся окружающая жизнь свидетельствовала о том, что Египет по справедливости заслужил название «страны чудес». Все это, несомненно, должно было немало поразить Аврама (хотя он и видел нечто подобное на своей родине, в Халдее); но он, однако, уже и раньше немало наслышался о Египте и даже отчасти знаком был с характером правления и нравами страны. Поэтому, вступая в нее, он нашел нужным принять некоторые предосторожности. Так, зная безграничный произвол и деспотический характер царей ее – фараонов, он согласился с Сарой, чтобы она выдавала себя только за сестру его, так как иначе в случае, если она понравится фараону, египтяне убьют ее мужа, что и действительно случилось, как показывают памятники Древнего Египта. Предосторожность оказалась не напрасной. Красивая Сара понравилась фараону, и он взял ее в дом свой, а своего мнимого шурина наделил богатыми подарками – «мелким и крупным скотом, и ослиами, и рабами, и рабынями, и лошаками, и верблюдами». Но «Господь поразил фараона тяжкими ударами за Сару, жену Аврамову», так что он вынужден был возвратить ее мужу и велел им оставить его страну.

По оставлении Египта Аврам опять поселился в окрестностях Вефиля, где он возобновил свое богослужение, «призывая Господа». Между тем стада Аврама и его племянника Лота умножились так, что им стало не хватать пастбищ, пастухи того и другого начали заводить из-за пастбищ споры и ссоры между собой, да и сам Лот, видимо, начал стремиться к независимости от своего дяди. Это было новое испытание веры Аврама, и он не посрамил ее. Он предложил Лоту избрать себе лучшую часть пастбищ, которую тот и избрал, взяв себе всю богатейшую окрестность иорданскую, страну, которая «вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень, как земля Египетская». Сам Аврам, веруя в лучшие обетования, остался на скудных пастбищах Вефиля, и за эту веру, соединенную с самоотвержением, Господь наградил его третьим обетованием: «Возведи очи свои, – сказал ему явившийся Господь, – и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки. Я сделаю потомство твое как песок земный; если кто может сосчитать песок земный, то и потомство твое сочтено будет. Встань, пройди по земле сей в длину и в ширину ее: ибо Я тебе дал ее (и потомству твоему навсегда)». Аврам двинул свой шатер и поселился у дубравы Мамре в Хевроне. Это было третье место стоянки Аврама в земле обетованной, и оно сделалось обычным местом его пребывания там.

Между тем Лот, отделившись от своего дяди Аврама, поселился в нижней части долины иорданской, которая в то время занята была пятью богатыми городами. Города эти Содом, Гоморра, Севоим, Адма и Бела (или Сигор) составляли союз пятиградия; каждый из них имел своего особого царя, но во главе их стоял царь Содомский. Население этих городов отличалось возмутительным растлением нравов и порочностью, омерзительными и противоестественными пороками. Но помимо этого нравственного нечестия, тревожившего еще не совсем испорченную совесть Лота, его неожиданно постигло страшное бедствие. Города эти платили дань Хедорлаомеру, царю Елама, одного из государств, соседних с Месопотамией. В тринадцатом году своего подчинения они восстали, отказались платить дань, и Хедорлаомер с тремя союзными царями двинулся для их усмирения и наказания. Против него выступил царь Содомский в союзе с четырьмя царями других городов долины. Войска враждующих сторон встретились в долине Сиддим, изобилующей множеством смоляных ям. Содомляне были разбиты и обращены в бегство, цари Содомский и Гоморрский попадали в ямы и погибли, а остальные убежали в горы. Победители захватили все имущество Содома и Гоморры с запасами их, и с большой добычей и множеством пленных двинулись в обратный поход. Среди пленников оказался и Лот, который в это, время жил в Содоме. Когда до Аврама дошло известие о таком бедствии его племянника, он немедленно вооружил своих рабов в числе 318 человек и в союзе с соседними дружественными племенами бросился в погоню за неприятелем. Застигнув его у Дана (в северной части Палестины), он с двух сторон ночью напал на беспечных победителей, разбил их, обратил в бегство, освободил всех пленных вместе с Лотом, своим племянником, и возвратил всем отнятое обратно имущество, отказавшись сам даже от подарков, принесенных ему в благодарность за освобождение новым царем Содомским.

Возвращение Аврама с этой победы ознаменовалось одним весьма замечательным событием. Навстречу ему среди других вышел Мелхиседек, царь Салимский, с хлебом и вином. Это был в то же время «священник Бога всевышнего», и он благословил Аврама именем Бога всевышнего, а Аврам дал ему десятую часть из всего. Неожданное появление и исчезновение Мелхиседека окружает его личность необычайной таинственностью. Что он был вместе и царем, и священником, это совершенно согласно с патриархальным состоянием древнего общества; но его священство, по-видимому, было выше обычного священства главы семейства, как это видно из необычайного почтения, оказанного ему Аврамом. Отсюда он сделался поразительным прообразом великого Первосвященника Нового Завета, а его история показывает, что истинная вера сохранялась еще и вне избранного семейства.

Как ни полна была победа Аврама, но она могла повлечь за собой лишь страшное мщение со стороны разбитого царя, и потому теперь Аврам более чем когда-либо нуждался в нравственном ободрении. И Господь в четвертый раз явился ему и сказал: «Не бойся, Аврам, Я твой щит; награда твоя будет весьма велика». В ответ на жалобу о бездетности со стороны Аврама, Господь дал ему обещание о многочисленном потомстве. «Посмотри на небо, – сказал ему Господь, – и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. Столько будет у тебя потомков». – «Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность». Великое обещание было подтверждено заветом, заключенным по обряду того времени при посредстве рассеченных животных, и во время напавшего на Аврама глубокого сна Господь сделал откровение о дальнейшей судьбе его потомства, именно, «что оно в течение четырехсот лет будет в рабстве и унижении в чужой земле, но выйдет оттуда с большим богатством, возвратится в Землю обетованную, и она отдана будет ему во владение – «от реки Египетской до великой реки Евфрата».

Все эти обетования требовали от Аврама великой веры, потому что осуществлению их противоречила действительность. Аврам уже приближался к преклонным летам, а все еще был бездетным. Бесплодная и менее участия принимавшая в этих обетованиях Сара, чтобы не оставить своего мужа совершенно без потомства, отдала ему свою служанку Агарь, египтянку, в наложницы. Последняя, однако, скоро возбудила ревность в своей госпоже, и Сара стала притеснять ее, так что она убежала от нее в пустыню.

Но там явился ей «ангел Господень», который велел ей возвратиться к госпоже своей и поклониться ей, обещав ей в то же время многочисленное потомство от имеющего родиться у нее сына Измаила. «Он будет, – сказал ангел, – между людьми как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он перед лицом всех братьев своих». Авраму было уже восемьдесят шесть лет, когда Агарь родила ему сына Измаила, но его вера должна была испытываться еще в течении четырнадцати лет, когда опять подтверждено ему было прежнее обетование новым торжественным уверением в многочисленности потомства, в знак чего Господь повелел ему отныне называться Авраамом – «Отцом множества народов», а Саре дал имя Сарры как матери многочисленного потомства. Но вера Авраама как бы отчасти уже поколебалась: «он пал на лице свое, и рассмеялся, и сказал сам в себе: неужели от столетнего будет сын? и Сарра, девяностолетняя, неужели родит?» и просил, чтобы хотя жив был Измаил. Тогда Господь сказал ему: «Именно Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя Исаак (смех). И завет Мой поставлю с Исааком, которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год». Видимым знаком включения в этот торжественный завет с Богом был установлен в это время обряд обрезания, который заповедано было совершать в восьмой день над каждым новорожденным младенцем мужского пола и над всеми рабами при покупке их. Все семейство Авраама со всеми домочадцами и рабами было тогда же приобщено к завету через совершение обрезания над ними.

VIII

Богоявление у дуба Мамрийского. Гибель городов в долине Сиддим. Высшее испытание веры Авраама и последние дни его жизни

После подтверждения завета с Богом Авраам делается вполне «другом Божиим» и живет в постоянном и ближайшем общении с Ним. Но в то время, как возрастала и крепла вера и благочестие избранного патриарха, возрастало и усиливалось безверие и нечестие тех злых и беззаконных городов, среди которых обитал его племянник Лот. Быстро переполняя чашу своего беззакония, они, наконец, навлекли на себя страшный гнев Божий. Когда Авраам однажды в знойный день сидел при входе в шатер свой у дубравы Мамрийской, он увидел трех странников, которых он с истинно патриархальным радушием просил зайти к себе и отдохнуть от дневного зноя и усталости, и предложил им обычное на Востоке гостеприимство, освежив им водой ноги и подкрепив их силы хлебом и мясом нарочно убитого тельца. Но это были не простые странники, а в лице их Сам Господь с двумя служащими Ему ангелами. Авраам скоро узнал истинное достоинство своих посетителей, особенно когда они, спросив о Сарре и укорив его за неверие в возможность рождения сына, вновь подтвердили обетование, назначив даже время для его исполнения. Затем они пошли по направлению к Содому, и когда Авраам провожал их от себя, он удостоился откровения от них о том Страшном суде, который они намерены были произвести над беззаконными городами за грехи их. Так открыта была истина, что Бог подвергает Своему карающему суду грешников даже в этой жизни. Но Авраам своей верой постиг и другую истину, что праведник имеет дерзновение ходатайствовать за грешников. И вот Авраам начал вести беседу с Господом о помиловании Содомы, и получил обещание, что Господь помиловал бы весь город, если бы в нем оказалось хоть пятьдесят, или тридцать, двадцать, или даже десять праведников. Но в беззаконных городах не оказалось и такого малого количества праведных, и потому казнь их была неизбежна.

Авраам с грустью возвратился в свой шатер, а двое ангелов-странников отправились в Содом, где встретил их Лот и по примеру дяди своего Авраама оказал им радужное гостеприимство. Но жители Содомы, обезумевшие от необузданной похоти, даже накануне своей гибели не остановились перед оскорблением странников своим похотливым и развратным буйством, и тем ускорили свою заслуженную гибель. Ангелы объявили Лоту о причине и цели своего страшного посещения и повелели ему известить об этом всех своих родных и вместе с ними бежать из города. Но даже зятюм его показалось, что он шутит, да и сам Лот медлил. Тогда ангелы, повелев ему взять свою жену и двух дочерей, насильно вывели их за город и повелели бежать в гору, бежать не оглядываясь. Но даже и тогда он не мог совершенно оторваться от места, к которому привязывали его житейские связи, и упросил, чтобы для него пощажен был хоть один из пяти городов долины, маленький Бела, в котором и спасся Лот. При восходе солнца Лот достиг этого города, ставшего называться Сигором, и в этот же день совершилась страшная казнь над остальными четырьмя городами долины – Содомом, Гоморрой, Адмой и Севоимом. С неба полилась разрушительная лава из серы и огня, и на следующий день на том месте, где были беззаконные города, курился лишь смрад и дым, «как дым из печи», и вместо суши волновалось желто-мутное серное озеро, известное теперь под названием Мертвого моря. Во время совершения этой казни жена Лота не могла побороть своего преступного любопытства и, вопреки повелению ангелов, оглянулась на место своих мирских привязанностей и тотчас же, в предостережение всем озирающимся на нечестивые дела мира сего уже после отречения от него, «стала соляным столбом». Сам Лот, хотя и спасенный от гибели, подобно Ною после потопа, предавался опьянению. Две дочери его, думая, что весь остальной человеческий род погиб, воспользовались этим его состоянием для восстановления рода, и у них родились сыновья Моав и Бен-Амми, ставшие родоначальниками двух народов, называвшихся по их имени моавитянами и аммонитянами.

Ужасная казнь Божия над беззаконными городами побудила Авраама на время удалиться от их смрадного соседства, и он на время оставил дубраву Мамрийскую и подвинулся дальше к югу от Вирсавии, которая стала после этого считаться последней границей обетованной Земли на юге. Тут, между прочим, он оказался во владениях филистимского царя Авимелеха, с которым повторилась та же история, которая была уже с фараоном египетским, и Авимелех вынужден был возвратить Сарру ее мужу и с подарками выпроводил его за пределы своего владения,

причем заключил с ним особый договор касательно пользования колодцами для пастбищ.

Наконец, пришло время, когда должно было исполниться великому обетованию, полученному Авраамом от Господа. Аврааму было сто и Сарре девяносто лет, когда у них во время стоянки в Вирсавии родился давно желанный сын – Исаак, который и обрезан был в восьмой день по установлению.

В память отнятия Исаака от груди Авраам сделал большой пир; но тут Сарра заметила, что Измаил, сын ее презренной рабыни, насмехается над ее Исааком и, несмотря на нежелание Авраама, настояла на том, чтобы он выгнал Агарь с ее сыном из дома, и Авраам проводил их в пустыню, прилегающую к Вирсавии. Там, по истощении запаса воды, Агарь, истомленная жаждой и зноем, отчаялась в спасении и, не желая видеть смерти своего сына, положила его под кустом, а сама села поодаль и начала горько плакать. Тогда опять явился ей на помощь ангел Господень, указал ей колодезь с текучей водой и повторил обетование, что от сына ее произойдет великий народ. Чудесно спасенный от гибели Измаил «вырос, и стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука».

Он жил в пустыне Фаран, на пространстве между Палестиной и горой Хорив (в местности, которая и доселе составляет безраздельную собственность его потомков – бедуинов аравийских), и мать его «взяла ему жену в земле египетской».

Как ни тяжело было испытание, которому подвергся Авраам, когда он вынужден был лишиться своего побочного сына Измаила, но вскоре ему предстояло еще более тяжкое испытание, которое, в случае непоколебимости его веры и послушания, должно было окончательно закрепить за ним высокое звание отца верующих.

Это испытание состояло в повелении Божиим принести в жертву своего единственного, так долго ожидавшегося сына Исаака, того, на ком основывались все надежды Авраама и все данные ему великие обетования!

Повеление дано было во всей его ужасающей ясности, без малейшего намека на возможность отмены. Бог сказал Аврааму: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».

И Авраам не колебался даже перед такой великой для него жертвой. Он «встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих, и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог». По преданию, Исааку было в это время уже двадцать пять лет.

Через три дня пути они достигли назначенной местности и увидели гору, на которой должно было принести Исаака в жертву. Оставив своих слуг позади, Авраам взял Исаака и с ним вдвоем отправился на роковую гору, сам неся жертвенный нож и огонь, а Исаака заставив нести дрова для жертвоприношения. «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой, вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе».

По достижении назначенного места, Авраам устроил жертвенник, положил на него дрова, связал изумленного, но беспрекословно повиновавшегося Исаака и положил его на жертвенник. Вот уже поднят жертвенный нож для заклания, как вдруг ангел Господень удерживает руку Авраама и говорит ему, что он вполне доказал непоколебимость своей веры, не пожалев даже сына своего возлюбленного, и Авраам с облегченным и ликующим сердцем принес в жертву овна, запутавшегося неподалеку от него рогами в чаще. Ввиду такого безграничного послушания воле Божией, Аврааму не только повторены были все прежние обетования, но и в первый раз подтверждены клятвой, что Бог «благословляя благословит его и

умножая умножит семя его как звезды небесные и как песок на берегу моря, и благословятся в семени его все народы земли за то, что он послушался гласа Божия». И Авраам, еще более укрепленный в вере, возвратился в Вирсавию.

Авраам и Исаак

После жертвоприношения Исаака Авраам еще жил много лет, но остальная жизнь его была мирным пользованием плодами своей веры и упования и не представляет выдающихся событий.

Через несколько лет Сарра, будучи ста двадцати семи лет от роду, скончалась, и это единственная женщина, лета которой обозначены в Св. Писании. Исааку в это время было тридцать семь лет, и он жил со своим отцом в Хевроне.

Авраам хотел с честью похоронить свою покойную жену, но во всей Земле обетованной у него не было собственной земли «ни на стопу ноги». Вследствие этого он принужден был купить землю у хеттеян и, заплатив 400 сиклей серебра за поле с пещерой Махпела, неподалеку от

дубравы Мамрийской, похоронил в той пещере долго оплакивавшуюся им Сарру.

Через три года после смерти Сарры Авраам решил восполнить убыль в своем семействе женитьбой Исаака. Его искренним желанием было, чтобы сын его женился не на испорченной хананеянке, а на ком-нибудь из ближайшего родства. С этой целью он снарядил своего верного раба Елеазара, чтобы тот отправился на его родину и там нашел жену для Исаака. Взяв с раба клятву, Авраам отпустил его, и история встречи невесты для Исаака и заключения брачного союза с ней представляет яркую картину нравов того патриархального века.

Прибыв в указанную страну, именно в город Харран, раб Авраамов случайно встречается «девицу, прекрасную видом, деву, которую не познал муж». Он невольно обратил на нее внимание, попросил у нее воды напиться, и когда та оказалась настолько услужливой, что не только напоила его самого, но потрудились начерпать воды и его верблюдам, то после этого он уже не мог упустить ее из вида: телесная красота и душевная доброта приковали его к ней. Он тут же подарил ей золотую серьгу весом полсикля и два запястья на руки ей, в десять сиклей золота. Расспросив, чья она дочь и есть ли у них место для ночлега, и получив в ответ от удивленной и обрадованной подарками доброй девушки, что у них «много соломы и корму, и есть место для ночлега», он отправился в дом отца ее, которым оказался Вафуил, племянник Авраама от его родного брата Нахора, и тут же сейчас высказал свое желание.

Родители девицы и принимавший в ней особенное участие брат ее Лаван, видя серьезность поручения раба, а равно и богатство его господина, ничего не жалеющего для своего любимого сына, согласились на брак; спросили Ревекку (как звали девицу), согласна ли она, и когда та выразила свое полное согласие – брак был заключен. Родители и родственники девицы получили подарки; хотели было еще подержать у себя в доме Ревекку «дней хотя десять», но так как Елеазару нельзя было медлить, то они распростились с дочерью, и «благословили ее и сказали: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч, и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих!» После этого Ревекка отправилась с рабом и с несколькими служанками в путь.

Когда путники приближались к цели своего путешествия, Исаак случайно вышел в поле «поразмыслить». Ревекка, увидев его и узнав, кто это, смутилась, «взяла покрывало и покрылась». Узнав от раба все обстоятельства, при которых он выбрал для него привезенную девицу, Исаак «ввел ее в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по Сарре, матери своей».

Из последующей жизни Авраама известно только, что он взял себе еще жену Хеттуру, от которой имел шесть сыновей. Но Хеттура была скорее его наложницей, так как все свое имущество Авраам завещал своему сыну Исааку, «а сынам наложниц дал подарки и отослал их еще при жизни своей на восток, в землю восточную». И затем библейская летопись сообщает, что Авраам «скончался, и умер в старости доброй, престарелый, насыщенный (жизнью), и приложился к народу своему». Он умер ста семидесяти пяти лет и погребен был своими сыновьями Исааком и Измаилом в пещере Махпела – в той самой, где лежали останки его подруги жизни Сарры.

Так окончил свою жизнь этот великий и славный избранник Божий. Среди избранных сосудов Божиих много великих и праведных мужей, но выше их всех по своей вере и праведности стоит духовный родоначальник человеческого рода, отец верующих и друг Божий – патриарх Авраам. Вся его жизнь показывает, что его вера не была простым внешним исповеданием, но деятельным началом всего его бытия. Никогда у него не возникало сомнения касательно слова и обетования Божия, хотя бы исполнение его казалось для человеческого разума совершенно невозможным.

«Верую, – говорит апостол, – Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака (своего единственного сына, от которого должны были произойти все обещанные ему потомки), ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресит» (Евр 11:17–19). Ни к кому еще не прилагалось в

такой силе выражение, что он «веровал в Господа», т. е. всецело уповал на Него, упокоивая свой дух в этой вере, как дитя покоится на руках матери своей. И вот такая вера была вменена ему в праведность, потому что она составляет главный источник, из которого может возникать праведность.

«Авраам слушался голоса Господня, соблюдал Его повеления, уставы и законы» (Быт 26:5). Отсюда он навсегда останется высшим образцом верующего человека, и в примере его могут черпать вдохновение святых чувств веры и надежды люди всех народов и веков. Недаром память его свято чтится народами трех величайших религий мира – иудейства, христианства и ислама. – Несмотря однако же на величие его веры и упования, о нем можно сказать то же, что сказано и о многих других подобных ему праведниках: «Все сии умерли в вере, не получив обетований; а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле» (Евр 11:13).

Древние иудейские предания восхваляют необычайные познания и мудрость Авраама и говорят, что он был наставником единобожия у халдеев, и египтян впервые научил астрономии и математике. Имя его доселе сохраняется в памяти арабов, которые называют его «эл-халил» – «другом (Божиим)».

IX

Исаак и его сыновья

Первые годы семейной жизни Исаака прошли еще при жизни его престарелого отца-патриарха. Он был единственным наследником всех обетований Авраама, но и он, подобно отцу своему, должен был подвергнуться испытанию в своей вере. Жена его Ревекка была бездетна в течение двадцати лет, но он не отчаивался и молился Господу. «И Господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его». Перед самыми родами случилось нечто необычное, встревожившее Ревекку; но она успокоена была откровением, что у нее родятся два сына-близнеца, «и два различных народа произойдут из утробы ее», «один народ делается сильнее другого, и больший будет служить меньшему», т. е. что вопреки обычному порядку первородный не будет владеть правом первородства, с которым соединялись все великие обетования, данные потомству Авраама. Откровение это глубоко запало в душу Ревекки и послужило руководством для нее в последующей жизни. Ревекка действительно разрешилась двумя близнецами: «первый вышел красный весь, как кожа косматый, и нарекли ему имя Исав (косматый); потом вышел брат его, держась рукою своею за пяту Исаву; и наречено ему имя Иаков (т. е. держащийся за пяту)». Сообразно с этим оказался и характер братьев-близнецов. Когда они выросли, «Исав стал человеком искусным в звероловстве, человеком полей, а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах». Как нередко бывает, родители относились с некоторым пристрастием к избранным любимцам, и замечательно, что спокойный, кроткий Исаак больше любил смелого, отважного зверолова, между тем как Ревекка особенно любила скромного и нежного Иакова. Последний, вероятно, скоро узнал от своей матери о бывшем ей откровении касательно будущей судьбы братьев и стал выжидать удобного случая для заявления своих прав на первородство. Случай скоро представился. Однажды Исав пришел с поля усталый и голодный и, увидев, что Иаков сварил кушанье из чечевицы (и теперь составляющей любимое кушанье в Сирии и Египте), он стал настойчиво просить у него дать ему поесть этого «красного». Голод его был так силен, что когда Иаков заметил ему, чтобы он продал ему за это кушанье свое первородство, то Исав даже не обратил внимания на предложение Иакова и в нетерпении заметил: «Вот я умираю, что мне в этом первородстве?» Исав знал, что с первородством он продавал все свои духовные преимущества и все права на обладание Землей обетованной. Но по своей дикой и грубой натуре он, видимо, не придавал никакого значения первым, а что касается последних, то быть может надеялся возвратить их себе при помощи благосклонности к себе отца и даже прямым насилием над кротким братом, и таким образом он из-за удовлетворения своего голода продал свое первородство за «красную» чечевицу, отчего и «дано ему прозвание: Эдом» (красный).

Между тем в стране наступил один из тех голодных годов, которые и прежде вынуждали патриархов выселяться для пропитания в соседние, более плодородные страны. Исаак решил последовать примеру своего отца-патриарха и хотел переселиться в Египет, но ему запрещено было, и он провел голодный год в пределах филистимского царя Авимелеха, где с ним и с Ревеккой повторилась та же история, которая была и с Авраамом. Именно, он выдавал Ревекку за свою сестру, но когда открылась правда, Авимелех (вероятно, сын Авраамова современника того же имени) оказал ему особенное покровительство и почтение.

Благодаря этому Исаак мог начать более оседлую жизнь и приступил к земледелию. «И сеял Исаак в земле той, и получил в тот год ячменя во сто крат: так благословил его Господь. И стал великим человек сей, и возвеличивался больше и больше до того, что стал весьма великим. У него были стада мелкого и стада крупного скота и множество пахотных полей». Но филистимляне скоро стали завидовать его богатству, начали притеснять его, зарывали колодцы, вырытые Авраамом, и вообще заводили ссоры, вынудившие, наконец, Исаака выселиться отсюда в Вирсавию. Там в подкрепление ему явился Господь, подтвердивший ему Свое благословение и обетование, и Исаак устроил там жертвенник, и призвал имя Господне. Увидев правоту Исаака и раскаявшись в несправедливых притеснениях ему, царь филистимский Авимелех прибыл к нему с извинением, и между ними, на сделанном Исааком пиршестве, заключен был клятвенный союз, около того же самого колодца, около которого некогда заключали свой союз отцы их (Вирсавия).

Тихая семейная жизнь Исаака скоро была возмущена непослушанием его любимца, сына Исава, который без благословения родителей в сорокалетнем возрасте женился на двух хананеянках, вступив таким образом в родство с идолопоклонниками. «И они были в тягость Исааку и Ревекке». Но скоро предстояло ему еще более тяжкое семейное испытание. С приближением преклонных лет у него ослабело зрение, и он нашел благовременным совершить торжественное благословение для передачи связанных с ним обетований своему потомству. По установившемуся обычаю, право первородства он, конечно, намеревался передать Исаву, как старшему сыну, и сказал ему, чтобы он по этому случаю приготовил кушанье из собственной дичи. Исава, едва ли сообщил ему о продаже своего права первородства, а Иаков в свою очередь не смел открыто высказывать своих притязаний на это право.

Неизвестно, знала ли об этом и Ревекка, но только она, услышав о намерении Исаака, решила употребить хитрость, чтобы посредством ее доставить благословение на первородство своему любимцу Иакову. По ее совету он должен был надеть одежду своего брата, пропитанную запахом ароматических трав и кустов, среди которых приходилось проводить свою жизнь зверолову, и покрыть свое тело косматой шкурой, чтобы для осязания быть похожим на брата; сама же Ревекка обещала приготовить такое кушанье из домашних молодых животных, которое Исаак едва ли мог отличить от ожидаемого им кушанья из дичи Исава. Иаков колебался, боясь проклятия от отца в случае обнаружения обмана; но Ревекка убедила его, что она на себя примет даже проклятие. Иаков приступил к делу; но какой трепет испытывал он, когда старец отец, удивившись слишком скорому возвращению Исава и приготовлению кушанья, подозвал явившегося за благословением к себе для того, чтобы осязанием удостовериться в том, действительно ли это Исава. Старец оцупал косматый покров на руках Иакова и в недоумении заметил: «Голос, голос Иакова; а руки, руки Исава». Но запах охотничьей одежды окончательно рассеял сомнения престарелого патриарха; он поел кушанья, выпил вина, велел поцеловать себя и затем благословил Иакова – благословением первородства: «Да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина. Да послужат тебе народы, и да поклонятся тебе племена; будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинающие тебя – прокляты; благословляющие тебя – благословенны!» Но замечательно, что в этом благословении есть лишь слабый намек на великое обетование Аврааму, именно, что в нем и его семени благословятся все народы земли. Исаак, воображая, что он благословляет Исава, очевидно, считал его не вполне достойным для унаследования всей полноты благословения, и таким

образом Иаков и Ревекка не вполне достигли того, чего добивались.

Едва удалился мнимый Исав, получивший благословение первородства, как за получением его явился и действительный Исав. Если неблагоприятен был поступок Иакова, то не менее подлежат порицанию и действия Исава, так как он не хотел сознаться, что давно уже продал право первородства своему брату Иакову. Когда Исаак узнал об этом обмане, он «вострепетал великим трепетом», но отказался уже отнимать данное благословение. «Я благословил его, он и будет благословен!» – сказал встревоженный патриарх. Исав поднял «громкий и весьма горький вопль» и просил Исаака, чтобы он благословил и его. «Неужели, отец мой, одно у тебя благословение? благослови и меня!» – с плачем упрашивал Исав, и Исаак благословил его и сказал: «Вот от тука земли будет тебе обитание твое, и от росы небесной свыше; и ты будешь жить мечом твоим, и будешь служить брату твоему; будет же время, когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей». В этом благословении предсказана была вся дальнейшая судьба потомков Исава – эдомитян, которые долго находились в подчинении у потомков Иакова – иудеев, но впоследствии из них даже вышел царь, который подчинил себе последних (Ирод Великий, эдомитянин по происхождению).

Потеряв право первородства, Исав возненавидел брата своего Иакова и замыслил даже убить его, как только умрет отец. Ревекка узнала об этой опасности и, зная буйный и неукротимый нрав Исава, решила отправить Иакова на некоторое время в Месопотамию к родному брату своему Лавану в Харране, пока не утихнет ярость Исава. Но чтобы не тревожить своего престарелого мужа, она не сказала ему о кровавом намерении Исава, а выставила перед ним другую причину для временного ухода Иакова из дома, именно, чтобы он мог жениться на ком-нибудь из ее родства, что несомненно было вместе с тем и истинным желанием ее сердца. «Я жизни не рада от дочерей хеттейских (жен Исава), – сказала она, – если Иаков возьмет жену из дочерей этой земли: то к чему мне и жить?» Исаак внял ее жалобе и отпустил Иакова к Лавану для отыскания себе жены, но вместе с тем уже сознательно повторил ему благословение, которое раньше дал по неведению, и при том усугубляя его всей полнотой данных Аврааму обетований. «Бог всемогущий, – сказал он, – да благословит тебя, да расплодит тебя, и да размножит тебя, и да будет от тебя множество народов; и да даст тебе благословение Авраама (отца моего), тебе и потомству твоему с тобой, чтобы тебе наследовать землю странствования твоего, которую Бог дал Аврааму!»

Таким образом Исаак прозрел от духовной слепоты и дал свое благословение достойнейшему, а Исав все более и более предавался чувственности и взял себе третью жену Махалафу, дочь Измаила, заключая родственный союз с тем, кого изгнал Авраам. Так духовная неспособность Исава к первородству обнаружилась во всей своей полноте.

После этого Исаак еще прожил сорок три года, но он уже ничем не заявлял о себе в истории. Да и вообще это был один из тех редких людей, вся жизнь которых есть безграничная кротость, воплощенное смирение и безмятежное довольство. Будучи патриархом немалочисленного рода, он, однако же, избегал всего, что могло сделать его положение особенно видным, и тем доказал, что смирением и кротостью можно так же угодить Богу, как и жизнью, исполненной великих подвигов и тяжелых испытаний. Беспрекословное повиновение отцу, даже до заклания самой жизни, нежная привязанность к матери, в потери которой он утешился лишь женитьбой на Ревекке; безусловная преданность и верность своей жене в тот век, когда обычно было многоженство; терпеливое перенесение домашних испытаний, причинявшихся ему со стороны жены и сыновей; малоподвижность самой жизни, в течение которой он никогда не удалялся более чем на сорок верст от места своей родины (Вирсавии) – все это вместе рисует перед нами образ патриарха, который велик был не внешними громкими подвигами, а тем внутренним духовным миром, который невидим для людей, но который тем ярче сияет перед Отцом Небесным, – той непреодолимой верой в Промысл Божий, которая всю жизнь его делала воплощением смирения, надежды и любви.

После описанных событий судьба дальнейшей истории патриархальной эпохи сосредоточивается в руках Иакова, к которому перешло все наследственное благословение и обетование рода Авраамова.

Х

Иаков

Отправившись в далекий путь, Иаков в первый день, очевидно гонимый опасением своего свирепого брата, прошел более шестидесяти верст и, дойдя до местечка Луз, остановился там переночевать, так как солнце уже зашло и наступила ночь. Это было то самое место, где некогда Авраам воздвигал жертвенник Богу. Увидев несколько камней, быть может, остаток этого именно жертвенника, Иаков положил один из них себе под голову вместо подушки и от крайнего утомления заснул глубоким сном. И вот под влиянием только что пережитых событий он видит чудесный сон: видит лестницу, которая стоит на земле, а верх ее касается неба, и ангелы Божии восходят и нисходят по ней. Этот чудесный символ божественного промысла о земле заключился явлением ему Господа, который повторил ему обетование Авраамово: «Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака (не бойся). Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое как песок земной и распространится к морю, и к востоку, и к северу, и к полудню, и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные. И вот Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе». Столь дивное видение пробудило Иакова, и он устранился присутствия Божества на этом святом месте, поставил здесь памятник из камня, на котором спал, сделал на нем возлияние елея и назвал это место Вефилем, т. е. «Домом Божиим», каковым названием и заменилось навсегда прежнее название Луз.

Ободренный и подкрепленный обетованием Божиим, Иаков отправился дальше к месту своего назначения, и через несколько дней пути прибыл на богатые пастбища с многочисленными стадами крупного и мелкого скота. Около колодца, куда пригонялись стада для водопоя, он встретил между другими пастушку по имени Рахиль, и, узнав, что она дочь его дяди Лавана, отвалил для нее камень от колодца, напоил ее стада овец и, поцеловав Рахиль, «возвысил голос свой и заплакал», объявив ей, что он родственник отцу ее и что он сын Ревекки, тетки ее. Рахиль тотчас же побежала домой рассказать о случившемся, и отец ее Лаван с родственным радушием и приветом принял к себе в дом своего племянника от любимой его сестры Ревекки. Встретив родственный прием, Иаков начал служить Лавану, и последний, заметив его усердие, предложил ему даже назначить себе плату за труды. Но у Иакова уже была на примете плата его сердца. У Лавана было две дочери, из которых старшая «Лия была слаба глазами, а другая Рахиль была красива станом и красива лицом». Иаков полюбил Рахиль и предложил Лавану проработать за нее семь лет, чтобы только он выдал ее за него в замужество. Лаван согласился, и эти семь лет показались Иакову «за несколько дней, потому что он любил ее». Когда настало время свадьбы, Лаван, воспользовавшись восточным обычаем, по которому невеста во время заключения брака плотно закутывается в покрывала, обманул Иакова и вместо Рахили подставил Лию, оправдываясь потом тем, что по местному обычаю «так не делают, чтобы младшую отдать прежде старшей».

Но он предложил Иакову и Рахиль под условием, чтобы он еще проработал семь лет, на что Иаков и согласился. В этом обмане со стороны Лавана для Иакова было как бы возмездие за его собственный обман при получении благословения первородства. Получив по прошествии недели брачной жизни с Лией и Рахиль, Иаков проработал за нее еще семь лет своему тестю Лавану. Но это двоеженство совершилось без соизволения Божия, и потому в своей семейной жизни Иакову суждено было испытать множество огорчений как от соперничества жен, так и от поступков и судьбы своих детей.

Мстя Лии за ее невольный обман, Иаков относился к ней с пренебрежением и всецело

привязался к Рахили; но Бог видел невинность и безропотную кротость Лии и потому благословил ее чадородием, между тем как гордая Рахиль оставалась бесплодной. У Лии уже было четыре сына – Рувим, Симеон, Левий и Иуда, а у Рахили еще не было ни одного, и она в крайней зависти хотела иметь детей хоть через служанку свою Баллу, от которой действительно и родились два побочных для нее сына – Дан и Неффалим. Лия в свою очередь отдала Иакову свою служанку Зелфу и от нее получила двух побочных сыновей – Гада и Асира, а затем и сама еще родила Иссахара и Завулону и дочь Дину. Таким образом, когда нелюбимая мужем Лия имела уже шесть собственных сыновей и дочь помимо двух сыновей побочных, любимая Иаковом Рахиль несла все еще позор бездетности, столь тяжкий на Востоке. Это заставило ее, наконец, смириться и с молитвой обратиться к Богу. «И услышал ее Бог, и отверз утробу ее. Она зачала и родила (Иакову) сына, и сказала: снял Бог позор мой. И нарекла ему имя Иосиф, сказав: Господь даст мне и другого сына».

Сновидение Иакова

Сделавшись отцом семейства, Иаков почувствовал необходимость приобрести самостоятельность и сделаться господином собственного дома и хозяйства. Поэтому он стал

просить Лавана, чтобы тот отпустил его с семейством для возвращения на родину. Лаван, понимая его заслуги для умножения своего богатства, стал просить его остаться еще на несколько времени, предлагая ему после дать награду в виде скота, отмеченного черной шерстью, пятнами и крапинами. Иаков согласился и под его руководством и наблюдением такой скот чудесно умножался, так что когда ему пришлось получить свою награду, он «сделался весьма, весьма богатым, и было у него множество мелкого скота (и крупного скота), и рабынь, и рабов, и верблюдов, и ослов». Такое богатство даже возбудило зависть в Лаване, и он стал глядеть на Иакова с мрачным и недовольным лицом, еще более нахмурившимся от наветов его сыновей, которые говорили: «Иаков завладел всем, что было у отца нашего, и из имения отца нашего составил свое богатство сие».

Вследствие бывшего Иакову видения, повелевшего ему возвратиться на свою родину, получив согласие своих жен, которые также желали удалиться от своего корыстного отца, продавшего их за работу себе (Быт 31:14–15), Иаков сделал все нужные приготовления к пути и, когда Лаван отлучился для стрижки своего скота, тайно двинулся в путь, причем Рахиль захватила с собой даже «идолов, которые были у отца ее». Переправившись через реку Евфрат, Иаков двинулся в пустыню и направился к горе Галаад. Лаван только через три дня узнал об уходе Иакова, и найдя, что у него похищены даже его идолы – «терафимы», он бросился вместе со своими сыновьями и родственниками в погоню за беглецом. На седьмой день Лаван настиг его у горы Галаада, и последствия этого несомненно были бы страшны, если бы Лаван накануне не получил во сне предостережения от Бога – не вредить Иакову. Благодаря хитрости своей дочери Рахили, он потерпел неудачу в отыскании своих терафимов. Несмотря на свой якобы родственный укор Иакову, сопровождаемый лицемерным заявлением о том, с каким торжеством и честью он проводил бы Иакова из своего дома, если бы он сказался ему при отправлении, – Лаван чувствовал свою неправоту перед Иаковым, когда последний высказал ему все свое негодование по случаю его алчности и несправедливости. Тогда Лаван смирился духом и заключил союз с Иаковым, который, в свою очередь, поклялся не обижать своих жен и не брать других, кроме дочерей Лавана. «И заколол Иаков жертву на горе, и позвал родственников своих есть хлеб; и они ели хлеб (и пили) и ночевали на горе. И встал Лаван рано утром, и целовал внуков своих и дочерей своих, и благословил их, и возвратился Лаван в свое место, а Иаков пошел путем своим».

Одна страшная опасность миновала, и Бог отвратил от Иакова мщение со стороны его тестя Лавана. Но впереди предстояла другая встреча, еще более опасная, – встреча с Исавом, от которого он мог опасаться мщения за лишение его первородства. Хотя Иаков был ободрен видением небесного воинства, как бы ополчившегося на его защиту, но с этого места (которое он назвал в память видения: *Маханаим*, т. е. ополчение) он принял собственные меры к предотвращению опасности и мщения со стороны Исав и с этой целью послал к нему в землю Сеир, в область Эдом, вестников с просьбой о благоволении с его стороны к возвращающемуся на родину брату. Но вестники возвратились лишь с ответом, что Исав сам придет встретить своего брата и при этом идет во главе четырехсот вооруженных воинов. Известие это было отнюдь не успокоительное, даже помимо того обстоятельства, что эти четыреста вооруженных воинов собрались под его знаменем видимо с целью грабежа и кровопролития, подобно тем диким племенам бедуинов, которые и теперь наводят ужас повсюду, где только ни появляются. Вследствие этого, услышав такое известие, «Иаков очень испугался и смутился». Он был совершенно беспомощен и беззащитен перед яростью своего мстительного брата, и единственно, что он мог придумать на случай действительной опасности, это – разделить свой караван на два стана в расчете, что «если Исав нападет на один стан и побьет его, то остальной стан может спастись бегством». Расчет был очевидно сомнительный и во всяком случае печальный. Тогда он обратился к единственной защите с молитвой к Богу. Молитва его была искренна и горяча и представляет собой первую молитву, дословно сохранившуюся для нас из первобытного патриархального времени. Признавая свое бессилие, Иаков всецело возлагал свое упование на Бога Авраамова и Бога Исаакова и на Его обетование не лишать его защиты.

И этот вопль отчаяния не остался не услышанным.

Между тем, чтобы все-таки умиловить своего брата, Иаков выделил из своего каравана значительную часть стад и послал их в качестве подарка Исаву, а сам с семейством и остальным караваном двинулся позади и, переправив их через брод потока Иавок, текущего между Геннисаретским озером и Мертвым морем в реку Иордан, сам остался один, и тут совершилось одно из самых таинственных и великих событий в жизни Иакова. Место это поражает своей пустынной красотой. Самый поток бежит в глубокой ложбине, сплошь закрытой чащей олеандров и других ароматических кустов. Наступила ночь уединения для трепещущего за свою судьбу Иакова. Над головой блистали бесчисленные звезды, кругом царила мертвая тишина, нарушаемая лишь журчанием потока и отдаленными отголосками звуков от каравана. И в эту-то ночь «боролся некто с ним, до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с ним». Таинственный противник, вступив в борьбу с Иаковом, хотел испытать мужество его веры и настойчивость его молитвы. И Иаков доказал это тем, что даже раненый он поборол своего противника и до тех пор не выпустил его из рук, пока тот не благословил его, сказав: «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь». Иаков нарек имя месту тому: «Пенуэль» в знак того, что он «видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа» его. Взошло солнце, и Иаков, хромя на бедро, поспешил к своему каравану.

Когда Иаков ранним утром переходил через брод потока Иавок, сверкание копий на солнце среди темно-зеленого леса дало знать ему о приближении Исава с его вооруженной силой. Но Иакову уже нечего было бояться людей после того, как он преодолел в ночной борьбе с Богом. И если он в борьбе с Богом преодолел силой веры и настойчивостью молитвы, то при встрече с Исавом он победил силой своего смирения, поклонившись ему в землю семь раз и предложив ему подарки. У Исава, быть может, было намерение отомстить Иакову или своей вооруженной силой доказать свое превосходство над ним. Но теперь, при встрече своего давно невиданного брата, окруженного целым поколением юных племянников, суровое сердце Исава смягчилось, он побежал навстречу Иакову «и обнял его, и пал на шею его, и целовал его, и плакали оба». После такого сердечного свидания Иаков благоразумно отклонил предложение Исава идти вместе с ним или, по крайней мере, дать ему часть вооруженной силы для охраны, и Исава возвратился на завоеванную им гору Сеир, после чего он совершенно сходит с поприща истории, являясь только для погребения Исаака.

Иаков между тем продолжал путь свой на запад, переправился через Иордан, вступил в землю Ханаанскую и прибыл в Сихем, который со времени Авраама уже разросся в сильный город и назван был так по имени Сихема, сына Эммора, князя Амореяского. Тут он купил себе «за сто монет» поле, ставшее полным владением избранного рода в земле Ханаанской, поставил на нем свой шатер, построил жертвенник и «призвал имя Господа Бога Израилева». Место это и теперь еще можно видеть вблизи «колодезя Иаковлева», у которого его божественный Потомок поучал женщину-самарянку молиться Богу духом и истиной. Но пребывание здесь Иакова принесло ему новое огорчение. Дочь его Дина, принявшая участие в одном из местных народных праздников, была обещана сыном местного князя Сихемом, которому она так понравилась, что он через отца своего ходатайствовал у Иакова и ее братьев о том, чтобы они отдали ему ее в замужество. Братья согласились, но с условием, чтобы все жители сихемские обрезались по закону. Когда же они действительно обрезались, то Симеон и Левий, воспользовавшись временем их болезни от обрезания, напали на город, убили весь мужеский пол вместе с княжеским родом и вместе с другими братьями разграбили весь город, и так жестоко отомстили за бесчестие своей сестры Дины. Но эта буйная жестокость возмутила Иакова, и он сделал строгий укор своим буйным сыновьям, высказывая опасение за возможность такого же жестокого возмездия со стороны хананеев. Вследствие этого он вынужден был на время удалиться отсюда в Вефиль, тем более, что под влиянием хананеев идолопоклонство стало проникать и в семейство Иакова, так что при удалении отсюда он велел всем своим семейным

«бросить богов чужих», которых он и закопал под дубом близ Сихема. В Вефиле он воздвиг жертвенник Богу, и там опять явился ему Господь, который подтвердил ему все прежние обетования. В память этого Иаков поставил на этом месте памятник каменный и сделал на нем возлияние елея.

От Вефиля, где, между прочим, умерла престарелая кормилица Ревеккина Девора и погребена была под дубом, Иаков двинулся дальше к югу по направлению к Ефрафе, т. е. Вифлеему. Не доходя несколько до города, Рахиль разрешилась вторым сыном; но роды были смертельны. Умирая, она нарекла новорожденному сыну имя Бенони (сын моей скорби), но Иаков назвал его в виде утешения за потерю любимой жены Вениамином (сыном правой руки). Иаков похоронил Рахиль при дороге в Вифлеем и поставил над гробом ее памятник, который стоит и доселе. Горе Иакова скоро отягчено было еще бесчестием, которое нанесено было старшим сыном его Рувимом ложу отца, за что он и лишен был своего первородства. Наконец Иаков достиг стана своего отца Исаака, который еще был жив и пребывал в любимой Авраамом дубраве Мамрийской, близ Хеврона. Там при нем и умер престарелый патриарх ста восьмидесяти лет от роду: «приложился к народу своему, будучи стар и насыщен жизнью; и погребли его Исав и Иаков, сыновья его». Это, однако, было уже после продажи Иосифа в Египет и только за десять лет до переселения туда Иакова с сыновьями. Но отселе историческая судьба дома Авраамова сосредоточивается именно в жизни Иосифа, старшего сына Рахили.

XI

Иосиф

Жизнь Иакова была исполнена приключений и тяжких огорчений, но Провидение готовило ему новые испытания и именно через самого любимого им сына Иосифа. В библейской истории Иосиф впервые выступает перед нами семнадцатилетним юношей. Как любимый сын, он постоянно находился при своем престарелом отце и лишь изредка навещал своих братьев, занимавшихся пастушеским делом и переходивших с своими стадами с одного пастбища на другое. Простодушный и невинный, он с детской наивностью, возвращаясь домой, рассказывал отцу о разных худых поступках своих братьев, не отличавшихся особенной высотой нравственности. Те, естественно, возненавидели его за это, и ненависть их разгоралась тем сильнее, чем больше они видели, что престарелый отец их не скрывал своей особенной любви к Иосифу, как «сыну старости своей» и притом старшему сыну любимой им жены Рахили, теперь уже оплакиваемой им. Старец действительно открыто показывал свою особенную любовь к Иосифу и сделал ему особую «разноцветную одежду», длинную и, быть может, из лучших египетских материй. На Востоке, где неизменно сохраняются вековые обычаи, любимых детей и теперь одевают так же. Одежда шьется из материй разных цветов, которые получают изящное сочетание – по предписаниям моды и вкуса. Такая одежда вместе с тем могла служить знаком того, что Иаков предполагал сделать Иосифа наследником всего своего имущества, особенно ввиду того, что старшие братья нанесли отцу страшное бесчестие. Во всяком случае – все это вместе возбудило в старших братьях злобу вместе с завистью к Иосифу, и они порешили отделаться от него, особенно когда один из двух виденных им снов, предвещавших поклонение ему всех старших братьев и даже родителей, вызвал негодование даже в самом Иакове. Когда они однажды со своими стадами находились на более значительном расстоянии от ставки отца, чем как это бывало прежде, именно около Сихема, то при первом появлении среди них ненавистного брата решили убить его; но так как против подобного решения восстал старший брат Рувим, то просто сняли с него одежду и бросили его, на всякий случай, в один из тех ровов или высохших колодцев, которые нарочито приготавливались для того, чтобы в дождливое время запастись в них воду на время засухи. Когда старшие братья, бросив его в ров, раздумывали, что с ним делать дальше, вдали показался арабский караван (мадиамлян), тянувшийся по направлению к Египту, и он решил судьбу Иосифа. Жестокие братья продали его мадиамлянским купцам за двадцать сребреников,

а злополучному отцу сказали, что Иосифа, вероятно, разорвали дикие звери, в доказательство чего представили ему изодранную и нарочно омоченную кровью одежду Иосифа. Иаков от невыносимой скорби разорвал одежды свои, «возложил вретище на чресла свои и оплакивал сына своего многие дни», не желая утешиться и приговаривая: «С печалию сойду к сыну моему в преисподнюю».

Между тем в Египте Иосиф был куплен у мадиамлян Потифаром, царедворцем фараоновым, начальником телохранителей. Палестинские рабы, каковым был Иосиф, высоко ценились в Египте и употреблялись, по преимуществу, для беганья перед колесницами своих господ по улице. С золоченой тростью или хлыстиком в руке они расчищали путь и направляли лошадей. Но Иосиф своей расторопностью, честностью и успехом в исполнении всех поручений более чем оправдал общий взгляд египтян на особенное достоинство палестинских рабов. Он снискал «благоволение в очах» Потифара, вследствие чего тот «поставил его над домом своим и все, что имел, отдал на руки его». Дома у египетских вельмож отличались необычайным богатством, и в огромном хозяйстве проворство и честность, отличавшая Иосифа, должны были цениться высоко; и действительно, Потифар нашел в нем такого верного и надежного слугу, что мог вполне вверить ему все управление своим домом, и «сам при нем не знал ничего, кроме хлеба, который ел», и то только потому, что строгие египетские законы церемониальной чистоты не позволяли чужеземцу, особенно из пастушеской народности, касаться предметов непосредственного потребления египтян.

При своем высоком нравственном достоинстве и хозяйственных способностях Иосиф вдобавок отличался статностью и красотой, которые не преминули обратить на себя внимание изнеженной роскошью и праздною женой Потифара. Нежелание с его стороны удовлетворить ее сладострастия вызвало понятную месть и клевету перед мужем, будто бы этот «раб еврей» хотел надругаться над нею. Поверив клевете жены, Потифар «воспылал гневом и отдал Иосифа в темницу, где заключены узники царя». Потифар не имел власти лишить его жизни, так как древние египетские законы защищали жизнь рабов от насилия господ, но он мог оскотить его или дать тысячу палок, если бы захотел того. Но он не воспользовался этим правом, чем и дал знать, что, не имея возможности не верить рассказу своей жены о нанесенном ей оскорблении, он все-таки сохранил в себе расположение к Иосифу и, отправляя его в тюрьму, предоставлял выяснение истины времени. Но даже и подозрительный глаз начальника темницы скоро увидел невинность этого узника, и поэтому Иосиф скоро занял и в темнице такое же положение, какое он занимал в дом Потифара, что и имело своим дальнейшим последствием освобождение его из тюрьмы.

Спустя некоторое время подверглись царской немилости главный виночерпий и главный хлебодар фараона и были заключены в одну темницу с Иосифом. Должности их были важные. На них лежала чрезвычайно ответственная обязанность предохранять жизнь фараона от отравления. Положение первого в особенности давало ему постоянный доступ к фараону, который пил только то, что принимал из его рук; а хлебодар обязан был заботиться не только о снабжении двора всевозможными пирожными и печеньями, которыми любили лакомиться египтяне, но и смотреть также за тем, чтобы к ним не примешано было каких-нибудь вредных веществ с преступной целью. Занятые своей судьбой, они были крайне встревожены бывшими им сновидениями и тщетно ломали голову над их истолкованием. Не имея возможности, вследствие строгого заключения, видаться с жрецами, которые были обычными истолкователями снов, они, конечно, очень обрадовались, когда Иосиф вызвался истолковать им занимавшие их сновидения. Виночерпию снилось, что он видит перед собой виноградную лозу с тремя ветвями; лоза развилась, расцвела, и на ней выросли и созрели ягоды, из которых виночерпий нажал соку в чашу и поднес фараону.

Сон этот Иосиф истолковал в том смысле, что виночерпий через три дня будет помилован, возвращен к своей должности и по-прежнему будет подавать чашу фараону; и при этом попросил его, в случае исполнения сна, вспомнил и об Иосифе и походатайствовал за

него перед фараоном. Ободренный таким счастливым истолкованием сна собрата, и хлебодар с радостью рассказал Иосифу свой сон. Ему снилось, что у него на голове три корзины решетчатых. В верхней корзине всякие припасы для стола фараонова, и птицы прилетали и клевали их. «Через три дня, – истолковал ему Иосиф, – фараон снимет с тебя голову твою и повесит тебя на дерево, и птицы небесные будут клевать плоть твою с тебя». Предсказания Иосифа в точности сбылись над обоими царедворцами в «день рождения фараона», когда царь по обычаю после пиршества, окруженный своими царедворцами и сановниками, раздавал свои милости или наказания по своему усмотрению. В этот именно праздник фараон «возвратил главного виночерпия на прежнее место, и он подал чашу в руку фараона, а главного хлебодара повесил (на дереве), как истолковал им Иосиф».

Счастливым виночерпий, сделавшись опять большим сановником, забыл об Иосифе, но скоро один случай напомнил ему о нем. По прошествии двух лет сам фараон видел два поразивших его своей загадочностью сна. В первом сновидении «вышли из реки семь коров хороших видом и тучных плотию»; они, очевидно, купались или бродили по отмелям реки, срывая различные водяные заросли, и теперь вышли на берег пастись тростником и прибрежными болотными растениями, которыми обыкновенно питается египетский скот; но тут они съедены были семью другими коровами, худыми видом и тощими плотию, вышедшими также после них из реки. В другом сновидении ему представилось, что на одном стебле выросли семь колосьев полных и хороших, как и теперь можно видеть на египетской пшенице; но рядом выросли другие семь колосьев – тощих и иссушенных восточным ветром (хамсином), и эти тощие колосья пожрали семь колосьев хороших. Снам в Египте придавалось громадное значение, и потому понятно, что виденные фараоном знаменательные сновидения «смutilи дух его», и он созвал «всех волхвов Египта и всех мудрецов его», требуя от них истолкования этих сновидений. При царе постоянно находился совет жрецов различных степеней, которые руководили каждым шагом в его обыденной жизни и истолковывали ему волю богов, как она проявлялась в приметах, сновидениях и знамениях. Они не признавали за собой дара непосредственного откровения, а для разрешения известных вопросов удалялись в уединенные места, где и старались найти то или другое истолкование в священных книгах и в таинственных обрядах, и надо полагать, что труд этот был тяжелый и медленный. Потому-то, когда вся мудрость египетских волхвов оказалась бессильной в истолковании снов фараона, а Иосиф, о котором тут только вспомнил виночерпий, истолковал их без справок в книгах, путем высшего непосредственного вдохновения, он сразу возбудил необычайное удивление к своей загадочной личности.

Сны фараона, по истолкованию Иосифа, предвещали наступление голодных лет после семи лет урожая. Голод мог наступить отчасти от недостаточного разлива Нила, а отчасти от сильного знойного ветра хамсина, истребляющего всходы. Наступление того и другого предвещалось снами фараона. Это толкование Иосифа так совпадало со взглядами самих египтян, и предложенный им совет на случай наступления неурожайных годов (сделать громадные запасы хлеба во время урожайных лет) был так мудр и разумен, что все невольно должны были обратить внимание на юного чужеземца. Фараон и его двор, будучи поражены вдохновенным истолкованием загадочных снов и оценив в совете Иосифа мудрость государственного человека, не могли найти для данного положения более подходящего лица, чем сам молодой снотолкователь, и, как это нередко бывает в восточных деспотических странах, ничтожный раб сразу был сделан великим сановником страны, полновластным правителем ее. «Ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой, только престолом я буду больше тебя», – торжественно сказал Иосифу фараон, и затем последовало формальное возведение его в назначенную ему должность. Фараон снял со своей руки перстень и надел на руку Иосифа, что было знаком возведения его в сан первого вельможи и правителя страны; «висонные одежды», составлявшие отличие жрецов, высшего класса в Египте, означали принятие его в этот высокочтимый класс, и возложенная ему на шею золотая цепь была для всех формальным знаком его власти. Вторая царская колесница была отдана в его распоряжение, чтобы он ездил по улицам столицы для объявления о своем сане, и вестники должны были бежать впереди его

колесницы с криками – абрек, абрек – «преклоняйтесь!» Вместе с саном Иосиф получил от фараона новое египетское имя Цафнафпанеах, т. е. «охранитель жизни». Для довершения достоинств нового любимца царского недоставало только блистательного для него брака, и он был устроен самим фараоном. Асенефа, дочь Потифера, знатного жреца Илиопольского, сделалась женой Иосифа, и он таким образом окончательно был принят в высший класс страны.

Около тринадцати лет прошло с того времени, как Иосиф был увезен из родной страны и продан в рабство в Египет, где он теперь, после необычайных превратностей судьбы, достиг высочайшего положения и власти. Он еще был молодым человеком тридцатилетнего возраста и был членом придворного штата жрецов, с золотой цепью, присвоенной его высокому сану, на шее, и с перстнем фараоновым на руке, был действительным правителем богатейшей и знаменитейшей страны известного тогда мира. У него родились два сына, которые дали ему возможность изгладить горькие воспоминания прошлого: Манассия, «заставивший забыть все его несчастья», и Ефрем, названный так потому, что «Бог сделал Иосифа плодовитым в земле его страдания». Наступившие годы изобильного урожая дали ему возможность скопить в житницах огромные богатства, и когда настали голодные годы, он продавал хлеб египтянам, которые вследствие крайней нужды должны были продавать ему не только всю свою собственность, со всем своим скотом, но даже свою свободу, так что «вся земля досталась фараону, и весь народ сделался рабами от одного конца Египта до другого».

Иосиф толкует сны фараона

Между тем голод распространился далеко за пределы Египта, и из разных стран потянулись туда караваны за покупкой хлеба. Сыновья престарелого Иакова также принуждены были ехать в Египет, который в это время вел обширную хлебную торговлю с Ханааном и другими соседними странами. Им, конечно, трудно было узнать Иосифа, теперь уже возмужалого и окруженного всем придворным египетским блеском; но сами они по-прежнему носили пастушескую одежду, которую так хорошо помнил Иосиф, и потому он сразу узнал в них своих братьев. Но между ними не было Вениамина. Не убили ли они или не продали ли также и другого сына Рахили, его единственного, родного по матери брата? – мелькнула в нем тяжелая мысль. Чтобы дать им почувствовать хоть сколько-нибудь тяжесть того состояния, в какое он сам некогда был поставлен ими, а также разузнать истину касательно своего младшего брата, Иосиф не мог найти лучшего средства к тому, как объявить их шпионами. Египет постоянно должен был опасаться неприятельского нападения с северо-востока, для предотвращения которого восточная граница государства была защищена большой укрепленной стеной, подобно той стене, какой Китай защищен был от набегов монголов. Чтобы оправдаться от такого тяжкого подозрения, они должны были оставить заложника до тех пор, пока не привезут

с собой своего младшего брата. В качестве заложника оставлен был второй брат Симеон, а не старший Рувим, и этим, быть может, Иосиф хотел припомнить последнему его доброе чувство, заставившее его некогда стараться о спасении своего брата. Горько было престарелому Иакову слушать переданную ему сыновьями повесть о суровом обхождении с ними египетского владыки, оставившего одного из них себе в заложники; но тяжелее еще было расставаться с Вениамином. Нужда, однако же, заставила решиться и на это. Он отпустил Вениамина, но вместе с тем желал задобрить египетского властелина своими дарами. Это совершенно сообразно с восточными обычаями, требовавшими принесения подарков властным лицам; но ничего не может быть проще и первобытнее того, что Иаков в качестве таких подарков утопавшему в роскоши египетскому придворному сановнику отправил «плоды земли своей: несколько бальзама и несколько меду, стираксы и ладану, фисташков и миндальных орехов». «Мед», разумеется, не пчелиный, а так называемый арабами дибс, сгущенный виноградный сироп, который и теперь в большом употреблении в Египте, куда он ежегодно привозится из Хеврона караваном в триста верблюдов. Скорбь Иакова от опасения потерять последнего сына любимой Рахили, горячие уверения Рувима и Иуды, что они на себя берут всю ответственность за его безопасность, вопрос о серебре, оказавшемся по непонятной им случайности в их хлебных мешках, – все это составляет глубоко трогательную сцену в истории. Но перед этими бедными и запуганными пастухами Ханаана должна была открыться еще более неожиданная сцена, когда они, по прибытии в Египет с Вениамином, вдруг были потребованы прямо во дворец египетского властелина.

Дома знатных египтян были обнесены высокими стенами, украшенными живописью, и доступ к ним был через огромные ворота с высокими столбами, на которых развевались длинные флаги. Ворота вели на обширный мощеный двор, по сторонам которого шли просторные ходы, поддерживаемые тонкими раскрашенными колоннами. Из самого дворца задняя дверь вела в обширные сады, с рядами плодовых деревьев и виноградных лоз, кустарниками и цветными грядками и со всякой растительностью. Пальмы, сикаморы, акации, фиги, гранаты и жасмины давали роскошную растительность, орошаемую искусственными бассейнами и фонтанами. Такая роскошь дома египетского властелина, конечно, должна была ослепить и повергнуть в смущение и трепет бедных пастухов, привыкших к простой жизни палаток, и их смущению не было пределов, когда их позвали на обед к царедворцу, положение которого казалось им недостижимым даже для их мысли. Их ввели в богато изукрашенную столовую, блистающую золотом и цветами и убранную с царским великолепием.

При виде Вениамина закипело в Иосифе братское чувство, и он должен был удалиться во внутренние покои, чтобы скрыть выступавшие слезы. Он радовался вдвойне, радовался и за своих братьев, что они не оказались столь же жестокими к Вениамину, как некогда к нему самому. С чисто восточной проворностью убиты были животные для предстоящего обеда; принесена была вода, чтобы каждый гость вымыл себе ноги, как требовалось правилами египетской вежливости. Братья по восточному обычаю поклонились великому сановнику до земли и поднесли ему привезенные дары.

Во время обеда (за которым присутствовал и Симеон) Иосиф сидел за отдельным столом, как требовалось достоинством его сана, не позволявшего ему есть вместе с простыми людьми; рядом был поставлен также отдельный стол для египтян, которым также обычай не позволял сидеть вместе с «нечистыми» чужеземцами, так как египтяне вообще чуждались всех остальных народов, считая их, как бы они ни были цивилизованы, нечистыми варварами. Кушанья подавались гостям со стола хозяина, как требовал церемониал, и Иосиф при этом отделял Вениамину самую большую порцию, как это вообще делалось в Египте по отношению к лицам, пользующимся особенной благосклонностью хозяина. Обед своей роскошью и богатством изумлял бедных пастухов Ханаана, и, чтобы избавиться от овладевшего ими смущения, они, по словам библейского рассказа, «пили, и довольно пили» со своим высокосановным хозяином.

Иосиф не мог долее удерживаться. Чувства пересилили дипломатический такт, и он открылся братьям своим – к ужасу их и изумлению всего двора фараонова.

Когда фараон узнал об этой истории своего любимого царедворца, свое расположение к нему он перенес и на все его семейство и выразил желание, чтобы все оно переселилось в Египет. Братьям даны были колесницы, сделаны подарки каждому по перемене одежд, а Вениамину пять перемен и триста сребреников. Отцу своему Иосиф послал «десять ослов, навьюченных лучшими произведениями Египта, и десять ослиц, навьюченных зерном, хлебом и припасами на путь».

Известие, привезенное Иакову, было так для него неожиданно, что удрученный превратностями жизни старец не хотел верить ему; только уже когда он увидел колесницы, присланные за ним, «дух его ожил», и он в необычайном восторге воскликнул: «Довольно, еще жив сын мой Иосиф: пойду и увижу его, пока не умру»! И вот, тихо потянулся караван сынов израилевых по направлению к Египту, сопровождаемый всем «домом» Иакова, состоявшим из семидесяти душ, домочадцами и стадами. Дни скорби Иакова миновали, он бодро глядел в будущее и от радости плакал в ожидании встречи так долго горькими слезами оплакивавшегося им Иосифа. Пройдя возвышенности Вирсавии, где Иаков принес жертву Богу и удостоился видения Господа, подтверждавшего ему завет с его отцами и обнадеживавшего его Своей помощью и защитой, караван вступил в северо-восточный округ Египта – Гесем. Услышав о приближении каравана, Иосиф сел в колесницу и, окруженный блистательной свитой, выехал на встречу своему престарелому отцу, и увидев его, «пал на шею его и долго плакал на шее его», и ободрившийся старец воскликнул: «умру я теперь, увидев лицо твое, ибо ты еще жив!»

Могущественный фараон удостоил престарелого отца своего верховного сановника особой аудиенции. Свидание между ними было трогательно по своей простоте и задушевности. Фараон спросил старца о его летах, и старец Иаков вкратке обозрел свою многоиспытанную жизнь. С трогательной простотой и достоинством Иаков рассказал могущественному монарху о своей жизни. В сравнении с жизнью его предков, его собственная жизнь была коротка – всего только сто тридцать лет, тогда как Авраам жил сто семьдесят лет, Исаак – сто восемьдесят. Но и этого было слишком много при тех превратностях и скорбях, которые выпали на его долю. Вся его жизнь была «странствованием», как и жизнь вообще, а тем более его, обитателя шатров, то и дело переселяющегося с своими стадами с одного места в другое. Фараон был тронут этим свиданием и просил благословения от старца.

Новые пришельцы поселены были в округе Гесем, отличавшемся превосходными пастбищами. Там они могли жить в отдалении от египтян, чуждавшихся общения с пастушескими племенами, хотя и не вообще пастушеского занятия, так как они сами, не исключая и фараона, имели огромные стада всякого скота. Ненависть к чужеземным пастушеским племенам, часто тревожившим страну своими хищническими набегами, была так сильна даже при фараоне времен Иосифа, что невозможно было допустить поселения пастушеского семейства Иакова в одном из более близких к столице округов страны. Фараон, однако же, был рад найти среди пришельцев людей, знающих пастушеское дело, и поручил им надзор за своими стадами.

Так исполнилось предсказание Божие Аврааму, что «потомки его будут пришельцами в земле не своей», где, как подтверждено было и Иакову на пути его в Египет, должен был произойти от них народ великий. Остальные годы жизни Иакова под покровительством его сановного сына прошли в мире и довольстве. В Египте он прожил еще семнадцать лет и видел утешение в том, что еще при жизни его семейство его «весьма умножилось». Но вот, чувствуя приближение смерти, он призвал к себе Иосифа и в знак веры своей в обетование завещал ему похоронить себя вместе с отцами своими Авраамом и Исааком, и при этом подарил ему землю, приобретенную им в собственность близ Сихема. Затем он усыновил себе двух сыновей Иосифа, пророчески благословив при этом на первородство младшего Ефрема предпочтительно перед старшим Манассией. Наконец, собрав всех сыновей своих, он в

высказанных им благословениях пророчески предсказал каждому из них их будущую судьбу, и при этом перед всеми превознес своего сына Иуду, предсказав ему, что его колено получит скипетр, и этот «скипетр не отойдет от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель» (Шилох), которому покорятся все народы, т. е. сделал одно из тех пророческих предсказаний, которыми с все более усиливающейся ясностью и определенностью возвещалось об имевшем явиться Избавителе мира. Окончив пророческое благословение, Израиль скончался, оплакиваемый Иосифом и всем родом его. Как высокопоставленный египтянин Иосиф, конечно, почтил своего отца дорогим бальзамированием. Как первый правитель государства и высокий сановник он имел в своем распоряжении специалистов этого дела – врачей, которыми славился Египет и которые составляли особый чин в жреческом сословии. Труп отвезен был в особые загородные помещения, назначенные для бальзамирования, которое и совершено было в течение сорока дней. После этого траур продолжался еще тридцать дней, так что весь траур длился семьдесят дней, на два дня меньше траура при царе, и затем уже могло быть исполнено заявленное покойным перед своей смертью желание быть отвезенным в Ханаан, и там он с честью погребен был в пещере Махпела, вместе с Авраамом и отцом своим Исааком.

О последующей жизни Иосифа мало сообщается в библейском повествовании. Говорится только, что он милостиво относился к своим братьям и по смерти отца, несмотря на то, что последние крайне опасались его мщения за их прежнюю жестокость к нему; жил сто десять лет и имел утешение видеть внуков и правнуков, которых он любил и лелеял, как это естественно глубоким старцам, утасяющая жизнь которых как бы воспламеняется вновь при виде юной жизни их потомков. До конца верный обетованию, преданному от отцов, Иосиф перед смертью взял с братьев торжественную клятву, что они вынесут кости его из Египта, когда Бог снова выведет их в Ханаан. По смерти он, конечно, был бальзамирован. Бальзамированные трупы своих друзей и сановников египтяне обыкновенно вкладывали в особые деревянные ящики и бережно опускали в гробницы или держали в особых комнатах своих домов. Мумия Иосифа оставалась в таком состоянии до выхода израильтян из Египта, затем была взята его потомками в Ханаан и, наконец, погребена на участке земли в Сихеме, некогда купленном и завещанном ему перед смертью Иаковом.

XII

Внутреннее и внешнее состояние избранного рода во время патриархальной эпохи. Богослужение и обряды. Нравы и образ жизни. Правление, промышленность и просвещение

В истории патриархальной эпохи явственно выступают три отдельных ступени в отношении Бога к людям. После падения прародителей и потери ими первобытного блаженного состояния невинности, Бог, дав им обетование будущего Избавителя, предоставил им свободу выбирать между смиренным повиновением и греховным противлением Ему. Уже у первых сыновей их мы видим разделение: праведный Авель терпит мученическую смерть от нечестивого Каина; затем потомство последнего, видимо, берет перевес над благочестивым потомством Сифа и первый период заканчивается всеобщим развращением, сделавшим неизбежной страшную кару на все человечество в потопе. После потопа заключен был Богом новый завет с праведным Ноем как родоначальником нового человечества, и ему было обещано долготерпение Божие до конца времен. Но вследствие этого именно долготерпения грех опять водворился в мире, явилась страшная самонадеянность у людей, которые построением «башни до небес» хотели выразить свое презрение к небесам. Замысел был разрушен и народы рассеяны, но это повело к забвению истинного Бога, и на место истинной религии повсюду воцарилось грубое идолопоклонство. Тогда, чтобы сохранить истинную религию и связанное с нею великое обетование об Избавителе мира, Бог избирает нового праведника, чтобы сделать его родоначальником избранного рода, имеющего сохранить в себе истинную религию.

Этот завет с Авраамом представляет собой третью ступень в истории патриархальной эпохи, и она отличается частыми явлениями и обетованиями Бога родоначальникам и главам

избранного рода. В этих явлениях постепенно выясняется существо Бога, который является не только Богом Авраама, Исаака и Иакова, но «Богом всемогущим» (Быт 17:1; 28:3; 35:11), «Судией всей земли» (Быт 18:25); а в многочисленных обетованиях получает полное развитие великая мысль о будущем Избавителе как семени, в котором благословятся все народы (Быт 22:18). Вместе с тем и самая жизнь патриархов, в возвышенности и чистоте их веры, по непрестанному руководительству Промысла Божия, представляла собой такой высоконазидательный образец осуществления высших добродетелей, что вследствие этого получала преобразовательное значение по отношению ко многим тайнам в будущих судьбах домостроительства Божия в мире. Так бессеменное рождение Спасителя преобразовательно изображалось в неплодстве Сарры и Ревекки; соединение в Нем божеского и человеческого естества – в лестнице, виденной Иаковом; Его страдания, понесенные Им от Своего народа, но соделавшиеся потом источником благословения для всего человечества – в приключениях Иосифа; Его крестная смерть и воскресение – в жертвоприношении Исаака; Его вечное священство – в Мелхиседеке; различные состояния закона и благодати – в различной участи Измаила и Исаака; благодать, данная язычникам, но потерянная иудеями, – в благословении Иакова и Исава, и так далее. Вся эта эпоха с ее величавыми представителями есть преобразовательное зеркало, в котором явственно отражались будущие судьбы церкви и мира.

Вера патриархов находила свое внешнее выражение в богослужении. Но богослужение в эту эпоху не получило еще определенных форм и состояло, главным образом, в принесении жертв на первом попавшемся камне, хотя в то же время раз сделанный жертвенник получал священное значение и на последующее время, так что он избирался для жертвоприношений и последующими патриархами предпочтительно перед другими жертвенниками и служил местом особых явлений и видений (каковым был, например, жертвенник в Вефиле). Самый жертвенник для священнослужения освящался через возлияние елея, и к совершению богослужения приступали с особым приготовлением, состоявшим в омовении тела и перемене одежды (Быт 35:2). Особыми обетами придавалось некоторым жертвенникам особое священное значение в смысле постоянного «дома Божия», т. е., как бы храма, на содержание которого отдавалась десятина имения (Быт 28:20–22). Со времени Авраама введен был особый обряд как средство вступления в ветхозаветную церковь, именно обряд обрезания, которое как таинство означало очищение от прежней греховности и нечистоты, предзнаменуя в то же время внутреннее обрезание или умерщвление плотского и рождение духовного человека.

Сама патриархальная жизнь избранного рода охранялась соблюдением известных постановлений. Все богатство обетований передавалось по праву первородства, получаемому через особое благословение, охранялась святость брака и отвергалось всякое смешение с идолопоклонниками (Быт 34:7, 13, 31; 38:24; 26:34–35; 27:46). Повиновение и почтение к родителям считались высокими и главнейшими добродетелями, что явственно выступает в истории тех лиц, которые подвергаются наказанию и каре за нарушение их (Хам). Семейная жизнь вообще отличалась первобытной простотой; самый брак носил характер полнейшей безискусственности и заключался с благословения и указания родителей, хотя в то же время известны примеры и своевольных браков (например женитьба Исава), ведших к семейным раздорам и недовольству. В то же время патриархальная жизнь и вообще не чужда примеров, когда первородный грех сказывался в явном господстве плоти, ведшем к отступлению от прежних установлений Божиих.

Это мы видим даже в таких великих и святых личностях, как Авраам и особенно Иаков, из которых первый кроме жены имел наложниц (хотя наложничество вытекало из благочестивых побуждений иметь наследников лучших обетований), а второй был двоеженец, за что и нес различные тяжкие испытания как естественное следствие этого отступления от первоначального закона брачной жизни (моногамии).

В гражданской области вполне господствовала патриархальная форма правления. Она состояла в том, что власть по заведыванию всеми гражданскими делами сосредоточивалась в главе

семейства или рода. Патриарх как глава семейства был в то же время и единственным решителем всех дел, возникавших между членами его семейства или рода. Он вполне распоряжался судьбой своих детей и домочадцев, производил суд и расправу, имел право жизни и смерти (Быт 38:24), и в случае внешней опасности являлся полководцем (например Авраам), за которым признавалось право войны и мира. Но все эти права и обязанности не имели еще вполне определившегося характера и все вытекали из естественного положения отца в семействе, обязанного заботиться о защите и благосостоянии своего рода.

Тут мы видим человечество в его как бы отроческом возрасте. Патриархи – мирные пастухи, которые переселяются с одного места на другое для отыскания лучших пастбищ, и единственными выючными животными служат у них верблюды и осел. Лошадь им еще неизвестна, да и к лучшему, так как с появлением ее у пастушеских племен всегда развивается склонность к набегам и хищничеству. Земледелие еще было мало развито и составляло лишь временное и случайное занятие. Поземельной собственности у них не было. Авраам купил себе землю только для погребения, и только Иаков приобрел в собственность участок для своего шатра. Запасов жизненных не делалось, вследствие чего голод часто вынуждал переселяться в соседние страны (по преимуществу в Египет, как житницу Древнего мира). Во времена Иакова, однако же, видимо установилась довольно правильная хлебная торговля между Египтом и соседними странами и существовали торговые караван-сарай по пути. Торговые караваны появляются на всем громадном пространстве между Египтом и Месопотамией, и ведется оживленная торговля пряностями и другими произведениями Востока, а также и рабами, которые большими партиями ввозились в Египет. Ко времени Авраама мы видим зачатки меновой монеты, хотя и в виде кусков известного металла с определением его ценности по весу; при Иакове появляются своего рода «монеты», а сыновья его уже хорошо знакомы с ходячими сребрениками, за которые они и продали своего брата Иосифа.

Что касается просвещения, то из всей истории патриархальной эпохи видно, что хотя патриархи и являются по преимуществу странствующими пастухами, но вместе с тем у них замечаются следы довольно высокого просвещения, отчасти вследствие влияния соседних народов, из которых иные, как например египтяне, стояли уже на высокой степени цивилизации, а отчасти и вследствие самобытного развития избранного рода, отличавшегося высокими духовными дарованиями. Так, предание приписывает Аврааму высокие познания в астрономии и математике, которым он будто бы научил египтян. Следов письменности в собственном смысле не встречается, хотя нет достаточных оснований и сомневаться в ее существовании, тем более, что в соседних с Палестиной странах она уже несомненно существовала. Во всяком случае есть свидетельство о существовании именных печатей, предполагающих начертание имени или каких-либо условных знаков (Быт 38:18, 25).

В таких общих чертах представляется жизнь патриархов избранного рода, бывших исключительными носителями истинной религии и связанного с ней великого обетования о Спасителе и потому находившихся под особым руководством Промысла Божия.

XIII

Истинная религия вне избранного рода. Новое религиозное состояние языческих народов.

Летосчисление

Промыслительное действие Божие, равно как и истинная религия и благочестие, однако же, не ограничивались только тесным кружком избранного рода. Отдельные праведники и целые семейства праведных жили и в других местах, «ходя перед Богом». Таким, кроме Мелхиседека, является особенно Иов, жизнь которого описывается в книге, известной под его именем (книга Иова). Это был величайший праведник и образец веры и терпения, которых не могли поколебать никакие козни исконного врага человеческого рода. Он жил в земле Уц, в северной части Аравии, «был непорочен, справедлив и богобоязнен, и удалялся от зла», и по своему богатству «был знаменитее всех сынов Востока». У него было семь сыновей и три дочери,

составлявшие счастливое и довольное семейство. Но этому счастью позавидовал исконный враг человечества – сатана, и перед лицом Бога-сердцеведца стал дерзко утверждать, что Иов праведен и богобоязнен только ради своего богатства и земного счастья, и что с потерей его он перестанет благословлять и славословить Бога. Чтобы наказать дерзкую ложь отца лжи и укрепить веру и терпение Своего праведника, Бог дает Иову вместе со счастьем испытать и все бедствия и горечи земной жизни. По попущению Божию, сатана один за другим наносит ему страшные удары, лишая его всего богатства, всех слуг и всех детей. Но когда и это бедствие не поколебало веры Иова, который лишь поклонился Господу и сказал: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь; Господь дал, Господь и взял», то посрамленный сатана хотел испытать многострадального праведника еще худшими бедствиями, и опять по попущению Божию поразил самое тело его страшной проказой, самой ужасной и омерзительной болезнью на Востоке. Ужасная болезнь лишала его права пребывания в городе, и он должен был удалиться за его пределы, и там, скобля струпья на своем теле черепком, он сидел в пепле и навозе. Все отвернулись от него, и даже жена его презрительно говорила ему: «Ты все еще тверд в непорочности своей. *censored* Бога и умри». – «Ты говоришь как безумная, – отвечал ей многострадальный праведник. – Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» Таким образом Иов даже словом не согрешил перед Богом, безропотно перенося свое собственное ужасное положение и положение жены, вынужденной после прежней богатой жизни в качестве госпожи теперь зарабатывать себе насущный хлеб тяжкой и непривычной для нее поденной работой.

О несчастьи Иова слышали друзья его Елифаз, Вилдад и Софар. Увидев его в несчастном положении нищеты и прокаженности, они, не смея подойти к нему близко, воскликнули от ужаса и зарыдали, в течение семи дней безмолвно убиваясь горем в виду своего злополучного друга. Вид их наконец развязал скованный дотоле бедствиями язык Иова, и страдалец впервые показал, как тяжело ему было сносить свое положение, и проклял самый день своего рождения и самую ночь своего зачатия. Друзья стали утешать его, уверяя, что Бог правосуден, и если Иов страдает, то страдает за какие-нибудь согрешения свои, в которых должен покаяться. Но Иов, твердый в своей вере и сознавая свою невинность, признавая в своих бедствиях испытание со стороны Бога, отвергает обвинение в беззаконии и нечестии, так как он никогда не забывал своего Творца и никогда не переставал молиться Ему, и среди самых бедствий своих выразил непоколебимую веру в пришествие Искупителя и в воскресение мертвых: «Я знаю, Искупитель мой жив, и он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию. И я во плоти моей узрю Бога». Между тем во время беседы и рассуждения Иова с друзьями поднялась буря, и загредел гром, из бури раздался голос Божий Иову, укоривший рассуждающих друзей за желание проникнуть в непостижимые советы и намерения Вседержителя. Бог выразил гнев Свой за неправильные суждения друзей, и только жертвоприношение их и ходатайство за них праведного Иова оправдали их перед Богом. Этим кончилось испытание Иова, посрамившего исконного человекоубийцу в его дерзкой лжи и клевете, и Бог исцелил Иова от болезни и обогатил его вдвое больше прежнего. У него опять родились семь сыновей и три дочери, и он опять сделался счастливейшим патриархом счастливой семьи. «И умер Иов в старости, насыщенный днями».

Молчание в этом славном повествовании о законах и чудесах Моисея, патриархальные черты в жизни, религии и нравах и, наконец, самая продолжительность жизни Иова, скончавшегося двухсот лет от роду, явно показывают, что он жил еще в патриархальную эпоху библейской истории и притом в конце ее. В его истории мы видим уже высокое развитие цивилизации и общественной жизни. Иов живет с значительным блеском, часто посещает город, где его встречают с почетом, как князя, судью и знатного воина. В книге его есть указания на суды, писанные обвинения и правильные формы судопроизводства. Люди уже умели наблюдать над небесными явлениями и делать из них известные астрономические заключения. Есть указания даже на рудокопни, большие постройки, развалины гробниц, а также на великие политические перевороты, благодаря которым повергнуты были в рабство и бедственное состояние целые

народы, наслаждавшиеся дотоле независимостью и благосостоянием.

Таким образом, и среди языческих народов, современных патриархальной эпохе избранного рода, встречались отдельные светлые личности, которые сохраняли чистоту первобытного благочестия и истинной религии с ее высокими истинами и обетованиями. Но масса была погружена в темное идолопоклонство, которое с развитием принимало самые разнообразные формы. В Месопотамии идолопоклонство получило такое развитие и распространение, что оно вторглось даже в благочестивый дом Фарры, отца Авраама, и существование домашних идолов (терафимов) мы встречаем в доме родного брата Авраама – Нахора и особенно внука последнего – Лавана. По предположению, терафимы – это были складные идола, изображавшие человеческие фигуры или предметы, наиболее чтимые местными жителями. Но в общем в Месопотамии преобладал, как и в Аравии, сабеизм, то есть, боготворение небесных светил, изображение которых, быть может, делалось и на терафимах. При этом, однако же, замечательно, что в Месопотамии и особенно в Халдее сохранились следы того, как религия постепенно уклонялась от первоначальной истины и вырождалась в грубое идолопоклонство. В весьма неясном представлении им предносился единый верховный Бог Ил или Ра, творец довременного хаоса. В этом хаосе, смутно отождествлявшемся с самим Илом, было три начала – материя, желание и разум. Они разделились между собой, и из этого произошел мир. Начала эти, в свою очередь, олицетворялись в виде трех богов: Ану – материя, Бен – желание и Ноа – разум. От этой первой троицы рождается вторая, но она уже явственно вырождается в чисто планетные божества: Самас – бог солнца, Син – бог луны и Бин – бог воздушного пространства. У каждого из этих богов имеется по жене, которые, впрочем, тождественны с ними, и затем следуют уже второстепенные планетные боги: Нин (Сатурн), Бел-Меродах (Юпитер), Нергал (Марс), Иштар или Нана (Венера) и Небо (Меркурий). За этими богами следовало множество еще меньших богов, определить значение которых весьма трудно, но которые уже составляли последнюю ступень помрачения первоначальной религиозной истины. Число богов увеличивалось еще оттого, что каждый город имел своего особого бога-покровителя, который и считался там главным, независимо от общей системы. Так, Бел-Меродах, бог планеты Юпитер, был местным божеством Вавилона и с возвышением этого города стал главным и слился с Белом. Служение всем этим богам и особенно Иштаре (Астарте) имело грубо чувственный характер, переходивший в полное распутство, совершавшееся в честь богов и богинь в самих храмах и капищах.

Тот же сабеизм, но с расширением его в боготворение природы вообще, был господствующим видом идолопоклонства ханаанских народов, среди которых по преимуществу проходила жизнь патриархов. Главным божеством хеттеян (с которыми прежде всего встретился Авраам при вступлении в землю Ханаанскую) была богиня Истар или Ашторет (Астарт), идолослужение которой совершалось под видом самой гнусной распущенности. Другие ханаанские племена боготворили также Бела или Ваала (солнце) под различными именами – Эл, Молох, Адони. Как и во всех подобных религиях, составляющих полное уклонение от первоначальной истины, народ боготворил под видом этих богов свои собственные страсти и похоти, придавая им как бы печать божественного соизволения. Для умиловления гнева богов он приносил человеческие жертвы и, руководясь мнением, что чем дороже приношение, тем на большую милость может рассчитывать приноситель, заблуждающиеся безумцы приносили в жертву идолам своих детей, девицы жертвовали своим целомудрием и т. д. Под влиянием этого-то безнравственного культа нечестие достигло такой безобразной степени, на какой мы видим его в жителях городов содомского пятиградия, навлекших на себя страшный гнев Божий.

На более высокой степени стояла религиозно-нравственная жизнь в Египте, но и то только в высших классах страны и особенно в знаменитом египетском жречестве, где религия достигала значительной высоты, показывавшей, что искра истины и древних преданий еще тлеет под пеплом языческого заблуждения. В высшем своем умопредставлении египтяне поднимались до понятия о едином Боге, не имеющем ни начала, ни конца. Священные гимны египтян говорят

об этом Боге, что «Он единый Плодотворитель на небе и на земле, но сам не рожден. Бог единый в истине, который сам себя родит, который существует от начала, который создал все, но сам не создан». Этот верховный единый Бог назывался различно: в Фивах – Аммон-Ра, в Мемфисе – Пта. Но единый сам по себе, этот верховный Бог есть в то же время не только отец, но и мать и сын, и потому как бы тройствен в своем бытии, представляет собой три начала. Маут, женское начало, есть в то же время жена Аммона-Ра, и сам он, как сын его, Хонс, есть вместе с тем тот же самый Аммон, потому что он из себя творил все. Аммон-Ра, Маут и Хонс составляют высшую троицу, единое высшее божество, о котором в одной египетской книге (папирусе) говорится: «Он дает жизнь рыбе в воде, птице в небе, дает дыхание плоду в яйце. Он живит гадов, дает то, чем живут птицы, ибо гады и птицы равны перед его очами. Он делает запасы для мыши в ее норе и кормит птицу на ветке. Будь благословен за это единый, единственный многорукий». Весь внешний мир был проявлением этого верховного божества. Вследствие этого всякое явление природы было священо. Так понимали божество высшие классы в Египте. Но для народной массы такое представление было непосильно и слишком отвлеченно. Поэтому простой народ из разных проявлений божества делал для себя самостоятельных богов. Отсюда является почти бесконечный ряд живых богов, символами которых были различные предметы неодушевленной природы, птицы и животные. Одним из главных божеств этого рода был Нил, отождествлявшийся в представлении народа с богом Апи или Озирисом, женой которого была Изида (земля). Воплощением Озириса был живой бык – апис, который из простого символа превратился в умопредставлении народа в самостоятельное божество, и о нем жрецы рассказывали, что он нарождается каждые двадцать пять лет от телицы, оплодотворяемой молнией и остающейся девственницей, несмотря на его рождение. Другие божества олицетворяли различные благодетельные или грозные силы природы, каковыми были благодетельное солнце (Ра), солнце как палящий губитель жизни (Монт), губитель света – Сет и т. д., и олицетворением различных богов были ястреб, ибис, крокодил, козел, кошка, которые также почитались иногда в качестве самостоятельных божеств. Умножению богов содействовало также то обстоятельство, что каждый город с своим округом непременно почитал своего особого бога. Тут, очевидно, религиозная мысль ниспускалась уже до самой грубой ступени идолопоклонства. Сообразно с религией на такой же низкой степени стояла и нравственная жизнь, в которой господствовали самые гнусные пороки, находившие поощрение в самой обрядности грубого и безнравственного культа.

Таково было религиозно-нравственное состояние языческих народов, и в сравнении с ними избранный род патриархов был поистине светильником, ярко сиявшим среди глубокой религиозно-нравственной тьмы окружающего человечества.

По времени рассмотренная патриархальная эпоха обнимает собой более двух столетий. Для точного определения ее не существует достаточных данных. Мы имеем только свидетельство ап. Павла, что от великого обетования Аврааму до издания Синайского закона прошло 430 лет. Эта же цифра указывается и в книге Исход (Исх 12:40), где говорится: «Времени же, в которое сыны Израилевы (и отцы их) обитали в Египте (и в земле Ханаанской – как прибавлено в греческом тексте перевода семидесяти толковников), было четыреста тридцать лет». В откровении самому Аврааму этот же период определяется круглым числом в четыреста лет. Если предположить, что продолжительность пребывания израильтян в Египте была равной приблизительно с продолжительностью собственно патриархального периода странствования от призвания Авраама до переселения Иакова в Египет, то половина этой цифры, именно 215 лет, и будет приблизительно определять продолжительность патриархальной эпохи, что вполне согласуется с годами жизни патриархов и подтверждается иудейскими преданиями.

Период четвертый

От смерти Иосифа до смерти Моисея

Израильтяне в Египте

В то время, когда мадиамляне продавали Иосифа на невольническом рынке, Египет стоял уже на высокой ступени процветания и могущества. Во главе его сменилось до пятнадцати царственных родов или династий, последовательно управлявших его судьбами. Теперь царствовала династия так называемых царей-пастухов, или *гиксов*. Она принадлежала чужеземной народности, насильственно вторгшейся в Египет и захватившей престол фараонов. Точно неизвестно, откуда явились завоеватели и к какому племени они принадлежали; но можно думать, что это были кочевники, обитавшие в сирийских степях и аравийских пустынях и постоянно тревожившие Египет своими набегами и нападениями. Египет должен был тщательно оберегать свою северо-восточную границу от нападения кочевых народностей, и с этой целью там построено было несколько укреплений и сплошная стена наподобие китайской. Но кочевые племена все-таки проникали и за стену и с позволения египетского правительства селились в северо-восточном углу страны. Пока была крепка государственная власть, она успешно отражала внешние нападения и держала в подчинении поселившихся в Дельте инородцев; но представители последних перед тем династий, благодаря своей слабости, выпустили власть из своих рук, страна поделилась на несколько независимых уделов, правители которых обессиливали государство своим соперничеством. Этим воспользовались гиксы, сделали нападение на Египет и при помощи инородцев покорили страну и завладели престолом. Первое время владычества гиксов ознаменовалось всевозможными проявлениями дикого варварства, грабежами и убийствами; но мало-помалу просвещение покоренной страны оказало свое цивилизующее влияние на завоевателей, они подчинились ему, и двор новой династии вполне принял обычный египетский вид со всей пышностью и роскошью фараонов. Гиксы имели свою религию, но они терпели и религию египтян и даже официально покровительствовали ей.

Сутех, национальный бог завоевателей, отождествлялся с египетским богом Сетом, и ему, как и другим египетским божествам, строились храмы. Сфинксы, относящиеся к этому времени, имеют совершенно своеобразный тип лица, отличный как от египетского, так и от еврейского, и, очевидно, представляют тип этой чужеземной народности. При одном из представителей этой династии, по-видимому, и правил Иосиф Египтом. Только при фараоне пастушеской династии мыслимо было, чтобы ничтожный раб, вышедший из презираемых природными египтянами пастухов, мог быть назначен на пост верховного правителя страны. Имя этому фараону Апопи или, по греческому произношению, Апофис. При нем Египет совершенно оправился после смут и опять наслаждался полным внутренним благосостоянием. Но вместе с тем в природных египетских князьях, находившихся в подчинении фараону, стало замечаться политическое движение, направленное к освобождению страны от чужеземцев. Предчувствуя опасность, пастушеская династия, естественно, заботилась о том, чтобы упрочить свое положение, и покровительствовала инородцам, раздавая им для поселения лучшие участки земли с той целью, чтобы найти в них верных союзников в случае нужды. Такой политикой можно объяснить и то, что фараон Апофис отдал вновь прибывшим поселенцам один из богатейших округов страны. Пастушеская династия при Иосифе достигла высшей степени процветания и силы. Но вскоре затем, именно к концу царствования Апофиса, в Фивах, древнейшей столице страны, началось движение туземных князей к независимости, а при следующем фараоне оно перешло в открытое восстание, поставившее своей целью низвержение чужеземной династии и народности. Началась упорная и продолжительная борьба. Гиксы шаг за шагом отстаивали свою позицию, но под давлением силы должны были все дальше и дальше отступать к северо-востоку, пока совсем не изгнаны были из Египта.

Воцарилась новая, восемнадцатая династия, родоначальником которой был Аамес, или Амосис I. Она избрала своей резиденцией Фивы, как центр политической независимости страны, и дала Египту ряд великих фараонов, при которых он достиг вершины своего внешнего могущества и внутреннего процветания. Время царствования этой династии особенно ознаменовалось

развитием военного могущества. Воинский дух, ободренный успехом в борьбе за независимость, не остановился на одном этом успехе и искал удовлетворения в завоеваниях. Долго угнетаемые чужеземцами, теперь египтяне как бы старались отомстить всем чужеземцам своими угнетениями и завоеваниями. Значительные массы гиксов, предпочитавшие рабство на берегах Нила изгнанию в пустыню, подвергнуты были всевозможным угнетениям и должны были в качестве рабов исполнять тяжелые земляные и строительные работы, возлагавшиеся на них новым правительством. Не довольствуясь этой местью внутри страны, фараоны старались загладить позор чужеземного владычества блеском завоеваний в окрестных странах. Египетские полки отважно стали проникать за северо-восточную границу и проложили торную дорогу вглубь Азии. В течение нескольких царствований страна гремела боевой славой. Военные добычи обогащали страну, но эти богатства, естественно, сосредоточивались в руках правительства и высших классов, где они развивали крайнюю роскошь. Для народных масс все эти блестящие походы были тяжким бедствием, так как усиливали военную и другие государственные повинности, всецело лежавшие на низших классах народа.

Положение простого народа всегда было тяжелым в Египте. Еще задолго до поселения сынов Израиля в Египте берега Нила оглашались стоном угнетенного народа и не раз происходили кровавые восстания против угнетателей. В недавнее время открыто много поломанных и обезображенных статуй фараона Хеопса, что, очевидно, было следствием одного из подобных восстаний угнетенного народа против этого великого строителя пирамид. Но конечно восстания влекли за собой еще большее угнетение. Народ партиями отводили в рудники, заставляли рыть новые каналы, строить новые пирамиды. При таком подавленном положении народ не мог находить утешения и в религии, потому что лучшие истины последней тщательно скрывались жрецами как их исключительное достояние, и потому он искал удовлетворения в безнравственности. При всей своей выносливости в труде и опрятности в жизни, египтяне были крайне невоздержны в низких страстях. Воспитываясь под безнравственным влиянием египетского религиозного культа, состоявшего в обоготворении чувственности, народ сам предавался безнравственной жизни. Всякие противоестественные пороки были в нем обычным явлением. Большие годовые религиозные праздники ознаменовывались обыкновенно самым диким разгулом чувственности, которым особенно отличались безнравственные празднества в Бубастисе и Дендере, и они были так популярны, что на них собирались сотни тысяч народа.

Среди таких политических и общественных условий жили израильтяне в Египте. Но они занимали исключительное положение в стране. Как племя, родственное высокому придворному сановнику и находившееся под покровительством пастушеской династии, дававшей в политических видах особенные привилегии пастушеским народностям, населявшим северо-восточную окраину страны, они пользовались лучшим общественным положением, чем масса туземного египетского населения. На привольных и плодородных полях Гесема они быстро росли в численности и богатели.

Семейство Иакова разрослось в целое племя, которое по числу своих родоначальников разделялось на двенадцать или тринадцать колен, которые сохраняли сознание своего кровного единства. Первенство между ними по праву должно бы принадлежать колену Рувима, но Иаков в своем предсмертном благословении лишил его права первородства, потому что он «взошел на ложе отца и осквернил постель его». Главенство между ними, как и естественно, занимали в Египте колена, имевшие своими родоначальниками сыновей Иосифа – Ефрема и Манассию, но между ними особенно возвысилось колено Левиино, которое, более других сохраняя предания отцов, достигло нравственного главенства среди своего народа и впоследствии заняло положение священнического класса в своем народе.

Пользуясь значительной самостоятельностью, израильтяне выработали свою форму самоуправления сообразно особенностям своего родового быта. Каждое колено имело во главе особого представителя или князя и разделялось на несколько меньших групп, из которых каждая имела своего особого старейшину. Жизнь в чужой стране развивала в них чувство

единения между собой, и оно находило для себя выражение в собраниях представителей народа. При всяком важном событии, касавшемся их жизни, представители или главы колен и меньших групп собирались на совещание и обсуждали свое положение при данных обстоятельствах.

Такой же независимостью пользовались израильтяне и в религиозном отношении. Нужно иметь в виду, что со времени смерти патриарха Иакова, как последнего великого представителя патриархальной эпохи, на целые столетия прекратились всякие непосредственные общения с Богом: не было ни откровений, ни видений, ни пророчеств, – т. е. всех тех способов, посредством которых раньше сообщалась избранному роду воля Божия. При таких обстоятельствах для сынов Израиля оставался единственный источник богопознания – предание отцов, которого они несомненно и держались. Главными проявлениями этой патриархальной религии были обрезание, жертвоприношения и соблюдение субботы, и есть следы, указывающие, что израильтяне твердо сохраняли их. О соблюдении обряда обрезания израильтянами в Египте у нас имеются прямые свидетельства (Исх 4:24–26; Ис Нав 5:5). Что касается жертвоприношений, то на соблюдение их указывает самая просьба Моисея об отпущении народа в пустыню «для принесения жертвы Господу Богу», хотя вместе с этим есть свидетельство, что в этом отношении впоследствии встречались серьезные препятствия со стороны идолопоклоннических египтян (Исх 8:25–28).

Наконец, многие следы указывают на соблюдение субботы или дня покоя, так что постановление о сборе, например, манны в пустыне по пятницам в двойном размере, чтобы ее доставало и на субботу, а также и самая форма законоположения о субботе в четвертой заповеди («помни день субботний») сами собой предполагают, что суббота, как установление, уже существовала и соблюдалась народом. Затем в Синайском законодательстве многие законоположения ясно указывают на существование в израильском народе многих из тех религиозно-нравственных обычаев и учреждений, которые в этом законодательстве лишь подтверждались и уяснялись. Таким образом, мы с достаточностью видим, что во время пребывания в чужой земле израильтяне сохраняли основные истины и установления религии отцов. Но есть еще и другие указания, дающие возможность определить степень жизненности в них веры и не только в народе вообще, но и в отдельных коленах и даже личностях. Это именно те имена, которые давались родителями своим детям во время долгого пребывания в рабстве египетском. Известно, какое важное значение вообще придавалось именам в патриархальную эпоху. Каждое более или менее важное в духовном, религиозно-нравственном или семейном отношении событие непременно отражалось на имени, дававшемся известному лицу или месту. Иногда сообразно с положением того или другого лица в домостроительстве Божиим сам Бог переменял людям имена (как это известно из истории Авраама, Сарры и Иакова), а большей частью назначение имени, особенно детям, служило прямым выражением той или другой духовной настроенности родителей, которые и выражали в даваемых своим детям именах или признание высшего благоволения и сопричастия Божия, или просто свои чувства, надежды и испытания (как это заметно, например в именах сыновей Иосифа, Моисея и др.). Ввиду этого, то замечательное обстоятельство, что среди представителей колен постоянно встречаются такие имена, как Елиав (Бог – мой отец), Елицур (Бог – моя крепость), Елиасаф (Бог – мой собиратель) и другие того же рода, ясно показывает, как глубоко отеческие предания коренились в сердце сынов Израиля, и как жива у них была память о Боге их отцов и особом Его промыслении об избранном роде. При этом особенно замечательно, что подобные имена чаще всего встречаются в колене Левином. Таковы имена: Елиасаф – Бог – мой собиратель, Елицафан – Бог – мой охранитель, Цуриил – Бог – моя скала, Елиазар – Бог – мой помощник, Амрам – родственник Всевышнему, Иохаведа – Господь – ее слава и т. д. Одно это обстоятельство с достаточностью показывает, что колено Левино отличалось особенной преданностью отеческим преданиям и особенно твердо сохраняло веру отцов, и тем заслужило то, что оно именно сделалось орудием Промысла в освобождении и возрождении народа.

Таким образом, как по месту поселения в удаленном округе, так и по характеру всей своей

общественной и религиозной жизни израильтяне жили особняком от остального египетского населения. Тем не менее, время по необходимости сближало их с туземцами, и следы этого сближения отразились на многих сторонах их жизни. Высокая цивилизация Египта понемногу покоряла себе кочевых пришельцев, и они постепенно освоились с оседлой жизнью и принимались за земледелие и ремесла. Вместе с тем, в их среду проникли египетские науки и искусства, следы которых явственно выступают во всей дальнейшей их исторической жизни. В Египте они заимствовали познания по геометрии и медицине, а также научились искусству выделывать различные галантерейные вещи из золота, серебра, дерева и камня, приготавливать дорогие и разноцветные ткани, вырезать и гранить драгоценные камни. Но особенно важным для них приобретением было искусство письма, о знании которого не упоминается в патриархальную эпоху, между тем как Моисей по исходе из Египта уже писал для народа законы, которые народ обязывался читать. В самый язык вошло много египетских слов. Еврейские меры называются египетскими именами. Нил по египетскому обычаю в библейском тексте просто называется *йеор* — рекой; месяц *адар* близко напоминает египетское название также месяца *атайр*; *адон* — название ковчега завета и *теба* — название корзинки, в которой спасен был Моисей, — чисто египетские, и многие другие слова и обычаи обнаруживают египетское влияние на израильтян. К сожалению, египетское влияние на израильтян не ограничилось внешней жизнью, а с течением времени отразилось отчасти и на внутренней религиозно-нравственной жизни. Так, из некоторых последующих постановлений и фактов можно с несомненностью выводить, что израильтяне отчасти поддались и безнравственным обычаям, отличавшим простой народ в Египте, и даже усвоили некоторые формы идолослужения. Конечно, особенное влияние на них могла иметь не пышная религиозная обрядность, которой отличалась религиозная жизнь высших классов Египта, но те простые, часто грубые обряды народной египетской религии, свидетелями которых израильтянам часто приходилось бывать. В качестве примера можно указать на боготворение золотого тельца в пустыне, а также и прямое, состоявшееся после жертвоприношений в скинии, запрещение приносить жертвы идолам» (Лев 17:7), — запрещение, подтвержденное впоследствии Иисусом Навином, который прямо говорил: «отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою и в Египте, и служите Господу» (Ис Нав 24:14). Таким образом, пребывание в чужой земле, поведшее впоследствии к рабству политическому, грозило повергнуть израильтян и в рабство духовное.

Сколько времени израильтяне после смерти Иосифа наслаждались миром и благоденствием — определить весьма трудно. Но можно с вероятностью думать, что положение их изменилось к худшему со вступлением на престол новой природной египетской династии. «Восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа», а вместе с тем не мог признавать и права его потомков на те особенные привилегии, которыми они пользовались при прежней династии. Имя Иосифа как сановника низверженной династии могло быть ему неизвестно (или он мог просто не признавать его заслуг). Вместе с тем понятно, с какими чувствами царь в его положении мог относиться к израильтянам. Они были привилегированными подданными, пользовались особой благосклонностью низверженной династии, при которой они владели одним из важнейших округов Египта, господствующим над подступом к самому сердцу страны. Ненависть и вражду к низложенной династии он, естественно, перенес и на любимое ею племя. Но на развитие особенной враждебности к израильтянам могли влиять и другие, чисто политические обстоятельства. Борьба египетских князей с пастушеской династией и народностью происходила по преимуществу в округе Гесем, где гиксы, окопавшись в укрепленных лагерях, долго отражали напор египтян. В этой борьбе невольно должны были принимать какое-нибудь участие и израильтяне, и нет ничего невероятного в том, что они поддерживали сторону гиксов, как народности, родственной им по племенным особенностям, и как династии, которой они так много были обязаны. От природных египтян они ничего не могли ожидать себе, так как для них всякий пастух был «мерзостью», и все пастушеские племена находились у них в презрении. Этот союз с гиксами сделал их политическими врагами египтян, и когда гиксы были окончательно изгнаны из страны, то израильтяне должны были рабством заплатить за свое

изменничество природным фараонам. Опасение фараона, что израильтяне, как многочисленное и сильное племя, в случае войны могут соединиться с неприятелем и вооружиться против египтян, имело действительные основания и подтверждалось прошлой историей Египта. Гиксы завоевали Египет именно при помощи пастушеских племен, которые, подобно израильтянам, с позволения фараонов селились в северо-восточных округах страны и «во время войны соединились с неприятелями». И вот, в чисто государственных интересах начинается по отношению к ним политика давления и угнетения.

Прежде всего, конечно, новое правительство лишило израильтян тех преимуществ и вольностей, какими они пользовались при прежней династии; но затем оно перешло и к положительному их угнетению, стало «изнурять их тяжкими работами». В данном случае не нужно было и выдумывать искусственно этих работ: они являлись как естественная потребность в самом месте обитания израильтян. По изгнании гиксов из Египта требовалось на будущее время обеспечить страну от вторжения полудиких чужеземцев, и потому правительство нашло нужным построить несколько новых укреплений в этой окраине, и на эти тяжелые земляные работы употреблен был даровой труд израильтян. Труд был, очевидно, каторжный, и библейский историк с горечью повествует об этих работах. «Египтяне с жестокостью, – говорит он, – принуждали сынов израилевых к работам и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами, и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью». Так они «построили фараону Пифом и Раамсес, города для запасов», т. е. пограничные крепости с кладовыми для военных припасов.

С каждым новым царствованием возрастали тягости для народа, и не только израильского, но и египетского. Фараоны как бы старались превзойти друг друга своей военной славой и грандиозными постройками и дворцами, которыми украшали свои резиденции, и чем знаменитее был фараон, чем блистательнее его царствование, тем больше стонал народ под гнетом непосильных работ и повинностей. Партиями отводили изнуренных рабочих в каменоломни, заставляли высекать огромные глыбы гранита и с невероятными усилиями тащить их к месту построек; заставляли рыть и проводить новые каналы, делать кирпичи и месить глину и известь для воздвигаемых построек; поднимать воду из Нила в каналы для орошения полей, как это можно видеть еще и теперь на берегах Нила, где обнаженные рабочие, подобно машинам, работают целый день под палящим солнцем, поднимая воду из реки для проведения ее по полям. Одним словом, «ко всякой работе принуждали их с жестокостью» под палочными ударами неизбежных надзирателей.

Несмотря, однако же, на все угнетения со стороны правительства, молодой народ быстро увеличивался в своей численности и силе, и под впечатлением, быть может, постоянных военных шествий египетских войск через землю Гесем, в нем развилась страсть к воинственности, которую отряды отважных охотников и удовлетворяли набегами на соседние страны. Так, партия из колена Ефремова делала набеги на филистимские земли и утоняла скот. Понятно, такие наклонности не могли не внушать опасений правительству, что этот воинственный народ, ожесточаемый угнетениями, может причинить большие политические затруднения в случае войны, или силой может выйти из страны и лишит ее даровой рабочей силы. Видя, что работа, самая каторжная работа, бессильна подорвать рост молодого народа, жестокое правительство фараона решилось прибегнуть к крайней мере, к какой только способен восточный деспотизм. Сначала издано было тайное повеление повивальным бабкам убивать новорожденных младенцев мужского пола; но когда это повеление встретило молчаливый протест в нравственном чувстве и совести представительниц акушерства в Древнем Египте и оставалось без исполнения, то разъяренный фараон повторил это повеление для всего народа и особенно для царских слуг и сыщиков. И вот, к народным стонам под тяжестью работ присоединились стоны и вопли матерей, но среди этих стонов и воплей израильского народа родился его великий избавитель – Моисей.

Моисей, его воспитание в Египте и пребывание в земле Мадямской. Призвание его при горе Хорив

Среди израильтян во время пребывания их в Египте колено Левиино, как показано было выше, сохраняло особенную преданность вере отцов. В среде этого колена жило скромное семейство Амрама и Иохаведы^[5]5

Амрам был внук Левия через Каафа, Иохаведа доводилась ему теткой (Исх 6:18–20).

[Закреть]. Они ничем особенно не выдавались, кроме, быть может того, что сильнее и целостнее других сохраняли веру отцов и более других старались внедрить ее в своих детей – девочку Мариам и мальчика Аарона. Время это было тяжелое для всего народа. Египетская политика угнетения достигла высшего своего развития. Деспотизм фараонов изыскивал все новые и новые средства для того, чтобы задержать рост молодого народа и сломить его нравственную силу, и не останавливался перед бесчеловечием. Издан был даже кровожадный указ об умерщвлении новорожденных мальчиков, и когда этот указ стал приводиться в исполнение, у Амрама родился второй сын, принесся вместо семейной радости страшное семейное горе. Мальчик был необыкновенно красив, и несчастная мать в течение трех месяцев скрывала его от кровожадных взоров фараоновых слуг. Но скрывать долее было невозможно, и она решилась на отчаянный шаг. Она сделала из тростника корзинку, обмазала ее асфальтом и смолой, чтобы она не пропускала воду, и, положив в нее малютку, с молитвами и слезами опустила драгоценную корзинку в один из каналов Нила, поросших тростником, поручая ее Провидению и легкому надзору двенадцатилетней девочки, сестры бедного мальчика. Папирусный тростник, находимый теперь только гораздо южнее по берегам Белого Нила, в то время рос и по всем широким каналам северной Дельты, где жили израильтяне и где находились в новопостроенных городах летние резиденции двора фараонова. Своей листвою тростник мог защищать мальчика от палящих лучей солнца, а вместе с тем, прикрывая реку, представлял удобное место, где придворные дамы могли купаться без ущерба для женской стыдливости. Все эти обстоятельства послужили орудиями высшего промысления Божия. В это самое время вышла купаться дочь фараона и нашла в тростнике корзинку с плачущим младенцем. Доброе сердце царевны сжалось от боли при виде несчастной участи брошенного ребенка. Она поняла, что это невинная жертва жестокого указа ее отца по отношению к израильтянам и, надеясь на силу отцовской любви к себе, порешила спасти его и даже усыновить. Она взяла кормилицу из израильтянок, которой оказалась мать ребенка Иохаведа, и таким образом Промысл Божий направил житейскую корзинку ребенка к историческому величию и всемирной славе. Когда младенец подрос, царевна взяла его к себе во дворец, официально усыновила его и дала ему имя Моисей, «потому что, – говорила она, – я из воды вынула его».

Библейское повествование не сообщает никаких подробностей из ранней жизни Моисея при фараоновом дворе, и есть лишь слабые указания в преданиях. Так, Иосиф Флавий рассказывает, что он даже в три года был удивительно высок ростом, так что, когда он проходил, все невольно останавливались посмотреть на него. Известие о красоте его подтверждается позднейшим библейским свидетельством, что он был «прекрасен пред Богом» (Деян 7:20). Вместе с тем он был «научен всей мудрости египетской», т. е. получил высшее образование, какое только доступно было жрецам и высшим классам страны, державшим все научные и высшие религиозные познания в секрете от народа, и вообще «был силен в словах и делах» (Деян 7:22).

Дочь фараона находит Моисея

Несмотря на свою принадлежность к царскому дому, Моисей не постоянно находился в близком отношении с членами царской семьи. Время образования его в знаменитой школе «египетской мудрости» при храме Илиопольском, если только он учился там, и периодически совершавшиеся переезды двора в отдаленные Фивы надолго и часто отделяли его от семьи фараоновой. Но более всего отчуждало его от этого двора его глубокое сочувствие к своему страждущему народу. Из роскошных палат фараонова дворца ему еще больше было смотреть на то унижение и рабство, в котором находился единокровный ему народ, и явственнее слышался стон его братьев. При виде бедствий своего народа ему противным делался блеск раззолоченных дворцов, и он уходил в убогую хижину своих родителей, чтобы утишить бурю своего возмущенного духа. Он «лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное, греховное наслаждение», и потому даже «отказался называться сыном дочери фараоновой» (Евр 11:24–25). Но среди самого народа он еще ближе увидел его страдания и однажды в порыве негодования убил египетского надзирателя, который жестоко наказывал израильтянина-рабочего, и зарыл его в пески, стараясь скрыть следы своего невольного человекоубийства. Молва, однако же, успела распространиться об этом, и Моисею грозила

смертная казнь, назначавшаяся египетскими законами за человеко убийство. Вследствие этого он должен был бежать из страны.

Чтобы удобнее скрыться от преследований фараоновых сыщиков, Моисей, по всей вероятности, направился на Пелузий или какой-нибудь другой пограничный город на линии великой укрепленной стены, и через него проник в пустыню. Выйдя за пределы страны, он направился в южную часть Синайского полуострова, представляющего собой гористый треугольник более 200 верст по направлению от севера к югу. Северная часть полуострова занята была амаликитянами, а южная – мадианитянами, ведущими свое происхождение от Авраама, через Хеттуру. Связь общего происхождения давала ему уверенность в торжественном приеме, а также, быть может, возбуждала надежду на возможность союза против египтян, в случае, если бы израильтяне попытались освободиться от рабства. Достигнув главного становища племени, которое обыкновенно находилось около какого-нибудь колодезя или родника, он действительно встретил дружественный прием со стороны главы племени, дочерям которого, с патриархальной простотой пасшим его стадо, он оказал любезность и помощь. Простота обстановки, в которой он теперь оказался, дышала патриархальностью и свободой. Хозяин его был и шейхом, и эмиром своего племени, т. е. его гражданским и религиозным главой, носившим вследствие этого два имени – Иофора и Рагуила, соответственно той и другой должности. «Моисею понравилось жить» здесь, и он женился на одной из семи дочерей Иофора – Сепфоре. Но имя, данное им своему первому сыну от этого брака, показывало, что его думы были на берегах Нила, его сердце там, среди своего угнетенного и стонущего народа. Он назвал своего сына Гирсамом, «потому что, – говорил он, – я стал пришельцем в чужой земле». И только второй сын наименован был в память спасения Моисея из Египта, Елиезером, «потому что, – говорил он, – Бог отца моего был мне помощником и избавил меня от меча фараона».

Страна, в которой Моисею пришлось провести много лет, именно гористый полуостров Синай, был особенно пригоден для того, чтобы своей отрешенностью скрывать его от внешнего мира, а вместе с тем своей дикой пустынностью настраивать его на возвышенные мысли и подготавливать к предстоявшему ему великому служению. У северных пределов его тянутся белые известковые возвышенности. К югу идут холмы песчаника, обыкновенно средней высоты, но поражающие удивительным разнообразием и блеском цвета вместе с причудливостью очертаний. Но холмы скоро уступают место горам Синай, которые наполняют южный конец полуострова, представляя массы первобытных скал, поднимающихся в своих вершинах на 9000 футов над поверхностью моря. Взятый в целом, Синайский полуостров представляет собой одну из самых диких стран. Горы издали поднимаются красными и серыми массами, остроконечными скалами из порфира и гранита. По всем сторонам лежат кучи темно-серого пепла погасших вулканов или обломков скал. Волны скал, с зеленоватым отблеском, поднимаются обнаженно и грозно; неуклюжие, дикие хребты, подобно башням, вздымаются над черными и коричневыми массами камней, которые будто бы нарочно разбиты гигантскими молотами исполинов. Южный узел этих гор издавна считался святилищем. Так, гора Хорив, когда Моисей прибыл для поселения около нее, уже называлась «горою Божией».

В этом святилище гор, в ожидании времени, когда по предначертанным планам Божиим Израиль созреет для движения к своему освобождению, и в то же время, неслучайно приготавливаясь к предстоявшему великому подвигу, Моисей провел не менее сорока лет. При своих постоянных переходах со стадами своего тестя он мог ознакомиться с каждой долиной и тропинкой, с каждым ущельем, холмом и со всякой горой всей этой страны; с ее населением, как туземным, так и работавшим в египетских рудниках; с каждым источником и колодцем и с особенностями всякого рода, представляемыми местностью, что все вместе составляло, в высшей степени, важную подготовку к тому, чтобы вести народ, по освобождении его из Египта, к надежному пристанищу и великому святилищу будущей продолжительной стоянки. Кроме того, в эти годы душевного покоя его собственный дух, благодаря отрешенности от мира и тесному уединенному общению с Богом и природой, постепенно укреплялся и очищался.

Приготовление Моисея к его великому подвигу, как и для всякой высокой цели, совершалось медленно и постепенно. Но вот настало время, когда он, по намерениям Божиим, оказался готовым к великому делу и удостоился откровения. Первое откровение совершилось ему в пустыне Синайской, среди гор Хорива («сухих» гор, как вообще называются обширные высоты Синайской группы), когда он пас стадо своего тестя. Горы, которые, по свидетельству Иосифа Флавия, даже в глазах арабских племен окружены были ореолом особенной святости и назывались «горами Божиими», с грозным величием смотрели на него со всех сторон. Он шел за своим стадом овец и коз, отыскивавших растительность по уступам скал, в ущельях узких долин или по берегу случайно попадавшихся ручьев, мало думая о том, куда оно приведет его. Дикая акация и терновник всякого рода покрывали кое-где обнаженные уступы и раскаленную почву оврагов. Но вот – вдруг пыл огня, подобный тому, который сожигал Израиля в горниле рабства, показался среди ветвей одного из находившихся перед ним терновых кустов: Моисей удивленно смотрит – «терновый куст горит огнем, но куст не сгорает». Когда он подошел поближе «посмотреть на это великое явление», из куста раздался голос, в котором он невольно узнал голос Бога. Повелев снять ему сандалии, ибо место, на котором он стоял, было свято, таинственный голос открывал ему новые и теснейшие отношения Бога к Его избранному народу и возлагал на смущенного пастуха страшное поручение быть Его пророком и избавителем народа от рабства египетского. Открыв трепещущему Моисею свое страшное имя «Сущего» (Иеговы), Господь посылает его к народу с известием о предстоящем освобождении. «Иди к твоим братьям и сынам Израилевым, – продолжал Божественный голос, – и скажи им: Иегова, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, послал меня к вам. Вот имя Мое на веки; так называйте Меня из рода в род». Все другие боги просто «элилим» – «ничто», не имеют бытия и суть только изобретение человека. Один Иегова самым именем Своим возвещал о Себе, что Он только Единый Сущий Живой Бог. Моисей должен был возвестить своим братьям, что этот Сущий Бог, помня Свой завет с Авраамом, готов был освободить их от рабства и привести их к горе, где именно этот Божественный голос так говорил, и Он там даст им законы как Своему народу, и поведет их затем в добрую землю, которую Он обещал отцам их.

Невольно устрашась поручения столь возвышенного и вместе столь трудного, Моисей, естественно, желал получить особенное уверение в сопричастии с ним Бога, прежде чем явиться перед лицом могущественного фараона или попытаться пробудить угнетенный народ от апатии. Но ему дается и это уверение. Откровение подтверждено было ему двумя знамениями, которые показывали, что он стоит в присутствии не только Сущего, но и Всемогущего Бога, и из которых каждое заключало в себе особое значение. Рука, пораженная проказой и затем опять исцеленная, указывала на силу, при помощи которой Моисей мог освободить народ, считавшийся у египтян прокаженным. Пастушеский посох, сначала превращенный в змея, бывшего египетским символом злого духа (Тифона), и опять превратившийся в свое прежнее состояние, сделался жезлом Моисеевым и жезлом Божиим, как бы скипетром в управленииверяемым ему народом и орудием чудес, которые содействовали освобождению народа и поражали врагов его. Правда, Моисей чувствует еще одно препятствие к успешному исполнению великого дела. Он не речист, косноязычен. Но и в этом ему дается уверение, что вместо него перед фараоном будет говорить брат его Аарон, и ему остается только действовать при посредстве его в качестве представителя Бога. Ему придется только руководить, а Аарон будет выражать его указания в надлежащих словах. По отношению к народу он должен был, так сказать, заменять Бога, а по отношению к Аарону быть тем же, чем Бог является по отношению к Своему пророку, которого Он вдохновляет. Таким образом, у него есть могущественный Защитник и Покровитель, который и будет главным Избавителем. Народ будет избавлен не искусством или умом предводителя, а только силой Иеговы. Это избавление должно быть настолько делом одного Иеговы, что народ должен был во все последующие века видеть в этом залог того, что Он избрал его Своим народом из чистой любви и сострадания к нему. Тогда Моисей решил возвратиться на берега Нила, тем более, что там уже «умерли все искавшие души его».

Когда Моисей отправился в путь, во время которого получил грозное внушение за упущение в совершении обрезания над своим сыном, то в пустыне у горы Хорив он встретился с своим братом Аароном, и эта встреча столь давно не видевших друг друга братьев не только взаимно ободрила их дух, но и наполнила их сердца радостью и упованием на Бога. Моисей рассказал своему возлюбленному брату о полученном им божественном посланничестве для совершения великого предприятия; с своей стороны, то же самое передавал и Аарон. Последний, постоянно живший с своим народом и близко знавший его жизнь и настроение, мог сообщить Моисею, что израильтяне, их братия, наконец, после долгих лет охлаждения, опять запылали ревностью к вере своих отцов, так что можно было надеяться на их содействие в исполнении всякого плана к быстрому освобождению их от рабства египетского и от близости ненавистного идолопоклонства. Доказательств этого не было надобности ждать долго. Все старейшины Израиля, будучи собраны на совещание и получив известие о приближающемся событии, с радостью приняли эту весть, и через них она с быстротой молнии облетела все колена, все племена и семейства, народ поднял голову и исполнился радостью. Старейшины донесли великим братьям, что «народ поверил» им и возрадовался, что «Господь посетил сынов израилевых» через своих избранных посланников и в благодарственном уповании «поклонился». Тогда оставалось только сообщить волю Божию фараону и просить его об освобождении народа, и братья-освободители пошли пред лицо гордого монарха.

XVI

Ходатайство перед фараоном и казни египетские. Приготовление к исходу. Пасха

Когда Моисей снова явился на берегах Нила, то главного угнетателя народа израильского уже не было в живых и престол перешел к его наследнику – бесхарактерному, но жестокому деспоту, который своим упорством подверг страну ужасным бедствиям. Наиболее любимой резиденцией фараона этого времени был город Танис, или Цоан, лежавший на одном из северных каналов Нила, в области Гесем. Это был город колонн, статуй, сфинксов и украшений всякого рода, какими вообще отличалась резиденция фараонов. Великолепные дворцы были местом постоянных придворных пиршеств и ликований, которые были в разительном противоречии с тем, что делалось за их стенами, где народ стонал от непосильных работ и повинностей. Представителем этого народа и явился во дворец Моисей с своим братом Аароном. При государственной беспечности фараона, едва ли имевшего возможность знать действительное состояние своего государства и судившего о нем только по окружавшей его придворной пышности и раболепству придворных льстецов, превозносивших славу и могущество фараонова престола, появление во дворце каких-то дерзких представителей ничтожного, презренного инородческого племени могло только вызвать у фараона улыбку презрения. На просьбу Моисея и Аарона отпустить израильский народ в пустыню для принесения жертвы Господу, фараон высокомерно, хотя и не без благодушия отвечал, что он не знает никакого их Господа и советовал бы им не предаваться праздным смутам в народе, а идти и заниматься своим собственным делом. «Зачем вы, Моисей и Аарон, отвлекаете народ мой от дел его? Ступайте на свою работу», – сказал он и с этим выпроводил ходатаев за угнетенный народ. Фараон, очевидно, не понимал еще всей важности готовящегося события, но видел, что в народе израильском началось какое-то незаконное движение. Движение это, думалось ему, происходило от праздности, и поэтому он велел усилить работы и повинности. Египетским надзирателям запрещено было выдавать рабочим даже солому для кирпичей, и народ должен был сам отыскивать ее для себя, теряя время, а между тем, от них требовали изготовления того же урочного числа кирпичей, подвергая жестоким побоям и наказаниям за всякий недочет в них. Народ возопил еще больше и выражал негодование даже на Моисея и Аарона, считая их прямыми виновниками своих усилившихся страданий. Тогда Бог, возобновив Свое обетование вывести народ в Землю обетованную, дал Моисею и Аарону окончательное поручение ходатайствовать перед фараоном, предупреждая их о противодействии и упорстве последнего, но показывая вместе с тем, что все это послужит лишь к обнаружению всемогущества Божия и заставит самих египтян признать силу Иеговы. И вот братья-освободители опять явились во

дворец, чтобы решительно потребовать отпущения народа, подтверждая свое право на то необычайными знамениями.

На этот раз фараон внимательнее отнесся к представителям израильтян, созвал придворный совет, чтобы официально выслушать их заявления. В доказательство правоты своего требования Аарон бросил свой жезл на пол, и он мгновенно превратился в змея, шипя и извиваясь. Как ни чудесно было это знамение само по себе, но для Египта в нем не было ничего необычайного. Оно, по-видимому, не особенно смутило фараона. Он позвал своих придворных волхвов Ианния и Иамврия, и они своими чарами сумели сделать нечто подобное. Таким образом, первым своим знамением Моисей с своим братом не могли доказать необычайности своих полномочий, и жезл Аарона только в том отношении превзошел жезлы египетских волхвов, что, превратившись в змея, пожрал их. Фараон, очевидно, только с любопытством просвещенного деспота взглянул на этот – по его мнению – «фокус» представителей израильского племени и остался несомненно доволен подобным же искусством своих придворных волхвов. Об отпущении народа он и думать не хотел. Тогда над Египтом разразился ряд бедствий, которые по быстроте следования и величию были беспримерны в истории страны и по справедливости получили название *казней египетских*. Когда фараон решительно отказался удовлетворить справедливую просьбу Моисея, страну постигло первое бедствие: вся вода обратилась в кровь. Все казни египетские имеют не просто стихийный характер, но религиозно-нравственный смысл. Они имеют целью не только сломить упорство жестокого правительства, но и подорвать в глазах народа значение его богов. Первая казнь была прямо направлена против главного божества страны, Озириса, как олицетворения Нила, который оказался бессильным защитить страну от этого бедствия, и жрецы его своими чарами могли только увеличить бедствия, обращая также воду в кровь, а не восстанавливая ее первоначального свойства. Вода оказалась негодной к употреблению, рыбы умирали в ней, и египтяне принуждены были рыть новые каналы, чтобы не погибнуть от жажды.

Вторая казнь, наслание жаб, также прямо направлена была к подрыву египетского идолопоклонства, именно культа богини Хект, «гонительницы жаб», изображавшейся с головой жабы. В известные периоды жабы во множестве появляются в Египте, особенно, когда Нил и его каналы во время высшего разлива заливают и наводняют все высыхающие обыкновенно болота и низменности. Жабы и лягушки всякого рода нарождаются мириадами, и древние египтяне обращались за помощью к богине Хект. Так было и теперь вследствие наказания Божия, но в еще более ужасной, небывалой степени. «Гонительница жаб» оказалась бессильной помочь беде, и жабы наполняли даже дома и постели, что было истинным бедствием для такого брезгливого и чистоплотного народа, как египтяне. Волхвы своим искусством только усиливали бедствие, которое, очевидно, было так необычайно и тяжело, что фараон принужден был обратиться за помощью к Моисею и Аарону. Тут он показал первый признак уступчивости, которая, однако же, скоро опять сменилась упорством высокомерного деспота.

В наказание за это последовала третья казнь и притом уже без предостережения, которым сопровождались первые две. Почва берегов Нила, как и все там, считалась священной, и ее боготворили под именем Себ или отца богов. Теперь она должна была подвергнуться осквернению. Вся земля обратилась в мошек и разных насекомых. «И были мошки на людях и на скоте». Под мошками, очевидно, разумеются не только безвредные, но и ядовитые насекомые, причинявшие страшные страдания не только людям, но лошадям и вообще скоту. Но, собственно, ядовитые насекомые явились вследствие четвертой казни, наведшей на страну «песых мух». Эти злые и ядовитые мухи тучами наполнили воздух и были истинным бичом для людей и для животных. Это была ужасная казнь и кроме нанесения телесных страданий, она вместе с предыдущей направлялась также к подрыву египетского идолопоклонства, в котором были и специальные «боги мух», как и во всех жарких странах древнего языческого мира. Боги эти считались защитниками страны от ядовитых насекомых всякого рода, и две последние казни доказывали их полное бессилие против бедствия. Едва страна успела

вздохнуть от описанного бедствия, как ее постигла пятая казнь, именно моровая язва на скот. Опять и здесь покровители скота в Египте Озирис и Изида, также как и другие божества, оказались бессильными отвести бедствие, и оно должно было тем большим ужасом поразить египтян, если от язвы погиб и боготворимый ими бык Апис.

В шестой казни карающая рука Божия ближе касалась уже самих людей. Брошенный Моисеем пепел произвел язву, поразившую не только скот, но и людей. Казнь эта также направлялась против египетского идолопоклонства. В различных египетских городах, посвященных богу Сету или Тифону, ежегодно приносились в жертву рыжеволосые люди из инородцев, и между ними, наверно, бывали и израильтяне. После сожжения их живыми на жертвеннике пепел их рассеивался жрецами в воздухе, как бы для очищения атмосферы от всяких вредных стихий. Теперь же пепел, брошенный Моисеем, произвел как раз противоположное действие и поразил язвой суеверных египтян, и особенно жрецов, для которых бедствие от нее было двойное, так как по закону оно делало их нечистыми и неспособными к отправлению своих жреческих обязанностей.

Как ни тяжелы были все эти бедствия, но они еще не могли сломить упорства высокомерного фараона и не могли заставить его исполнить просьбу Моисея. Тогда послана была седьмая казнь. Это было около месяца марта. Ячмень колосился, лен цвел, а пшеница, рожь и полба еще только зеленели. Над полями пронеслась страшная грозовая буря, сопровождавшаяся опустошительным градом. Явление это было необычайным. Хотя гром и град не неизвестны в Египте весной, но они редко бывают сильными, и теперешняя сильная гроза с опустошительным градом должна была крайне усилить возбуждение и страх народа перед грозными явлениями, быстро следовавшими одно за другим и поражавшими страну различными бедствиями.

Восьмая казнь совершилась посредством наведения саранчи, самого страшного бедствия для сельскохозяйственной страны особенно уже значительно опустошенной градом. От Аравии до Индии и от Красного моря и Нила до Греции и северных пределов Малой Азии саранча есть истинный бич земледелия. Она летает такими тучами, что застилает солнце и дотла пожирает всю зелень, встречающуюся ей на пути. Неспособная управлять своими полетами, она несется по воле ветра, и горе стране, на которую она обрушивается. Она покрывает землю, как снег; и будь страна раньше хотя садом эдемским, после нее будет представлять бесплодную пустыню. Ничто не в силах остановить ее полета. Зажигают огни, но они потухают от массы мертвых тел ее, а живая мириадами продолжает свой полет. В открытые двери и окна она набивается тысячами и съедает все, что сделано из дерева. Такое страшное бедствие постигло и Египет; и только когда саранча произвела свою опустошительную работу, сильный ветер с Средиземного моря снес и потопил ее в Красном море. Все эти бедствия, наконец, по-видимому, поколебали фараона. Он поспешно призвал к себе Моисея и Аарона и на этот раз уже с несвойственным ему смирением просил их простить его за отказ в их просьбе. Но как только прекратилось бедствие, в нем опять оживило высокомерие восточного деспота, и он поддался внушению жрецов, которые утверждали, что все эти бедствия – простые явления природы, и потому не следует на основании их государству лишаться такой многочисленной рабочей силы, какую представляли собой израильтяне для Египта. Впрочем, другие из приближенных сановников фараона, более понимавшие нужды и состояние страны, по-видимому стали убеждать его уступить просьбе Моисея, так как иначе Египет погибнет. И фараон действительно сделал уступку, но с ограничением, чтобы на праздник в пустыне шли только одни мужчины, а остальные все должны были оставаться дома. «Я готов отпустить вас, но зачем с детьми? Видите, у вас худое намерение», – сказал он и велел выгнать Моисея из дворца. Последовавшая затем казнь, однако, заставила его сделаться еще более уступчивым, и он уже позволял идти всем израильтянам, только бы остались дома стада, как залог того, что они возвратятся из пустыни. Но дипломатические переговоры, которые, однако же, обеим сторонам давали знать, что собственно разумелось под предлогом трехдневного празднования в пустыне в честь Иеговы, должны были принять теперь более крутой и откровенный оборот. Моисей отверг

условие фараона и сказал, что он требует отпуска всех вообще израильтян со всеми их стадами до последнего копыта, ничего уже не говоря о продолжительности путешествия. Между тем страну постигла девятая казнь. Солнце было верховным божеством Египта, и оно также должно было обнаружить свое бессилие перед всемогущим и грозным Иеговой. Страну покрыла непроницаемая тьма, продолжавшаяся три дня, так что люди не могли видеть друг друга, и должно было приостановиться всякое движение и всякая деятельность. Напуганный страшной тьмой фараон еще раз выказал уступчивость. Но требование Моисея, чтобы народ взял с собой и все свои стада, опять пробудило строптивость разъяренного деспота, и аудиенция кончилась страшными угрозами фараона, что дерзкий нарушитель его спокойствия должен будет умереть, если только опять увидит лицо его. Но события приняли уже вполне решительный оборот, и Моисей мог с глубокой иронией ответить фараону, что он уже действительно не увидит лица его.

Великие исторические события не совершаются сразу. Прошло более поколения с того времени, как Моисей в неудержимом порыве благородного негодования убил египетского надзирателя за его жестокость к своему соплеменнику. Он думал, что «братья его поймут, что Бог рукою его дает им спасение» (Деян 7:25), и очевидно надеялся, что этот случай послужит для них сигналом к общему подъему на борьбу за свободу. Но цепи рабства въелись, так сказать, в самую душу этого народа, и он был глух к призыву освободителя, который сам должен был спасаться бегством от грозившей ему смертной казни. Это, однако же, не убило в нем надежды. В глухих ущельях Синайского полуострова в часы пастушеского досуга он жил своей великой мыслью, но осуществления ее должен был ожидать многие годы. Прошла вся молодость, и борода покрылась снегом старости, и только тогда он получил божественное призвание к освобождению народа от рабства египетского, и тогда же с берегов Нила дошла до него радостная весть, что родной ему народ, под влиянием Аарона наконец воспрянул духом и готов был принять освободительную миссию двух братьев. Тогда-то и началась описанная выше борьба между представителями угнетенного народа и деспотическим угнетателем, — борьба, в которой такую грозную роль играли внешние бедствия, в быстрой последовательности обрушивавшиеся на страну. Последнее страшное явление более всего навело ужас на суеверных египтян, и приближенные сановники более чем когда-нибудь умоляли фараона отпустить этих презренных рабов. Но слабохарактерный и, вместе с тем, высокомерный деспот, соглашаясь уступить, в то же время опять переменял свое мнение и дождался того, что страну его постигло новое бедствие, еще более ужасное, чем все предыдущие, и притом такое, которое лично коснулось самого фараона.

Моисей уже предвидел неминуемый исход борьбы и велел всем готовиться к выступлению. Народ должен был запастись всем, что могло понадобиться в пустыне. Жизнь в Египте познакомила израильтян с ремеслами и занятиями этой цивилизованной страны, так что они в культурном отношении стояли гораздо выше, чем простые номады или пастухи, и потому могли сразу основать благоустроенное государство в Палестине. Но рабская жизнь, естественно, не могла способствовать благосостоянию экономическому. В течение долгого времени они, будучи даровыми рабочими, не получали никакой платы за свой труд, и поэтому, если и были некоторые счастливые исключения людей, сумевших накопить богатства, то масса была крайне бедна. Теперь, перед уходом из страны, народ должен был, так сказать, сразу взять у египтян плату за свой вековой труд, и каждый должен был выпросить у знакомых египтян все, что может оказаться необходимым в пустыне — одежды, украшения, сосуды и тому подобные вещи. С массой собственно египетского народа израильтяне жили в дружественных отношениях, так как почти одинаково несли тяжкую долю рабства, но последние события заставили и высшие классы снисходительнее и добрее относиться к израильтянам, и потому все охотно давали им свои вещи.

Наступила последняя роковая ночь, последняя ночь рабства перед зарей свободы. Память о ней необходимо было увековечить в народном сознании. Народ должен был бодрствовать в эту ночь и совершить торжественный обряд в знак своего освобождения. Несомненно, израильтяне

и прежде имели годовичные праздники, совершавшиеся весной. Теперь установлен был новый праздник, как знамение великого исторического момента в жизни нарождающегося народа, именно праздник Пасха, и Моисей повелел праздновать ее с такими обрядами и в такой обстановке, которые навсегда запечатлелись бы в народной памяти. Отселе с месяца Авива (Нисана) должен был начинаться новый год, и в четырнадцатый день его должна ежегодно совершаться Пасха. Каждый дом должен совершать ее отдельно, убивать ягненка и есть его с пресным хлебом и горькими травами так, чтобы вместе чувствовалась и сладость свободы и горечь испытанного рабства. Все должны были есть ее наготове к отправлению, стоя с посохами в руках, в сандалиях, с поясами и сумками, есть «с поспешностью», как требовалось особенностями исторического момента освобождения народа. Никто не должен был выходить из дома, а быть наготове – по первому знаку собираться под знаменами своих частей для выхода из страны рабства. Страшная торжественность этой ночи и этого обряда усиливалась кровавыми знаками на дверях, дававшими знать, что в эту ночь совершится последняя казнь над деспотической страной.

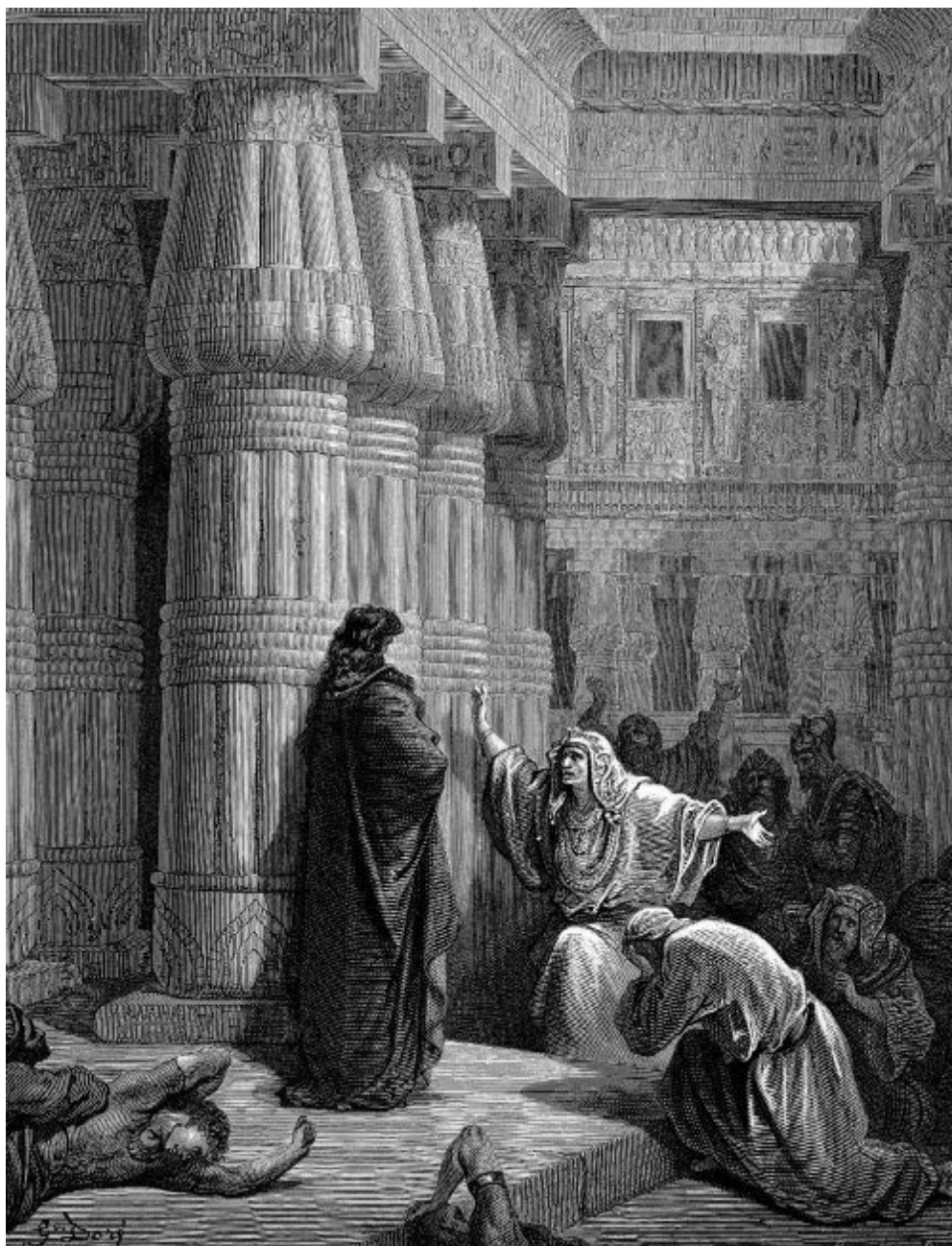
И казнь совершилась. Заря, засиявшая для израильтян лучами свободы, осветила для египтян то ужасное бедствие, которое разразилось над ними в эту ночь. «И сделался великий вопль во всей земле египетской: ибо не было дома, где не было бы мертвеца», и в самом дворце фараон оплакивал своего наследника. Ангел смерти поразили всех первенцев египетских «от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, и все первородное из Египта».

Последнего удара не выдержало высокомерие фараона. Узнав о страшном бедствии, постигшем страну и его собственный дом, он еще ночью призвал Моисея и Аарона и с отчаянием сказал им: «Встаньте, выйдите из среды народа моего, – возьмите все и идите, и благословите меня», – как бы сквозь слезы добавил убитый горем фараон. Теперь уже и сами египтяне, пораженные ужасом, торопили израильтян к выходу из страны: иначе, говорили они, «мы все помрем». И народ двинулся в путь, собираясь под знаменами своих старейшин и сосредоточиваясь вокруг главного знамени, где находилась душа всего движения – вождь и освободитель народа Моисей.

XVII

Исход из Египта. Переход через Чермное море

Исходным пунктом движения был Раамсес, один из тех «городов для запаса», которые построены были каторжным трудом израильтян. Почувяв свободу, народ бодро устремился в путь. У него всего еще было вдоволь, он не имел и понятия о тех лишениях и нуждах, которые предстояли ему, и был одушевлен единственной мыслью о той обетованной земле, что течет молоком и медом, и желал бы, чтобы его прямо вели туда.

Египтяне умоляют Моисея уйти

Это последнее желание, по-видимому, исполнялось, когда после короткого отдыха в сборном стане вожди повели народ прямо на палестинскую дорогу и, пройдя по направлению к востоку около двадцати пяти верст, по линии канала с пресной водой, идущего к одному из горьких озер, – остановились станом в Сокхофе или Суккоте – «палатках», где, вероятно, была стоянка какого-нибудь пастушеского племени. Воды было достаточно по всему пути, но многие женщины, наверно, уже отставали, дети истощались и заболели, скот измучивался и падал, – неизбежное явление в массовом и притом поспешном движении. Кроме того, видимо, робость заползала в души менее отважных мужчин, когда они невольно вспоминали, что перед ними тянется укрепленная сплошная стена, и прежде чем проникнуть за нее в вольную пустыню, им придется встретиться с хорошо вооруженными и дисциплинированными войсками, охранявшими эту укрепленную стену.

На следующей день пришлось остановиться уже в виду фортов Ефама, одной из крепостей этой стены, «на краю пустыни» того же имени. При виде грозных бастионов крепости страх разросся еще больше, и хотя израильтяне находились еще на египетской почве, но между ними

послышались уже голоса, выражавшие сожаление, что оставили Египет: лучше было бы рабствовать там, чем умирать в пустыне. Моисей, однако же, знал не только характер своего народа, но также и то, с чем ему приходилось встретиться на пути. Прежде всего он подвергся бы нападению со стороны гарнизонов пограничной египетской укрепленной стены; но если бы ему удалось прорваться через эту стену, то с другой стороны на него не замедлили бы напасть находившиеся в союзе с Египтом князья филистимские, которые не преминули бы поживиться за счет такой большой добычи. Нужно было избежать всего этого. Поэтому Моисей, руководимый чудесно предшествовавшим ему столпом облачным днем и столпом огненным ночью, повернул от Ефама на юг и повел свой народ параллельно со стеной, на некотором расстоянии от нее. Движение это было крайне поспешное, так как крепостные войска во всякое время могли сделать нападение, и поэтому во время пути пришлось иметь меньше отдыха, чем следовало бы. Наконец неподалеку от Чермного моря они достигли места под названием Пигахироф – «место, где растет тростник» («между Мигдолом и между морем, перед Ваал-Цефоном»). Там они могли раскинуть палатки и отдыхом подкрепить свои силы среди обильных родников пресной воды и прекрасных пастбищ. В таком движении виден глубоко обдуманный план. Подступ к крепости Ефам и затем быстрое отступление от нее и исчезновение в пустыне могли заставить начальников крепостей предполагать, что Моисей оставил намерение прорваться через крепостную стену, потерял дорогу и заблудился в пустыне. Когда об этом донесено было фараону, то и у него могло явиться предположение, что бежавшие от него рабы «заблудились и пустыня заперла их».

Известия из пограничных крепостей в то же время должны были показать фараону, что у Моисея действительно было намерение окончательно вывести свой народ из Египта, а не просто временно побыть в пустыне с целью совершения религиозных обрядов и празднеств, как он, при своем презрительном взгляде на неспособность рабского племени к возвышенной идее свободы, мог предполагать и после всего, что произошло между ним и Моисеем. «Что это мы сделали? – гневно сказал он теперь окружавшим его сановникам. – Зачем отпустили израильтян, чтобы они не работали на нас?» Он с крайней неохотой отпустил их даже в пустыню на религиозный праздник – отпустил только потому, что не мог не отпустить. Теперь же, когда стало известно, что эти рабы решились совсем бежать из страны, надо остановить их, воспрепятствовать им во что бы то ни стало. Правда, они уже были довольно далеко; но у него была конница, которая могла догнать их. Быстро поэтому он приказал снарядить погоню. В качестве передового отряда высланы были шестьсот лучших колесниц, за которыми двинулись и главные силы. Египетские фараоны были страстные любители конницы, которая была их гордостью и славой. На нее шли огромные издержки, так как каждый воин имел особую колесницу, запряженную парой красивых, сильных и быстрых коней. Пылая мщением к презренным беглецам и предвкушая удовольствие грозного налета молниеносной конницы на пораженных ужасом израильтян, фараон сам отправился во главе передового отряда.

Между выходом израильтян и погоней за ними, однако же, по необходимости должно было пройти довольно много времени. У египтян так велико было почтение к умершим, что самые важные государственные обстоятельства не могли нарушить всего обрядового церемониала, который совершался фараоном в честь своего умершего сына-наследника. Кроме того, и в семействах воинов также совершались подобные же обряды над умершими первенцами. По придворному церемониалу для оплакивания сына фараонова требовалось до семидесяти двух дней, и в это время отлагались все остальные дела. Но если фараон принужден был долго откладывать преследование, то теперь тем быстрее он должен был пуститься в погоню за беглыми рабами. Он быстро снарядил свою грозную конницу, и военные колесницы вихрем понеслись своими великолепными скакунами, которые, по выражению одного древнего египетского памятника, «были быстры как шакалы, с огненными глазами и с яростью подобно урагану, все разрушающему». Бедственная участь израильтян казалась неизбежной. Они между тем, снявшись станом, медленно подвигались к Чермному морю. Слышен был уже прибой волн на морском берегу, когда вдруг позади на небосклоне показались облака пыли, дававшие знать

о преследовании. Ужас объял всех, и опять начался отчаянный ропот малодушных на своего вождя. Ввиду неизбежной гибели ропот превратился в обвинения, в которых звучала горькая усмешка отчаяния. «Разве нет гробов в Египте, что ты нас привел умирать в пустыне? – роптал народ. – Что это ты сделал с нами, выведши нас из Египта? Не говорили ли мы тебе в Египте: оставь нас, пусть мы работаем египтянам? Ибо лучше нам быть в рабстве у египтян, чем умереть в пустыне». В этом ропоте слышалось злобное малодушие рабов, для которых цепи рабства милее, чем свобода, достигаемая отвагой и мужеством. Можно представить, как тяжело было положение Моисея. Но великий вождь, спокойный даже в присутствии страшной опасности, сумел вовремя успокоить тревогу, пока она еще не перешла в гибельную панику. «Не бойтесь, стойте! – громовым голосом сказал он. – Господь будет побороть за вас, а вы будьте спокойны». Слова эти успокоительно подействовали на массу, и она стала ожидать своей участи, которая, несомненно, должна была скоро решиться. Море бурно волновалось впереди, а сзади уже показывались передовые ряды преследователей. Опасность была страшная, но Господь услышал вопль Моисея и повелел народу идти вперед, несмотря на бушующие волны, обещая, что море расступится перед ними и представит широкий путь для прохода. И первым знамением этого покровительства было то, что Ангел Господень и столп облачный, двигавшиеся впереди стана, теперь стали позади его, чтобы укрыть народ от египтян.

Настала ночь – темная и бурная. По указанию Божию Моисей простер руку свою на море, и сильный северо-восточный ветер с такой яростью стал гнать воду, что море сделалось сушей: «и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше; воды же им были стеной по правую и по левую сторону», защищая боковые подступы к переходу. Буря настолько задержала в таком положении воду, что израильтяне успели перебраться на ту сторону моря со всеми своими стадами, естественно, торопясь под влиянием страха надвигавшейся погони.

Несомненно, это была страшная ночь, как можно видеть из описаний ее псалмопевцем, воспевавшим это достопамятное событие столетия спустя: «Облака изливали воды, тучи издавали гром, и стрелы Твои летали, и глас грома Твоего в круге небесном, молнии освещали вселенную; земля содрогалась и тряслась» (Пс 76:17–19). Только что израильтяне успели перебраться на восточный берег, как у западного берега показались и египтяне. Что им было делать? Сразу ли броситься по тому пути, по которому перешли израильтяне, или поискать обходного пути, чтобы перенять беглецов сухим путем? Воины и лошади были утомлены усиленным маршем, и ночь была страшно темная. Но в стане израильтян светился столп огненный, показывавший, что они недалеко, и фараон решил тотчас же преследовать добычу. Думая, что буря еще долго будет сдерживать воду и видя добычу так близко, он не послушался благоразумия и с своей конницей ринулся вброд, направляясь по указанию сигнального огня, который должен был обозначать место нахождения самого вождя беглецов. Между тем, по описанию Иосифа Флавия, разразился страшный бурный ливень, с громом и молнией, и вместе с порывистым ветром заставил невольно смутиться гонителей, которые, в то же время, видя огни, зажигавшиеся в различных местах среди израильтян для указания пути отдельным частям, потеряли прямое направление и в смятении кое-как ощупью пробирались по дну. Но вот, когда войско уже находилось среди перехода, ветер, по чудодейственному мановению руки Моисея, мгновенно переменяет свое направление и с прежней яростью подул со стороны моря. Долго сдерживавшаяся им вода теперь тем яростнее ринулась к берегу, и *censored*тые волны стали заливать место перехода. Идти вперед поэтому было невозможно; но то же самое и назад, потому что колеса вязли и заседали в песке; от сильных порывов взбешенных коней оси ломались, и воины падали в воду. При виде наступающих волн ужас объял египтян. Но спасение было уже невозможно. Юго-западный ветер с дикой силой дул из ущелий соседних гор и яростно гнал воду, которая все более и более затопляла место перехода. На нем в отчаянии боролись египтяне. Отчаянные крики погибающих людей и храп испуганных лошадей, бессильно бившихся в упряжи засевших в песке колесниц, представляли (как естественно предположить) страшную картину, усиливаемую непроницаемой тьмой ночи и

ревом разъяренной стихии. Но борьба была непродолжительна. Стихия одолела, и поутру берега были усеяны трупами погибших в ту ночь египтян, среди которых, вероятно, был и сам фараон.

Близ того места, где израильтяне вышли на восточный берег Чермного моря, от берега идет равнина, ведущая к плодородному оазису, известному еще и теперь под названием Айюн-Муса (Источники Моисеевы), на расстоянии четверти часа пути от берега. Здесь-то, наверно, и расположились израильтяне после чудесного перехода Чермного моря. Чудесное избавление от страшной опасности привело их в неописуемый восторг. Этого спасения никак нельзя было приписать самим себе; оно было в собственном смысле чудесно, и народ ликовал, прославляя Иегову и своего доблестного вождя Моисея. Иегова, очевидно, есть Бог превыше и всесильнее всех богов. Все сердца были переполнены восторженной благодарностью к Богу. В такие великие исторические моменты народная душа изливается в дивно-поэтических творениях, и душа израильского народа вдохновенно выразилась в той хвалебной песни, которая сделалась историческим заветом народа и послужила основой для его религиозной и гражданской поэзии во все последующие века. «Моисей и сыны Израилевы воспели Господу песнь сию:

Пою Господу, ибо Он высоко превознесся,
Коня и всадника его ввергнул в море.
Господь моя крепость и слава:
Он был мне спасением,
Он Бог мой, и прославлю Его,
Бог отца моего, и превознесу Его».

По окончании великой исторической песни началось простое народное ликование и празднество. Мариам, достойная сестра великих братьев-освободителей, образовала хороводы и с тимпаном в руках вдохновляла женщин и дев к пляскам, песням и играм. Это был самый счастливый день в истории избранного народа.

Такое необычайное событие, конечно, не могло пройти незамеченным в тогдашнем мире, и предания о нем долго сохранялись у соседних народов. Племена к востоку от Чермного моря, говорит Диодор Сицилийский, бывший в Египте незадолго до Рождества Христова, «имеют предание, передающееся в течение веков, что однажды весь залив во время сильного отлива обнажился от воды, которая стенами стояла по обеим сторонам, делая видимым дно». Греко-иудейский писатель Артапан, живший также незадолго до Рождества Христова и написавший книгу об иудеях, отрывки которой сохранены Евсевием Кесарийским, говорит, что «жрецы Мемфиса обыкновенно рассказывали, что Моисей тщательно изучил время отлива и прилива Чермного моря и провел через него народ свой, когда мели совсем обнажились. Но жрецы Илиопольские рассказывают эту историю иначе. Они говорят, что когда царь египетский преследовал иудеев, то Моисей ударил воды своим жезлом, и они расступились так, что израильтяне могли пройти как по суху. Когда же египтяне решились вступить на этот опасный путь, то были ослеплены огнем с неба, море ринулось на них и они все погибли частью от молнии, частью от волн».

Знаменитый египтолог Бругш высказал новую теорию касательно места исхода, возбуждавшую значительный интерес в ученом мире. Он предполагал, что израильтяне пошли не южной дорогой к Чермному морю, как описано выше, а к северо-востоку, по направлению к Пелузию. Ваал-Цефон, по его мнению, был храм на горе Касие, уже за египетской пограничной стеной, в направлении к Ханаану. Так как эта дорога ведет уже не через Чермное море, а гораздо севернее его, то, по мнению Бругша, вместо библейского «Чермное море» нужно читать «Травное море», каковое название давалось не только заливам Чермного моря, наполненным водорослями, но и, главным образом, широким и страшным топям, известным под названием Сирбонских озер, между Пелузием и Гесемом, у берега Средиземного моря. Между этими

озерами и Средиземным морем и теперь еще проходит узкая береговая полоса, которая, по-видимому, может служить путем сообщения между Египтом и Палестиной, но во время бурь заливаются волнами моря. Этим-то путем и проведены были, по его предположению, израильтяне, между тем как во время прохода войска фараонова поднялась буря, которая стала заливать береговую полосу, вследствие чего войско пришло в смятение и ужас, потеряло свое настоящее направление и погибло в волнах. Как ни остроумна эта теория сама по себе, но и потому, что новейшие исследования совсем не подтверждают ее. Дело в том, что проход по этой береговой линии невозможен, так как в некоторых местах она совершенно прерывается. Быть может, берег с того времени совершенно изменился; но и в таком случае кажется невероятным, чтобы Моисей повел свой народ этим путем, так как тут он был бы принужден прорваться через укрепления Пелузия, как раз запиравшие выход из страны в этом месте.

XVIII

Странствование израильтян по пустыне до Сина

Снявшись со своего стана в Айюн-Мусе, народ израильский под покровом Божиим и водительством Моисея двинулся по направлению к югу – вероятно, тем путем, которым и теперь ходят караваны из Египта к Синаю и в Аравию, неподалеку от морского берега, по пустынной кремнистой дороге. Чем дальше, тем местность становилась волнообразнее и гористее. Это была пустыня Сур. В течение трех дней народ тяжело двигался вперед, подкрепляясь запасенной в кожаных мехах водой; но последняя наконец истощилась, и мука жажды начала сказываться на всех. Это было неутешительным началом для новой свободной жизни и резко противоречило с тем, что израильтяне, вероятно, ожидали после своего чудесного избавления от фараона. Наконец они прибыли в долину Хувар, известную тогда под названием Мерра (Горечь), и в ней нашли воду; но она оказалась слишком соленой и горькой. Их нравственное воспитание уже началось. Иегова спас их при Черном море и хотел приучить их уповать на Него и в будущем. Но это был тяжкий урок, и народ опять разразился громким ропотом против Моисея. Это было действительно страшное испытание их надежды на невидимого Вождя и Покровителя. Но помощь была близка, если бы только у них побольше было терпения и самоотречения. «Моисей возопил к Господу, и Господь показал ему дерево, и он бросил его в воду, и вода сделалась сладкою», так что народ с приятностью утолял свою жажду.

Направляясь отсюда дальше на юг, израильтяне следующий стан свой устроили при Елиме – «деревах», в местности, называемой так от семидесяти финиковых пальм, орошавшихся двенадцатью родниками. Местность эту отождествляют с теперешней долиной Гурундель, которая и доселе служит приятной стоянкой для караванов, наполняющих здесь свои кожаные мехи свежей родниковой водой и отдыхающих под тенью пальм. Дальнейший путь шел по местности обнаженной, холмистой и трудной для путешествия, и народ рад был, когда впереди показалась синева моря, на берегу которого и был раскинут стан. Направление это было, вероятно, избрано частью для того, чтобы народ вздохнул свежим морским воздухом после палящего и душного зноя пустыни, а также, быть может, и для того, чтобы воспользоваться всем, что мог предоставить в распоряжение народа находившийся здесь египетский порт – запасы пищи и предметов, которые могли оказаться полезными в пустыне.

Дорога от приморского стана шла на некотором расстоянии вдоль берега. Оставив высокие меловые утесы вади-Тайджибех, израильтяне вступили на равнину Мургаб, называемую в книге Исход пустыней Син, которая тянется вдоль берега; это кремнистая и почти совершенно лишенная всякой растительности местность. Даже зимой зной здесь ужасный, а израильтяне проходили по ней уже полной весной. Даже бедуины, обыкновенно легко сносящие зной, чувствуют здесь особенную тяготу. Можно представить, с какими тягостями сопряжено было здесь путешествие для огромной массы израильтян, устало тянувшихся с женами, детьми,

стадами всякого скота и громадным обозом. К общим тягостям прибавилось то, что запасы пшеницы, муки и пищи всякого рода, захваченные из Египта (очевидно, огромные, если они велись так долго), наконец начали истощаться, несмотря на пополнения, произведенные во время стоянки у египетского порта. Прошло уже шесть недель со времени перехода Чермного моря, и им постоянно приходилось выносить только тягости в пустыне, где они мечтали о «свободе». Еще недавно они едва не погибли от жажды; теперь угрожал им голод, и ввиду новой опасности забыто было так недавно совершенное перед ними чудо. Против Моисея и Аарона опять поднялись ожесточенные крики, и в толпе стали раздаваться возгласы горького сожаления, что народ не остался в рабстве на берегах Нила, где он сидел у котлов с мясом и ел хлеба досыта. Неблагодарный и грубый народ, приученный вековым рабством полагаться в отношении своего пропитания на заботу господ, не хотел знать, что свобода требовала от него мужества и самостоятельности и была неразлучна с испытаниями. Но он должен был убедиться, что Моисей, во всяком случае, освободил его не для голодной смерти в пустыни и потому скоро открыл ему новые, необычайные для него, чудесные источники пропитания. Вечером того же дня вся местность около стана покрылась стаями перепелов, а на следующее утро появилась манна на всем окружавшем их пространстве. Манна отселе служила для них насущным хлебом до самого вступления в Землю обетованную. В вечное воспоминание об этом чудесном хлебе, одна мера (гомор) манны была впоследствии поставлена перед ковчегом для доказательства будущим поколениям о том чудесном промыслении, которое Бог имел о своем избранном народе в пустыне. Правила собирания и пользования манной должны были приучать народ не заботиться много о вещественном, полагаться на провидение Божие, а отсутствие ее падения по субботам служило указанием на необходимость соблюдения субботы как дня покоя, посвящаемого на служение Богу. Пропитание манной было столь необычным явлением, что впоследствии оно сделалось синонимом питания божественным словом, и сама манна стала прообразом Христа, Слова Божия, который пришел с неба как хлеб жизни, чтобы дать жизнь всем верующим в Него.

Из пустыни Син Моисей повел свой народ в сторону от приморского берега. Местность эта еще ужаснее и безотраднее, так что римляне, проходя по ней во время своих воинских походов, ужасались пустынной дикости этих голых, утесистых гор. Народу приходилось то двигаться по тесным ущельям, то взбираться на скалы, то спускаться в овраги – по ужасной, усеянной камнями дороге. Но тяжесть пути вознаграждалась той целью, достижение которой имелось в виду. Неподалеку, именно у горы Дофки, называвшейся у египтян Та-Мафной, находились знаменитые египетские рудники, которые служили главным источником добывания серебра, золота и других металлов для Египта. Рудники эти разрабатывались каторжным трудом ссыльных, которых партиями отправляли сюда, заковывали в цепи и принуждали к насильственным работам. Во времена фараонов-угнетателей они переполнялись каторжниками и между ними, несомненно, было множество израильтян, которых жестокое правительство партиями ссылало сюда для ослабления молодого народа, становившегося опасным для государства. Египетский историк Манефон рассказывает, что фараон Аменофис сослал таким образом в рудники и каменоломни до восьмидесяти тысяч «прокаженных», как, несомненно, назывались израильтяне, не соблюдавшие египетских законов о чистоте. Поэтому, направляясь сюда, Моисей мог иметь в виду не только воспользоваться египетским провиантом и добычей золота и серебра в этих рудниках, но и, главным образом, освободить своих страждущих братьев. Небольшой египетский гарнизон, конечно, не мог оказать большого сопротивления и при приближении народа должен был удалиться.

От египетских рудников народ прошел по долине Мокаттеб, где был стан Алуш. Долина эта известна множеством надписей на скалах и целых изображений, представляющих картины странствования какого-то племени (и уже древнее предание видело в этом племени израильский народ).

Большой стан затем был в Рефидиме, самое название которого (место остановки) показывает на продолжительное пребывание в нем. Здесь опять возник ропот по случаю отсутствия воды, и

Моисей ударом жезла чудесно источил ее из скалы. Чудесно открытый источник, по-видимому, сделался постоянным, и из него израильтяне пользовались водой во все время пребывания у Синая. Источник этот, по учению ап. Павла, был прообразом Христа, источающего жизнь вечную.

Но израильтянам приходилось бороться не только с тягостями пути и недостатками природы, но и с враждебными племенами. Когда они находились еще в Рефидиме, у долины Фейран, местные жители вознамерились оказать им сопротивление. Это было племя бедуинов, известное под именем амаликитян, самое сильное племя Синайского полуострова в то время. В зимнее время они обыкновенно жили в южных пределах полуострова, а к лету передвигались на север, именно в окрестности долины Фейран, где находили хорошие пастбища для своих стад. Им, поэтому, было крайней, жизненной необходимостью прогнать отсюда вновь вторгшийся народ, который мог отбить у них пастбища. Будучи издавна данниками фараонов, они теперь соединились с египетским гарнизоном, отступившим от рудников Дофки, и совместно ударили на пришельцев. Время и место было выбрано чрезвычайно удачно для них. Народ израильский был крайне истощен тягостями пути и невзгодами, значительно даже деморализован ропотом и неудовольствиями на своего вождя, которого только что перед тем грозил побить даже камнями. Местность была стиснута гранитными скалами, затруднявшими более или менее правильное военное действие, и жар палил невыносимый. Минута была критическая. Правда, израильтяне были гораздо многочисленнее своих врагов, но самая их многочисленность со своими женами, детьми и стадами была их главной слабостью, потому что скорее могла вызвать панику в народе. Моисей быстро взвесил все обстоятельства и распорядился оставить весь обоз с женами и детьми позади, а из колен выбрал наиболее сильных и храбрых воинов, которые должны были сразиться с амаликитянами. Отряд был отдан под начальство Иисуса Навина, имя которого тут впервые появляется в летописях истории. Соединившись с некоторыми более дружественными племенами, искавшими, в свою очередь, союза с израильтянами против угнетавших их амаликитян, именно с кенеями и мадианитянами, израильтяне нанесли полное поражение своим врагам. Сам Моисей во время битвы стоял на горе, наблюдая за ходом сражения и придавая чудесную силу своим воинам поднятием своих рук, знаменовавших силу молитвы и прообразовавших силу креста. На месте победы Моисей воздвиг жертвенник под названием Иегова Нисси (Господь знамя мое), и получил обетование об окончательном истреблении амаликитян за их коварное нападение на избранный народ.

Вскоре после поражения амаликитян Моисей был обрадован приятной встречей, которая должна была ободрить его в страшных трудах и испытаниях. Отправляясь в Египет, он оставил свою жену Сепфору с двумя сыновьями у тестя своего Иофора для безопасности. Теперь, когда он опять был близ священной горы, ему пришлось вновь увидеть свое маленькое семейство, приведенное к нему тестем. Узнав о его приближении, Моисей вышел к нему навстречу, преклонился перед ним на колена, прикоснулся головой земли, поцеловал у него сначала руку, а затем, поднявшись, поцеловал его в обе щеки и, приветствуя друг друга по всем правилам восточной любезности, они оба вошли в шатер. Тут Моисей рассказал Иофору о всех событиях, сопровождавших избавление народа, и о всех трудностях, которые встречались им на пути. Принесено было благодарственное всесожжение в жертву Богу, устроено угощение, на котором в присутствии Аарона и старейшин заключен был формальный союз между израильтянами и мадианитянами, связавший оба народа узами дружбы, редко нарушавшимися в течение последующей истории.

Пребывание Иофора в израильском стане ознаменовалось важным преобразованием в гражданском устройстве народа. До этого времени у народа совсем не была устроена судебная часть – по разбирательству возникавших дел и тяжб. Со всеми делами непосредственно обращались к самому Моисею, который поэтому и должен был с утра до ночи заниматься разбором бесконечных тяжб и дел. Такой порядок вещей был крайне утомителен для вождя и неудобен для народа. Опытный глаз Иофора тотчас же усмотрел ненормальность такого

положения, и он предложил Моисею такое устройство судебного дела, чтобы до него доходили только наиболее важные дела. Он должен был разделить весь народ на определенные части и над каждой частью поставить начальника, к которому и обращалась каждая часть для разбора возникающих в ней дел. Таким образом, явилась та стройная десятичная система народных начальников, которая так много содействовала правильной общественной жизни народа. И были избраны тысяченачальники, стона начальники, пятидесятина начальники и десятиначальники, которые и ведали дела своих частей. Только крупные дела представлялись на разрешение Моисея, который, таким образом освобожденный от мелочных дел, мог всецело посвятить себя высшим интересам народной жизни.

По возвращении Иофора к своему племени израильский народ двинулся дальше. В отдалении уже виднелись величественные высоты Синайских гор, где должно было совершиться великое не только для израильского народа, но и для всего человечества, событие, а именно провозглашение и дарование божественного Синайского законодательства. К этим-то высотам и повел теперь Моисей освобожденный им народ.

XIX

История дарования Синайского законодательства. Золотой телец. Скиния. Священство. Исчисление народа

От Суэцкого залива, где израильтяне перешли через Чермное море, до Синая всего только около двухсот пятидесяти верст, считая все извилины пути; но только в третий месяц по выходе из Египта они могли, наконец, раскинуть свои палатки под сенью священной горы. Под именем Синая, собственно, разумеется целая группа гор, отдельные отроги которой носят различные названия, и определить, какая из них именно была горой законодательства, составляет трудный вопрос науки. Самая величественная из них есть гора Сербал, но перед ней нет такой равнины, на которой мог бы расположиться станом народ. Поэтому в последнее время большинство исследователей начинают склоняться в пользу той горы, которая называется Рас-Сафсафех. Она почти так же величественна, как Сербал, но с той разницей, что перед ней расстилается обширная равнина Эр-Раха (Ладонь), на которой мог помещаться народ, и вообще, особенности этой горы более соответствуют подробностям библейского повествования. С равнины Эр-Раха открывается величественное зрелище, лучше которого и трудно было избрать для великого события – нравственного возрождения народа. Перед станом в страшном величии возвышалась священная гора, гранитные скалы которой отвесными утесами возносятся к небесам и с равнины представляются подобно исполинскому алтарю, неприступному престолу Всевышнего, голос которого мог разноситься далеко по всей равнине, лежащей внизу. У подошвы ее проходит наносная плотина, как раз соответствующая той «черте», которая должна была воспрепятствовать народу «прикасаются к подошве горы», и самая подошва так отвесна и крута, что к ней действительно можно прикасаться как к стене. Равнина закрыта и стеснена горами со всех сторон, но в одном месте она представляет большой выступ, за которым народ, не вынося грозных явлений на горе, мог «отступить и стать вдали». Небольшое возвышение при входе в равнину носит имя Аарона, и по преданию это то самое место, откуда Аарон смотрел на празднество в честь золотого тельца. На вершину горы ведет тропинка, и она имеет особенность, близко соответствующую библейскому повествованию, по которому Моисей, сходя с горы, слышал крик в стане, но не видел самого стана и того, что в нем делалось. Действительно, всякий сходящий с этой горы по тропе, ведущей с нее в равнину, может слышать звуки, разносящиеся по безмолвной равнине, но не видит самой равнины, пока окончательно не сойдет с горы, как это именно и было с Моисеем. Затем поблизости находится и источник, который мог быть именно тем «поток», в который рассыпан был истертый в прах золотой телец. Наконец, самая равнина, бывшая местом стоянки народа в течение почти целого года, изобилует и пастбищами, которые в прилегающих долинах отличаются особым богатством. Сюда-то Моисей, для которого известны были здесь всякая тропа и всякий источник, привел народ свой. В народе эта местность должна была возбуждать тем более

благоговейное настроение, что эта группа гор издавна считалась священной, и даже в настоящее время около нее ежегодно совершаются религиозные празднества местных арабов, поддерживающих предания глубокой старины.

Расположившись станом на этой равнине, израильтяне, по внушению Моисея, должны были приготовиться к великому событию. Иегова избавил их от рабства, имел особенное попечение о них в пустыне, «носил их как бы на орлиных крыльях и принес их к Себе», к Своему святилищу, чтобы и их освятить и сделать Своим «избранным народом», «царством священников и народом святым», особенным представителем истинной религии в мире. Освящением и строгим воздержанием израильтяне должны были сделать себя достойными и способными воспринять тот завет, который Иегова хотел заключить с ними. С напряженным вниманием и трепетным сердцем народ ожидал этого события. Наконец утром, на третий день, густое облако покрыло вершину горы, заблестала молния, пронизывая гору и превращая ее в объятую пламенем печь, загрохотали удары грома, раскатываясь от утеса к утесу и повторяясь в многократных отголосках. Казалось, вся природа вышла из своего обычного течения и ждала чего-то великого. «И вострепетал весь народ», и с замиранием сердца смотрел на величественно-страшное зрелище. Но как ни величественно было самое зрелище, еще возвышеннее были слова, которые среди громовых раскатов и молний на горе, куда удалился Моисей, доносились до слуха народа. Слова эти были просты и общедоступны, но исполнены такого глубокого значения, что легли в основу всякой нравственности и всякого законодательства. Это было знаменитое десятословие, те десять заповедей, из которых в каждой открывалась вековечная истина.

В первой из них открывался народу Сам Иегова, как Бог, чудесное водительство которого израильтяне уже знали и могущество которого проявлено было ради них: это Он вывел их из Египта, открыл им путь по морю и ниспроверг могущество фараона и его воинства. Он не простое изобретение воображения, не простой символ сил природы, подобно идолам язычников; не простое отвлечение, подобно богам Нила, неспособным сочувствовать человеку или любовно нисходить к его нуждам и потребностям ума и сердца; нет, Он показал уже, каким сильным помощником Он служит для тех, которые полагаются на Него. Он был и теперь с ними и говорил с ними языком человеческим. Но, будучи так близок к ним и милостив, будучи единым живым Богом со всеми свойствами личного бытия, Он, однако же, невидим, и нет Ему никакого подобия ни на небе, ни на земле. В противоположность идолопоклонству египтян, к которому привыкли и израильтяне, это определение высказано (во второй заповеди) с особенной выразительностью. Народ не должен изображать Его себе ни под каким кумиром – ни под видом небесных тел, как было большей частью в языческом мире, ни под видом животного мира, как в Египте, ни под видом рыб, как было, отчасти, в Палестине и Ассирии. Имя Иеговы так свято, что не должно произносить его напрасно, а тем более не должно придавать его какому-нибудь из суетных призрачных идолов или языческих богов, потому что в сравнении с Ним все другие боги суть простое ничтожество (третья заповедь). Соблюдение субботы прекращением всякой работы в седьмой день было древним обычаем, ведшим свое происхождение от Адама; но теперь он подтвержден был законодательной силой, как необходимый для усиления религиозного чувства, периодического восстановления сил и доставления необходимого отдыха человеку и животным (четвертая заповедь). Почтение к родителям издавна также считалось нравственной обязанностью детей, но это естественное чувство не имело еще высшего законодательного определения и потому у большинства народов преобладало вопиющее варварство. У некоторых народов древности был даже обычай предавать смерти своих престарелых родителей или оставлять их беспомощными. Среди древних народов мать вообще занимала низшее положение и по смерти своего мужа становилась в подчиненное положение к своему старшему сыну. Но теперь было заповедано, что сын, даже сделавшись главой семейства, должен так же почитать мать свою, как почитал отца (пятая заповедь). Человеческая жизнь мало ценилась в древности, но теперь заповедано было: «не убей». Человек сотворен по образу Божию и потому жизнь его должна быть

священна (шестая заповедь). Древний мир утопал в похотях, вся жизнь его отравлялась ядом животного сладострастия, и самые боги изображались далеко не образцами целомудрия. Теперь голос с Синая заповедал: «не прелюбодействуй» (седьмая заповедь). Собственность провозглашена священной, и воровство заклеимлено как преступление (восьмая заповедь), равно как и лжесвидетельство (девятая заповедь). Но новый закон не только осуждал внешнее злое дело, он проникал глубже и осуждал самую мысль злую, заповедав: «не пожелай» ничего такого, что противно основным законам нравственности (десятая заповедь). Синайское законодательство в своих основных началах давалось на все будущие времена. Оно заложило основу истинной нравственности и человеческого достоинства в мире. Это был час рождения народа, отличного от всех дотоле существовавших в истории. Простые, но глубокие и вечные истины о духовном и личном Боге, о почтении к родителям, о целомудрии, о святости человеческой жизни и собственности, о чистоте совести – все эти истины открыты или утверждены были на Синае в наследие всем последующим векам. В древности, конечно, были блестящие высшие умы и никогда не достигали народной массы, потому что проповедовались только в форме отвлеченных положений и не имели божественного утверждения. Десятословие же провозглашено было Самим Богом и с таким неотразимым величием и такой изумительной простотой, что возведенные в нем истины сразу становились достоянием всего народа, долженствовавшего распространить их на все человечество. Взятое в целом, синайское законодательство по своим началам является необычайным и чудесным в истории человечества. Оно не только устанавливает истинные воззрения на Божество и отношение к Нему человечества, но и взаимные отношения между людьми ставит на совершенно новых началах. Дотоле существовали в этом отношении только такие законы, в которых притеснитель налагал иго на подчиненных, сильный и богатый угнетал слабого и бедного. Теперь впервые провозглашены были законы общественного равенства. Иегова освободил всех израильтян от рабства египетского, всех сделал свободными, и потому среди них все должны быть равными между собой. Чтобы это законодательство не изгладилося из памяти народа и постоянно было перед глазами его, основные начала его и именно десятословие, были выбиты на двух каменных досках, или скрижалях, которые должны были сохраняться в ковчеге завета, долженствовавшем стать главной святыней народа.

Немного, однако, же спустя после заключения завета с Иеговой совершилось событие, которое показало, как трудно сразу возродить народ, возвысить его на высшую ступень религиозной жизни. Долгое пребывание в такой идолопоклоннической стране, как Египет, имело своим неизбежным следствием то, что израильтяне отчасти поддались влиянию идолопоклоннического культа. Да и не только в самом Египте, но и его окраинах, где жили разные семитические инородцы, израильтяне постоянно видели самое грубое идолопоклонство, где божество постоянно представлялось и боготворилось под видимыми символами, животными и истуканами, и есть немало указаний на то, что израильтяне сами иногда принимали участие в таком идолослужении. Когда освободитель народа возвестил ему возвышенную идею единобожия и призывал его отселе признавать только Иегову, единого живого личного Бога, то, несмотря на коренившееся в его сознании древнее верование отцов, ему трудно было сразу подняться на высоту такого отвлеченного веровоззрения. Последующая история должна была постепенно развивать его религиозное сознание, и те великие события, которых он был доселе свидетелем, как чудесное освобождение от могущественного фараона, чудесное водительство и питание в пустыне и, наконец, величественное дарование закона – должны были приучить народ к вере в невидимого Бога, который не нуждался ни в каких видимых символах для проявления Своих отношений к людям. Чтобы резче положить грань между идолопоклонством и истинной религией, вторая заповедь с особенной выразительностью запрещает прибегать к каким бы то ни было изображениям и кумирам для воплощения в них предмета поклонения и боготворения. Но в народе, который в течение целых веков был окружен самыми грубыми формами идолопоклонства, и после всех воспитательно-исторических событий, подготавливавших его к высшей ступени религиозной

жизни, оставалось естественное желание иметь какой-нибудь видимый символ даже в поклонении Иегове. И это желание он не замедлил осуществить, лишь только представился благоприятный случай для того. Личное присутствие Моисея сдерживало народ от удовлетворения этого незаконного желания; но когда он удалился на священную гору и оставался там более месяца, то при отсутствии вождя, который в народном сознании, быть может, отождествлялся с невидимым Божеством, народ оказался в беспомощном и отчаянном положении. При этом случае, естественно, сильнее всего сказалась потребность в каком-нибудь видимом символе божества, и народ стал требовать, чтобы Аарон сделал для него бога наподобие тех, что им известны были в Египте. Народ не имел в виду идолопоклонства в собственном смысле и хотел боготворить Иегову, но только под какой-нибудь более доступной народному сознанию и знакомой ему формой. Та готовность, с которой народ принес золотые вещи для этой цели, показывает, как тяжело было для него долго оставаться без чувственной религиозности, и с какой силой заявляла о себе потребность в ней. Аарон в соответствии религиозным воззрениям народа «сделал литого тельца», который встречен был всеобщим ликованием.

И если бы Аарон обладал такой же силой воли, как его младший брат, то, конечно, он легко мог бы убедить народ не делать этого преступного шага. Но он малодушно уступил народному требованию, и вот через несколько времени готов был телец, и в честь его назначено было всенародное празднество со всежжением. «И сел народ есть и пить, а после встал играть». Это религиозное празднество напоминает отчасти то, которое совершали обыкновенно в Египте по случаю нахождения нового Аписа. После глубокого траура, вызывавшегося смертью прежнего Аписа, начиналось дикое ликование. Женщины играли на кастанетах, мужчины на флейтах, народ пел и под такт музыки хлопал в ладоши. Начинались сладострастные пляски, вино пилось без меры, и все празднество превращалось в дикую вакханалию животных страстей и чувственности. Стан израильского народа огласился восторженными ликованиями, отголоски которых раздавались по ущельям и утесам священной горы законодательства, на которой в священном уединении находился великий вождь и законодатель народа. Получив божественное внушение об опасности и заслышав необычайный шум в стане, Моисей поспешил сойти с горы. Тропа вела с нее закрытым ходом, так что он ничего не мог видеть до самого спуска в равнину. По мере схождения шум становился все явственнее, и бывший с ним Иисус Навин высказал опасение, не сделано ли на народ какого-нибудь враждебного нападения, но Моисей явственно различал, что это был «не крик побеждающих и не вопль поражаемых», а «голос поющих». Когда он совсем сошел с горы и увидел в чем дело, то весь закипел благородным негодованием. Для того ли освобожден этот народ, чтобы он предавался дикому разгулу идолопоклонства? И это после всех чудес, которые были совершены для убеждения этого народа вере в невидимого Иегову, как единого истинного Бога, после величественного законодательства, которое запрещало всякие кумиры и подобию! Какое же значение могли иметь после этого и те скрижали, которые он принес с собой со священной горы и на которых были выбиты только что возведенные заповеди, так скоро и преступно нарушенные народом? Моисей порывисто бросил их от себя, и они разбились. Появление его в стане было так неожиданно для народа, что все как бы замерло от страха и изумления. Гневный вид законодателя и вождя мгновенно пробудил в совести израильтян чувство своей преступности, и они трепетно ждали, что будет. Момент был критический, и Моисей воспользовался им, чтобы вернуть народ на путь истинной религиозности.

Моисей разбивает скрижали Завета

Необходимо было осязательно показать народу, что сделанный им идол не имеет в себе никакой божественной силы. Поэтому Моисей сжег идола на огне, велел истереть его в порошок и рассыпал по воде, которую приходилось пить народу. Он поступил с идолом так, как только возможно было поступить с ним с целью его унижения и вместе наказания народа. Но этого было недостаточно. Нужно было истребить в зародыше самых вожаков идолопоклонства и выдвинуть наиболее преданных новому законодательству людей, чтобы поставить их на страже истинной религии. Став при входе в стан, Моисей поэтому кликнул к себе всех, кто ревнует о Иегове. «Кто Господень, иди ко мне!» – закричал он. На призыв его отозвалось только колено Левино, самое малочисленное в народе. Но оно было сильно духом, и этим верным сынам Иеговы Моисей повелел истребить идолопоклонников. Весь стан объят был ужасом, сыны Левия прошли по нему, и «пало в тот день из народа до трех тысяч человек». Только такой великой жертвой и пламенным заступничеством Моисея народ избавился от грозившего ему полного истребления и оставления со стороны Иеговы.

Прошло сорок дней после этого печального события, и только тогда на мольбы Моисея

последовал ответ, в котором Иегова обещал пощадить жизнь Аарона и опять вести народ в Землю обетованную. Это было равносильно возобновлению только что было нарушенного завета и восстановления Моисея в его великой должности вождя. Он поэтому опять занял свое прежнее положение. Но как при горящей купине он хотел иметь какой-нибудь видимый знак божественного благоволения и какой-нибудь залог высшей помощи в великом деле, так и теперь, с свойственным древности желанием видения Божества он просил, чтобы возобновление завета было подтверждено каким-нибудь подобным знамением, и просьба эта была удовлетворена: он удостоился видения славы Господней. Стоя в одной из расселин Синая, он видел, как мимо него прошло величие Иеговы, и слышал голос, возвещавший о страшном присутствии Его. С этого момента начался новый период в служении Моисея. Вновь вытесанные скрижали с вырезанным на них десятисловием служили всенародным знаком возобновления завета.

Еще раз Моисей удалился на священную гору и пробыл там в течение сорока дней, но на этот раз народ уже оставался верен завету. Когда он опять сошел с горы, то божественное благоволение к нему оказалось на нем в особом таинственном величии и сиянии, окружавшем его личность. От лица его исходил особый блеск, так что он должен был носить на своем лице особое покрывало. Блеск этот постепенно померк, но замечено было, что он возобновлялся всякий раз, когда Моисей возвращался в стан после общения с Богом на горе.

С восстановлением завета нужно было поспешить с устройством народного святилища, которое было бы местом особого присутствия Божества. До этого времени таким святилищем была палатка Моисея, но теперь нужно было устроить более сообразную с высоким назначением скинию или подвижной храм, приспособленный к потребностям неоседлого и странствующего народа. Скиния была построена по особому образцу, таинственно показанному Моисею на горе, и как народное святилище, она создана была со всем изяществом и богатством, какими только могли располагать израильтяне. Как подвижной храм, она, естественно, не могла быть больших размеров, и имела 30 локтей в длину и 10 локтей в ширину и в вышину. Все твердые части ее – столбы, брусья, шесты – были выделаны из дерева ситтим, или синайской акации, единственного дерева на полуострове, пригодного для построек и отличающегося необыкновенной крепостью и прочностью. Древесный остов покрыт был разными ценными тканями, блиставшими яркостью цветов, а также тщательно выделанными кожами, соединявшимися между собой посредством изящных золотых петлей и крючков. С восточной части отверстие вело внутрь скинии, где она поражала богатством убранства, между которым особенное внимание обращала на себя ткань, служившая в ней потолком, с вышитыми на ней херувимами, и где во внутренней части (Святое святых) находилась высшая святыня – ковчег завета, с содержащимися в нем скрижалями десяти заповедей. Вся скиния обнесена была оградой, выстроенной уже из менее ценного материала.

Весь материал для построения святилища был доставлен добровольными приношениями народа. Материал требовался ценный и изящный, и некоторые исследователи сомневаются в возможности того, чтобы у израильтян мог быть такой большой запас драгоценных металлов. Но при этом забывают, что среди израильтян было немало богатых семейств, и притом при выходе из Египта, а также во время прохода через египетские рудники они могли сделать значительные захваты потребовавшихся для скинии материалов. Самая работа по устройству скинии показывает, что века рабского пребывания израильтян в Египте не остались бесплодными для них в культурном отношении, и они вынесли оттуда знание многих ремесел и изящных искусств, которые впоследствии оказались им так нужными и полезными в религиозной и общественно-государственной жизни. Израильтяне вполне могли гордиться тем, что изящная и роскошная работа, требовавшаяся при построении скинии, вся выполнена была их собственными архитекторами и мастерами, во главе которых стояли известные строители Веселиил (из колена Иудина) и Аголиав (из колена Данова).

С устройством особого народного святилища требовалось и особое священство, как класс

особенных служителей религии. Потребность эта сказывалась с особенной настойчивостью ввиду недавно произошедшего случая уклонения народа от истинного богопочтения. Нужно было создать класс особенных ревнителей его, которые бы постоянно стояли на страже интересов истинной религии. Дотоле не было в народе особого класса священников, если и упоминаются иногда «священники», то под этим именем разумелись просто представители семейств, которые по патриархальному обычаю совершали богослужение для народа, не имея на то особенного посвящения. Теперь же более строгое и правильное общественное устройство народа требовало выделения какого-нибудь колена на это особенное служение. Какое именно колено было наиболее пригодно для такого служения, это уже выяснилось целым рядом исторических фактов, которые показали, что Левиино было наиболее достойно чести священства. Оно отличалось наибольшей преданностью истинной религии, крепче держалось заветов и преданий отцов и дало народу великого освободителя, выведшего его из земли рабства. Наконец, во время последнего печального события поклонения золотому тельцу оно показало наибольшую ревность к завету Иеговы и по призыву Моисея мужественно выступило для наказания идолопоклонников. Таким образом, этому колену по праву принадлежала честь священства, и она действительно была предоставлена ему. Священство разделено было на три чина – первосвященнический, священнический и левитский. Первый предоставлен был непосредственно Аарону, второй – его сыновьям с потомками, а третий – всему колену Левиину. Возведение в тот и другой чин совершено было с особенными обрядами и жертвоприношениями, которые должны были запечатлеть в посвящаемых сознание важности их служения. С этой же целью им даны были особые священные одеяния, в которые они должны были облачаться во время совершения богослужения. Высшая святость нового служения, на которое избиралось семейство Аарона и все колено Левиино, было подтверждено страшной участью сыновей Аарона – Надава и Авиуда, которые отнеслись к своей обязанности не с должным благоговением, за что и убиты были «огнем Божиим».

Скиния со всеми своими принадлежностями, подробно описанными в книге Исход, была окончена постройкой в течение семи месяцев, и когда, таким образом, народное святилище было готово, и было совершено торжественное освящение его вместе с посвящением Аарона и сыновей его на священное служение, то труд по религиозному и общественному устройству народа был закончен, и потому настало время выступления в дальнейший путь. Но заключительные недели этой долгой стоянки были ознаменованы еще двумя важными событиями. Тут во второй раз совершено было празднование Пасхи, съеден был по установлению пасхальный агнец. Затем перед выступлением произведено было исчисление народа. Исчисление это показало, что все колена, исключая Левиина, заключали в себе в совокупности 603 550 человек мужского пола от двадцати лет и выше, что для всего населения составит не менее двух миллионов душ. Счет этот основан был на количестве подати, собранной с народа по полсиклю с каждой мужской души в пользу скинии, причем женщины и дети остались без всякой переписи. Обычай такого исчисления впоследствии так укоренился в народе, что попытка римлян во времена Ирода ввести более точную систему счисления повела к народному восстанию. Особо произведенное исчисление колена Левиина показало, что в нем было 22 000 душ мужского пола от одного месяца и выше, и оно, таким образом, было самое малочисленное из всех колен израильских.

Все теперь было готово к выступлению в дальнейший путь от Синая. На равнине Эр-Раха почти год перед тем израильтяне остановились станом в качестве простой толпы беглых рабов, почти без всякого устройства и только с смутными религиозными понятиями. Во время этой стоянки с ними произошла огромная перемена. Они убедились, что египетские боги – ничтожные призраки, и что истинный Бог земли есть Иегова, невидимый и всемогущий Дух, который был для них вождем и покровителем. При схождении его на священную гору они были объаты трепетом и ужасом, но среди грозных явлений они слышали слова любви и благоволения, которые легли в основу принятого ими завета. В силу этого завета они сделались избранным народом, особым царством Иеговы. Согласно с этим должно было сложиться и все

устройство народной жизни: оно приняло форму «теократии», богоправления, в котором все основные законы исходили непосредственно от Самого Иеговы и все видимые правители народа были лишь орудиями и исполнителями божественной воли в направлении народной жизни. Для облегчения собственно правительственной деятельности Моисей впоследствии учредил для себя особый постоянный совет или сенат из 70 старейшин, представителей колен и поколений, который впоследствии и сделался основой всей системы государственного управления народа. Возродившись таким образом нравственно и политически, народ израильский в стройном, особо выработанном порядке опять двинулся в путь – по направлению к Земле обетованной.

XX

События 38-летнего странствования по пустыне. Завоевание восточно-иорданской страны. Последние распоряжения и увещания Моисея; его пророческое благословение народа и кончина

В двадцатый день второго месяца второго года по выходе из Египта облако присутствия Господня поднялось над скинией в знак отправления в путь и самая скиния была снята со своего места. По стану раздался звук двух серебряных труб, приготовленных для этой именно цели, и весь стан в правильном военном порядке, каждое колено под своим особым знаменем, двинулся в путь по указанию облака. Хотя сам Моисей знал путь по Синайскому полуострову, но, чтобы быть еще более уверенным в этом отношении, он пригласил себе в качестве проводника своего шурина Хавава, сына Иофорова, как туземного жителя, основательно и в совершенстве знающего всю эту местность, так что в этом отношении он мог быть «глазом» для всего народа (Числ 10:29–31). Ковчег завета, как высшая святыня, шел впереди стана, и поднятие и остановка его сопровождалась торжественным возгласом Моисея. «Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя! а когда останавливался ковчег, он говорил: возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым». В таком порядке стан и двигался по направлению к Земле обетованной. От Синая до южных пределов Палестины считается не более трехсот верст, и потому израильтяне могли бодро смотреть на будущее и услаждаться надеждой скорого достижения благословенной земли, текущей молоком и медом. Но этой надежде не суждено было осуществиться. Прямого пути в Палестину нет, и он вьется по пустынным ущельям и долинам полуострова, что до крайности утруждало народ, принужденный двигаться по такому пути с огромным обозом и стадами. Прямо на север путь совершенно преграждался горным кряжем, идущим поперек полуострова, и потому можно было двигаться только на северо-восток – к берегу залива Акаба, составляющего восточную ветвь Чермного моря, омывающую восточную часть Синайского полуострова. Во время долгой стоянки у Синая народ уже отчасти позабыл о тяжестих пути в пустыне, а также и о всех чудесных знамениях, сопровождавших его в пути, и потому, когда опять увидел перед собой пустыню, опять принужден был с невероятными усилиями подвигаться вперед по скалам и пескам – то поднимаясь на утесистые возвышенности, то спускаясь в обрывистые овраги, в среде его опять начался малодушный ропот на вождя. Тяжесть пути, истощавшего силы, естественно, вызывала потребность в более питательной и крепкой пище, чем какой народ мог пользоваться в пустыне (манна), и потому одним из главных предметов недовольства был именно недостаток мясной пищи. Ропот прежде всего проявился в среде некоторых инородцев, вышедших вместе с израильтянами из Египта, а потом передался и последним. Ввиду переносимых тягостей им вспомнился Египет. Горечь египетского рабства уже успела значительно изгладиться из их памяти, и при виде страшной тяжести свободной жизни им припомнилось только, как они ели там мясо из котлов, а кроме того «рыбу, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук, и чеснок». – «А ныне, – вопили они, – душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших». Этот безумный ропот вызвал повторение чудесного снабжения народа перепелами, но насыщение ими было вместе и наказанием для недовольных. Вследствие, быть может, неумеренного потребления мяса, а также в наказание за ропот среди народа открылась страшная смертность. Это возмущение, между прочим, и повело к

учреждению совета из семидесяти избранных старейшин, как представителей колен (12) и поколений (58) с целью облегчения ответственности Моисея. Стан этот получил название «Киброт-Гаттаава» – «Гробы похотения». В этой местности и теперь видны остатки древнего стана, окруженного необычайным множеством могил.

На день пути дальше находятся следы другого большого стана, где заметны даже места отдельных хозяйств с очагами и приспособлениями для приготовления пищи. Место это, несомненно, есть Асироф, где также израильтяне останавливались станом: оно и доселе называется у арабов по-древнему «наблюдательным пунктом Асирофа». Вместе с тем у арабов сохраняется смутное предание о том, что здесь заблудился караван паломников и принужден был много лет странствовать в пустыне Тих, откуда и самая пустыня ведет свое название («пустыня странствования»). Так как никакой мусульманский караван, отправляющийся на поклонение в Мекку, никогда не мог заблудиться здесь, то вполне естественно предполагать, что арабское предание имеет в виду именно странствование здесь израильтян.

Наконец, после тяжелых испытаний и невзгод, омрачавших дух великого вождя, который принужден был выносить неприятности даже от своей сестры Мариам, враждовавшей с его женой и упрекавшей его в женитьбе на женщине нечистой, эфиоплянке, израильтяне прибыли в пустыню Фаран. Дух народа все падал, и потому необходимо было его поднять. Поэтому Моисей по повелению Божию избрал двенадцать человек и послал их в качестве соглядатаев в Землю обетованную, надеясь, что их известия о плодородии земли и богатстве пробудят в народе бодрость и желание скорее двинуться к ней для ее завоевания. Они должны были исследовать почву, запасы воды, климат, характер жителей и силу их городов и крепостей. Это было в июле или начале августа, когда созревают первые грозди винограда. Поручение было исполнено ими успешно, и они через шесть недель возвратились в стан. Но сведения их были далеко не утешительны для народа. Они не отрицали чудесного плодородия земли и в доказательство его принесли огромные грозди винограда, но вместе с тем, они так напугали рассказами о силе и исполинском росте палестинских жителей, неприступности их городов и крепостей, что рассказы их повергли весь стан в отчаяние. Это был решительный момент в истории народа, и израильтяне оказались неготовыми к нему. Вместо того, чтобы смело и мужественно идти вперед, они малодушно предалися отчаянию и воплю и готовы были избрать нового вождя, который бы повел их обратно в Египет. Напрасно Иисус Навин и Халев старались поддержать в народе бодрость и надежду на успешное завоевание обетованной земли, если только он останется верен Иегове и будет полагаться на его всемогущую помощь, – народ обезумел от страха, не хотел слушать никаких доводов и готов был даже побить смельчаков камнями. Это печальное событие решило судьбу народа. Господь разгневался на малодушное неверие израильтян, и только пламенное заступление Моисея избавило его от истребления. Но после этого и сам Моисей увидел, что освобожденный им народ и по освобождении оставался малодушным и маловерным рабом, что поэтому он недостойн обетованной земли и должен погибнуть в пустыне. Только следующее поколение, уже рожденное и выросшее на свободе, увидит и возьмет землю, которая была лишь мечтой для его злополучных отцов. С тяжелым сердцем Моисей принужден был опять вести народ обратно в недра Синайских пустынь, чтобы тяжелой школой почти сорокалетнего странствования сделать его более достойным высшего предназначения. «По числу сорока дней, – сказал Господь, – в которые вы осматривали землю, вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет, год за день, дабы вы познали, что значит быть оставленным Мною».

В библейском повествовании сообщается лишь немного сведений из истории 38-летнего странствования. Это была безмолвная школа труда и всевозможных испытаний, из которых народ должен был выйти обновленным и возрожденным.

О жизни израильтян в пустыне легко составить себе понятие по жизни кочующих теперь на Синайском полуострове арабов. Смотри по времени года, они передвигались со своими стадами в разные места полуострова, переходили с одной равнины на другую, отчасти занимались

посевами на небольших равнинах, представляющих удобство для земледелия. Тягости этой жизни для такого многочисленного народа были неимоверные. То их палил нестерпимый зной, то ослеплял песком убийственный сирокко, а когда зима захватывала их на возвышенностях полуострова, то нередко заносило их стан сугробами снега. Часто должен был ощущаться недостаток в пище и в здоровой воде. Все эти тягости были причиной того, что численность народа нисколько не возрастала, а напротив, к концу странствования оказалось на две тысячи душ мужского пола менее, чем сколько было при выступлении от Синая. Пустыня, естественно, была школой не только физического, но и нравственного воспитания. Во все время странствования действовали необыкновенно строгие законы, немилосердно каравшие каждого нарушителя религиозных или общественных установлений. Не только смертью наказывалось, например, богохульство, но даже и менее тяжкие преступления. Так побит был камнями один человек за то, что он в субботний день собирал дрова. Нужно было приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и потому всякие нарушители его карались беспощадно. Если так наказывались отдельные неисполнители закона, то, конечно, еще с большей строгостью должны были караться те, которые сознательно и преступно восставали и возмущали народ против постановлений закона. Так это было по известному делу Корея (из колена Левиина), Дафана и Авирона (из колена Рувимова), которые произвели открытое возмущение против законодателя и особенно против установления священства как особого достоинства, присвоенного одному только классу. Они требовали признания всеобщего священства. Религиозный протест, как и всегда бывает, быстро перешел в политический, и они уже стали восставать против самого вождя, отказывая ему в повиновении. Когда Моисей позвал их к себе на суд, то они дерзко ответили: «Не пойдем. Разве мало того, что ты вывел нас из земли, в которой течет молоко и мед, чтобы погубить нас в пустыне? и ты еще хочешь властвовать над нами?» Возмущение на этот раз приняло огромные размеры. К бунтовщикам присоединилось двести пятьдесят старейшин. Когда увещание со стороны Моисея оказалось бесполезным для умирения бунтовщиков, то он назначил всенародное испытание для удостоверения правоты их притязаний. По повелению Божию Моисей и Аарон, с одной стороны, и Корей со своими сообщниками – с другой, должны были явиться перед входом в скинию со своими кадильницами, и тут голос Божий повелел первым отделиться от всенародного собрания, чтобы истребить его. «Они же пали на лица свои и сказали: Боже, Боже духов всякой плоти. Один человек согрешил, и Ты гневаешься на все общество?» Тогда Господь повелел отделиться только от Корея и его сообщников, и их постиг Страшный суд Божий: «Расселась земля под ними, и разверзла земля уста свои, и поглотила их, и дома их, и всех людей Кореевых, и все имущество их, и погибли они из среды общества». Затем «вышел огонь от Господа, и пожрал тех двести пятьдесят мужей, которые принесли курение» с самовольным притязанием на священство. Когда и после этого волнение не утихало в народе, который стал обвинять вождей в погублении народа, то в наказание за этот ропот началось в народе особое поражение, от которого умерло еще 14 700 человек. Этот случай показал, что для народа мало простого установления, оно должно быть подтверждено видимым знамением, и это знамение дано было в том, что из двенадцати жезлов представителей колен расцвел только жезл Аарона, что и было наглядным и чудесным подтверждением его первосвященнического достоинства.

Прошли десятки лет в странствовании по пустыне Синайской. Выведенное из Египта поколение постепенно вымирало, отчаявшись в достижении обетованной земли. Оно показало себя недостойным ее, и потому должно было уступить место новому поколению, воспитавшемуся в трудах и невзгодах пустыни. Только такое поколение, закаленное в трудах и повиновении закону, могло мужественно встретить многочисленных врагов и очистить от них Землю обетованную, И это новое поколение Моисей повел, наконец, к пределам Ханаана. Какой громадный период отделял его от того момента, как у него впервые, еще в блестящем дворце фараонов, блеснула мысль об освобождении своего народа! Тогда он пылал надеждой и отвагой юности. В течение сорока лет принужден он был потом жить своей великой надеждой, пока наконец она не осуществилась. Он вывел «братьев своих» из Египта, из жалкой толпы

беглых рабов преобразил их в народ, дал им закон и общественное устройство. Но увы – освобожденное им поколение оказалось недостойным свободы и той земли, которая предназначалась ему во владение. И вот убеленный уже сединами вождь должен был ждать еще сорок лет, прежде чем могла осуществиться его надежда. При многочисленных испытаниях и огорчениях от строптивого и неблагодарного, жестокого народа неудивительно, что наконец в самом Моисее поколебалась когда-то светлая и несокрушимая надежда. Когда однажды (около Кадеса, в пустыне Цин) народ вновь поднял против него ропот из-за недостатка воды, и Моисею приходилось опять чудесно источать ее из скалы, то ему уже изменило доверие к возможности чуда, и хотя он действительно источил воду из камня, но сделал это с чувством раздраженности и отчаяния. Этот случай решил и его судьбу, и он должен был вместе с братом своим Аароном и со всем старшим поколением народа сложить свои кости в пустыне. Новое поколение должен был вести и новый вождь.

Изгнание Корея, Дафана и Авирона

От стана Кадеса, где Моисей своим жезлом в раздраженном недоверии разбил все свои надежды и где также умерла его сестра Мариам, он с тяжелым сердцем повел свой народ к

пределам Палестины, в которую ему самому не суждено было войти. И едва он двинулся в путь, как совершилось печальное событие, которое было грустным предвестием скорого осуществления суда Божия и над ним самим. К северо-западу от каменистых развалин города Петры высоко поднимается над окружающими холмами утесистая гора Ор со своими двумя остроконечными вершинами. На одной из этих вершин испустил дух свой великий первосвященник израильского народа Аарон, в объятиях своего сына и преемника Елеазара и в присутствии истинно любящего брата, который был для него руководной звездой в течение всей жизни. Величественная гора была достойным местом смерти такого человека. Она была символом величия его духовной жизни, которая всецело была посвящена народу. С горы открывалось дивное зрелище на пустыню, бывшую местом сорокалетнего пребывания злополучного народа, а там, к северу, в неясной синеве дали, виднелась даже холмистая почва обетованной земли. Бедная гробница на вершине этой горы у местных арабов признается и почитается именно за гробницу Аарона, хотя есть признаки ее позднейшего происхождения.

После тридцатидневной стоянки под сенью горы Ор, сделавшейся могилой Аарона, народ должен был двинуться опять на юг, в обход земли эдомитян, не давших согласия пропустить израильтян через свои владения. Обход этот по необходимости опять был труден, и народ стал опять «малодушествовать» и роптать на Моисея, и за это наказан был нападением ядовитых змей, от укушения которых погибло множество народа. Единственное спасение от этого бедствия для израильтян было в знамении веры, изображавшемся для них в виде медного змея, бывшего символом будущего избавления, по слову самого Избавителя: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3:14–15).

Но вот, начиная от восточного залива Черного моря, с каждым станом израильтяне все ближе подвигались к пределам Земли обетованной. Вот они прошли земли эдомские и моавские и подступили к земле аморреян, живших по восточную сторону Мертвого моря, на пространстве между реками Арноном и Иавоком. По обычаю отправлено было к ним посольство с просьбой о пропуске израильтян через их землю, но воинственный царь аморрейский Сигон решительно отказал в этом и с войском выступил против новых пришельцев. Встреча произошла при Иааце, и Сигон потерпел решительное поражение, так что израильтяне овладели всеми его городами. Та же участь постигла и владетеля следующей земли – Ога, царя васанского, землей которого также овладели израильтяне. Таким образом, вся страна по восточную сторону реки Иордана досталась израильтянам, и одна только эта река отделяла их от Земли обетованной. Но прежде чем вступить в окончательное владение этой землей, должно было произойти последнее столкновение между избранным народом и миром языческим, – столкновение, которое должно было окончательно решить судьбу того и другого и установить определенные отношения между истинной религией и язычеством, равно как и между царством Бога и Царством мира сего. Израиль должен был познать, что языческие народы не только представляют собой по отношению к нему враждебную политическую силу, но и что язычество по самой сущности своей враждебно царству Божию. Они несовместимы между собой, и потому у Израиля не должно быть никакого общения с язычеством, и он даже не может терпеть самого присутствия его на одной и той же земле. Этот глубоководный урок преподан был народу израильскому накануне вступления в Землю обетованную замечательной историей языческого прорицателя Валаама.

После решительных побед над царями Сигоном и Огом вход в Землю обетованную был совершенно открыт для израильтян. Враги, которые бы могли заградить им путь в нее, или остались позади, или были рассеяны. И вот уже «сыны Израилевы остановились на равнинах Моава, при Иордане, против Иерихона». Но этот успех Израиля наконец пробудил крайнее раздражение у моавитян, царь которых Валак после сомнительного нейтралитета решил оказать противодействие пришлому народу, который, по его словам, «поядал теперь все вокруг, как вол поядает траву полевою». Но он в то же время, имея в виду участь царей Сигона и Ога, знал, как опасно выступать против израильтян с оружием в руках. Поэтому он прибег к новому

средству, и в союзе с одним из мадианитских племен обратился к знаменитому в то время прорицателю Валааму, предлагая ему огромные дары за то, чтобы он своей волшебной силой проклял Израиля и тем обессилил его против оружия Валака. Валаам жил в Пефоре, на реке Евфрате, на родине Авраама, и потому у него сохранилось отчасти знание истинной религии и даже память об обетовании Аврааму и семени его. Но как прорицатель он был представителем языческого мира и за богатые дары, несмотря на внушения и предостережения свыше, согласился на предложение Валака. Уже на самом пути к Валаку Валаам получил новое предостережение от бессловесной ослицы, которая, заговорив голосом человеческим, «остановила безумие пророка». Но он «возлюбил мзду неправедную» (2 Петр 2:15–16) и за нее готов был пренебречь всяким предостережением. Узнав о его приближении, царь Валак выехал ему навстречу и в честь его задал блестящий пир. Затем приступлено было к делу проклятия. Валак возвел прорицателя на гору, посвященную Ваалу, откуда открывался вид на стан израильский. Там построено было семь жертвенников и принесена богатая жертва. Перед самым проклятием Валаам все еще колебался совершить столь неправо дело и вопрошал Бога, отдавая себя в Его полную волю. И воля Божия восторжествовала над любителем неправедной мзды. Вместо проклятия Валаам произнес торжественное благословение Израилу, и первое свое слово заключил возвышенным пожеланием: «Да умрет душа моя смертию праведников, и да будет кончина моя как их!» Изумленный и разгневанный Валак, сделав укор прорицателю, возвел его на другую гору, Фасги, чтобы он оттуда попробовал проклясть его врагов, но Валаам с этой горы произнес опять благословение Израилу. Валак попробовал еще раз возвести прорицателя на третью гору, на вершину Фегора, но оттуда Валаам произнес еще более возвышенное благословение, содержащее в себе предсказание, что «семя израильского народа будет как вешние воды, превзойдет Агага царь его и возвысится царство его», и заключил словами: «Благословляющий тебя благословен и проклинающий тебя проклят». А когда воспламенился гнев злополучного Валака, то Валаам заключил свои невольные благословения явным пророчеством о пришествии Мессии. «Вижу Его, – сказал вдохновленный Валаам, – но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова, и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых. Пришедший от Иакова овладеет городом».

Предсказав будущую судьбу тогдашних исторических народов, Валаам «пошел обратно в свое место», а Валак, потерпев полную неудачу в своем коварном замысле, должен был изыскивать новые средства для борьбы с Израилем. Но ему помог в этом опять Валаам, который, лишившись своей «неправедной мзды» на одном деле, очевидно, хотел получить ее на другом. По его совету моавитяне попытались отвратить Израиля от его главной крепости – Иеговы – искушениями сладострастия, и искушение было слишком велико для столь непостоянного народа. Он вполне предался преступной страсти и начал блудодействовать с дочерьми Моава (а также особенно с мадианитянками), и это преступное увлечение привело его к идолопоклонству, так что Израиль «кланялся богам их и прилепился к Ваал-Фегору», т. е. худшей форме языческого распутного идолослужения. Тогда «воспламенился гнев Господень на Израиля». Нужно было очистить стан израильский от такой скверны. Ревнителем истины выступил Финесс, сын Елеазара-первосвященника, внук Аарона, и копьем пронзил одного наглого блудника вместе с мадианитянкой, после чего последовало общее избиение всех блудников, которых и погибло 24000 человек. Финессу за благочестивую ревность дано было обетование вечного священства в его потомстве. Но скоро постиг праведный суд Божий и самого советника на злое дело. По повелению Божию израильтяне должны были истребить мадианитян, и в последовавшем избиении убит был и Валаам.

Но перед этим отмщением народу-соблазнителю произведены уже были, между прочим, важные приготовления к вступлению в Землю обетованную. С этой целью произведено было новое народосчисление, необходимое для правильности предстоящего раздела земли. По этому счислению оказалось, что колено Левиино возросло на семьсот человек, а все остальные уменьшились в числе на 1820 человек, так что вся численность народа определялась в 601 710

человек мужского пола, годных для войны. Но это было уже новое поколение, родившееся и воспитавшееся в пустыне. Из старого поколения остались в живых только Иисус Навин и Халев – в награду за свою верность завету Божию.

На пороге Земли обетованной Моисей с печалью вспомнил, что ему самому не суждено войти в нее, и Бог возвестил ему близкую смерть. После не услышанной молитвы об отмене этого определения Божия Моисей просил себе преемника и по указанию Божию возложил на Иисуса Навина звание вождя народа – в присутствии первосвященника и народа. Затем сделаны были окончательные распоряжения об овладении и разделе Земли обетованной. Так как колена Рувимова, Гадова и половина Манассиина, особенно богатые скотом, просили Моисея позволить им остаться на привольных пастбищах по левому берегу Иордана, то вождь соизволил на их просьбу, взяв с них обещание помогать остальным коленам в борьбе с общим врагом. Остальные колена по вступлении в Землю обетованную должны были совершенно очистить ее от идолопоклонников-хананей и разрушить их кумиры, и каждому колену заранее был назначен особый участок в потомственное неотъемлемое владение. Сорок восемь городов отведены были для колена Левиина, которому не назначалось особого земельного участка, и из них шесть городов сделаны местами убежищ для неумышленных убийц.

Большая часть этих подробных распоряжений уже, по-видимому, происходила под руководством Иисуса Навина, а сам Моисей, уже чувствуя на себе дыхание смерти (хотя «зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась»), спокойно предался пророческому созерцанию и той внутренней духовной жизни, которая доселе стеснялась в нем заботами обыденных трудов. Перед своей кончиной он хотел еще раз торжественно повторить народу весь закон, данный ему Богом, а также обозреть и все те милости и чудеса, которых удостоился народ со времени освобождения от рабства египетского. После этой великой законодательной и нравоучительной беседы, для того чтобы еще более внушить народу важность заповедей Божиих, он заповедал по переходе Иордана начертать их на алтареобразном памятнике на горе Гевал и при всенародном собрании произнести на этой горе проклятия против нарушителей, а на горе Гаризим благословения на блюстителей закона. Еще раз сделав наставления народу, Моисей «написал закон сей и отдал его священникам, сынам Левиным», и повелел положить эту книгу закона в ковчег завета в вечное свидетельство народу. После беседы Моисей воспел пророческую песнь: «Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих». В ней изображены все благодеяния Божии, на которые народ столько раз отвечал грехами и преступлениями, и она заканчивается предсказанием о наступлении времени, когда и язычники возликуют с народом Божиим и совместно прославят чудные дела Божии «песнью Моисея, раба Божия, и песнью Агнца» (Откр 15:3).

Но вот пришел и конец. Моисей должен был расстаться со своим народом. Поэтому он в последний раз благословил его, высказав в благословении каждому колену его будущую судьбу. В этом благословении особенное значение придается колену Левиину, как избранному на священное служение, и в общем повторяется то же, что высказано было Иаковом в его предсмертном благословении. Но ему хотелось перед смертью хоть издали взглянуть на обетованную землю – предмет своих многолетних надежд. Поэтому он с равнин моавитских поднялся на гору Нево, на вершину Фасги, возвышавшейся над Иорданом перед Иерихоном. С нее открывалось величественное зрелище. К востоку волнообразно шли холмы, уходившие в бесконечную даль аравийских степей. На юго-западе в мрачной глубине сверкало Мертвое море, а к северу голубой лентой извивался Иордан. За рекой вздымалась вершина горы Гаризим, дальше расстилалась равнина Ездрилонская, за которой в разных местах великанами высились Фавор и Ермон, а прямо на запад даже виднелись отблески великого Средиземного моря. Вот она – Земля обетованная, которую всю показал ему Господь. «И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: семени твоему дам ее. Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню. И погребен на долине в земле Моавитской против Веффегора, и никто не знает места погребения его даже до сегодня».

Итак, израильтяне лишились своего великого вождя и законодателя, и потерю эту они оплакивали тридцать дней. Чувство сиротства охватило их всех. Он был не только их освободитель, но и отец и воспитатель. Своей законодательной мудростью он возвел их на степень благоустроенной общественной жизни, дал им законы и религию, благодаря которым они сделались в духовном отношении светом для народов Древнего мира. Его любовь к своему народу была бесконечно самоотверженна. Он вправе был сказать о себе, что он лелеял их, как кормилица лелеет дитя. Его терпение в управлении строптивым и неблагодарным народом было изумительно. Сколько огорчений и самых тяжких оскорблений приходилось ему переносить от освобожденного им народа; но он, будучи «кротчайшим из всех людей», великодушно предавал все забвению и сам же пламенными молитвами старался отвратить праведный гнев Иеговы. Это был духовный исполин, с исполинским умом и бесконечной добротой и кротостью сердца, великий законодатель и святой пророк.

«И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской пред фараоном, и над всеми рабами его, и над всею землею его, и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля» (Втор 34:10–12).

Но Моисей был лишь представителем религии закона – подготовительной ступени к более совершенной религии благодати. Поэтому свое дело и свой закон он не считал окончательными, а прямо в своем пророческом вдохновении предсказывал о другом, более высоком Пророке, который выступит на смену его с благовестием о новозаветной религии благодати. «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня воздвигнет тебе Господь, Бог твой, – говорил Моисей своему народу, – Его слушайте». Указывая на это место, Спаситель мира говорил: «Моисей писал о Мне» (Ин 5:46). В своей жизни и деятельности Моисей как пророк, законодатель и вождь ветхозаветной церкви был прообразом великого Пророка, Законодателя и Главы церкви новозаветной – Господа нашего Иисуса Христа.

XXI

Законодательство Моисея. Теократия. Скиния и связанные с ней учреждения

В изложенный период библейской истории совершилась глубоководная перемена как в состоянии самого избранного рода, так и в отношении к нему Бога. До этого периода избранный род состоял из отдельных патриархов, которые последовательно передавали друг другу полученные ими обетования и вверенный им залог истинной религии, получая в то же время разъяснения, подтверждения и дополнения в личных явлениях и откровениях им Бога или Его святых ангелов. Теперь избранное семейство размножилось в целый многочисленный народ, который частью под влиянием египетского рабства и окружающего идолопоклонства, а частью от естественного огрубения в своих чувствах вследствие долговременного отчуждения от непосредственного общения с Богом отцов потерял способность к такому общению, и потому требовалось установить новый способ взаимоотношения.

С этой целью Господь Бог, явившийся Моисею и через него побудивший в народе сознание истинной религии и связанных с ней обетований, по освобождении народа от рабства египетского вновь заключил с ним завет, и выражением этого завета с народом было Синайское законодательство. Целью завета было выделить израильский народ из среды остального человечества и сделать его избранным царством, в котором могли бы сохраниться и возрасти семена спасения, предназначенного впоследствии распространиться на все человечество. Когда народ израильский находился у подошвы священной горы, Господь говорил ему через Моисея: «Вы видели, что Я сделал египтянам, и как Я носил вас как бы на орлиных крыльях и принес вас к Себе. Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля. А вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх 19:3–6). «Все вы сегодня стоите пред лицом Господа Бога вашего, начальники колен ваших, старейшины ваши (судьи ваши),

надзиратели ваши, все израильтяне, дети ваши, жены ваши и пришельцы твои, находящиеся в стане твоём, от секущего дрова твои до черпающего воду твою, чтобы вступить тебе в завет Господа, Бога твоего, и в клятвенный договор с Ним, который Господь, Бог твой, сегодня поставляет с тобою, дабы соделать тебя сегодня Его народом, и Ему быть тебе Богом» (Втор 29:10–13). «Да не будет между вами мужчины или женщины, или рода, или колена, которых сердце уклонилось бы ныне от Господа, Бога вашего, чтобы ходить служить богам языческих народов» (Втор 29:18). Главная цель учреждения особого «царства Иеговы» есть, как видно из приведенных мест, сохранение истинной религии, учения о поклонении единому истинному Богу, в противоположность идолопоклонству других народов. Чтобы сохранить истинное учение о Боге, Иегова заключает с народом договор на тех, если так можно сказать, условиях, что Он – Царь всей земли – становится преимущественно царем израильского народа, получает верховную власть над ним, делается его законодателем, постановления которого и обязывается народ принять и свято сохранять. Если израильтяне добровольно согласятся признать Иегову своим Господом и Царем, будут сохранять Его завет и исполнять законы, признавать Его единым истинным Богом и поклоняться только Ему, то Иегова, будучи Богом и верховным правителем всего мира, всех народов земли, примет народ израильский под Свое особенное покровительство, будет править им особыми законами, обеспечит ему пользование неоценимыми преимуществами истинной религии и даст ему, как возлюбленному и избранному народу между всеми народами земли, все блага свободы, мира и благоденствия. Совокупность таких отношений Иеговы к народу есть «теократия» или «богоправление» – в высшем религиозно-нравственном значении этого слова.

Как Правитель или Царь Своего избранного народа, Господь Бог должен был иметь особое место Своего присутствия среди народа, и таким местом сделалась скиния. По своему устройству скиния разделялась на три части: *внешний двор, святилище и Святое святых*. Внешний двор представлял собой правильный четырехугольник, пространством в 100 локтей длиной и 50 шириной; он обнесен был со всех сторон загородью в пять локтей высотой и имел входную дверь с восточной стороны. Входная дверь имела двадцать локтей ширины и закрывалась изящно расшитыми и разноцветными занавесями. В передней части двора находился *жертвенник всесожжения*, на котором приносились все жертвы, кроме жертвы за грех, приносившейся вне стана. Жертвенник этот представлял собой ящик в 5 квадратных локтей шириной и 3 высотой; он сделан был, как и все главные принадлежности скинии, из дерева ситтим, обложен кованой медью и имел внутри медную решетку для дров, а по бокам кольца для ношения его на шестах. Выдававшиеся по углам возвышения, так называемые «фроги», были особенно важным местом, держание за которое служило выражением желания всецело предаться милосердию Божию, равно как и обеспечением неприкосновенности и безопасности для искавших спасения от мщения людей. Между этим жертвенником и самой скинией находилась медная умывальница, содержащая в себе воду для умовения священников. Затем дверь вела в самую скинию, именно в первое ее отделение, так называемое *святилище*. Оно занимало две трети всего пространства скинии и представляло собой вторую (после внешнего двора) ступень в постепенном приближении к сопребыванию с Богом. В нем содержались три особые принадлежности: 1) *жертвенник кадильный*, находившийся в самой середине святилища, 2) *трапеза* по правую и 3) *святильник* по левую сторону. Жертвенник кадильный (наподобие стола в 2 локтя вышиной и по 1 локтю в ширину и длину) обложен был золотом и имел по бокам кольца для ношения его на шестах. В нем каждое утро и вечер приносилось курение благовонных трав – сначала Аароном и его сыновьями, а затем священниками, поочередно совершавшими свое богослужение, и по важнейшим случаям – первосвященником. Огонь для курения брался с жертвенника всесожжения, и возжигание его представляло собой символ ходатайства священника перед Богом за народ, который в это время молился во дворе скинии. Приносить «чуждый» огонь или самовольно присваивать себе это служение священника считалось великим преступлением. Надав и Авиуд были убиты за это именно преступление. Трапеза представляла собой продолговатый стол с ножками – в 2 локтя длиной, 1 шириной и 1 BS высотой. На этом столе находились двенадцать посыпанных

ладаном хлебов, по шести в ряд. Хлебы эти, называвшиеся вследствие предложения их Иегове, *хлебами предложения*, каждую субботу вновь переменялись священниками, которые съедали старые в святилище, причем никто еще не имел права вкушать от них. По левую, или южную, сторону жертвенника кадильного стоял светильник, сделанный из литого кованого золота и весивший целый талант. Он представлял собой подобие дерева с шестью разветвлениями, которые вместе с главным стволом составляли семь отдельных светил. Светильники зажигались во время вечернего возношения, а главная светильня была неугасима. Светильник освещал все пространство святилища, но свет его не проникал через плотную завесу, отделявшую от святилища вторую и святейшую часть скинии – именно *Святое святых*, занимавшую одну треть всего пространства скинии. Внутренность этого отделения погружена была в непроницаемый таинственный мрак, и в нем находилась лишь одна, но самая священная принадлежность, а именно ковчег завета. Он был сделан также из дерева ситтим и представлял собой небольшой ящик (1 BS локтя длиной и по 1 BS шириной и высотой), который снаружи и изнутри обложен был чистым золотом. На крышке из чистого золота были два херувима со склоненными друг к другу лицами и соприкасающимися крыльями и между ними находился самый престол Иеговы, «обитавшего между херувимами». Место это также называлось местом умиловления, потому что там Иегова открывался в великий день очищения как Бог, прощающий беззаконие, преступление и грех. Внутри ковчега находились скрижали завета, а рядом с ними золотой сосуд с манной и жезл Аарона расцветший. Золотые кольца у нижних углов ковчега служили для ношения его на шестах во время странствования.

Как место соприсутствия Бога, скиния была храмом церкви ветхозаветной, и вследствие этого всем своим устройством явственно прообразовала церковь Христову как место, где человечество, искупленное Христом, вступило в теснейшее общение и единение с Богом. Самый вход в скинию с востока означал, что ветхозаветная церковь еще ожидала явления солнца правды – Христа. Во двор ее могли входить вместе с иудеями и язычниками, и этим предзнаменовалось будущее призвание в церковь Христову всех потомков Адама, т. е. всех народов земли. Стоявшие во дворе скинии жертвенник и умывальница изображали: первый всемирную жертву – Христа, открывшего всем людям вход в Царство Небесное, а вторая служила образом купели крещения, через которое мы вступаем в церковь новозаветную. Святилище, в котором могли стоять только священники, изображало истинно верующих христиан. Светильник, трапеза с хлебами предложения и жертвенник кадильный прообразовали Иисуса Христа, который просвещает, питает и возносит наши молитвы к Богу Отцу. Святое святых, в которое мог входить один только первосвященник однажды в год с жертвенной кровью, означало самое небо, куда Христос Спаситель вошел с кровью Своей за нас пред лицо Божие. Ковчег завета со скрижалями десяти заповедей был как бы самим престолом Господа Бога, изрекавшего людям Свою святую волю. Выражением воли Божией служило все Синайское законодательство, которое в отдельных своих постановлениях распадается на законы *религиозные*, законы *нравственные* и законы *гражданские*.

Сущность религиозных законов выражена в первых четырех заповедях, составляющих первую скрижаль. В них определяется истинное отношение человека к Богу, и для укрепления его в народном сознании установлены внешние учреждения, которые, группируясь около скинии, состояли из священных лиц, времен и действий.

Священные лица были избранники из избранного народа для посвящения их на исключительное служение Богу. Они составляли все колено Левиино, и, соответственно трем частям скинии, разделялись на три степени – левитов, священников и первосвященника. *Левиты* были простые церковнослужители, которые назначены были для исправления низших обязанностей при скинии. При передвижении они должны были носить скинию со всеми ее принадлежностями, наблюдать за порядком, чистотой и сохранностью священных предметов и сосудов; приготавливать необходимые материалы для священнодействия и заботиться о поступлении должных доходов на содержание скинии и ее учреждений. Левитами считались все члены мужского пола колена Левиина, кроме семейства Ааронова, в возрасте от 30 до 50

лет. Они разделялись на три класса, сообразно с родовым происхождением их от трех сыновей Левия – Гersona, Каафа и Мерари, и каждому классу назначены были особые обязанности при служении и особенно при перенесении скинии. На служение они поступали через особое посвящение, состоявшее в очищении их, рукоположении и принесении жертв. Священниками были все сыновья, а затем и потомки Аарона, достойные этого священного звания по своим нравственным и телесным качествам. На свое служение они посвящались через окропление священным миром, смешанным с кровью. На них лежала обязанность приносить в определенное время жертвы во дворе скинии и курение в святилище, каждый вечер зажигать светильник в нем, каждую субботу переменять хлебы предложения, трубить в трубы для созыва народа, очищать по особому чиноположению проказу и другие скверны и поучать народ в Законе Божиим. Как священнослужителям им дано было особое одеяние, в которое они должны были облачаться при священнослужении. Одевание их состояло из: 1) нижнего льняного платья – *надраг* — «для прикрытия телесной наготы от чресл до голеней»; 2) верхнего белого платья, *хитона*, спускавшегося до полу и подхватывавшегося на талии белым – 3) *поясом*, украшенным разноцветным шитьем; затем круглое головное покрывало – 4) *кидар* — довершало это облачение для священников, которым не полагалось обуви, так как святость места богослужения требовала совершения священнослужения с босыми ногами. Во главе священных лиц стоял первосвященник, высшая должность которого присвоена была лично Аарону, а затем старшему в его роде по преемству. Ему одному позволялось входить в Святое святых, что он и делал однажды в год, в день очищения, для окропления кровью. Достоинство его высшего звания не позволяло ему участвовать при погребении или разрывать своих одежд в знак печали. Посвящение в этот сан совершалось через обильное излияние хранившегося при скинии мира на главу посвящаемого, облачавшегося при этом в особые присвоенные первосвященническому сану одежды. Одежды эти были гораздо пышнее и сложнее, чем у священников. Сверх обычных священнических одежд надевалась еще особая безрукавная одежда или 1) верхняя *риза*, вязанная из пурпурно-голубой шерсти с изящно отороченным воротом и убранный внизу разноцветными яблоками и золотыми колокольчиками. Сверх нее надевался 2) *эфод*, или особая короткая одежда с золотыми застежками на плечах, из которых на каждом было по камню ониксу с вырезанными на них именами двенадцати колен, по шести на каждом. Эфод стягивался особым поясом, одинаковым с ним по цвету и работе. Затем был особый 3) *наперсник*, или нагрудник, прикреплявшийся голубыми шнурками и золотыми кольцами; на нем сверкало двенадцать драгоценных камней, вделанных в золото по три в ряд с вырезанными также на них именами двенадцати колен Израилевых. В связи с наперсником находились и таинственные *урим* и *туммим* (советы и совершенства), посредством которых первосвященнику сообщалась воля Божия. 4) Головной *кидар* первосвященника отличался от простого священнического не только большей роскошью, но и особенно тем, что на передней части его была золотая дощечка с выбитой на ней надписью: *Святыня Господня*. Первосвященник избранного народа по высоте и величию своего служения был прообразом «Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия» (Евр 4:14).

Кроме священных лиц по должности были еще священные лица по обету, так называемые *назорей*, т. е. выделенные на служение Богу. Назорей обязан был воздерживаться от вина и винограда, от стрижения волос и от всякого осквернения. Обет назорейства давался или на всю жизнь, или только на известное время. В последнем случае он разрешался принесением троякой жертвы и сожжением волос на жертвеннике.

Священные времена, установленные законом, разделяются на три разряда: 1) времена, связанные с установлением *субботы*, 2) великие исторические *праздники* и 3) день *очищения*.

1) Суббота как день покоя, есть одно из самых первобытных учреждений, ведущих свое начало от сотворения мира: «И благословил Бог седьмой день и освятит его» (Быт 2:3). Синайским законодательством только подтверждено ее учреждение, как показывает и самая заповедь: «Помни день субботний, еже святити его». Это священный покой от обыденного тяжелого труда, которым человек принужден был добывать себе насущный хлеб, день радостного

отдохновения в общении с Богом, который и Сам «в седьмой день почил и покоился» (Исх 31:17). Заповедью этой не поощряется празднoлюбивая лeнoсть, а только запрещается труд с корыстной целью, служение мамоне. Вместо этого труда суббота должна быть посвящаема на служение Богу. В этот день народ собирался в скинии к богослужению, состоявшему в двойном принесении жертв, и возобновлялись хлебы предложения.

Празднование субботы послужило основой для других торжественных праздников, установленных в определенные, более крупные промежутки времени. Сюда относятся: а) *праздник новомесячия*, который совершался при первом появлении всякой луны, о чем возвещалось всему народу двумя серебряными трубами; праздник состоял в усиленном принесении жертв. б) *Праздник труб*, совершавшийся в первый день месяца Тисри, которым начинался гражданский год, но который был седьмым, так сказать, субботним месяцем священного года. Так как этот день всегда приходился в субботу, то и самое соблюдение его имело характер субботства. Наступление его возвещалось трубами, отчего он и получил свое название. Затем, с расширением круга субботства, установлены были великие периодические праздники, совершавшиеся раз в несколько лет. Сюда относится в) *субботный год*. Подобно тому, как освящался каждый седьмой день и седьмой месяц, так должен был освящаться и каждый седьмой год. Особенностью субботнего года было то, что в течение его и самая земля, как всецело принадлежавшая Господу, должна была соблюдать субботу, т. е. покоиться от обработки. Все уродившиеся сами собой плоды отдавались в пользование бедным и животным. Субботный год назывался также «годом прощения», потому что заимодавцы должны были в этот год прощать долги своим должникам (Втор 15:1–2). В этом же году пользовался отпущением на свободу всякий израильтянин, попавший в рабство. Завершением семи субботних годов был г) *год юбилейный*, совершавшийся в каждый пятидесятый год. Он начинался в десятый день седьмого месяца Тисри, в великий день очищения. После торжественных жертвоприношений раздавался звук юбилейной трубы, «объявлявшей на земле свободу всем жителям ее». Земля не обрабатывалась, как и в субботний год. Все земли, которых бедняки лишились в течение минувшего полустолетия, опять безвозмездно возвращались им в полную собственность. Все рабы освобождались. Все восстанавливались в том виде, как было при первоначальном разделении Земли обетованной. Юбилейный год завершал собой великий круг субботних годов, после чего в известном смысле все обновлялось, и народ вступал как бы в новую жизнь.

Кроме круга субботних праздников было три особых великих исторических праздника, в которые весь народ мужского пола должен был являться пред лицо Иеговы (в скинии или впоследствии в храме) с установленным приношением Богу. Эти праздники не только служили воспоминанием великих событий в истории израильского народа, но каждый из них имел свое особое значение. Первый из них – *Пасха* — отмечал начало жатвы, второй – *Пятидесятница* — ее окончание и третий – *праздник Кущей* — время сбора винограда и всех плодов года. Они соединялись между собой так, что образовывали один великий круг. Пасха была в первом месяце священного года; через семь недель наступала Пятидесятница, а в седьмом месяце наступал праздник Кущей. Пасха служила для израильтян воспоминанием начала их избавления от рабства и вступление в состояние свободного народа; Пятидесятница — дарования закона, а праздник Кущей представлял для них радостное сопоставление между оседлой жизнью в плодородной земле и странствованием в пустыне.

а) *Пасха*, бывшая самым торжественным из трех годовых праздников, совершалась в течение семи дней, начиная с вечера, которым заканчивался четырнадцатый день Нисана или Авива, первого месяца священного года. Она установлена была в ночь перед исходом израильтян из Египта, и хотя в совершении ее со временем произошли некоторые изменения, но в общем она совершалась так же, как и в первый раз при ее установлении. Пасха имела глубочайшее прообразовательное значение. В своем первоначальном смысле это была в одно и то же время и жертва, в которой невиннейшее из животного царства приносилось во искупление за виновных во грехе, и радостное празднество по случаю избавления — празднество вместе с тем

историческое, и потому пасха вкушалась с горькими травами и пресным хлебом (в воспоминание горечи египетского рабства и спешных сборов к избавлению от него) и в положении спешащих в путь странников. В своем высшем значении она была явным прообразом искупительного дела Христа, который как «Пасха наша, был заклан за нас» (1 Кор 5:7), и притом заклан в самое время совершения обрядовой Пасхи, как «непорочный и чистый Агнец» (1 Петр 1:19).

б) *Пятидесятница*, праздник жатвы, был как бы дополнением Пасхи. Она продолжалась только один день, через 50 дней после 16 Нисана, в конце мая. Промежуток между ними был страдной порой жатвы, и в день Пятидесятницы приносились в жертву первые хлебы из новособранных плодов. С этим праздником соединялось и воспоминание о даровании Синайского закона, совершившемся через 50 дней после избавления из Египта (по переходе через Чермное море).

в) *Праздник Кущей* завершал собой круг годовых праздников и отличался великим ликованием. Он был в одно и то же время и благодарением за собранную жатву и воспоминанием о том времени, когда израильтяне жили в кущах или палатках в течение своего странствования по пустыне. Он праздновался осенью, когда уже собраны были все плоды земли, и продолжался семь дней, заканчивавшихся восьмым днем «священного собрания». В течение этих семи дней (от 15 до 22 числа месяца Тисри) народ обитал в шалашах из древесных ветвей, отчего и получил свое название праздник Кущей.

3). Совершенно особо от этих торжественных праздников стоял *день очищения*, единственный день покаяния и поста по закону Моисееву. Он соблюдался за пять дней до праздника Кущей и имел характер торжественной субботы, когда все должны были прекращать свои работы и «смирять свои души» под страхом истребления из народа. Установленные на этот день обряды знаменовали сокрушение народа о грехах, соделанных в прожитом году, и отпущение, совершаемое первосвященником в Святое святых, в которое он входил в этот именно день. Все жертвы этого дня приносились самим первосвященником и заканчивались изгнанием в пустыню «козла отпущения», как бы уносившего с собой все бремя грехов народа. Прообразовательное значение этого символического обряда заключалось в том, что окончательное искупление человеческого рода будет совершено «не кровию козлов и тельцов», но «ходатаем нового завета» Христом.

Со священными временами неразрывно связаны были священнодействия. Они состояли почти исключительно из приношения жертв, заимствовавшихся из царства животных или растений. Между ними явственно различаются жертвоприношения в собственном смысле, когда приносимая вещь всецело или частью истреблялась на жертвенном огне, и возношения, когда приношение лишь как бы освящалось пред лицом Иеговы и затем потреблялось жертвователем. Жертвоприношения разделялись на пять родов. 1) *Жертва всесожжения*, называвшаяся так потому, что все приносимое вполне сжигалось на жертвеннике, означала то, что приноситель ее всецело принадлежал Богу и что он душой и телом предавал себя на волю Божию. Жертва эта могла быть приносима или за весь народ, или за отдельных лиц, которые должны были приносить жертвенное животное от своего благорасположения и притом с соблюдением всех правил, установленных законом при выборе жертвенных животных, которыми могли быть телец, баран, козел, и даже горлица или голубь. Приносившие жертву возлагали на жертвенное животное свои руки перед жертвенником в знак перенесения в него своих грехов. Затем жертвенное животное закалялось, кровью его священник окроплял жертвенник и затем сжигал жертву, кроме кожи, которая отдавалась священнику. 2) *Жертва о грехе* приносилась во искупление грехов, совершаемых по неведению или слабости как священником, так и кем-либо из народа, а также и во очищение от всякого возможного греха или осквернения. 3) *Жертва повинности* приносилась за грехи или преступления сознательные, равно как и за все действия, связанные с осквернением. Эти две жертвы отличались от жертвы всесожжения тем, что мясо принесенных животных (кроме крови и тука) шло в пользу священников, которые и потребляли

его во дворе скинии. 4) *Жертва мира* приносилась или в выражение особой благодарности Богу, или по обету, или как особое приношение радости и любви. Из приносимого часть сжигалась, грудь и плечо предоставлялись священникам, а все остальное могло быть потреблено приносящим. 5) *Жертва бескровная* состояла в приношении муки, масла, вина и ладана. Эти предметы отчасти присоединялись и к первым четырем родам жертв. Как первые четыре рода жертв знаменовали принесение жизни Богу, так этот род знаменовал принесение Ему плодов земли. К этому последнему роду жертвы близко подходят и возношения различных плодов, начатки которых всегда освящались в скинии или храме, и тогда уже начиналось общее употребление их в пищу. Все эти священнодействия совершались священниками и сопровождалась молитвами и установленными обрядами, подробно описанными в книге Левит.

Все изложенные священнодействия имели своей целью поддержание святости в народе, который как избранный должен был быть «народом святым».

С этой же целью установлены были особые законы и обряды, исполнение которых могло содействовать поддержанию святости в народе. Это законы *нравственные*. Сущность их выражена в заповедях второй скрижали, и она состоит в требовании от каждого человека как личной нравственной и телесной чистоты, так и правды и человеколюбия в отношении к ближним. В частности, сюда относятся: 1) древний закон *обрезания*, подтвержденный Синайским законодательством; 2) законы о *посвящении первородных* мужского пола; 3) об охране личной чистоты через запрещение соприкасаться с нечистыми предметами и 4) о разделении животных на чистых и нечистых, с позволением употреблять в пищу или жертву только первых.

XXII

Постановления Моисеева законодательства касательно гражданского быта. Просвещение. Боговдохновенные книги. Летосчисление

«Богоправление» как основа жизни израильского народа не ограничивалось только религиозно-нравственной областью, а проникало во весь склад и жизни гражданской, как государственной, так и общественной и экономической или хозяйственной. В этом отношении «богоправление» сказывается в том, что Иегова как Царь и Судия избранного народа водворял в Своем царстве через ряд божественно мудрых законов такую справедливость, какой не знали окружающие народы и которая делала израильское государство образцом даже в этом отношении. Это вполне ясно будет из краткого обзора основных начал государственно-общественной жизни, как они изложены в законодательстве Моисеевом, в сравнении с началами государственности других древних народов Востока.

Сущность государственности древних народов состояла в резком разделении между правителями и подчиненными, выразившемся в разделении народов на касты, из которых одни занимали господственное положение и пользовались всеми правами и удобствами этого положения в гражданском и экономическом отношении, другие, напротив, являлись бесправными орудиями первых, служа лишь средством к обеспечению наилучшего их положения. Такая несправедливость не должна была существовать в теократическом государстве, где по самой сущности его не могло быть разделения народа на полноправных правителей и бесправных подчиненных, потому что все его члены одинаково подчинены верховному Царю – Иегове, следовательно, все перед Ним равны, почему и все одинаково участвовали в «клятвенном договоре с Ним»: начальники колен, старейшины, надзиратели, жены, дети и пришельцы, от секущего дрова до черпающего воду (Втор 29:10–13). Если таким образом в договоре с Иеговой, легшем в основу государства, равноправно участвовали все члены народа, то естественно, все они должны иметь одинаковые права в новоучрежденном для них государстве, все они должны быть равны. Отсюда вытекает главное следствие богоправления для государственной жизни – равенство всех в государстве. И это равенство

кладется в основу всей жизни народа – в экономическом, семейном, общественном и государственном отношении, равенство в земельном владении, в правах и обязанностях.

В основу материального благосостояния Израильского государства законодатель положил земледелие. Выбор такой основы или государства скорее принадлежит самому законодателю, чем народу, который в своей предыдущей истории мало знал земледелие. Хотя обработкой земли занимались уже первые люди – Адам, Каин и Ной, но в последующий патриархальный период преобладающим занятием является скотоводство, что видно, между прочим, из истории Авраама. Есть известия, что Исаак и Иаков занимались и земледелием (Быт 26:12; 37:7), но, по-видимому, главным занятием их было все-таки скотоводство, так что по переселении в Египет, несмотря на отвращение египтян к скотоводству, братья Иосифовы на вопрос фараона, какое их занятие, отвечали: «Пастухи овец рабы твои, и мы и отцы наши» (Быт 47:3). Скотоводство оставалось главным свободным занятием израильтян и в Египте, что видно из того, что братья выпросили у фараона позволение поселиться в земле Гесем именно ввиду удобства ее для скотоводства, и славились как лучшие скотоводы, так что сам фараон избрал из них смотрителей над своими собственными стадами (Быт 47:4–6). Скотоводством же, по необходимости, занимался народ и во время 40-летнего странствования по пустыне. Поэтому, мысль об образовании государства главным образом на земледелии принадлежит законодателю. Побуждением к этому служили как географические условия страны, так и высшие государственные и экономические соображения. Палестина в древности отличалась необыкновенным плодородием, и потому этим самым уже призывала своих обитателей к пользованию ее произведениями посредством возделывания земли. Плодородная почва доставляет, конечно, удобства и для скотоводства; но для скотоводства необходимы кроме того большие пространства земли, между тем как Палестина, назначенная для обитания израильского народа, при его двухмиллионной численности не представляла таких удобств для скотоводства. Судя по численности народа, земельные наделы не могли быть велики, а потому, чтобы получить достаточное для пропитания количество плодов, необходимо было заниматься обработкой земли, земледелием. Но еще большее значение при основании государства на земледелии имели высшие государственные соображения. Израильский народ до того времени был кочевым племенем, не имевшим прочных начал гражданственности, был в таком положении, при котором невозможна правильная государственная жизнь. Но вот он получил высшее призвание, стал «царством» Иеговы, избранным народом, долженствовавшим служить хранителем и распространителем истинной религии и нравственности в мире. Поэтому кочевая жизнь, находившаяся в пренебрежении у тогдашнего цивилизованного мира (Быт 46:34), не могла отвечать высоте положения народа: он должен был начать новую, культурную жизнь, и потому на место кочевого, необходимого связанного с скотоводством, должен был избрать земледельческий образ жизни, как имеющий более задатков для общественного развития. Для государственных целей земледелие представляет несравненно больше выгод, чем скотоводство: оно развивает любовь к труду, – этому главному рычагу общественного развития, – привязывает человека к обитаемой земле, и тем, с одной стороны, делает возможным установление правильного порядка гражданской жизни, а с другой – развивает любовь к стране или патриотизм, составляющий душу государства, – одним словом, представляет все условия для развития и крепости государства.

Эти условия законодатель, по-видимому, и имел в виду при основании своего государства на земледелии. Но само земледелие только тогда может служить к истинной пользе государства, когда оно основано на справедливости, в силу которой каждому члену государства должно быть предоставлено владение землей и полное пользование всеми произведениями его рук. Древние государства не знали такой справедливости: землей владели, обыкновенно, только привилегированные касты, а остальное население, не имея земли, по необходимости поступало в рабскую зависимость от первых, обрабатывало их земли, и само получало лишь скудные заработки. Отсюда поражающие крайности богатства и бедности, роскоши и нищеты, с какими мы встречаемся в древневосточных государствах даже в периоды их наибольшего процветания.

«Царств Иеговы» не знает такой несправедливости. Основывая государство на земледелии, законодатель вместе с тем обставил его такими постановлениями, благодаря которым оно могло стать источником равного для всех благосостояния. Так как в договоре с Иеговой участвовали все члены народа, и так как одним из условий договора со стороны Иеговы было дарование обетованной земли, то, естественно, все члены государства должны были равно пользоваться землей: не должно было быть ни произвольных захватов, ни узаконенных преимуществ одних перед другими. Основываясь на этом теократическом начале, законодатель разделил землю между всеми израильтянами (за исключением колена Левиина) поровну. За единицу деления земли приняты только крупные единицы народа – колена, племена и семейства, но раздел производился так, что какое колено многочисленнее, то и земли получало больше, и наоборот (Числ 26:54–55), так что в конце концов при частном разделе выпавших на долю того или другого колена или поколения наделов могли получиться равные участки для каждого израильтянина (мужского пола) как главы частного хозяйства. При таком порядке землевладения каждый израильтянин был владельцем известного определенного ему участка земли, из которого он мог получить всю сумму произведений, вырабатываемых его свободным трудом. А так как земля должна была служить главным источником благосостояния, то ввиду равномерности распределения земли между израильтянами необходимо предполагалось равенство по состоянию или экономическое равенство. На случай нарушения равенства, как это и естественно было ожидать вследствие неодинаковости трудолюбия и бережливости различных людей, а также и множества всяких случайностей, как то болезнь и смерть главных работников семейства, законодателем предусмотрены были особые меры к восстановлению этого равенства. С этой целью поставлен был закон неотчуждаемости земли, на том именно основании, что вся земля составляет исключительную собственность Иеговы, а израильтяне лишь простые поселенцы на ней. «Моя земля, – говорит Господь, – вы пришельцы и поселенцы у Меня, поэтому землю не должно продавать навсегда» (Лев 25:23). В силу этого закона израильтянин мог продавать свой участок только до определенного срока, до юбилейного года, в который проданный участок опять возвращался первому владельцу, и тем восстанавливалось равенство по землевладению. При таком порядке вещей равенство по благосостоянию вообще не могло значительно нарушаться, и во всяком случае не могло образоваться крайностей богатства и нищеты, земледельческой аристократии и безземельного пролетариата, как это было в других государствах Востока и особенно в Египте. К поддержанию этого порядка направлены были и многие другие постановления и учреждения в Моисеевом государстве, как например, учреждение субботного года, в котором пользование плодами этого года предоставлялось исключительно бедным классам народа, позволение беднякам собирать колосья на ниве богатых, законы о прощении долгов в седьмой год и так далее.

Если, таким образом, государство состояло из равных землевладельцев, имевших равный источник благосостояния, то, конечно, не могло образоваться и различных классов народа, резко отличающихся между собой степенью благосостояния и общественного положения. И в этом отношении израильское государство должно было представлять разительную противоположность другим древним государствам. В этих последних раз образовавшееся неравенство закреплялось законом, признававшим нормальным тот строй общественной жизни, по которому одни классы, захватившие в свои руки всю власть и всю землю, признавались как бы рожденными для власти и для богатства, а другие – рожденными для рабства и нищеты. Отсюда образование каст, составляющих вопиющее нарушение прав личности. В царстве Иеговы, напротив, как все участвовали в договоре с божественным. Царем при основании государства, так и все должны были пользоваться равными правами в этом царстве. Здесь все члены государства были равно свободными и полноправными гражданами.

Гражданское равенство обуславливалось равенством перед законом. Так как законодателем является Иегова, перед которым все равны, то, конечно, и законы Его для всех одинаковы, и это равенство перед законом проведено с такой последовательностью, что оно признавалось и для поселенцев, живших среди израильского народа. «Закон один и одни права, – говорит

законодатель, – да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Числ 15:16–29; Лев 24:22; Исх 12:49). Вследствие этого в Израильском государстве вовсе не было бесправных лиц, таких, какие например предполагаются по римским законам о рабах, у которых эти законы совершенно отрицают личность и делают их вещью, и какие были бы вполне отданы в зависимость от произвола других, как например, у римлян жены и дети, находившиеся в полной зависимости от мужей и отцов. Здесь, напротив, закон признавал полную личность за всеми членами государства и соответственно с этим одинаково обеспечивал и защищал права всех. Господин, который жестоко обращался с своим рабом, терял всякое право на него и должен был отпустить его на свободу. Здесь и родители не имели права на жизнь своих детей, и власть отца, в противоположность римским законам, была ограничена до того, что он даже не мог по своему произволу распорядиться наследством, а должен был подчиняться определенным законам о наследстве. В общем и права полов были равны, и во всяком случае женщина не находилась в таком угнетенном и приниженном состоянии, как у других древних народов, а пользовалась всеми правами, какие только возможны для нее как помощницы мужа. Общественная равноправность проведена с такой последовательностью, что в Израильском государстве не только нет каст в восточном смысле, но нет даже и вообще деления на сословия в смысле привилегированных и непривилегированных классов. Ни наследственной аристократии и демократии, существовавшей в Древней Греции, ни деления народа на полноправных патрициев и политически неравноправных плебеев, допущенного римским законодательством, ни феодализма в средневековом смысле – ничего подобного не знает Синайское законодательство: им предоставляется общественное равенство всем гражданам. Особым сословием является только сословие священников и левитов, происходивших исключительно из одного колена Левиина. Но оно не имело никакого господственного положения в стране, и в материальном отношении даже поставлено было в прямую зависимость от народа, и потому отнюдь не имело характера привилегированной касты в восточном смысле этого слова^[6]

Материальное положение колена Левиина в общем было следующее: при разделе обетованной земли им не было дано особого земельного надела, чтобы оно свободнее могло предаваться служению Богу (Числ 35:2–6; Втор 18:1–2, 5). Оно получило только для обитания сорок восемь городов, избранных среди различных колен с окружающим их полем в две тысячи локтей. Из них священники, сыновья и потомки Аарона, имели тринадцать городов, расположенных в коленах Иудином, Симеоновом и Вениаминовом. Шесть из 48 левитских городов были в то же время городами убежища. Это города Хеврон, Сихем и Кедес к западу от Иордана и Голан, Рамоф Галаадский и Бецер к востоку от него (Ис Нав 20:7–8). Что касается собственно средств существования, то они доставлялись колену Левиину в виде десятины, которая состояла в том, что все израильтяне обязаны были каждый год платить левитам десятую часть своих доходов – от земли и скотоводства (Числ 18:11–13; Втор 14:22 и сл.; 15:19; 18:4; 26:2–12; Лев 7:7–15, 32–34). Левиты, в свою очередь, платили десятину на содержание священников. Эти последние имели, кроме того, долю в большинстве приносившихся народом жертв (Числ 5:9–15; Втор 18:3); все дары возношения все закланное, т. е. освященное по обету, отходили в их собственность (Числ 18:10–14). Священникам же отходили и деньги, возвращавшиеся по суду потерпевшим, в случае неоставления ими по себе наследников (Числ 5:6–8).

[\[Закреть\]](#).

С равенством прав в государстве необходимо связывается равенство обязанностей по отношению к нему. Царство Иеговы и здесь представляет светлую противоположность ненормально сложившимся языческим государствам. В них обыкновенно не было соответствия между правами и обязанностями, как это требуется государственной справедливостью, а напротив, полноправные классы или касты пользовались полной свободой от обязанностей и тяжелых государственных повинностей, а бесправные классы несли на себе все государственные тяжести. Такой порядок вещей несообразен с простой государственной

справедливостью, а тем более, с одушевлявшим Израильское государство началом богоправления. В этом государстве именно находило себе осуществление справедливое соответствие прав и обязанностей, а так как права у всех членов государства были равны, то и обязанности по отношению к государству также равны. Первая и главнейшая обязанность по отношению к государству и теперь, а тем более в Древнем мире, есть обязанность охранения и защиты государства, — отсюда воинская повинность есть важнейшая и в то же время тяжелейшая из государственных повинностей, и справедливое распределение ее, благодаря простоте общественного склада, было просто: так как все члены государства одинаково пользовались правами, даваемыми государством, то, конечно, все и должны были защищать и охранять его. Отсюда всеобщая воинская повинность: ей подлежал каждый израильтянин от 20 лет и выше. Всеобщность воинской повинности, кроме государственной справедливости, вызывалась и политическими условиями состояния народа, так как страну, которая назначена была ему для обитания, он должен был приобрести оружием; но и после завоевания и поселения в стране народ, окруженный со всех сторон врагами, постоянно должен был быть наготове к защите от нападений, часто неожиданных. Всеобщность этой повинности, однако же, не исключала некоторых изъятий из нее. Так, от нее освобождались левиты, а также все те лица, для которых по особым обстоятельствам их семейной жизни эта повинность могла бы быть тяжелее, чем для других. Освобождались также только что обзаведшиеся самостоятельным домом и хозяйством, новобрачные и даже «боязливые и малодушные», т. е. все те, для которых безусловное равенство с другими было бы несправедливостью. То же равенство соблюдено и по отношению к другим обязанностям к государству. Наряду с воинской повинностью, налагаемой на граждан обязанностью внешнего охранения государства, стоит другая повинность, налагаемая обязанностью поддержания и сохранения внутренних учреждений в государстве, — податная повинность. В Израильском государстве и эта повинность не налагалась исключительно на один какой-либо класс людей, а имела также всеобщий характер, одинаково простиралась на всех членов государства. Податная повинность, впрочем, благодаря простоте государственного склада, не выработавшего в себе таких учреждений, которые нуждались бы в посторонней поддержке, не имела при Моисее и даже при судиях определенно-государственного характера. Единственное учреждение, которое в это время нуждалось в содержании и для которого собственно установлена была законом податная повинность, было религиозное учреждение, скиния с состоявшими при ней священнослужителями: поэтому и податная повинность имела исключительно религиозный характер. К этого рода повинности принадлежала прежде всего так называемая выкупная подать, которую платил каждый «поступающий в исчисление», т. е. в список годных к войне (Числ 1:2–3). Она состояла в полсикле серебра и шла «на служение скинии собрания» (Исх 30:12–16). Затем следует десятина от всех плодов, поступавшая в пользу левитов «за службу их, за то, что они отправляют службы в скинии собрания» (Числ 18:21), другая десятина «от всего произведения семян», вина и елея, крупного и мелкого скота для общенародного празднества (Втор 14:22, 23); первые плоды от всех произведений, приносившиеся также для устройства общественного празднества, в котором принимали, между прочим, участие бедные члены государства (Втор 26:1–15). Все эти религиозные повинности были одинаково обязательны или всех, — закон не делает разделения народа на податных и неподатных. В законах о податной повинности замечательно еще то, что подать, определяемая десятиной, была доходной, т. е. не была определена раз навсегда, а постоянно соотносилась с количеством дохода и только незначительная выкупная подать в полсикля платилась одинаково как богатым, так и бедным (Исх 30:15). Как из воинской, так и из податной повинности делались также некоторые изъятия, где они вызывались справедливостью (для новобрачных).

На таких же высоких началах основано было и самое управление в Израильском государстве. Верховным Правителем и Царем народа был Иегова, управляющий через законы и особых избранных представителей народа, каким был во время дарования законодательства Моисей; но в своей внутренней жизни народ управлялся сообразно исторически сложившимся формам своего быта. В патриархальный период, когда израильский народ был еще незначительным

племенем, он, естественно, управлялся на началах родового быта, когда всю власть – и религиозную, и гражданскую – сосредоточивает в своих руках глава племени, отец семейства. Такое управление было при патриархах Аврааме, Исааке и Иакове. Но уже в Египте, когда из одного семейства образовались двенадцать различных колен, сознавших себя самостоятельными частями народа, патриархальный порядок оказался устарелым, несоответствующим степени развития народа, и народ управлялся уже не одним главою, а представителями колен – так называемыми «старейшинами (*секеним*) сынов Израилевых» (Исх 3:16; 4:29). Эти «старейшины», состоявшие из умудренных жизнью и опытом людей, являлись уже главами отдельных колен не в патриархальном смысле, т. е. не как полновластные владыки колен, имеющие присвоенную им власть только в силу своего естественного главенства в роде, но как представители народа в общественном смысле, как избранники и выразители его воли. Представительство в полной силе заявляло о себе уже в Египте. Так, мы видим, что Моисей с вестью об освобождении народа от рабства обращается к «старейшинам сынов Израилевых» в полном убеждении, что их согласие или решение будет согласием и решением всего народа. Так в действительности и оказалось, потому что в лице старейшин «поверил народ» (Исх 4:31). В пустыне из этих старейшин составлен был особый совет из «семидесяти мужей», как представителей колен и племен ($12 + 58 = 70$), им поручено было нести «бремя правления народа» (Числ 11:16–17). Этот совет заведывал высшими делами государственной важности, а для заведывания обыденными – судебными и гражданскими делами – назначены были мелкие начальники или «судьи» народа, так называемые тысяченачальники, стона начальники, пятидесятина начальники и десятиначальники. Учреждение это было сделано по совету Иофора, мудрого тестя Моисея (Исх 18:14–26). В случае особенно важных дел все эти старейшины и начальники созывались на общенародное собрание («все общество»), которое и решало вопросы о войне, мире и других важных делах, даже о самой форме правления, как это было впоследствии при учреждении царской власти. Таким образом, по своему внутреннему складу Израильское государство должно было представлять собой форму народного самоуправления под верховным главенством Иеговы. «Богоправление» в таком случае не есть какая-либо особая форма правления – в отличие от монархии, олигархии или демократии (как ошибочно думал Иосиф Флавий), а есть лишь общее руководство Божие, под которым государственная жизнь народа могла развиваться свободно и принимать всякие формы, какие только оказывались полезными или необходимыми по историческим обстоятельствам в жизни народа. Поэтому во время странствования в пустыне и завоевания Земли обетованной во главе его стоят как бы военные диктаторы (Моисей и Иисус Навин), затем выступают случайные вожди и судьи (во времена судей) и затем учреждается монархия. Все эти формы правления одинаково могли быть примиримы с «богоправлением», только бы правители действовали по указанию закона и частых проявлений воли верховного Царя народа – Иеговы.

В своих основных началах Синайское законодательство, особенно в сокращенном изложении его нравственных начал в десятословии, имеет всеобщее значение и предназначалось к руководству всего человечества. В основу взаимоотношения людей оно полагало истину, которая окончательно подтверждена Законодателем Нового Завета, именно истину: «Люби ближнего твоего как самого себя» (Лев 19:18). Многие частные постановления направлены к тому, чтобы внедрить эту истину в сознание народа. Но с другой стороны, так как это законодательство ближайшим образом предназначалось для отдельного народа, имевшего уже свои укоренившиеся обычаи и привычки, стоявшего на низкой степени нравственного и культурного развития, неспособного сразу подняться на высоту предлагаемых ему божественных и общечеловеческих истин, то во многих постановлениях закона нельзя не видеть уступки укоренившимся взглядам израильского народа, низкому уровню его нравственного развития, одним словом, его «жестоковости». Этим объясняется установление известного закона равномерного возмездия: «око за око, зуб за зуб» (Исх 21:24). И вообще, влияние этого условия так значительно на законодательство, что во многих случаях оно скорее приспособляется к древним обычаям, чем вводит новые законы, так что без отношения к этому обстоятельству часто остались бы непонятными истинный смысл и

значение того или другого закона. Так, наказание за сыновнее неповиновение родителям (побиение камнями – Втор 21:18–21) кажется жестоким; но если мы примем во внимание вообще силу родительской власти в период патриархального состояния народа, или вообще в ранние периоды национального существования (как, например, в Риме), то закон Моисеев является уже значительным шагом вперед в области гуманности и личного права, так как он ограничивает произвол родительской власти перенесением дела на общественный суд. Закон деверства (состоявший в обязанности брата или ближайшего родственника «восстановить семью» своему умершему бездетному брату или родственнику) допущен также в виде уступки укоренившемуся обычаю. В прежнее время обычай этот существовал, по-видимому, в более широких размерах у азиатских народов, и в Синайском законодательстве скорее терпел ограничение, чем освящение. Закон кровавого отмщения представляет собой также пример разумного ограничения и ослабления древнего варварского обычая, который настолько укоренился в обычаях и нравах народа, что его нельзя было уничтожить совсем. Эта бытовая сторона законодательства вообще сильно выступает в законах о наказаниях за преступления. Имея дело с народом жестоковейным и своевольным, законодатель не щадит жезла в приучении этого народа к точному исполнению данных законов, и многие преступления, особенно против религии и нравственной чистоты, наказываются смертной казнью. Этой именно стороной Синайское законодательство показывало, что оно имело лишь временное назначение подготавливать народ к принятию другого высшего закона, закона благодати, данного Спасителем мира на все времена. А самое пришествие Его знаменовалось всеми постановлениями обрядового закона, который был тенью грядущего и потому должен был прекратиться с явлением самой вещи, т. е. искупления в лице Иисуса Христа, Сына Божия.

Синайское законодательство отмечает собой время вступления израильтян в период самостоятельного национального бытия. Но оно в то же время служит выразителем новой ступени его духовного развития и цивилизации. Доселе он находился под полным влиянием египетской цивилизации и не имел своей собственной письменности. Теперь впервые у него является литература, и притом священо-историческая, в которой описывается его историческая судьба от самого сотворения мира. Эта литература имела своим родоначальником Моисея, который написал пять книг, известных под общим названием *закона* или *пятикнижия*, и в частности под названиями: книга *Бытия*, *Исход*, *Левит*, книга *Числа* и *Второзаконие*. В книге *Бытия* описываются судьбы мира и человечества от сотворения мира до смерти Иакова и Иосифа в Египте. Она обнимает период в 3 800 лет и написана Моисеем, по иудейскому преданию, когда он еще находился в земле Мадямской, именно с целью пробуждения в израильском народе воспоминания о великих обетованиях их отцам. В книге *Исход* излагается история пребывания израильтян в Египте, исхода из него, дарования Синайского законодательства и построения скинии. В книге *Левит* подробно излагается обрядовая сторона Синайского законодательства, и она названа так потому, что совершение всех этих обрядов предоставлялось колену Левиину как избранному на священное служение. Книга *Числа* получила свое название от описываемых в ней народосчислений и содержит историю сорокалетнего странствования по пустыне до подступления к Иордану. Во *Второзаконии* описываются события последних двух месяцев пребывания в пустыне, и она получила свое название от того, что в ней делается повторение всех изданных раньше законов и свод их в более доступную книгу закона. Она заканчивается описанием смерти Моисея с заключительной похвалой ему (34 глава). Все эти книги в полном своем составе (кроме последней главы *Второзакония*) написаны самим Моисеем, и свитки их как драгоценная святыня хранились в ковчеге завета. Но Моисей был не только законодатель и историк своего народа, но и боговдохновенный поэт или псалмопевец. После него осталось несколько боговдохновенных песней и молитв, из которых иные помещены в его исторических книгах, а одна молитва вошла в состав книги песней, или Псалтири, и составляет 89-й псалом, как показывает и его надписание: «Молитва Моисея, человека Божия». Она начинается словами. «Господи! Ты нам прибежище в род и род. Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты – Бог».

Моисей умер 120 лет, из которых 80 прошли до исхода израильтян из Египта и 40 по исходе. Эти цифры вместе с общим указанием, что от дарования Аврааму обетования до закона прошло 430 лет (Гал 3:17), служат основой для летосчисления этого периода. Если половину последней цифры положить на время пребывания в Египте до дарования закона (что вполне согласуется с показанием касательно лет Моисея, а также и с тем, что он был представителем третьего поколения после Левия, т. е. правнуком его) и присоединить 40 лет странствования по пустыне, то сумма этих цифр ($215 + 40 = 255$) и будет приблизительно определять собой продолжительность четвертого периода библейской истории.

Период этот, который по соображению с данными всемирной истории нужно отнести к XVII–XV столетиям до Р. Христова, ознаменовался некоторыми важными событиями и в жизни остального человечества. Из Египта (быть может, одновременно с Моисеем) вышел знаменитый Кекропс, который первый перенес плоды высокой цивилизации Древнего Египта на девственную почву Греции и основал знаменитый впоследствии город Афины. Около этого же времени Эллин, сын мифического Девкалиона, вступил в Фессалию и по изгнании оттуда пелазгов поселился в ней и сделался родоначальником эллинского народа. На восточном берегу Средиземного моря, в соседстве с Землей обетованной, основан был знаменитый впоследствии город Тир, который в одно время сосредоточивал в своих руках всемирную морскую торговлю и впоследствии состоял в дружественном союзе с царями народа израильского. Таким образом, с выступлением избранного народа на поприще всемирной истории выступали на него и новые народы, которые должны были служить представителями язычества в его высшем развитии и могуществе. Избранному народу предстояло победить его силой истинной религии и Закона Божия.

Период пятый

От завоевания Земли обетованной до учреждения царской власти

XXIII

Земля обетованная. Внешнее ее положение и природа. Население, его язык, религия и гражданское состояние

Земля обетованная, на границе которой стояли теперь израильтяне, представляла собой ту небольшую гористую полосу, которая известна теперь под именем Палестины. Простираясь вдоль восточного берега Средиземного моря от отрогов Ливанских гор на севере до Аравийской пустыни на юге, она имеет всего около 30 географических миль в длину и до двенадцати миль в ширину (считая в том числе и заиорданские уделы). Но несмотря на свою внешнюю незначительность, она занимала в высшей степени выгодное и важное положение в Древнем мире. Страна эта, в сущности, была уединенная: она нигде не соприкасалась непосредственно с большими идолопоклонническими народами и, однако же, не настолько была удалена от них, чтобы не иметь о них никаких сведений. Напротив, благодаря своему своеобразному положению, она находилась как раз посреди могущественнейших монархий, боровшихся между собой за преобладание, но так, что эта борьба не затрагивала неизбежно ее существования. Дороги купцов и воителей как по суше, так и по морю проходили по ее границам; караваны и полки, двигавшиеся с берегов Евфрата к берегам Нила и обратно, соприкасались с ее окраинами, но никакого важного пути не проходило чрез самую страну. Естественные преграды, отделявшие ее от окружающего мира, разобщали ее с этим миром, предоставляя ее населению свободу по своему желанию входить в сношения с чужими странами, или сохранять свою отчужденность и полную самостоятельность и самобытность. Она соприкасалась как бы со всеми тремя частями тогдашнего света. Подле нее встречались между собой Азия, Африка и Европа. Это было средоточие, из которого в определенное время свет мог распространяться во все окружающие страны. Безопасность ее обеспечивалась самой природой: безводная пустыня на юге, непроходимые хребты гор на севере, безбрежное и негостеприимное у этих берегов море на западе и глубокая иорданская долина с прилегающей к

ней великой пустыней Сирийской на востоке делали ее при некотором благоразумии и бдительности почти недоступной для завоевания. Там истинная религия, вдали от всяких чуждых влияний, могла беспрепятственно процветать среди избранного народа, который, однако же, сам имел все средства входить в сношения с окружающим миром и таким образом делиться с ним вверенным ему сокровищем. Так как Земля обетованная занимала как раз срединное положение в Древнем историческом мире, и около нее именно сходились и расходились те великие пути, по которым текла историческая жизнь этого мира и постепенно передвигалась с востока на запад, к великому бассейну Средиземного моря, то народ, которому выпало на долю владеть этой землей, не только становился наблюдателем всего хода исторической жизни окружающего мира, но, в то же время делался наследником всего исторического богатства старых народов Востока и вместе с тем держал в своих руках лучшие надежды юного нарождавшегося мира – на Западе. Выгоднее этого положения для народа, которому Промысл судил быть «светом для народов», не могла представить ни одна еще страна на земном шаре.

По своему внешнему характеру Палестина – страна по преимуществу гористая. Начинаясь от северной границы, от группы гор Ливана и Антиливана, цепи гор непрерывными и правильными грядами параллельно спускаются до самого юга страны и тянутся по обеим сторонам реки Иордан. Склоняясь к западу, горные хребты переходят в низменности, из которых по одной течет река Иордан, а другая примыкает к самому берегу Средиземного моря и известна была в древности под названием равнины Филистимской и Саронской. Западная гряда гор, тянувшаяся через Палестину в собственном смысле этого слова, по середине прерывается большой равниной Ездрилонской, которая разделяет страну на две части – северную и южную. В обеих этих частях горная цепь рассыпается на множество холмов, перемежающихся с долинами, и среди холмов по местам вздымаются горы, выдающиеся своей высотой над окружающей местностью. Таковы на севере Ермон, Фавор и Кармил, и на юге Гаризим, Гевал, Сион и гора Елеонская. Самая величественная из них гора Ермон, которая, вздымаясь на 9300 футов над уровнем моря, своей снеговой вершиной как бы озирает всю Землю обетованную и сама видна за полтора верст со всякого более или менее возвышенного места страны. Другие горы не превышают трети этой высоты и более знамениты связанными с ними историческими воспоминаниями, чем своим внешним величием^[71] Из них Фавор имеет 1865 футов высоты, Кармил – 1720, Гаризим 2650, Гевал – 2700, Сион – 2610, Елеонская – 2700 футов над уровнем моря.

[\[Закрыть\]](#).

Промежуточные долины и равнины представляют собой то плоские возвышенности, иногда поднимающиеся до трех тысяч футов над уровнем моря (как например, равнина Хеврона, лежащая на высоте 3029 ф.), то глубокие впадины, иногда лежащие ниже морского уровня, как долина иорданская, лежащая почти на пятьсот футов ниже уровня Средиземного моря. Вследствие такого своеобразного устройства Палестина представляет особенности, каких еще нигде не встречается на земном шаре. На занимаемом ею небольшом пространстве встречаются самые поразительные противоположности. Снеговые вершины Ливана и Ермона, так сказать, смотрят на долины и пустыни юга, где палящий зной по временам сжигает всякую растительность. В близком соседстве растут самые разнородные деревья – стройная пальма, любящая зной, и величавый дуб, требующий более умеренного и влажного климата.

С западной и восточной стороны Палестина окаймлена водой: с запада Средиземным морем, а с востока рекой Иорданом, который, беря свое начало в недрах Ермона, почти в прямом направлении течет с севера на юг, слегка извиваясь по долине. На своем пути Иордан протекает два озера – Меромское и Геннисаретское и впадает в Мертвое море, имея таким образом до полтора верст протяжения при 10–12 саженьях ширины и 1–2 саженьях глубины в летнее время. Из двух протекаемых им озер особенно замечательно озеро Геннисаретское, названное

так вследствие своей арфообразной формы. Оно имеет около 20 верст в длину и 10 в ширину, отличается чрезвычайной прозрачностью своих вод, наполненных рыбами всякого рода. Окружающая его местность поражает своей живописностью и плодородием. По берегам его успешно растут пальмы, смоковницы, виноград и плодовые деревья всякого рода. Чрезвычайно теплый и благодатный воздух содействует тому, что все плоды на его берегах созревают месяцем ранее, чем на окружающих высотах. Недаром иудеи говорили, что если рай еще есть на земле, то здесь именно дверь, которая ведет в него. Полную противоположность ему представляет Мертвое море, куда изливается Иордан. Оно имеет до 70 верст в длину и до 20 в ширину. Мрачно лежа в глубокой котловине, оно производит тяжелое и подавляющее впечатление. Желто-мутные воды его настолько пропитаны солью и горечью, что в них почти не может существовать никакая жизнь. Самый воздух вокруг него насыщен соленой горечью, и окружающая почва с ее серно-солеными глыбами представляет страшную пустыню. Кремнистые берега, ступенями поднимающиеся от его поверхности более чем на 1700 футов и лишенные всякой растительности, довершают мрачную картину, которая всем своим видом напоминает о Страшном суде Божиим, некогда постигшем беззаконные и нечестивые города цветущей долины. Следы прежнего плодородия служат лишь небольшие оазисы, на которых и теперь произрастают редкие бальзамовые растения и различные пальмы.

Положение Палестины на переходной ступени от умеренного пояса к жаркому (между 31° и 33° сев. широты и 34° и 36° вост. долготы) сообщает ее климату известную правильность, которая свойственна только ей. Продолжительность дней и ночей почти всегда равна 12 часам, и только в самые жаркие летние месяцы и самые холодные зимние месяцы между днями и ночами наступает разница на два часа. Переход от дня к ночи и наоборот совершается с необычайной быстротой. Ночь наступает почти вдруг после ясного дня, и рассвет дня с такой же быстротой разгоняет ночную тьму. С такой же правильностью сменяются и времена года. В Палестине, собственно, только два времени года – сырое и сухое. В начале осени наступают так называемые ранние дожди, которые падают с такой правильностью, что в случае их замедления население начинает серьезно беспокоиться о будущем урожае. В течение нескольких месяцев дождливые дни перемежаются с солнечными; гром и молния возвещают и сопровождают выпадение дождя, который иногда обращается в снежные хлопья и град. К концу сырого времени дождь начинает идти еще обильнее и получает название поздних дождей, которые иногда восполняют недостаточность ранних. Это правильное распределение дождей находится в прямой зависимости от двух главных источников влаги: Ливанских гор на севере и Средиземного моря на западе. Тающий в течение лета снег на этих горах наполняет осеннюю атмосферу влагой, образует дождевые облака, которые образующимся на море осенью воздушным течением гонятся на юг, где они и выпадают в качестве дождя. В сухое время года, т. е. летом, продолжающимся от апреля до октября, небо делается совершенно безоблачным и не выпадает ни одной капли дождя для освежения земли и человека. Но растительность не погибает, так как богатые росы, образующиеся по ночам, с достаточностью возмещают отсутствие дождя, и северо-западный ветер, в течение всего лета дующий с моря, значительно умеряет дневной зной. Изредка свирепствует палящий восточный ветер (*кадим*), который вгоняет едкую пыль во все поры одежды и тела. Но и этот ветер в Палестине не имеет такой губительности, какой отличается африканский самум. Вследствие господствующей правильности, климат Палестины весьма здоровый и способствует высокому росту и телесной силе населения. В ней совершенно нет каких-либо гнилых болот, отравляющих атмосферу. Болезни вообще редки, а те, которые иногда свирепствуют в ней, большей частью заносного свойства.

В настоящее время Палестина кажется пустынной и бесплодной. Но не такой была она в древности. Когда она отдана была во владение избранного народа, то представляла собой как бы искусственный сад, заботливо насажденный среди окружающих пустынь, и отличалась изумительным плодородием, дававшим ей полное право на название страной, «где течет молоко и мед» (Исх 3:8), «красою всех земель» (Иез 20:6). Это была, по описанию Моисея,

«земля добрая, где пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья, масличные деревья и мед, земля, в которой народ будет есть хлеб, и ни в чем не будет иметь недостатка» (Втор 8:7–9). Еще и теперь долины отличаются чрезвычайным плодородием, и при некотором трудолюбии дают по две жатвы в год. Даже местность, лежащая к северу от Ездрилонской равнины, весьма щедро наделена природой, и в древности там было столько масличных деревьев, что то колено, которому досталась она, так сказать, утопало в масле. Середина страны, лежащая к югу от этой равнины, также отличалась изобилием всего и щедро вознаграждала за труд. Повсюду из скал журчат ручьи, орошая землю и давая силу для мельниц. Местность эта, отданная во владение сынов Иосифа – Ефрема и Манассии, отличалась «вожделенными дарами неба, росой, вожделенными плодами солнца и вожделенными произведениями луны, превосходнейшими произведениями гор древних и вожделенными дарами холмов вечных» (Втор 33:13–15). По склонам гор повсюду были роскошные сады и виноградники, и самые горы, теперь поражающие своей пустынностью, покрыты были густым лесом – теревинфом, буком, дубом и многими другими лиственными породами. На особенно теплых местах вздымались стройные пальмы, приносившие сладкие плоды и часто от избытка изливавшие свой сок на землю. К югу плодородие уменьшается, по мере того как долины сменяются сплошными известковыми холмами. Но и там были хорошие пастбища для стад. Только уже к югу от Хеврона местность получает совершенно пустынный характер, и только местами попадаются орошаемые ключевой водой оазисы, в которых растительность тем роскошнее и богаче. Зато вся береговая полоса представляла изумительное плодородие, и даже теперь, несмотря на общее запустение страны, хлебные растения дают изобильный урожай при самой незначительной обработке земли, и из деревьев роскошно растут всякие пальмы, маслины, лимоны и бананы, хотя, к несчастью, при отсутствии трудолюбивого населения, прибрежный песок с каждым годом все более засыпает эту некогда благодатную полосу земли.

При своем необычайном плодородии и всех удобствах для тела обетованная земля представляла здоровую пищу и для души. Она была до ничтожества мала в сравнении с обширными пространствами, которые занимались такими государствами Древнего мира, как Египет, Индия, Ассирия-Вавилония. С некоторых пунктов на горных вершинах посредине земли можно сразу видеть ее границу и на востоке и на западе: с одной стороны волны Средиземного моря, с другой – мрачно сверкающую поверхность Мертвого моря с Иорданом и высящимися за ним горами Галаадскими. С горы Ермон глаз окидывает большее пространство, и перед ним открывается дивная панорама прекраснейших ландшафтов, которые в изумительно прозрачном воздухе рисуются перед взорами подобно ряду чудесных картин, начертанных рукой божественного Художника. Сколько здоровой пищи такие виды давали для души, и сколько возвышенных чувств и дум пробуждали они! В этой благословенной земле каждый холм и каждая долина способны были пробуждать в отзывчивой душе чувства беспредельного благоговения и благодарения к Творцу, перст которого чувствовался повсюду. Только под впечатлениями такой дивно-божественной красоты могли изливаться из души израильского царя-поэта, боговдохновенного псалмопевца Давида, те дивные псалмы, в которых вся одушевленная и неодушевленная природа, солнце и луна, звери и птицы, горы и холмы, юноши и девы, старцы и отроки – все призываются хвалить имя Господа, слава Которого на небесах и на земле (Пс 148).

Неудивительно, что эта благословенная страна не оставалась безлюдной. С самой глубокой древности она была густо заселена различными племенами, и именно потомками Ханаана, сына Хамова, вследствие чего и самая земля называлась Ханаанской. У Ханаана было одиннадцать сыновей, ставших родоначальниками одиннадцати отдельных племен. Четыре из них поселились в Сирии и Финикии, а остальные семь (хеттеи, иевусеи, аморреи, гергесеи, евеи, хананеи и ферезеи) заняли и заселили Палестину. Южную часть приморской равнины занимали филистимляне, в соприкосновение с которыми приходили еще Авраам и Исаак и которые впоследствии достигли такого могущества, что по ним и самая страна стала называться

Палестиной (филистимляне – *пелиштим*, отсюда Палестина). Среди них местами встречались и остатки первобытного исполинского племени рефаимов, следы которого сохранялись до позднейшего времени.

Все эти народцы, при частных различиях, говорили языком весьма близким к еврейскому, так что израильтяне могли свободно понимать их и говорить с ними. Во всяком случае, при всех сношениях с ними как патриархов, так и позднейших израильтян дело вполне обходилось без переводчиков, и самые имена царей этих племен и названия городов звучали совершенно по-еврейски (как, например, Авимелех, Мелхиседек, Сихем, Кириаф-Сефер и пр.). Вместе с языком места среди них сохранялась и истинная религия, как это мы видим в лице Мелхиседека, который был священником Бога Вышнего, и даже в лице филистимского царя Авимелеха, который также обнаруживал знание истинного Бога – Элогим, Того Самого, в которого веровал Авраам (Быт 21: 22–23). Но помимо этих следов истинной религии, в общем племени эти были погружены в самое темное идолопоклонство. В наиболее развитом виде оно было у финикиян, которые как наиболее просвещенные между ними служили для них образцом и в религиозном отношении. Как финикияне, так и все остальные ханаанские народцы боготворили силы природы, которые олицетворялись в божеской чете под именем Ваала и Астарты. Ваал олицетворял солнце, а Астарта луну, но не как чистейшие небесные светила, а как производительные силы природы, насколько они возбуждают к плодоношению землю, животных и людей. Кроме того, ханаанитяне почитали еще семь низших богов, олицетворявших собой семь известных тогда планет, и с ними еще особого восьмого бога под именем Асмун, который олицетворялся под образом змея и считался богом-целителем. Служение этим богам отличалось крайней степенью грубой чувственности. При этом главную роль играли женщины. Жертвенники и капища устраивались на вершинах гор, под деревьями, и посвящались Ваалу и Астарте. В каждом капище Ваала был конусообразный камень, как изображение оплодотворяющего органа, служившего главным предметом религиозного чествования. В конце осени совершался праздник печали, заканчивавшийся самым грубым распутством. Женщины в течение семи дней скорби отыскивали исчезнувшего Ваала, т. е. его деревянное или каменное изображение, от иступленной скорби рвали на себе волосы и ударяли себя в грудь. Жрецы под раздражающие звуки унылой музыки резали себе руки и тело ножами и кололи копьями. Но вот к концу праздника печали все иступленно восклицали: «Жив Ваал!», и от этой иступленной радости девицы бесстыдно жертвовали своей честью за деньги, которые предназначались в жертву Астарте. При храмах существовали особые храмовые блудницы, которые в течение целого года предавались распутству как в самых храмах, так и на улицах, и назывались «посвященными» (кедешот). В честь Астарты мужчины и юноши оскотпляли себя и одевались в женские одежды, чтобы этим уподобиться богу, который одновременно был и Ваалом и Астартой, мужским и женским началом. Эти фанатические скопцы, которые занимались выпрашиванием милостыни для капищ, назывались также посвященными (кедешим). Понятно, что такая религия всю жизнь этих народов делала нечистой и омерзительной, уже навлекавшей на себя страшный гнев Божий – в наказании Содомы и Гоморры. Вследствие этого Моисей решительно запретил израильтянам вступать в союз с ханаанскими народами. Чтобы освободить и очистить Землю обетованную от такого осквернения, они должны были окончательно истребить или изгнать их, как племена, навлекшие на себя праведный суд Божий – за то, что они за благословенные дары заселенной ими благодатной земли не только не славословили истинного Бога, а, напротив, нашли в них источник омерзительного идолопоклонства и нечестия.

В гражданском отношении ханаанские народы находились уже на довольно высокой ступени цивилизации. Не говоря уже о финикиянах, которые в это время уже вели обширную морскую торговлю и знакомы были со всеми сторонами цивилизованной жизни, другие ханаанские племена вслед за ними умели добывать металлы из рудников, ковали золотые и серебряные вещи для украшения, оружие и колесницы для войны, строили храмы и дворцы, умели укреплять стенами города, вели торговлю и знакомы были со счетоводством и письменностью.

На высокое развитие и распространенность письменности указывает замечательное обстоятельство, что один из городов в Южной Палестине носил название Кириаф-Сефер, т. е. город книг, каковое название предполагает в нем существование целой библиотеки или книжного дома. Развитию гражданской жизни способствовала самая густота населения. Страна наполнена была городами и селениями, между которыми расстилались роскошнейшие нивы и пастбища. Города, большей частью сильно укрепленные, строились по преимуществу на высотах гор, что делало их еще более неприступными для вражеского нападения и что, между прочим, особенно устрало израильских соглядатаев. Несмотря однако же на это, ханаанские народцы не могли оказать непреодолимого противодействия израильтянам, так как между ними не было никакого государственного единства. Не только отдельные племена, но и отдельные города считали себя совершенно независимыми от других, управлялись своими собственными царьками, которые постоянно соперничали между собой и в непрерывных войнах взаимно истощали свои силы. Даже общая, угрожавшая им всем опасность не могла объединить их между собой, и каждый город защищался своими собственными силами. Только уже впоследствии образовывались союзы из нескольких городов, которые общими силами пытались отстоять свое существование. Но даже и при этой политической разрозненности ханаанских племен, чтобы завоевать Землю обетованную с ее многочисленными твердынями, требовавшими для взятия их высокого военного искусства и осадных машин, какими, естественно, не мог обладать такой пастушеский народ, как израильтяне, и победить царей, располагавших испытанным в битвах войском и страшными железными истребительными колесницами, – для этого требовалось не только необычайное мужество со стороны вождя и его народа, но и особая помощь Божия. И эта помощь обещана была новому предводителю народа израильского – доблестному и испытанному воину Иисусу Навину.

XXIV

Иисус Навин. Завоевание Земли обетованной и разделение ее. Религиозное одушевление израильского народа

Славный преемник Моисея происходил из колена Ефремова и был одним из тех двух мужественных и преданных Моисею людей, которым одним только дано было из всего народа, выведенного из Египта, увидеть Землю обетованную. При выходе из Египта Иисусу Навину было около сорока пяти лет и, таким образом, ко времени вступления в Землю обетованную на его плечах лежала уже тяжесть восьмидесятипятилетнего возраста. Но подобно великому своему предшественнику, Иисус Навин и в этом возрасте был еще полон сил и неустрашимого мужества и вполне отвечал высоте своего положения. Как ближайший сподвижник Моисея, он вполне был знаком со всем относящимся к управлению народа и потому не нуждался в подробных наставлениях. Для него достаточно было одного божественного слова: «Будь тверд и мужествен», чтобы всецело посвятить себя исполнению возложенной на него задачи – завоевания Земли обетованной. Последний стан израильтян находился в Ситтими, у горы, на которой почил Моисей. Местность кругом изумляла своей роскошью, чисто тропической растительностью, поддерживаемой множеством журчащих повсюду ручьев. От Земли обетованной их отделял лишь Иордан, за которым во всем своем великолепии красовались горы и холмы земли, текущей молоком и медом. Но она не была совершенно открыта для них. Прежде всего, нужно было перейти самый Иордан, а затем верстах в двенадцати от него высились грозные твердыни Иерихона, который как бы держал в своих руках ключи к Земле обетованной. Поэтому нужно было исследовать как место перехода через Иордан, так и особенно состояние Иерихона. С этой целью Иисус Навин отправил двух соглядатаев, которые должны были тайно проникнуть в Иерихон и разведать о состоянии как его, так и окружающей страны. Пробираясь к Иерихону, соглядатаи, наверно, изумлялись роскоши и богатству окружающей местности, которая и теперь поражает щедростью даров своей природы. Пальмовые рощи и бальзамовые сады наполняли воздух чудесным ароматом, и вся местность звенела от щебетания множества самых разнородных и редких птиц. В самом Иерихоне собрано было множество богатств, как естественных, так и промышленных, и взятие его

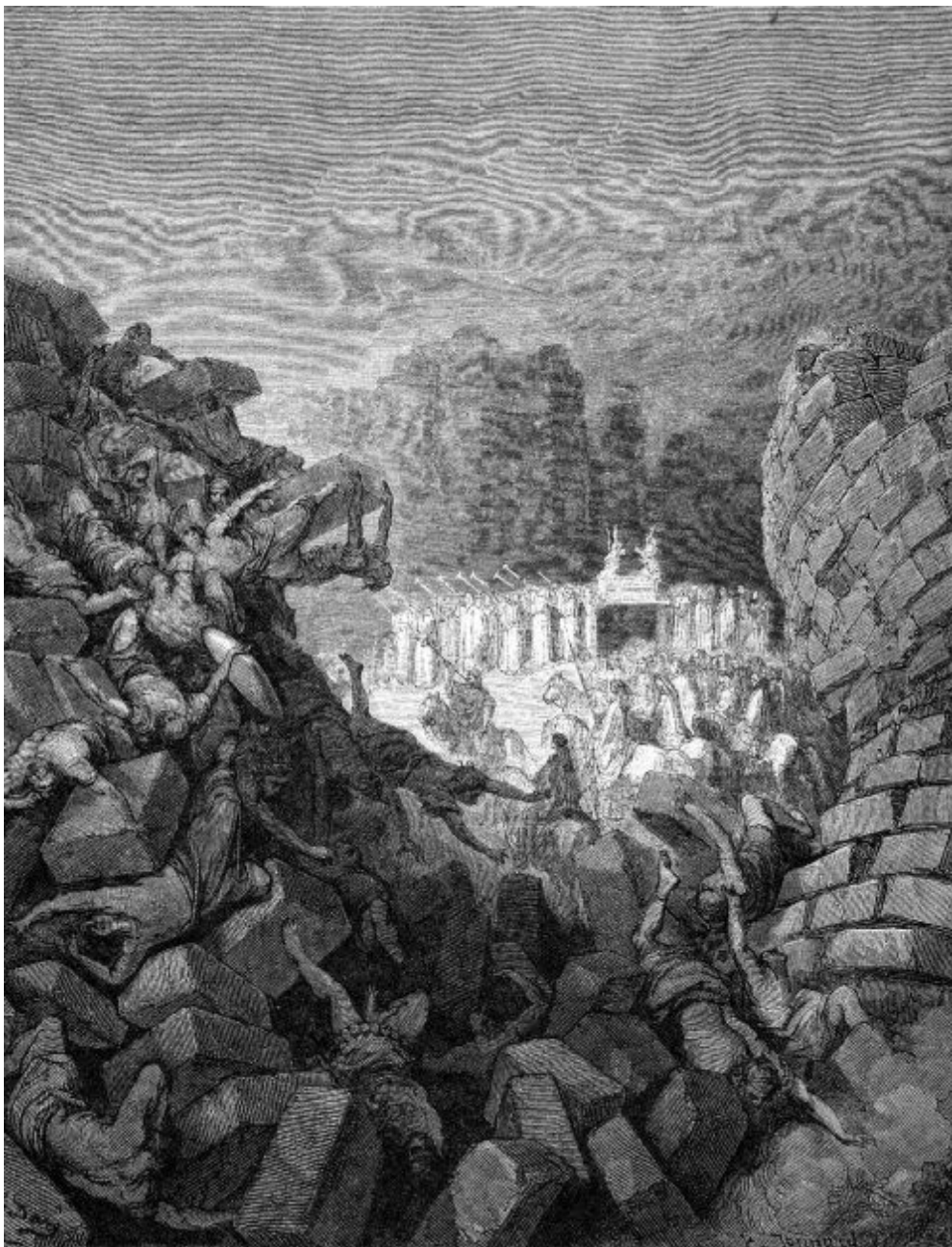
обещало богатейшую добычу. Но город был одним из самых сильных в стране, и граждане его были настороже. Чтобы не навлечь на себя подозрения, соглядатаи, тайно проникнув в город, остановились на самой его окраине и нашли приют у некой Раавы, которая содержала на окраине города, в самой городской стене, нечто вроде гостиницы, но настолько грязной и сомнительной, что и сама содержательница пользовалась в городе худой славой блудницы. Несмотря на все предосторожности соглядатаев, иерихонцы, очевидно находившиеся в страшной тревоге и бдительно следившие за всеми подозрительными личностями, узнали об их присутствии и донесли царю, который тотчас же потребовал выдачи их от Раавы. Но она, пораженная рассказами о чудесах, сопровождавших шествие израильтян к Земле обетованной, и признавая превосходство их Бога, скрыла их в снопах льна у себя на кровле и тайно выпустила их через окно стены за город, направив их по совершенно другой дороге, чем по которой отправились в погоню за ними иерихонцы. Предчувствуя неминуемое падение города, она взяла с соглядатаев обещание пощадить ее и ее родню во время взятия города, условившись, что знаком ее дома, в отличие от других, будет служить та самая «червленная веревка», на которой она спустила израильтян за стену.

Благополучно возвратившись в стан, соглядатаи сообщили, что как жители Иерихона, так и другие народы поражены ужасом от побед израильтян, и Иисус Навин на следующее же утро приказал двинуться за Иордан. Это было время жатвы пшеницы (в апреле), когда Иордан обыкновенно выступает из берегов, благодаря таянию снегов на горах Антиливана, и потому переход через реку был более затруднителен, чем во всякое другое время. Но когда, по особому откровению, священники, несшие ковчег завета во главе народа, ступили в реку, воды в ней разделились, верхняя часть стала стеной, а нижняя стекла в Мертвое море, так что образовался сухопутный проход на ту сторону. Священники двинулись с ковчегом на средину русла реки и стояли там, как бы сдерживая воду, пока не перешли через реку все израильтяне. В ознаменование этого чуда двенадцать избранных мужей взяли из русла двенадцать камней, из которых потом воздвигнут был памятник в Галгале перед Иерихоном, где израильтяне остановились станом по переходе Иордана, а из других двенадцати камней, взятых на суше, поставлен был памятник на том самом месте, где стояли священники с ковчегом завета. В Галгале устроен был укрепленный лагерь, который сделался не только местом продолжительной стоянки, но и опорным пунктом для завоевания. Там израильтяне в сороковой раз по исходе из Египта совершили Пасху, и так как во время странствования в пустыне, вследствие постоянных тревог и бедствий, по необходимости часто оставляем был без исполнения закон об обрезании, то перед совершением Пасхи на почве Земли обетованной народ должен был исполнить этот закон, и весь мужеский пол был подвергнут обрезанию. Тут же прекратилась и манна, которой доселе питался народ, и теперь он должен был питаться уже плодами самой Земли обетованной.

Наконец, нужно было приступить ко взятию страшных твердынь Иерихона. Когда Иисус Навин осматривал укрепления вражеского города, он вдруг увидел перед собой человека, с обнаженным мечом в руке. «Наш ли ты, или из неприятелей наших?» – спросил его храбрый вождь. «Нет, я вождь воинства Господня», – отвечал незнакомец. Иисус Навин в благоговении пал ниц и получил откровение о том, как может быть взят Иерихон. Согласно этому высшему указанию, Иисус Навин велел священникам выступить с ковчегом завета и нести его вокруг стен Иерихона, причем семь священников должны были идти перед ковчегом и трубить в трубы, а вооруженные воины молча идти впереди и позади ковчега. Шесть дней обходили они так город по одному разу – к великому изумлению иерихонцев, которые, конечно, ожидали приступа на город. В седьмой день шествие повторилось семь раз, в конце последнего обхода вдруг раздался потрясающий возглас безмолвного дотоле народа, и страшные твердыни Иерихона пали от чудесного сотрясения, оставив город совершенно беззащитным перед израильтянами. Все жители, кроме Раавы и ее сродников, были истреблены, самый город разрушен, и произнесено было проклятие на всякого, кто бы попытался построить его вновь. Раав за свою веру во всемогущество истинного Бога была награждена принятием ее в общество

избранного народа. И эта ветвь от дикой маслины принесла добрый плод. Выйдя замуж за Салмона, она сделалась матерью Вооза, прадеда Давида, и имя ее наряду с тремя другими женщинами занесено в родословную Христа (Мф 1:5).

Падение столь крепкого города, как Иерихон, было весьма важно для израильтян, так как искусство правильной осады городов находилось и вообще в младенческом состоянии, а тем более у такого пастушеского народа, каким были израильтяне. Города к востоку от Иордана брались битвами на открытом поле, а некоторые укрепленные города в самой Палестине держались долго и после поселения в ней израильтян. Ободренный таким успехом Иисус Навин отправил отряд в 3000 человек против соседнего города Гая, который, по свидетельству соглядатаев, был слишком слаб, чтобы утруждать все войско. Но это высокомерие наказано было тем, что гаяне разбили израильский отряд и обратили его в бегство. Эта неудача навела страх и на весь народ, а Иисус Навин и старейшины, разодрав одежды, пали перед скинией. Тогда вождю народа было откровение, что причиной этого несчастья был один израильтянин, который из своекорыстия утаил часть из добычи иерихонской.

Разрушение Иерихона

Брошен был жребий, и он указал на Ахана, из колена Иудина, который и был побит камнями, а труп его со всем имуществом предан сожжению – в предостережение и другим, кто захотел бы увлечься своекорыстием и присвоить себе что-нибудь из общего достояния народа. После этого израильтяне опять отправились против Гая и, употребив военную хитрость, взяли город. Все жители подверглись истреблению, царь был повешен, а имущество сделалось достоянием победителей.

Взятие первых двух укрепленных городов отдавало в распоряжение израильтян обширный округ обетованной земли и служило обеспечением дальнейших успехов завоевания. Но прежде чем продолжать завоевательную деятельность, народ израильский должен был торжественно принять на себя обязательство свято хранить врученный ему закон Божий. Божественной целью при отдаче израильтянам Земли обетованной было не просто заменить прежних жителей ее новыми, но истребить язычников и поселить на их место народ избранный и освященный так, чтобы на развалинах царства мира сего основать Царство Божие. Во свидетельство этого народ должен был совершить клятву при самой торжественной обстановке. На каменных плитах были выбиты главные положения Синайского законодательства, и на горе Гевал принесены обильные жертвы. Затем священники с ковчегом завета заняли долину между горами Гаризимом и Гевалом, а народ, разделенный на две половины, по шести колен, должен был расположиться на самых горах. И вот, когда священники провозглашали известное положение закона, то на благословение его с горы Гаризим и на проклятие его с горы Гевал народ отвечал громким и дружным «аминь», подтверждая этим истинность и неизбежность как благословений за исполнение закона, так и проклятий за его нарушение. Место, где совершен этот торжественный акт, способно было вместе с тем влить новое мужество в народ и одушевить его самыми возвышенными чувствами. Кругом волнообразно шли холмы, зеленевшие по склонам виноградниками и нивами, среди них изумрудной полосой лежала долина Сихемская, та самая, где некогда Авраам воздвиг свой первый жертвенник Богу и Иаков устроил свою первую ставку в Земле обетованной (Быт 12:7; 33:19), и по обеим ее концам великанами высились горы Гаризим и Гевал, дружный «аминь» с которых громовыми отголосками разносился по долине, замирая в отдаленных холмах. И с этих гор перед изумленными глазами народа развевалась чудесная картина всей средней Палестины. На север последовательно возвышались Гелвуя, Фавор, Кармил и убеленный снегами северный страж земли – Ермон, с зеленеющими между ними долинами и равнинами. К востоку сверкали прозрачные воды озера Геннисаретского с тянущейся от него голубой лентой Иордана, а к западу виднелась чудная синева Средиземного моря с окаймляющей его песчаной полосой. Таким образом, как бы вся Земля обетованная была свидетельницей великой клятвы Израиля, и вся она, с ее горами, озерами, реками, холмами и долинами, была торжественно посвящена Господу.

Между тем стоустая молва о победах и самоуверенном поведении израильтян, распоряжавшихся в Палестине, как в своей собственной земле, пронеслась по всей стране и навела еще более ужаса на ханаанские племена. Жители некоторых городов, не надеясь выстоять против завоевателей, стали прибегать даже к хитростям. В израильский стан, все еще находившийся в Галгале, прибыли послы, которые, судя по их износившейся одежде и обуви, были издалека; они заявили старейшинам, что действительно прибыли из отдаленной страны, куда, однако же, донеслись слухи о великих победах Израиля, и просили о заключении мирного договора. Израильтяне согласились на договор с ними, но потом оказалось, что это были послы от жителей находившегося неподалеку города Гаваона и принадлежащих ему сел. Договор считался священным, и потому жители его были пощажены от избиения, но обращены в рабов для исполнения религиозных обязанностей в скинии, в каковом положении они встречаются и в последующее время.

Другие народы между тем, видя, что каждый из них в отдельности не может выстоять против израильтян, заключили между собой оборонительный союз. Именно соединились пять царей под предводительством Адониседека, царя иерусалимского, и они прежде всего решились

наказать гаваонитян за их измену общему делу. Гаваонитяне обратились за помощью к Иисусу Навину, который и двинулся против соединенных сил неприятеля. Быстрым ночным маршем настигнув неприятеля, он внезапно напал на него, разбил и обратил в бегство. Каменный град произвел в нем еще большее опустошение, чем оружие израильтян. Солнце уже склонялось к вечеру, а между тем преследование было еще не окончено. Тогда Иисус Навин, сильный верой во всемогущество Божие, повелительно воскликнул: «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слушал бы гласа человеческого; ибо Господь сражался за Израиля». Это новое необычайное чудо опять показало израильтянам, какого сильного Помощника и Покровителя имеют они, и вместе с тем еще более устало хананеян, которые теперь видели, что сами боги их (солнце и луна) стали на сторону народа-завоевателя. Цари-союзники, бежав с поля битвы, пытались скрыться в пещере, из которой, однако же, были взяты и преданы смерти.

За этой победой завоевание стало совершаться легко и быстро. Города падали один за другим, и вместе с ними подвергались истреблению или изгонялись владевшие ими народы. Так была покорена вся южная половина обетованной Земли, за исключением нескольких сильных крепостей, как например Иерусалим, и Иисус Навин с богатой добычей возвратился в Галгал.

Теперь оставалось покорить еще северную половину. Видя надвигающуюся грозу, цари северных племен начали готовиться к защите. Во главе союза из семи царей выступил царь асорский Иавин, который собрал многочисленное войско «подобно песку морскому» и расположился станом у озера Меромского. Особенную силу этому войску придавала конница, состоявшая из множества военных колесниц. Но сильный верой в правое дело Иисус Навин внезапно напал на них, и одна битва решила судьбу и этой части страны. Неприятели были разбиты, конница захвачена была в плен и уничтожена, город Асор, как «глава всех царств сих», сожжен, жители истреблены и все богатство их сделалось добычей победителей.

Эта решительная победа отдала в руки завоевателей всю Землю обетованную. Они уже не могли встречать себе сильного противодействия, хотя еще оставались укрепленные города, державшиеся благодаря крепости своих стен. Война продолжалась около семи лет; в течение ее были покорены, хотя и не вполне истреблены, семь народов, и в битвах пал тридцать один царь. Наконец израильтяне утомились войной и желали воспользоваться плодами своих побед. Воины заиорданских колен, давно оторванные от своих семейств, стали просить отпуска в свои владения. Вследствие этого война была приостановлена, хотя завоевание не было покончено, и многие хананеи остались в пределах обетованной Земли, сделавшись впоследствии источником страшных зол и всевозможных бедствий для израильтян.

Наконец последовал раздел земли. Кроме двух с половиной заиорданских колен, получивших себе наделы еще до перехода Иордана, вся завоеванная земля была разделена между остальными девятью с половиной коленами. Раздел производился по особому жребию, указывавшему каждому колену сообразный с его численностью участок земли. Первый жребий выпал колену Иудину, которому достался обширный округ с Хевроном в центре. Рядом с ним, еще южнее, достался удел колену Симеонову, составившему южную границу земли, и затем, начиная от севера, уделы распределялись следующим образом. Самая северная часть земли досталась колену Неффалимову, именно в прекрасных долинах Антиливана. Асирову колену назначен был приморский берег, длинная и узкая полоса земли от границ Сидона до горы Кармил. Колено Завулоново заняло поперечную полосу земли между озером Геннисаретским и Средиземным морем. Южнее его одно за другим расположились колена Иссахарово, вторая половина Манассиина и Ефремово, занимая пространство между Иорданом и Средиземным морем. Ефремово колено таким образом заняло самую середину обетованной земли и благодаря этому счастливому положению, а также и своей многочисленности, оно получило особенное значение в судьбе израильского народа, так как и главные центры религиозной и политической жизни народа находились именно в пределах этого колена. В южной половине страны морской

берег и западная часть материка выпали на долю колена Данова. Вениаминово колено расположилось по равнине Иерихонской и по долине Иорданской до Мертвого моря, доходя к западу до непокоренной крепости иерусалимской. И затем остальная часть южной половины страны, как сказано раньше, досталась в удел коленам Иудину и Симеонову. В общем заиорданские наделы отличались богатыми пастбищами, северные и средние представляли наибольшие удобства для земледелия, а южные изобиловали виноградниками и маслинами.

После раздела земли по особому откровению дан был надел и самому вождю народа Иисусу Навину, именно город Фамнаф-Сараи в колене Ефремовом. Так как колено Левиино, по его особому служению, осталось без земельного надела, то ему выделено было в среде различных колен сорок восемь городов с принадлежащими к ним угодьями; из них тринадцать городов назначено собственно для священников и шесть особых городов с предоставлением им права убежища для невинных убийц. «Таким образом отдал Господь Израилю всю землю, которую дать клялся отцам их; и они получили ее в наследие и поселились на ней. И дал им Господь покой со всех сторон, как клялся отцам их; и никто из всех врагов их не устоял против них; и всех врагов их предал Господь в руки их. Не осталось не исполненным ни одно слово из всех добрых слов, которые говорил Господь дому Израилеву; все сбылось».

Возвратились в свои уделы и заиорданские колена, воинов которых Иисус Навин, с выражением благодарности за их содействие общему делу и с увещанием держаться веры в единого истинного Бога, наконец нашел возможным отпустить. С большой добычей, выпавшей на их долю из богатств ханаанских, они отправились за Иордан и у места перехода израильтян через реку воздвигли большой жертвенник. Но это обстоятельство крайне встревожило остальные колена, которые усмотрели в этом желание заиорданских колен отделиться от своих братьев в религиозном отношении. Негодование было так велико, что готова была разразиться братоубийственная война. Но к счастью, благоразумие предотвратило это бедствие. Назначенная по этому делу особая депутация, состоявшая из священника Финееса и десяти избранных старейшин, выяснила сущность дела и из объяснений заиорданских колен пришла к убеждению, что, созидавая жертвенник, они не только не думали отделяться от религии своих отцов, а напротив, этим видимым жертвенником хотели наглядно подтвердить связь свою с остальными коленами и для будущих своих поколений.

Общей связью для всех колен служила скиния с ковчегом завета, но чтобы сделать эту народную святыню доступной всем коленам, Иисус Навин перенес ее в Силом, в колене Ефремовом, как занимавшем срединное положение в стране. И отсюда Иисус Навин продолжал мирно управлять народом до самой смерти. Все управление его продолжалось двадцать пять лет. Наконец «он вошел в преклонные лета». Чувствуя приближение смерти, он созвал к своему смертному одру представителей и начальников всех колен и обратился к ним с сильным увещанием исполнять все, заповеданное в книге закона Моисеева. Он напомнил им при этом обо всем, что Бог сделал ханаанским народам ради их, а также о Его обещании, что, если они останутся верны Ему, вся земля сделается их полным владением, все язычники будут изгнаны из нее. Это же увещание он повторил и в Сихеме, священном жилище Авраама и Исаака, и закончил свою предсмертную беседу словами: «Итак, бойтесь Господа и служите Ему в чистоте и искренности, отвергните чуждых богов, которым служили отцы ваши за рекою в Египте, а служите Господу. Если же неужгодно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить... а я и дом мой будем служить Господу, ибо Он свят». – «И отвечал народ, и сказал: нет, не будет того, чтобы мы оставили Господа и стали служить другим богам!» Умиравший вождь записал эти слова в книгу закона, взял большой камень и положил его под дубом у святилища, сказав народу: «вот, камень сей будет вам свидетелем... да будет он свидетелем против вас в последующие дни, чтобы вы не солгали пред Господом, Богом вашим». Отпустив затем народ по своим уделам, Иисус Навин мирно и с сознанием исполненного долга скончался 110 лет от роду и был погребен в своем наследственном наделе в Фамнаф-Сараи. Вскоре за ним скончался и первосвященник Елеазар, сын Аарона. Останки Иосифа, вынесенные израильтянами из Египта, были должным образом преданы земле в

Сихеме, на том участке, который был некогда куплен Иаковом и подарен им своему любимому сыну.

«И служил Израиль Господу во все дни Иисуса Навина и во все дни старейшин, которых жизнь продлилась после Иисуса, и которые видели все дела Господа, какие Он сделал Израилью». Сорокалетнее воспитание в пустыне, очевидно, имело весьма благотворное влияние на народ. Такой преданной веры в Бога мы уже почти не встречаем ни в одном из последующих периодов истории израильского народа.

XXV

Уклонения израильтян в идолопоклонство и обращения их к Богу во время постигавших их бедствий. Девора и Варак

По смерти Иисуса Навина израильтяне остались без вождя. Настал период, когда вполне должно было осуществиться то богоуправление, которое лежало в основе Моисеева законодательства о государственном управлении израильского народа. Каждое колено должно было управляться своими собственными старейшинами, с отдельным князем или начальником колена во главе, и связующим звеном для них, кроме естественного родства и общих исторических воспоминаний, должна была служить их общая вера в единого истинного Бога, как единственного Царя и Судию народа, общее живое сознание, что все колена составляют одно нераздельное царство Иеговы. Видимым знаком этого религиозно-политического единства была общенародная святыня – скиния, поставленная с этой целью в середине страны – в Силоме, в колоне Ефремовом. Но такое правление предполагает действительно высокую степень религиозно-нравственного состояния народа, и потому первые годы жизни израильтян в Земле обетованной, когда «Израиль служил Господу», т. е. был верен Его завету и послушен Его законам, были временем всеобщего мира и благоденствия, и каждый израильтянин мирно обитал под своей смоковницей. Такое состояние продолжалось до тех пор, пока еще живо было то поколение, которое было свидетелем великих благодеяний Божиих и чудес, совершенных ради избранного народа. За это время некоторые колена (Иудино и Симеоново) успели продолжить завоевание обетованной земли, но так как окончательного завоевания ее не было сделано раньше общими усилиями, то израильтяне должны были примириться с этим обстоятельством и, терпя около себя ненавистных и проклятых хананеев, должны были побеждать их силой своего религиозно-нравственного превосходства и таким образом приобщать их к общему достоянию Царства Божия на земле. К сожалению, народ израильский даже в тех случаях, когда имел возможность побеждать хананеев силой оружия, не всегда изгонял и истреблял их, а часто предпочитал оставлять их в качестве данников себе, нарушая, таким образом, из своекорыстия прямое повеление Божие. Но этим самым израильтяне подготовили себе страшные бедствия, потому что, как предсказывал им Ангел Господень, эти оставшиеся народы сделались для них петлей, и боги их стали для них сетью. Молодое поколение, выступившее на место прежнего, видевшего все великие благодеяния и чудеса Божии для народа, не знало и не хотело знать «Господа и дел Его, которые Он делал Израилью. Сыны Израилевы стали делать злое пред очами Господа и стали служить Ваалам; оставили Господа, Бога отцов своих, который вывел их из земли Египетской, и обратились к другим богам, богам народов, окружающих их, и стали поклоняться им, и раздражали Господа; оставили Господа и стали служить Ваалам и Астартам», хананейским божествам, идолопоклонство которых сопровождалось самым гнусным нечестием и распутством. За уклонением от истинной религии последовало и вообще ослабление нравственности в народе, водворилось господство неправды, необузданного произвола, неповиновение властям, за которыми, в свою очередь, следовало полное расстройство государственного и общественного управления и полное ослабление политического могущества народа. Таким состоянием, конечно, пользовались туземные и соседние народы, нападали и безнаказанно грабили и убивали израильтян, заставляли их платить себе дань, так что тот период, который должен был служить осуществлением истинного богоуправления, вследствие непостоянства и неверности

народа израильского, сделался для него временем страшных испытаний, новой школой религиозно-нравственного воспитания. В наказание за богоотступничество и беззаконие Бог отдавал их в руки местных врагов, но из сожаления к злополучному народу воздвигал им особых избавителей, так называемых *судей*, которые при помощи Божией избавляли народ от притеснителей и чужеземного ига. Из таких судей наиболее известны: Гофониил, Аод, Девора с Вараком, Геден, Иеффай, Самсон, Илий и Самуил. Некоторые из них были призваны Богом, другие избраны самим народом, а некоторые правили народом по праву наследства. Правление судей израильских обнимало период около 350 лет.

Когда израильтяне, забыв повеление Божие, начали дружить с нечестивыми хананеями и заключать с ними брачные связи, влекшие за собой идолопоклонство, то Бог поразил их первым бедствием и предал их в руки месопотамского царя Хусарсафема^[8]8

Хусарсафем был царь «Арама двух рек», т. е. Месопотамии. Так как из Арама призываем был и Валаам для проклятия израильтян, то, вероятно, этот царь был союзником постоянных врагов Израиля – моавитян и мадианитян (Суд 3:8 и сл.).

[\[Закрты\]](#), который поработил их себе на восемь лет. Это бедствие заставило народ образумиться, и он возопил к Господу об избавлении. Тогда Господь воздвиг им избавителя в лице первого судии Гофониила, внука Халева. Укрепляемый Духом Божиим, он сделался правителем народа, собрал войско и низверг месопотамское иго, после чего народ наслаждался миром в течение сорока лет, до смерти Гофониила.

Но продолжительное благоденствие опять обращено было народом во зло, и по смерти Гофониила «сыны Израилевы опять стали делать злое пред очами Господа». В наказание за это на них послан был Еглон, царь моавитский, который в союзе с соседними племенами разбил израильтян и поработил их себе на восемнадцать лет, пока не явился избавитель в лице второго судии Аода (Суд 3:12–14), который лично, посредством хитрости, убил тучного Еглона и затем с войском израильским разбил моавитян, после чего обетованная земля покоилась восемьдесят лет. После Аода судьей был Самегар, известный тем, что он воловьим рожком побил 600 человек филистимлян, сделавших набег на израильтян, и тем избавил их от разорения, грозившего нарушить период восьмидесятилетнего благоденствия.

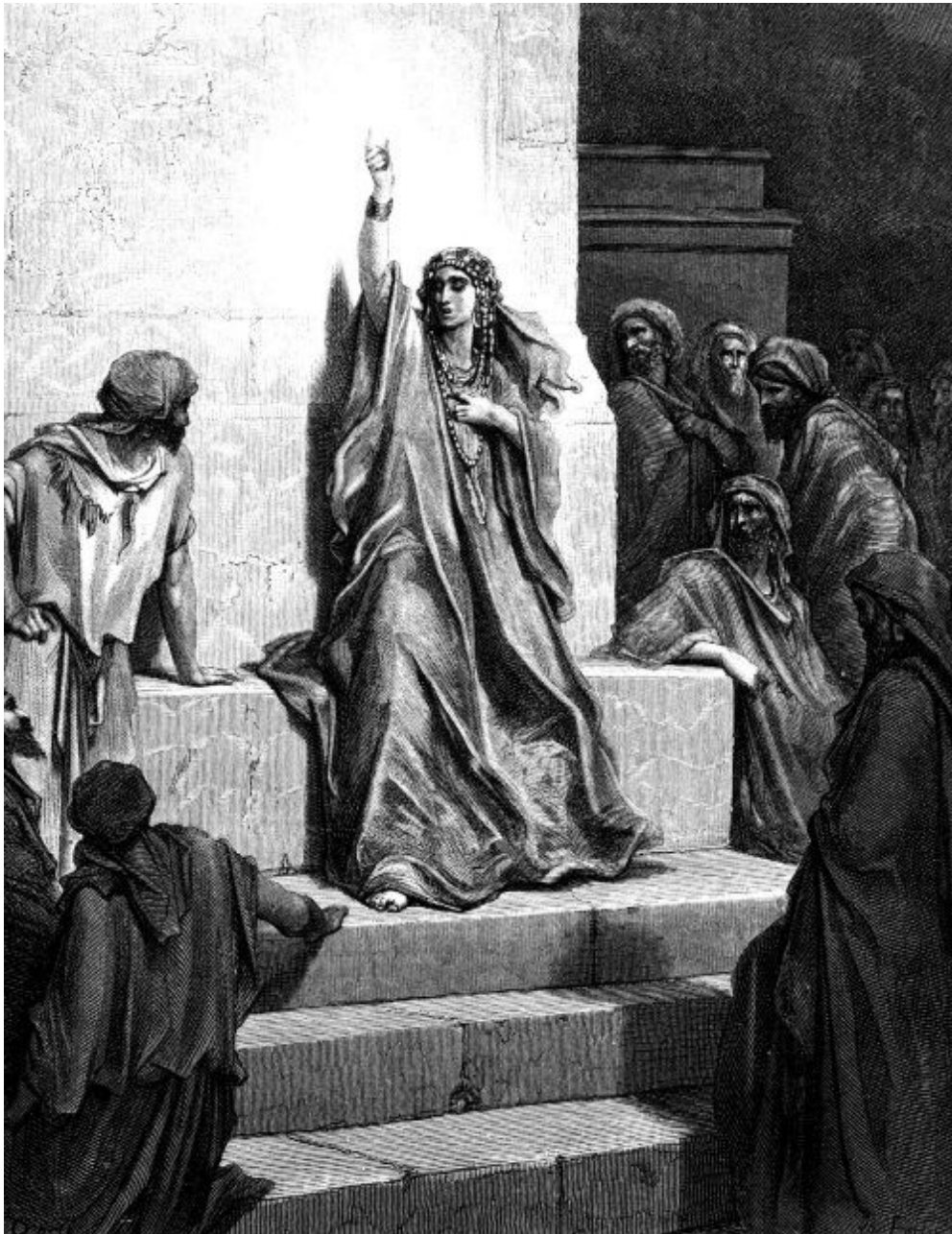
Так как и после этого народ «делал злое пред очами Господа», то должен был понести еще более тяжкое иго. Пользуясь слабостью израильтян, хананеи на севере Палестины чрезвычайно усилились. Ханаанский царь Иавин, составив из окружающих мелких племен сильный союз, перешел в наступление. Его полководец, жестокий Сисара, сделал опустошительное нашествие на северные колена, которые не могли выстоять против его страшной конницы, состоявшей из 900 железных колесниц. Подавленные силой, северные колена, чувствуя свою полную беспомощность, в течение целых двадцати лет должны были сносить самое тяжкое угнетение от торжествующего врага. Но вот, когда народ уже терял надежду на избавление, и храбрейшие мужи не смели и думать о низвержении ига грозного врага, избавительницей угнетенных колен выступила женщина. В гористой местности между Рамой и Вефилом, немного к северу от Иерусалима, жила знаменитая Девора, пророчица. Слава о ее мудрости гремела по всей стране, и весь народ израильский приходил на суд к ней. До нее донеслись и стоны угнетенных колен, и она мужественно выступила для их избавления.

Верст на полтора к северу от ее жилища, в самом центре угнетенной страны, в городе Кедесе, колена Неффалимовом, близ озера Меромского, жил некий Варак, самое имя которого – «молния», как бы указывало на его мужественный дух^[9]9

Имя Варак или Барак – ханаанитского происхождения, и замечательно, что это же имя носила знаменитая карфагенская фамилия Барка, из которой вышел гениальный полководец Ганнибал.

[\[Заккрыть\]](#). Его-то мудрая Девора и порешила сделать вождем того воинства, которое должно было собраться по ее призыву под освободительное знамя. Отправив к нему посольство, Девора именем Бога, открывшего ей надежду на избавление от врага, повелела Вараку стать во главе десятитысячного отряда воинов из колен Неффалимова и Завулонова и выступить против жестокого Сисары. Но даже и мужественный Варак смутился от такого поручения, и он не осмеливался взяться за дело, пока к нему не явилась лично Девора. Пospешая на север, она лично явилась среди угнетенного народа, и появление ее не только ободрило Варака, но и пробудило энтузиазм в народе, который стал собираться под ее знамя. При вести о восстании Сисара быстро снарядил свои смертоносные колесницы и занял равнину Ездрилонскую, это главное боевое поле Палестины. Извивающаяся здесь небольшая речка Кисон, почти вся высыхая летом, превращается зимой и после дождей в бурный поток, который, выходя из берегов, наводняет всю окружающую местность, превращая ее местами в непроходимые болота. Мужественная и мудрая руководительница войска израильского, собравшегося под знаменем Варака на горе Фавор, господствующей над Ездрилонской равниной, сразу оценила выгоду для себя этого обстоятельства и дала знак Вараку – с неожиданной быстротой ринуться на неприятеля.

Гордый своим могуществом и железными колесницами Сисара, быть может, пренебрежительно отнесся к израильскому войску, во главе которого вместе с Вараком стояла женщина Девора. Но это должно было тем более придать значения молниеносному натиску Варака, который сразу же смешал ряды неприятелей и обратил их в беспорядочное бегство. Дорогу бегущим преграждал разлившийся Кисон, в произведенных им топях колесницы вязли и делались совершенно бесполезными, так что все войско подверглось полной гибели – как от воды, так и от меча торжествовавшего Израиля. Сам Сисара с жалкими остатками своего войска бежал на север, пытаясь скрыться в горных проходах. Молниеносный Варак настигал его и там, и он, не видя более спасения, хотел скрыться хоть в шатре одной кенейки, Иаили. Но последняя, будучи потомком Иофора, тестя Моисеева, и сознавая свою духовную связь с народом израильским, не пощадила грозного угнетателя этого народа. Приняв его в своем шатре с видом дружелюбия, она собственноручно убила его, когда он заснул от утомления.

Песнь Деворы

Эта великая победа над жестоким и сильным угнетателем переполнила сердца победителей ликованием, и «в тот день воспели Девора и Варак такими словами: Израиль отмщен, народ показал рвение; прославьте Господа! Слушайте цари, внимайте вельможи; я Господу, я пою, бряцаю Господу, Богу Израилеву». Затем в этой знаменитой песне Деворы подробно описывается бедственное состояние израильтян и славное избавление, и она заканчивается торжествующими словами: «Так да погибнут все враги Твои, Господи! любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей!» – «И покоилась земля сорок лет».

XXVI

Гедеон и Иеффай

Хотя чудесное избавление, совершенное Деворой и Вараком от иноплеменного ига, водворило в Земле обетованной мир и благоденствие на целые сорок лет, но самое состояние народа в религиозном и гражданском отношении было таково, что и в будущем могли угрожать подобные же бедствия. Живя среди идолопоклонников, народ израильский при виде

сладолюбивых форм их идолопоклонства сам увлекался ими, нравственные силы его ослабевали, внутри усиливалось разъединение между коленами, приведшее наконец к тому, что каждое колено начало считать себя как бы отдельным, совершенно самостоятельным государством. Когда это государственное раздробление совершенно ослабило народ, то этим не преминули воспользоваться окружающие кочевые племена, которых постоянно манили к себе богатства и роскошь Земли обетованной. И вот, когда «сыны Израилевы стали опять делать злое пред очами Господа, Господь предал их в руки мадианитян» и сродных с ними кочевых племен. Мадианитяне, амаликитяне и все «сыны Востока» в бесчисленном множестве, с волами и верблюдами, сделали нашествие на Палестину, переправившись через Иордан и сломив всякое сопротивление, какое только могли оказать им раздробленные силы израильтян, они наводнили собой всю страну от Ездрилонской равнины на севере до Газы – на самом юге. И это нашествие повторялось из года в год. Лишь только производились израильтянами посевы полей, как опять появлялась эта дикая орда, которая своими кибитками покрывала все холмы и долины, угоняла весь встречавшийся скот и травяла своими стадами всякую растительность. Ничего не могло быть тяжелее и разорительнее подобных нашествий, так как после них не оставалось ни хлеба, ни скота. Огонь и меч распространяли ужас по всей стране; отчаянное сопротивление отдельных отрядов израильтян приводило лишь к беспощадному истреблению храбрых защитников своего отечества, и, наконец, единственным спасением оставалось лишь поголовное бегство населения в горы, где оно и скрывалось в пещерах. Так продолжалось целых семь лет.

«И весьма обнищал Израиль», и он опять возопил к Господу. Тогда Господь опять сжалился над своим неверным и непостоянным народом и послал ему избавителя в лице Гедеона.

Гедеон происходил из города Офры, лежавшего в холмах Средней Палестины, того именно ее округа, который подвергался наибольшему опустошению от дикой орды. Это был, как показывает самое его имя, «отважный воин», отличавшийся царственным величием своей внешности. Он был младший член семьи, которая дала уже несколько храбрых воинов и защитников отечества от иноплеменников, и два старших брата его уже положили свою жизнь в борьбе с этими именно хищниками в отчаянной стычке при Фаворе. Живя среди упавшего духом народа, он один не терял надежды на избавление и ждал пробуждения в народе духа раскаяния и возрождения. В это время среди народа явился пророк, который пламенной речью призвал к покаянию, упрекая израильтян в забвении ими всех благодеяний Божиих со времени выхода их из Египта. Это, естественно, пробудило дух народа, который еще пламеннее стал просить об избавлении от тяжкого ига. И тогда именно Гедеон получил высшее призвание к делу избавления страждущего народа.

Осенью в седьмой год нашествий мадианитян Гедеон украдкой и торопливо молотил пшеницу, чтобы скорее укрыться от рыскавших повсюду врагов. Тенистый дуб давал ему защиту от палящего солнца. Занятый поспешной работой Гедеон не заметил, как под дубом появился какой-то путник. Но это был Ангел Господень, который сказал ему: «Господь с тобою, муж сильный!» Приветствие это странно поразило Гедеона и болезненно затронуло в нем чувство угнетенного положения, в котором находился как он сам, так и весь народ. Не злая ли это ирония со стороны незнакомца? «Господин, – отвечал ему Гедеон, – если Господь с нами, то отчего постигло нас все это бедствие? и где все чудеса Его, о которых рассказывали отцы наши, говоря: из Египта вывел нас Господь. Ныне оставил нас Господь и предал в руки мадианитян», – с грустью и отчаянием заключил Гедеон. Но ангел уверил его в предстоящем избавлении. Из чудесного знамения (чудесного появления огня в принесенной жертве) Гедеон убедился в своем высшем призвании для избавления народа, и в его душе исчезла и та малейшая тень сомнения и отчаяния, которая начала было закрадываться и в его мужественный и верующий дух. Но чтобы иметь больше успеха в возложенном на него деле, Гедеон должен был, прежде всего, возбудить дух истинной религии в народе, подавленный вторжением идолопоклонства. Идолопоклонство проникло даже в самое семейство, в котором младшим членом был Гедеон. Отец его Иоас, отчаявшись в помощи Иеговы, предался идолопоклонству, и на одной из

ближайших гор воздвиг жертвенник Ваалу, солнечному богу своих ханаанских соседей. Рядом с жертвенником стояло дерево, посвященное Астарте. Гедеон получил божественное внушение разрушить это капище и тем выразить открытый протест против идолопоклонства. И он, пылая ревностью о вере в истинного Бога, немедленно исполнил это внушение. Взяв десять человек рабов своих и пару тельцов, он ночью разрушил капище, срубил заповедное дерево, на месте низвергнутого жертвенника Ваалова воздвиг жертвенник истинному Богу и принес в жертву одного из тельцов, употребив на дрова самое дерево Астарты. Все это было сделано ночью, так как днем это возбудило бы суеверный ужас и восстание его домашних и жителей города. Но тем большим изумлением и негодованием охвачены были эти последние, когда с наступлением дня они увидели, что сделано было с капищем и святыней. Народная молва не замедлила приписать это мнимое «святотатство» Гедеону, и среди жителей города раздались яростные голоса, требовавшие смерти виновного. Но его спасла мужественная решимость и находчивость его отца Иоаса. Последний раньше всех других убедился из подвига своего сына в жалком ничтожестве Ваала, и на требование толпы о выдаче Гедеона смело отвечал: «Вам ли заступаться за Ваала, вам ли защищать его? Если он бог, то сам вступится за себя». Эта смелая и просвещенная речь действительно устыдила толпу и заставила ее убедиться в своем заблуждении, и Гедеон получил прозвище Иероваал, т. е. «противоборец Ваалу».

Слава об этом подвиге быстро разнеслась по стране, имя Гедеона было у всех на устах, и он мог теперь выступить в качестве избавителя от внешних врагов. «Дух Господень объял Гедеона, и он вострубил трубою». Звуки этой трубы нашли быстрый отголосок в окружающих коленах, и под знаменем Гедеона собралось 32 000 воинов, готовых положить свой живот за истинную веру и свое отечество. Еще раз получив уверение о своем призвании двумя чудесными знамениями (появлением росы на шерсти при отсутствии ее на окружающей земле и отсутствии ее на шерсти при обилии ее кругом), Гедеон выступил против неприятеля. Но избавление должно было совершиться не собственными силами народа, а силой Божией, и потому Гедеону повелено было уменьшить свое войско, отпустив всех боязливых и робких. Осталось только 10 000 человек; но и этого было много для победы. Посредством особого испытания при водопое на реке избрано было всего только триста человек, но очевидно самых храбрых и испытанных воинов, которые были настолько закалены, что даже воду из реки, пренебрегая всякими удобствами, «лакали языками своими, как лакает пес». С этой горстью воинов Гедеон и должен был выступить против неприятелей, которые огромным полчищем в 135 000 человек расположились в равнине Ездрилонской. Проникнув ночью в неприятельский лагерь и узнав о тревожном настроении врагов, до которых уже дошла молва о движении среди израильтян, Гедеон решил поразить их неожиданным нападением и особым стратегическим приемом, нередко употреблявшимся в древности. Разделив свой отряд на три части и дав каждому воину по трубе и по светильнику в кувшине, Гедеон приказал этим частям ночью выступить в обход неприятеля. По данному сигналу все воины сразу затрубили в трубы, разбили кувшины и громко воскликнули: «Меч Господа и Гедеона!» Пораженные неожиданно появившимся множеством светильников и громом труб и военного крика, неприятели пришли в страшное смятение, в суматохе убивали друг друга и бросились в беспорядочное бегство за Иордан. Но там их при переправе встретило колено Ефремово, подвергнув еще большему разгрому, во время которого убиты были два мадиамских царя Орива и Зива. Сам Гедеон, подкрепленный десятитысячным отрядом, преследовал неприятеля и за Иордан, где еще нанес ему поражение, захватив в плен еще двух мадиамских царей Зевея и Салмана, которые, как оказавшиеся убийцами братьев Гедеона, были убиты им самим. При возвращении с победного похода он должен был кротостью утишить недовольство ефремлян на то, что они не позваны были раньше для войны с мадианитянами, через что лишились значительной части добычи, и строго наказать жителей городов Сокхофа и Пенуела, которые, не надеясь на поражение Гедеоном сильных мадиамских царей, из опасения мщения последних отказали воинам его в хлебе, насмешливо говоря ему: «Разве рука Зевея и Салмана уже в твоей руке, чтобы нам войску твоему давать хлеб?» Когда действительно эти некогда страшные мадиамские цари были уже в руках Гедеона, он прибыл с ними в Сокхоф и, напомнив жителям его об

изменничестве, «взял старейшин города и терновник пустынный и зубчатые молотильные доски, и наказал ими жителей Сокхофа, и башню Пенуельскую разрушил и перебил жителей города».

Слава о победе Гедеоны разнеслась по всей стране, и благодарные израильтяне сказали Гедеоны: «Владей нами ты и сын твой, и сын сына твоего, ибо ты спас нас из руки мадианитян». Но мужественный освободитель страны был доволен сознанием исполненного долга и скромно отказался от предложенной ему наследственной власти, ответив израильтянам: «Ни я не буду владеть вами, ни сын мой не будет владеть вами; Господь да владеет вами». Он удовольствовался только частью военной добычи (в 1700 золотых сиклей, кроме пряжек, пуговиц и пурпуровых одежд с мадиамских царей и кроме золотых цепочек с шеи верблюдов их). К сожалению, он имел неосторожность сделать из этой добычи эфод, или священническую ризу, и суеверный народ, придав ей магическое значение, стал «блудно ходить туда за ним», совершая нечто вроде идолопоклонства. Впрочем, земля покоилась сорок лет, и сам Гедон мирно дожил до глубокой старости, оставив от своих многих жен семьдесят сыновей, и, главное всего, ту добрую славу, которая дала ему впоследствии великую честь быть записанным в число славнейших героев веры (Евр 11:32).

По смерти Гедоны жестоковыйный и неверный народ опять «стал блудно ходить во след Ваалов», забыл своего Господа Бога, который избавлял его от окружающих врагов, и даже «дому Гедонову не сделал милости за все благодеяния, какие он сделал Израилю». Наступили смуты, и этим думал воспользоваться побочный сын Гедоны от его сихемской наложницы, Авимелех, и решил присвоить себе царскую власть, от которой отказался сам Гедон. Войдя в соглашение с родственниками своей матери, он собрал войско, напал на Офру, где жили сыновья Гедоны, и, избив их, добился затем провозглашения себя царем. Из семидесяти сыновей Гедоны спасся только один младший сын Иофам. С вершины Гаризима, высившегося над городом Сихемом, он обратился к вероломным жителям с обличительной притчей, в которой под видом дерев, избиравших себе царя, изобразил несправедливость народа и коварство Авимелеха: смоковница и виноградная лоза отказались принять на себя царское достоинство, а колючий репейник сразу принял предложение и приглашал всех покоиться под своей тенью. Это, по-видимому, образумило сихемлян. Едва прошло три года, как между ними и Авимелехом начались раздоры, поведшие к междоусобию; разъяренный самозванец осадил город, разрушил его и засыпал солью, а городскую башню, в которой укрылись жители, сжег вместе с тысячью оказавшихся в ней мужчин и женщин. При осаде другого непокорного города, Тевеца, он был ранен обломком мельничного жернова, брошенным в него женщиной, и, стыдясь умереть от руки женщины, велел своему оруженосцу пронзить его мечом. «Так воздал Бог Авимелеху за злодеяние, которое он сделал отцу своему, убив семьдесят братьев своих», и так бесславно окончилась первая попытка самовольно основать царскую власть в народе израильском.

Во время управления двух следующих судей Фолы и Иаира израильтяне, по-видимому, наслаждались миром и благоденствием, но это благоденствие лишь еще более усилило идолопоклонство и развращение среди народа, который начал без разбора «служить Ваалам, Астартам, и богам арамейским, и богам сидонским, и богам моавитским, и богам аммонитским, и богам филистимским», забыв только единого истинного Господа Бога. «И воспылал гнев Господа на Израиль, и Он предал их в руки филистимлян и в руки аммонитян. Они теснили и мучили сынов израилевых восемнадцать лет». Постигшее бедствие было тем тяжелее, что враги теснили народ одновременно с двух сторон – с востока и запада. По обыкновению бедствие это опять заставило израильтян обратиться с мольбой о помощи к забытому ими своему Господу; но на этот раз и Господь в праведном гневе Своем отвечал им: «Вы оставили Меня, и стали служить другим богам; за то Я не буду уже спасать вас. Пойдите, взывайте к богам, которых вы избрали, пусть они спасают вас в тесное для вас время». Но милосердие Божие беспредельно. Когда израильтяне в покаянии обратились к Нему опять и отвергли чужих богов, став служить только Господу, то «не потерпела душа Его страдания Израилева», и Он послал им избавителя в

лице *Иеффая*. Это был даже по своему происхождению вполне сын своего распущенного времени. Мать его была блудница из Галаада, в заиорданском полуколоне Манассиином, и он, лишенный своими сводными братьями наследства в доме своего незаконного отца, удалился в вольную землю Тов и там, собрав около себя праздных и бездомных людей, сделался начальником шайки грабителей. Но со своей вольницей Иеффай не забывал и патриотического долга, и потому он делал нападения на врагов своей страны, отбивая у них стада и караваны. Отвага и храбрость его обратили на него внимание старейшин Галаада, особенно страдавшего от нападений аммонитян, и они пригласили его стать во главе их для борьбы с врагами. Иеффаю тяжело было принимать приглашение от старейшин города, где он потерпел страшную обиду и несправедливость. Но любовь к родине превозмогла, и он, выговорив себе условие главенства в народе в качестве судии, принял предложение. Став во главе быстро образовавшегося отряда, он двинулся против неприятеля, но сначала попытался уладить дело мирным путем и вступил с аммонитянами в переговоры для определения прав двух враждующих народов на заиорданские области. При этом Иеффай обнаружил тонкое знание всей предыдущей истории завоевания земли израильской, и, опираясь на исторические данные, требовал удаления аммонитян. Когда же аммонитяне гордо отвергли всякие мирные предложения, заявив свои притязания на все заиорданские области, то Иеффай вынужден был добиваться своего права оружием. Сильный собственным мужеством и одушевлением народа, он выступил в поход, но перед этим, по обычаю древнего времени, дал обет Господу, говоря: «Если Ты предашь аммонитян в руки мои, то, по возвращении моем с миром от аммонитян, что выйдет от ворот дома моего навстречу мне, будет Господу, и вознесу сие во всесожжение». Поход был успешен, неприятель разбит и усмирен. С торжеством победитель возвратился в свой город Массифу и направился к своему дому. «И вот дочь его выходит на встречу ему с тимпанами и ликами», его единственная дочь, хотевшая более всех отпраздновать победу своего отца-победителя. «Когда он увидел ее, разодрал одежду свою и сказал: ах, дочь моя! ты сразила меня; и ты в числе нарушителей покоя моего» я отверз о тебе уста мои пред Господом и не могу отречься». Узнав страшную тайну, доблестная дочь храброго отца однако же не предалась безутешному отчаянию и просила у него только двухмесячного срока, чтобы пойти на горы и оплакать девство свое с подругами своими. «По прошествии двух месяцев она возвратилась к отцу своему, и он совершил над нею обет свой, который дал, и она не познала мужа». Что касается способа исполнения обета, то, вследствие таинственной неясности библейского текста, он понимается различно. Одни толкователи (по преимуществу древние) понимают его в буквальном смысле, что именно девица была действительно принесена в жертву всесожжения; но некоторые новейшие толкователи, основываясь на ясном запрещении человеческих жертв в Моисеевом законе (Лев 18:21; 20:2–5; Втор 12:31), полагают, что она осталась только в девстве и посвящена была на служение скинии. На такой смысл обета, по-видимому, указывает и то выражение, что дочь Иеффая оплакивала не свою молодость, а свое «девство», и что она умерла «не познав мужа», т. е. в девственном (по обету) состоянии.

Смерть Авимелеха

Но Иеффая ожидало еще и другое испытание. Ему пришлось быть свидетелем печального события, показывавшего, до какой степени дошло разъединение между коленами в это время. Гордые ефремяне, с надменностью относясь к заиорданским коленам и особенно к Манассиину полуколену, которое они считали частью своего колена, отказались признать за ним право на отдельное независимое существование, а тем более право иметь из себя «судью» народа, и довели дело до междоусобицы. Но народное воодушевление было еще сильно: ефремяне понесли страшное поражение в битве и старались спастись бегством на противоположный берег Иордана; но разъяренные галаадитяне перехватили броды и, узнавая ефремян по своеобразному выговору ими слова *шибболет* (они выговаривали *сибболет*), избили из них 42 000 человек, подвергнув таким образом жестокому наказанию возмутителей общественного мира. Это горестное событие должно было тяжким бременем лечь на душу такого пламенного патриота, каким был Иеффай. Он был судьей Израиля только шесть лет и скончался, будучи погребен в одном из городов галаадских. Одиноким он жил, одиноким и умер, не оставив в потомстве даже воспоминания о точном месте его погребения.

Следовавшие за Иеффаем трое судей израильских мирно правили народом – Есевон семь лет, Елон десять лет и Авдон восемь лет. Все они пользовались семейным благословением, имели многочисленных сыновей, а также и владели значительными богатствами, так что, например, у судии Авдона «было сорок сыновей и тридцать внуков, ездивших на семидесяти молодых ослах», – в знак особенного достоинства и богатства. Между тем, при отсутствии сильной и общепризнанной власти, которая бы твердой рукой управляла всем народом, израильтяне все более и более поддавались нечестию и идолопоклонству, ослабевая в то же время и политически. Этим воспользовались филистимляне и поработили их. Филистимляне были одним из самых воинственных народов земли Ханаанской. Они переселились с острова Крита и еще во времена Авраама твердо укрепились на богатой прибрежной равнине (Шефела), к северу и югу от Аскалона. Впоследствии они сильно расширили свои владения и достигли такого могущества, что влияние их чувствовалось на всем протяжении страны, в которой они сохраняли свое господство до самого Давида. Соединившись с несколькими туземными племенами, еще продолжавшими жить в Газе, Хевроне и других местах, они совершенно сокрушили силы израильтян, которые, как земледельческий народ, не в состоянии были выдержать напор народа, главным ремеслом которого была война. Даже храброе колено Иудино должно было положить перед ними свое оружие и подчиниться тяжкому и позорному игу, для обеспечения которого филистимляне к тому же совершенно обезоружили побежденных, увели у них в плен всех кузнецов и оружейников, так что израильтяне для всякой кузнечной и слесарной работы вынуждены были обращаться к своим жестоким врагам. Неудивительно, что при таких обстоятельствах филистимское иго могло тяготеть целых сорок лет, не вызывая даже попытки к освобождению от него. Народ пал духом и в полном унынии отчаялся уже в надежде на какое-либо избавление. Но избавитель уже явился в его среде и готов был выступить на защиту своего народа. Это был необычайный герой по имени *Самсон*. Самсон был сын бездетной дотолы четы Маноя с женой из колена Данова, соседнего с филистимской землей и потому наиболее терпевшего от жестоких врагов. Самое рождение его было возвещено ангелом, который объявил жене Маноя, «что она зачнет и родит сына, и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенец сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от руки филистимлян». То же известие повторено было и самому Маное с подтверждением его особым видением ангела, поднимавшегося в пламени жертвенника. В определенное время действительно родился у них сын, которому дано было имя Самсон.

Колено Даново, к которому принадлежал Самсон, всегда было сравнительно малым и не в силах было даже отвоевать отведенного ему Иисусом Навином удела у филистимлян, которые совершенно отрезали его от приморской равнины и стеснили в горах. Положение его было столь стесненным, что впоследствии оно вынуждено было даже выселить из себя значительную часть, предоставив ей искать себе местожительство на северной границе страны. Но у них был укрепленный лагерь на горах, господствовавших над филистимской равниной, и тамто именно возрастал Самсон. Будучи назореем, т. е. человеком, всецело посвященным на служение Богу и Его царству, и представляя живой урок, что сила и спасение избранного народа заключались только в его невидимом Царе, который давал Свою помощь только за исполнение Его святы законов, Самсон возрастал в виду городов и деревень своих угнетателей. При виде угнетенного положения своего народа от жителей этих идолопоклоннических городов и страдая за честь своего отечества и своего Бога, юный назорей возмущался духом, и в народе уже носились слухи, как «Дух Господень» по временам действовал в длинноволосом отроке, уже начинавшем обнаруживать необычайную силу.

Достигнув возмужалости, Самсон не сразу выступил на спасение своего народа от врагов, а показал сначала ту же слабость, которой страдали все вообще израильтяне. Он был в

нравственном отношении как бы зеркалом своего народа. Будучи, как и весь народ, посвященным Богу, он воплотил в своей жизни как добродетели, так и пороки своего народа, и потому на первых же порах привязался к одной филистимлянке и просил своих родителей позволить ему жениться на ней. Увидев, как напрасно было бы их сопротивление неразумному поступку их пылкого юноши-сына, они согласились. По дороге к своей невесте Самсон впервые обнаружил свою необычайную силу. Неподалеку от виноградников Фимнафы, местожительства его невесты, на него напал молодой лев; но Самсон, почувствовав в себе чудесную силу, не смутился, а растерзал льва, как козленка, хотя у него не было в руках никакого оружия. Он никому не сказал об этом, но, проходя в другой раз той же дорогой, увидел, что в труп убитого им льва, успевшего под палящим зноем совершенно высохнуть, завелся рой пчел. Захватив с собой мед, Самсон в качестве жениха устроил семидневный пир для тридцати своих брачных друзей и, будучи в веселом расположении духа, предложил им отгадать загадку, под условием в случае успеха уплатить им тридцать синдонов (рубашек из тонкого полотна) и тридцать перемен одежд, выговаривая то же и себе в случае их неумения отгадать ее. Те согласились, и он сказал им: «Из ядущего вышло едомое, из сильного вышло сладкое». Три дня бесплодно бились брачные друзья над этой таинственной для них загадкой, наконец, видя, что не в силах разгадать ее, они обратились к его новобрачной жене и начали приставать к ней, чтобы она добилась у Самсона разгадки, угрожая в противном случае сжечь ее и дом отца ее. «Разве вы призвали нас, чтобы обобрать нас?» – грубо приступали к ней озадаченные брачные друзья. Слезами и мольбами новобрачная склонила Самсона отгадать ей загадку и, добившись от него решения, передала его брачным друзьям, которые с торжеством и отгадали ее Самсону. «Что слаще меда и что сильнее льва!» – сказали они негодующему Самсону, который сразу же понял измену своей жены и заметил им: «Если бы вы не орали на моей телице, то не отгадали бы моей загадки». Однако нужно было уплатить по условию, и тут он в первый раз воспользовался случаем отомстить филистимлянам. Придя в филистимский город Аскалон, он убил там тридцать человек, снял с них одежды и отдал перемены платья их разгадавшим загадку. С гневом он оставил свою неверную жену, и она вышла за одного из его брачных друзей. Терзаемый ревностью, он хотел вновь сойтись с своей женой, но, получив отказ от бывшего тестя, он жестоко отомстил филистимлянам, пустив в их созревшие для жатвы пшеничные поля триста лисиц с привязанными к их хвостам зажженными факелами. Это, в свою очередь, навлекло мщение филистимлян на его бывшего тестя, дом которого они сожгли вместе с бывшей женой Самсона. Чтобы наказать самого виновника своего бедствия, они с войском выступили против израильтян, и последние, совершенно потеряв всякую надежду на избавление от тяжкого ига, унизились в своем раболепстве перед врагами до того, что готовы были выдать филистимлянам своего единственного героя-патриота. Связанный двумя новыми веревками, Самсон был отведен к филистимлянам; но когда те, увидев его в таком положении, от мстительного злорадства вскричали, на Самсона «сошел Дух Господень, и веревки, бывшие на руках его, сделались как перегоревший лен, и упали узы его с рук его», а он, схватив попавшуюся ему свежую ослиную челюсть, избил ею тысячу ошеломленных филистимлян. Утолив свою жажду из чудесно образовавшегося источника, Самсон возвратился домой и «был судьей Израиля во дни филистимлян двадцать лет».

С течением времени, однако же, свойственная всему народу порочность все более и более одолевала богатыря-судию, и чудесный победитель храбрых воинов поддался чувственной страсти к коварным женщинам. Застигнутый однажды в Газе, филистимском городе, на ночлеге у одной блудницы, Самсон был окружен врагами, решившимися убить его поутру. Но он, встав в полночь, вырвал городские ворота вместе с верями и, взвалив их себе на могучие плечи, отнес на вершину горы, в получасе пути от города. Таким образом он еще раз избежал мщения филистимлян; но час падения его уже был близок. Свое назорейство он нарушил позорным распутством, и потому, еще и нося на себе длинные волосы, уже не носил в себе Духа Божия. И гибель его скоро довершена была новой, увлекшей его в свои сети женщиной, коварной Далидой. Это была известная красавица, злоупотреблявшая своей красотой. Зная сластолюбивый нрав Самсона, филистимские князья порешили воспользоваться этой

женщиной для погубления своего страшного врага и, как это нередко делалось в древности, подкупили ее, чтобы она своими ласками склонила его открыть ей, в чем заключалась тайна его чудесной сверхъестественной силы. Три раза Самсон уклонялся от раскрытия тайны, но коварство Далиды победило наконец. Узнав, что сила Самсона заключалась в его назорейских волосах, она усыпила его на своих коленях, «и призвав человека, велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать и отступила от него сила его». Этого только и ждали его смертельные враги. Захватив своего обессиленного врага, филистимляне выкололи ему глаза, привели его в свой главный город Газу и, сковав его двумя медными цепями, заставили его молоть «в доме узников». Через несколько времени филистимляне в честь своего национального бога Дагона (идола с человеческим туловищем и рыбьим хвостом) устроили великолепный пир, соединив вместе с ним торжество в память победы над своим страшным врагом. Чтобы позабавиться беспомощным богатырем, они привели на пир также и Самсона, где и подвергли его всевозможным издевательствам и побоям. Между тем волосы его успели уже отрасти опять. Вновь почувствовав в себе силу, ослепленный богатырь велел своему вожатому подвести себя к колоннам, на которых утверждался увеселительный дом, переполненный веселящимися филистимлянами, Обхватив два средних столба и с последней молитвой к Богу воскликнув: «Умри, душа моя, с филистимлянами», Самсон зашатал колонны, и весь дом, со всеми веселившимися в нем, рухнул на Самсона, похоронив его под своими развалинами вместе с тысячами отмщенных им за свое поношение филистимлян. Пораженные ужасом, филистимляне не воспрепятствовали родственникам Самсона взять его тело, которое и было погребено на его родине, между Цором и Естаолом, в гробнице отца его Маноя.

Чтобы понять и оценить все величие Самсона, нужно принять во внимание обстоятельства его времени. Поистине велик и силен верой в непреложность божественного обетования о назначении избранного народа был человек, который один, среди всеобщего уныния и подавленности, осмелился выступить против жестоких угнетателей. И это было в такую мрачную пору нравственного падения, когда даже колено Иудино совершенно пало духом и готово было выдать израильского героя его смертельным врагам, делая ему оскорбительный укор. «Разве ты не знаешь, – говорили ему раболепные и малодушные собратья, – что филистимляне господствуют над нами? Что ты сделал нам, навлекая месть филистимлян?» Народ уже примирился с своим тяжелым положением и согласен был жить в рабстве у идолопоклонников, и за такой-то народ Самсон, не имея никакой поддержки от него, должен был вести отчаянную борьбу с врагами. Он и сам тяжело и часто падал нравственно, но, несмотря на все эти падения, сохранял самую трогательную верность Иегове, которая еще более окрепла в нем под влиянием тяжких испытаний последующей жизни. Несмотря на кажущееся оставление его Богом отцов, когда он находился в плену у филистимлян и, ослепленный, осужден был на каторжную работу, вера его не ослабевала и там, и ее-то он неопровержимо доказал, когда потряс столбы здания, в котором веселились идолопоклонники, торжествовавшие победу своего бога Дагона над поборником Иеговы. И неудивительно, что память о нем свято сохранилась из века в век, и в этой памяти народ черпал новое мужество и новые жизненные силы.

Но кроме личного величия, история Самсона имела глубоко поучительный характер и для всего народа. Весь смысл ее заключается в том, что он был назорей. Своей необычайной силой он обязан был своему назорейству, как посвящению Богу; но слабость его заключалась в преданности чувственным и плотским похотям, предаваясь которым, он нарушал свой обет. В обоих отношениях он был не только типом своего народа, но и зеркалом, в котором Израиль воочию мог видеть и себя, и свою историю. Израиль также был своего рода назорей, как народ, посвященный Богу, и пока он соблюдал свой завет с Богом, он был непреодолим в своей силе, но когда он нарушал этот завет, предавался чувственности и грязному идолопоклонству, этому духовному прелюбодейству, то сила его ослабевала, он делался жалким рабом и повергался в бездну духовного и гражданского падения. Таким образом, история Самсона есть как бы олицетворение истории самого израильского народа, и она показывала, что сила народа

заключается только в сохранении им своего завета с Богом. Самсон своей жизнью преподавал всему народу поразительный и глубочайший урок, что Израиль, нарушая свой завет, неизбежно найдет свою коварную Далиду, которая, лишив его назорейства, отдаст его врагам на поправление и издевательство.

XXVIII

Религиозно-нравственное состояние израильтян во времена судей. История Руфи

Жизнь Самсона, равно как и некоторых других судей израильских, ясно показывает, до какого религиозно-нравственного падения дошел народ израильский в Земле обетованной. Вся история периода судей есть печальная история постоянных заблуждений, беззаконий и идолопоклонства с неразлучно следовавшими за ними бедствиями. Даже в жизни самих судей пороки часто берут верх над добродетелями, и злые вожеления заглушают робкий голос совести и сознание долга. Среди избранного народа почти совсем забыта была истинная религия и на место ее явились жалкие суеверия, распространявшиеся разными бродячими, беспутными левитами. Безнравственность сделалась настолько всеобщей, что прелюбодейное сожительство считалось обычным делом и как бы заменяло брак, а в некоторых городах развились даже такие гнусные пороки, которые некогда навлекли на Содомское пятиградие страшный гнев Божий. Внутреннее безначалие и всеобщее самоуправство довершают картину жизни израильского народа «в те дни, когда у него не было царя и когда каждый делал то, что ему казалось справедливым». В подтверждение всего этого книга «Судей», излагающая историю времени судей до смерти Самсона, в заключение приводит несколько поразительных случаев и событий, ярко характеризующих религиозно-нравственное и общественно-государственное состояние народа в это время.

В колене Ефремовом жил некий Миха, который украл у своей матери тысячу сто сиклей серебра. Мать прокляла неизвестного ей вора, но сын, утраченный проклятием, сознался в своей вине, возвратил деньги, и суеверная мать обратила эти деньги на слитие истукана и кумира, которые поставлены были в доме, ставшем, вследствие этого, как бы «домом Божиим». Чтобы довершить подобие святилища, Миха сделал эфод и терафимы и самовольно посвятил одного из своих сыновей в священники. Но, видя незаконность своего поступка, он скоро воспользовался для этой цели одним праздно блуждавшим молодым левитом из Вифлеема иудейского и нанял его служить себе в качестве священника за ежегодное жалование в десять сиклей серебра с готовым одеянием и пропитанием. Но вот тут случилось проходить сынам Дановым в поисках за новыми владениями для себя. Зайдя однажды в дом Михи, они украли его святыни и сманили к себе молодого левита, а затем, завоевав город Лаис, переименованный ими в Дан, сделали из истукана Михина свое особое святилище, которому и поклонялись во все то время, когда истинная святыня народа, Дом Божий, находился в Силоме. Другое происшествие еще ярче обнаруживает ужасное нравственное и общественное расстройство израильского народа в период управления судей. Один левит, ездивший в Вифлеем за своей сбежавшей от него наложницей, возвращаясь домой, по пути зашел с ней на ночлег в город Гиву, в колене Вениаминовом. Но когда он, найдя приют в доме одного старца, пользовался его гостеприимным угощением, развратные жители города сделали нападение на этот дом и требовали к себе самого левита-странника для удовлетворения своих гнусных похотей. Старец заступился за своего гостя. «Вот у меня дочь девица и у него наложница, – говорил он развратной толпе, – выведу я их, смирите их, и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия. Но они не хотели слушать его». Однако же левит действительно вывел свою наложницу на улицу, и грязная чернь «ругалась над нею всю ночь до утра», и по утру она найдена была мертвой у порога дома. Тогда левит разрубил труп несчастной женщины на двенадцать частей и разослал их во все колена с известием о случившемся злодеянии. И «всякий видевший это говорил: не бывало и не видно было подобного сему со дня исшествия сынов Израилевых из земли Египетской до сего дня». Страшное негодование распространилось по всей земле и отовсюду стали собираться воины для наказания гнусных злодеев. Собравшись

в городе Массифе, они потребовали от колена Вениаминова выдачи преступников, чтобы предать их смерти и таким образом «искоренить зло из Израиля». Но вениамитяне отказали в этом, и тогда неизбежной сделалась междоусобная война. Два раза израильтяне терпели неудачу в столкновении с войском колена Вениаминова, но потом посредством военной хитрости овладели городом Гивой, преступный город разрушили до основания, истребив и все соседние города со всем их населением и богатством. 50100 сынов Вениаминовых пало в битве, и осталось только 600 человек, спасшихся бегством на пустынную гору Риммон, где они и оставались четыре месяца. Между тем, когда чувство мщения было удовлетворено и пыл негодования остыл в израильтянах, они невольно ужаснулись всего случившегося и, собравшись в Дом Божий, начали горько плакать: «Господи Боже Израилев! для чего случилось это во Израиле, что не стало теперь у Израиля одного колена!» Принесены были жертвы всесожжения в знак примирения, и тогда решено было позаботиться о восстановлении погубленного колена. Но в гневе своем они поклялись не отдавать своих дочерей в замужество преступному колену. Чтобы выйти из затруднения, они воспользовались неверностью жителей города Иависа Галаадского, отказавшихся принять участие в общенародном деле наказания виновных, и в наказание за это истребили их всех кроме четырехсот девиц, которых и отдали в замужество оставшимся в живых вениамитянам. Остальные двести человек должны были достать себе жен посредством похищения силомских девиц во время праздничных хороводов в виноградниках, как это они и сделали с согласия старейшин израильских. Тогда, успокоившись за судьбу двенадцатого колена, израильтяне разошлись по домам, каждый в удел свой. «Тогда не было царя у Израиля, – заключает повествователь эту печальную историю, – каждый делал то, что ему казалось справедливым».

Как ни мрачна была эта эпоха в истории израильского народа, но в ней встречаются и светлые стороны, показывающие, что свет истинной религии и добродетели еще светил в этой ужасающей нравственной тьме, хотя лучи его, в посрамление самим израильтянам, иногда исходили от ненавистных для них хананеев. К этому именно времени, к концу периода судей относится история одной женщины, получившей впоследствии громадное значение для истории народа и всего человечества. Это именно история *Руфи*.

Во время правления судей случился однажды голод в земле израильской, и одно семейство, состоявшее из четырех лиц – Елимелеха с его женой Ноеминью и двумя сыновьями Махлоном и Хилеомом, переселилось для пропитания в землю Моавитскую. Там сыновья их поженились на моавитянках Орфе и Руфи. Лет через десять, однако же, Елимелех и оба его сына умерли, и осталась одна Ноеминь с своими двумя невестками. Услышав, что в земле израильской настали урожайные годы, она решилась возвратиться в родную землю и стала прощаться со своими невестками. Но они обе заявили решимость идти с ней. Вследствие ее увещаний, Орфа, однако же, согласилась оставить ее, но Руфь ни за что не хотела расстаться с ней и решительно заявила, что она хочет вполне разделить с ней судьбу: «Где ты жить будешь, – сказала она Ноемини, – там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом; смерть одна разлучит меня с тобою». Тогда они вместе пошли в израильскую землю и пришли в Вифлеем, как раз во время жатвы ячменя. Чтобы прокормить себя и свою свекровь, Руфь пошла собирать оставшиеся после жнецов колосья на поле жатвы, как это позволялось бедным жителям по закону Моисееву. Поле, на котором ей пришлось собирать колосья, оказалось принадлежащим богатому и знатному человеку Воозу, родственнику ее покойного свекра Елимелеха. Вооз, увидев ее на поле и узнав, кто она такая, велел своим слугам оказывать ей всякое внимание, накормил ее вместе за одним столом с собой и дал ей позволение собирать колосья даже между снопами, где их было конечно больше, так что она собрала и намолотила около ефы ячменя, которую и принесла домой вместе с захваченными после обеда остатками пищи – для своей свекрови. Ноеминь, обрадованная всем этим и видя здесь особое намерение Божие, разъяснила Руфи, что она имеет право на замужество с Воозом, так как он ближайший родственник ее мужа и по закону должен восстановить семя ее умершему бездетным мужу. Когда она действительно заявила об этом (сообразно с тогдашним обычаем) Воозу, то он

благословил ее во имя Иеговы, похвалил ее добродетельную жизнь и верность тому, кого закон делал ее законным мужем, и обещал ей исполнить все по закону. И он сдержал свое слово. На другое утро он созвал старейшин города и перед ними заявил, что он, как родственник покойного мужа Руфи, намерен исполнить по отношению к ней закон деверства, если только это право будет предоставлено ему имевшимся в городе еще более близким, чем он, родственником покойного сына Елимелеха. Этот родственник действительно уступил ему свое право, выразив это публичным снятием своего сапога и передачей Воозу, как требовалось обычаем, и Вооз действительно стал законным мужем Руфи-моавитянки. Брак был утвержден старейшинами города, которые, благословив его, пожелали новобрачным семейного счастья и благоденствия. Брак этот был благословлен Богом. У Вооза с Руфью родился сын Овид, который был впоследствии отцом Иессея, отца царя Давида. И таким образом эта благочестивая моавитянка, которая обнаружила веру, редкую во Израиле, и муж которой был потомком Раавы, верующей блудницы иерихонской, сделалась одной из родоначальниц Христа, «сына Давидова». История Руфи составляет предмет отдельной книги в Св. Писании Ветхого Завета, именно «Книги Руфь».

История Руфи представляет светлый луч истинной добродетели и законности среди тьмы преобладающего развращения и беззакония, и эта тьма, вследствие этого, становится еще более мрачной. Религиозно-нравственное и общественное состояние народа израильского дошло уже до печального падения во время судейства Самсона; но после него скоро случилось событие, которое грозило окончательной гибелью народу, хотя, вместе с тем, оно послужило и спасительным началом религиозно-нравственного и государственно-общественного возрождения.

XXIX

Илий – первосвященник и судия

По смерти Самсона положение народа израильского оставалось прежним. Все его геройские подвиги не в состоянии были низвергнуть тяжелого ига филистимлян и только раздражили их еще более против израильтян. Но они имели великое нравственное значение, пробуждая упавший дух народа, который, наконец, стал все более приходить к убеждению, что бедствия его не прекратятся до тех пор, пока сам он не возродится духовно и не свергнет прежде всего тяготеющее на нем иго безверия и внутреннего разделения. И вот, шагом к этому внутреннему возрождению было то, что по смерти Самсона должность судии предоставлена была лицу, которое по своему положению более всяких других могло содействовать духовному подъему и объединению народа, именно первосвященнику *Илию*. Уже самое появление во главе народа первосвященника (о которых в течение смутного периода прежних судей история совершенно умалчивает) указывает на пробуждение в народе религиозного духа, а соединение в его лице и должности гражданского правителя или судии явно свидетельствует о том, что народ израильский наконец понял, что главная сила его в религии и именно в вере в истинного Бога, и соединением должности судии с должностью верховного служителя религии хотел показать свою верность верховному Царю Израиля. Только одна религия с ее святыней и могла объединить народ между собой в одно целостное государство, способное сбросить наконец иго идолопоклонников.

Первосвященник-судия жил, конечно, при скинии, которая со времени Иисуса Навина постоянно находилась в Силоме, местечке, лежавшем в верстах тридцати к северу от Иерусалима. Лежа на возвышенной долине, закрытой со всех сторон горами, покрытыми садами и виноградниками, Силом представлял по своему срединному положению в стране наиболее удобное место для общенародной святыни.

Но общая испорченность коснулась и этого убежища святыни. Народ массами собирался для жертвоприношений в скинии и для совершения праздников, но к этому уже примешалось немало обычаев, заимствованных у окружающих идолопоклонников, и религиозные

празднества часто сопровождалось такими же плясками и таким же народным разгулом и распутством, как это было и около языческих храмов и капищ. Для того чтобы очистить религиозную жизнь от этой нечистой примеси, нужен был сильный характер, а им-то, к несчастью, и не обладал Илий. Самое первосвященство его не имело достаточного оправдания, так как он происходил не от старшего сына Ааронова Елеазара, а от последнего его сына Ифамара. Но при этом он был слаб и по самой своей природе. Правда, мы видим его уже в престарелом возрасте, и правление его, насколько можно судить вообще, отличалось достоинством и кротостью, водворявшими некоторый внешний порядок в жизни народа. Но он не имел той твердости, которая требовалась от правителя столь распущенного народа, и когда к слабости его характера прибавились немощи престарелого возраста, то он оказался настолько слабым, что даже не в силах был обуздать крайнего своеволия и страшного святотатства своих собственных взрослых сыновей Офни и Финееса, которые своим нахальным и зазорным поведением не только давали худой пример народу, но и отчуждали его от скинии. Так, они нахально забирали мясо, принесенное для жертвоприношений, и даже соблазнили женщин, собиравшихся у скинии. Престарелый первосвященник скорбел о таком поведении своих сыновей и даже делал им выговоры, «но они не слушали голоса отца своего, ибо Господь уже решил предать их смерти» (1 Цар 2:12–25).

Но когда таким образом над домом престарелого первосвященника готовился суд Божий, при скинии возростал один отрок, которому Промысл Божий определил передать руководство судьбами народа. Это именно Самуил, сын Елканы и Анны, из Армафема, в колене Ефремовом. Он был для благочестивой Анны (представляющей отрадное доказательство того, что истинная вера и пламенное благочестие еще не совсем угасли в народе) благословенным плодом, испрошенным от Бога слезной молитвой об отвращении от нее позора бездетства, и в благодарность Богу был посвящен на служение при скинии в качестве назорея. Своей жизнью и поведением он вполне оправдал обет своей благочестивой матери и в ревностном служении Богу «более и более приходил в возраст и благоволение у Господа и людей», несколько не поддаваясь развращающему влиянию и примеру нечестивых сыновей Илия. И это благочестие скоро сделало его достойным страшного откровения Божия.

Однажды ночью он услышал голос, называвший его по имени. Думая, что это зовет его первосвященник, он встал и подошел к нему в ожидании приказа. Но первосвященник удивился этому, так как не звал его, и когда еще раз повторилось то же, он понял, что это был голос Божий, и велел Самуилу приготовиться к выслушанию божественного откровения. И действительно, в третий раз Господь, призывая отрока на высокую должность Своего пророка, сообщил Самуилу страшное откровение о суде Божиим над домом Илия и вообще о предстоящем совершении такого «дела во Израиле, о котором кто услышит, у того зазвенит в обоих ушах». Самуил сначала боялся сообщить об этом Илию, но когда тот настаивал, он объявил ему страшную тайну, и престарелый первосвященник встретил ее с полным упованием на волю Божию, сказав только: «Он – Господь; что Ему угодно, то да сотворит».

Предсказание скоро совершилось во всей своей ужасной точности. Филистимляне, после нескольких лет сравнительного покоя для израильтян, заметив среди них движение к объединению, порешили сделать грозное нашествие, чтобы в корне подрезать силы этого народа. Но последний успел уже достаточно окрепнуть для того, чтобы вступить в открытую борьбу со своим врагом. Враждебные войска встретились при Афеке, в северной части колена Иудина. Произошла битва, в которой израильтяне потерпели поражение, потеряв около 4000 человек. Не надеясь более собственными силами держаться против неприятеля, израильтяне прибегли к помощи Божией и послали в Силом за ковчегом завета, с которым и прибыли в войско нечестивые сыновья первосвященника – Офни и Финеес. Появление народной святыни сразу подняло дух в израильском войске, от радостного ликования которого «земля стонала», и привело в смущение и страх филистимлян, в стане которых раздавались унылые восклицания: «Горе нам! кто избавит нас от руки этого сильного Бога? Это тот Бог, который поразил египтян всякими казнями в пустыне», как доходили до них страшные, но не вполне ясные слухи.

Но уныние не отняло у них мужества, и в последовавшей битве они нанесли израильтянам такое поражение, что последние обратились в беспорядочное бегство, потеряв тридцать тысяч убитыми. Но ужаснее всего было то, что и самая святыня народа, ковчег завета, был взят в плен, и оба сына первосвященника убиты при его защите. Престарелый первосвященник «сидел на седалище при дороге у ворот и смотрел; ибо сердце его трепетало за ковчег Божий». Но вот один вестник с поля битвы прибежал в город со страшным известием, и «громко восстоил весь город». Девяностовосьмилетний первосвященник в тревоге спросил его: «Что произошло, сын мой?» – «И отвечал вестник и сказал: побежал Израиль пред филистимлянами, и поражение великое произошло в народе, и оба сыновья твои, Офни и Финеес, умерли, и ковчег взят». Последнего известия не вынес старец. Лишь только вестник упомянул о ковчеге, как «Илий упал с седалища навзничь у ворот; сломал себе хребет и умер; ибо он был стар и тяжел». Жена убитого Финееса от ужасной вести совершила преждевременные роды; когда окружающие ее женщины хотели утешить ее радостным известием о рождении сына, она была безутешна и, умирая, вопила не о своем погибшем муже, а о том, что «отошла слава от Израиля: ибо взят ковчег Божий», в горестное воспоминание о чем и сыну своему дала имя Ихавод, т. е. Бесславие. И действительно, это страшное бедствие грозило не только бесславию, но и полной гибелью народу. Сам Бог оставил его теперь, с ковчегом завета отходила от него не только слава, но и политическое существование, за которым должно было следовать рабство и полное уничтожение от торжествующих врагов.

Но милость Божия беспредельна, и даже это страшное бедствие было лишь новым уроком неверному народу и новым доказательством истины и всемогущества единого Бога Израилева. Среди воплей израильтяне скоро услышали удивительное известие, что филистимляне по прошествии семи месяцев с необычайным благоговением возвращали ковчег завета обратно народу израильскому. По взятии его в плен, филистимляне с торжеством повезли его в свой город Азот и в качестве победного трофея поставили в капище своего бога Дагона.

Но на следующее утро оказалось, что «Дагон лежит лицом своим к земле пред ковчегом завета». Филистимляне опять поставили его на свое место; но когда жрецы опять на следующее утро отворили двери храма, то им представилось еще более ужасное зрелище: их бог не только свергнут был со своего места, но и самые члены его как бы отсечены были от чудовищного человекообразного туловища и валялись по полу капища. Вместе с тем жители города были поражены страшной болезнью (наростами на теле), а внутри страны размножились мыши, поедавшие хлеб и усиливавшие бедствие и отчаяние.

Тогда азотяне решили перевести ковчег завета в другой город Геф, а оттуда в Аскалон, но те же бедствия повторялись повсюду, где только появлялся ковчег завета. Объятые ужасом филистимляне, наконец, по совету своих прорицателей решили вернуть его обратно израильтянам и, поставив его на колесницу вместе с золотыми изображениями постигавших их бедствий, отправили на двух первородивших коровах в землю израильскую, перегнав их одних за пределы своей земли. Колесница пришла на поле некоего Иисуса-вефсамитянина и остановилась там. В это время на поле происходила жатва пшеницы и, увидев свою святыню, народ возликовал от радости, левиты сняли ковчег завета, и привезшие его коровы были тут же принесены в жертву всесожжения. Но у жителей Вефсамиса и собравшихся отовсюду масс народа любопытство было сильнее благоговения, и они, вопреки строгому запрещению закона, «заглядывали в ковчег Господа», и за это поражено было среди народа пятьдесят тысяч семьдесят человек. Затем ковчег был перенесен в город Кириафгарим, где он и находился все время, пока Давид не перенес его в Иерусалим, и таким образом скиния, остававшаяся в Силоме, опозоренном нечестивой жизнью сыновей первосвященника, на время лишена была своей главной святыни, как главного знака присутствия Божества.

XXX

Самуил – пророк и судия. Школы пророков. Просвещение. Летосчисление

После ужасного события – пленения ковчега завета – прошло еще не менее двадцати лет, в течение которых продолжалось господство филистимлян. Но урок этих печальных лет не остался потерянным для Самуила, который хотя после смерти Илия и не сразу призван был на должность народного судии, но уже пользовался обширной известностью и большим влиянием в народе. Своим проницательным умом он открыл самый источник бедствий своего народа и порешил совершить религиозно-общественное преобразование. Он всецело посвятил себя делу поднятия религиозного духа в народе, и, будучи общепризнанным пророком и учителем, в своей длинной, присвоенной этому служению мантии то и дело странствовал по уделам колен и повсюду пробуждал ревность к вере отцов. Пламенной речью он увещевал народ отвергнуть всех иноземных богов, всех этих Ваалов и Астарт, которые увлекали непостоянный народ грязными прелестями идолослужения им, навлекая вместе с тем всевозможные бедствия. И народ под давлением пережитых тяжелых испытаний не оставался глух к его проповеди. Началось религиозно-нравственное возрождение. Статуи Ваалов и Астарт были повсюду низвергнуты и поломаны, и водворилось поклонение одному Иегове. Чтобы закрепить это доброе настроение внешним актом, Самуил созвал народ от всех колен на торжественное собрание в Массифе, горном городе в колене Вениаминовом, где и должно было совершиться публичное покаяние народа и возобновление завета с Богом. Давно уже не было у израильского народа таких торжественных собраний. Весь народ постился, каясь в своих прежних грехах, и затем как бы вновь воспринял забытую им веру отцов. Самуил горячо молился за кающийся народ, и собрание закончилось торжественным жертвоприношением.

Слухи об этом необычайном собрании, между тем, дошли до филистимлян, и они, предполагая, что израильтяне намерены восстать против своих угнетателей, двинулись на них с сильным войском; но Господь теперь уже был со Своим избранным народом, и сильным громом навел на филистимлян такой ужас, что они бежали, и израильтяне преследовали их, окончательно низвергнув их долголетнее и тяжелое иго и возвратив города, отвоеванные было у них филистимлянами. В воспоминание об этом Самуил воздвиг памятник, назвав его «камнем помощи».

С этого времени Самуил сделался вполне народным судьей, и под его управлением страна наслаждалась миром и благоденствием. Он жил в своем родном городе Раме, который и сделался центром государственной жизни народа, и отсюда он ежегодно обходил Вефиль, Галгал, Массифу и другие города, повсюду отправляя должность народного судии. Со времени Моисея ни один правитель не пользовался таким огромным влиянием на народ, как именно Самуил. Будучи одновременно левитом, назореем, пророком и судьей, он сосредоточивал в своей личности и духовную, и гражданскую власть в народе, и как пламенный ревнитель веры отцов, он решил употребить это влияние на благо народа, и не только в настоящем, но и в будущем. С этой целью он сам, будучи пророком и учителем веры, пришел к мысли основать учреждение, которое могло бы навсегда служить источником учительности и просвещения и из которого могли бы выходить просвещенные ревнители веры. Такое учреждение и явилось в виде пророческих школ или «сонмов пророков».

Пророки как особые провозвестники воли Божией являлись и раньше Самуила, но они еще не носили высокого звания «пророков», а назывались просто «прозорливцами», «человеками Божиими». Только Самуил стал называться в собственном смысле пророком (*наби*), а после него и все следовавшие за ним. Уже и раньше во времена судей, когда религиозно-нравственное падение народа достигло наибольших размеров, по местам являлись люди Божии, чтобы пробуждать совесть в народе, возбуждать в нем дух и укорять за нечестие. Но ко времени Самуила таких ревнителей появилось уже много, и из них-то Самуил и основал правильные «сонмы пророков», составившие нечто вроде религиозных братств или школ. Хотя в Св. Писании очень мало сообщается о внешней и внутренней жизни этих братств, но все-таки можно составить некоторое представление о них. Принадлежавшие к ним назывались «сынами» или «учениками», и глава их назывался «отцом». Большинство их были молодые люди – признак того, что молодое поколение, как наиболее чуткое к добрым нравственным

влияниям, скорее всего, отозвалось на призыв Самуила. Они жили общинами, пользовались общинным содержанием, ели вместе, носили особую отличавшую их мантию с кожаным поясом, ходили целыми сонмами или толпами и были так многочисленны, по крайней мере в позднейшее время, что есть упоминания случаев, когда пророки собирались по сто и больше человек (3 Цар 18:4; 22:6). Главные школы находились в родном городе Самуила – Раме, затем в Вефиле и Галгале; но меньшие школы находились и в других городах. Отдельные общины находились под надзором и попечением старших и наиболее известных пророков, которым «сыны» или «ученики» оказывали должное послушание и уважение, причем, некоторые из членов общины даже прислуживали им, когда старшим пророкам-учителям приходилось бывать на стороне. Старшие пророки или учителя, в свою очередь, заботились о благосостоянии своих «сынов», и известны случаи, как например, пророк Елисей однажды во время голода кормил не менее ста учеников и по смерти одного из них дал возможность его вдове заплатить оставленные им долги (4 Цар 4). Источниками содержания братств служили, по крайней мере в некоторых случаях, обычные труды по земледелию и скотоводству, а также и вообще ремесленные занятия, к каким кто был приучен и способен; но вместе с тем они принимали и те приношения, которые давались им посторонними, искавшими у них назидания, утешения и просвещения. Прием в братство, по-видимому, был свободный: принимался всякий, кто по своей жизни более или менее был способен для того дела, которое составляло задачу этих братств. Главной целью их основания было содействовать начавшемуся движению к восстановлению истинной веры и возрождению религиозно-нравственной жизни народа.

Сообразно с этой целью, главным предметом изучения в пророческих школах был Закон Божий, и не только в его букве, но и духе. Вместе с тем в них изучалась религиозная обрядность и священная музыка. Последняя была одной из отличительных особенностей сонмов, пророчество которых сопровождалось «псалтирю и тимпаном, свирелью и гуслиями», что особенно способно было привлекать народ. Общинная жизнь под благотворным религиозно-нравственным влиянием старших пророков способна была закалять характеры «сынов» пророческих, и из них выходили те доблестные мужи, которые бесстрашно говорили горькую правду сильным мира сего. Одушевленные самоотверженной ревностью об истинном благе народа, они были бесстрашными поборниками истинной религии и выступали решительными защитниками ее при всякой угрожавшей ей опасности. Деятельность их развивалась и крепла по мере хода исторической жизни народа, и с течением времени они сделались грозными мстителями за всякое попрание религии, истины и справедливости. Своей неустанной проповедью они с этого времени не переставали будить совесть народа и его правителей и тем поддерживали в нем дух истинной религии и доброй нравственности.

Мудрое правление Самуила продолжалось до его преклонных лет, когда он, чувствуя на себе тяжелое бремя лет, на помощь себе по управлению народом призвал своих сыновей Иоиля и Авию, которые и сделались помощниками судии-отца по разбору обычных судебных дел (1 Цар 8:1–22). Но какой скорбью был поражен великий старец-судия, когда до него скоро дошли слухи, что его сыновья «уклонились в корысть, брали подарки и судили превратно». Ввиду строгого характера Самуила очевидно, что такое поведение сыновей не было результатом его отеческой слабости к детям, как это было у первосвященника Илия. Напротив, это была жертва его самоотверженной общественной деятельности, всецело поглощавшей его силы и внимание и лишавшей его возможности должным образом заняться воспитанием своих детей. И это обстоятельство послужило прямым поводом к важному перевороту в истории израильского народа. Время судей было временем безначалия и сопряженных с ним бедствий, так как вследствие отсутствия твердой власти народ потерял политическую силу и постоянно терпел поражения от соседних народов, имевших во главе себя сильную царскую власть. Видя теперь, что даже сыновья такого благочестивого и мудрого правителя и судии, как Самуил, неспособны к управлению народом, израильтяне собрались на совещание, и старейшины порешили просить Самуила, чтобы он поставил над ними царя, который бы «судил их, как и у прочих народов». Это желание народа не было противозаконным, а предусмотрено было в законодательстве.

Мудрый законодатель народа Моисей, предвидя своим пророческим взглядом будущую судьбу исторической жизни своего народа, заранее дал закон, определявший круг царской власти. «Когда ты приидешь в землю, – говорил он, – которую Господь Бог твой даст тебе, и овладеешь ею и поселишься на ней, и скажешь: поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня; то поставь над собою царя, которого изберет Господь Бог твой» (Втор 22:14–15). Но престарелый судья неблагосклонно отнесся к этой просьбе, и не только ради своих недостойных сыновей, но, главным образом, потому, что желание народа было выражено без предварительного испрошения воли Божией. По внушению Божию Самуил изложил перед народом опасности крайнего деспотизма, гнета и своеволия царей. Но народ, утомленный безначалием, готов был вынести все эти опасности, только бы иметь твердую власть, и отвечал Самуилу: «Нет, пусть царь будет над нами: и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши». Тогда Господь повелел Самуилу удовлетворить желание народа и поставить над ним царя.

Желание иметь царя вызвано было в народе израильском окончательным сознанием своей неспособности к самоуправлению по тем возвышенным началам богоуправления, которые изложены были в законодательстве Моисеевом. За время судей пришла в расстройство вся жизнь народа, как религиозно-нравственная, так и государственно-общественная и семейная. Богослужение, хотя продолжало совершаться главным образом при скинии, но жертвы приносились и в других местах, что легко вело к развитию суеверия и прямо к уклонению в идолопоклонство. При отсутствии твердой власти для наблюдения за исполнением законов, нравственность, к великому прискорбию отдельных благочестивых людей, все более падала. Господствовавшие повсюду своеволие и хищничество все более ослабляли силы народа, чем пользовались хананеи, безнаказанно расхищавшие царство Иеговы. Такое состояние было тем более тяжелым, что за это время просвещение израильтян значительно подвинулось вперед. В лице пророков явились достойные учителя, которые, поучая народ Закону Божию, пробуждали в его сознании его высшее назначение и, показывая, как далеко не соответствовала ему действительность, возжигали в нем патриотизм и заставляли искать исхода из бедственного положения, каковой исход и представлялся ему единственно в учреждении твердой царской власти.

Памятником письменности этого времени служат две книги: «Иисуса Навина» и «Судей Израилевых». В двадцати четырех главах первой описана история завоевания и разделения Земли обетованной. Она написана самим Иисусом Навином (кроме 29–36 стихов последней главы) и составила исторический документ, в котором точно обозначены границы уделов каждого колена и на который, поэтому, можно было ссылаться при тяжбах по землевладению. «Книга Судей» состоит из двадцати одной главы и в ней исчисляются события, последовавшие после смерти Иисуса Навина, и обнимает весь период управления судей до рождения Самуила, который и был ее автором. В Ис Нав 10:13 упоминается еще особая «книга праведного», которая, по всей вероятности, представляла сборник религиозно-нравственных и патриотических песней израильского народа; но она не сохранилась до нас. Образцом этих песней может служить знаменитая победная песнь Деворы (Суд 5:2–31).

В отношении летосчисления пятый период крайне смутен, особенно по причине безначалия времени судей. Но есть основание думать, что он продолжался не менее 350 лет. Основанием для такой цифры служит указание, что храм Соломонов начал строиться в 480 году от исхода израильтян из Египта (3 Цар 6:1). Если из этой цифры исключить 40 лет странствования по пустыне, 80 лет правления царей Саула (совместно с Самуилом) и Давида и 3 года царствования Соломона до основания храма, то остаток и будет служить приблизительным определением времени от смерти Моисея до помазания первого царя.

Период шестой

От помазания царя до разделения царства Еврейского

После того как решение народа иметь царя получило окончательное утверждение со стороны верховного Царя Израиля, пророку Самуилу не пришлось долго ждать дальнейшего указания для совершения этого дела. Обстоятельства, по-видимому, совершенно случайные, но явно обнаруживающие руку Промысла в самой этой случайности, скоро поставили его лицом к лицу с человеком, который предназначен был быть первым царем избранного народа. В городке Гиве, в Вениаминовом колене, жило семейство некоего Киса, у которого был единственный сын Саул. Семейство это было небогатое и добывало насущный хлеб земледельческой работой, которой занимался сам отец вместе со своим сыном и немногими слугами. Но оно щедро наделено было природой и отличалось внешним величием и красотой, а вместе с тем непреодолимым мужеством, закаленным в борьбе с врагами. И вот у этого-то семейства однажды пропали рабочие ослицы. Потеря эта была весьма значительна для небогатого Киса, и для отыскания их он отправил сына своего Саула, который в это время уже был средних лет. Тщетно Саул искал их в течение трех дней и хотел уже возвратиться домой, как сопровождавший его слуга посоветовал ему зайти в ближайший город (Массифу), где, по его словам, был «человек Божий, человек уважаемый; все, что он ни скажет, сбывается»; не укажет ли он им, где им искать своих запропавших ослиц. Саул выразил сожаление, что у него нечем заплатить «прозорливцу»; но когда слуга заметил, что у него есть четверть сикля серебра, то он согласился, и вот искатель ослиц отправился к пророку, который должен был дать ему царство.

Самуил в это время участвовал в торжественном жертвоприношении по случаю народного праздника и, предуведомленный свыше, с почтением встретил Саула, отвел ему первое место на пиршестве и, предложив ему лучшую часть мяса (плечо), высказал в знаменательных словах предстоящее ему высокое назначение. Затем, по окончании пиршества, Самуил взял сосуд с елеем, вышел с Саулом за город, помазал его и, поцеловав его, сказал ему: «Вот, Господь помазывает тебя в правители наследия Своего в Израиле, и ты будешь царствовать над народом Господним, и спасешь их от руки врагов их, окружающих их». Саул мог только изумиться всему этому, потому что он был человек незнатного рода, происходил из самого малого, едва не подвергшегося полному истреблению колена израильского. Но не в силе и знатности Бог, а в правде. В подтверждение своего действия Самуил дал Саулу три знамения, исполнение которых не замедлило показать Саулу истинность всех предсказаний прозорливца. По одному из знамений Саул должен был встретить сонм пророков и сам пророчествовать с ними. И действительно, в указанном месте «встречается ему сонм пророков, и сошел на Саула Дух Божий, и он пророчествовал среди них». Событие это было так необычно для всех знавших Саула раньше, когда он видимо не отличался особенной религиозной ревностью, что все в народе говорили друг другу: «что это случилось с сыном Кисовым? Неужели и Саул в пророках?». Перемена в нем была так глубока, что последнее выражение вошло даже в пословицу («еда и Саул во пророцех?»), употреблявшуюся для выражения изумления при виде всякого необычайного и поразительного явления. Между тем, нашлись и ослицы, как предсказал Самуил; но мысли Саула теперь были заняты не тем, как управлять ослицами при пахании земли, а тем, как управлять вверенным ему царством.

Помазание его, однако же, было еще тайной для народа, и чтобы оно получило гражданскую силу, нужно было подвергнуть все дело народному решению. С этой целью Самуил созвал всенародное собрание в Массифе. Там торжественно был брошен избирательный жребий, и он пал сначала на колена Вениаминово, затем на племя Матриево и в нем на Саула, сына Кисова. Саула самого, однако же, не оказалось налицо; из скромности он оставался в обозе. Узнав об этом, народ побежал и взял его оттуда, «и он стал среди народа, и был от плеч своих выше всего народа». Самуил сказал народу: «Видите ли, кого избрал Господь? Подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул и сказал: да живет царь!» В новоизбранном царе народ израильский приветствовал воплощение своего политического идеала, и действительно

Саул был олицетворением самого народа, его добродетелей и недостатков. Его добрые качества заключались, главным образом, в его величавой внешности, которая особенно и расположила народ в его пользу; а его внутренние качества, качества его ума и сердца, должны были постепенно выработаться и развиваться в послушании воле Божией. Помазание уже просветило его ум Духом Божиим, но в своей деятельности он должен был сам показать сознание высоты своего призвания и добрыми делами должен был оправдать свое избрание, подобно и самому народу, который, будучи избран совне, мог стать истинно избранным народом Божиим только через послушание заповедям Божиим и закону Моисееву. Насколько Саул в послушании воле Божией оправдывал свое избрание, это должна была показать его будущая деятельность; но так как пока народ был доволен избранием, то Самуил изложил народу права «царства», т. е. права и обязанности царя, записал их в книгу и положил в скинии вместе с другими памятниками исторической жизни народа. Среди народа слышались и голоса недовольных избранием, которые даже презрительно отзывались о Сауле, говоря: «ему ли спасать нас?» – но Саул ждал только случая, чтобы доказать и этим недовольным, что он способен спасти народ от внешних врагов, и потому как бы не замечал этих презрительных отзывов о себе.

Скоро представился случай, давший возможность Саулу оправдать свою царственную способность. После своего избрания Саул с чисто патриархальной простотой отправился в свой родной город Гиву и там продолжал заниматься земледелием. Но вот до него дошел слух, что на город Иавис Галаадский напал князь аммонитский Наас и требовал сдачи города под жестоким условием выколоть правый глаз у каждого жителя. Это известие воспламенило гнев царя, и на него сошел Дух Божий, давший ему силу тотчас же приступить к избавлению своих страждущих собратий. Разрубив пару своих волов на куски, он разослал их во все пределы земли с объявлением, что так будет поступлено с волами всякого, кто не откликнется на его призыв для поражения неприятеля. Народ единодушно последовал призыву, собралось войско в 330 000 человек, с которым и разбит был жестокий Наас. После такого славного дела приближенные внушали было Саулу отомстить тем недовольным, которые говорили: «Саулу ли царствовать над нами?» Но царь великодушно отвечал: «В сей день никого не должно умерщвлять; ибо сегодня Господь совершил спасение во Израиле». Затем по предложению Самуила вновь созвано было всенародное собрание в Галгале, и там совершилось окончательное утверждение Саула на престоле. Самуил торжественно сложил с себя звание судии, передав все свои права новоизбранному царю. Затем принесены были мирные жертвы перед Господом, «и весьма веселились там Саул и израильтяне». Первой заботой Саула было образовать постоянное и сильное войско, как это и требовалось внешними политическими обстоятельствами. С этой целью он составил из храбрейших людей трехтысячный отряд, который сделался его постоянной гвардией и был расположен в главных городах колена Вениаминова. По месту пребывания Саула центром всего управления сделался город Михмас, откуда он начал предпринимать военные походы для окончательного освобождения страны от властвовавших над отдельными ее частями врагов. Главнее всего нужно было отеснить филистимлян. Эти давние враги израильского народа успели проникнуть в самую глубь страны, и один из их «охранных отрядов» стоял даже в Гиве, в центре Вениаминова колена. Первый удар был направлен именно на этот филистимский отряд, который и был разбит сыном Саула Ионафаном. Но это, естественно, раздражило филистимлян, и они, узнав об учреждении царской власти у своих соседей и опасаясь усиления их политического и военного могущества, решили в самом начале разрушить возникающую монархию и вторглись в страну с большим войском, имевшим 30000 колесниц и 6000 конницы. Израильтяне были поражены ужасом и по обыкновению бежали в горы и пещеры, ища убежища от врага. Это поголовное бегство израильтян перед филистимлянами показывало, каким грозным врагом были для них последние, столь долго господствовавшие над Палестиной. Ужас еще усиливался от того, что одной из целей нашествия филистимлян на землю израильскую был захват возможно большого количества пленных, которых они и продавали на своих невольнических рынках, выручая большие деньги от сбыта этого живого товара купцам соседних богатых стран – Египта и Финикии.

Саул, однако же, не потерял мужества и, сознавая на себе долг защитить страну от наступающего врага, собрал войско в Галгале и готов был выступить против неприятеля. К сожалению, самое войско трепетало и, не надеясь на успех борьбы, стало быстро разбегаться. Чтобы ободрить народ, решено было принести жертвы Богу и для совершения их обещался прибыть и высокочтимый пророк Самуил. Но он замедлил, и Саул должен был ожидать его в течение семи дней. Прошел почти и седьмой день, а так как Самуил не являлся, войско же разбегалось все более, то Саул решил обойтись без Самуила и, самовольно приняв на себя священные обязанности, сам совершил жертвоприношение, явно доказывая этим, что он менее надеялся на высшую помощь, чем на силу своего войска. Такое самовольство составляло великое преступление. В израильской монархии основным началом было подчинение гражданской власти воле Божией в лице пророков и священников. Нарушив это начало, Саул нарушил основное условие своего избрания на царство, так как он заявил незаконное желание действовать не как представитель высшего Царя, а самовольно, как независимый правитель. Он заявил притязание на объединение в своей личности не только независимой гражданской царской власти, но и религиозной, священнической, а такое объединение их в одном лице, с одной стороны, могло придать чрезмерный вес царской власти в ущерб священства, а с другой – самое священство потеряло бы свою самостоятельность, став в подчиненное положение к гражданской власти. Этот поступок Саула сразу показал, что дальнейшая его деятельность пойдет вопреки воле Божией, что, увлекаемый политическими интересами, он готов пренебрегать религиозными. Поэтому Самуил выразил ему торжественный укор и в качестве предостережения сказал ему, что он этим своим незаконным действием поколебал устойчивость своего царствования.

Между тем филистимляне продолжали опустошать страну и дошли до берегов Мертвого моря и Иордана. Чтобы лишить израильтян самой возможности иметь оружие и даже необходимые земледельческие орудия, они, как это бывало уже и прежде, захватили всех кузнецов и увели их в плен. Положение самого Саула, стоявшего в крепости Гивы, было критическое. Но он избавлен был мужественным подвигом своего сына Ионафана, который один со своим оруженосцем, пробравшись в неприятельский лагерь, убил нескольких филистимлян и произвел такое между ними смятение, что они бросились в бегство, преследуемые израильтянами. Чтобы довершить поражение преследуемого врага, Саул дал необдуманно обет. «Проклят, – сказал он, – кто вкусит хлеба до вечера, доколе я не отомщу врагам моим». Народ был крайне истомлен, но не осмеливался нарушить заклания, пока не нарушил его Ионафан, вкусив найденного в лесу меда. За ним последовал весь народ, который алчно бросился на оставленный филистимлянами скот, убивал его и ел даже с кровью вопреки закону, чем навлек на себя гнев Божий, сказавшийся в неполучении ответа на вопрошение Саулом Господа о том, продолжать ли ему погоню за неприятелем. Узнав, что причиной этого было нарушение сыном его данного им обета, Саул хотел даже казнить его, но народ заступился за своего любимца-героя и не допустил до казни.

То же самовольство замечается и в дальнейшей деятельности Саула. Для полного обеспечения страны от внешнего нападения необходимо было совершить одно важное дело, а именно, окончательно поразить одного весьма опасного врага – амаликитян. Эти кровожадные кочевники то и дело нападали на страну, грабили и убивали, и затем быстро удалялись на своих конях в пустыню, чтобы через несколько времени вновь сделать подобный же разбойнический набег. Теперь Саулу повелено было окончательно истребить этот хищный народ, как бы притом в отмщение за то нападение, которое они первые сделали на израильтян по переходе ими Чермного моря. Саул действительно поразил амаликитян, но при этом опять нарушил волю Божию, так как истребил только худшую часть добычи, а лучшую захватил себе и притом оставил в живых царя амаликитян (Агага). В то же время он уже настолько возгордился своими подвигами, что самовольно воздвиг себе памятник на Кармиле. Тогда Самуил опять явился к нему со строгим укором за непослушание, и на оправдание Саула тем, что он захватил стада амаликитян для совершения жертвоприношения Богу, отвечал высокой истиной, которую

впоследствии полнее разъяснили пророки и которая окончательно утверждена Христом. «Неужели, – сказал он, – всесожжения и жертвы столь же приятны Господу, как послушание гласу Господа? послушание лучше жертвы, и повиновение лучше тука оводов». – «За то, что ты отверг слово Господне, – торжественно добавил Самуил, – и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем над Израилем». Сказав это, разгневанный пророк хотел удалиться; но Саул, желая добиться у него прощения, так крепко держал его, что оторвал даже край его одежды, на что Самуил прибавил: (как ты оторвал у меня край одежды, так) «Ныне Господь отторг царство Израилево от тебя». Однако же он остался с Саулом и в поучение ему собственными руками заклал Агага. Сила амаликитян была сокрушена окончательно, и израильтяне почти совсем избавились от этого опасного врага. Но вместе с тем решена была и судьба Саула. Все его действия показывали, что он неспособен был обуздать своего своенравия и не хотел быть таким послушным орудием воли Божией, возвещаемой через Его пророков, каким должен быть царь избранного народа. Видя все это, Самуил с печалью оставил Саула и уже не виделся с ним до дня смерти своей, но заочно оплакивал так неудачно помазанного им царя.

В своей скорби Самуил скоро был утешен повелением Божиим идти в Вифлеем в колено Иудино, и там помазать на царство нового избранника Божия, именно одного из сыновей Иессея. Иессей был внук Рувимоавитянки и потомок Раавы иерихонской, и таким образом в его жилах текла отчасти языческая кровь. Но он уже давно состоял членом царства Иеговы и пользовался уважением в городе. Чтобы отклонить подозрение Саула, Самуил должен был придать всему делу вид обыкновенного жертвоприношения с семейством Иессея, как заявлено было им и жителям Вифлеема, с тревогой встретившим приход престарелого пророка. Когда пришло семейство Иессея, то Самуил, увидев сына его Елиава, отличавшегося величественной и красивой внешностью, невольно подумал: «Верно сей пред Господом помазанник Его!» Но он должен был разубедиться в этом, потому что голос Божий сказал ему: «Не смотри на вид его, на высоту роста его; Я отринул его; Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце». Избранником Божиим оказался младший сын Иессея Давид, который пас овец отца своего. Это был еще отрок, «белокурый, с красивыми глазами и приятным лицом». Он ничем не поражал в своей внешности, был не более среднего роста, весьма прост в своем пастушеском одеянии, с палкой в руках и котомкой за плечами. Но в его прекрасных глазах светился огонь внутреннего величия. По целым месяцам живя среди своих стад и окружающей природы, он с детства научился углубляться в самого себя и черпать вдохновение в своей собственной богато одаренной душе, возбуждавшейся от звуков и красот родной природы. Уединенное положение среди хищных животных рано научило его смело встречать таких кровожадных хищников, как львы и медведи, и развило в нем силу и отвагу, которым удивлялись даже его старшие братья. Но более всего пастушеская жизнь с ее досугом развивала в нем духовную жизнь. Родные горы, сплошь покрытые виноградниками и маслинами, восторгали его дух своей красотой, и он изливал свои возвышенные чувства в дивной игре на арфе, составлявшей неразлучную спутницу юного пастуха. Этот-то юноша-пастух и был избранник Божий. Самуил помазал его, и с того дня почил на Давиде Дух Божий, начав долгое воспитание и приготовление его к занятию престола избранного народа.

XXXII

Саул и Давид. Поражение Голиафа и возвышение Давида при дворе. Гонения на него. Кончина Саула

Саул между тем, мучимый угрызениями совести за свое непослушание Богу и опасениями за свою будущность, сделался мрачным и подозрительным, часто стал страдать от приступов невыносимой тоски. Приближенные, чтобы чем-нибудь развлечь унывающего царя, посоветовали ему прибегнуть к утешению музыки, и это привело к первой встрече Саула с его будущим преемником Давидом. Обладая нежной душой и посвящая большой досуг своей пастушеской жизни музыке, Давид настолько усовершенствовался в музыкальном искусстве, что приобрел обширную известность, так что и приближенные царя указали именно на него как на наиболее способного своей сладостной игрой разогнать мрачные думы и тяжелую тоску

Саула. И вот, действительно, юный пастух был приглашен во дворец и, когда нужно было, играл для царя. Но эту обязанность ему еще приходилось исполнять так редко, что он имел возможность надолго уходить в свой родной город и продолжал заниматься своим пастушеским делом. Один случай, однако же, больше сблизил его с царем.

Началась опять война с филистимлянами, и во время ее выступил из рядов неприятелей один исполин – Голиаф, который предложил единоборством с ним решить дело войны. Несмотря на великолепную и высокопочетную награду, предложенную Саулом, именно, выдать свою дочь за победителя, из израильтян никто не осмеливался вызваться на единоборство со страшным, закованным в латы исполином, который поэтому и издевался каждый день над войском израильским. В это время Давид, по поручению своего отца, пришел в израильский стан, чтобы навестить своих состоявших на службе братьев. И при нем опять филистимский исполин, по обычаю, выступил из рядов своих и громовым голосом начал издеваться над трусостью и малодушием израильтян. Когда Давид узнал, в чем дело, то его юная душа не стерпела такого поношения над «воинством Бога живого», и он закипел неудержимой отвагой.

В пустыне он поражал львов, нападавших на его стада, – при помощи Божией он решил поразить и этого льва, поносившего его народ. О его решении доложено было Саулу, но царь, увидев перед собой невзрачного юношу и считая его более способным играть на арфе, чем вступать в единоборство со страшным исполином, отклонил его предложение, и только восторженная уверенность и храбрость Давида заставили его согласиться на принятие вызова. Саул предложил ему свои доспехи, но они были слишком велики и тяжелы для Давида, и он решил вступить в борьбу с Голиафом со своим пастушеским оружием. Враждебные войска стояли между Сокхофом и Азеком, верстах в двадцати к юго-западу от Иерусалима, на двух противоположных берегах долины (вади), по которой зимой протекал поток, высыхавший летом. И вот, когда исполинский филистимлянин, по обыкновению, выступил для издевательств над израильтянами, из рядов войска на противоположном берегу вади отделился юноша в простой пастушеской одежде, с посохом и пращей в руках и котомкой за плечами. Он смело спустился в долину и, набрав в ней наиболее удобных для пращи гладко омытых кремнистых камней, стал в воинственное положение перед исполинским врагом. Такой противник мог показаться Голиафу только насмешкой над ним, и он в высокомерном негодовании заметил, что ведь он не собака, чтобы какому-то мальчику выходить против него с палкой в руках и камнями. Когда Давид смело отвечал ему, что он не собака, но хуже ее, то Голиаф разразился на него бранью и грозно закричал, чтобы презренный пастух подошел к нему поближе, и Голиаф без унизительной для него борьбы отдаст его тело птицам и зверям на съедение. Но переговариваться долго не было надобности. Меткой и привычной рукой Давид метнул камнем из пращи, и ошеломленный великан повалился на землю, а Давид, подскочив к нему с быстротой лани, его же мечом отсек ему голову. Филистимляне, пораженные таким чудесным подвигом юноши, в смятении бросились в бегство, преследуемые израильтянами. Подвиг Давида приобрел ему дружбу доблестного Ионафана, который с этих пор «полюбил его как свою душу», а Саул приблизил его к себе и сделал военачальником, хотя и не выдал за него своей дочери в награду за победу над Голиафом. Но расположение Саула к Давиду скоро было испорчено восторженными похвалами последнему. Когда они возвращались с поля битвы, женщины и девицы повсюду встречали их песнями и плясками, с торжественными тимпанами и кимвалами; но среди песен подозрительное ухо Саула расслышало оскорбительный для него припев: «Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч!» Мрачное подозрение запало в душу царя по отношению к юному герою, и он два раза как бы в исступлении пытался пронзить его копьем, когда Давид предавался сладостной музыке с целью разогнать тоску царя. Не успев в этом, Саул старался подзадорить храбрость Давида, чтобы отважными подвигами его среди филистимлян привести его к верной гибели. Но Давид постоянно оставался невредимым и за дочь Саула Мелхолу совершил опасный подвиг обрезания не ста даже филистимлян, как назначил Саул, а двухсот, и представил вещественное доказательство самого подвига. Таким образом, Давид сделался зятем царя и все больше приобретал себе любовь народа; но зато

«стал Саул еще больше бояться Давида, и сделался врагом его на всю жизнь». Он стал открыто преследовать народного любимца и своего тайного преемника, и вследствие этого начинается ряд удивительных приключений Давида, которыми Промысл постепенно подготавливал его к занятию престола. Это была трудная школа испытаний, в которой должно было укрепиться в Давиде убеждение, что судьба и жизнь человека находятся в руке Божией, и даже царь со всем его воинством, будучи лишен помощи Божией, становится беззащитнее и беспомощнее последнего раба.

Потерпев неудачу в своих замыслах погубить Давида посредством филистимлян, Саул открыто стал искать его смерти, и приказ об этом сообщил не только всем своим приближенным, но даже и другу Давида, своему сыну Ионафану. Последнему удалось на время утишить кровожадную ярость своего отца, и Саул даже поклялся, что он перестанет замышлять на жизнь Давида. Но новые подвиги Давида в войне с филистимлянами опять растравили рану в сердце Саула, и он в мрачном иступлении опять метнул в него копьем, когда Давид вдохновенно играл перед ним на своей арфе. Трясущаяся от яростного возбуждения рука, однако же, и в этот раз изменила Саулу, и брошенное копье пролетело мимо и вонзилось в стену, а Давид спасся бегством. Разъяренный неудачей этой новой попытки отделаться от своего ненавистного зятя, Саул велел окружить его дом и схватить его ночью. И от этой опасности он спасен был лишь хитростью своей глубоко преданной жены Мелхолы. Тогда Давид бежал к престарелому пророку Самуилу и там в сонме пророков пением и музыкой облегчил свою утомленную гонениями душу. Саул отправил в погоню за ним своих слуг и в Раму, чтобы схватить его там; но слуги три раза поддавались влиянию восторженных песен пророков и сами начинали пророчествовать. Взбешенный Саул, наконец, и сам отправился в Раму; но лишь только он слышал знакомые ему звуки пророческих песен, как мрачная душа его просветлела, дух злобы отошел от него и опять сошел на него Дух Божий, так что он опять на время оставил свою кровожадную мысль. Давид, великодушно прощая злополучному царю, изливал свою скорбь другу своему Ионафану и пытался было через него расположить к себе царя. Но кровожадность царя теперь была неизлечима, и когда Ионафан при представившемся случае стал ходатайствовать перед отцом своим за своего друга Давида, то едва и сам не погиб от руки Саула, в ярости метнувшего копьем и в своего любимца наследника-сына. Узнав об этом, Давид трогательно простился с Ионафаном, который, сознавая несправедливость, терпимую своим доблестным другом, при разлуке с ним плакал горькими слезами; но Давид плакал еще больше. Любовь между ними была изумительная, какая только может быть между двумя доблестными чистыми душами. Они расставались почти навсегда и встретились между собой только еще раз в жизни, но уже при самых печальных обстоятельствах.

Давид и Голиаф

Расставшись со своим другом, Давид направился в священнический город Номву, где в это время находилась скиния, а при ней жил и первосвященник (1 Цар 21). Он прибыл в город голодным и истомленным, и, чтобы подкрепить свои силы, он под предлогом важного царского поручения, требовавшего необычайной поспешности, выпросил у первосвященника Ахимелеха хлебы предложения и меч Голиафа, хранившийся в скинии как трофей, и с запасом священных хлебов, которые по закону можно было вкушать только лицам священнического чина, удалился за пределы родной страны, где под видом простого странника остановился в филистимском городе Геф. Но убежище там оказалось ненадежным. Приближенные Анхуса, царя гефского, стали высказывать ему свои подозрения насчет незнакомца и говорили ему: «Не это ли Давид, царь той страны? не ему ли пели в хороводах: Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч?» Чтобы отвлечь это опасное подозрение, Давид принужден был притвориться безумным, и когда его привели к царю, «чертил на дверях, кидался на руки свои, пускал слюни по бороде своей», так что у Анхуса исчезло всякое подозрение, а Давид, воспользовавшись этим, поспешил удалиться отсюда в дикую пещеру Адолламскую, где около него собрались его родители и братья, которые, вероятно, начали подвергаться преследованию Саула, а также и

все недовольные отверженным царем, так что около Давида собралось до четырехсот человек. Поместив своих родителей под защиту царя моавского, Давид со своими последователями опять возвратился в пределы родной страны.

Саул, между тем, истощался от бессильной злобы. Услышав о том, что первосвященник отдал Давиду хлеба предложения, и подозревая его, а вместе с ним и все священство в заговоре с Давидом, разъяренный царь приказал своим слугам подвергнуть их избиению, но когда слуги отказались поднять руку на служителей Божиих, то он поручил исполнить это кроважидное дело некоему Доику идумеянину, который именно и сделал ему донос на первосвященника. Убито было восемьдесят пять священников и разрушен самый город; спасся только сын первосвященника Авиафар, который, захватив с собой некоторые священные принадлежности (эфод), прибежал к Давиду и рассказал ему о страшном злодеянии Саула. Давид мог только горевать, что сделался невольной причиной такого бедствия, и, дав у себя убежище Авиафару, сам принужден был спасаться от настигавшего его царя. Однажды в городе Кеиле он едва не окружен был войском Саула, но заблаговременно бежал с своими последователями и скрывался в неприступных горах и лесах. При этих гонениях бывали случаи, когда Саул оказывался в полной власти Давида, который легко мог бы предать его смерти и таким образом не только избавиться от гонителя, но и наследовать престол. Но Давид содрогался от одной мысли положить руку на помазанника Божия и скорбел даже после того, как однажды отрезал край одежды Саула, зашедшего для нужды в пещеру, в глубине которой скрывался царственный беглец со своими последователями. Этот последний случай до слез растрогал Саула; когда он узнал о том, с каким всепрощающим великодушием гонимый Давид отнесся к нему даже в тот момент, когда его жизнь вполне находилась в руках последнего, то стал раскаиваться в своем безумии и, уже смиренно признавая Давида своим будущим преемником, просил его только о том, чтобы он не искоренил его потомства и не уничтожил имени отца его, в чем и поклялся ему Давид. Но дух злобы скоро опять овладел Саулом, и он вновь устремился в погоню за Давидом, которому скоро представился новый случай доказать несправедливому царю свое непоколебимое и благородное великодушие. Однажды ночью Давид пробрался в стан царя и, упрекнув своего спутника Авессу за намерение убить Саула, захватил с собой лишь копье и кружку с водой у постели царя, и с вершины соседней горы громко укорял Авенира, начальника царских телохранителей, за его невнимательность и плохую бдительность около священной особы царя. Устыженный этим, Саул опять на время прекратил преследование, но чтобы порвать всякую связь с Давидом, выдал жену его Мелхолу за другого человека. Тяжко огорченный таким оскорблением, Давид, опасаясь дальнейшей ярости царя, в другой раз искал убежища у царя филистимского города Гефа. Но там положение его было крайне двусмысленное и тяжелое, так как царь гефский Анхус, отдав ему во владение целый город Циклаг, требовал от него враждебных набегов на его родную землю.

Когда началась открытая война с израильтянами, Давид вынужден был даже дать Анхусу прямое обязательство в оказании ему военной помощи и, таким образом, поставлен был в печальную необходимость поднять оружие на свой собственный народ. Только подозрение военачальников в верности Давида избавило его от этого тяжелого обязательства, так как филистимляне принудили Анхуса возвратить Давида из похода как весьма ненадежного союзника в войне с израильтянами. Между тем на Циклаг за время его отсутствия напали амаликитяне и все в нем истребили. Это бедствие так вооружило против Давида самых его последователей, у которых погибло в разрушенном городе все достояние, что они хотели даже побить его камнями, и только военный успех его в погоне за амаликитянами восстановил авторитет Давида, который быстро настиг хищников, рассеял их, возвратил пленных и захватил богатую добычу.

Но испытания Давида быстро приближались к концу. В родной земле его совершилось важное и, вместе, печальное событие: скончался Самуил на 88 году своей жизни и торжественно погребен был в Раме оплакивавшим его народом. Это событие еще более тяжким бременем легло на душу Саула, так как он в глубине своего сердца не переставал благоговеть перед

помазавшим его пророком. Смерть его, несомненно, еще сильнее показала его совести все его неправды и преступления, которые так глубоко огорчали престарелого пророка и наверно ускорили смерть его. В нем он, несмотря на полный разрыв с ним, продолжал видеть некоторую для себя нравственную опору в крайней нужде. Теперь его не было, а между тем обстоятельства складывались все грознее и мрачнее. Филистимляне, заметив внутренние беспорядки в царстве Израильском, порешили воспользоваться удобным случаем для захвата добычи и с огромным войском двигались внутрь страны. Саул, уже ясно сознававший свою отверженность перед Богом и своим народом, предчувствовал надвигавшуюся беду и был в отчаянии и страхе. С мгновенным пробуждением отголоска прежней веры он спросил Бога об исходе предстоявшей битвы, но Бог не отвечал на его слабую веру. Тогда злополучный царь совершил еще одно великое преступление и прибег к суеверию, обратившись к волшебству, при помощи которого он хотел узнать свою судьбу. В Аэндоре, близ горы Ермон, жила волшебница, и к ней-то ночью, переодевшись, отправился Саул в сопровождении нескольких своих приближенных. Волшебница сначала отказалась было приступить к волшебству, опасаясь наказания; но когда посетители поклялись, «что не будет ей беды за это дело», а будет дана хорошая награда, женщина спросила: «Кого же вывести тебе?» – «Самуила выведи мне», – отвечал Саул. Волшебница совершила свое волхование и вскрикнула от ужаса, потому что она одновременно увидела призрак Самуила и узнала, что посетитель ее – царь. «И сказал ей царь: не бойся (скажи), что ты видишь?» – «Ви жу, – отвечала женщина, – как бы бога, выходящего из земли». – «Какой он видом?» – спросил у нее Саул. Она отвечала ему: «Выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду». – «Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился». Затем, встав, он в страхе услышал загробный голос пророка: «Для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел?» – «И отвечал Саул: тяжело мне очень; филистимляне воюют против меня, а Бог отступил от меня и более не отвечает мне ни чрез пророков, ни во сне, (ни в видении); потому я вызвал тебя, чтобы ты научил меня, что мне делать». – «И сказал Самуил: зачем же спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя? Господь сделает то, что возвестил через меня; отнимет Господь царство от рук твоих, и отдаст его ближнему твоему, Давиду. И предаст Господь Израиля вместе с тобою в руки филистимлян; завтра ты и сыны твои будете со мною, и стан израильский предаст Господь в руки филистимлян». Страшный голос смолк, но слова его ужасом гремели в преступной совести Саула; он вдруг всем своим исполинским телом рухнул на землю и лежал в изнеможении. Только уже подкрепившись пищей, он способен был возвратиться в стан, куда и отправился в ту же ночь. Страшный приговор Самуила не замедлил осуществиться во всей своей точности. Битва с филистимлянами произошла в окрестностях Изрееля. Израильтяне не выдержали напора железных колесниц своего противника и в первый же день битвы вынуждены были отступить к горе Гелвуге, усеяв путь свой убитыми. Филистимляне между тем все более напирала на бегущего Израиля. Сыновья Саула и между ними храбрый Ионафан уже пали под ударами врагов; но вот неприятельские стрелки настигли уже самого Саула, начали осыпать его градом стрел, «и он очень изранен был стрелками». Гибель была очевидна и неминуема. Гордый царь, однако, не хочет умереть от руки необрезанных и повелевает своему оруженосцу обнажить меч и заколоть его. Но оруженосец не смеет поднять руки на помазанника Божия, и тогда злополучный царь совершает последнее преступление своей жизни – самоубийство, которому последовал и его верный оруженосец. Торжествующие филистимляне бросились грабить убитых и, найдя тела Саула и Ионафана, варварски надругались над ними и затем повесили их на стенах города Вефсана. Такой позор возбудил мужество в жителях города Иависа Галаадского, которые, помня оказанное им некогда Саулом благодеяние, сделали отважный набег, сняли царственные тела со стены, сожгли их, кости похоронили в своем городе под дубом и в память погибшего царя постились семь дней, выказав таким образом редкую добродетель благодарности к павшему царю.

Весть об исходе битвы гелвуйской скоро дошла до Давида. Один молодой амаликитянин, захватив венец и запястье Саула, поспешил к Давиду, надеясь обрадовать его вестью о смерти царя и, чтобы увеличить свою предполагаемую награду, даже ложно заявил, что он сам

приколол его. Но Давид пришел в ужас от этого святотатства и велел предать амаликитянина смерти за то, что он поднял руку свою на помазанного царя, и сам с окружающими своими горько оплакивал не только своего друга Ионафана, но и злополучного царя Саула. Скорбь его выразилась в вдохновенной песне: «Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! как пали сильные, погибло оружие бранное! Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились в смерти своей... Дочери израильския, плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями... Сражен Ионафан на высотах твоих. Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской. Как пали сильные, погибло оружие бранное!..» Песнь эта сделалась историческим памятником, и петь ее научался весь народ (2 Цар 1:17–27).

Так закончилось царствование первого царя израильского народа. Жизнь Саула распадается на два периода, из которых первый представляет собою жизнь его с Богом и второй – жизнь без Бога. Первый период поэтому служит обнаружением лучших качеств его души – смирения и упования на Бога, послушания воле Божией, за которыми следовали успех и победы. И за этот период он немало сделал для политического возвышения своего государства. Иноземное иго было свергнуто, и окружающие хищнические народы потерпели тяжкие поражения, заставившие их отказаться от расхищения царства избранного народа. Но во втором периоде явно берут перевес его худшие качества – высокомерие, самонадеянность, непослушание, за которыми, в свою очередь, неизбежно следовали неурядицы во внутреннем управлении, тоска, суеверие, поражения, отчаяние и самоубийство. Во всем этом он был зеркалом своего народа и своей судьбой еще раз преподавал глубокий урок, что избранный народ должен полагать свою силу не в человеке, хотя бы он был и царь, но единственно в Боге, который один их помощник и покровитель, и без Него они неизбежно станут беспомощной и жалкой добычей своих нечестивых соседей. Этот урок глубоко запечатлелся в душе Давида, который теперь беспрепятственно мог выступить в качестве царя израильского народа.

XXXIII

Царствование Давида. Завоевание Иерусалима. Перенесение ковчега завета, победоносные войны и мысль о построении храма

Во время своей изгнаннической жизни Давид уже считался многими прямым и законным преемником Саула, и потому по смерти последнего колено Иудино не замедлило провозгласить его царем, лишь только он вступил в пределы этой земли. Но оставались приверженцы и у Саула, и этим воспользовался приближенный его полководец Авенир, который при помощи жителей Галаада объявил царем Иевосфея, одного из сыновей Саула, и власть его была признана одиннадцатью коленами. При таких обстоятельствах стала неизбежной междоусобная война, которая с переменным успехом продолжалась около пяти лет. Но перевес, видимо, клонился в сторону Давида, тем более, что между Авениром и Иевосфеем скоро возникли несогласия, которые повели даже к переходу Авенира на сторону Давида, где он, однако же, был убит военачальником последнего Иоавом в отмщение за убийство его брата Асаила. Сам Иевосфей скоро был убит своими приближенными, которые, в надежде получить награду от Давида, принесли ему даже голову вероломно убитого ими царя. Но Давид с истинно царственным великодушием голову Иевосфея предал погребению, а убийц его казнил смертью.

По смерти Иевосфея у Давида не было больше соперников, и глаза всего народа невольно обратились к нему. Представители всех колен собрались в Хеврон и, перечислив заслуги Давида для страны, торжественно провозгласили его царем над всеми коленами, после чего он окончательно был помазан на царство. В лице его народ израильский приобрел себе величайшего царя. Ему было тридцать лет от роду. В войне он уже приобрел громкую, всенародную известность своей знаменитой борьбой с Голиафом, которая вместе с другими его подвигами воспевалась в народных песнях, столь возбуждавших мрачную зависть Саула. При своей страннической жизни в качестве изгнанника он прошел всю страну вдоль и поперек, близко ознакомился с жизнью не только своего собственного народа, но и ближайших соседей,

у которых ему не раз приходилось искать себе убежища. Во время тяжелой школы испытаний он научился ценить жизнь не с высоты отдаленного царского престола, а в ее действительных нуждах и потребностях, быть милостивым и сострадательным к простому народу, равно как и великодушным к своим врагам. Но более всего перенесенные им испытания научили его всецелому упованию на Бога и еще более воспламенили в нем тот дух религиозности, который и выразился в его дивных боговдохновенных песнях – *псалмах*, дышащих безграничным упованием на промысл Божий. Такой царь не мог не пробудить сочувствия в народе, и около него быстро образовалось большое войско, начальники которого всецело отдали себя в распоряжение Давида. В Хевроне Давид царствовал семь с половиной лет (2 Цар 5:5). За это время он пришел к убеждению, что для утверждения царской власти в стране ему необходима столица, которая, не принадлежа никакому колену в отдельности, могла бы служить общей столицей для всего народа. Для этой цели Давид наметил одну сильную крепость на рубеже между коленами Иудиним и Вениаминовым, которая, несмотря на все усилия израильтян, отстаивала свою независимость и доселе принадлежала иевусеям (2 Цар 5:6–10). Это именно Иерусалим, который не только занимал сильное естественное положение на горе, возвышающейся на 2 610 футов над уровнем моря, но и укреплен был кроме того неприступными стенами. Давид, полагаясь на мужество и патриотизм своего храброго войска, порешил во что бы то ни стало взять эту гордую твердыню и объявил, что первый, кто водрузит знамя Давидово на стенах Иерусалима, будет сделан военачальником всего его войска. Честь эта выпала храброму Иоаву. Крепость была взята, и Давид основал в Иерусалиме свою царскую столицу, назвав ее градом Давидовым. Благодаря своему великолепному положению на Сионской горе, господствующей над всей окрестностью, Иерусалим, с возвышением его на степень столицы, начал быстро стягивать к себе иудейское население; новая столица скоро расцвела пышно и богато, и Иерусалим сделался одним из знаменитейших городов в истории не только израильского народа, но и всего человечества.

В своей новой столице Давид «преуспевал и возвышался, и Господь Бог Саваоф был с ним» (2 Цар 5:10). Могущество его имени действовало устрашающим образом на филистимлян, этих давних врагов избранного народа. Они попытались было подорвать силу крепнувшего государства и открыли против Давида военные действия; но, дважды пораженные Давидом, с большим уроном должны были отступить, оставив в его руках даже своих идолов, которых Давид велел сжечь. Вместе с тем Давид приобрел дружбу своего соседа Хирама, царя могущественного и богатого Тира. Хирам был полезен Давиду особенно при благоустройстве его новой столицы, так как посылал ему «кедровые деревья, плотников и каменщиков» для возведения дворца и необходимых государственных построек. Да и вообще эта дружба была в высшей степени выгодна для обоих народов, из которых один (израильский) был по преимуществу земледельческий, а другой – торгово-промышленный, и потому с взаимной выгодой народы могли меняться произведениями своей земли и своего труда.

Но, благоустроявая свою столицу и свое государство в политическом и экономическом отношении, Давид не забывал, что главное назначение избранного народа – быть светом для язычников в религиозно-нравственном отношении, и потому обратил свое главное внимание на возвышение религиозного духа народа. С этой целью он решил перенести главную святыню народа – ковчег завета – в Иерусалим, чтобы сделать свою столицу объединяющим центром страны не только в политическом, но и религиозном отношении. Ковчег завета со времени возвращения его от филистимлян находился в Кириафгариме. Давид отправился туда во главе 30 000 избранных мужей. Для ковчега была приготовлена новая колесница, на которой он торжественно был двинут в путь. Два сына Авинадава, в доме которого доселе находился ковчег, везли его в торжественном шествии народа, выражавшего свою восторженность музыкой и священными песнями. Но смерть Озы, одного из сыновей Авинадава, однако же показала, что для святыни требовался другой способ передвижения, именно на раменах левитов и священников. После трехмесячного пребывания в Гефе, ковчег вновь был двинут в путь и с торжеством несен был первосвященниками от обеих линий Ааронова священства. Через

каждые шесть шагов царь приносил жертвы; самое шествие сопровождалось восторженным пением, музыкой и ликованием. Сам Давид, одетый в простой священнический льняной эфод, увлеченный чувством религиозного восторга, «скакал из всей силы пред Господом», изливая свою восторженность в дивных псалмах, смешивавшихся с песнями левитов, радостными кликами народа и торжественными звуками труб, кимвалов и арф. На Сионе для ковчега была приготовлена новая скиния (старая оставлена была в Гаваоне, так как, наверное, успела значительно обветшать и повредиться от времени): там Давид принес всесожжения и жертвы мирные и, «благословив народ именем Господа Саваофа, он раздал всему народу – как мужчинам, так и женщинам – по одному хлебу, и по куску жареного мяса, и по одной лепешке и по кружке вина каждому» в память этого великого события. Но вечной памятью о нем оставались те псалмы, которые составлены были Давидом по случаю великого торжества. При самом поднятии ковчега для перенесения его в Иерусалим составлен был и пелся псалом 67, начинающийся словами: «Да восстанет Бог и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его». При вступлении ковчега в крепость Сионскую пелся псалом 23, в котором на самый момент вступления указывает восторженное обращение к вратам крепости: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь двери вечные, и войдет Царь славы!» В этом псалме Иегова прославляется как царь славы, который, наконец, завершил победу над языческими врагами Своего народа и водворился на Сионе, откуда Он покорит Себе весь мир. «Кто сей царь славы?» – спрашивает в этом псалме один хор, и другой торжественно отвечает: «Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани». – «Кто сей царь славы? – Господь сил, Он царь славы!»

Отпустив народ, ликующий царь возвратился в дом свой, чтобы поделиться своей религиозной восторженностью и со всеми своими домашними. Но там он был встречен обидным укором со стороны своей высокомерной жены Мелхолы, которой крайне не понравилось поведение царя перед ковчегом. «Как отличился сегодня царь Израилев, – с ядовитой иронией сказала она Давиду, – обнажившись сегодня перед глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек!» Такое высокомерие дочери Сауловой должно было понести должное наказание. Высказывая ей справедливый укор, Давид ответил, что ради Господа он готов еще более унижиться и религиозную восторженность последних служанок предпочитает гордому высокомерию царицы. «И у Мелхолы, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее».

После перенесения ковчега завета в Иерусалим Давид занялся делами внутреннего благоустройства как религиозного, так и гражданского. Так он, прежде всего, учредил при скинии правильный порядок богослужения, назначил особых для этого лиц, чтобы «они славословили, благодарили и превозносили Господа Бога Израилева». Двое священников должны были постоянно трубить перед ковчегом завета Божия, а несколько левитов назначены были с целью возвышения торжественности богослужения присутствовать при нем с псалтирями, цитрами и кимвалами. Сам Давид составил боговдохновенный псалом, который пелся при богослужении в качестве особого славословия Богу и начинался словами: «Славьте Господа, превозносите имя Его; возвещайте в народах дела Его; пойте Ему, бряцайте Ему; поведайте о всех чудесах Его»... Псалом заканчивался словами: «Благословен Господь Бог Израилев от века и до века», и весь народ восторженно отвечал кликами: «Аминь, аллилуйя!»

В делах гражданского управления Давид обратил особенное внимание на восстановление правого суда, поколебленного во время смут Саулова царствования. С этой целью он прежде всего образовал под своим личным председательством совет, составленный из наиболее приближенных лиц. Из них, например, Иоав был начальником войска, Иосафат – деесписателем, Садок и Авимелех – главными священниками, Суса – писцом и т. д. При помощи этих советников Давид имел возможность всесторонне следить за жизнью народа и государства и удовлетворять всем его насущным нуждам и потребностям. «И царствовал Давид над всем Израилем, и творил суд и правду всему народу своему».

При благоустройстве внутренних дел Давид для обеспечения своих границ от внешних нападений повсюду расставил охранные войска. Но с окончанием этого благоустройства он, располагая сильным войском, мог выступить и на поприще завоевательной политики. Вокруг обетованной земли жило много враждебных народов, которые не только часто нападали на израильский народ, но и владели такими землями, которые, по обетованию Божию, должны были принадлежать к владениям избранного народа. И вот начинается целый ряд победоносных походов. Давид, полный живого упования на Бога, решил исполнить волю Божию, заявленную в обетовании, и завоевать все те земли, которые незаконно и только по слабости и неверию израильского народа находились еще во владении его врагов-язычников. Победоносное оружие свое он, прежде всего, направил против филистимлян, которые теперь должны были окончательно расплатиться за многочисленные беды, причиненные их частыми набегами народу израильскому. Они были поражены, и сильнейший их город Геф с зависящими от него городами перешел под власть Давида. Победа эта была решительная и надолго смирила филистимлян, так что, исключая двух-трех незначительных стычек, мы уже долго не слышим о их нападениях. Она обеспечила избранному народу законную ему границу на юго-западе и распространила его владения до «реки Египетской», отделяющей Палестину от владений Египта. Обращаясь к восточной границе, Давид поразил моавитян и, чтобы окончательно сломить их силу, две трети населения предал смерти, а остальную треть сделал рабами и данниками. Такая суровость по отношению к этому народу, с которым Давид был, отчасти, родствен по крови (через свою прабабку Руфь-моавитянку) и с которым он вообще находился в дружественных отношениях, так что в одно время поручал своих родителей покровительству моавитского царя, объясняется сознанием необходимости окончательного отмщения за все бедствия, причиненные народу израильскому со времени Валака, а также, быть может, вызвана была каким-нибудь вероломным поступком с их стороны. Так исполнилось предсказание Валаама: «Происшедший от Иакова овладеет и погубит оставшееся от города» (столицы моавской). Обеспечив восточную границу, Давид направил свое победоносное оружие к северо-востоку для расширения своего царства до обетованной границы – реки Евфрата. Два сирийских царя Адраазар Сувский и царь Дамасский были поражены Давидом, оставив в его руках множество колесниц, коней, золотых щитов и медного оружия. Уничтожив большую часть колесниц, сто из них Давид оставил для своего двора и вместе с щитами и медными доспехами перевез в Иерусалим. Славный Дамаск положил оружие перед Давидом и сделался его данником. «И помогал Господь Давиду везде, куда он ни ходил».

Эти победы прославили имя Давида во всей Азии. Некоторые цари спешили предложить ему свою дружбу и союз. Так Фой, царь Имафа, услышав о поражении Адраазара Сувского, его собственного врага, отправил своего сына Иорама с поздравлением Давиду и с богатыми дарами из разных золотых, серебряных и медных сосудов. Этот союз вместе с прежним союзом с Хирамом Тирским вполне обеспечивал северную границу царства, и Давид возвратился в Иерусалим, везя в качестве добычи много золота, серебра и меди, что все впоследствии пошло на построение храма и дворцов. Через несколько времени военная слава Давида прогремела и на юге. Он поразил идумеян и, поставив среди них охранные войска, сделал их данниками и рабами. Граница государства вследствие этой победы раздвинулась до восточного залива Чермного моря. И вот, таким образом, благодаря целому ряду блистательных побед Давид впервые в истории израильского народа владел всем пространством земли, которое обещано было патриархами. Царство израильского народа теперь уже не было незначительным, худо организованным государством, бывшим добычей соседних хищнических народов, которые то и дело нападали на него, грабили города и убивали жителей. Это была теперь могущественная монархия, которая на время повелевала всей Западной Азией и в руках которой находилась судьба многочисленных народов, трепетно приносивших свою дань грозному для них царю.

Исполненный благодарности Богу, благоволившему исполнить теперь Свои обетования относительно владения землей Ханаанской, Давид решил доказать свою благодарность

построением величественного храма, который был бы достоин Господа сил и Царя славы. У Давида было много богатств, накопившихся от добычи и дани, и он построил себе великолепный кедровый дворец, в котором и жил, наслаждаясь своими победными лаврами. Ковчег завета, между тем, все еще находился в скинии. Это несоответствие в помещении царя земного и Царя небесного поразило Давида. Призвав своего приближенного пророка Нафана, царь сказал ему: «Вот я живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром».

Пророк сначала одобрил мысль царя, но ночью получил божественное внушение, что Давид, занятый благоустройством земного царства, не может приступать к этому великому предприятию и должен предоставить славу совершения его своему сыну, преемнику престола. Храм Всевышнего должен быть храмом мира и потому может быть построен только человеком, который не проливал крови человеческой, Давид же во время своих многочисленных войн много проливал крови и потому недостоин быть строителем храма Богу любви и мира. Но самая мысль о построении храма вытекала в нем из добрых побуждений и потому Господь показал ему Свою милость в великом обетовании, что царство его (в духовном смысле) будет утверждено навеки. Давид пламенной молитвой возблагодарил Бога и смиренно ограничился заготовлением материалов для построения храма в будущем.

В то же время он еще раз выказал благородное великодушие к дому Саулову. Из уважения к памяти своего друга Ионафана он отыскал сына его Мемфивосфея, хромого на обе ноги, отдал ему родовые земли Саула и открыл ему доступ к царскому столу.

XXXIV

Продолжение царствования Давида. Его могущество и падение. Авессалом и его восстание

В это время Давид находился на вершине своего могущества и своей славы. Дворец его блистал роскошью и богатством и походил на дворцы других великих царей Древнего Востока. Враги кругом смиренно покорились ему, платили дань и обогащали его казну. Внутри народ благоденствовал и вполне наслаждался благами мудрого и справедливого управления. Такое справедливое положение, скорее всего, способно ослаблять смиренное упование на Бога и пробуждать чувства самонадеянности и самовластия с неразлучным от них падением нравственной жизни, столь естественным при расслабляющей роскоши восточной придворной жизни. Такого искушения не избег и Давид, и с этого времени начинается новый период его жизни, который представляет историю его нравственного падения с неразлучными бедствиями. Первый случай греховного падения Давида произошел во время аммонитской войны. Во время прежних войн Давида царь аммонитский Наас был верным его союзником и другом, но вот он умер, и ему наследовал сын его Аннон. Давид, желая поддержать свою дружбу и с сыном своего союзника, послал к нему послов с дружественными предложениями и с утешением по случаю смерти отца. Но это посольство приближенными молодого царя перетолковано было в худую сторону, послы были приняты за соглядатаев, и неразумный Аннон нанес им страшное оскорбление, повелев обрить каждому из них «половину бороды и обрезать одежды их на половину до чресл», и в таком безобразном виде отпустил их обратно к Давиду. Такого бесчестия не мог снести Давид и отправил войско наказать дерзкого Аннона, который, между тем, успел уже заключить оборонительный союз с сирийцами, воспользовавшимися этим случаем для низвержения власти израильского царя. Сирийцы однако же были вновь разбиты, потеряв 7000 колесниц и 40000 пехоты, и покорились Давиду, так что аммонитяне остались одни и собственными силами должны были защищаться против могущественного царя. Иоав двинулся на их главный город Равву и осадил его. Вполне полагаясь на своего военачальника, Давид сам остался в Иерусалиме, и в это-то время он совершил тот тяжелый грех, который страшным бременем лег на его совесть во всю остальную жизнь и омрачил все его царствование. Взойдя однажды на кровлю своего великолепного кедрового дворца, он увидел на соседнем дворе открыто купающуюся красавицу, которая мгновенно возбудила в нем пламенную страсть. По наведенной справке это оказалась Вирсавия, дочь Елиама, сына его советника Ахитофела, и жена одного из храбрейших воинов – Урии хеттеянина. Одного этого

достаточно было бы для того, чтобы подавить страсть даже языческого деспота; но Давид пал, и когда уже готово было обнаружиться самое следствие его греха и грозило навлечь позор на него, злополучный царь, после тщетной попытки прикрыть свое преступление вызовом мужа Вирсавии, завершил его новым тяжким грехом – вероломным убийством Урии, которого он (в собственноручном письме, отнесенном самим Урией) повелел Иоаву поставить в самое опасное место битвы, где бы для него неминуема была смерть. Иоав в точности исполнил преступный приказ своего повелителя и скоро через особого посланного известил его, что Урия убит. Так грех прелюбодеяния был покрыт кровью невинного человека. По окончании обычного плача по муже, Вирсавия, которая, видимо, сознательно участвовала в преступлении, сделалась женой Давида и родила ему сына. Но страшное преступление не укрылось от правосудия Божия, «и было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа». Скоро явился и выразитель этого недремлющего правосудия в лице пророка Нафана, который пришел к царю с своей известной притчей о богаче, пожалевшем своих многочисленных стад для угощения своего гостя и отнявшем для этого у своего соседа-бедняка единственную овечку, бывшей любимицей его убогой хижины. Давид еще не настолько пал нравственно, чтобы не сознавать вопиющей несправедливости такого поступка, и с пылким негодованием воскликнул: «Жив Господь! достоин смерти человек, сделавший это!» И когда он стал было подробно перечислять, как должен этот бессердечный богач вознаградить бедняка, из уст пророка прогремели страшные для него слова: «Ты – тот человек, который сделал это!» Затем пророк высказал грозный приговор Царя царей. Упрекнув Давида в неблагодарности за все благодеяния Божии, пророк объявил ему о предстоящем ему наказании. За разрушение им счастливого семейного очага Урии мечем и позором, меч и позор отсекут будут разрушать и его собственную семейную жизнь и притом в еще худшей степени. «Ты сделал тайно, а Я сделаю это пред всем Израилем и пред солнцем». Пораженный таким неожиданным изобличением страшного преступления, царь затрепетал в своей преступной совести и смирился. В полном сокрушении сердца он воскликнул: «Согрешил я пред Господом». Пророк изрек ему немедленное наказание, что хотя сам он прощен Богом и не умрет, но за свое преступление должен понести страдание в лице своего новорожденного сына, который, как плод преступления, не должен жить. В страшной скорби ожидал Давид исполнения приговора, и успокоился в своей совести только тогда, когда ему донесли, что сын его действительно умер. Все это событие глубоко запало в душу Давида и сокрушение своего сердца он излил в пламенном покаянном псалме: «Помилуй мя, Боже», ставшем покаянной молитвой всякого кающегося грешника.

Покаяние Давида было так чистосердечно, что Бог послал ему утешение во втором сыне от Вирсавии, который, названный Соломоном, был возлюблен Богом и сделался не только преемником Давиду, но и родоначальником Мессии. В то же время Давид утешен был взятием Раввы. В последнем приступе он участвовал лично и по взятии города жестоко отомстил коварному народу с его дерзким царем, драгоценную корону которого Давид в качестве трофея возложил себе на голову и привез в Иерусалим богатейшую добычу, восполнившую собиравшийся материал для построения храма.

Преступление Давида, между тем, как бы заразило всю его семейную жизнь, и отсекут в его доме начинается целый ряд бедствий. Нужно заметить, что в семейной жизни Давид не отличался умеренностью и вопреки прямому постановлению Моисея, запрещавшего царю «умножать себе жен» (Втор 17:17), еще в Хевроне имел семь жен и десять наложниц, а затем умножил это число еще несколькими женами, между которыми была и Вирсавия. Многочисленное поколение сыновей от этих многочисленных жен и было естественным источником всевозможных беспорядков, преступлений и бедствий. Наибольшей известностью выдаются три его сына: старший – Амнон, третий – Авессалом и четвертый – Адония. Первые двое, видимо, соперничали между собой из-за первенства и преобладания во дворце, и это соперничество закончилось смертью Амнона, которого убил Авессалом в отмщение за бесчестье, нанесенное его кровной сестре Фамари. Опасаясь, в свою очередь, кровавого мщения и гнева отца, Авессалом бежал к царю Гессурскому, своему деду по матери, и там

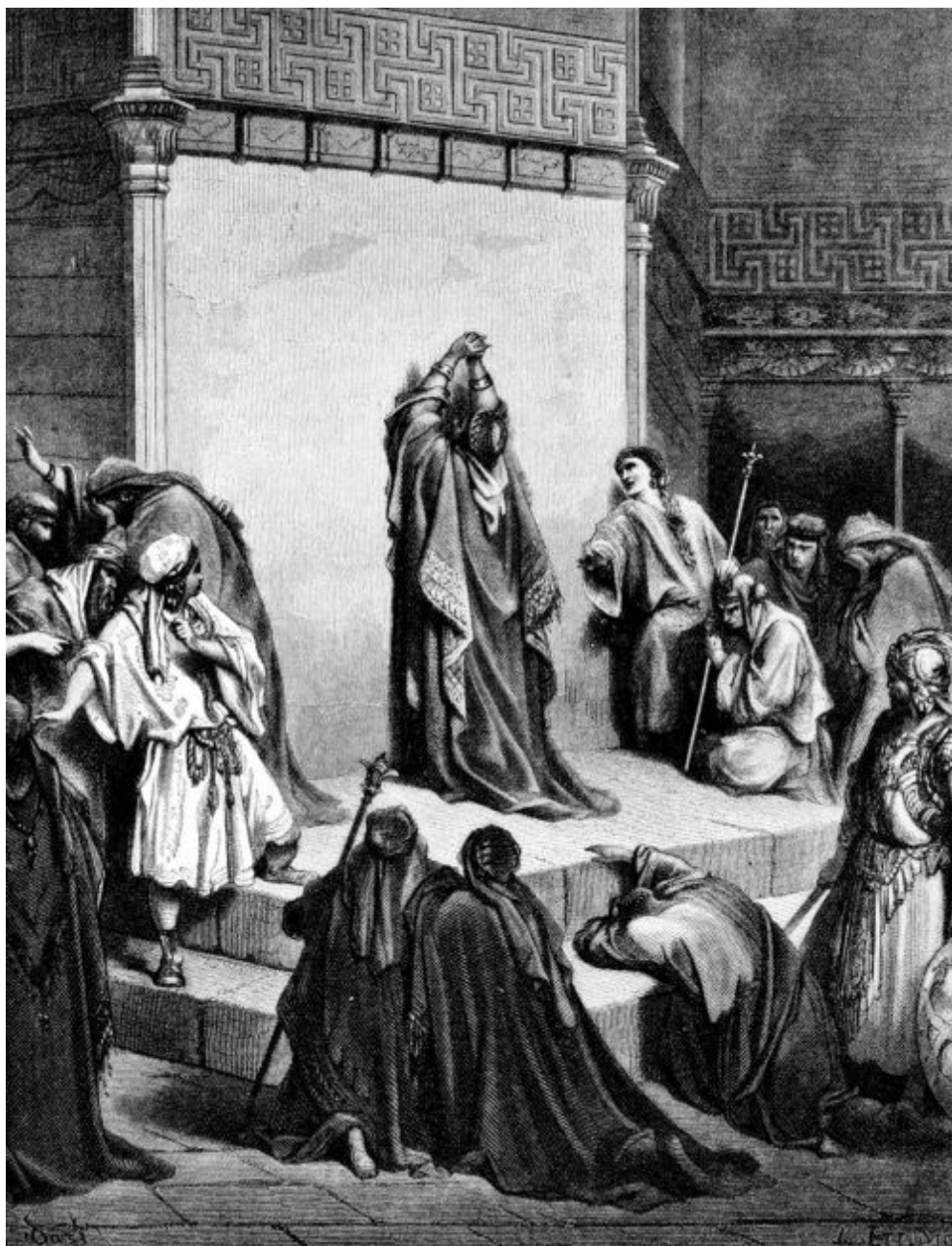
пробыл три года, увеличивая скорби Давида. Чтобы покончить с таким прискорбным положением дел, Иоав прибег к хитрости и подослал к Давиду «умную женщину» из Фекои, которая слезным рассказом о мнимом событии в своей семейной жизни склонила царя помиловать Авессалома. Но и позволив Авессалому возвратиться в Иерусалим, Давид еще долго не мог лично видеть своего преступного сына и только через два года отеческая любовь в нем восторжествовала над справедливостью и благоразумием, и он, наконец, позволил ему явиться к себе лично и отчески облобызал его.

Но помилованный Авессалом скоро сделался источником нового страшного бедствия, едва не стоившего Давиду самого престола. Это был человек необычайной красоты. «Во всем Израиле не было мужчины столь красивого, как Авессалом, и столько хвалимого, как он; от подошвы ног до верха головы не было у него недостатка». У него были такие роскошные волосы на голове, что каждый год он снимал как бы целое руно, весом «в двести сиклей по весу царскому». Своим очаровательным обхождением он невольно располагал к себе всех, так что все хвалили его и восхищались им. Но внешняя красота в нем не находила соответствия во внутренней доброте, и под великолепной внешностью билось злое и коварное сердце. Заметив народное к себе расположение, он задумал воспользоваться им для удовлетворения своего необузданного властолюбия и, не надеясь законно сделаться наследником престола, решился овладеть им силой даже при жизни отца. С этой целью он прямо начал при всяком удобном случае возбуждать в народе недовольство против управления Давида и льстить народным страстям заманчивыми обещаниями всевозможных льгот в случае, если бы ему пришлось овладеть престолом. В этом преступном замысле он нашел сочувствие даже в одном из ближайших советников Давида, именно в тонком и честолюбивом Ахитофеле, который, видимо, искал случая отомстить Давиду за Урию, как мужа своей родной внучки Вирсавии. Подготовив таким образом почву, Авессалом вдруг удалился в старую столицу Хеврон, открыто поднял там знамя восстания против отца и успел склонить на свою сторону такое множество войска и народа, что Давид для своей безопасности вынужден был бежать из Иерусалима. Рано утром в сопровождении своих преданных слуг и воинов, при громком плаче верного народа Давид с сокрушенным сердцем оставил свою возлюбленную столицу и двинулся через поток Кедронский на гору Елеонскую. С вершины ее открывался великолепный вид на столицу, восхищавший всякого зрителя; но этот вид теперь еще большей скорбью поражал сердце царя, подобно тому, как впоследствии этот же вид вызвал рыдание у его божественного потомка – Иисуса Христа. Давид не скрывал своей скорби: столицу он оставил босым и с посыпанной пеплом главой. Но и в таком бедственном положении Давид сохранял еще в себе свои царственные качества – великодушие, благочестие и вместе упование на Бога, – те лучшие качества, которыми отличался он в первый период своей жизни и которые теперь под тяжким ударом постигшего его бедствия ожили вновь. В изгнание за ним последовали были преданные ему первосвященники Садок и Авиафар с ковчегом завета; но Давид отослал их назад, выражая надежду, что Господь еще не оставил его совсем. «А если он скажет: нет Моего благословения тебе; то вот я; пусть творит со мною, что ему благоугодно», – говорил Давид. С царственным же великодушием он отговаривал преданного Еффея от приверженности к павшему парю и с безграничным смирением перенес оскорбления от дерзкого Семеня, который злословил, бросал в него камнями и пылью. Авесса хотел наказать дерзкого поносителя, нагло кричавшего вслед царя: «Уходи, уходи, убийца и беззаконник», но Давид остановил его, сказав, что уж если собственный сын его восстал на него, то тем более имеет право поносить его какой-нибудь Семей, и выразил надежду, что Господь призрит на уничтожение его и воздаст ему благодатью за теперешнее поношение. Своего друга и советника Хусия Давид также отослал в Иерусалим, чтобы он своей мудростью мог противодействовать злему коварству Ахитофела.

Авессалом между тем вступил в Иерусалим, не встретив никакого сопротивления, и первым делом, по совету Ахитофела, обесчестил ложе своего отца, захватив его наложниц. Затем Ахитофел настаивал на немедленном преследовании Давида, чтобы воспользоваться его

утомлением и унынием.

От исполнения этого опасного и губительного для Давида совета Авессалом был отвращен Хусием, который сумел внушить к себе доверие узурпатора. Хусий не одобрил этого совета и указал на необходимость крайней осторожности и обдуманности действия в отношении Давида, который известен был храбростью и окружен отважными воинами. Поэтому он советовал подождать, пока соберется весь народ, чтобы тогда с сильным войском можно было нанести Давиду решительный удар. Совет Хусия более понравился Авессалому, он отложил преследование, а Давид между тем воспользовался этим временем и, удалившись за Иордан, укрепился в городе Маханаиме, где ему оказано было радушное гостеприимство богатым Верзеллием-галаадитянином, который вместе с другими жителями города предложил ему и его войску угощение. Хитрый Ахитофел сразу увидел, что с отвержением его плана неминуемо погибнет и все дело восстания, и, чтобы предупредить неизбежное себе наказание от Давида, совершил самоубийство. События скоро оправдали его опасения. Вокруг Давида собралось сильное войско, с которым можно было выступить для подавления восстания. Враждебные войска встретились около горы Галаад, на вершине которой Авессалом расположился лагерем. Кругом расстилался обширный и густой Ефремов лес, в котором и произошла решительная битва. Полный упования на Бога и полагаясь на испытанную отвагу и стойкость своих преданных военачальников Иоава, Авессы и Еффея, Давид легко мог предвидеть исход сражения и перед выступлением своих войск с отеческой любовью наказывал всем: «Сберегите мне отрока Авессалома». Начавшаяся битва оказалась вполне несчастной для Авессалома: его неопытные войска растерялись по лесу и под храбрым натиском войска Давидова обратились в беспорядочное бегство, потеряв 20 000 человек убитыми и еще более погибшими в лесу. Сам Авессалом поскакал в отчаянии на муле в лес, но «когда мул вбежал с ним под ветви большого дуба, то Авессалом запутался волосами своими на ветвях дуба и повис между небом и землей, а мул, бывший под ним, убежал». В этом положении несчастный юноша был застрелен Иоавом, который в пылу битвы и мщения за унижение царя не задумался пренебречь даже просьбой самого Давида. Между тем Давид с трепетным сердцем ожидал известия об исходе битвы. Вестники одни за другими быстро приходили к нему с извещением о победе. Но сердце его было больше всего занято судьбой его злополучного сына и первым его вопросом было: «Благополучен ли отрок Авессалом?» И когда он узнал о постигшей Авессалома участи, то чувство отеческой любви и горя превозмогло в нем всякую радость о победе. «И смутился царь, и пошел в горницу над воротами, и плакал, и когда шел, говорил так: сын мой Авессалом, сын мой, сын мой, Авессалом! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой»... Горе царя распространилось на весь народ, «и обратилась победа того дня в плач для всего народа», и только по настойчивому увещанию Иоава прекратить этот неуместный, хотя и естественный плач, Давид ободрился духом, чтобы должным образом воспользоваться плодами победы и возвратиться в Иерусалим. Но по смерти Авессалома уже ничто не могло препятствовать ему в этом. Все мятежники спешили принести ему повинную, и Давид снова вступил в свою столицу, выказав свое обычное великодушие, и объявил всеобщее прощение, от которого не исключен был и дерзкий Семей, теперь униженно павший к ногам Давида и умолявший его о прощении за злословие и оскорбление. Престарелый Верзеллий отказался от высокого вознаграждения за свое гостеприимство, но сын его Кимгам был взят ко двору и возведен в высокое звание. Сива, коварный слуга Мемфивосфея, пытался было впутать своего господина в заговор Авессалома и успел в этом настолько, что Давид отдал было ему все владения Мемфивосфея; но последний однако же успел отчасти оправдать себя в возведенной клевете, и Давид возвратил ему половину его владения, предоставив другую половину Сиве – в награду за оказанную им преданность царю.

Давид оплакивает смерть Авессалома

Бунт Авессалома не прошел без последствий для общего политического состояния народа и послужил поводом к возбуждению соперничества между коленами (2 Цар 19:41–43; 20). Северные колена, обидевшись за то, что колено Иудино действовало без всякого сношения с ними в деле подавления политической смуты, и, подозревая какое-либо частное соглашение его с Давидом в ущерб другим коленам, открыто заявило свое недовольство, упрекая Иудино колено в том, что оно «похитило царя». Таким недовольством не преминул воспользоваться один «негодный человек» по имени Савей, вениамитянин. Он дерзко поднял знамя восстания и впервые произнес гибельный клич разделения: «Нет нам части в Давиде, и нет нам доли в сыне Иессеевом; все по шатрам своим, израильтяне!» Это именно тот самый клич, который впоследствии повел к окончательному разделению и гибели государства; но теперь он встретил противовес в обаянии величественной личности Давида, военачальники которого быстро успели подавить восстание. Савей, преследуемый войсками Давида, укрылся в городе Авеле, который и осажден был Иоавом. Городу грозила неминуемая гибель, но он избавлен был от нее одной «умной женщиной», которая посоветовала гражданам схватить Савея и голову его выдать Иоаву, чем удовлетворился полководец Давида и снял осаду с города.

Последние годы царствования Давида. Исчисление народа и наказание. Последние распоряжения и кончина Давида

С подавлением восстания Савея в государстве водворился внутренний мир, продолжавшийся почти до конца царствования Давида. Внутренние враги не дерзали больше открыто выступать против царя, который все более завоевывал сердца своего народа, посвящая себя заботам о его внутреннем благосостоянии. Но и этот последний период не прошел без некоторых испытаний, которые Промысл посылает для нравственного очищения и укрепления царей и народов. Первым из них был голод, продолжавшийся три года и послуживший поводом к печальной судьбе Саулова дома. Исследование о причине голода показало, что он был наказанием за какой-то кровожадный поступок Саула по отношению к гаваонитянам, – поступок, требовавший отмщения. Когда Давид спросил у гаваонитян, какого возмездия они желали бы за этот поступок, то эти жестокие язычники, хотя и приобщенные к израильскому народу в виде рабов, но сохранявшие свои языческие нравы, потребовали выдачи себе потомков Саула в числе семи человек, которых они и повесили самым варварским образом, выставив их трупы под палящим солнцем для гниения и на съедение диким животным и птицам. Трупы висели так в течение целого лета, от начала жатвы ячменя в апреле до осенних дождей, представляя поистине страшное зрелище, которому еще более трагического ужаса придавала склонявшаяся перед ними фигура злополучной матери пятерых повешенных сыновей. Риппа, наложница Саулова, убитая горем о потере своих сыновей, взяв вретисце, разостлала его перед трупами и провела на нем все лето, не допуская хищных зверей и птиц касаться дорогих для нее тел. Эта безграничная материнская преданность так поразила Давида, что он сам отправился к месту казни и утешил несчастную мать погребением повешенных (равно как и костей самого Саула и своего друга Ионафана), достойным их высокого звания. «И умилился Бог над страной после того» (2 Цар 21:1–14).

В это же время Давиду пришлось еще раз отразить филистимлян. Последние, пользуясь внутренними смутами и бедствиями государства, еще раз попытались сломить его силу и выставили нескольких исполинов, потомков древних Рефаимов, из которых один, Иесвий, едва не убил самого Давида. Этот случай сильно поразил израильтян, и они поклялись, что в будущем не позволят ему лично выходить на войну, «чтобы, – как добавляли они, – не угас светильник Израиля». Благодаря отваге войска Давидова филистимляне были разбиты, и на всех границах государства вновь водворился мир. Давид возблагодарил Бога торжественной песнью: «Господь твердыня моя, и крепость моя, и избавитель мой. Бог мой слава моя, на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего; ограждение мое и убежище мое; Спаситель мой, от бед ты избавил меня!» (2 Цар 22). Эта восторженно хвалебная песнь царя вошла в собрание его других песней и псалмов и составляет 17-й псалом книги Псалтирь.

Давид теперь опять наслаждался полным миром и благоденствием. Он был самодержавным царем великого государства, которое простиралось от Ливанских гор до границы Египетской и от Средиземного моря до реки Евфрат. При таком состоянии Давиду оставалось только смиренно благодарить Бога за оказанные ему и его народу благодеяния, так как он сам признавал, что всем этим величием он исключительно обязан помощи Божией. Но в нем шевельнулось чувство самонадеянной гордости, и он, быть может имея в виду смелый план дальнейших завоеваний или увеличения своих богатств, велел произвести исчисление всему населению государства. Счет был произведен, и по нему оказалось, что «израильтян было 800000 мужей сильных, а иудеев 500000». Но только тогда Давид вполне сознал греховность своих побуждений при этом исчислении, «и вздрогнуло сердце Давида, и сказал он Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего; ибо крайне неразумно поступил я». Своим покаянием он, однако же, не загладил греха и должен был понести наказание. В качестве вестника Божия гнева явился к нему пророк Гад и предложил ему на выбор три наказания: семилетний голод, трехмесячное преследование от

неприятелей, или трехдневную моровую язву. «Тяжело мне очень, – воскликнул царь, – но пусть впаду я в руки Господа, ибо велико милосердие Его; только бы в руки человеческие не впасть мне». Давид избрал моровую язву, которая и начала опустошать население. В короткое время она похитила 70000 человек и готова была распространиться и на Иерусалим, чтобы опустошить его. Тогда царь с мольбой о милосердии воскликнул: «Вот, я согрешил, я (пастырь) поступил незаконно; а эти овцы, что сделали они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего!» Такая всецелая самоотверженность ради невинного народа утишила гнев Божий. Давид, по указанию пророка, построил жертвенник на том месте, где он увидел Ангела-карателя, и купил это место (гумно Орны-иевусеянина) за 600 сиклей золота, чтобы построить на нем и самый храм. Место это получило название Мориа (видение), вследствие именно бывшего Давиду видения Ангелакарателя, губительная рука которого здесь отвращена была от Иерусалима молитвенным ходатайством царя.

Остаток своей жизни Давид посвятил главным образом собиранию материалов и подготовительным работам для построения храма. За все свое царствование он успел уже собрать громадные богатства, которые теперь составляли 100000 талантов золота и миллион талантов серебра. Искусные рабочие и каменотесы были собраны со всей земли; заготовлено было множество железа и меди без весу и кедровых деревьев без счету. Но Давид помнил волю Божию и ограничился только подготовительными работами, предоставляя построение самого храма своему преемнику, которым он назначил Соломона. Призвав его к себе, Давид рассказал ему историю всего этого великого предприятия и завещал ему совершить его, прося всех князей израильских помогать ему в этом.

Это публичное назначение Соломона наследником престола послужило поводом к новой внутренней смуте, отравившей последние дни царствования Давида. Оно нанесло смертельный удар честолюбивым замыслам четвертого по старшинству сына Давидова – Адонии, который, отличаясь красивой внешностью и пользуясь видимым расположением отца, доселе считал себя прямым наследником престола. Видя такой неблагоприятный для себя оборот дела, он, подобно своему брату Авессалому, решился силой овладеть престолом. Он успел наберечь себе немало приверженцев, и на его сторону стали даже беспокойный Иоав и главный священник Авиафар. Заговорщики устроили блистательный пир, на котором открыто провозглашали Адонию царем, а между тем престарелый Давид еще ничего не знал об этом. Тогда пророк Нафан открыл ему о заговоре и грозящей Соломону опасности, и встревоженный царь повелел немедленно взять Соломона к реке Гиону и там торжественно помазать его на царство. Помазание совершено было главным священником Садоком и пророком Нафаном, в присутствии многочисленного народа, который встретил это помазание восторженными ликованиями и сопровождал Соломона при возвращении его в город радостными кликами: «Да живет царь Соломон!» Пораженные такой неожиданностью, заговорщики рассеялись. Сам виновник смуты Адония искал спасения у жертвенника и оставил его только тогда, когда Соломон поклялся пощадить ему жизнь. Чтобы утвердить права Соломона на царский престол, Давид опять созвал главнейших представителей народа и выразил перед ними свою волю о том, чтобы Соломон был наследником его престола. При этом он еще раз увещевал их не ослабевать в ревности при создании великой святыни, именно храма Божия, который «должен быть весьма величествен, на славу и украшение пред всеми землями». Тут же Давид передал Соломону все чертежи будущего храма и его принадлежностей с описью материалов и богатств, которые увеличены были приношениями начальников и князей народа. В подтверждение воли царя принесены были жертвы, Соломон окончательно провозглашен царем, а преданный ему священник Садок помазан в первосвященника. В этом торжественном собрании народа и священнослужителей Давид, между прочим, сделал подробные распоряжения о порядке служения колена Левиина при будущем храме, а также и последние распоряжения касательно войска и всех других государственных дел.

Но вот приблизилась и кончина, когда должен был угаснуть «свительник Израилев» (3 Цар 2:1–11). Чувствуя приближение смерти, Давид еще раз призвал своего наследника и с своего

смертного одра еще раз увещевал его исполнять заповеди Божии и законы Моисеевы, дав ему в то же время несколько мудрых советов касательно приближенных, из которых одних Соломон должен был удалить (и между ними беспокойного Иоава), а других приблизить и наградить. И затем, вознеся последнюю пламенную молитву о благоденствии своего сына-преемника, Давид умер «в доброй старости, насыщенный жизнью, богатством и славою». Всего царствования его было сорок лет, из которых семь в Хевроне и тридцать три в Иерусалиме, «городе Давидовом», где он и погребен был. Гробница его сделалась общей усыпальницей и для последующих царей иудейских.

В лице Давида религиозно-нравственный дух избранного народа нашел всестороннее и высшее свое выражение. В разнообразных событиях своей жизни Давид выступает перед нами как пастух, воин, поэт, мудрый правитель, пророк и царь, объединяя в себе лучшие качества своего народа – простоту, великодушие, благоразумие и сильный религиозно-нравственный смысл. Его религиозно-нравственные песни и псалмы, в которых он, смотря по обстоятельствам своей богатой приключениями и всевозможными испытаниями жизни, вдохновенно выражал свои чувства веры и упования на Бога, благодарности и славословия, радости и скорби, ликования и покаянного сокрушения, по силе и нежности выражения, равно как и по возвышенности и пламенности религиозного чувства не имеют ничего себе подобного не только в священной поэзии других народов, но и в книгах Ветхого Завета. Содержащиеся в них истины ближе всего подходят к истинам Нового Завета, и потому Псалтирь является и у христианских народов самой любимой книгой, в которой миллионы ищут и находят утешение и мир для своей борющейся с искушениями и невзгодами души. Как по своей жизни, так и особенно по своему духу Давид более, чем кто-либо в Ветхом Завете, был истинным прообразом Христа, который поэтому с особенной выразительностью называется «сыном Давидовым». Самое имя Давида сделалось историческим именем и увековечено в таких названиях, как «город Давидов», «престол Давидов», «семя Давидово»; оно считалось столь высоким, что уже никто не осмеливался носить его потом, вследствие чего мы уже и не встречаем его в библейской истории последующего времени. Высшей похвалой для Давида служит то, что в нем Сам Бог нашел «Себе мужа по сердцу Своему» (1 Цар 13:14), и что высотой его религиозно-нравственной жизни измерялась жизнь лучших из его преемников, похвалой для которых было выражение: «Он ходил первыми путями Давида, отца своего». Как и всякий человек, он нередко падал с высоты своего религиозно-нравственного идеала, и падал глубоко; но и в этом падении он преподавал нам величайший пример покаянного сокрушения, дававшего ему возможность и силу вновь сбрасывать с себя бремя греховности и восставать для новой духовной жизни. Давид есть величайший образец нравственно-доброты и одушевленного возвышенными чувствами человека, который всеми силами стремится к добру и мужественно борется с одолевающими его искушениями. В этой борьбе он может падать и падать глубоко, но он никогда не оставит этой борьбы, и после всякого падения – со слезами и сокрушением вновь начнет эту нескончаемую, ожесточенную борьбу и в конце концов восторжествует в ней над всеми темными силами зла. Поэтому-то Псалтирь, как боговдохновенно-поэтическая летопись испытаний духовной жизни великого псалмопевца, и поражает своей изумительной жизненной правдой, и в ней всякий находит боговдохновенное выражение тех самых чувств, которые может испытывать каждый человек при различных обстоятельствах и превратностях жизни.

XXXVI

Царствование Соломона. Мудрость юного царя, его величие и могущество. Построение и освящение храма

Соломон вступил на престол не более как 18-летним юношей. От отца своего он наследовал огромное государство, простиравшееся от «реки Египетской до великой реки Евфрата». Для управления таким государством, в котором, притом, было много различных завоеванных племен, готовых при каждом удобном случае восстать против завоевателей, требовался

обширный ум и испытанная мудрость. Юный царь от природы был одарен светлым умом и проницательностью и, понимая трудность предстоявшей ему задачи, позаботился прежде всего водворить необходимый мир вокруг самого престола, чтобы всецело отдаться потом управлению государством. Это было тем необходимее, что, несмотря на окончательное провозглашение Соломона царем, во дворце продолжали существовать сторонники Адонии, к которым принадлежали даже такие лица, как великий священник Авиафар и военачальник Иоав. Нужно было сломить и уничтожить эту партию, и когда Адония однажды косвенно заявил свое притязание на престол просьбой о позволении ему жениться на последней наложнице Давида (Ависаге), то Соломон воспользовался этим случаем, чтобы окончательно устранить опасность посягательств на его престол. Адония был предан смерти, Авиафар «удален от священства Господня», опасный интриган Иоав также лишен был жизни, несмотря на то, что он искал убежища в скинии. Той же участи подвергся и Семей, который хотя и прощен был Давидом за свое злобное издевательство и злословие над ним, но при этом обнаружил такую ненависть к Давиду, что его невозможно было терпеть при себе юному царю.

После этого Соломон до позднейших лет своего царствования наслаждался глубоким миром, который составляет отличительную черту его царствования. Как могущественный государь, он легко приобретал дружбу соседних государей, и египетский фараон даже выдал за него свою дочь, с рукой которой Соломон получил в приданое важный город Газер, командовавший равниной Филистимской – этой большой дорогой между Египтом и Месопотамией. Как для израильтян, так и для окружающих их народов этот союз красноречиво свидетельствовал о том высоком положении и политическом значении, которого достиг избранный народ. Невольно рисуется поразительная противоположность теперешнего его состояния с тем, в каком он находился, будучи презренным рабом гордых фараонов. Так чудесно исполнил Бог все Свои великие обетования.

Вместе с государственным наследством Соломон получил от Давида и богатое духовное наследство – его преданность религии отцов. «И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего». Для изъявления благодарности за доброе начало своего царствования юный царь отправился в Гаваон, где находился главный жертвенник, и там принес богатую жертву – в тысячу всесожжений (3 Цар 3:3–15). И жертва была благоугодна Богу. «В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе». Вопрос этот был испытанием для Соломона, и он ответил на него, как должно было ответить юному царю, призванному к управлению великим народом. «Господи, Боже мой! – отвечал Соломон. – Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа. Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?» – «И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого. И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе души врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, вот, Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил, Я даю тебе – и богатство, и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои. И если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои». От радостного волнения юный царь проснулся и увидел, что это было лишь сновидение, но сновидение глубоко знаменательное, возродившее всю его духовную жизнь. Чудесно дарованную ему мудрость он скоро доказал знаменитым решением о спорном ребенке между двумя матерями (3 Цар 3:16–28) и еще более своим мудрым управлением, благодаря которому его государство сделалось по своему благоустройству образцом для всех окружающих правителей.

Свой двор Соломон устроил с пышным великолепием. Он окружен был приближенными сановниками, составлявшими как бы его государственный совет, из которых каждый заведовал вверенной ему частью управления. Так, кроме «дееписателя», священников и писпев при дворе

были: военачальник (Ванея), друг царя (Завуф), начальник над приставами (Азария), начальник над домом царским (Ахисар) и начальник над податями (Адоирам). Все государство в административном отношении разделено было на двенадцать округов, которыми управляли двенадцать «приставников», из которых каждый должен был доставлять продовольствие царскому двору на один месяц. Но кроме этого ему отовсюду присылались дары и подати – от всех покоренных царств и народов на огромном пространстве «от реки Евфрата до земли Филистимской и до пределов Египта». «Продовольствие Соломона на каждый день составляли: 30 коМГров муки пшеничной и 60 коМГров прочей муки, 10 волов откормленных и 20 волов с пастбища, и 100 овец, кроме оленей и серн, и сайгаков и откормленных птиц». Для охранения внеш него и внутреннего мира Соломон содержал сильное войско, которое он увеличил конницей и колесницами. У него было 1400 колесниц и 12000 всадников. Кони и колесницы вывозились из Египта, который славился ими. Каждая колесница стоила 600 сиклей серебра и каждая лошадь 150 сиклей серебра. Благодаря миру с соседними государствами начала быстро развиваться торговля, которая еще больше содействовала обогащению как двора Соломонова, так и всего народа. В Иерусалиме скапливалось так много драгоценных металлов, что серебро и золото сделались как бы равноценными простому камню; свозилось так много кедров ливанских для построек, что они стали равноценными сикоморам – простому строевому лесу в Палестине. Население вследствие этого быстро увеличивалось, наслаждаясь довольством и благоденствием. «И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и смоковницею своею от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона». Сам Соломон отличался не только царственным величием, но и царственно красивой внешностью и особенно царственной мудростью, изумлявшей современников. Священный историк изощряется в приискании достаточных слов для изображения этой мудрости. «И дал Бог Соломону, – говорит он, – мудрость и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян.

Он был мудрее всех людей, и имя его было в славе у всех окрестных народов» (3 Цар 4:29–31). От своего отца он наследовал дар поэтического вдохновения, который вместе с его личной мудростью проявился в том, что он «изрек три тысячи притчей и тысячу пять песней»; вместе с тем его любознательный ум отдался исследованию природы, так что и в области естествознания он поражал современников обширностью и глубиной своих познаний: «и говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах», т. е., одним словом, по всем отделам естествознания. Сочетание таких необычайных дарований и обширных познаний в юноше-царе, естественно, делало его чудом своего века. «И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его».

Благоустроив внутренние дела государственного управления, Соломон не замедлил приступить к исполнению главного завещания своего отца Давида, именно к построению «дома имени Господа, Бога своего». Обстоятельства благоприятствовали началу предприятия. Старый друг Давида, Хирам, царь тирский, перенес свою дружбу и на его сына и, услышав о восшествии его на престол, отправил к нему посольство с поздравлением и заявлением дружбы. Соломон воспользовался этим случаем и через ответное посольство к Хираму просил его о содействии в построении храма. Хирам вновь ответил Соломону письмом, в котором охотно предлагал ему всякое содействие. Между ними состоялось соглашение, по которому Хирам обязывался доставлять кедровые брусья с Ливана, а Соломон должен был ежегодно поставлять во дворец Хирама условленное количество хлеба и оливкового масла, именно 20 000 коМГров пшеницы и 20 коМГров масла. Заготавливавшийся на Ливане строевой лес сплавлялся финикиянами морем до Яффы, откуда Соломон перевозил его в Иерусалим. Рабочие для этих работ набирались из подвластных иноплеменников, живших в различных частях страны. Их собрано было 153600 человек: 70000 из них употреблялись для перевозки брусьев, 80000 для рубки леса на Ливане и 3600 в качестве надзирателей. Кроме того, чтобы сделать храм вполне национальным

предприятием и созданием, Соломон обложил повинностью и весь израильский народ, который должен был поставить 30000 рабочих для работы на Ливане, куда он и посылал их по 10 000 в месяц попеременно, так что один месяц они работали на Ливане, а два месяца оставались у себя дома. Кроме рубки леса они должны были тесать огромные камни под фундамент храма, для которого искусственно обделана была и самая гора Мориа, назначенная Давидом для возведения храма. Кроме рабочих и материала Хирам снабдил Соломона и главным архитектором, своим соименником Хирамом. Он был сыном одной вдовы из колена Данова. Отец его был тирский художник, от которого он и наследовал многосторонний художественный талант и мог исполнять все дорогие и изящные работы, необходимые для храма. Как главный архитектор и художник он стал во главе многих других художников, собранных самим Соломоном.

Наконец приступлено было к построению. Это было в 480 году от исхода израильтян из Египта, в четвертый год царствования Соломона, во второй день месяца Зиф, второго месяца церковного года (ап рель – май). Все подготовительные работы были настолько закончены, что самое возведение здания происходило в полнейшей тишине – без звука молота, и закончено было в 7 BS лет, в восьмом месяце (Буле), одиннадцатого года царствования Соломона. Вся площадь, обнесенная стенами дворов храма, занимала около 600 квадратных футов. Самое святилище было небольших размеров, так как назначалось только для священнодействующих, а для народа предназначались обширные дворы. В общем, план храма был похож на план скинии, от которой он отличался только несколькими пристройками к святилищу, предназначавшимися для помещения священников и других служителей храма, а также сокровищницы и вообще необходимых служб. По своим размерам самый храм был как раз вдвое больше скинии, имел в длину 80 локтей и в ширину 40 локтей (скиния имела 40Г—20), и высота его была 30 локтей (скиния имела 15 локтей высоты). Храм состоял из трех частей: притвора, святилища и Святого святых. Притвор занимал 10 локтей всего помещения храма и украшен был двумя великолепными бронзовыми колоннами (Иахин и Воаз) в 18 локтей высотой каждая, кроме особых капителей, украшенных дорогой резьбой, представлявшей венцы наподобие лилии с гранатовыми яблоками на цепочках. Святилище, или среднее помещение, имело 40 локтей в длину и 20 в ширину (в скинии 20Г—10 локтей) и Святое святых представляло кубическое помещение в 20 локтей в длину, ширину и высоту (в скинии 10 локтей во всех трех измерениях). Вся внутренность храма была богато украшена дорогой резьбой и золотом. Над ковчегом завета, поставленном во Святом святых, были поставлены два херувима резной работы, покрытой золотом. Своими внутренними крыльями они соприкасались между собой над ковчегом, а внешними касались стен храма. В святилище кроме кедрового и покрытого золотом жертвенника кадильного поставлено было семь золотых светильников (на место одного в скинии) и стол хлебов предложения был заменен десятью золотыми столами, на которых кроме хлебов предложения помещались и все золотые сосуды, необходимые при богослужении. Храм был окружен двумя обширными дворами, обнесенными стенами. Двор внешний назначен был для народа, а двор внутренний для священников. На последнем находился огромный медный жертвенник, к которому нужно было подниматься по ступеням лестницы, перемежавшейся тремя площадками. Тут же пред притвором было «медное море», т. е. огромный медный умывальник, названный так по обширности своего объема, имевшего пять локтей высоты, 10 в диаметре и 30 в окружности. Он стоял на двенадцати медных волах, которые по три были обращены к четырем странам света, и имел изящный вид шестилиственной лилии. Рядом с ним находилось десять меньших умывальников для омовения жертв. В общем, храм представлял собой великолепное по богатству материалов и изяществу работы и украшений здание, высившееся на самой вершине горы Мориа. Вход с него был с востока и вел вверх по склону горы сначала во двор внешний, оттуда на несколько ступеней выше во двор внутренний, от которого также на несколько ступеней выше стоял уже притвор храма. Отдельные части храма разделялись между собой деревянными перегородками, покрытыми золотом. В святилище вели двойные врата изящной работы, а врата во Святое святых закрывались еще завесой из драгоценнейших тканей с изображением херувимов.

Благодаря такому плану построения храма на горе, он, несмотря на свои сравнительно небольшие размеры, был «весьма величествен», а изумительное богатство украшений и самая ценность материалов поистине делали его «славой и украшением пред всеми землями», как и желал Давид в своем предсмертном завещании.

По окончании построения храма было совершено его торжественное освящение. Временем для него был избран самый радостный праздник Кушей, в седьмом месяце (Тисри = сентябрь – октябрь) священного года. Покончив все свои полевые работы и собрав виноград, народ собрался в Иерусалим со всех концов обширного государства Соломонова. Явились представители всех колен народа и все колено Левиино в своем полном составе. Вокруг великого жертвенника во внутреннем дворе рядами расставились священники для жертвоприношения и рядом с ними левиты-певцы в висонных одеяниях с кимвалами, псалтирями и цитрами и 120 священников с трубами. Сам Соломон занимал возвышенное место, дававшее ему возможность видеть весь обряд освящения. Священнодействие началось с торжественного поднятия и перенесения ковчега завета. Когда левиты с ковчегом приблизились к воротам притвора, многочисленный хор певцов грянул последние стихи 23 псалма: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь двери вечные, и войдет Царь славы». Часть хора спрашивала: «Кто сей Царь славы?», и весь хор опять отвечал: «Господь сил – Он есть Царь славы». Ковчег завета был поставлен в Святом святых под сенью крыл херувимов. В этот момент все огласилось звуками торжества. «И были, как один, трубящие и поющие, издавая один голос к восхвалению и славословию Господа, – и когда загредел звук труб и кимвалов и музыкальных орудий, и восхваляли Господа: ибо Он благ, ибо во век милость Его, тогда дом, дом Господень наполнило облако, и не могли священники стоять на служении по причине облака; потому что слава Господня наполнила дом Божий». Тогда царь поднялся с своего возвышения и благословил народ; рассказав историю построения храма, он опустился на колена и, воздев руки к небу, произнес великую посвятительную молитву, в которой просил о благоволении и милости Божией в будущих судьбах Израиля. «Господи, Боже Израилев! – молился Соломон. Если небо и небеса не вмещают Тебя, тем менее храм сей, который построил я. Но призри на молитву раба Твоего и на прошение его. Да будут очи Твои отверзты и уши Твои внимательны к молитве на месте сем. Священники Твои, Господи, да облекутся во спасение и преподобные Твои да наслаждаются благами. Господи, Боже мой! не отврати лица Твоего, помяни милость к Давиду, рабу Твоему»! Во время молитвы облако становилось все ярче и светлее, и в знак особенного благоволения «сошел огонь с неба и поглотил всесожжение и жертвы, и слава Господня наполнила дом». – «И все сыны Израилевы пали лицом на землю, и славословили Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его». Последовавшее затем празднество продолжалось две недели (вдвое против обычного праздника Кушей), и за это время было принесено в жертву 22 000 волов и 120 000 овец, причем как царь, так и весь народ соперничали щедростью приношений. По окончании празднества Соломон отпустил народ, и все «благословляли царя, и пошли в шатры свои, радуясь и веселясь в сердце о всем добром, что сделал Господь рабу Своему Давиду и народу Своему Израилю» (3 Цар 8:65–66).

XXXVII

Соломон на вершине своей славы. Царица Савская. Падение Соломона и его кончина

После счастливого окончания сооружения величественного храма Царю царей Соломон не прекратил строительной деятельности, которая продолжалась почти во все время его царствования. Прежде всего он приступил к построению себе великолепного дворца в Иерусалиме с роскошными палатами, украшенными рядами кедровых колонн, от многочисленности и богатства которых главная палата получила название «Дома леса Ливанского». Из других палат – «притвор из столбов» – был обычным местом торжественных аудиенций, «притвор с престолом» – местом судилища. Дворец стоял на Сионе и соединялся с храмом подземным ходом. В одной из построек дворца было особое помещение для гордой дочери фараона, не хотевшей жить совместно с другими женами царя. Вместе с тем Соломон

воздвиг и несколько других дворцов вне Иерусалима, как например, летний дворец на Ливане. Для увеличения роскоши этих дворцов Соломон развел повсюду великолепные сады и виноградники, среди которых происходят многие события, описываемые в книге «Песнь песней».

По окраинам государства он устроил несколько укрепленных замков или городов для запасов (Фадмор, Верхний и Нижний Вефорон, Ваалаф и др.). В самом Иерусалиме произведены были капитальные перестройки, сооружены новые стены и устроен дорогой водопровод, дававший возможность продовольствовать огромные массы народа, стекавшегося на годовые праздники, и выдерживать продолжительные осады. По окончании всех главных работ Соломону во второй раз явился Господь и возобновил с ним завет, в котором обещаны благодеяния и нескончаемость царствования за преданность Богу, хотя при этом высказана и угроза жестоким наказанием за отступления от Него. «Если вы и сыновья ваши отступите от Меня, – говорил предостерегающий голос Божий, – то Я истреблю Израиль с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я осветил имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов. И о храме сем высоком всякий прохожий мимо его ужаснется и свистнет, и скажет: за что Господь поступил так с сею землею и с сим храмом? И скажут: за то, что они оставили Господа Бога своего, который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им, и служили им, – за это навел на них Господь сие бедствие».

На все произведенные Соломоном работы требовались громадные средства, и они доставлялись быстро развивавшейся торговлей. В это время царство Израильское сосредоточивало в себе, можно сказать, всю мировую торговлю. Особенно важен был в этом отношении союз с Тиром, главным городом Финикии, тогдашней владычицы Средиземного моря. К нему стягивалась торговля со всех стран Азии, но так как все главные азиатские торговые рынки находились в подчинении у Соломона, то вся торговля, по необходимости, проходила через владения израильтян, и самый Тир был лишь как бы богатейшим портом Палестины, который, притом, находился в полной зависимости от нее в жизненном отношении, так как она была главной и почти единственной житницей как этого, так и других финикийских городов. Кроме того, чтобы стать еще независимее от финикийян, Соломон завел собственный флот, корабли которого из портов Средиземного и Черного морей делали далекие плавания и привозили огромные богатства как золотом, так и редкими произведениями далеких стран. Корабль, ходивший в Офир (в Аравии), привез Соломону 420 талантов золота, а корабль фарсисский, приходивший в три года раз, привозил золото и серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов. Этот корабль, очевидно, плавал в известную финикийскую колонию в Испании, Тартесс, который был складочным местом лучших и богатейших произведений Африки, откуда они и развозились на кораблях «фарсисских» (тартесских) во все страны тогдашнего цивилизованного мира. Эта обширная торговля давала государственной казне Соломона огромный ежегодный доход в 666 талантов золота. Вследствие этого неизбежно при дворе развивалась необычайная роскошь. Двор Соломона блистал чисто восточной пышностью и изысканным великолепием. Все сосуды и принадлежности во дворце были из чистого золота, «Дом леса Ливанского» был украшен множеством щитов, покрытых чеканным золотом. Престол, царственное одеяние Соломона, убранство дворца – все это сделалось притчей богатства и изысканного великолепия. Если к этому прибавить блестящую конницу со множеством дорогих коней и колесниц и общее благосостояние страны, наслаждавшейся ненарушимым миром и мудрым управлением, то понятно будет, на какой высоте благосостояния находилось царство Израильское во время царствования Соломона.

В этот-то период величия, богатства и блеска слава Соломона гремела по всем соседним странам. Все окрестные властелины спешили изъявить ему свое удивление и почтение. Восседая на своем великолепном престоле, Соломон торжественно встречал многочисленные посольства и благосклонно принимал от них всевозможные дары – «сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, и оружие, и благовония, коней и мулов». Но самой замечательной

посетительницей его была знаменитая царица Савская. Это была царица одной из богатейших стран в Южной Аравии, царица *сабеев*, во главе правления которых всегда стояли женщины (гинеократия), и она впервые могла услышать о славе Соломона благодаря посещению Аравии (Офира) флотом его. Пораженная рассказами о его необычайной мудрости, о его богатстве и славе, она захотела лично убедиться в достоверности этих рассказов и отправилась в Иерусалим с блистательной свитой и богатейшими подарками. Из беседы с Соломоном, а также из наблюдения за всеми порядками его жизни и управления она убедилась, что в рассказах, дошедших до нее, и на половину не было того, что она увидела в действительности, хотя эти рассказы возбуждали в ней мысль о преувеличении. Тронутая всем виденным, она с благословением мудрому царю и всему народу израильскому отправилась обратно в свою далекую страну, оставив Соломону богатые подарки и сама унеся с собой не только взаимные подарки от Соломона, но и искру истинной веры в своем добром сердце, которая немало содействовала впоследствии тихому прозябанию ее в обширных степях Аравийской земли.

Посещение Соломона царицей Савской отмечает собой высший поворотный пункт в его царствовании. Большее возвышение было уже невозможно. Соломону оставалось только держаться на достигнутой высоте величия и славы; но удержать за собой это положение для него оказалось труднее, чем достигнуть его. Окружавшая его восточная роскошь не замедлила оказать на него свое расслабляющее действие, и он стал падать нравственно. Первым грехом его, поведшим за собой и дальнейшее падение, был обычный грех восточных царей, именно многоженство. С летами в нем развилось кроме неумеренного сладострастия и особое восточное честолюбие, заставлявшее его превзойти всех соседних царей не только признанной за ним мудростью и богатством, но и многочисленностью своих жен. Кроме дочери фараоновой Соломон стал брать себе жен из всех соседних народов: он «полюбил многих чужестранных женщин – моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок и хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: не входите к ним, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него 700 жен и 300 наложниц; и развратили жены его сердце его». Причина этого противозаконного и губительного увлечения заключалась гораздо глубже, чем простое сладострастие. Оно было лишь естественным и последним выражением общего направления, к которому, видимо, клонилась вся политика Соломона. Уже раньше он во многом отступил от прямых постановлений Моисеева законодательства, как например вступлением в союз с Египтом, введением конницы и выступлением на поприще обширных торговых предприятий. Вследствие этого весь склад жизни как царя, так и народа совершенно изменился и потерял свою первобытную патриархальность и простоту, какой должна бы отличаться жизнь избранного народа. На место их вторглись иностранные обычаи и порядки обыкновенной жизни азиатских народов – с ее неумеренностью и порочностью. И многоженство было завершением такого склада жизни, закончившегося полным нравственным падением некогда «мудрейшего» царя.

«Во время старости Соломона, – рассказывает священный историк, – жены склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской. И делал Соломон неугодное пред очами Господа, и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, Молоху, мерзости аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам» (3 Цар 11:1–8). В политике Соломона и раньше замечались отклонения от начал Моисеева законодательства, но так как они касались лишь внешнего склада жизни, то и находили забвение во всепрощающей милости Божией; но теперь дело касалось основного начала самого богоуправления. Соломон не только нарушил закон, запрещающий входить в брачные связи с гнусными идолопоклонниками, но допустил и самое следствие их: допустил в самой святой земле, в самом центре ее, перед самым храмом Божиим гнусные мерзости идолопоклонства! Этим в основе разрушался завет с

Богом и уничтожалась самая цель избрания Израиля в качестве «света для народов». Тогда Господь разгневался на Соломона. Ему произнесен был строгий приговор, что царство будет «отторгнуто» от него и передано рабу его.

Скоро не замедлили обнаружиться и первые признаки гнева Божия. Ослабленный придворной пышностью Соломон не обращал достаточного внимания на внутреннее состояние своего государства. Этим не преминули воспользоваться некоторые князьки покоренных народов и подняли восстание. На юго-востоке восстание поднял идумейский князь Адер, спасшийся во время завоевания Идумея Давидом бегством в Египет и теперь вновь явившийся с целью вернуть себе потерянные тогда владения, а на северо-востоке мятеж поднял некий Разон, раб разбитого Давидом царя Адраазара. Став во главе шайки, он овладел Дамаском и водворился там в качестве владетельного князя, образовав сильное Сирийское царство с Дамаском, как столицей, во главе.

Но эти смуты на далеких окраинах были ничто в сравнении с той опасностью, которая подготавливалась для престола Соломонова внутри самого государства. Господь во гневе своем предсказал Соломону, что царство его будет отторгнуто от него и передано «рабу его». И этот «раб» был Иеровоам, сын Наватов, из колена Ефремова. Это был человек «мужественный» и настолько выделялся своими способностями, что Соломон поставил его смотрителем над оброчными рабочими из его родного колена, наравне с другими, употреблявшимися для царских работ. Здесь он познакомился с обратной стороной государственной жизни, видел тягости, которые должен был нести народ для удовлетворения неумеренных прихотей царя, слышал ропот рабочих, видел придворные неурядицы и нравственную распущенность самого царя. При виде всего этого в нем проснулась давняя гордость ефремлянина, и он устыдился за свое родное колено. В благословении Иакова Ефрему предсказана была великая будущность, которая, отчасти, находила осуществление в том, что из его колена вышел такой великий вождь, как Иисус Навин, и вообще оно до воцарения дома Давидова было центром и давало тон всей религиозной и государственной жизни народа; и вот теперь оно должно было рабски служить представителям ненавистного ему колена Иудина. Эта мысль была естественным подготовлением к предстоящему ему назначению, и оно окончательно укрепилось в нем, когда оно подтверждено было ему силомским пророком Ахией, который, встретив его однажды в поле, разорвал перед ним свой плащ на двенадцать частей и, отдавая из них десять Иеровоаму, сказал, что так Господь раздерет царство Израильское и что при преемнике Соломона к нему отойдут десять колен израильских, а за домом Соломоновым останется только два колена, и то только «ради Давида, дабы оставался этот светильник Израилев пред лицом Божиим, и ради города Иерусалима, который Бог избрал Себе для пребывания там имени Его». Когда известие об этом дошло до Соломона, то он хотел насильем над Иеровоамом отвратить грозивший ему суд Божий; но Иеровоам бежал в Египет, был принят фараоном новой династии Сусакимом и там ожидал смерти Соломона, чтобы возвратиться на родину и приступить к осуществлению своего предназначения.

Среди таких тревог и испытаний Соломон приближался к своей кончине. История не говорит, как повлияли на него все эти испытания и не пробудили ли они в нем искреннего сокрушения и покаяния. Но оставленные им книги и особенно книга «Екклесиаст» дополняют историю его жизни. В этой последней книге делается полный обзор всего опыта его жизни. Тут мы видим человека, который испытал все удовольствия жизни и до дна испил чашу земных радостей, и все-таки остался неудовлетворенным, и, в конце концов, должен был с грустью воскликнуть: «Суета сует, все суета, и томление духа!» Из своего великого опыта жизни он пришел к убеждению, что истинная жизнь состоит в послушании Богу и исполнении Его святыя заповедей. «Выслушаем сущность всего, – заключает он свою книгу, – бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека».

Соломон умер в Иерусалиме на сороковом году своего царствования и погребен был в городе Давидовом. История его царствования описана была пророками Нафаном и Ахией, в «видениях

прозорливца Иоила о Иеровааме» и в особой книге «дел Соломоновых». Первые три сочинения, вероятно, послужили основой для повествования о нем в 3 книге Царств, а сущность последней книги передана во 2 книге Паралипоменон. Несмотря на множество своих жен, Соломон оставил по себе только одного сына Ровоама, от Наамы-аммонитянки, и он сделался преемником его престола.

XXXVIII

Внутреннее состояние израильского народа во времена царей. Религия и богослужение. Просвещение и боговдохновенные книги. Летосчисление

Период управления трех великих царей израильского народа был временем его высшего расцвета как в политическом, так и в духовном отношении. После бедствий и безурядицы периода судей это было время благосостояния, могущества и блеска, когда народ израильский достиг полного осуществления великих обетований Божиих и под покровом твердой власти мог беспрепятственно обнаружить все лучшие качества своего национального гения, своим государственным благоустройством показать истинный образец «богоправления», а высотой своей религиозно-нравственной жизни во всем блеске оправдать свое великое призвание – быть светом для язычников. Если народ израильский не оправдал своего назначения и при таких благоприятных обстоятельствах и представил много печальных фактов религиозно-нравственного падения даже в лучших своих представителях, в лице самих своих царей, то это показывает только, как исконное зло внедрилось в нравственную природу человека и подобно жернову на шее неудержимо тянуло его в бездну зла, несмотря на все усилия в стремлении к добру. Такова была общая судьба ветхозаветного человечества, томившегося в рабстве греху, и единственным утешением для него служила надежда на будущее избавление – в лице того божественного Избавителя, быть хранителем обетований о котором и был предназначен избранный народ.

Обетование о Спасителе в этот период нашло ясное подтверждение в славном обетовании Давиду, что Бог восставит ему семя его, престол которого устоит вовеки, и этому семени Он будет Отцом, а оно Ему Сыном (2 Цар 7:12–16). Давид не мог относить этого обетования к своему преемнику и потому понял его в том именно смысле, как истолковал его впоследствии ап. Павел, именно в смысле обетования о духовном преемнике и «Сыне Давидовом», Сыне Божиим, Спасителе мира и Царе вселенной, престол которого «устойт во веки». Кроме этого обетования, подтвержденного и в завете с Соломоном (3 Цар 9:5), мысль о будущем Избавителе в это время проникает всю жизнь народа: самое политическое могущество его было прообразом духовного могущества Мессии, и самые цари его, особенно Давид и Соломон в лучшие периоды их жизни, были явными прообразами Спасителя – первый прообразом Его как Царя победы, второй – как Царя мира. Затем все псалмы Давида переполнены выражениями пламенного ожидания Мессии и самыми ясными пророчествами о всех событиях Его земной жизни, от рождения до страдания и смерти, от воскресения до прославления одесную Отца. Пророческие псалмы Давида представляют ясное доказательство того, как живо было в лучшем народном сознании великое обетование Божие о Спасителе мира и как религиозно-нравственный дух человечества жаждал исполнения этого обетования.

Внутреннее оживление религиозно-нравственного чувства нашло полное свое выражение в развитии богослужения и связанных с ним обрядов и учреждений. В этом отношении неизмеримые услуги делу истинной религии и ветхозаветной церкви оказал Давид своими церковно-религиозными учреждениями. Будучи сам боговдохновенным псалмопевцем и пророком, он употреблял все свои усилия к упорядочению и возвышению богослужения. Перенеся ковчег завета в Иерусалим, он произвел полное преобразование в порядке левитского служения, установив правильное и постоянное богослужение в скинии. С этой целью избраны были три семейства братьев-певцов, чтобы «они пропевали на цитрах, псалтирях и кимвалах». Под руководством этих искусных певцов (Асафа, Емана и Идифуна, имена которых значатся в надписании многих псалмов) образовался многочисленный хор в 288 человек, который вместе

с служащими левитами и священниками «славословил, благодарил и превозносил Господа Бога Израилева» пред ковчегом Господним. Всех левитов отделено было на служение 4000 человек, а остальные левиты в количестве 34000 человек были распределены на различные службы при скинии в качестве привратников, носильщиков священных сосудов и других принадлежностей скинии, помощников и послушников священникам в принесении жертв и совершении других обязанностей своего служения. Для исполнения высших обязанностей священнослужения были назначены потомки двух сыновей Аароновых – Елеазара и Ифамара. Хотя Аарону, собственно, наследовал старший сын его Елеазар, но честь первосвященства некоторым образом делил с ним и Ифамар, к дому которого иногда всецело переходило первосвященство (например в лице Илия-первосвященника). Во время Давида мы видим представителей обеих этих линий в лице великих священников Садока и Авиафара, из которых один первосвященствовал в старой скинии в Гаваоне, а другой – в новой скинии в Иерусалиме. Но дом Елеазара числом священнических семейств вдвое превосходил дом Ифамара, так как по переписи, произведенной Давидом, в первом было шестнадцать, а во втором только восемь семейств. Двадцать четыре главы этих семейств были сделаны при Давиде начальниками двадцати четырех «чред», т. е. очередных служений в храме, на которые последовательно являлись члены этих священнических семейств. На такие же «чреды» разделены были и левиты, и певцы, которые и отправляли богослужение совместно с соответствующими чредами священников. «Чреда», по всей вероятности, начиналась в субботу и продолжалась в течение недели, когда на смену ее являлась следующая чреда. Разделение это в точности соблюдалось до позднейшего времени, как это видно из истории Захарии, отца св. Иоанна Крестителя, который удостоился бывшего ему видения ангела, «когда он в порядке своей чреды служил пред Богом» (Лк 1:8). Учрежденный в скинии порядок служения перенесен был и в храм Соломонов, где, однако же, для возвышения торжественности богослужения участились случаи, когда при богослужении участвовали одновременно все двадцать четыре чреды, как это и было особенно при освящении храма. С освящением храма все богослужение сосредоточивалось в нем, и старая скиния в Гаваоне потеряла всякое значение; вместе с тем с низвержением Авиафара из священного сана (за принятое им участие в политическом заговоре Адонии) первосвященство окончательно прекратилось в ветви Ифамара и сосредоточилось в ветви Елеазара, в лице Садока, помазанного на первосвященство при Соломоне. Церковная обрядность при богослужении в это время получила широкое развитие, но только с внешней стороны, в смысле пышности и величия. В существенном она оставалась такой же, какой установлена была Моисеем при скинии, хотя в то же время, соответственно новым потребностям, явились и новые обряды. Таков особенно обряд помазания на царство. Оно было частное и торжественное. Первое, обыкновенно, совершал пророк как исполнитель воли Божией, а второе совершал при общенародном собрании главный священник или первосвященник как посредник между волей Бога и волей народа. При помазании употреблялся елей как видимое орудие сообщения благодати Божией. Посвящаемому вручалась книга закона, с которой он должен был сообразовываться во всей своей жизни и управлении.

В государственном управлении за это время совершилась важная перемена, состоявшая в учреждении царской власти. Учреждение ее было вызвано насущной потребностью народной жизни, так как отсутствие твердой власти во времена судей привело к полному безначалию и связанным с ним бедствиям. Но учреждение ее в то же время было отчасти и выражением недостаточного упования со стороны народа на непосредственное правление Самого Бога и желанием иметь правление наподобие окружающих народов. Поэтому на вопрошение Самуила Господь отвечал ему: «Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Цар 8:7). Самое учреждение царской власти в теократическом государстве ослабляло существеннейшее начало его жизни, так как народ мог получить склонность более возлагать свои надежды на видимого царя, забывая Верховного и Невидимого. Тем не менее твердая власть была насущной потребностью и внутренней, и внешней политической жизни народа, и потому она была учреждена с теми ограничениями, которые поставлены были в законодательстве Моисея, уже заранее предвидевшего этот неизбежный момент в жизни

избранного народа. Ограничения эти состояли прежде всего в том, что народ не должен был поставлять себе царем иноземца, а непременно природного израильтянина, и притом такого, «которого изберет Господь Бог» (Втор 17:15). За этим ограничением избрания следуют законы, ограничивающие самую власть царя. И замечательно, что эти ограничения главным образом направлены против того, чем особенно отличались восточные цари, именно против накопления личных богатств и развития роскоши, всегда влекущих за собой нравственную порчу и забвение законов и народа.

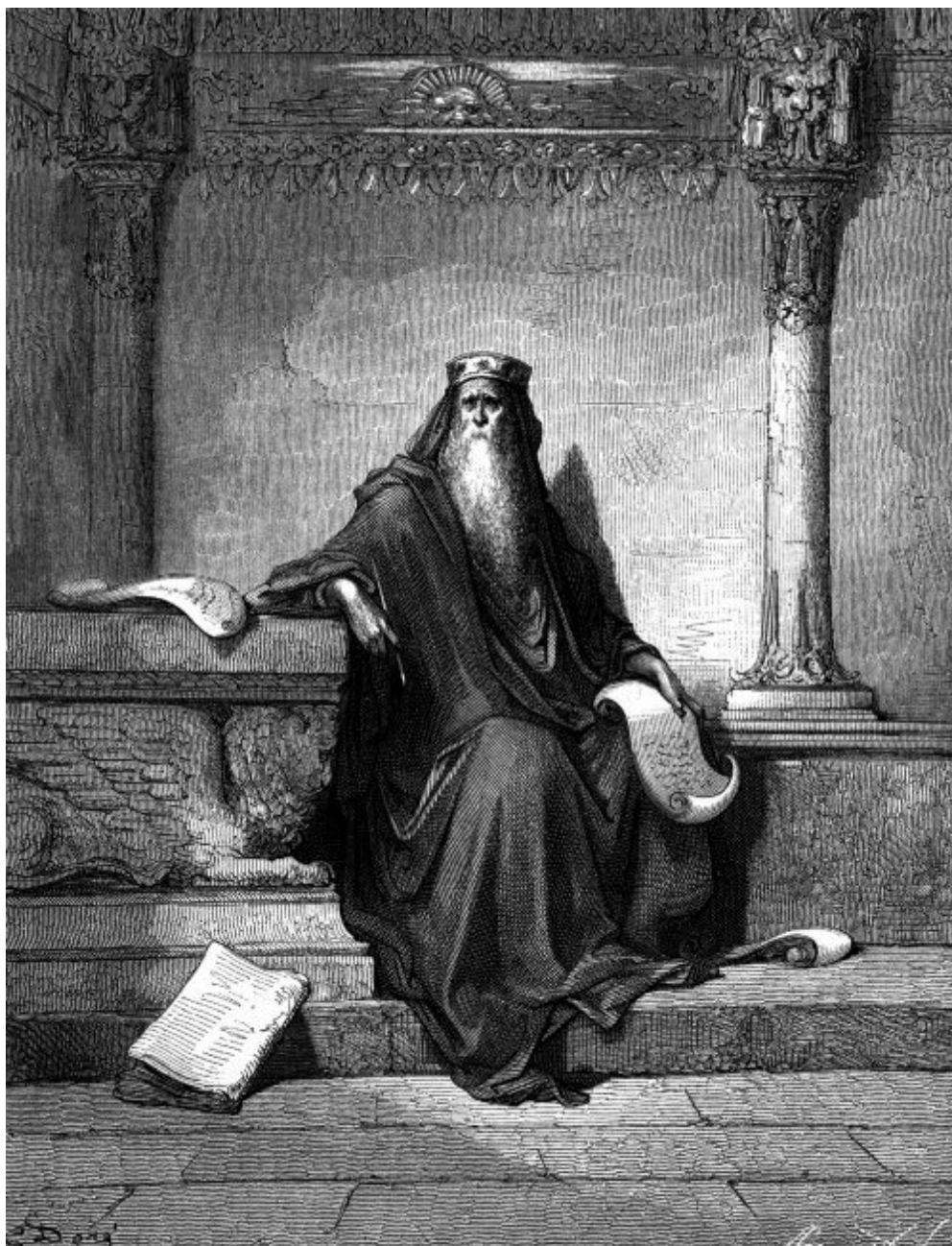
«Поставь себе царя, – говорит законодатель, – только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней» (Втор 17:16). Смысл этого закона тот, что им запрещается входить в сношения и в союз с Египтом, отличавшимся в древности коннозаводством. Желание иметь лучших коней – один из главных предметов тщеславия восточных монархов – заставило бы войти в сношения с фараонами, а потом и в политический союз с Египтом, между тем как такой союз по географическому положению Палестины мог быть губительным для еврейского народа, что, впоследствии, и оправдалось историей. Кроме того, умножение коней, совершенно ненужных в гористой стране, служило бы не к охранению народных интересов (например во время войны), а только к удовлетворению тщеславной гордости царя: «Чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его» (ст. 17). Гаремы до сих пор на Востоке составляют одно из гнуснейших придворных учреждений, в которых монархи-деспоты теряют последние нравственные и физические силы, погружаясь в грубейший разврат. Поэтому постановление, запрещающее иметь гаремы, понятно само собой. «И чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно». Чрезмерное накопление богатств могло давать повод, как это видно из истории Соломона, к обширным торговым предприятиям, которые были бы несообразны с истинно народными интересами, содействовало бы развитию неравенства по состоянию и тем нарушило бы основной закон Моисея, установивший общественно-экономическое равенство, ввело бы несообразную с теократическим строем государства роскошь при дворе и тем отдалило бы царя от народа. «Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего в книге, находящейся у священников и левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научился бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии». Царь не был законодателем и должен был управлять государством не по своему личному произволу, а по данному закону, с которого он должен был иметь правильный список, чтобы, постоянно имея его перед собой, не уклонялся ни направо, ни налево (ст. 20), следовательно, вообще должен был править по признанному народом закону. Таким постановлением положен был предел деспотизму, в который так легко впадают восточные правители. Наконец, законодатель дает общее определение отношения царской власти к народу. В древних восточных монархиях отношение между правителями и народом обыкновенно отличалось высокомерным презрением со стороны правителя и рабским подобоострастием со стороны народа. В государстве избранного народа такого отношения не должно было быть; поэтому законодатель требует от царя, «чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его» (ст. 20), или, в применении этих слов к правлению, чтобы правил своими подданными с кротостию и любовью», не как рабами, а как братьями. Лучшие цари были верны этому правилу. Давид например, в обращении к народу называл своих подданных братьями: «И стал Давид царь на ноги свои, и сказал: послушайте меня, братья мои и народ мой!» (1 Пар 28:2). Таким образом, власть царей израильского народа была ограничена строгой регламентацией – в духе древних начал богоправления и самоуправления народного. Такой она и является в истории. Для сообщения ей большей обязательности для царя, был даже установлен такой порядок, что при вступлении на престол царь заключал договор с народом, в котором, по всей вероятности, обязывался исполнять законы, определяющие границы его власти (1 Цар 10:25; 2 Цар 5:3; 4 Цар 11:17). Из истории видно, что цари не всегда точно исполняли эти законы касательно царской власти, и в лице Соломона мы видим царя, который даже прямо нарушил некоторые из основных положений законодательства, так как вступил в союз с Египтом и завел конницу, предался многоженству и неумеренной роскоши. Но в этом

они были лишь выразителями общего духа непослушания своего народа и несли наказание в самых следствиях своих нарушений закона, как это и было особенно с Соломоном. Но в общем царская власть была весьма полезна для развития гражданских доблестей и государственной жизни народа. Благодаря именно ей народ израильский достиг необычайного политического могущества и блеска, так что под его политическим влиянием находился весь современный цивилизованный мир. В случае более строгого послушания как царей, так и самого народа святым Законам Божиим народ израильский мог бы соединить со своим политическим влиянием и религиозно-нравственное влияние и таким образом в полном смысле мог бы стать великим светочем для человечества. Но преступления против закона быстро подточили его могущество и его нравственную силу, и он неудержимо стал стремиться к падению.

С ограничением непосредственного богоправления, вследствие учреждения царской власти, воля Божия нашла себе непосредственных выразителей в лице *пророков*, деятельность которых во времена царей получает весьма важное значение в государстве. Это были живые носители воли Божией, которую они мужественно высказывали царям и тем призывали их к послушанию закону и к покаянию. Некоторые из пророков, как например Нафан и Гад, были приближенными советниками царя, направлявшими его деятельность сообразно требованиям воли Божией и закона. При всяком согрешении или преступлении царя против закона они являлись бесстрашными мстителями за попранный закон, равно как и выразителями воли Божией, которую они лично высказывали согрешившим царям. Мужественным и суровым укорам Нафана Давид обязан был высшими моментами своего сокрушения и покаяния во грехах. Пророки же были и главными «дееписателями», т. е. историографами, описывавшими деяния царей.

Пророки, вместе с тем, были главными распространителями *просвещения* в израильском народе в это время. К этому времени особенно умножились пророческие братства или школы, в которых изучался закон и священная поэзия и музыка. «Сонмы пророков» были в нескольких главных городах, откуда они переходили и в другие соседние города, сопровождая свое пророчество, т. е. проповедь о законе, торжественной музыкой на различных музыкальных инструментах (псалтири, тимпане, свирели и гусях – 1 Цар 10:5), и они оказывали такое сильное влияние, что вдохновению их поддавались и окружающие, как это было например с Саулом, который после своего помазания вступил в сонм пророков, где и получил необходимое подготовление к предстоявшему ему высокому назначению. В школах пророческих, несомненно, получил свое образование и особенно свое высокое искусство в поэзии и музыке и великий псалмопевец Давид, при котором священная поэзия и музыка сделались необходимой принадлежностью богослужения. И вообще, к этому времени «сонмы пророков» сделались вполне школами всестороннего образования и просвещения. О высоте и обширности этого образования свидетельствует пример Соломона, который, несомненно, в этих же школах или от придворных учителей-пророков почерпнул свое всестороннее образование во всех отделах научного и художественного знания.

Вместе с распространением просвещения распространялась и письменность, которая в это время получила такое широкое развитие, что сделалась средством обычных сношений, и мы встречаем упоминание о письмах, посредством которых велась корреспонденция между находящимися в отдалении лицами. При дворе для государственного производства имелись особые писцы и даже придворный «дееписатель», или историограф. Придворные пророки вели свои записки о деятельности и жизни царей, как это известно особенно о Самуиле, Нафане и Гаде. Результатом этих записок явились относящиеся к этому времени священные книги; *первая и вторая книги Царств*, из которых в первой содержится история израильского народа от рождения Самуила до смерти Саула, а во второй продолжение этой истории до помазания Соломона на царство. К этому же периоду относится составление книги «Руфь», появление которой могло быть вызвано потребностью исторически выяснить родословную величайшего царя избранного народа – Давида.

Премудрый Соломон

Но, кроме этих исторических книг, лучшим показателем высоты просвещения этого времени служат книги самих царей – именно Давида и Соломона. Давиду принадлежит большая часть тех боговдохновенных песней или псалмов, которые вместе с псалмами других певцов как его, так и последующего времени, составили книгу *Псалтирь*. По своему содержанию и изложению эти псалмы суть истинно великое излияние боговдохновенного гения-поэта, который в дивных песнях воплотил лучшее содержание религиозно-нравственного мирозерцания своего времени, настолько высокого мирозерцания, что оно не потеряет своего вдохновляющего интереса до скончания мира, пока будет сердце человеческое биться чувствами веры, надежды и любви. Соломону приписываются четыре священные книги: *Пень песней*, книга *Притчей Соломоновых*, книга *Екклесиаст*, или *Проповедник*, и книга *Премудрости Соломона*. Эти книги, несомненно, составляют часть тех 3000 притчей и 1005 песней, о которых говорится в Третьей книге Царств (9:32). По иудейскому преданию, из этих книг первая написана Соломоном в юности, вторая – в зрелом возрасте и третья – в старости. Четвертой книги совсем не имеется в еврейском каноне книг, и она сохраняется только в греческом переводе 70 толковников, откуда переведена и на русский язык. В книге *Песнь песней*, т. е. высокой,

прекрасной песни, под видом жениха и невесты изображается таинственный союз Христа с Церковью, под каковым символом он неоднократно изображается и в других книгах Св. Писания как Ветхого, так и Нового Завета (см. Исх 44; Иез 16; Ос 2:19; Мф 25). В книге Притчей, как видно из самого ее названия, содержатся притчи и мудрые нравоучительные наставления мудрого царя, изрекавшего глубокие житейские истины на основании своего собственного опыта. Собрание притчей сделано отчасти самим Соломоном, а отчасти последующими собирателями изречений мудрого царя в позднейшее время. В книге Екклесиаст, или Проповедник, мы имеем как бы последнее завещание мудрого царя, который, испытав все доступное человеку счастье на земле, пришел, наконец, к печальному убеждению, что все земное «суета сует, и все суета и томление духа», Единственно, в чем человек может найти себе удовлетворение, это в исполнении правила: «Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека» (Екк 12:13).

В рассматриваемый период народ израильский во всех отношениях стоял выше окружающих его народов. В политическом отношении он был самым могущественным народом Западной Азии и не имел себе на Востоке соперников по оружию. Египет в это время был крайне ослаблен внутренними и внешними невзгодами; царствовавшая в нем XXI династия должна была все свои усилия направлять к ограждению своей страны от нападения на нее ливийцев и других кочевников африканских пустынь, которые, воспользовавшись ослаблением Египта, постоянно делали на него разбойнические набеги. Другая сильная держава – Ассирия-Вавилонская – также всецело поглощена была внутренним раздором между составлявшими ее двумя половинами (Ассирией и Вавилонией, постоянно соперничавшими между собой) и таким образом потеряла свое значение в международной политике. Оставались лишь мелкие царства, которые или силой были подчинены царям израильским и платили им дань, или сами искали союза и дружбы с ними (как например, царь тирский Хирам) и тем усиливали их могущество. Вместе с политическим могуществом Израиль высоко стоял над окружающими народами и в духовном отношении. Все эти народы в сравнении с ним не обладали никакими выдающимися литературными произведениями. Если бы политическое преобладание Израиля было более прочным и продолжительным, то окружающие народы не избегли бы благотворного влияния его и в литературном и в религиозно-нравственном отношении, как это и оказалось на примере царицы Савской, которая возвратилась в свою страну с чувством глубокого благоговения ко всему виденному ею. К сожалению, известная слабость Соломона воспрепятствовала этому, и он допустил даже в Иерусалиме свободное отправление тех омерзительных языческих культов, которые составляли непримиримую противоположность с возвышенной религией Иеговы. История падения Соломона показывает, что в религиозном отношении соседние народы стояли на той же низкой ступени, как и во время вступления израильтян в Землю обетованную, и дикая безнравственность их культов еще сильнее выступала перед лицом такого возвышенного выражения истинной религии, каким были, например, псалмы Давида и другие современные ему книги, вошедшие в канон Св. Писания.

В хронологическом отношении период царей-монархов обнимает круглую цифру в 120 лет, так как каждый из них царствовал по 40 лет. Важное хронологическое указание заключается в замечании 3 Цар 6:1, именно, что построение храма началось в 480 году «по исшествии сынов израилевых из земли Египетской», что в то же время совпадало с четвертым годом царствования Соломона. Таким образом, учреждение монархии было в 396 и смерть Соломона в 516 году от исхода из Египта. По общепринятому летосчислению смерть Соломона падает на 980 год до Р. Х.

Период седьмой

От разделения царства до разрушения храма Соломонова вавилонянами

Разделение царства, его причины и значение. Иеровоам и произведенный им религиозный раскол

Скоро после смерти Соломона исполнилось предсказание пророка Ахии: царство его разделилось, и более значительная часть его отошла к Иеровоаму. Этот великий государственный переворот ускорен был неблагоприятием его наследника, сына Ровоама. При вступлении на престол он по установившемуся обычаю должен был заключить особый договор с народом, но дело затруднялось уже тем, что при его восшествии на престол с особенной силой проявилось соперничество между коленами Иудиним и Ефремовым, выражавшими притязания на главенство в народе. Чтобы уладить соперничество, Ровоам не удовольствовался провозглашением себя царем в Иерусалиме, а отправился в Сихем (главный город Ефремова колена), чтобы найти подтверждение своих прав на престол и со стороны другого сильного колена. Этим и воспользовались представители северных колен, чтобы предъявить ему известные условия для облегчения народных повинностей, которые в последние годы царствования Соломона, по причине его непрерывных построек и неумеренной роскоши, возросли до такой степени, что сделались «тяжким игом» для народа. Дело было серьезное и требовало тем более благоразумного отношения к себе, что предъявлено было представителями народного собрания во главе с Иеровоамом, возвратившимся в это время из Египта. Царь дал себе три дня для обсуждения этого вопроса. В государственном совете голоса разделились. Старые советники, служившие при Соломоне, понимая действительное состояние государства и народа, советовали ему уступить народу, говоря: «Если ты на сей день будешь слугою народу своему, и послужишь ему, и удовлетворишь им, и будешь говорить с ними ласкою, то они будут рабами твоими на все дни». Но молодой неопытный царь пренебрег этим благоразумным советом и последовал совету своих молодых сверстников, которые, воспитавшись под развращающим влиянием последних лет царствования Соломона, смотрели на все легкомысленно. Они посоветовали решительно отказать народу в его просьбе, заявив при этом, что потребности нового царя еще больше потребностей Соломона, так как «мизинец его толще чресл его отца». Чтобы раз навсегда отучить народ от подобных требований, царь должен был, по совету этих сановников, пригрозить ему еще большим увеличением ига. Когда Иеровоам во главе представителей народного собрания вновь явился к царю, то Ровоам ответил им «по совету молодых людей и сказал: отец мой наложил на вас тяжелое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами», т. е. теми унижающими шпильками плетьюми, которыми наказывались тяжкие преступники. Тогда раздраженный народ дал волю накопившемуся в нем чувству недовольства, и повсюду раздался уже слышавшийся раньше клич: «Какая нам часть в Давиде? Нет нам доли в сыне Иессеевом, по шатрам своим, Израиль! Теперь знай свой дом, Давид! И разошелся Израиль по шатрам своим». Ровоам, не сознавая еще неблагоприятия своего шага, послал было Адонирама, начальника над податями, для сбора податей, но «израильтяне забросали его камнями, и он умер». Сам царь должен был спастись бегством в Иерусалим, а народное собрание в Сихеме провозгласило царем Иеровоама, которого признали десять колен, так что за Ровоамом осталось только колено Иудино, к которому присоединилось еще Вениаминово. Свою государственную ошибку Ровоам хотел поправить военной силой и собрал 180-тысячное войско для подчинения отложившихся колен, но кровопролитие было предотвращено Самеем, «человеком Божиим», который убедил Ровоама, что все это совершилось по воле Божией, и потому братоубийственная война будет прямым преступлением против Бога, и Ровоам должен был примириться с совершившимся переворотом, хотя вражда у него с Иеровоамом, часто переходившая в опустошительную войну, не прекращалась «во все дни их жизни».

Так совершилось разделение еврейского народа на два царства, получившие названия царства Иудейского и царства Израильского. На первый взгляд можно подумать, что царство Израильское, как составившееся из десяти колен, составлявших две трети всего населения страны и занимавших лучшую и плодороднейшую часть ее, имело на своей стороне все преимущества и явный залог большого политического могущества. Но, с другой стороны, нужно иметь в виду, что за царством Иудейским осталась столица как центр установившегося

правления и материальных интересов народа вместе с огромными государственными сокровищами, накопленными там Соломоном. Притом, не говоря уже о закаленной энергии и предприимчивости самого колена Иудина, на его стороне были все преимущества в религиозном и нравственном отношении, так как в его столице находился храм, главная святыня всего народа, построенная общими народными усилиями, освященная при общем народном участии и потому невольно притягивавшая к себе всеобщее народное сочувствие.

Таким значением храма объясняется и вся дальнейшая история отношений между обоими царствами. Видя это тяготение народа к храму иерусалимскому, цари израильские стали смотреть на него с подозрением, опасаясь, чтобы религиозное тяготение к храму не перешло в политическое тяготение к самому Иерусалиму, как политической столице. И вот, вопреки обетованию Божию, ставившему верность и преданность истинной религии условием долговечности дома Иеровоамова, цари израильские с первых же шагов своего царствования начинают стремиться к отчуждению своего народа от храма иерусалимского, стараются основать собственный центр религиозной жизни и даже ввести такую религию, которая не имела бы ничего общего с религией иерусалимского храма. Такая политика прямо вела к религиозному расколу, который и совершен был открыто первым царем израильским Иеровоамом.

Будучи провозглашен царем, Иеровоам прежде всего приступил к упрочению своего положения с внешней стороны. С этой целью он укрепил несколько городов, и именно Сихем по эту сторону и Пенуэл по ту сторону Иордана, которые и сделались двумя главными твердынями его обширного царства, хотя свою собственную резиденцию он основал в прекрасном городе Фирце, в живописных горах к северу от Сихема. Но и при обладании таким прекрасным царством Иеровоама не оставляла роковая мысль. Чувствуя недостаточность своих прав на престол, он невольно думал: «Царство может опять перейти к дому Давидову. Если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, к Ровоаму, царю иудейскому; и убьют они меня, и возвратятся к Ровоаму, царю иудейскому». Посоветовавшись с своими приближенными, царь решил основать новую религию; умышленно опираясь на пример Аарона, он сделал двух золотых тельцов и, повторяя слова тогдашних идолопоклонников, сказал народу: «Не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской» (3 Цар 12:28; ср. с Исх 32:4, 8). Одного из этих тельцов он поставил в Дане, а другого в Вефиле, сделав последний главным святилищем нового культа. Тут он построил капище на высоте, как это делалось у ханаанских народов. Для служения в этом капище он хотел было воспользоваться теми священниками и левитами, которые жили в отошедших к нему левитских городах; но ошибся в своем расчете. Все истинные священники и левиты, видя нечестивые затеи царя, оставили свои города и владения и переселились в Иудею и в Иерусалим. Тогда царь сделал новый шаг к нарушению закона и «поставил из народа священников, которые не были из сынов Левиных»; установил праздники наподобие праздников иудейских и на воздвигнутом жертвеннике в Вефиле сам лично хотел принести жертвы, чтобы торжественно открыть служение по обряду новоучрежденной им религии. Но вот из Иудеи явился «человек Божий» и, став лицом к лицу с Иеровоамом, произнес предсказание, что один из потомков Давида, именно Иосия, на этом самом жертвеннике принесет в жертву идолослужащих священников, и подтвердил свое предсказание знамением, что самый жертвенник распадется и пепел с него рассыплется. Разъяренный царь приказал схватить дерзкого прорицателя и сам простер на него руку свою, но рука его вдруг оцепенела, а вместе с тем жертвенник распался и пепел с него рассыпался. Тогда Иеровоам смирился, и по молитве «человека Божия» рука его выздоровела от поражения. Он предложил «человеку Божию» зайти к нему во дворец и подкрепить себя пищей, обещая предложить ему и особый подарок. «Но человек Божий сказал царю: хотя бы ты давал мне полдома твоего, я не пойду с тобой и не буду есть хлеба и не буду пить воды в этом месте. Ибо так заповедано мне словом Господним: не ешь там хлеба и не пей воды, и не возвращайся тою дорогою, которою ты шел». Однако же он сам нарушил эту

заповедь и, послушавшись одного ложного пророка, зашел к нему и принял угощение, за что и умерщвлен был в пути напавшим на него львом – в предостережение всем тем, кто не твердо стоит в заповеди Божией. Так как Иеровоам не вразумился от бывшего ему предостережения, то его постигло семейное несчастье: умер его сын Авия, единственный в его доме, «в ком нашлось нечто доброе пред Господом, Богом Израилевым». Когда он сделался болен, Иеровоам хотел тайно воспользоваться милостью того Бога, которого он отвергал открыто. Он велел своей жене, переодевшись, отправиться в Силом к престарелому пророку *Ахии*, тому самому, который предсказал ему, что он будет царем, и спросить его о предстоящей участи сына. Но когда она вошла в дом Ахии, то престарелый пророк, несмотря на свою слепоту, сразу узнал, кто его посетительница, и не только не принял принесенных ему подарков («десять хлебов и лепешек и кувшин меду»), но произнес строгое осуждение на весь дом Иеровоамов, заявив, что за введенное им идолопоклонство Господь наведет всевозможные бедствия на его дом и «выметет дом Иеровоамов, как выметают сор дочи́ста», а сам Израиль будет извергнут из земли обетованной и отведен будет за реку (Евфрат – в плен) «за то, что они сделали у себя идолов, раздражая Господа». Больной сын царя должен был умереть, что и случилось, лишь только царица по возвращении переступила порог своего дворца.

Но вот умер и сам Иеровоам, процарствовав двадцать два года. Ему наследовал сын его *Нават*, который во всем последовал примеру своего отца: «Делал он неугодное пред очами Господа, ходил путем отца своего и во грехах его, которыми тот ввел Израиля во грех». Поэтому его скоро постигло наказание Божие, и он пал жертвой военного заговора, составленного военачальником Ваасой, который убил царя и истребил дом Иеровоамов, как и предсказал пророк Ахия, и сам сделался самозванным царем Израиля. Но династия Ваасы, следовавшего в своей политике системе Иеровоама и даже более последнего предававшегося нечестию и идолопоклонству, прекратилась с его сыном Илой, который был убит военачальником его конницы Замврием, умертвившим его, когда он «напился допьяна» в гостях у начальника своего двора Арсы. Замврий провозгласил себя царем и истребил весь дом Ваасы, но сам процарствовал лишь семь дней. Узнав, что народ, не признавая его, провозгласил себе царем другого военачальника Амврия, который во главе сильного войска подступил к Фирце и уже взял укрепления столицы, Замврий, подобно ассирийскому царю, «вошел во внутреннюю комнату царского дома и зажег за собою царский дом огнем, и погиб за свои грехи, в чем он согрешил, делая неугодное пред очами Господними, ходя путем Иеровоама и во грехах его, которые тот сделал, чтобы ввести Израиля во грех».

Но и этим не кончились политические смуты царства Израильского. Рядом с Амврием претендентом на престол выступил некто Фамний, который увлек за собой половину народа, так что царство Израильское разделилось между собой, и началась четырехлетняя междоусобная война, и только по смерти Фамния престол утвердился за Амврием, который и царствовал еще восемь лет. Для упрочения престола за своей династией он оставил Фирцу с ее сгоревшим дворцом и полуразрушенными стенами и построил новую для себя столицу, знаменитую Самарию, которая оставалась резиденцией царей израильских до самого падения царства. Но и в эту новую столицу он перенес старое нечестие и идолопоклонство своих предшественников, и в этом отношении «поступал даже хуже всех, бывших пред ним», подтачивая таким образом нравственную силу государства, в котором он хотел укрепить свой престол. Так, основанное Иеровоамом царство Израильское, став, каждым царствованием все более удаляясь вследствие произведенного последним ре-от истинного пути, подготавливая свою полигиозного раскола, на ложную дорогу, с гибелью.

XL

Слабость и нечестие Ровоама и Авии, царей иудейских, и благочестивое царствование Асы и Иосафата

После неудавшейся попытки силой подчинить себе отложившиеся колена, Ровоам стал заботиться об укреплении за собой оставшегося ему владения. Он укрепил несколько городов и

между ними Вифлеем, Фекою и Хеврон, превратив их в сильные крепости и снабдив оружием и провиантом. Когда определились границы Иудейского царства, то оно обняло собой не только владения двух главных колен Иудина и Вениаминова, но и прежние земли колена Данова, переселившегося на север, и земли колена Симеонова, настолько ослабевшего политически, что оно как бы перестало даже считаться самостоятельным коленом. Кроме того, под властью Ровоама оставались еще покоренные раньше земли Эдома и Аммона, продолжавшие платить дань, установленную Давидом. В нравственном отношении царство Иудейское было усилено еще тем, что в него переселилось все колено Левино – все священники и левиты, выселившиеся из царства Израильского вследствие введения там идолопоклоннического культа золотых тельцов. Вследствие всего этого первые годы царствования Ровоама отличались значительным для тогдашнего политического состояния страны благоденствием. К несчастью, Ровоам наследовал от своего отца его худшие качества и содержал многочисленный гарем – из 18 жен и 60 наложниц, давших ему двадцать восемь сыновей и шестьдесят дочерей. С этим неразлучны были обычные соперничества и интриги, тем более, что Ровоам показывал явное свое предпочтение своей любимой жене Маахе, дочери (или, вернее, внучке) Авессаломовой, за сыном которой Авией упрочил наследство престола и заранее сделал его «главою и князем над братьями его». Чтобы ослабить их соперничество, он благоразумно «разослал всех своих сыновей по всем землям Иуды и Вениамина, во все укрепленные города, и дал им содержание большое, и прислал много жен».

Но при временном благоденствии ускорилось лишь забвение недавних грозных испытаний, и Ровоам, а вместе с ним и весь народ иудейский «оставили закон Господень» и «делали неугодное пред очами Господа». «И устроили они у себя высоты, и статуи, и капища на всяком высоком холме, и под всяким тенистым деревом. И блудники были также в этой земле и делали все мерзости тех народов, которых Господь прогнал от лица сынов Израилевых». Такое религиозно-нравственное падение требовало наказания и оно явилось в лице египетского фараона Сусакима.

Сусаким, или Шешонк I, был родоначальником новой XXII династии фараонов, сменившей прежнюю династию, в родстве с которой находился Соломон. Эта перемена династии совершилась еще при жизни Соломона, и новый фараон тогда же обнаружил враждебность по отношению к дому Соломонову тем, что дал у себя приют Аде ру, князю эдомскому, и Иеровоаму. Теперь, воспользовавшись ослаблением политического могущества этого дома, он в пятом году царствования Ровоама предпринял поход против Иерусалима. Быстро взял он несколько укрепленных городов иудейских и подступил к самому Иерусалиму. При виде страшной опасности царь и народ смирились и возопили о помощи к Богу, который и спас их от плена. Сусаким, однако же, ограбил храм и царский дворец, захватив с собой все их сокровища и вместе знаменитые золотые щиты, сделанные Соломоном, так что Ровоам принужден был заменить их медными, чтобы сохранить некоторую пышность при обычных торжественных выходах царя. Царство Иудейское на время сделалось данником Сусакима, чтобы неверный народ опытом познал, «каково служить Богу и служить царствам земным».

Поход Сусакима вновь приводит библейскую историю в соприкосновение с египетской, и библейское сказание о нем вполне подтверждается свидетельствами египетских памятников. На стенах знаменитого египетского храма Карнакского (в Фивах) изображено все это событие, и среди пленных, захваченных фараоном, ясно видны пленники с иудейскими чертами в физиономии и одежде, и в присоединенном к этим изображениям списке покоренных народов и царств значится и имя «Иуда Мелхи», т. е. царство Иудейское.

Этот тяжкий урок, по-видимому, не прошел даром для царя и народа иудейского. «В Иудее было нечто доброе», но в общем Ровоам «делал зло, потому что не расположил сердца своего к тому, чтобы взыскать Господа». Он царствовал семнадцать лет, умер пятидесяти восьми лет от роду и был погребен в городе Давидовом. Его царствование описано было в записях пророка Самея и Адды-прозорливца – в книге царских родословий.

Ровоаму наследовал сын его *Авия* на восемнадцатом году царствования Иеровоама. Он попытался еще раз силой возвратить себе отпавшие колена, и в начатой войне ему удалось поразить Иеровоама и отнять несколько городов, в числе которых был и Вефиль. Победа эта была результатом сильного религиозного одушевления как самого царя, который укорял израильтян за введенное у них идолопоклонство, так и вообще иудеев, «которые уповали на Господа, Бога отцов своих». Но сам Авия не удержался на высоте этого доброго начала и скоро последовал дурному примеру своих предшественников: завел большой гарем из четырнадцати жен, от которых у него родилось 22 сына и 16 дочерей, и вообще начал «ходить во всех грехах отца своего, которые тот делал прежде него», вследствие чего и царствование его было непродолжительным. Он царствовал около трех лет и погребен был в городе Давидовом, передав царство своему сыну *Асе*.

Аса, третий царь иудейский, взшел на престол на двадцатом году царствования Иеровоама и царствовал в Иерусалиме сорок один год. Воспитавшись среди испытаний прежних царствований, он воцарился с добрым намерением следовать во всем примеру великого своего прапрадеда Давида и с сердечной преданностью истинной религии приступил к очищению своего царства от накопившегося в нем религиозно-нравственного зла. «Он изгнал блудников из земли, и отверг всех идолов, которых сделали отцы его. И даже мать свою Ану лишил звания царицы за то, что она сделала истукан Ас тарты», который он изрубил и сжег у потока Кедронского, как некогда Моисей поступил с золотым тельцом. Впрочем, и он не довел своего преобразования до конца, так что не уничтожил всех «высот» с их идолопоклонническими принадлежностями, предоставляя совершение этого дела своим преемникам. Но вообще Аса показал столько благочестивой ревности, что его царствование на время опять сосредоточило на себе благословение Божие и отличалось полным благоденствием. Победа отца его над Иеровоамом обеспечила ему десятилетний мир, и он воспользовался им для того, чтобы поддержать выгодную торговлю с Аравией, Востоком и богатыми серебром странами Западной Европы, что дало ему возможность вновь скопить значительные сокровища как в храме, так и во дворце. Вместе с тем он вновь укрепил важнейшие города.

Благоустроив внутренние дела государства, он собрал сильное войско в 580 000 человек с целью низвергнуть данническое иго египтян. Узнав об этом, египетский фараон Зарай Эфиоплянин выступил против него с огромным «войском в тысячу тысяч и тремястами колесниц» и дошел до Мареши (близ позднейшего Елевферополя), в югозападной части колена Иудина. Здесь встретил его Аса и, сильный упованием на Бога, помощь которого он призвал в пламенной молитве перед битвой, разбил его наголову, захватив громадную добычу. При победоносном возвращении его в Иерусалим его встретил пророк Азария, который своей боговдохновенной речью о благодеяниях Господа в случае упования на Него и о страшном гневе Его при отпадении от Него возбудил в царе и народе новый порыв ревности и истинной религии. «Мерзости языческие» были удалены из всех иудейских городов, и царь обновил осквернявшийся вероятно идолослужением «жертвенник Господень, который пред притвором Господним».

Вместе с тем, в третий месяц четырнадцатого года своего царствования Аса созвал в Иерусалиме великое народное собрание, на котором участвовали не только жители его царства, но и народ из остальных колен, и на нем был заключен торжественный завет, «чтобы взыскать Господа, Бога отцов своих, от всего сердца своего и от всей души своей», причем за идолопоклонство назначена была смертная казнь.

Это стечение в Иерусалим истинных поклонников Иеговы из всех колен, естественно, увеличивало нравственную силу царства Иудейского, но, вместе с тем, оно пробудило с новой силой подозрительность царей израильских, вследствие чего Вааса возобновил войну против Иудейского царства и укрепил пограничную Раму, чтобы преградить своим подданным доступ в пределы Асы. К несчастью, на этот раз Аса поколебался в своем уповании на Бога и не только призвал к себе в союзники Венадада, царя сирийского, но и купил его союз дорогой ценой

сокровищ храма Господня и своего дворца. Хотя, благодаря этому союзу, нашествие Ваасы было с успехом отражено, но сам Аса должен был выслушать строгий укор за свой грех от пророка Анании, который смело укорил его за измену заключенному им завету, за то, что «он понадеялся на царя сирийского и не уповал на Господа», чем преградил себе возможность покорения самого царства Сирийского.

Но раз свернув с правого пути, человек легко переходит от одного греха к другому. Аса не только не раскаялся в своем грехе, но «разгневался на прозорливца и заключил его в темницу, так как за этот укор был в раздражении на него». Вместе с тем он начал притеснять и некоторых других лиц из народа в то время. В этом уклонении от долга справедливости его постигла на тридцать девятом году царствования тяжкая болезнь ног, которая, развиваясь постепенно, «поднялась до верхних частей тела, но он и в болезни своей взыскал не Господа, а врачей».

На сорок первом году своего царствования он умер и с царской торжественностью погребен был в городе Давидовом, в заранее приготовленной им себе гробнице. Несмотря на прегрешения последних лет своего царствования, он оставил по себе добрую память в народе, который и выразил ему свое почтение сожжением в честь его праха великого множества благовоний и умощением его дорогими искусственными мастями. Благословение Божие на нем сказалось в самой продолжительности его царствования, во время которого он был современником восьми быстро сменявшихся нечестивых царей царства Израильского.

Преемником его был сын его *Иосафат*, который вступил на престол тридцати пяти лет от роду и царствовал двадцать пять лет. Вместе с престолом он наследовал от отца своего лучшие начала первой половины его царствования и обладал всеми качествами, которые делали его подобным Давиду, бывшему для него высшим образом. При нем царство Иудейское достигло высокой степени процветания и могущества. Он начал свое царствование укреплением важнейших городов царства, в которых разместил охранные войска. Обеспечив себя от внешнего нападения, он приступил к внутреннему благоустройству и, сам «поступая по заповедям Божиим», энергично принялся за искоренение идолопоклонства в народе, отменял «высоты» и истреблял «дубравы», посвященные идолам. Не довольствуясь этим, он в третий год своего царствования принял более действенные меры к поднятию религиозно-нравственной жизни народа и послал некоторых своих приближенных князей, чтобы они вместе с левитами и священниками учили народ Закону Божию по всем городам Иудеи. Наградой ему за такие благочестивые дела было необычайное благоденствие. Он находился в мире со всеми окружавшими его народами. Филистимляне платили ему дань серебром, аравитяне пригоняли множество всякого скота, и могущество его поддерживалось сильным войском под начальством храбрых полководцев.

Такое состояние Иудейского царства, естественно, было опасным для царства Израильского, хотя в то же время оно было слишком могущественно, чтобы можно было начинать против него новую войну. Так как в то же время на границе царства Израильского быстро развивалось и крепло опасное для него царство Сирийское, то царь израильский Ахав счел за лучшее войти в тесный союз с Иосафатом. Последний принял это предложение и таким образом вступил в союз и даже породнился с нечестивейшим царем царства Израильского, навлекая тем самым целый ряд бедствий на свое собственное царство.

ХЦІ

Цари израильские Ахав и Охозия. Полное водворение при них идолопоклонства в царстве Израильском. Пророк Илия. Вредные последствия союза Иосафата с царями израильскими

В то время как в царстве Иудейском после нечестия первых царей начались усилия к восстановлению истинной религии и закона Моисеева в народе и достигли довольно благоприятных результатов, в царстве Израильском с каждым царствованием усиливалось

нечестие и идолопоклонство. Но высшей своей степени это зло достигло при восьмом царе израильском *Ахаве*, который наследовал отцу своему Амврию на тридцать восьмом году царствования Асы, и царствовал двадцать два года. Уже отец его приобрел худую славу, но Ахав превзошел и его и оставил по себе в истории самую печальную память. От природы он наделен был задатками добра, и они выражались в нем в любви к искусствам и способности воспринимать добрые советы. К несчастью, он имел слабую волю и всецело подчинился своей властолюбивой и высокомерной жене Иезавели, с именем которой связывается даже еще более худая слава, чем с его собственным. Она была дочерью сидонского царя Ефваала, бывшего жреца, который достиг престола через убийство своего брата. Дочь его вполне унаследовала от него его худшие качества – деспотическое высокомерие, отчаянную настойчивость, кровожадную жестокость и, более всего, фанатическую преданность постыдному и возмутительному идолопоклонству Астарте, жрецом которой некогда был ее отец. Неудивительно, что, сделавшись царицей израильского народа, она стала презирать религию Иеговы и решила водворить в израильском народе свое нечестивое идолопоклонство. Ахав вполне подпал под ее влияние и по ее настоянию построил в Самарии храм и жертвенник Ваалу, а вместе с ним устроил особую дубраву для гнусных оргий в честь Астарты. Затем приняты были меры к полному искоренению религии Иеговы и водворению финикийского культа. Учреждена была особая школа жрецов или пророков нового культа, и о численности их можно судить по тому, что при дворе Иезавели состояло 450 пророков вааловых и 400 дубравных, и все они питались от стола Иезавели. Все истинные пророки по ее повелению были избиты, кроме ста человек, которые спаслись бегством и укрылись в пещере, где их тайно питал хлебом и водой благочестивый Авдий, начальник дворца Ахавова. Наступил самый мрачный период в истории израильского народа. Истинная религия гибла в нем, а вместе с ней рушились и все великие для него обетования. Тогда стало необходимым особое орудие Промысла Божия для поддержания гибнущего корабля веры. И оно явилось в лице пророков, самоотверженность которых в деле охранения истинной веры возрастала по мере увеличения нечестия и идолопоклонства. Так как идолопоклонническое нечестие достигло своей высшей степени при Ахаве, то в царствование его явился и величайший пророк ветхозаветной церкви, грозный мститель за попрание завета, *Илия*, прообраз того великого проповедника покаяния, который был предтечей Христа. И он не был лишь проповедником слова. Нечестие при нем представляло собой высшую земную силу в лице царя и проявлялось в осязательных делах гнусной порочности и неправды; поэтому и пророк Илия явился представителем силы Божией, которую он ставил в противовес силе зла, и отсюда целый ряд великих чудес, которые должны были служить новой, более осязательной, чем словесная проповедь, формой назидания и обличения огрубевшей совести нечестивого царя с его заблудшим народом.

Св. пророк Илия является в истории с поражающей внезапностью, как молниеносная стрела, мгновенно озарившая полуночное небо. О его месторождении существуют только неясные догадки. Судя по его названию «фесвитянин», можно думать, что родом он был из Фисвы, городка в северной части Палестины, откуда он, однако же, переселился за Иордан, где и жил в пустынях Галаада, со всей простотой и суровостью образа жизни пустытника. Оттуда он и явился внезапно на блестящих улицах Самарии. Необычайный вид этого чужестранца – босого, с длинными волосами на голове, в грубом плаще из верблюжьего волоса, с кожаным поясом на чреслах и посохом в руках – сразу должен был произвести немалое движение в преступной столице преступного царя; но пророк прямо направился ко дворцу и там перед лицом самого Ахав в кратких словах произнес страшный приговор Божий: «Жив Господь Бог Израилев», – сказал Илия, тем самым обличая гнусное нечестие и неразумие идолопоклонства, – «в сии годы не будет ни росы, ни дождя; разве только по моему слову». Произнеся этот приговор, Илия удалился, избегая мщения нечестивой царственной четы. На время он укрылся у потока Хорафа, впадавшего в реку Иордан, где «вороны приносили ему хлеб и мясо» каждое утро и вечер. Но вот поток высох, потому что приговор Божий вступил в свою силу, и Илия должен был удалиться в Сарепту, город во владениях царя сидонского. Там он нашел приют у одной бедной вдовы, гостеприимство которой награждено было чудесным восполнением ее скудного

запаса муки и масла и восстановлением к жизни ее сына, который был так сильно болен, «что не оставалось в нем дыхания». А засуха все еще продолжалась. Плодородные равнины колена Ефремова превратились в знойную, бесплодную пустыню, и в Самарии настал голод. Ахав со своим царедворцем Авдием отправился обзирать страну, чтобы убедиться в размерах постигшего бедствия. Он отправил гонцов во все концы царства и в соседние страны в поисках за Илией, но его нигде не находили.

Тогда пророк явился сам и, прежде всего, Авдию, повелевая ему известить царя о его явлении. Но лишь только трепещущий Авдий донес об этом Ахаву, как перед ним лично явился и сам Илия. «Ты ли это, смущающий Израиля?» – гневно спросил царь пророка. «Не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего, – отвечал Илия, – тем, что вы презрели повеления Господни и идете в след ваалам». Чтобы доказать истину религии Иеговы и ложность Ваала, Илия предложил сделать всенародный опыт через жертвоприношение, с условием, какой Бог скорее услышит молитву и низведет небесный огонь для сожжения жертвы. Ахав принял предложение и созвал жрецов Ваала в числе 450 человек. Опыт должен был происходить на горе Кармил, с величавой вершины которой с одной стороны открывается вид на безбрежное море, а с другой – на богатейшие равнины Земли обетованной. Собралось множество народа, и Илия одиноко стоял против сотен жрецов и тысяч идолопоклонников. Жрецы Ваала устроили жертвенник и положили на него тельца.

Когда их бог Ваал (бог солнца) начал подниматься с восточного небосклона, они приветствовали его появление дикими плясками, с причитанием и воплями: «Ваале, услышь нас!» Но не было ни голоса, ни ответа. «В полдень Илия стал смеяться над ними и говорил: “Кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался или занят чем-либо, или в дороге, а может быть и спит, так он проснется”». Жрецы еще более забесновались, крича до неистовства и нанося себе удары ножами и копьями, так что истекали кровью. «Но не было ни голоса, ни ответа, ни слуха». Дневное светило, которое безумно боготворилось ими, скатилось с небосклона и скрылось в волнах Средиземного моря. Тогда очередь была за пророком Бога живого. Подозвав к себе народ, Илия воздвиг жертвенник из двенадцати камней, по числу колен Израилевых, окопал его рвом, который наполнил водой, и, положив жертву, произнес пламенную молитву к Богу, прося Его показать идолопоклонникам, что Он есть единый истинный Бог, Бог отцов заблудшего народа. Тогда внезапно сверкнул огонь и истребил не только жертву, но и воду во рве. «Увидев это, весь народ пал на лице свое и сказал: “Господь есть Бог! Господь есть Бог!”» По отношению к идолослужителям приведено было в исполнение постановление Моисеева закона: все жрецы были схвачены и избиты на берегах потока Киссона. Бедствие тотчас же прекратилось. На западе с моря поднялось облачко, как предвестник дождя, и вся страна ожила от обильной влаги. Ахав с радостью поскакал в свою летнюю резиденцию Изреель, и торжествующий Илия, «опоясав чресла свои, бежал пред Ахавом до самого Изрееля», на расстоянии двадцати восьми верст. Но оттуда он должен был скоро удалиться: Ахав признал силу Бога Израилева, но все происшедшее только еще более распалило злобную ярость Иезавели. Она решила скорее умереть, чем оставить Илию без отмщения за избиение ее жрецов и пророков. Безумствуя от злобы, она послала передать Илию грозную весть: «Если ты Илия, то я Иезавель; пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если я завтра к этому времени не сделаю с твоей душой того, что сделано с душой каждого из них», т. е. ее жрецов. Но пророк Илия, как ветер пустыни, явился и исчез. Сначала он отправился в Вирсавию, где ослабевшая было в нем бодрость была поддержана явлением ангела, принесшего ему пищу для подкрепления, а затем он удалился в Синайскую пустыню «к горе Божией Хориву», той священной горе, где Моисей впервые получил свое призвание и в соседстве с которой дано было законодательство. Там он вновь ободрился, как бы восприняв в себя дух самого великого законодателя Моисея, с которым он, как два величайших представителя ветхозаветной церкви, явился впоследствии на Фаворе перед лицом божественного Начальника Нового Завета. Там же он, подобно Моисею, сподобился видения Бога, Который явился ему не в грозных знамениях бури, огня и землетрясения, как он мог

ожидать, а в «веянии тихого ветра», как в знамении благодати, незримо и тихо снисходящей на душу человеческую. Ободрив великого пророка заявлением, что среди израильтян было еще «семь тысяч мужей, колена которых не преклонялись пред Ваалом и уста которых не лобызали его», Господь повелел ему возвратиться своей дорогой и в Дамаске помазать Азаила царем над Сирией, Ииуя царем над Израилем и Елисея пророком вместо себя. Все эти трое помазанников его должны были выступить на истребление идолопоклонников Ваала. Обстоятельства позволили Илие исполнить только последнее из этих поручений, именно, помазание Елисея, которому он предоставил исполнить остальные.

Илия воскрешает сына вдовы

Елисей, сын Сафатов, был родом из АвелМехолы, в долине реки Иордана, близ соединения ее с равниной Ездрилонской. Он был зажиточный земледелец и имел двенадцать пар волов. Илия нашел его на поле, когда он пахал при двенадцатой паре волов. Проходя мимо него, Илия набросил на него свою «милоть» – в знак пророческого призвания, и Елисей тотчас же оставил полевые работы, простился с родителями и, принеся в жертву ту самую пару волов, на которых пахал, последовал за Илией «и стал служить ему».

Между тем Ахав, долго не встречая грозного пророка, наверно подумал, что окончательно освободился от него, и воспользовался этим временем для совершения весьма гнусного преступления. Хотя обыкновенной столицей его была Самария, но он любил жить также в веселом городе Изрееле, отличавшемся очаровательными красотами окружающей природы. При расширении и украшении своего дворца там, ему захотелось овладеть великолепным виноградником, принадлежавшим одному жителю Изрееля Навуфею. Он предложил Навуфею поменяться виноградниками или продать его; но Навуфей, как истинный израильтянин, ни за что не хотел расстаться со своим наследственным имением, с которым связана была память о всем роде его отцов. Тогда капризный и своенравный, но слабохарактерный деспот от досады и злобы слег в постель и перестал есть. Из этого затруднения вывела его на все готовая Иезавель. Узнав, в чем дело, она сказала ему: «Что за царство было бы в Израиле, если бы ты так поступал?» Встань, ешь хлеб и будь спокоен: я доставлю тебе виноградник Навуфея изреельянина». И она выполнила свое обещание. Написав от имени Ахава тайные письма старейшинам и судьям города, она приказала им во что бы то ни стало обвинить несчастного Навуфея в богохульстве и измене. Судьи с гнусной готовностью исполнили преступный приказ. Против Навуфея выставлены были ложные свидетели, на основании показаний которых, будто он «хулил Бога и царя», он был осужден и побит камнями, а виноградник его отдан во владение царя. Но преступное дело Иезавели возмутило даже черствую совесть Ахава. Когда царица явилась к нему с ликующим известием, чтобы он взял даром тот виноградник, которого Навуфей не хотел отдать ему и за серебро, то Ахав, узнав о гнусном убийстве честного израильтянина, «разодрал одежды свои, надел на себя вретище», и только когда уже подавил в себе голос совести, «встал, чтобы пойти в виноградник Навуфея и взять его во владение». Но там, на пороге в виноградник его встретил грозный Илия с приведшими его в трепет словами: «Ты убил, и еще вступаешь в наследство?» – так говорит Господь, – на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь». Озадаченный и пораженный появлением этого грозного мстителя за правду на самом месте кровавого злодейства, Ахав нашелся только сказать: «Нашел ты меня, враг мой?» – «Нашел, – отвечал пророк, – ибо ты предался тому, чтобы делать неугодное пред очами Господа и раздражать Его», и затем изрек страшный приговор над всем домом Ахава, который должен погибнуть, а нечестивую Иезавель съедят псы за стенами Изрееля. Тогда еще раз проснулась совесть в Ахаве. Выслушав этот приговор, «он умилился пред Господом, ходил и плакал, разодрал одежды свои, и возложил на тело свое вретище, и постился, и спал на вретище, и ходил печально». Вследствие такого смирения приговор был смягчен: он должен был пасть не на него лично, а на дом его, так что царство перейдет от него к его наследнику-сыну.

В последние годы своего царствования Ахав был занят, главным образом, двумя большими войнами с Сирией. Важные победы его в первой из этих войн были как бы знаком принятия его покаяния в деле убийства Навуфея. Против него выступил сирийский царь Венадад II с тридцатью двумя союзными князьями и осадил Самарю, требуя от Ахава вассального подчинения ему. Но когда высокомерный Венадад потребовал от него выдачи жены и детей, то Ахав ответил ему отказом, употребляя пословицу: «Пусть не хвалится подпоясывающийся, как распоясывающийся». Один пророк обещал ему победу, и действительно, когда Венадад, приказавший громить Самарю, беззаботно пировал с своими князьями-союзниками и напился допьяна, Ахав сделал удачную вылазку, разбил неприятеля и обратил его в беспорядочное бегство с пьяным царем во главе. Через год, однако же, война возобновилась, так как Венадад приписал свое поражение тому, что Бог израильский есть Бог гор, а не долин, и потому, если он потерпел поражение в гористой местности, то, наверно, одержит победу в долинах, куда он и направил свое войско. Но в долинах Венадад потерпел еще большее поражение. В битве около города Афека он потерял 100 000 пехоты. Остальные хотели укрыться за укрепленными стенами этого города, но обвалившейся стеной его задавило их еще 27 000 человек. Для Венадада остался один исход – сдаться на милость Ахава, что он и сделал с своими военачальниками. Ахав принял смирившегося царя с почетом, пощадил ему жизнь под условием возвращения всех отвоеванных им городов и предоставления царю израильскому

права иметь особый квартал в городе Дамаске для пребывания израильтян. Это необычайное содружество с врагом обетованной земли, которого он должен бы подвергнуть примерному наказанию для устрашения и других врагов ее, вызвало негодование пророков, из которых один явился к Ахаву весь избитый и с пеплом на голове и наглядной притчей укорил царя за его неразумную мягкость. Ахав в неудовольствии возвратился в Самарию.

Мир с Сирией продолжался в течение трех лет; но Венадад, по-видимому, не возвратил отвоеванных городов, вследствие чего стала неизбежной новая война с ним. Ахав порешил силой отнять у сириян важный город Рамоф Галаадский, но для обеспечения успеха призвал на помощь своего союзника Иосафата, царя иудейского, который еще раньше этого «породнился» с ним и теперь приехал навестить его. Благочестивый Иосафат не решался предпринять такого опасного дела без испрошения воли Божией через пророков. Ахав представил ему 400 пророков, которые в один голос предсказывали союзникам блестящую победу, а один из них, Седекия, даже сделал себе железные рога, чтобы наглядно показать, как Ахав «избодеет сириян до истребления их». Но устами всех этих пророков говорил «дух лживый». Один только честный Михей откровенно предсказал предстоявшее поражение и гибель, но за это правдивое предсказание рогатый Седекия ударил его по щеке, а Ахав велел посадить его в темницу с строгим приказом «кормить его скудно хлебом и скудно водою», пока царь не возвратится с похода в мире и с победным торжеством. Однако же слова Михея заставили Ахава принять некоторые предосторожности. Он снял с себя царское одеяние, чтобы не быть особенно заметным неприятелю, коварно предоставив одному Иосафату честь носить царские одежды во время сражения. Венадад приказал своей коннице направить всю свою силу против неприятельского царя, и сирийская конница с такой неотразимой силой ринулась на Иосафата, что он спасся только отчаянным криком: «Я не Ахав!» Между тем, несмотря на все предосторожности, Ахав был смертельно ранен стрелой из вражеского лука. Из пыла битвы он вывезен был на колеснице и умер. При его падении войско израильское дрогнуло и обратилось в бегство. Тело царя было привезено в Самарию и погребено там, а когда окровавленную колесницу мыли в пруду Самарийском, то кровь Ахава лизали псы, как и предсказал ему Илия.

Иосафат, между тем, невредимо возвратился в Иерусалим, раскаиваясь в своем неразумном союзе с нечестивым царем. Он смиренно выслушал укор от пророка Ииуя за этот союз и делами благочестия хотел загладить свой проступок. Но вредные последствия его не замедлили сказаться и после этого. Весть о поражении его разнеслась по всем окрестным народам, и этим несчастьем не преминули воспользоваться аммонитяне и моавитяне, которые решили отомстить израильтянам за свое прежнее подчинение им. Соединившись с другими соседними племенами, они составили сильный союз против царя иудейского и сделали нашествие на богатую садами местность около Енгеди, к западу от Мертвого моря. Благочестивый Иосафат прибег к высшей помощи: объявил пост по всей стране и с пламенной молитвой обратился к Богу. Молитва его была услышана. Между союзниками-неприятелями произошли раздоры, они напали друг на друга, а иудеи воспользовались богатой добычей в оставленном ими лагере.

Союз между двумя еврейскими царствами продолжался, однако же, и в течение короткого царствования сына и преемника Ахавова *Охозии*. Он во всем следовал своему отцу и своей матери, «делая неугодное пред очами Господа». Упав однажды с балкона своей горницы, он отправил в филистимский город Аккарон послов спросить у славившегося своими целебными силами бога Веелзевула, выздоровеет ли он от ушиба. Тогда опять явился Илия, который, встретив послов, сказал им: «Разве нет Бога в Израиле, что вы идете вопрошать Веелзевула, божество Аккаронское? За это так говорит Господь: с постели, на которую ты (Охозия) лег, не сойдешь с нее, но умрешь». Сказал и удалился. Устрашенные послы возвратились в столицу и донесли царю. Разъяренный царь приказал схватить Илию и привести к себе. Два отряда войск по пятьдесят человек подступали к нему на горе, но оба были уничтожены небесным огнем. Только на мольбу благочестивого сотника третьего отряда Илия согласился оставить свое неприступное убежище, явился к царю и бесстрашно повторил пред ним свое грозное предсказание. И вскоре Охозия умер, не оставив по себе прямого наследника, а на место его

воцарился брат его *Иорам*.

Вместе с тем окончилось и земное поприще великого пророка. Предчувствуя конец своей земной жизни, пророк Илия хотел закончить ее наедине с Богом, и с этой целью несколько раз пытался разлучиться с своим неразлучным спутником и служителем Елисеем. Но Елисей и сам сознавал, что с его великим учителем готовится произойти нечто необычайное, и не отлучался от него. Перейдя около Иерихона через Иордан, который от мановения мантии Илии расступился перед пророками, последний, наконец, открыл своему спутнику и ученику, что он «взят будет от него», и сказал ему: «Проси, что сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя». Елисей отвечал: «Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне». Елисей просил слишком много, но ему было дано просимое отчасти. Когда они шли далее, «вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой! колесница Израиля и конница его! – и не видел его более». В печали о разлуке со своим возлюбленным учителем он разорвал свою одежду и вместо нее поднял упавшую милоть Илии. Ею на обратном пути он разделил воды Иордана; встретившие его пророки признали в нем духовного преемника Илии и поклонились ему до земли. На пути в Вефиль его встретили насмешками дети из этого города, которые, очевидно, следуя примеру своих нечестивых родителей, издевались над пророком, крича ему: «Иди, плешивый, иди, плешивый!» За это, в наказание и предостережение нечестивым родителям, сорок два из этих детей были растерзаны вышедшими из соседнего леса медведицами, а Елисей отправился на гору Кармил, чтобы там, в этом любимом убежище его великого учителя, в уединенном общении с Богом укрепить свой пророческий дух. Затем, уже оттуда он направился в Самарию, где царствовал младший сын Ахава Иорам.

XLII

Преемники Ахава. Пророк Елисей. Неeman Сириянин. Гибель дома Ахавова

Иорам, десятый царь израильский, хотя и сын нечестивых Ахава и Иезавели, воспитался под влиянием последних испытаний своего отца, заставивших его не раз смиряться перед Богом, в знак чего, быть может, он дал и самое имя своему сыну Иорам, или полнее – *Иегорам*, что значит: «велик Иегова». Он вступил на престол в восемнадцатый год царствования Иосафата иудейского, с которым поддерживал полезный для него союз. Вероятно, под влиянием благочестивого Иосафата он уничтожил в своем царстве наиболее гнусные учреждения идолопоклонства, как например, сделанную его отцом статую Ваала, хотя, в общем, также «делал неугодное в очах Господа, держась грехов Иеровоама, сына Наватова». Ему на первых порах пришлось вести войну с моавитским царем Месой. Этот царь сильного и богатого народа, обладавшего многочисленными стадами всякого скота, был данником царей израильских и платил им дань «во сто тысяч овец и во сто тысяч неостриженных баранов». Заметив слабость Израильского царства, он отложился от него и прекратил уплату дани, вследствие чего сделалась необходимой война против него. Война эта, которую Иорам предпринял в союзе с Иосафатом и царем эдомским, окончилась в его пользу, и именно благодаря мудрому совету Елисея, который с этого времени выступает видным деятелем в царстве Израильском. Сделанные по его совету канавы ввели моавитян в гибельное для них заблуждение, вследствие чего они неожиданно были застигнуты и разбиты израильтянами. Спасаясь бегством, Меса с остатками своего войска заперся в неприступном по своему возвышенному положению городе Кир-Харешете. Но когда и там стрелки израильские с окружающих высот начали производить опустошение в городе и самый город стал терпеть крайнюю нужду в продовольствии, то Меса в отчаянии, с целью умиловить богов, хотел принести в жертву своего собственного наследникасына. Это произвело такое негодование в израильтянах, что они отступили от города и прекратили войну [\[10\]](#)**10**

Эта война с Месой, царем моавитским, получила особенный интерес вследствие того обстоятельства, что в недавнее время, именно в 1868 году, открыт каменный памятник с надписью на нем от имени этого самого Месы, царя моавитского. Надпись, в общем,

рассказывает об этом именно событии, и в ней Меса, между прочим, говорит: «Я воздвиг этот камень Хемошу (Хамосу) в Кире как камень спасения, ибо он избавил меня от всех грабителей и дал мне увидеть мое желание на всех моих врагах, на Амврие, царе израильском». Далее рассказывается, как и следующие цари израильские угнетали моавитян, но Хемош, их национальный бог, избавил их. В общем, надпись включает много черт, заставляющих предполагать, что в ней с моавитской точки зрения рассказывается, между прочим, то именно событие, о котором повествуется и в Библии (4 Цар. 3:4–27). Памятник из черного базальта имеет 3 фута и 10 дюймов высоты, 2 фута ширины и 14 BS дюймов толщины. На нем 44 строки, писанных финикийскими буквами. Он найден в развалинах древнего города Дивона, бывшей северной столицы Моава, к северу от реки Арнона. Таким образом, этот неожиданно сохранившийся памятник, воздвигнутый более 2500 лет тому назад, оказался поразительным свидетелем истинности библейского повествования.

[\[Заккрыть\]](#).

Между тем, по смерти Иосафата в царстве Иудейском воцарился его сын *Иорам*, так что в обоих еврейских царствах были соименные цари, которые продолжали поддерживать союз между собой. В лице этого царя с особенной силой сказались вредные последствия такого союза. Женившись на дочери Ахава и Иезавели Гофолии, он поддался влиянию своей кровожадной жены, при вступлении на престол избил всех своих братьев и своим неблагоразумием и гнусной жизнью навлек на свое царство целый ряд бедствий. Против него восстали эдомитяне, которые отняли главный торговый порт на Чермном море – Елаф; филистимляне и аравитяне сделали нашествие на его страну, напали даже на его дворец, захватили его жен и избили его сыновей. Сам он умер от безобразной и мучительной болезни – в таком презрении, что не удостоен был даже погребения в усыпальнице царей. Ему наследовал сын его *Охозия*, продолжавший дружбу с Иорамом израильским, история которого с этого времени тесно связывается с историей пророка Елисея, как достойного носителя великого духа своего учителя Илии.

Уже в войне с моавитянами Елисей оказал союзным царям незаменимую услугу, которая прославила его имя в обоих царствах. Но затем начинается целый ряд изумительных чудес, которые наполняют все царствование Иорама. Еще будучи в Иерихоне, он чудесно очистил злокачественную воду одного источника, причинявшего бесплодие; затем умножил масло в сосуде бедной вдовы, дав ей возможность уплатить долг покойного мужа, за который заимодавец угрожал взять ее двух сыновей в рабы к себе; в Сонаме избавил от неплодия одну богатую женщину, у которой он пользовался гостеприимством, и воскресил ее умершего сына; уничтожил губительные свойства ядовитых трав, случайно попавших в пищу пророческих учеников в Галгале; чудесно напичкал двенадцатью ячменными хлебами и несколькими зелеными колосьями сто человек и заставил всплыть на поверхность воды упавший в Иордан топор. Слава об этих чудесах разнеслась не только по всей Палестине, но и за пределы ее, и это послужило поводом к одному из самых замечательных событий в жизни Елисея.

Когда после разделения еврейского народа на два враждебных царства политическая сила его ослабела, то различные завоеванные единодержавными царями народы отложились от них и составили независимые государства. Одним из самых сильных было царство Сирийское, со своей столицей – древним Дамаском. Цари этого новообразовавшегося государства скоро сделались столь могущественными, что вступали в борьбу даже с грозными царями Ассирии, и, смотря по обстоятельствам, то дружили, то враждовали с соседними царствами Израильским и Иудейским, которые иногда призывали их на помощь в своих взаимных войнах. Эти постоянные сношения, естественно, сближали их между собой и в других отношениях – в торговом и даже религиозном, так что влияние израильских пророков чувствовалось и в Дамаске. И вот случилось, что главный военачальник сирийского царя Нееман, на военном гении которого держалась вся сила государства в те бурные времена, поражен был проказой,

страшной и отвратительной болезнью, повергшей в горе не только самого Неемана, но и царя – Венадада. Болезнь считалась неизлечимой, и злополучному полководцу оставалось в горе и отчаянии сложить свои славные доспехи. В это время среди рабынь, прислуживавших жене Неемана, была одна израильская девочка, захваченная сирийцами в плен при одном из тех неожиданных набегов, которые были обычным явлением при враждебных отношениях соседних государств. Пораженная бедствием своего великого господина, она с детской сообразительностью вспомнила о пророке Елисее, слава о чудесах которого гремела по всему царству Израильскому, и сказала своей госпоже, что этот пророк, несомненно, исцелит Неемана, стоит только обратиться к нему. Так как народная молва об израильском пророке, несомненно, доносилась и до Дамаска, то убитая горем жена Неемана с проблеснувшим лучом надежды в душе доложила об этом своему мужу, а через него и самому царю. Обрадовавшись случаю хоть чем-нибудь утешить своего знаменитого полководца, Венадад написал официальное письмо Иораму, с которым он в это время находился в мирных отношениях, и просил его оказать зависящее от него содействие в предприятии, причем приложил большие дары в десять талантов серебра и 6000 сиклей золота, кроме десяти перемен одежд. С этим письмом Нееман в сопровождении блестящей свиты и вооруженного конвоя отправился в Самарию. Венадад, как язычник, написал письмо в чисто языческом духе, не упомянув даже о пророке, а прямо выразив желание, чтобы сам царь израильский позаботился об этом. Но Иорам, пораженный столь странной просьбой, увидел в этом лишь повод со стороны Венадада начать против него военные действия, и от раздражения и страха даже разодрал на себе одежды. Тогда сам пророк Елисей выручил его из этого затруднения и послал царю сказать, чтобы он к нему направил знатного иноземца, и последний узнает, «что есть пророк в Израиле». Нееман действительно направился в дом пророка, но незнанием обрядовых законов иудейской религии едва не испортил всего дела. Елисей, как строгий иудей, не мог приблизиться к прокаженному, и поэтому выслал к Нееману лишь своего слугу с наставлениями. Привыкший к восточному низкопоклонству Нееман не мог понять и стерпеть такого пренебрежительного отношения к своей высокосоциальной личности. Притом и самое средство, предлагавшееся пророком, казалось ему почти насмешкой. Пророк через своего слугу велел ему пойти к реке Иордан и выкупаться в ней семь раз. Озадаченный таким, на его взгляд странным предложением, высокомерный Нееман открыто выразил свое негодование и сказал своим приближенным: «Вот я думал, что он выйдет, станет и призовет имя Господа, Бога своего, и возложит руку свою на то место, и снимет проказу». А он выслал лишь какого-то слугу и велит просто выкупаться в этом мутном Иордане! Разве Авана и Фарфар, реки Дамасские (с своими прозрачными водами), не лучше всех вод израильских?»

Разгневанный всем этим, Нееман повернулся от дома пророка и поехал в обратный путь. Но, к счастью, в числе его свиты нашлись люди, которые умели утишить гнев своего господина. Они сказали ему, что ведь пророк требует лишь весьма немногого и что если он, наверно, сделал бы гораздо больше для своего исцеления, то отчего же ему не исполнить этого простого предложения пророка, которое кажется оскорбительным лишь вследствие своей необычайной простоты. Убежденный этими доводами, Нееман согласился и направился к Иордану, который находился верстах в сорока от Самарии. И вот, когда он действительно семь раз выкупался в священной реке израильского народа, «обновилось тело его как тело малого ребенка, и очистился». Обрадованный таким чудесным исцелением, Нееман тотчас же направился опять в Самарию, к дому пророка, чтобы выразить ему свою живейшую признательность и предложить богатые дары. Теперь и пророк лично вышел к нему навстречу, хотя честь Иеговы и запрещала ему принять подарки, чтобы Нееману не показалось, будто исцеление произведено продажным волшебством языческих жрецов, как это бывало в Дамаске. Это бескорыстие еще больше поразило Неемана, и в душе его совершился полный религиозный переворот. «Вот я узнал, что на всей земле нет Бога, как только у Израиля. Не будет впредь раб твой, – воскликнул Нееман, – приносить всесожжения и жертвы другим богам, кроме Господа». Чтобы достойно поклоняться истинному Богу, Нееман даже просил позволения у Елисея взять с собой священной израильской земли, на которой бы и можно было ему в своем Дамаске совершать

всесожжения Иегове. При этом, однако же, Нееман попросил снисхождения к себе как лицу официальному, так как ему по обязанности своего положения придется присутствовать при идолопоклонстве своего царя и наружно также преклоняться перед сирийским идолом Риммоном. «Да простит Господь раба твоего в случае сем!» – говорил он пророку. Сердце его предано Господу, но обстоятельства требовали от него хоть внешнего, формального идолопоклонства. Елисей видел искренность его сердца и ответил только ему: «Иди с миром». И Нееман действительно отправился обратно в свою страну с миром и искрой истинной веры в своей доброй, возрожденной душе, а проказа его перешла на корыстолюбивого слугу пророка, Гиезия, захотевшего обманом воспользоваться хоть частью тех богатых даров, от которых отказался сам пророк.

При обычной враждебности древних государств даже чудесного исцеления Неемана недостаточно было для того, чтобы упрочить мирные отношения между царями сирийским и израильским, и скоро между ними возгорелась война. В этой войне пророк Елисей опять оказал важные услуги Иораму, давая ему такие мудрые советы, что ими расстраивались все военные планы неприятеля. Раздраженный этим, Венадад сирийский послал отряд своего войска, чтобы окружить находившийся неподалеку от Самарии город Дофаин и схватить находившегося там Елисея. Но войско было поражено слепотой и заведено было в Самарию, хотя пророк не допустил до его истребления и велел царю отпустить воинов с угощением. Тем не менее, Самария была крепко обложена неприятелем со всех сторон. Жизненные припасы необычайно вздорожали, так что «ослиная голова продавалась по 80 сиклей серебра, а четвертая часть каба голубинового помета – по пяти сиклей серебра». Две женщины в отчаянных муках голода согласились по очереди заколоть своих детей в пищу, и одна из них явилась с жалобой к царю, чтобы принудить свою товарку к исполнению страшного условия. Услышав об этом, царь в отчаянии разорвал на себе одежды и надел вретиче, в котором и ходил по стенам столицы. Иорам хотел уже отомстить это ужасное бедствие на Елисее, как пророк предсказал скорое избавление столицы от осады и неожиданное изобилие и дешевизну жизненных припасов. Предсказание вполне оправдалось. Четверо несчастных прокаженных, не вынося больше мук голода, с отчаяния решились идти в стан сирийцев, говоря: «Что нам сидеть здесь, ожидая смерти? Пойдем лучше в стан сирийский. Если оставят нас в живых, будем жить, а если умертвят, умрем». Но с приближением к вражьему стану они, к своему необычному изумлению, нашли его оставленным, со всем богатым запасом жизненных припасов. В отдалении лишь слышались отзвуки беспорядочного бегства сирийцев, которые, как оказалось, услышав шум приближающегося войска и думая, что это грозная армия египетского царя, пришедшего на выручку Самарии, были поражены внезапной паникой и бросились в бегство. Богатая добыча вознаградила жителей Самарии за вынесенные ими страдания. Один сановник, не поверивший предсказанию пророка, видел исполнение этого предсказания, но сам не воспользовался добычей, как и предсказал ему пророк, потому что был задавлен в городских воротах народом, бросившимся за собиранием добычи. После этого события пророческая слава Елисея распространилась далеко за пределы царства Израильского, так что сам Венадад сирийский во время своей болезни послал к нему военачальника Азаила спросить об исходе этой болезни. Пророк, открыв Азаилу близкую смерть царя, в то же время с слезами предсказал ему, что к несчастью израильтян он будет царем Сирии. И действительно, на другой день Азаил задушил Венадада намоченным одеялом и провозгласил себя царем Сирии.

Этим переворотом хотели воспользоваться цари израильский и иудейский для того, чтобы возвратить себе Рамоф Галаадский, остававшийся все еще под властью сириян. Иудейский царь Охозия до того подчинился влиянию своей нечестивой матери Гофолии (дочери Ахава и Иезавели) и дяди своего Иорама израильского, что идолослужение Ваалу и Астарте водворилось и в царстве Иудейском. Но восседание внука Ахавова на престоле Давидовом переполнило меру долготерпения Божия, и потому это военное предприятие еврейских царей должно было послужить поводом к наказанию их обоих, как представителей дома Ахавова. Иорам был ранен при самом начале войны и возвратился в Изреель, куда отправился и Охозия

– навестить больного. Елисей, между тем, во исполнение воли Божией, послал одного из учеников пророческих помазать на царство Ииуя, военачальника царя израильского. Узнав об этом, войско также провозгласило его царем. Не медля больше, Ииуй, отличавшийся изумительным наездничеством и неукротимостью духа, лихо помчался в Изреель, чтобы упрочить за собой царство. Обоих царей он встретил в винограднике Навуфея, этом ужасном доказательстве гнусной кровожадности дома Ахавова. Во время грозного предсказания Илии Ахаву Ииуй был с ним в этом самом винограднике и теперь поспешил исполнить это предсказание. Натянув лук, он прострелил Иорама, сидевшего в колеснице, и велел выбросить его тело на участке Навуфея на съедение собакам. Охозия бросился было в бегство, чтобы спастись в Самарии, но был настигнут и также убит. Престарелая Иезавель, услышав о смятении, хотела отвратить от себя бедствие чарами своей поблекшей, нарумяненной красоты, но Ииуй велел евнухам выбросить ее в окно из ее высокого терема. «И они выбросили ее. И брызнула кровь ее на стену и на коней, и растоптали ее». Ииуй, впрочем, велел «похоронить ее проклятую, так как царская дочь она», но от нее уже не нашли ничего, кроме черепа, ног и кистей рук. Тело ее было съедено собаками, как предсказано было Илией. Не зная меры в своей ревности, Ииуй потребовал от старейшин Самарии голов 70 сыновей Ахава. По пути в Самарию, встретив сорок двух человек, родственников Охозии, которые, не зная ничего о случившемся, шли посетить сыновей Ахава, умертвил также и всех их, оправдывая свою кровожадную лютость определением Божиим.

В Иудее владычество дома Ахавова было продолжено еще на шесть лет захватом престола со стороны Гофолии; но она ускорила свою гибель поголовным истреблением царского рода, от которого спасся лишь один новорожденный сын Охозии Иоас, скрытый от неистовства своей нечестивой бабки своей теткой Иосавефой. Муж ее, первосвященник Иодай, тайно воспитал его при храме и на седьмом году провозгласил его царем. Узнав об этом, Гофолия завопила: «Заговор, заговор!» но тотчас же была убита. С ее смертью погибла последняя отрасль дома Ахавова, «и веселился весь народ земли, и город успокоился». Первосвященник Иодай воспользовался этим для пробуждения религиозно-нравственной совести народа, торжественно «заключил завет между Господом и царем и народом», и обрадованный народ «пошел в дом Ваала, и разрушил жертвенники его, и изображения его совершенно разбили, и Матфана, жреца Ваалова, убили пред жертвенниками», после чего восстановлен был порядок истинного богослужения в храме.

Так с уничтожением нечестивого дома Ахавова были истреблены отчасти и нечестивые дела его.

XLIII

Царь израильский Ииуй и его преемники. Пророк Иона. Падение царства Израильского и рассеяние десяти колен. Праведный Товит

С истреблением дома Ахавова в обоих царствах явилась надежда на восстановление в них истинной религии, ревность к которой на первых порах показана была правителями обоих царств. Но надежде этой не суждено было вполне осуществиться. Ииуй израильский был слишком кровожаден для этого святого дела, а Иоас иудейский еще был малолетен. Правда, Ииуй показал себя ревностным исполнителем воли Божией при вступлении на престол, и с своей обычной лютостью, собрав пророков Ваала под видом торжественного богослужения, умертвил их при самой жертве, идола разбил и капище его осквернил и разрушил; но сам он, все-таки, не мог вполне освободиться от нечестивой политики Иеровоама и потому не хотел вполне оставить идолослужения. Поэтому хотя за выказанную им ревность основанной им династии обещана была устойчивость до четвертого рода (династия его царствовала 111 лет), но в его именно царствование началось и общее падение царства Израильского, которое, как не оправдавшее высших намерений Божиих, с этого времени «Господь начал урезывать по частям», предоставляя их иноплеменникам, и особенно Азаилу сирийскому, который при Ииуе завладел всей заиорданской страной.

Гибель Иезавели

После двадцати восьмилетнего царствования Ииуя ему наследовал сын его *Иоахаз*, который за свою преданность идолопоклонству также подвергался нападениям сириян и избавился от них только своей пламенной молитвой. Милость Божия, однако же, не исцелила всех язв его совести и государства, и он передал престол не более благочестивому своему преемнику – сыну *Иоасу*. При этом царе скончался пророк Елисей. Когда он приближался к смерти и лежал на одре болезни, его посетил царь Иоас и, вполне оценивая значение великого пророка в государстве, плакал над его постелью, приговаривая те самые слова, которыми сам Елисей прощался с возносившимся на небо Илией: «Отец мой, отец мой, колесница Израилева и кони его!» В утешение царю Елисей велел ему стрелять из лука в землю в знак того, что он победил сириян. Иоас выпустил только три стрелы и остановился, не веря в возможность одержать над сириянами более трех побед. «Если бы он имел больше веры и упования на всемогущество Божие, то совершенно бы низложил их», – заметил ему умирающий пророк. Но и тремя одержанными победами над Венададом, сыном Азаила, Иоас возвратил отнятые у отца его владения и смирил надменность иудейского царя Амасии. В его царствование совершилось последнее чудо Елисея. Через год после смерти пророка моавитяне сделали набег на землю

Израильскую. В это самое время несли погребать покойника. Устрашенные набегом, носильщики бросили тело в первую попавшуюся гробницу, которая оказалась гробницей Елисея, и от соприкосновения с костями чудотворца мертвец ожил и встал.

Преемником Иоаса был сын его Иеровоам II, один из замечательнейших царей царства Израильского. Он царствовал сорок один год и за этот продолжительный период сумел на время восстановить могущество и блеск своего государства. Это был царь воинственный, и прежде всего он направил свое оружие против хищных врагов своего царства моавитян и аммонитян, которые, пользуясь безурядицами царства Израильского, стали опять расхищать его. Для наказания их полки израильские переправились за Иордан, взяли Равву, столицу аммонскую, сожгли ее и захватили в плен самого царя с его главнейшими сановниками. Подобная же участь постигла и моавитян. После отступления израильтян от Кир-Харешета, столицы моавской, Меса конечно опять продолжал отказывать в дани израильтянам, а затем стал делать даже хищнические набеги на израильскую землю. Теперь моавитяне должны были понести должное наказание. Иеровоам II в союзе с эдомитянами сделал грозное нашествие на них. Города их подверглись истреблению, и вопль населения пронесся по всей пустыне. Счастлив был тот, кто хоть нагим бежал в пустыню и спасся от гибели. Все, кто успели, бежали в горы, но множество было убито или продано в рабство. Самые виноградники, нивы и пастбища были выжжены и истреблены. Смирив эти мелкие хищные народы, Иеровоам II выступил и против более могущественных врагов своего царства, именно сирийян, и достиг в этом отношении блестящих успехов. Перед его могуществом склонился даже самый Дамаск, столица Сирии, которую он принудил к сдаче. В этом отношении неожиданную помощь оказал ему Салманассар II Ассирийский, который стеснил сирийского царя с востока, взяв с него огромную контрибуцию, подорвавшую силы государства. После этих побед у Иеровоама II не было сильных соперников на Востоке. Оставалась только Финикия на северо-западе; но и эта страна истощалась от внутренних раздоров. Междоусобные войны, заставившие, наконец, бежать знаменитую царевну Элису, которая под именем Дидоны прославилась как основательница знаменитой финикийской колонии в Северной Африке, именно Карфагена, подорвали могущество Тира, который также подпал под власть Салманассара II. Что касается царства Иудейского, то царь его Охозия поддерживал с Иеровоамом II мир, вследствие чего между обоими царствами установились дружественные отношения, и Иерусалим и Самария соперничали лишь на поприще мирной промышленности и торговли. Материальное благосостояние государства вследствие этого достигло высокой степени. Самария разбогатела от военных добыч и торговли. Повсюду возвышались великолепные дома, внутренние стены которых, в подражание дворцу Ахава, обшивались плитками слоновой кости, привозившейся из Африки финикийцами. Комнаты наполнялись роскошной мебелью, отделанной тем же дорогим материалом. Были особые прохладные дома для жаркого времени года, и теплые дома для зимы. Превосходными виноградниками покрывались прилегавшие к ним склоны гор. Все богатые равнины к востоку и западу от Иордана засевались разнородными хлебами и повсюду видны были сеятели и жнецы – каждые в свое время. Богатые люди обоого пола блистали изысканной роскошью; но вместе с тем, большинство населения находилось в нужде и бедности. В то время как богатство немногих все возрастало, масса населения все более беднела. Огромное большинство населения уже не имело собственной земли, которая, вследствие всеобщего попрания законов Моисеевых, переходила в руки богатых, и народ принужден был жить лишь наемной платой за обработку чужой земли, что низводило его на степень рабов.

Уже из последнего обстоятельства видно, что все внешние успехи Иеровоама II не имели для себя прочного обеспечения в религиозно-нравственном отношении, так как в общем он держался того же направления, которое намечено было первым царем израильского народа, Иеровоамом I. Государственной религией по-прежнему оставалось поклонение Иегове, но под языческим символом в виде священного тельца. В Вефиле, религиозной столице государства, был особенный храм со множеством священников и пышной обрядностью. Сделанная попытка

очистить религию от наиболее грубых наростов язычества не имела успеха, и идолопоклонство вторгалось со всех сторон. Даже идолослужение Ваалу, столь ревностно искорененное Ииуем, опять водворилось в различных городах страны. В самой Самарии было несколько капищ. Вновь открыто было в столице и капище Ашере. Женщины по примеру идолопоклоннических народов приносили курения перед постыдными символами богини и совершали разгульные празднества. Изображения Ваала, сделанные из золота и серебра, воздвигались даже частными лицами. Дым идольских жертв курился на горных высотах, и идолослужение совершалось в священных дубравах. Бесстыдством языческого культа вновь осквернялась Земля обетованная. Девы и женщины забывали женскую честь и делались блудницами при капищах. Все это показывало, что сила зла окончательно водворилась в царстве Израильском, и блестящее царствование Иеровоама II было лишь последним и, притом, призрачным расцветом перед полным увяданием. Так именно и оказалось по смерти этого царя.

После его сравнительно благоустроенного царствования царство Израильское вновь поверглось в страшную неурядицу, во время которой престол сменялся рядом цареубийц-узурпаторов, в свою очередь делавшихся жертвой следующих узурпаторов. Могущество государства через это быстро падало, и оно само собой стремилось к разрушению, а между тем на востоке, за великой рекой Евфратом быстро росла и развивалась великая Ассирийская монархия, скапливавшая силы для завоевания мира.

Ассирийская монархия после временного ослабления, благодаря которому Давид мог распространить владычество израильтян до самой реки Евфрат, опять начала быстро развивать свое политическое могущество. На ассирийском престоле в столице монархии – Ниневии появляется ряд знаменитых царей-завоевателей, которые начали предпринимать далекие походы. Первый удар они нанесли Сирийскому царству, которое и должно было положить оружие перед грозными завоевателями. Та же участь затем ожидала и царство Израильское. Но Бог хотел еще продлить свое долготерпение по отношению к нему, а так как у народа израильского уже не было достаточных военных сил для противодействия завоевателям, то спасение его оставалось только еще в силе нравственной, и вот представителем этой именно силы явился пророк *Иона*, который послан был проповедовать ниневитянам смирение и покаяние. Влияние пророков израильского народа и раньше простиралось за пределы его владений и признавалось даже во враждебной Сирии, но теперь силу боговдохновенного слова посланников Иеговы должны были признать и жители далекой, гордой столицы могущественной Ассирии. Посланничества этого устрасился даже сам пророк и хотел тайно бежать в Фарсис, далекую финикийскую колонию в Испании; но во время бури, избалованный мореходами в своем грехе и выброшенный по жребию в море, он был пожран большой морской рыбой, и только уже выброшенный ею на берег отправился к месту своего назначения. Ниневия в это время находилась на вершине своего могущества и богатства. Это был один из величайших городов древности. Стены его грозно возвышались почти на пятнадцать сажен и были настолько широки, что по ним могли рядом скакать три колесницы, и они защищались 1555 башнями, каждая до тридцати сажен высотой. Занимаемое ею пространство было не менее ста верст в окружности. Что касается населения, то о нем можно судить по тому, что в нем числилось 120 000 таких младенцев, которые не умели еще различать правой руки от левой. Как город языческий, Ниневия отличалась чрезмерной гордостью и нечестием, и вот израильский пророк и должен был преподать ей урок смирения и благочестия. И проповедь его имела полный успех. Ниневитяне смирились и покалялись, признавая в Ионе вестника какого-нибудь «неведомого Бога», которого, однако же, чтили язычники. Подробности этого знаменитого путешествия пророка Ионы описаны в его «Книге пророка Ионы».

Таким образом на время была отвращена от царства Израильского опасность чужеземного завоевания и предоставлена возможность для покаяния и исправления. Но зло в нем восторжествовало окончательно. После Иеровоама II идет ряд царей (Захария, Селлум, Менаим, Факия, Факей), которые быстро сменяются один за другим на престоле в Самарии, ознаменовывая свое кратковременное правление нечестием и кровожадностью, все более

ослабляя свое царство и подготавливая ему неминуемую гибель. Но Господь и тогда все еще не оставлял Своего народа без нравственного ободрения и посылал пророков, которые своей проповедью напоминали о попранном законе и своими пророчествами предостерегали о наступающем гнев Божием. Таковы были относящиеся к этому времени пророки *Амос* (пастух фекойский) и *Осия*. Они уже ясно предсказывали о предстоящем пленении, и хотя смягчали это страшное предсказание пророчеством об избавлении, но в пророчествах их слышался неутешный плач о предстоящей участи. Обращаясь к народу израильскому, пророк *Осия* так говорил от лица Бога: «Народ Мой закоснел в отпадении от Меня, и хотя призывают его к горнему, он не возвышается единомышленно. Как поступлю с тобою, Ефрем? Как предам тебя, Израиль? поступлю ли с тобою, как с Адмою, сделаю ли тебе, что Севоиму[11]11 Ада и Севоим – города, погибшие вместе с Содомом и Гоморрой.

[Закрыть]. Повернулось во Мне сердце Мое; возгорелась вся жалость Моя». Грозными предостережениями народу служили и страшные естественные бедствия, как например, землетрясение, о котором предсказывал пророк *Амос*. Но все было напрасно. Нечестие и неправда переполнили чашу долготерпения Божия, и тогда Господь попустил грозному завоевателю положить конец царству Израильскому.

При Менаиме, семнадцатом царе израильском, совершилось первое нашествие ассирийцев, которые обложили израильтян тяжелой данью; при Факее, девятнадцатом царе, ассирийский царь Феглаф-Фелассар, покорив царство Сирийское, вместе с тем завоевал и всю восточную сторону Иордана и увел в плен жителей заиорданских колен. Но затем, через несколько лет, подобная же участь постигла и все остальные колена царства Израильского. Это было при *Осии*, последнем, двадцатом царе израильском, который, подобно своим предшественникам, достиг престола через цареубийство. Когда он отказался платить ассириянам дань, то этим вызвал нашествие Салманассара, который порешил наказать его за восстание. Тогда в отчаянии *Осия*, вопреки прямому запрещению закона Моисеева, прибег к помощи Египта. В это время с особенной силой обнаружилось соперничество между этими великими восточными монархиями, и при дворе в Самарии была партия, которая видела единственное спасение от ассирийцев в союзе с Египтом. Но этот союз лишь еще более раздражил Салманассара и даже испугал самого *Осию*, который, чтобы умиловить грозного завоевателя, выехал ему навстречу и тем ускорил участь своего царства. Салманассар «взял царя под стражу и заключил его в дом темничный», а затем осадил и Самарию. Под стенами этого города последовала отчаянная борьба, какой отличается вообще борьба погибающих народов. Крепкое положение давало возможность Самарии держаться против неприятеля в течение трех лет, так что сам Салманассар скончался, не дождавшись сдачи упорной столицы, и осаду закончил, как показывают ассирийские памятники, сын его Саргон. Он взял Самарию в девятый год царствования несчастного *Осии* и на памятниках ассирийских высокомерно говорит об этом: «Взглянул я на Самарию, и взял ее». Чтобы совершенно обессилить страну и лишить ее возможности восстания, Саргон значительную часть израильтян увел в плен и поселил в пределах Ассирийской монархии, где они и рассеялись среди различных племен этой громадной монархии, а на место их в Палестину он переселил язычников, из смеси с которыми образовалась смешанная народность, получившая впоследствии название самарян.

Так покончило свое существование царство Израильское. Оно просуществовало 257 лет и имело 20 царей, но ни один из них не был достойным своего высокого призвания в качестве представителя избранного народа: все были идолопоклонниками и нечестивыми изменниками религии Иеговы. «И прогневался Господь сильно на Израильтян, и отверг их от лица Своего. Не осталось никого, кроме колена Иудина».

Но несмотря на всеобщее распространение нечестия, среди израильского народа находились отдельные праведники, которые продолжали строго соблюдать законы Моисея и содержать истинную религию. Таков был праведный *Товит* из колена Неффалимова, который не только

отличался праведностью и благочестием в своей родной стране, но не оставил своего благочестивого образа жизни и в плену, в Ниневии. За свои благодеяния бедствующим единоплеменникам он подвергся преследованию от ассирийского правительства и затем пережил целый ряд испытаний, которые закончились для него и его потомства полным благословением Божиим. Поучительная история жизни этого праведника подробно изложена в «Книге Товита», которая принадлежит к числу неканонических книг Ветхого Завета.

XLIV

Цари иудейские Иоас, Ахаз, Езекия и Манассия. Пророк Исаия. Преобразовательная деятельность царя Иосии

В то время как царство Израильское, окончательно отвергнувшее Закон Божий, неудержимо стремилось к неизбежной гибели, ускорявшейся возрастающим нечестием и идолопоклонством быстро сменявшихся в нем царей, в царстве Иудейском еще временами просвечивала надежда на лучшее будущее. Там с возведением на престол малолетнего *Иоаса*, единственного оставшегося в живых потомка рода Давидова, под благотворным влиянием первосвященника Иодая началось религиозно-нравственное возрождение народа. Молодой царь вполне следовал мудрым советам первосвященника, восстановил храм в его прежнем благолепии и для упорядочения его доходов сделал денежный ящик у ворот храма для приношений. Богослужение правильно совершалось в нем до самой смерти первосвященника Иодая, последовавшей в двадцать третий год царствования Иоаса. Но со смертью первосвященника рушились и все добрые начинания. Владетельные князья иудейские, которые, видимо, с недовольством сносили влияние первосвященника на царя, теперь постарались уничтожить это благотворное влияние и открыто стали подавать народу пример пренебрежения к храму Иеговы и идолопоклонства, к чему склонили и самого царя. Против такого нечестия мужественно восстал пророк Захария, сын Иодая; но голос его был заглушен страшным преступлением, убийством, которое по приказанию царя совершено было над ним на самом дворе храма, между жертвенником и храмом (2 Пар 24:21; Мф 23:35), на том самом месте, где некогда отец пророка помазал на царство забывшегося теперь Иоаса. Умирая под градом камней, пророк вопил: «Да видит Господь и да взыщет!» И Господь скоро взыскал за праведную кровь. Царство было наказано нашествием сирия, которые, истребив множество народа и князей иудейских, принудили выдать себе сокровища храма, а Иоас, пораженный болезнью, убит был в постели своими приближенными и не удостоен даже погребения в общей царской усыпальнице, где вместо него погребен был первосвященник Иодай.

Следующие иудейские цари *Амасия*, *Озия* и *Иоафам* представляют странную раздвоенность в своем характере. Стараясь быть благочестивыми, они в то же время проявляют крайнее своеволие и непочтение к святыне, так что Озия дерзнул даже присвоить себе священническое право каждения перед жертвенником фимиама, за что и был поражен проказой. Тем не менее, они сумели возвести государство на довольно высокую степень политического могущества и привели в данничество себе многие соседние филистимские города и аммонитян. Но это могущество быстро разрушено было опять с восшествием на престол двенадцатого царя иудейского – *Ахаза*, сына благочестивого Иоафама. Он не только не последовал примеру своего благочестивого отца, который боролся против возрастающего в народе нечестия и идолопоклонства, но сам всецело отдался господствовавшему злу: воздвигал идолов Ваалу и приносил в жертву Молоху своих собственных детей в долине Еммоновой, «подражая мерзостям народов, которых изгнал Господь пред лицом сынов Израилевых». Наказанием для него было опустошительное нашествие соединенных сил царя сирийского и израильского (Факея), которые, нанеся страшное поражение войску иудейскому, потерявшему 120 000 человек, вместе с богатой добычей захватили в плен 200 000 жен, сыновей и дочерей, хотя, по увещанию пророка Одеда, пленные и отпущены были на свободу. Кроме того, царство Иудейское подверглось также нападению идумеян и филистимлян, которые, пользуясь несчастным положением царства, мстили ему за свое прежнее унижение от него и захватили

несколько укрепленных городов. Но и этот тяжкий урок не образумил Ахаза. Видя себя в безысходном положении, он не думал искать помощи единственного Помощника избранного народа, а решился опереться на могущественную Ассирию, сблизившись, таким образом, с монархией, которая пользовалась всяким случаем для завоевания и поглощения всех соседних и враждебных, и дружественных ей государств. Ахаз не отступил от этого безумного шага и тогда, когда выступивший в это время пророк *Исаия*, прозревая в будущее, предсказывал, каким бедствием этот союз угрожал народу иудейскому, и пламенно убеждал держаться единственного знамени спасения – веры в имеющего прийти Еммануила, что значит «с нами Бог». В это именно время Исаия изрек свое знаменитое пророчество: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил». Союз с ассириями содействовал ускорению падения царства Израильского, но не принес никакой пользы для Ахаза, хотя он униженно пресмыкался перед могущественным Феглаф-Фелассаром II и отдал ему все свои сокровища, ограбив даже храм иерусалимский, который он после этого запер и таким образом прекратил богослужение, водворяя вместо него идолопоклонство с омерзительными жертвенниками идолам по всем углам Иерусалима.

Но еще не совсем погас свет благочестия на престоле Давидовом, и он опять воспламенился в лице сына и преемника Ахазова – *Езекии*. Тяжкие испытания и бедствия предыдущего царствования, а также и проповедь великого пророка Исаии заставили Езекию вспомнить славный пример своего великого предка Давида, этого истинного «светильника Израилева». С восшествием на престол он порешил восстановить богослужение в храме и благочестие в народе. Открыв запустевший храм и восстановив в нем весь богослужебный порядок, Езекия для оживления религиозно-нравственного сознания в народе постановил торжественно отпраздновать Пасху, на которую пригласил не только своих подданных, но и жителей царства Израильского. Одушевленный религиозной ревностью, Езекия приступил к разрушению всех жертвенников и притонов идолопоклонства и разрушил даже медного змия, который в глазах невежественного народа стал служить предметом суеверного поклонения. Затем, сильный верой и упованием на Бога, он низверг ассирийское иго, принятое на себя его отцом Ахазом, изгнал из пределов своего царства хищных филистимлян и с мужеством и упованием встретил страшную весть о нашествии ассирийского царя *Сеннахирима*, который выступил с огромным войском, чтобы наказать его за непокорность. Чтобы избавить страну от опустошения, Езекия попытался отвлечь гнев Сеннахирима уплатой ему военной контрибуции в 30 талантов золота и 300 талантов серебра. Но это лишь на время удовлетворило разгневанного завоевателя, и он, услышав о сношениях Езекии с египетским фараоном Тиргаком, решил окончательно разгромить непокорного царя иудейского, тем более, что данный им пример непокорности нашел отголоски и в соседних странах, которые также отложились от Ассирии. И вот грозная армия Сеннахирима уже осадила Иерусалим. Но город Давидов со своими твердынями был неприступен. Тогда царь ассирийский приступил к правильной осаде его. Вокруг города были построены высокие башни, с которых стрелки могли причинять вред жителям. Для самого Сеннахирима был выстроен великолепный павильон, с которого гордый монарх, сидя на своем блистательном троне, лично наблюдал за осадой и ожидал окончательной победы. Положение Езекии становилось безвыходным и падение города неизбежным. В этой крайности он опять с пламенной мольбой обратился к Господу и утешен был уверением пророка, что молитва его услышана и государство его в безопасности. И действительно, в следующую же ночь между ассириями произошло какое-то таинственное поражение, постигшее не только всех храбрейших воинов, но и самого главнокомандующего. Сам гордый царь должен был поспешно снять осаду и отступить и со стыдом возвратился в свое государство.

На воздвигнутых им в Ниневии памятниках (ныне открытых и прочитанных) он подробно описывает этот свой поход, упоминает даже о взятой с Езекии контрибуции, но из понятной гордости совершенно умалчивает о своем позорном отступлении от стен Иерусалима. По возвращении в Ниневию он был убит своими собственными сыновьями. От чудесного поражения под стенами Иерусалима у ассириян пало 195000 человек, чем сильно ослаблено

было могущество царей Ассирии.

Благоволение Божие к Езекии было подтверждено еще одним чудесным знамением, когда во время его тяжелой болезни тень солнечных часов передвинулась назад на десять ступеней – в подтверждение предсказания Исаии, что он выздоровеет от своей болезни. Он действительно выздоровел и получил от Меродоха Баладана, независимого царя Вавилонского, поздравление через посредство пышного посольства, в числе которого, вероятно, находились и халдейские мудрецы, желавшие исследовать чудесное и загадочное для них явление передвижения тени. Посольство это вместе с тем, вероятно, имело в виду и политическую цель – войти с Езекией в соглашение для совместного низвержения ассирийского ига. Езекия принял посольство с необычайным радушием и открыл ему все свои сокровища, вероятно, увеличенные вследствие оставленной бежавшим Сеннахиримом богатой добычи. За это неосторожное тщеславие, которое могло возбудить алчность чужеземцев, царь получил от пророка Исаии укор, сопровождаемый предостережением о наказании. Внутренние смуты в Ассирии дали Езекии возможность спокойно провести остальные годы своего царствования. Казна его была богата, народ также благоденствовал. Царь укреплял города и снабдил Иерусалим новым водопроводом, и, наконец, после двадцати девятилетнего царствования «почил Езекия с отцами своими, и похоронили его под гробницами сыновей Давидовых, и почести ему воздали по смерти его все иудеи и жители Иерусалима». С его смертью кончилась и историческая слава и политическая независимость царства Иудейского. Ему наследовал *Манассия*, неверие и преступления которого навлекли на иудеев ожидавшие их странные бедствия.

В лице Манассии на престоле Давидовом воцарилось дикое нечестие и безверие. Вступив на престол двенадцатилетним мальчиком, он всецело подпал влиянию своих негодных приближенных, которые успели привить ему все свои худые качества. Придя в совершеннолетие, Манассия начал с ревностью восстанавливать идолопоклонство и сам первый показывал пример идолослужения и связанных с ним пороков и суеверий. «Подражая мерзостям» ханаанских народов, он «провел сына своего чрез огонь, и гадал, и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников; много сделал неугодного в очах Господа, чтобы прогневить Его». Нечестие свое он завершил тем, что истукан Астарты, богини распутства и всякой нечистоты, поставил в самом храме Бога Всевышнего! Всем этим царь развратил свой народ до того, «что они поступали хуже всех народов, которых истребил Господь от лица сынов Израилевых». Вместе с нечестием Манассия отличался кровожадной жестокостью, и когда пророки стали обличать его, он пролил «весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края». Среди других пророков от его кровожадной руки погиб мученической смертью и маститый пророк *Исаия*, который, по преданию, был распилен пополам, запечатлев таким образом своей кровью истину своего пророчества, не умолкавшего в течение царствования пяти царей иудейских (на протяжении по меньшей мере шестидесяти лет). С ним смолкло слово пророков, и остались только «немые псы», как язвительно называл Исаия мнимых пророков, потворствовавших порокам нечестивого царя. Но долготерпение Божие истощилось. Для наказания царственного нечестивца явился Есаргаддон, объединивший под своей властью Ассирию и Вавилонию. На двадцать втором году царствования Манассии он осадил Иерусалим, взял Манассию в плен и в оковах увел его в Вавилон. Суровость постигшего его тюремного заключения пробудила в нем покаяние; по восстановлении на престоле он старался хоть отчасти загладить свое прежнее нечестие и восстановил богослужение в храме. Его прежние дела, однако же, лишили его чести погребения в царской усыпальнице, и имя его сделалось ненавистным в потомстве. Мрачное время царствования Манассии ознаменовалось одним доблестным делом, которое показало, что еще не совсем погасла вера в промысл Божий в израильском народе и что среди него еще были люди, сильные верой и как ее плодом – геройской самоотверженностью в защиту народа. Это именно знаменитый подвиг Иудифи, рассказываемый в книге ее имени.

По этому рассказу, в восемнадцатый год царствования Навуходоносора, царствовавшего над ассирийцами в великом городе Ниневии, на Палестину сделал нашествие ассирийский

полководец Олоферн и, подозревая остатки израильтян в измене, начал истреблять все огнем и мечем. Такая же участь угрожала и городу Ветилуе, запиравшему путь из равнины Ездрилонской в Иудею. Стесненные крепкой осадой, жители намеревались уже сдаться; но вот явилась Иудифь, которая, устыдившись за малодушие своих сограждан, порешила показать им пример древней доблести. Безоружная она отправилась в лагерь неприятелей и, упоив вином Олоферна, увлекшегося ее красотой, собственноручно отсекла ему голову, которую и принесла в виде трофея своим согражданам; неприятели между тем, пораженные неожиданной смертью своего полководца, пришли в ужас и в беспорядке бежали из Палестины. Это событие, по всей вероятности, относится ко времени пребывания Манассии в плену вавилонском, когда Иудея и примкнувшие к ней остатки израильского народа находились под управлением первосвященника Иоакима. Если так, то под именем Навуходоносора разумеется Ассурбанипал, который, будучи в это время властелином Вавилона, мог носить в качестве титула и имя Навуходоносора, в честь вавилонского бога Набу.

Наследовавший Манассии сын его *Амон*, во всем подражавший примеру своего нечестивого отца, царствовал только два года и пал жертвой заговора своих приближенных, очистив место для своего малолетнего, но достойного сына *Иосии*.

Иосия взшел на престол в восьмилетнем возрасте и царствовал тридцать один год. С его именем связана одна из самых славных страниц в библейской истории. В его лице как бы вспыхнул последний отблеск угасавшего «светильника Израилева». Время его малолетства ознаменовалось самым мрачным господством развращения и безбожия; но уже в восьмой год своего царствования, в шестнадцатилетнем возрасте, Иосия «начал прибегать к Богу Давида, отца своего», а в двенадцатый год своего царствования прямо приступил к истреблению идолопоклонства, и не только в пределах своего царства, но и других колен. По его повелению и в его личном присутствии повсюду были разрушены «жертвенники Ваалов и статуи, возвышавшиеся над ними; и посвященные деревья он срубил; и резные и литые кумиры изломал, и разбил в прах, и рассыпал на гробах тех, которые приносили им жертвы. И кости жрецов сжег на жертвенниках их, и очистил» не только Иудею и Иерусалим, но и землю Израильскую. Затем, по возвращении в Иерусалим, он приступил к восстановлению и очищению храма. Это благочестивое дело увенчалось необычайно важным событием. Первосвященник Хелкия, под руководством которого производилось восстановление и очищение храма, нашел там «книгу закона Господня, данную рукою Моисея». Когда благочестивый царь приступил к чтению этого давно забытого закона, он ужаснулся при виде того, как далеко жизнь избранного народа уклонилась от заповедей Божиих и какой страшный гнев Божий ожидает за это. В отчаянии он разодрал одежды свои и обратился к пророчице Олдане (второй пророчице после Деворы) с просьбой изъяснить ему смысл многих непонятных, но поразивших его мест закона. Уверившись из ее объяснения в неизбежности праведного гнева Божия за нечестие и милости к себе за благочестивую ревность, Иосия созвал всенародное собрание и велел священникам читать ему открытую книгу закона, и затем, торжественно возобновив завет народа с Богом, он еще с большей ревностью принялся за искоренение остатков идолопоклонства.

Он сам отправился в Вефиль, где впервые Иеровоам ввел идолослужение, заразившее потом всю обетованную землю, и истреблением там не только всех принадлежностей языческого культа, но и самих жрецов, в точности исполнил сделанное о нем некогда предсказание Иеровоаму. По возвращении в Иерусалим Иосия совершил Пасху, согласно постановлению новооткрытого закона, и с такой торжественностью, с какой она уже не совершалась до самого падения царства. Ввиду всего этого царство Иудейское как бы вновь возрождалось к жизни и славе, тем более, что этому временно благоприятствовали и внешние политические обстоятельства. Ассирийская монархия окончательно падала, и на место ее выступала и усиливалась монархия Вавилонская. Последний ассирийский царь Сарданапал, осажденный в своей столице Ниневии (около 625 г. до Р. Х.) соединенными силами Мидии, Вавилонии и Египта, не видя другого исхода, сжег себя во дворце со всеми своими женами и сокровищами.

С Египтом все еще поддерживалась заведенная прежними царями дружба, и Иосия мог замышлять о восстановлении царства Давида и Соломона. Но час падения царства Иудейского уже пробил, и все начинания Иосии окончились его несчастной смертью во время стычки при Меггидоне с войском египетского фараона Нехао, которому он вздумал воспрепятствовать на его пути к Евфрату. «И умер он, и похоронен в гробницах отцов своих. И вся Иудея и Иерусалим оплакали Иосию», который был почти последним и после Давида лучшим и благочестивейшим из иудейских царей. Плачевные песни, которыми сопровождалось погребение Иосии, сделались историческим достоянием народа и, собранные в особую книгу, долго употреблялись в народе.

«Оплакал Иосию и Иеремия (пророк) в песне плачевной». Время царствования благочестивого Иосии ознаменовалось возрождением пророчества, которое совсем смолкло при двух его нечестивых предшественниках. К этому времени относится деятельность пророков Наума, Софонии, Аввакума и величайшего из них – Иеремии. Пророческая деятельность его началась в тринадцатый год царствования Иосии. Хотя имя его только однажды упомянуто в истории царствования Иосии, но все содержание его пророческой книги доказывает, что он своей проповедью ободрял царя и народ в деле религиозно-нравственного преобразования. В своих пламенных пророчествах он ясно предсказывал приближающееся разрушение и грозно изобличал ту партию в Иерусалиме, которая при надвигающейся политической угрозе хотела искать спасения в противозаконном союзе с Египтом.

XLV

Падение царства Иудейского. Пророк Иеремия. Гибель Иерусалима. Пленение Вавилонское

По смерти Иосии царство Иудейское в действительности подпало под владычество Египта, фараон которого Нехао сумел настолько поднять могущество своего государства, что перед ним трепетали даже воители месопотамские. Он овладел всей северной Сирией, составлявшей провинцию Ассирии, и, чтобы удержать ее за собой, устроил военный стан на берегу Оронта, близ Имафа. Имея в виду главного противника – Ассирию-Вавилонию, фараон на время оставил царство Иудейское без всякого внимания. Иудеи воспользовались этим обстоятельством и, воображая себя еще самостоятельным государством, приступили к избранию нового царя, которым и избран был четвертый сын покойного Иосии – *Селлум*, предпочтенный другим, вероятно, потому, что он был от наиболее любимой жены покойного царя. Помазанный на царство Селлум, по обычаю, получил новое священное имя Иоахаз – «поддерживаемый Иеговой». Но его царствование продолжалось лишь до тех пор, пока от фараона Нехао не прибыли послы, возвестившие народу неблагоклонность фараона к этому произвольному выбору и напоминавшие ему о его вассальном положении по отношению к фараону. Противодействие могущественному воителю было бы бесполезно, и Иоахаз был уведен в плен – в военный стан фараона. Оттуда, по-видимому, он был отправлен в Египет, где и оставался в качестве пленника до самой смерти. Лучше бы умереть ему на поле битвы, подобно своему отцу. Это был юноша энергичный и многообещающий, «молодой лев, ставший ходить между львами и научившийся ловить добычу». Но иноземный властелин «посадил его в клетку на цепи и отвел его в крепость, чтобы не слышен уже был голос его на горах Израилевых» (Иер 19:6, 9). Говоря о его судьбе, пророк Иеремия восклицал: «Не плачьте об умершем и не жалеете о нем; но горько плачьте об отходящем в плен, ибо он уже не возвратится, и не увидит родной страны своей» (Иер 22:10).

На место низвергнутого царя фараон поставил Елиакима, второго сына Иосии, на тяжелых условиях – ежегодной уплаты огромной дани. Этот ставленник фараона (переименованный в *Иоакима*) обязался уплачивать своему властелину сто талантов серебра и один талант золота – сумму, которая была невыносима для маленького царства Иудейского, и тем более тяжелую, что она взималась с беспощадной строгостью. Но и этой данью не ограничивались тягости народа. Сам царь, стараясь жить с царской пышностью, делал и со своей стороны новые налоги на народ, которые взимал при помощи военной силы. Он построил себе новый дворец в

Иерусалиме и на построение употреблял даровой труд народа, вынуждавшегося к тому силой. Понятно, что такой царь мог только ускорить гибель своего государства. Все эти бедствия должны были действовать на народ вразумительно и обращать его взоры к единому истинному Царю Израиля; но увы – зло прежнего идолопоклонства уже настолько отравило совесть народа, что он в самых этих бедствиях стал видеть себе мщение со стороны отвергнутых при Иосии богов. Ему казалось, что он был счастливее, когда поклонялся Ваалам и Астартам. Нашлись люди, которые стали проповедовать восстановление язычества. «Будем, – говорили они, – кадить богине неба и возливать ей возлияния, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима; потому что, – прибавляли они, – тогда мы были сыты и счастливы, и беды не видели» (Иер 44:17). Иоаким, конечно, охотно присоединился к этому движению, и идолопоклонство вновь стало быстро водворяться в земле. Кроме ханаанских идолов введены были и идолы египетские. В самых подвалах храма Иерусалимского поставлены были священные животные, боги покровителя Иоакимова, фараона, и им возносились курения. У северных врат храма женщины вопили об исчезновении финикийского бога Адониса, чтобы при отыскании его предаваться самому бесстыдному распутству. Еще хуже того – во внутреннем дворе, между портиком и святилищем, собирались языческие жрецы, которые, обратившись лицами к востоку, боготворили восходящее солнце как своего бога Ваала. Боги в Иудее сделались столь же многочисленными, как и города.

Идолы из золота и серебра, дерева и камня боготворились и в частных домах. Высоты холмов курились от идолопоклоннических жертвоприношений. Рощи осквернялись позорными капищами Астарты. В долине Гинномовой, под самыми стенами Иерусалима, опять раздавалось дикое торжество безумцев, приносивших своих детей в жертву Молоху. Сообразно с таким религиозным состоянием было столь же ужасно и состояние нравственное. Страницы книг современных пророков поражают изображением бездны нравственного падения общества. Вокруг пророков Иеремии, Варуха и Аввакума еще группировался маленький кружок людей, преданных Иегове, но они бессильны были остановить все более распространявшийся поток зла. За свою верность религии они подверглись притеснениям и гонениям. Самая жизнь становилась для них бременем, и они хотели бы найти себе убежище даже где-нибудь в дебрях пустынь, чтобы только избавиться от зла. Но долг служения удерживал их на месте. Некоторые из пророков и их последователей должны были вынести тяжкие гонения и страдания. Иеремия заключен был в колоду и брошен в подземную водосточную яму, обращенную в тюрьму, и принужден был для спасения своей жизни бежать из Иудеи; пророк Урия за свое обличение царя и народа подвергся также преследованию от Иоакима, который хотел предать его смерти. Спасаясь от мщения царя, Урия бежал в Египет, но по просьбе Иоакима он выдан был египетским правительством и гнусно умерщвлен в Иерусалиме. Самая природа как бы возмущалась совершавшимся на земле беззакониям, и небо не давало дождя, так что страну постигла страшная засуха, которая, по объяснению пророков, была именно наказанием за беззакония. Суббота совершенно не соблюдалась, и этот священный день проводился на рынке, в торговле и разгуле. За все это, по предсказанию пророков, царство Иудейское должно было подвергнуться величайшим бедствиям от внешних завоевателей, и к этому именно приведет союз с Египтом. Но подобная проповедь делала только самих проповедников-пророков еще более ненавистными народу, который презирал их и гнал как нарушителей общественного порядка. Между тем, быстро надвигалась гроза. Ниневия уже пала, и все могущество Месопотамии сосредоточилось в Вавилоне. Навуходоносор, сын основателя Вавилонской монархии Набополассара, предводительствуя войсками отца, не только дал отпор египетскому фараону, который продолжал заявлять свои притязания на Месопотамию, но и нанес ему решительное поражение в битве при Каркемише на Евфрате. Тогда перед этим новым завоевателем открылся свободный путь к Средиземному морю, и он двинулся для подчинения себе всех народов и стран, которые, составляя некогда данников Ассирии, затем подпали под власть Египта и теперь, по наследству, должны были перейти во власть Вавилонии. На этом пути грозного завоевателя лежала и Палестина, которая неминуемо должна была сделаться его добычей. Эту опасность яснее всех предвидел пророк Иеремия, который и предсказал, что

Вавилон сокрушит царство Иудейское и народ будет отведен в плен, в котором и останется в течение семидесяти лет (Иер 25). Такое бедствие должно было служить сильным побуждением к религиозно-нравственному подъему, чтобы умиловать разгневанного Иегову; но жестоковыйный народ оставался в своем нечестии и беззаконии. Наконец, чтобы как-нибудь пробудить дремлющую совесть народа, пророк написал свои пророчества на особом свитке и велел громко читать их при входе в храм, где постоянно толпились богомольцы. И он достиг отчасти своей цели. Страшные пророчества заставили трепетать всех. Но только когда уже Навуходоносор приближался к Иерусалиму, все убедились в истинности пророчества Иеремии. Устрашенный народ огласил воздух молитвами и воплями. Тревога распространилась по всему городу. Варух, читавший пророческий свиток при входе в храм, потребован был во дворец, где его заставили прочитать пророчество перед самим царем, который в это зимнее время жил в теплых палатах своего великолепного дворца. Можно было надеяться, что царь, услышав грозные слова пророчества, преклонится перед велением Промысла и раскается. Но надежда не оправдалась. Услышав предсказание о гибели царства, царь в раздражении вырвал свиток из рук чтеца, сам изрезал его в куски и бросил в топившуюся печь, желая этим показать свое презрение к тому, что ему казалось пустыми бреднями полоумных людей. Сами пророки должны были бежать от царя, который грозил им примерным наказанием за нарушение спокойствия царя и города. Тогда изречено было ему новое пророчество Иеремией, который предсказал, что за такую самонадеянность и неверие царь не передаст лично престола Давидова своему сыну, что его тело будет выброшено непогребенным на улицах, и только после разложения будет погребено «ослиным погребением», и никто не произнесет о нем обычных причитаний: «Увы, государь!» – «Увы, его величие!»... Предсказание это скоро оправдалось во всей своей ужасной точности.

Навуходоносор убивает сыновей Седекии

Вторгшись в Палестину, Навуходоносор потребовал от Иоакима подчинения, и уstraшенный царь поспешил отказаться от египетского фараона и передаться Вавилону. Таким быстрым подчинением он на время отвратил гибель своего государства и, если бы оставался верным своему новому властелину, мог бы удержатъ за собой престол до конца жизни. Но он поддался внушениям египетской партии в Иерусалиме, и по ее совету через три года отложился от вавилонян и опять передался фараону Нехао. Лишь только донеслась об этом вестъ до Навуходоносора, как он быстро явился перед воротами Иерусалима, которые уstraшенный царь без сопротивления отворил перед грозным воителем, надеясь этим хоть отчасти смягчить гнев его. Но он все-таки должен был заплатить тяжелый штраф и с печалью видел, как вавилонский воитель захватил с собой все дорогие сосуды и отправил их в Вавилон. Вместе с тем завоеватель захватил в плен несколько тысяч народа и нескольких знатных юношей в качестве заложников, предполагая в то же время дать им халдейское образование и сделать из них впоследствии верных слуг престола. Между этими юношами был Даниил с его тремя товарищами – Ананией, Азарией и Мисаилом, последующая судьба которых сделала их знаменитыми в истории. Это было так называемое *первое пленение*, которое и считается

началом семидесятилетнего плена Вавилонского. Сам Иоаким через несколько лет погиб бесславной смертью. Своими новыми интригами в пользу фараона он опять вызвал гнев вавилонян, которые взяли Иерусалим, заковали в цепи непокорного царя для отправления его в Вавилон; но он скоро был убит в самом Иерусалиме, и тело его, по иудейскому преданию, было выброшено на улицу и только после уже предано «ослиному погребению».

Между тем, смерть Набуполассара заставила Навуходоносора поспешить с возвращением в Вавилон для обеспечения за собой престола, чем на время было отсрочено окончательное падение царства Иудейского. Изменнические сношения нового царя Иехонии с Египтом, однако же, снова вызвали нашествие Навуходоносора, который лично явился под стенами Иерусалима, и город спасен был от разрушения только сдачей царя со всеми его женами и приближенными. Все они вместе со множеством лучших воинов и ремесленников, в числе 10 000 человек, отведены были в Вавилон. Среди пленных были пророк *Иезекииль* и Семей, дед прославившегося впоследствии Мардохея. В Иудее осталось лишь бедное и низшее население. Это событие называется *великим пленом*. Но с ним еще не вполне закончилось существование царства Иудейского. Для управления жалкими останками его поставлен был Навуходоносором третий сын благочестивого Иосии Матфания, переименованный в *Седекию*. Во время своего одиннадцатилетнего царствования он злоупотреблял властью даже больше своих жалких предшественников. В девятый год царствования он, несмотря на мудрые предостережения пророка Иеремии, вздумал свергнуть вавилонское иго и опять завел сношения с Египтом. Навуходоносор в последний раз явился под стенами Иерусалима и начал его осаду. Иерусалим отчаянно защищался в течение полутора лет, и являлась даже надежда на избавление, особенно когда дошло известие, что на выручку его выступил египетский фараон. Но Навуходоносор быстрым движением настиг и разбил египтян и затем еще крепче обложил Иерусалим. В городе начался страшный голод. Не выдержали, наконец, и стены. В одном месте сделан был пролом, через который и вторглись вавилоняне. Седекия думал спастись бегством, но был схвачен и приведен к Навуходоносору.

Его дети были убиты перед его глазами, и сам он был ослеплен. Бездетный и слепой, последний царь иудейский был отведен в плен и заключен в тюрьму. Иерусалим затем подвергся беспощадному мщению победителя. Он вместе с храмом и дворцами разрушен был до основания, и все сокровища, не исключая знаменитых бронзовых колонн, достались в добычу неприятелю и увезены в Вавилон. Первосвященники были убиты, а большая часть остального населения уведена в плен. Это было в десятый день пятого месяца, в девятнадцатый год царствования Навуходоносора, и этот страшный день падения города Давидова доселе у иудеев воспоминается строгим постом.

Жалкие останки населения, оставленные Навуходоносором для обработки земли и виноградников под управлением Годолии, были потом, после произведенного ими возмущения и убийства правителя, уведены в Египет, и таким образом окончательно опустела земля Иудейская.

Все постигшие царство Иудейское бедствия были заранее предсказаны пророком Иеремией, и он был очевидцем страшного исполнения своего предсказания. Падение Иерусалима пророк оплакал в глубоко трогательных песнях, которые составляют книгу «Плач Иеремии». Сам пророк скончался в Египте, куда он насильственно уведен был вместе с остатками иудейского населения.

XLVI

Внутреннее состояние избранного народа в VII периоде. Состояние окружающих народов.

Летосчисление

Период разделения избранного народа на два враждебных царства повлек за собой не только ослабление политического могущества народа, но и падение его в религиозно-нравственном

отношении. Та склонность к нечестию и идолопоклонству, которая проявлялась в народе и во время монархии, не находила противовеса в благочестии царей, наблюдавших (в лучшие годы своего правления) за исполнением религиозно-нравственных законов Моисея, с разделением царства получила государственное одобрение и поощрялась всем направлением политики в царстве Израильском. Цари последнего, начиная с Иеровоама, выставили идолопоклонство как знамя своей политической независимости, и в видах упрочения своего престола всеми средствами отчуждали народ от храма иерусалимского. При таком направлении царство Израильское было навсегда потеряно для домостроительства Божия, и хотя Бог, по Своей великой милости, воздвигал в нем великих пророков, будивших своей проповедью и чудесами преступно-дремлющую совесть царей и народа, но их проповедь уже не могла отвратить этого царства от того пути религиозно-нравственного заблуждения, на который оно вступило и который неминуемо вел его к гибели. Все лучшие надежды сосредоточились тогда в царстве Иудейском, в столице его Иерусалиме, «который Бог избрал Себе для пребывания там имени Его». Но «и Иуда также не соблюдал заповедей Господа Бога своего, и поступал по обычаям израильтян, как поступали они» (4 Цар 17:19). Тогда стало очевидно, что и царство Иудейское не может быть верным носителем вверенного избранному народу обетования, и оно также должно было погибнуть, но не навсегда. В нем оставалось все-таки больше здоровых религиозно-нравственных задатков, и потому, хотя оно также, как и царство Израильское, подверглось разрушению, и народ был отведен в плен, но плен был для него лишь временным испытанием, и народ иудейский должен был опять возвратиться в свою землю, чтобы вновь засветился «светильник Давида, раба Божия», пока не придет исполнение времен.

Но чем немогшее становился избранный народ, тем все сильнее раздавался голос Божий, будивший преступно спящую совесть народа. По мере религиозно-нравственного падения народа все явственнее и громче повторялись ему обетования о Спасителе – единственном Избавителе, на которого должен был уповать народ в годы своих ужасных бедствий. В это именно время один за другим выступают величайшие пророки, которые вместе с другими (малыми) и словом, и делом предсказывают о приближающемся исполнении времен, и в этих пророчествах не только подробно указываются признаки пришествия Мессии, но и с изумительной точностью описывается вся Его земная жизнь от рождения от Девы (Ис 7:14) в Вифлееме (Мих 5:2) до дарования Нового Завета (Иер 31:31), страдания (Ис 53:5), воскресения (Ос 6:2) и излияния Духа Божия на всякую плоть (Иоил 2:28). Богослужение продолжало совершаться по установленному раньше порядку в храме иерусалимском, но благолепие его все более падало по мере падения самого царства. При благочестивых царях оно возвышалось, как например, при царях Иосафате, Езекии, Иосии, а при нечестивых самый храм подвергался осквернению и даже закрывался для богослужения, как это было особенно при Ахазе и Манассии. Богатства его постепенно расхищались как внешними завоевателями, так и самими царями иудейскими, которые за неимением других средств к уплате дани или контрибуции пользовались для этого сокровищами храма. Самый храм, по мере огрубения религиозно-нравственного чувства в народе, полагавшем благочестие в мертвой обрядности, терял свое высокое значение, и пророки открыто проповедовали преимущество внутреннего благочестия над внешним, превосходство дел милости и любви над обрядовыми делами жертвоприношений. С разрушением Иерусалима Навуходоносором погиб и храм, и самый ковчег завета исчез бесследно.

По мере того как избранный народ все более становился неспособным быть живым носителем и хранителем завета Божия и обетований о Спасителе, получала все большее в этом отношении значение письменность, которая достигла ко времени падения царств высокого развития. Главными представителями просвещения были пророки, которые по-прежнему составляли религиозные братства или пророческие школы, достигшие наиболее цветущего состояния при пророках Илие и Елисее. После этих двух величайших представителей *устного* пророчества начинается все более развиваться *писанное* пророчество, как дававшее более возможности для сохранения изрекаемых истин в наступившие смутные и тяжелые времена жизни народа. Так

составились относящиеся к этому времени одиннадцать книг пророков, написанных пророками Ионой, Осией, Амосом, Иоилем, Исаией, Михеем, Наумом, Аввакумом, Авдием, Софонией и Иеремией. Пророком Иеремией составлена еще особая книга под названием «Плач Иеремии», в которой оплакивается падение Иерусалима. К этому же периоду относится и происхождение неканонической книги «Иудифь», содержащей историю подвига этой доблестной израильтянки.

В гражданском управлении с разделением монархии сделались неизбежными политические смуты, ослаблявшие оба государства и часто переходившие в междоусобные опустошительные войны. Но в царстве Иудейском наблюдается больше устойчивости и порядка, чем в царстве Израильском. В нем престол, согласно обетованию Божию, неизменно сохранялся в роде Давидовом и вообще переходил от отца к сыну; между тем, в царстве Израильском новоучрежденная династия Иеровоама закончилась его сыном, и затем следовал целый ряд цареубийств и узурпаций, вследствие чего цари быстро сменялись на израильском престоле. На пространстве от разделения царства до одновременного умерщвления Охозии, царя иудейского, и Иорама, царя израильского, Ииуем (что составит период в 95 лет) на престоле иудейском сменилось только шесть царей, между тем как на израильском десять *царей*, и в течение всего 257-летнего периода от разделения до падения царства Израильского на израильском престоле сменилось 20 царей, между тем как на иудейском только 12 – явное доказательство большей устойчивости правления в последнем. Как этой неустойчивостью, так и тем, что в царстве Израильском нагло попирались все законы справедливости (история Навуфея) и тем подтачивались самые основы государственной и общественной жизни, объясняется и то, что царство Израильское на 134 года пало раньше Иудейского. Притом, оно погибло окончательно, между тем как последнее воскресло к новой политической жизни и просуществовало до основания истинного духовного царства Давида его Божественным Сыном, Царем вселенной.

Позорная слабость избранного народа в этот период проявилась в том, что он все более терял предназначенное ему положение – быть светом для всех остальных народов. Вместо того, чтобы нравственно господствовать над окружающими народами и подготавливать их к приобщению к Царству Божию, народ израильский сам всецело поддался растлевающему влиянию этих народов, и не только в царстве Израильском, но и в царстве Иудейском идолопоклонство вполне водворилось на почве Земли обетованной и часто торжествовало над истинной религией, особенно при Манассии, который поставил истукан омерзительной Астарты в самом храме Божием. Такое состояние было тем более печально, что культ языческих народов становился все более омерзительным и безобразным по тому безнравственному влиянию, которое он производил. Отсюда суеверие и развращение были неизбежными следствиями такого культа, и в этом отношении избранный народ часто падал даже ниже своих совратителей-язычников. Последние, конечно, только радовались такому падению израильского народа и во время его гибели открыто высказывали свое злорадство. При виде разрушения обоих царств, особенно Иерусалима, аммонитяне злорадно восклицали: «А! а! о святилище, потому что оно поругано; о земле Израилевой, потому что она опустошена, и о доме Иудином, потому что они пошли в плен» (Иез 25:3). Моав и Сеир с презрением говорили: «Вот и дом Иудин, как все народы!» (ст. 8). Филистимляне, видя гибель израильского народа, «поступили мстительно, и мстили с презрением в душе, на погибель, по вечной неприязни» (ст. 15). Некогда дружественный Тир теперь говорил об Иерусалиме: «А! а! он сокрушен – врата городов; он обращается ко мне; наполнюсь: он опустошен» (Иез 26:2). А Эдом жестоко мстил царству Иудейскому за вынесенное некогда от него рабство и злорадно восклицал: «Разрушайте, разрушайте до основания его» (Пс 136:7).

Что касается состояния окружающих народов, то, как видно было из самого хода истории, за этот период произошло много переворотов в их судьбе. После временного ослабления могущественнейших монархий Древнего Востока – Египта и Ассирии, ослабления, давшего возможность израильским единоподержавным царям расширить свое государство до крайних

пределов его владения, опять началось усиление этих государств, и уже при Ровоаме египетский фараон Сусаким начал делать обычные походы вглубь Азии, причем взял и ограбил Иерусалим. Вместе с тем на северо-востоке от обетованной Земли успело весьма усилиться новое государство – Сирийское, которое, имея своей столицей Дамаск, славный своей древностью и богатством, обладал достаточным могуществом, чтобы постоянно угрожать обоим царствам еврейским. Но вот за Евфратом опять начало быстро возрастать могущество Ассирии, на престоле которой является ряд неукротимых воителей, жаждущих завоевания. Могучей рукой они двинули свои полчища на запад, разрушили Сирийское царство, оттеснили египтян, покорили все мелкие государства – вплоть до финикийских городов, и под ударами этих воителей пало царство Израильское, как ближе лежавшее к военной дороге ассирийских завоевателей. Непрестанные походы, однако же, ослабили Ассирию: Ниневия была взята и разрушена соединенными силами мидян, египтян и вавилонян, и могущество Месопотамии сосредоточилось в Вавилоне. Египетские фараоны хотели воспользоваться этим ослаблением своей давнишней соперницы, и Нехао заявил притязания на все азиатские страны, бывшие дотоле под владичеством Ассирии. Но он встретил грозного противника в Навуходоносоре вавилонском, который, сокрушив силу египтян, сделался властелином всей Западной Азии и довершил гибель израильского народа взятием и разрушением Иерусалима, что произошло в девятнадцатый год его царствования в Вавилоне, именно в 588 году до Р. Х.

Основанием летосчисления VII периода служат показания св. книг Царств и Паралипоменон касательно лет царствования каждого царя как в царстве Иудейском, так и в Израильском. Оно облегчается еще тем, что при сообщении о воцарении всякого нового царя указывается и год царствования соответствующего царя в другом царстве. Но эта двойная система счисления имеет и свои невыгоды, так как при малейшем видоизменении цифры (что, несомненно, и случалось при переписке книг) запутывалось все летосчисление. В книге пророка Иезекииля все время «беззакония дома Израилева» определяется в 390 лет; эта цифра и показывает приблизительно время существования народа еврейского от Иеровоама до разрушения Иерусалима. Цифра эта согласуется и с частным показанием лет царствования царей в обоих царствах [\[12\]](#) ¹²

Продолжительность царствования царей иудейских и израильских:

Цари иудейские: Ровоам – 17 лет (с 980 г. до Р.Х.); Авия – 3; Аса – 41; Иосафат – 25; Иорам – 8; Охозия – 1; Гофолия – 6; Иоас – 40; Амасия – 29; Озия – 52; Иоафам – 16; Ахаз – 16; Езекия – 29; Манассия – 55; Амон – 2; Иосия – 31; Иоахаз – 3 месяца; Иоаким – 11 лет; Иехония – 3 месяца; Седекия – 11 лет. Разрушение Иерусалима: 588 г. до Р. Х.

Цари израильские: Иеровоам I царствовал 23 года; Нават – 2; Вааса – 24; Ила – 2; Замврий – 7 дней; Фамний и Амврий – 4 года; Амврий один – 8; Ахав – 22; Охозия – 2; Иорам – 12; Ииуй – 26; Иоахаз – 17; Иоас – 16; Иеровоам II – 41; Междуцарствие – 11; Захария – 6 месяцев; Селлум – 1 месяц; Менаим – 10 лет; Факия – 2; Факей – 20; Осия – 9. Разрушение Самарии: 722 г. до Р. Х.

[\[Заккрыть\]](#).

Период восьмой

Времена вавилонского плена

XLVII

Внешнее и религиозное состояние иудеев. Пророческая деятельность Иезекииля. Пророк Даниил

Страна, в которую иудеи были уведены в плен, представляла обширную низменную равнину, заключенную между реками Евфратом и Тигром. Тут вместо родных живописных гор пленники видели перед собой необозримые поля, пересеченные искусственными каналами, среди которых высились исполинские башни необъятных городов. Вавилон, столица царства, в

это время представлял собой величайший и богатейший город на земле и блистал роскошью и величием многочисленных храмов и дворцов, перед которыми в немом изумлении останавливались пленники. Главный дворец вавилонских царей с его знаменитыми висячими садами был вдвое больше всего Иерусалима, а главный храм, посвященный Бэлу (халдейскому богу солнца), представлял собой исполинскую семиэтажную башню, вершина которой как бы доходила до небес, напоминая иудеям о древней вавилонской башне, которую во гнев Своем разрушил Бог. Для пленных народов в Вавилоне отводились особые кварталы, где они и поселялись. Особый квартал был отведен и для иудеев, хотя большая часть их была расселена и по другим городам, также на отведенных им участках земли. Состояние иудеев в вавилонском плену было несколько похожим на состояние их предков в Египте. Простая масса народа, несомненно, употреблялась на полевые и другие тяжелые работы: их заставляли рыть и исправлять многочисленные каналы, строить укрепления и исполнять черную работу при возведении тех многочисленных построек, которыми Навуходоносор украшал свою гордую столицу. Но все эти работы, однако же, не были особенно обременительны и не имели характера каторжного или рабского труда, как это было в Египте. Вавилонское правительство относилось к пленникам с некоторым человеколюбием и предоставляло им полную свободу во внутренней жизни, так что они управлялись своими собственными старейшинами, строили себе дома, разводили виноградники, вообще, кроме некоторых исключительных случаев, пользовались свободой религиозной совести. Многие из них кроме земледелия начали заниматься торговлей и настолько обжились, что забыли даже о своей родной земле. Но для большинства народа память об Иерусалиме оставалась священной. Заканчивая свои дневные работы где-нибудь на каналах и сидя при этих «реках вавилонских», пленники плакали при одном воспоминании о Сионе и невольно воссылали мольбу об отмщении «окаянной дочери Вавилона, опустошительнице». Под тяжестью постигшего их испытания и вдали от обетованной Земли и ее разрушенной святыни у иудеев сильнее, чем когда-либо, пробуждалось раскаяние в своих прежних согрешениях и вследствие этого укреплялась привязанность к истинной религии, которая, при отсутствии храма, проявлялась в домашней молитве и частных собраниях для молитвы и священных песнопений.

О поддержании религиозно-нравственной жизни в иудейском народе продолжали заботиться пророки, которые, как верные хранители завета Иеговы, не оставляли избранного народа и в годину его бедствия. Благодаря невмешательству вавилонского правительства во внутреннюю жизнь пленников, пророки имели полную возможность продолжать свою деятельность по духовному руководству народа. Такой деятельности посвятил себя в это время великий пророк *Иезекииль*. Он уведен был в плен еще при царе Иоакиме, до разрушения Иерусалима, и поселен при реке Ховаре, впадающей в Евфрат неподалеку от знаменитого торгового города Каркемиша (или Кархамиса), где у него был свой дом. Будучи священником по своему положению, он заранее был подготовлен к пророческой деятельности, на которую и получил высшее призвание в пятый год своего плена. С замирающим сердцем следил он из земли своего пленения за последними событиями, предшествовавшими падению и гибели Иерусалима. Провидя его неминуемую участь, он грозно изобличал лживых пророков, смущавших народ несбыточными мечтами о том, что Иерусалим не погибнет, и подготавливал народ к ожидающей его судьбе, утешая его, в то же время, надеждой на имеющее со временем последовать избавление от плена и подкрепляя веру в обетованного Спасителя, истинного и славного сына Давидова. Пророчества его отличаются богатством таинственных символов и видений. К самому пророчеству он призван был видением Божественного мужа, восседающего на таинственном престоле, утвержденном на кристаллоподобном своде, поддерживаемом головами четырех крылатых животных, подобно молнии двигавшихся на четырех одухотворенных колесах, ободья которых «полны были глаз». Дар пророчества воспринят был им через съедение книжного свитка, на котором написано было: «Плач, и стон, и горе». Символами были, например, лежание в течение 390 дней на левом боку и 40 дней на правом для означения продолжительности беззаконий еврейского народа; печение ячменных лепешек на человеческом кале в знак голода и крайней нужды осажденных; истребление волос на голове

и бороде мечом, огнем и ветром – для изображения бедственной участи иудеев во время разрушения Иерусалима. Величественное видение воскресения иссохших костей было наглядным изображением восстановления и избавления народа. Пророчество его заканчивается видением нового храма, нового Иерусалима и нового раздела обетованной земли. Все эти символы и видения были необходимы для пробуждения огрубевших чувств народа, который оставался или совсем бесчувственным к простому словесному проповеднику и пророку, или слушал его как «забавного певца с приятным голосом и хорошо играющего музыканта», чтобы послушать и позабыть.

Деятельность пророка Иезекииля ограничивалась непосредственным кругом иудейского народа и лишь косвенно касалась языческих народов, на которых он изрек грозные заочные пророчества. Но кроме него во время плена вавилонского действовал еще другой пророк, который был представителем и проповедником истинного Бога перед лицом самих царей-завоевателей. Это именно пророк Даниил. Он еще отроком уведен был в плен при первом взятии Иерусалима Навуходоносором. Чтобы привязать к себе иудейский народ, Навуходоносор тогда же велел начальнику своих евнухов Асфеназу выбрать несколько знатнейших, красивейших и способнейших иудейских юношей, «чтобы научить их книгам и языку халдейскому» (Дан 1:4) с целью приготовить из них впоследствии способных и преданных слуг престола в Вавилоне. В числе их оказался Даниил со своими товарищами Ананией, Азарией и Мисаилом, которым всем в Вавилоне даны были новые имена – Валтасар, Седрах, Мисах и Авденаго. Но с переменой имени в них не изменилось их глубокое благочестие и непоколебимая преданность истинной религии, которые и награждены были целым рядом чудесных событий – особенно в судьбе пророка Даниила. Им, как знатым юношам, предоставлено было пользоваться пищей и вином с царского стола; но они, опасаясь как-нибудь оскверниться при принятии чего-нибудь посвященного идолам, предпочли питаться простыми овощами и пить воду, и, несмотря на это, при представлении царю оказались полнее и здоровее всех остальных юношей. Вместе с тем, они оказали и блистательные успехи собственно в мудрости халдейской. Вавилон, как столица величайшего в то время государства, был и центром просвещения своего времени. Но то, что собственно называлось «мудростью халдейскою», состояло, главным образом, в изучении астрологии или науки, дававшей возможность по движениям небесных светил разьяснять таинственные явления настоящего и предсказывать будущее. При главных храмах состояли целые классы мудрецов или волхвов, которые постоянно с особых обсерваторий или вершин пирамидальных храмов производили свои наблюдения и давали отчет царю о том, что имело, по их заключениям, совершиться в природе, политике и частной жизни. «Мудрость» этих ученых была славой и гордостью Вавилона. И такую-то мудрость должен был изучать Даниил со своими товарищами. Успехи их были чудесные, так что царь после произведенного им испытания нашел их, и особенно Даниила, «в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов, какие были во всем его царстве» (Дан 1:20). Так Бог, в промышленности о Своем избранном народе, при всяком тяжком испытании его воздвигал ему вождя, стоявшего на высоте мудрости его врагов; таким при переселении в Египет был Иосиф, мудрый снотолкователь и великий государственный муж; при исходе – Моисей, знавший «всю мудрость египетскую», и теперь – Даниил, величайший мудрец Вавилонского царства. Через него именно Бог определил преподать гордому вавилонскому завоевателю три урока, которые должны были показать ему, что власть и сила даже могущественнейшего царя на земле (каким в то время был Навуходоносор, царь вавилонский) бессильны перед властью и могуществом того самого Бога, которого он считал побежденным в лице иудейского народа.

Покорив все окружающие народы и стоя на вершине своего могущества, Навуходоносор, подобно всем великим восточным завоевателям, предался мечтанию об основании всемирной монархии под владычеством Вавилона. Это та самая мечта, которая замечалась еще у первых основателей Вавилона и повела к построению башни до небес, разрушенной Богом. Но в ответ на эту мечту ему преподан был первый урок. Навуходоносор видел необычайный сон, который

поразил его своей таинственностью, тем более, что царь забыл и самое его содержание в подробностях. Все мудрецы и волхвы халдейской земли оказались бессильными рассказать и объяснить этот сон.

Тогда он был объяснен Даниилом, имен но знаменитый сон о четырехсоставном истукане, означавшем четыре великие монархии мира, которые последовательно должны были сменять одна другую и между ними царство самого Навуходоносора, и на развалинах этих монархий «Бог небесный воздвигнет царство, которое не разрушится во веки», духовное царство Сына Давидова. Пораженный точностью передачи забытого, но страшного сна и мудростью юного иудея, Навуходоносор признал могущество Бога Даниилова и в награду за мудрое истолкование сна щедро наградил Даниила и поставил его правителем всей области вавилонской и главой всех мудрецов страны, вверив в то же время соподчиненные ему должности трем его сотоварищам.

Возвышение этих трех юношей на высокий пост послужило поводом ко второму уроку для Навуходоносора. Последний, не зная границ своему самовластию и самовозвеличению, в один из припадков своего деспотического каприза приказал воздвигнуть огромный золотой истукан близ Вавилона, и в праздник, устроенный для прославления своих подвигов, повелел всему населению поклоняться ему. Безусловность, с которой дано было это приказание, обнаруживает влияние на Навуходоносора посторонних лиц, придворных волхвов, которые, видимо, завидуя успеху ненавистных им чужеземцев, превзошедших их своей мудростью и тем подвергших их посрамлению в глазах царя и народа, всячески изыскивали случая навлечь на них немилость царя. И этот праздник давал им верные надежды на успех. Они хорошо знали, что ненавистные им иудеи предпочтут скорее умереть, чем поклониться истукану. Так действительно и было. Юноши отказались поклониться идолу, и волхвы не замедлили донести об этом царю. Разъяренный царь тотчас же решил подвергнуть виновных примерному наказанию: он повелел всемерно против обыкновенного раскалить печь, служившую обычным способом наказания богохульников и нечестивцев в Вавилоне, и в эту печь были ввержены все трое сотоварищей Даниила; но чудесное спасение их через ангела заставило Навуходоносора опять преклониться перед могуществом их Бога, так что он издал указ о смертной казни всякому, кто бы стал**censored**ть Его.

Третий урок, преподанный Навуходоносору, должен был окончательно смирить его гордость и привести к полному признанию могущества Иеговы. Когда не только все враги были покорены, но и покончены все величественные постройки, которыми царь, пользуясь даровым трудом пленных народов, украшал свою столицу, Навуходоносор, любясь однажды с кровли своего дворца величием и красотой Вавилона, от упоения гордым восторгом воскликнул: «Это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия?» Но на это безумное выражение гордого восторга грозным отголоском прогремел ответ с неба: «Тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя! и отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями, травю будут кормить тебя, как вола, и семь времен пройдут над тобою, поколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, кому хочет». И тотчас исполнился страшный приговор. Навуходоносор впал в особого рода помешательство (ликантропия), когда человек избегает общества людей и воображает себя животным. Это страшное семилетнее испытание окончательно смирило Навуходоносора и по выздоровлении он издал указ «всем народам, племенам и языкам, живущим по всей земле», в котором, рассказав историю своего испытания, «славит, превозносит и величает Царя небесного, которого все дела истинны и пути праведны, и который силен смирить ходящих гордо». В таком убеждении и скончался Навуходоносор на сорок третьем году своего царствования, передав свое царство сыну своему *Евилмеродаху* (562 г. до Р. Х.).

Евилмеродах, наученный испытаниями отца, относился милостиво к иудейскому народу и освободил иудейского царя Иехонию от тюремного заключения, где он томился в течение

тридцати семи лет, и окружил его царскими почестями. Но сам он через два года низвергнут был с престола мужем своей сестры Нериглиссаром, после чего начались смуты, которые подготовили падение Вавилона, повлекшее за собой полную перемену в судьбе народа иудейского.

XLVIII

Падение Вавилона. Положение иудеев при Кире. Манифест об освобождении пленников.

Летосчисление

Древние восточные монархии, как основанные на завоевании и угнетении, не имели в себе задатков прочности и жизненности. Это были большей частью насильственно сплоченные из разнородных и взаимно враждебных частей государства, которые держались лишь до тех пор, пока сильна была рука царя-завоевателя, и распадались при первом ослаблении правителя или первом толчке извне. Вследствие этого жизнь народов находилась в постоянном брожении, и как внутри монархии, так и вне ее непрестанно происходили перевороты, благодаря которым одни правители и народы падали, другие возвышались на место их. То же самое совершилось и после смерти Навуходоносора. Лишь только смерть отняла его железную руку от кормила возвеличенной им монархии, как при слабых преемниках его началось внутри государства брожение разноплеменных народов, старавшихся пользоваться случаем для своего освобождения и тем ослаблявших силу монархии. Это, в свою очередь, привлекало внешних завоевателей, которые, надеясь найти союзников среди недовольных народов монархии, смело приступали к разрушению некогда грозных царств. Таким завоевателем выступил Кир, основатель могущественной Персидской монархии. Он был сыном Камбиза, царя Елама, находившегося в соподчиненном отношении к Мидии с ее царем Астиагом. Почувствовав в себе призвание завоевателя, Кир, прежде всего, ниспроверг владычество мидийского царя и затем с своим отважным войском двинулся на Восток, который и завоевал до самых Гималайских гор, составлявших последний предел известного ему мира. Не имея больше пространства для завоеваний на Востоке, он двинулся на Запад, который также должен был преклониться перед ним. Выступление Кира на завоевательную деятельность отмечает собой весьма важный период в истории человечества. В лице его на поприще всемирной истории выступало новое племя. Доселе господство и главная роль принадлежали народам хамитским и семитским (Египет и Ассирия-Вавилония); теперь эта роль переходила в руки племени арийского (Иафетова), того самого, которому принадлежало будущее и которое уже начинало возрастать и крепнуть на западе. Самое восшествие Кира на престол своего отца (в 558 г. до Р. Х.) совпадало с правлением Пизистрата в Афинах, Креза в Лидии и Тарквиния Гордого в Риме – тех лиц, которые являются представителями совершенно нового западного мира, имевшего сменить собой мир старый, восточный. Персидская монархия была переходной ступенью к этому новому миру.

Орел (бывший знаменем нового завоевателя), вызванный по слову пророка *Исаии*, «с востока, из дальней страны» для исполнения определений Божиих (Ис 46:11), победоносно пронесся на запад, до самых берегов Эгейского моря, и все народы Западной и Малой Азии преклонились перед ним. В этих завоеваниях прошло не менее двадцати лет, но Вавилон все еще сохранял свою независимость, хотя многие соподчиненные ему народы уже отложились от него и сделались добычей Кира. Между тем, для довершения завоевательной деятельности необходимо было взять и Вавилон, который именно и мог только служить средоточием новой монархии. Это был величайший город своего времени и центр мировой жизни. За его грозными, увенчанными боевыми башнями стенами лежала как бы целая плеяда городов, перемежавшихся садами, каналами и полями. Через него проходили главные торговые пути Азии, и человеческое трудолюбие и промышленность превратили пустыню вокруг него в обильно орошаемый оазис, плодороднейшую равнину на земном шаре. В его школах процветала высшая ученость того времени, а в его дворцах и палатах собраны были несметные сокровища, отобранные у всех покоренных царей и народов. Наконец, Вавилон был и

религиозным центром Востока, твердыней великих и страшных богов, перед которыми трепетали народы. Поэтому Персидская монархия не могла бы считаться мировой, не покорив и не смилив Вавилона, и Кир действительно двинулся на гордую «столицу мира», и был тем именно камнем, который (по толкованию Даниилом сна Навуходоносора) должен был разбить здание Вавилонской монархии. Это и случилось при Валтасаре, правнук Навуходоносора.

Внутренние смуты и неспособность правителей настолько ослабили силы Вавилона, что войска его не могли оказать Киру более или менее мужественного сопротивления на открытом поле. Он разбил их и подступил к самым стенам столицы. Но здесь он встретился с неприступными укреплениями. Вавилон представлял собой огромную квадратную площадь, через которую протекал Евфрат. Каждая сторона этого квадрата имела около 25 верст длины. Двойные стены в 40 сажен высоты и двенадцать ширины с 250 укрепленными башнями и множеством всяких других укреплений и приспособлений для обороны делали его решительно неприступным, так что, несмотря на осаду столицы, царь и все жители ее могли беспечно предаваться всем удовольствиям жизни. Но над Вавилоном произнесен уже был высший приговор и против него не могли защитить никакие твердыни. Будучи вполне уверен в безопасности столицы, Валтасар дал однажды великолепный пир, на который приглашено было до тысячи вельмож и придворных дам. Пиршества вавилонские отличались крайней неумеренностью и распущенностью. Не только мужчины упивались вином, но и женщины, которые в упоении теряли всякий стыд. Роскошные палаты гремели музыкой, и драгоценные сосуды, отобранные у различных покоренных царей, служили настольными чашами. Чтобы еще более усилить торжественность пира, развеселившийся царь велел принести те золотые и серебряные сосуды, которые захвачены были в храме иерусалимском, и вот в поругание Богу этого храма «пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его; пили вино и славил боги золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных», богохульственно противопоставляя их могущество Богу иудейскому. Вдруг на стене, при полном свете люстры, показалась рука человеческая и медленно стала писать какие-то слова по извести стенной штукатурки. Увидев ее, «царь изменился в лице своем; мысли (его спутались), связи чресл его ослабели, и колена его от ужаса стали биться одно об другое». В страшном испуге он закричал, чтобы тотчас же позвали мудрецов – разъяснить надпись. Но мудрецы, несмотря на высокую награду, предложенную царем, остановились в немом изумлении перед таинственной для них надписью, к еще большему смущению царя, который бледнел и трепетал. Тогда в залу пиршества вошла «царица», вероятно мать или бабушка Валтасара, и она, помня о чудесной мудрости, которую проявил при Навуходоносоре теперь не пользовавшийся царскою милостью Даниил, посоветовала к нему обратиться за разъяснением страшной надписи. Даниил был действительно призван, и он прочитал надпись, которая гласила: «*Мене, мене, текел, упарсин*», что означало: «*Мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему, текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; упарсин — разделено царство твое и отдано мидянам и персам*». Несмотря на неблагоприятное истолкование таинственной надписи, Даниил за свое мудрое истолкование получил обещанную царем награду: его одели в багряницу, возложили на его шею золотую цепь и провозгласили третьим властелином в царстве. А в ту же самую ночь исполнилось предсказание таинственной руки. Кир, не надеясь взять города приступом, употребил хитрость: он отвел воду Евфрата в особый канал, по освободившемуся от воды руслу его беспрепятственно проник в город, жители которого беспечно спали или веселились, и овладел Вавилоном. Валтасар погиб во время ночного смятения, и Вавилонская монархия пала[13]13

Валтасар – это, по всей вероятности, Белсарусур клинообразных надписей. Он не был царем в собственном смысле, а только заместителем своего отца Набонида, находившегося в плену у Кира, вследствие чего и Даниил сделан был «третьим» властелином в царстве, так как вторым был сам Валтасар.

[\[Закреть\]](#).

Управление Вавилона Кир вверил Дарию Мидянину, и последний, желая наградить необычайную мудрость Даниила, столь чудесно предсказавшего переход Вавилона под власть Кира, назначил его одним из трех главных князей царства, в каковом положении он пользовался высоким уважением правителя. Но это, естественно, пробудило зависть других обойденных вельмож, и они порешили коварством погубить Даниила. Вавилонские цари, а следовательно, и их преемники, издавна считались своего рода богами, которым воздавалось временами божеское поклонение. Ввиду этого, приближенным сановникам Дария нетрудно было склонить его, с целью возвышения своей власти в глазах вавилонян, издать повеление, чтобы в течение целого месяца поклонение со всеми молитвенными прошениями делалось только ему одному. Но этого как раз и не мог сделать Даниил. Несмотря на строгий указ, угрожавший за неисполнение его ввержением в ров львиный, престарелый и сановный пророк, отворив в своем доме окно по направлению к Иерусалиму, «три раза в день преклонял колена и молился своему Богу, и славословил Его», как это делал он и прежде того. Этого только и нужно было завистникам, которые тотчас же сделали донос, и Дарий, несмотря на всю привязанность к своему высокочтимому сановнику, не мог нарушить своего указа и должен был привести его в исполнение над Даниилом. Пророк действительно брошен был в ров, в котором содержались львы, обыкновенно имевшиеся при дворе вавилонских царей для часто устраивавшейся и весьма любимой последними охоты на них. Судьба всякого брошенного в такой ров конечно была верной и ужасной гибелью. Но, к величайшему изумлению злобных завистников и невыразимой радости Дария, Даниил на другой день оказался невредимым и вынут был из рва, а на место его были брошены сами злобные завистники и клеветники, которые тотчас же и растерзаны были львами. Событие это так поразило Дария, что он сам склонился к вере Даниила и издал новый указ, которым повелевал оказывать благоверие к его Богу, как живому и вечному, что, конечно, послужило не только к славе народа Божия, но и к спасению многих язычников.

Между тем Даниил удостоился еще нескольких видений, таинственно предзнаменовавших будущие судьбы иудейского народа и человечества, и в это же время сподобился великого откровения, в котором седминами исчислялось самое время, остававшееся до искупления мира его Божественным Спасителем. Во время молитвы Даниилу явился архангел Гавриил (впервые здесь упоминаемый в истории, хотя он был виден Даниилом и раньше – Дан 9:21) и сказал ему: «Семьдесят седмиин определено для народа твоего и святого города твоего, чтобы открыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святой Святых». В течение этих седмиин (70 Г — 7 = 490 лет) должно было состояться освобождение народа из плена, восстановление Иерусалима и храма и искупление мира «смертию Христа-Владыки». Предсказание это исполнилось в точности, так как от второго и окончательного указа о восстановлении Иерусалима (в 457 г.) до смерти Христа (в 33 г. по Р. Х.) протекло ровно четыреста девяносто лет.

Но вот приблизился и конец плена для иудеев. Кир, закончив свою завоевательную деятельность, принял Вавилон под свое личное управление и приступил к полному преобразованию своего обширного государства. Как мудрый и великодушный царь, он, узнав о всех необычайных знамениях и о том, что древнее пророчество давно уже предназначило его быть освободителем этого народа из плена вавилонского, решил оказать этому народу особенную милость и в первый же год своего царствования издал указ об освобождении иудеев из плена и о построении храма в Иерусалиме. Этот указ гласил следующее: «Так говорит Кир, царь персидский: Все царства земли дал мне Господь, Бог Небесный; и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас – из всего народа Его, да будет Господь Бог его с ним, и пусть он туда идет» (1 Езд 1:2–4). Это было в 536 году, которым и закончилось семидесятилетие плена вавилонского. Великий пророк Даниил, который увиден был в плен в своей цветущей юности и который так много сделал для славы Божией и блага своего народа во время этого плена, дожил до этого счастливого события, которое, несомненно,

и совершилось отчасти по его мудрому совету, данному Киру, и мирно скончался в том же самом году, напутствуя себя словами: «Иди к твоему концу и успокойся, и восстанешь для получения жребия к концу дней». Издавая указ об освобождении иудейского народа, Кир в точности исполнил предсказание пророка Исаии, который за двести лет до его рождения назвал его по имени, как освободителя иудейского народа и восстановителя храма, разрушенного вавилонянами.

Самый Вавилон с течением времени постигла предсказанная ему пророками участь. Оставленный царями, он постепенно падал и пустел, и, наконец, в полном смысле стал «грудой развалин, жилищем шакалов, ужасом и посмеянием, без жителей», как предсказал пророк Иеремия (Иер 51:37). Постигшее его опустошение было несравненно ужаснее того, которому он подверг Иерусалим: на целые тысячелетия было забыто самое место его расположения, и только в настоящем столетии начались раскопки, которые показывают как величие его былой славы, так и грозный над ним суд Божий.

Семидесятилетие плена считается со времени первого взятия Иерусалима Навуходоносором, в четвертом году царствования Иоакима, когда он увел первую партию пленных. Это было в самый год воцарения Навуходоносора в Вавилоне, за девятнадцать лет до разрушения Иерусалима и храма. Таким образом, плен продолжался в течение всего его царствования – 43 года, при его сыне Евилмеродахе – 2 года, при Нериглиссаре – 3 года, Лаборосоарходе – 9 месяцев, Набонаде – 17 лет, при Валтасаре – 2 года и в правление Дария Мидянина – 2 года. Сумма этих цифр и составит 70 лет, с 605 года до 536 год до Р. Х.

Период девятый

Состояние ветхозаветной церкви от Ездры до Рождества Христова

XLIX

Возвращение иудеев из плена. Создание второго храма. Деятельность Ездры и Неемии. Последние пророки. Судьба иудеев, оставшихся в пределах царства Персидского: история Есфири и Мардохея

На призыв царского указа об освобождении откликнулись все иудеи, которым была дорога и священна память об Иерусалиме. Но их оказалось немного – всего 42360 человек с 7367 слугами и служанками. Это большей частью были люди бедные, и все их достояние состояло из 736 лошадей, 245 мулов, 435 верблюдов и 6720 ослов. Гораздо большая часть пленников – все те, которые успели обзавестись значительным хозяйством в стране своего пленения, предпочли остаться там, и между ними большинство высших и богатых классов, которые легко теряли свою веру и народность и перерождались в вавилонян. Но и среди высших классов еще оставались истинно патриотичные и благочестивые люди, каковым был князь иудейский *Зоровавель*, принявший на себя начальство над караваном поселенцев. С ним был первосвященник *Иисус*, соименник того вождя, который впервые ввел избранный народ в Землю обетованную, и того Божественного Икупителя, который должен был в будущем ввести человечество во владение несокрушимого царства «не от мира сего», и еще девять старейшин, принявшие на себя бремя устройства переселенцев на почве родной земли. Получив вспомоществование как от оставшихся в Вавилонии своих соплеменников, так и от самих вавилонян, и неся с собой 5400 сосудов храма, некогда захваченных Навуходоносором и теперь возвращенных Киром, этот малый остаток некогда могущественного народа двинулся в путь – в Землю обетованную.

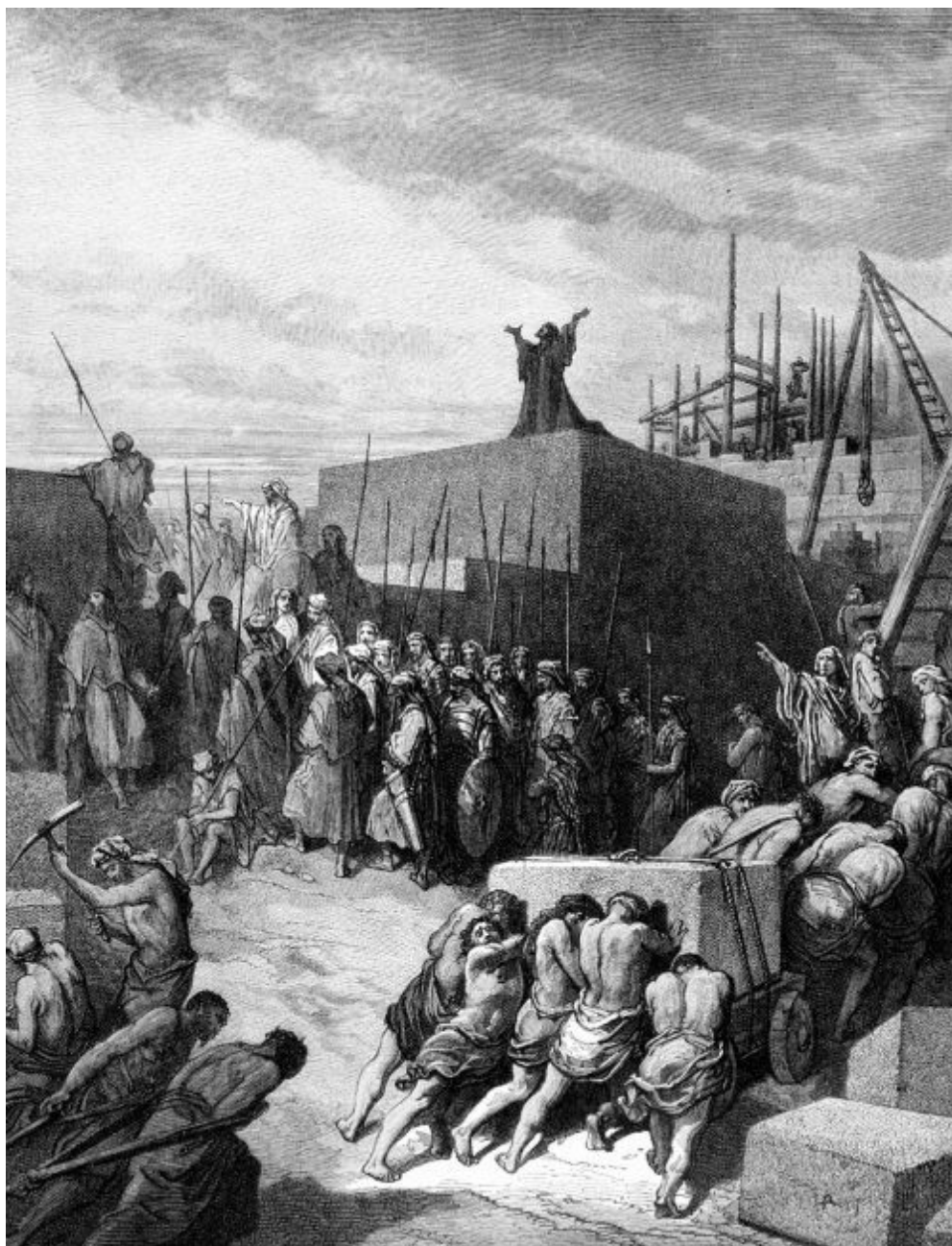
Из переселенцев, конечно, каждый старался скорее увидеть свое старое пепелище, и потому они возвратились в свои различные города. Но в седьмой священный месяц Тисри они все собрались в Иерусалиме и там, возобновив жертвенник на груде развалин, отпраздновали праздник Кушей. Тогда же приступлено было и к заготовке материалов для возобновления храма, и при этом, как и во времена Соломона, им помогли тиряне и сидоняне, которые

нанялись доставлять им кедровый лес с гор Ливана. Во второй месяц следующего года (535), в самое время основания скинии Моисеем, была произведена торжественная закладка нового храма. Все торжество закладки было произведено «по уставу Давида», с песнопением священников и левитов, которые с трубами и кимвалами славили Господа; «и весь народ громкогласно восклицал, славя Господа за то, что положено основание дома Господня». Но многие при этом, особенно старики из священников, левитов и старейшин, видевшие прежний храм, не могли удержаться от слез, «и плакали громко», «и не мог народ распознать восклицаний радости от воплей плача народного». Затем приступлено было к самому построению храма. При отсутствии достаточных средств труд этот был тяжелый и медленный, тем более, что явились противники этого дела в лице самарян, которые, считая Палестину теперь своим владением, враждебно отнеслись к переселенцам и разными наветами перед персидским правительством добились даже указа об остановке работ. Работы возобновились опять при Дарии Гистаспе, который подтвердил указ Кира, и народ, ободряемый пророками Аггеем и Захарией, с еще большим усердием принялся за труд, и здание было закончено в шестом году царствования Дария (515 г.), через 21 год после закладки его основания. Совершено было торжественное освящение нового храма, который строился по образцу первого, хотя и из менее ценных материалов. Кроме 700 жертв всесожжения было принесено двенадцать козлов в жертву за грех, «за всего Израиля по числу колен». Восстановлены были по уставу Давида «чреды» священников и левитов для служения при храме, хотя для того, чтобы составить полное число этих чред, пришлось оказавшиеся налицо четыре чреды разделить каждую на шесть частей. Освящение закончено было торжественным совершением Пасхи.

Слух о возобновлении храма и богослужении в нем распространился по всем пределам Персидской монархии, где только оставались иудеи и, ободренные успехом своих собратьев, многие из них решились хоть теперь воспользоваться указом Кира; и вот собралась новая партия переселенцев, которые в числе полутора тысяч семейств направились в Святую землю. Предводителем этой партии был *Ездра*, ученый священник из рода Ааронова, пользовавшийся особенным благорасположением царя Артаксеркса Лонгимана, указ которого от 457 года и служит началом для счисления седмиин Данииловых. Когда переселенцы прибыли в Иерусалим, то Ездра был поражен печальным состоянием народа. Многие из иудеев поженились на язычницах, и дети их воспитывались в полуязычестве. Огорченный всем этим, Ездра разодрал свои одежды и настолько растрогал народ своими увещаниями в незаконности и опасности таких браков, что многие порешили развестись с своими языческими женами.

Между тем, несмотря на все усилия Ездры, положение народа оставалось печальным: по своей бедности и несогласию, а также и по противодействию врагов, иудеи еще и не начинали восстанавливать Иерусалим, так что стены его находились все еще в развалинах. Весть об этом крайне опечалила благочестивого *Неемию*, занимавшего высокое положение виночерпия при дворе персидского царя. Он задумал помочь сво ему народу, и когда, после усердной молитвы Богу, доложил об этом царю, то последний не только милостиво отнесся к его просьбе об увольнении его на время в Святую землю, но и снабдил его царскими грамотами к областеначальникам для оказания ему всякого содействия и охранным отрядом всадников для безопасности в пути. Осмотр Иерусалима вполне подтвердил его сведения о состоянии города и народа, и он энергично приступил к работам, несмотря на враждебное отношение начальников соседних областей и племен, которые, опасаясь усиления иудейского народа, всячески препятствовали работам, замыслили убить самого Неемию и наклеветали на него перед царем персидским, будто бы он укреплял Иерусалим с изменническим намерением провозгласить себя царем и отложиться от Персидской монархии. Но все козни их были напрасны. Чтобы обеспечить себя от нечаянного нападения врагов, Неемия вооружил народ и разделил его на две смены, из которых одна работала, а другая стояла под оружием. Дело шло так быстро, что через 52 дня Иерусалим как бы воскрес из своих развалин, и враги иудейского народа с изумлением увидели перед собой сильные твердыни. Это было в 444 году. Закончив

главное дело, Неемия приступил к внутреннему преобразованию в жизни народа и, прежде всего, облегчил участь бедного народа, страдавшего от угнетения и алчности богатых. Затем, в ознаменование вступления народа в новую жизнь, с особым торжеством отпразднован был праздник Труб (в месяце Тисри). К празднику собрались все переселенцы, и этим Неемия вместе с Ездрой воспользовались для того, чтобы возобновить в сознании народа заповеди Божии и закон Моисеев. В торжественном собрании народа Ездра явился в сопровождении книжных левитов и, с величайшим благоговением раскрыв книгу закона, начал читать ее народу, который с умилением слушал священное чтение. Но во время своего пребывания в плену народ уже значительно забыл древний еврейский язык, на котором написаны были книги закона Моисеева, и потому понадобился перевод читаемого на народный язык, каким был арамейский, что и делали книжные левиты, сопровождавшие чтение закона переводом и надлежащими толкованиями. Народ плакал от умиления, благодаря Бога за все Его благодеяния возлюбленному Им народу и каясь во всех грехах и преступлениях, которыми навлечен был Его праведный гнев. Все это торжество было закончено заключением нового завета с Богом, который и скреплен был подписью и печатью князей, священников и левитов. Приняв меры к заселению Иерусалима, Неемия возвратился к персидскому двору на свою прежнюю должность. Но слухи о новых настроениях в Иерусалиме опять заставили его возвратиться в родную землю. Там он нашел, что заведовавший храмом первосвященник Елиашив допустил страшные беспорядки, дозволив даже одному из врагов народа – Товии-аммонитянину поселиться на самом дворе храма, и вступил в родство с другим врагом его Санаваллатом, вследствие чего религиозно-нравственная жизнь народа пала, суббота не соблюдалась, десятины левитам не платились, по-прежнему заключались браки с язычниками. пылая ревностью к святыне, Неемия выгнал Товию из отведенного ему жилища и выбросил все его домашние вещи, сделал выговор старейшинам за допущенные ими беспорядки, запретил торг в субботу, восстановил правильную выдачу десятины левитам и строгими мерами заставил иудеев исполнять закон о несмешении с идолопоклонниками. Свою деятельность Неемия описал в особой книге, носящей его имя («Книга Неемии») и заканчивающейся молитвой: «Помяни меня, Боже мой, во благо мне». Деятельность Ездры описана в «Книгах Ездры».

Восстановление храма Иерусалимского

Ко времени деятельности этих знаменитых мужей относится и деятельность последних пророков *Аггея*, *Захарии* и *Малахии*. Первые двое выступили с пророческим словом еще при Зоровавеле и ободряли народ не ослабевать в своем усердии о построении храма, предсказывая полный успех святому делу, хотя, в то же самое время, предвещая скорое наступление царства Мессии, когда сам народ за свое непослушание Ему будет отвергнут вновь и на его место явится и водворится в святом городе новый род, над которым воссияет слава Божия. Ряд ветхозаветных пророков закончил собой последний пророк Малахия. В лице его ветхозаветное пророчество сказало свое последнее слово. В проповеди его уже слышится предвестие о приближении «исполнения времен», и он призывает народ к покаянию, чтобы достойно встретить этот великий момент. Так как в его проповеди изобличаются те же самые настроения, с которыми боролся Неемия, то и деятельность их нужно считать современной. Во всяком случае пророческая деятельность Малахии падает на конец V столетия, и, возможно, что Ездра, составивший в это время канон книг Ветхого Завета, завершил его включением в него и книги «пророка Малахии», которой и заканчивается еврейский канон книг Св. Писания.

Но, воздвигая великих и благочестивых мужей для устроения жизни иудеев, возвратившихся из плена в Землю обетованную, Господь не оставлял Своим промыслением и тех, которые остались в пределах Персидского царства. В годину бедствий рука Его и там воздвигала им достойных защитников от злобы врагов. Такова знаменитая царица *Есфирь* и ее родственник *Мардохей*, благочестивый иудей, в малолетстве уведенный в плен вместе с царем Иехонией. Будучи бездетным, Мардохей воспитал юную сиротку Гадассу (таково еврейское имя Есфири) как свою родную дочь, и добродетель его была награждена чудесной судьбой, поведшей к необычайному возвышению их обоих. Мардохей, занимая скромную должность привратника при царском дворце, спас жизнь царю, предупредив один придворный заговор, за что имя его занесено было на страницы царской летописи, а его воспитаница Гадасса так понравилась царю Артаксерксу^[14]¹⁴

Так, в русской Библии (вслед за греческой) переводится имя этого царя – Агасвер. С большой вероятностью можно предполагать, что это был Ксеркс I, деспотический характер которого более соответствует данным библейского повествования. Персидские цари идут в следующем хронологическом порядке: Кир (558–529), Камбиз (529–522), Дарий I Гистасп (521–485), Ксеркс I (485–465), Артаксеркс I Лонгиман (465–424), Ксеркс II (424), Дарий II (424–405), Артаксеркс II Мнемон (405–365) и др.

[\[Заккрыть\]](#), когда он делал выбор себе новой жены из красивейших девиц всего государства на место отвергнутой им за гордость царицы Астини, что он «возложил царский венец на голову ее и сделал ее царицею на место Астини», дав ей почетное имя Есфирь – «звезда». Такое возвышение представительницы иудейского народа вызвало крайнюю ненависть и злобу у некоторых придворных и особенно некоего Амана-амаликитянина, который, сам будучи поставлен «выше всех князей» царства, пользовался своей властью лишь для высокомерного угнетения всех, кто с рабским подобоострастием не падал перед ним ниц. Узнав, что Мардохей не оказывает ему такого раболепства, как это делали вообще придворные сановники, Аман пришел в ярость и решил погубить не только его самого, но и весь его народ. Коварным наветом на иудеев, как самый вредный народ в государстве, Аман добился согласия царя на издание указа об истреблении их. Узнав о грозящей своему народу участи, Мардохей известил об этом Есфирь и требовал от нее, чтобы она заступилась перед царем за свой народ. Мужественная Есфирь, под страхом потерять свое положение и жизнь, вопреки строгому придворному этикету явилась к царю без приглашения и, найдя у него милость, пригласила его вместе с Аманом на пир к себе. Аман, польщенный таким приглашением и думая, что царица решила не ставить ему никаких препятствий, ставил ему никаких препятствий в исполнении его мщения иудеям, приказал, вместе с тем, уже воздвигнуть высокую виселицу для Мардохея. Между тем царь, чтобы разогнать скуку бессонной ночи, приказал читать себе царские летописи, и когда ему прочитано было о подвиге Мардохея, остававшемся доселе без должного вознаграждения, то он на следующее же утро спросил своего любимца Амана: «Что сделать тому человеку, которого царь хочет отличить почестью?» Аман, вполне убежденный, что царь имеет в виду не кого другого, как его именно, отвечал, что такого человека нужно почтить царским венцом и царским одеянием, посадить на коня и заставить одного из первых князей царства водить его по городу с провозглашением о царской милости. К крайнему его изумлению и злобе, все это он должен был сделать по отношению к ненавистному для него Мардохею. Разбитый духом, он отправился на пир к Есфири, но там его ждала заслуженная участь. Довольный угощением, Артаксеркс предложил Есфири просить у него все, что только она захочет, «хотя бы до полуцарства». Тогда Есфирь попросила защиты себе и своему народу от лютого врага, и когда царь узнал, в чем дело, то приказал повесить Амана на той самой виселице, которую тот приготовил было для Мардохея, а в отмену указа об истреблении иудеев разослан был новый указ о праве их противиться исполнению первого. В силу этого указа иудеи с оружием в руках восстали на защиту своей жизни и избили более 75 000 своих врагов, а десять сыновей Амана подверглись одной участи со своим отцом. В воспоминание о таком чудесном спасении был установлен праздник *Пурим* (от слова *пур* – жребий, потому что Аман

бросал жребий на погубление иудеев). Эта чудесная история описана в «Книге Есфирь».

L

Состояние иудеев под греческим владычеством. Время Маккавеев и подвиги их для церкви и государства. Иудеи под владычеством римлян. Царствование Ирода

После Неемии власть над иудейским народом сосредоточивается в руках первосвященников, которые правили государством во главе старейшин, составивших народное собрание из 120 членов, так называемую «великую синагогу», из которой впоследствии образовалось особое верховное судилище – синедрион. Благодаря мягкому отношению персидского правительства, первосвященники-правители имели возможность беспрепятственно заниматься внешним и религиозным благоустройством народа, хотя при отсутствии твердой власти не было недостатка во внутренних смутах. Так, один из первосвященников, Ионафан, опозорил себя даже убийством своего брата Иисуса, которого он, подозревая в посягательстве на первосвященническую должность, убил в самом храме. К этому же времени относится окончательный разрыв между иудеями и самарянами. Последние под предводительством сына первосвященника Елиашива, Манассии, перешедшего на их сторону из нежелания развестись со своей языческой женой, воздвигли на горе Горизим свой особый храм, который поддерживал в них враждебное соперничество с храмом иерусалимским. Но вот, согласно пророчеству Даниила, настал конец и Персидской монархии, и она должна была уступить место третьей монархии – Греческой. Основателем последней был знаменитый Александр Македонский, который быстро следовавшими одна за другой победами начал завоевывать мир. Завоевав всю Малую Азию, Александр двинулся на Финикию и Палестину, и там только один гордый Тир задержал его своим упорным сопротивлением на семь месяцев. По разрушении его завоеватель беспрепятственно направился в Иерусалим. Жители его трепетали и молились Богу о защите, а первосвященник Иаддуй в полном своем облачении и в сопровождении священников и левитов вышел навстречу Александру. Завоеватель милостиво принял эту торжественную депутацию и рядом с первосвященником вступил в Иерусалим, вошел в храм и принес по указанию священников жертву, выслушав при этом и прочитанное ему пророчество о нем Даниила. Растроганный всем этим, он предоставил иудеям свободу от податей в субботные годы и позволил им жить по своим собственным законам. Значительную часть иудеев Александр, однако же, переселил в новооснованный им город Александрию, в Египте. Македонское завоевание поставило Иудею вместе со всем восточным миром под влияние греческого языка и греческого мирозерцания, подвергнув, таким образом, преданность иудеев своей религии и своим законам новому сильному испытанию.

Но основанная Александром всемирная монархия продержалась только до его смерти (323 г. до Р. Х.) и распалась на четыре царства, из которых два – Египет и Сирия – получили весьма важное значение в истории иудеев.

Во время последовавших войн за наследство Палестина явилась яблоком раздора между владетелями этих двух стран, но в 320 году египетский царь Птоломей Лаг присоединил ее к Египту, под властью которого она и находилась более столетия. Под мягким правлением египетских царей иудеи вели мирную и счастливую жизнь. Малопомалу они основались во всех торговых городах по берегам Средиземного моря и за свою промышленную предприимчивость пользовались повсюду большими преимуществами и льготами от правителей, старавшихся привлекать их к себе для оживления промышленности. Вследствие этого иудеи распространялись все более и более, строили себе молитвенные дома или синагоги, в которые допускались и язычники, и через это распространяли и между ними познание истинного Бога. Еврейский язык все более позабывался ими и вытеснялся греческим, который и усвоен был всеми жившими вне Палестины, и особенно в Египте, иудеями. Вследствие этого для них стал необходим даже перевод Св. Писания на греческий язык, и этот перевод совершен был в царствование египетского царя Птолемея II Филадельфа. Царь вошел с этой целью в сношение с первосвященником Елеазаром, который и прислал ему как подлинник Св. Писания, так и

переводчиков в числе 72 человек (по шести от каждого колена). Перевод был сделан ими успешно и по одобрении его особым собранием ученейших мужей вошел во всеобщее употребление. Он известен под названием перевода семидесяти толковников (или просто перевода 70) и доселе употребляется в греческой церкви.

В 203 году до Р. Х. Египет, однако же, потерял свою власть над Иудеей, она отошла под владычество сирийских царей, и с этого времени началось тяжелое время для иудейского народа. Сирийские цари, встречая в иудеях сопротивление для своих замыслов о введении греческой религии и культуры в своем государстве, стали всячески угнетать их. Царь Селевк Филадельф велел ограбить храм в пользу своей государственной казны, а преемник его Антиох IV Епифан (175–164) порешил окончательно уничтожить религию Иеговы и на место ее водворить греческое язычество. В пользу своего безумного замысла он склонил даже брата первосвященника Онии, Иисуса, который добился низложения своего брата и под греческим именем Иасона сам сделался первосвященником. Он стал во главе образовавшейся в Иерусалиме греко-иудейской партии, начал вытеснять старую религию и на место ее вводил языческие обычаи и обряды. Сам Антиох Епифан («Славный», но переименованный впоследствии в Епимана – «Безумного») по возвращении из египетского похода, вступив в Иерусалим, ограбил и осквернил храм и предал беспощадному избиению всех, кто только противился нововведениям раболепствующих перед ним, но в то же время смертельно враждовавших между собой Иасона и Менелая, поочередно осквернявших и позоривших своей личностью высокое достоинство первосвященства. Греческий культ был объявлен государственной религией, и все под страхом смерти должны были признавать ее. Доказательством признания ее служило вкушение свиного мяса; но нашлись такие ревнители отеческого закона и истинной религии, которые предпочитали умереть, чем «преступить отеческие законы». Так, девяностолетний старец Елеазар-книжник потерпел за свою мужественную стойкость мученичество, «оставив в смерти своей не только юношам, но и весьма многим из народа образец доблести и памятник добродетели». Ему последовала одна вдова, мать семи сыновей, которые все также приняли мученичество за свою преданность вере, призывая праведный гнев Божий на лютого царя-мучителя.

Это страшное гонение имело, однако же, ту хорошую сторону, что возбудило в народе отвращение к насильственно навязывавшемуся эллинизму [\[15\]](#)15

Эллинизмом стало называться со времени Александра Великого увлечение всем греческим или эллинским, так как он сам задавался целью объединить весь мир не столько силой оружия и политики, сколько единством греческого языка, нравов и образования. Евреи, говорившие на греческом языке, назывались эллинистами.

[\[Закреть\]](#) и укрепило преданность своей вере. Священники дружно выступили на защиту истинной религии. Особую ревность показал престарелый священник *Маттафия*, который, гонимый за свою преданность истинной религии, удалился с своими пятью сыновьями в город Модин. Когда царский чиновник прибыл и в Модин для приведения царского указа в исполнение, то Маттафия убил первого, кто приблизился к языческому жертвеннику, а затем и самого чиновника и, сделав призыв всем ревнителям Иеговы следовать за собой, бежал со своими сыновьями в горы. Оттуда они начали делать набеги и истреблять языческие жертвенники. Сам Маттафия скоро умер, но завещал своему сыну Иуде продолжение его дела по освобождению страны от ига идолопоклонства. Предсмертное завещание престарелого отца одушевило Иуду геройской ревностью, и он под именем *Маккавея*, т. е. «молота на врагов», вместе со своими братьями геройски выступил на защиту религии. Собрав около себя всех ревнителей Иеговы, он нанес несколько жестоких поражений войску Антиоха Епифана и на время достиг заключения мира, которым и воспользовался для восстановления истинной религии со всем ее богослужением. Храм был вновь очищен и освящен, в воспоминание чего установлен был новый праздник «обновления» храма. Хотя Иуда Маккавей в возобновившейся

войне погиб славной смертью героя, но его дело продолжалось другими его братьями Маккавеями.

Между тем самого царя-мучителя постиг страшный гнев Божий в виде ужасной болезни, и он, заживо съедаемый червями, умер, проклинаемый всем иудейским народом. После его смерти Маккавеи сделались независимыми правителями страны и были родоначальниками так называемого *Асмонейского* рода князей (по имени родоначальника Маккавеев – Маттафии Асмонея). Под их властью народ иудейский опять некоторое время наслаждался миром и благоденствием; но скоро начались внутренние смуты как от соперничества различных представителей самого Асмонейского рода, так и от разделения народа на партии и секты, что все повело к ослаблению страны. Эти смуты особенно начались при преемниках Симона Маккавея, который сам, после славного управления народом, был коварно убит своим собственным зятем Птолемеом. Симону наследовал второй его сын *Иоанн Гиркан*, который, желая объединить под своей властью всю Палестину, разделявшуюся теперь на четыре отдельные области (*Иудея* — на юге, *Самария* — в середине, *Галилея* — на севере и *Перея* за Иорданом) стал называть себя «князем (всего) Израиля». С его царствованием закончился мир, водворенный доблестью Маккавеев и при его преемниках-сыновьях (Аристовуле и Александре Ианнее и особенно внуке Гиркане II) начались страшные беспорядки и смуты, которые послужили поводом для вмешательства римлян. Римский полководец Помпеем двинулся на Иерусалим (64 г. до Р. Х.), взял его штурмом, избил до десяти тысяч иудеев, осквернил храм внесением в него римских знамен и сам вошел даже во Святое Святых, хотя и не тронул священных сосудов. С этого времени Иудея, как вообще стала называться Палестина с ее четырьмя областями, сделалась подчиненной Риму и платила ему дань (с 63 г. до Р. Х.). Власть номинально принадлежала некоторое время преемникам Иоанна Гиркана, но скоро она перешла в руки хитрого идумеянина Антипатра, который и постарался при помощи римлян обеспечить ее за своим домом. Его сын Ирод действительно захватил власть над всей страной и подобострастной лестью перед римлянами добился титула «царя иудейского» (с 37 г. до Р. Х.).

Ирод, так называемый *великий*, был основателем новой иудейской монархии, на время как бы обещавшей восстановление древнего могущества и славы. Но в действительности она просуществовала только при жизни самого ее основателя, которой своей безумной расточительностью и кровожадной жестокостью окончательно подорвал нравственные и материальные силы народа. Идумеянин по происхождению и подобострастный ласкатель римлян, Ирод лишь позорил священный престол Давида. Свое восшествие на престол он ознаменовал принесением жертвы Юпитеру Капитолийскому, ввел языческие увеселения в самых стенах святого города и окружил себя отрядом наемных телохранителей. Чувствуя непрочность своего положения на престоле, он подверг беспощадному истреблению весь род Маккавеев и даже всех членов синедриона, которых он заподозрил в недостаточной преданности себе. Вся политика этого царя иудейского состояла в том, чтобы тешить свое честолюбие грандиозными постройками и подобострастно заискивать у римлян. Он построил и расширил несколько дворцов, укрепил прилегавшую к храму башню Барис и назвал ее в честь своего римского покровителя *Антонией*; восстановленный им город Самарию переименовал в честь Августа *Севастией* и в честь его же назвал великолепный приморский город *Кесарию*, ставшую впоследствии римской столицей Палестины. Все это, конечно, только сильнее раздражало против него собственный народ. Но чтобы заглушить народный ропот, а вместе с тем и удовлетворить своей страсти к строительству, он в восемнадцатый год своего царствования приступил к перестройке храма и в полтора года воздвиг новый великолепный храм, к которому впоследствии делались обширные пристройки, продолжавшиеся в течение нескольких десятилетий. Но это только на время могло утишить чувство недовольства и раздражения в народе, а вместе с тем не устранило и опасений Ирода за прочность своего престола. Поэтому он продолжал с кровожадной жестокостью истреблять всех, кто только навлекал его подозрение. Настала страшная эпоха убийств, казней и пыток. Опасаясь всех и каждого, Ирод, это безжалостное чудовище, как называет его Иосиф Флавий, с яростью

обрушивался на всякого, кто только приходил с ним в соприкосновение, и жертвой его ярости и подозрительности между многими другими пали даже три его собственных сына, любимая его жена Мариамна, тесть с тещей и шурин его, первосвященник Аристовул. Убийства через повешение и сожжение, убийства через растерзание и утопление, убийства тайные на основании признаний, вымученных невыносимой пыткой, дела бесстыдной скотской похоти – вот чем наполнены летописи этого царствования. Подавленный всеми этими ужасами, народ трепетал, и в нем сильнее, чем когда либо, возросло желание и вместе ожидание явления истинного сына Давидова, который бы низверг этого кровожадного похитителя престола. А это еще больше распаляло мрачную подозрительность и ярость Ирода, и в последние годы своего царствования, снедаемый уже своей омерзительной болезнью, скоро сведшей его в могилу, он совершенно охвачен был неукротимым зверством и кровожадным неистовством. Но в это-то именно время как громом поразили его своим известием восточные мудрецы, издали пришедшие в Иерусалим поклониться не ему, Ироду, а новорожденному Царю иудейскому, истинному Сыну Давидову, звезда которого возшла на Востоке.

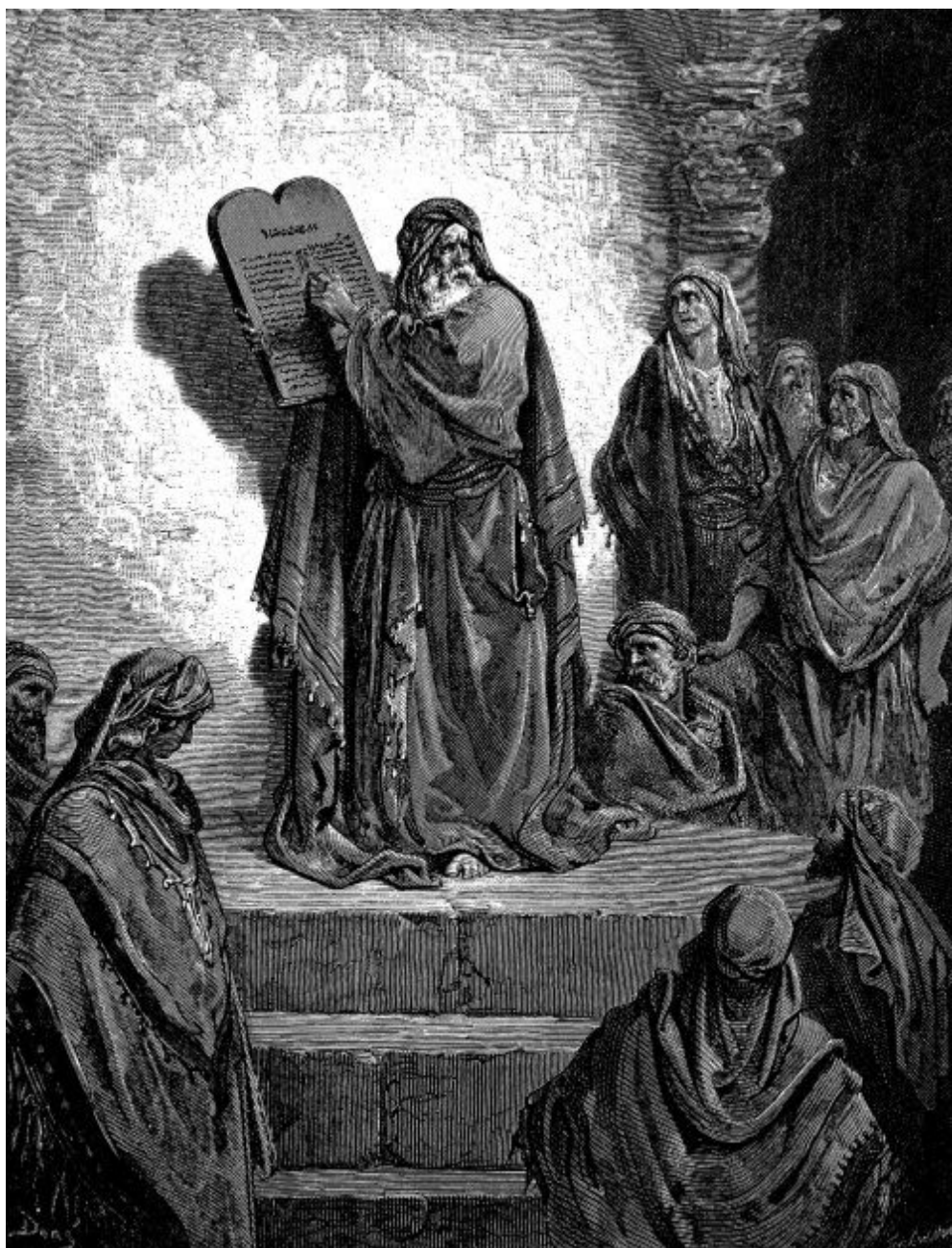
II

Религиозно-нравственное состояние иудеев по возвращении из плена. Секты. Богослужение. Правление. Летосчисление

Плен вавилонский, бывший по объяснению пророков и по сознанию самого народа прямым наказанием Божиим за все те беззакония и идолопоклонство, которым бесстыдно предавался избранный народ, послужил для него весьма важным уроком, заставившим его глубоко призадуматься над своей судьбой. После периода славного могущества народ израильский вдруг оказался опять, как некогда в Египте, жалкой толпой рабов, отведенных в плен, где могла погибнуть и самая память о нем. Это страшное испытание опять невольно пробудило в нем сознание того, что сила его, как избранного народа, заключается именно в избравшем его Боге и в строгом соблюдении завета, который Он заключил с ним. И вот в израильском народе начинается религиозно-нравственное возрождение; в нем крепнет вера, зажигается пламенный патриотизм, заставлявший его плакать при одном воспоминании о Сионе с его величественным, но теперь разрушенным храмом, и разгорается ожидание того Избавителя, который должен, наконец, увенчать все великие обетования, данные отцам. Это ожидание ревностно поддерживали пророки, которые, утешая народ надеждой на избавление от плена, постоянно указывали и на то высшее избавление, которое ожидало их и все человечество в приближавшемся будущем. Во время плена пророк Иезекииль предсказывал о *едином Пастыре* единого многочисленного стада (Иез 34:23, 29; 37:22), а пророк Даниил даже точно вычислил своими седмицами самое время пришествия Его (Дан 9:24–27). Затем последние пророки в подробностях описывали признаки имеющего явиться Мессии, а в пророчестве Малахии уже возвещается о пришествии непосредственного предтечи давно обетованного Избавителя, и его пророчество составляет прямой переход от Ветхого Завета к Новому. Сам народ, познав горьким опытом непрочность земного могущества своих царей, все с большей напряженностью стал ожидать такого царя, который будет действовать силой Божией и водворит на земле правду и мир. Такое ожидание достигло своей высшей степени во время ужасов царствования Ирода, когда именно и пришло «исполнение времен».

Такое настроение народа, естественно, должно было повести к пробуждению новой ревности к исполнению закона Моисеева. Так как с разрушением храма и прекращением в нем священнодействий, служивших наглядным осуществлением для народа Закона Божия, народ лишился главного руководства для своей религиозно-нравственной жизни, то стало необходимым новое средство для поддержания в нем знания этого закона. Таким средством явилось чтение и изучение закона, и отсюда естественное усиление значения писанного закона. Народ жаждал послушать его и во время плена сходился на особые частные собрания, где люди, изучавшие закон, читали и изъясняли ему различные постановления закона. Так как с течением времени народ позабыл свой первоначальный еврейский язык, на котором написаны

были книги Св. Писания, то изучение и изъяснение закона по необходимости должно было сделаться исключительным достоянием особых, наиболее развитых и просвещенных людей, которые и сделались вождями и руководителями религиозной жизни народа, получив почетное название «книжников». Таким именно книжником был Ездра-священник, и он по возвращении из плена ввел правильный порядок чтения и изъяснения Св. Писания народу. Так как священных книг в это время было уже много, и среди них обращалось несколько и таких книг, которые, имея религиозно-нравственное значение и удовлетворяя благочестивому чувству народа, однако же не имели боговдохновенного характера, то Ездра, чтобы дать народу возможность правильно судить, какие именно священные книги, в собственном смысле этого слова, составил подробный им список, который и получил название *канона*, т. е. правила (веры и жизни).

Ездра читает народу Закон

Книги, вошедшие в этот список, получили название «канонических», а остальные стали называться неканоническими. Из книг последних периодов в канон вошли: книги пророка Иезекииля и Даниила, а также трех последних пророков Аггея, Захарии и Малахии; третья и четвертая книги Царств, содержащие историю обоих еврейских царств; две книги

Паралипоменон, или дополнений к этой истории; первая книга Ездры, в которой описывается возвращение иудеев из плена и создание второго храма, и книги Неемии и Есфирь – с историей деятельности этих лиц.

Значение писанного закона особенно усилилось с прекращением устного, в лице пророков. Последние имели своей задачей вносить дух в понимание буквы закона и тем возводить религиозно-нравственное сознание на высшую ступень. С прекращением же пророчества буква получила такое значение, что явились особые ревнители ее, которые полагали всю религию в самом тщательном и буквальном исполнении постановлений закона. Таковы были *фарисеи*, составившие собой особый класс в народе, как класс особенных (*перушим* — «отделенных») ревнителей закона. Это были правоверные законники, принимавшие весь закон, проповедовавшие веру в загробную жизнь, поддерживавшие в народе веру и благочестие, а вместе и пламенный патриотизм, что давало им огромное влияние на народ. Но отличительной их особенностью было то, что они не ограничивались одним законом Моисеевым, а считали необходимым соблюдать и все те предания, которые с течением времени образовались вокруг этого закона в качестве дополнений и разъяснений к нему. Так как эти предания почти исключительно относились к внешней обрядовой стороне закона, то она-то, по преимуществу, и сделалась предметом главного внимания фарисеев. Сюда относились постановления о самом строгом, доходившем до мелочности, соблюдении субботнего покоя, о различении чистой и нечистой пищи, об умованиях, одежде и т. д. Чтобы удобнее исполнять все эти многочисленные предания, фарисеи выделились в особый класс или в общину, чуждавшуюся общения с остальным народом, к которому они относились с высокомерным презрением как к «людям земли» и «неучам» (амгаарец). Лучшей стороной фарисейства была их ревность к распространению религии Иеговы, и в этом отношении они сделали весьма много, подготавливая через своих прозелитов почву и для распространения христианства среди языческих народов. Но их обрядовая мелочность, холодное бездушие, ханжество, высокомерие и возмутительная лицемерность, прикрывавшая маской набожности самые безнравственные деяния, и были теми их недостатками, которые навлекли на них молниеносное обличение Христа: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры». Противоположную крайность составляла другая секта – *саддукеи*, получившие свое название от своего вождя Садока. Признавая за священные книги только пятикнижие Моисея, они не предавали никакого значения обрядности и отличались вообще вольнодумством в области религии, отрицали бессмертие души и существование духов, воскресение тела и загробную жизнь, с ожидающими ее наградой и наказанием. К этой партии или секте принадлежали высшие и богатейшие классы, которые, не пользуясь любовью народа, искали поэтому опоры в иноземных правителях и дружили с родом Иродов. Она же захватила в свои руки должность первосвященника и дала из своей среды целый ряд первосвященников, которые лишь позорили своей личностью этот высокий священный сан. В это же время в иудейском народе, лишенном властного руководства в религиозно-нравственном отношении, появились и другие секты и направления, в которых благочестивые люди искали убежища и успокоения от смут и мрачных настроений обыденной жизни. Такова секта *ессеев*, которые избегали шумной и суетной жизни городов, составляли общины отшельников и, воздерживаясь от брачной жизни и всяких вообще удовольствий, вели строгую жизнь, всецело посвящая ее молитве и размышлениям о законе. Они отрицали рабство, войну и торговлю, и во всей жизни правилом для них, по свидетельству Филона, служила «любовь к Богу, любовь к добродетели и любовь к человеку». Еще строже и замкнутее была секта *терапевтов*, т. е. «целителей» (недугов народов), которые предавались строгому аскетизму и, изнуряя себя непрерывным чтением закона и молитвой, позволяли себе вкушать только немного хлеба вечером. По субботам они собирались для общей молитвы, а в Пятидесятницу имели и общую трапезу. Секта эта была особенно распространена среди иудеев в Египте.

Все эти секты и партии были лишь выражением частных взглядов на религию и закон. Большинство же народа продолжало держаться тех религиозных установлений, которые

связывались с храмом. Храмовое богослужение, естественно, должно было прекратиться и расстроиться с разрушением храма, так что во время вавилонского плена народ молился в частных собраниях или даже ограничивался уединенной домашней молитвой (как это видно из примера пророка Даниила). Но с построением второго храма вполне возобновилось в нем и богослужение со всеми священнодействиями, тем более, что самый храм построен был по образцу прежнего храма Соломонова, хотя по объему на одну треть больше его и с некоторыми новыми пристройками (двор для женщин и язычников), но, понятно, из гораздо менее ценных материалов. В прежнем составе была восстановлена и вся иерархия, во главе которой стояли первосвященники, имевшие тем более значения, что некоторое время они были и гражданскими правителями народа. К числу священных времен прибавились новые праздники, установленные в воспоминание новых событий в жизни народа. Таковы праздники: *Пурим* и *Обновления*. Первый учрежден в воспоминание чудесного избавления народа от истребления в царствование Артаксеркса по коварному навету Амана. Предпразднество его 13 Адара (в феврале) состояло в строгом посте, а 14-го и 15-го народ предавался неудержимому ликованию. В собраниях народа с благоговением читалась книга «Есфирь» и при всяком упоминании имени Амана все присутствующие ударяли руками и топали ногами, громко произнося: «Да погибнет память о нем!» Праздник *Обновления* установлен был в воспоминание обновления храма Иудой Маккавеем после осквернения его Антиохом Епифаном. Он продолжался восемь дней, совершался с необычайной торжественностью и ознаменовывался пышными процессиями и блистательной иллюминацией, вследствие чего назывался также «праздником огней». В храме в течение всех восьми дней праздника пелась великая аллилуия, состоящая из хвалебных псалмов 114–118. Важной особенностью в религиозной жизни народа после плена вавилонского было то, что народ не ограничивал своего богослужения исключительно храмом, а имел местные собрания или *синагоги*, где рядом с чтением и объяснением закона совершались и молитвы, и куда народ собирался по субботам.

В гражданском отношении после плена вавилонского как бы опять возобновилась та форма богоуправления, в какой оно существовало во времена судей, когда народ находился под управлением отдельных богоумудренных мужей, выступавших как бы по особенному призыванию Божию (таковы Зоровавель, Ездра, Неемия, Маккавеи). Но сообразно с усилившимся духом религиозности и власть гражданская на некоторое время сосредоточивалась в руках высших представителей религии – первосвященников. Впоследствии из нее выработалась власть князей, а затем и царей; но царская власть, наконец, похищена была у дома Давидова коварным идумеянином, который, однако же, скоро должен был уступить ее истинному сыну Давидову. Для заведывания делами внутренней и религиозно-нравственной жизни со времени Ездры учрежден был особый верховный совет, состоявший из 120 членов, под председательством первосвященника. Этот совет получил впоследствии название синедриона и число его членов сообразно с числом членов древнего совета старейшин при Моисее низведено было до 70. Он имел весьма важное значение в последующей истории иудейского народа. На нем лежала обязанность заботиться об охране чистоты веры, толковании и объяснении закона, благосостоянии храма и благочинии при богослужении, и вместе с тем принадлежало право судить и наказывать богоотступников и еретиков. Многочисленные злоупотребления членов этого верховного совета лишили его впоследствии принадлежавшего ему значения, и синедрион запятнал свое имя ужасным преступлением, когда он под видом еретика и богоотступника осудил на смерть Самого Мессию, Сына Божия.

Девятый период библейской истории обнимает собой около пяти с половиной столетий, считая с 536 года, когда издан был указ Кира об освобождении иудеев из плена. В хронологическом отношении он распадается на четыре отдельных периода: а) продолжение персидского владычества до 331 года до Р. Х., б) владычество греков в Азии 331–167 гг., в) независимость Иудеи под властью Асмонеев 167–163 гг. и г) римское владычество вместе с частным владычеством дома Иродова 63–61 гг. Летосчисление этого периода облегчается тем, что здесь

история иудейского народа приходит в соприкосновение с общеизвестными событиями всемирной истории.

LII

Иудеи рассеяния. Состояние языческого мира. Общее ожидание Спасителя

Вавилонский плен, кроме своего значения как наказания иудейскому народу за его неверность завету с Иеговой, имел еще другое, более важное и глубокое значение для всего человечества. До него избранный народ жил более или менее отчужденно от остального мира, и свет истинной религии лишь изредка или в отдельных случаях проникал за пределы собственно Земли обетованной. Теперь, с приближением «исполнения времен», свет этот должен был ярко засиять для всех, живущих во тьме и тени смертной, т. е. для всех языческих народов, дотоле погрязавших во тьме идолопоклонства. И этому великому делу оказали чудесное содействие те грозные ассиро-вавилонские завоеватели, которые, сами не сознавая того, послужили могущественным орудием высшего промысления Божия. Переселяя цвет избранного народа в свою страну, бывшую центром языческой религии и языческого просвещения, они вместе с тем переселяли к себе миссионеров и проповедников истинной религии, которая должна была рассеять тьму заблуждения. Влияние это сказалось отчасти уже на самих царях-завоевателях, как это видно из примера Навуходоносора и Кира; но затем оно распространялось все шире и действовало все глубже. С этого времени иудейский народ сделался народом как бы всемирным: из плена вавилонского возвратилась в Землю обетованную лишь незначительная часть его, громадное же большинство или осталось в Месопотамии, или понемногу рассеивалось по всем направлениям, повсюду разнося с собой свет истинной религии и знание Закона Божия. Эти иудеи, жившие вне Палестины, известны под названием *иудеев рассеяния*, и они оказали глубокое влияние на последующую судьбу языческого мира.

Иудеи рассеяния сначала собственно разделялись на три больших отдела – иудеев вавилонских, сирийских и египетских; но затем завоевания Александра Великого и римлян значительно расширили область иудейского рассеяния. Последовавшие перевороты в судьбе мира привели народы в необычайное движение, и поток завоеваний или промышленности быстро захватывал разрозненные части иудейского народа и разносил их по самым отдаленным странам. Преемник Александра Великого в Азии, Селевк Никатор, основатель нового царства Сирийского, множество из них переселил из Вавилонии в главные города своего царства, надеясь, что их промышленный и предприимчивый дух послужит к процветанию его государства. И через несколько времени в Дамаске они считались уже тысячами и имели несколько синагог; и еще более их было в Антиохии, сделавшейся впоследствии центром греческой культуры на Востоке. Гонения Антиоха Епифана не уничтожили их, а послужили только причиной проникновения их влияния в самые отдаленные части государства, куда убегали иудеи, укрываясь от преследования. В это время они проникли и далее на Восток, в Мидию и, особенно, в царство Адиявенское (теперешний Курдистан, к северо-востоку от реки Тигр), где влияние их было так сильно, что даже царица Елена и наследный принц Изат сделались прозелитами иудейства. По эту сторону Евфрата иудейское население было рассеяно во многих местах, особенно в Пальмире и даже в городах счастливой Аравии. Затем множество иудеев жило в Армении и по различным странам и городам Малой Азии. Антиох Великий (223–187) переселил несколько тысяч иудейских семейств из Месопотамии во Фригию и Лидию и наделил их особыми льготами. Из Малой Азии иудеи уже, по влечению своего собственного промышленного духа, расселились по всем островам Эгейского и Средиземного морей, проникли в главнейшие города Греции и Македонии, и мы встречаем их в Филиппах, Фессалонике, Верии, Афинах и Коринфе, где у них были или синагоги, или просто молитвенные дома. Тот же дух торговой предприимчивости двигал их еще дальше на Запад, в самый Рим, как столицу новой всемирной монархии, и даже в Испанию, где они могли рассчитывать на обогащение в стране, славившейся своими рудниками золота и серебра. Много иудеев переселено было в Рим Помпеем в качестве пленных, и по освобождении их они

сделались римскими гражданами и жили в особом, отведенном им за Тибром квартале. При императоре Августе их числилось в Риме уже до восьми тысяч человек, а затем они размножились до того, что следующие императоры вынуждены были прибегать к таким крутым мерам, как изгнание их из Рима (известные указы Тиберия и Клавдия, предписывавшие иудеям удалиться из Рима). Затем иудейские поселения были рассеяны и по всему берегу Северной Африки, и особенно в большом городе Кирене, откуда иудейские пилигримы часто встречались в Иерусалиме (Симон Киринеянин – Мф 27:32). Наконец, поселения их встречались, по свидетельству Филона Александрийского, от гор Ливийских до самой Эфиопии, куда они, вероятно, переселялись из Аравии, находившейся в постоянных торговых сношениях с этими странами и особенно с Египтом. Казнохранитель царицы Кандакии был из Эфиопии, и то обстоятельство, что он был прозелит, указывает на сильное влияние там иудеев. Но, несомненно, самым важным пунктом иудейского рассеяния была Александрия в Египте. Основанная великим македонским завоевателем в 332 году до Р. Х., она в течение нескольких столетий была одним из знаменитейших и славнейших городов мира. В то время как, собственно, в Нильской долине продолжало жить древнее египетское население с его религией и обычаями, города Дельты и особенно Александрия наполнялись греками и иудеями. Помимо своего богатства, своих роскошных улиц и зданий, Александрия славилась необычайным оживлением умственной жизни. Птоломей I основал там знаменитый музей, в котором содержалась александрийская библиотека со множеством драгоценных книг, и при нем же были помещения для ученых, художников и поэтов, которые прибывали из всех стран мира, чтобы побывать в главном храме всемирной литературы и искусства. И рядом с этой умственной жизнью кипела деятельность промышленная, так что торговые сношения Александрии простирались до Аравии и Индии, по всем странам Малой Азии и берегам Средиземного моря. Положение иудеев в этом центре мировой жизни (куда первая партия их была переселена самим основателем Александрии) было в высшей степени благоприятное. Пользуясь покровительством правительства, они беспрепятственно предавались всевозможным родам промышленности, жили самостоятельной общиной и управлялись даже своим собственным главой или алавархом, разделявшим, впоследствии, свою власть с особым советом старейшин. Даже в религиозном отношении они находились в весьма выгодном положении, так как у них в Леонтополе, в Илиопольском округе, был собственный храм, построенный первосвященником Они ей (в 150 г.) по плану скинии Моисеевой, и в нем совершалось богослужение в таком же порядке, как и в храме иерусалимском. Одним словом, иудеи после плена вавилонского рассеялись по всему известному тогда миру, так что римский географ Страбон не без основания говорит, что «едва ли можно найти такое место на земле, где бы не было этого племени и которым оно не овладело бы». И к этому александрийский иудей – писатель Филон прибавляет: «Иудеи не как другие народы, запертые в границах своей страны: они обитают почти по всему миру и расселились по всем материкам и островам».

При этом особенно замечательно было то, что, несмотря на рассеянность по всему миру, все эти иудеи рассеяния отнюдь не затеривались между иноплеменными и чужеземными народами, а как бы составляли один народ, связанный между собой неразрывными узами. Правда, они забыли свой язык, говорили и писали по преимуществу на греческом языке (вследствие чего и назывались *эллинистами*); но общая вера в живого Бога, который не переставал иметь попечение о своем избранном народе, не только внушала иудеям чувство своего превосходства над окружающими язычниками с их мертвыми и ничтожными богами, но и охраняла их от смешения с ними. Их привязанность к Моисееву закону также содействовала поддержанию в них сознания своей народности, как отличной от всех других окружающих народов. Закон этот определял каждый шаг их жизни, устанавливал своеобразные нравы и обычаи, давая религиозное значение всякому проявлению жизни и деятельности, и этим воздвигал то средостение, которое не позволяло иудеям смешиваться с язычниками. Кроме того, у них было общее Св. Писание, на котором воспитывался весь народ, проникаясь духом, который не имел ничего общего с языческим миром. Учение, преподаваемое священными книгами, дополнялось в синагоге. Где только ни жили иудеи, они непременно собирались по субботам в синагогах,

бывших для них школами Закона Божия, для общей молитвы и взаимного назидания и изъяснения Св. Писания, и эти собрания поддерживали в них общинный дух единения и взаимности.

Кроме Св. Писания, в то время уже законченного, у них существовала особая назидательная литература – неканоническая, которая продолжала развиваться в это время. Среди нее были такие важные сочинения, как книга «Премудрости Соломоновой», составленная неизвестным автором на основании передававшихся устно изречений мудрейшего царя; сродная с ней книга «Премудрости Иисуса, сына Сирахова», содержащая в себе мудрые правила на разные случаи жизни; «Книга Иудифь», содержащая повествование о геройстве этой иудейки, которой город Ветилуя обязан был спасением от жестокого врага, и книги Маккавейские, содержащие повествование о геройской борьбе Маккавеев за веру. Вся эта литература проникнута глубоким религиозным патриотизмом, который поддерживал в иудеях сознание своего единства по вере и крови. Но одним из самых сильных средств поддержания единства между иудейским миром было его постоянное сношение с Иерусалимом, как общим центром всего иудейства. Каждый год отовсюду через особых уполномоченных различные общины посылали в Иерусалим узаконенную подать в полсикля священного и щедрые приношения; туда же прибывали все, кому нужно было добиться решения каких-либо важных дел от первосвященника или синедриона, а также и все, кто хотел получить высшее образование в школах; наконец, годовичные праздники привлекали в Иерусалим тысячи богомольцев, которые стекались положительно со всех концов мира. И, наоборот, из Иерусалима во все страны мира расходились книжники, которые, получив образование в школах «мудрых», искали себе поприща деятельности среди единоплеменников в различных странах. Из Иерусалима же ежегодно рассылались по всем иудейским общинам календари, в которых определялись священные времена, и особые вестники с сообщением о наиболее выдающихся событиях, касающихся иудейского мира. И результатом такого оживленного взаимообщения было то, что разбросанные по всей земле иудеи живо сознавали себя одним народом, и достаточно было донестись до Иерусалима известию, что какая-нибудь иудейская община где-нибудь на Дунае или в Ливийской пустыне терпит голод или нужду, как весь иудейский мир приходил в движение и спешил оказать помощь своим страждущим братьям.

Эта национальная исключительность и взаимная сплоченность иудеев рано стала возбуждать подозрение и вражду в языческих народах, и это неприязненное чувство не замедлило еще более усилиться, когда иудеи явились сильными соперниками в торговых делах и захватывали в свои руки всю промышленность той или другой страны. Главным их занятием была торговля. Мелочная торговля и мелкие денежные обороты были почти исключительно в их руках. В некоторых местах они захватывали в свои руки даже оптовую торговлю. В Александрии почти вся хлебная торговля проходила через их руки, и они были почти исключительными посредниками, через которых Рим производил сношения с отдаленным Востоком. Да и вообще, где только можно было заработать деньги, там непременно являлся иудей, и мы встречаем их в Риме в качестве ученых, поэтов, актеров и певцов. Многие из них успели скопить громадные богатства, и влияние их чувствовалось в самых дворцах. Все это, естественно, возбуждало против них туземное население, часто попадавшее в денежную кабалу к ним, и ко времени Рождества Христова языческий мир, даже в лучших его писателях, относился к ним уже с крайней враждебностью и презрением. Касательно их распространялись чудовищные сказания. Предками их считались прокаженные, изгнанные из Египта. В пустыне, при недостатке воды, один осел будто бы указал им источник, и поэтому они поклонялись ослу, как богу. Даже такой серьезный писатель, как историк Тацит, думал, что Моисей дал им законы, противные всяким человеческим нравам. Запрещение свиного мяса было неистощимой темой остроумия римских юмористов. Где только ни появлялся иудей, его непременно преследовали языческие насмешки; на театральной сцене он был постоянным предметом плоских острот, которые, однако же, всегда вызывали смех, а на улице он часто должен был выносить довольно грубые неприятности от толпы, переходившие иногда в опасные побоища, требовавшие вмешательства

правительства, как это не раз бывало, особенно в Александрии и Антиохии.

Несмотря, однако же, на такое отношение языческого мира к иудеям, влияния их на этот мир не отрицали сами язычники, и оно усиливалось с каждым годом. Этому содействовало самое состояние языческого мира. Он клонился уже к упадку и разложению. Великие монархии Востока – Египетская, Ассирийская, Вавилонская и Персидская – все поочередно господствовали и исчезли.

Александр Македонский пытался воссоздать их на почве греческой культуры, но созданная им монархия не пережила своего основателя и после его смерти распалась на несколько отдельных частей, которые легко сделались добычей Рима. И вот Рим сделался властелином всего мира. Римские орлы победоносно пронесли от берегов Евфрата на востоке до столпов Геркулеса на западе, и от берегов Северной Африки на юге до Британских островов на севере. Достоянием их сделалась вся площадь земного шара, на которой проходила древняя история и которая включала новые страны с новыми полудикими народами, ожидавшими культурного возрождения. Великолепные военные дороги римлян соединили между собой народы всего цивилизованного мира, и началось изумительное круговращение в области религии, литературы, искусства и промышленности, какого еще не видано было в истории человечества. Рим, как столица мира, стягивал к себе все, что было лучшего в тогдашнем мире, и из него обратно расходилась во все стороны своеобразная римская цивилизация, разносимая легионами, правителями, писателями, купцами и промышленниками всякого рода. Это необычайное взаимообщение народов имело глубокое влияние на религиозно-нравственное состояние языческого мира. В Риме пришли в столкновение между собой всевозможные языческие культы, и их бесконечное разнообразие по необходимости должно было привести к убеждению, что языческие боги составляют лишь произведение самих народов и отнюдь не в состоянии удовлетворять присущей человеку потребности в безусловной истине религии.

Сильнее всего это сказалось на самих римлянах, вера которых в своих богов уже раньше была подорвана распространением греческих философских сочинений, прямо издевавшихся над олимпийцами, как над измышлением детского разума. Но так как человек не может быть без религии, то началось томительное искание истинного Бога, и в поисках за ним перебраны были все известные тогда религии и культы, и чем таинственнее был культ, вроде египетского, тем больше имел он приверженцев. В это же время многие стали невольно обращать внимание и на таинственного Иегову, религия которого поражала изверившихся в своих богов язычников тем сильнее, что она отвергала всякие символы для изображения этого Бога. Иудеи пользовались этим и приобретали себе прозелитов и приверженцев, среди которых были и члены знатных римских фамилий и даже члены императорского дома (императрица Пoppея Сабина). Прозелиты разделялись на два класса: пришельцев врат и пришельцев правды, отличавшихся между собой степенью принятия иудейства. Для первых достаточно было общей веры в Иегову с принятием «Ноевых законов», а от вторых требовалось полное подчинение всем постановлениям закона Моисеева. Большинство язычников ограничивалось первой ступенью, но было много и таких, которые вполне принимали иудейство. Этому движению еще более способствовало нравственное падение языческого мира, как неизбежное следствие падения религиозного. Вместе с языческими культами Востока в Рим вторгся и тот безнравственный тлен, который был неразлучен с ними. Отсюда началось ужасное общественное разложение, приводившее лучших людей к отчаянию (Рим 1:26 и сл.). Не видя никакой отрады в настоящем и потеряв всякую веру в будущее, люди задыхались от духовной пустоты и искали себе исхода или в безумных оргиях наслаждений, или же в самоубийстве, которое сделалось самым обычным явлением. Даже знаменитый философ Сенека, удрученный печальной действительностью, указывал на самоубийство как на лучший способ избавиться от невыносимого положения. Но самый инстинкт самосохранения противодействовал принятию такого ужасного способа, и потому, естественно, большинство искало другого исхода и находило его в присущей человеческому сердцу надежде на лучшее будущее.

Лучшие язычники стали надеяться, что откуда-нибудь должно было прийти спасение, если не от людей, то свыше. И надежда эта как раз совпала с тем ожиданием Избавителя мира, которое все сильнее разгоралось в иудейском мире и все шире распространялось через иудеев среди языческих народов. По свидетельству римских историков Светония и Тацита, в то время между римлянами и другими языческими народами ходила широко распространенная молва, что на Востоке скоро появится могущественный царь, который покорит себе мир. Римские поэты воспевали ожидаемое появление чудесного избавителя. Виргилий в своей знаменитой четвертой эклоге воспевал младенца, который должен был восстановить золотой век. Младенец этот снизойдет с неба, и на земле водворится мир; щедро будет он изливать свои дары; стада не будут бояться львов, ярмо снимется с шеи пашущего вола, и земледелец уже не будет работать в поте лица своего. Это славное мечтание римского поэта несомненно было отголоском знаменитого пророчества Исаии, что «родится Младенец, которому нарекут имя: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира», и тогда «волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя поведет их» (Ис 9:6; 11:6).

Все, таким образом, показывало, что приблизилось «исполнение времен». Собственно, среди иудеев ожидание пришествия Спасителя или Мессии достигло наивысшего напряжения. Древние предсказания пророков сделались предметом самого тщательного изучения и истолкования, и самой любимой книгой была книга пророка Даниила с ее точнейшими определениями времени явления Мессии. Неканонические книги подтверждали и разъясняли эти предсказания, дополняя их своими собственными соображениями и заявляя, что скоро сыны Израиля опять будут собраны в Иерусалим из отдаленных стран для поклонения своему Господу Богу (2 Макк 2:18) и что потомство Давидово будет владеть престолом во веки (1 Макк 2:57). Эти предсказания получили еще большее развитие в так называемых «Сивиллинских книгах», представляющих собой собрание пророческих изречений в стихах, наподобие языческих оракулов, и написанных, по всей вероятности, каким-нибудь иудеем из Александрии около 140 года до Р. Х. В них говорится, что скоро должен явиться царь, который положит конец всяким войнам на земле. Язычники, которые соберутся против Иерусалима, погибнут. Под покровительством посланного с неба царя Израилю будут дарованы мир и благоденствие, и затем сами языческие народы будут также приведены к поклонению истинному Богу и Его храму. Наконец, Бог учредит на земле вечное царство мира, «в которое будут собраны все народы». Ожидание это было до такой степени живо, что самые правители израильского народа во времена Маккавеев принимали власть лишь условно, «доколе восстанет Пророк верный» (1 Макк 14:41). В народе все невольно чувствовали, что пришло исполнение времен и спасение Израилево. При появлении всякого выдающегося проповедника или пророка все невольно спрашивали, не он ли Христос (Ин 1:19–20; Мф 11:3). Даже полуязыческие самаряне ожидали, что скоро придет Мессия, который разрешит все спорные вопросы между ними и иудеями касательно религии (Ин 4:25). Многие при этом не ясно представляли себе, в каком виде явится Мессия, и ожидали увидеть в Нем просто всемирного завоевателя, который покорит иудеям весь мир и создаст вечную монархию иудейскую. Но все более просвещенные духовно люди ожидали в Нем истинного Мессию, который искупит человека от рабства греху, водворит мир в возмущенной душе, призовет к себе всех труждающихся и обремененных, откроет вековую истину спасения и создаст вечное Царство Божие на земле.

И истинный Мессия пришел, наконец, и в ночь пришествия Его небеса над Вифлеемом иудейским огласились торжественной песнью ангелов, возвещавших наступление новой эры в истории человечества: «Слава по вышним Богу, и на земле мир, в человеках благоволение».

Приложения дополнительных замечаний по отдельным вопросам из Библейской истории Ветхого Завета

I. Дни творения

С историей творения мира связывается вопрос, что собственно нужно понимать под теми *днями*, которыми обозначаются отдельные акты творческой деятельности Бога. Есть ли это дни в собственном смысле этого слова, или под ними нужно понимать неопределенные периоды времени, заключающие в себе гораздо большую продолжительность? Наша богословская наука не дает в этом отношении какого-либо категорического решения, предоставляя его расширяющемуся свету знания, хотя и заметно стремление удержать буквальное понимание слова «день». Но новейшие толкователи, пользуясь всеми данными вспомогательных наук, все более склоняются к убеждению, что под днями творения отнюдь нет необходимости понимать дни в нашем узком смысле этого слова. Творцу не было никакой необходимости непременно назначать двадцать четыре часа на сотворение света, по двадцать четыре часа для создания звезд, растений или животных: Он мог создать все это в один миг, одним словом Своим. Такое ограничение было бы несогласно с самым существом Бога, для которого нет пределов времени, потому что для Него один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день. Отсюда можно думать, что и под «днем» разумеется просто неопределенное протяжение времени. Многие основания заставляют предполагать, что такое именно значение, именно значение неопределенного, более или менее продолжительного периода времени и имеет употребленное Моисеем слово *йом*, т. е. день.

- 1) Всем известно, что по-еврейски слово *йом* может означать и действительно означает во многих местах Св. Писания неопределенный период времени (Быт 2:4, 17; Лев 7:35, 36; Втор 9:24; 31:17–18; 32:7; Пс 2:7; Ис 34:8; 63:4; Иер 46:10; Иоил 2:31; Ам 3:14; Зах 14:9; Мф 10:15; 12:36; Ин 8:56; Рим 2:5; 2 Кор 6:2).
- 2) По-еврейски слово *период* нельзя выразить иначе, как через слово *йом*, так как в этом языке не существует другого слова для выражения этого понятия. Отсюда бытописатель, и разумея период, по необходимости должен был употреблять слово *йом*, как имеющее это широкое значение.
- 3) Эти два основания показывают *возможность* понимания дня в смысле периода. Другие соображения затем доказывают, что Моисей и действительно употребляет слово *йом* не в смысле суток в 24 часа, а в смысле неопределенного периода. Он именно говорит, что солнце и луна, как светила, назначенные для отделения дня от ночи, для управления днем и ночью, были поставлены Творцом в четвертый день творения. Следовательно, три первые дня отнюдь не могут быть днями в собственном смысле этого слова, так как для них не было главного условия, определяющего их продолжительность, т. е. не было того отношения земли к солнцу, в котором она находится теперь. Если же первые три дня, очевидно, были неопределенные периоды, то таковыми же были и следующие дни, так как ничто не дает нам права делать произвольное различие между *йом* в приложении к первым трем и *йом* в приложении к последним четырем периодам творения.
- 4) Сам бытописатель во второй главе своего повествования прямо показывает, что он под словом *йом* разумеет именно неопределенный период времени. Обобщая историю творения, он именно говорит: «Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время (*йом*), когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла» (Быт 2:4–5). Тут под словом *йом* уже прямо разумеется вся сумма дней творения, как неопределенный период времени, и во всяком случае уже не день в собственном смысле этого слова, так что и русский синодальный перевод передает здесь слово *йом* неопределенным *время*.
- 5) Космогонические предания других народов – предания, в которых нельзя не видеть, хотя и в искаженном виде, отголоска истинного предания, сообщаемого в Божественной откровении, считают дни творения продолжительными периодами. По индийскому преданию Брами был заключен в космическом яйце в течение 360 дней, по окончании которых яйцо раскололось на две половины, и из них он образовал небо и землю; каждый из этих 360 дней состоял из 12

миллионов лет. По преданию персов и этрусков, творение произошло в шесть равных периодов, из которых каждый равнялся тысяче лет. То же представление заключается и в халдейском сказании о творении, в котором под днем творения разумеется период в 43 200 лет.

а) Против такого понимания могут возразить, что им разрушается внутренний смысл самого повествования, именно как объяснения происхождения *недели* и установления *субботы* (Исх 20:10–11). Но хотя история сотворения мира объясняет происхождение недели, однако, отсюда еще нельзя заключать, что слово *йом* нужно понимать именно в буквальном смысле. Напротив, этим скорее объясняется то обстоятельство, почему именно неопределенные периоды творения названы днями. Так как они служили именно прообразами дней недели, то Моисей приспособительно к этому и назвал их *йом*, причем седьмой период сделался прообразом того дня, который должно посвящать Богу. Таким образом, история творения разделена на шесть отдельных дней-периодов, заканчивающихся днем покоя, чтобы глубже запечатлеть в душе человека долг свято соблюдать субботу. Отсюда же естественным было употребить для бытописателя слова *вечер* и *утро*, как общеизвестные грани между днями, причем он вечер ставит раньше утра, согласно древнему счислению времени, как оно и доселе сохраняется в церковных службах.

б) Могут возражать против изложенного объяснения дней творения, что оно не имеет ясного подтверждения в предании, в толкованиях отцов и учителей церкви. Но на это нужно сказать, что предание не дает единогласного решения, и хотя у древних толкователей преобладает понимание буквальное, но нет недостатка и в толковании иносказательном, именно в смысле неопределенных периодов. Так вся школа александрийских отцов и учителей церкви понимала выражение день, вечер и утро иносказательно. Затем блаженный Августин прямо говорит, что «нам трудно вообразить, какого рода могли быть эти дни», и для уяснения их прибегал к современным наукам, показывая этим и нам, что мы также должны пользоваться всем тем светом, который наука проливает на таинственные вопросы бытия. А новейшая наука, неизвестная древним, именно наука о земле, геология, дает положительные данные в подтверждение того, что дни творения – это продолжительные периоды, и правильная последовательность их, вполне согласующаяся с показанием бытописателя, писавшего историю творения за тысячи лет до появления самой геологии, служит новым поразительным доказательством богооткровенности книги Бытия.

II. Библейская хронология

Хронология есть один из самых спорных пунктов в библейской истории, так как в самой Библии нет достаточной определенности в летосчислении. Кроме того, что древнейшие тексты Библии в своих цифровых показаниях расходятся на сотни лет, в самых частностях летосчисления есть столько данных для различных выводов, что хронологи построили множество систем летосчисления, не менее

200. Главная причина такой неопределенности, прежде всего, могла заключаться в ошибках переписчиков священных книг, – ошибках, которые легче всего сделать именно в цифрах, так как при неразборчивости рукописи у переписчика нет возможности догадаться по контексту, как это бывает при переписке неразборчивых слов. Доказательством того, что такие ошибки именно были, служит цитата из книги Бытия (Быт 5:25–27), где в переводе 70 толковников говорится, что Мафусал жил 167 лет до рождения Ламеха и 782 года после него: «всех же дней Мафусала было 969 лет». Но при таком определении его лет является странная несообразность, именно, что Мафусал жил 14 лет после потопа. Ясно, что здесь вкралась ошибка, и потому в большинстве списков и переводов с греческого цифра 167 обыкновенно исправляется на 187, как это значит и в русском переводе. Отсюда мы можем заключить, что хронология, как не имеющая прямого отношения к основным началам веры и нравственности, есть предмет второстепенный в Библии и точное определение ее не входило в задачу бытописателя, а предоставлено усмотрению разума и изысканиям наук.

Тщательное исследование, между тем, показывает, что для составления точной и полной библейской хронологии нет твердых данных не только в отдельных цифрах лет жизни патриархов, но и в самых родословных, которые не проведены с безусловной последовательностью. Так, в еврейском тексте в родословной послепотопных патриархов пропущен Каинан, и говорится, что «Арфаксад родил Салу», между тем как по греческому тексту 70 и по свидетельству св. Луки (3:36) Сала был внук Арфаксада и сын Каинана. Таким образом, здесь нужно допустить или ошибку в еврейском тексте, или, с другой стороны, слово «родил» понимать не в строгом смысле сыновства, а в смысле вообще потомства. Что слово это иногда употребляется в Св. Писании в таком именно широком смысле, показывает Мф 1:8, где читаем: «Иорам родил Озию»; между тем, из истории известно, что Озия был не сыном Иорама, а его праправнуком (Иорам – Охозия – Иоас – Амасия – *Озия*). Еще неопределенное употребление в еврейском языке слова «сын», которое часто прилагается к отдаленным потомкам. Лаван в Быт 29:5 называется сыном Нахоровым, между тем как в действительности он был внуком его от Вафуила (Быт 21:15 и 29); Шевуил в 1 Пар 24:24 называется сыном Гирсона, сына Моисеева, хотя жил несколько столетий спустя после него; Христос называется «сыном Давидовым» и т. д. Ввиду этого нет ничего невозможного в том, что бытописатель мог опустить некоторые звенья генеалогии патриархов допотопных и послепотопных, чтобы подвести их под известную симметрию – по десяти родов в каждой, подобно тому, как это сделал св. Матфей, опуская некоторые звенья родословной Христа, чтобы подвести ее под три симметрические группы, состоящие каждая из четырнадцати родов (Мф 1:17). Если же так, то библейская хронология не может быть определена с безусловною точностью, и определение ее может иметь значение лишь приблизительное, каковое и совершенно достаточно для главной цели библейского повествования, именно уяснения постепенного хода веры и нравственности ветхозаветного человечества, жаждавшего избавления свыше.

	<i>Евр.</i>	<i>Греч. (и слав.)</i>
Сотворение мира	4 004	5 508 до Р. Х.
Потоп	2 349	3 242
Призвание Авраама	1 921	2 040
Рождение Исаака	1 897	2 015
Рождение Иакова	1837	1955
Переселение в Египет	1 706	1 825
Рождение Моисея	1 571	1 691
Исход из Египта	1 491	1 610

Но указанная неопределенность библейской хронологии отнюдь не дает места для произвольного отнесения сотворения человека на десятки и сотни тысяч лет до Р. Х., как это делают некоторые геологи, принимающие во внимание лишь показания слоев земли. Напротив, все более твердые и несомненные дынные показывают, что историческая жизнь человечества восходит не далее 5–6 тысяч лет до Р. Х., как это именно и выходит приблизительно по летосчислению 70 толковников, принятому православной церковью. Ввиду этого, последнее имеет больше значения и вероятия, чем еврейское, принятое западной церковью, и к этому убеждению начинают склоняться даже западные богословы (как например, Вигуру), припоминающие, что греческое летосчисление было принято и западной церковью, держалось в ней в течение шести веков и оставлено совсем не раньше XVI века. Разницу между этими системами летосчисления можно видеть из сравнительной таблицы (цифры обозначают годы до Р. Х.).

Но эти цифры колеблются в исчислениях различных ученых исследователей, и для окончательного установления требуют соображения их с показаниями последующих периодов библейской истории. Тогда исход из Египта нужно будет отнести к концу XV века, что склоняет весы вероятности в пользу еврейского летосчисления в этих позднейших периодах

истории.

III. Предания о потопе

Предание о потопе распространено по всему земному шару и самая распространенность эта служит сильным подтверждением его исторической достоверности. Следы его в той или другой форме мы встречаем у народов всех частей света, хотя и с видоизменениями, объясняющимися влиянием местных условий и своеобразных воззрений различных народов. В Индии Ману спасается от потопа в корабле, который он построил по предсказанию рыбы, и по выходе из корабля совершает образцовую жертву. В Персии Йима спасается от потопа в огороженном саду на вершине горы, где вместе с ним спаслись и представители всего живущего на земле. Известие об окончании потопа принесено ему птицей каршиптой. В Греции было два предания о потопе: в Беотии спасся от потопа в корабле Оигес, древний царь беотийский, сделавшийся родоначальником послепотопного человечества, а в Фессалии – Девкалион и Пирра, корабль которых остановился на Парнасе. В Египте, где наводнение считалось благодеянием, так как от него зависело благосостояние страны, предание о потопе изменено было в том смысле, что нечестивый род человеческий наказан был язвой, истребившей его весь, за исключением немногих лиц, сделавшихся родоначальниками нового человечества. Жертвоприношение спасшихся людей и обещание богов не губить впредь человеческого рода ясно указывает на то, что под этим преданием разумеется именно видоизмененное сказание о потопе, тем более, что и главный действующий в этом событии бог (Нун, Ну) имеет звуковое сходство с именем Ноя. В Америке, именно в Мексике, предание о потопе весьма близко подходит к библейскому. Мексиканский Ной – Кокс-Кокс спасся с своей женой на корабле; для удостоверения в состоянии земли он выслал коршуна, который не возвратился; но затем посланная колибри принесла ему ветвь с распутившегося дерева, которая и засвидетельствовала об окончании потопа. У жителей островов Фиджи существует предание, что их острова вскоре после заселения их были потоплены и все жители погибли, но боги выслали две барки, на которых и спаслось восемь человек.

Но самое сходное с библейским сказанием предание халдейское. Оно давно уже было известно в передаче его вавилонским жрецом Берозом, жившим в III веке до Р. Х.; но так как можно было подозревать, что Бероз, как писавший по-гречески и в столь позднее время, мог привнести в свой рассказ и черты, заимствованные из Библии, то ему и не предавали должного значения до последнего времени, когда открыт был халдейский подлинник этого предания. Именно при разборе найденной в развалинах Ниневии библиотеки известного царя Ассирии Ассурбанипала английский ученый ассириолог Джордж Смит нашел и прочитал большую поэму, в которой 11-я песнь и содержит повествование о потопе. Поэма найдена в трех копиях с обозначением, что они сделаны с древнейшего подлинника (от XVII века до Р. Х.) и, таким образом, свободны от посторонних влияний. Герой поэмы некий Издубар, которому его предок Ксисутр, десятый из первобытных царей (Ной – десятый из патриархов), рассказывает о том, как он спасся от потопа. Когда боги решили погубить развращенный род человеческий, то бог воды Нуа (рыбообразный) повелел Ксисутру построить корабль в 600 локтей в высоту и ширину, взять с собой своих семейных, слуг мужских и женских и все, что было необходимо для семени жизни, и войти в этот корабль. В рассказе подробно описывается, сколько пошло материалов на построение корабля, сколько запасено было провизии. Когда Ксисутр вошел в корабль и затворил за собой дверь, то открылись все источники бездны, полились дожди, продолжавшиеся шесть дней и шесть ночей, и всякая жизнь на земле погибла. Корабль остановился на горе Низир. В седьмой день Ксисутр открыл окно и выпустил голубя, но он возвратился, не найдя сухого места на земле; возвратилась и выпущенная ласточка, но выпущенный затем ворон остался на трупах и тем дал знать о прекращении потопа. Совершенное по выходе из корабля жертвоприношение было угодно богам, и они обещали никогда впредь не губить рода человеческого потопом. Несмотря на отдельные черты различия, мы сразу видим, что здесь рассказывается о том же самом потопе, о котором повествует

Библия. Это как бы лишь другая редакция того же самого рассказа, но уже носящая признаки потемнения и извращения и, что важнее всего, всецело проникнутая политеизмом, между тем как в Библии сказание является во всей своей первоначальной чистоте и истинности.

В общем, все эти предания, подтверждая истинность библейского повествования о потопе, доказывают вместе с тем, что все теперь населяющие землю народы произошли именно от одного родоначальника или его сыновей и, таким образом, составляют одну нераздельную общечеловеческую семью, имеющую одного Отца небесного.

IV. Гибель Содомы и Гоморры

Местоположение Содомского пятиградия доселе не определено с достаточной точностью; но большинство новейших географов полагают, что города эти находились к северу от Мертвого моря, в той части иорданской долины, которая теперь потоплена водой. Это само собой предполагает, что Мертвое море уже существовало и раньше катастрофы, так как оно служило бассейном, куда сливались воды Иордана, но, несомненно, было меньших размеров и отличалось другими свойствами, быть может, было таким же прозрачным и оживленным, как и озеро Галилейское, или Геннисаретское. Гибель этих городов есть одно из самых страшных и замечательных событий в Библии, и на нее чаще всего делаются указания как на доказательство страшного гнева Божия за попрание всяких законов нравственности. О событии этом повествуется в следующих знаменательных словах: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и (все) произрастания земли». Когда Авраам рано утром на другой день взглянул по направлению погибших городов, то увидел: «Вот, дым поднимается с земли как дым из печи». Тут мы видим одно из многих доказательств того, как Господь для наказания людей за беззаконие употребляет естественные разрушительные силы. Города погибли не от внутреннего раздора, не от руки врагов, но от такого бедствия, которого невозможно было ни предвидеть, ни избежать и о котором объявлено было лишь тогда, когда нечестие сделало это страшное наказание неизбежным.

Неудивительно, что такое страшное событие должно было обращать на себя внимание и писателей последующих времен, и указания на него мы встречаем как у позднейших иудейских и новозаветных писателей, так и у языческих. Иосиф Флавий говорит о нем следующее: «Прилегающая к озеру область Содомитская была некогда благословенною страной по своему плодородию, и украшалась многими городами, но теперь она совершенно выжжена. Рассказывают, что за нечестие ее жителей она была погублена молнией. Даже до настоящего времени можно видеть некоторые остатки небесного огня и следы пяти городов; в самых плодах появляется зола; по внешности и цвету они кажутся настоящими плодами, но стоит только подавить их рукой, как они превращаются в пыль и золу». Св. ап. Иуда в своем соборном послании говорит, что «Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример» всем делателям зла (Иуд 7). По свидетельству ап. Петра, Бог «города Содомские и Гоморрские осудил на истребление, превратил в пепел, показав пример будущим нечестивцам» (2 Петр 2:6). Но о событии этом свидетельствуют даже языческие писатели. Римский историк Тацит, подробно описывая Мертвое море с его поразительными особенностями, затем говорит: «Соседняя с ним равнина, некогда плодородная и заселенная большими городами, была погублена молнией, следы чего можно видеть в попаленной земле, теперь совершенно бесплодной». Древний географ Страбон, говоря о Мертвом море (которое он, впрочем, смешивает с Сирбонским озером на границе Египта), объясняет его необычайные особенности действием подземных вулканических сил, хотя прибавляет свидетельство о сохранявшемся у местных жителей предании, что оно образовалось вследствие катастрофы, погубившей Содом и двенадцать других соподчиненных ему городов, большая часть которых была поглощена водами озера.

Всемирный Потоп

Все эти свидетельства с достаточностью подтверждают историческую достоверность страшного события, но вместе с тем, отчасти способствуют уяснению самого способа гибели городов. Местность эта поражает необычайным изобилием серы. «Серные источники, – говорит один из новейших исследователей (каноник Тристрам), – повсюду бьют здесь по берегам; сера рассыпана или целыми слоями, или кусками и по всей запустелой равнине; вместе с тем смола большими массами всплывает со дна озера, просачивается чрез щели скал, перемешана с песком на самом плесе берега, или даже является с примесью опять серы, как бы вследствие какого-то необычайного потрясения... Воспламенение такой массы горючих веществ – от молнии ли, или от другой какой-либо причины, вместе с землетрясением, выбрасывающим смолу или серу из озера, способны сами по себе производить опустошение на прилегающей равнине». Эта особенность, таким образом, сама по себе делает довольно ясным способ гибели городов. Для этого нет надобности предполагать даже действие подземных вулканических сил. Все указывает именно на воспламенение горючих веществ, находящихся там в таком изобилии, и это воспламенение могло произойти от молнии или другой причины, превратившей всю долину с городами в «дымящуюся печь», как и свидетельствует библейское

повествование. Плиний говорит, что в Ликии в его время были так называемые Эфестовы горы, которые состояли из такого горючего вещества, что его можно было зажигать даже головней; от огня песок на берегу рек становился раскаленным и самая вода по своему серному свойству не только не тушила огня, а усиливала его. Ввиду этого обстоятельства становится понятным, почему не осталось и следов от погибших городов, если предполагать, что не вся долина была затоплена озером. Они могли быть построены из того же горючего вещества, от которого и погибли. Катастрофа эта, естественно, произвела глубокую перемену в окружающей местности, которая из роскошного оазиса превратилась в мрачную пустыню.

Все это, конечно, были лишь второстепенные причины, служащие только к уяснению самого способа гибели нечестивых городов; но за ними стоит главная и первая причина – воля праведного Судии, который самые естественные причины употребляет как орудия и средства к достижению Своих святых целей.

V. Голодные годы в Египте

Урожаи в Египте как в древности, так и теперь всецело зависят от разливов Нила, орошающих почву, так как дождей почти совершенно не бывает там, за исключением прибрежной полосы Средиземного моря. Но для этого требуется известная степень обилия воды, и в случае недостатка ее неизбежно наступает или плохой урожай, или полный неурожай, а за ним, естественно, и голод. Бедствие усиливается еще оттого, что недостаточный разлив реки сопровождается восточным и южным ветрами, которые совершенно иссушают землю и сжигают растительность. Обе эти причины, видимо, подразумеваются в повествовании о голодных годах, бывших при Иосифе. Ввиду этого само собой понятно, что голод, бывший при Иосифе, не был исключительным явлением. На египетских памятниках нередко встречаются указания на голодные годы, а также и на мероприятия против них. Особенно замечательна одна надпись на гробнице некоего Абаны-Бабы, свидетельствующая о голодных годах, которые иные египтологи отождествляют с голодными годами при Иосифе. Этот «начальник при столе князей», как он сам называет себя, подробно рассказывает о своей счастливой жизни и о том общем уважении, которым он пользовался у всех, и затем свою надгробную надпись заключает словами: «Я собирал жатву, как друг бога жатвы. И вот когда настал *голод, продолжавшийся много лет*, я выдавал зерновой хлеб городу в каждый голодный год». Ввиду чрезвычайной редкости случаев голода, продолжающегося по несколько лет в Египте, а также судя по времени жизни самого Бабы, многие исследователи и высказывают предположение, что в этой надгробной надписи разумеются те самые семь голодных годов, которые были при Иосифе.

Случаи многолетнего голода известны и из позднейшей истории Египта. Особенно замечателен в этом отношении голод, бывший в царствование халифа Эл-Мустансир-биллаха, тем более, что он как раз продолжался семь лет (1064–1071 гг. по Р. Х.). Голод этот по своей бедственности превосходил все другие, известные в Новейшее время. Страшная засуха и язва, по свидетельству современного писателя, продолжались в течение семи лет подряд, так что народ ел трупы животных, погибавших от нужды; скот погиб; собака продавалась за 5 динаров, кошка за 3 динара и ардебб пшеницы (около 6 четвериков) за 100 динаров. Даже у самого халифа погибли все лошади, за исключением трех. Образовались даже целые шайки похитителей детей, которые и пожирались. Свидетельство это с достаточностью показывает, от какого бедствия Иосиф своими мудрыми мероприятиями избавил Египет в свое время.

VI. Станы в пустыне

В книге Числ (33 глава) подробно перечисляются все станы, которые делались израильтянами с самого выхода из Египта до вступления в Землю обетованную. Хотя большая часть этих станов еще не определена с точностью, так как и в самом определении направления пути израильтян существует между учеными исследователями большое разногласие, тем не менее последовательный ряд этих станов немало служит к уяснению странствования израильского

народа. Вот список этих станов.

I. СТАНЫ В ЕГИПТЕ:

1. Раамсес, укрепленный город, исходный пункт. 2. Сокхоф, на день пути от Раамсеса. 3. Ефам, близ крепости того же имени. 4. Пигахироф, перед Ваал-Цефоном и Мигдолом, близ Чермного моря.

II. СТАНЫ ПО ПУТИ К СИНАЮ:

5. Мерра. 6. Елим. 7. Стан у Чермного моря. 8. В пустыне Син. 9. Дофка у египетских рудников. 10. Алуш. 11. Рефидим. 12. В пустыне Синайской, на равнине Эр-Раха.

III. СТАНЫ ПО ПУТИ ОТ СИНАЯ К ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ:

13. Киброт-Гаттаава (гробы похотения). 14. Аси роф. 15. Кадес (в пустыне Фаран – Числ 13: 1–27).

IV. СТАНЫ ВО ВРЕМЯ 38-ЛЕТНЕГО СТРАНСТВОВАНИЯ ПО ПУСТЫНЕ:

16. Рифма. 17. Риммон-Фарец. 18. Ливна. 19. Рис са. 20. Кегелаф. 21. На горе Шафер. 22. Харада. 23. Макелоф. 24. Тахаф. 25. Тарах. 26. Мифка. 27. Хашмона. 28. Мосероф. 29. Бене-Яакан. 30. Хор-Агидгад. 31. Иотвафа. 32. Аврон. 33. Ецион-Гавер. 34. В пустыне Син, она же и Кадес.

V. ПОСЛЕДНИЕ СТАНЫ ОТ КАДЕСА:

35. У горы Ор, у пределов земли Едомской. 36. Салмона. 37. Пунона. 38. Овоф. 39. ИймАварим, на пределах Моава. 40. Дивон-Гад. 41. Алмон-Дивлафаим. 42. На горах Аваримских, перед Нево. 43. На равнинах моавитских, у Иордана, против Иерихона.

Среди станов во время 38-летнего странствования обращает на себя внимание Кадес.

Это тот пункт, с которого посланы были соглядатаи в Землю обетованную, и он составляет самый далекий стан, до которого только доходили израильтяне по прямому пути в Ханаан. Из него они принуждены были возвратиться опять в пустыню, но он, видимо, несколько раз служил местом становища и был как бы центральным пунктом во время всего странствования, чем и объясняется неоднократное упоминание о нем.

VII. Манна

Начиная с восьмого стана – в пустыне Син – манна сделалась источником пропитания израильтян и служила таковым до самого вступления в Землю обетованную. Источник этот был совершенно необычайный и чудесный; но для уяснения того, что собственно представляла собой эта манна, может служить, отчасти, встречающаяся на Синайском полуострове естественная манна, так называемая тамарисковая, с которой некоторые исследователи, усиливающие все чудесное низводить на почву естественную, даже стараются отождествить ее.

В некоторых частях Синайского полуострова действительно встречается естественная манна,

по своим свойствам отчасти похожая на библейскую и даже теперь называемая у местных бедуинов *манна эссема*, т. е. «небесная манна». Это беловатое смолистое вещество, имеющее душистый запах и высачивающееся из стволов особого кустарника – тамариска (*tamarix mannifera*). Тамариск растет в западной половине Синайского полуострова, в каменистой Аравии и в странах заиорданских. Собственно на Синайском полуострове истечение этого смолистого вещества происходит в месяцах мае и июне, вообще после зимних дождей. В другие месяцы его совершенно не бывает. Оно имеет вкус меда и сочится из кустарника совершенно так же, как известная смола, которая высачивается временами из вишневого ствола и, в случае особенного изобилия, падает на землю. При падении на землю манна, естественно, принимает в себя и другие элементы, так что для употребления ее требуются известные приспособления. Арабы кипятят ее в горшке, затем пропускают через полотно для очищения, и потом сливают в жестянки, в которых она может сохраняться по несколько лет. Местные бедуины и греческие монахи едят ее с хлебом как медовую приправу, но она никогда не употребляется в качестве и взамен самого хлеба. Ясно, что такая манна не может служить источником пропитания, так как она не в состоянии поддерживать жизненных сил. Даже один из исследователей, старающихся отождествить небесную манну, которой питались израильтяне, с тамарисковой, находит себя вынужденным сказать, что «последней было бы совершенно недостаточно для питания, так как она не содержит в себе азотистого начала» (Бартело).

Но, кроме этого, между небесной манной, служившей источником пропитания израильтян, и манной тамарисковой есть много других существенных отличий, делающих отождествление их совершенно невозможным. Израильтяне получили ее впервые в пустыне Син, в восьмом стане (Исх 16:1–14), когда именно на поверхности земли, к изумлению народа, появилось «нечто мелкое, круповидное, мелкое как иней на земле», и они питались ею в течение всего своего сорокалетнего странствования по пустыне. Она перестала падать уже тогда, когда они перешли через Иордан (Ис Нав 5:12). В течение всего странствования она выпадала каждое утро, как роса, и в таком количестве, которого достаточно было для пропитания целого народа, состоявшего не менее как из двух или даже трех миллионов душ. Каждый собирал ее столько, сколько достаточно было для пропитания себя и своего семейства, именно по гомору на душу (Исх 16:16). Накануне субботы выпадение манны и сбор ее были в двойном количестве, чтобы не нарушать субботнего покоя (16:22–24), и она не портилась, хотя в остальные дни недели всякий излишек подвергался порче и гниению. В субботные дни манна совершенно не появлялась, хотя некоторые сначала выходили для сбора ее и по этим дням (Исх 16:27). По дальнейшему описанию – «манна была как кориандровое семя; белая, вкусом же подобна лепешке с медом» (16:31). Кориандр есть небольшое зонтообразное растение, с мелкими круглыми семенами. В Числ 11:7 манна по виду уподобляется бдолаху («видом как бдолах»); бдолах есть смолистое вещество, вытекающее из бдоллы, особого рода пальмы. Она была настолько твердая, что ее нужно было молоть на жерновах, толочь в ступе, варить в котлах и затем делать из нее лепешки, которые вкусом были подобны лепешкам с елеем или медом (Числ 11:8; Исх 16:31). Со временем эта однообразная пища, естественно, приелась и надоела израильтянам, так что они роптали и называли манну «негодною пищею» (Числ 21:5), или точнее – «слишком легкой»; но в действительности они не голодали и, во всяком случае, не умирали с голоду, как это было бы неизбежно с манной тамарисковой.

Из этих подробностей видно, что библейская манна отнюдь не то же, что тамарисковая. Кроме непригодности последней для питания, ее было бы положительно недостаточно для израильтян. Для них, по меньшей мере, требовалось до полумиллиона пудов манны еженедельно, между тем как тамарисковой манны даже в хорошие годы собирается не более 25–30 пудов в год, и она служит лишь лакомой приправой к хлебу для местных жителей. Притом, тамарисковая манна была хорошо известна в Египте; о ней часто упоминается на памятниках под названием «белая манна», и она, поэтому, не могла бы так поразить израильтян, как поразила их манна чудесная.

VIII. Валаам

Валаам представляет собой одну из замечательнейших личностей в библейской истории по той раздвоенности духа и смеси в нем истины и заблуждения, которые он обнаруживает в своих действиях. Он происходил из города Пефора, лежавшего на берегу Евфрата, в северной части Месопотамии. Город этот был центром всякого рода волхвов и прорицателей и пользовался обширной известностью во всех окружающих странах. Самым замечательным из них был Валаам, который обладал знаниями, далеко превосходящими познания обычных языческих прорицателей. В некоторых своих изречениях он прямо обнаруживает знание истинного Бога и даже тех обетований, которые даны были Аврааму и последующим патриархам избранного рода. Это, несомненно, объясняется прежде всего тем, что на реке Евфрат среди населения сохранялись предания о бывших откровениях Аврааму, вышедшему именно из этой местности, но затем и самым характером положения Валаама. Как прорицатель, пользовавшийся обширной известностью у различных соседних народов, он для поддержания своей славы, очевидно, должен был следить за ходом религиозных воззрений этих народов, изучать их, чтобы при случае не обнаружить своего невежества перед прибегавшими к его помощи царями. Отсюда, если сравнить его изречение в Числ 23:10 с обетованием Божиим Аврааму в Быт 13:16, и особенно Числ 23:24; 24:9 с Быт 49:9; Числ 24:17 с Быт 49:10, то сразу будет видно, что Валаам хорошо был знаком с религией Иеговы и историей избранного народа.

Это знакомство не могло не иметь на него благотворного влияния, и он в глубине своей души носил искру истинного боговедения и убеждения в превосходстве Иеговы над всеми языческими богами; но внешнее его положение в качестве прорицателя и особенно обычное у волхвов корыстолюбие не давали разгореться этой искре в нем и заглушили ее до того, что он противился прямым внушениям Божиим. Ввиду этого, самые взгляды на него двоятся. Одни, как например, Тертуллиан и блаженный Иероним, считают его истинным пророком, но только погрешившим через свою корысть и честолюбие; другие, как например, Филон Александрийский, св. Амвросий Медиоланский и блаженный Августин, видят в нем ложного пророка и язычника, который только сделался орудием благословения для израильтян. Само Св. Писание скорее дает основания в пользу последнего взгляда, так как он называется не словом *наби*, прилагаемым к истинным пророкам, а только *косем*, т. е. прорицателем, волхвом, что обыкновенно прилагается только к людям, занимающимся волхвованием, запрещенным в законе (Втор 18:10 и сл.; 1 Пар 15:23 и др.).

Вопреки своим глубочайшим убеждениям, он за «мзду неправедную» хотел проклясть Израиля, но в самый торжественный момент, под влиянием Духа Божия, истина в нем восторжествовала над ложью и он превратился в истинного пророка, изрекшего одно из самых возвышенных пророчеств о Мессии: «Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых» (Числ 24:17). Эта звезда, восходящая от Иакова, этот жезл, поражающий Моава и всех врагов Израиля, есть именно Мессия, как на это указывает самая торжественность тона, возвышенная иносказательность, отдаленность самого времени и единогласное предание как иудеев, так и христиан. Мнение, что под звездой здесь разумеется Мессия, было столь распространено среди иудеев, что один из лжемессий, именно являвшийся при Адриане, называл себя прямо «сыном звезды» (Бар-Кохба). Отцы и учителя церкви единогласно разумеют Мессию.

IX. Солнцестояние при Иисусе Навине

В битве при Гаваоне совершилось одно из величайших чудес, о которых только повествуется в Библии. Именно, Иисус Навин остановил солнце и луну в их обычном течении и тем продолжил день, давший ему возможность докончить поражение врагов. Об этом чуде в книге Иисуса Навина рассказывается так: «Иисус воззвал к Господу в тот день, в который предал Господь Бог Амморей в руки Израилю, и сказал пред израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе

народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: стояло солнце среди неба, и не спешило к западу почти целый день? И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь (так) слышал бы гласа человеческого. Ибо Господь сражался за Израиля» (Ис Нав 10:12–14). Затем, в подтверждение этому, автор книги Иисуса, сына Сирахова, характеризуя Иисуса Навина, говорит, между прочим: «Не его ли рукою остановлено было солнце, и один день были как бы два?» (Сир 46:5). Так как это чудо касается астрономической области, где с особенной определенностью признается действие правильных и неизменных законов, то неудивительно, что оно встречает много возражений. Прежде всего, указывают на неправильность самого выражения: *стой, солнце*, так как для удлинения дня требовалось бы остановить *землю*, которая своим движением вокруг своей оси и производит явление дня и ночи. Но на это нужно сказать, что Иисус Навин не имел ввиду в пылу битвы соблюдать точность астрономических выражений, а высказал свое повеление обычным разговорным термином, который вполне допускает такое выражение. Это солнцестояние имело своим результатом удлинение дня настолько, что день этот был совершенно необычайным, «был как бы два дня». Некоторые толкователи, чтобы избежать как указанного, так и других возражений против чуда, стараются объяснить эту продолжительность дня субъективным впечатлением Иисуса Навина и израильтян, именно в том смысле, что поражение, нанесенное ими неприятелям, было такое полное, что для него, по-видимому, недостаточно было бы одного обыкновенного дня, и потому день тот как будто в действительности был вдвое продолжительнее. В подтверждение этого ссылаются на то, что самое повествование о чуде берется из «Книги праведного», т. е. сборника героических песен, в которых воспевались с обычной поэтической вольностью различные события и подвиги израильтянских героев. Но на это нужно сказать, что цитата из «Книги праведного» приводится не как источник самого события, а лишь в подтверждение рассказа самого Иисуса Навина, в том смысле, что это великое событие к тому времени, когда писал свою книгу Иисус Навин (в конце своей жизни), уже сделалось предметом народного поэтического творчества, воспевалось в «Книге праведного», таким образом, было событием общеизвестным, не требовавшим особенного удостоверения в его действительности. Что касается самой продолжительности дня, то, ввиду недостаточной определенности выражений в повествовании о чуде, определить ее невозможно. День, видимо, уже клонился к западу, так как виден был на небе и серп луны. Поэтому можно только предполагать, что с момента чудесной остановки солнца ночь не наступала еще так долго, что израильтяне имели полную возможность докончить дело поражения неприятеля и самый день сделался как бы двойным против обыкновенного.

Но как могло совершиться такое чудо, не нарушая всего стройного течения мирового порядка? На этот вопрос, задаваемый астрономами, Библия не отвечает ни одним словом, предоставляя решение его собственным силам разума. В таком случае возможны два предположения: 1) или Бог действительно остановил земной шар в его суточном движении вокруг своей оси, или 2) не останавливая земли, заставил солнце оставаться видимым Иисусу Навину в продолжение всего того времени, которое требовалось для победы. Против первого предположения возражают, что внезапная остановка земли причинила бы страшное потрясение всех предметов на ее поверхности, а также и значительный беспорядок среди небесных тел, так как земля вышла бы из своей орбиты и нарушила бы правильность движения луны. Но возражение это разрешить нетрудно. Тот, Кто мог остановить так землю в ее движении, настолько мудр и всемогущ, чтобы предотвратить и гибельные последствия такой остановки. Притом возражение, предполагающее возможность нарушения порядка в самом соотношении небесных тел, несостоятельно и само по себе, потому что годичное движение земли вокруг солнца и движение луны вокруг земли независимы от вращения земного шара вокруг своей оси; вследствие этого, даже во время остановки его вращения вокруг своей оси передвижение его в пространстве вокруг солнца и движение луны не могли получить какого-либо сильного потрясения или видоизменения. Что касается второго предположения, именно допускающего кажущуюся остановку солнца без действительной остановки земли, то предпочитающие такое объяснение рассматриваемого чуда должны допустить чудесное отклонение солнечных лучей,

направленных к освещению Палестины. А это уклонение могло произойти или по непосредственному действию всемогущества Бога, благоволившего дать лучам солнца то именно направление, какое нужно было для удлинения дня; или же посредством естественных способов отражения или преломления лучей, что также дало бы возможность видеть солнце в такие часы, когда оно при обыкновенном состоянии было бы совершенно закрыто от глаз. Против исторической достоверности чуда делается еще одно возражение, именно, что оно непременно по своей необычайности поразило бы и другие народы; между тем, мы совершенно не находим о нем свидетельств в летописях древних народов, которые могли бы быть свидетелями этого чудесного события. Хотя у китайцев и встречается свидетельство об одном дне, бывшем более продолжительным, чем обыкновенно, но вообще можно полагать, что чудесная продолжительность дня едва ли могла быть заметна еще где-либо, кроме Палестины.

Кроме своего чисто физического значения, чудо это имело и весьма важное религиозно-нравственное значение. Оно показывало ханаанским народам, боготворившим солнце и луну под видом Ваала и Астарты, что Иегова, Бог израильский, есть единый истинный Бог и в Его всемогущем распоряжении находятся те светила, которые безумно боготворились язычниками. Последние, таким образом, кроме жестокого физического поражения от израильтян, понесли и не менее сильное поражение нравственное, которое должно было окончательно отнять у них всякое мужество в борьбе с пришельцами.

Х. Библейское времясчисление

Для более полного уяснения многих событий библейской истории необходимо некоторое знакомство с библейским времясчислением.

Евреи считали день от одного заката солнца до другого, и такой счет принят в Библии, как это видно из определения протяженности субботнего дня: «От вечера до вечера празднуйте субботу вашу» (Лев 23:32). Такой счет доселе сохраняется в церковном уставе и в богослужебных книгах православной церкви. Для обозначения суток, т. е. 24 часов времени, не было особого слова, и в этом случае употреблялось выражение *вечер* и *утро*, как это видно из самой истории сотворения мира (Быт 1:5). День, в собственном смысле этого слова, разделялся на три части – вечер, утро и полдень (Пс 54:18), которые, в свою очередь, делились еще на более мелкие части. Вечеров собственно различалось два, из которых один был при самом начале захождения солнца, а другой при окончании его, и позднейшие иудейские секты немало спорили между собой касательно точного различения этого подразделения вечера. Разделения на часы древние иудеи не знали и самое слово *шаа* — «час» впервые встречается у пророка Даниила, и притом скорее в смысле вообще краткого времени, чем часа в собственном смысле этого слова (см. например, Дан 5:5). Только уже после Рождества Христова у иудеев вошло в употребление разделение дня на двенадцать часов, считавшихся от восхода солнца до заката, но и это разделение не имело особенной точности, так как часы или удлинялись, или уменьшались в своем протяжении, смотря по долготе или краткости дней в летние или зимние месяцы года. До плена вавилонского иудеи делили ночь на три *стражи* (Пс 62:7; 89:5); первая стража продолжалась от заката солнца до 10 часов ночи (Плач 2:19), средняя от 10 до 2 часов ночи (Суд 7:19) и третья, или утренняя стража до восхода солнца (Исх 14:24). После завоевания Палестины римлянами у иудеев вошел в употребление римский обычай разделять ночь на четыре стражи.

Семь дней или суток составляли *неделю* (Быт 29:27–28). Седьмой день посвящался Господу – в память покоя Творца по окончании творения мира, откуда и дано ему название *суббота*, т. е. покой (Быт 2:2; Исх 20:11). Отдельные дни не имели особых названий и обозначались просто числами: первый, второй день и т. д., начиная от субботы (Мк 16:2; Лук 24:1; Ин 20:1). Иудеи-эллинисты называли пятницу днем приготовления, так как этот день они посвящали приготовлению к празднованию субботы. Суббота имела весьма большое значение в общественной жизни иудеев и строго соблюдалась до позднейшего времени.

Как закатом и восходом солнца определялись дни, так движением луны определялись месяцы (Сир 43:6–8). Месяцы были совершенно лунные, и так как вращение луны вокруг земли совершается в 29 BS дней, то и месяцы у евреев попеременно были в 29 и 30 дней, причем первые назывались «недостаточными», а последние – «полными». Сначала они не имели особых названий и различались лишь по числовому обозначению их – первый, второй месяц и т. д. (Быт 7:11; 8:4–5), но с течением времени вошли и особые названия, хотя в Пятикнижии такое название носит только один месяц *Авив*, т. е. месяц новых колосьев, сделавшийся началом священного года и получивший впоследствии название *Нисана* (Исх 12:2; 23:15; Втор 16:1). Во время вавилонского плена иудеи усвоили халдейские названия для месяцев, которые и вошли в окончательное употребление. Вот эти названия в последовательном порядке месяцев священного года, с обозначением соответствующих месяцев по нашему календарю:

- 1) *Нисан*, древний Авив (Неем 2:1), в 30 дней, соответствует марту.
- 2) *Зиф* (3 Цар 6:1), месяц цветов, в 29 дней, соответствует апрелю.
- 3) *Сиван* (Вар 1:8), в 30 дней, соответствует маю.
- 4) *Таммуз*, в 29 дней, соответствует июню.
- 5) *Аб*, в 30 дней, соответствует июлю.
- 6) *Елул* (Неем 6:15), в 29 дней, соответствует августу.
- 7) *Тисри* или Афаним (3 Цар 8:2), в 30 дней, соответствует сентябрю.
- 8) *Бул* (3 Цар 6:38), месяц дождей, называемый также Мархесван, в 29 дней, соответствует октябрю.
- 9) *Хаслев* (Зах 7:1), в 30 дней, соответствует ноябрю.
- 10) *Тебеф* (Есф 2:16), в 29 дней, соответствует декабрю.
- 11) *Шеват* (Зах 1:7), в 30 дней, соответствует январю.
- 12) *Адар* (Есф 3:7), в 29 дней, соответствует февралю.

Число месяцев было обыкновенно двенадцать (3 Цар 4:7; 1 Пар 27:1–15); но через каждые три года, чтобы уравнивать лунный год с солнечным (против которого он на 11 дней короче), иудеи прибавляли к двенадцати обычным месяцам еще один месяц – тринадцатый, который назывался *Веадар*, т. е. дополнительный Адар; он полагался между Адаром и Нисаном и состоял из 29 дней.

По временам года месяцы распадалась на шесть отдельных групп, которыми обозначались периоды различных земледельческих работ, и они шли в следующем порядке:

I. *Время посева*: Тисри – последняя половина, Мархесван и Хасле – первая половина (ранние дожди).

II. *Время произрастания*: Хаслев – последняя половина, Тебеф и Шеват – первая половина.

III. *Холодное время*: Шеват – последняя половина, Адар и Нисан – первая половина (поздние дожди).

IV. *Время жатвы*: Нисан – последняя половина, Зиф и Сиван – первая половина (весеннее равноденствие, созревание ячменя и Пасха; в Сиване созревание пшеницы, Пятидесятница).

V. *Лето*: Сиван – последняя половина, Таммуз и Аб – первая половина.

VI. *Знойное время*: Аб – последняя половина, Елул и Тисри – первая половина (в последнем – соби́рание плодов).

Таким образом, шесть месяцев, начиная с последней половины Тисри до половины Нисана, проходили в обработке земли, а остальные в жатве и соби́рании плодов. При этом нужно заметить, что указанное выше соответствие с нашими месяцами имеет лишь приблизительную верность, так как большей частью иудейские месяцы как лунные в точности не совпадали с нашими – солнечными. Поэтому Нисан например, нужно полагать где-нибудь между мартом и апрелем, и т. д.

Что касается года, то у иудеев различалось два Года – *священный* и *гражданский*. Священный год начинался с месяца Нисана. Он установлен был с исхода израильтян из Египта и получил особенное значение в смысле такого года, по которому распределялись все великие праздники и священные торжества, имевшие связь с событием освобождения и законодательства. В обыденной же жизни оставался в употреблении обычный год гражданский, начинавшийся с месяца Тисри – сентября, так как по иудейскому преданию мир сотворен был осенью.

XI. Библейские веса и деньги

1) *Весы*. Единицей библейского веса считался *сикль*, шекель – «вес»; сикль подразделялся на две *беки* или полусикля (Исх 30:13; Лев 27:25; Числ 18:16), а впоследствии и на трети (Неем 10:32) и на четверти (1 Цар 9:8). В беке считалось десять *гер*, так что двадцать гер составляли полный, так называемый священный сикль. Кроме этих мелких единиц веса были в употреблении и сложные высшие единица веса. Это так называемая *мина*, состоявшая из 60 сиклей (Иез 14:12); 60 мин, в свою очередь, составляли *талант* — высшую единицу веса (Исх 38:24, 26). Талант называется по-еврейски *киккар*, т. е. круглый, так как самая гиря имела, вероятно, круглую форму. В нем было 3600 сиклей.

Гири сначала были каменные, и чтобы постоянно иметь узаконенную систему веса, Моисей установил при скинии правильные весы, с которыми народ должен был сверять свои весы и гири и прибегать к ним в случае возникновения каких-либо споров. Вес этот назывался священным (сикль священный – Исх 30:13; Лев 27:25). Эти весы и гири впоследствии были перенесены в храм и поручены охране священников (1 Пар 23:29). Неизвестно собственно, какую форму имели эти гири. У ассирийян и египтян они имели форму различных животных (львов, волов и пр.), как это видно из различных изображений, сохранившихся на памятниках. При обыденных торговых сделках продавец и покупатель обыкновенно пользовались своими собственными весами, которые постоянно носились за поясом или в особой сумке, причем бывали случаи и обмана посредством фальшивых гирь (против чего и направлено особое постановление закона – Втор 25:13).

Для определения библейского веса у нас имеются данные лишь из времени Маккавеев, именно серебряные сикли; но можно предполагать, что они того же веса, какой установлен был при Моисее. В таком случае библейскую систему веса можно представить в следующей табл. 1.

Табл. 1

1 гера					15,86 долей
10	1 бека				1 зол. 65,20 д.
20	2	1 сикль			3 зол. 34,40 д.
1 200	120	60	1 мина		2 ф. 9 з. 48 д.
72 000	7 200	3 600	60	1 талант	3 п. 5 ф. 90 з.

Табл. 2

1 сикль			4 зол. 6 дол.
100	1 мина		4 ф. 22 зол. 23 дол.
10 000	100	1 талант	10 п. 23 ф. 15 зол. 92 д.

Но такой вес был только для серебра, как наиболее ходячего и употребительного металла. Для золота вес этот несколько видоизменялся и был больше, как это можно видеть из следующей табл. 2.

При помощи этих таблиц можно сделать вычисление для перевода на наш вес всех встречающихся в библейской истории весовых единиц. Так, слуга Авраама Елеазар подарил невесте Исаака Ревекке при первой встрече с ней «золотую серьгу весом полсикля и два запястья на руки ей, весом в десять сиклей золота». Это значит: серьга весила 2 зол. 3 доли, запястья – 40 зол. и 60 долей.

2) Деньги. Денег в смысле чеканной монеты у израильтян не было до позднейшего времени, именно периода Маккавеев. Купля-продажа большей частью производилась через обмен самых предметов, хотя уже рано некоторые предметы, особенно домашние животные, получили значение своего рода меновой монеты, так что стоимость известной вещи определялась известным количеством телят, овец, козлят и т. д. Но вместе с тем, ценность этих предметов скоро была переведена на драгоценные металлы, которые и стали употребляться в качестве денег, хотя и не имели еще определенной монетной стоимости, которая определялась единственно по весу. Куски серебра или золота, ходившие в виде простых слитков, колец, различных фигур, имели известный вес и по нему не только определялась их стоимость, но и придавалось им самое название. Если кусок весил талант, мину или сикль, то и назывался *талантом*, *миной* или *сиклем* и т. д., так что монетная система первоначально вполне соответствовала системе весовой, как она определена выше. Сикль (или сребреник) в этом смысле упоминается уже в книге Быт 20:16, причем есть указания и на подразделение его на беки или полусикли и на геры, которых было 20 в сикле (Исх 30:13). Из крупных денежных единиц в Исх 37:24 упоминается талант. Но слитки драгоценных металлов не имели точного, установившегося веса, а следовательно и ценности, и потому для определения их ценности приходилось часто прибегать к весам, как это было и в Египте, где на памятниках можно часто видеть изображение взвешивания слитков. В некоторых местах упоминается особая монета, так называемая *кесита* (Иаков купил часть поля за сто «монет», *кесита* — Быт 33:19 и др.) Что, собственно, разумеется под этим названием – неизвестно; но судя по тому, что у 70 греческих толковников и в Вульгате слово это переведено словом «ягненок», можно думать, что это были такого рода слитки, которые имели форму ягненка и ходили по известной определенной цене, имея определенный вес.

Библейскую денежную систему можно выразить таким образом в соответствующей весу таблице, из которой вместе видно будет, что в этой системе сделаны некоторые отступления от весовой системы. Но чтобы определить ценность того или другого веса металла и, прежде всего, серебра, мы за норму берем русский серебряный рубль. В нем значится 4 золотника 21 доля чистого серебра. Так как на одну копейку приходится 4,05 долей серебра, то, следовательно, 1 гера серебра будет равняться 3,91 коп. Для округления вычисления мы полагаем ценность геры в 4 коп. и тогда вся денежная система выразится в следующей табл. 3.

Табл. 3

1 гера					4 коп.
10	1 бека				40 коп.
20	2	1 сикль			80 коп.
1200	120	60	1 мина		48 руб.
60 000	6 000	3 000	50	1 талант	2 400 руб.

Табл. 4

1 сикль			4 зол. 6 дол.
100	1 мина		4 ф. 22 зол. 23 дол.
10 000	100	1 талант	10 п. 23 ф. 15 зол. 92 д.

Чтобы составить подобную же таблицу для золота, нужно принять во внимание сравнительную стоимость этих металлов в библейское время. По наиболее тщательному исследованию оказывается, что в древности в Западной Азии золото было в 13 раз дороже серебра (в Афинах в 12, а в настоящее время в 16).

Рассчитывая по этой норме, мы получим следующую табл. 4 золотой монеты.

После плена вавилонского между иудеями вошли в употребление персидские червонцы, так называемые *дарики*, с изображением на лицевой стороне царя с копьем в правой и луком в левой руке и на обороте – неправильного четырехугольника. Эти дарики, или по-еврейски *даркмоны*, стали впоследствии известны под названием *драхм* (Езд 2:69 и др.). Ценность их неизвестна, но приблизительно определяется в 6 рублей 25 коп., следовательно, равнялась золотому полусиклю.

При Маккавеях впервые появляется чеканная монета. Именно Симон Маккавей получил в 140 году до Р. Х. от сирийского царя Антиоха VII право чеканить монету (1 Макк 15:6) и от этого времени до нас дошло много монет, которые можно видеть в музеях. На лицевой стороне маккавейских сиклей значится: «Сикль (или полусикль) Израильский», а на обороте: «Иерусалим святой».

При римлянах также чеканились сикли, на которых с лицевой стороны выбивалось изображение того или другого римского императора, а на обороте – женщина под деревом с надписью по сторонам: *Judaea capta* (плененная Иудея).

XII. Меры длины

При измерении длины евреи, как и все древние народы, пользовались самыми естественными средствами, именно различными частями человеческого тела. Отсюда самой обыкновенной мерой был *локоть* (*амма*), под которым разумеется нижняя часть руки от локтя до кончика среднего пальца. В Библии нет точного и ясного определения локтя, и потому его приходится определять по частным указаниям и соображениям. Приблизительно его определяют в 21 дюйм, что составит Vs аршина или 12 вершков. Локоть, в свою очередь, разделялся на две *пяди*, под которыми разумеется пространство от конца большого пальца до кончика мизинца в их растянутом положении (Исх 23:16; 1 Цар 17:4). Пядень подразделяется на три *ладони* (*тефак*), соответствующих естественной ширине ладони (Исх 25:25 и др.). Ладонь затем разделяется на четыре *перста* (Иер 52:21). Из более крупных мер длины известна так называемая у пророка Иезекииля *трость* (*капе*) — «шесть полных локтей» (Иез 41:8). Этим и ограничиваются более или менее определенные меры длины. Их можно представить в следующей табл. 5.

Табл. 5

1 перст					½ вершка
4	1 ладонь				2 вершка
12	3	1 пядень			6 вершков
24	6	2	1 локоть		12 вершков
144	36	12	6	1 трость	1 с. 1 арш. 8 в.

Для примера перевода этих мер на русские можно взять сообщение в 1 Цар 17:4, где говорится, что «Голиаф был ростом шести локтей и пяди».

На русскую меру это значит, что филистимский исполин был ростом в 4 аршина и 14 вершков, т. е. ровно на 2 аршина выше Петра Великого.

XIII. Меры сыпучих и жидких тел

Меры емкости были одинаковы как для сыпучих, так и для жидких тел, с тем лишь различием, что основная единица меры для сыпучих тел называлась *ефа*, а для жидких *бат*, при одинаковой емкости (Иез 45:14). Десять еф составляли *хомер* (Числ 11:32; Иез 45:11), который впоследствии назывался также *кор* (3 Цар 4:22). Затем, по нисходящей линии ефа делилась на *саты*, составлявшие Bсефы (Быт 18:6); сата на 3 два *гина* (Исх 29:40); гин на три *каба* (4 Цар 6:25); каб на четыре *лога* (Лев 14:10). Кроме этих мер ефа делилась также на десять *гоморов* (Исх 16:36). При этом нельзя не заметить, что меры распадаются на две группы, из которых одна имеет десятичный характер (1 хомер = 10 ефам, 1 ефа = 10 гоморам), а другая дуодецимальный, т. е. меры идут в прогрессии, определяемой цифрой 12 или ее составными множителями (1 ефа = 3 сатам, 1 сата = 2 гинам и т. д.). Но для нас важнее определить объем этих мер.

Табл. 5

							Меры сыпучих тел	Меры жидких тел		
							ГАРН.	ВЕДР.	КРУЖ.	ЧАРК.
1 лог							½	—	—	2 ¼
4	1 каб						¼	—	—	9
7 ½	1 ½	1 гомор					¾	—	1	6 ½
12	3	1 ¾	1 гин				1	—	2	7
24	6	3 ½	2	1 сата			2	—	5	4
72	18	10	6	3	1 ефа		6	—	6	2
720	180	100	60	30	10	1 хомер	60	16	2	—

Для точного определения их у нас не имеется твердых данных, но раввинисты, т. е. еврейские ученые более позднего времени полагали, что содержимое *лога* равнялось содержимому шести куриных яиц. Опираясь на это свидетельство, ученые вычислили, что шесть куриных яиц могут содержать в себе 14,08 париж. кубических дюймов воды, или 6588 зерен ячменя. На основании этих данных можно составить приблизительную таблицу библейских мер. Так как у нас не имеется одной общей меры для сыпучих и жидких тел, то мы представим перевод библейских мер на соответствующие русские меры как сыпучих, так и жидких тел. При этом вычислении мы выходим из того более или менее общепринятого положения, что ефа равнялась 20 французским литрам, что составит для сыпучих тел 6 гарнцев и для жидких тел 1 ведро, 6 круж.

и 2 чарки. (В науке доселе не установилось определенного взгляда на действительный объем библейских мер и такая норма предлагается как наиболее вероятная. Она составлена на основании показаний еврейских ученых раввинов. По другому взгляду, основывающемуся на свидетельстве Иосифа Флавия, эту норму нужно увеличить почти вдвое [ефа = 36,39 литров]; но эту норму труднее примирить с частными данными, и она явно обнаруживает свою недостоверность.). Соответственно этому составляется следующая таблица:

Сообразно с этой таблицей и можно определять объем тех или других библейских мер. Так, например, известно из Исх 16:16, что манны собиралось ежедневно по гомору на человека. Это значит, что на каждого израильтянина полагалось ежедневно порция в в... — гарнца манны. Предполагая, что весь народ числил в себе 2 миллиона душ, надо вместе с тем предположить, что манны ежедневно собиралось 18750 четвертей. Одной этой цифры достаточно для опровержения мнения, что манна, которой питались израильтяне, была не что иное, как естественная тамарисковая манна, так как последней даже в хорошие годы добывается на Синайском полуострове не более 5–6 четвертей в год.

XIV. Синхронистическая таблица важнейших событий от исхода израильтян из Египта

Таблица

Годы до Р.Х.	Избранный народ	Египет	Азиатские народы	Европейские народы
1	2	3	4	5
1496	Исход	XVIII династия. Тотмес IV	Основание Тира	Кекропс, основатель Афин
1451	Вступление в Землю обетованную	XIX династия		
1100	Помазание Саула на царство	XXI династия	Навуходоносор I вавилонский (1150)	Взятие Трои (1180)
1060	Воцарение Давида		Хирам Тирский	
1020	Воцарение Соломона	Фараоны Пинотем и Писевхан		
980	Разделение царства	XXII династия. Сусаким I	Основание Дамасского царства	Дворяне в Пелопоннесе
923	Ахав Израильский	Узаркон (Зарай) I	Ефваал, царь тирский и сидонский	«Илиада» Гомера
885	Воцарение Ииуя и истребление дома Ахавова	Узаркон II		Ликург в Спарте (776)
722	Взятие Самарии и гибель царства Израильского	XXIV династия	Салманассар IV ассирийский	Основание Рима (750). Конец первой мессенской войны (723)
700	Осада Иерусалима ассирийцами при Езекии	XXV династия. Тиргак	Сеннахирим ассирийский. Сарданапал (Сарак) и падение Ниневии (625)	Нума-Помпилий (715–672). Основание Македонского царства
640	Иосия и его преобразование	XXVI династия. Псамметих I	Набополассар, основатель Вавилонской монархии (625)	Вторая мессенская война. Драконово законодательство в Афинах (624)

Библейская история Нового завета

Настоящее «Руководство» есть необходимое дополнение к изданному раньше подобному же «Руководству библейской истории Ветхого Завета», и потому оно составлено совершенно по тому же плану и преследует те же цели. При составлении обоих этих руководств мы пользовались всем, что нам известно лучшего в библейско-исторической литературе

настоящего времени, но, в частности, составление настоящего руководства весьма значительно облегчалось для нас тем, что мы имели у себя не только под руками, но и в ясном сознании только что переведенные нами капитальные труды известного английского богослова, как раз совпадающие с содержанием нашей книги. В них заключается такое богатство библейско-исторического знания, что мы могли свободно черпать из них все, что только соответствовало содержанию и цели нашего руководства, хотя внимательный читатель не преминет заметить и значительную разницу в нашей обработке многих существенных пунктов новозаветной истории.

Закончив таким образом труд, требовавший весьма немалых усилий для исполнения его в задуманном именно плане и духе, автор с легкой душой представляет его просвещенному вниманию и суду всех, кто так или иначе сочувствуют распространению в нашем обществе библейско-исторических познаний.

А. Л.

СПб. 24 сентября 1888 г.

Отдел первый

Воплощение Бога Слова. Рождество, младенчество и отрочество Иисуса Христа

I

Превечное слово. Праведные Захария и Елизавета. Благовещение Пресв. Деве Марии. Рождение Иоанна Предтечи

Вся история человеческого рода вращается около двух величайших событий – грехопадения и искупления. Первое из этих событий, когда именно человек, нарушив заповедь Божию, отравил себя и всю свою природу плодами греха и смерти, наложило неизгладимую печать греховности на всю историческую жизнь ветхозаветного человечества, и последнее, потеряв в себе источник истинной духовной жизни, жило только надеждой на будущее искупление, обещанное человеку вслед за самым грехопадением. Это искупление, как оно постепенно выяснилось в целом ряде обетований и пророчеств, должно было ниспровергнуть водворившееся на земле царство греха и смерти и вновь водворить царство благодати как источника истинной духовной жизни. Но восстановление потерянного источника истинной жизни, водворение жизни на место смерти равносильно созданию новой жизни на земле, и искупление вследствие этого могло совершиться только опять через то Божественное Слово, через которое совершилось вначале и само Сотворение мира. Поэтому-то как бытописатель Ветхого Завета, св. пророк Моисей начал свое повествование о Сотворении мира знаменательным словом «в начале», так и бытописатель Нового Завета, св. евангелист Иоанн, начал свое повествование об искуплении тем же самым словом «в начале», чтобы заявить, что то Божественное Слово, которое имело воссоздать падший род человеческий, есть Слово изначальное, то самое, которое в довременном бытии было у Бога и которое само было Бог. «Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть и без Него ничто не начало быть». Но Оно не только причина создания всего бытия, но есть вместе с тем источник истинной жизни. «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». Падшее человечество, потерявшее через свое грехопадение источник истинной жизни, могло найти его опять только в этом Божественном Слове, и эта истинная жизнь только и могла стать тем светом, который должен был осветить человеку путь от погибели ко спасению. Чтобы дать греховному человечеству возможность приобщиться к этому источнику жизни и света, «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца». Как в начале всех едиnorodного от Отца». Как в начале всех вещей совершилась непостижимая для разума тайна Сотворения, так по исполнении времен совершилась столь же непостижимая тайна воплощения Бога Слова. «И беспрекословно, – говорит апостол, – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе,

показал Себя ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе» (1 Тим 3:16). Эта-то великая тайна благочестия и составляет предмет библейской истории Нового Завета.

Воплощение Бога Слова совершилось «по исполнении времен» и сопровождалось событиями, о которых предсказано было пророками, как о признаках, по которым можно было познавать время пришествия Мессии. Одним из главных признаков, как предсказывал пророк Малахия, должно было служить явление предвестника или ангела, который должен был приготовить путь Избавителю мира. Этот предвестник был св. Иоанн Предтеча, и возвещением о рождении его и начинается новозаветная история.

В царствование Ирода Великого в Иудее в одном из находившихся неподалеку от Иерусалима священнических городов (Юте) жила благочестивая чета – священник Захария со своей женой Елизаветой. Оба они были истые израильтяне, вели свою родословную от Аарона и по своей жизни вполне отвечали высшему требованию своей веры и своего закона, так как «оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно».

Но и эта праведность перед Богом, водворявшая мир в их душе, не могла подавить в их сердце тайной скорби, удручавшей их обоих. Их славный род, дававший служителей Богу в течение более полутора тысячи лет, грозил совершенно прекратиться, так как оба они были уже в преклонных летах и доселе не имели детей. Известно, каким бедствием и позором было неплодие для библейской женщины. Для устранения его многие женщины проливали потоки слез и с пламеннослезной молитвой обращались к Богу – снять с них это поношение (Быт 31:3; 1 Цар 1:11). Рождение ребенка считалось особенным благословением Божиим, служившим обеспечением того, что имя отца его «не изгладится в Израиле» и «не исчезнет между братьями его» (Втор 25:6; Руф 4:10).

У древних народов и вообще было сильно желание потомства, но у избранного народа вместе с тем соединялось и высшее желание хоть через потомство приобщиться к ожидаемому Мессии. Ввиду всего этого можно понять, как велика была скорбь благочестивых Захарии и Елизаветы. Годы шли за годами, а пламеннослезные молитвы о даровании детей оставались как бы не услышанными. Но когда преклонные лета уже заставляли праведную чету оставить всякую надежду на исполнение пламенного желания их сердца, оно совершилось во исполнение предначертанного плана Божия и при необычайных обстоятельствах.

При храме иерусалимском, по его возобновлении, служение совершалось правильными чредами священников, как это установлено было еще Давидом; и вот когда настала чреда Авиина, к которой принадлежал Захария, то он для священнослужения на время отправился в Иерусалим. Как священнослужитель, он имел помещение в тех боковых пристройках, которые имелись при храме. Обязанности священнослужения были весьма сложны, и исполнением их занято было все время. Обязанности эти состояли в принесении жертв и каждении с вознесением молитв за стоявший в притворе и на дворах народ и за всего Израиля. С особенным благоговением совершалось каждение, как символ восходящей к Богу молитвы, и оно могло быть совершаемо священниками только по одному разу. И вот, когда очередь для возношения курения дошла до Захарии, он в белом священническом облачении, при звуке серебряной трубы, возвещавшей, что настало время принесения утренней или вечерней жертвы, вошел в святилище храма, чтобы вознести курение. Находясь в столь священном месте, отделяемый только завесой от Святого Святых как места сопричастия Самого Бога, праведный Захария невольно должен был переполняться чувствами особенного благоговения. Сопровождавшие его другие священники и левиты должны были удалиться, и Захария остался один в таинственном сопричастии Божества. Он бросает ладан на горящие угли, и столб дыма окутывает его и святилище, знаменуя молитву за молящийся народ и за всего Израиля. Молитва при этом обыкновенно возносилась о прощении грехов народа, самого священнослужителя и его семейства, о том, чтобы Бог принял приносившегося в жертву

ягненка во искупление молящихся грешников. Но как человек праведный и, несомненно, подобно многим другим истинным израильтянам, «чаявший утешения Израилева» и «ожидавший избавления» (Лк 2:25, 38), Захария мог присовокупить к этому и молитву о том, чтобы скорее исполнилась давно ожидаемая надежда Израилева и пришел предвозвещенный пророками Мессия.

И когда он возносил эту молитву, к которой не могло не примешиваться и тайное желание его сердца о даровании потомства, вдруг явился ему Ангел Господень. «Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него». Но это был добрый вестник, архангел Гавриил, имевший возвестить праведному Захарии весть, которая должна была послужить залогом радости и для него, и для праведной Елизаветы, и для всего Израиля, и для всего человечества. Настало время исполнения пламенных молитв Захарии и всех единомысленных с ним. Скоро должен прийти Мессия, и праведный священник удостоится великой чести быть родственным с Ним даже по плоти; у него родится сын, который именно и приготовит путь Спасителю мира. «Он будет Назорей, не будет пить вина и сикера, и исполнится Духа Святого еще от чрева матери своей, и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их». Весть эта была слишком неожиданна и радостна, чтобы трепещущее сердце Захарии было в состоянии сразу воспринять ее. Благовестие о пришествии Мессии, быть может, и верно, подумалось ему; но что касается рождения сына от Елизаветы, уже удрученной летами, то возможно ли это? За это сомнение он должен был понести временную немоту, которая и должна была послужить к укреплению его веры и знаком исполнения благовестия.

Явление ангела задержало Захарию в святилище более обыкновенного, и стоявший в притворе народ, долго ожидая, когда он выйдет из святилища, чтобы благословить и отпустить молящихся, немало дивился такому замедлению. Но когда он вышел, то необычайный вид его лица и более всего немота сразу дали знать, что с ним произошло нечто таинственное, что он и объяснил кое-как знаками. По окончании чредной недели он возвратился из Иерусалима в свой родной город и принес немую, но радостную весть своей возлюбленной Елизавете. Действительно, она зачала вскоре, но в течение пяти месяцев тайно лелеяла в своем сердце эту великую для нее радость и восторженно повторяла: «Так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми». Великая тайна таким образом близилась к осуществлению.

Когда праведные Захария и Елизавета, живя в своем мирном домике, радостно считали дни и недели, приближавшие их к исполнению данного им обетования, на севере, верстах в полутора от них, в небольшом городке Назарете, совершилось другое, еще более великое, еще более радостное и вместе страшное таинство.

В этом городке жила родственница Елизаветы юная дева Мария, которая как святой плод многослезных молитв Иоакима и Анны, такой же праведной четы, как и Захария и Елизавета, была посвящена Богу и как девственница по обету была лишь обручена для охранения этой девственности праведному и уже престарелому мужу Иосифу, плотнику по ремеслу. С детства воспитанная при храме и под благотворным влиянием его постоянных преобразовательных священнодействий, от рождения уготованная послужить чистейшим сосудом великой тайны, юная дева, бывшая в это время уже круглой сиротой, всецело была предана исполнению своего обета и проводила время в неусыпных молитвах. Подобно всем благочестивым людям в избранном народе, она при всяком наступлении утреннего жертвоприношения, часа полуденной молитвы и времени вечернего жертвоприношения удалялась в свое особое, назначенное ей помещение, и тайно предавалась молитве. В один из таких моментов и совершилось великое событие. В шестой месяц после таинственного откровения Захарии в храме, когда Пресвятая Дева уединенно предавалась молитве, в ее комнате явился тот же архангел Гавриил и сказал ей: «Радуйся, благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами!» Появление таинственного для нее незнакомца в ее уединенной девической комнате и притом в самый час молитвы, естественно, должно было смутить ее, и она стала

размышлять в себе, что бы это было за приветствие. «И сказал ей ангел: не бойся, Мария; ибо ты обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик, и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки и царству Его не будет конца».

Славные, великие, радостные, но вместе и непостижимые слова! Ведь она девственница по обету, и слова вестника оказываются противными природе и непостижимыми для человеческого разума. «Как будет это, – сказала Мария ангелу, – когда я мужа не знаю?» Это не было сомнение, к которому неспособно было искренне верующее сердце Марии, а лишь недоумение ее простого, человеческого разума. Тогда ангел отвечал ей: «Дух Святой найдет на тебя и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим». Над ней совершится то же самое творческое дело Божие, которое совершилось «в начале» над только что сотворенным бесформенным веществом, когда над ним носился Дух Божий, оплодотворяя мертвое вещество. У Бога нет ничего невозможного, и в доказательство этого ангел указал на то, что и Елизавета, родственница ее, уже у всех прославившая под именем неплодной, зачала сына в старости своей, и ей уже был шестой месяц. Этого было довольно для Марии, и вся сила ее веры и упования на Бога выразилась в ее ответе ангелу: «Ее раба Господня; да будет мне по слову твоему». И отошел от нее ангел.

Благовещение

Получив столь великое и таинственное благовестие, Пресвятая Дева почувствовала непреодолимую потребность поделиться этой радостью с кем-либо из наиболее дорогих ее сердцу людей. И с кем же было лучше всего поделиться ей, как не с своей престарелой родственницей Елизаветой, которая и сама получила подобную же радость и которая была для нее второй матерью во время ее воспитания при храме. И вот она тотчас же отправилась в путь. Путь был неблизкий и трудный; но окрыляемая неведомой силой радости, она пешком прошла все отделявшее ее полутораставерстное расстояние и, войдя в знакомый ей родственный дом, восторженно приветствовала и целовала Елизавету.

Это неожиданное появление Марии и ее исполненное необычайного восторга приветствие сильно поразило Елизавету, и тотчас же «взыграл младенец во чреве ее, и Елизавета исполнилась Святого Духа и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна ты между женами, и благословен плод чрева твоего! И откуда это мне, что пришла мать Господа моего? Ибо когда голос приветствия твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно в чреве моем. И блаженна уверовавшая; потому что совершится сказанное ей от Господа». Еще

более обрадованная таким приветствием, Мария выразила восторг своего святого и чистого сердца в величественной песни, которая, составляя как бы ткань из благодатнейших изречений Ветхого Завета, показывает, как глубоко она знала и понимала Св. Писание. «И сказала Мария: величит душа моя Господа и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моем, что призрел Он на смирение рабы своей; ибо отныне будут ублажать меня все роды...»

Родственнорадушный кров Захарии и Елизаветы удержал Пресвятую Деву в продолжение трех месяцев, по истечении которых она и возвратилась в Назарет. И вскоре по ее отшествии исполнилось обетование Захарии. Елизавета родила сына, и рождение его обрадовало не только самих праведных родителей, но и всех соседей и родственников, которые искренне сорадовались с ними. В восьмой день по закону совершалось обрезание и вместе давалось имя новорожденному. Мать, зная тайну своего мужа, хотела дать своему сыну имя Иоанн, но родственники воспротивились этому, потому что такого имени совершенно не было в родстве их, и настаивали на том, чтобы дать младенцу имя в честь отца. Тогда пришлось обратиться за разрешением спора к самому Захарии, и когда знаками спросили у него, как бы он хотел назвать своего сына, Захария потребовал дощечку и написал на ней: «Иоанн имя ему». Все удивились такому совпадению его желания с желанием Елизаветы, но удивление это перешло почти в страх, когда вдруг после этого Захария опять заговорил и объяснил собравшимся о всем бывшем ему видении и обетовании в храме, где ангел Господень, возвещая ему о рождении сына, вместе с тем и преднарек его Иоанном, т. е. сыном благодати Божией.

Рассказ этот глубоко запал в сердце всем слышавшим его, и они невольно размышляли о будущей судьбе младенца, а «Захария исполнился Святого Духа и пророчествовал, говоря: “Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ свой, и сотворил избавление ему... И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предъидешь пред лицом Господа приготовить путь Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира”». Младенец же возрастал и укреплялся духом.

II

Рождество Христово. Обрезание Господне. Сретение Господа Иисуса во храме. Поклонение волхвов. Бегство св. семейства в Египет и возвращение в Назарет

По возвращении своем в Назарет Пресвятая Дева Мария должна была окончательно перейти на жительство к своему обручнику Иосифу; но когда наитие Святого Духа сказалось в ней явными признаками беременности, то это послужило для нее даже источником немалых огорчений. Среди соседей пронеслась подозрительная молва о нарушении ею своего обета девственности, и когда эта молва дошла до Иосифа, то и он немало смутился этим и, считая теперь свое положение в качестве хранителя девства излишним, хотел было совершенно оставить ее. Как человеку праведному, ему тяжело было сделать это, и он размышлял, как поступить ему в этом затруднительном случае. Но скоро затруднение его было разрешено ему ангелом Господним, который, явившись ему во сне, сказал ему: «Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от Духа Святого. Родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус; ибо Он спасет людей своих от грехов их. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: се, дева во чреве приимет, и родит сына, и наречет имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог». Это откровение, столь много говорившее для такого праведника, который, несомненно, вместе со многими другими подобными же праведниками давно и пламенно ожидал спасения Израилева, вполне успокоило Иосифа, и он, чтобы освободить Марию от всякой тени укора со стороны окружающих, взял ее в дом свой, где Пресвятая Дева и ожидала исполнения великого обетования. Но обстоятельства сложились так, что рождение должно было совершиться не в Назарете, а в другом, отдаленном от него городе, о котором предсказано было пророками.

Иудейский народ в это время находился в соподчинении властелину мира – Риму и со времени Помпея платил ему дань. На римском престоле теперь восседал император Август, который все силы своего правительственного гения употреблял на водворение порядка в обширной империи, только что пережившей ужасы гражданских потрясений и междоусобиц. Более всего нуждались в упорядочении финансовые дела, пришедшие в полное расстройство во время пережитых гражданских смутений, и с этой целью император приказал произвести перепись населения по всем провинциям громадной империи.

Император был до такой степени заинтересован этим важным государственным делом, что собственной рукой сделал сводку статистических данных всей империи, с обозначением граждан и союзников, количества податей и налогов. Таких переписей при нем произведено было три, именно в начале его царствования – в 726 году от основания Рима, в середине царствования – в 746 году и в конце его царствования – в 767 году от основания Рима.

Теперь происходила вторая из этих переписей и, постепенно подвигаясь из провинции в провинцию, она наконец дошла и до Иудеи, которая также должна была исполнить указ верховного повелителя. Собственно иудейским царем в это время был Ирод Великий, но как римский ставленник он всецело зависел от римлян; с раболепной готовностью исполняя все желания кесаря, он дал по всей стране приказ немедленно всем подвергнуться требующейся переписи. Чтобы не вызывать в подчиненных народах ненужных и бесполезных волнений и недовольства, римское правительство обыкновенно предоставляло каждой провинции исполнять свои повеления так, как это было наиболее сообразно с народным характером и его обычаями. Поэтому и в Иудее перепись производилась не по римскому способу, а по древнему иудейскому, по которому каждый должен был записаться не на месте жительства, а в том городе, из которого происходил род того или другого лица.

Так как Иосиф вел свою родословную от Давида-царя, то для записи своего имени он должен был отправиться в Вифлеем, как родину своего великого царственного предка. Это, по-видимому, было в конце 749 года, следовательно, зимой. Но так как зима в Палестине не всегда бывает суровой и после ноябрьских дождей иногда даже появляются цветочки на полях, на которые и выгоняются стада, то, несмотря на дальность пути, Иосиф решил взять с собой и Марию, которая также происходила из рода Давидова и не могла не чувствовать желания побывать на родине своего царственного предка, особенно теперь, когда приближалось время рождения обетованного ей Сына Давидова.

Путешествие, по обыкновению, совершалось медленно и то и дело перемежалось стоянками в многочисленных селениях и городах, которые в то время почти сплошь покрывали всю эту теперь малонаселенную и пустынную страну. Но вот наконец они миновали Иерусалим и верстах в десяти от него к югу, на одном из известковых хребтов высился родной для них Вифлеем. Чтобы проникнуть в город, нужно было совершить довольно трудный подъем в гору, и этот подъем был особенно труден в это зимнее сырое время, когда от дождей разрыхлялись и делались скользкими все ведущие к нему дороги; еще более труден он был для Пресвятой Марии в ее обремененном состоянии. Но с тем большей радостью назаретские путники достигли одного из пригородных постоялых домов или гостиниц, где и думали переночевать. Когда, однако же, они прибыли в гостиницу, то оказалось, что она уже вся переполнена пришлым народом и им не было места. Чтобы найти себе хоть какой-нибудь кров от наступающей ночи, они в крайности порешили расположиться на ночлег хоть в прилегавшей к гостинице пещере, которая вместе служила и стойлом для домашних животных. И там-то, в этой убогой обстановке, родился царь мира – Христос!

В мире совершилось величайшее событие, долженствовавшее совершенно переродить его, но он ничего не знал о случившемся и, истомленный заботами о нескончаемой злобе дня, погружен был в глубокий сон.

Не спали только несколько бедных и простодушных пастухов соседней деревни, которые поочередно сторожили порученное им стадо от волков и разбойников. Хотя это были совершенно простые люди, но как жители деревни, находившейся почти под стенами славной родины великого царя Давида и вместе неподалеку от Иерусалима с его храмом и искупительными жертвоприношениями, для которых, между прочим, главным образом и предназначались их стада, они, несомненно, проникнуты были общим ожиданием Мессии и досуги скучных холодных ночей не раз коротали простодушными рассуждениями о Его скором явлении в мир – хотя бы для того, чтобы низвергнуть иго язычников, подвергавших теперь народ Божий позорному исчислению для обременения новыми налогами и без того бедного народа.

Кругом их царила мертвая тишина, нарушаемая лишь слабым блеянием овец; над головами расстилось безоблачное небо, испещренное узором ярко сверкающих звезд, безмолвно смотревших, как и тысячи лет тому назад, на те самые поляны, на которых некогда пас свое стадо царственный Давид. И вдруг среди этого ночного безмолвия «предстал им ангел Господень и слава Господня осияла их». Это явление поразило их необычайным ужасом, но ангел тотчас же успокоил их, говоря: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях». Лишь только выслушали они эту необычайную весть и не успели еще хоть сколько-нибудь обсудить ее своим простым разумом, как увидели новое знамение, подтверждавшее только что сказанное им ангелом. Ночное небо с бесчисленными звездами вдруг озарилось необычайным сиянием, в котором явилось многочисленное воинство небесное, и над погруженной в сон землей раздалась торжественная ангельская песнь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение».

Когда смолк ангельский хор и пораженные всем виденным и слышанным пастухи пришли опять в себя, то они тотчас же порешили отправиться в Вифлеем, чтобы посмотреть, что именно случилось там и о чем возвестил им Господь. По пути они зашли в пригородную гостиницу и там именно «нашли Марию, и Иосифа, и младенца, лежащего в яслях», все именно так, как возвещено было им, и первые поклонились новорожденному Христу. Они же первыми из людей сделались и благовестниками Его пришествия, так как тотчас после этого начали рассказывать всем о том, «что было возвещено им о младенце сем. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи. А Мария (которой более всех известны были страшные обстоятельства совершившегося таинства рождения) сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем. И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за все то, что слышали и видели, как им сказано было».

Сострадание окружающих к юной матери с ее чудесным младенцем, по-видимому, имело своим следствием немедленное переселение св. семейства в более удобное помещение в гостинице или в одном из частных домов Вифлеема. Там в восьмой день совершено было над св. младенцем обрезание, как печать приобщения Его к избранному народу, и при этом дано Ему имя Иисус, что значит Спаситель. Имя это, особенно в его упрощенной форме Ошеа или Осия, было весьма распространенным среди иудеев того времени. Оно дорого было им как имя их славного вождя, победоносно введшего их во владение Землей обетованной, и имя первосвященника, который предводительствовал пленниками, возвращавшимися из Вавилона; но отселе не для иудеев только, но и для всего человечества оно должно было получить бесконечно более священное значение, как имя Сына Божия в Его жизни на земле. Еврейское имя «Мессия» и греческое «Христос» обозначали Его служение в качестве помазанного пророка, первосвященника и царя; но «Иисус» было личным именем, которое Он носил как истинный человек среди других людей.

В сороковой день после родов Пресвятая Дева Мария, которая по закону до этого времени не могла выходить из дома, принесла младенца в храм иерусалимский, чтобы очиститься и

принести Его Господу. В подобных случаях по закону следовало приносить годовалого ягненка в жертву всесожжения и молодого голубя или горлицу в жертву за грех (Лк 2:22; Лев 12:1–8; Числ 18:16); но по обычной снисходительности, отличающей Моисеево законодательство, лицам, которые по своей бедности не могли сделать такого ценного жертвоприношения, позволялось приносить вместо этого двух горлиц или двух птенцов голубиных (Лев 12:6–8). С такой-то именно скромной жертвой Мария и явилась в храм к священнику. В то же самое время Иисус, как первородный сын, был принесен Господу и согласно закону был выкуплен от необходимости служения при храме обычной уплатой пяти сиклей священных (Числ 18:15–16). Об очищении и принесении в храм в евангельском повествовании не сообщается более никаких подробностей, но это посещение храма ознаменовалось тем, что во время его в младенце признан был Спаситель мира праведным Симеоном и Анной.

В Иерусалиме в это время, как и в других местах страны, было немало таких особенно благочестивых и верующих людей, которые наиболее чувствовали тяжесть переживаемого времени и особенно жаждали увидеть наконец спасение Израилево. К числу их принадлежал некий Симеон, «муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева». Это был уже глубокий старец, видевший на своем веку немало великих переворотов и переживший немало тяжелых душевных тревог. Бывали у него моменты тяжелого сомнения, которые тем труднее было переносить для такой верующей и праведной души, и один такой момент послужил даже орудием его высшего испытания и вместе высшей для него радости. По преданию, читая знаменитое пророчество Исаии о рождении Мессии от девы, он усомнился в возможности этого, и за это сомнение «ему предсказано было Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня».

Обетование было необыкновенно радостное для него, но годы шли за годами, все более налагая на него бремя старческой немощи, а Мессия все не приходил. В последние годы своей жизни он сделался почти постоянным обитателем храма и его притворов, где он непрестанно возносил молитвы о скорейшем исполнении данного ему обетования. И вот во храме явилась Пресвятая Дева со своим божественным младенцем. При виде этого св. младенца возликовала богопросвещенная душа праведного старца. Своим пророческим духом он понял, что это и есть утешение Израилево, это и есть Мессия, Спаситель мира. По совершении над младенцем законного обряда Симеон взял его на свои старческие немощные руки, возблагодарил Бога и произнес ту величественную речь, которая сделалась любимой песнью христианского мира: «Ныне, – сказал он, – отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал перед лицом всех народов, – свет к просвещению народов и славу народа Твоего Израиля».

Иосиф и Мария дивились всему слышанному, а он, обращаясь к ним, благословил их, прибавив самой Пресвятой Деве многозначительные слова, всю силу которых она могла понять лишь впоследствии. «Сей, – сказал Симеон, указывая на младенца, – лежит на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, и тебе самой оружие пройдет душу, да откроются помышления сердец».

Рождество

Когда Симеон закончил свое благословение родителям младенца, к ним приблизилась глубокая старица Анна, известная посетителям храма под именем пророчицы. Это была такая же праведница, как и Симеон; она происходила из колена Асирова, следовательно, из Галилеи. Ей уже было 84 года, и на ее памяти совершилось не только покорение и взятие Иерусалима Помпеем-римлянином, но и велась ожесточенная борьба между асмонеями братьями Аристовудом и Гирканом, подорвавшая нравственные силы народа и содействовавшая захвату престола Давидова хитрым иудеянином Иродом. Все царствование Ирода с его ужасами и кровопролитиями происходило на ее глазах и возбуждало в ней тем более сильное желание увидеть спасение Израилево. От природы благочестивая, она, прожив с своим мужем лишь семь лет, по смерти его всецело посвятила себя на дело «служения Богу день и ночь». И за это самоотвержение она также удостоилась узреть Спасителя мира. Увидев Его, «она славila Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме».

В лице праведных Симеона и Анны Спаситель мира явился Израилю как избранному народу, но Он не замедлил явиться и язычникам, которые также должны были получить участие в

спасении, и это богоявление язычникам совершилось при необычайных обстоятельствах.

Когда св. семейство находилось в Вифлееме и спокойно жило там под покровом бедности и безвестности, сама природа уже возвестила о явлении Мессии до отдаленных пределов земли. С отдаленного Востока в Иерусалим прибыли «знатные путешественники, так называемые волхвы, которые, к изумлению жителей иудейской столицы, спрашивали, где родился Христос. Это были халдейские мудрецы, которые, занимаясь учеными наблюдениями над небесными светилами, славились своими предсказаниями о совершающихся в мире событиях и переворотах, как находившихся, по общераспространенному в древности мнению, в связи с переменами в небесных явлениях. Во время их ученых наблюдений над хорошо известным им небом внимание их поразила необычайная звезда, дотоле никогда не виданная ими. Всякое появление новой звезды, по их учению, свидетельствовало о появлении на земле какого-либо великого человека, имевшего произвести великое влияние на судьбу мира; но эта новая звезда была так необычайна, что она возбудила у волхвов особенный интерес. Что бы она могла предзнаменовать собой? Им известно было знаменитое предсказание Валаама об имеющей взойти звезде от Иакова; затем вследствие рассеяния иудеев и перевода Ветхого Завета на общераспространенный греческий язык язычники хорошо знакомы были с ожиданиями иудеев касательно пришествия Мессии, так что об этом говорят даже такие известные римские историки, как Тацит и Светоний, передающие ходячее мнение, что в Иудее скоро восстанет царь, который покорит себе весь мир; наконец, с этой надеждой Израиля халдейские мудрецы могли быть особенно хорошо знакомы благодаря принадлежавшему к их классу пророку Даниилу, который с особенной выразительностью предсказывал о пришествии Мессии и даже точными числами (седьминами) определял время Его пришествия.

Все это было достаточным основанием для волхвов объяснить появление новой необычайной звезды именно в смысле рождения Мессии, и если они получили при этом особое откровение, то и отправили из среды себя трех членов действительно удостовериться в совершении великого события и принести дары и поклонение новорожденному великому царю. Когда, однако же, они прибыли в Иерусалим, то там кроме нескольких избранных еще никто не знал о явлении этого необычайного царя; но появление мудрецов невольно обратило на себя общее внимание, и о цели их прибытия немедленно было доложено Ироду. Весть эта как громом поразила подозрительного царя, который в это время, удрученный летами и болезнью и чувствуя уже нестерпимое угрызение совести за все грехи и кровавые преступления своей порочной жизни, находился в состоянии почти безумного исступления. Пролив уже целые потоки крови, чтобы истребить всех, кто только имел хоть малейшее право на похищенный им престол, он положительно испугался вести, что теперь-то именно и родился Мессия, истинный Сын Давидов, которому и принадлежит по праву незаконно занимаемый им престол. Вместе с ним встревожился и весь Иерусалим. Чтобы расследовать столь важное дело, Ирод немедленно «собрал всех первосвященников и книжников народных» и потребовал от них, чтобы они ответили ему на вопрос: «Где должно родиться Христу?» Иудейским ученым-богословам нетрудно было ответить на этот вопрос, так как пророк Михей ясно предсказал, что Христу должно родиться в Вифлееме (Мих 5:2).

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов и выведав от них время появления звезды, чтобы точнее определить время рождения Мессии, отправил их в Вифлеем, дав им коварное поручение: «Пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему». Ничего не зная о кровожадном намерении царя, волхвы отправились в путь и с великой радостью увидели, что виденная ими звезда на Востоке вновь явилась перед ними и привела их как раз к тому месту, где был новорожденный Мессия. «И вошедши в дом, увидели Младенца с Мариєю, матерью Его, и падши поклонились Ему; и открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладон и смирну», оказав таким образом Младенцу в Его убогой колыбели почести, каких они не оказали и самому Ироду в его роскошных палатах.

Принеся свои дары и поклонившись чудесному Младенцу, волхвы, конечно, возвратились бы в

Иерусалим, чтобы поделиться своей радостью с Иродом и дать ему случай также поклониться Мессии; но бывшее им во сне откровение раскрыло перед ними кровожадный замысел Ирода, и они «иным путем отошли в страну свою». В то же время и Иосиф получил высшее предостережение о грозящей Младенцу опасности и по указанию ангела поспешно переселился с своим семейством в Египет, издавна бывший естественным местом убежища для всех гонимых в Палестине, и там оставался до смерти Ирода.

Между тем царь, увидев себя обманутым со стороны волхвов и подозревая их в соучастии с царственным Младенцем, пришел еще в большую ярость, принявшую совершенно зловещий характер. У него не было средств узнать царственного Младенца от семени Давидова, и менее всего, конечно, он стал бы искать Его в скотном стойле при гостинице. Но он знал, что Младенец, на которого он вследствие посещения волхвов стал смотреть как на будущего себе или своему дому соперника, был еще грудным ребенком, и так как на Востоке матери обыкновенно кормят грудью своих детей в течение двух лет, то он не остановился перед ужаснейшим злодейством и издал кровожадное повеление – убить всех младенцев мужского пола в Вифлееме и его окрестностях «от двух лет и ниже». О способе, каким приводилось в исполнение это повеление, ничего неизвестно. Детей могли убивать тайно, постепенно и различными способами, или же, по общепринятому предположению, избиение могло быть произведено в один какой-нибудь определенный час. Повеления таких тиранов, как Ирод, обыкновенно бывают покрыты непроницаемым мраком; они приводят всех в ужас и оцепенение, при котором небезопасно говорить даже шепотом. Но нельзя было только заставить смолкнуть отчаянного вопля матерей, у которых с такой жестокостью отнимали грудных детей, и слышавшим этот вопль невольно представлялось, что это как бы опять плакала великая прамать их Рахиль, гробница которой стоит при дороге верстах в двух от Вифлеема, и присоединила свой голос к рыданию и воплю несчастных матерей, безутешно плававших о своих избиваемых малютках.

Но это было последнее преступление Ирода, и скоро он умер, скончавшись в отчаянии и в страшных муках от омерзительной болезни. Получив сообщение о смерти Ирода, Иосиф возвратился из Египта и хотел поселиться в Вифлееме, но узнав, что в Иудее престол перешел к кровожадному сыну Ирода Архелаю, направился, по указанию ангела, опять в Галилею, находившуюся под управлением второго сына Иродова Антипы, и опять поселился в своем прежнем городе Назарете.

III

Жизнь св. семейства в Назарете. Двенадцатилетний Иисус в храме иерусалимском. Возрастание Иисуса

Спаситель мира, родившись в скотной пещере и возлежав в яслях, благоволил провести и все годы своего возрастания в городе, который отнюдь не соответствовал человеческому понятию о величии и славе. Назарет был одним из незначительных городков Галилеи, которая, как занятая смешанным населением из иудеев и язычников, не пользовалась у истых иудеев доброй славой. Испорченный греко-иудейский язык и сомнительный характер религии ставили эту область столь невысоко в мнении иудейских книжников, что у них даже сложилось убеждение, что «из Галилеи не приходит пророк» (Ин 7:52). Но эта худая слава, разделяемая всей Галилеей, с особенной силой падала именно на Назарет, к которому с презрением относились даже сами галилеяне (Ин 1:46). Причина этого неизвестна, но она могла заключаться или в близких сношениях его с язычниками, неблагоприятно влиявшими на его религиозную и нравственную жизнь, или в самом характере жителей, отличавшихся крайним неверием и жестоким буйством, как это впоследствии пришлось испытать самому Христу (Мф 13:54–58; Лк 4:16–29).

Наконец, и вообще это был такой ничтожный город, что с ним не связывалось никаких исторических воспоминаний из жизни избранного народа и даже самого имени его ни разу не встречается в Ветхом Завете. Но несмотря на все это, Назарет, расположенный в одной из

прекраснейших котловин Галилеи и окруженный со всех сторон живописными холмами, представлял собой удобное место, где св. семейство могло в тиши и безвестности воспитывать вверенный его попечению божественный залог, пока не настало время для выступления Мессии на дело спасения мира. И там-то божественный Младенец возрастал под убогим кровом своего нареченного отца – Иосифа, плотника назаретского. По выразительному свидетельству св. Луки, Он «возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем».

Как истинный человек, Младенец Христос испытал и немощи человеческого детства, так что телесное и духовное совершеннолетие было достигнуто Им с той же постепенностью, как оно достигается обыкновенными людьми. Вместе с тем это раннее детство было уже сознательным приготовлением Его к великому общественному служению: Он измлада изучал Св. Писание, чтобы и своим человеческим разумом постигнуть заключающуюся в нем волю пославшего Его Отца Небесного, и глубину этого изучения и понимания Он скоро доказал самым поразительным образом.

Со времени плена вавилонского иудеи с особенной ревностью исполняли закон, предписывавший всем взрослым мужчинам собираться в Иерусалим к трем великим годовым праздникам. На величайший праздник, именно Пасху, в Иерусалим обыкновенно отправлялись и женщины, беря с собой и своих более или менее взрослых детей, именно когда они достигали двенадцати лет. Сборы на эти праздники составляли в высшей степени важное событие для населения, которое в лучших своих представителях посылало свои лучшие достатки для принесения их в дар народному святилищу. Иосиф как истинный израильтянин неопустительно исполнял это предписание закона, и когда отрок Иисус достиг двенадцатилетнего возраста, налагавшего и на Него обязанность исполнения закона, то св. семейство отправилось в Иерусалим, чтобы под сенью храма провести великий праздник в этот знаменательный год жизни их сына.

Назарет находился верстах в полутора от Иерусалима, и так как путь поклонников шел по густонаселенной местности, то партия поклонников, постепенно увеличиваясь новыми партиями из промежуточных городов и селений, к самому Иерусалиму возрастала в огромный караван, который и двигался в святой город с священными песнопениями и в восторженном духовном настроении.

К празднику Пасхи в Иерусалим стекались десятки, а иногда и сотни тысяч народа не только со всей Палестины, но и со всего Востока и даже всего мира, где только жили иудеи. Вследствие этого город не мог вместить в себе всего пришедшего люда, и поклонники обыкновенно располагались за городом – в наскоро построенных шалашах из свежераспустившихся ивовых ветвей, переплетенных между собой с достаточной для крова плотностью.

Праздник продолжался неделю и проходил, кроме обычного вкушения пасхального агнца, в непрерывных жертвоприношениях, совершавшихся с особенной торжественностью священниками, которых во всем облачении божественный Отрок впервые мог видеть именно здесь. К этим религиозным установлениям присоединялось и множество чисто мирских развлечений, так как многочисленный наплыв народа притягивал в Иерусалим всевозможных промышленников и торговцев, и святой город гремел от праздничного оживления, а иногда и народного разгула, сдерживавшегося лишь усиленным гарнизоном римского войска, зорко следившего за всем происходившим в городе с высоты занятой им укрепленной башни Антония.

По окончании праздника караваны поклонников тем же путем возвращались обратно. Под влиянием праздничного настроения дорога оживлялась весельем и музыкой. По местам путники останавливались, чтобы освежиться холодной родниковой водой или подкрепиться финиками или огурцами. Преклонные старцы и женщины обыкновенно ехали на мулах,

которых вели под уздцы взрослые мужчины, а дети играли около своих родителей или родственников.

При таком движении многочисленного каравана весьма легко было на время не заметить отсутствия своего ребенка даже чадолюбивым родителям, которые могли предполагать, что он идет где-нибудь с другими детьми или родственниками. Но каким ужасом были поражены Иосиф и Мария, когда во время большого привала они не могли найти своего Иисуса во всем караване и когда даже никто не мог сказать им, где именно Он! Когда все поиски оказались напрасными, родителям оставалось одно – воротиться в Иерусалим, чтобы посмотреть, не остался ли Он там, и они действительно на следующий же день оставили караван и поспешно двинулись в обратный путь. Этот одинокий путь для них был даже небезопасен, так как страна в это время находилась в смятенном состоянии и повсюду рыскали шайки повстанцев, которые под предводительством Иуды Гамалы и фарисея Садока с оружием в руках восстали против римского проконсула Колония, обложившего народ налогами по новой римской системе, выработанной на основании произведенной переписи. Такое беспокойное состояние страны не только затрудняло им путь, но и усиливало их опасения, как бы при ожесточенности враждующих сторон под стенами Иерусалима Сын их не подвергся какой-либо опасности.

Поистине в тот день скорби и страха оружие прошло душу Пресвятой Девы Марии! По прибытии в Иерусалим Иосиф и Мария начали самые тщательные поиски, но ни в этот день, ни в течение наступившей ночи, ни даже утром третьего дня они нигде не могли найти Иисуса, пока наконец не отыскали Его в храме, где Он «сидел посреди учителей, слушал их и спрашивал их», проявляя такую необычайную любознательность и такую духовную мудрость, что «все, слушавшие Его, дивились разуму и ответам Его». Это собрание, очевидно, происходило в одной из тех храмовых пристроек, которые именно предназначались для народного учительства со стороны книжников. Подобные собрания назывались школами, в которые свободен был доступ для всякого. Учитель или раввин занимал место на особом возвышении, а около него внизу полукругом располагались ученики или слушатели. По случаю праздничного времени и стечения народа в школе, где оказался Иисус, было несколько учителей и, видимо, знаменитейших для своего времени, и все они, как представители отживающего закона, изумлялись духовной силе этого неизвестного им представителя Нового Завета.

Найдя Его здесь, в этом школьном собрании, бедные и простодушные галилейские родители Его были поражены страхом при виде того, как их юный Сын смело беседовал с великими священниками и учителями народа, к которым они сами привыкли относиться с трепетным благоговением. Пораженная всем этим и волнуемая смешанным чувством радости по случаю счастливого отыскания Сына и укора Ему за причиненную Им родителям тревогу, Пресвятая Дева Мария прервала Его дивную беседу матерински-укорительным вопросом: «Чад, что сделал с нами? Вот отец Твой и я с великой скорбью искали Тебя». И на этот вопрос прозвучал божественный ответ: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» Здесь в первый раз из уст Иисуса раздалось свидетельство, что Отец Его – Бог, и вместе с тем проявлено было Им ясное сознание своего божественного посланничества, чтобы своим собственным примером излагать людям долг пребывания в том, «что принадлежит Отцу Небесному». Своим земным родителям Он дает знать, что Он прежде всего Сын Бога, и только уже во второстепенном смысле их сын; поэтому и прежде всего Он должен идти путями Божиими и затем человеческими; а если так, то где же им и искать было Его, как не на этом именно пути Божиим? Нигде иначе они и не должны были искать Его, как именно в том, что «принадлежит Отцу Его». Прежде всего, конечно, Он разумел под этим храм, как Дом соприсутствия Божия. Но изречение это имеет и более глубокий смысл. В нем заключалось указание на то, что естественные отношения сыновства для юного Иисуса должны были уступить место тому высшему призванию, в котором вся цель Его жизни сосредоточивалась в исполнении воли Божией, и перед этим высшим призванием должны были отступить на задний план все простые требования обыденной жизни.

Ответ этот был слишком высок для Его простых родителей, и «они не поняли сказанных Им слов», по крайней мере в их глубочайшем значении. И это было поистине грустное предзнаменование того непонимания, с которым Спасителю мира постоянно приходилось встречаться при исполнении своего возвышенного учения, как и свидетельствует евангелист: «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли». Но хотя в душе юного Иисуса с такой чудесной силой проблеснуло сознание Его божественного происхождения, Он со всей простотой долга послушания родителям «пошел с ними, и пришел в Назарет, и был в повиновении у них». А Пресвятая Матерь Его, для которой все эти необычайные действия и слова ее Сына были лишь новыми подтверждениями известной ей страшной тайны Его зачатия, «сохраняла все слова сии в сердце своем».

По возвращении в Назарет для Иисуса наступила безмолвная история, в течение которой на протяжении восемнадцати лет евангелисты не сообщают ни одного события из Его жизни. Это было время безмолвного возрастания и созревания отрока Иисуса в мужа совершенного, которым Он уже и появляется в истории по истечении восемнадцати лет после знаменательного посещения храма и самооткровения в Нем Божества.

Как Богочеловек, Он, наделенный всеми совершенствами телесной и духовной природы, «преуспевал в премудрости и возрасте, и в любви у Бога и человеков». По своей человеческой природе подверженный всем ее потребностям и немощам, Он должен был трудиться и помогать своему престарелому отцу в его плотницком ремесле (Мк 6:3), преподавая нам этим спасительный урок, что никакая высота предназначения человека не освобождает его от обязанности трудолюбия.

В своей обыденной жизни Он находился в постоянных и близких отношениях с родственным семейством своей тетки Марии, бывшей замужем за Алфеем, или Клеопой, и имевшей нескольких сыновей и дочерей. Семейство это по смерти своего отца, по всей вероятности, принято было Иосифом на свое попечение, и по смерти его также две вдовы продолжали жить вместе, так что оба эти семейства слились в одно, и в представлении соседей дети их сделались как бы родными братьями и сестрами, как об этом не раз говорится в евангельском повествовании.

По другому преданию, эти братья и сестры Господни были дети от первого брака Иосифа-обручника. Но то и другое предание одинаково согласуется с евангельским повествованием.

Среди этих-то родных сверстников и возрастал Христос. Вместе с телесным развитием шло Его и духовное развитие и образование. Подобно всем иудейским детям того времени, Он несомненно получил некоторое образование или в местной назаретской школе, или от самого Иосифа, который как человек праведный был, конечно, немало начитан в законе и вообще письменности иудейской и мог преподавать своему божественному Сыну уроки чтения и письма. Что Иисус умел писать, показывают неоднократные Его намеки на начертания еврейских букв, а также и сообщение о том, что Он, наклонившись, писал пальцем на земле. Но главным предметом изучения было именно Св. Писание, и эти познания Его были глубоки и обширны, даже, по-видимому, Он знал его все наизусть, как это ясно не только из Его прямых ссылок, но также и из многочисленных указаний, которые Он делал на Пятикнижие и другие святые книги, на пророков – Исаию, Иеремию, Даниила, Иоилья, Осию, Михея, Захарию, Малахию и особенно на Псалтирь. С вероятностью также можно полагать, хотя и нельзя сказать утвердительно, что Он знаком был и с неканоническими книгами иудеев. Это глубокое и основательное знание Св. Писания придавало особенную остроту и силу полунегующему вопросу, с которым Он так часто обращался к своим велеученым совопросникам: «Разве вы не читали?» Язык, на котором обыкновенно говорил Спаситель, был арамейский, т. е. смесь еврейского с халдейским. Чистый еврейский язык в то время был уже мертвым языком, и его знали только более образованные люди, приобретающие знание его в школе. Но Иисус, очевидно, был знаком с ним, потому что некоторые Его цитаты из Св. Писания прямо

указывают на еврейский подлинник (Мк 12:29–30; Лк 22:37; Мф 27:46).

Наверное Он знал также и греческий язык, потому что это был разговорный язык в таких близких к Его родине городах, как Сеифорис, Кесария и Тивериада. Со времени Александра Великого и особенно вследствие близких отношений иудеев с Птолемеями и Селевкидами греческое влияние было сильно в Палестине. В Финикии и Сирии произведения греческих поэтов образованными классами читались в подлиннике, а в некоторых городах, как Гадаре, были высшие эллинские школы. Греческий язык в действительности был обычным средством взаимных сношений, и без него Иисус не мог бы разговаривать с чужеземцами – с сотником, например, слугу которого Он исцелил; с Пилатом, который, конечно, «не знал туземного языка, но как образованный человек и правитель обязан был знать греческий язык; равно и с греками, которые желали побеседовать с Ним в последнюю неделю Его жизни. Некоторые из приводимых Христом текстов Св. Писания взяты прямо из греческого перевода семидесяти толковников, даже и в тех местах, где он отступает от еврейского подлинника (Мф 4:7; 13:14, 25). Знаком ли Он был с латинским языком – это гораздо труднее решить, хотя и не невозможно, так как римлян в это время было много в Иудее, латинские надписи значились на ходячих монетах, и в общежитии употреблялось немало латинских слов, вроде *легион*, *кодрант* и других, употреблявшихся впоследствии и самим Христом.

Но все это внешнее образование было для Него второстепенным делом. Главным Его образованием было проникновение в волю пославшего Его Отца, и в эти именно безвестные годы обыденной жизни в Нем созрел тот дух самопожертвования, который и проявился в истории последующего Его служения на спасение рода человеческого.

Отдел второй

Вступление Господа Иисуса Христа в дело открытого служения на спасение рода человеческого

IV

Проповедь Иоанна Предтечи в пустыне. Крещение Иисуса Христа. Удаление его в пустыню и искушение от диавола

Когда в отдаленном Назарете приходило к концу богочеловеческое возмужание Спасителя, в окрестностях Иерусалима в таком же уединении уже созрел тот «ангел», который, по предсказанию пророка Малахии, должен был приготовить путь Ему. Сын праведных Захарии и Елизаветы, Иоанн, воспитавшись под благотворным влиянием своих благочестивых родителей, с детства проявил склонность к уединению и отшельничеству и, достигнув возмужалости, избрал окрестные пустыни своим любимым местопребыванием. Этот дух отшельничества находил поощрение и в самом состоянии иудейского народа в то время. Это было поистине тяжелое время для избранного народа. Властолюбивый Рим, на время терпевший призрачную независимость Иудеи под главенством ее царей, теперь окончательно наложил на нее железную руку своего самовластия и, низложив сына Иродова Архелая, отдал Иудею под власть чисто римского управителя, так называемого прокуратора, находившегося, в свою очередь, под начальством другого высшего сановника, префекта Сирийского. Вместе с водворением римского владычества стали вводиться и римские порядки, которые, как языческие, казались иудеям нестерпимейшим попранием всех наиболее дорогих им преданий. Сильный римский отряд окончательно занял башню Антония, примыкавшую к храму, и грозный вид этих язычников омрачал душевное спокойствие всех посетителей храма. Расставленные по отдельным городам отряды римских воинов обременяли народ постоями и различными вымогательствами; налоги росли, а введенная римлянами система сбора их посредством откупщиков, или мытарей, способствовала образованию среди народа целого класса беззастенчивых хищников, которые наживались за счет бедствия народного, вызывали раздражение и противодействие. По местам уже появлялись шайки повстанцев, которые,

отказываясь платить кесарю налоги, возводили этот отказ в степень священного долга для каждого истинного израильтянина и, восставая против римлян, тем самым вносили еще большую тревогу и смуту среди мирного населения страны. Неудивительно, что при таком тяжелом состоянии народа в нем проявлялась склонность бежать в пустыни, чтобы там, вздохнув на свободе, облегчить свою утомленную душу уединенной беседой с Богом и пламенной мольбой о скорейшем пришествии Избавителя.

И вот среди этого общего томления в одной из самых диких пустынь раздался голос нового великого пророка, молва о котором быстро пронеслась по всей стране. Это было в пятнадцатый год царствования второго римского императора Тиверия, в управление Иудеей прокуратором Понтием Пилатом. Со времени Малахии пророчество совершенно прекратилось среди избранного народа, который в течение целых столетий принужден был черпать религиозно-нравственные силы исключительно в законе и предании. Народ настолько свыкся с этим состоянием, что он уже и не ожидал появления новых пророков, а ожидал лишь вторичного появления Илии, как непосредственного предтечи Мессии. И этот Илия как бы явился теперь в лице Иоанна. Строгий назорей Иоанн явился в пустыне не только в духе и силе Илии, но и походил на него всей своей внешностью и всем образом жизни. Подобно своему великому прообразу, он носил грубый плащ из верблюжьего волоса, стягивавшийся кожаным поясом, и питался самыми скудными дарами пустыни – диким медом, кое-где встречавшимся в малодоступных щелях скал, и акридами, т. е. высушенной на солнце саранчой (еще и доселе употребляемой в пищу бедуинами, особенно в голодные годы). Появление такого пророка невольно должно было обратить на него всеобщее внимание, тем более что проповедь его касалась самого жизненного вопроса – времени пришествия Мессии.

«Покайтесь, – проповедовал Иоанн, – ибо приблизилось Царство Небесное». И на этот призыв отовсюду собираться стали к Иоанну все труждающиеся и обремененные, желавшие в проповеди новоявленного пророка найти облегчение своей совести от тяготевшего на ней бремени грехов и сомнений. Движение было настолько всеобщим, что к Иоанну приходили даже высокомерные фарисеи и вольнодумные саддукеи, буйные воины и хищные мытари, и все они с умилением выслушивали наставления и грозные обличения от сурового пророка.

Местом его проповеди было необитаемое пространство пустыни, которая тянется на юг от Иерихона и бродов Иордана к берегам Мертвого моря. В скалах, нависших над узким проходом, ведущим от Иерусалима к Иерихону, скрывались разбойники; в камышах, окаймляющих воды Иордана, еще водились дикие звери и крокодилы; но это не страшило народ, который толпами стекался сюда послушать небывалого пророка.

И слово этого пророка гремело подобно молоту, разбивая самое кремнистое сердце, жгло подобно пламени, проникая в сокровеннейшие помышления. С истинно пророческой резкостью и прямоотой он обличал сборщиков податей за их вымогательства, воинов за их насилия, за бесчестность и недовольство, богатых саддукеев и знатных фарисеев за бездушие и лживость, которые сделали их ехиднами порождения ехиднина. Ко всему народу он обращался с предостережением, что глубоко он заблуждается, когда всю свою надежду на спасение возлагает на свое происхождение от Авраама, будто бы освобождающее его от всякой дальнейшей обязанности употреблять особенные усилия для достижения спасения. Бог, сотворивший Адама из земли, может и из камней воздвигнуть новых чад Аврааму. Поэтому, чтобы быть истинными сынами Авраама, достойными унаследования данных ему обетований, они должны искренно покаяться и «сотворить достойный плод покаяния». И это особенно необходимо было теперь, когда все предвещало, что приблизилось исполнение времен. Настал час пришествия давно ожидаемого Мессии. Эта проповедь потрясала сердца слушателей, которые поэтому охотно принимали введенный Иоанном обряд крещения, служивший видимым знаком внутреннего покаяния.

Этот обряд неизвестен был Ветхому Завету и составлял видимое преддверие Нового Завета.

Правда, в Моисеевом законе предписывались различные омовения и очищения, и вода в древности служила общеизвестным символом очищающей силы; но Иоанн придал крещению более глубокое значение, именно в смысле символа внутреннего очищения и обновления всего нравственного существа, и в этом смысле именно это крещение покаяния преобразилось впоследствии в крещение спасения. Пораженный всем этим народ спрашивал, кто же этот великий пророк и проповедник: не Илия ли это, или даже не Христос ли?

Даже синедрион, пораженный слухом о проповеди и действиях Иоанна, отправил к нему особую депутацию с этим именно вопросом. Но Иоанн отвечал, что он не Христос, не Илия и не пророк, а просто «глас вопиющего в пустыне», простой предшественник и провозвестник Того, у которого он недостойн развязать ремня сапог, который будет крестить не водой, но Духом Святым и огнем и уже держит лопату в руке своей, чтобы очистить гумно свое, собрать пшеницу в житницу, а солому, т. е. всех непокаявшихся к Его пришествию, сжечь огнем неугасимым.

Послушать проповедь Иоанна и принять от него крещение покаяния приходили даже жители отдаленной Галилеи, и между ними явился и Иисус, который был в это время «лет тридцати» от роду, в полном расцвете своей безгрешной возмужалости.

Иоанн был Ему родственник, но обстоятельства жизни совершенно разделили их между собой. Иоанн провел детство в доме своего благочестивого отца, священника, жившего в одном из священнических городов (Юте), в южных пределах колена Иудина, близ Хеврона; Иисус же жил в полнейшей отчужденности, в плотницкой мастерской своего нареченного отца, в Галилее. Когда Он впервые пришел на берега Иордана, то Иоанн Предтеча, по его собственному заявлению, «не знал Его»; но сама внешность Его поразила и пленила душу Иоанна. Для других он был непреклонным пророком: смело укорял царей, строго изобличал фарисеев, но в присутствии этого таинственного галилеянина сурового пророка пустыни объял непостижимый страх. Когда Иисус просил Иоанна крестить Его, то великий пророк смутился перед таким безграничным смирением Того, в Ком он сразу узнал ожидаемого Мессию, и благоговейно сказал Ему: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» И на это выражение смирения и благоговения со стороны Иоанна последовал ответ Иисуса: «Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Крещение от Иоанна не было собственно таинством, а только подготовительным символом духовного возрождения, и Иисусу, как начальнику Нового Завета, надлежало пройти и эту подготовительную ступень к Его общественной деятельности, чтобы сразу наметить тот путь, по которому пойдет Он в своем служении. Как безгрешный человек, Он не нуждался ни в каком очищении, как это было с другими людьми, поэтому и крещение это означало для Него лишь «исполнение правды», как она указана была волей пославшего Его.

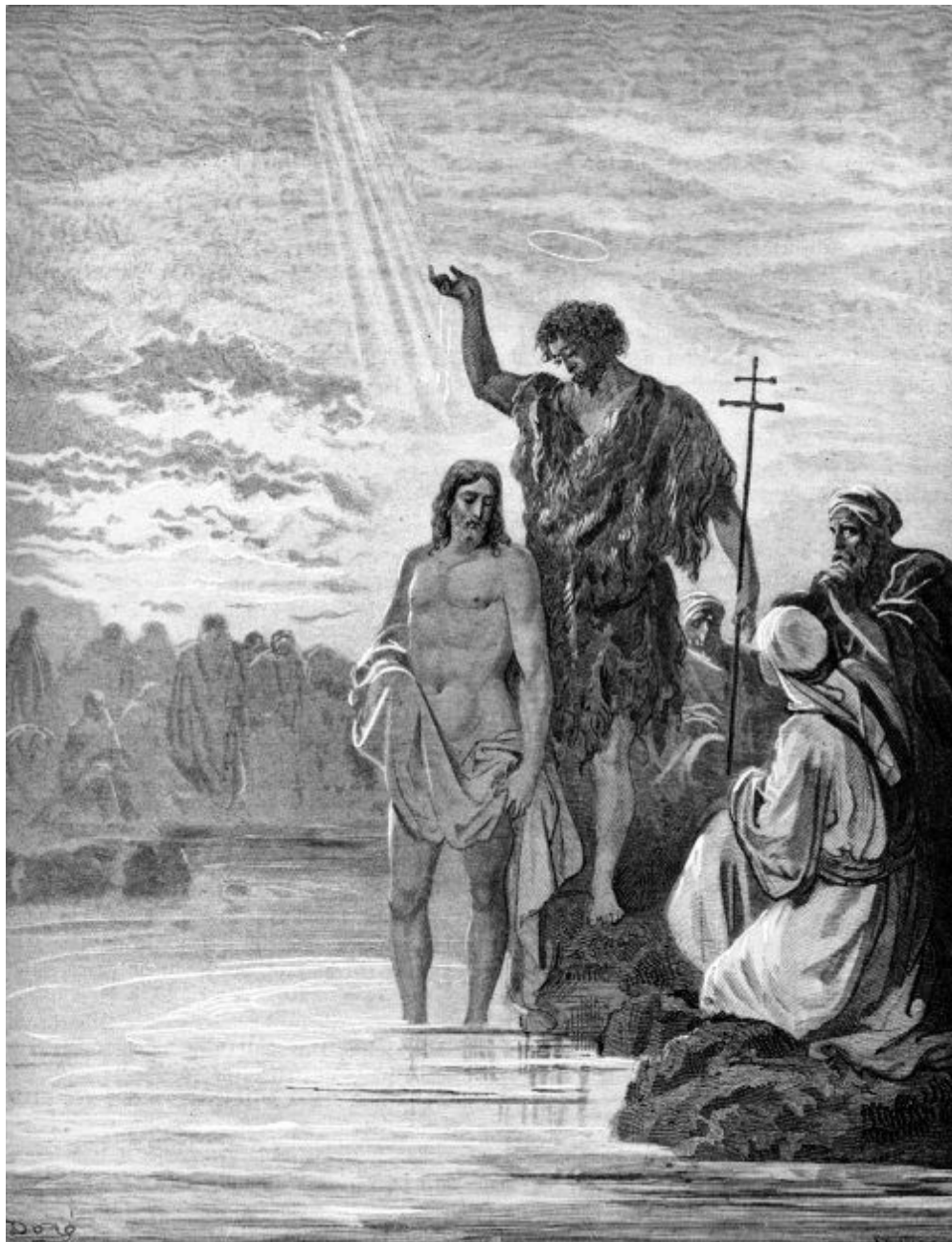
После такого разъяснения Иоанн крестил Его, и когда Иисус вышел из воды, «се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се глас с небес, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение». Так в крещении Иисуса торжественно проявилось участие всей Святой Троицы, во имя трех Лиц которой и совершается христианское крещение как таинство.

Крестив Иисуса и исполнив таким образом главную цель своего служения, Иоанн продолжал проповедовать покаяние и после этого; а Иисус, переполненный в своем человеческом духе мыслями и чувствами касательно предстоявшего служения, искал на время уединения, чтобы побыть наедине с Богом и подготовиться к великому делу. От вод Иордана Он был возведен духом в пустыню, где и пробыл в течение сорока дней. Там Он подвергся искушению от диавола. Как некогда в саду Эдемском, диавол подверг искушению невинного, только что созданного безгрешным человека и погубил его, так исконный человеконенавистник не мог вынести пребывания безгрешного человека и теперь в пустыне, и также попытался погубить Его. Но если в саду Эдемском его злобное лукавство восторжествовало, то теперь оно должно

было понести окончательное поражение и посрамление: Христос победил диавола и тем дал нам непреборимое оружие против всех его козней.

Коварная злоба исконного человеконенавистника измыслила три формы искушения, которыми особенно затрагиваются немощные стороны человеческого существа, именно угождение плоти, самомнение и властолюбие, и с этими тремя искушениями диавол и приступил ко Христу.

Подобно своим ветхозаветным прообразами, Моисею и Илие, также удалявшимся на время в пустыню и подвергавшимся там сорокадневному посту, Иисус Христос «ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал». Этим моментом человеческой немощи и воспользовался искушитель. Приступив к безгрешному Богочеловеку, искушитель обратился к Нему с лукавой речью: «Если ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Муки голода чувствуются тем сильнее, если они поддерживаются добавочными терзаниями живого воображения, а как раз перед глазами Иисуса лежали камни, которые удивительно похожи на хлебы и, по преданию, были именно окаменелыми хлебами жителей содомского пятиградия, некогда навлекшего на себя страшный гнев Божий. Указывая «на сии камни», диавол рассчитывал так же успешно затронуть чувственную немощь Иисуса, как он затронул ее некогда в первых людях в раю. Вместе с тем искушение это прикрывалось множеством самых лукавых извивов мысли. Израиль также много страдал от голода в пустыне, и там в его крайней нужде Бог питал его манной, которая была как бы ангельским хлебом с неба. Почему же Сыну Божию также не снабдить Себя пищей в пустыне? Ведь Он может сделать это, если только захочет, и почему же Он медлит? Если ангел указал жаждущей Агари источник, если ангел показал пищу голодающему Илие, то зачем Ему ждать даже услуги ангелов, когда такая услуга не нужна, и когда, если бы только Он захотел, ангелы с радостью стали бы служить Ему? Но последовавший ответ сразу разбил лукавую логику искушителя. Ссылаясь на тот же самый урок, который вытекал из славнейших изречений Ветхого Завета, Спаситель отвечал: «Написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Этим ответом наносился решительный удар господству плоти в человеке и показывалось, что человек отнюдь не исключительно плотское существо, а, напротив, существо, которое всегда может торжествовать над немощами плоти. Кто думает, что мы живем только хлебом, тот делает заботу о хлебе главной целью своей жизни, на добывание его тратит все свои силы, и станет жалким и мятетным, когда даже на время будет лишен его; не ища другой, более возвышенной пищи, он неизбежно будет томиться голодом даже посреди ее. Но кто сознает, что человек живет не хлебом одним, тот не будет терять из-за нее того, что делает жизнь наиболее дорогой и священной; исполнив свой долг, он будет уповать на Бога в отношении всего необходимого для тела, с большим усердием и тщанием будет искать хлеба небесного и той воды живой, испивши которой не возжаждет вовек.

Крещение Иисуса

Такой ответ показал искустителю, с Кем имеет он дело; поэтому, с изумительной ловкостью подделываясь под обнаруженное Христом настроение духа, он уже пытается искусить Его на этом именно безграничном уповании на Бога. «Потом берет Его диавол во святой город и ставляет Его на крыле храма». Со стороны своей низшей, телесной природы Христос оказывается на время как бы в полной власти диавола, который распоряжается Его телом с такой произвольностью, но тем сильнее терпит искушитель поражение от духа Христова. Неизвестно, какое именно разумеется крыло храма: быть может, кровля Царского притвора на южной стороне храма, которая обрывисто смотрела в глубокую долину Кедрона с такой страшной высоты, что, по описанию Иосифа Флавия, у всякого, осмеливавшегося глядеть вниз, от зияющей пропасти кружилась голова; а может быть, кровля притвора Соломонова, с которой, по преданию, был сброшен вниз на двор св. Иаков, брат Господень. Та и другая были одинаково пригодны для цели искушителя – возбудить в Иисусе гордость самомнения. Если Он действительно Сын Божий, то отчего Ему не броситься с этой головокружащей высоты вниз, чтобы перед целым городом сразу же доказать свое божественное достоинство и тем оказать содействие свое цели. Что касается личной Его безопасности, то как Сын Божий Он вполне

может рассчитывать на помощь ангелов, ибо написано: «Ангелам своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Не будет ли все это превосходным доказательством безграничного упования на Бога и исполнения пророчества? Искушение было задумано тонко и глубоко, в подтверждение его диавол сослался даже на Св. Писание. Но это искушение оказалось бессильным перед лицом безгрешного человека. На все извивы лукавой лести Христос спокойно ответил: «Написано также: не искушай Господа Бога твоего». Потерпев неудачу на искушении телесной немощи и духовной гордости, диавол сделал последнюю отчаянную попытку – соблазнить Иисуса призраком безграничного самовластия над всеми царствами земли.

Возведши Его на высокую гору, диавол развернул перед взорами Иисуса волшебную картину всех царств мира во всей славе их и сказал Ему: «Все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне». Диавол знал, что Христу как Спасителю мира предстояло страшное поприще унижения и страданий, перед которыми невольно должно было содрогаться Его человеческое сердце. Между тем, всего этого возможно избежать для Него и сделаться тем именно грозным Мессией-завоевателем и властелином всего мира, каким Его ожидало видеть большинство иудейского народа. Отчего Ему не выступить в этом именно последнем виде, – и все это будет, если только Он поклонится искусителю. Но в этом искушении дерзость сатаны преступила всякие пределы, и Христос победно ответил ему: «Отойди от Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи».

Так родоначальник новозаветного человечества нанес первое поражение исконному человеконенавистнику, показав ему, что время царства его миновало и наступало царство благодати Божией на земле. Хотя диавол и впоследствии делал попытки искушения Христа, но теперь на время должен был оставить Его, «и се, ангелы приступили и служили Ему».

V

Свидетельство Иоанна Предтечи о себе и об Иисусе Христе. Первые последователи Иисуса Христа. Первое чудо Христа на браке в городе Кане

Молва о крещении Иоанном неизвестного галилеянина, сопровождавшемся необычайными знамениями, немало встревожила даже верховный совет иудейский, именно синедрион. В это время он находился в крайнем унижении и бессилии, так как самовластием Ирода и его преемников, а затем и римских прокураторов, он был лишен всякой самостоятельности и сделан послушным орудием позорной политики. Первосвященники сменялись постоянно, и в настоящее время считалось даже два первосвященника – Анна и его зять Каиафа, из которых первый низвергнут был римлянами, но продолжал считаться неофициально таковым, а второй был официальным римским ставленником и, как родственник Анны, продолжал разделять с ним преимущества и почести первосвященнического сана. Лишенные истинного первосвященнического достоинства, эти первосвященники, а за ними и большинство членов синедриона, заняты были исключительно мелкими интригами и, не заботясь об истинных нуждах религиозно-нравственной жизни народа, предавались зазорно-светской жизни и алчной наживе за счет простодушного народа. Для такого синедриона слух о явлении Мессии не мог не быть тревожным, и он отправил к Иоанну депутацию спросить его: кто он такой – Христос, Илия, или просто пророк? Иоанн отвечал, что он пришел лишь приготовить путь тому, Кто выше его. И на следующий день Иоанн получил возможность дать более определенное свидетельство. Он увидел возвратившегося из пустыни Иисуса Христа и, указывая на Него, всенародно и торжественно засвидетельствовал, что это и есть Мессия, который явлен был ему особенным знамением, что это «агнец Божий, который берет на себя грехи мира». При этом Иоанн уже явно выступил благовестником о пришествии Мессии и всем возвещал о тех необычайных знамениях, которые совершились при крещении Иисуса и засвидетельствовали ему о том, что «сей есть Сын Божий».

То же самое свидетельство Иоанн повторил и на следующий день, и оно произвело на

некоторых из его последователей весьма сильное впечатление. Около Иоанна образовался уже кружок последователей, которые считали его своим учителем. В большинстве это были юноши, на которых всегда сильнее отзываются великие перемены, совершающиеся в духовной жизни. Двое из них, пораженные необычайностью свидетельства их великого учителя о таинственном пришельце из Галилеи, решились последовать за Ним и поближе познакомиться с Ним. Это были Андрей и Иоанн, молодые рыбаки из Галилеи. Не смея открыто заявить о своем желании, они молча последовали за проходившим мимо их Христом; но Он, обернувшись вдруг, спросил их: «Что вам надобно?» Вопрос этот смутил юношей, и они только спросили его: «Равви (и этот титул глубокого уважения и почтения показывал, какое сильное впечатление Он произвел на них), где живешь?» – «Пойдите и увидите», – сказал Он им. Подобно большинству народа, собравшегося слушать проповедь пророка пустыни, Иисус, наверно, жил в каком-нибудь наскоро сделанном из ветвей шалаше или пещере, и туда-то последовали за Ним юные рыбаки. Там они пробыли у Него весь тот день, а быть может, и переночевали; и беседа этого дня ясно открыла им, кто был поразивший их галилеянин. Они познали и почувствовали в сердце своем, что ожидания и надежды избранного народа, длившиеся столько веков, теперь наконец исполнились, что они находились в сопresутствии Того, который и есть чаяние народов, – истинный Сын Давидов, гнезда от Иакова и скипетр Израилев.

Постигнув эту великую тайну, Андрей прежде всего поспешил поделиться радостью с своим братом Симоном. Он привел его к Христу, и Иисус, окинув его тем царственным взглядом, который читал все сокровеннейшие тайны сердца, сразу увидел в этом рыбаке всю слабость, но вместе и благородное величие человеческой природы и, определяя его характер и будущее назначение, сказал ему: «Ты Симон, сын Ионин, ты наречешься Кифа, что значит камень». Этой перемены имени Христос навсегда определил предстоявшую этому рыбаку великую судьбу в будущем. И эти трое последователей Христа сделались первыми членами церкви новозаветной.

Третий день по возвращении из пустыни, по-видимому, проведен был Иисусом Христом в беседе с своими новыми учениками. На четвертый день Он хотел отправиться в обратный путь в Галилею, но на пути встретился с другим молодым рыбаком, Филиппом из Вифсаиды. Филипп носил греческое имя, которое, быть может, дано было ему по имени четвертовластника Филиппа, так как обычай называть детей по имени царствующих государей был всегда распространенным в народе. Если так, то ему было в это время около тридцати лет. Возможно также, что его греческое имя указывало на его близкие отношения с каким-нибудь погречески говорящим населением, смешанно жившим с галилеянами по берегам Геннисаретского озера, и этим легко объясняется то, почему к нему именно, а не к кому-нибудь другому из апостолов, обращались греки, которые в последнюю неделю жизни Христа хотели видаться с Ним. По одному властному слову «следуй за мной» Филипп последовал за Христом и сделался Его постоянным учеником.

На следующий день к этому священному обществу прибавился пятый член. Желая поделиться своей радостью, Филипп отыскал своего друга Нафанаила. Нафанаил в списке апостолов вообще и почти несомненно отождествляется с Варфоломеем, потому что Варфоломей скорее есть отчество, чем имя («Бар-Толмай – сын Толмая»); и притом Нафанаил только еще в одном месте упоминается под этим именем (Ин 21:2), Варфоломей же (о котором иначе мы не знали бы ничего) в списке апостолов постоянно помещается рядом с Филиппом. Живя в Кане Галилейской, Варфоломей легко мог познакомиться с молодым рыбаком геннисаретским. Простодушный Филипп, по-видимому, с особенным удовольствием сопоставлял с величием служения Христа Его низкое происхождение. «Мы нашли Того, о котором писали Моисей в законе и пророки», – сказал он своему другу; именно «Иисуса, сына Иосифова из Назарета». В первый раз Нафанаил не придал никакого значения этому свидетельству и даже пренебрежительно заметил: «Из Назарета может ли быть что доброе?» Но это предубеждение тотчас же рассеялось, когда лично явился Христос, не только сразу определил его искреннее

сердце, сказав: «Вот израильтянин, в котором нет лукавства», но и проник в его сокровенные думы, которыми Нафанаил занят был перед тем под смоковницей. Это всеведение Иисуса вызвало полную перемену во мнении Нафанаила, и он восторженно воскликнул: «Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев!» И это исповедание Нафанаила было награждено обетованием ему, что впоследствии он увидит еще и больше того, и все они «отныне будут видеть небо отверстым, и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну человеческому». Им, как истинным и начитанным в Св. Писании израильтянам, слова эти должны были напомнить о чудесном видении лестницы их праотца Иакова. Тот, который в этом видении, стоял наверху лестницы, теперь сошел на землю и соприсутствует с ними как Сын человеческий, и в этом им скоро предстояло убедиться из тех дел, которые стал совершать Он.

В сообществе со своими последователями Иисус Христос возвратился в Галилею, чтобы прежде всего на своей родине открыть сокровищницу своих спасительных дел. На третий день по возвращении Его в соседнем с Назаретом городе Кане случился брак, и так как это семейство находилось не только в близких, но даже и родственных отношениях с Пресвятой Девой Марией, то как она, так и Иисус с своими учениками были позваны на брачное пиршество. Брак на Востоке всегда обставлялся изысканной церемониальностью, даже в бедных семействах.

Невесту выводили из дома в сумерки или даже ночью, причем ее с головы до ног окутывали широким и развевающимся покрывалом, осыпали цветами и одевали в лучшие платья. О прибытии ее к дому жениха возвещалось факелами, песнями и плясками, барабанным боем и флейтами. Ее сопровождали девицы-односельчанки, и жених выходил ей навстречу со своими молодыми друзьями. Брачное пиршество у более достаточных классов продолжалось до семи дней, а у менее достаточных один-два дня, которые проводились в самом радушном и щедром угощении званных гостей. Последний бедняк старался показать себя при этом богатым, и избыток пищи и питья считался главным признаком щедрого гостеприимства. Поэтому легко понять, каким несчастьем было для новобрачных, когда вдруг оказалось, что у них не достало вина. Этот случай мог омрачить все брачное торжество и причинить скорбь и уныние как всему семейству, так и особенно новобрачной чете, которая сочла бы это, как бывает и теперь на Востоке, не только крайним и неизгладимым для себя бесчестьем, но и худым предзнаменованием. Обстоятельство это весьма больно отозвалось на благодном сердце Пресвятой Девы Марии, которая, видимо, занимала одно из главных мест на брачном пире и даже распоряжалась на нем по хозяйству, и она скромно и тихо заметила своему Божественному Сыну: «Вина нет у них».

Замечание это было, очевидно, тонкое, но значения его нельзя было не понять. Никто так не знал, как знала Пресвятая Мария, кто ее Сын; но в течение целых тридцати лет терпеливого ожидания Его объявления о себе она видела только, как Он возрастал, подобно другим детям, и жил, правда, в блаженном смирении и безгрешной мудрости, подобно нежному цветку перед Богом, но во всех других отношениях жил так же, как живут и другие в юношестве, отличаясь только своей совершенной непорочностью. Но теперь Ему было уже тридцать лет от роду; голос великого пророка, слава которого гремела во всем народе, провозгласил Его обетованным Мессией; Его открыто сопровождали ученики, признававшие Его учителем и господином. Теперь предстояло устранить затруднение и совершить истинно доброе дело: нужно было отвратить бесчестье от скромной четы, тем более что и сама недостача вина, вероятно, произошла вследствие прибытия неожиданно большого числа Его учеников. Не пришел ли час Его? Кто знает, не может ли Он сделать чего-нибудь, если только обратить Его внимание на затруднение, грозившее прервать торжество? И действительно, она угадала своим материнским чувством, что час самооткровения ее Сына настал. Хотя Он на время отклонил свое участие в этом деле, но вера и материнская любовь Пресвятой Марии восторжествовали, и она с полной уверенностью сделала слугам распоряжение, чтобы они исполнили то, что Он скажет им.

Во всяком доме на Востоке у входной двери обыкновенно стоит несколько водоносов, в которых содержится холодная родниковая вода для обычных омовений ног после путешествия и мытья рук перед пищей. Шесть таких каменных сосудов стояло и в доме, где происходило брачное пиршество. В них уже немного оставалось воды, и Иисус Христос велел наполнить их доверху. Затем, велел слугам почерпнуть этой свежей воды в мелкие сосуды, Он приказал нести их к тому гостю, который был избран главным распорядителем пиршества. Распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, и, ничего не зная о случившемся, подозвал жениха и весело заметил ему, что он поступил вопреки всякого порядка в угощении: «Всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе».

Тогда все узнали о совершившемся чуде, и грозившее новобрачной чете бесчестье превратилось для них в неожиданное и великое благословение.

«Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской, и явил славу Свою, и уверовали в Него ученики Его». Такое начало ясно определяло характер и направление общественной деятельности Иисуса Христа.

Если Иоанн Креститель выступил с суровой проповедью о покаянии, то это была лишь подготовительная ступень для деятельности Христа, и по прошествии ее наступила новая высшая ступень, когда все дела должны были показывать, что Христос пришел не разрушать или стеснять обычных условий человеческой жизни, а освящать и возвышать их. Принимая участие в невинном брачном пиршестве, Спаситель освящал установленное Богом таинство брака, подвергавшееся у язычников различным искажениям и извращениям, и наглядно показывал, что зло, удручавшее древнее человечество, отнюдь не заключается в самой плоти и ее естественных отправлениях, а в злой греховной воле, которая и этим естественным отправлениям придает греховный и преступный характер. В Царстве Божием можно пить и есть, только бы все это не выходило за пределы законности. Тут совершался переход от Ветхого Завета к Новому, от закона к благодати. Имея дело с народом жестокодушным и с волей преступной, ветхозаветный законодатель по необходимости должен был действовать на него строгими запрещениями и суровыми мерами; теперь новый законодатель, имевший водворить царство благодати, способной расплавить самое холодное сердце, мог уже смягчить суровость этих мер и действовать прямо на ум и сердце людей.

После окончания брачного торжества в Кане Спаситель вместе с своими учениками отправился не в Назарет, который не представлял по своей отчужденности надлежащего простора для общественной деятельности, а в бойкий и многолюдный Капернаум, находившийся на северо-западном берегу Геннисаретского озера и, следовательно, в наилучшей местности Палестины. И этот прекрасный город отселе сделался почти постоянным местопребыванием Спасителя, а окружающая страна, богатейший бассейн Геннисаретского озера, – главным местом Его общественного служения. Теперь эта местность, как и вся Палестина, кажется пустыней, и только развалины по берегам озера свидетельствуют о том богатстве и оживлении, которыми некогда славилась окрестность этого дивного по своей красоте озера. У иудеев была пословица: «Бог создал семь озер в земле Ханаанской, но только одно из них – озеро Геннисаретское – Он избрал для Себя Самого». И эта пословица как бы оправдывалась теперь на избрании берегов его местом служения Спасителя. Оно не только по своей красоте, но и по своему срединному положению, а также по своей населенности и необычайному оживлению чудесно было пригодно для начала того служения, которое было исполнением древнего пророчества Исаии, что земля Завулонова и земля Нефеалимова, страна заиорданская, Галилея языческая «увидят свет великий», и что на тех, которые ходят «во тьме и тени смертной, воссияет свет».

Христу надлежало быть даже во время своей земной жизни «светом к просвещению язычников», равно как и «славой народа своего Израиля». В окрестностях озера обитали самые разноплеменные народы, потому что это был «приморский путь». Города там, по свидетельству

Иосифа Флавия, лежали очень густо, и многочисленные селения были так многолюдны вследствие плодородия страны, что самые малые из них имели более 15 000 жителей. Население было живое, промышленное, и обрабатывало всякую пядь своей богатой и прекрасной почвы. Четыре дороги вели к берегам озера. Одна вела вниз по Иорданской долине, по западной стороне; другая, перейдя мост на южной оконечности озера, шла через Перею к бродам Иордана, близ Иерихона; третья вела через Сепфорис, красивую столицу Галилеи, к знаменитому порту Акке на берегу Средиземного моря; четвертая лежала через горы Завулонские к Назарету и через долину Ездрилонскую к Самарии и Иерусалиму. Этой областью проходили большие караваны на своем пути из Египта в Дамаск, и язычники, во множестве обитавшие в Вифсаиде Юлиной и Кесарии Филипповой, должны были постоянно встречаться на улицах Капернаума. Во время Христа это была по своей населенности и оживлению промышленная область Палестины, и по водам ее озера во всех направлениях скользили 4000 судов всякого рода – от военных кораблей римлян до неуклюжих рыбачьих лодок Вифсаиды и золоченых галер из дворца Иродова. Тут же под рукой были Итурея, Самария, Сирия и Финикия, – стоило толь ко переехать через озеро, реку или горы.

Тивериада, основанная Иродом Антипой и названная в честь римского императора Тиверия столица Галилеи, выросла с удивительной быстротой; так что впоследствии передала свое имя самому озеру Галилейскому; и Христос мог видеть ее увенчанные башнями стены, укрепленный замок и «золотой дворец» Антипы, далеко бросавший на озеро тени своих мраморных львов и скульптурных колонн. Европа, Азия и Африка совместно наделяли ее населением, и на ее базарной площади можно было встретить людей всех племен и народов. Вдоль всего западного берега Геннисаретского озера иудеи и язычники жили в беспорядочном смешении, и диких сынов пустыни – арабов и бедуинов там можно было видеть рядом с предприимчивыми финикиянами, изнеженными сириянами, высокомерными римлянами и лстивыми, коварными и испорченными греками. Из такой местности свет Евангелия мог удобнее всего распространяться не только по всей Палестине, но и по всем окружающим странам, что и послужило главной причиной избрания ее центром общественного служения Христа на земле.

На этот раз пребывание Христа в Капернауме было непродолжительным. Приближался величайший иудейский праздник Пасха, и Христос отправился с своими учениками в Иерусалим, чтобы и в этом центре и оплоте Ветхого Завета «явить славу Свою», как Он явил ее в незначительном городке отдаленной Галилеи.

Отдел третий

Дела и учение Иисуса Христа от первой до второй Пасхи

VI

В Иудее. Изгнание торгующих из храма. Беседа Иисуса Христа с Никодимом. Последнее свидетельство Иоанна Предтечи об Иисусе Христе

С приближением праздника Пасхи из Галилеи по обычаю потянулся в Иерусалим огромный караван пасхальных паломников, и между ними был и Иисус Христос с своими учениками. Это посещение Иерусалима ознаменовалось весьма важным событием, которое сразу обратило на Иисуса Христа внимание не только простого народа, но и ученых книжников, фарисеев и священников. К празднику Пасхи в Иерусалим обыкновенно стекалось отовсюду множество народа, и эти бесчисленные толпы паломников, прибывавшие обыкновенно с некоторым запасом денег, естественно, привлекали множество продавцов и промышленников, старавшихся поживиться на счет простодушных пришельцев. Для пожертвований в храмовую сокровищницу и раздачи милостыни требовались мелкие деньги, а для жертвоприношений различные животные, и вот для удовлетворения этих потребностей все пространство по обеим сторонам восточных врат города до самого притвора Соломонова превращалось в необозримое

торжище, с бесчисленными рядами лавок различных торговцев и столов денежных менял. Если бы это торжище ограничивалось улицами, прилегающими к священному зданию, то оно было бы извинительно, хотя и не совсем благопристойно. Такие торжища, по свидетельству языческих писателей, происходили около некоторых знаменитых храмов языческих (как например, около храма Венеры на горе Эриксе, в Сицилии, и сирийской богини в Иераполе). Но зло не ограничивалось этим. Примыкавшие ко двору язычников обширные помещения и длинные арки представляли слишком сильное искушение для алчности иудеев. Из Талмуда известно, что некто Бава Бен-Бута первый ввел три тысячи овец во двор язычников, а значит и в священные пределы храма. Этому кощунственному примеру быстро последовали все. Лавки торговцев, меняльные лари ростовщиков постепенно проникли в священную ограду. И вот на самом дворе язычников, испуская пар от жары знойного апрельского дня и наполняя зловонием и нечистотой храм, теснились целые стада овец и волов, около которых шумно совершали свои сделки скотопромышленники и паломники. Торговцы с большими плетеными клетками, наполненными голубями, предлагали беднякам дешевую жертву, а под тенью аркообразных сводов, образуемых четырьмя рядами коринфских колонн, сидели менялы у своих столов, уставленных кучками различных мелких монет, и с сверкающими от алчности глазами вели счета и расчеты своей гнусной торговли. И это входный двор ко храму Всевышнего! Двор, назначением которого было свидетельствовать, что этот храм должен быть домом молитвы для всех народов, был превращен в место, которое по неопрятности скорее походило на скотный загон и по торговой суматохе – на многолюдный базар. Мычание волов, блеяние овец, вавилонское смешение языков, выкрикивание и споры торгашей, звон монет и бречание весов, к тому же, быть может, и не всегда верных, – все это было слышно издалека и заглушало пение левитов и молитвы священников.

Исполненный праведного гнева при виде такого низкого кощунства, пылая неудержимым и святым негодованием, Иисус, войдя в храм, сделал бич из веревок, лежавших на полу, и, чтобы очистить священный двор от его наибольшего осквернения, прежде всего, выгнал без разбора овец, волов и низкую толпу, занимавшуюся куплей-продажей их. Затем, подойдя к менялам, Он опрокинул их столы, рассыпав тщательно разложенные кучки разнородных монет, владельцы которых бросились искать и собирать их по грязному полу. Он велел выйти также и продавцам голубей, хотя и не так строго; голуби были жертвой бедняка и присутствие их, как символов невинности и чистоты, менее оскорбляло и оскверняло храм, однако же и торговцам голубями Он властно сказал: «Возьмите это отсюда».

В оправдание своих действий Он обратился ко всей этой смятенной, злобно кричавшей о понесенных убытках, ропщущей толпе единственно только с торжественным укором: «Дом Отца Моего не делайте домом торговли». И ученики Его, видя этот порыв праведного гнева, вспомнили, что некогда Давид писал о служении этому самому храму: «Ревность по доме Твоем снедает Меня».

Пораженная этим внезапным проявлением праведного гнева со стороны неизвестного галилейского пророка, толпа не осмелилась открыто протестовать против такого поступка, так как он был лишь водворением нарушенного порядка и благочиния в храме. Но на более сановных лиц – священников и левитов, книжников и фарисеев – Он произвел еще более сильное впечатление. Чувствуя угрызение совести, что они, главные хранители религии и благочиния, не сделали этого сами, и в то же время тайно негодуя на незнакомца как бы за вторжение в область их исключительного ведения, они не замедлили приступить к Иисусу Христу и стали требовать у Него какого-нибудь знамения в доказательство своего права поступать так. Тут в первый раз эти вожди иудейского народа выступили с затаенным ожесточением против Спасителя мира и при виде праведного дела не просто просили доказательства, достаточного для того, чтобы убедить их в Его божественном праве на такие властные действия, а требовали сверхъестественного знамения, которое только одно и могло, по их собственному сознанию, заставить их ожесточенные и закоснелые сердца поверить этому праву. Поэтому Христос отверг их требование, но в то же время дал понять, что требуемое ими

знамение со временем дано будет им. «Разрушьте, – сказал он, – храм сей, и Я в три дня воздвигну его».

Такой ответ для слуха ожесточенных совопросников мог прозвучать лишь непостижимым богохульством, хотя они при большей внимательности к этим словам, и могли бы лучше понять их. Но они недостаточно вникли в смысл этих слов и понапрасну утруждали себя рассуждением о том, как это можно разрушить и в три дня воздвигнуть опять храм, который требовал для своего построения многих лет и несчетного богатства. «А Он говорил о храме тела Своего», – замечает евангелист Иоанн, и прибавляет, что и ученики Его только уже по воскресении Христа вполне поняли эти слова.

Между тем слух о появлении необычайного учителя из Галилеи разнесся по всему Иерусалиму и успел возбудить живейший интерес даже среди членов синедриона. Один из них решился поближе разузнать, что это за учитель; но чтобы не подвергнуть себя какому-нибудь нареканию со стороны других членов верховного совета, он решил побывать у Иисуса Христа ночью, чтобы тайно и наедине побеседовать с Ним. Придя к Нему, он обратился к Нему с несколько сдержанной и нелишенной отчасти фарисейского высокомерия речью. «Равви, – сказал он, – мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с Ним Бог. Скажи же, в чем заключается истинный путь ко спасению?» Спаситель видел искренность его сердца и прямо ответил ему выражением великой христианской истины: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». В словах этих раскрывались тайна и способ духовного возрождения человека, и Никодиму, как ученому иудею, слова эти не могли представлять чего-нибудь необычайного. Но он предпочел отнестись к ним с видом удивленного совопросника, выставил, будто он понял их в физическом смысле, и с притворной наивностью спросил Иисуса Христа: «Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» Но Христос не обратил внимания на это пустое совопросничество и прямо дал дальнейшее разъяснение своему изречению, заявив, что Он говорил не о плотском рождении, а о духовном возрождении, которое совершается водой и Духом (в крещении), и если «рожденное от плоти есть плоть, то рожденное от Духа есть дух». Все это могло показаться Никодиму таинственным, но ведь Дух сам по себе есть тайна. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит; так бывает со всяким рожденным от Духа». Никодим ответил только выражением крайнего недоумения. Язычник, по его мнению, мог нуждаться в новом рождении, когда его допускали к общению с иудеями; а он, сын Авраама, раввин, ревностный блюститель закона, мог ли он нуждаться в этом новом рождении? Как это может быть? «Ты учитель Израилев, и этого ли не знаешь? – сказал ему Иисус. – Ты член синедриона, и не знаешь этого первого, простейшего урока, необходимого в приготовлении к Царству Небесному? Если твое знание такое плотское, такое ограниченное, если ты спотыкаешься на пороге, как можешь ты понять те глубочайшие истины, которые может открывать только пришедший с неба?» Христос сказал это с некоторой грустью и укоризной, но затем продолжал открывать этому «учителю Израилеву» еще более великие и необычайные истины; говорил о спасении человека, которое делается возможным через страдания и вознесение Сына человеческого; о любви Бога, явленной Им в послании своего Единородного Сына не для того, чтобы судить, но спасать; о прощении всех через веру в Него и об осуждении, долженствующем постигнуть тех, которые с злобным упорством отвергают возвещенные Им истины.

Таковы были тайны Царства Небесного, истины, неслыханные прежде, а теперь явно открытые. Они разрушали все прежние убеждения, ниспровергали все ближайшие надежды престарелого вопрошателя; чтобы постигнуть новые истины, ему нужно было забыть все, чем он дотоле жил в своей духовной жизни и что усвоил с детства. Тем не менее, мы знаем из последующего, что они глубоко запали в его душу. С течением беседы ночь сумрачнее надвинулась кругом, и Спаситель, косвенно упрекнув великого раввина в робости, заставившей его прикрываться полуночным мраком для дела, которое не было делом тьмы, нуждающимся в сокрытии, а было

стремлением к истине и свету, закончил свою беседу знаменательными словами, что «поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны».

Какие уроки были преподаны или какие знамения совершены Христом в течение остальных дней первой Пасхи, в Евангелиях не сообщается никаких дальнейших подробностей. Встретив упорное противодействие, Спаситель оставил Иерусалим и пошел с учениками своими к берегам Иордана, где ученики Его начали крестить народ. Крещение это имело такой же подготовительный характер, как и крещение Иоанна, который также продолжал еще крестить, хотя и вышел из пустыни и остановился в Еноне, близ Садима, местности, изобилующей ручьями и удобной для пребывания стекавшегося народа. Но слава Иисуса Христа и Его учеников уже затмила Иоанна, и число его последователей стало быстро уменьшаться и переходить в число последователей Христа. Для некоторых, однако же, появление двух учителей в одном месте могло показаться как бы соперничеством между ними; некоторые из иудеев досаждали ученикам Иоанна спорами об очищении и при этом не преминули насмешливо указать на то, что новый Учитель отнимал у них последователей. Огорченные этим, ученики подошли к своему великому учителю и не без грусти спросили его, каким образом случилось, что Тот, о котором Иоанн так торжественно свидетельствовал на берегах Иордана, теперь, видимо, вытеснил его с поприща общественной деятельности. «Вот Он крестит, и все идут к Нему». Иоанн воспользовался этим случаем, чтобы произнести окончательное свидетельство о Христе, замечательное как по ясности изложения евангельской истины, так и по глубине смирения и самоотречения. Напомнив им о том, что он всегда выставлял превосходство Христа над собой, он объяснил при этом, что таков именно закон домостроительства Божия: «Ему должно расти, а мне умаляться». И этому закону Иоанн подчиняется с полным сознанием своего священного долга. Он не только не находит себе источника скорби и уныния в таком положении, но, напротив, как «друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха», так и Предтеча радуется теперь, слыша голос Мессии Христа.

«Сия-то радость моя исполнилась» теперь. Хотя ему самому суждено было, как последнему представителю Ветхого Завета, остаться вне церкви новозаветной, он все-таки заключил указанием своим ученикам и всем своим слушателям пути в нее. Его деятельность достигла теперь предназначенных ей пределов, и он сам отсылал их теперь для получения неизмеримых даров Духа Святого к Тому, который пришел с неба и выше всех на земле, обещая вечную жизнь всякому верующему в Сына Божия и гнев Божий за неверие в Него (Ин 3:25–36).

Вскоре после этого свидетельства Иоанн подвергся преследованию со стороны фарисеев, по навету их был схвачен Иродом Антипой и заключен в темницу, где он и томился до самой смерти, хотя и имел возможность сноситься с своими бывшими учениками и продолжал следить за служением Иисуса Христа.

VII

Пребывание Иисуса Христа в Самарии. Беседа его с самарянкой

Насильственно прекратив общественное служение Иоанна Крестителя, фарисеи не успокоились на этом успехе, а услышав, что новый Учитель привлекает еще больше последователей, чем Иоанн, они не преминули бы употребить насилие и по отношению к Нему. Но так как час Его еще не пришел, то Он оставил опять Иудею, чтобы продолжать свое служение среди более восприимчивых галилеян. Самый прямой и короткий путь из Иудеи в Галилею вел через Самарию. Иудеи, однако же, редко пользовались этой дорогой и предпочитали окольный путь через Перею, так как между ними и жителями Самарии существовала непримиримая вражда, которая длилась уже несколько столетий. После переселения десяти израильских колен в плен ассирийский, Самария была заселена языческими колонистами из различных областей Ассирийской монархии, беглыми жителями Иудейского царства, а также и беглецами

израильскими, находившими возможность бежать из плена ассирийского. Первые поселенцы-язычники, уstraшенные необычайным размножением диких зверей в земле их нового местожительства, особенно львов, и объясняя это местью им со стороны Бога этой земли, добыли одного из пленных священников иудейских и при помощи его ввели у себя и поклонение Иегове, которого они, впрочем, едва отличали от других своих чисто языческих богов. Вместе с тем они усвоили себе и закон Моисеев, который впоследствии соблюдали даже строже самих иудеев. По возвращении иудеев из плена самаряне хотели присоединиться к ним, чтобы вместе с ними образовать один народ; но вожди иудейские отвергли этот союз, который мог грозить потемнением истинной религии и у самих иудеев, и с этого времени между иудеями и самарянами начались ожесточенные споры о религиозном преимуществе, переходившие часто в открытую вражду и даже побоища. Вопреки иудеям самаряне построили себе собственный храм на горе Гаризим, но он разрушен был Иоанном Гирканом, который вместе с тем разрушил и самую Самарию. За своей горой они признавали больше прав на религиозные преимущества, чем за горой Мориа, так как, по их преданию, на этой именно горе был земной рай, на ней брали свое начало все реки земные, Адам сотворен был из ее праха, на ней остановился Ноев ковчег, на ней Авраам намерен был принести в жертву своего сына Исаака, Иаков молился на ней в ту ночь, когда видел чудесную лестницу, Иисус Навин построил на ней по вступлении в Землю обетованную первый жертвенник Богу и на ней именно зарыл двенадцать каменных плит, на которых написан был весь закон Моисеев.

К горе Гаризим каждый самарянин обращался лицом при молитве, и все они веровали, что на ее именно вершине впервые должен появиться Мессия Христос. Строго держась Моисеева закона, они обвиняли иудеев за принятие других святых книг, кроме Пятикнижия; преданы были Ироду, которого ненавидели иудеи, и сохраняли верность римлянам. Самим иудеям они причиняли всевозможные неприятности, нападали на их паломников, зажигали ложные огни, чтобы произвести путаницу в их определении новомесечий, и для осквернения их храма однажды набросали в нем мертвых костей. Со своей стороны иудеи относились к самарянам с безграничной ненавистью, считая их народом нечистым и проклятым. Само имя их считалось позорным, и на всякого самарянина они смотрели как на одержимого бесом (Ин 8:48).

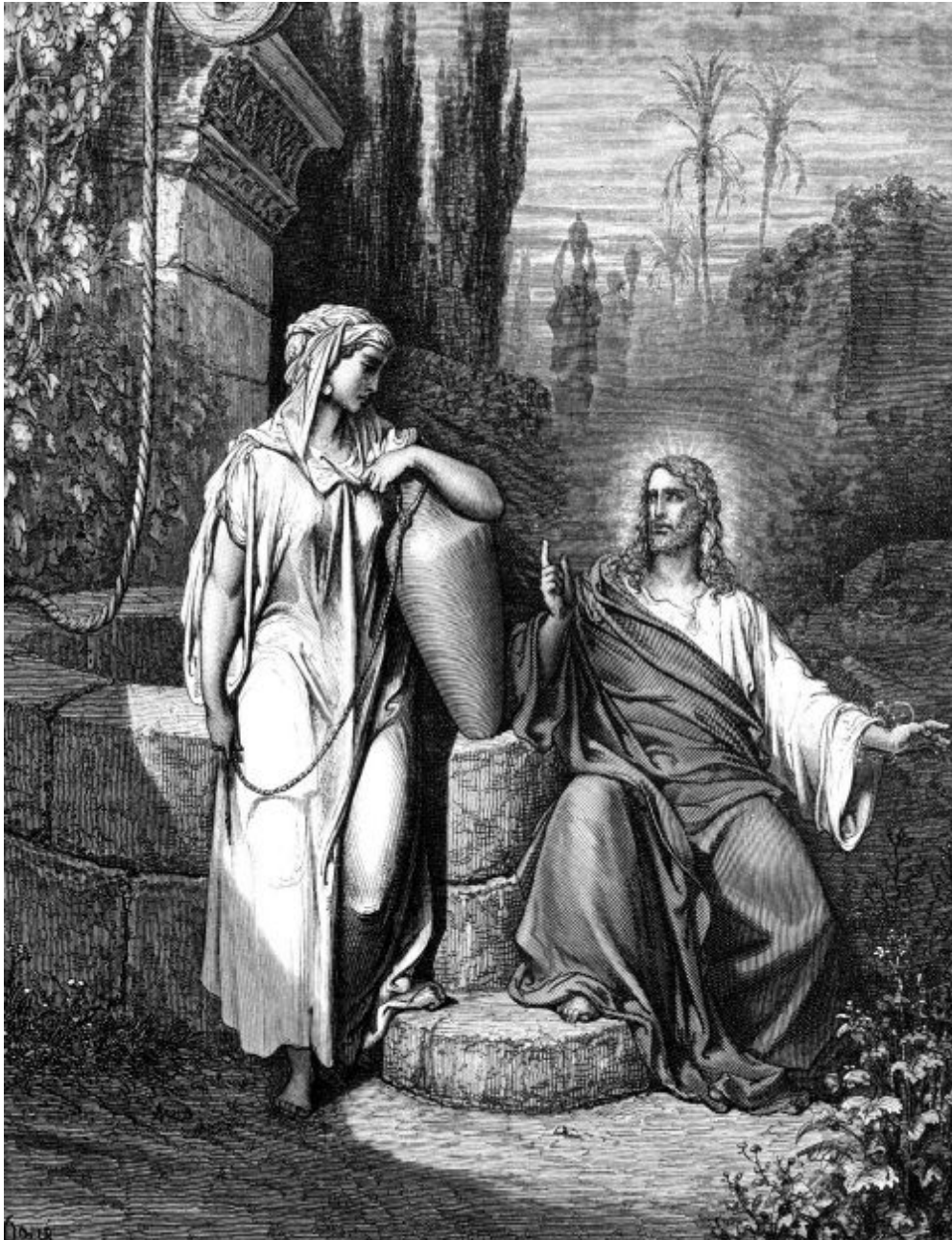
Ни один истый иудей не считал для себя позволительным есть ту пищу, которой коснулся самарянин, так как это значило бы все равно, что есть свинину. Ни один самарянин не мог сделаться прозелитом, и за ними не признавалось права на воскресение из мертвых. Иудеи могли иногда находиться в дружественных отношениях с язычником, но никогда с самарянином, и все сделки с последним считались недействительными. В иудейских судах не принималось свидетельство самарян, а принять кого-нибудь из них в дом свой значило прямо навлечь на себя проклятие Божие. Но если такая вражда существовала в сердце всякого иудея, то во всяком случае не так смотрел на самарян Спаситель.

Он видел в них таких же детей одного Отца Небесного, какими были и иудеи, и отправившись через Самарию, нашел случай сделать одно из величайших откровений о своем Божестве. Отправившись в путь ранним утром, Спаситель к полудню прибыл в Сихарь, небольшое поселение, находившееся неподалеку от города Сихема. Там, у восточного склона горы Гаризим, верстах в двух от города, находился знаменитый колодезь Иакова, на участке, подаренном им некогда своему сыну Иосифу. Над колодцем был навес с сиденьями для путников, и так как Спаситель крайне утомился от продолжительного пути под палящим солнцем, то Он, отпустив своих учеников в город произвести нужные закупки провизии, Сам остался один у колодца.

И вот, когда Он отдыхал здесь, пришла за водой одна самарянка, которая принесла с собой кувшин с длинной веревкой для доставания воды из священного колодца, имевшего не менее пятнадцати сажен глубины. Появление ее было совершенно неожиданным, так как женщины обыкновенно ходили за водой вечером и притом целыми группами. Но она предпочитала запастись водой в это именно неурочное время, как бы избегая встречи с другими женщинами,

среди которых она не пользовалась доброй славой. Страдая от жажды, Иисус Христос не мог не обрадоваться ее приходу, и лишь только она почерпнула воды кувшином, как Он обратился к ней с просьбой: «Дай Мне пить». По одежде и языку женщина сразу увидела, что Он иудей, и удивленно заметила Ему: «Как Ты, будучи иудей, просишь пить у меня, самарянки? ибо иудеи с самарянами не сообщаются». Спаситель видел ее простодушие и захотел не только просветить ее великими истинами, постигнуть которые не дано было величайшим мудрецам Древнего мира, но и сообщить ей страшное откровение о Себе Самом.

Возводя ее мысль от простой материальной воды, утоляющей временно телесную жажду, Он напомнил ей о существовании другой воды – дара Божия, утоляющего жажду духовную. «Если бы ты знала дар Божий, – сказал Он удивленной женщине, – и кто говорит тебе: дай Мне пить; то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую».

Иисус Христос и Самарянка

Мысль была ясная, но не для простого разума самарянки, и она могла только удивленно заметить, как и где Он может взять эту воду живую, – уж, конечно, не в этом колодце, так как

Ему нечем и почерпнуть из него. Но если у Него есть другая, лучшая вода, то неужели Он выше отца их Иакова, который сам и его семейство пил из этого именно колодца, считая ее годной и хорошей даже для себя? Любопытство ее, видимо, было крайне затронуто подобным заявлением, и она готова была продолжать беседу и дальше. Вода эта несомненно хороша, – отвечал ей Спаситель; но «всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять: а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную». Заинтересовываясь все более и более и чувствуя, что видит перед собой необыкновенного человека, женщина наконец просит у Него этой воды живой; но ее мысли еще не вполне постигли сущность этой воды, и она просит ее лишь для того, чтобы, напившись ее, не иметь больше жажды и не приходить сюда опять за водой. Но сделанных объяснений было достаточно для того, чтобы пробудить мысль самарянки к возвышенным предметам, и Спаситель, обрывая эту беседу, обратился к ней с словами, которые должны были показать ей, что она имеет дело с Сердцеведцем. «Пойди, – сказал Он ей, – позови мужа твоего и приходи сюда». Слова эти болезненно затронули совесть женщины, и она поспешила смущенно ответить, что у нее нет мужа. Но на это последовал ответ, который сразу обнаружил все тайны ее греховной жизни. «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа: ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала».

Как громом поразили ее эти слова Сердцеведца, и она благоговейно воскликнула: «Господи! вижу, что Ты пророк», и в это время молниеносно озарила ее мысль, уж не права ли иудейская вера, от которой могут являться такие пророки? И вот от ее собственной жизни, на которой ей, конечно, отнюдь не хотелось останавливаться дольше, ее живая мысль быстро переносится к другому вопросу, из-за которого постоянно шел ожесточенный спор между ее народом и соотечественниками Того, с Кем она говорила, вопрос, который был причиной их взаимной вражды. Случай свел ее с великим учителем: нельзя ли было воспользоваться им для улажения бесконечного спора между иудеями и самарянами о том, что, собственно, Иерусалим или Гаризим, должно считать священным местом Палестины: Иерусалим, где Соломон построил храм, или Гаризим, это древнейшее святилище, где Иисус Навин произносил свои благословения и где Авраам готовился принести в жертву своего сына? Указывая на вершину горы, вздымавшейся на восемьсот футов над ними и увенчанной развалинами древнего храма Манассии, разрушенного Гирканом, она предложила Спасителю занимавший ее вопрос: «Отцы наши поклонялись на этой горе; а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме, кто же прав?» Кратко и только стороной Спаситель разрешил ее недоумение. В споре с самарянами на стороне иудеев, бесспорно, было более правды. Иерусалим был тем местом, которое избрано Самим Богом; сравнительно с смешанным и грубым культом Самарии, иудейство было гораздо чище и правильнее. Но, коснувшись земного спора, Спаситель изрек ей великое и достопамятное пророчество, что настанет время, даже настало уже теперь, «когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме» истинные поклонники будут поклоняться Отцу, но на всяком месте будут поклоняться Ему в духе и истине. «Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине».

Самарянка была глубоко тронута и поражена; но как можно было по простому случайному слову неизвестного чужестранца отказаться от своей веры, в которой она и ее отцы родились и воспитались? Лучше отложить окончательное решение этого и подобных вопросов и подождать, пока придет Мессия, Который окончательно разрешит все недоумения и откроет всякую правду. И тогда-то Иисус Христос изрек простые, но страшные слова: нет надобности ждать этого; Мессия пришел, и «это Я, Который говорю с тобою».

Рождение Его впервые было открыто ночью немногим безвестным и невежественным пастухам; первое полное объявление Им своего мессианства было сделано у колодца в томный полдень одинокой безвестной самарянке. И этой бедной, грешной, невежественной самарянке изречены были бессмертные слова, в которых Сам Иисус Христос торжественно открыл себя Мессией и Спасителем мира.

Между тем ученики возвратились из города и были крайне удивлены, что их Учитель одиноко беседовал с женщиной. На Востоке, при низком взгляде на женщину вообще, открытое общение с ней считалось неприличным, а тем более с женщиной с непокрытым лицом. Но правило тем с большей строгостью применялось к учителям и раввинам, так что для них считалось крайним позором говорить с женщиной на улице, хотя бы и со своей женой. Еще непристойнее говорить с ней о религии и законе. «Лучше сжечь слова закона, – говорит один из строгих раввинов, – чем вверять их женщине». Между тем ученики видели, что Иисус Христос вел долгий и серьезный разговор с женщиной – и притом, видимо, грешницей! – очевидно, именно о делах религии и закона. Однако они не осмелились заметить Ему об этом и заговорили о произведенных покупках.

Между тем женщина, от поразившего ее изумления забыв даже свой водонос, побежала в город рассказать о своей чудесной встрече. Явился человек, который открыл ей «самые тайны ее жизни. Не Он ли Христос Мессия? Самаряне, которые во всех евангельских замечаниях о них являются более простыми и податливыми на убеждения, чем иудеи, скоро побежали из города по ее указанию, и когда уже видно было их приближение, ученики побуждали Спасителя есть, потому что было уже за полночь, а Он так истощился в пути. Но всякий голод в Нем был утолен удовлетворением цели Его служения. «У Меня есть пища, – сказал Он, – которой вы не знаете». Разве они не знали, что с самого детства Он жил не хлебом одним? Но ученики, при своем обычном простодушии, не поняли этого замечания и подумали, что, вероятно, кто-нибудь принес Ему есть. Можно представить, как тяжело было Ему таким образом на всяком шагу, даже в своих собственных избранниках, встречаться с такой странной неспособностью понимания более глубоких духовных мыслей. Но нетерпения не было в том, кто был кроток и смирен сердцем. «Моя пища, – сказал Он, – есть творить волю пославшего Меня и совершить дело Его». И затем, указывая на жителей Сихема, стекавшихся к Нему по равнине, Он продолжал: «Вы говорите, что еще четыре месяца до жатвы. Взгляните на эти поля, как они пожелтели для духовной жатвы. Вы будете радостно пожинать жатву, которую Я посеял трудом и страданием; а Я, сеятель, радуюсь при мысли об этой радости грядущей».

Личная беседа с Христом убедила многих из самарян гораздо глубже, чем рассказ женщины, которой Он впервые открыл себя, что Он именно есть давно ожидаемый Спаситель мира, Христос. Милостиво снисходя к их просьбе побыть у них, Иисус Христос пробыл там два дня с своими учениками, и это двухдневное учение несомненно и было главной причиной многочисленных обращений ко Христу в их среде в последующее время (Деян 8:5). И со своей стороны, Христос не раз награждал эту веру самарян, выставляя их добродетельнее закоснелых в своем узком законничестве иудеев. Так, в бессмертной притче о любви к ближнему примером ее Он выставил именно самарянина. Из среды десяти исцеленных прокаженных оказался благодарным опять именно один самарянин. Более простые и здоровые души самарян оказались более склонными и способными войти в Царство Божие, чем гордые души мнивших себя исключительными сынами Авраама и наследниками данных ему обетований.

VIII

В Галилее. Исцеление Христом сына царедворца. Проповедь в Назаретской синагоге

Из Самарии Спаситель, продолжая путь, отправился в Галилею, но не в Назарет, где жители, привыкшие видеть Его в обыденных условиях жизни, членом одного хорошо знакомого им семейства плотников, по обычной человеческой слабости менее всего способны были смотреть на Него как на пророка, и тем менее как на Мессию, Спасителя мира. Указывая на это обстоятельство, Он «Сам свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве». В других городах галилейских, напротив, уже была подготовлена почва для Его приема, так как помимо совершения Им общеизвестного чуда в Кане Галилейской многие из галилеян были очевидцами и того, «что Он сделал в Иерусалиме в праздник». И Спаситель опять прибыл «в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино». Появление в этом небольшом городке человека, который совершил известное всем чудо, не могло долго оставаться тайным. Слух о

Нем быстро распространился в соседние города и селения и даже проник до дворца Ирода Антипы в соседнем Капернауме. Услышав об этом, один из царедворцев последнего нарочито прибыл к Нему в Кану, чтобы попросить Его прийти к нему в Капернаум и исцелить его умирающего сына. Но царедворец руководствовался при этом не столько верой в Того, Кого он считал способным исцелить его сына, сколько родительским себялюбием, и смотрел на Иисуса Христа как на какого-нибудь простого благотворительного врача, готового трудиться над исцелением больных, не имея при этом никаких высших целей. За это он должен был понести некоторый укор от Спасителя, который сказал ему, что веру в нем надо пробуждать такими сильными средствами, как знамения и чудеса.

Но уступая глубокой заботливости отца, Он отпустил его с уверением, что сын его здоров. Разговор этот происходил в седьмом часу, то есть по нашему в час пополудни. Царедворцу можно бы было возвратиться в Капернаум в тот же день, потому что Кана находилась не более как в пяти часах пути от Капернаума. Но душа отца была успокоена верой в обещание Христа, и он переночевал где-то на пути. На следующий день на дороге с ним встретились слуги его и сказали ему, что сын его выздоровел и именно в тот час, как оказалось, когда обнадежил его Иисус. Это уже во второй раз Христос ознаменовал свое пребывание в Галилее совершением важного чуда. «И уверовал сам (царедворец) и весь дом его». Положение царедворца дало чуду обширную известность, и это, несомненно, содействовало тому, что в этот светлый, еще ничем не омраченный период служения Христа на спасение страждущего человечества Его повсюду встречали с радостью и восторгом.

Молва о новом великом чуде быстро разнеслась по всем окружающим городам и местечкам, которые густо унизывали прекрасное побережье великолепного Геннисаретского озера, и имя Иисуса как нового пророка было у всех на устах. Но чудеса Христа имели своей целью пробуждение дремлющего сознания народа к восприятию великих истин Евангелия, и воспользовавшись произведенным впечатлением, Спаситель стал учить народ по синагогам и «от всех был прославляем» (Лк 4:15). Проповедь свою Он пока ограничивал чужими для Него городами, но очередь дошла и до Его родного Назарета. Предполагая, что молва о Нем успела распространиться и в Назарет и подготовила также почву для проповеди, Он наконец благоволил явить Себя и в своем родном городе. Прибыв в Назарет, Он в первый же субботний день вошел в синагогу, где собирались богомольцы для совершения молитв и назидания в слове Божиим.

В Назарете, как небольшом городе, имевшем не более девяти тысяч жителей, была только одна синагога. Как можно судить по сохранившимся кое-где развалинам древних синагог, это было простое прямоугольное здание, обращенное «святилищем» по направлению к Иерусалиму, который со времени Соломона сделался священным местом, куда всякий иудей обращался лицом в молитве. В более богатых городах синагога строилась из белого мрамора и снаружи убиралась скульптурными украшениями, резными изображениями виноградных листьев и гроздьев, расцветающего жезла и сосуда с манной. Внутри были сиденья на одной стороне для мужчин, на другой, за решеткой, для женщин, которые сидели, закутавшись в свои длинные покрывала. На одном конце помещался ковчежец или ящик из крашеного дерева, содержащий Св. Писание, а в стороне возвышалось высокое сиденье для чтеца и проповедника.

Духовенства, собственно говоря, не было никакого, и само богослужение в синагоге было очень простое. После молитвы обыкновенно прочитывалось два места из Писания, одно из Закона и одно из Пророков, и так как особых посвященных лиц для совершения богослужения совсем не было (служение священников и левитов ограничивалось одним храмом в Иерусалиме), то эти чтения не только читать мог всякий умеющий, получив только позволение от начальника синагоги, но мог также присоединить и свое толкование или назидание. Чтение из Пятикнижия было уже кончено, и оставалось прочесть только дневное чтение из Пророков. Спаситель раскрыл поданный Ему свиток и нашел место из 61 главы пророка Исаии. Все собрание встало для выслушания чтения. Чтение обыкновенно продолжалось от трех стихов до

двадцати, но Иисус Христос прочитал только первые два стиха, которые гласили: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное».

Затем Он закрыл свиток и, как было в обычае иудеев, сел, чтобы произнести проповедь и обратиться к слушателям с назиданием. Прочитанное Им место было и само по себе весьма замечательное, но оно получало еще больше величия и торжественности в устах Того, на котором исполнилось. Глаза всех в синагоге с выражением напряженного внимания были устремлены на божественного Проповедника, и все с затаенным дыханием и трепетным сердцем слушали Его проповедь, в которой Он раскрывал, что Он Сам и есть тот Мессия, о котором возвещал великий пророк семьсот лет тому назад.

Слова Его звучали любовью, властью и силой и вызывали у всех невольное изумление. Но с течением проповеди Он стал замечать перемену в настроении слушателей, и она росла по мере того, как эти грубые и жестоковыйные назаряне начали понимать все значение Его слов. У иудеев было в обычае во время самых собраний в синагогах открыто выражать свои чувства по поводу той или другой проповеди, и Христос скоро внятно услышал пробегающий по собранию ропот негодования и возмущения. Глаза слушателей, дотоле устремленные на Него с выражением благоговейного удивления, начали сверкать злобным огнем зависти и ненависти. «Не плотник ли это? Не брат ли Он таких же ремесленников, как и Сам Он, – Иакова, Иосии, Симона, Иуды, и сестры Его не живут ли между нами? Разве мы не знаем, что даже в Его собственном семействе не веруют в Него?» Такие и подобные возгласы начали раздаваться среди слушателей. Это не был молодой ученый раввин из школ знаменитых учителей и законников того времени (Гамалиила или Шаммаи), и однако же Он говорил со властью, какой не принимали на себя даже великие книжники! Даже великий Гилдель, когда оказывалось невозможным убедить на основании своего собственного учения, мог рассчитывать на успех, только ссылаясь на авторитет прежних законников. Этот же учитель не ссылался ни на кого, и притом учитель, который был только их городским плотником! Какое право имел Он учить? Откуда Он мог знать даже хорошенько письмена, никогда не учившись в высших школах раввинских? Спаситель не оставил без внимания этой перемены в своих слушателях, и прямо сказал им, что Он есть тот Самый Иисус, которого они хорошо знали раньше, и вполне понимал их состояние, так как «истинно, никакой пророк не принимается в своем отечестве». Правда, они могут сказать, что как пророк Он должен бы проявить свои знамения и чудеса не в соседних городах, где Его мало знают, а именно в своем родном городе, где Он известен всем от мала до велика, и потому у них, естественно, вертелось на языке язвительное присловие: «Врач! исцели самого себя», т. е. не на словах только, а на самом деле покажи свою сверхъестественную силу, слухи о проявлении которой в Капернауме доносились до них. Но Спаситель ответил им, что чудеса не ограничиваются местностью и родством и для совершения своего требуют известного душевного предрасположения к принятию их. Ведь им известно из Ветхого Завета, что «много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле; и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую. Много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее; и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина».

Эти спокойные доводы на основании исторических примеров еще более раздражили слушателей, которые в своем предубеждении не хотели слушать слов правды. Что же из этого? – кричали они. Неужели они, по Его мнению, по мнению этого «плотника», не лучше язычников и прокаженных? Это было выше всего, что могли они вынести от своего собрата-горожанина, которого они хотели ставить в ряд с собой, и при этих словах долго сдерживаемая ярость их разразилась открыто. Проповедник был прерываем теперь уже не ропотом негодования, а ревом бешенства. При одном из тех порывов кровожадного возбуждения, которыми отличался этот страстный, буйный, запальчивый народ – народ, умы которого возбуждались столь же неожиданными бурями, как и те, что мгновенно разжаряли

зеркальную поверхность их озера, они все вскочили, схватили Его, вывели за город и там повлекли на вершину горы. Назарет гнездится на южной впадине горы; крутые утесы во множестве торчат на ее склонах, и две тысячи лет тому назад эти утесы, вероятно, были еще гораздо круче и обрывистее. На один из этих скалистых обрывов они и повлекли Иисуса, чтобы свергнуть Его. Жестоковыйные назаряне готовы были совершить преступление, которое покрыло бы их вечным позором. Но они избавлены были от этого преступления Самим Спасителем. Еще не пришел час, когда Он должен был понести смерть за грехи человечества, и поэтому, «прошедши посреди» ослепленных буйной яростью сограждан, «Он удалился». Он оставил их навсегда; слово Его уже никогда не раздавалось в синагоге Назаретской, и Он окончательно переселился в соседний город Капернаум, где было больше возможности и простора для проповеднической и благотворительной деятельности.

IX

Чудесный лов рыбы на Галилейском озере. Исцеление бесноватого и расслабленного и многих других в Капернауме. Призвание к апостольству мытаря Матфея

Капернаум находился на самом берегу Геннисаретского озера и был промышленным и умственным центром всей окружающей местности. Вследствие этого и деятельность Спасителя, на значительное время сосредоточившаяся в этом городе, который как бы стал «Его собственным городом», заменившим для Него Назарет, могла удобно простирались не только на все соседние города и селения, но и на более отдаленные местности, как например, Дамаск, Тир и Сидон, с которыми Капернаум соединялся оживленными путями сообщения. По этим путям постоянно происходило оживленное движение, и поэтому Христос даже по дороге из Назарета в Капернаум мог заняться проповедью, собиравшей около Него больше и больше народа. Когда Он прибыл к самому берегу озера, то толпа оказалась уже весьма большой, и народ с жадностью теснился услышать благодатное слово. Многие теснились до того, что самое положение божественного Проповедника становилось небезопасным на берегу озера. К счастью, Он увидел на озере две рыбацьи лодки, и так как одна из них оказалась лодкой Его учеников, которые, не получив еще окончательного призвания оставить все земное и следовать за божественным Учителем, на досуге занимались своим привычным ремеслом, то Он крикнул ап. Петру, чтобы тот подъехал к берегу и взял Его в лодку. Затем Он велел отплыть несколько от берега, чтобы Ему можно было поучать народ из лодки. С этой удобной и свободной от всякой тесноты кафедры Он и поучал народ, покачиваясь на лазурной ряби озера, сверкавшего под утренними лучами солнца.

И когда проповедь Его кончилась, Он думал не о Себе и о своем утомлении, а о своих бедных, потерпевших неудачу учениках. Он знал, что труд их был напрасен; Он заметил, что во время Его беседы они, будучи заняты своим ремеслом, в то же время слушали Его учение и готовились к будущему делу, обещавшему им больше успеха. Чтобы поддержать в них бодрость духа, Он велел Петру отплыть на глубину и вновь закинуть сети свои для лова. Петр был в унылом настроении духа; но для него было достаточно слова Того, кого он так глубоко чтит и свидетелем могущества которого он уже был столько раз. И его вера была вознаграждена. Сети мгновенно наполнились множеством рыбы. Ученики оживились и захлопотали. Симон и Андрей дали знать Зеведею и его сыновьям с рабочими, чтобы ониплыли сюда с своей лодкой и помогли им вытащить необычайный улов, грозивший прорвать сами сети. Обе лодки были доверху наполнены грузом, и тотчас же по окончании работы Петр, признавая всю силу чуда, с свойственным ему порывом припал к коленам Иисуса и в страхе за такую близость к Нему великого чудотворца воскликнул: «Выйди от меня, Господи! потому что я – человек грешный».

Луч сверхъестественного озарения открыл ему как его собственное греховное недостойнство, так и то, Кто был с ним в лодке. Это был вопль самообличения, первый порыв страха и изумления, – тех чувств, которые впоследствии возросли до степени обожания и любви. Петр не разумел в собственном смысле «выйди от меня», а разумел только – и это было известно

Сердцеведцу: «Я крайне недостойн быть подле Тебя, но позволь мне остаться». И на это последовал ободряющий ответ: «Не бойся; отныне будешь ловить человеков». Спаситель, как и во всем своем учении, воспользовался внутренним смыслом наличных обстоятельств. Подле них в лодке кучами лежала животрепещущая добыча озера, животрепетанье которой, однако же, начинало уже стихать перед вечным покоем смерти. Отселе этот грешный человек, омытый и очищенный, искупленный и освященный, должен был преследовать, в более благородном труде, добычу, которая, будучи поймана сетью Евангелия, не умрет, а будет жить вечно. И его брат, и его товарищи по промыслу должны были также сделаться «ловцами людей».

Затем Спаситель отправился в сам Капернаум и там начал в обширных размерах проявлять свою проповедническую и благотворительную деятельность. Как и в Назарете, Он прежде всего направился в синагогу, где и поучал народ, во множестве собравшийся послушать великого проповедника. Проповедь на этот раз нарушена была не бурным ропотом собрания, а одним несчастным, который, одержимый силой злобы, не в состоянии был вынести присутствия Сына Божия, пришедшего ниспровергнуть царство злобы. Среди безмолвной тишины собрания, всецело поглощенного потоком божественного благовестия, вдруг раздался пронзительный крик несчастного, который начал иступленно кричать: «Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий» (Лк 4:34). Подобные несчастные люди, одержимые нечистым духом, в древности не пользовались никакими приютами, и болезнь их считалась неизлечимой. Но Христос хотел открыто показать, что Он пришел спасти погибших. Он обернулся к беснующемуся страдальцу и, признавая в нем раба нечистого духа, обратился к духу с строгим повелением: «Замолчи и выйди из него». Сила божественного повеления была непреодолима. Бесноватый упал на землю в страшных судорогах, крича и корчась. Но все это скоро прошло. Человек встал здоровым; все в нем показывало, что он освободился от подавлявшей его силы, и теперь был в своем здравом рассудке. Никогда прежде не совершалось такого великого и поразительного чуда, и все присутствовавшие разошлись по домам с чувством неопisanного изумления.

Оставив синагогу, Христос удалился в дом Симона. Здесь Его также встретили мольбой о помощи в болезни и страдании. Симон, которого Он уже навсегда призвал к апостольству, был женат (1 Кор 9:5), и теща его находилась в сильном припадке горячки (Лк 4:32). Опечаленное семейство обратилось к Христу с мольбой о помощи. Спаситель остановился над больной, взял ее за руку, поднял ее и запретил горячке; голос Его, потрясши все ее существо, победил источники болезни, и больная, мгновенно выздоровев, встала и служила им по хозяйству.

Строгость соблюдения субботы, которой отличались иудеи, дала Спасителю короткий промежуток для отдыха и подкрепления; но только что начало заходить солнце, как множество народа, ожидавшего только полного окончания субботних часов, стало искать Его помощи. Со всего города народ столпился у дверей Его скромного жилища, приведя с собой бесноватых и больных всякого рода, и Христос исцелял их, невольно сострадая страждущему человечеству. Теснота при этом была так велика, что не все больные могли проникнуть к Спасителю, и один расслабленный спущен был к нему через разобранную кровлю дома. За эту смелость, доказывавшую непоколебимость его веры, он получил не только телесное исцеление, но и прощение грехов.

Молва об этом чудесном событии разнеслась по всей Галилее и Перее, и даже до отдаленных пределов Сирии (Мф 4:24), и можно представить себе, как сильно утомленный Спаситель нуждался после этого в продолжительном покое. Но лучшим и самым приятным для Него отдыхом было уединение и безмолвие, где Он, не тревожимый никем, мог быть наедине со своим Отцом небесным. Равнина Геннисаретская была еще окутана глубокой тьмой, наступающей перед рассветом, когда, никем не замеченный, Иисус встал и удалился в одно пустынное место, и там подкрепил свой дух тихой молитвой.

С наступлением утра Он опять готов был продолжать свое спасительное служение. Но

благодетельства Его не должны были ограничиваться одним Капернаумом. Рядом находилось много других городов и селений, которые также нуждались в просвещении и благотворении, и Христос хотел распространить свое служение и на эти города. «Пойдем, – сказал Он своим ученикам, – в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедовать Царствие Божие, ибо на то Я послан». Но прежде чем отправиться в эти города, Он нашел благовременным восполнить сонм своих постоянных учеников еще одним членом, призвание которого состоялось при замечательных обстоятельствах. В Капернауме или близ его находилась таможня для сбора пошлин. Будучи расположен в узле дорог, расходившихся к Тиру, Дамаску, Иерусалиму и Сепфорису, город этот был оживленным торговым центром страны, и потому представлял удобное место для сбора податей и пошлин. Налоги эти были особенно ненавистны иудеям. Сама обязанность платить их уязвляла священнейшие для них чувства. Они были не только знаком политического рабства, но и постоянным и ужасным свидетельством того, что Бог как бы оставил свой народ и что все светлые мессианские надежды и обетования, которыми полна была их прежняя историческая жизнь, померкли в страшном сумраке чужеземного ига жестоких и высокомерных покорителей; отсюда сама уплата их для чувствительной и щепетильной души истых иудеев казалась почти вероотступничеством. Она казалась нарушением основных начал теократии и могла быть извиняема только под условием неизбежной принудительности. Неудивительно поэтому, что чиновники, собиравшие эти налоги, были крайне нелюбимы народом. Нужно помнить при этом, что в отдаленных областях сборщиками были не римские чиновники – настоящие *publicani*, а их простые подчиненные, часто набиравшиеся из подонков общества, и они так славились своими злоупотреблениями, что на них смотрели почти с ужасом и всегда причисляли к одному разряду с блудницами и грешниками. И если иудей едва мог убедить себя в правоте самой уплаты податей, то можно представить, каким ужасным преступлением было в его глазах сделаться орудием, и притом сомнительной честности, в собирании их. Если ненавидели мытаря вообще, то понятно, какое омерзение в народе возбуждал мытарь из иудеев. Но тот, кто пришел взыскать и спасти погибших, кто мог водворить христианскую святость в среде языческого растления – мог даже из мытаря-иудея сделать апостола и первого евангелиста новой и живой веры. При избрании апостолов Он руководствовался не внешними какими-либо побуждениями, а проникновением в глубину сердца человека. Он отверг важного книжника (Мф 8:19) и избрал презираемого и ненавидимого всеми сборщика податей. Это было славное дело божественной прозорливости и совершенного человеколюбия, и св. Матфей вполне оправдал его, обратив свое знание письма на священное дело и сделавшись первым жизнеописателем своего Спасителя и Господа. Можно думать, что Матфей слышал некоторые из бесед и видел некоторые из чудес Христа. Сердце его было тронуту ими, и в глазах Того, Кто не презирал никого и не гнушался никем, мытарь этот, даже когда он еще сидел у «сбора пошлин», был уже готов для призвания. Для него довольно было одного слова: «Следуй за Мною». Оно показывало Матфею, что Господь возлюбил его и готов был воспользоваться им как избранным орудием в распространении благовестия в Царстве Божием, и потому его было достаточно для того, чтобы заставить мытаря победить в себе все искушения алчности и порвать с прежним занятием. «И он встал и последовал за Ним», нравственно возрожденный чудесной силой всепрощающей и искупляющей любви.

И вот в сообществе шести преданных учеников-апостолов Спаситель обходил города и селения по берегам Геннисаретского озера, повсюду проповедуя Евангелие спасения и исцеляя больных и страждущих. В этих неустанных трудах прошел целый год, и опять приблизился великий праздник иудейский. По обыкновению, Иисус Христос отправился в Иерусалим, и там совершились события, которые отмечают собой новый период в земной жизни Спасителя.

Отдел четвертый

Дела и учение Иисуса Христа от второй до третьей Пасхи

В Иерусалиме. Исцеление расслабленного при овчье купальне. Столкновение с фарисеями из-за срывания учениками колосьев в субботу. Исцеление сухорукого

Так как служение Иисуса Христа доселе по преимуществу совершалось в отдаленной Галилее, то в Иерусалиме еще немногие знали о Нем, и Спаситель мог прибыть в столицу иудейства, не возбуждая особенного народного внимания к Себе. Но молва о Его необычайной деятельности доносилась и до Иерусалима, и среди представителей отживающего иудейства невольно возбуждала тревогу и подозрительность, которые явно обнаружились на этот раз.

Направляясь к храму, Спаситель проходил мимо одного из прудов, служивших источником снабжения водой жителей Иерусалима. Это именно известная овчья купальня – Вифезда, находившаяся, как показывают новейшие раскопки, неподалеку от северо-западного угла храмовой ограды. Она представляла собой бассейн около 24 сажен в длину и 7 сажен в ширину, разделявшийся пополам каменной стеной в два аршина толщиной. В ней обыкновенно купались овцы, предназначавшиеся для жертвоприношения, но вода славилась, кроме того, своей целебностью. По временам в ней происходило необычайное движение воды, «ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду», придавая ей чудесную целебность; «и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью». Неудивительно, что это чудесное свойство притягивало к пруду «великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидавших движения воды», которые и пребывали здесь под прикрытием пяти отдельных навесов, построенных частными благотворителями несчастных.

Между многими страждущими здесь был один бедняк, который уже около тридцати восьми лет находился в расслаблении от паралича. Он жил в самых притворах этого пруда, но бесполезно; так как сам он был беспомощен и движение воды происходило неправильными промежутками, то другие, более счастливые и менее слабые, всякий раз успевали раньше его бросаться в пруд, пока еще не потерял благоприятный момент. Христос взглянул на этого человека с сердечным состраданием. Видно было, что дух несчастного страдальца был не менее расслаблен, чем и члены, и вся его чахнувшая жизнь была одним непрерывным отчаянием. Спаситель вознамерился сделать для великого праздника дар бедняку, которому Он не имел возможности дать ни золота, ни серебра. Он захотел помочь страдальцу, которому никто не хотел помочь раньше. «Хочешь ли быть здоров?» – спросил Он его. Сначала слова эти едва ли вывели несчастного из его унылого оцепенения: он, по-видимому, даже и не взглянул на спросившего. Но думая может быть, с мгновенным проблеском надежды, что это какой-нибудь незнакомец, который по сердечной доброте хочет помочь ему первым попасть в воду, когда она возмутится опять, он просто рассказал в ответ горькую повесть о своем долге и тщетном ожидании. Иисус же разумел более скорую и действительную помощь. «Встань, – сказал Он, – возьми постель свою и ходи!» Это было сказано тоном, которому нельзя было не повиноваться. Взгляд говорившего, Его голос и повелительный тон, подобно электрическому току пробежал по изможденным членам и разбитому организму, ослабленному страданием и грехом целой жизни. После тридцативосьмилетней расслабленности он мгновенно встал, поднял свою постель и пошел. В радостном изумлении он озирался кругом, чтобы увидеть своего неизвестного благодетеля, но толпа была велика, и Христос, стараясь избежать грубого возбуждения в народе, спокойно удалился.

Неожиданное появление среди толпы человека, который хорошо известен был всем как беспомощный расслабленный, а теперь бодро шел по улице, невольно должно было обратить на него всеобщее внимание, и его обступила толпа народа, расспрашивавшая о том, как он вдруг выздоровел. Но среди толпы оказались и строгие законники, которых занимал не сам случай выздоровления бедняка, а то, что он нарушал одно из самых священных постановлений Моисеева закона – именно субботу. «Сегодня суббота, – говорили ему эти законники, – не должно тебе брать постели». Субботство было одним из наиболее излюбленных коньков современного фарисейства, и так как дух Моисеева законодательства все более подавлялся в

этой секте буквой мертвой обрядности, то и суббота потеряла в ней свой прежний возвышенный характер – духовного и телесного покоя от трудов и посвящения ее на служение Богу. На первый план выступило мелочное соблюдение покоя, и оно обставлено было такими нелепыми вымыслами досужего ханжества, что этот благодатный день покоя превращался в день тягостного рабства и всевозможных стеснений. С самой точной мелочностью было определено, что делать и чего не делать в субботу, сколько делать шагов, на какое пространство передвигаться, сколько есть, сколько писать, какие лекарства принимать и т. д. Но более всего выработаны были правила касательно ношения бремени в субботний день. Опираясь на изречение пророка Иеремии: «Берегите души ваши и не носите нош в день субботний» (Иер 17:21), раввины измыслили целый кодекс, в котором точно определялось, какие именно ноши можно и какие нельзя носить в субботний день. Так как субботний день начинался с вечера пятницы и возвещался звуками трубы, то, по учению раввинов, всякий истинный израильтянин должен был тотчас же сбросить с себя всякое бремя. «В пятницу, перед началом субботы, – гласило одно постановление, – никто не должен выходить из дома с иглой или пером, чтобы не позабыть сложить их с себя с наступлением субботы. Всякий должен тщательно обыскать свои карманы в это время, чтобы там ничего не осталось такого, с чем запрещено выходить в субботний день». Мало того, что нельзя было носить действительных ношей, составляющих бремя, по толкованию фарисействующих раввинов нельзя было носить в субботу даже сапог с гвоздями или заплатами, так как и гвозди, и заплата составляют «бремя». Отсюда раввинам совершенно было запрещено носить сапоги с заплатами, чтобы до забывчивости они не нарушили этим святыни субботства, которое, по их мнению, соблюдалось всей вселенной, так что и сам ангел Господень никогда не возмущал воды в Вифезде по субботам. При таких взглядах неудивительно, что книжники и фарисеи не замедлили заметить расслабленному, какое беззаконие совершал он, неся такое «бремя», как его жалкая постель. Но счастливцу было не до этих мелочных казуистов, и он смело отвечал им: «Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи». Пораженные недоумением, кто бы мог быть этот дерзкий нарушитель субботства, законники, опять нисколько не обращая внимания на чудесное исцеление, спрашивают его: «Кто тот человек, который сказал тебе: возьми постель твою и ходи», т. е. сделал незаконное повеление, за которое его можно подвергнуть суду и наказанию. Личность Иисуса Христа, очевидно, еще так мало была известна на окраинах Иерусалима, или человек этот с таким тупым равнодушием отнесся к Нему, когда Он сначала заговорил с ним, что в действительности он и не знал, кто был его благодетель. Но он узнал вскоре потом. Повествование обнаруживает в нем одну привлекательную черту. Через несколько времени мы встречаем его уже в храме, куда он пришел воздать благодарение Богу за неожиданное и чудесное обновление своей безотрадной жизни. Там же увидел его и Спаситель, который обратился к нему с простым, но важным предостережением: «Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже». Очевидно, человек этот нес тяжкое наказание за свои тяжкие грехи, прощение в которых он получил вместе с исцелением. Но он оказался недостойным столь великого благодеяния. Узнав, кто его благодетель, он, чтобы выгородить себя от вины нарушения субботства, «пошел и объявил иудеям, что исцеливший его есть Иисус». Этого только и нужно было Его врагам. Они уже и раньше почувствовали опасность для них той власти, с какой пророк назаретский нарушал их права, как это было при изгнании торговцев из храма, и только скорое удаление Его в Галилею лишило их возможности тогда же подвергнуть Его гонению, как это они сделали с Иоанном Крестителем. Узнав теперь о Его появлении опять в Иерусалиме и чувствуя, какой смелый удар Он наносит их излюбленному кумиру субботства, они не преминули подвергнуть Его публичному допросу, какое право имеет Он нарушать субботу такими своими делами. Но при этом им пришлось выслушать со стороны Спасителя ответ, который своей непреодолимой силой доказательности поверг их в беспомощное смущение. На строгий вопрос Христос ответил иудеям: «Отец Мой доньше делает, и Я делаю». В этих словах заключается весь дух учения Христова касательно субботы. Когда Бог закончил творение мира, то Его суббота не была покоем в смысле полного прекращения деятельности. Он делает непрерывно, именно своим промыслом и благодатью поддерживая все творение и восстанавливая его от падения к новой духовной

жизни. И это доброе дело Отец небесный делал в течение всей вечности, включая и субботные дни и годы. А так как Слово Божие есть постоянный участник деятельности Самого Бога, то и Оно, воплотившись на земле и приняв образ человеческий, также делает это великое дело и для Него может пользоваться и субботой. Отсюда Сын человеческий есть господин субботы, да и вообще суббота установлена для человека, а не человек для субботы. Такие доводы, сказанные с властной убедительностью, привели иудеев в крайнее смущение и негодование, и они, не имея возможности выставить против них соответствующие по силе доводы, прибегли к более простому средству: «И стали иудеи гнать Иисуса, и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу. И еще более искали убить Его за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцом Своим называл Бога, делая Себя равным Богу».

А Спаситель между тем воспользовался этим случаем, чтобы указать им на свое мессианское достоинство, и в предостережение им указал на то, как они в своем ослеплении упускали из виду, что еще так недавно свидетельствовал о Нем такой великий пророк, как Иоанн Креститель, и это свидетельство находилось в полном согласии с Моисеем и всем Писанием.

Но запавшая в сердца вождей иудейских ненависть к Пророку назаретскому не дала им возможности проникнуться глубоким смыслом этих доводов, и они лишь с большей настойчивостью стали следить за Ним, чтобы найти случаи нового нарушения отеческих установлений и иметь возможность к более смелому выступлению против Христа. Случай скоро представился. Спаситель оставил Иерусалим немедленно по окончании Пасхи и отправился со своими учениками по направлению к Галилее по дороге, выходящей среди нив ячменя, дававшего к этому времени первые плоды, начатки которых и приносились в жертву на второй день Пасхи. Законом позволялось срывать по дороге колосья для утоления голода, и ученики, воспользовавшись этим правом, действительно срывали колосья, растирали их в руках и ели. А была суббота. Недремлиющие враги тотчас же со злорадством ухватились за этот новый случай нарушения субботства. По толкованию ученых раввинов срывание колосьев приравнивалось к жатве, растирание их руками к молотье, а за совершение таких работ назначалось побиевание камнями. На их взгляд, это было ужасное преступление. В истории известны были случаи, как истинные иудеи соглашались скорее умереть с голоду, чем нарушить субботний день. Один кормчий из иудеев, несмотря на угрозы смертью, отказался прикоснуться к рулю во время страшной бури после того, как зашло солнце и наступила суббота. А эти жалкие галилеяне с своим Учителем не могли потерпеть несколько часов простого голода и нагло нарушали святыню субботы! Воспользовавшись этим случаем, фарисеи тотчас же окружили Спасителя, с злорадством показывая на апостолов: «Смотри, что они делают», с презрительным кивком на учеников, «делают в субботу, что не должно делать!» Но Спаситель, с истинно божественной прозорливостью усмотрев коварство совопросниковлицемеров, немедленно защитил своих учеников и, опять объявив себя господином субботы, указал в оправдание их примеры из библейской истории, которые выясняли истинный смысл субботы. «Разве вы не читали, – обратился Христос к фарисеям и ученым книжникам, избличая этим самым их в неведении Св. Писания, знанием которого они похвалялись перед народом, – что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий (в субботний день) и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?» Если Давид, их великий царь, их любимец, их святой, так открыто и вопиюще нарушал букву закона и, однако же, не подлежал порицанию единственно вследствие нужды, то зачем же порицать учеников за невинный поступок с целью утоления своего голода? И затем, если их собственные раввины определили, что «нет субботства в храме», что священники могли в субботу рубить дрова, зажигать огонь и ставить на стол только что испеченные хлебы предложения, убивать жертвенных животных, обрезать детей и таким образом всячески нарушать принятые ими и слепо исполняемые правила субботства, – нарушать по дозволению самого закона (Числ 26:9); если можно нарушать субботу ради храма, то разве нельзя ее нарушить ради Того, Кто больше храма? А преследуемый ими Христос есть именно больше храма, и как Сын человеческий есть

Господин субботы. Лучше бы им, вместо наблюдения подобных мелочей раввинства, помнить великое изречение пророка, что милость лучше жертвы (Ос 6:6), человеколюбие выше бездушной обрядности.

Чтобы еще сильнее показать фарисеям неосновательность их злобы на мнимых нарушителей субботства, Спаситель в тот же день воспользовался новым случаем, представившимся Ему в синагоге ближайшего городка.

В синагоге оказался человек, по преданию каменщик, от несчастного случая получивший увечье, от которого у него иссохла рука; он умолял Христа исцелить его, чтобы избавиться от горькой необходимости просить милостыню. О присутствии его, а также, очевидно, и о цели знали все, и потому главные места занимали книжники и фарисеи, злобные взоры которых были устремлены на Христа в ожидании, что Он будет делать, чтобы затем обвинить Его. Он недолго оставлял их в недоумении. Сначала Он велел человеку с иссохшей рукой выйти и стать посередине. И затем Он предоставил решению их собственной совести вопрос, который был уже у них на уме, только ставя его так, чтобы показать им его истинное значение: «Должно ли, – спросил Он, – в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти (как Я делаю), или погубить (как вы замысляете в сердце своем)?» На этот вопрос возможен был только один ответ, но они, очевидно, собрались сюда не для того, чтобы искать правды или говорить ее. Единственной целью их было следить, что будет делать Он, чтобы основать на этом публичное обвинение перед синедрионом или, по крайней мере, заклеить Его позорным пятном субботонарушителя. Поэтому они ответили на предложенный им вопрос ненарушимым, уклончивым молчанием. Но Христос не хотел позволить им избежать приговора их собственной совести, и поэтому в оправдание Себя привел пример из их обычной практики, который совсем ставил их в невозможность ответить на этот вопрос. «Кто из вас, – спросил Он, – имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы?» Довод был неотразимый, и сам пример не мог быть отрицаем, и однако же злобное молчание совопросников оставалось ненарушимым. Он гневно оглянул их; святое негодование пылало в Его сердце, светилось на лице, оживляло Его движения, звучало в Его голосе, когда Он медленно проводил очами по всем этим вытянутым от злобного упрямства лицам, обличая их в злости и низости, невежестве и гордости; и затем, подавляя это горькое и сильное чувство, Он обратился к совершению дела милосердия и сказал больному: «Протяни руку твою», и, к великому изумлению всех присутствующих, он протянул ее, и стала она здорова, как другая. И таким образом Христос опять поразил своих врагов, и не только словесными доводами, но и делом великого милосердия, послужившего к новой славе Мессии.

XI

Служение в Галилее и окрестностях Галилейского озера. Избрание двенадцати апостолов. Нагорная проповедь и сущность новозаветного законодательства

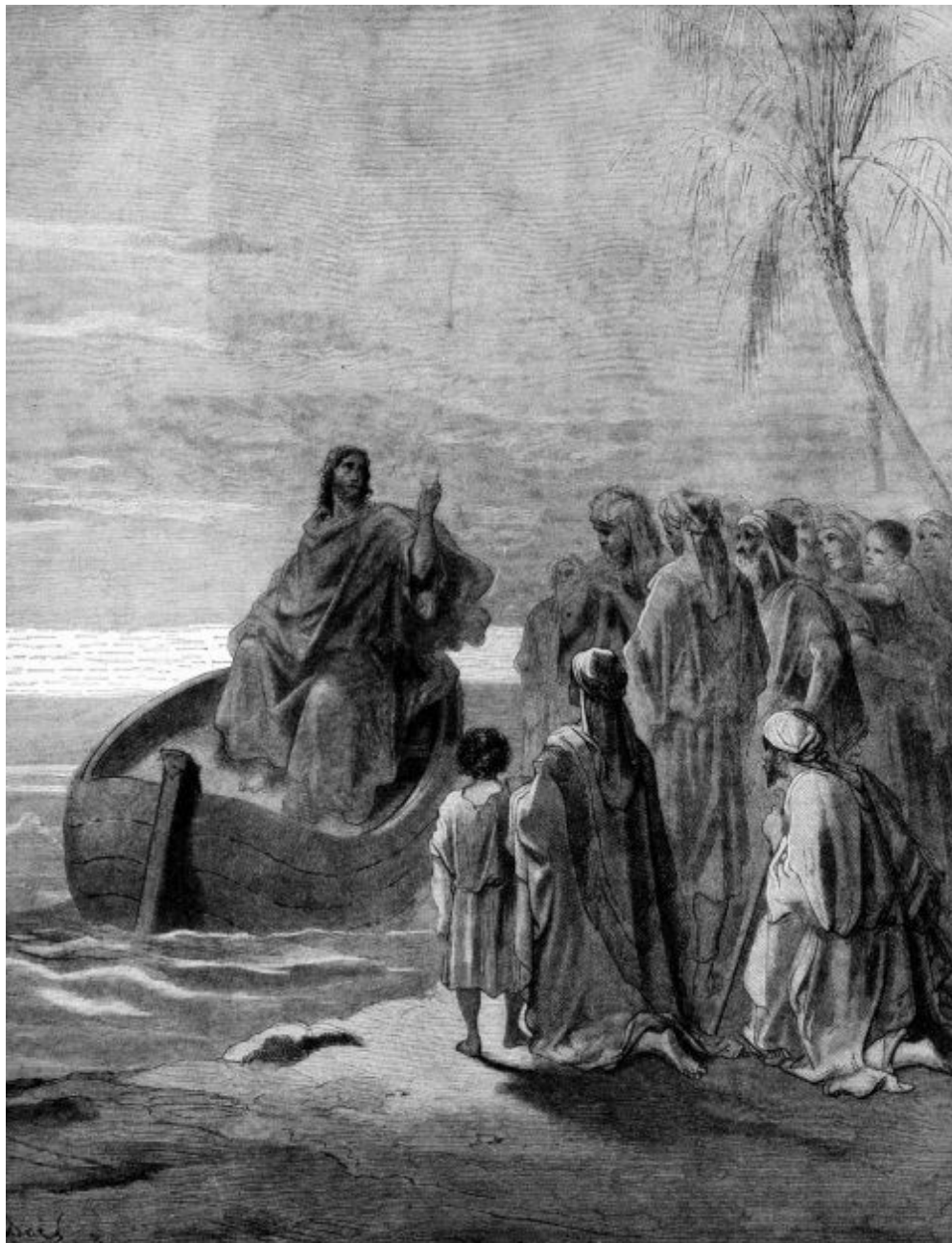
Все эти события показали, что в Иудее не было возможности для беспрепятственной проповеди Евангелия, и Христос опять удалился в Галилею, к берегам любимого Им озера Геннисаретского, и там, вдали от ярого изуверства слепых приверженцев отживавшего завета, Он приступил к подробному изложению начал Нового Завета – в отличие их от начал Ветхого Завета. Но чтобы новая проповедь не осталась гласом вопиющего в пустыне, нужно было формально составить избранный кружок последователей, которые, отрекшись от всего прошлого, должны были всецело посвятить себя новому и послужить тем зерном, из которого должно было возрасти дерево новозаветного человечества. Христос, прежде всего, и сделал так. В это время за Спасителем уже постоянно ходил народ, жаждавший послушать Его божественного слова и воспользоваться Его чудесами. Утомленный проповедью, Спаситель удалился в уединение и на одной из гор провел ночь в молитве, приготавливаясь к великому событию следующего дня. И вот когда рассвел день, Христос позвал к Себе наиболее преданных последователей и из них избрал двенадцать учеников, которые с этого времени должны были сделаться не просто последователями Христа, каковыми они были доселе, но Его

апостолами, т. е. посланниками, принимавшими на себя обязанность не только принимать, но и распространять новое учение. Он избрал их числом двенадцать, так чтобы избранный народ Нового Завета, подобно народу ветхозаветному, имел также двенадцать духовных родоначальников, или патриархов.

Все эти избранники были чистые израильтяне, не язычники или прозелиты, так как именно через потомков Авраама благословение Нового Завета должно было распространяться на язычников, и притом не из колена Левиина или священства Ааронова, так как Христос основывал совершенно новое священство. При самом избрании Спаситель, конечно, принимал во внимание духовные качества избираемых. Он избрал не богатых, просвещенных или сильных мира сего, а самых простых людей, все достоинство которых заключалось в их чистой, неиспорченной никакими ложными влияниями душе и непорочном сердце, представлявшем удобную почву для сеяния нового благовестия. Вот имена этих патриархов новозаветных человечества: Петр и Андрей – сыновья Ионы; Иаков и Иоанн – сыновья Зеведея; и Филипп – все пятеро из небольшого рыбацкого селения Вифсаиды. Затем идут Нафанаил или Варфоломей, Фома, Матфей, Иаков Алфеев (или Малый), Иуда – брат этого Иакова, Симон Зилот, родом из Каны, и Иуда Искарот, т. е. родом из иудейского городка Кариота. Из этого славного общества апостолов трое – Иаков Малый, Иуда (брат) Иаковлев и Симон Зилот почти ничем не известны нам. В Евангелиях ничего не сообщается об их личности, и только св. Иоанн при описании Тайной вечери упоминает об «Иуде не Искароте», который вместе с другими обращался с известным вопросом к Спасителю (Ин 14:22). Симон известен только по своему прозвищу Зилот. «Зилот» или «Кананит» – имена тождественные по своему значению и показывают, что он некогда принадлежал к числу буйных и неистовых последователей Иуды Гискальского. Греческие имена Филиппа и Андрея, а также и то обстоятельство, что к Филиппу именно обращались греки, желавшие видеться с Спасителем перед концом Его земного служения, и что он просьбу эту передал Андрею, быть может, указывают на некоторые связи их с эллинистами; но, кроме первоначального призвания, о них почти ничего не сообщается больше; то же самое и о Нафанаиле и Матфее. О Фоме, называемом также Дидимом, т. е. «близнецом», что составляет только греческий перевод его еврейского имени, имеется несколько интересных сведений, которые показывают в нем человека своеобразного характера, бесхитростного и простодушного, но в то же время пылкого и великодушного; готового умереть, но тугого на веру.

Иуда, человек из Кариота, быть может, единственный иудей в обществе апостолов, обыкновенно ставится последним в списке апостолов, очевидно, как человек, далеко уступавший другим в своей правоспособности в высокой должности апостольства и доказавший это впоследствии страшным преступлением. Из всего общества апостолов трое, именно Петр, Иаков и Иоанн, удостоились наивысшей чести принадлежать к самому тесному кругу избраннейших друзей и последователей Христа. Им одним только позволено было присутствовать с Ним при воскрешении дочери Иаира, во время преображения и предсмертной молитвы в саду Гефсиманском. Об Иакове неизвестно ничего больше, кроме того, что он сподобился высокой чести быть первым мучеником из общества апостолов. Он и его брат Иоанн, хотя они и были рыбаками, по-видимому, находились в лучших материальных обстоятельствах, чем их сотоварищи. Зеведей, отец их, не только имел свою собственную лодку, но и держал наемных рабочих; а Иоанн случайно упоминает в своем евангелии, что он был известен первосвященнику. Это объясняется тем, что он часто бывал в Иерусалиме и там занимался сбытом рыбы, которая доставлялась туда с озера Галилейского. Это был еще вполне юноша, и чистота его верующего сердца была именно причиной того, что он сделался особенным любимцем своего Божественного Учителя, – «учеником, которого любил Иисус». Но самым видным членом среди этой избранной троицы был ап. Петр, который по самой своей натуре заслужил данное ему дважды название камня или скалы (Кифа – Петр), на которой основалось исповедание Христа Богом. В лице его Христос приобрел себе самого преданного ученика и последователя, который не останавливался ни перед чем, чтобы только заявить свою

любовь и свою безграничную преданность Учителю. Само отречение его от Христа в страшный момент предательства Иуды было лишь поводом к глубочайшему раскаянию, еще более и окончательно укрепившему в нем чувство любви и преданности Тому, Кого он первый исповедал Христом, Сыном Бога Живого.

Проповедь Иисуса Христа у Геннисаретского озера

Избранием двенадцати апостолов отмечается один из решительных моментов в общественном служении Христа. Доселе Он еще не делал открытого провозглашения Нового Завета в отмену Ветхого, хотя уже в отдельных случаях и показывал цель своего служения. Теперь же настало время для открытого провозглашения истин Нового Завета, и Спаситель, имея около Себя преданных учеников и последователей, принявших на себя готовность быть проводниками и провозвестниками истин Царства Небесного среди человечества, не замедлил раскрыть перед ними и перед собравшимся народом все тайны и сокровища основываемого Им Царства Божия на земле. Это Он подробно сделал в знаменитой *Нагорной проповеди*, содержащей в себе как бы полное изложение новозаветного закона в отличие от ветхозаветного. Спаситель произнес ее *на горе* (вследствие чего она и получила свое название), и предание, точнее определяя

местоположение, указывает на гору, известную под названием «Рогов Хаттинских», находящуюся часах в двух пути от Тивериады. Эта гора с своими двумя горбами или отрогами, на шестьдесят футов поднимающимися над разделяющей их долиной, весьма близко соответствует подробностям евангельского повествования. Она находится неподалеку от Галилейского озера и не представляет никакого затруднения для восхождения на ее вершину, причем, не доходя до самой вершины, имеется и площадка, на которой удобно было собраться и расположиться слушателям. Сам Христос, по обычаю учителей своего времени, вероятно, сидел на каком-нибудь скалистом возвышении, дававшем возможность для Его божественного голоса разноситься над собравшейся толпой, впереди которой, у самых ног Учителя, сидели новоизбранные апостолы. Это было знаменательное собрание зарождавшейся Церкви Христовой. Оно было отчасти похоже на собрание церкви ветхозаветной перед горой Синаем; но там не только люди, но и вся природа трепетала от страшного соприсутствия невидимого Божества; здесь же люди теснились у самых ног вочеловечившегося Бога, изливавшего слова любви и милосердия среди природы, которая как бы и сама восторгалась благовестием и ликовала в ожидании и своего собственного избавления от тяготевшего на ней ради человека проклятия. Если предположить, что проповедь началась ранним утром, то солнце своими косвенными лучами золотило всю окружающую местность с ее богатым весенним нарядом и с горы открывалось дивное зрелище: справа сверкала зеркальная поверхность восхитительного озера с пробуждавшейся жизнью в окружавших его прибрежных городах и селениях, а на севере величаво вздымался в утренней мгле исполинский Ермон, снеговая вершина которого горела разноцветными огнями в ярких лучах восходящего солнца, и вся природа как бы замерла в благоговейном безмолвии, чтобы слушать проповедь о началах Царства Божия на земле.

Проповедь свою Христос начал с определения тех, кто могли сделаться членами нового царства и воспользоваться предоставляемым в нем правом на блаженство.

В ветхом Моисеевом законе принадлежность к избранному царству Иеговы обуславливалась телесными и вообще внешними свойствами и признаками людей – их происхождением от Авраама и совершением над ними обрезания, и эти только свойства давали право на те преимущества, которые составляли единственную принадлежность царства Иеговы. В новом царстве внешние свойства не имеют никакого значения и все обуславливается внутренним достоинством человека, которое и служит источником блаженства. В этом смысле прежде всего «блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное». Чтобы войти в Царство Небесное, нужно сознать свое духовное нищенство, свою отдаленность от первоначального духовного совершенства, почувствовать желание вновь достигнуть этого совершенства, и тогда-то именно человек делается достойным высшей помощи, содействующей ему в достижении этой великой цели. Тут возвещалось совершенно новое начало жизни, отличное от того, которым руководствовалось человечество в Древнем мире, когда гордость духовная приводила к сознанию своего духовного богатства, а между тем это богатство не только не было истинным богатством, но, будучи самым жалким нищенством (как это уяснилось особенно впоследствии – Деян 17), в то же время служило препятствием к приобретению того истинного богатства духовного, которое возвещалось Христом и Его апостолами. Но раз человек сознает свое духовное нищенство и поймет, как далек он от своего предназначения, то невольно восскорбит о таком своем недостоинстве: и «блаженны такие плачущие; ибо они утешатся», т. е. скорее других получают то «утешение», которого ожидали все истинно верующие во Израиле (Лк 2:2). Сознав свое недостоинство и очистившись от греха, человек становится кротким и смиренным, и блаженны кроткие; ибо они наследуют землю».

В Древнем мире властвовали гордые и настойчивые, делавшие землю своим наследием при посредстве насилия, огня и меча; теперь настало время для господства презиравшейся в древности добродетели смирения, и ей именно принадлежит наследие земли. При всеобщем господстве в древности начала насилия, правда или справедливость оставалась часто без удовлетворения и много было «алчущих и жаждущих правды». Тогда они были самыми

несчастливыми из людей; но теперь они «блаженны; ибо они насытятся», так как новое царство будет воплощением правды. При господстве правды должна господствовать и милость, ибо милость и правда как бы две родные сестры в области добродетели; а потому «блаженны милостивые; ибо они и сами помилованы будут». Но чтобы достигнуть этих добродетелей, человек должен прежде всего очистить свое сердце от всего греховного, темного и низкого, и тогда он удостоится немислимого в Ветхом Завете блаженства: «блаженны чистии сердцем; ибо они Бога узрят». Достигнув же этой степени совершенства, человек потеряет всякий повод и способность к вражде с ближними, сознает свое братство со всеми людьми и будет стремиться к водворению всеобщего мира на земле. Поэтому «блаженны миротворцы; ибо они будут наречены сынами Божиими», т. е. участниками того сыновства, высшим представителем которого был проповедовавший Сын Божий, пришедший умиротворить небо с землей, человека с Богом. Дело водворения мира и правды на земле, целые тысячелетия бывшей ареной всевозможных насилий, братоубийств и неправды, конечно, должно встретить сопротивление со стороны представителей ветхого царства, и они будут преследовать и изгонять новых проповедников, но «блаженны изгнанные за правду: ибо их есть Царство Небесное». – «Блаженны вы, – заключил Христос, – когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах: так гнали пророков, бывших прежде вас».

Последние слова уже относились исключительно к апостолам, как пророкам Нового Завета, и Христос затем обратился к ним с дальнейшим объяснением их назначения и положения в мире. «Вы соль земли, – сказал Он им. – Если же соль потеряет силу (как это замечено за соляными глыбами у Мертвого моря), то чем сделаешь ее соленой? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям» (как это именно делалось с негодной солью при храме, где она выбрасывалась и рассыпалась по склонам храмовой горы вместо песка, чтобы в сырую погоду удобнее было ходить священникам и народу). Но апостолы более чем соль земли. Они «свет мира», который дотоле погрязал во тьме религиозного и нравственного заблуждения, и потому они должны стоять на виду у всех, как тот стоящий на верху горы город (Сафед, ясно видимый с горы блаженств вследствие своего высокого положения на 2650 футов над уровнем моря), который вследствие такого именно положения не может укрыться от чьих-либо взоров. Равным образом, «зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике, и она светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Учение это не могло не поражать слушателей своей необычайной возвышенностью, и им, привыкшим к безжизненному, избитому учению раввинов, оно легко могло показаться совершенно новым, как бы разрушающим Ветхий Закон Моисеев, на котором доселе держалась вся жизнь избранного народа. Христос также уловил на лице их тень этого недоумения и решил окончательно рассеять его. «Не думайте, – сказал Он, – что Я пришел нарушить закон или пророков (как высших провозвестников и изъяснителей закона); не нарушить пришел Я, но исполнить». Закон должен сохраниться во всей своей силе, пока не будет исполнен весь, так что нарушитель хоть одной из заповедей его «малейшим наречется в Царствии Небесном», и напротив, человек, соблюдающий закон и научающий его соблюдению и других людей, настолько же возвеличится в этом царстве. Но «говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное». Ревнуя о соблюдении закона и похваляясь праведностью, эти народные учителя в сущности извратили весь внутренний смысл закона. В измышленных ими обрядовых мелочах они наблюдали необычайную строгость, как например, в соблюдении постановлений о субботе и чистоте. В последнем отношении наиболее ярые фанатики фарисейства доходили даже до чудовищного заключения, что человек, прикасавшийся к свиткам Св. Писания, делался нечистым, так как, дескать, пергамент, или кожа, на которой оно написано, могла принадлежать нечистому животному, или приравнивалась к трупам, соприкосновение с которыми, по закону, оскверняло человека. И в то же время эти учителя нагло попирали всякую истинную праведность,

закрывающуюся в соблюдении возвышенных нравственных начал закона. Чтобы яснее изложить свою мысль, Христос представил целый ряд сравнений ветхозаветного закона в Его истолковании со стороны книжников и фарисеев с возвышенными началами новозаветного царства.

«Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду». Книжники и фарисеи истолковывали этот закон в его буквальном, узком смысле человекоубийства; но в новом царстве закон этот получил более широкий и глубокий смысл и распространяет свое действие даже на внезапный и напрасный гнев, могущий сделаться источником вражды с ее гибельными последствиями, и на всякие презрительные, унижительные для человеческого достоинства выражения, вроде рака МГ или безумный. В новом царстве закон этот карает уже не только руку, совершающую убийство, но и сердце, питающее какую-либо вражду, могущую принести гибельный плод. Вследствие этого даже и дар, приносимый на жертвенник Богу, не может быть принят, пока сердце не освободится совершенно от всякого зла. Затем «вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй». Раввины понимали этот закон также в смысле буквального прелюбодеяния, помимо которого допускались всевозможные вольности к угождению плоти. По закону нового царства, грех опять карался в своем источнике – в сердце, и им осуждалась сама мысль о чем-либо незаконном, само пожелание плотское, сам взгляд на женщину с вожделением, так как человек, посмотревший на нее так, «уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». – «Сказано также: что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную». Фарисейская праведность пользовалась этим законом с самым беззастенчивым произволом – к угождению плоти. Развод допускался в самых широких условиях. «Если кто-либо, – учили книжники, – увидит женщину красивее своей жены, то он может отпустить свою жену и жениться на этой женщине», и это правило обосновывалось на тексте Моисеева закона! Даже такой строгий законник, как знаменитый Шаммаи, держался мнения, что если жена выйдет на улицу без обычного на Востоке покрывала на лице, то с ней можно развестись на этом основании. Школа другого знаменитого законника, Гиллеля, доходила в своем толковании до чудовищного расширения этого начала, именно допуская, что если жена плохо приготовит обед своему мужу, пересолит его или пережарит, то он может развестись с ней, как если бы она была поражена какой-нибудь телесной проказой. Вследствие этого легкость разводов среди иудеев приняла такие размеры, что она составляла предмет смущения и омерзения даже в глазах окружающих их языческих народов, а раввины между тем гордо объясняли эту распущенность особым преимуществом, дарованным будто бы только Израилю, а не другим народам. Разведенной таким образом женщине сразу же предоставлялось право вновь вступить в замужество, причем это право ясно высказывалось ей в той разводной, которая подписывалась свидетелями совершившегося расторжения брака. Такому господству плоти не могло быть места в новом царстве, и Христос истолковал Моисеев закон в его новом возвышенном смысле: «А я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует». – «Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». Фарисейская праведность и здесь нашла возможность нарушить закон под видом его точного соблюдения. Последнее выражение они истолковывали в том смысле, что та только клятва обязательна, которая сопровождалась особенным жертвоприношением перед Господом, и, следовательно, можно было нарушать всякую клятву, данную без этого условия; а некоторые даже толковали, что всякую клятву можно нарушить, если только при этом не упоминать о Господе. Отсюда у иудеев, при их торгашестве и связанном с ним обмане, развилось страшное зло давания клятв с призыванием в свидетельство и неба и земли, Иерусалима и собственной головы, – тем более страшное, что все эти клятвы в большинстве не соблюдались. Поэтому нужно было пресечь это зло. Сама клятва по своему внутреннему существу была свидетельницей упадка нравственности и чувства правды среди людей, так как будь человек таким же непорочным и невинным, каким его создал Бог, была бы не нужна и клятва, предполагающая собой опасение за нарушение данного слова. Так как в новом царстве восстанавливалось начало первобытной чистоты сердца, то и всякие изысканные

клятвы оказывались излишними. «А Я говорю вам: не клянись вовсе. Но да будет слово ваше: да – да, нет – нет; а что сверх этого, то от лукавого», так как чем усиленнее клятва, тем она предполагает большую возможность нарушения ее по внушению исконного отца лжи. Иные должны быть в новозаветном царстве и начала взаимных отношений вообще. «Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб».

В Древнем мире в человеческих отношениях господствовал закон равномерного возмездия за обиды, вытекавшие из присущего низшей человеческой природе чувства мщения. Возмещать равным за равное считалось и справедливым, и достойным человека. Этот закон, по снисхождению к немощи человеческой природы, признан был и в Моисеевом законодательстве. «Глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу, обожжение за обожжение, рана за рану, ушиб за ушиб» (Исх 21:24–25). Более строгие книжники понимали этот закон в его буквальной точности, но другие нашли возможным перевести это возмездие на деньги и выработали целую систему денежных взысканий за обиды и членовреждения. Повреждение руки, ноги или глаза оценивалось по известной их стоимости при добывании средств к жизни. Заушение различно оценивалось от полусикля до пяти и более сиклей, смотря по важности и достоинству лица; удар по щеке стоил двести зузим, а по обеим щекам вдвое больше. За вырванный клочок волос, за оплевание, за отнятие верхней одежды, за раскрытие головы женщины взималось до четырехсот зузим. Это безобразное торгашество человеческим достоинством приняло ужасные размеры среди иудейского народа, и простая справедливость требовала пресечения такого зла.

Но новое царство, как основывающееся на изложенных выше началах, должно было представить еще нечто другое и указать совершенно иной способ возмездия за причиненное зло. «Сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». По новозаветному закону не только отрицается жестокий закон равномерного возмездия, но и провозглашается совершенно иной взгляд на отношение между добром и злом. В Древнем мире царство принадлежало греху и зло имело победоносный характер, так что всякое добро, чтобы поддерживать свое существование, должно было противиться злу, бороться с ним внешними и внутренними средствами, ограждать себя от его разрушительного влияния. Так действовал и Бог, который для сохранения добра в мире однажды истребил развращенный и подчинившийся злу род человеческий потопом, и в последующей жизни избирал особых лиц и целый народ, которых ограждал от торжествующего зла как выделением их из среды греховного мира, так и особыми законами, делавшими этих избранных более способными к сохранению добра и защищавшими их от вторжения зла.

Совершенно иначе должны были установиться отношения между добром и злом в новом царстве. Тут зло теряло свою победу и ад терял свое смертоносное жало, а напротив, всякое добро, получив особую помощь свыше, становилось победоносным, наступало царство добра и благодати. Отсюда добру не было более надобности прибегать к внешним средствам сопротивления злу, предполагающим сознание внутренней немощи. Добро, как торжествующее начало, могло теперь всецело полагаться на свою, данную ему внутреннюю силу, о которую должно было разбиваться всякое зло. Пусть даже зло на время восторжествует над добром и угнетает его, но это торжество будет лишь внешнее, призрачное, и пройдет немного, как подавленное и побежденное извне добро покажет свою внутреннюю победную силу и не только восторжествует над злом, но и превратит его в добро. Так, высокопросвещенный народ, даже подвергаясь порабощению от дикой орды, скоро показывает свое внутреннее превосходство и самих победителей заставляет сознать себя побежденными; или еще: принесенная от полюса огромная льдина вносит холод и в самые теплые страны, но холод этот лишь временный, и он исчезает под знойными лучами южного солнца, от которых расплавляется и сама льдина. Но такое общее начало для своего полного осуществления предполагает общество, всецело проникнутое духом нового царства, когда действительно

добро делается стихией общественной жизни. Пока же человечество не достигло этой степени совершенства, заповедь о непротивлении злу имеет значение лишь в смысле ограничения присущего человеческой природе эгоистического чувства возмездия за нанесенный вред или причиненное зло; так что там, где нарушаются не личные права, а попирается сама справедливость, противление злу является делом не только вполне законным, но и необходимым. Сам Христос выразил смиренный укор за нанесенный Ему слугой первосвященника удар по щеке (Ин 18:22–23), и ап. Павел еще с большей настойчивостью протестовал против подобного же оскорбления себе (Деян 23:3), показывая этим, что поправки справедливости нельзя допускать, не нанося ущерба высшему закону правды в человеческих отношениях. Защищая себя от несправедливости, человек защищает не только себя лично, но и самую правду, защищать которую его священный долг. Отсюда и всякое общество, при теперешнем несовершенном состоянии своей духовно-нравственной жизни, имеет право и должно защищать лежащие в основе его жизни начала, может и должно наказывать преступников или виновников зла и таким образом поддерживать царство добра в мире, пока оно само не приобретет безусловного господства, когда такая внешняя защита станет излишней.

Что добро не должно оставаться в страдательном положении по отношению к злу и, напротив, должно стремиться побеждать его своей внутренней силой, это разъяснено в следующем сопоставлении Моисеева закона и раввинской праведности с новозаветным законом. «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего». Древнее человечество в своем вынужденном сопротивлении всепобеждающему злу до крайности затемнило в своем сознании идею всечеловеческого братства и, ограничивая ее самым тесным кругом «ближних», к этим последним только и относилось с любовью, считая всех остальных врагами, которых считалось невозможным включать в общечеловеческий братский союз. Так было даже у самых просвещенных языческих народов (греков), которые себя только и считали достойными человеческого звания, отрицая у других всякое человеческое достоинство и относясь к ним с презрением и ненавистью, как к варварам. Моисеево законодательство стояло в этом отношении выше всех других и стремилось к проведению в сознание народа идеи общечеловеческого братства, предоставляя и иноплеменникам некоторые права в случае поселения их среди избранного народа. В нем не было изречения: «ненавидь врага твоего», – это лишь раввинское толкование или дополнение к заповеди о любви к ближним; но и сама возможность такой прибавки показывала, какая общая мысль лежала в основе международных отношений избранного народа.

Христос теперь проповедовал совершенно новую, неслыханную в Древнем мире истину, которая должна была совершенно изменить существовавший дотоле взгляд. «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Тут не только проповедуются простое непротивление злу, но и требуется активное усилие со стороны нравственной природы в деле умиротворения взаимных человеческих отношений. Люди враждуют между собой вследствие забвения великой истины, что все они «сыны одного Отца Небесного», и истина эта до тех пор не будет общепризнана и понята всеми, пока люди будут разделять себя на ближних и врагов и считать себя вправе к одним относиться с чувствами любви и к другим с чувствами ненависти. Пусть же члены новозаветного царства первые покажут, что такое разделение неестественно и губительно для человечества, так как поддерживает рознь и вражду между людьми, и тогда сами враги придут к убеждению в безосновательности вражды и все человечество станет единым нераздельным братством.

Человеку может показаться неосуществимым подобное требование. Но пусть он помнит, что как сотворенный по образу и по подобию Божию он по самой природе своей способен к бесконечному совершенствованию. В грехопадении он потерял значительную часть своего богоподобия и сделался рабом тления; теперь ему дается новая сила восстановить это потерянное богоподобие, и пусть же он стремится к нему. «Итак, будьте совершенны, как

совершенен Отец ваш Небесный».

После изложения этих общих начал новозаветного законодательства Спаситель присовокупил несколько частных указаний, уже вытекающих из этих основных начал. Члены нового царства должны быть милостивы и сострадательны к бедным, но милостыню нужно подавать не с гласностью и самовыставлением, а скромно и тайно. Молиться должно не с лицемерием, на показ всем, а в святом уединении. Пост нужно содержать не как самохвальную добродетель, но как тайное самоотречение. Все эти дела благочестия надлежит совершать единственно из любви к Богу, в простоте сердца, не ища земной награды, но собирая себе нетленные сокровища на небе. Само служение Богу должно быть искренним, всецелым и безраздельным. Заботы и тревоги жизни не должны развлекать или возмущать его. Бог, которому оно приносится, есть также и Отец, и Тот, кто всегда питает птиц небесных, не сеющих и не жнущих, и одевает более чем царственной красотой цветы полевые, не оставит без пищи и одежды детей своих, когда они ищут прежде всего правды Его. Наконец, Христос внушал, что слушающий эти слова и исполняющий их подобен мужу благоразумному, который, строя себе дом, заложил фундамент его на скале, вследствие чего дом его устоял против самых сильных напоров бури и непогоды; а слышащий и не исполняющий их «уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры и налегли на тот дом, и он упал, и было падение его великое».

Вся эта величественная и дивная по своей божественной мудрости проповедь произвела глубочайшее впечатление на слушателей. «Народ дивился учению Его: ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи».

XII

Исцеление прокаженного и слуги сотника. Воскрешение сына наинской вдовы. Посольство Иоанна Предтечи. Прощение грешницы в доме Симона-фарисея

Когда Иисус Христос сошел с горы, то за Ним последовало множество народа, как бы не хотевшего расстаться с столь дивным Учителем, изливавшим сладостные слова благовестия. И истинность учения вскоре была подтверждена рядом великих событий, которые еще более должны были показать народу, кто этот великий и сладостный Учитель. От горы Христос направился в один из прибрежных городков, и при входе в него вдруг глазам Его представилось крайне печальное зрелище. Перед Ним предстал прокаженный, который, с отчаянной мольбой падая сначала на колена и затем с сердечным воплем повергаясь ниц, просил об исцелении его от ужасной и отвратительной болезни. Со стороны несчастного требовалась необычайная вера в юного Пророка назаретского, чтобы признавать в Нем силу исцелить болезнь, которая, по всеобщему убеждению, раз проникнув в кровь, постоянно усиливалась и была неизлечима. Все надежды жизни выразились в страстной мольбе несчастного: «Господи, если хочешь, можешь меня очистить!» И на Его веру раздался бесконечно милостивый ответ: «Хочу, очистись». Все чудеса Христовы были в то же время откровениями. Когда требовалось обстоятельствами дела, Он иногда не сразу отвечал на мольбу страдальца. Но не было ни одного случая, когда бы Он хоть на мгновение замедлил при вопле к Нему прокаженного. Проказа считалась знаком греха, и Христос хотел научить нас, что сердечная молитва грешника об очищении всегда находит скорое удовлетворение. Когда Давид, прообраз всех истинно кающихся, взывал с истинным сокрушением: «Согрешил я пред Господом», то пророк Нафан немедленно принес ему милостивое благовестие от Бога: «Господь снял с тебя грех твой; ты не умрешь» (2 Цар 12:13). Спаситель простер руку, прикоснулся к прокаженному, и тот тотчас очистился. При этом Спаситель запретил исцелившемуся разглашать об этом событии, так как прикосновение к прокаженному, как запрещенное законом, могло опять вызвать бурю негодования со стороны бездушных законников, для которых мертвая буква закона была дороже всякого человеколюбия. Вместо этого он должен был пойти показаться священникам и принести установленный дар, чтобы получить формальное свидетельство о своем очищении. Но исцеленный был слишком рад

своему счастью, чтобы скрывать его в сердце своем, и не исполнил наказа о молчании, разглашая о своем исцелении повсюду.

Едва Спаситель прибыл в город Капернаум, где находилось Его временное местожительство, как навстречу к Нему вышла депутация иудейских старейшин, вероятно должностных членов главной синагоги, с просьбой от сотника, верный и любимый раб которого был поражен опасным припадком болезни. Могло показаться странным, что иудейские старейшины приняли такое близкое участие в человеке, который, римлянин или нет, во всяком случае несомненно был язычник и только, быть может, «пришелец врат». Старейшины, однако же, объяснили, что он не только любит их народ (черта крайне необычная в язычнике, так как, вообще говоря, к иудеям все относились с особенным отвращением), но даже за свой собственный счет построил им синагогу, которая по красоте и величественности считалась главной синагогой в Капернауме.

Само обращение их к Иисусу показывает, что это событие относится к раннему периоду Его служения, когда все еще смотрели на Него с изумлением и надеждой, и не было еще той смертельной вражды, которой ознаменовались последующие дни. Христос немедленно ответил на их просьбу. «Я приду, – сказал Он, – и исцелю его». Но на дороге они встретили других посланных от смиренного и благочестивого сотника, который через них просил Его не входить под недостойный кров язычника, а исцелить страждущего раба простым чудесным словом, как Он исцелил сына царедворца. Как сотник, хотя и подвластный человек, всегда имеет у себя слуг, готовых исполнять его приказания, так не мог ли и Христос повелеть невидимым слугам исполнить свою волю, сам не предпринимая этого труда на себя? Спаситель был поражен столь замечательной верой, больше которой Он не встречал даже в Израиле. На дикой маслине Он нашел то, чего не находил на маслине садовой; и из этого обстоятельства Он извлек поучение, таким холодом и неприятностью поразившее слух иудеев: когда многие из настоящих сынов царства извержены будут во тьму кромешную, многие приидут с Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном. Посланные же, возвратившись в дом, нашли, что целительное слово оказало свое действие и больной слуга выздоровел.

Но за этими изумительными событиями следовало еще более поразительное чудо. В один из следующих дней Спаситель, обходя с проповедью соседние города, пришел, между прочим, в Наин. Теперь это грязная и жалкая деревня, лежащая на северо-западном склоне горы малого Ермона, в сорока трех верстах от Капернаума. Название это (оно удерживается и теперь) значит «прекрасный», и положение городка близ Ендора вполне оправдывает его: он живописно гнездится на холмистых склонах величественной горы, в виду Фавора и высот Завулоновых. Отправившись в путь, как это всегда делается на Востоке, рано, в часы утренней прохлады, Иисус Христос мог прибыть в этот городок вскоре после полудня, и при самом входе в него представилось печальное зрелище. Из ворот выносили тело умершего юноши для погребения за городской стеной. Зрелище это было более печально, чем обыкновенно, и потому, вероятно, оно сопровождалось более отчаянным и неудержимым воплем, чем обыкновенное оплакивание умерших. Юноша этот был «единственный сын у матери, а она была вдова». Зрелище этой страшной скорби неотразимо отозвалось в бесконечно любящем сердце Спасителя.

Сжалившись над несчастной матерью и сказав ей: «Не плачь», Он подошел к одру, или, вернее, к открытому гробу, в котором лежал умерший юноша, и, опять не обращая внимания на чисто обрядовое постановление, прикоснулся к нему. При виде этого все мгновенно замерли в ожидании. Носильщики невольно остановились, объятые страхом. И вот среди убитых горем родственников и окружавшей их безмолвной толпы раздался спокойный голос Христа: «Юноша, тебе говорю: встань». Голос этот проник в неведомую и таинственную область смерти и потряс самое царство ее. Мертвый встал и начал говорить; и Спаситель «отдал юношу матери его». При виде этого всех объят страх. Народ вспоминал об Илие и вдове Сарептской, о Елисее и женщине из находившегося неподалеку Сонама. Они, величайшие из пророков, также возвращали одиноким женщинам их умерших единственных сыновей. Но они делали это с

усилиями и напряженной мольбой, томясь в молитве и распростираясь над трупом (3 Цар 17:21; 4 Цар 4:35); между тем Иисус совершил это чудо спокойно, неожиданно, мгновенно, своим собственным именем, своей собственной властью, единым словом своим. И народ невольно думал после этого, что «великий Пророк восстал между ними, и Бог посетил народ свой».

Около этого времени Спаситель получил краткое, но взволнованное послание от Иоанна Крестителя. Он в это время томился в темнице, и до него не могли не доноситься слухи о проповеди и необычайных делах Иисуса. Он мог бы только радоваться этим делам Того, о Котором он не раз давал самое торжественное свидетельство как об утешении Израилеве. Но его собственное тяжелое положение не вполне соответствовало светлым ожиданиям, и некоторые из учеников его стали высказывать ему сомнения касательно истинности его свидетельства. Чтобы уверить их, он отправил нескольких из них к Спасителю с вопросом: «Ты ли Тот, который должен прийти, или ожидать нам другого?» Ученики нашли Иисуса Христа среди необычайных дел Его Божественного милосердия, и Он прямо указал на эти свои дела. Чтобы подкрепить унывающий дух великого пророка, Спаситель велел его ученикам пойти и рассказать Иоанну, что они видели и слышали, — именно, что «слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют. И блажен, кто не соблазнится о Мне», — прибавил Христос, высказывая этим, что истинная вера в Мессию не должна колебаться от неисполнения с Его стороны каких-либо личных желаний, как это могло быть с самим Иоанном, который не мог не питать тайного желания какого-либо чуда со стороны засвидетельствованного им Мессии в деле освобождения его от тяжкого тюремного заключения.

И когда ученики Иоанна отошли, Спаситель, обратившись к народу, произнес Иоанну высшую похвалу, какой только мог удостоиться человек. «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но, — прибавил Христос, — меньший в Царстве Небесном больше его», т. е. несмотря на всевеличие Иоанна как пророка ветхозаветного, всякий непосредственный слушатель Христа, искренне принимающий веру в Него, имеет больше прав на вступление в новое царство, чем даже этот великий пророк, который был как бы новым Илией, предвозвещавшим наступление нового царства. «Кто имеет уши слышать, да слышит!» — торжественно заключил Спаситель свою возвышенную беседу об Иоанне.

Так как к этому времени успело обнаружиться, что даже в тех городах, которые по преимуществу были местом учения и деятельности Спасителя, народ не всегда обнаруживал истинную веру в пришедшего Мессию и, видимо, не хотел расстаться с своей ложной идеей о Мессии-завоевателе, так что заботился не столько о Царстве Небесном, сколько пылал мщением к своим римским поработителям и питал в своем сердце гордую мечту о том времени, когда и сам Рим преклонится перед ожидаемым Мессией, то Спаситель произнес при этом строгое предостережение. «Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было Его сил, за то, что они не покалялись. Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретще и пепле покалялись. Но говорю вам: Тиру и Сидону, этим нечестивым языческим городам соседней Финикии, отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься: ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе».

В этих словах Христос выступил не только в качестве пророка, но и Судии, приговор которого должен был осуществиться (как и осуществился действительно) во всей своей ужасной точности. От большинства этих городов не осталось камня на камне, и само местоположение их забыто или составляет предмет спора. Но Христос нашел утешение в том, что если возвещаемое Им откровение или божественная мудрость осталась сокрытой для мнящих себя мудрыми и разумными, то она открыта младенцам, т. е. нижайшим членам человеческой семьи в умственном и общественном положении, несшим доселе на себе все тяготы презрения в мире.

И к ним-то теперь Спаситель обратился с любящим воззванием: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Теперь уже для всех достаточно было доказательств, что Иисус из Назарета есть именно Мессия Христос. Но Он еще не был помазан, и это помазание должно было совершиться теперь. Если Христос родился в яслях и главное самооткровение о своем мессианском достоинстве сделал убогой и греховной самарянке, то неудивительно, что и помазание Его совершено было не первосвященником в торжественной обстановке храма, а при самых простых обстоятельствах, способных произвести смущение в непросвещенной душе.

В одном из прибрежных городков Спаситель получил приглашение в дом фарисея, носившего весьма распространенное в то время имя Симон. Приглашение было сделано в духе фарисейской неискренности – просто с целью полюбопытствовать, что это за учитель из презренного Назарета, так что при этом не соблюдены были даже обычные правила гостеприимства, требовавшие от хозяина, чтобы он встретил гостя целованием, омыл ему ноги и доставил все необходимые удобства. Накрыт был стол, и все приглашенные гости возлегли за ним, как это было в то время в обычае у иудеев, подражавших грекам и римлянам. При пиршествах двери дома на Востоке не закрывались, так что и всякий посторонний мог войти в него – если не принять участие в пиршестве, то хоть постоять и посмотреть на пирующих. Но на этот раз среди других взяла на себя смелость вторгнуться в этот почтенный дом одна личность, присутствие которой было не только нежелательно, но положительно противно хозяину.

Одна несчастная, порочная, падшая женщина, известная в той местности своей худой жизнью, узнав, что Иисус возлежит в доме фарисея, осмелилась протесниться через толпу других посетителей с алавастровым сосудом мира. Она нашла, кого искала, и смиренно, став позади Христа, слушала слова Его. Невольно размышляя о Нем и о своем страшном падении – размышляя о беспорочной, безгрешной чистоте святого юного Пророка и о своей собственной позорной и греховной жизни, – она стала плакать, и слезы ее капали на босые ноги Христа, к которым она склонялась все ниже и ниже, стараясь скрыть свое смущение и стыд. Фарисей с ужасом отскочил бы от одного прикосновения, а не только от слезы такой личности; он стал бы в семи водах омываться от полученного осквернения и с проклятием отогнал бы нахально вторгшуюся грешницу. Но женщина эта внутренне чувствовала, что Иисус не поступит с ней так; она чувствовала, что высочайшей безгрешности свойственно глубочайшее сочувствие; она видела, что где оттолкнула бы жесткая благопристойность подобного ей грешника, там примет совершенная святость Спасителя. Весьма вероятно, что она слышала бесконечно любящие и милостивые слова, сказанные Христом, быть может, в тот же самый день: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф 11:28). Не будучи отвергнута, она ободрилась еще больше и, убедившись, что, как бы ни смотрели на нее другие, Спаситель во всяком случае не презирал ее, она подвинулась к Нему еще ближе и, опустившись на колени, своими длинными распущенными волосами начала вытирать ноги, омоченные ее слезами, покрывать их поцелуями и наконец, разбив алавастровую вазу, стала умащать их драгоценным и благоухающим миром.

Вид женщины с распущенными волосами, позор ее унижения, муки ее покаяния, быстро капающие слезы, принесение в жертву благовония, служившего одним из средств ее позорного ремесла, – все это могло бы в самом каменном сердце возбудить некоторое сочувствие. Но Симон-фарисей смотрел на все это с холодным неодобрением и отвращением. Неудержимый порыв мольбы о милосердии со стороны отчаивающейся и сокрушенной сердцем женщины не тронул его. Ему противно было даже то, что Иисус позволял несчастной твари целовать и умащать свои ноги, хотя и не обращался к ней доселе ни с одним словом одобрения. Если бы он был пророк (невольнo думалось фарисею), Он должен бы знать, что это за женщина; и если

бы Он знал это, то должен бы оттолкнуть ее с презрением и негодованием, как непременно поступил бы сам Симон. Поддай Он хоть знак, и Симон был бы очень рад сейчас же освободить от такой скверны свой дом. Фарисей не высказал этих мыслей вслух, но Спаситель видел его сердце и знал его мысли, хотя и не сразу укорил за них и не сразу обличил его холодное бессердечие и бездушную жестокость. Чтобы привлечь к своим словам общее внимание, Он обратился к хозяину: «Симон, Я имею нечто сказать тебе». – «Скажи, Учитель, – отвечал тот с некоторой натянутостью». – «У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбил его?» Симон, по-видимому, не имел ни малейшей мысли о том, чтобы вопрос имел какое-нибудь отношение к нему самому, все равно как это было некогда с Давидом, когда он произносил откровенный суд по поводу притчи пророка Нафана. «Думаю, – сказал он, – тот, которому более простил». – «Правильно ты рассудил», – ответил ему Христос, и затем сделал нравоучительное приложение этого маленького иносказания, суровое по самой своей мягкости и снисходительности, облеченное в ту поэтично-возвышенную форму, которую Спаситель часто употреблял при своем учении и которая для слышавших Его звучала поэзией пророков.

Симон, кажется, не видел, к чему вел этот рассказ, но кающаяся грешница с более чуткой восприимчивостью сокрушенного сердца, наверно, видела это. Но какое волнение должно было охватить ее, когда Христос, как бы не замечавший ее дотоле, теперь вдруг совсем повернулся к ней и, обращая внимание всех присутствующих на нее, робко сидевшую на полу и закрывавшую обеими руками и распущенными волосами свое смущенное лицо, громко сказал удивленному фарисею: «Симон, видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги, и волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал; а она с тех пор, как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы моей маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит». И затем, обращаясь уже не к Симону, а к бедной грешнице, Спаситель со властью Помазанника Божия прибавил слова милосердия: «Прощаются тебе грехи».

Все это произвело такое сильное впечатление, что фарисеи не осмелились высказать какого-либо протеста против подобного притязания на право прощать грехи и только шепотом переговаривались между собой, выражая взаимное изумление: «Кто это, что и грехи прощает?» Но Спаситель проник и в их тайные мысли, и чтобы не дать им повода к дальнейшим пререканиям, еще раз, обращаясь к грешнице, сказал ей: «Вера твоя спасла тебя: иди с миром».

XIII

Новый способ учения – притчами. Притчи о сеятеле, о зерне горчичном, о пшенице и плевелах. Укрощение бури на озере. Исцеление гадаринского бесноватого

Случай в доме Симона-фарисея с достаточностью показал, что для пробуждения дремлющей совести народа и уяснения великих истин нового царства недостаточно простого обыкновенного учения. Необходима была такая форма, которая бы изумляла и поражала слушателей своей увлекательностью, наглядностью и выразительностью, – именно форма, которая такой неожиданностью поразила Симона-фарисея, изобличив его ложное, нечеловеколюбивое отношение к кающейся грешнице. Так как подобная форма, видимо, поразила и всех слушателей, то Христос и воспользовался ею для дальнейшего уяснения проповедуемого Им учения. Отселе Он начал ряд знаменитых притчей, которые отмечают собой период высшего развития проповеди Христовой.

Притча (*машал*) была небызвестна иудеям, так как уже и в Ветхом Завете были попытки уяснения тех или других истин подобным способом (Суд 9:7; Ис 5:1; Иез 13:11 и сл.), и к этому времени она находилась в постоянном употреблении у раввинов. Главной особенностью ее служит представление нравственной или религиозной истины в более живой форме, чем это

возможно при простом изложении, причем с этой целью учитель пользуется самыми обыкновенными и общеизвестными явлениями из природы или обыденной жизни, явлениями, сравнение с которыми наглядно рисует перед глазами слушателей излагаемую истину и неизгладимо запечатлевает ее в памяти их. По своей сущности притча приближается к басне, насколько она допускает возможность измышленных событий; но отличается от нее тем, что постоянно держится правдоподобия и не допускает присвоения тем или другим выводимым в ней действующим лицам таких свойств, которые чужды им по природе. Будучи чрезвычайно проста, она вместе с тем всегда отличается серьезным и возвышенным характером, и из самых простых явлений извлекает глубочайшие истины, способные неизгладимо запечатлеться в сознании слушателей. Вся окружающая жизнь давала неистощимый материал для притчей Христа, который с истинно божественной мудростью воплощал в них истины Царства Небесного. Сеятель на ближайшем косогоре, плевелы в поле, обычный росток горчичного семени, закваска в тесте, сокровище, случайно найденное пахарем, и многое другое в этом роде служило для Него поводом к изложению под самой увлекательной формой глубочайших истин, какие только способен воспринимать ум человеческий. Если и другие учителя пользовались не без успеха притчевой формой назидания, то только у Христа эта форма получила тот истинно божественный и возвышенный характер, который сделал притчу одним из сильнейших орудий внедрения величайших истин Царства Божия в сердце человечества.

По выходе Спасителя из дома Симона-фарисея, за Ним последовало множество народа, жаждавшего послушать Его божественное учение. Христос направился к берегу озера. Толпа была велика и теснила Его к самой воде, не давая возможности свободно разноситься Его голосу. Поэтому Он, как было и раньше, вошел в лодку и с ее возвышенной кормы, как бы с некоторой кафедры, обратился к толпившемуся у берега народу с поучением, именно притчами. Первым из этих дивных притчевых поучений была притча о *Сеятеле*, изображающая самое начало насаждения слова Божия в сердце человека. В такой стране, как Галилея, ничего не могло быть общеизвестнее и понятнее тех образов и картин, которые излагаются в этой притче; да и самый сеятель мог быть тут же на глазах у всех, засевая только что вспаханное поле на близлежащем косогоре, спускавшемся к озеру. Из рассеиваемых им семян, как хорошо было известно слушателям, «иное упало при дороге; и налетели птицы, и поклевали то. Иное упало на места каменистые», где немного было земли; и так как земля была неглубока, то оно скоро взошло, но, не имея надлежащего корня, скоро же и увяло и засохло под палящими лучами солнца. «Иное упало в терние (которого как тогда, так и теперь много растет в Палестине), и терние заглушило его. Иное (наконец) упало на добрую землю, и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать».

Закончив эту притчу, Спаситель многозначительно прибавил: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» Прибавление было излишне, потому что многие из слушателей, и имея уши для слышания, не имели достаточного разума для понимания притчи.

Несмотря на ее необычайную простоту и наглядность, даже ученики не поняли ее значения и по возвращении Спасителя в дом ап. Петра в Капернауме не преминули попросить ее разъяснения. Сама эта просьба показывала, что притча произвела на них сильное впечатление, затронула в них мысль, требовавшую удовлетворения. И Спаситель не замедлил дать апостолам, как будущим продолжателям Его дела, подробное объяснение этой притчи. На вопрос: зачем Он говорит народу притчами, Спаситель отвечал, что такой именно формой назидания только и можно с успехом поучать народ, «который видя не видит, и слыша не слышит и не разумеет», ибо, по словам пророка Исаии, «огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем». Пусть же хоть эти внешние образы запечатлеются в памяти людей, чтобы при более благоприятном настроении их они могли послужить для них средством к проникновению в их внутренний смысл, разуместь который пока не дано им. Только избранным ученикам дано «знать тайны Царства Небесного», и им как провозвестникам этих тайн Спаситель мог предложить и объяснение внешних образов притчи. Под сеятелем семени

разумеется Сам божественный Проповедник слова Божия, а под семенем – слушатели Его. Часть слушателей подобны тому семени, которое упало при дороге и было поклевано птицами и потоптано прохожими. Это люди с бесчувственным и невосприимчивым сердцем, в котором Слово Божие совершенно не находит почвы для своего прозябания и из которого оно или тотчас же похищается духом злобы, или теряется и гибнет на каменистой дороге житейских забот. Другие из слушателей подобны посеянному на каменистых местах, на которых есть немного почвы, но недостаточно для того, чтобы дать возможность совершенно укорениться ему. Эти люди с живой радостью воспринимают Слово Божие, но оно не укореняется в их сердце и они, под влиянием гонений и житейских невзгод, с такой же легкостью отвергают его, и оно вянет и засыхает в их душе. А посеянное в тернии означает того, кто воспринимает слово и дает ему возможность произрастания в своем сердце; но забота века сего и обольщение богатства с течением времени заглушают в них Слово Божие, и оно бывает бесплодным. Наконец, посеянное на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят и иной в тридцать.

Чтобы еще больше раскрыть для учеников тайны Царствия Небесного, Спаситель предложил им еще несколько притчей, представляющих собой развитие главной мысли. В притче о сеятеле было объяснено самое насаждение семени Царства Божия и различная судьба этого семени в разнообразных сердцах. Затем Спаситель объяснил силу произрастания семени в восприимчивой душе. Царство Божие подобно в этом случае зерну горчичному, которое, будучи одним из самых мелких семян, когда вырастет, бывает больше всех злаков, и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его. Или еще оно подобно закваске, которую женщина положила в три меры муки, доколе не вскисло все. Подобно тому, как горчичное семя по самой своей внутренней природе вырастает в великое дерево или закваска непременно квасит все тесто, так и Новозаветное царство, несмотря на его скромное начинание, должно было распространить свои ветви по всему миру и проникнуть его своим внутренним духом. Для утверждения его не потребуются никаких внешних, насильственных переворотов или ожесточенных войн, как могли воображать многие из слушателей. Нет, Спаситель поучал, что Царство Небесное восторжествует силой истины, заключающейся в самом его существе, и этой силой – силой веры и любви – оно возродит мир.

Но возрастание его не обойдется без ухищрений исконного врага, который не преминет употребить все козни своего лукавства, чтобы задержать или остановить возрастание этого царства. В этом случае «Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем», на котором, однако же, враг его во время ночи посеял между пшеницей плевелы с целью заглушить ими доброе семя. Заметив это, слуги предложили своему господину выполоть взшедшие плевелы; но господин сказал им: «Нет; выбирая плевелы, вы можете выдергать вместе с ними и пшеницу. Поэтому оставьте расти то и другое до жатвы», когда жнецы уже получают возможность без вреда для пшеницы собрать плевелы, по повелению господина свяжут их в связки и сожгут, а пшеницу уберут в житницу. Значение этой притчи по просьбе учеников также, как и первой, объяснено Самим Спасителем. В основанной Им церкви рядом с пшеницей будут существовать и плевелы, как насаждение исконного врага; но только божественный Судия на последнем суде может произнести свой нелицеприятный приговор о судьбе тех и других, так как во время настоящего века всем предоставляется полная возможность покаяться и из плевелов переродиться в добрую пшеницу. «Ибо те, – говорит блаженный Августин, – которые сегодня плевелы, завтра могут сделаться пшеницей». В пояснение же этой истины Спаситель сказал, что «Царство Небесное подобно неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода; когда он наполнился, его вытащили на берег и, севши, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут ангелы, и отделят злых из среды праведных; и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов».

В этих чудесных по своей увлекательности беседах прошел целый день. Народ все собирался

послушать божественного Проповедника, но Спаситель почувствовал крайнее утомление, и его охватило непреодолимое желание уединиться и отдохнуть. Лучшим средством для этого было удалиться на противоположный, менее населенный берег Переи, и Спаситель велел своим ученикам плыть туда. Но прежде чем лодка оттолкнулась от берега, из толпы слушателей трое выразили желание сделаться Его постоянными учениками и последователями. Первым был из них книжник. Самоуверенно думая, что его ученость и общественное положение делают его самым желанным членом апостольского братства, он смело воскликнул: «Учитель! Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел».

Но он ошибся. Христос провидел его себялюбивое сердце, рассчитывавшее играть роль и в Царстве Небесном, как он играл ее в царстве земном, и просто ответил ему, что напрасно он рассчитывает на какие-либо земные выгоды, вступая в число последователей Христа. «Лисицы, – сказал Он, – имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын человеческий не имеет, где преклонить голову», – так что лучше книжнику оставаться в своем прежнем положении, пока не очистится его надменное сердце и он вполне поймет тайну Царства Божия. Вторым уже был отчасти учеником Спасителя, но пожелал вполне сделаться Его последователем, с условием только сначала пойти и похоронить своего отца. «Иди за Мной, – раздался решительный ответ Христа, – и предоставь мертвым погребать своих мертвецов», т. е. предоставь мир и мирские дела их собственной заботе. Кто хочет идти за Христом, тот должен оставить даже отца и мать. Он должен предоставить духовно мертвым заботиться о своих телесно умерших.

Подобный же ответ дан был и третьему искателю Его ученичества. Тот также просил об отсрочке, желал не тотчас же присоединиться к Христу во время Его путешествия, а сначала проститься с своими домашними и друзьями. На это последовал ответ, ставший пословицей для всех последующих времен: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царства Божия». – «Кого, по прекрасному изречению блаженного Августина, зовет Восток, тот должен отвратить свои мысли от гаснущего Запада». Этой именно возвышенной мыслью ободряли и подкрепляли себя те великие святители и подвижники церкви, которые отказывались от всяких семейных привязанностей и ради Христа оставляли все связи мирские.

Наконец, когда миновала и эта задержка, ученики могли поднять парус своей лодки и отправиться в путь. Но даже и теперь Иисус был, так сказать, преследуем своими последователями, потому что, как сообщает св. Марк, «с Ним были и другие лодки». Последние, однако же, так как о них не упоминается по прибытии на тот берег, по всей вероятности, скоро отстали, испугавшись признаков приближавшей бури. Во всяком случае Спаситель среди преданных учеников мог спокойно отдохнуть в лодке, и только что они отплыли от берега, Он склонил свою усталую голову к кожаному возглавию на корме и заснул крепким сном утомленного трудами человека – спокойным сном тех, которые находятся в полном мире с Богом и своей совестью. Но даже и этому столь необходимому сну суждено было скоро прерваться от насильственного пробуждения. На озере неожиданно поднялась одна из тех страшных и яростных бурь, которые так обычны в этой глубокой котловине земной поверхности. В воздухе мгновенно закрутились вихри, и озеро бурно заколыхалось. Опасность была страшная, лодку то и дело кидало, захлестывая *censored*тыми волнами. Христа, лежавшего на открытой палубе у кормы, обдавало брызгами, но Он спокойно спал. Утомление Его было так велико, что даже буря не могла нарушить Его сна; а пока еще никто не осмеливался разбудить Его. Но вот волны уже совсем стали заливать лодку, которая начала наполняться водой и тонуть. Тогда с криками отчаяния и ужаса ученики стали будить Его: «Господи! Наставник! Наставник! спаси нас, погибаем!» Такие отчаянные вопли, смешанные с воем бури и ревом расхопившихся волн, смутно поразили Его полупробужденный слух. В таких обстоятельствах, когда приходится неожиданно, без всякого приготовления, глядеть в лицо страшной опасности, вполне познается человек: тут высказывается не только мужество, но и величие, чистота всей его натуры. Ураган, который сломил испытанную отвагу и сделал

тщетным все искусство суровых рыбаков, ни на мгновение не смутил глубокого внутреннего спокойствия Сына человеческого.

Без малейшего смущения, без всякого испуга Иисус, просто приподнявшись с облитой кормы бессильно борющейся и полуутопающей лодки и не делая больше никакого движения, утишил бурю их душ спокойными словами: «Что вы так боязливы, маловерные?» И затем, поднявшись совсем и став на возвышении кормы во всем спокойствии естественного величия, Он глянул во тьму урагана, рвавшего Его одежды и трепавшего волосы, и среди рева возмущенных стихий раздался Его голос: «Умолкни, перестань!» И ветер утих, и сделалась великая тишина. И когда на усмирненной поверхности воды засверкало отражение тихо мерцающих звезд прояснившегося неба, то не только ученики, но и лодочники боязливым шепотом переговаривались между собой: «Кто же это, что и ветер, и море повинуются Ему?» И это чудесное событие было как бы дополнением к только что изложенным притчам о Царстве Небесном. Из него ученики и все верующие должны были понять, что Царство Небесное или церковь Христова подобна кораблю, бросаемому свирепыми волнами житейского моря. Волны по временам могут захлестывать корабль церкви и угрожать ему гибелью; но находящиеся в нем не должны бояться этого. С ними Христос, и пока Он с ними, никакие силы ада не одолеют их.

На рассвете дня лодка прибыла в Перею, к берегу страны Гадаринской. Но и там Спаситель не мог найти себе желанного покоя. Едва Он вышел с учениками на берег, как из скалистых могильных пещер выбежали к Нему навстречу два несчастных, одержимых бесовской силой. В древности не было никаких приютов или госпиталей для подобного рода больных, и таких бесноватых, как непригодных для общественной жизни, просто выгоняли из среды людей или смиряли мерами, столь же недейственными, как и жестокими. При таких обстоятельствах несчастные в случае неизлечимости могли находить себе приют только в пещерах по скалистым склонам холмов, которыми изобилует Палестина и которыми иудеи пользовались для погребения мертвых. Понятно, что грязная и дикая обстановка таких убежищ с неразлучными в них страхами и привидениями могла только усиливать недуг, и особенно с одним из этих злополучных людей, который давно был одержим недугом, уже нельзя было ничего поделать. Пытались связывать его, но в припадках бешенства он обнаруживал сверхъестественную силу, часто замечаемую в таких формах душевного возбуждения, и ему всегда удавалось сбрасывать с себя оковы или разбивать свои цепи. Теперь он был совсем оставлен в безлюдных и диких ущельях, которые день и ночь оглашались его дикими криками, когда он бродил по ним – опасный себе и другим, неистовствуя и ударяясь о камни. Другой бесноватый, по-видимому, менее одержимый недугом, показавшись вместе с своим сотоварищем, опять удалился; но первый смело пошел навстречу Иисусу Христу и, почувствовав в Нем явление для себя Спасителя и Избавителя от одержавшей его силы тьмы, пал перед Ним и поклонился. А затем как бы от лица нечистых духов с громким и испуганным воплем умолял Спасителя не мучить его прежде времени. Милосердый Господь, желая избавить несчастного от тяготевшего на нем ига сил тьмы, спросил, как его имя. «Легион», – отвечала за него бесовская сила, подавившая в нем всякое личное самосознание. Присутствие римских войск познакомило его с этим названием множества, и так как в нем, по его сознанию, было шесть тысяч злых духов (в легионе 6000 воинов), то он и ответил этим латинским словом, которое было хорошо известно всякому иудею. Видя конец своего владычества над несчастным, бесы стали просить Христа, чтобы Он, изгоняя их, позволил им войти в пасшееся тут же на горе большое стадо свиней, содержащихся гадаринцами для продовольствия стоявшего где-нибудь неподалеку римского легиона, а быть может, для самих жителей, которые в этой удаленной стране нестрого соблюдали закон Моисеев. Чтобы наглядно представить бесноватому совершенное над ним исцеление, Спаситель позволил им. «Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло». Пораженные этим необычайным событием, пастухи «побежали и рассказали в городе и в деревнях», и отовсюду сбежался народ посмотреть на необычайного посетителя их забытой

всеми страны. Тут они увидели, что с бесноватым, наводившим на всех ужас, совершилась изумительная перемена. Чудесный посетитель исцелил его, и он был спокоен, как дитя. Чья-то сердобольная рука накинула плащ на его нагое и грязное тело, и он сидел у ног Иисуса Христа, будучи в совершенно здоровом уме. И при виде этого «они ужаснулись». Но больше ужаснулись не от такого великого чуда, а оттого, что при совершении его им нанесена была ужасная потеря. У них погибло целых две тысячи свиней, и так как свиньи были дороже им и человека и всего, что можно было ожидать от божественного Посетителя, то они с постыдным единодушием просили Христа удалиться от них. Христос сам поучал своих учеников не давать святыни псам и не бросать жемчуга перед свиньями, «чтобы они не попрали его своими ногами и, обратившись, не растерзали их». Поэтому Он решил тотчас же оставить негостеприимную страну, но чтобы не лишить ее совсем благовестия о наступлении Царства Небесного, Он сделал исцеленного проповедником славы Божией в этой стране. «Иди домой, – сказал ему Спаситель, – к своим, и расскажи им, что сотворил Господь и как помиловал тебя». И таким образом бесноватый гадаринец сделался первым благовестником Царства Божия в этой стране, известной под названием Десятиградия, и проповедь его подтверждалась тем изумительным чудом, которое совершено было лично над ним.

XIV

Исцеление женщины, страдавшей кровотечением, и воскрешение дочери Иаира. Отправление двенадцати апостолов на проповедь. Мученическая кончина Иоанна Предтечи

По возвращении из Перее Спаситель опять начал учить и совершать дела милосердия в городах и селениях Галилеи, и опять около Него собралось множество народа. Но вот к Нему подошел в крайнем волнении один начальник синагоги, т. е. главный старшина прихода, пользовавшийся у иудеев большим уважением. Очень возможно, что этот начальник синагоги был в числе членов депутации, просившей Иисуса от лица сотника-прозелита, которым была построена сама синагога. Если так, то он по опыту знал могущество Того, к Кому теперь обращался. Бросаясь к Его ногам, разбитым от приступов скорби голосом он говорил Ему, что его маленькая дочь, его единственная дочь, теперь умирает, быть может, уже умерла, но стоит только Ему пойти и возложить на нее руку свою, – и она будет жива. С нежностью, которая никогда не была глухой к воплю скорбящих, Иисус Христос тотчас же встал и пошел с ним, сопровождаемый не только своими учениками, но и большой окружавшей Его толпой, свидетельницей этой сцены. Когда Он шел, народ с нетерпением теснился к Нему и толпился около Него.

Но среди толпы (где, несомненно, находились и некоторые из фарисеев и учеников Иоанна, с которыми Он беседовал, равно как и мытари и грешники, неотступно следовавшие за Ним) была одна личность, которую не занимало любопытство посмотреть, что Он сделает для управителя синагоги. Это была женщина, двенадцать лет страдавшая от тяжелой болезни, которая до мучительности сокрушала ее и особенно потому, что в народе такая болезнь считалась прямым последствием греховных привычек. Напрасно она истощала свое состояние, ища облегчения в помощи многих и различных врачей, но все это причиняло только еще более вреда ее здоровью, и теперь она уже, как последнее, отчаянное средство, захотела испытать то, что можно было получить без всяких издержек от божественного Врача. Быть может, потому, что она не имела уже больше ничего предложить в вознаграждение, которое она по своему невежеству считала необходимым; быть может, потому, что она по своей женской стыдливости боялась обнаружить болезнь, которой страдала, – но по какой бы то ни было причине она решилась, так сказать, украсть у Него желаемое исцеление.

И вот с отчаянной силой и настойчивостью она пробралась через тесную толпу, так чтобы можно было прикоснуться к Нему; и затем действительно тайно коснулась Его одежды. Мгновенно почувствовав, что она достигла желаемого и исцелилась, она поспешила незаметно укрыться в толпе. Но это было незаметно лишь для других, а не для Христа. Почувствовав, что из Него вышла целительная сила, Он остановился и спросил: «Кто прикоснулся к Моей

одежде?» Не понимая, в чем дело, ап. Петр ответил, что в такой тесноте трудно сказать, кто именно прикоснулся; но Спаситель этим вопросом желал найти отклик со стороны той, которая, воспользовавшись великим благодеянием божественного Врача, желала укрыться от Него. И вот взор Его остановился как раз на ней, и она, трепеща от страха, вышла из толпы и, бросаясь Ему в ноги, рассказала Ему всю правду. Желая загладить свою вину, она теперь забыла всю свою женскую стыдливость. Она, несомненно, боялась Его гнева, потому что закон явно гласил, что прикосновение кровоточивой делало человека нечистым до вечера. Но тут прикосновение к Нему очистило ее, а не ее прикосновение осквернило Его. Далекий от всякого негодования, Спаситель сказал ей: «Дщерь (и в этом ласковом слове уже звучало для нее прощение), вера твоя спасла тебя; иди в мире, и будь здорова от болезни твоей!»

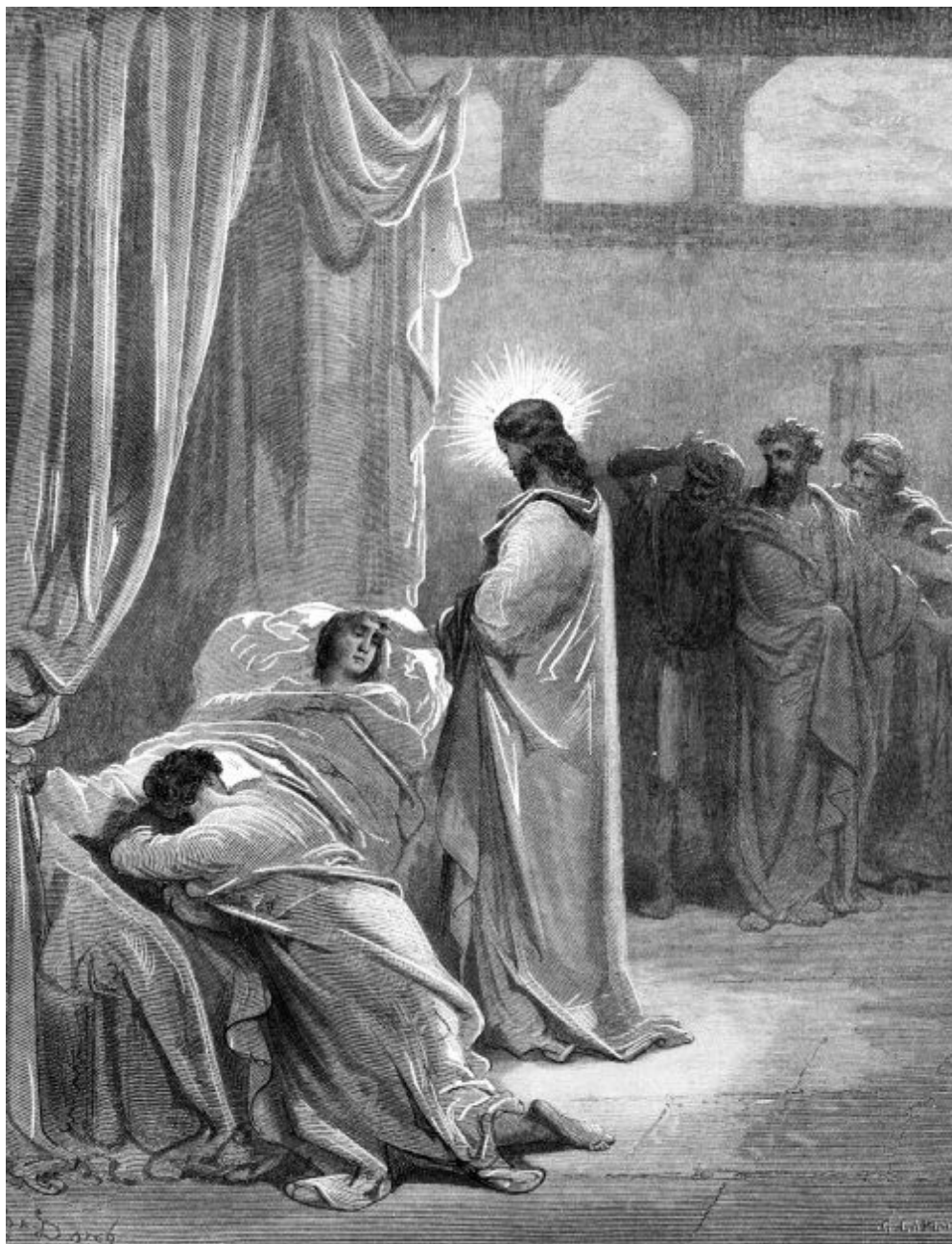
Случай этот должен был причинить некоторую задержку, а для Иаира было дорого каждое мгновение. Но он был не единственным страдальцем, искавшим милосердия Спасителя, и так как он не выразил жалобы, то, очевидно, скорбь не сделала его себялюбивым. Но тут как раз подоспел к нему посланный с кратким извещением: «Дочь твоя умерла», к которому он, видимо, уже с оттенком неудовольствия и иронии, прибавил: «Не утруждай Учителя». Извещение было обращено не к Иисусу, но Он расслышал его и, сострадательно желая избавить несчастного отца от бесполезной муки, сказал ему достопамятные слова: «Не бойся, только веруй!» Они скоро пришли в его дом и увидели там смятение наемных плакальщиц и свирельщиков, которые с торгашеским шумом и гамом, колотя себя в грудь, оскорбляли только безмолвие искренней скорби и немое величие смерти. Эти притворные вопли возмутили душу Христа; остановившись сначала у дверей, чтобы запретить толпе следовать за собой, Он вошел в дом с тремя только из самых приближенных к себе апостолов – Петром, Иаковом и Иоанном. Тут прежде всего Он велел прекратить праздные вопли; но когда Его заявление, что «девица не умерла, но спит», было встречено грубыми насмешками, Он с негодованием выгнал наемных плакальщиц. Когда восстановилась тишина, Он, взяв с собой родителей девицы и троих избраннейших апостолов, тихо вошел в комнату, где царствовало страшное безмолвие смерти. Затем, взяв холодную руку умершей, Он произнес два трепетом прозвучавших слова: *талифа куми*, что значит: «Девица, тебе говорю встань», и душа возвратилась к ней, девица тотчас встала и начала ходить. Страшным изумлением поражены были родители, но Христос спокойно сказал им, чтобы дали ей есть. Если Он, по обыкновению, прибавил, чтобы они ничего не говорили о случившемся, то это, очевидно, не с целью оставить в неизвестности само событие, – что было бы совершенно невозможно при стольких свидетелях всего хода дела, – а потому, что те, кто получили от руки Божией безмерные милости, скорее вспоминают о них с благоговейным благодарением, когда содержат их как тайное сокровище в глубине своего сердца.

Как ни велики и ни поразительны были события этих суток, но они ознаменованы были еще одним изумительным делом всемогущества. Когда Иисус выходил из дома Иаира, за Ним следовали двое слепых с воплями, дотоле еще неслыханными: «Помилуй нас, Иисус, Сын Давидов!» Спаситель хотел испытать их веру и, не обращая внимания на слепцов и их вопли, направился к тому дому в Капернауме, в котором обыкновенно жил, и только когда слепцы неотступно последовали за Ним в дом, Он обратился к ним с испытующим вопросом: «Веруете ли, что Я могу это сделать?» Они говорят Ему: «Ей, Господи!» Тогда Он коснулся глаз их и сказал: «По вере вашей да будет вам». И открылись глаза их. Спаситель, как и во многих других случаях, повелел им не разглашать о случившемся, а в глубине сердца своего питать благодарность к Господу; но радость их просилась наружу, и они не исполнили этого повеления.

Исходив теперь большую часть Палестины, Спаситель убедился, что избранный народ в духовном отношении, не имея надлежащих учителей и пастырей, которые бы способны были просвещать его ум и подготавливать к принятию приблизившегося Царства Небесного, «был изнурен и рассеян, как овцы, не имеющие пастыря». Указывая на это обстоятельство, он сказал ученикам, как много имеется жатвы, а делателей мало. Вследствие этого Он повелел молить

Господина жатвы, чтобы Он приготовил из них достойных делателей на ней, и затем отправил их по двое по всем направлениям страны, чтобы они учили народ, подтверждали Его учение и совершали добрые дела во имя Его.

Перед отправлением их Спаситель дал им наставление, как поступать и действовать во время этого проповеднического странствования. Теперь они должны были ограничить свою деятельность погибшими овцами дома Израилева и не простираť ее на самарян и язычников. Предметом их проповеди должна служить близость Царства Небесного, и они должны подкреплять ее делами чудотворения и благотворения. Они не должны ничего брать с собой: ни сумы для пищи, ни денег в поясах своих, ни перемены одежд, ни дорожной обуви вместо обыкновенных сандалий из пальмовой коры; и даже не должны запасаться посохом дорожным, если еще не имели его.

Воскрешение дочери Иаира

Миссия их, подобно всем величайшим и самым плодотворным миссиям, какие только известны миру, должна была отличаться полнейшей простотой и содержаться своими собственными

средствами. Открытое гостеприимство Востока, так часто служившее средством распространения новых учений, должно было служить для них достаточным содержанием. При входе в город они должны идти в тот дом, в котором можно было надеяться на радушный прием, и приветствовать его древнейшим и высокоценным благожеланием – «мир дому сему». Если дом будет достоин того, то благожелание возымеет силу; если же нет, то оно возвратится к ним. Если же отвергнут их, то они должны отрясти прах от ног своих, во свидетельство того, что они говорили истину и символически очищали себя от всякой ответственности за тот судный приговор, который должен был суровее пасть на преднамеренных и закоснелых ненавистников света, чем на самые темные местности языческого мира, в котором никогда не воссиявал свет или сиял только слабо. Изложив своим ученикам долг твердости в вере, кроткой обходительности, самоотверженной простоты, как первых условий успеха миссионерской деятельности, Христос затем стал укреплять их против неизбежных испытаний и гонений в деле их служения. Им нужно было и приходилось поступать не только с кротостью голубя, но с мудростью змея, потому что Он посылал их как овец среди волков. Он предупреждал их, что им много придется перенести во время этой и особенно будущей их апостольской деятельности, так как их будут отдавать в судилища и бичевать в синагогах, приводить на суд правителей и царей; но, несмотря на это, они не должны заботиться, как или что сказать, потому что в тот час им дано будет свыше, что говорить.

Учение мира будет превращено злыми страстями людей в воинственный клич ярости и ненависти, и им придется бегать от лица своих преследующих врагов из города в город. Но пусть они претерпят до конца, потому что не успеют они обойти городов израилевых, как приидет Сын человеческий. Наконец, Он ободрял их напоминанием о том, что Он Сам претерпевал и с каким противодействием встречался. Пусть они не боятся. Бог, который печется даже о малых птичках при падении их на землю, которым сочтены даже самые волосы их, Бог, который содержит в руке Своей судьбы не просто жизни и смерти, но вечной жизни и вечной смерти, и которого поэтому должно бояться больше чем волков земли, – пребывает с ними; Он признает тех, кого признал Сын Его, и отвергнет тех, кого Он отверг. Они посылались в мир борьбы и вражды, которая возгорится еще с большим ожесточением из-за мира, отвергнутого им. Даже самые близкие и дорогие им станут против них на сторону мира. Но те, кто хотят быть Его истинными последователями, должны ради Его отказаться от всего, должны взять крест свой и идти за Ним. Но затем в утешение им Он говорил, что они должны быть как Он был в мире; что те, кто примут их, примут и Его; что потерять свою жизнь ради Него значит более, чем найти ее; что чаша холодной воды, данная юнейшему и малейшему из малых Его, не останется без должного вознаграждения в Царстве Небесном.

Отпустив учеников, Спаситель сам продолжал свою обычную проповедь, обходя города и селения и совершая добрые дела на благо страждущему человечеству. Но в это именно время совершилось событие, которое было предвестием страшного восстания сил злобы на борьбу с проповедниками Царства Небесного, – именно гнусно умерщвлен был великий предтеча, величайший из всех, рожденных женами, славнейший пророк – Иоанн Креститель. За свою безбоязненную проповедь и обличение он давно уже томился в мрачной темнице; но и там он не переставал греметь своим обличительным словом, направляя его особенно против Ирода Антипы, под власть которого после смерти Ирода Великого отошла Галилея. Это был ничтожный, но до омерзительности порочный и развратный князек, который, к соблазну всего народа, открыто жил в прелюбодейной связи с такой же распутной, как и он сам, женой своего брата Филиппа. Несмотря на всю возмутительность подобного брака, никто не осмеливался возвысить против него слова обличения; все смолкло и подобострастно пресмыкалось перед преступной царственной четой. Не смолкал только голос Иоанна Предтечи, который, подобно своему великому ветхозаветному прообразу – Илие, не переставал громить новых Ахава и Иезавель своим сильным пророческим словом обличения. «Не должно тебе, – прямо и бесстрашно говорил пророк Антипе, – иметь жену брата твоего».

Сам Ирод Антипа чувствовал в своем сердце заслуженное угрызение совести и втайне почитал

пророка; но закоснелая в преступлении и пороке Иродиада пришла в ярость и искала способа погубить обличителя. Не смея просить об этом открыто, она прибегла к хитрости и при первом удобном случае осуществила свой кроважидный замысел.

Случай скоро представился. Иродианские царьки, подражая пышному примеру своих великих первообразов, римских императоров, любили задавать великолепные пиры и справлять блестящие годовщины. Между прочим они усвоили языческий обычай праздновать день рождения, и Ангина по случаю дня своего рождения давал в одном из своих великолепных замков пир своим вельможам, военачальникам и всей знати галилейской. Богатство Иродов, роскошная архитектура их многочисленных дворцов, их склонность к необычайному блеску – все это делает вероятным, что пир был на славу, со всей роскошью богатства и царской пышностью, и вообще, очевидно, был одним из тех пиров, которые были подражанием развращенным обычаям времен Римской империи и соединяли в себе римскую прожорливость с греческой распушенностью. Но Иродиада коварно доставила царю еще одно неожиданное и упоительное удовольствие, зрелище которого, наверно, могло привести гостей его в восхищение. В то время были в большой моде танцоры и танцовщицы. Страсть к этим, часто неприличным и возмутительным, представлениям, естественно, проникла в саддукейский и полуязыческий двор эдомитских узурпаторов, и Ирод Великий устроил в своем дворце даже особый балетный театр. Роскошный пир того времени не считался полным, если он не заканчивался какой-нибудь величественной пляской. На этот раз подобную заключительную пляску исполнила его падчерица Саломея, дочь Иродиады. Будучи в полном расцвете своей юной и блистательной красоты, она этой неожиданной пляской привела полуопьяненных гостей в неопишудемый восторг, и сам Ирод, восхищенный ею, предложил ей в награду за доставленное удовольствие просить от него, чего только она хочет, хотя бы полцарства его. Девидца с радостью побежала к матери попросить ее совета, и кроважидная Иродиада злорадно прошипела: «Головы Иоанна Крестителя». Уже, очевидно, раньше настроенная своей матерью против пророка, Саломея с сатанинским хладнокровием обратилась к Ироду с этой кроважидной просьбой. Антипа был поражен такой неожиданностью и опечалился, потому что он высоко чтит пророка; но ложный стыд перед гостями, слышавшими его неразумное обещание, пересилил его совесть, и он послал палача в замок Ма*сensored*, где томился Иоанн Креститель, с наказом принести его голову. Так величайший из рожденных женами пал жертвой кроважидной злобы женщины за свою проповедь. Голова пророка была принесена и сделалась предметом издевательства Иродиады, а тело его было погребено его учениками.

Для злополучного Ирода Антипы это страшное событие сделалось источником постоянных опасений и угрызений совести. Услышав о проповеди Иисуса Христа, он даже подумал, не воскрес ли это обезглавленный им Иоанн Креститель, чтобы страшно отомстить ему. Поэтому он желал повидать Христа, чтобы убедиться в неправильности своих опасений, но этого удалось ему достигнуть лишь гораздо позднее, так как теперь Спаситель избег встречи с ним, как бы желая заставить его вполне испытать угрызения своей возмущенной страшным злодейством совести.

XV

Возвращение учеников с проповеди. Чудесное насыщение пяти тысяч человек пятью хлебами. Хождение Христа по водам и беседа его в Капернаумской синагоге о таинстве причащения

Апостолы между тем обошли назначенные им города и селения, повсюду проповедуя Евангелие и подтверждая свою проповедь исцелениями, изгнанием бесов и другими необычайными делами. Проповедь их сопровождалась значительным успехом, и теперь они, возвратившись к своему Учителю, с радостью рассказывали Ему об этом. Но Спаситель был удручен великой скорбью об участи Иоанна Крестителя, и потому Он поспешил удалиться в пустынное место, подальше от бойкого и кипевшего жизнью Капернаума, чтобы там наедине отдохнуть душой и побеседовать с своими учениками. Сев в лодку, Он велел своим ученикам плыть по направлению к Вифсаиде – не той, из которой был Петр и другие апостолы и которая,

находясь поблизости к Капернауму, не представляла «пустынного места», а к другой Вифсаиде, находившейся у северо-восточного угла озера, немного подальше того места, где впадает в него Иордан. Подобно своей западной соименнице, она сначала была маленьким селением, но незадолго перед тем Филипп, четвертовластник Итуреи, расширил и украсил ее, назвав ее для отличия Вифсаидой Юлиной. Прибавочное название было дано ей в честь Юлии, прекрасной, но порочной дочери императора Августа. Туда-то направилась лодка с Христом и апостолами, утомленные и отягченные сердца которых искали покоя. Но как ни тих был их отъезд, он не прошел незамеченным, и скоро узнали о нем. Уединенный и пустынный берег, к которому направились они, находился только в десяти верстах по озеру от Капернаума. Лодка, задержанная, очевидно, неблагоприятным ветром, медленно подвигалась вперед неподалеку от берега, и когда она достигла своего назначения, то оказалось, что цель, с которой собственно, они и направились сюда, была совершенно не достигнута. Некоторые из народа опередили их и толпились уже у пристани, когда лодка коснулась кремнистого берега, а в отдалении виднелась даже толпа пасхальных паломников, направлявшихся в Иерусалим, так как недалеко был уже праздник Пасхи. Привлекаемые возрастающей славой великого пророка, они свернули с прямого пути и присоединились к другим слушателям. Христос тронут был состраданием к ним, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря. Выйдя на берег, Он и Его ученики взобрались на склон горы и там поджидали, когда соберется весь народ. Затем, сойдя к народу, Он учил его, проповедовал о Царствии Небесном и исцелял больных.

День склонялся к вечеру, и солнце уже начало укрываться за западными холмами, а народ все еще оставался здесь, как бы прикованный исцеляющим голосом и святым учением Христа. Скоро должен был наступить вечер, и после коротких восточных сумерек странствующая толпа народа, в своей восторженности пренебрегая даже существенными потребностями жизни, оказалась бы во мраке, голодная и вдали от всякого человеческого обитания. Ученики начали беспокоиться, чтобы день этот не закончился каким-нибудь несчастным происшествием, которое дало бы новый повод к нападкам со стороны уже ожесточенных врагов их Учителя. Но Христос состраданием своим уже предупредил их опасения и сам сообщил о затруднении Филиппу. Произошло небольшое совещание. Для покупки даже по куску хлеба для такой массы народа потребовалось бы по крайней мере двести динариев; но даже если бы у них и была такая сумма в их общей казне, то все-таки теперь уже не было ни времени, ни возможности сделать необходимые закупки. Андрей упомянул при этом, что у одного мальчика тут было пять ячменных хлебов и две рыбки, но очевидно, такого запаса так мало, что не стоило и говорить о нем. «Велите им возлечь», – спокойно ответил Христос.

Удивляясь и ожидая чего-нибудь необычайного, апостолы велели народу расположиться как бы для ужина на богатой зелени, которая в это приятное весеннее время покрывала склоны холмов. И Спаситель, став посреди своих гостей, радуясь делу милосердия, совершить которое имелось в виду, подняв свои очи к небу, возблагодарил, благословил хлебы, разломил их на части и передал ученикам Своим, чтобы они роздали народу; на всех Он разделил также и две рыбы. Это был скромный, но достаточный, а для голодных странников даже восхитительный ужин. И когда все насытились, то Христос с целью не только показать своим ученикам, что в действительности совершилось, но и дать им также наглядное наставление, что расточительность даже чудесной силы совершенно чужда божественному домостроительству, повелел им собрать оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. Благодаря правильному расположению народа, видно было, что тут насыщено было около пяти тысяч человек, не считая женщин и детей, и однако же после всего этого было наполнено двенадцать корзин тем, что осталось от них несъеденным.

Чудо это произвело глубокое впечатление. Оно как раз соответствовало ходячему ожиданию Мессии, и народ начал толковать между собой, что это, несомненно, «тот Пророк, которому должно прийти в мир», – «Примиритель» благословения Иакова, звезда и скипетр видения Валаамова, пророк, подобный Моисею, которому должно повиноваться, может быть, Илия, обетованный предсмертным завещанием древнего пророчества, может быть, Иеремия, который

пришел открыть потаенное место нахождения ковчега, Урима и священного огня. Христос заметил эту нескрываемую возбужденность, а также и опасность, что народный восторг мог перейти в насилие и ускорить Его смерть открытым восстанием против римского правительства в попытке сделать Его царем. Он видел также, что и Его ученики не чужды были этого мирского и опасного возбуждения. Необходимо было поэтому действовать решительно. Пользуясь своей властью, Он заставил учеников сесть в лодку и раньше Его отправиться за озеро по направлению к Капернауму или западной Вифсаиде. Необходимо было даже некоторое понуждение, потому что им, естественно, не хотелось оставить Его среди восторженного народа на этом пустынном берегу и, напротив, хотелось бы присутствовать здесь, потому что, как им казалось, с Ним готовилось совершиться что-то великое. С другой стороны, для Него было легче отпустить народ, когда последний видел, что даже ближайшие Его друзья и ученики были отосланы Им. Таким образом, при сгущающемся сумраке Ему удалось кротко и постепенно убедить народ оставить Его, и когда все, кроме самых восторженных, разошлись по своим домам или караванам, Он вдруг покинул и остальных и быстро ушел от них на вершину горы, чтобы там наедине помолиться. Он чувствовал, что наступал страшный и торжественный перелом в Его жизни на земле и общением со своим Небесным Отцом хотел укрепить свою душу для трудного дела завтрашнего дня и тяжких невзгод многих последующих недель. И раньше Он провел в горном безмолвии ночь в уединенной молитве, но то было перед избранием возлюбленных апостолов и перед добрыми предзнаменованиями своего начального и счастливого служения. Совершенно иными были чувства, с которыми Великий Первосвященник взбирался по скалистым уступам на этот величественный горный алтарь, который в храме ночи как бы ближе возносил Его к звездам Божиим. Убиение Его возлюбленного Предтечи больше приблизило к Его сознанию мысль и о предстоящей Ему Самому кончине. Буря, начинавшая завывать по горам, ветер, с воем рвавшийся по ущельям, озеро, бушевавшее перед ним вспененными водами, лодка, которую, как могло быть видно Ему при лунном свете, пробивавшемся кое-где через тучи, подбрасывало свирепыми волнами, – все это поразительно соответствовало Его теперешнему настроению. Но тут, на пустынной вершине горы, в эту бурную ночь, Он мог получить подкрепление, мир и блаженство неизреченное, потому что там Он был наедине с Богом.

Проходил час за часом. Наступала уже четвертая стража ночи; лодка учеников прошла еще только половину своего пути; было темно; противный ветер и бушующие волны затрудняли им путь; они до изнеможения работали на веслах, а между тем теперь с ними не было Того, кто мог бы успокоить их и спасти, потому что Христос остался на берегу. Он был один на суше, а они колыхались на опасной стихии; но Он все время видел и жалел их. И вот наконец, находясь в последней крайности, они увидели какой-то блеск во тьме: какая-то страшная фигура с развевающимися одеждами подвигалась к ним, ступая по гребням валов, но как будто намереваясь пройти мимо их. При виде этого они в ужасе вскрикнули, думая, что это призрак, блуждающий по волнам. Но посреди бури и мрака им прозвучал божественный голос, который сказал: «Это Я – не бойтесь!» Голос этот успокоил их страхи, и они тотчас же хотели принять Его в лодку; но порывистый в своей любви Петр, – тот самый, который в горьком сознании своего недостойнства некогда кричал «отойди от меня», – теперь не может даже ждать Его приближения и восторженно восклицает: «Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде». – «Иди!» – был ответ. И Петр бросился с лодки в кипящие волны. Когда взгляд его был устремлен на Господа, ветер тщетно рвал его волосы и волны обрызгивали его одежду, – для него все было нипочем; но когда, при заколебавшейся вере, он глянул на яростные волны и мрачную бездну под ним, то начал тонуть, и голосом отчаяния (уже совсем не похожим на его прежний уверенный тон) боязливо вскрикнул: «Господи, спаси меня!» И Христос не оставил его без помощи. Он тотчас же протянул ему руку и поддержал своего тонущего ученика с кротким упреком: «Маловерный! зачем ты усомнился?» И затем смущенный апостол вместе со своим Господом вошел в лодку; ветер быстро затих, и они вскоре приблизились к залитому лунным светом берегу и прибыли на пристань, где им следовало быть; и все – как ученики, так и лодочники – переполнялись все большим и большим удивлением, и некоторые из них,

обращаясь к Нему с титулом, который раньше прилагал к Нему только Нафанаил, восклицали: «Истинно Ты Сын Божий!»

Когда уже Спаситель начал свою обычную деятельность на Галилейском берегу озера, многие из народа продолжали поджидать Его около Вифсаиды Юлииною, думая, что Он где-нибудь пребывает там на горе в уединении. Услышав же, что Он уже давно около Капернаума и зная, что ученики отправились одни в лодке, народ крайне дивился этому, и по прибытии к Капернауму многие обращались к Нему с недоуменным вопросом: «Равви, когда Ты сюда пришел?» Спаситель не ответил на этот вопрос праздного любопытства и указал даже спрашивавшим на низменные побуждения, которые привлекали их к Нему. Он упрекнул их за то, что они следовали за Ним не из каких-либо возвышенных или духовных побуждений, не потому, что видели чудеса, но потому, что «ели хлеб и насытились». И затем Он обратился к ним с назиданием: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын человеческий, ибо на Нем положил печать свою Отец Бог».

Сначала они как будто были тронуты и устыдились. Он верно прочитал помыслы их сердец, и они спросили Его: «Что нам делать, чтобы творить дела Божии?» – «Вот, дело Божие, чтобы веровали в Того, кого Он послал». – «Какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть» (Пс 77:24). Вывод был очевиден. Моисей давал им манну с неба. Иисус же доселе, – намекали они, – дал им только ячменных хлебов с земли. Если же Он истинный Мессия, то не должен ли Он, согласно со всеми сказаниями этого народа, наделить их богатством и славой, и вообще всеми благами земными, каких только народное воображение ожидало от грубо понимаемого Мессии.

Но Спаситель не преминул исправить ложное мнение и возвести их ум на более высокую степень разума. Он ответил им, что манну давал им не Моисей, а Бог, и она была лишь прообразом того хлеба небесного, который теперь даст им Отец Сына человеческого. Умы их еще пленялись материальными благами, и они стали просить этого хлеба небесного с таким же рвением, с каким самарянка просила воды, утоляющей всякую жажду. «Господи! подавай нам всегда такой хлеб!» Иисус же сказал им: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет алкать никогда»; и затем Он стал выяснять им, что Он пришел творить волю Отца, воля же Его есть та, чтобы всякий верующий в Его Сына имел жизнь вечную. Тогда опять послышался гневный ропот, на этот раз уже не от невежественного народа, но от старых Его противников, вождей иудейских: «Как говорит Он: Я шел с небес? Как может Он говорить: Я есмь хлеб, сшедший с небес? Не Иисус ли это, сын Иосифов, которого отца и мать мы знаем?» Но Спаситель отвечал ропщущим, как и всегда, более сильным, более полным и ясным провозглашением той именно истины, которую они отвергали. Так Он поступил с Никодимом, так же поучал женщину-самарянку и так же отвечал старейшинам храма, привлечшим Его к ответу за нарушение субботы. Но робкий раввин и заблуждающаяся женщина были достаточно верующими и искренними, чтобы глубже проникать в Его слова и смиренно добиваться их значения, и таким образом подойти к истине. Иное дело эти слушатели. Промысл удостоил их назидания из уст Самого Сына Божия, открывавшего им великую тайну искупления, а они отвергали это великое благодеяние. Тогда Спаситель с неотразимой прямоотой и ясностью открыл им, что Он есть тот источник жизни вечной, который послан с неба. «Я хлеб живой, сшедший с неба; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира».

Этими словами, с одной стороны, указывалось на предстоящее великое дело искупления греховного человечества принесением плоти Сына человеческого за жизнь мира, и с другой – предусматривалось таинство причащения, долженствовавшее служить средством приобщения последующих поколений верующих к искупительному подвигу Христа. Но для иудеев, всецело подавленных суетными помыслами о земном величии Мессии, эти великие тайны Царства Божия остались недоступными; они только недоумевали от подобных изречений и с негодованием говорили: «Как Он может дать нам есть плоть Свою?» А Христос

подтвердил эту истину еще более выразительными словами: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына человеческого, и пить крови Его; то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. Ибо плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем».

По своей необычности и глубине это великое откровение о новозаветном способе приобщения человечества Божеству показалось странным не одним только иудеям, как ослепленным предубеждениями и неверием, но и некоторым из ближайших последователей Христа. «Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать?» Напрасны были новые свидетельства Христа с целью рассеять зарождавшееся в них семя сомнения и неверия. Они не убедились, и «с этого времени многие из учеников Его отошли от Него, и уже не ходили с Ним». Это было печальное предзнаменование для дела Спасителя мира. Со скорбным чувством Он обратился и к своим двенадцати апостолам с испытующим вопросом: «Не хотите ли и вы отойти?» Но вера апостолов пустила уже глубокие корни, и на этот вопрос Петр от лица всего сонма апостольского отвечал Ему: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого!» Это было славное исповедание, но оно при настоящих печальных обстоятельствах не вызвало особенной радости и подало лишь повод Спасителю открыть своим возлюбленным ученикам страшную тайну, что не все они исповедуют Его так. «Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол». Это было первое предостережение тому злополучному члену апостольского общества, который уже носил в своей душе искру адского замысла и «хотел предать Его»...

Отдел пятый

Дела и учение Иисуса Христа от третьей Пасхи до торжественного входа Его в Иерусалим

XVI

Беседа Иисуса Христа о значении отеческих преданий. Исцеление бесноватой дочери хананеянки. Чудеса в Заиорданской области

Среди слушателей Иисуса Христа в последнее время все чаще стали встречаться «иудеи», под которыми разумеются не простой народ, а книжники и фарисеи. Многие из них, слыша о проповеди и чудесах Спасителя в галилейских городах, нарочито прибыли сюда из Иерусалима, чтобы следить за Ним и подготавливать почву для формального обвинения Его перед верховным судилищем в подрыве религии и закона Моисеева. Последняя беседа Спасителя о причащении, видимо, привела их в ярость, и они дали знать в Иерусалим, чтобы там к празднику Пасхи сделаны были все приготовления для погубления ненавистного им Пророка. Но Христос, прозрев в этот темный замысел сил злобы, на этот раз не пошел в Иерусалим и провел Пасху в Галилее, продолжая свое служение ко спасению человечества. Потерпев полную неудачу в этом коварном замысле, иудеи опять после праздника появились в Галилее и начали следить за Спасителем и изыскивать случаи с целью обвинить Его в правонарушении. Случай им скоро представился, но он послужил лишь к их собственному изобличению. Иудейские законники не ограничивались простым исполнением закона Моисеева, а с течением времени присоединили к нему множество самовольных дополнений и прибавлений, которым иногда стали придавать даже больше значения, чем самому Закону Божию. Эти прибавления с особенной ревностью соблюдались книжниками и фарисеями, которые смотрели на них как на «ограду» закона, несмотря на то, что они часто стояли в прямом противоречии с последним и служили прикрытием низкого лицемерия. Фарисеи заметили, что ученики Иисуса Христа однажды не умыли рук перед едой. Это, на их взгляд, было великое преступление – такое же, по учению раввинов, как поесть свинины. «Кто не умывает рук при еде, тот подлежит извержению из общества, ибо в рукомытии заключается

тайна десяти заповедей», «тот достоин смерти», «подобен убийце» и т. д., как истолковывали строгие законники.

Спаситель воспользовался этим случаем, чтобы преподать жалким буквоедам урок, что они должны смотреть на дух закона, а не на его букву, иначе окажутся в противоречии с тем самым законом, который они думают охранять. Отвечая на укор, Он в свою очередь спросил их: «Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; а вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался; тот может и не почтить отца своего и мать свою», т. е. когда родители требовали от детей должного почтения и особенно вспомоществования, то, по фарисейскому Преданию, достаточно было хоть словесно объявить принесенную в храм ту часть имущества, которая должна бы пойти на содержание родителей, чтобы считать себя свободным от обязанностей содержать их или оказывать им вспомоществование, так как посвященное храму или Богу, по закону, уже не могло быть обращено на другие нужды. Это низкое лицемерие и нашло обличителя во Христе. «Таким образом, – заметил Он им, – вы устранили заповедь Божию Преданием вашим. Лицемеры!» И затем Спаситель поучал как народ, так и своих учеников, что в Царстве Небесном чистота сердца важнее чистоты рук. «Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства,*censored*ния». Вот это все действительно «оскверняет человека; а есть неумытыми руками не оскверняет человека», и само правило это вызвано лишь обыденным требованием опрятности, а отнюдь не имеет безусловного нравственного характера, как толковали фарисеи, эти «слепые вожди слепых».

Чтобы избежать дальнейших изветов фарисейского коварства и в уединении успокоить свой утомленный дух, Спаситель порешил на время совершенно оставить Палестину и отправиться в пределы соседней страны Финикии. «И выведши оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские». Финикия в это время доживала свою последнюю историческую славу, и по берегам ее уже больше было развалин, чем цветущих городов. Это было седалище идолопоклоннического нечестия, отечество Ваала и Астарты, так часто повергавших Израиля в бездну преступного соблазна, страна языческого мрака. Но и здесь хоть одним лучом должен был воссиять «свет к просвещению язычников». И он воссиял во временном появлении там Источника света. Слава о чудесах Спасителя уже раньше Его проникла в пределы Финикии и там нашла отклик во многих верующих сердцах. Там также было немало труждающихся и обремененных, которые жаждали найти в Нем покой душам своим. Лишь только Спаситель вступил в пределы этой страны, как одна женщина, видимо, уже давно жаждавшая повидать Его, обратилась к Нему с слезной мольбой: «Помилуй меня, Господи, Сын Давидов! дочь моя жестоко беснуется!» Но Спаситель не сразу ответил на ее мольбу, а провидя глубину и силу веры этой хананейки, хотел испытанием ярче обнаружить ее перед своими учениками. Сначала Он даже совсем не отвечал на ее просьбу. Но хананейка не отставала. Утомленные ее неотвязчивой просьбой, ученики наконец стали просить Его отпустить ее. «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева, – отвечал им Учитель и, обратившись к плачущей женщине, холодно прибавил: Нехорошо взять хлеб у детей и бросать псам». Такой ответ мог бы холодом охватить ее душу; и если бы Спаситель не предвидел, что ее душа полна той редкостной надежды, которая может видеть милосердие и принятие просьбы даже в видимом отвержении ее, то Он не ответил бы ей так. Но и все снега ее родных Ливанских гор не могли бы затушить того огня веры, который пылал в ее сердце, и она не колеблясь дала славный и бессмертный ответ: «Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их!» И вера ее восторжествовала. Ни на минуту больше Спаситель не продлил мук ее ожидания. «О женщина! – воскликнул Он. – Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». И тотчас же чудесное слово возымело свое действие. «И пришедши в свой дом, она нашла, что бес вышел, и дочь лежит на постели (совершенно здоровая)». Долго ли Спаситель пробыл в этих странах и в каких местах останавливался, неизвестно. Удаление Его оттуда было ускорено той гласностью, которой сопровождалось это чудо и которая лишала его желанного покоя. Поэтому Он предпочел поискать уединения опять за озером Галилейским. На пути туда Он совершил два

великих чуда, именно исцелил глухого косноязычного, у которого по слову Спасителя: «еффафаМГ», т. е. «отверзись» (сопровождаясь некоторыми внешними действиями, как вложением перстов в уши, плюновением и прикосновением к языку больного), «тотчас отверзся слух, разрешились узы языка и стал он говорить чисто». «И чрезвычайно дивились все и говорили: все хорошо делает: и глухих делает слышащими, и немых говорящими». Чудо это собрало к Спасителю опять множество народа, жаждавшего послушать его слова и воспользоваться Его чудесами, и на берегу озера Галилейского Христос еще раз повторил чудо насыщения народа, именно, насытив семью хлебами и пятью малыми рыбами четыре тысячи человек, кроме женщин и детей. После этого уже Спаситель вступил в страну Десятиградия. Это была заиорданская область, представлявшая союз из десяти вольных городов, с сбродным полуязыческим населением. Спаситель уже раньше бывал в пределах этой области и тут, между прочим, исцелил бесноватого гадаринца, сделавшегося ревностным проповедником Царства Божия в этой темной полуязыческой стране. Проповедь его, видимо, была небезуспешна. Полуязычники, некогда просившие Христа удалиться из их пределов, теперь встретили Его с радостью и спешили воспользоваться Его чудесами. И Спаситель ознаменовал свое пребывание здесь великими делами милосердия. Так, около Вифсаиды Юлииною Он исцелил приведенного к Нему слепого. Исцеление это совершилось не сразу, а постепенно. Взяв слепого за руку, Иисус вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья. Потом опять возложил руки на глаза ему, и велел ему взглянуть. И он исцелел, и стал видеть все ясно». Об исцелении этом Спаситель запретил рассказывать в селении, и это дало Ему возможность найти наконец желанный отдых, чтобы наедине побеседовать с своими учениками.

XVII

Исповедание ап. Петра и предсказание Господа Иисуса об ожидающих его страданиях и смерти в Иерусалиме. Преображение Господне

Теперь уже Христос исходил всю Землю обетованную и везде провозгласил наступление Царства Божия, подтверждая свое благовестие множеством чудес. Слава о Нем и Его чудесах разносилась по всей стране, и Ему трудно было даже найти время и место для необходимого отдохновения. Найдя его, наконец, в полуязыческой стране за Иорданом, Спаситель посвятил время этого отдыха беседе с своими учениками. Он знал, что в народе ходили неясные и сбивчивые толки о Нем; но апостолы, как будущие продолжатели Его дела, должны были вполне знать, кто Он и какова цель Его служения на земле, чтобы им не прийти в смущение вследствие тех страшных событий, которые уже быстро приближались теперь.

В уединенной беседе подготовив учеников к страшным откровениям, Спаситель тихо двинулся с ними на север страны по направлению к Кесарии Филипповой и на пути туда обратился к ученикам с испытующим вопросом: «За кого почитают Меня люди?» Ответ был грустный. Избранный народ, целые тысячелетия живший великой надеждой на Мессию, теперь не понимал, что давно желанный Мессия пришел к нему, и продолжал ждать Его, принимая пришедшего лишь за одного из предшественников действительного Мессии. «Одни принимали Христа за Иоанна Крестителя, другие же за Илию, а иные за одного из пророков». Очевидно, народ, ослепленный лжеучением фарисейским, не способен был познать времени своего посещения свыше. Тогда вся надежда оставалась на учеников. «А вы за кого принимаете Меня?» – обратился к ним Спаситель с глубокознаменательным вопросом – с таким вопросом, от решения которого зависело все направление дальнейшей деятельности Христа. Но Дух Божий уже посеял в их простых душах семена знания истины, и ап. Петр от лица двенадцати торжественно ответил своему божественному Учителю: «Ты Христос, Сын Бога Живого!» Это исповедание, сделанное теперь с полнейшей торжественностью на прямо поставленный вопрос, показало, что не напрасно было земное служение Спасителя и что наконец хоть избраннейшим Его ученикам открыта была великая тайна, сокровенная от веков и родов. Если не весь избранный народ, то хотя, по крайней мере, апостолы не только познали в Иисусе

Назарянин обетованного Мессию своего народа, но по особенной благодати Божией им было открыто, что Мессия этот был не только тем, чем ожидали Его иудеи, не только царем, правителем и Сыном Давидовым, но больше того: был Сыном Бога живого. И Спаситель с величайшей торжественностью подтвердил это великое исповедание. «Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты Петр (*О О П., П'ОiП.*), и на сем камне (*П'БО П., П'ГО±*) Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного, и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах».

Еще никогда из уст Спасителя не исходило более знаменательных и великих слов. Это было Его собственное свидетельство о Себе самом. Это было обетование, что блаженны те, которые могут признать Его. Ими открывалось, что только те могут признать Его, кого приведет к тому Дух Божий. В них навсегда заявлялось человечеству, что не земным рассуждением, а только при помощи небесной благодати может быть достигнуто полное разумение этой истины.

Закладывался краеугольный камень церкви Христовой, и тот случай, при котором впервые сказаны были эти достопамятные слова, впоследствии должен был получить огромное значение в истории мира. Это было обетование, что церковь, основанная на камне боговдохновенного исповедания, останется несокрушимой при всех напорах сил ада. Это было предоставление церкви в лице ее славнейшего представителя власти вязать и решать, и обещание, что власть эта, достойно употребленная на земле, будет окончательно утверждена на небе. С этого времени Спаситель мог уже считать одну часть своего великого дела на земле исполненной. Апостолы Его теперь уже убедились в тайне Его бытия и торжественно исповедали веру свою в Него как Мессию; этим исповеданием было уже заложено основание, на котором с Ним как краеугольным камнем должно было впоследствии воздвигаться все великое здание церкви Христовой. Но Он пока еще запрещал им разглашать эту истину, так как и сами апостолы нуждались еще в дальнейшем духовном просвещении, чтобы быть в состоянии примирить познанную ими истину о личности своего Божественного учителя с ожидавшей Его участью на земле. Им нужно было еще разъяснить, что хотя Он и Мессия, хотя Он и царь, но царство Его не от мира сего; необходимо было, чтобы все праздные земные надежды на величие и преимущество в царстве Мессии исчезли в них навсегда и чтобы они поняли, что Царство Божие состоит не в ястии и питии, а в праведности, мире и в радостях веры. Поэтому Он начал постепенно и спокойно открывать им о предстоящем путешествии своем в Иерусалим, об отвержении Его вождями народа, об ожидавших Его поношениях и муках, о страшной смерти и своем воскресении в третий день. Правда, Он и прежде давал им различные и отдаленные намеки о предстоящих Ему страданиях, но теперь в первый раз Он ясно говорил о них простым и выразительным языком. Даже и теперь Он не открыл им всего о страшном способе своей приближавшейся смерти. Он дал им знать, что будет отвергнут старейшинами, первосвященниками и книжниками, всеми властями, религиозными и светскими представителями народа, но не сказал, что будет выдан язычникам. Он предупреждал их, что будет убит, но до самого последнего путешествия в Иерусалим не сообщал им ужасной истины, что Он будет распят. Однако даже и это откровение немало смутило учеников, и ап. Петр опять от лица их обратился к Христу с просьбой, которая показывала, что и апостолы еще не в состоянии были понять всей тайны искупления. «Будь милостив к Себе, Господи, – сказал он Ему, отведя Его несколько в сторону, – да не будет этого с Тобою!» Но если ап. Петр в своем великом исповедании говорил по наитию Святого Духа, озарившего его разум познанием глубочайшей тайны, то теперь он несознательно уподобился сатане, как бы искушая Спасителя страхом предстоящих страданий и отвращая Его от исполнения искупительного дела. Поэтому Он и должен был выслушать строгий укор. «Отойди от Меня, сатана, – сказал ему Христос, – ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». Но, выразив самонадеянному апостолу строгий укор за его неразумную привязанность и духовную немощность, Спаситель воспользовался этим случаем

для изложения глубочайшего учения, с которым Он обратился не только к своим ученикам, но и ко всем вообще (Лк 9:23). Из Евангелия Марка видно, что даже в этой отдаленной области за Ним во множестве следовал народ (см. Мк 8:34), который обыкновенно шел поодаль от Него и апостолов и иногда был подзываем к Нему, чтобы слышать благостное учение, исходившее из Его уст. Как народ, так и ученики были еще заражены теми же ложными понятиями, которые побудили Петра к необдуманному вмешательству. Ко всем им поэтому Он обратился с поучением, в котором объяснял им, что сущность всякого высшего долга, смысл всякой истинной жизни, составляющей как самое приятное служение Богу, так и самый облагораживающий пример для людей, заключается в законе самопожертвования. При этом именно сказал Он те немногие слова, которые оказали в высшей степени благотворное влияние на совесть человечества, возводя его мысль от мира чувственного к миру духовному: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» И затем Христос еще раз объявил им, что и сам Он будет предан суду.

Открыв своим ученикам тайну предстоящих ужасов своей земной кончины, Спаситель не оставил их в беспомощном состоянии, а подтвердил вскоре веру их славным откровением своего божественного величия. Через неделю после описанной беседы Иисус Христос взял с Собой трех избранных своих апостолов – Петра, Иакова и Иоанна – и взшел с ними на гору высокую. Неизвестно, какая это именно была гора, но предание издавна разумело под ней гору Фавор. Крутая вершина этой живописной и покрытой лесом горы величаво вздымается над окружающей равниной и с нею связывалось множество славных воспоминаний из жизни избранного народа. Там Спаситель всецело отдался молитве, и молитва эта вознесла Его превыше всех скорбей и суеты мира сего, который отвергал Его. И вот Он преобразился, лицо Его просияло как солнце и одежды Его сделались белы как снег. Все Его существо осветилось таким ослепительным блеском, что евангелисты только и могли сравнить этот небесный свет с солнцем, снегом и молнией.

Апостолы не были свидетелями начала этого чудесного преобразования. Восточный человек, окончив свою молитву, закутывается в свою *аббу* (полосатый плащ) и, лежа на траву на открытом воздухе, быстро засыпает глубоким сном. То же самое было и с апостолами: как впоследствии в саду Гефсиманском, так и теперь они спали глубоким сном. Они были «отягчены» сном, но, внезапно пробудившись, они видели и слышали все. Среди ночного мрака, проливая лучезарный свет на зеленые склоны горы, блистал прославленный лик Спасителя. Возле Него, в том же самом сиянии славы, стояли два престарелых мужа, в которых они по виду или словам узнали Моисея и Илию. И эта славная троица среди окружающей тишины вела беседу о предстоящей кончине в Иерусалиме, о которой Спаситель только что перед тем сообщил ученикам. Когда великолепное видение начало исчезать, когда величественные посетители готовы были расстаться с Спасителем и сам Он вошел с ними в осенившее их облако, Петр, изумленный, испуганный и восхищенный этим зрелищем, не зная, что сказать, но желая продлить их присутствие, воскликнул: «Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три куши: одну Тебе, одну Моисею, и одну Илие». На эти необдуманные и неуместные слова не последовало ответа; но когда он еще говорил, облако, – не облако густой тьмы как на Синае, но облако света, – осенило их, и из него раздался голос: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте». Ученики пали ниц и скрыли свои лица в траве (Мф 17:6). И когда, оправившись от произведенного этим страшным голосом и ослепляющим светом потрясения, они подняли глаза и осмотрелись кругом, то все уже кончилось. Светлое облако исчезло, не было уже ни сияющих лиц, ни ослепительно-белых одежд; только один Иисус был с ними и только звезды тихо изливали свой свет на склоны горы.

Сначала они боялись встать и даже приподняться, но Иисус, их Учитель, такой же, как они видели Его раньше на молитве, подошел к ним, коснулся их и сказал: «Встань те, не бойтесь!» Рассвел день, и они стали спускаться с горы. Спаситель запретил им рассказывать о видении, пока Он не воскреснет из мертвых. Видение было только для них; они должны были хранить

его в глубине своих сердец, так как возвестить о нем другим ученикам значило бы возбудить в них зависть и польстить собственному самолюбию; до воскресения оно нисколько не могло содействовать вере других и могло только затемнять в них разумение истинного дела Его на земле. Они исполнили повеление Христа, но не могли понять значения указания на воскресение. Они спрашивали друг друга или в безмолвии размышляли в себе, что значит воскреснуть из мертвых? Умы их занимал и другой серьезный вопрос. Они видели Илию и теперь больше, чем когда-нибудь, убеждались, что Учитель их воистину – Христос. «Но как же книжники говорят, – спрашивали они, – что Илии надлежит прийти прежде и устроить все?» На это Спаситель объяснил им, что Илия уже пришел и не узнали его, и его постигла от руки своего народа та же самая судьба, которая предстоит и Ему. Тогда они поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

XVIII

Исцеление бесноватого глухонемого отрока. Чудесное получение монеты для уплаты подати на храм. Учение Иисуса Христа о суде церковном и о прощении обид. Притча о милосердном царе и безжалостном заимодавце

По возвращении к своим остальным ученикам Спаситель нашел их в большом смущении и затруднении. Около них собралось много народа, и, между прочим, приведен был бесноватый отрок; отец его обратился к ним с просьбой об исцелении, но они оказались не в состоянии исполнить этой просьбы – подавая повод к издевательствам со стороны злобствующих иудеев и гордых своей ученостью книжников. Как раз во время этого препирательства и явился Христос, производя на народ тем большее впечатление, что лицо Его еще сияло неземной славой преображения. «О чем вы спорите с ними?» – строго спросил Он книжников. Но книжники слишком смутились от Его неожиданного появления и не знали, что отвечать. В это время через толпу протиснулся человек, который, став перед Спасителем на колени, громким голосом излагал перед Ним свое несчастье, что именно у него сын страдает ужасными припадками беснования, совершенно глухонемой и подвержен мании самоубийства, так что несчастный уже не раз бросался и в огонь и в воду. Он приводил страдальца к ученикам, но они оказались бессильными изгнать беса, и неудача их послужила только поводом к насмешкам над ними со стороны книжников. Укорив учеников за маловерие, бывшее именно причиной этой неудачи, Спаситель велел привести больного отрока к Себе, и едва он был приведен к Нему, как схвачен был новым припадком своего недуга, в страшных корчах упал наземь и бился с пеной у рта.

Преображение

Это была одна из самых страшных форм беснования, и отец даже и перед лицом Спасителя не мог подавить в себе движения чувства сомнения в возможности исцеления. Но Христос торжественно заявил ему, что «все возможно верующему», и когда несчастный отец, желая подавить в себе всякое сомнение, воскликнул: «Верую, Господи, помоги моему неверию», то Спаситель тотчас же поддержал его верующий дух исцелением сына. Обращаясь к страдальцу, Он повелительно сказал: «Дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него». Раздался еще более неистовый вопль и в еще более ужасных корчах завертелся несчастный; затем, упав на землю, не корчась уже и не испуская пены, он неподвижно лежал как мертвый. Некоторые говорили, что он умер. Но Христос взял его за руку и, среди возгласов изумленной толпы, возвратил его отцу – спокойным и здоровым.

Иисус Христос еще прежде дал своим ученикам власть изгонять бесов, и этой властью от имени Его пользовались иногда даже люди, которые не были Его ближайшими учениками (Мк 9:38). И в этом они не терпели неудачи. Естественно отсюда, что ученики воспользовались первым удобным случаем спросить Его о причине последнего своего неуспеха. Он прямо

сказал им, что это было по причине их неверия. Может быть, сознание Его отсутствия ослабило их веру; может быть, они сознавали себя менее способными справляться с затруднениями, когда с ними не было Петра и сыновей Зеведеевых, а может быть также, на умы слабейших из них произвела печальное влияние скорбная весть об отвержении и смерти их Учителя. Во всяком случае Он воспользовался этим обстоятельством для того, чтобы преподать им два великих наставления: одно – что есть виды столь сильного и застарелого духовного, физического и нравственного зла, что с ним можно бороться только молитвой, соединенной с тем самоограничением и самоотвержением, самая действенная и сильная форма которого есть пост; другое – что для совершенной веры возможно все. Вера даже с горчичное зерно способна производить чудеса. Обладающий ею может повелеть даже горе сдвинуться с места и ввергнуться в море, и будет так.

Поучая учеников и народ, Спаситель постепенно подвигался к Капернауму, и по прибытии туда совершилось новое чудо. С древних времен у иудеев был обычай собирать после всякой новой переписи подать в «полсикля, сикля священного», с каждого иудея, достигшего двадцатилетнего возраста, в качестве «выкупа за душу свою Господу» (Исх 30: 11–16). Деньги эти шли на храм и употреблялись на покупку жертвоприношений, козлов отпущения, красных телиц, курений, хлебов предложения и других предметов, требовавшихся в храме. После возвращения из плена этот полсикль обратился в ежегодную добровольную подать, равную трети сикля (Неем 10:32), но в последующее время она опять возвысилась до первоначальной суммы. Эта подать платилась каждым иудеем, в какой бы части света он ни находился, богатый он или бедный; и в доказательство того, что все души равны перед Богом, должны были платить «богатый не больше и бедный не меньше полсикля». Сбор этот давал большие суммы, которые и препровождались в Иерусалим с почетными уполномоченными. За этой-то податью сборщики теперь и пришли к Христу. Не смея беспокоить самого Иисуса, они обратились с требованием ее к ап. Петру, и он, со своей обычной простотой, передал это требование Учителю, надеясь, что Он поможет выйти из затруднения, так как в кассе апостольской совершенно не было денег. Но Спаситель преподал ему по этому случаю высокий урок, сопровождавшийся новым самооткровением Божества. «Как кажется тебе, Симеон, – сказал Он ему, – цари земные с кого берут пошлыны или подати? С сынов ли своих, или с посторонних?» Ответ мог быть только один: «С посторонних». – «Итак, – сказал Христос, – сыны свободны». Я, Сын небесного Царя, и даже ты, который также сын Его, хотя и в другом смысле, не обязаны платить этой подати. Если мы платим ее, то плата эта не вытекает из положительной обязанности, а есть дело свободного и доброхотного даяния. «Но чтобы нам, – прибавил Он, – не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и открыв у ней рот, найдешь статир, возьми его и отдай им за Меня и за себя». Таким способом уплаты подати Спаситель показал, что Он, как человек, считал своим долгом подчиняться установлениям человеческого общежития, но, как Бог, Он вместе с тем при этом случае показал свое всемогущество, простиравшееся не только на землю, но и на море.

Как из пережитых событий, так и из сопровождавших их наставлений и торжественных предсказаний ученики невольно приходили к мысли, что в судьбе их Учителя готовится совершиться какая-то великая перемена. Не настало ли время Его земного прославления, когда Он перестанет быть смиренным Учителем, каким был доселе, а выступит во всем величии Мессии, каким именно ожидал Его народ, и оснует великое и славное царство. Такая мысль, возбуждая их дух, вместе с тем пробудила в них и общие со всем простым народом предрассудки, и они стали заботиться об обеспечении своего наилучшего положения в имевшемся открыться царстве Мессии. Еще на пути в Капернаум между ними завязался спор, кто из них будет больший в Царстве Небесном. Спаситель слышал этот спор и по прибытии в город спросил их, о чем они рассуждали во время дороги. Вопрос этот пробудил в них совесть, и они устыдились за самих себя. Тогда Христос, взяв ребенка, поставил его рядом с ними и увещевал их быть такими же по своему духу, каковыми бывают дети, т. е. невинными, смиренными и непритязательными, и тогда только они могут войти в Царство Небесное.

Таким наглядным способом Он повторил им то наставление, которое Он уже преподавал им в Нагорной беседе и которое совершенно забыто было ими теперь. Вопрос о неприязнительности напомнил ап. Иоанну об одном обстоятельстве, встретившемся ему во время проповеди, и он теперь обратился к Христу за разъяснением его. Им пришлось во время своего проповеднического путешествия встретить человека, который изгонял бесов именем Христа; но так как этот человек не принадлежал к их обществу, то они запретили ему. Правильно ли поступили они? «Нет, – отвечал Иисус, – не запрещайте». Кто может делать дела милосердия во имя Христово, тот не может злоупотреблять именем этим. Кто не против них, тот, значит, с ними. И затем, возвращаясь опять к своей беседе, все еще держа ребенка на руках и делая его предметом речи, Спаситель предостерегал от страшной вины и опасности оскорбления, искушения и соращения с пути невинности и праведности, научения чему-нибудь худому или внушения какой-нибудь злой мысли одному из малых сих, ангелы которых всегда видят лицо Отца Его на небесах. Таких злых оболыстителей, таких исполнителей дела дьявола, говорил Он им в небывало сильных и грозных словах, ожидает такая горькая участь, что лучше бы им было повесить себе мельничный жернов на шею и потонуть в пучине морской. Нет такой великой жертвы, продолжал Он, которой не надо бы было принести, чтобы только избежать возможности искушений полагать такие камни преткновения на пути своей собственной души или других людей. Лучше отсечь правую руку и войти в Царство Небесное безруким; лучше отрубить правую ногу и войти в Царство Небесное хромым; лучше выколоть правый глаз и кривым войти в Царство Небесное, чем позволить руке, ноге или глазу быть орудием греха, который бы питал червя неумирающего и возжигал огонь неугасающий. Лучше в этом мире утонуть с мельничным жерновом на шее, чем на себе носить мельничный жернов нравственного и духовного соблазна, который может потопить виновную душу в огненном озере духовной смерти. Как соль посыпается на каждую жертву для ее очищения, так и каждая душа должна очищаться огнем или должна иметь в себе очистительную соль, предохраняющую от разложения. «Имейте в себе соль; и мир имейте между собою».

Чтобы подтвердить обязанности этого взаимного мира, нарушенного ими, и показать им, что как бы ни велик был гнев Божий против соблазнительей других, они-то никогда не должны питать ненависти даже против тех, которые причинили им вред. Спаситель затем наставлял их, как поступать с согрешившим братом: сначала должно частно увещевать его, а затем, если понадобится, и публично, перед церковью, но только кротко и с любовью. Придерживаясь духа иудейского формализма, Петр хотел бы точно знать пределы, до которых должно доходить число прощений; но Иисус отвечал, что число это может быть безгранично, не семь только раз, как думалось Петру, а если надо, то и семьдесят семь. Наставление это Он пояснил притчей о рабе, который, получив от своего царя прощение своего долга в десять тысяч талантов, немедленно после этого схватил своего собственного товарища за горло и не хотел даже отсрочить уплаты ничтожного долга во сто динариев, в 1250000 раз меньшую сумму, чем какая была прощена ему самому. За это жестокосердие он и сам лишен был оказанной милости и подвергся всей суровости древнего закона по отношению к должникам. «Так и Отец Мой Небесный, – заключил Христос, – поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его».

ХІХ

По пути из Галилеи в Иерусалим. Негостеприимство самарян. Посольство семидесяти. Притча о милосердом самарянине. Посещение Марфы и Марии. Молитва Господня

Спаситель, занятый проповедью Евангелия и делами благотворения, провел в северной части Палестины не менее полутора лет, со времени последнего посещения Иерусалима. Враги лишили Его возможности побывать там на великих годовичных праздниках, но вот приближалось время окончательного завершения служения, наступало исполнение времен, и Спаситель, считая подготовку своего учительного дела законченной, решительно приступил к делу искупительному и опять направился в Иерусалим, чтобы там опять возвестить о своем

Божественном достоинстве и дать возможность главнейшим вождям народа, которые постоянно относились к Нему с неверием и враждой, покаяться и признанием в Нем обетованного Мессии исполнить свое назначение.

Это было осенью; приближался один из самых замечательных иудейских годовых праздников, именно праздник Кущей, стягивавший в Иерусалим огромное множество народа со всех областей Палестины. Многие стали готовиться и из Галилеи; Спаситель отправился несколько раньше обыкновенных караванов поклонников, но это не помешало тому, что около Него собралось множество народа, который восторженно двигался за Ним, видя в Нем великого пророка, честь и славу своей области. По обычаю Спаситель направился своим любимым путем через Самарию, где уже раньше посеяны были Им семена благовестия и где Он находил восприимчивую почву. Но теперь и Христу пришлось испытать, до какой степени может доходить племенная и религиозная вражда. Когда поклонники, утомленные дорогой, прибыли в первое самарийское селение и хотели найти в нем желанный отдых, самаряне отказали в нем и не хотели принять ненавистных им иудеев. Этот отказ воспламенил апостолов Иакова и Иоанна, которым именно и поручено было позаботиться о приготовлениях для приема Спасителя и сопровождающих Его учеников и паломников, сильным негодованием. Исполненные надежды на царство Мессии, которое наконец, по их мнению, находилось уже накануне своего торжественного провозглашения, негодующие братья хотели открыть его с пламенем грозного мщенья, чтобы таким образом ободрить и оживить упавший дух последователей, которые, естественно, пришли в уныние от такого скорого и решительного отказа. «Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сшел с неба и истребил их, как и Илия сделал?» – «Что удивительного, – говорит святитель Амвросий, – что сыны Громы хотели низвести молнию?» Этот порыв их негодования находил себе оправдание не только в мщении Илии, но и в том, что последнее имело место именно в этой области Самарии. Если такое действие оказалось нужным для личной защиты единичного пророка, то тем более можно воспользоваться им для защиты чести Мессии и Его последователей! Но Христос запретил им и укорил их. Небеса Божии имеют другое назначение, а не метание молний. «Не знаете, – сказал Он им, – какого вы духа». Сын человеческий пришел спасать, а не губить, и если кто услышит слово Его и не поверит, то Он не осудит его (Ин 3:17; 12:47). И таким образом без единого гневного слова Он пошел в другое поселение, и св. Иоанн, который во время писания своего Евангелия уже знал, какого он духа, несомненно, вспомнил эти слова Христа, когда вместе с Петром ходил в Самарию для утверждения новообращенных и дарования им Духа Святого.

Между тем Спаситель в это время избрал из среды своих последователей еще семьдесят учеников, которые должны были составлять рядом с двенадцатью второй круг ближайших проповедников Евангелия и распространителей Царства Божия. Их Он теперь отправил по двое повсюду приготавливать путь для Него и дал им наставления, схожие с теми, которыми Он напутствовал двенадцать учеников. Они отличаются только большей краткостью, потому что и давались по случаю более временной обязанности; в них опущены излишние теперь ограничения касательно непосещения язычников и самарян. Вместе с тем они звучали уже более грустным тоном, очевидно, навеянными грустными испытаниями постоянного отвержения.

С приближением к Иерусалиму в числе окружавшего Христа народа стало больше появляться фарисеев и книжников, которые не прочь были позаняться совопросничеством, чтобы всесторонне исследовать взгляды галилейского Пророка.

Один из них подошел к Спасителю и спросил Его: «Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Иисус, провидя его коварные побуждения, просто спросил его, какой ответ на этот вопрос дан законом, изучение и объяснение которого составляет самую цель его жизни. Законник дал лучшее изложение, какое только было известно в то время. Иисус подтвердил его ответ и сказал: «Так поступай и будешь жить». Но добиваясь несколько больше

этого и стараясь оправдать вопрос, который даже с его точки зрения был излишен и задан был, как он сам сознавал, с неблагородным намерением, законник надумал прикрыть свое отступление новым вопросом: «А кто мой ближний?» Христос знал, что если спросить собственного мнения законника по этому вопросу, то оно было бы крайне узко и ложно; поэтому Он ответил сам или, вернее, дал законнику средство ответить на него одной из своих трогательных притчей. Он рассказал, как однажды человек, проходя скалистым ущельем, ведущим из Иерусалима к Иерихону, попал в руки разбойников, частые нападения которых дали самому проходу зловещее название «Кровавый путь». Грабители-бедуины, как часто бывает еще и теперь, бросили его на дороге обнаженным, истекающим кровью и полумертвым. Священник, возвращаясь этим путем в свой священнический город, увидел его, но тотчас же перешел от него на другую сторону дороги. Проходил также левит, но еще с более холодным равнодушием посмотрел на него и прошел мимо. Но вот тем же путем проезжал самарянин, один вид которого возбудил бы в несчастном трепет племенной вражды и самую тень которого он почел бы осквернением, – добрый самарянин, образ того божественного Проповедника, которого отвергали и презирали люди, но который пришел исцелить раны человечества, не находившие для себя целебных средств ни в обрядовом, ни в нравственном законе. Он подошел к несчастному, сжалился над ним, перевязал ему раны, посадил на своего осла, сам пошел пешком по жесткой, раскаленной, пыльной и опасной дороге и не оставил его до тех пор, пока совершенно не обеспечил его безопасности и в заключение даже великодушно позаботился о его будущих нуждах. «Кто же из этих троих, – спросил Иисус Христос законника, – был ближний попавшемуся разбойником?» Законник, конечно, не был настолько тупоумен, чтобы не видеть – кто; однако же, чувствуя, что он никак не может включить в понятие ближнего ни самарян, ни язычников, не имел достаточного мужества и откровенности выговорить «самарянин», а потребил жалкий обиняк: «Оказавший ему милость». – «Иди, – сказал ему Христос, – и ты поступай так же».

Так путешествие постепенно приближалось к цели, и вот уже виден был Иерусалим. Но Христос не сразу отправился в святой город, а на время остановился в Вифании, ютящейся на одном из склонов горы Елеонской. В этом пригородном селении жило одно благочестивое семейство, которое уже не раз удостаивалось посещений Христа во время Его пребывания в Иерусалиме, и всякий раз оно встречало божественного Гостя с необычайным радушием и восторгом. Оно состояло из трех членов – Лазаря и его двух сестер: Марфы и Марии. Прибытие Спасителя в их дом по обычаю привело их в неопишемую радость, которая еще увеличивалась от того, что Спаситель уже давно не был у них. Обе сестры соперничали между собой в оказании внимательности и почтения к высокому гостю, и особенно Марфа засуетилась, бегая взад и вперед, чтобы получше приготовить Ему угощение. Сестра ее Мария также заботилась о приличном для Него приеме, но, будучи более возвышенного характера, она иными способами оказывала Ему любовь и почтение. Зная, что Марфа до блаженства была рада сделать все, что только можно, для Его материального удобства, она сама в глубоком смирении села у ног Иисуса и слушала слово Его.

Марии нельзя порицать за это, потому что сестра ее, очевидно, с радостью отдалась заботе по возможности лучше выполнить требования гостеприимства и без всякой помощи могла сделать все, что требовалось для того. Нельзя порицать также и Марфы за ее хлопотливость; единственная ошибка ее состояла в том, что она при своей внешней деятельности потеряла необходимое равновесие с требованиями внутренней жизни. Когда она так трудилась и хлопотала, нечто вроде зависти нарушило ее душевное спокойствие при виде того, как сестра ее «праздно», думалось ей, сидит у ног их высокого Посетителя и все хлопоты сваливает на нее одну. Если бы она вдумалась побольше, то, конечно, не могла бы не признать, что в уклонении Марии от забот домашнего хозяйства было не столько себялюбия, сколько здравого размышления; но быть справедливым и великодушным всегда трудно, а когда кто дозволит себе поддаться низкому чувству вроде мелочной зависти, то даже и невозможно. Так, в порыве своей раздраженности, Марфа, вместо того чтобы ласково попросить свою сестру помочь ей,

если только действительно нужна была эта помощь, — на которую, как можно судить по характеру Марии, та живо откликнулась бы, — она почти с досадой и непочтительностью подбегает и спрашивает Иисуса, неужели Ему нет нужды, что сестра ее сидит сложа руки, между тем как она одна должна хлопотать по хозяйству. Не скажет ли Он ей, чтобы она пошла и помогла в хозяйстве (Марфа была, очевидно, слишком добросовестна, чтобы прибавить обычное выражение строптивых людей — что, дескать, ей самой бесполезно говорить об этом). Но эта ненужная суетливость встретила в Христе любящий укор: «Марфа, Марфа, — сказал Он ей тоном нежного укора, — ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благу часть, которая не отнимется от нее».

Попутру Спаситель удалился в уединенное место помолиться. Ученики не раз видели Его на молитве, но теперь, под впечатлением торжественных ожиданий чего-то великого, они захотели научиться от Него молитве. Когда молитва Его окончилась, они подошли к Нему и изложили свою просьбу, и Спаситель тотчас же преподавал им ту дивную «Молитву Господню», которая легла в основу всех христианских молитв. В ней Спаситель в молитвенной форме изложил сущность того именно, достижение чего необходимо для духовного совершенства человека. И прежде существовали молитвы, часто отличавшиеся замечательной высотой мысли и чувства, и иудейские раввины считали своей обязанностью преподавать своим ученикам знание молитв, обнимающих собой весь закон и пророков; но только молитва Господня воплощает в себе все, что только может чувствовать и жаждать искренно верующее и истинно человеческое сердце. В ней нет ничего такого, что вытекало бы из каких-либо личных пожеланий; все в ней дышит сознанием общего сыновства человечества по отношению к Отцу Небесному, пришествие царствия которого выставляется главнейшим пожеланием всякого чистого сердца. Из материальных благ в ней испрашивается только хлеб насущный, как необходимое условие существования; но с большей настойчивостью испрашивается прощение наших долгов или грехов, под условием нашего собственного прощения грехов других по отношению к нам. Мир окружен соблазнами, а человек слаб, и потому Спаситель учил своих учеников молиться о том, чтобы Отец Небесный не подвергал нас опасности чрезмерных искушений или испытаний, и в заключение всего, чтобы избавил нас от главного виновника искушений, именно от лукавого. Все эти прошения к Отцу Небесному закончены торжественным славословием: «ибо Твое есть царство и сила и слава во веки. Аминь».

XX

В Иерусалиме. Проповедь Иисуса Христа в преполовление и последний день праздника Кушей. Исцеление слепорожденного

Праздник Кушей был одним из самых торжественных иудейских праздников, и для совершения его стекалось огромное множество народа, который спешил как возблагодарить Бога за все благодеяния истекающего года, так и принять участие во всех увеселениях. Народ в это время, покончив все свои полевые работы и собрав виноград, чувствовал себя особенно свободным и предавался как религиозным, так и мирским удовольствиям. Сам праздник служил воспоминанием странствования израильтян по пустыне, и его проводили с таким всеобщим ликованием, что Иосиф Флавий и Филон Александрийский называют его «святейшим и величайшим праздником», и у иудеев он известен был как праздник по преимуществу. Он совершался в течение семи дней подряд, с 15 по 21 день месяца Тисри, и восьмой день проводился в священном собрании. В течение семи дней иудеи в воспоминание своего странствования по пустыне жили в небольших шалашах, сделанных из густолиственных ветвей масличных, пальмовых и миртовых деревьев, и каждый носил в руках пучок зелени (лулаб), состоявший из пальмовых и ивовых ветвей, из плодов персика и лимона. В продолжение недели праздника все священники по очереди совершали служение; семьдесят тельцов приносилось в жертву за семьдесят народов мира; ежедневно читался закон и ежедневно храмовые трубы по двадцать одному разу трубили вдохновенные и торжественные гимны. Ликование, несомненно, усиливалось еще тем, что праздник этот наступал спустя только

четыре дня после страшных обрядов великого дня покаяния, в который совершалось торжественное очищение грехов всего народа. Такая торжественность праздника могла бы неблагоприятно повлиять на настроение народа. Если бы Спаситель открыто явился в Иерусалиме среди восторженных поклонников, то восторженность их легко могла бы перейти в политическое смятение, как это и бывало не раз, особенно с галилеянами, отличавшимися наибольшей пылкостью патриотического духа. Поэтому Он всячески избегал поводов к этому и даже на вопрос своих «братьев» о том, пойдет ли Он вообще на этот праздник, отвечал уклончиво, что еще не пойдет. И теперь, будучи неподалеку от Иерусалима, Он не сразу пошел на праздник, а лишь несколько дней спустя, так что многие думали, что Он совсем не будет на празднике.

Между тем праздничный народ действительно был в необычайно восторженном настроении. Сошедшиеся отовсюду поклонники с изумлением передавали друг другу о виденных ими необычайных чудесах галилейского Пророка и о слышанном ими божественном учении Его. Слава Христа гремела уже по всей стране, и отголоски ее теперь сливались в один торжественный хор славословия в Иерусалиме. «Но где же Сам пророк? – спрашивали все. – Неужели Он не будет на этом торжественном народном празднике?» Проходили дни за днями, а Христа все не было, и народ уже перестал волноваться мыслью о Нем. Но тогда-то именно, в середине праздника, и явился Христос, чтобы сеять семена своего божественного учения на почву спокойного, не волнуемого страстями сердца. По обыкновению, Он выступил в притворе храма, где обыкновенно раввины поучали народ. Достаточно было только появиться этому божественному проповеднику, который учил так, как никогда еще не мог учить человек, именно жег сердца людей словом любви и истины, и народ тотчас же окружил Его, оставляя важных книжников про себя заниматься своими казуистическими тонкостями, в которых они полагали всю суть религии и Закона Божия. Такое внезапное появление давно не бывшего в Иерусалиме галилейского Пророка немало изумило книжников, а предпочтение Ему со стороны народа возбудило в них крайнюю зависть и злобу. Книжники по необходимости должны были присоединиться к другим слушателям Христа, но в толпе стали распространять недоверие к познаниям галилейского Проповедника: «Как может Он знать Писание, не учившись?» Заслышав эти толки, Спаситель не преминул преподать глубокий урок, что не всякое учение есть мудрость, и менее всего то именно учение, которое преподавалось в школах раввинских, где действительно не учился Христос. Его учение выше. Оно исходит от Того, Кто послал Его, и всякий исполняющий волю Божию может постигнуть проповедуемые Им истины. Такое открытое заявление об источнике учения Христа еще более раздражило книжников, и в них мелькнула кровожадная мысль как-нибудь насильственно отделаться от столь опасного соперника, избличавшего всю лживость и пустоту их законничества. Но Христос тотчас же проник в их коварные мысли и всенародно спросил: «За что ищете убить Меня?» Такой вопрос, молниеносно озаривший мрачную тайну злобствующих книжников, должен был повергнуть их в необычайное смущение, и чтобы подавить это смущение и вместе замаять опасный вопрос, они не нашли другого способа, как объявить Иисуса бесноватым и нездравомыслящим.

О своем смущении книжники не замедлили передать синедриону, и в этом верховном судилище немедленно составилась план действия в отношении неприятного для его членов учителя. Он снарядил тайную депутацию, которая должна была собрать сведения об учении Иисуса и затем арестовать Его. Между тем праздник близился к концу и настал последний день его. В этот день совершался особенно торжественный обряд. Народ отправлялся в храм, и когда утренняя жертва полагалась на жертвенник, один из священников шел с золотым сосудом к пруду Силоамскому, неподалеку от подножия Сионской горы, и там черпал три лога воды, которая затем в торжественной процессии приносима была водными воротами в храм. При вступлении этой процессии в пределы храма левиты трубили в священные трубы, пока процессия не доходила до самого алтаря, где вода выливалась в серебряную вазу с левой стороны, а в серебряную же вазу с правой стороны вливалось вино. Затем начиналось пение

великой «аллилуйи» (Пс 115–118), и когда доходили до стиха: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его», то каждый из празднично одетых богомольцев, стоя у алтаря, радостно потрясал своим лулабом. Вечером народ предавался таким ликованиям, что, по выражению раввинов, кто не видал этой «радости черпания воды», тот не знает, что значит радость. Спаситель в это время также находился в храме и, воспользовавшись этим обрядом, начал направлять мысли народа к духовному черпанию из того источника воды живой, испивший из которого не возжаждет во век. Встав среди народной толпы, Он воскликнул: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой», т. е. под действием имеющего сойти Духа Святого, верующие в Него не только возродятся сами в своей внутренней жизни, но и будут в состоянии изливать потоки жизни и на других, через распространение Евангелия Христова.

Такая проповедь поразила многих своей неотразимой жизненностью и вместе таинственностью, и в народной толпе начались горячие рассуждения о самом Проповеднике. Одни утверждали, что «Он точно пророк»; другие шли еще дальше и прямо говорили: «Это Христос». А иные, и именно ученые книжники, запальчиво опровергали это последнее мнение, приводя и готовый ученый аргумент против него. «Разве, – говорили они, – из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова, и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид?» Рассуждения перешли в ожесточенную распрю, и противники Христа, не имея возможности убеждениями отклонить от Него народ, хотели просто схватить Его; но не пришел еще час Его, и «никто не наложил на Него руку». Не осмелились этого сделать даже и посланные от синедриона. Обходя притворы храма, останавливаясь среди колонн так, чтобы не быть замеченными Тем, кого они подстерегали, они также не могли не слышать кое-чего из дивного учения, лившегося из уст Его. Послушав же Его, они уже не могли исполнить своего поручения. Они подчинились непреодолимому влиянию, которое производил божественный Учитель; какая-то бесконечно-могущественная сила отнимала у них волю, подрывала решимость. Послушать Его – значило не только быть обезоруженным во всяком покушении против Него, но почти обращенным из злейшего врага в благоговейного ученика. «Никогда человек не говорил так, как этот человек» – вот все, что они могли сказать о Нем. Членам синедриона оставалось только ответить им бесплодным гневом и презрительным упреком, что, вероятно, и они прельстились и уверовали в этого пророка и любимца невежественной, проклятой и жалкой толпы. Никодим, в сердце которого давно уже теплилась искра веры, понемногу разгоравшаяся в полное пламя убежденности в божественном достоинстве Иисуса, осмелился было возразить, что не следовало ли бы сначала узнать хорошенько, прежде чем осуждать. Но это справедливое замечание осталось без внимания, и члены синедриона опять обратились к недостойным насмешкам и своему невежественному законничеству. «И ты не из Галилеи ли? Рассмотрим и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк», – нагло утверждали они, забывая, что Галилея дала уже несколько величайших пророков, и между ними Илию и Иону. «И разошлись все по домам, Иисус же пошел на гору Елеонскую», чтобы там в уединенной молитве облегчить благословенным отдыхом свою утомленную душу.

На следующее утро Христос опять явился в храм и продолжал свою проповедь. Но враги Его уже заранее рыскали вокруг храма, замышляя козни против ненавистного им учителя. Они, видимо, не спали всю ночь и чрезвычайно обрадовались, найдя способ неожиданно поставить Христа в безысходное, на их взгляд, затруднение. Среди веселья и разгула праздника Кушей бывали и дела безнравственности и распущенности, тем более, что вследствие нарушения обычного порядка жизни и пребывания населения города вместе с огромными массами пришедшего люда в загородных шалашах представлялось и больше соблазнов к тому. Им попала в руки одна женщина, захваченная в прелюбодеянии, и книжники не преминули воспользоваться этим случаем для законнического уловления ненавистного им Галилеянина. Обвинять ее в сущности не их было дело, а ее мужа, и она притом не могла быть подвергнута законному наказанию, кроме развода, если сам он не был человеком чистой жизни. В

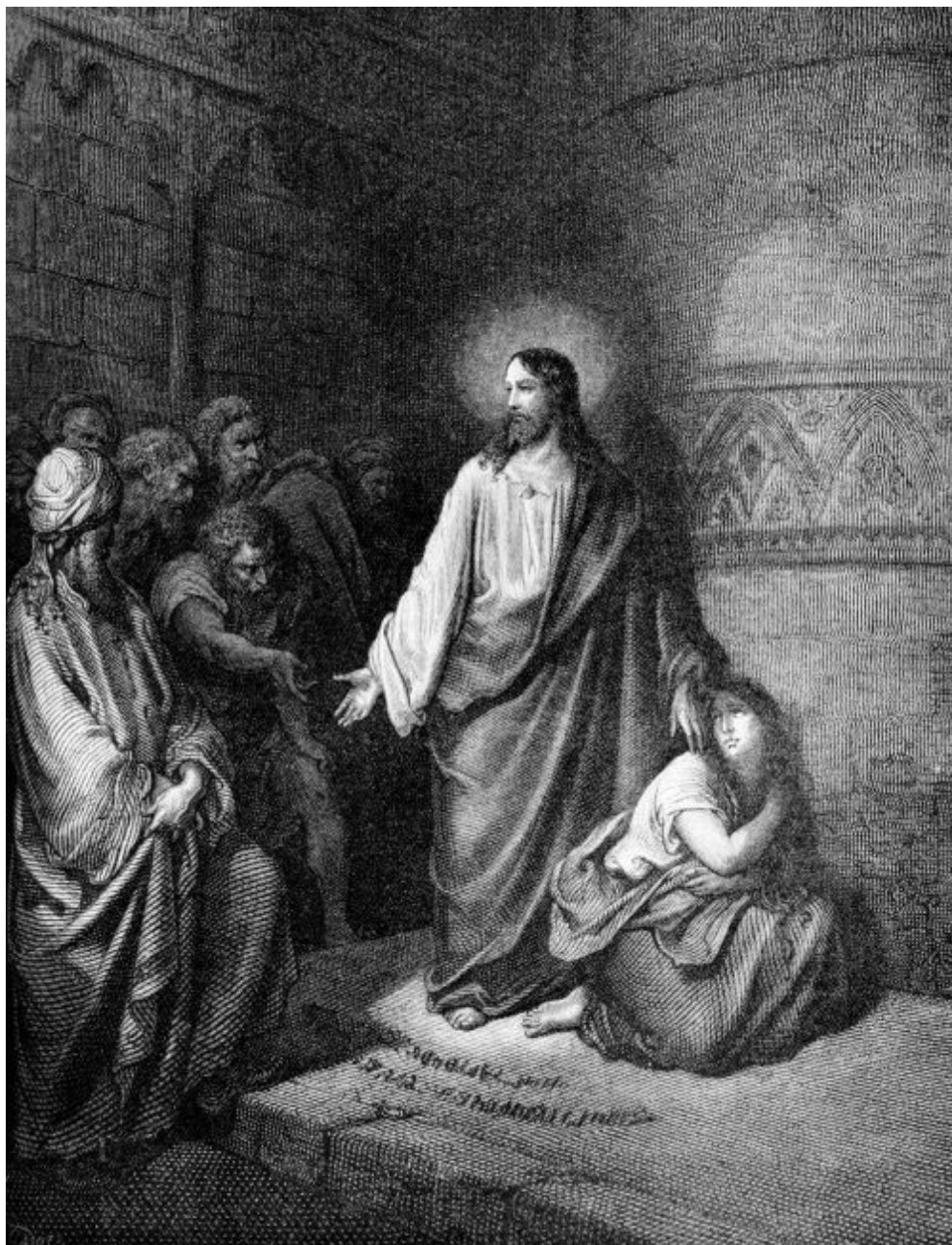
затруднительных случаях, однако же, у иудеев было в обычае советоваться с каким-либо знаменитым учителем, и этим-то именно обычаем и захотели они прикрыть свой коварный замысел. Если, думалось им, Иисус осудит ее и будет настаивать на побииении ее камнями, согласно закону (Лев 20:10; Втор 22:24), то это повредит Ему в глазах народа, так как закон этот давно уже перестал приводиться в действие, – вследствие именно слишком большой распространенности самого преступления. Если же, с другой стороны, Он отпустит ее, то они могут обвинить его в послаблении закона, так как формально он еще был обязателен. Осудить ее на смерть, кроме того, было бы с Его стороны посягательством на право, принадлежащее исключительно римскому правителю. Во всяком случае им думалось, что они поставят Его в безысходное положение. Нагло притащив к Нему жалкую, растрепанную блудницу, они сказали Ему: «Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии. А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь?» Спаситель видел их наглую коварность, услаждавшееся нравственным позором и бедствием ближнего, и Он устыдился за свой народ. Как бы не расслышав обращенного к Нему вопроса. Он склонился лицом вниз и молча писал пальцем на земле. Затем, успокоившись духом, Спаситель поднял свой задумчивый взор и кротко заметил наглым совопросникам: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Сказав это, Он потупился опять и продолжал писать на полу. Но этого было довольно. Хитро задуманное коварство разлетелось в прах. Христос, избегая законнических рассуждений касательно преступной женщины, привлек самих обвинителей на суд их собственной совести. И они не выдержали этого суда. Пробужденная совесть открыла перед ними их собственную преступность, которая лишала их всякого права осуждать ближнего. И вот они, смущенные и устыженные, один за другим молча удалились из храма, оставя женщину наедине с Христом. Преступница трепетно стояла перед своим божественным Судьей и не уходила, ожидая Его последнего решения. Устремив на нее свой бесконечно любящий взор, Спаситель спросил ее: «Женщина, где твои обвинители? Никто не осудил тебя?» – «Никто, Господи», – отвечала она. – «И Я не осуждаю тебя. Иди и вперед не греши», – дал Он свое бесконечно милосердное решение, доказывая им вместе с тем свое право по Божеству ставить милосердие выше обычного Закона.

Чтобы еще полнее показать свое божественное достоинство, Христос, продолжая проповеди, указал еще на другую сторону своего бытия, именно, что «Он свет миру». Эти торжественные слова, исходящие из уст смиренного галилеянина, могли означать только, что проповедник не простой человек, не простой галилейский учитель, как презрительно отзывались о Нем велеученые и высокомерные книжники Иерусалима, а истинный Бог, как источник всякого света истины. Когда иудеи возразили на это, говоря, что Он Сам восхваляет себя, не имея на то достаточных оснований, то Христос прямо указал им на то, что Он имеет за Себя еще божественного свидетеля на небесах, именно Отца Небесного, с которым Он одно; и затем заявил им, что они по своим грехам сделались неспособными понимать Его возвышенное учение и напрасно полагаются в спасении на свое происхождение от Авраама, которого они, однако же, отвергали своим противлением Христу. Если бы они были истинными сынами Авраама, то и поступали бы по его завету и отнюдь не враждовали бы против того, Кто был исполнением великого обетования отцу верующих. Авраам, отец их, не сделал бы так. Он, как отец верующих, «рад был увидеть день Мой, и увидел и возрадовался». Эти последние слова показались иудеям странными и богохульственными. Не поняв их действительного смысла, они удивленно говорили: «Тебе нет еще пятидесяти лет, и Ты видел Авраама?» На это Христос отвечал еще более торжественным откровением своего Божества, сказав: «Истинно, истинно говорю вам: *прежде* нежели был Авраам, Я *есмь*». В этих словах Он открыл им страшную тайну своего превечного бытия, своего предсуществования до вступления в храм смертного тела; но это великое и страшное откровение им о своем Божестве лишь еще более раздражило иудеев. Не вынося больше такой проповеди, они схватились за камни, чтобы побить Христа как богохульника. Но час Его еще не настал, и Он невредимо вышел из храма.

Эта кровавая вспышка иудеев не помешала Христу опять через некоторое время явиться в

Иерусалиме, и на этот раз Он доказал свое Божество новым поразительным чудом, повлекшим за собой весьма важные последствия.

Проходя мимо храма, Спаситель увидел человека, слепого от рождения, который жил милостыней от прохожих. Жалкое состояние этого слепца обратило на него внимание и учеников, которые даже занялись вопросом о том, кто, собственно, виноват в несчастье этого человека, сам ли он, или его родители. Спаситель ответил им, что слепота этого человека не есть следствие ни его собственных грехов, ни грехов его родителей; она даже не есть для него несчастье, а великая честь, так как ей предназначено послужить орудием проявления дел Божиих. Затем, еще раз заявляя Себя «светом миру», Спаситель «плюнул на землю, сделал брение из плюновения» и, помазав брением глаза слепому, велел ему идти умыться в купальне Силоам.

«Кто из вас без греха, первый брось в нее камень»

Слепец пошел, умылся – и прозрел. Исполненный необычайного восторга от столь чудесного дарования ему величайшего дара – зрения, бывший слепец, естественно, не молчал о

совершившемся над ним чуде. Да и сам он был очень хорошо известен в Иерусалиме как всем примелькавшийся слепой нищий, и теперь появление его зрячим произвело сильное смятение. Те, кто знали его хорошо, даже едва верили его собственному заявлению, что он именно тот слепой нищий, который так хорошо известен был им. Они терялись от изумления и по несколько раз заставляли его рассказывать историю своего исцеления. Но эта история прибавила к их изумлению и новое основание для фарисейского негодования, потому что и это исцеление совершено было также в субботу. Раввины запрещали вообще мазать брением в субботу даже один из своих глаз, кроме случаев смертельной опасности. Иисус же не только помазал оба глаза слепцу, но даже мешал слюну с пылью! Это дело милосердия находилось в глубочайшем внутреннем согласии с самыми основами установления субботы и теми нравственными уроками, постоянной провозвестницей которых она предназначалась быть. Но дух мертвой буквы и рабской мелочности в исполнении закона давно уже низвел субботу с высоты истинного ее назначения на степень пагубного суеверия. Иудеи так были пропитаны этой крайней мелочностью, что необычайное чудо милосердия пробуждало в них меньше изумления и благодарности, чем негодование за нарушение их суеверного почитания субботы. Вследствие этого со всей ревностью религиозного буквопоклонства они повели бывшего слепца на совещание к фарисеям. Тут последовала сцена, которую св. Иоанн рассказывает в девятой главе своего Евангелия с неподражаемой живописностью. Прежде всего шли расспросы, как было все дело, за которыми следовали уверения, что Иисус не может быть от Бога, потому что не соблюдает субботы; другие отвечали на это, что настаивать па нарушении субботы – значит допускать самое чудо, а допустить чудо – значит признать, что совершивший его не может быть преступником, каким старались представить Его первые. Затем, став совершенно в тупик, они спросили самого исцеленного, что он сам думает о своем благодетеле; а тот, не будучи посвящен в тайны их коварного замысла, с бесстрашной прямоотой ответил им, что, очевидно, «это – Пророк». Дело принимало весьма неприятный для них оборот. Нужно было во что бы то ни стало найти лазейку, которая дала бы им возможность отрицать или устранить чудо; они послали за родителями бывшего слепца. «Это ли сын ваш, о котором вы говорите, что родился слепым? Как же он теперь видит?» Быть может, они надеялись угрозами или подкупом заставить родителей отказаться от своего родства или признать здесь обман; но родители также держались простой правды и с обычным иудейским раболепством и хитростью отказались делать какие-либо выводы, которые могли бы подвергнуть их неприятным последствиям. «Мы знаем, – говорили они, – что это сын наш и что он родился слепым; а как теперь видит, не знаем. Сам в совершенных летах, самого спросите; пусть сам о себе скажет». Тогда фарисеи в страшном смущении, почти достойном сожаления, опять обратились к слепцу. Власть иудейские уже постановили произносить отлучение от синагоги всякому, кто осмелился бы признать Иисуса Мессией; поэтому фарисеи, видимо, надеялись, что допрашиваемый человек удовлетворится их советом воздать славу Богу, т. е. отвергнуть или не признать чудо и принять их решение, что Иисус – грешник. Но слепец был мужественнее своих родителей. Его нельзя было запугать властью или сбить пустыми уверениями. Он чувствовал себя совершенно свободно в напускной атмосфере их мнимой святости. «*Мы знаем*, – сказали фарисеи, – что человек тот грешник». – «Грешник ли Он, – отвечал бывший слепец, – *я не знаю; одно знаю*, что я был слеп, а теперь вижу». Затем они вновь начали свои утомительные и пустые перекрестные допросы. «Что сделал Он с тобою? как отверз твои очи?» Но тому уже наскучило все это. «Я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сделаться Его учениками?» Эта смелая речь окончательно вывела совопросников из терпения, и они начали поносить бывшего слепца, наделяя его всякими укорами: «Ты ученик Его; а мы Моисеевы ученики. Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; сего же не знаем, откуда Он». – «Это и удивительно, – отвечал тот, – что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает. От века не слыхано, чтобы кто (и даже сам великий Моисей) отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего». Как? простой нищий, невежественный еретик по природе, рожденный к тому же во грехах, смеет учить их? Не в силах более сдерживать взрыва своего негодования, они выгнали его из заседания и отлучили от синагоги. Но Христос

не оставил без духовной помощи своего мужественного исповедника и сделал ему великое откровение, озарившее светом и его душу. Встретив этого человека, Он спросил его: «Ты веруешь ли в Сына Божия?» – «А кто он, Господи, – отвечал тот, – чтобы мне веровать в Него?» – «И видел ты *Его*, и Он говорит с тобою». – «Верую, Господи!» – ответил он и поклонился Ему. И таким образом слепорожденный увидел не только свет вещественный, но и свет духовный, прозрев к вере в обетованного Мессию.

XXI

В Галилее и на пути в Иерусалим заиорданской страной. Притчи и чудеса

После праздника Кушей оставался промежуток в два месяца до другого торжественного иудейского праздника, имен но – Обновления храма, и Христос воспользовался этим промежуточным временем, чтобы еще раз побывать в родной Галилее и там среди родной природы и малого собрания верующих отдохнуть душой от пережитых треволнений. И пребывание Его там ознаменовалось целым рядом новых поразительных притчей и чудес. В притчах нельзя не заметить отголоска пережитых испытаний, так как в них по преимуществу изобличается излишняя привязанность к благам мира сего до забвения Бога и души и вместе с тем явно укоряется тот дух мертвого фарисейства, который ослеплял вождей иудейского народа до того, что они не в силах были понять, какого величайшего блага лишали они самих себя, отвергая в лице Христа обетованного Мессию.

Поводом к изобличению излишней привязанности к благам мира сего послужил один случай, когда во время проповеди Христа один из Его слушателей вдруг прервал Его речь и обратился к Нему с просьбой помочь ему в выгодном для него разделе имущества с несговорчивым братом. Такая неуместная просьба ясно показывала, до какой степени этот человек был жалким рабом мира сего, и чтобы показать ненадежность и суетность благ этого мира, Спаситель, отказавшись, конечно, от участия в улажении дела по вопросу о разделе наследства, сказал притчу о богаче, который, получив чрезвычайно большой урожай, не знал, что ему делать с этим богатством. Все, что он придумал, – это расширить свои житницы, чтобы тогда в грубом самодовольстве «многие годы» наслаждаться этим богатством. Но он забыл, что самая жизнь человеческая находится вполне в руке Божией, и так как он думал обосновать свое счастье исключительно на богатстве, то и прогремел ему грозный приговор Божий: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут от тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» – «Так бывает, – заключил божественный Проповедник, – со всяким, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет».

Продолжая развивать эту мысль, Христос увещевал своих слушателей не предаваться суете мира сего и более всего пеших о душе, которая больше тела. Тело есть низшая составная часть человека, одинаковая у него с низшими животными, и для удовлетворения ее потребностей нет надобности всецело отдаваться заботе о ней. В самой окружающей природе достаточно средств для его удовлетворения. Вот, например, вороны: «они ни сеют, ни жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их». Так неужели же люди не лучше птиц? То же самое и относительно одежды. «Посмотрите на лилии, как они растут; не трудятся, не прядут; но и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры!» Поэтому нечего особенно заботиться о пище и одежде. «Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам». И к этому Спаситель прибавил ободрительные слова: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам царство».

Но они должны готовиться к нему духовным бодрствованием и покаянием. «Будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, пришедши, найдет бодрствующими»; он наградит их и почтит их великим угощением, за которым сам с радостным радушием будет служить им. Но если рабы не ожидают его и он при неожиданном

возвращении найдет между ними полный беспорядок, несправедливость и раздоры, то виновные подвергнуты будут заслуженному наказанию.

Во время беседы Спасителя Ему рассказали об одном печальном событии, нередко повторявшемся в это тревожное время. Несколько пылких галилеян неумеренно заявили в Иерусалиме о своем патриотизме, и римский прокуратор Пилат, уже не раз испытывавший большие затруднения от подобных вспышек иудейского народа, подверг их жестокому наказанию: казнил бунтовщиков и кровь их смешал с кровью принесенных ими жертв. Этим печальным рассказом Христос воспользовался для того, чтобы повторить свое увещание к покаянию. Над злополучными галилеянами совершился суд Божий; но не надо думать, что они были какие-либо необычайные грешники. «Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все также погибнете». Не грешнее других были и те несчастные восемнадцать человек, которых задавила упавшая башня Силоамская. Судьба их также служит лишь предостережением для всех нас. Самое долготерпение Божие имеет свои пределы, и это Спаситель пояснил притчей о бесплодной смоковнице, которую господин порешил срубить как напрасно занимающую землю и только по просьбе виноградаря отложил свое решение еще на один год, чтобы тогда, в случае если она не принесет и опять плода при всем особенном уходе за нею, окончательно срубить ее. Под бесплодной смоковницей Христос ясно разумел иудейский народ. Своим неверием, как духовным бесплодством, он истощил долготерпение Божие, и топор лежал уже у корня его. Только заступничество божественного Виноградаря еще продлило на некоторое время долготерпение Божие, но так как и после этого народ остался бесплодным и неверующим, то и постиг его Страшный суд Божий – в разрушении Иерусалима и полной гибели его политического существования.

Проповедь эта, несомненно, производила сильное впечатление на народ, к великой досаде ученых фарисеев, которые по следам Спасителя явились и в Галилею, чтобы там строить свои обычные козни. На этот раз они сделали попытку прервать проповедь Христа сообщением об угрожающей Ему опасности со стороны Ирода, который будто бы искал убить Его. Но сообщение это не могло утратить божественного Проповедника, и Он велел им передать и самому Ироду, этой жалкой лисице на призрачном троне, что не пришел еще час Его и этот час настанет не здесь в Галилее, а там, где уже погибло столько пророков. «Не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима».

Согласно с своим заявлением Христос еще несколько времени продолжал свою деятельность в Галилее и, между прочим, совершил два чуда: исцеление скорченной женщины, страдавшей восемнадцать лет, и больного водянкой. Исцеления эти, как совершенные в субботу, опять вызвали ропот среди фарисеев, но вместе послужили и новым поводом для Спасителя выяснить истинное назначение субботы, духу которой отнюдь не противоречит делание добра другим. Если эти мелочные законники не задумываются делать по субботам добро даже животным, когда они вытаскивают, например, осла или вола из колодца, то тем более позволительно делать добро нашим ближним. Доводы эти устыдили присутствующих, и они молчали. Последнее чудо совершено было в доме одного из фарисейских начальников, который пригласил Иисуса Христа «вкусить хлеба», имея при этом, конечно, главную цель – «наблюдать за Ним». Но наблюдение самого Спасителя за ними было более проницательным, чем их наблюдение за Ним. Между прочим, Христос заметил, как званые на эту вечерю с обычным мелочным честолюбием наперерыв друг перед другом занимали первые и наиболее почетные места за столом. В противоположность этому Спаситель предложил более мудрое и лучшее правило общественной скромности, заключавшее в себе вместе с тем глубочайший урок духовного смирения. Подобно тому, как в земном обществе назойливый, надменный, самообольщенный человек должен быть всегда готов к сильному отпору и часто принужден бывает уступить место скромной заслуге, так и в небесном мире «всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится».

Затем Христос не упустил из внимания и слабой стороны в характере самого хозяина дома.

Вечерю он устроил отнюдь не из каких-либо возвышенных целей, а просто из тщеславного желания показать свое богатство и свою мнимую щедрость, явно, однако же, выдающую надежду на отплату со стороны гостей тем же. Такое гостеприимство не имеет никакого нравственного значения. Доброту, оказанную бедным, ожидает более богатое возмездие, чем льстивое угощение друзей и богатых. Принимая друзей и родственников, не надо забывать беспомощных и страждущих. Расчетливая благотворительность есть не что иное, как замаскированное себялюбие. Богатый фарисей приобрел бы гораздо более надежное и нерушимое благословение, если бы пригласил остаться у себя несчастного, страдавшего водянкой, если бы бедняки, смотревшие на его пир, были бы также в числе его гостей.

В этом месте один из гостей, думая, быть может, что такое наставление было неприятно и сурово, вставил замечание, которое при данных обстоятельствах едва возвышалось над уровнем двусмысленной и плоской остроты (Лк 14:15–24). «Блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием», – воскликнул он, как бы желая этим безличным замечанием загладить неприятность впечатления. Вместо того чтобы воспользоваться этим божественным назиданием, он, по-видимому, был бы более доволен, если б весь этот вопрос был отложен в долгий ящик для отдаленного будущего, как будто он был совершенно уверен в том блаженстве, о котором, очевидно, имел самое смутное и грубое представление.

Но Спаситель обратил его пустое замечание в новый случай для достопамятного поучения. Он сказал притчу с целью показать им, что «вкушение хлеба в Царстве Небесном» требует условий, которых не захотели бы принять именно те, кто были в такой полной уверенности касательно вкушения его. «Один человек, – сказал Он, – разослал множество приглашений на большой пир; но когда наступило время ужина, то все отказались. Один занят был своим хозяйством, и ему нужно было пойти и посмотреть вновь купленный участок земли. Другой только что купил пару волов и считал необходимым испытать их. Третий только что женился и настолько был занят своим семейным делом, что о прибытии его не могло быть речи. Тогда хозяин, разгневанный на этих непочтительных и неотзывчивых гостей, велел своим рабам немедленно идти по улицам и переулкам и звать всех нищих, увечных, хромых, слепых; когда это было исполнено и еще оставалось место, он послал своих рабов созывать даже бесприютных странников по изгородям и дорогам». Нравственное приложение притчи было очевидно для всех присутствующих. Преданное миру сердце, поглощенное хозяйственными ли хлопотами, накоплением богатства или просто чувственностью самодовольной жизни, несовместимо с истинным стремлением к пиршеству в Царстве Небесном. Язычники и парии, блудницы и мытари, придорожные рабочие и уличные нищие там могут оказаться скорее, чем книжники с своей кичливой ученостью и фарисеи с своей показной набожностью. «Ибо сказываю вам, – прибавил Спаситель от своего собственного лица, – чтобы ближе приложить к ним это нравоучение, – что никто из тех званых не вкусит Моего ужина». И так «много званых, но мало избранных».

Притча эта была живописным изображением деятельности Самого Христа. На пир своего благовестия Он призывал всех, но большинство званых, тех именно, к которым Он прежде всего обратился с благовестием, отказались от Него, будучи поглощены обольстившей их суетой. Главнейшие вожди народа и высшие классы вообще, как теперь становилось очевидным, окончательно отказались принять благовестие. Зато на него с полной искренностью откликнулись все те страждущие и обремененные, все нищие, увечные и хромые, все мытари и грешники, которые, как обездоленные в мире сем, легче открывали дверь своего сердца для нового благовестия, возвещавшего им царство в ином лучшем мире. Когда книжники и фарисеи окончательно стали во враждебное отношение ко Христу, то Он остался в обществе этих именно мытарей и грешников, которые толпой собирались вокруг своего божественного Утешителя. Для гордых книжников и фарисеев такое сообщество Его казалось особенно унижительным и зазорным для пророка, и они громко роптали между собой, говоря: «Он принимает грешников и ест с ними». Низшие классы иудейского народа в это время находились в тяжелом положении. Междоусобные войны и римское нашествие наполнили

страну развалинами и пепелищами. Ироды, правда, старались восстановить разрушенные города и отличались страстью к постройкам, но этим они тешили лишь свое честолюбие, а для народа это влекло за собой лишь новые налоги, еще более обременявшие его и втягивавшие в неоплатные долги. Недаром в притчах Христа так часто берутся примеры неоплатных должников. Их много было в действительной жизни. Этому способствовала еще римская система сбора податей посредством компаний откупщиков, которые через своих сборщиков, или мытарей, высасывали последние соки из народа. Бедственность экономического положения простого народа усиливалась еще оттого, что высшие классы отнюдь не заботились об улучшении участи своих меньших братьев, а напротив, относились к ним с полным презрением. Те самые книжники и фарисеи, которые считали себя ревнителями религии и закона, с бессердечной холодностью смотрели на бедствовавшую массу своего народа, и презрительное отношение к ним возводило даже в особое правило закона. Потому-то когда Спаситель стал обращаться с своим благовестием по преимуществу к этой заброшенной и задавленной массе, то молва о Нем быстро разнеслась по всей стране и из разных притонов бедственности и нищеты к Нему собирались все эти труждающиеся и обремененные, которые доселе в своих высокомерных вождах не встречали ни любви, ни привета. Но Спаситель свою любовь не ограничивал и этим; Он простирал ее и на тех, кто были полным отребьем мира сего, именно грешников и мытарей, самое соприкосновение с которыми было для набожных фарисеев и строгих законников своего рода осквернением, требовавшим бесчисленных омовений. К невыразимому ужасу этих бездушных законников, Христос «принимал грешников и ел с ними!» Неудивительно, что они начали роптать на Него за это вопиющее, на их взгляд, нарушение общественного приличия; но когда ропот их дошел до слуха Господа, то Он преподал им высоконазидательный в этом отношении урок – в ряде поразительных притчей. «Кто из вас, – сказал Он, – имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девять в пустыне и не пойдет за пропавшей, пока не найдет ее? А нашедши, возложит ее на плечи свои с радостью; и пришедши домой, созовет друзей и соседей и скажет: порадуйтесь со мною; я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста праведниках, не имеющих нужды в спасении».

Примером женщины, радующейся находке потерянной драхмы, Спаситель еще подтвердил ту же мысль, добавив, что «так бывает радость у ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся». Но с особенной живописностью бесконечное милосердие Божие к кающимся грешникам изображено было в знаменитой притче о *блудном сыне*. В ней младший сын богатого отца прежде времени захотел воспользоваться независимостью и, взяв от отца следуемую часть имущества, удалился в чужую страну. Там он своей роскошной и преступной жизнью быстро промотал свое богатство и стал терпеть даже голод, для удовлетворения которого вынужден был наняться в пастухи свиней, т. е. занять самое унижительное положение, до какого только мог пасть иудей! Ему приходилось и питаться вместе с свиньями, теми именно плодами рожкового дерева, которыми на Востоке откармливают свиней, а по временам в крайней нужде питаются и бедные люди. Безмолвное пребывание в обществе этих грязных животных дало злополучному юноше возможность перебрать в своей душе все события своей безумно погубленной молодой жизни. Ему припомнился и родной отцовский дом, где он некогда был окружен любовью, довольством и почетом со стороны многочисленных слуг. Сам он теперь тоже слуга, но слуга голодный, униженный и отверженный всеми, а между тем в доме отца его и самые слуги пользуются довольством и сносным человеческим положением. И он с завистью вспомнил этих слуг. Как бы он рад был теперь занять в своем родном доме – уж не положение наследника-сына (о чем он не смел и мечтать), а хоть положение одного из наемных рабочих! Ему страшно было предстать теперь пред лицо своего некогда любящего отца, которого он так глубоко оскорбил своим безумным поступком; но голод и бедствие восторжествовали в душевной борьбе, и он решил возвратиться к отцу и чистосердечно раскаяться во всем. И вот он голодный, грязный и оборванный «встал и пошел к отцу своему». Вот уже окрестности родной страны; но каждый знакомый холм и источник служили для него страшным укором, и тем более он должен был страшиться и стыдиться знакомых людей,

которые могли увидеть его теперь в этом бедственном и жалком положении. Что же скажут отец и брат? Но отцовское сердце уже почувствовало приближение злополучного юноши. И когда он был еще далеко, увидел его отец его, и сжалился; и побежав, пал ему на шею, и целовал его. Сын же сказал ему: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже не достоин называться сыном твоим». Он хотел добавить уже заранее приготовленную просьбу: «Прими меня в число наемников твоих», но отец не дал договорить ему этого. Он тотчас же приказал принести лучшую одежду, одеть его, обуть и украсить перстнем; затем велел убить откормленного теленка для семейного пира и веселился с своими домашними о сыне, который для него «был мертв и ожил; пропадал и нашелся». Но вот пришел старший сын, который, приблизившись к дому, крайне удивился, заслышав в нем пение и ликование. Узнав, в чем дело, он не только не обрадовался возвращению своего младшего, без вести пропадавшего брата, но крайне осердился и не хотел войти в дом, чтобы принять участие в веселье, упрекая вместе с тем своего отца за то, что он с такой щедростью отнесся к своему распутному сыну, который теперь возвратился лишь потому, что ему нечем было жить больше, и в то же время никогда не давал даже и козленка ему, старшему брату, который в поте лица работал на него. На этот бессердечный укор своего старшего сына любящий отец восторженно воскликнул: «Сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое. А о том надо было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся». Спаситель не сообщил, как поступил этот бессердечный брат; слушавшие Его фарисеи должны были решить этот вопрос собственным поведением по отношению к отчаявшимся грешникам и вместе должны были понять всю нравоучительную силу притчи, которая с такой неотразимой силой изобличала их собственное бессердечие.

Подобные поучения притчами Спаситель предлагал во все время этого своего последнего пребывания в Галилее. При другом случае, беседуя собственно с учениками, Он рассказал им притчу о несправедливом домоправителе, который расточал имущество господина и, услышав о грозившей ему отставке, входил с должниками господина в особые сделки, уменьшая на их расписках сумму их долгов, чтобы впоследствии в случае нужды найти в них друзей себе. Этот поступок изобличил в нем особенную сметливость в распоряжении имуществом, и Спаситель, исходя из этого примера, увещевал своих слушателей распоряжаться и вообще своим имуществом так, чтобы в случае обнищания иметь друзей, которые бы приняли их в вечные обители. Друзьями этими, конечно, могут быть только те нищие и убогие, милостыня которым и может дать право на вступление в вечные обители.

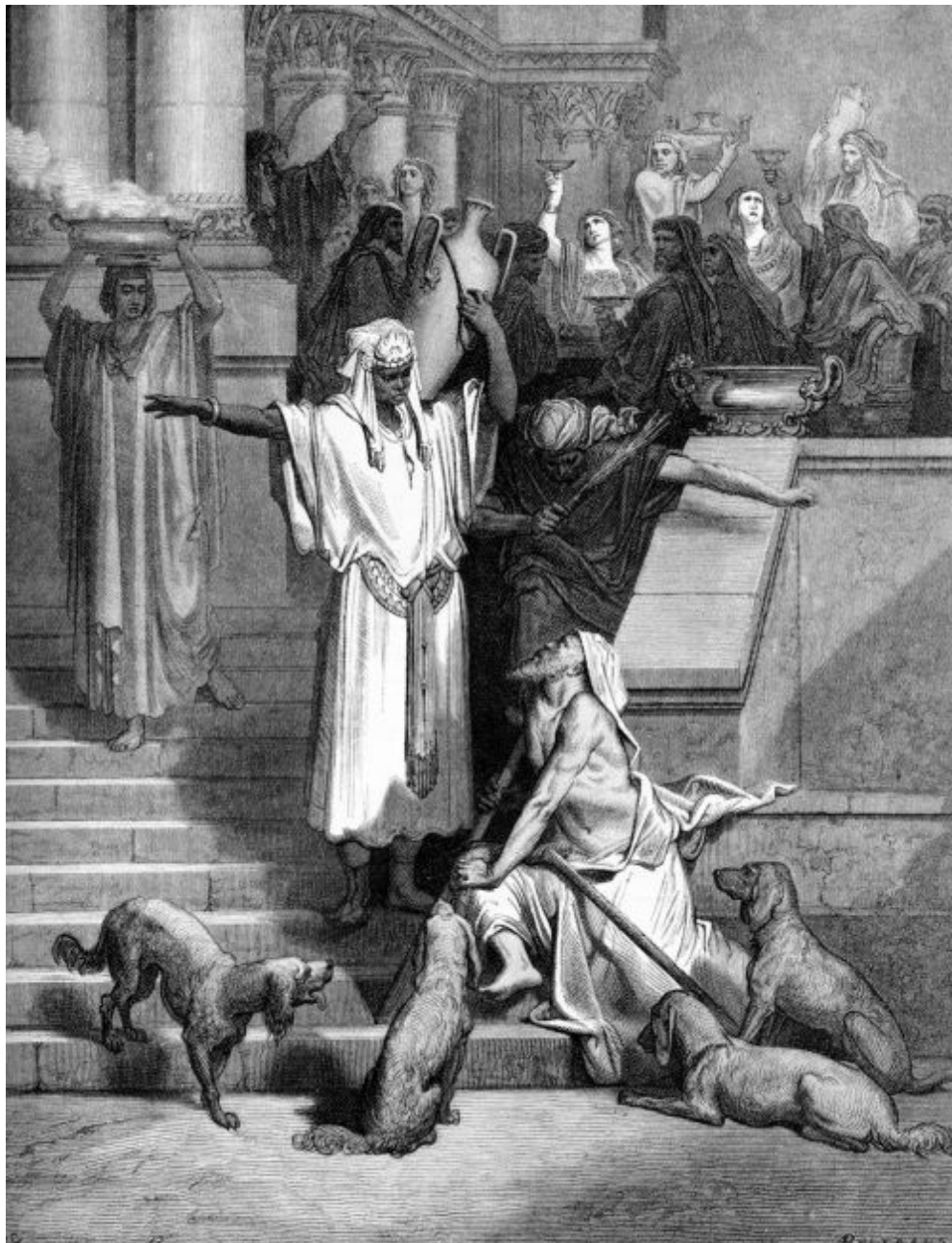
Притчу эту слышали и фарисеи, и так как они были крайне сребролюбивы, то такое поучение Спасителя показалось им чрезвычайно смешным, особенно заключительные слова поучения, что нельзя служить двум господам – Богу и мамоне. Фарисеи именно служили двум господам и считали себя такими великими праведниками, что для них давно уже уготованы были самые первые и почетные места в Царстве Небесном. Чтобы показать им их жалкое заблуждение, Спаситель сказал притчу о богатом и Лазаре. В ней Он перед изумленными фарисеями раскрывал страшную для них истину, что Бог иначе судит людей, чем земные книжники и законники, и тот, кто здесь наслаждался всеми благами мира, там, в загробной жизни, должен был за свое бессердечие переносить ужасные, но заслуженные страдания и видеть, как несчастный Лазарь, которому он не хотел оказать никакой милостыни и предоставлял лишь своим собакам лизать ему его гнилые раны, покоился в блаженном лоне Авраамовом. Такой судьбы фарисеи могут избежать только исполнением того, что заповедовали закон и пророки. К несчастью, они в своей мнимой праведности были полные практические неверы, и убедить их в истине сказанного едва ли мог даже Лазарь, если бы он, по просьбе несчастного богача, послан был обратно на землю с проповедью о покаянии и загробной жизни.

Между тем настало время опять идти в Иерусалим, и Спаситель, не прекращая своей учительной и благотворительной деятельности, стал понемногу подвигаться на юг и направился в заиорданскую область, чтобы там воспользоваться более спокойным путем. Но горе человеческое искало Его благодетельной помощи и на этом пути. На границе между

Галилеей и Самарией, при входе в одно селение до Него донесся глухой, хриплый, жалобный вопль. Он взглянул и увидел десять человек прокаженных, соединенных в одно общество своим ужасным недугом. Они остановились вдаль, потому что не смели приблизиться, так как приближение их влекло за собой осквернение, и они обязаны были предостерегать всех приближавшихся к ним раздирающим душу криком: «тамГ©, тамГ©» – «нечист, нечист!». Проказа – это, так сказать, живая смерть, представляла самый ужасный образ страдания и бедствия, разлагала и портила самые источники живительной крови в человеке, обезображивала лицо, делала омерзительным самое прикосновение, медленно заражала и покрывала все тело язвами болезни, более ужасной, чем смерть сама, – и пораженные ею всегда возбуждали в сердце Спасителя глубокое и живое сострадание. Но никогда она не возбуждала в Нем более живого участия, чем теперь. Едва услышав их вопль: «Иисус Наставник! помилуй нас!» – Он тотчас же, даже не дожидаясь приближения к ним, громко сказал им: «Пойдите, покажитесь священникам!» Они понимали значение этого повеления: они знали, что Он повелевал им идти и просить у священников признания их исцеленными, удостоверения в восстановлении им всех прав и преимуществ общественной жизни (Лев 13:2; 14:2). Уже при звуке этого чудодейственного голоса они почувствовали в себе поток здоровой жизни, восстановление силы, очищение крови, заструившейся в их жилах, «и когда они шли, очистились». Они получили величайший и драгоценнейший дар, но велика бездна человеческой неблагодарности! Исцеленные и не подумали возвратиться к своему божественному Врачу, чтобы воздать Ему должное благодарение. К стыду их, возвратился только один из них, именно самарянин, который «громким голосом прославляя Бога, пал ниц к ногам Его, благодаря Его». Как ни привычно было сердце Христа ко всякой неблагодарности, но и оно было возмущено столь вопиющим, столь бесстыдным и столь чудовищным примером ее. «Не десять ли очистились, – спросил Он с грустной удивленностью, – где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника?» Но если так черна и позорна была неблагодарность остальных девяти, то в сравнении с ней тем дороже была благодарность этого самарянина. И Спаситель не оставил ее без вознаграждения. Исцелив его тело, Он исцелил и его душу, любвеобильно сказав ему: «Встань, иди; вера твоя спасла тебя!»

К этому времени относится возвращение с проповеди семидесяти учеников. Они передавали Ему с радостью о том успехе, которым сопровождалась их проповедь. Силой имени Христова они могли даже изгонять бесов. По этому поводу Спаситель преподавал им поучение, что добро бесконечно могущественнее зла и что победа над сатаной, спавшим с неба как молния, одержана и будет продолжаться вовеки. Над всеми силами зла Он давал им власть и победу, и слово Его обетования должно было служить для них защитой от всякого источника вреда. Они будут наступать на аспидов и василисков, попирающих львов и драконов; за то, что Он возлюбил их, Он избавит их; Он защитит их, потому что они познали имя Его. Но у них есть еще более возвышенный, более духовный источник радости, именно, что имена их написаны в книге жизни и вовеки не изгладятся из нее.

Эта простая вера и безграничная надежда учеников наполнила сердце Иисуса радостью; но Он радовался духом также и потому, что хотя и был отвергнут и презираем книжниками и фарисеями, но Его любили и боготворили мытари и грешники. Бедные, которым Он благовествовал, слепые, зрение которым Он открывал, больные, которых Он исцелял, погибшие, которых Он взыскивал и спасал, – все они с искренней и восторженной благодарностью теснились около своего доброго Пастыря и великого врача. Всем труждающимся и обремененным Он во всевозможных видах давал надежду и благословение.

Лазарь и богач

В притче о докучливой вдове Он поучал их долгу веры и показал, что на неотступную, усердную молитву непременно последует ответ (Лк 18:1–8). В притче о надменном, самодовольном своим почетом, своим постом и своей милостыней фарисее, который приходил в храм только похвалиться перед Богом и потому уходил всегда менее оправданным, чем грешный мытарь, который с опущенными глазами, ударяя себя в грудь, только и повторял вопль о милосердии Божиим, – Христос поучал, что Бог больше любит кающееся смирение, чем простое внешнее служение, и что сердце смиренное и дух сокрушенный – вот жертвы, которых не презрит Он и которые наиболее благоугодны Ему.

XXII

В Иерусалиме. Свидетельство Иисуса Христа в праздник Обновления храма о своем единосущии с Богом Отцом

Наступила зима с ее дождями и сырыми холодными ветрами, и в конце месяца Кислева у иудеев был новый великий праздник, именно праздник Обновления храма – в память того

радостного для народа события, когда храм обновлен был Иудой Маккавеем после страшного осквернения его безумным бесчинством Антиоха Епифана. Подобно Пасхе и празднику Кущей он праздновался целую неделю и сопровождался большими торжествами, возвышавшимися еще от обычая зажигать огни, вследствие чего и сам праздник иногда назывался праздником огней. Спаситель опять нашел возможным побывать в Иерусалиме на этом празднике, чтобы среди собравшегося народа еще раз провозгласить о своем Мессианском достоинстве. И Он провозгласил об этом при весьма замечательных обстоятельствах. Народу к празднику собралось в Иерусалим по обычаю много, но торжество в значительной степени испорчено было сырой и холодной погодой, так что праздничная толпа должна была искать убежища от дождя под кровом обширной колоннады так называемого Соломонова притвора, т. е. той части храма, которая уцелела от разгрома его Навуходоносором и в своем обновленном и украшенном для праздника виде служила лучшим памятником былой славы народа. Тут среди народа оказался и Христос, и Он не мог укрыться от зорких глаз фарисейской партии. За время отсутствия Христа эта партия должна была немало позадуматься над вопросом о том, кто же такой в самом деле этот галилеянин, который учит с такой божественной мудростью, что с Ним не могли равняться и величайшие учителя раввинских школ, и вместе с тем совершал чудеса, отрицать которые можно было только с явной преднамеренностью не признавать ничего чудесного. Простой народ называет Его пророком и даже Мессией; но странно, что Он Сам не провозглашает Себя Мессией и отнюдь не думает выступить в качестве того грозного завоевателя, мысль о котором уже несколько веков лелеялась в умах не только простого, исстрадавшегося от политического унижения народа, но и его вождей, в которых давно затемнилось истинное понятие о Мессии. Нужно же наконец разъяснить дело, и фарисеи попытались сделать это именно в настоящий праздник. И вот они приступили к Нему с решительным вопросом: «Долго ли Тебе держать нас в недоумении! Если Ты Христос, скажи нам прямо».

Это был знаменательный вопрос, показывавший, что наконец и фарисеи не могли более отрицать Его необычайного учения и великих дел. Но Христос провидел их затаенные мысли. Им отнюдь не нужен был Мессия в Его истинном, духовном достоинстве, так как Он при теперешнем состоянии этих мнимых праведников был бы только грозным обличением для них; а нужен был политический Мессия, который бы низверг ненавистных римлян и их ставленников Иродов, завоевал весь мир и поставил этих самых фарисеев и книжников властелинами народов. Страстно желая видеть в Иисусе земного национального Мессию, они с ненавистью отвергали в Нем Сына Божия, Спасителя мира. Что Он был Мессия в более возвышенном и духовном смысле, чем как мечтали они, это часто высказывал Он в ясных словах; но Мессией в том смысле, в каком желательно было им, Он не был и не хотел быть. Поэтому Он, чтобы не ввести их в заблуждение, и не говорит им: «Я ваш Мессия», а только ссылается на то неоднократно высказывавшееся учение, которое доказывало, как ясно Его право на это достоинство, и на дела, которые свидетельствовали о Нем (Ин 5 и 8). Если бы они были овцами Его стада, – и при этом Он припомнил им ту беседу, которую Он преподавал им раньше, во время праздника Кущей, – то они послушали бы Его голоса, и Он дал бы им жизнь вечную и они не погибли бы под Его защитой, потому что никто бы тогда не мог похитить их из руки Отца Его. «Я и Отец одно», – торжественно прибавил Он.

Значение этих слов было ясно. В них Он объявлял Себя не только Мессией, но и Богом. Фарисеи, несомненно, поняли это, и в глубине своего сердца, насколько в нем оставалось чувства правды, не могли не признавать истины этих слов на основании всего совершенного Христом. Но это разрушало их земные мечты, а земные выгоды были для них важнее всего, важнее самой истины, и как жалкие рабы мира сего они не могли снести такого возвышенного свидетельства и опять, как и на праздник Кущей, яростно схватились за камни, которых было много около неоконченных построек храма. Если бы уже настал час Его, то Ему не избежать бы мучительной смерти, которой подвергся впоследствии Его первомученик Стефан. Но Его невозмутимое величие обезоружило их. «Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего, –

сказал Он, – за которое из них хотите побить Меня камнями?» – «Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, – отвечали они, – но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом». В оправдание Себя Спаситель сослался на Св. Писание, где даже вообще богопросвещенные люди называются «богами» (Пс 81:6), а тем более имеет право называться «Сыном Божиим» тот, который доказал своим учением и своими делами право на такое название. На свою жизнь и свои дела Он сослался как на неопровержимое доказательство своего единства с Отцом. Если Его безгрешность и Его чудеса не были доказательством того, что Он не мог быть дерзким богохульником, в качестве которого они хотели побить Его, то какое еще доказательство можно представить им? Не долженствовало ли это быть для них знамением того, что Тот, который пришел исполнить закон и возвестить вместо его другой более возвышенный закон, – Тот, о ком свидетельствовали все пророки, кому Иоанн приготавливал путь, кто говорил так, как никогда не говорил человек, кто совершал дела, каких не делал никто с Сотворения мира, кто подтверждал все свои слова и придавал значение всем своим делам беспорочной красотой безусловно безгрешной жизни, – Тот действительно говорил истину, когда сказал, что Он одно с Отцом и что Он – Сын Божий?

Доказательство было неотразимое, они не смели побить Его камнями; но так как Он был среди них один и незащищен, то они попытались схватить Его. Но и этого не могли. Вид Его устранил их. Они расступились перед Ним и с пылающими от ненависти лицами смотрели на Него, как Он удалялся из среды их. После этого стало еще яснее, что продолжать учение среди них невозможно. Они не могли подняться до Его понятия о Мессии, как и Он не мог снизить до их понятия. Оставаться между ними значило только напрасно подвергать свою жизнь постоянной опасности. Иудея поэтому была закрыта для Него, как закрыта была для Него (после известного посягательства Ирода) и Галилея. Во всей родной земле для Него оставалась только одна область, где Он еще мог быть безопасен, именно Перея, область заиорданская. Поэтому Он опять удалился в заиорданскую страну и там остановился на некоторое время, чтобы еще раз отдохнуть душой перед предстоявшим Ему величайшим подвигом.

XXIII

В заиорданской стране. Благословение детей. Богатый юноша. Притча о равной плате работникам в винограднике. Известие о болезни Лазаря и отшествие Христа в Иудею

Во время пребывания в Перее Спаситель по обычаю занимался делами благотворения, поучал народ и беседовал с своими учениками. Он уже не раз бывал в этой области, и народ знал Его как любвеобильного Учителя и Пророка, не только слово, но и благословение которого принималось с благоговением. Бесконечная любвеобильность Его, столь непохожая на холодную презрительность гордых фарисеев и книжников, привлекала к Нему и женщин-матерей, которые считали особенным счастьем для себя получить От Него благословение для своих малюток. У иудейских матерей и вообще был обычай подносить детей к раввинам для благословения, но к Спасителю они подходили с особенной охотой, в полной уверенности, что Он не отвергнет их. Спаситель чрезвычайно любил детей, видя в них образец невинности и чистоты и надежду будущего. При одном случае матери с особенной настойчивостью и в большом числе подносили к Нему своих детей. Апостолы, думая, что это затрудняло Его в деле высшего служения, перестали было допускать матерей с детьми, но Спаситель тотчас же остановил их неуместную ревность, сказав им: «Пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть Царство Небесное». И затем, обнимая детей и возлагая на них свои божественные руки, Спаситель поучал учеников и народ, что «кто не примет Царствия Божия как дитя», т. е. со всей невинностью и бескорыстностью, «тот не войдет в него». По примеру Спасителя и основанная Им церковь стала принимать детей в свое лоно через крещение, не отлагая этого до их возмужалости.

Пробыв в Перее несколько времени, Спаситель опять повернул на юг, чтобы в последний раз идти в Иерусалим. Он таким образом навсегда оставлял эту область, и все спешили воспользоваться Его духовными советами для жизни. Между прочим, к Нему подбежал весьма

знатный и богатый юноша и, падая перед Ним на колени, воскликнул: «Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Укорив его за некоторую напыщенность и льстивость титула, избличавшую в нем отсутствие сердечной простоты, Спаситель сказал ему, что для этого требуется соблюдать заповеди. Юноша, видимо, ожидал какого-либо нового и необычайного указания со стороны такого великого Учителя и спросил Его: какие заповеди? Когда Христос перечислил ему главнейшие заповеди десятисловия и Моисеева закона, с особым указанием на заповедь любить ближнего как самого себя, то юноша в изумлении заметил, что он все это соблюдал от юности своей и ему хотелось бы еще сделать что-нибудь кроме этого. Спаситель полюбил его за это желание подвига, но в то же время видел излишнюю самонадеянность этого человека и, чтобы избличить его перед самим собой, сделал ему высокое предложение. «Если хочешь быть совершенным, – сказал Он юноше, – пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною». Это предложение сразу разбило всю его самонадеянность. Он был раб своего богатства и не имел сил расстаться с ним. «Услышав слово сие, юноша отошел с печалию; потому что, – замечает евангелист, – у него было большое богатство».

Христос же извлек из этого случая предмет нового поучения для своих слушателей, сказав им, как трудно богатому человеку войти в Царствие Божие. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому (всецело преданному своему богатству как источнику благ мира сего) войти в Царство Божие». Так как мало таких богачей, которые бы не были привязаны к своему богатству, то, услышав это, ученики содрогнулись от этой мысли и невольно воскликнули: «Так кто же может спастись?» Как и все иудеи, они привыкли смотреть на богатство, как на особое благословение Божие, и притом тайно продолжали лелеять в себе мысль о земном царстве Мессии, в котором им должна выпасть наилучшая доля. Если же так, то что же станет с ними? «Вот, – заметил Петр, – мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?» Тогда Христос, утешая их, открыл им их славную будущность. «Истинно говорю вам, – сказал Он, – что вы, последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын человеческий на престоле Славы своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых». Но чтобы это великое обетование не пробудило в них чувства гордости, Спаситель тут же прибавил, что они не должны придавать особенно большого значения своему первенству в последовании за Христом, потому что в Царстве Небесном своя особая оценка, так что «многие первые будут последними и последние первыми».

Чтобы еще полнее и нагляднее разъяснить эту мысль, Христос рассказал им притчу о плате работникам в винограднике. Хозяин виноградника нанимал рабочих в три приема, так что первые, нанятые им, работали целый день, вторые несколько часов и третьи всего один час. Первых он нанял по динарию в день, а остальным, как стоявшим праздно на рынке, предложил работать без определенного условия, обещая только должным образом вознаградить их. При расчете вечером хозяин велел своему управителю рассчитаться с рабочими и начать расчет с нанятых последними. Так как они пошли на работу по первому приглашению, с полным доверием к хозяину, и, видимо, усердием старались наверстать за краткость времени, то хозяин велел рассчитать их по динарию как за целый рабочий день. Такая щедрость хозяина пробудила в других рабочих надежду, что он сообразно с их более продолжительной работой рассчитает их в большем размере, т. е. заплатит им больше условленного динария. Но когда хозяин их рассчитал также по динарию на человека, то они подняли ропот и упрекали его за то, что он сравнивал их с последними, которые работали лишь один час, между тем как они переносили зной и тягость целого дня. Но этот ропот обнаружил в них неверность принятому ими на себя обязательству и неосновательный расчет на получение большего сравнительно с тем, на что они шли, и такое недовольство встретило справедливый укор со стороны хозяина, который сказал одному из недовольных: «Друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе. Разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?» Таким образом, и награда в Царстве Небесном будет зависеть не от первенства по времени

призвания и не от продолжительности пребывания в этом призвании, а от степени верности долгу, усердия в труде и премудрой благодати Божией, оценивающей людей не столько по внешнему труду, сколько по внутреннему существу. Потому-то опять добавил Христос: «будут последние первыми и первые последними».

Эти прощальные беседы относятся, видимо, уже к последним дням пребывания Христа в Перее, и когда Он приближался к границе Иудеи, то получил из Вифании печальное известие, что тот, кого Он любил, «был опасно болен». С этой вестью прислали к Нему нарочитого посланного сестры Лазаря, которые, не видя надежды на выздоровление своего возлюбленного брата, просили Христа, чтобы Он возможно скорее прибыл к ним и своим божественным участием помог им как-нибудь в постигшем горе. Просьба была настойчивая, но Христос не сразу пошел в путь. Занятый своим великим делом духовного просвещения людей, Он послал только известие, что «эта болезнь не к смерти, а к славе Божией», и пробыл в Перее еще два дня. Только уже по прошествии их Он сказал своим ученикам: «Пойдемте опять в Иудею».

Ученики напомнили Ему, как недавно иудеи хотели побить Его камнями, и спрашивали, как же Он опять хочет идти туда; но Он отвечал, что в течение двенадцати часов своего трудового дня Он может ходить безопасно, потому что свет Его долга, составлявшего волю Отца небесного, предохранял Его от опасности. И затем Он сказал им, что Лазарь уснул и что Он идет теперь пробудить его. Трое по крайней мере из них должны были помнить, как при другом известном случае Спаситель говорил о смерти как сне; но или это говорили другие, или же они были слишком несообразительны, чтобы вспомнить об этом. Так как они поняли Его слова в смысле простого естественного сна, то Он должен был прямо сказать им, что Лазарь умер и что Он радовался этому ради них, чтобы они уверовали, потому что теперь Он идет воскресить его к жизни. «Пойдем и мы, – сказал и апостол Фома, вообще мало доверявший возможности воскрешения из мертвых, – умрем с ним», как бы говоря этим: все это предприятие бесполезно и опасно, а все-таки пойдем. И они двинулись в путь.

XXIV

В Иудее. Воскрешение Лазаря. Определение синедриона против Иисуса Христа. Предвозвещение о смерти на кресте. Просьба Саломии. Исцеление в Иерихоне слепцов и обращение Закхея. Помазание ног Иисуса Христа миром на вечери в Вифании

Пройдя предстоявший им путь, Спаситель с учениками приблизился к Вифании, но не сразу пошел в радушный для Него дом, а остановился в некотором отдалении от селения. Близость его к Иерусалиму, от которого оно отстоит всего на три с половиной версты, и выдающееся богатство и знатность семейства привлекли много знатных иудеев, прибывших утешить осиротевших сестер и погоревать с ними; а среди таких решительных врагов, очевидно, нужно было действовать с предосторожностями. Но между тем как Мария, верная своей созерцательной и любящей уединение натуре, сидела дома, не зная о приближении Спасителя, более деятельная Марфа уже узнала о Его прибытии и немедленно отправилась навстречу к Нему. Лазарь умер в тот самый день, когда Иисус получил известие о его болезни; два дня еще после этого Он провел в Перее, четвертый день прошел в путешествии. Эта медлительность должна была послужить к еще большей славе Божией в предстоявшем великом деле. Дочь Иаира Христос воскресил тотчас же после ее смерти; сына Наинской вдовы – когда его несли на кладбище, и теперь Он хотел доказать свое всемогущество воскрешением человека, которого уже коснулось тление. Но Марфа не могла понять этой печальной медлительности с Его стороны. «Господи, – встретила она Его с тоном некоторого укора, – если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой!» Но тут же вера и надежда взяли в ней перевес над всеми другими чувствами, и она прибавила: «Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог». Спаситель тотчас же подтвердил ее веру торжественным заявлением: «Воскреснет брат твой!» – сказал Он, намеренно употребляя двусмысленное выражение, чтобы возвести веру Марфы от простого личного интереса к возвышенным мыслям. Марфа поняла это изречение лишь в смысле всеобщего воскресения мертвых, и так как она надеялась на нечто более близкое и

непосредственное, то этот ответ лишь прибавил ей скорби, и она с печалью ответила только: «Знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день».

Тогда Спаситель, видя, что ее мысли несколько освободились от личного интереса, сделал ей торжественное откровение о своем Божественном существе, в котором заключается источник нашего воскресения. «Я, – сказал ей Христос, – есть воскресение и жизнь: верующий в Меня если умрет, оживет. Веришь ли сему?» – «Так, Господи, – отвечала убежденная теперь Марфа, – я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир». Такая беседа совершенно ободрила ее, и она пошла за своей сестрой Марией, которой и передала тайком радостную для нее весть: «Учитель здесь, зовет тебя». Мария тотчас же пошла по указанию сестры и, увидев своего возлюбленного Учителя и Господа, пала к ногам Его и с удрученным сердцем проговорила то же, что и ее сестра: «Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой!» Эта единодушная вера сестер во всемогущество Христа над смертью и жизнью вместе с надрывающим душу горем, постигшим это доброе семейство, чрезвычайно тронули Спасителя, и Он едва мог проговорить: «Где вы положили его?» – «Господи, иди и посмотри», – ответили Ему плачущие сестры. Когда Он следовал за ними, из очей Его текли безмолвные слезы. Эти слезы не остались незамеченными, и между тем как некоторые иудеи с почтительным сочувствием увидели в них доказательство Его любви к покойному, другие спрашивали с сомнением и почти с насмешкой: не мог ли отверзший очи слепому сделать, чтобы и друг Его не умер? Они не слышали, как Он в отдаленном городке Галилеи воскресил мертвого, но знали, что в Иерусалиме Он открыл глаза слепорожденному, и это представлялось им не менее поразительным чудом. Но Христос знал и слышал их толки, и еще раз все это зрелище – действительная скорбь, наемные плакальщицы, неутолимая ненависть, – все это собравшееся вокруг страшного дела смерти так потрясло Его дух, что, несмотря на предстоящее воскрешение мертвеца, Он еще раз был увлечен бурей скорбного чувства и плакал. Гробница Лазаря, подобно большинству гробниц богатых иудеев, представляла собой выем, продольно высеченный в скале и закрытый при входе плитой или массой камней. Иисус Христос велел отнять этот *голал*, как назывался пригробный камень. Но Марфа частью вследствие своего убеждения, что душа уже совсем оставила соприкосновение с тлеющим телом, частью опасаясь вследствие понятной деликатности возможности отталкивающего зрелища, которое открылось бы с удалением камня, возразила против этого. В том жарком климате погребение по необходимости совершается немедленно после смерти, а так как теперь уже был вечер четвертого дня со времени смерти Лазаря, то было полное основание думать, что наступило уже разложение. Но Христос торжественно напомнил ей о своем обещании, и камень был отвален от пещеры, где лежал умерший.

Спаситель остановился при входе, а все другие невольно отшатнулись назад, устремив свои взоры на эту мрачную и безмолвную пещеру. Все притаили дыхание, когда Иисус возвел очи свои к небу и благодарил Бога за предстоящее услышание Его молитвы. И затем, возвысив свой голос до потрясающей и повелительной властности, в сильных кратких словах, обычных у Него при всех подобных случаях, Он воскликнул: «Лазарь, иди вон!» И к ужасу всех присутствующих мертвец встал из гроба и вышел опять на свет Божий – в своем страшном погребальном одеянии. Христос велел снять с него погребальные пелены, и Лазарь мог свободно идти домой, а вся присутствовавшая толпа народа в страхе и изумлении следила за воскрешенным и рассуждала о Том, кто совершил такое великое чудо. Многие уверовали в Него; но были и такие, упорного неверия которых не мог победить и Лазарь, возвратившийся из загробной жизни, и они лишь поспешили в Иерусалим, чтобы донести о случившемся синедриону.

Слух о новом величайшем чуде Иисуса чрезвычайно смутил и взволновал членов синедриона, который немедленно собрался для обсуждения того, что же делать теперь. Назаретский пророк очевидно становился для них опасным, так как даже многие из знатных иудеев, присутствовавших в Вифании, уверовали в Него. Чудо может получить особенно большую гласность и весь народ пойдет за Иисусом, а это может угрожать великой опасностью,

возбудить подозрительность римлян, которые и воспользуются этим случаем для того, чтобы окончательно лишить народ политического существования. Спор был горячий, так как партии в синедрионе, всегда враждовавшие между собой, теперь дошли до ожесточения. Фарисеям, собственно, назаретский Пророк был бы на руку, если бы только Он согласился выступить в качестве национально-политического Мессии, каким только они и представляли себе Мессию, и не с такой суровостью изобличал их внутреннюю лицемерность и лживое благочестие, но саддукейская партия, которая всем своим благосостоянием обязана была теперешнему униженному состоянию народа и которая благодаря римским ставленникам Иродам держала в своих руках первосвященство, бывшее для них крупным источником обогащения, боялась всякого народного смятения и готова была прибегнуть ко всевозможным мерам, чтобы устранить повод к какой-либо подозрительности и недовольству римлян.

Выразителем и глашатаем этой партии выступил тогдашний первосвященник Иосиф Каиафа. Он был поставлен в первосвященники римским прокуратором Валерием Гратом, незадолго перед тем оставившим должность правителя этой провинции.

Будучи во всех отношениях креатурой римлян и не пользуясь вследствие этого никаким уважением со стороны народа, он в основу рассуждения поставил именно свои личные выгоды и, прикрывая их благом народа, обратился к синедриону с резкой речью, говоря: «Вы ничего не знаете»; иначе вы не рассуждали бы так много и горячо по-пустому. Вы не приняли во внимание главного, именно, что сделается неизбежным, если допустить полное торжество Иисуса Галилеянина. Мессианское движение, очевидно, угрожающее разразиться теперь, несомненно привлечет римлян, которые явятся со своими легионами, закроют храм, уничтожат все национальные учреждения и прежде всего синедрион, лишат народ всякой независимости и в случае сопротивления опустошат страну огнем и мечом. «Поэтому, – с зловещей торжественностью заключил Каиафа, – лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». Мысль Каиафы была для всех ясна. Он, очевидно, требовал смерти Христа как необходимого условия спасения народа; но он и сам не понимал, какое высокое пророчество изрекал он, предсказывая, что «Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино».

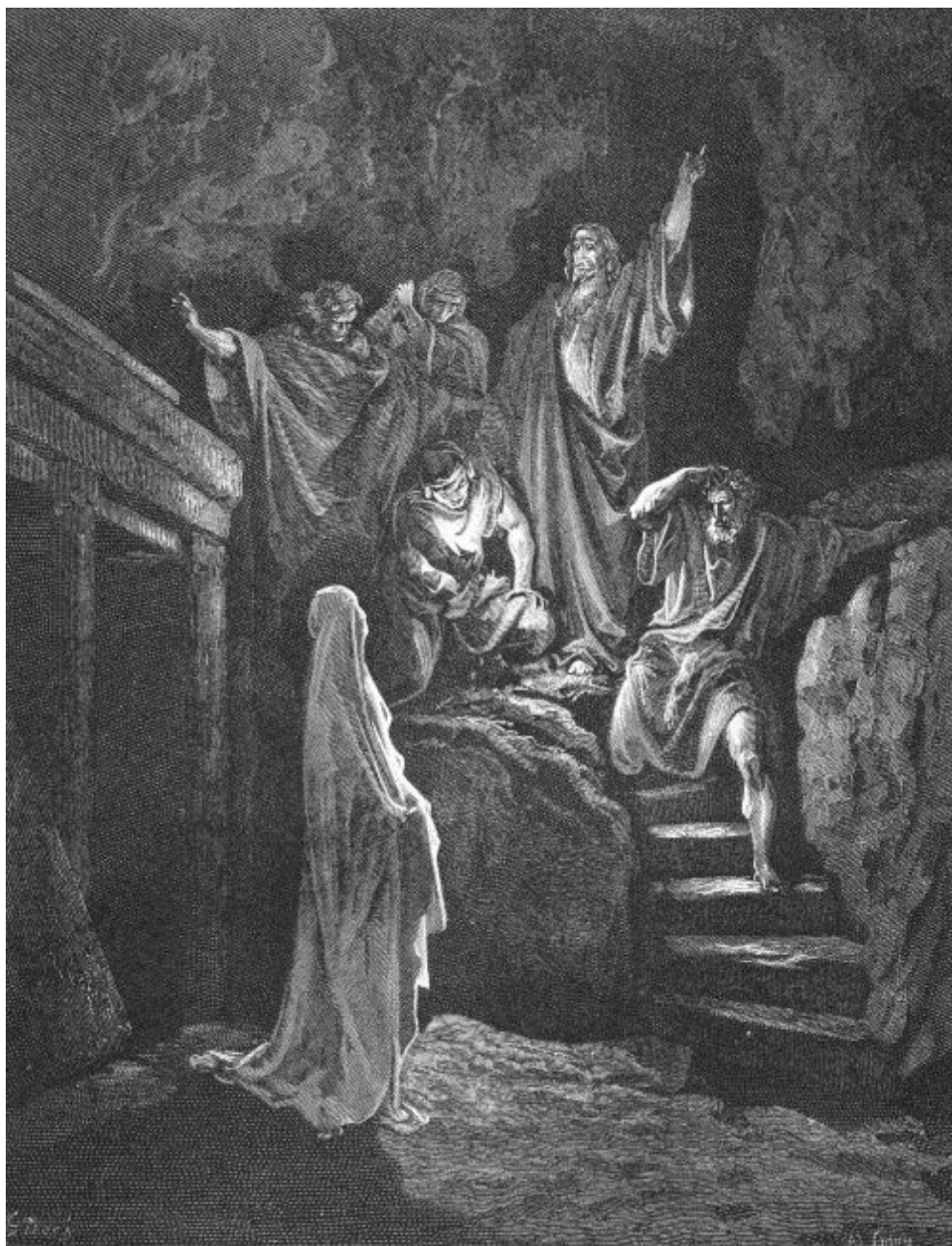
«С этого дня положили убить Его». Стражникам дано было приказание тщательно следить за Ним, чтобы при первом удобном случае арестовать Его и подвергнуть беспощадному суду смерти. Вследствие этого Спасителю невозможно было более оставаться в Иудее, и так как не настал еще час Его, то Он на время удалился «в страну близ пустыни, в город называемый Ефраим, и там оставался с учениками своими». Там, в полной безопасности от всех замыслов и козней своих смертельных врагов, Он спокойно и счастливо провел последние недели жизни, окруженный только своими учениками, которых Он в этом мирном уединении подготавливал к великому труду на зреющей жатве мира.

Неизвестно, сколько времени продолжалось это невольное пребывание в Ефраиме, но вот приближался праздник Пасхи, тот праздник, когда вместе с узаконенными агнцами должен был заклаться и Агнец, вземлющий грехи мира. Караваны поклонников по обычаю потянулись отовсюду в Иерусалим; отправился и Иисус Христос с своими учениками. Он был погружен в великую думу о предстоявшем величайшем подвиге, и ученики, следуя за Ним, не смели прерывать Его размышлений. Наконец Он остановился и подозвал их к себе, и тогда еще раз, именно в третий раз, с более полными, более ясными, более поразительными и ужасными подробностями, чем когда-либо прежде, говорил им, что Он будет предан первосвященникам и книжникам; и осудят Его на смерть и предадут язычникам; язычники поругаются над Ним и будут бить Его, и теперь в первый раз Он ясно открыл им о самом ужасном событии, что Он будет *распят*, но на третий день воскреснет. Но их умы все еще переполнены были земными мессианскими надеждами; они так были предзаняты мыслью о предстоявшем наступлении Царства Божия во всем его величии, что предсказание это как бы совершенно пронеслось мимо их ушей; они не поняли его, да и не хотели понимать совсем. И это с поразительностью

доказано было новым событием, опечалившим Христа. Во время этого самого пути со стороны некоторых из учеников была заявлена крайне неблаговременная и себялюбивая просьба, показывавшая, до какой степени мало еще просвещены были души даже ближайших учеников светом Евангелия.

К Иисусу Христу подошла Саломия, одна из Его постоянных спутниц, с своими двумя сыновьями, Иаковом и Иоанном, и обратилась к Нему с просьбой обещать им особенную милость. Христос спросил, чего они желают; и тогда мать от имени своих пылких и честолюбивых сыновей просила, чтобы в царстве своем Он посадил одного из них по правую руку и другого по левую. Христос кротко отнесся к такому их себялюбию и заблуждению. Они по слепоте своей просили о положении, которое лишь несколько дней спустя, как они должны были увидеть, занято было в позоре и мучении двумя распятыми разбойниками. Воображение их рисовало перед ними двенадцать престолов, а Он говорил им о трех крестах. Они мечтали о земных коронах, а Он говорил им о чаше горечи и о крещении кровью. Могли ли они пить с Ним эту чашу, или креститься этим крещением? Быть может, более понимая теперь значение Его слов, они смело отвечали: «Можем»; и тогда Он сказал, что им действительно придется оправдать слова свои, но что сидеть по правую и по левую сторону Его придется лишь тем, кому уготовано Отцом Небесным. И подозвав затем всех своих двенадцать учеников, Христос еще раз поучал их, как ошибочны их взгляды на Царство Небесное, и еще раз разъяснял им его истинное значение как совершенно отличного от царств мира сего.

Но вот путники перешли Иордан и вступили в равнину Иерихонскую. Это одно из самых роскошных мест в Палестине. Мягкий климат дает тропическую растительность. Смоковничные рощи в ней славились на всю страну и давали богатые урожаи. Бальзамовые растения, наполняя воздух сладостным ароматом, в то же время знамениты были своей целительной силой для ран; маис давал две жатвы, и пшеница поспевала месяцем раньше, чем в Галилее.

Воскрешение Лазаря

Бесчисленные рои пчел находили богатую пищу на сочных ароматных кустах и цветах, из которых наиболее дорогие породы росли только здесь, наполняя воздух сладостным благоуханием и придавая особенную прелесть самой местности. Равнина медленно поднимается от глубокой ложбины Иордана, лежащей гораздо ниже уровня Средиземного моря, по направлению к западу, и верстах в двенадцати от реки, на высоте семисот футов выше уровня ее, лежал тот знаменитый город, который некогда первый пал перед сынами Израиля при вступлении их в Землю обетованную. Он много пережил превратностей в своей исторической судьбе и теперь, несмотря на положенное на него Иисусом Навином заклятие, опять гордо высился над окружающей местностью, блестя на знойном солнце белизной своих крепостей и дворцов, воздвигнутых Иродом Великим. Когда Христос медленно поднимался с своими учениками по направлению к этому городу, у ворот его совершилось одно из последних чудес на благо страждущего человечества. У ворот сидело двое нищих, которые просили милостыню у прохожих, и имя одному из них Вартимей. От проходящих этим путем паломников они могли надеяться на хороший сбор милостыни, но не предполагали, какое ожидало их счастье. Заслышав необычайный шум проходящего народа, находившегося в

особенном возбуждении, они узнали, что тут проходит Иисус Назарянин, слава о чудесах которого гремела по всей стране. Это тотчас же пробудило в них сладостную надежду, и они, забыв о всякой другой милостыне, стали кричать Ему: «Помилуй нас, Господи, Сын Давидов!» Народ хотел заставить их замолчать, считая этот громкий крик непристойным в присутствии Того, который должен был войти в Иерусалим как Мессия своего народа. Но Христос услышал их вопль, и Его сострадательное сердце тронулось им. Он остановился и велел подозвать их к себе. Тогда народ переменяет свой тон и говорит Вартимею (наиболее заявлявшему о себе криком о помиловании в несчастье): «Не бойся, вставай, зовет тебя». В порыве радости он поспешно сбросил свой плащ, вскочил и подошел к Иисусу. «Чего ты хочешь от Меня?» – спросил Спаситель. «Раввуни, – отвечал тот, давая Иисусу самый почетный титул, какой только был известен ему, – чтобы мне прозреть». – «Прозри, – сказал Христос, – вера твоя спасла тебя». Он прикоснулся к глазам их, и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним, славя Бога.

В Иерихоне нужно было отдохнуть, прежде чем выступить в трудный и вместе небезопасный от разбойников путь, который ведет к Иерусалиму. Он представляет собой трудный, почти непрерывный шестичасовой подъем, подошва которого гораздо ниже, а вершина почти на 3000 футов выше уровня Средиземного моря. Двумя наиболее выдающимися классами в населении Иерихона были священники и мытари. Так как это был священнический город, то естественно бы ожидать, что Царь, сын Давидов, преемник Моисея, будет принят в доме какого-нибудь потомка Аарона. Но место, которое избрал Христос для отдыха, определилось другими обстоятельствами (Лк 19:1–10). В городе было поселение мытарей для сбора пошлин с обширной торговли бальзамом, который добывался здесь в большем количестве, чем где-либо еще, и для наблюдения за ввозной и вывозной торговлей, производившейся между римскими провинциями и владениями Ирода Антипы. Одним из начальников этих мытарей был Закхей, вдвойне ненавистный народу как иудей и как исполнявший свою должность вблизи святого города. Его начальственное положение только усиливало народную нелюбовь к нему, потому что иудеи считали это положение как бы наградой ему за особенную ревность на службе их угнетателям-римлянам, а на его богатство смотрели как на доказательство бессовестного взяточничества. Этот человек имел глубокое желание увидеть своими собственными глазами, что за личность был Иисус; но будучи мал ростом, он не мог из-за густой толпы даже взглянуть на Него. Поэтому, когда Иисус проходил через город, он забежал вперед и взобрался на развесистые ветви смоковницы, стоявшей у дороги. Под этим деревом должен был проходить Иисус Христос, и мытарю представлялась полная возможность видеть Его – Того именно необычайного пророка, который не только не питал обычной ненависти к мытарям, но находил себе среди них наиболее ревностных слушателей и одного из них возвысил даже в звание апостола. Когда Иисус Христос приблизился, Закхей действительно увидел Его и радовался этому; но еще большей радостью и благодарностью забилося его сердце, когда великий пророк, признанный Мессия своего народа, остановился под деревом, взглянул вверх и, называя его по имени, велел ему скорее сойти вниз, потому что намеревался быть у него в доме. Закхей должен был не только видеть Его, но и принять в своем доме, ужинать с Ним и предложить Ему ночлег у себя, – презренный мытарь должен был иметь своим гостем славного Мессию.

С радостью Закхей поспешил слезть с дерева и повел великого гостя к себе в дом. Но народ единодушно и громко возроптал: для него казалось непристойным, несообразным, унижительным, чтобы царь в самой среде своих восторженных последователей остановился в доме человека, занятие которого было символом национального унижения и который даже в этом звании, как открыто говорилось в толпе, не пользовался доброй славой. Но милостивое слово Иисуса значило больше для Закхея, чем весь ропот и все оскорбления толпы. Оно переродило его и с животворной силой воскресило в нем все добрые качества его души, которые задавлены были своекорыстием и окружающим к нему презрением. В восторге от оказанной ему великой чести Закхей, встав из-за стола, торжественно заявил: «Господи, половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо!»

Это благородное самоотвержение презренного мытаря, который с таким прямотушием низвергал кумира своей жизни, оправдало оказанную ему Христом честь, и Спаситель благостно воскликнул: «Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама», в лучшем смысле этого слова, как сын отца верующих. «Ибо Сын человеческий пришел взыскать и спасти погибших», – добавил Он.

Так как не только окружавший Его простой народ, но и ученики продолжали питать ложное ожидание, что скоро в Иерусалиме должно открыться Царствие Божие в его чувственном смысле, то Христос рассказал им поучительную притчу о высокочинном человеке, который «отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться». Сам образ взят из хорошо известного иудеям, недавно совершившегося перед тем обстоятельства, как Архелай отправлялся по смерти своего отца Ирода Великого в Рим, чтобы добиться у императора царского достоинства для себя. Перед отправлением он роздал своим рабам по мине серебра, чтобы они употребили его в оборот до его возвращения. Несмотря на противодействие многих граждан, он получил царство и по возвращении воздал должное как своим врагам, так и рабам, смотря по их верности и заслугам. Один ленивый и неверный раб, вместо того чтобы пустить в оборот вверенную ему мину серебра, спрятал ее в платке и возвратил господину с непристойной и дерзкой жалобой на его жестокость. Поэтому серебро было отобрано у него и отдано тому, кто наиболее заслужил из добрых и верных рабов; последние были щедро награждены; непокорные граждане, противодействовавшие его воцарению, были схвачены и преданы смерти.

Притча эта имела многостороннее приложение: она указывала на скорое удаление Христа Спасителя из мира, на ненависть, с которой отвергали Его, на долг верности в пользовании всем, что вверено; на неизвестность времени Его возвращения; на несомненность того, что по возвращении Его все должны будут дать строгий отчет; на осуждение ленивых, на великую награду всем, которые верно послужат Ему, и на конечную гибель тех, которые отвергали Его. Шествие между тем приближалось к цели, и вот уже знакомые остовы горы Елеонской. Большинство сопровождавшего Христа народа поспешно спустилось с горы, чтобы там в виду святого города расположиться на ночлег среди зеленеющих склонов горы, но Сам Христос предпочел остановиться в любимом им селении Вифании, где уже ожидало Его с любовью и приветом благочестивое семейство вифанское. Там для Него приготовлен был ужин, за которым происходила благодатная беседа, снова приобретающая Христу нескольких верующих среди знатных иудеев, пришедших лично убедиться в совершенном над Лазарем чуде. Но эта беседа ознаменовалась одним замечательным событием, подготовившим решительный момент в земной жизни Спасителя. В то время как Марфа по обычаю хлопотала по хозяйственной части, Мария сидела у ног Христа и слушала Его сладостную беседу. Находясь в присутствии своего обожаемого Учителя и своего возлюбленного брата, бывшего живым свидетелем мессианского всемогущества Христа, она почувствовала непреодолимую потребность выразить Ему чем-нибудь, свою любовь, свою благодарность и свое благоговение. И вот встав, она взяла алавастровую вазу индийского драгоценного народного мира и, тихо подойдя сзади к Иисусу, разбила вазу и полила драгоценную благоуханную влагу сначала на голову Ему, а потом и на ноги, и затем, как бы не видя никого из посторонних присутствующих, вытерла Его ноги длинными локонами своих распущенных волос, и воздух наполнился сладостным благоуханием пролитого мира. Это был поступок всецело преданной любви, необычайного самоотречения, и бедные галилеяне, следовавшие за Иисусом, так мало привычные ко всякой роскоши, но понимая, однако же, цену этого дара, естественно, не могли не изумиться, что такая драгоценность растрчена была в один миг. В одном же из них это благородное дело Марии пробудило низкое чувство досады и злобы, – именно в Иуде Искарите. Его низкая натура, которую не могло облагородить и благодатное сообщество с Христом, начала уже сильно обозначаться, и он, разочаровавшись в выгодах, которых ожидал от вступления в общество Христа, начал вознаграждать себя воровством из общинной кружки. И теперь при виде щедрой жертвы Марии, которая при переводе на деньги составила бы значительную

сумму для апостольского ковчежца, находившегося в полном его распоряжении, душа его переполнилась негодованием и бешенством. Ею уже овладел диавол. Мучимый духом алчности, он с притворным человеколюбием угрюмо заметил: к чему такая трата? «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» Христос со скорбью провидел коварную и алчную мысль Иуды, но на этот раз лишь косвенно укорил его, защищая Марию, которая уже стала предметом неблагоприятных для нее замечаний. «Что смущаете вы женщину? – сказал он. – Оставьте ее; она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда. Она сберегла это миро на день погребения Моего». И к этому Он прибавил пророчество, чудесно исполнившееся до настоящего времени, что где только будет проповедано Евангелие, там с честью будет поведено и о деле ее.

Слух о том, что в Вифании Иисус Христос обратил к вере в Себя еще нескольких знатных иудеев, быстро дошел до синедриона, и он пришел в такое яростное исступление, что помышлял даже убить Лазаря, как неопровержимого свидетеля чудотворения ненавистного им Галилеянина, но в то же время еще с большей решимостью стал стремиться к подготовке Его собственной гибели.

Отдел шестой

Последние дни земной жизни Господа Иисуса Христа

XXV

Вход Господень в Иерусалим и следовавшие за ним дела, притчи и беседы. Ответы на лукавое совопросничество фарисеев, саддукеев и книжников

В жизни Христа наступал последний решительный момент. Злоба врагов все возрастала и изыскивала средства подорвать Его влияние на народ и даже убить Его. Теперь не время было более воздерживаться от открытого провозглашения мессиянства. Доселе Христос заявлял о Себе как об обетованном Мессии в большинстве частным образом и отдельным личностям; теперь настало время объявить об этом всенародно, и самым торжественным образом заявить, что Он есть истинный Царь Мессия, истинный Сын Давидов. И Спаситель сделал это заявление своим торжественным входом в Иерусалим. Перед большими праздниками толпы богомольцев, собиравшихся отовсюду, имели обычай входить в святой город торжественно и со всевозможными выражениями радости. Такой вход захотел сделать и Христос, который, как общепризнанный народом пророк и славный учитель, по необходимости должен был занять видное положение; и Он воспользовался этим обстоятельством, чтобы в последний раз открыть славу свою. Доселе Он вступал в Иерусалим обыкновенно пешком; теперь Он хотел вступить в него так, как не раз вступал некогда Его предок Давид, именно, сидя на осле. Это мирное и полезное животное высоко ценилось на Востоке, и для иудеев с ним связывалось немало исторических воспоминаний, которые делали его даже более благородным и любимым в их глазах, чем гордые кони, добывавшиеся из Египта. Еще более возвышалось в глазах их значение осла вследствие торжественного заявления Пророка, что на осле именно вступит в Иерусалим Мессия – Царь (Зах 9:9). И поэтому такой именно вход Спасителя в святой город мог служить лучшим и самым наглядным провозглашением Его мессиянства.

Рано утром девятого Нисана Спаситель оставил свой мирный и гостеприимный кров в Вифании и по обычаю пешком направился с своими учениками к Иерусалиму. Спустившись в небольшую долину, сплошь покрытую смоковницами и маслинами, они приблизились к деревне Виффагии, которая подобно Вифании находилась в таком близком расстоянии от Иерусалима, что по раввинскому закону считалась как бы частью его. Тайные ученики и последователи Христа в это время жили во многих местах, и (вероятно) к одному из них, жившему в Виффагии, Он отправил двоих учеников, чтобы они взяли у него осла для торжественного входа в Иерусалим. Ученики в точности исполнили повеление и привели ослицу с молодым осленком.

Между тем до Иерусалима уже долетела молва о намерении Христа вступить в святой город, и толпы галилейских поклонников, расположившихся около города, с понятным чувством радости и самодовольства устремились на гору встречать Его, для чего по пути срезывали молодые, только что вскрывавшиеся ветки пальм и других придорожных деревьев, чтобы оказать Ему особенный почет. Ученики, возбужденные этим обстоятельством, постилали свои плащи и покрыли ими осленка, на которого воссел их учитель, а народ стал устилать путь ветвями, как это было в обычае на Востоке. Так некогда иудеи устилали смоковничными и пальмовыми ветвями путь Мардохею, когда он ехал из царского дворца, и персидское войско так же выражало свой восторг Ксерксу перед переправой через Геллеспонт. И вот шествие двинулось. Через гору Елеонскую и Иерусалим вели три дороги, но так как две из них не более как тропинки, то Спаситель избрал самый торный большой путь – именно южный, который и теперь считается лучшим. И лишь только двинулось шествие, как неудержимый восторг охватил и учеников, и всю окружавшую толпу народа. В порыве восторженной радости за своего Учителя апостолы воскликнули: «Осанна Сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» Народ подхватил этот радостный клик, и в толпе разносилась молва о том, как Он воскресил Лазаря из мертвых. Дорога тут постепенно поднимается на гору Елеонскую, по зеленым полям и под тенистыми деревьями, и на вершине ее круто поворачивает к северу. На этом-то именно повороте впервые открывается вид на Иерусалим, который дотоле скрывается за отрогом горы. Там в прозрачном воздухе, поднимаясь из окружающей глубокой долины, стоял перед ним знаменитый историческими воспоминаниями город, и утреннее солнце, сверкавшее на мраморных башнях и золоченых кровлях храмовых зданий, отражалось в море ослепительного блеска, перед которым зритель должен был закрывать глаза. Этот вид на знаменитый город действительно поражал своим великолепием, и многие иудейские и языческие путешественники останавливали здесь своих коней и с восторгом немом изумления глядели на это дивное зрелище.

Иерусалим в то время, окаймленный целым рядом гордых башен, считался одним из чудес мира и представлял великолепное зрелище, о котором теперешний Иерусалим не может дать и приблизительного понятия. И вот этот город во всем своем величии открылся перед взором Христа, его истинного Царя! Всякого другого это величественное зрелище могло привести в восторг; но истинный Царь смотрел не на внешний блеск города, а на внутреннее достоинство его жителей, и перед Его взорами открылась такая страшная бездна неверия и порока, уже назревших для совершения величайшего и гнуснейшего преступления на земле, что этот великолепный вид поразил бесконечно сострадательное сердце Христа невыносимой болью. Он не раз плакал и проливал слезы над человеческой бесчувственностью и греховностью, но теперь Он громко зарыдал. Весь позор издевательства и вся нестерпимая боль Его страданий спустя пять дней бессильны были исторгнуть хоть один стон из Его груди или вызвать хоть одну слезинку на Его истомленные веки; здесь же Его внутренняя скорбь пересилила Его человеческий дух, и Он не просто плакал, а неудержимо рыдал, так что подавленный голос едва мог произносить слова. «О, если бы и ты! – воскликнул Он, когда народ в изумлении смотрел и не знал, что подумать или сказать, – о если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему!» Скорбь прервала Его слова, и когда задушенный рыданием голос несколько оправился опять, Он мог только прибавить: «Но это сокрыто ныне от глаз твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего». Это был последний призыв со стороны Мессии преступному городу, избивавшему пророков, к покаянию, но так как он не внял и этому призыву, то должен был понести предсказанную ему участь. И действительно, сорок лет спустя пророчество Христа исполнилось во всей его точности.

Когда Иисус оплакивал город и произносил свое пророчество над ним, шествие приостановилось. Но теперь и народ, находившийся в долине Кедронской и около стен Иерусалима, а также и все паломники, расположившиеся в шалашах и палатках, густо

пестревших по зеленым склонам внизу, завидев приближение народной массы на горе и услышав отголоски радостных кликов, поняли, что означало все это. Срывая с деревьев зеленые ветви, народ бросился по дороге на гору встречать приближавшегося Пророка. И когда встретились эти две народные волны, одна сопровождавшая Его из Вифании и другая, вышедшая навстречу к Нему из Иерусалима, то Он оказался в середине народной массы, которая шла и впереди и сзади, крича «осанна» и махая ветвями – до самых ворот Иерусалима. Среди толпы было несколько фарисеев, и восторг народа был для них острее меча. Что значат эти мессианские крики и царские титулы? Разве они не опасны, разве пристойны? зачем Он допускает их? «Учитель, запрети ученикам твоим». Но Он не хотел останавливать их. «Если они умолкнут, – сказал Он в ответ, – то камни возопиют». И фарисеи, при всем своем озлоблении, невольно чувствовали, что они бессильны остановить прилив народного восторга. Когда шествие приблизилось к городским стенам, то весь город объят был необычайным волнением и тревогой. «Кто это?» – спрашивали жители, смотря на шествие из-за решеток и с кровлей, стоя на базарах и улицах, по которым двигалось оно; и народ восторженно и вместе простодушно отвечал: «Это Иисус, Пророк из Назарета Галилейского». Внутри города народ рассеялся, а Христос направился к храму. Восторженные клики народа нашли отголоски и здесь. Даже дети, вероятно из храмового хора, кричали Ему: «Осанна Сыну Давидову», и когда книжники и фарисеи с затаенной злобой обратили Его внимание на это, то Он отвечал им: «Разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?» К вечеру Спаситель возвратился в Вифанию.

На другой день ранним утром Он опять направился в Иерусалим – для проповеди в храме, и по пути совершилось событие, наглядно изобличавшее лицемерие и бесплодие того народа, которой некогда был избран Богом и не оправдал своего избрания. Поспешая на проповедь и не желая заставлять Себя ожидать народ, который «с утра приходил к Нему в храм слушать Его», Спаситель оставил Вифанию раньше завтрака и, почувствовав голод, искал глазами какой-либо смоковницы, плодами которой можно бы подкрепиться. Вдали виднелась роскошная по своей листве смоковница, обещавшая дать желаемое; но когда Христос подошел к ней, она оказалась совершенно бесплодной. Эта обманчивая внешность поразительно изображала собой бесплодие и обманчивую внешность иудейского народа и особенно вождей его, вся религиозность и благочестие которых выродились в бесплодную выставку внешней обрядности, и чтобы показать своим ученикам, какая участь ожидает за это, Он проклял ее, говоря: «Да не будет же впредь от тебя плода вовек». И смоковница тотчас засохла. Когда ученики выразили удивление этой действенности слова их Учителя, то Он прибавил им поучение касательно силы веры.

Вход Господний в Иерусалим

Вера так всемогуща, что обладающий ею даже если скажет горе – поднимись и ввергнись в море, то совершится и это. «И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите». Прибыв в храм и осмотревшись кругом, Спаситель с горестью увидел, что обычная иудейская алчность опять забыла некогда преподанный Им урок и по случаю стечения народа опять превратила храм Божий в торжище. Все храмовые дворы опять переполнены были волами и овцами, продавцами голубей и ростовщиками; великолепный портик занавожен был прогоняемым скотом и оглушался гулом торгующихся голосов и звоном монет. Христос не хотел проповедовать в таком оскверненном месте. Еще раз, с смешанным чувством скорби и гнева, Он выгнал отсюда всех, и никто не осмелился воспротивиться Его сокрушающей ревности. Он не потерпел даже, чтобы народ нарушал тишину святилища, проходя через него с сосудами и делая его местом обыкновенного прохода. Огромная масса иудеев, доходившая иногда до двух и даже трех миллионов и наводнявшая священный город во время недели праздника, несомненно, делала двор язычников еще более безобразным и шумным зрелищем, чем во всякое другое время, тем более что в тот день по закону всеми поклонниками выбирался и покупался пасхальный агнец. Но ничто не могло оправдать того, чтобы дом Отца Небесного,

бывший домом молитвы для всех народов, обращен был в место более всего похожее на те грязные и мрачные вертепы, где разбойники делят злоприобретенную добычу.

Свою обычную проповедь Он начал не раньше, как по приведении храма в состояние приличия и тишины. Труд этот был теперь несомненно легче, потому что он уже раз совершался. Когда прекратилась безобразная торговая суетня, храм опять принял свой обычный вид. Страждущие приходили к Христу, и Он исцелял их. Слушатели сотнями теснились к Нему, дивились Его учению, жадно ловили каждое слово из Его уст. Между другими слушателями обращали на себя внимание греки, которые, заинтересовавшись беседой и рассказами о необычайном проповеднике, хотели даже лично переговорить с Ним, о чем и докладывали через ап. Андрея. По преданию, это были посланные от Авгаря V, царя Едесского, который, услышав о необычайных делах Христа и вместе грозящей Ему опасности от вождей иудейского народа, предлагал Ему убежище в своих владениях. Появление этих чужеземцев показало, что настал час прославления Сына человеческого в народах, и Он воскликнул: «Отче, прославь имя Твое!» И в ответ на это раздался голос с неба: «И прославил, и еще прославлю». Голос этот не для всех слышен был одинаково. Для многих он показался простым раскатом грома, но другие говорили, что это «ангел говорил Ему», и только немногие слышали его отдельно.

Между тем слух о новом изгнании торжников из Храма дошел до синедриона, и члены его, оправившись немного от смущения, явились в храм с целью потребовать от Проповедника ответа на вопрос: «Какой властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть!» Вопросами этими имелось в виду, очевидно, вызвать Его на какое-либо такое заявление, которое, как бывало и прежде, дало бы им основание обвинить его в богохульстве и побить камнями. Но коварство это обрушилось на их собственную голову. Провидя их злую мысль, Христос с божественной мудростью сказал им, что Он ответит им, если только они сами предварительно ответят на Его вопрос, именно: «Крещение Иоанна откуда было – с небес или от человеков?» Вопрос этот сразу смутил совопросников, и водворилась мгновенная тишина. «Отвечайте Мне», – настаивал Спаситель, прерывая их шепотливые переговоры. Но ответа не последовало. Они вполне понимали значение и цель вопроса. Отклонить его, как не относящийся к делу, не было никакой возможности. Иоанн открыто и выразительно свидетельствовал об Иисусе, признавая Его, перед самыми уполномоченными от синедриона, не только пророком, но пророком гораздо большим себя самого, даже величайшим пророком, Мессией. Признавали ли они это свидетельство, или нет? Ясно, что Христос имел право требовать от них ответа на этот вопрос, прежде чем отвечать им. Но они не могли или, вернее, не хотели отвечать на него. Он ставил их в безвыходное положение. Они не хотели сказать «с неба», потому что они отвергли его; они не смели сказать «от человеков», потому что вера в Иоанна (как видно даже из Иосифа Флавия) была так сильна и единодушна, что открыто отвергать его значило бы подвергать опасности свою личную безопасность. Поэтому они – Учители Израилевы – поставлены были в позорную необходимость сказать: «Не знаем». Такой ответ со стороны лиц, на обязанности которых лежало изучать закон и религию и объяснять их народу, был для них полным позором, тем более постыдным, что он дан был в присутствии множества народа. Но Христос, по своему бесконечному милосердию, не настаивал на дальнейшем расспросе, а просто ответил им: «И Я вам не скажу, какою властью Я это делаю», и затем опять продолжал поучать народ. Но так как тут присутствовали и ученые вожди народа, то Он рассказал несколько притчей, имевших близкое отношение к ним и вообще к иудейскому народу.

Так, Он рассказал притчу о двух сыновьях, из которых первый, отказавшись сначала исполнить просьбу отца, потом раскаялся и исполнил ее, а другой лживо дал обещание, но никогда его не исполнил, и затем спросил их: «Который из двух исполнил волю отца?» Они, конечно, могли ответить только «первый». Тогда Он показал им ясное и великое значение их собственного ответа. Оно состояло в том, что самые мытари и блудницы, несмотря на свое открытое и позорное нарушение закона, показывали им, – им, ученым и высокопочтенным законникам священного народа, – путь в Царство Небесное. Эти грешники, которых они ненавидели и презирали, прежде их входили в эти врата, пока еще они не были закрыты. Иоанн

приходил к этим иудеям «путем праведности», т. е. с проповедью их принятого закона и обычаев жизни, и они только на словах говорят, что приняли его, а на самом деле отвергли; мытари же и блудницы покаялись по зову его. Несмотря на свое кажущееся благочестие, они, эти вожди, раввины своего народа, перед очами Божиими были хуже тех грешников, к которым даже прикоснуться пальцем они считали осквернением.

Затем Он пригласил их «выслушать другую притчу», притчу о непокорных виноградарях, которые не хотели отдать плодов виноградника. Этот виноградник Господа сил был дом Израиля, народ иудейский был Его возлюбленным насаждением. Вожди и учителя, которым вверен был народ, естественно, должны были отдавать господину произведения виноградника. Но несмотря на все, что Он делал для своего виноградника, от него не было плодов или только, быть может, были дикие плоды. Так как виноградары не могли представить плодов и не смели обнаружить своей непроизводительности, за которую были ответственны, то они оскорбляли, били, ранили и убивали одного вестника за другим, которых господин виноградника посылал к ним. Наконец он послал своего сына, но этого сына, которого они узнали и не могли не узнать, они также били, выгнали вон и убили. «Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями?» Слушатели из народа, по своему искреннему убеждению, или присутствующие фарисеи, с целью показать свое презрительное отношение ко всему, что могла означать эта притча, отвечали, что «злодеев этих он предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои». Второй раз таким образом они вынуждены были дать ответ, который роковым образом осуждал их самих: они своими собственными устами признавались, что справедливость Божия требует отнять у них их исключительные преимущества и передать их язычникам.

Теперь еще яснее им стали видны смысл и цель этих притчей, и они жаждали мщения. Но страх сдерживал их, потому что для народа Христос еще был великим пророком. А Он продолжал беседу и высказал еще одно предостережение в притче о «брачном пиршестве царского сына». Притча эта весьма похожа на сказанную раньше, в доме фарисея, именно притчу о великом ужине, но отличается от нее многими подробностями и всем заключением. Званные гости не только не обратили внимания на приглашение, но некоторые из них даже оскорбили и убили царских слуг, посланных с приглашением к ним, и за это подверглись истреблению, и город их был сожжен разгневанным царем. На пир были приглашены другие; собрались на него добрые и злые. Царь входит и замечает, что один из гостей вошел на пиршество не в брачной одежде, показав этим свое неуважение к царю и его сыну. За это он изгнан был царскими слугами и ввержен во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов. И этот рассказ Христос заключил уже не раз высказывавшимся замечанием, что «много званных, но мало избранных».

Столь очевидные по своему значению и цели притчи все больше и больше озлобляли иудейских главарей и фарисеев. Ярость их была так велика, что они готовы бы были сейчас же схватить Его. Только боязнь народа удерживала их, и потому Он мог невредимо удалиться в свое спокойное убежище. Но в эту самую ночь или рано утром на следующий день враги Его составили новое совещание (теперь, по-видимому, они почти ежедневно составляли совещания), чтобы обсудить, нельзя ли как-нибудь уловить Его на словах и вызвать на такое заявление, которое давало бы им полное право обвинить Его в мятежности и предать гражданской власти римлян.

На следующее утро Христос в последний раз отправился с своими учениками в притворы храма, и лишь только Он начал свою обычную проповедь, как явились и враги Его с своими коварными замыслами. На этот раз фарисеи явились вместе с своими противниками иродианами, т. е. партией, главной целью которой было поддерживать дом Иродов сохранением добрых отношений к римскому императорскому двору, для чего именно необходимо было подавлять среди иудеев все национальные и патриотические движения. Такой союз фарисеев с иродианами давал знать, что они решили поставить дело Христа на политическую почву и хотели обвинить Его в политической неблагонадежности. Они хорошо

знали, как римляне опасались мессианских движений в иудейском народе – движений, для подавления которых им приходилось не раз тратить много усилий и средств. Христос недавно объявил Себя Мессией открыто перед народом; но так как тогда это объявление не повело ни к какому народному мятежу и потому не дало юридического основания для Его обвинения, то теперь они попытались добыть эти основания коварством. Прикрывая свое коварство внешним почтением и вежливостью, фарисеи подошли к Спасителю и просили Его разрешить им недоумение. «Учитель, – сказали они с льстивым притворством, – мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо; ибо не смотришь ни на какое лицо». Этим они как бы просили Его безбоязненно и неллицеприятно высказать им свое личное мнение, как будто они действительно нуждались в Его мнении для своего руководства в нравственном вопросе практической важности и были совершенно уверены, что только Он один мог разрешить удручавшее их недоумение. Но напрасны были все эти лукавые подходы и извивы змеиной лести. Острое жало и ядовитые зубы обнаружились сразу. «И так скажи нам: как Тебе кажется, позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» Он должен, думалось им, ответить «да» или «нет». Если Он ответит «да», то одного этого достаточно будет, чтобы народ отвернулся от Него как от человека, признающего ненавистное иго язычников и, следовательно, не имеющего права на достоинство Мессии. Если же Он, с другой стороны, чтобы поддержать свое влияние на народ, ответит: «нет, непозволительно», то они сейчас же поймут его с поличным и предадут прокуратору как открытого мятежника, и Пилат немедленно и сурово расправится с ним, как недавно расправился с другими галилеянами, кровь которых он смешал с кровью принесенных ими жертв. С затаенным дыханием ожидали они ответа, но из уст Христа раздалось слово, которое сразу разбило все их злобные ковы. «Что искушаете Меня, лицемеры, – отвечал им Спаситель. – Покажите Мне монету, которою платится подать». Ему подали динарий, на лицевой стороне которого выбиты были надменные и красивые черты императора Тиверия, а на обратной его титул – Pontix Maximus. «Чье это изображение и надпись?» – спросил Христос. «Кесаревы», – отвечали совопросники. Тогда коварный вопрос их разрешался сам собой. «Итак, отдавайте кесарево кесарю и Божие Богу». Если они уже настолько потеряли свою политическую самостоятельность, что пользовались кесаревой монетой, то этим самым они признавали себя обязанными и платить подать кесарю, подобно тому, как, получив от Бога свое бытие и различные блага, они должны были это Божие отдавать Богу. Таким образом и этот замысел разлетелся в прах перед божественной мудростью Христа, и совопросники должны были смолкнуть. Но несмотря на такой ответ они впоследствии с наглой лживостью обвиняли Христа, что Он «запрещал давать подать кесарю» (Лк 23:2).

Главными совопросниками Христа доселе были фарисеи. Другая сильная партия, саддукейская, состоявшая из богатых классов и иерархов, мало принимала доселе участия во всем этом деле и относилась к Христу с тем высокомерным презрением, которым она вообще наделяла невежественных, по ее мнению, галилеян. Но так как теперь молва о галилейском Учителе гремела по всему Иерусалиму и им стало известно о тех необычайных ответах, которыми Он поразил фарисеев, то и саддукеи решили поближе познакомиться с проповедником и испытать Его в знании закона и иудейского богословия. Для этого они придумали один из самых казуистических вопросов, касавшийся притом области, в которой они открыто выражали свое неверие, именно загробной жизни и воскресения. С этой целью они выбрали из области раввинской казуистики случай, что одна женщина последовательно выходила замуж за семь братьев, из которых каждый умирал бездетным, и желали знать, кому из них она будет принадлежать по воскресении. Хотя и воображаемый, случай этот, однако же, был возможен, так как закон постановлял, что если муж умирал бездетным, то для восстановления ему семени и продолжения его имени на вдове его должен был жениться брат его, и первородный сын от этого второго брата записывался как сын умершего. Сами не веря в загробную жизнь и воскресение и предполагая, что Иисус, который, как они слышали, учил о воскресении и держался тех же воззрений на него, как и их противники фарисеи, они предвкушали удовольствие поставить Его этими запутанными вопросами в затруднительное положение и

таким образом осмеять Его и само учение о воскресении. Некоторые из раввинов имели, правда, более возвышенные понятия о загробной жизни, но большинство держалось в этом отношении самых грубых представлений. По ним воскресение будет восстановлением людей не только в их прежних телах, но и с их прежними вкусами и страстями; воскресшие не только будут есть, пить и жениться, но восстанут в тех же самых одеждах, в которых они ходили, даже с теми же телесными признаками и недостатками, «дабы люди могли признать, что это те же самые лица, которых они знали при жизни». Даже сам вопрос, предложенный саддукеями, находил уже у раввинов свое разрешение в том именно смысле, что «женщина, бывшая в замужестве за двумя мужьями в этом мире, в мире будущем будет отдана первому». Имея в виду все эти грубочувственные представления и вообще отрицая воскресение (учения о котором, по их мнению, не заключались в признававшемся ими Пятикнижии Моисея), они и приступили к Спасителю с своим вопросом. Но и их надменная ученость должна была понести заслуженное поражение. С обычным спокойствием Христос отвечал им, что их понятия о воскресении и загробной жизни ложны, и именно вследствие неправильного понимания ими Св. Писания. Чада мира сего женятся и выходят замуж, потому что они смертны и брак необходим для продолжения рода. Но вступившие в Царство Небесное и по своем воскресении уже не будут жениться и выходить замуж, так как они будут бессмертны подобно ангелам, и им не будет надобности заботиться о поддержании рода. Что же касается собственно воскресения, то их мнение, что Моисей не учит о нем, совершенно ошибочно. Так он называет Бога Богом Авраама, Исаака и Иакова. Но Бог не может быть Богом лиц несуществующих, а потому патриархи, хотя тела их были мертвы, очевидно, еще были живы в загробном мире и ожидали воскресения. Таким образом, для Бога все мертвые еще живы, и поэтому так легко Ему воскресить их впоследствии! Ответ этот был так божественно мудр, что даже некоторые из книжников не могли воздержаться от выражения своего восторга и открыто заявляли Ему свое одобрение: «Учитель, Ты хорошо сказал!»

В свою очередь фарисеи, обрадовавшись поражению своих противников, захотели еще раз испытать Его вопросом, и один из них, законник, спросил Его: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?» В этом вопросе уже звучало некоторое признание за Ним авторитета учительства, и законник мог действительно обратиться к Нему за разрешением затруднявшего его вопроса. Среди законников шли постоянные споры о том, какая именно наибольшая заповедь, исполнение которой наиболее соответствовало понятию праведности, и по обычаю вопрос этот запутывался в бесконечной казуистике, занимавшейся бессмысленными мелочами вроде разделения заповедей на тяжелые и легкие, первостепенные и второстепенные, выводные и дополнительные и т. д. Христос, провидя искренность законника, преподавал ему истинное поучение в этом отношении, сказав, что главная и наибольшая заповедь состоит в любви к Богу и вторая подобная ей: «Возлюби ближнего твоего как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки». Законник вполне согласился с этим определением, и Спаситель заметил ему: «Недалеко ты от Царствия Божия». Ему доставало только веры в Христа как Мессию.

«После того никто уже не смел спрашивать Его». И тогда Христос сам обратился к велеученым совопросникам с вопросом, ответ на который должен был просветить их касательно истинного достоинства Мессии. В своем ослеплении они потеряли из виду Его истинное достоинство и ожидали увидеть в Нем политического завоевателя, который покорит для них весь мир со всеми его сокровищами, и так как Христос не соответствовал этим ожиданиям, то они и объявляли Его обманщиком, соблазнителем народа. Чтобы навести их на истину, Христос спросил их: «Что вы думаете о Христе? Чей Он сын?» Они ответили Ему, что «сын Давидов». Но сыновством определялось лишь внешнее плотское отношение Христа к Давиду, между тем из хорошо известного им псалма (Пс 109:1) видно, что Давид называет Его и своим Господом, сидящим одесную Бога. Таким образом, Царство Христа не земное, а небесное; не понимая этого, велеученые книжники и законники, очевидно, совершенно не знали истинного достоинства Мессии. Если бы они понимали это, то увидели бы, что признаки Мессии находят

полное соответствие в лице гонимого ими Иисуса Назарянина. Народ с услаждением слушал эту беседу, а фарисеи и книжники упорно молчали, злобствуя на свое поражение и бессилие сделать что-либо с ненавистным проповедником.

XXVI

Последнее обличение Иисусом Христом книжников и фарисеев. Похвала усердию вдовицы. Беседа с учениками о разрушении храма и Иерусалима, о кончине мира и втором пришествии. Притчи о десяти девах и талантах. Изображение Страшного суда

После всего произошедшего стало для всех очевидным, что между правящими и руководящими классами иудейского народа и Христом не могло быть ничего общего. И так как фарисеи и книжники с этого времени порешили во что бы то ни стало погубить Христа, то невозможно было долее относиться к ним с снисходительным терпением, как это было доселе. Нужно было окончательно обличить их перед народом, и это Спаситель сделал в своем последнем великом обличении.

Окруженный по обычаю толпой народа, среди которого были и книжники и фарисеи, Спаситель прямо обратился к последним, и из уст Его прогремели слова обличения, которые не могли пробудить разве только мертвую совесть. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!» – начал Он свою обличительную речь, и затем как бы громовые раскаты раздавались над ними грозные и неотразимые обличения, как они, будучи хранителями Моисеева закона, своей жизнью представляют пример самого наглого его нарушения; налагают на других бремена тяжелые и неудобноносимые, а сами не хотят и перстом двинуть их; любят внешние почести и делают все напоказ, между тем как жизнь их исполнена порока и хищничества; стараются о приобретении прозелитов веры, но делают их вдвое худшими против прежнего; моют и чистят внешние сосуды, между тем как сами внутри себя полны всякой скверны и неправды; вожди слепые, они оцеживают комара и поглощают верблюда; лицемерие их делало их совершенно подобными гробам, которые тщательно украшались снаружи, а внутри содержали разлагающуюся массу. «Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония». Горе им за притворное покаяние, с которым они осуждали своих отцов за избиение пророков и в то же время носили в себе самих этот кровавадный дух своих предков и даже переполнили и превзошли меру их преступлений еще более ужасным злодейством. На это поколение должна была пасть вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, которого они убили между храмом и жертвенником. Гроза возмездия уже сгущалась над ними и готова была разразиться всеми ужасами над их преступными головами. Но тут этот голос, гремевший праведным гневом, вдруг тронут был самой нежной, любящей жалостью к злополучному городу: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен грядый во имя Господне», т. е. будете взывать, как взывала толпа при входе в Иерусалим, но будет уже поздно. И это пророчество во всей ужасной точности исполнилось при осаде и взятии Иерусалима, когда действительно «дом иудейский остался пуст», сделался грудой развалин и гниющих трупов.

Пылая праведным гневом и вместе состраданием, Христос оставил храм, и это уже в последний раз. Но сердце Его было печально, и Он сел во дворе среди женщин отдохнуть душой. На этом дворе было несколько кружек, в которые богомольцы опускали свои пожертвования. И вот среди богатых жертвователей, самодовольно опускавших в кружки золото и серебро, одна бедная вдова робко опустила свое малое приношение. Лица богатых жертвователей исказились от презрения к ничтожному приношению, меньше которого уже нельзя было приносить на храм. Она опустила две *пруты*, самые мелкие из ходячих монет, так что опускать одну уже не позволялось законом даже и для самых бедных. *Лента*, или *прута*, составляла восьмую часть аса и стоила немного более полушки, так что все ее приношение составляло немного более

денежки. Давая столь ничтожный дар, она могла бы устыдиться своей бедности, когда кругом ее богачи сыпали золотом. Но Христос был доволен ее верой и самоотвержением. Ее жертва была той «чашей холодной воды», которая, будучи подана с любовью, не останется в царстве Его без должной награды. Вследствие этого Он захотел навеки преподать наставление, что всякое благотворение оценивается по степени совершаемого при нем самоотречения; а самоотречение этой вдовы при ее бедности было гораздо больше, чем богатейшего фарисея, приносившего золото. «Ибо все они клали от избытка своего; она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое».

Наконец Спаситель оставил и пределы храма; но ученики все еще не хотели оторваться от ветхозаветного храма и, неясно понимая только что высказанное пророчество, хотя и невольно чувствуя его грозную истинность, они с чувством жалости осмелились еще раз обратить внимание своего Учителя на оставляемый храм, как бы желая еще раз проверить пророчество о его участи. Но Христос кратко ответил обращавшемуся к Нему ученику: «Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется камня на камне». После такого ясного заявления не могло быть больше никаких недоразумений касательно изреченного пророчества, и ученики, следуя за своим Учителем, с тяжелыми думами на сердце удалились от пределов храма. Перейдя долину Кедронскую, они пошли по крутой тропе, ведущей через гору Елеонскую к Вифании. На вершине горы они остановились, и Христос сел отдохнуть, быть может, под зелеными ветвями двух великолепных кедров, некогда украшавших вершину горы. Открывавшееся отсюда зрелище способно было вдохнуть самые возвышенные мысли. С одной стороны, глубоко внизу под Ним лежал священный город, который давно уже сделался блудницей и даже теперь в этот день, последний день общественного служения Христа, окончательно доказал, что не познал времени своего посещения. Под ногами у Него расстилались склоны горы и сад Гефсиманский. На противоположном склоне высились городские стены и посреди их широкая площадь, увенчанная мраморными колоннадами и золочеными кровлями храма. К востоку, за обнаженными, скалистыми холмами пустыни иудейской, виднелась пурпурная гряда гор Моавитских, которые при солнечном закате сверкают подобно цепи из драгоценных камней. В глубокой, сожженной солнцем котловине колыхались мрачные воды Мертвого моря. И таким образом, смотря с вершины горы, Спаситель повсюду видел следы гнева Божия и греха человеческого. С одной стороны сумрачно сверкало Мертвое море, смолистые и одуряющие волны которого составляют постоянное свидетельство наказания Божия за плотское развращение, а под ногами был знаменитый, но преступный город, который проливал кровь всех пророков и осужден был подпасть еще более страшному возмездию за еще более гнусное злодеяние.

Христос был печален и погружен в глубокие думы. Не без чувства страха ближайшие и наиболее возлюбленные из апостолов – Петр, Иаков, Иоанн и Андрей – подошли к Нему и, видя, что взоры Его устремлены на храм, спросили Его наедине: «Скажи нам, когда это будет и какой признак Твоего пришествия и кончины века?» Вопрос их, видимо, исходил из предположения, что разрушение Иерусалима и храма совпадет и с концом мира. Тогда Христос изложил перед ними в пророческой картине развитие и ход Царства Божия на земле, причем особенно остановился на двух главнейших событиях: гибели Иерусалима и вместе иудейского народа, как самостоятельного политического тела, и кончине мира. Разрушение Иерусалима будет лишь началом всего этого, и оно должно послужить прообразом того, что имеет совершиться при Страшном суде над живыми и мертвыми. Когда совершится последнее страшное событие, это составляет тайну Божества, в которую не могут проникнуть и ангелы; но и до ближайшего события пройдет еще немало времени, и много явится искушений, которых нужно остерегаться. Появятся ложные Мессии и будут лестию и страхом склонять на свою сторону; но они пусть непоколебимо держатся веры в своего Учителя и Господа, все претерпят за Него, и претерпевшие до конца спасутся. Хотя пришествие Господа и кончина мира и неизвестны даже ангелам, но есть все-таки некоторые знамения, по которым можно судить о близости этих великих событий. К тому времени солнце и луна померкнут, звезды спадут как

листья, и силы небесные поколеблются. Произойдет общее потрясение мирового порядка, и тогда Христос пошлет ангелов с трубой громогласно собирать избранных своих от четырех ветров, от края до края. Спаситель внушал своим ученикам во все времена наблюдать за этими знамениями и истолковывать их точно так же, как они истолковывают признаки приближения лета по распусканию листьев на смоковнице. Но день тот придет внезапно, и так как он будет днем награды всем верным рабам, то в то же время будет и днем наказания для всех тех, кто окажется не на высоте своего назначения и не готовыми к великому дню. Чтобы еще сильнее напечатлеть в их душах это наставление о бдительности и верности и еще выразительнее предостеречь их от опасности беспечной жизни и погашения светильника бдительности, Он рассказал им две поразительные по своей простоте и вместе с тем богатые назидательностью притчи о «десяти девах» и «талантах» и нарисовал для них картину великого дня Страшного суда, когда Царь Небесный будет отделять и народы, и отдельных лиц одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов. В тот день оказавшие хоть малейшее добро наименьшему из братьев Его будут считаться оказавшими это добро лично Ему. Все, сотворившие зло, пойдут в муку вечную, а праведные – в жизнь вечную. Но чтобы эти изречения не подали повода к каким-нибудь старым ошибочным мессианским воззрениям, Он закончил их печальным, но уже знакомым для них предсказанием, что прежде всего этого последует Его страдание и смерть. Теперь уже с полной ясностью и простотой Он открыл им и сам повод, способ и день: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха; и Сын человеческий предан будет на распятие».

Так закончилась эта великая беседа на горе Елеонской. Солнце уже село, и Он встал и пошел с своими апостолами по дороге в Вифанию. Это уже в последний раз Он шел по этой дороге на земле, и после испытаний, утомления, возвышенной проповеди и страшных волнений этого богатого происшествием дня, как восхитительно приятными должны были казаться Ему эти часы тихих сумерек и вечернего покоя; как освежительны были мир и любовь, окружавшие Его в этом тихом селении и благословенном доме! Нелишне заметить, что Иисус Христос вообще не любил городов и едва ли когда-нибудь проводил ночь в их пределах. Их стадное нечестие, их неугомонная общественность, их лихорадочная суетливость, их шумное однообразие и бесцветность – все это отталкивало и возмущало нежную, чистую душу Христа. Восточный город всегда грязен; нечистоты выбрасываются на улицы; мостовых нет; бродячие собаки – единственные подбиратели нечистот; животные и люди смешанно толкуются на тесных улицах и проходах. Поэтому, хотя по долгу своего служения Спаситель должен был часто посещать Иерусалим и проповедовать огромным толпам народа, собиравшегося на годовые праздники со всех областей и стран света, но при всяком удобном случае Он удалялся за городские ворота – частью для безопасности, частью по бедности, частью потому, что любил этот благословенный дом в Вифании, а частью также и потому, что Он чувствовал больше мира и радости в душе, когда ступал по траве, растущей на горах, чем по жестким камням города, и высшим блаженством для Него было общение с Отцом Небесным под тенью масличных деревьев, где, вдали от людского шума и возмутительных зрелищ, Он мирно мог наслаждаться чудной красотой заходящего солнца и здоровой свежестью вечерней росы.

XXVII

Определение синедриона о взятии Христа хитростью; предательство Иуды. Умовение ног, Тайная вечеря и прощальная беседа с учениками. Молитва Иисуса Христа в саду Гефсиманском и взятие его воинами

Когда праведники спали, нечестивые злой совет замыслили. В ночь на великую среду члены синедриона собрались в доме первосвященника Каиафы на совещание и горячо обсуждали вопрос, что же им делать с опасным для них Галилеянином. Все планы схватить Его в храме, возбудить против Него ярость народа или подозрительность римского правительства оказывались тщетными и расстраивались сами собой – как вследствие опасения преданного Ему народа, так и вследствие Его собственной мудрости, разрушавшей все их самые коварные замыслы. Вероятно, поднимались голоса и за предоставление Ему свободы действия, пока не

обнаружится сама собой сущность Его дела и учения. Но противная партия восторжествовала; на совете положено было убить Его – если не открыто, то хитрым насилием и коварством. Но как достигнуть этого? Когда они рассуждали об этом, им доложено было о том, что один из ближайших учеников и последователей Иисуса Назарянина желает сделать им важное сообщение.

В палату злого совета введен был рыжий, по преданию, иудей, который в своих лукаво сверкающих глазах обнаруживал преступное беспокойство и алчность. Это был Иуда Искарот, единственный в апостольском лике иудей в собственном смысле этого слова, человек из Кариота, городка в области Иудее. Он представляет собой единственную в Св. Писании личность, обреченную Самим Господом на погибель. И к этому он пришел по своей преступной любви к миру. Он был самый яркий представитель тех ложных учеников, которые присоединялись к Христу в ожидании земного царства. Но когда Спаситель неоднократно объявлял о предстоящих Ему страданиях и смерти, то он увидел, что ожидания его не оправдались; вместо царского престола ему предстояли всевозможные лишения и гонения. Тогда он решился просто предать своего Учителя Его врагам, надеясь, что хоть этим он заработает несколько и вознаградит себя за обманутое ожидание. Алчность была его второй природой. Он уже давно стал удовлетворять ее из общинной кассы апостолов, вверенной ими его попечению, и страсть эта овладела им теперь уже настолько, что он в выражении ее не сдерживался перед учениками, которые явно видели, что он «вор». Когда он на вечери в доме Симона (Лазаря) получил за свое лукавое замечание о благородном подвиге Марии укор от Спасителя, то это окончательно озлобило его, сатана вошел в него, и он решился сделаться предателем. И вот теперь в глухую ночь он прокрался в Иерусалим и предстал перед синедрионом. Высоким злоумышленникам только того и надо было, и когда Иуда спросил с них за услугу большую для себя, но ничтожную для них сумму в тридцать сребреников, то сделка была готова, условие заключено, и синедрион разошелся с сознанием успеха в задуманном деле, а Иуда, призывая на помощь все силы ада, стал обдумывать, как ему достигнуть своей цели.

Прошла среда, которую Спаситель провел в уединении, и приблизился день, «в который надлежало заколать пасхального агнца». Закон назначал для заклания пасхального агнца день 14-го Нисана, время «между вечерами» или около солнечного заката. Но касательно смысла этого выражения книжники и законники спорили и разделялись во мнениях. По одним выражение это нужно понимать в смысле промежутка между солнечным закатом и сумерками; по другим – в смысле промежутка между явным наклоном солнца к небосклону и действительным закатом. Последнее мнение, по-видимому, более правильно, и агнца, вероятно, заколали вскоре после вечернего жертвоприношения (в девятом часу), так что после всех приготовлений закланного агнца пасхальная вечеря могла совершаться в обычный час ужина и таким образом еще в пределах 14-го Нисана.

Весь этот день проходил в Иерусалиме и окрестностях чрезвычайно шумно и хлопотливо, потому что не только местные жители, но все бесчисленные богомольцы хлопотали о закупке и заклании агнца, так что в этот день иногда заколалось более двухсот тысяч агнцев. Позаботились о том же и ученики, и еще в четверг утром 13-го Нисана спросили своего Учителя, где бы Он желал есть пасху. Спаситель велел апостолам Петру и Иоанну идти в Иерусалим и, указывая для них таинственный признак, сказал им, что при входе в ворота они встретят слугу с кувшином воды, почерпнутой в одном из источников для вечернего употребления; следуя за ним, они придут в дом, хозяину которого они должны передать о намерении Учителя есть в этом доме пасху с своими учениками; и хозяин этот (по предположению некоторых, Иосиф Аримафейский) тотчас же предоставит в их полное распоряжение готовую убранную горницу, снабженную необходимыми столами и лежанками. Они нашли все, как сказал им Иисус Христос, «и видимо, в тот же день приготовили пасху». Когда Христос и остальные ученики прибыли в этот дом, то вечеря была уже готова, стол накрыт и расположен обычный триклиний с возлежаниями. Обычай есть пасху стоя был уже

давно оставлен. Возлежание считалось наиболее сообразным и удобным положением, тем более что оно признавалось положением свободных людей. Каждый гость возлежал во всю свою длину, облачаясь на левую руку так, чтобы правая могла быть свободной. По правую сторону Иисуса Христа возлежал возлюбленный ученик, голова которого поэтому во всякое время могла склониться на грудь его Учителя и Господа. На Востоке во всяком доме серединная часть пола обыкновенно покрывается коврами или циновками, и при входе в комнату всякий снимает свои сандалии у порога, чтобы не загрязнить белых и чистых циновок пылью и нечистотой с дороги или с улицы. Все ученики так и сделали и затем стали занимать места за столом; но при этом опущен был другой приятный обычай, который немало ценился Христом. Ноги их, наверно, были покрыты пылью от хождения по знойной и каменистой дороге из Вифании в Иерусалим, и в таком случае приятно было бы освежиться для вечера омытием их после снятия сандалий. Но омыwać ноги было делом рабов, и так как никто не вызвался исполнить этого доброго дела, то сам Господь Иисус, в своем бесконечном смирении и самоотречении, встал из-за стола, чтобы исполнить рабскую службу, которой никто из Его учеников не предложил сделать для Него. Он снял с Себя верхнее одеяние, взял сосуд с водой и полотенце и молча начал умывать им ноги. Смущение и стыд повергли учеников в глубокое молчание, пока Он не дошел до Петра, неудержимое волнение которого выразилось в изумленном вопросе: «Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Ты, Сын Божий, Царь израилев, имеющий слово вечной жизни, Ты ли будешь умывать ноги недостойного Петра?» Но Христос отвечал ему: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною». И этого замечания довольно было, чтобы пылкий ученик воскликнул: «Господи! не только ноги мои [умой], но и руки и голову». И Христос продолжал умовение, заявив при этом, что они, как омытые водой духовного учения из источника жизни, чисты; но, прибавил Он с грустью, «не все», и в этот момент святые руки Его, быть может, умывали грязные ноги предателя, только что возвратившегося с своего гнусного торга.

Ученики не обратили должного внимания на это указание и по окончании умовения заняли места за вечерей. Среднее и главное место занял Учитель, справа возлег Иоанн, а по левую сторону Спасителя, по-видимому, возлежал Иуда Искариот, который сам нахально занял это место, присваивая себе как хранителю общей кружки некоторое преимущество перед другими учениками. Место Петра, по-видимому, было на краю следующей лежанки – слева от Иуды. Когда началась вечеря, Спаситель стал объяснять им значение своего действия, именно как наглядного урока смирения, с которым они должны относиться друг к другу. Но взор Его упал на Иуду, и дух Его опечалился. Видя, что ученики не обратили внимания на сделанный раньше намек, Христос теперь уже прямо объявил им во всеуслышание: «Истинно, истинно – говорю вам, – что один из вас предаст Меня». Как громом поразило их это заявление; страх объял их, и они, каждый чувствуя некоторую неуверенность в себе, обращались к Учителю с вопросами: «Не я ли, Господи?» Чтобы не обнаружить перед собратьями своей виновности, Искариот также нехотя спросил: «Не я ли, Учитель», и получил в ответ: «Ты сказал». Но этот ясный ответ опять не замечен был апостолами, и Петр с своей обычной нетерпеливостью желал точнее знать, кто именно предатель, и побуждал Иоанна, склонившегося головой к самой груди Спасителя, спросить Его, кто же именно предаст Его. И на это Христос отвечал: «Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам». И затем действительно, «обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту». Это открытие связало ужасом язык Иоанна, и он никому не передал об этом. Так как присутствие Иуды на вечери после всего этого сделалось невозможным, то Христос, делая последнее обращение к его совести, сказал ему: «Что делаешь, делай скорее». И Иуда, как обожженный этим замечанием, поспешно вышел из-за стола и, скрывшись в темноте ночи, отправился делать свое гнусное дело, а многие из простодушных учеников и тогда все еще не догадывались, в чем состояло это дело; некоторые даже думали, что Учитель послал его за покупками к празднику или для раздачи милостыни нищим.

Как только удалился предатель, дух Христа как бы воспрянул от отягчавшей Его скорби, и Он с облегченным сердцем воскликнул: «Ныне прославится Сын человеческий, и Бог прославится в

Нем». Час этого прославления уже настал, того прославления, достигнуть которого предстояло путем унижения и муки. Ему недолго уже оставалось быть с ними, и как Он раньше говорил иудеям, так теперь сказал и им, что куда идет Он, они не могут прийти. При этом Он дал им новую заповедь, исполняя которую они составят общество, совершенно отличное от людей мира сего, именно заповедь, чтобы они любили друг друга. Но Петр не довольствовался этим и хотел непременно идти туда же, куда идет Учитель, и когда строптивый ученик с самоуверенностью начал настаивать, что нет таких преград, которые могли бы воспрепятствовать ему следовать за своим Учителем, что он «душу свою положит за Него», то Спаситель укорил эту его самоуверенность предсказанием, что не успеет пропеть петух, как он трижды отречется от Него. Еще яснее открыв ученикам о предстоящих Ему ужасах, Спаситель предсказывал им, что все они оставят Его в эту ночь и рассеются, но Он встретит их в Галилее по воскресении. Чтобы поддержать их дух, Он продолжал раскрывать им свою Божественную сущность и свое отношение к Отцу Небесному. «Я есмь, – говорил Он, – путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его». Апостол Филипп прервал эту божественную беседу простодушным вопросом, показывавшим, как еще мало и теперь ученики понимали сущность своего Божественного Учителя. «Господи, – сказал он, – покажи нам Отца», и на это Христос отвечал ему заслуженным укором: «Сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?» И затем, ссылаясь на свое учение и на свои дела, возможные только по сопричастности в Нем Отца, Он стал раскрывать им, что придет Дух Святой, и Утешитель этот, обитая в них, сделает их едиными и с Ним, и с Небесным Отцом. Полнее об изложенных Им истинах научит их Утешитель Дух, который будет послан им от Отца и воспомянет им все, о чем Он говорил им. А теперь Он оставляет им благословение мира, так как не имеет возможности поучать их много и должен вступить в страшную борьбу с князем мира сего.

Тайная вечеря

Самым важным событием во время Тайной вечери было установление Христом таинства евхаристии как благодатного средства единения верующих со Христом. Ученики уже понимали, что их возлюбленный Учитель уходит от них, и печалились. Тогда Спаситель в утешение им и установил таинство причащения Его тела и крови как истинного Агнца, вземлющего грехи мира. Во время вечери Он «взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите; сие есть тело Мое. И, взяв чашу и благословив, подал им, и сказал: пейте от нее все; ибо сие есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф 26:26–28). И, причастив их своего пречистого тела и всецелой крови, Он повелел им всегда совершать это таинство в Его воспоминание, как доселе и совершает св. Церковь, имеющая в этом таинстве благодатное средство даже большего единения со Христом, чем каким наслаждались ученики до установления таинства, навсегда заменившего ветхозаветную Пасху.

Но вот вечеря и прощальная беседа кончилась, и Христос сказал ученикам: «Встань те, пойдемте отсюда». Они встали и вместе с своим божественным Учителем запели один из

псалмов сладостного певца Израилева, и звуки этой священной песни торжественно разносились по безмолвной тишине темной восточной ночи. После песнопения Он еще раз обратился к ученикам своим с словом назидания и утешения. Он говорил им о необходимости теснейшего единения между Им и ими в любви, и любовь эта должна иметь свой источник в Нем, так как Он есть «истинная виноградная лоза. Как ветвь не может приносить плода сама собой, если не будет на лозе, так и вы если не будете во Мне». Им как провозвестникам новых истин, стоящих в противоречии с тем, что считало истинным древнее человечество, придется подвергнуться ненависти и гонениям от сынов мира сего; но да не смущается дух их. В единении со Христом они найдут мужество вынести все это и восторжествовать (Ин 16:33). «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь; ибо Я победил мир». Закончив поучение, Спаситель возвел очи к небу и произнес великую первосвященническую молитву, в которой просил своего Небесного Отца, чтобы Он прославил своего Сына, совершившего ныне порученное Ему дело; затем, чтобы сохранил Его возлюбленных учеников, долженствовавших продолжать Его дело на земле, и наконец молил Бога Отца, чтобы Он освятил и соделал совершенными в разуме и истине всех верующих в Него. «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино; да уверует мир, что Ты послал Меня».

После этого Христос двинулся с своими учениками за город, и, спустившись вниз, в ложбину Кедронского потока, вошел в сад Гефсиманский. Часть этого сада существует и доселе – между потоком и горой Елеонской, и место его обозначается несколькими маслинами, из которых восьми, по крайней мере, приписывается маститая древность – не менее двух тысяч лет, так что они были свидетельницами величайшего момента в душевной жизни Христа. Теперь весь сад занимает не более пятидесяти шагов, но в древности он был гораздо больше, и настолько славился изобилием масличных плодов (олив), что от них получил самое свое название (Гефсимания – пресс или точило для добывания оливкового масла). Деревья в это время находились в нежной, весенней, недавно распутившейся листве, и лунный свет пробирался через них своими мерцающими лучами. Все было торжественно тихо и мирно кругом; даже птицы беспечно спали на пушистых ветвях, под покровом звездного неба, где и о них заботился Отец Небесный. Позади возвышалась гора Мориа с ее искусственными террасами, ведущими к величественному притвору храма, а впереди за загородью сада начинались склоны горы Елеонской, своей вершиной закрывавшей от взоров благословенный домик в Вифании. Дух Христа был переполнен великими думами о предстоящем, и Он желал уединения, чтобы в молитве к Богу Отцу излить свое сердце. Оставив большинство учеников у входа в сад, Он ввел трех избраннейших из них с собой в глубь Гефсимании, именно Петра, Иакова и Иоанна, которые как свидетели славы Его преображения должны были быть ближайшими свидетелями и величайшей Его душевной муки. Но и их присутствие было тяжело в этот страшный час. «Душа Моя, – сказал Он, – скорбит смертельно», и, повелев им бодрствовать, отошел от них еще дальше в чашу сада на полет брошенного камня, и там начал молиться, чтобы подкрепить свой дух, объятый ужасом перед тяжестью грехов человечества, которые теперь предстояло Ему поднять на Себя. Его человеческая природа ужасалась предстоящего бремени, которое должно было понести Ему. В мучительной молитве Христос даже на миг предполагал возможность отмены страшного искупительного дела и взывал к Отцу: «Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня»; но затем Он тотчас же все предоставил воле Пославшего: «Но не чего Я хочу, а чего Ты». Никогда еще с такой ясностью не выступало в Нем единение Его Божественной и человеческой природы, как именно в этот момент. Если на первый взгляд человеческая природа здесь как бы берет перевес над Божественной, то нужно иметь в виду, что этот момент был моментом величайшего самоуничижения Христа, когда именно «Он смирил Себя и сделался послушен даже до смерти», всецело предавая Себя Отцу как представителя греховного человечества. Но сама способность сделать это, тесное общение с Отцом в отношении воли и совета и совершеннейшее торжество самоотвержения над человеческой немощностью служат явными доказательствами Его Божества.

И в этой страшной борьбе Спаситель не оставлен был без помощи. Как при первоначальном

искушении от диавола в пустыне, так и теперь укреплял Его ангел с небес. Зато люди, даже ближайшие Его последователи и ученики, и не помышляли оказать Ему какое-либо утешение или подкрепление. Когда Спаситель возвратился из глубины чащи к своим ученикам, то они – спали! Спал даже и Петр, и к нему особенно Спаситель обратился с кротким укором: «Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение». И тут же, как бы в извинение этой человеческой немощи, Христос с благостным снисхождением добавил: «Дух бодр, плоть же немощна». Два раза еще отходил Он в чащу и повторял ту же молитву и два раза по возвращении опять находил своих учеников погруженными в столь глубокий сон, что они даже не знали, что им отвечать на Его вопросы и укоры. Но в третий раз Он уже пробудил их явным указанием на приближение опасности: «Вы все еще спите и поживаете? кончено; пришел час; вот предается Сын человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот приблизился предающий Меня».

И в это самое время сквозь чащу деревьев засветились огни и явилась целая толпа храмовых и первосвященнических служителей, которые, вооружившись мечами и кольями, тихо подкрадывались к саду, где, как указывал им предводительствовавший этим скопищем предатель, должен был находиться Христос. Такие предосторожности были совершенно излишни, так как Христос теперь готов был отдаться им Сам. Но сам этот дух безграничного самопожертвования был таким страшным обличителем совести нечестивых, что от простого заявления Христа, что это Он самый, которого они ищут, вся вооруженная толпа в ужасе рассеивалась и падала, тем более что сам предатель два раза оказывался не в состоянии подать условленный им знак и цепенел во всем своем гнусном существе. Только уже в третий раз сатана вооружил его адским мужеством, и Иуда своими гнусными устами напечатлел предательский поцелуй. Тогда вооруженная толпа окружила Иисуса Христа и стала вязать Ему руки. Произошло всеобщее смятение, и Петр, выхватив меч, хотел защитить им своего Учителя, но неумелой рукой отсек только ухо одному первосвященническому служителю Малху. Христос, однако же, укорил его за неразумную горячность и исцелил ухо служителю, обратившись в то же время ко всей вооруженной толпе с укорительными словами: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме и учил; и вы не брали Меня. Но да сбудутся писания». Тогда последнее мужество оставило учеников, и они «все бежали». Только Петр и Иоанн издали следовали за толпой, да еще какой-то юноша в беспокойстве бегал среди толпы, закутавшись одеялом. Но и этот мужественный последователь Христа, очевидно разбуженный уличным шумом, следовал за Учителем только пока на него не обращали внимания. Когда один из служителей с целью удостовериться его личности схватил его за край одеяла, то он в страхе рванулся из рук служителя и, оставив в его руках одеяло, нагой скрылся во тьме. По преданию, это был апостол Марк, который один только и рассказывает об этом событии.

XXVIII

Суд над Христом у первосвященников Анны и Каиафы. Отречение и раскаяние Петра. Иисус Христос на суде Пилата и Ирода; бичевание его и осуждение Пилатом на смерть. Погибель Иуды, а также и других виновников злодеяния

В то время, как происходило взятие Христа под стражу, высокие злоумышленники заседали на ночном собрании, в ожидании жертвы, в доме главного вождя всего заговора – первосвященника Каиафы. Но Божественный Узник сначала отведен был к первосвященнику Анне, как старейшему иерарху, в надежде, что он, лично повидав Иисуса, своей испытанной мудростью поможет и своему зятю Каиафе, как лучше всего действовать в настоящем случае, чтобы осудить Узника и в то же время не возбудить негодования народа.

Первосвященнический дом в Иерусалиме, как и вообще дома знатных лиц на Востоке, представлял собой целый ряд зданий, расположенных четырехугольником, внутри которого был мощный двор, с одним или двумя входами в него. В этих зданиях не только помещались оба первосвященника, но и различные палаты для заседаний, а также и всевозможные службы,

необходимые при доме столь знатных сановников. На такой двор и приведен был Христос вооруженной толпой, направившей Его прежде всего к Анне. Этот престарелый заштатный первосвященник, увидев Узника, с злорадством приступил к допросу и прежде всего «спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его». Вопрос был излишний и коварный, и потому Узник с правом и достоинством отвечал ему: «Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где все иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им; вот они знают, что Я говорил». Таким ответом Христос напомнил несправедливому судье о вопиющем нарушении им судебных законов, требовавших суда открытого, дневного и при свидетелях, а не ночного, тайного и при вооруженном скопище, и потому-то ответ этот так разъярил окружающих служителей, что один из них дерзко ударил Христа по ланите, закричав на Него: «Так отвечаешь Ты первосвященнику?» Такое дикое самоуправство служителя заставило самого первосвященника почувствовать угрызение совести, особенно когда он услышал бесконечно кроткое замечание Христа: «Если Я сказал худо, покажи, что худо, а если хорошо, что ты бьешь Меня?» Сознавая неудачность первого допроса, Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе. Это был тот Каиафа, который уже раньше «подал иудеям совет, что лучше одному человеку умереть за народ».

В доме его заседал совет. Там уже все было подготовлено для осуждения божественного Узника. Синедрион вообще отличался как судилище мягкостью и человеколюбием, насколько он отражал дух вообще гуманного Моисеева законодательства. Вследствие этого сложилось даже правило, что «синедрион имеет своей задачей спасать, а не разрушать жизнь», и по установившемуся судопроизводству обвиняемому давались всевозможные средства оправдаться. Когда обвиняемый приводился на суд, то на обязанности председательствующего лежало обратиться к свидетелям с увещанием, чтобы они помнили высокое значение человеческой жизни и всячески заботились о том, чтобы как-нибудь не позабыть в своем показании чего-нибудь такого, что может служить в пользу обвиняемого. В уголовных делах судопроизводство не должно было происходить ночью и накануне субботы и великих праздников, а в случае осуждения приговор не мог приводиться в исполнение в тот же день, а только в следующий. Все эти правила служили для обеспечения правого суда; но теперь синедрион, собравшийся в доме Каиафы, был слишком подавлен желанием погубить ненавистного для народных старейшин Галилеянина, чтобы руководствоваться столь гуманными правилами, и он нарушил их во всех отношениях и представлял собой незаконное собрание злоумышленников, а не добросовестных судей. Да им и не было возможности действовать законно, потому что против предательски взятого ими Узника они не могли выставить ни одного законного обвинения. Во всех действиях и учении Христа они решительно не могли найти ничего такого, за что можно бы подвергнуть Его смертной казни и для этого им нужно было найти во чтобы то ни стало такой обвинительный пункт, который, при известной натяжке, мог бы быть перетолкован в государственное преступление и который давал бы им возможность передать его на суд римлянам как опасного мятежника. Таким пунктом могло быть только Его мессианство, и вот на него-то и были направлены все мысли судей.

Каиафа, наверно услышав о произошедшем в доме Анны, счел необходимым прибегнуть к допросу свидетелей. И вот были призваны свидетели, но не те, на которых указывал Христос как «знающих, что говорил Он», а лжесвидетели, заранее подобранные, с целью во что бы то ни стало найти улики обвинения против Узника. Да и их трудно было сначала найти, и «хотя много лжесвидетелей приходило», но все они не соответствовали цели, так как не могли сказать ничего веского против Узника. «Наконец пришли два лжесвидетеля», подававших более надежды. Они «лжесвидетельствовали против Него и говорили: мы слышали, как Он говорил: Я разрушу храм сей рукотворенный и через три дня воздвигну другой нерукотворенный». Хотя это свидетельство было явным искажением действительно сказанных Христом слов, но все-таки можно бы основать на нем обвинение Узника в неуважении к величайшей иудейской святыне и в посягательстве на целостность народного и государственного

достояния. К несчастью для неправедных судей, и эти лжесвидетели до того различно передавали это обвинение и настолько противоречили себе, что даже у неправедного суда не хватало смелости остановиться на нем. И вопиющая лживость этих свидетельств становилась тем ярче и постыднее, что Узник безмолвствовал. Это красноречивое безмолвие, бывшее в такой разительной противоположности с окружающим шумом лжесвидетельств и наветов, разъярило первосвященника, и он, вскочив с своего председательского места и став посредине полукруговой палаты, как раз перед Христом, запальчиво спросил Его: «Что Ты ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют?» – «Но Он молчал, и не отвечал ничего». Это окончательно вывело первосвященника из себя, и он сам обратился к Узнику с торжественными словами: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам: Ты ли Христос, Сын Божий?» Вопрос был поставлен прямо и торжественно, и на него Христос отвечал страшным самооткровением, которое должно бы было повергнуть всех присутствующих в трепет благоговения. «Ты сказал», – отвечал Христос, употребляя общеизвестный греческий оборот, означающий торжественное подтверждение вопроса, равносильное выражению: «Да, ты сказал истину, – это Я». «Даже сказываю вам, – прибавил Христос, – отныне узрите Сына человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных».

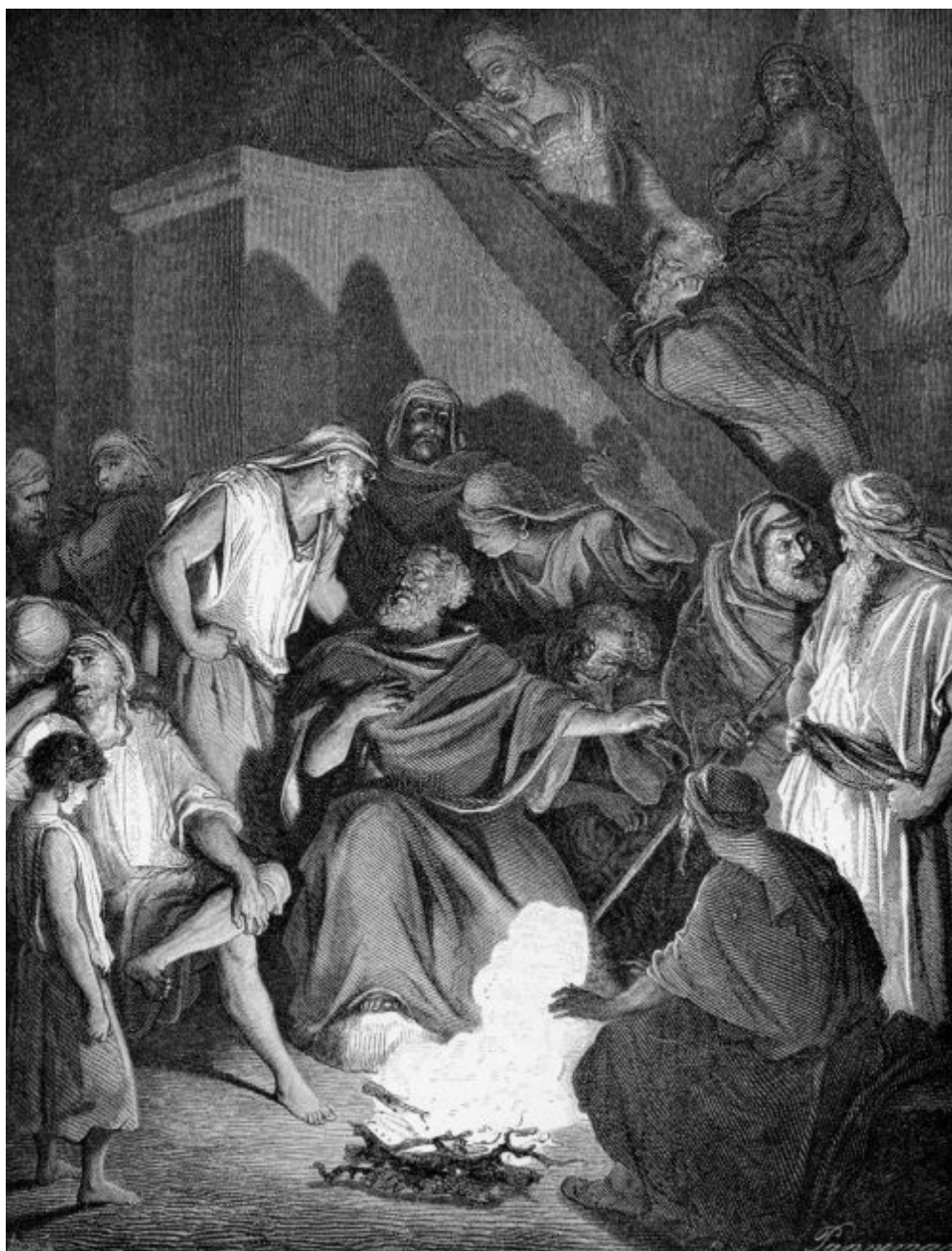
Закоснелое сердце первосвященника и старейшин не дрогнуло и перед этим страшным самооткровением, которое, напротив, лишь увеличило их ярость. С видом иступленного ревнителя закона, «первосвященник тогда разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует; на что еще нам свидетелей? вот теперь вы слышали богохульство Его. Как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти», и с этими кровожадными криками закончилось заседание. В то время как происходило это незаконное судбище над святейшим из людей, на первосвященническом дворе вооруженная толпа служителей и дворни, расположившись вокруг пылающего костра, занималась собственным обсуждением всего произошедшего. Вся эта дворня, естественно, была враждебно настроена к Христу, в котором видела лишь мятежного галилеянина и издевалась над Ним и Его разбежавшимися от страха учениками. Однако же не все разбежались они. На этом самом дворе были двое из них, которые имели достаточно мужества для того, чтобы проникнуть в самую среду врагов своего Учителя. Одним из них был Иоанн, возлюбленный ученик, который, как не неизвестный в первосвященническом доме рыбак, мог проникнуть на двор без особого затруднения, и другой – Петр, который мог проникнуть только тайком, с опасением за свою свободу и даже жизнь. С трепетным сердцем подошел он к костру и стал греть свои коченевшие от холода и ужаса члены. Из среды толпы одна служанка, обратив внимание на незнакомца, вдруг спросила его: «И ты был с Иисусом Галилеянином?» Вопрос этот был так неожидан для Петра, что чувство самосохранения не дало ему времени обсудить свое положение, и он угрюмо и нехотя ответил: «Не знаю, что ты говоришь». Однако же это заставило его удалиться от костра и направиться к выходу; но там встретила его другая служанка и стала говорить окружающим, что «и этот был с Иисусом Назореем». Еще более смущенный этим, Петр начал клясться, что «не знает сего человека». Между тем его окружила толпа, и многие уже стали говорить ему: «Точно и ты из них; ибо и речь твоя обличает тебя». А один из первосвященнических служителей, родственник Малху, даже прямо заявил: «Не я ли видел тебя с Ним в саду?» Тогда Петр, объятый ужасом, начал «клясться и божиться, что не знает сего человека». И вдруг запел петух, возвещавший наступление зари. Как громом поражен был Петр этим обычным пением. Ему сразу же припомнилось, что сказал ему Христос на его самоуверенное заявление преданности своему Учителю, и он, пораженный ужасом самообличения, опрометью бросился с первосвященнического двора и «плакал горько».

По произнесении смертного приговора над Христом Он передан был под стражу дворовых служителей, и от грубых рук их потерпел первое поругание. Грубая чернь всячески издевалась над Ним, как бы желая этим угодить своим сановным господам. Последние между тем составили план и дальнейшего действия. По обычной иудейской практике человека, над которым произносился смертный приговор, нужно было вывести за город и побить камнями.

Но вследствие подчинения Иудеи римлянам у верховного иудейского судилища отнято было право жизни и смерти, так что приговор должен был получить утверждение еще со стороны римского прокуратора. Прокуратором в это время был Понтий Пилат – человек, немало вытерпевший от иудейского фанатизма и до глубины души ненавидевший и презиравший иудеев. В обычное время он жил в Кесарии Филипповой, но по великим праздникам обыкновенно переезжал в Иерусалим, чтобы своей вооруженной силой оберегать общественное спокойствие от всякой попытки возмущения праздничной толпы, и там его главная квартира, так называемая претория, была в одном из великолепных Иродовых дворцов. К этой-то претории ранним утром следующего дня и направилась громадная процессия первосвященников и старейшин, ведших с собой связанного Христа, с целью получить утверждение составленного ими ночью приговора. Встревоженный в необычно ранний час столь шумной процессией и предполагая какое-нибудь серьезное пасхальное возмущение, Пилат поспешно вышел в палату суда и занял свое судейское кресло, чтобы расследовать, в чем дело. Но так как иудейские старейшины отказались войти в языческую палату, чтобы не оскверниться и не потерять через это права есть пасху и участвовать в предстоящих богослужениях и жертвоприношениях, то Пилат принужден был выйти к ним из претории. Окинув сборище своим пронизательным взглядом и заметив среди толпы бесконечно кроткого Страдальца, он строго и коротко спросил: «В чем вы обвиняете человека сего?» Вопрос этот озадачил их и показал им, что они должны быть готовы к нескрываемому противодействию их намерениям. Пилат, очевидно, желал судебного расследования, а они ожидали только простого позволения предать смерти, и притом не иудейским способом казни, а таким, который они считали наиболее ужасным и проклятым. «Если бы Он не был злодей, – неопределенно и дерзко отвечали они, – мы не предали бы Его тебе». Но Пилат, при своем чисто римском знании закона и чисто римском же презрении к их кровавому фанатизму, не мог решиться на действие на основании такого совершенно неопределенного обвинения и дать свое правительственное утверждение их темному, беспорядочному решению. Он не хотел быть исполнителем в деле, в котором не был судьей. «Хорошо, – отвечал он с гордой презрительностью, – возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его». Но этим он только принудил их к унижительному признанию, что, будучи лишены права предавать кого-либо смертной казни, они не могут обойтись без римского прокуратора. Поэтому они должны были изложить перед ним обвинение, и тут-то Каиафа постарался придать политический характер всему делу, чтобы возбудить римского правителя против Узника. Они именно стали обвинять Его в том, что Он будто бы развращал народ, запрещал платить подать кесарю и называл Себя царем. Все эти обвинения действительно были политического свойства, но сам внешний вид Христа, о котором Пилат, наверно, слышал и раньше, заставил его усомниться в истинности этих показаний, тем более что свидетели не подтверждали их. Пилат обратил особенное внимание на третье обвинение, и находя его совершенно противоречащим всей внешности Узника, захотел лично допросить Его и для этого увел Его внутрь претории. С удивлением взглянув на божественного Узника в Его страшном унижении, Пилат спросил Его: «Ты царь иудейский?» Зная, что сам Пилат ничего не имел против Него, Христос кротко и с достоинством ответил, что царство Его не от мира сего, как это доказывается всей Его деятельностью и поведением Его учеников и последователей, которые за своего царя не восстанут с оружием в руках. «И так Ты царь?» – еще с большим изумлением переспросил Пилат. Иисус отвечал: «Ты говоришь, что Я царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает глас Моего». Последнее замечание окончательно убедило Пилата в том, что Узник отнюдь не мятежник обычного рода, а просто какой-нибудь совершенно безвредный мечтатель, который наподобие греческих философов всецело занят решением вопросов об истине и тому подобных возвышенных предметах, совершенно не касающихся римской власти. Поэтому, спросив иронически: «Что есть истина?», Пилат повернулся и, выйдя из претории, всенародно произнес свой оправдательный приговор: «Я никакой вины не нахожу в Нем».

Но это открытое оправдание ненавистного старейшинам Узника, для изловления которого

потрачено было столько усилий и проведено столько бессонных ночей, только еще больше разъярило Его врагов. В ответ на оправдательный приговор Пилата они неистово закричали, что оправдывать такого человека невозможно, так как Он обманщик, «возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места». Услышав, что Галилея была главным местом деятельности Иисуса, Пилат порешил отправить Его к местному правителю Ироду Антипе, находившемуся по случаю праздника также в Иерусалиме, надеясь сделать этим приятное честолюбивому царьку и вместе сбыть с рук весьма трудное дело. Ирод обрадовался этому случаю – повидать человека, которого ему уже давно хотелось видеть. Заинтересованный слухами о Его чудесах, он теперь обратился к Нему с расспросами о Его деятельности, предполагая, что Узник в угоду царьку может при нем же совершить какое-нибудь удивительное чудо. Но Христос, зная низкую натуру этого царька, которого Он уже раньше заклеил позорным именем лисицы, «ничего не отвечал ему», и раздраженный Ирод передал Узника своей придворной черни на поругание и затем вновь отправил Его Пилату (что, между прочим, послужило средством примирения этих двух правителей, бывших перед тем во вражде между собой), заявив, впрочем, что ничего не нашел преступного в Узнике.

Отречение Петра

Поставленный в необходимость опять решать неприятное ему дело и желая как-нибудь спасти невинного, по его убеждению, человека, а также и поддержать достоинство своего первого оправдательного приговора, Пилат попытался обратиться к чувству сострадания и благородства народа. По установившемуся обычаю, римский правитель по случаю Пасхи освобождал какого-нибудь узника, по желанию и выбору народа. Зная, что все обвинение против Иисуса есть дело первосвященников и старейшин и что народ еще недавно обнаруживал восторженную привязанность к Христу, он предположил назначить для праздничного освобождения двух узников именно Христа и закоснелого разбойника и убийцу – Варавву, в надежде, что народ предпочтет Того, кого он еще недавно с восторгом приветствовал как сына Давидова. Но и этот план был расстроен коварством вождей, которые уже успели склонить народ на свою сторону, убедив его, что лучше простить Варавву, уже заявившего себя смелыми восстаниями против чужеземного ига, чем Иисуса, который, видимо, не способен был оправдать надежд на восстановление царства Давидова. Поэтому на вопрос Пилата, кого освободить им, чернь закричала: «Смерть Ему, а отпусти нам Варавву!» Пораженный таким неистовым озлоблением, Пилат хотел затянуть дело и спросил: «Чего же хотите, чтобы я сделал с царем иудейским?» Тогда впервые раздался неистовый крик: «Распни, распни Его!» Напрасно Пилат, пользуясь каждым затишьем в смятении, настаивал на своем, настаивал, правда, упорно, но с каждым моментом ослабевая все больше и больше. «Какое же зло сделал Он? – спрашивает опять Пилат. – Я ничего достойного смерти не нашел в Нем. И так, наказав Его, отпускаю». Такое нерешительное противодействие было совершенно бесполезно. Оно только выдало иудеям внутренние опасения их прокуратора и практически все дело отдавало в их руки. Все сильнее и сильнее оглашали они воздух своими неистовыми отвратительными криками: «Смерть Ему! Распни, распни Его! отпусти нам Варавву». Когда происходило это страшное судбище, представлявшее собой борьбу римского правосудия с иудейским неистовством и изуверством, Пилат получил от своей жены Проклы извещение, что она видела страшный и многозначительный сон об этом Праведнике и просила его быть крайне осторожным в Его деле. Тогда Пилат сделал последнюю попытку спасти божественного Узника. С целью хоть сколько-нибудь утолить кровожадность обвинителей, он подверг Его бичеванию, а затем, надеясь пробудить к Нему сострадание, он вывел Его опять к народу и, вызывая к простому человеческому состраданию, сказал: «Се, человек». Но толпа превратилась в диких зверей, оглашавших воздух однообразным ревом: «Распни, распни Его». Пилат еще раз остановился в крайнем недоумении, что именно могло так ожесточить против Него народ. Он опять отвел Христа внутрь претории и вновь подверг личному допросу.

Но теперь все уже было напрасно, и Христос не отвечал ему. «Мне ли не отвечаешь? – запальчиво спросил римский сановник. – Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя, и власть имею отпустить Тебя?» Но это было очевидное заблуждение с его стороны, особенно при настоящем положении дела, когда Пилат, очевидно, сознавал свое полное бессилие, и Христос отвечал ему: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе». Такой пронизательный ответ еще более привязал римского правителя к таинственному Узнику, и он с еще большим усердием старался спасти Его. Испытав все средства и еще раз подвергнув Его поруганию от руки римских воинов, Пилат прибег еще к одному средству, сделав попытку подействовать на патриотизм иудейского народа. Одев Христа в царское одеяние, он опять вывел Его к народу и торжественно сказал: «Вот царь ваш». Но появление божественного Страдальца встречено было опять неистовыми воплями: «Распни Его!» И когда Пилат, начавший уже совсем терять почву под собой, спросил: «Царя ли вашего распну?» – как высшие злоумышленники, а за ними и весь народ, закричали: «У нас нет царя, кроме кесаря. Если отпустишь Его, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю». Такого оборота Пилат не ожидал, так как не предполагал, чтобы заведомые ненавистники римского владычества дошли до такого гнусного лицемерия, заявленного так всенародно. И он обьят был ужасом, так как из толпы легко могли явиться доносчики в Рим, и это Пилату могло стоить не только занимаемого места, но и жизни. Тогда он окончательно потерял голову и, заботясь теперь больше о себе и своем

положении, чем о правосудии, решился уступить крикам ненавистного ему народа, и свое отступление загладил лишь формальными заявлениями своей непричастности к этому делу. Он велел принести воды и, умывая руки, сказал народу: «Невиновен я в крови праведника сего; смотрите вы». Но это заявление его мгновенно заглушено было воплями обезумевшей от злорадства черни: «Кровь Его на нас и на детях наших». Тогда Пилат в отчаянии дал приказ воинам приготовить крест и распять на нем «царя иудейского».

Этот страшный в самой своей простоте приказ Пилата слышали тысячи присутствующего народа, и его, несомненно, слышал и Иуда Искарот. Все его гнусное дело таким образом, увенчалось полным успехом, но этот успех не обрадовал его. Последний приказ Пилата прозвучал для него как грозный приговор над ним самим. В полной власти сил злобы и сатанинского ослепления Иуда находился лишь до момента совершения самого предательства в саду Гефсиманском. Уже тогда спокойный укор Спасителя: «Целованием ли предаешь Сына человеческого?» пронзил его сердце острием внезапного нравственного пробуждения и грозного самообличения, и он в ужасе бежал с места своего сатанинского злодеяния. Ослепляющий дух алчности мог и после этого отчасти поддерживать в нем бодрость самоизмышленными уверениями, что все затеянное им дело совершится к его, Иудину, благополучию, но пробужденный голос совести начал раздаваться в его душе все сильнее, до степени грозного и невыносимого набата. Иуда, наверно, присутствовал при всех перипетиях суда и поруганий над Христом; он слышал и ругательства черни над Страдальцем, и взвизги бичей, и отзвуки заушений, и безумные, иступленные вопли: «Распни, распни Его!» Но можно быть уверенным, что сам он далек был от всякого участия в этих зверских неистовствах, и, напротив, каждый взвизг бича как бы раздавался над его собственной спиной, каждое заушение болезненно отзывалось на его собственных, мертвенно-бледных щеках, и вопли: «Распни, распни Его» как бы относились не к кому другому, как к нему самому – Иуде Искароту. И о, если бы действительно все это совершалось над ним – злополучным Иудой, а не над тем вон Страдальцем, кроткого взгляда которого он теперь страшился более, чем сатана может страшиться грозной молнии небесной! И по его душе яркой чередой пронесли воспоминания последних трех с половиной лет его жизни. Наделенный от природы семенем зла, он был одним из тех людей, которые в условиях своего скромного существования с затаенным ропотом сносят свою незавидную долю и готовы воспользоваться первым случаем, чтобы сбросить с себя иго бедности и низкого положения, чтобы разбогатеть и возвыситься – хотя бы для этого пришлось совершить ужасающее преступление. Случай свел его с великим Учителем. Не Он ли Мессия? – мелькнула в Иуде тайная мысль; не Он ли тот ожидаемый Царь – Мессия, который, по народному верованию, должен был явиться по исполнении времен, который выведет иудеев из жалкого подчиненного положения язычникам, покорит для них весь мир, соберет для их обогащения все земные сокровища, оденет самого последнего иудея в багряницу, унизанную жемчугами и драгоценными камнями, и будет кормить их изысканными яствами, какие только может доставлять природа земная? Если так, то вступление в избранное общество такого Учителя есть, очевидно, дело крайне выгодное и многообещающее, и Иуда, вступая в число последователей Христа, по самому существу своей натуры, на первом плане имел именно земные выгоды. Христос, конечно, провидел его низкую, злобную, своекорыстную натуру; но принятие его в общество апостолов было одним из тех опытов божественного милосердия, которые часто делаются с целью привести зло в соприкосновение с самым источником добра и дать свободной воле человека возможность при помощи этого добра победить гнездящееся в нем зло. Но злая воля Иуды не поддавалась обаянию и самого источника добра.

Иуда мечтал о власти, богатстве и наслаждении, а божественный Учитель проповедовал о смирении, бедности и страданиях. Он не мог не чувствовать бесконечной святости и благодати своего божественного Учителя, но проповедь Его казалась ему не соответствующей величию Мессии. Если вся задача Мессии будет именно такой, какой она являлась из проповеди Пророка назаретского, то Иуда, очевидно, ошибся в расчете; его мечты о земных благах

разлетались в прах; он даже терял и то, что давала ему прежняя скромная доля, и взамен получал лишь залог неизбежных гонений, презрения и всяких бедствий. Так лучше же, мелькнула в нем лукавая мысль, воспользоваться хоть чем-нибудь, – и он начал удовлетворять свою алчность воровством из общинной кружки апостолов. Но этого ему скоро показалось мало, потому что апостольская кружка была слишком бедна, а часто и совсем пуста. Нельзя ли поэтому сразу сделать какой-либо более крупный изворот? Дух алчности изобретателен, и обстоятельства благоприятствовали. Иуда ясно видел, с какой ненавистью вожди иудейские смотрели на опасного для их лицемерия Пророка, и порешил просто продать им своего Учителя, пока еще есть возможность для того. Но такое преступление, взятое во всей его наготу, было бы до невыносимости страшно даже и для Иуды, и он, подобно многим другим величайшим преступникам и злодеям, мог измыслить и более или менее благовидные предлоги к тому. Колеблясь между духом алчности и голосом совести, он мог оправдывать свой злодейский шаг и некоторыми благовидными соображениями. Не побудит ли Иисуса этот его шаг оставить свою проповедь бедности и самоуничтожения и проявить перед своими врагами все свое мессианское величие, которое скорее бы способно было склонить к Нему народ? Если так, то Иуда, очевидно, окажет этим лишь услугу своему слишком доброму и смиренному Учителю и таким образом будет вправе рассчитывать на участие в его мессианском царстве. Если же нет, если Учитель погибнет, то, значит, Он все равно погиб бы; но тогда эта гибель была бы совершенно бесполезной для Иуды, а теперь он верных заполучит тридцать сребреников – сумму, достаточную для того, чтобы купить себе участок земли, а впоследствии может получить в награду и еще взятку с целью сокрытия преступления перед народом. Такие извивы сатанинской логики могли поддерживать в нем алчное возбуждение до самого совершения гнусного дела.

Но затем сразу изменилось все. Совершенное им преступление молниеносно озарило его темную душу и обнаружило перед ним самим всю лживость его логики. Бледный от внутреннего терзания возмущенной совести, он в лихорадочном возбуждении и трепете следил за ходом дела, хотел верить и надеяться – вопреки всякой возможности для этого, – что все это приведет к чему-нибудь совсем иному, чем как это было в действительности; с нетерпением ждал какого-нибудь чудесного мановения со стороны Страдальца, от которого бы потряслись сами основы ада. Но все это было лишь одно предположение возмущенного своей собственной преступностью духа Иуды. Вот уже кончено все, и Пилат произнес роковой приговор. Если бы сразу и настезь отворились врата ада, то только картина того, что происходит в нем, могла бы дать достаточные краски для изображения душевного состояния несчастного предателя в этот момент. Во всяком случае Иуда не выдержал этого момента. Поспешно бросился он по направлению к храму со своей жалкой добычей, из-за которой он навсегда потерял свое славное наследие апостольского звания, чтобы возвратить назад своим высокопоставленным покупателям тот кошелек, в котором теперь для него раздавались уже не сладостные звуки сребреников, а как бы шипенье целого гнезда смертельно ядовитых змей. Но те, которые не устрашились купить невинную кровь, теперь считали нарушением закона взять обратно заплаченные за преступную услугу деньги. Они страшились пятен крови на этих сребрениках, хотя отнюдь не помышляли о кровавых пятнах на своих собственных черных сердцах. Иуда сослужил нужную им службу, и теперь он потерял для них всякое значение. В ужасе своего мучительного исступления он проник в самый двор священников, куда никто не смел вступать из непосвященных, и дрожащей рукой совал обратно кошелек с ценой крови невинного человека, лепеча несвязные упреки и мольбы. Но он скорее пробудил бы отзвук сострадания в гранитной мостовой храма, чем в этих закоснелых в своем фанатическом ожесточении сердцах. «Что нам до того? Смотри сам», – получил он сатанинский по своему бессердечию ответ. Тогда ничего не оставалось для Иуды, кроме невыносимого отчаяния. В порыве отчаянного исступления Иуда бросил злополучный кошелек и сам бросился в бездну небытия, которая теперь, даже при всех ужасах ада, стала для него более желанным убежищем, чем жизнь на земле. Он повесился на первом попавшемся дереве, но и дерево не хотело держать его преступного тела: сук обломился под ним, и оно «низринулось», от падения «чрево его

распалось, и выпали все внутренности его». На брошенные им деньги было куплено за городом поле горшечника, которое сделалось местом погребения странников и получило название Акелдамы (поля крови), служа таким образом наглядным памятником ужасного события.

Так погиб злополучный предатель. Но суд Божий не замедлил проявиться и над другими виновниками этого страшного злодеяния. Главный вождь всего гнусного преступления богоубийства, римский ставленник Каиафа был низложен в следующем году. Ирод умер в позоре и ссылке. Пилат, очень скоро затем лишенный прокураторства по тому самому обвинению, которого он хотел избежать преступной уступкой, гонимый несчастьями, погиб в ссылке от самоубийства, оставив по себе лишь проклинаемое имя. Дом Анны поколение спустя был разрушен расвирепевшей чернью, которая с побоями и бичеваниями волокла его сына по улицам до самого места убийства. Некоторые из тех, кто были участниками и свидетелями ужасного зрелища этого дня, и тысячи детей их были свидетелями и жертвами продолжительных ужасов осады Иерусалима, которая беспримерна в истории по своей кровавой жестокости. Иудеи кричали: «Нет у нас царя, кроме кесаря!» и у них действительно уже не было царя, кроме кесаря. На время только оставив за ними призрачную тень местного, презренного правления, кесари один за другим оскорбляли, грабили и угнетали их, пока наконец они яростно не восстали против того самого кесаря, которого только и хотели считать своим царем, и кесарь потопил в крови храбрейших защитников развалины и пепел их оскверненного храма. Они принудили римлян распять своего Христа, считая это наказание самым ужасным, но сами они и дети их тысячами были распинаемы римлянами за стенами своего города, так что не доставало уже места и леса, и воины изощряли свою изобретательность в жестокости, придумывая новые способы смертной казни для них. Они дали тридцать сребреников за кровь своего Спасителя, и сами были тысячами продаваемы за еще меньшую цену. Они избрали Варавву предпочтительно перед своим Мессией, и для них не было уже больше Мессии. Они приняли на себя вину крови, и последние страницы их истории залиты реками их крови, и кровь эта с тех пор из века в век непрестанно проливалась с безумной жестокостью. С того времени Иерусалим и его окрестности стали как бы одним обширным кладбищем, Акелдамой, полем крови, полем горшечника для погребения странников.

XXIX

Распятие, крестные страдания, смерть и погребение Иисуса Христа

Распятие было самым ужасным и позорным видом смертной казни в древности, — настолько позорным, что само название его, как говорит Цицерон, «никогда бы не должно приближаться к мыслям, глазам или ушам римского гражданина, а тем менее к его личности». Оно было восточного происхождения и задолго до проникновения его в Европу употреблялось у персов, финикийян и карфагенян. В Палестине оно впервые введено было Александром Великим, когда он, по взятии упорно защищавшегося Тира, воспользовался для примерного наказания его непокорных жителей этим туземным видом казни и распял две тысячи тирян. В Риме оно введено было Крассом, который сделал страшное применение его при наказании рабов, возмущившихся под предводительством Спартака, когда именно он устроил крестами распятых рабов-мятежников всю дорогу от Рима до Капуи, и затем окончательно оно принято было в систему наказаний при Августе, и в обширных размерах употреблялось при наказании различных мятежников и крупных злодеев, нарушителей государственного закона и порядка. Для иудеев этот род смертной казни был тем ужаснее, что он был исключительно языческий. В Ветхом Завете если и есть указания на «повешение на древе», то это повешение обыкновенно совершалось уже над мертвым телом, или было вообще явлением исключительным, допускавшимся некоторыми царями под влиянием окружающих языческих народов. Во всяком случае для иудеев распять иудея было бы, при обычном состоянии вещей, решительной невозможностью, так как против этого возмущилось бы национальное чувство народа. И если теперь первосвященники, вожди иудейские и чернь неистово требовали распятия для Христа

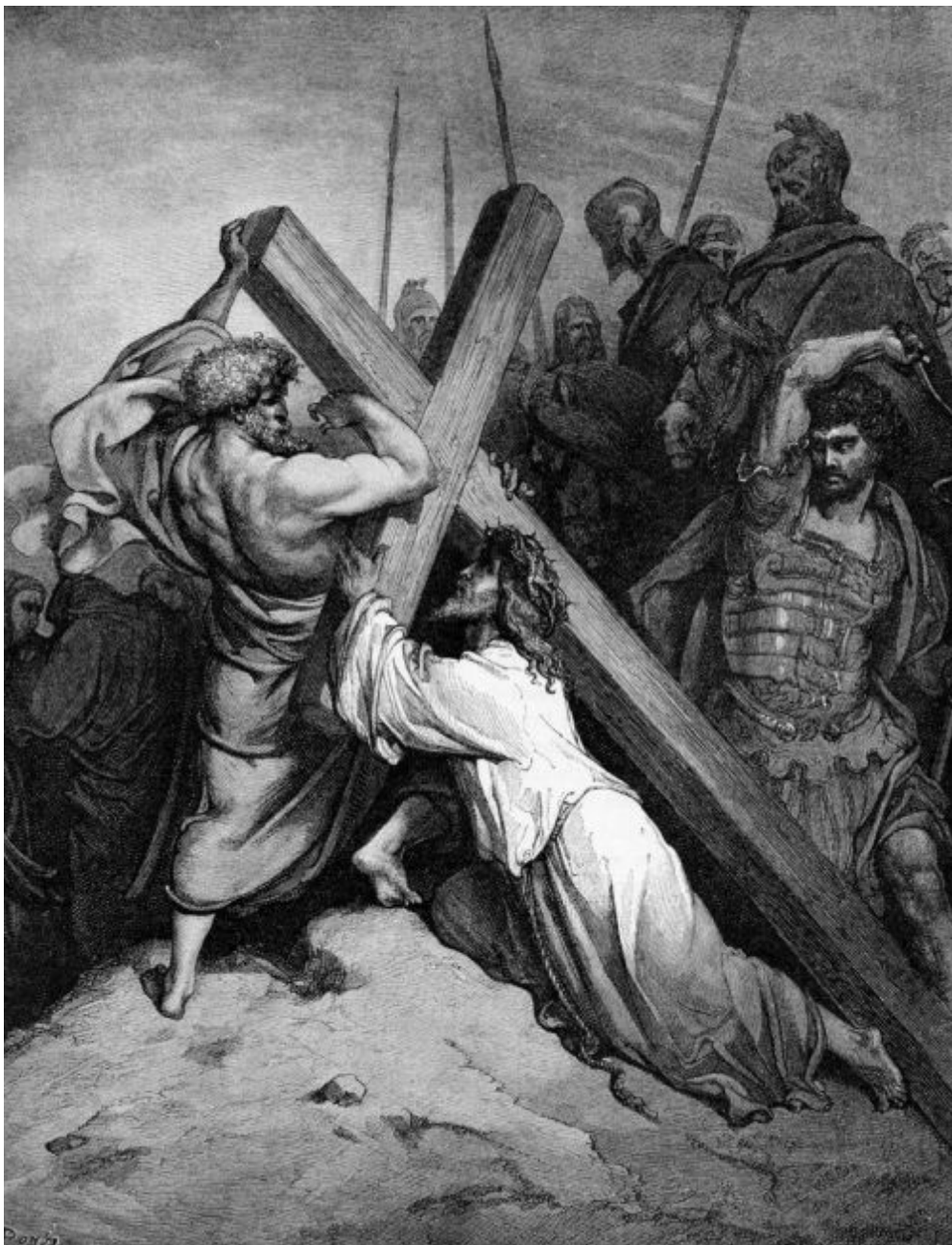
Назарянина, то это показывает, до какой невероятной степени злобы и ненависти довел «избранный народ» царь мира сего, хотевший доказать этим полное торжество темного начала на земле.

Но вот приговор начал приводиться в исполнение. Воины сколотили крест, взвалили его на плечи приговоренного к смерти, и страшное шествие двинулось за город, к месту казни, на Голгофу, или лобное место, названное так по своей выпуклообразной форме. За осужденным по обычаю двигалась толпа народа, и теперь она была тем больше, что сама личность Узника и все обстоятельства суда над Ним взволновали весь город с его многочисленными паломниками. По дороге тяжесть креста, на котором висели грехи всего мира, надломила истощенный всеми предшествующими духовными и телесными муками организм Христа, и Он упал под своей ношей. Чтобы не замедлять исполнения казни, воины, сопровождавшие Узника, навалили крест на встретившегося им по пути некоего Симона Киринаянина, который таким образом удостоился великой чести участия в несении искупительного креста. Вся обстановка этого ужасного шествия имела надрывающий душу характер, и многие женщины, не выдерживая всех ужасов его, горько плакали. Божественный Страдалец обратил на них внимание и увещевал их плакать не о Нем, а о самих себе и о тех ужасах, которые ожидают весь иудейский народ и обетованную Землю. Рядом с Христом на казнь ведены были еще двое разбойников, распятием которых при теперешней страшной обстановке Пилат хотел навести страх на других разбойников и тем хоть отчасти подорвать сильно распространенное в это время разбойничество, часто переходившее в политические мятежи.

По прибытии к месту казни все три креста положены были наземь, и крест Иисуса как главного узника положен был для большего издевательства посередине. После этого с Него сняли все одежды и последовал самый страшный момент казни – прибитие ко кресту. Христа положили на орудие казни, руки растянули вдоль перекладки, и посредине ладоней наставлено было по огромному железному гвоздю, которые ударами молотка вгонялись в дерево. По такому же гвоздю вбито было и в ноги, и затем воины с большими усилиями стали поднимать крест с его пригвожденной живой ношей, чтобы установить его в заготовленной яме. И в этот-то ужасный момент невообразимого страдания раздался голос Спасителя человечества с всепрощающей мольбой за своих зверских и безжалостных убийц: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают». Понятно, какие нестерпимые муки могли испытывать распинаемые; но муки эти были тем ужаснее, что несчастные жертвы могли долго томиться на кресте, и сами страдальцы с воплем просили окружающих предать их смерти, которую они считали избавительницей. Такова-то была смерть, на которую осужден был Христос; и хотя для Него она счастливо ускорила от всего вынесенного Им предварительно, Он все-таки томился на кресте с полдня и почти до солнечного захода, прежде чем «испустил дух». Когда уже был поднят крест, вожди иудеев впервые явно заметили смертельное оскорбление себе со стороны Пилата. В своем слепом неистовстве они воображали, что способ распятия был поруганием, направленным на Иисуса; но теперь, когда они видели Его висющим между двумя разбойниками, но на более высоком кресте, им сразу стало ясно, что эта казнь была публичным поруганием для них самих. На белой деревянной, намазанной гипсом доске, так ясно выдававшейся над головой Иисуса, на кресте виднелась черная надпись на трех цивилизованных языках Древнего мира – на тех трех языках, из которых по крайней мере один наверно был знаком каждому в собравшейся тут толпе, – именно на официальном латинском, ходячем греческом и туземном арамейском. Надпись гласила, что этот человек, который претерпевал таким образом позорную рабскую смерть, этот человек, распятый в глазах всего мира между двумя злодеями, был «царь иудейский». На надписи читалось: «Иисус Назарянин, царь иудейский». Когда иудеи поняли, какой злой насмешке подверг их Пилат, то это совершенно отравило им удовольствие их злорадного торжества, и они отправили к Пилату депутацию с просьбой переменить возмущавшую их надпись. «Не пиши, – сказали они, – царь иудейский, но что Он говорил: «Я царь иудейский». Но смелость Пилата, так быстро улетучившаяся при имени кесаря, теперь ожила вновь. Он рад был каким бы то ни было способом досадить и сделать наперекор людям,

мятежные вопли которых заставили его утром поступить против желания и совести. Немногие могли с такой силой выражать свое высокомерное презрение, как римляне. Не удостоивая даже оправдания своего поступка, Пилат сразу же отпустил гордых иерархов с коротким и презрительным ответом: «Что я написал, то написал».

Чтобы воспрепятствовать возможности какой-нибудь попытки снятия со креста (известны были случаи, когда преступников снимали и возвращали к жизни), около крестов была поставлена стража из четырех воинов (квaternion) с сотником. Одежды жертв всегда доставались в добычу тем, которым приходилось нести эту тяжелую и неприятную обязанность. Поэтому воины, не подозревая нисколько, как точно исполняли они таинственные предсказания древнего пророчества, приступили к дележу одежд Иисуса Христа между собой. Плащ они разодрали на четыре части, вероятно распоров его по швам; хитон же был сделан из одной сплошной ткани, и раздирать его значило бы только испортить. Поэтому они порешили предоставить его в собственность тому, кому выпадет по жребию. Покончив с дележом, воины сели и сторожили распятых, коротая скучные часы едой и питьем, разговором и игрой в кости.

Несение креста

Зрелище было возмутительное. Большинство народа, по-видимому, молча стояло и смотрело на кресты; но некоторые из проходивших мимо креста, быть может, некоторые из лжесвидетелей и других злоумышленников предшествовавшей ночи, все еще издевались над Иисусом в оскорбительных возгласах и насмешках, в особенности предлагая Ему сойти со креста и спасти самого Себя, если уж Он так всемогущ, что мог разрушить храм и в три дня построить его. И сами первосвященники, книжники и старейшины, менее смущенные, менее сострадательные, чем масса народа, не стыдились срамить своих седых волос и сана, и своими издевательствами отягчать и без того нестерпимые муки Божественного Страдальца. Они перед самым крестом насмешливо переговаривались между собой: «Других спасал, а Себя не может спасти. Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем». Чернь и воины вторили этим издевательствам, и вокруг Страдальца как бы происходило дикое торжество кровожадности и бессердечия. Но Христос стоял теперь выше всего жалкого человечества, безумно праздновавшего казнь своего Спасителя, и безмолвствовал. И это божественное безмолвие было для некоторых сердец красноречивее всякой проповеди. Оно особенно поразило одного из разбойников, и он не только прекратил грубые издевательства, с которыми оба несчастных злодея относились к Распятому среди их, но и стал упрекать своего товарища за неуместное ругательство. В его душе совершился крутой переворот. По преданию, этот «благоразумный разбойник» некогда спас жизнь св. Младенцу и Приснодеве во время их бегства в Египет, и он наверно немало слышал о галилейском Пророке, который призывал к Себе всех грешников и мытарей. При виде бесконечно кроткого и всепрощающего лика Распятого в нем воскресло все, что оставалось лучшего в его сердце, и он, обратясь к Иисусу, умиленно воскликнул: «Помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое». И на эту смиренную молитву покаявшегося злодея безмолвствовавший дотоле Христос немедленно ответил: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Но около креста были не одни только враги Распятого. Были тут и люди, сердца которых страдали за божественного Страдальца. В отдалении стояло несколько женщин, которые смотрели на Него с мучительным ужасом и состраданием. В большинстве это были те женщины, которые служили Ему в Галилее и пришли оттуда к празднику с другими галилейскими богомольцами. Виднее всех в этой ужасом объятной группе выдавались мать Его Мария, Мария Магдалина, Мария, жена Клеопы, мать Иакова и Иосии, и Саломия, жена Зеведея. Некоторые из них все ближе и ближе подвигались к кресту, и томный взор Спасителя пал на Его Пресвятую Матерь, когда она с пронзившим ее сердце оружием скорби стояла вместе с учеником, которого любил Он. Теперешнее сиротское положение ее поразило скорбью Его нежное сыновнее сердце, и Он даже на кресте проявил заботу о ней. После воскресения ей суждено быть с апостолами, и тому апостолу, которого Он любил больше всех, который был ближе к Нему в сердце и жизни, лучше всего было поручить и заботу о ней. Ему поэтому, Иоанну, которого Он любил больше, чем братьев своих, Иоанну, голова которого на Тайной вечери склонялась к Нему на грудь, Он отдал ее на попечение, «Жено, – сказал Он ей в немногих, но дышащих глубокой нежностью словах, – се, сын твой, – и обращаясь к Иоанну: – Се, Матерь твоя». Он не мог сделать движения своими пригвожденными руками, но мог показать наклоном головы. В безмолвном волнении слушали они эти слова, и с этого времени, уводя ее от зрелища, которое только терзало ее душу бесплодной мукой, «ученик тот взял ее к себе».

Был уже полдень, и в святом городе солнце должно бы освещать страшное зрелище палящими лучами нашего лета. Но вместо этого небо было мрачно, и полуденное солнце в этот великий и страшный день Господень «обратилось во тьму». Это не могло быть естественным затмением, потому что во время Пасхи было полнолуние: но это было одно из тех «знамений», которых напрасно добивались фарисеи во время земного служения Христа. Сам воздух, казалось, был полон предзнаменований, и под ногами дрожала и сотрясалась земля. Все это невольно должно было образумить самых безумных, и издевательства прекратились, потому что все, и виновные и невинные, были объаты ужасом и трепетом. Но еще страшнее этой внешней тьмы был ужас,

объяввший душу Христа, несшего теперь на Себе все бремя грехов человечества, и Он в девятый час дня громко воскликнул на народном языке: «Или, Или, лама савахвани!» т. е. «Боже мой, Боже мой, для чего Ты Меня оставил?»

Среди глухого движения толпы многие не расслышали всего восклицания и уловив слово: «или», вообразили что Он призывает Илию, и в страхе ожидали, не придет ли действительно этот грозный мститель за правду. Между тем Христос испытывал невообразимые муки, и в этот момент, обессилев от страдания, Он произнес глухим страдальческим голосом: «Жажду». Один из присутствующих наполнил губку из стоявшего рядом сосуда с смесью кислого вина с водой, бывшего обычным напитком римских воинов, и, надев ее на стебель иссопа, поднес к воспаленным устам Страдальца, насмешливо замечая в то же время: «Посмотрим, придет ли Илия спасти Его». Но вот приблизился и конец страданиям Сына Божия. Чувствуя наступление смерти, Он громким голосом возопил: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой!» Затем, сделав последнее усилие, Он произнес последнее слово: «Совершилось!» и мгновенно испустил дух, причем голова Его безжизненно упала на гудь.

Так закончилась земная жизнь Богочеловека, пришедшего спасти мир. Чтобы искупить греховное человечество от первородного проклятия и смерти, Он взял на Себя все необъятное бремя мирового греха и во искупление его перенес все как телесные, так и нравственные страдания, какие только могут выпадать на долю человека. Но на бесконечную глубину вынесенной Им нравственной муки ввиду того, что Ему пришлось перенести все это от того именно народа, который в течение целых тысячелетий был воспитываем и лелеян Богом, как народ избранный и возлюбленный среди всех других народов, – народа, на котором именно покоились все надежды будущего, как светоче среди глубокой религиозно-нравственной тьмы, указывает одно замечательное обстоятельство, определяющее физиологическую причину смерти Христа. Он, как известно, скончался на кресте раньше разбойников, так что римлянам не понадобилось уже применить к Нему варварский обычай перебивания голеней, и вообще смерть последовала скорее, чем это было обыкновенно. Бывали случаи, когда распятые жили на кресте по два и по три дня; между тем Христос испустил дух через шесть часов («с третьего по девятый час») по пригвождении ко кресту, и это обстоятельство, особенно ввиду того, что Он был в полном цвете лет и обладал благословенным здоровьем в течение всей своей земной жизни, уже христианской древности казалось необычайным, и она приписывала его сверхъестественной причине.

Но была и ближайшая причина. Когда воин, чтобы убедиться в действительности смерти распятого Христа, вонзил Ему копьё в ребра, то из образовавшейся раны потекла кровь и вода, и это решительно указывает на то, что непосредственной причиной смерти был разрыв сердца, произошедший вследствие безмерного душевного потрясения. Избыток радости или горя, как известно, часто причиняет разрыв некоторых тканей сердца, следствием чего бывает проникновение крови в так называемое околосердце или мешочек, наполненный бесцветной водянистой жидкостью, в котором именно подвешено сердце.

При обыкновенных обстоятельствах только исследование, произведенное после смерти, дает возможность открыть этот факт; но в отношении Христа в этом вполне удостоверяет нас удар копья, сделанный воином. Затем при смерти от разрыва сердца наблюдается постоянное явление, что умирающий вдруг судорожно поднимает руку к груди и издает резкий, пронзительный крик. Спаситель не мог сделать такого движения рукой, так как руки Его были пригвождены, но евангелисты ясно свидетельствуют о последнем громком вопле, за которым последовала мгновенная смерть. Таким образом, Спаситель мира буквально умер от разрыва сердца. Это бесконечно любящее сердце не выдержало того позорного самоослепления, которому поддались люди, от иступленного озлобления не ведавшие того, что творили; не выдержало оно того безграничного безумия, которое заставило людей предать лютейшим мукам смерти Того, Кто пришел избавить их от рабства смерти, вырвать их из гибельной власти ада и указать им путь к вечной жизни и вечному блаженству.

Поистине велика темная сила зла, заставившая человечество собственными руками и с неистовой яростью подрубать свое собственное древо жизни, собственными руками тиранить и казнить своего величайшего Благодетеля и Спасителя. При виде этого могло разорваться не только такое нежное, бесконечно любящее сердце, каким было сердце Христа, но даже и гранитное сердце гор. Недаром в момент смерти Христа скалы расселись и солнце померкло. Совершенное злодейство возмутило даже бездушную природу.

Смерть Христа действительно сопровождалась необычайными знамениями. Священник, входивший в этот самый час в святилище для принесения вечерней жертвы, к ужасу своему увидел, что храмовая завеса разодралась надвое сверху донизу. Эта завеса была особенным символом тела Христова, как храмины Божества, и своим раздиранием свидетельствовала, что отселе для входа во святилище открывался новый и свободный путь, который Христос «открывал нам чрез завесу, то есть плоть Свою» (Евр 10:19).

В то же время земля потряслась и скалы расселись; огромные камни, приваленные к гробницам, отвалились от своих мест, «и гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли и, вышедши из гробов, по воскресении Его, вошли в святой град и явились многим». Эти изумительные обстоятельства, вместе со всем, что было замечено в Распятом, смутили даже жестокое и беззаботное равнодушие римских воинов. На сотника, командовавшего ими, все это зрелище произвело особенно глубокое впечатление. Стоя перед крестом и видя умирающего Спасителя, он прославил Бога и воскликнул: «Истинно человек этот был праведник», нет, даже больше того – «человек сей был Сын Божий». Даже народ, уже совсем отрезвившийся от упоения ярости, начал сознавать в своей преступной совести, что виденное им зрелище было более страшно, чем можно бы ожидать, и, возвратись в Иерусалим, бия себя в грудь, вопил. И надо было вопить! Это была последняя капля в переполненную чашу беззакония; это было начало конца для города и для народа. День близился к концу, и с закатом солнца начиналась суббота: «а та суббота была день великий», потому что вместе с субботой совпадала и Пасха. Нужно было позаботиться о снятии крестов, чтобы не оставить следов от страшного события для светлого праздника. Поэтому старейшины иудейские обратились к Пилату с просьбой удалить распятых, и он, находя уже лишним более раздражать своих опасных врагов, соизволил на эту просьбу и послал воинов освидетельствовать распятых и, в случае если они живы, перебить им голени для ускорении смерти, чтобы можно было затем похоронить их. Воины перебили голени только двум разбойникам, а Христос уже и без того был бездыханен, и в действительности Его смерти воин удостоверился лишь прободением Ему ребер своим копьём, вследствие чего из бока истекла кровь и вода, ясно свидетельствовавшая о наступлении смерти.

Так над Христом исполнилось пророческое слово Писания: «Кость Его да не сокрушится». О самом погребении распятых преступников старейшины не заботились, предоставляя друзьям и родственникам, если были таковые, похоронить казненных в их безвестных могилах. Но о погребении Христа позаботилось одно важное лицо, которое и просило у Пилата позволения похоронить Его по своему усердию и желанию. Это был Иосиф Аримафейский, богатый человек высокой души и безупречной жизни, видный член синедриона. Он был одним из тех тайных учеников Христа, которые, сочувствуя Ему в душе, не имели по своему общественному положению достаточно мужества открыто исповедовать свою веру в Него. Только теперь страшная смерть Учителя отогнала в нем всякий страх, и он обратился к Пилату с просьбой о позволении похоронить тело Христа. Пилат из уважения к сановному просителю согласился на его просьбу, предварительно удостоверившись в действительности смерти Распятого, и благообразный Иосиф быстро приступил к делу. Мужество его влило смелость и в другого подобного последователя Христова – Никодима, который, как богатый человек, позаботился о самых пышных похоронах – со всевозможными мастьями, как это делалось при погребении иудейских царей. Приближение субботы, однако же, не давало возможности для совершения всех погребальных обрядов. Они сняли тело с креста и, поспешно обвив его дорогими белыми пеленами, положили в новоиссеченную гробницу, которую Иосиф приготовил было для себя в

близлежащем саду и теперь уступил своему обожаемому Учителю. При погребении присутствовали Мария Магдалина и Мария Иосиева, которые по окончании погребения и после приваления огромного камня ко входу в гробницу, в печальном раздумьи посидев у гробницы, отправились домой, чтобы приготовить масти и благовония для тела своего возлюбленного Учителя и Господа. Там их встретили и другие ученики и ученицы, которые, оправившись от ужаса минувшего дня, понемногу собирались вместе, чтобы в братском единении и общении провести наступавший великий праздник, бывший для них праздником глубокой скорби, безнадёжного горя и безутешных слёз.

Между тем необычайные обстоятельства смерти Христа не остались незамеченными и со стороны врагов Его, и в их злобные сердца начинал закрадываться непонятный для них страх. На другой же день после распятия, т. е. в субботу, против всякого обычая и закона был созван совет старейшин, на котором, видимо, члены синедриона поздравляли друг друга с успехом достижения важной для них цели погубления ненавистного и опасного для них Галилеянина и обсуждали, как окончательно уничтожить все следы Распятого. Они, очевидно, опасались, что с распятием Иисуса не окончилось ещё все. Некоторые из них припоминали, что «обманщик тот» предсказывал о своём воскресении в третий день, и поэтому считали необходимым принять меры предосторожности, «чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых. И будет последний обман хуже первого». В этих видах они обратились к Пилату с просьбой о наряде стражи к гробу, но Пилат отклонил от себя эту новую заботу и предоставил им позаботиться об этом самим, «как они знают». Получив это позволение, они, несмотря на святость Великой субботы, за малейшее нарушение которой они с такой яростью преследовали распятого ими теперь Учителя, «пошли и поставили у гроба стражу, и к камню приложили печать».

XXX

Воскресение Христово. Явления воскресшего Христа. Вознесение на небо

Поставив у гроба стражу и приложив к камню печать, вожди иудейского народа с сознанием достигнутой цели пошли домой и с наступлением ночи предались спокойному и сладостному сну, вознаграждая себя за все бессонные ночи предыдущих дней. И вот настала ночь, но никто ещё не знал, какой за ней должен был воссиять великий и радостный день. Весь мир погружён был в глубокий сон. Только ученики и ученицы Христовы не спали всю ночь; они провели её, как и минувший день, в неутешных рыданиях, и теперь, едва забрезжилось утро, ученицы первые спешили в сад ко гробу распятого Учителя. Глубокая торжественная тишина царила кругом, нарушаемая лишь мерными шагами стражи, поставленной у гроба. Две ночи прошло уже со времени распятия Иисуса Назарянина, и страже нечего уже было думать о нападении на гроб приверженцев его. Безмолвен заключённый гроб, печать его цела. Вдруг земля страшно заколебалась, как бы будя беспечно спавший мир, и юноши, блистательные как молния, и в одеждах, белых как снег, низошли в сад с небесной высоты. Один из них приближается к пещере, прикасается к гробовой скале: мгновенно печать разрывается, тяжёлый камень отваливается, и из гроба восстает окружённый небесным сиянием Жизнодавец. Стража замерла от страха. Оправившись от первого ужаса, она бросилась в Иерусалим известить о случившемся. В какое бы волнение повергла она весь город своим известием, если бы над ним не тяготел ещё утренний, крепкий сон. Усиленно стучат воины в двери старейшин народа, и последние, пробудившись и оправившись от неожиданности события, тотчас же составляют совещание и принимают меры, чтобы сразу замять и потушить принесённую весть. Но все ковы лжи, которыми они хотели опять убить Жизнодавца, теперь были бесплодны. Если бы даже им удалось заставить молчать всех живых свидетелей чуда воскресения, то свидетелями его выступили бы мертвые. Многие из мертвых, тела которых уже в момент крестной смерти Христа почувствовали в себе ток новой жизни, восстали из гробов вместе с Начальником жизни, вошли в город и явились многим.

Совершилось величайшее чудо, все обстоятельства которого с неотразимой силой

свидетельствовали о его истинности. Но никакое чудо не могло сломить закостенелого неверия вождей иудейских. Получив страшную весть, они немедленно собрались на совещание, как лучше уничтожить самый слух о чуде и не дать ему распространиться в народе. Что же они могли предпринять? Правдивыми средствами нельзя было бороться с истиной, и вот они прибегли ко лживым. Как при тайном допросе в ночь на Великую пятницу, так и теперь они прежде всего схватились за подкуп, по-видимому не раз уже сослуживший им добрую службу. Они «довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали. И если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим». Воины взяли деньги и поступили, как были научены. Золото восторжествовало над совестью. Воины стали распространять лживое внушение, и «пронеслось слово сие между иудеями даже до сего дня», замечает евангелист.

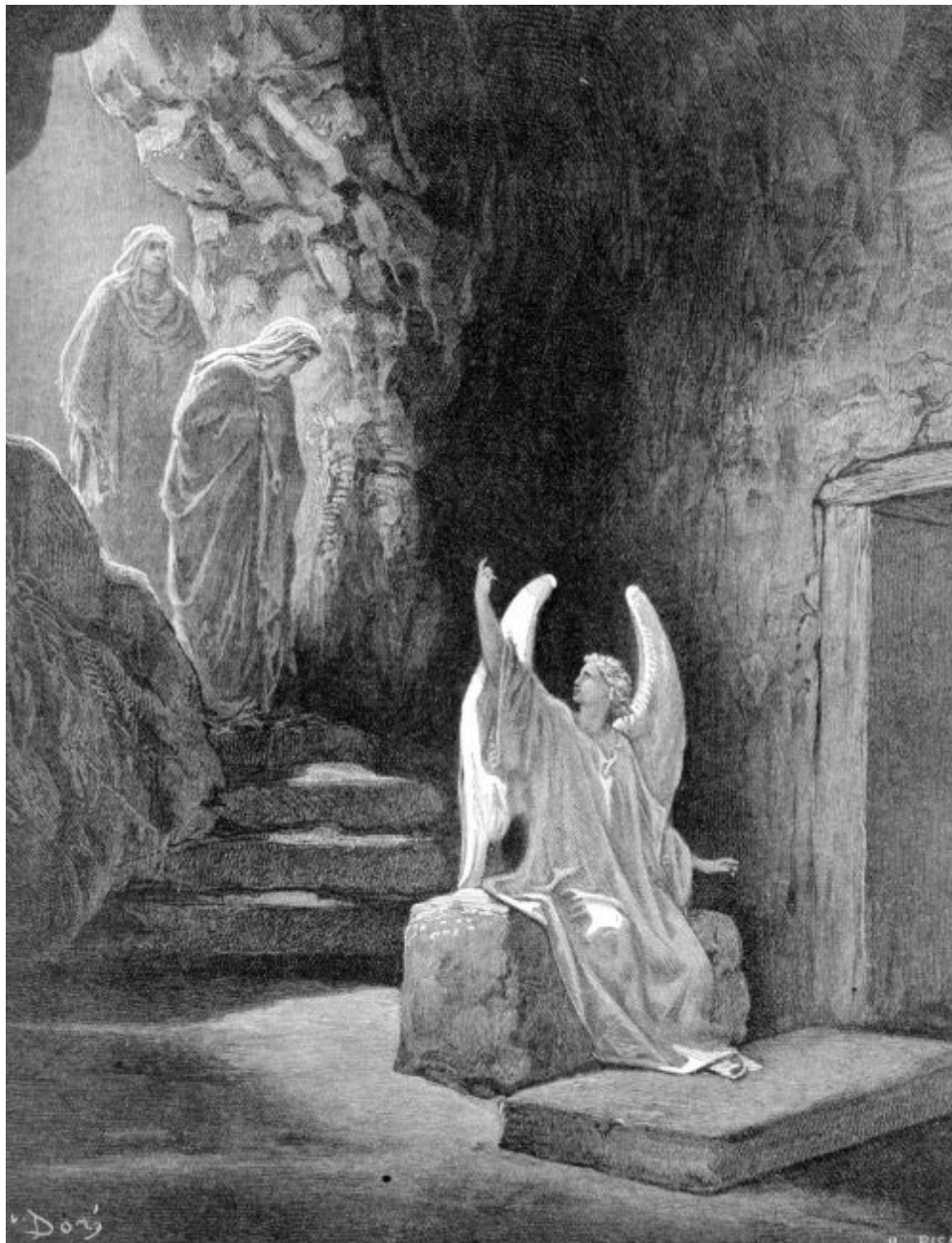
Нетрудно было распространиться ложному внушению. Весть, что Христос действительно воскрес, такая великая, такая благодатная, радостная весть, что можно даже от радости не поверить ей, как и было с некоторыми учениками. И все-таки невозможно отрицать истинность ее, не становясь в вопиющее противоречие со всей историей, не восставая против убедительнейших доказательств, не отказываясь от здравого человеческого смысла и не заглушая в себе вообще последних остатков чутья исторической правды. Если достоверно, что жил некогда римский император Тиверий или существовал еврейский народ, который, после того как он пригвоздил Христа ко кресту, как прах рассеялся по всему лицу земли, или что перед благовестием рыбаков, мытарей и плотников поверглись с своих алтарей властительные и изящные боги Греции и Рима; то еще достовернее и выше всякого сомнения то, что каждый год, каждую неделю торжественно прославляет теперь лучшая часть человечества именно чудо воскресения Христова.

О своем воскресении Христос не раз предсказывал своим ученикам, и тем не менее оно было неожиданностью и для них. По свидетельству евангелистов, ученицы Христа, проведя ночь в рыданиях, утром, когда город еще не пробудился от сна, отправились ко гробу своего возлюбленного Учителя. Они шли молча. Скорбь смыкала им уста. Но когда они подошли уже к саду, новое скорбное представление заставило их заговорить. «Кто отвалит нам камень от гроба?» – сказали они в недоумении. Очевидно, Учитель в кругу их неясных представлений о Нем был еще мертвый, безжизненный, и вся скорбь их любви ограничивалась лишь одним, как они при таком препятствии помажут Его миром на вечный покой в недрах земли. Не успели, однако же, жены-мироносицы обсудить свое новое горе, как взорам их представилась неожиданная, поразительная картина: камень отвален и гроб открыт! Но это зрелище повергает их в новое недоумение и ужас. Для их маловерия видится в этом не радостное событие воскресения, а злодейское похищение тела. Трепетно приближаются они к самой пещере, – но из нее вдруг вырываются лучи света, и перед ними предстают два светлых, радостных юноши. Едва жены оправались от неожиданного смущения, как один из этих вестников радости сказал им: «Не бойтесь! Иисуса ищите Назарянина? Что ищите живого между мертвыми? Он воскрес. Его нет здесь! Идите и посмотрите место, где положили Его». Жены слышат этот радостный голос небесного вестника и в то же время от преизбытка счастья не могут понять его. В оцепенении стоят они у гроба. Небесный вестник вывел их из этого состояния, сказав: «Идите, скажите ученикам Его!» Услышав это повеление, они побежали от гроба, «их объял трепет и ужас», так что, прибежав в общество учеников, они сначала ничего не могли рассказать. Но радость все-таки отверзла им уста, и они одна перед другой стали передавать о том, что видели и слышали – о явлении ангелов и о тех словах, которые они им сказали. Ученики слышат и едва верят своим ушам. Ангелы у гроба Учителя уверяют, что Учитель воскрес! О, если бы все это произошло не под покровом еще нерассветшего дня и если бы весть эта выходила не из уст возбужденных и легковверных женщин! Так думали ученики и не верили, и даже восставали против веры. «И показались им, – повествует евангелист Лука, – слова женщин пустыми, и не поверили им».

Но не все ученики равнодушно и недоверчиво отнеслись к рассказам женщин. Двое из них –

Петр и Иоанн – тотчас побежали лично удостовериться в произошедшем, и побежали с такой стремительностью, что обгоняли друг друга, и Иоанн прибежал ко гробу раньше Петра. Камень был отвален, и пещера открыта. Более крепкий ногами, чем мужеством, Иоанн только наклонился ко гробу, но не входил в него, пока не прибежал и Петр. Последний тотчас вошел в пещеру и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Учителя, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. После этого вошел уже и Иоанн, посмотрел и уверовал, – и оба побежали сообщить остальным ученикам виденное.

Между тем Мария Магдалина, в своей вере отличавшаяся нетерпеливостью Петра, не доверяя тому, что она сама видела и слышала в первое посещение гроба с другими женами, теперь одна побежала еще раз собственными глазами посмотреть на гроб. Восходившее солнце уже начало расстилать золотые лучи по вершинам окрестных гор. Прекрасный весенний день наступал в природе. Но сумрачно было на душе Марии. Тщательно осмотрев пещеру и гроб и не найдя в нем никакого разъяснения для своих недоумений, она стояла у гроба и плакала. «Жена, что ты плачешь?» – раздался вдруг чей-то голос. Вздвогнув, она опять нагнулась к пещере и видит двух юношей в белом одеянии, сидящих один у главы и другой у ног, где лежало тело Иисуса. Не зная, кто это такие, она объясняет им причину своего плача: «Унесли Господа моего и не знаю, где положили Его», – сказала она и опять зарыдала. Но вот позади слышит она приближающиеся шаги. Быстро направляет она в эту сторону свой заплаканный взор и видит перед собой человека – кого же, как не садовника? Этот мнимый Садовник обращается к ней с вопросом: «Жена, что плачешь? кого ищешь?» Но Мария не сразу поняла всю любящую силу этих слов. Занятая своими печальными мыслями, она увидела в этом обращении досужий, если даже не оскорбительный вопрос, и простодушно ответила на него: «Господин, если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его».

Ангел и жены-мироносицы

Учитель не может более скрываться. Из глубины своего любящего милосердия Он воскликнул: «Мария!» – воскликнул тем знакомым ей, властным голосом, который тысячами привлекал к Нему сердца людей. Изумленная ученица быстро вперяет свой отуманенный слезами взор, и из груди ее, помимо ее воли, вырывается радостный крик: «Мой Господь и Учитель!» Затем она бросилась к Его ногам и слезами радости хотела омыть Его ноги, но на этот чувственный порыв радости преображенный Учитель сказал ей: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим, и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и к Богу вашему». И обрадованная Мария, нашедшая своего Учителя, побежала в город и возвестила недоумевавшим ученикам, что воистину Христос воскрес. И разнеслось слово ее громоносным эхом по всему миру, и с тех пор повторяется миллионами верующих уст доньше и будет повторяться во все века.

Свидетельство Марии Магдалины скоро подтверждено было новым явлением Христа другим женщинам-ученицам. Встретив других женщин, воскресший Христос сказал им: «Радуйтесь!» Объятые страхом и волнением, они пали к ногам Его. «Не бойтесь, – сказал Он им, – пойдите,

возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня».

Третье явление Христа было ап. Петру, и о нем свидетельствует ап. Павел, говоря, что «Он явился Кифе» раньше остальных апостолов. Но в тот же день было четвертое явление, совершившееся при весьма знаменательных обстоятельствах. Двое учеников шли в находившееся неподалеку от Иерусалима селение Эммаус. С грустью и тревогой рассуждали они об изумительных событиях последних двух дней, как вдруг к ним присоединился неизвестный странник и спросил их о причине их печального настроения и тревожного разговора. Они остановились и, взглянув на незнакомца, отнеслись к нему подозрительно и недружелюбно, и когда один из них, именно Клеопа, ответил ему, то в ответе его прозвучал оттенок удивленности и подозрения. «Неужели ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о произошедшем в нем в эти дни?» – «О чем?» – спросил Он их. Тогда они рассказали Ему, как все надежды их на то, что Иисус был великий Пророк, который должен был избавить свой народ, разлетелись в прах и как все Его великие дела перед Богом и перед людьми окончились два дня тому назад на позорном кресте. Они описали чувство изумления, с которым на этот третий день они слышали толки женщин о видении ангелов и достоверные свидетельства некоторых из своих собратий, что гроб был пуст. «Но, – со вздохом недоверия и скорби прибавил рассказчик, – Его не видели» они. Тогда, упрекнув их в «несмысленности и медлительности сердца», Странник показал им, как через весь Ветхий Завет, начиная от Моисея, проходило одно непрерывное пророчество как о страданиях, так и о славе Христа. В такой возвышенной беседе они прибыли в Эммаус. Незнакомец хотел идти дальше, но они упростили Его остаться с ними. Когда они сели за свою простую трапезу, и Он, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им, тогда мгновенно открылись у них глаза, и несмотря на изменившийся вид, они узнали, что с ними был Господь их. Но как только они узнали Его, Он стал невидим для них. «Не горело ли в нас сердце наше, – говорили они друг другу, – когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» Немедленно встав, они возвратились в Иерусалим со своей чудесной и радостной вестью. Теперь уже никто не сомневался в истине этих рассказов. Они сами были встречены радостными уверениями, что «Господь истинно воскрес и явился Симону».

В тот же вечнопамятный день Пасхи Иисус Христос в пятый раз явил Себя всем ученикам своим. Десять учеников сидели вместе за закрытыми дверями из боязни иудеев. Когда они передавали друг другу и обсуждали свои радостные вести, сам Христос стал посреди их и сказал им: «Мир вам». Необычный вид Его прославленного тела, страшное значение самого факта воскресения из мертвых смутили и испугали их. Господь присутствовал с ними телесно, но в измененном виде. Они даже подумали, что видят духа. «Что смущаетесь? – спросил Он, – и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня». И, сказав это, показал им руки и ноги. Когда радость, изумление и недоверие боролись в них, Он спросил, нет ли у них какой-нибудь пищи, и чтобы еще более уверить их, съел в их присутствии часть печеной рыбы. Затем, еще раз сказав им: «Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас», Он дунул на них и прибавил: «Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся».

Одного только ученика не было при этом – Фомы Близнеца. Это был человек отзывчивого, но сумрачного характера и тугой на веру. Для него эта весть казалась слишком хорошей, чтобы можно было верить ей. Напрасно другие ученики уверяли его: «Мы видели Господа». Он настойчиво говорил, что не поверит, пока сам не вложит собственного пальца в раны от гвоздей и собственной руки в ребра Его. Прошла неделя, и сомнения апостола оставались неопровергнутыми. В первый день следующей недели (воскресение уже сделалось первым днем недели, и он стал священным для сердца апостолов) все одиннадцать учеников опять собрались вместе за закрытыми дверями. Христос явился им опять и после обычного приветствия и благословения подзвал Фому и велел ему подать палец свой и вложить в раны от гвоздей, протянуть руку и вложить в ребра Его и не быть «неверующим, но верующим». –

«Господь мой и Бог мой», – с пылом убежденности воскликнул тогда недоверчивый апостол. «Ты поверил, – сказал ему Христос, – потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие».

Следующее явление воскресшего Спасителя было семи апостолам у моря Галилейского – Симону, Фоме, Нафанаилу, сынам Зеведеевым и двум другим – вероятно, Филиппу и Андрею, не поименованным в повествовании (Ин 21:1–24). В явлениях Христа наступил промежуток и, прежде чем возвратиться в Иерусалим на праздник Пятидесятницы для получения обещанного излияния на апостолов Святого Духа, Симон сказал, что он на время возьмется за старый свой промысл – рыболовство. Общей кассы у них уже не было теперь и так как другие источники существования иссякли, то прежний промысл остался единственным исходом в добывании средств честного пропитания. Другие решили присоединиться к нему, и все они отплыли вечером, потому что ночь – самое лучшее время для рыбной ловли. Всю ночь трудились они понапрасну.

При раннем рассвете в сумрачной мгле на берегу показался человек, которого они не узнали. Он спросил их, не поймали ли они чего-нибудь. «Нет», – последовал унылый ответ. «Закиньте сеть по правую сторону лодки и поймаете». Они закинули и уже едва могли вытащить сеть от множества рыбы. Случай этот с непреодолимой силой воскресил в них память о прошлом. «Это Господь», – шепчет Иоанн Петру, и тотчас же этот пылкосердечный апостол, набросив на себя рыбацью сорочку, бросился в море, переплыл отделявшее его от Иисуса Христа пространство и весь мокрый пал к ногам Его. За ним последовали и другие, влача страшно натянувшуюся, но не разрывавшуюся сеть с ста пятьюдесятью большими рыбами. На берегу разложен был огонь, вынут хлеб и на пылающих углях пеклась рыба – картина, которую и теперь часто можно видеть на берегах Галилейского озера. Стоявший рядом Христос велел принести еще рыбы – из той, что они поймали теперь. Симон тотчас же пошел и помог вытащить сеть на берег. И Тот, в котором все узнали Господа, хотя голос и вид Его настолько подавляли их страхом и благоговением, что они не осмеливались спросить Его, сказал им: «Прийдите, пообедайте», и раздавал им, как и некогда в Галилее, рыбу и хлеб. Во время этой благословенной трапезы Христос трижды обращался к Петру с вопросом, любит ли он Его? И на трепещущий ответ Петра, для которого в каждом вопросе Христа как бы слышался намек на его троекратное отречение, Спаситель трижды отвечал: «Паси овец Моих», восстанавливая его таким образом в прежнем достоинстве апостольства. К этому Христос присоединил и предсказание об ожидающем его мученичестве за дело Евангелия, когда именно Он сказал ему: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам, и ходил куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки свои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь».

Затем Христос, чтобы удостоверить в своем воскресении не только апостолов, но и других своих учеников и последователей, назначил им для свидания одну из гор в Галилее – в том месте, где прошла большая часть Его общественного служения. И там собрались не только все одиннадцать апостолов, но и кроме них пятьсот учеников и учениц. Все они с радостью, но вместе и не без трепета ожидали обещанного явления. Для них непостижимо было существо их Учителя. Сколько раз Он являлся им, вкушал с ними, давал осязать свои раны, но неожиданные явления Его им до сих пор приводили их в смущение. Не имели они еще того Духа, который бы научил их всему. И теперь, собравшись на пустынной горе, они с радостью ожидали Его, но радость их была не без раздумья. Раздумье было прервано явлением Учителя. «Увидев Его, ученики поклонились Ему; а иные усомнились». Последних смутила та неожиданность, с которой предстал перед ними Учитель. Не понимая духовности существа их преображенного воскресением Учителя, они все еще предполагали видеть в Нем прежнего, облеченного грубой плотью Иисуса. Но вот Учитель приблизился к ученикам, и они услышали из Его уст великие слова властного завещания: «Дана мне всякая власть на небе и на земле, – сказал Он. – Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам». С благоговейным трепетом слушали ученики великий завет своего Учителя. Таких слов они еще никогда не слышали. Прежде они слышали от Учителя, что «все

предано Ему Отцом Его», но они понимали эти слова в смысле власти Его на земле, которая и проявлялась в знамениях и чудесах, служивших к облегчению земных страданий и бедствий людей, и имела, по их понятию, проявиться в восстановлении царства Израиля. Теперь же они услышали, что власть их Учителя простирается и на небо, и им многое стало ясно из того, что говорил им и чему учил их Учитель в прежнее время, но что они смутно понимали, часто давая совершенно противоположное толкование. Но повеление «идти, научить все народы» не могло не повергнуть их опять в смущение. Ведь Учитель все время проповедовал свое учение только одному народу и даже заявлял, что Он послан только к погибшим овцам дома Израилева, а теперь повелевает им идти по всему миру, проповедовать всем народам... Кто они такие, они – бедные рыбаки, чтобы им идти по всему миру, когда они едва имеют смутное понятие о существовании каких-то других народов и когда все географическое их знание ограничивается неясным представлением о пределах своей родной страны, за которыми идет неведомый, страшный для воображения мир звероподобных «языков»? Им никогда и в голову не приходила мысль, что им придется идти учить все народы. Они и в своей-то родной стране, на своем родном языке с трудом передавали учение своего Учителя, постоянно обращаясь к Его помощи за разъяснением, а теперь как они пойдут проповедовать по всему миру, всем народам, и притом одни, без Учителя, который оставляет их навеки? Любвеобильный Учитель, видя смущение своих учеников, сказал им великое ободряющее слово: «Се, Я с вами во все дни до скончания века!» И радовались ученики утешительному слову, и новый прилив мужества почувствовали они в своем сердце. Умственный кругозор рыбаков расширился. Перед ними открылась перспектива всего тогдашнего мира. Перед ними в заморской синеве выступала утопавшая в обоготворении природы и упоенная чарами прекрасного Греция; перед ними открылся железный Рим с его мировым владычеством; Египет с его все еще гордыми и пышными жрецами и вековыми пирамидами, – и бедные рыбаки уже не смущались идти учить народы этих просвещенных стран. С «Ним», с своим Учителем, они пойдут *по всему миру*. И действительно, после, когда они получили обещанного им Утешителя, они, как орлы крылатые (по выражению церковной песни), облетели весь мир, и удивленные народы преклонялись перед знаменем креста.

Явившись после этого еще апостолу Иакову, Христос затем повелел ученикам собраться на последнее свидание, назначив для этого Иерусалим.

Шумный, многолюдный город всецело погружен был в суету обыденной жизни. Он вполне успокоился на лживой вести, распространенной воинами, что Иисус Назарянин мертвый украден Его учениками из гроба, – только начальники его с своей преступной совестью робко озирались по сторонам, прислушиваясь к народной молве, стараясь подавлять в ней проблески истины и запутывая ее новыми измышлениями. Среди этого шумного круговорота городской суеты в одной скромной горнице собрались ученики Христа, и все их помыслы сосредоточены были на ожидании Учителя. «Мир вам», – раздался любвеобильный голос Учителя, неожиданно ставшего посреди них. Теперь уже не тревожило учеников никакое сомнение, – все их существо занято было беспредельной любовью к своему Учителю и грустью от предстоящей разлуки. Началась последняя прощальная беседа. Понятно содержание подобных бесед.

В них излагается суть всего учения, Учитель вливает свою душу в душу своих учеников, на которых вся Его надежда, что учение Его не умрет, а будет жить в Его живых преемниках. Божественный Учитель сделал краткий обзор всего своего прежнего учения. «Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами», – напоминал Он своим ученикам и затем воспроизвел перед ними идущие непрерывающейся цепью ветхозаветные пророчества о Нем, то, что написано о Нем «в законе Моисеевом, и в пророках и в псалмах». Многое здесь для учеников было еще непонятно, поэтому Учитель «отверз им ум к разумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему. И се, Я пошлю обетование Отца Моего на вас». Слушали ученики божественную речь и грусть разлуки покрывалась радостью о просветлении ума, перед

которым все шире открывалась таинственная область домостроительства Божия, и радостью о том обетовании, которое дает им Учитель.

Между тем приблизился час разлуки. Учитель вывел учеников из города по направлению к Вифании, на Елеонскую гору. Недостойн был кровавый, незаконный город быть свидетелем великого события. Никто не заметил, как маленькая группа учеников во главе с своим Учителем оставила город и, пройдя через одни из восточных ворот, спустилась в долину Иоасафатову, по которой извивался уже маловодный в ту пору поток Кедронский. Сколько раз по этому пути ходил Божественный Учитель с своими учениками! Это путь и Его славы, и Его страданий. По сторонам дороги и по побережью Кедрона уныло кивали ветвями маслины и пальмы: с этих самых деревьев вероломный народ срывал ветви, чтобы подстилать их на пути торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим, и из окружающих же деревьев сделал крест, чтобы пригвоздить к нему того же Христа. Перейдя мост, перекинутый через поток, и пройдя мимо Гефсиманского сада, путники стали подниматься на гору. Но вот они на ее вершине. Возвышаясь над всей окрестностью, Елеон открывает далекий, очаровательный вид. Как раз под горой лежит многолюдный город с своим величественным храмом, с шумной площадью – Харам; за ним на западе виднеется далекая синева Средиземного моря; на юго-востоке, как в гробе, колыхается Мертвое море в окружающей его низменной котловине, лежащей гораздо ниже уровня Средиземного моря; на восточном склоне горы приютилась Вифания, где жили Марфа и Мария с своим воскрешенным братом Лазарем; на север тянутся необозримые холмы Галилеи, между которыми голубой лентой извивается быстроводный Иордан, на юге – Вифлеем... Сколько воспоминаний, сколько дум и теперь возбуждает эта картина! Для учеников же с их Божественным Учителем эта картина дышала только что пережитой жизнью, на всех деталях этой картины еще лежали следы их деятельности, их чувств, их радостей и слез. Взор их невольно пробежал по всем окрестностям: вот около Вифлеема по-прежнему пастухи стерегут свое стадо, быть может, это те самые пастухи, которые первые воздали Божественному Младенцу поклонение; а вот родные галилейские холмы, среди которых прошло детство и Учителя, и большинства Его учеников; под ногами шумит незаконный город, глухой к добру, избивавший пророков... «Иерусалим, Иерусалим!..» Вон за Вифанией торчат обнаженные сучья неплодной смоковницы: такова, Иерусалим, будет и твоя судьба!.. Но город глух, он весь погружен в свою суету и не хочет знать, что скоро в нем не останется камня на камне!..

Вознесение

Такую картину ученикам нечасто приводилось видеть, и пораженные ее величием, они, забыв трогательность прощального момента, обратились к Учителю с вопросом, из которого видно было, как еще мало они понимали цель служения Христова: «Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?» – спросили они. До сих пор они еще были более сынами «царства Израиля», чем сынами «царства Христа»!.. «Не ваше дело, – ответил им Учитель, – знать времена или сроки, которые Отец положил в своей власти. Но примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и всей Иудее и Самарии, и даже до края земли». Повторив им это обещание Святого Духа, который даст им силу и научит их всему, Учитель, скрестив руки, благословил их, и, когда благословлял, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Ученики поднимали взоры, чтобы наблюдать за начавшимся вознесением Иисуса Христа, но вдруг явилось облако и «взяло Его из вида их». Уже с самого воскресения Иисус Христос не был постоянно с учениками, а являлся им в разное время, и притом так неожиданно, что иногда приводил их в сомнение; так же неожиданно и удалялся Он от них.

Из подобных явлений ученики должны были понять, что существо их Учителя было свободно от дебели и тяжести грубой материальности. Но только теперь они вполне уразумели, что их Учитель не принадлежит больше бранный земле и прославленный восшел на небо, где был от начала веков.

В немом благоговении ученики неподвижно стояли на горе, вперив свои взоры в удалявшееся облако. И долго бы ученики стояли тут в забытьи умиления, если бы их не вывел из этого состояния голос небесных вестников. «Мужи Галилейские!» – услышали они обращенный к ним голос. Ученики встрепнулись, и перед их взорами предстали два мужа в белой одежде. «Что вы стоите и смотрите на небо?» – продолжали небесные вестники. «Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо». И поклонились ученики Вознесшемуся, и возвратились в Иерусалим с великой радостью, где и пребывали неотлучно, пока не получили обетованного им Утешителя Духа и не облеклись силой свыше.

Так закончилась земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа, и изложенная история есть лишь краткий очерк ее, как бы капля из необъятного моря. По свидетельству возлюбленного ученика, «многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то и самому миру не вместить бы написанных книг».

Отдел седьмой

Церковь в Палестине до рассеяния христиан из Иерусалима

XXXI

Избрание Матфия в число апостолов. Пятидесятница и сошествие Святого Духа на апостолов. Первые обращения и состояние первенствующей церкви

По возвращении в Иерусалим ученики сплотились в одну общину, которая нашла себе помещение в особой горнице, быть может, той самой, которая служила местом совершения Тайной вечери. Там около них собирались все верующие, между ними Пресвятая Дева и другие ученицы Господа, и все они, сознавая себя особым обществом, отличным от окружающего их мира, «единодушно пребывали в молитве и молении». Это было малое стадо, которое сознавало свое ничтожество перед могуществом мира сего; но сила его была в молитве и надежде на тот великий дар, который они ожидали скоро получить по обетованию своего вознесшегося Учителя. В течение десяти дней, протекших между вознесением и Пятидесятницей, одной из первых забот апостолов было восполнить то место, которое оказалось в их обществе за выходом из него Иуды. Это было сделано в первом же собрании верующих в Иерусалиме, которые, вследствие отсутствия многих из тех пятисот, кому Христос являлся в Галилее, собрались в числе ста двадцати человек. Страшные обстоятельства самоубийства предателя, о которых передавались различные ужасные сказания, оставили в их сердцах глубочайшую веру в непосредственное Божие возмездие виновному. Он за свое злодейство лишился своего высокого достоинства и «удалился в свое собственное место». Что его место нужно было занять кем-нибудь, это считалось необходимым уже потому, что сам Христос избрал двенадцать апостолов – по священному числу колен израилевых.

Об этом позаботился ап. Петр, который обратился к собранию с речью, изложив в ней и сами условия апостольства. Существенным условием для нового апостола было то, чтобы он был свидетелем воскресения и находился в общении с учениками во все время пребывания Спасителя с ними. Способ этого назначения, единственный в Новом Завете, по-видимому вытекал из особого положения церкви в течение первых дней между вознесением и сошествием Святого Духа. Как бы чувствуя, что они еще не обладали живой силой истинного различения духов, апостолы избрали двоих: Иосифа Варсаву, который в языческих кружках обыкновенно прозывался Иустом, и Матфия, и затем, согласно ветхозаветным примерам и иудейским

обычаям (Лк 1:9), помолились Богу, чтобы Он показал того, кого Он избрал. Брошен был жребий, и он выпал на Матфия, который поэтому и принят был в число двенадцати апостолов, и верующие во главе своих двенадцати вождей начали готовиться к великому празднику Пятидесятницы.

В первых числах месяца Сивана (июня) в Палестине уже заканчивается жатва, на полях собираются последние колосья пшеницы. Так же было и в тот год, в который закончилось земное служение Спасителя мира. Окончив соби́рание пшеницы, иудеи готовились к празднику Пятидесятницы, причем пекли из новой пшеницы хлебы и выбирали лучших животных из своих стад для принесения их в жертву, по установлению закона. Праздник Пятидесятницы, с которым связывалось воспоминание о возведении израильского народа на степень избраннейшего между всеми народами земли и о даровании ему закона на Синае, для иудеев имел почти такое же значение, как и Пасха, и каждый из них считал своим долгом при первой возможности быть в этот праздник в Иерусалиме, чтобы там принести установленную жертву, – и это считали для себя обязательным не только палестинские, но и внепалестинские иудеи, жившие почти во всех странах известного тогда мира. Поэтому в Иерусалиме в это время можно было встретить иудеев – строгих ревнителей закона, прибывших из Рима, Египта, Крита, Аравии, Месопотамии, из всех областей Малой и Западной Азии – из «всякого народа под небесами», а также прозелитов из разных языческих народов. И без того многочисленный и шумный Иерусалим представлял в это время вид волнующегося моря людей, переполнявших и улицы, и дома, и окрестные возвышенности. Гул разноязычных говоров стоном стоял над городом.

В предпраздничные дни, когда во все ворота города входили непрерывные толпы богомольцев, осиротевшие ученики Иисуса Христа, по обыкновению собравшись в горнице, предавались молитве и невольно размышляли о пережитых событиях. Сколько событий, самых великих, страшных и радостных, совершилось на их глазах в это время. Ведь прошло только три с половиной года с тех пор, как Иисус Назарянин своим властным словом оторвал их от их убогих занятий и они несознательно пошли за Ним, повинаясь лишь неодолимой силе этого слова, – но эти три года больше и важнее всякой вечности! Уже одного того, что пережили за это время и чему были свидетелями эти простодушные галилеяне, было достаточно, чтобы сделать из них людей сосредоточенных, глубже понимающих цель служения Христова, чем как это было прежде, когда они готовы были спорить между собой, кому быть первым в устро́емом Учителем царстве на земле. Но еще к большей сосредоточенности располагало их ожидание того обетованного им Утешителя, который, возместив им Учителя, облек бы их, по обетованию, силой свыше и научил всему, что еще смутно сознавали они.

Но вот настал день праздника Пятидесятницы. Было около трех часов утра. Бесчисленные толпы народа устремились к храму для молитвы и жертвоприношений. Площадь Харам стонала от говора разноязычных масс народа. Продавцы жертвенных животных громко зазывали покупателей. Левиты и священники торопливо перебегали между народом, исполняя разные священнические обязанности. Дым и пламя жертвоприношений высоко поднимались с жертвенников. Книжники и фарисеи глубокомысленно следили за направлением дыма и толковали простодушному народу, что велика милость Иеговы к избранному народу, скоро придет обетованный и провозвещенный пророками Мессия и восстановит Израилю царство великое и славное, – пониженным голосом прибавляли они, боязливо оглядываясь на римскую стражу. Так ослепленные рабы Ветхого Завета торжествовали день установления закона и не ведали, что сила закона миновала, и настала благодать! Представители Нового Завета с грустью смотрели с высоты своей горницы на это волнующееся море непросвещенных масс. Как несмысленны и жалки были в глазах их эти люди! Многие из них прибыли из отдаленнейших стран, перенесли тяжести и громадные издержки путешествия, – и для чего же? лишь для того, чтобы засвидетельствовать свою рабскую преданность уже не имеющему силы закону... Вон ревнитель закона выбирает у торговцев «агнца без порока», как предписано в законе, и ведет его на заклание, а за ним другой ведет «козла в жертву за грех»... Безумные! Они не ведают,

что служат теще Ветхого Завета в то время, когда на место его миру возведен Новый Завет благодати, служат тени, когда явилась сама действительность, ведут на заклание ягненка и козла, когда тяжесть мирового греха уже принял на себя Божественный Агнец и совершил спасение мира, пострадав, будучи заклан от этой неразумной толпы, не знающей того, что она творит... И тихо молились ученики духом и истиной – вопреки этой суетившейся толпе, исполнявшей отжившую букву закона.

Ввиду представлявшегося взорам народного торжества в воспоминание дарования закона на горе Синае, и молитва апостолов, естественно, должна была иметь своим предметом прошение к вознесшемуся Учителю, чтобы Он скорее послал им обетованного Духа, который утешил бы их в сиротстве и дал тот новый закон благодати, с благовестием которого они с радостью пошли бы по всему миру. Молитва их была услышана. Когда они молились, внезапно «сделался необыкновенный шум с неба, как бы от несущегося бурного ветра» или как бы от волнения вод многих; дом, где они находились, потрясся до основ как бы от урагана, соединенного с землетрясением. Не успели они еще оправиться от неожиданности этого поразившего их явления, как последовало новое явление: как бы пламя огненное осветило дом и разделяющиеся языки его почтили по одному на каждом из них. «Что это такое?» – с изумлением спрашивали апостолы друг друга. Им известно было, что подобные явления происходили на горе Синае в день законодательства. В тот день при наступлении утра слышались раскаты грома и ослепительные молнии пронизывали гору, которая вся дымилась и трепетала, и Господь сошел к Моисею и дал ему закон. Не дает ли и им теперь вознесшийся Учитель новый закон, из которого они научатся всякой правде? Но скоро их недоумения рассеялись. Уже в первых вопросах удивления, с которыми они обращались друг к другу, они увидели, что говорят на разных, дотоле неведомых им языках, и внутри себя чувствовали клочкотание новых могучих сил. Они почувствовали себя как бы вновь рожденными. Мысли возвышенные и глубокие зародились в их умах, и вера, горячая как пламя, запылала в их сердцах. Мгновенно вспомнилось им все учение, которое они некогда слышали от Учителя, и каждое слово этого учения как раскаленное железо жгло им сердце и требовало открытого всенародного исповедания. Они поняли, что «исполнились Духа Святого и Дух давал им провещать». Тесны были для них теперь пределы горницы: неудержимая сила вдохновения влекла их в это народное море, которое волновалось перед храмом, чтобы там в боговдохновенной проповеди исповедать Христа и проповедать Его слово.

Между тем и народ, пораженный происшедшими необычайными явлениями, пришел в смятение и устремился к дому, в котором находились богопросвещенные апостолы. Апостолы вышли из дома. Взоры их сияли, как молния, проникая народные толпы, и радостно озирали они эти необозримые массы, представлявшие богатую жатву для делателей и созидателей царства Христова. И начали они вдохновенную речь. Неудержимым потоком лилась она из их уст, слагаясь из слов, из которых каждое было их сердцем, воплощенной верой и любовью к их небесному Учителю. Что значили тогда перед ними знаменитейшие ораторы классического мира, слагавшие свои речи по правилам искусства, – речи, одушевленные лишь их убогим тщеславием?

Вдохновенные речи апостолов гремели, как гром, потрясая горы, и действовали с силой молота, разбивающего скалы. Безмолвно внимали несметные толпы народа дивным речам, и дивились более этим речам, нежели тем грозным явлениям, которые привлекли их сюда. Под первым неотразимым впечатлением этих речей массы народные не замечали их чудесной внешней особенности. Они чувствовали только, что эти речи – необыкновенные речи, что они проникают до мозга костей, и как огонь жгут сердца слушателей. Но когда прошло первое впечатление и массы разноязычного народа переглянулись между собой, чтобы поделиться вынесенным впечатлением, они с изумлением заметили, что только что выслушанные речи каждый из них слышал на родном языке. От изумления у всех как бы застыли лица. Как! и египтянин, доселе гордившийся тем, что язык его знают лишь рожденные в земле пирамид, и грек, и римлянин, считавшие свой язык достоянием лишь образованных людей, – все они

теперь слышат каждый свой язык, и от кого же? – от этих невежественных, заброшенных, убогих галилеян, одно имя которых звучало презрением! Сначала немое изумление затем начало высказываться в словах и восклицаниях. Гул восклицаний и вопросов пробежал по массам: все обращались друг к другу за разъяснением загадочного явления. «Сии говорящие не все ли галилеяне?» – удивленно спрашивали в народе друг друга. «Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И опять изумлялись все, и недоумевая говорили друг другу: что это значит?» Но необычайное явление не всегда вызывает одно только удивление. Среди многочисленной толпы всегда найдутся люди, для легкомыслия которых нет ничего необычайного и чудесного и которые в оправдание ли своего глубокого невежества или для достижения низких своекорыстных целей будут стараться и самое необычайное низвести на степень единственно понятной им пошлости. Нашлись такие и среди массы народа, окружавшего боговдохновенных апостолов. Эти безумцы чужды были святого удивления к необычайному явлению, и они, насмехаясь, говорили, кивая на апостолов: «Они напились сладкого вина» (любимый утренний напиток в древности). Так кощунственное легкомыслие всегда посмеивается над святым вдохновением!

Не понять было чувственному и жестоковейному народу происходившего перед ним: это было чудо – великое и таинственное, тот чудесный дар, который небесный Учитель обещал перед Вознесением, когда сказал, что верующие в Него «будут говорить новыми языками» (Мк 16:17). Теперь это обетование исполнилось: Его ученики стали говорить другими новыми языками, и говорили то, чему научил их ниспосланный Утешитель Святой Дух. Всякое чудо, направленное к достижению возвышенных религиозно-нравственных целей, прежде всего имеет в виду устранение естественных препятствий к этому. Так было и теперь. Учение Христа должно было проповедаться всем народам земли, а между тем их разделяла преграда в виде разности языков и наречий. Дар языков устранил эту преграду, и слово Христа свободно могло распространяться по всему миру. Как чудесный дар, он был непостижим не только тогдашней невежественной толпе, но останется таким и для высшего научного знания, и все научные попытки объяснить его представляют одно смутное гадание. Между прочим, некоторые из толкователей думали объяснить это чудо отнесением его главным образом на счет слушателей, предполагая, что апостолы говорили своим обыкновенным языком, но слушателям под впечатлением необычайных явлений и одушевления казалось, что они каждый слышат свой родной язык или что апостолам действием Святого Духа возвращен был тот чистый, первобытный, общепонятный язык, который потерял при вавилонском столпотворении, – и язык этот теперь понятен был всем народностям. Но при таком объяснении явление это остается едва ли не еще более чудесным и таинственным. Что же касается других вольномыслящих толкователей, которые, не признавая дара языков чудом, усиливаются объяснить его естественным путем, указывая на некоторые случаи сомнамбулизма, когда одержимые им вдруг в экстазе начинали говорить дотоле неизвестные им слова и речи, то это объяснение как приписывающее чудо ненормальному состоянию, очевидно, не новое, и есть лишь видоизмененное повторение объяснения современных явлению толкователей, которые, кощунственно насмехаясь, говорили: «Они напились сладкого вина»... Нет, не сладкое вино и не сомнамбулизм действовали в апостолах, в них действовала премудрость Божия, облекшая их сверхчеловеческой силой!

Между тем гул восклицаний все более разливался по народным массам, не умевшим объяснить чудесного явления. Но среди восклицаний удивления все громче стали раздаваться насмешливые голоса кощунников, усиливавшихся дать преобладание своему легкомыслию. Минута была страшная. Делу Божию грозило общее посмеяние. Но оно никогда не посмеивается! В этот момент из среды апостолов выступил апостол Петр и громким голосом обратился к волновавшейся толпе: «Мужи иудейские и все обитающие в Иерусалиме!» – возопил он. Толпа, пораженная мужеством апостола, смолкла и притаила дыхание. А апостол Петр продолжал: «Сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: они не пьяны, как вы

думаете, ибо теперь третий час дня; но это есть предреченное пророком Иоилем: и будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать». Толпа умилилась сердцем, услышав пророческое слово, и апостол Петр перешел к открытой проповеди о Христе. «Мужи израильские! – воскликнул он опять. – Выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, мужа засвидетельствованного вам от Бога знамениями и чудесами, которые Бог сотворил чрез Него среди вас, как и сами знаете, сего вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили... Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти... чему мы все свидетели. И так Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите... Итак твердо знай весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом того Иисуса, которого вы распяли».

Апостол кончил свою речь, но как страшный гром небесного правосудия слова ее раздавались еще в ушах тех из этой толпы, которые лишь пятьдесят дней тому назад в безумном неистовстве кричали: «Распни, распни Его!» С воплем отчаяния многие бросились к Петру и другим апостолам, восклицая: «Что нам делать, мужи братия?» – «Петр же сказал им: покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Святого Духа». И были эти слова как целительный елей для настрадавшихся душ. В тот день крестилось около трех тысяч человек. Это были первые плоды с назревшей всенародной нивы, но богатство этих первых плодов ясно давало знать о богатстве последующей жатвы. По окончании праздника паломники разнесли молву о виденном и слышанном ими во все концы мира и бросили первые семена учения Христова на невозделанную почву язычества.

После праздника Пятидесятницы началось постепенное возрастание общества Христова, которое совершенно получает характер Церкви Христианской с ее внешними формами и установлениями. «Все верующие были вместе и имели все общее». Они еще не сразу могли порвать с ветхозаветными установлениями, так что и самым местом их молитвы продолжал служить храм, где они и «пребывали каждый день единомысленно»; но в то же время началось и совершенно христианское богослужение, состоявшее в преломлении хлеба, по заповеди Христовой. Особенным же отличием их от остального мира было внутреннее возрождение, которое делало их совершенно непохожими на своекорыстных сынов мира сего. Одним из существенных недостатков современных иудеев было крайнее своекорыстие, поделившее их на разрозненные единицы, заботившиеся лишь о себе и бессердечно относившиеся к нуждам других. Дух евангельской любви победил в верующих это своекорыстие, и они «продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого». Это был первый опыт того общежития, которое впоследствии нашло место в христианском общежительном монашестве. И таким образом жили первые христиане, «хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви».

XXXII

Исцеление хромого в храме. Предостережение со стороны синагоги. Общение имений. Ананий и Савфира. Гонения. Семь диаконов и их ревность в распространении Евангелия

Наделенные необычайными дарами апостолы стали проповедовать Евангелие, подкрепляя его необычайными делами. Впереди других в этом отношении был ап. Петр, действовавший вместе с Иоанном. Отправившись в храм, они встретили у Красных ворот храма беспомощного хромого нищего, который попросил у них милостыни. Ап. Петр сказал ему: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи». Когда апостол поднял его за правую руку, то хромец «вскочил, стал и начал ходить, и вошел с ними в храм ходя, и скача, и хваля Бога». Такая чудесная перемена с известным всем жителям нищим поразила всех; около апостолов, от которых не отходил благодарный нищий, собралось множество народа, и ап. Петр обратился к нему с проповедью, в которой на основании Св. Писания и всей ветхозаветной истории доказывал, что иудеи по слепоте своей «убили Начальника жизни». Но так как все это они сделали по неведению, то им осталась еще возможность для покаяния. «И так, – говорил воодушевленный апостол, – покайтесь и

обратитесь, чтобы загладить грехи ваши; да придут времена отрады от лица Господа».

Проповедь эта, собиравшая множество слушателей, обратила на себя внимание членов синагог, которые, видя в ней продолжение того самого учения, которое проповедовал распятый ими галилейский Учитель, крайне вознегодовали на этих ничтожных, по их мнению, галилейских поселян, осмеливавшихся выступать с проповедью в храме. Апостолы были схвачены и отданы под стражу, но это лишь более содействовало успеху их проповеди. «Многие из слышавших слово их уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч». На другой день собрался синагон, в который и приведены были апостолы.

Совет составил из главных виновников смерти Христа, первосвященников Анны и Каиафы, которые теперь с смущением должны были чувствовать, что, распяв Иисуса, они не распяли Его дела. Ап. Петр на вопрос: «Какою силою или каким именем они сделали» поразившее весь Иерусалим чудо, смело отвечал речью, в которой прямо говорил, что они сделали это именем того самого «Иисуса Христа Назорея, которого иудеи распяли, но которого Бог воскресил из мертвых». Тогда исполнилось предсказание Христа, говорившего своим ученикам, что когда они будут приведены на суд, то им нечего будет заботиться о том, что говорить в ответ, потому что Он вложит в уста мудрость, которой не в состоянии будут противиться их враги.

Необычайная смелость и бойкость речи, поражающая тем более, что речь эта исходила из уст, очевидно, необразованных людей, не оставляла в совете никакого сомнения, что это были достойные последователи Иисуса, а присутствие исцеленного человека лишало возможности отвергать чудо. Поэтому синагон решил прибегнуть к полумере, ограничившись лишь строгим запрещением проповедовать во имя Иисуса. Но апостолы мужественно отвечали на это: «Судите, справедливо ли пред Богом, слушать вас больше, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали». Подобный ответ заставил старейшин скрежетать зубами от злобного негодования, но так как употребить какие-либо крутые меры они опасались народа, то поневоле ограничились лишь повторением угроз, с которыми и отпустили апостолов. Верующие встретили их с восторгом и выразили свою благодарность Богу общей молитвой, представляющей собой первый пример общественной молитвы христиан (Деян 4:24–30). «И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого, и говорили слово Божие с дерзновением».

Дело свое апостолы продолжали с еще большим рвением, и собрание верующих еще более выделялось своими добродетелями и своим беспримерным единодушием. «У множества уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее». Это не значит, что первые христиане приняли мечтательную и неосуществимую на деле теорию, известную под названием коммунизма, сущность которого заключается в отвержении всякой личной собственности. Коммунизм предполагает собой обязательную отмену всякой личной собственности, между тем у первых христиан общение имений было лишь выражением внутреннего духа самоотвержения, с которым они относились к делам человеколюбия и продавали все, чтобы образовать, так сказать, фонд для помощи нуждающимся братьям. Отсюда это общение имений, очевидно, не было обязательным, и если некоторые лица, как, например, Варнава, левит с острова Кипр, даже продал свою землю, чтобы вырученные деньги принести к ногам апостолов, то этот случай отмечается как выдающийся, а затем другой случай – с Ананией – ясно доказывает необязательность подобного общения имений.

Этот Анания с женой своей Сапфирой, увлекшись примером других, также продали свое имение, чтобы вырученные деньги внести в общую кассу христиан. Но при этом у них зашевелилось чувство своекорыстия, и они утаили часть полученной от продажи суммы, и, принеся остальную часть апостолам, уверяли, что это вся вырученная ими сумма. Ложь этого заявления явно отразилась на лице еще не совсем испорченного Анании, и ап. Петр обратился к нему с строгим обличением, говоря, что они солгали не апостолам, а Духу Святому. «Чем ты владел, – говорил апостол Анании, – не твое ли было, и приобретенное продажей не в твоей ли

власти находилось?», давая ему этим знать, что продажа имущества для него была отнюдь не обязательна, и для церкви дороже в ее сынах дух внутреннего усердия, а не невольного принуждения. Обличение это так сильно подействовало на Ананию, что он тут же пал бездыханным. Часа через три, когда уже делались приготовления к погребению Анании, пришла жена его Сапфира, ничего не зная о случившемся. На вопрос ап. Петра она повторила ложь, высказанную ее мужем Ананией; апостол, видя такое лукавство, обратился и к ней с подобным же обличением. «Что это, сказал он, согласились вы искусить Духа Господня? вот входят в двери погребавшие мужа твоего и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух», и ее похоронили вместе с мужем. Такое страшное событие навело «великий страх на всю церковь и на всех слышавших это» и, естественно, воздержало некоторых, не чувствовавших себя достаточно подготовленными, от вступления в церковь. Но вообще дело обращения продолжалось. Апостолы с своими последователями ежедневно собирались в Соломоновом притворе храма. Чудеса их умножались. К ним выносили больных на улицы на постелях, «дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого-нибудь из них. Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все».

Все это, естественно, не могло оставить в покое первосвященников и старейшин иудейских. Перед совестью их, видимо, разрасталась тень Распятого ими Галилеянина. Не в силах больше терпеть подобного успеха апостолов, первосвященники опять велели схватить апостолов и на этот раз ввергнуть их в тюрьму. Синедрион рано собрался для суда над ними. Но когда послали за ними в тюрьму, то оказалось, что апостолов уже не было там и что освобожденные Ангелом Господним они спокойно учили в храме. В крайнем смущении члены синедриона еще раз отправили храмового начальника арестовать их, но на этот раз без всякого насилия, которое могло бы повести к опасным последствиям. Апостолы не оказали никакого сопротивления и тотчас же были поставлены там, где некогда стоял их Спаситель – посередине грозного полукруга гневных судей. В ответ на негодующее напоминание со стороны первосвященника о полученном ими предостережении ап. Петр прямо высказал свой взгляд на дело, что именно, когда наша обязанность к человеку сталкивается с нашей обязанностью к Богу, то мы должны скорее повиноваться Богу. Первосвященник сказал им: «Вы хотите низвести на нас кровь Того человека». Слова эти обнаружили в них опасение страшного возмездия за наглый вопль: «Кровь Его на нас и на детях наших». Тогда синедрион не боялся Иисуса. Теперь он трепетал при мысли о мщении, которое могло быть низведено на него двумя из презреннейших учеников. Фраза эта замечательна также в том отношении, что в первый раз представляет пример уклонения иудеев называть Христа по имени, что делает также и Талмуд, называющий Его большей частью неопределенным «некто». Петр не увеличивал тревоги вождей иудейских; он не сделал намека на предстоящее мщение; он только сказал, что апостолы и Святой Дух, действовавший в них, были свидетелями воскресения и прославления Того, Кого они убили. При этих словах члены синедриона от ярости заскрежетали зубами и стали замышлять новое на законных основаниях убийство, совершение которого, однако же, по их собственным правилам могло сделать их проклятыми в глазах своих соотечественников, как собрание, преданное делам крови.

Этот позор был отвращен речью одного мудрого мужа между ними. Это был Гамалиил, славившийся как один из величайших знатоков закона и приобретший в христианской церкви еще большее значение как бывший учитель величайшего из апостолов. Он дал мудрый совет подождать и посмотреть, что может выйти из нового учения, предоставленного самому себе. Это был век различных мятежных обманщиков, вроде Февды и Иуды Галилеянина, которые заканчивали открытым восстанием и были сокрушены силой Рима. Таков, несомненно, будет конец и этих проповедников, если только они подобные же обманщики, – и это сразу же избавит синедрион от всяких хлопот и опасностей. Но возможен и иной оборот. Дело это может оказаться от Бога; и если так, то уничтожить его невозможно, а противодействовать ему – значит прямо выступить богопротивниками. Совет этот исходил от такого высокочтимого

лица и сам по себе был столь разумен, что синедрион невольно склонился к нему; но чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить свою ярость, он предал апостолов бичеванию, подвергнув каждого из них сорока ударам без одного, как это требовалось законом. Но, конечно, подобное наказание отнюдь не могло ослабить ревности апостолов, которые по-прежнему продолжали свою проповедническую деятельность в притворе Соломоновом. Наказание это не только не устрасило Петра и Иоанна, а, напротив, возбудило в них необычайную радость, что они «за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие. И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе».

Деятельность апостолов, конечно, происходила главным образом среди местных палестинских иудеев, из которых и составилось первое собрание верующих во Христа; но вместе с тем в Иерусалиме бывало по большим праздникам множество и иудеев непалестинских, прибывавших в святой город из всевозможных стран, где только жили иудеи рассеяния, и многие из них также уверовали и крестились. Таким образом в церкви образовалось два класса верующих – *евреи* в собственном смысле этого слова и так называемые *эллинисты*. Эллинистами назывались вообще все те иудеи, которые, живя вне Палестины, со времени Александра Великого всецело поддались греческому влиянию и даже забыли свой родной язык. Хотя многие из них были также ревностными хранителями Моисеева закона, но сама жизнь их среди язычников и подчинение греческой культуре и греческим обычаям внушало палестинским иудеям некоторое чувство недоверия по отношению к ним, так что между ними постоянно существовало некоторое разъединение, переходившее иногда во взаимную подозрительность и враждебность. Это чувство сказалось отчасти и в Церкви Христовой, и когда число верующих умножилось, то почти неизбежным стало столкновение между этими двумя различными классами. Так именно и случилось: «У эллинистов произошел ропот на евреев». Частной причиной этого ропота было действительное или воображаемое пренебрежение к вдовам эллинистов при ежедневной раздаче пищи и милостыни. Некоторое неудовольствие могло возникнуть из-за того, что все должности в церкви находились в руках у евреев, которые, естественно, могли более обращать внимания на нужды своих ближних соотечественниц. Вдовы же были таким классом, который более всего нуждался в помощи. Известно, какое внимание ап. Павел обращал на их положение даже в Коринфе, и некоторые из мудрейших постановлений, приписываемых Гамалиилу, направлялись к облегчению страданий, неразлучных с их положением. Благодаря заключенности, в которой по вековому обычаю жили женщины на Востоке, доля вдовы при отсутствии людей, которые могли бы заботиться о ней, могла быть действительно безотрадной. Неравенство в отношении к ним, естественно, могло возбудить ропот, тем более что до своего обращения в христианство эти вдовы имели право на пособие из корвана, т. е. сокровищницы храма.

Но апостолы отнеслись к этим жалобам с тем беспристрастием и великодушием, которое служит лучшим доказательством того, как мало они были повинны в пристрастии по отношению к вдовам евреев. Созвав учеников на собрание, они сказали им, что настало время, когда апостолам стало уже неудобно заниматься распределением милостыни – тем делом, которое могло отвлекать их от более высоких и важных обязанностей. Поэтому они предложили собранию избрать семь человек из лиц безукоризненного характера, высоких духовных дарований и деловой мудрости для того, чтобы из них составить особую степень служения в церкви, степень диаконов, с целью избавить апостолов от хозяйственного бремени и дать им возможность посвятить все свои силы на молитву и пастырские труды. Совет был принят, и апостолам было представлено семь наиболее подходящих к этому положению лиц. Они были допущены к обязанностям своего служения молитвой и возложением рук, что с этого времени и сделалось обычным посвящением на должность диакона.

Эти семь избранников были: Стефан, Филипп, Прохор, Никанор, Гимон, Пармен и Николай-антиохиец, обращенный из язычников. Греческие имена этих избранников показывают, что все они или большинство их были избраны из эллинистов, и таким образом не только дано было полное удовлетворение ропшущим, но и отнят сам повод к дальнейшим

неудовольствиям. Эти-то избранные перед вступлением в должность были торжественно рукоположены апостолами, и таким образом в церкви уже в самом начале стали вырабатываться иерархические степени, долженствовавшие постепенно составить христианскую иерархию с ее тремя богоустановленными степенями священства. Доселе все три степени сосредоточивались в лице апостолов, бывших и епископами, и пресвитерами, и диаконами. Нужды церковно-общественной жизни, усложнившиеся с умножением верующих, потребовали выделения этих степеней, и прежде всего, сообразно с наличной потребностью, выделена была должность диаконская, которая и вверена была семи названным избранным.

Естественным следствием этого церковного учреждения было то, что апостолы, освободившись от забот о материальном обеспечении бедных братьев, всецело отдались высшему служению слова, находя вместе с тем деятельных помощников в самих диаконах. И вот «слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме» – теперь стали принимать христианство не только простые иудеи, но и лица священного сана. Так уже раньше в число верующих вступил левит Иосия, прозванный от апостолов Варнавой, т. е. сыном утешения, – тот самый, который заявил себя примерной ревностью и самоотвержением в деле общения имений; а теперь «и из священников очень многие покорились вере» и, конечно, сделались пресвитерами в новой церкви, восполняя и завершая ее трехчинную иерархию.

XXXIII

Архидиакон Стефан, его проповедь и мученичество. Гонение на учеников и рассеяние их из Иерусалима. Распространение Евангелия. Проповедь Филиппа в Самарии. Симон-волхв. Обращение эфиопского евнуха. Состояние Церкви к концу царствования Тиверия

Избранные диаконы, приняв на себя заведывание делами благотворения, не только предоставляли апостолам больше свободы в деле проповеди, но вместе с тем явились и достойными им помощниками в этом великом деле. Особенно замечателен был в этом отношении Стефан, представляющий собой одну из замечательных личностей в первенствующей церкви. Будучи избран в число семи диаконов, св. Стефан, «исполненный веры и силы», сразу сделался наиболее видным из них. Он «совершал великие чудеса и знамения в народе», так что в этом отношении как бы стоял на одном уровне с апостолами. Обладая необычайными дарованиями и вместе высоким образованием, он, конечно, не мог ограничиться в своем служении раздачей милостыни. Его влекло на более обширное и плодотворное поприще проповеди, и он действительно выступил на нее. Раздавателю милостыни, конечно, часто приходилось встречаться со всевозможными личностями и часто заводить беседы о христианстве и его отношении к иудейству. Доселе христиане, состоявшие в большинстве из обращенных иудеев и эллинистов, мало отличались от иудеев и продолжали соблюдать внешние формы иудейского богослужения, собираясь в храмах и синагогах. Но эта связь, конечно, была временная, и она должна была, по мере образования самостоятельных форм в христианской церкви, совершенно порваться, что теперь уже начали сознавать все более просвещенные духовно люди. Впереди их стоял диакон Стефан, который и начал проповедь в этом именно духе. Местом его проповедничества были синагоги эллинистов. Сам будучи эллинистом, он и с проповедью по преимуществу обращался к своим братьям по положению. Проповедь его обратила на себя внимание, но вместе с тем встретила и противодействие. Эллинисты из различных стран обыкновенно имели свои отдельные синагоги, которых в Иерусалиме числилось до четырехсот, и в одной из этих синагог, к которой принадлежали либертинцы (т. е. отпущенники из рабов), кирийцы и александрийцы, вступили в горячий спор с Стефаном. В прения эти вмешались и еще кое-кто, именно «некоторые из Киликии и Асии», так что спор принял крайне горячий характер. Следствием этого спора было полное торжество св. Стефана над своими противниками. Эллинисты не в силах были «противостоять мудрости и Духу, которым он говорил». Высокомерные книжники с изумлением должны были видеть, что проповедник не был обыкновенным поселянином, каких они привыкли видеть проповедниками христианства, а обладал не только языческим

образованием, но иудейской ученостью. Спор, конечно, происходил касательно Мессии, и иудейские книжники, при своем извращенном представлении о Мессии, должны были приходить в ярость, слыша, что св. Стефан с непреодолимой силой доказывал им на основании Св. Писания и истории, что этот Мессия уже пришел и что народ иудейский и особенно велеученые законники, не только не узнали и не признали Его, но и распяли на кресте, как злодея. И этот Мессия был Иисус Назарянин, проповедником которого выступал Стефан.

Разъяренные такой проповедью и не чувствуя себя в состоянии долее противостоять ей, эллинисты прибегли к насилию. Они возбудили против него народ и старейшин, распространяя через подкупленных лжесвидетелей слух, что он «говорил*~~sensored~~*ные слова на Моисея и на Бога, на святое место сие (храм) и на закон». Пользуясь этой поддержкой, они неожиданно напали на св. Стефана и предали его суду синедриона. Начался обычный разбор со стороны судилища, которое уже запятнало себя вопиющим неправосудием и кровожадностью. Явились неперемненные члены этого судилища – лжесвидетели, которые уверяли, будто обвиняемый говорил, «что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей».

Лжесвидетельства эти были тем опаснее, что основывались на извращении истины. Св. Стефан действительно проповедовал о совершенной Христом отмене всего ветхозаветного домостроительства, но эта отмена должна совершиться не через насилие, а внутренним действием Духа Божия, как она уже и начала совершаться теперь. И эту истину он хотел торжественно выяснить перед самым синедрионом, который при всей своей предубежденности к проповеднику ненавистного имени не мог не восторгаться красотой и богопросвещенным лицом этого человека и «видел лице его как лице ангела». Когда лжесвидетели истошились в своих измышленных показаниях, последовал вопрос первосвященника: «Так ли это?» – и на этот вопрос св. Стефан отвечал боговдохновенной защитительной речью, в которой выяснено происхождение христианства как новой высшей сравнительно с иудейством ступени домостроительства Божия.

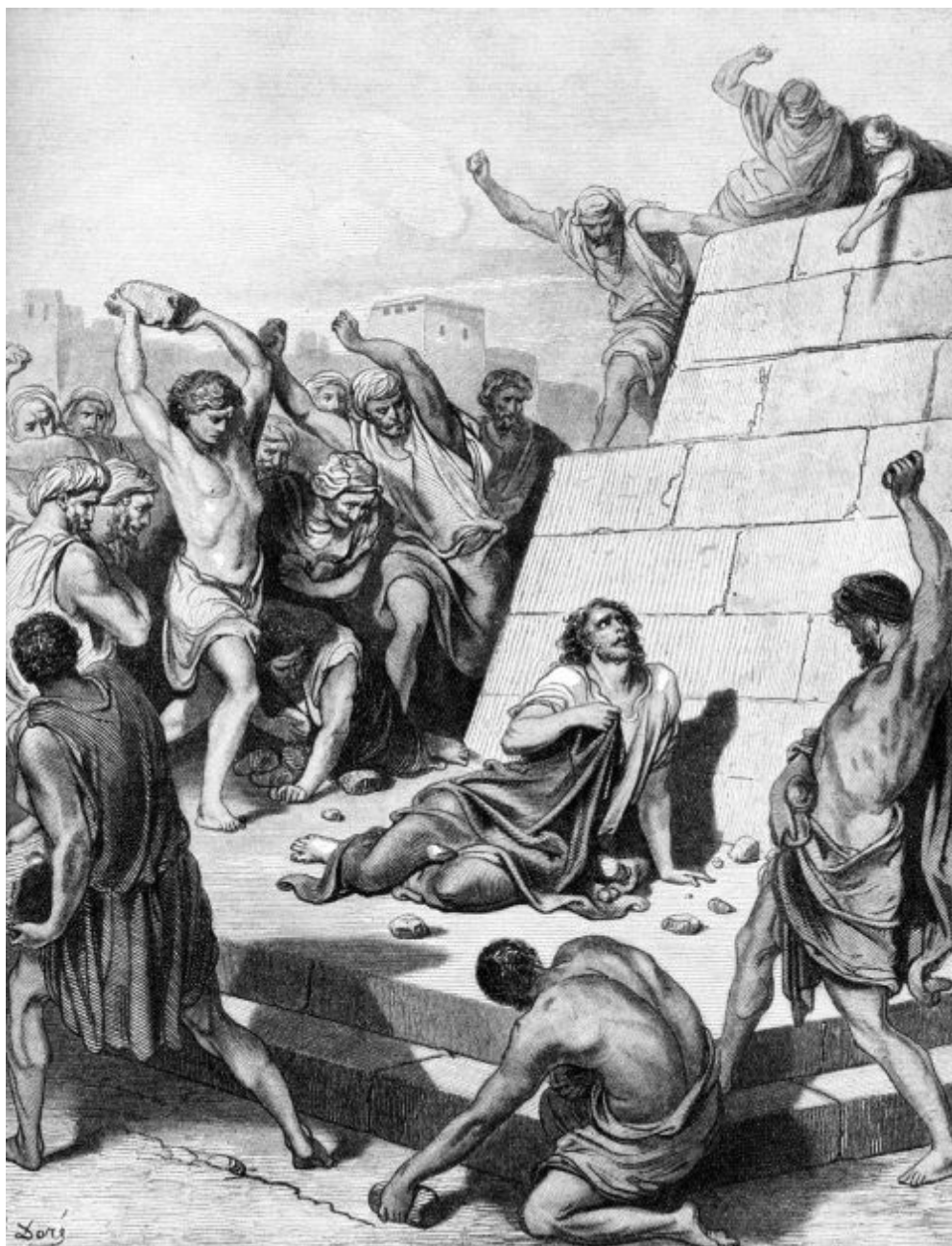
Припомнив всю ветхозаветную историю от призвания Авраама, он самым изложением ее доказывал, что в общем ходе образования иудейской религии и закона было постепенное развитие завета и лучших обетований, чему, однако же, постоянно противился избранный народ. Показав таким образом на основании истории, что это они именно, его обвинители, постоянно оказывались нарушителями и противниками Закона Божиего, св. Стефан изложил историю противления их отцов самому Моисею, и тут же пророчески указал на возможность их противления и тому высшему пророку, о явлении которого предсказывал Моисей. Затем, обращаясь к обвинению его в*~~sensored~~*нии храма, он показал опять исторически, как они именно являлись величайшими*~~sensored~~*телями храма Божия и со времени Моисея постоянно уклонялись от истинного богослужения к идолослужению. Но самый храм не есть единственное место соприсутствия Бога. Хотя Соломон и построил Ему дом, но в самой своей посвяtitельной молитве он высказал великую мысль, что «Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит Пророк: небо престол Мой и земля подножие ног Моих».

Общим выводом из этих доказательств была самоочевидная истина, что в основе их мнимой ревности о законе и храме лежало самое гнусное лицемерие, соединенное с грубой чувственностью и человеконенавистничеством. Увлеченный святым негодованием, обвиняемый сделался обвинителем и мужественно воскликнул: «Жестоков*~~sensored~~*ые! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, которого предателями и убийцами сделались ныне вы. Вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили!» Столь безбоязненное и страшное обличение распалило ярость членов синедриона, которые, как дикие звери, «рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами». Тогда св. Стефан увидел, что ему предстоит участь последовать за своим Учителем по скорбному пути мученичества, и взоры его обратились к небесам. Там он «увидел

славу Божию, и Иисуса стоящего одесную Бога». Восхищенный этим дивным богоявлением превыше всякой мысли об опасности, он, как бы желая и своих врагов сделать участниками этого видения, воскликнул: «Вот я вижу небеса отверстые и Сына человеческого стоящего одесную Бога!» Но этих возвышенных слов не могли выдержать чувства его слушателей. Затыкая свои уши, как бы с целью предохранить их от оскверняющего богохульства, они массой поднялись с обеих сторон полукруга, в котором сидели, и с диким ревом ринулись на Стефана. О законном решении дела теперь уже не было и речи. В своей ярости они забыли всякий закон и повлекли св. Стефана за городские ворота, чтобы там побить его камнями. Когда началось исполнение казни, мученик воскликнул: «Господи Иисусе! приими дух мой!» А когда израненный, истекая кровью, он мог еще стать на колени, он в духе своего Господа молился за своих убийц, и даже вопль его страдания звучал прощением, показывающим, как мало злобы было в его суровых, произнесенных им перед тем словах: «Господи, – молился он, – не вмени им греха сего!» С этим возгласом он отошел от гнева людей в мир Божий и «почил». Тело его погребли некоторые благоговейные мужи, которые вместе с тем «сделали великий плач по нем».

Это был первый мученик за имя Христово, и на нем первом оправдалась великая истина, что «кровь мучеников есть семя христианства». Среди эллинистов Киликии, которые спорили с Стефаном в синагоге, был один «юноша, именем Савл, из города Тарса, ученик знаменитого Гамалиила. При всей своей учености он не мог выстоять против св. Стефана и подобно другим пылал на него ненавистью, заставлявшей с злорадством смотреть на его мученическую смерть. Савл не только одобрял это гнусное убийство, но и содействовал убийцам, которые складывали у его ног свои одежды, чтобы бросить первые камни, как предписывал закон. И этот-то яростный враг христианства впервые при этом страшном случае почувствовал в своем сердце мучительную искру самообличения, которая, постепенно разгораясь во всежогущее пламя, привела его наконец к тому, что сам он сделался «избранным сосудом» гонимого Христа, величайшим апостолом и распространителем христианства.

Между тем успех врагов христианства в убиении св. Стефана послужил сигналом к общему гонению на христиан, и они для спасения своей жизни по необходимости должны были рассеяться из Иерусалима. Это невольное рассеяние, однако же, послужило к еще большему распространению Евангелия, и именно за пределы Иудеи, – так как «рассеевшиеся ходили и благовествовали слово». «Так Филипп пришел в город Самарийский, и проповедовал Христа», подтверждая свою проповедь знамениями и чудесами, заставлявшими народ единодушно внимать проповеднику. Там, между прочим, произошла встреча проповедника христианства с знаменитым волхвователем своего времени Симоном, который, выдавая себя за Мессию, обольщал простодушный народ своими чарами. Но его волхования, состоявшие из жалких фокусов и мнимых чудес, сразу потеряли обаяние перед лицом действительных знамений и чудес христианского благовестника, по слову которого и стал креститься народ во имя Христово. Симон, видя, что его волхования более не в состоянии обольщать прозревший от духовной слепоты народ, решился и сам принять крещение, надеясь через это получить новую силу для обольщения народа. Между тем слух об успехе проповеди Евангелия в Самарии дошел до Иерусалима, и апостолы отправили туда Петра и Иоанна для утверждения новообращенных в вере, которые, прибыв туда, низвели на всех верующих через возложение рук обильного дара Духа Святого. Это последнее возбудило крайнюю зависть в Симоне волхве, и он, по своему языческому воззрению, стал предлагать апостолам деньги, чтобы они и ему дали власть низводить через возложение рук дары Духа Святого. В ответ на эту преступную симонию (как вследствие этого стали называться все попытки получить благодать священства посредством купли) ап. Петр обратился к Симону с строгим укором, настолько подействовавшим на волхва, что он стал просить апостолов помолиться за него. Сами апостолы, «засвидетельствовав и проповедав слово Господне, обратно пошли в Иерусалим, и во многих селениях самарийских проповедали Евангелие».

Первомученик Стефан

Вскоре затем Филиппу пришлось совершить еще одно важное обращение, долженствовавшее еще более решительно доказать, что настал день, когда правила иудейства должны были потерять свою силу. Руководимый божественным внушением и голосом ангела, он направился на юг по пустынной дороге, ведущей из Элевферополя к Газе, и там встретил свиту богатого эфиопского евнуха, занимавшего высокое положение казначея Кандакии (царицы) сильной в то время Эфиопской монархии, столицей которого был город Мероэ. Есть основание думать, что эта страна до известной степени была обращена в иудейство иудеями, проникшими в нее из Египта во времена Псамметиха, потомки которого еще существуют под именем фалазиан. Евнух, точно исполняя обязанности пришельца врат, что в его положении было более чем возможно, ездил в Иерусалим на богомолье, чтобы присутствовать на одном из великих праздников, и теперь возвращался на родину. Едучи в карете с сопровождении своей свиты, он, согласно с правилами раввинов, проводил время в чтении Св. Писания и в этот самый момент громко читал по греческому переводу 70 пророчество Исаии: «Как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст своих. В уничижении Его суд Его совершился, но род Его кто разъяснит? ибо вземется от земли жизнь

Его» (Ис 3:7–8). Филипп спросил его, понимает ли он, что читает? Евнух сознался, что все это было темно для него, и, пригласив Филиппа сесть к себе в карету, спросил его, кто же это такой, о ком говорит пророк? Филипп таким образом получил возможность раскрыть христианское толкование этого великого пророчества и настолько подействовал на своего слушателя, что, когда они доехали до источника водного, евнух попросил Филиппа, чтобы он крестил его. Филипп сказал ему: «Если веруешь от всего сердца, можно». И когда евнух торжественно исповедал свою веру, говоря: «Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий», то приказал остановить колесницу, и Филипп тотчас же крестил его. «Когда же они вышли из воды, Дух Святой сошел на евнуха, а Филиппа восхитил ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь». По преданию, крещенный сановник сделался проповедником Христа в своей стране, а Филипп оказался в Азоте, откуда он и начал свою проповедь в различных приморских городах вплоть до Кесарии. В этом последнем городе он, по-видимому, остался на постоянное жительство и имел впоследствии четырех дочерей, обладавших пророческим даром.

Таким образом к этому времени, совпадающему приблизительно с кончиной императора Тиверия (в 37 г. по Р. Х.) церковь начала успешно распространяться среди иудеев всех наименований – чистых иудеев и презираемых самарян, среди иудеев рассеяния – эллинистов и прозелитов отдаленнейших стран. И к этому же времени главнейшие виновники смерти Христа испытали на себе заслуженный гнев Божий. Пилат по жалобе самарян был лишен своей должности и отправлен на суд в Рим, а первосвященник Каиафа в том же году низложен был сирийским префектом Вителлием, который стал строго преследовать злоупотребления иудейских властей.

Отдел восьмой

Церковь среди язычников от обращения Савла до его мученичества в Риме

XXXIV

Обращение Савла. Приобщение его к лику апостолов и особое предназначение

Сам ход распространения Евангелия уже показывал, что проповедь его не должна была ограничиться иудейским народом, хотя бы и считая сюда всех сынов рассеяния, отщепенцев вроде самарян и прозелитов обоего рода. Кроме них был еще необъятный мир народов языческих, которые совершенно не соприкасались с иудейским народом, не знали ветхозаветного закона и в своей жизни руководствовались естественным разумом. На эти народы иудеи смотрели с высокомерным презрением как на обреченных на погибель; но и они были сыны Адамовы, и так как вина первородного греха тяготела на них так же, как и на иудеях, и даже в большей степени, потому что они предоставлены были своим собственным силам и не имели благодетельного руководства свыше, то теперь и дело искупления должно было распространиться и на них, и даже в большей степени, соответственно их большей духовной нужде. Но для распространения между ними Евангелия требовался особый проповедник, какого еще не оказывалось между апостолами, именно человек, одинаково знакомый с иудейским и языческим миром и в высшей степени постигший тайну христианства как религии новой и всемирной. Такой проповедник и явился в лице апостола Павла, история которого представляет поразительный пример того, как промысл Божий при всякой духовной потребности выдвигает великих деятелей, призывая их иногда из самой среды ожесточенных врагов истины.

Во время страшной мученической кончины св. Стефана мучители, побивавшие его камнями, складывали свои одежды «у ног юноши, именем Савла». Это и был великий избранник Божий. Хотя сам он, видимо, и не принимал участия в побиении первомученика камнями, но был настолько ожесточен на великого проповедника христианства, «что одобрял убийство его» (Деян 8:1), да и после этого кровавого дела не успокоился, а «терзал церковь, входя в дома

и, влача мужчин и женщин, отдавал в темницу». Этот яростный гонитель христианства был иудей, родом из Тарса, в Киликии. Он, таким образом, принадлежал к иудеям рассеяния, но происходил из семейства, которое гордилось чистотой своей иудейской крови, помнило свое происхождение от Вениаминова колена и самое имя своему сыну дало в честь царя из этого колена – Саула. Будучи таким образом «евреем из евреев» (Флп 3:5), Савл вместе с тем обладал весьма важным гражданским правом, именно правом свободного римского гражданина, обеспечивавшим неприкосновенность его личности на всем громадном пространстве Римской империи. Право это, вероятно, было приобретено его отцом за какую-нибудь услугу римлянам во время гражданских войн и от него перешло к сыну. Таре, расположенный на берегах Кидна в узкой плодородной равнине между Средиземным морем и снеговыми высотами Тавра, был большим торгово-промышленным городом, в котором было складочное место товаров, составлявших предмет торговли между Восточной и Малой Азией. Но особым промыслом жителей было приготовление шерстяных материй, ковров и палаток из козьей шерсти, которая славилась по всему Востоку, и Савл был подготовляем своими родителями к этому ремеслу, именно в качестве делателя палаток. Это не значит, что родители его были бедны и не имели возможности готовить своего сына к какому-либо более высокому общественному положению. Это просто был общий у иудеев обычай – приучать своих детей к какому-либо ремеслу, чтобы дать им возможность зарабатывать хлеб при всех превратностях жизни, и Савлу действительно пришлось не раз с благодарностью вспомнить своих родителей, когда именно ему приходилось прибегать к своему ремеслу для пропитания. Научив своего сына ремеслу, родители дали ему затем и хорошее общее образование. Так как греческий язык был ходячим в таком большом городе, как Гарс, то Савл знал его в совершенстве и настолько знаком был с греческой литературой, что свободно приводил цитаты из греческих поэтов (Деян 18:28; Тит 1:2) и даже глубоко понимал сам дух эллинизма.

Это высокое образование делало его особенно пригодным орудием для той цели, к которой подготавливал его Промысл, именно быть «апостолом народов». Но это была лишь одна сторона в его образовании. Дав своему сыну общее классическое образование, родители вместе с тем позаботились особенно дать ему высшее образование иудейское. С этой целью Савл был отправлен в Иерусалим, где процветали различные высшие школы, и там он «воспитан был при ногах Гамалиила», знаменитейшего законника своего времени, отличавшегося не только глубиной и обширностью своей учености, но и замечательным духом терпимости к мнениям несогласных с установившимися воззрениями людей. В школе этого-то великого учителя Савл был «тщательно наставлен в отеческом законе» и был ревнителем по Боге (Деян 22:3). Все это обширное образование, соединенное с высокими природными дарованиями, сделало Савла весьма видной личностью, и уже в Иерусалиме, среди фарисеев, он пользовался большой известностью не только за свою ученость, но и потому, что он «жил фарисеем по строжайшему в иудейском вероисповедании учению» (Деян 26:5).

По окончании образования Савл, наверно, возвратился в Таре; но город этот был теперь уже тесен для высокоученого и пылкого юноши, душа его просилась на более широкое поприще, и он вскоре опять появляется в Иерусалиме. И тут-то ему пришлось впервые столкнуться с новыми проповедниками, которые с успехом проповедовали какое-то новое, неизвестное ему учение. Высокоученый фарисей из Тарса не преминул прислушаться к этим новым проповедникам и, к ужасу и негодованию, узнал, что они проповедовали отмену Моисеева закона и вместо него преподавали учение какого-то темного Галилеянина, Иисуса из Назарета, который за свою мятежность и богохульство был осужден на смерть и распят между двумя злодеями.

Ему как пылкому ревнителю закона и вместе высокообразованному знатоку его все это могло представляться лишь вопиющим безумием, на которое не стоило бы обращать ни малейшего внимания, если бы проповедниками этого нового учения выступали одни безграмотные поселяне вроде тех, что толпой ходили за самым Основателем учения, а не такие образованные эллинисты, как Стефан. Ясно, что это учение пустило уже глубокие корни и его нельзя было

оставлять без внимания. Нужно было опровергнуть и поразить этих проповедников, и Савл действительно выступил против Стефана и, несомненно, был одним из тех «некоторых из Киликии, кто вступил в спор с Стефаном» (Деян 6:9). Спор между такими противниками мог быть только самый горячий, и Савл, к ужасу своему, увидел, что при всей своей учености он «не мог противостоять мудрости и духу, которым говорил» его противник. И тогда-то ревность его приняла кровожадный характер. Позор своего поражения он мог смыть лишь кровью Стефана и одобрял его убиение. Сопровождавшие это страшное мученичество обстоятельства не могли бесследно пройти для такого пылкого человека, как Савл, и в душе у него шевельнулось страшное чувство сожаления и раскаяния, что он в своей ревности зашел так далеко, а вместе затеплилась и искра сомнения в своей собственной правоте. Но это было тяжелое чувство; нужно было подавить его, а достигнуть этого можно было только новой и усиленной ревностью в защите Моисеева закона и в гонении на врагов его. Если погублен такой высокообразованный и геройский проповедник его, как Стефан, то масса его последователей уже не заслуживает никакого сожаления; ее нужно уничтожить, и тогда ненавистное учение будет вырвано с корнем. С такими мыслями и чувствами Савл, вопреки наставлениям своего великого учителя Гамалиила, положительно стал «терзать церковь» и гнал ее членов «до смерти» (Деян 8:3; 22:4). И это гонение навело ужас на христиан. Перед лицом грозного гонителя они рассеялись и исчезли. Иерусалим, по-видимому, был совершенно очищен от них. Там уже не было больше проповедания или чудес у притвора Соломонова, толпы уже не собирались на улицах в ожидании прохождения тени апп. Петра и Иоанна; в доме Марии, матери Марка, уже не было больше многочисленных собраний. Если христиане и собирались, то собирались только с боязливостью и тайком, в малом числе, и трапезы любви, если только они вообще совершались, происходили, вероятно, так, как в первые дни по воскресении, с запертыми дверями – ради страха иудейского. Некоторые из христиан понесли жестокое мучение за свою веру; менее преданные члены церкви, несомненно, отпали от нее; большинство сразу же бежало еще до наступления бури гонения. Такой успех дела должен был чрезвычайно обрадовать первосвященников и старейшин иудейских, которые наконец могли надеяться на полное истребление секты, так много делавшей им хлопот. Они даже были бы довольны и тем, что сделано; но Савл хотел довести до конца, и «в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах» (Деян 26:11). Особенно много христиан, слышал он, было в Дамаске, где они свили себе гнездо под властью аравийского князя Ареты.

И вот, чтобы разорить и это гнездо, Савл обратился к первосвященнику, чтобы он дал ему полномочные письма в Дамаск, с которыми бы он мог устроить там судилище и в цепях приводить оттуда в Иерусалим всех, кого только найдет из христиан, как мужчин, так и женщин, с целью производства над ними высшего суда, примером правды и милости которого могла служить для них участь св. Стефана. И вот он, получив письма, отправился в путь, «дыша угрозами и убийствами на учеников Господа» (Деян 9:1), но по неисповедимым намерениям промысла Божия путь этот привел его к совершенно неожиданному для него исходу, и он вышел из Дамаска не грозным гонителем, с целой партией закованных в цепи и трепещущих за свою участь христиан, а смиренным и разбитым назарянином, последователем того самого Иисуса Назарянина, само имя которого дотоле звучало для него презрением и возбуждало в нем неистребимую ненависть.

Этот чудесный переворот совершился на дороге, неподалеку от Дамаска, близ деревни Каукабы (как указывает предание). Перед знатным путником, ехавшим в сопровождении значительной свиты, расстилалась «пустыня Дамасская», ограничиваемая на север цепью Ливанских гор, едва заметно выступающих в далекой синеве небосклона; в прямом направлении виднелись башни самого Дамаска, кровли которого ярко сверкали под палящими лучами полуденного солнца. Путь был страшно тяжел и утомителен в эти часы дня, и Савл нетерпеливо стремился поскорее добраться до знаменитого своими садами города, чтобы отдохнуть под их сладостной тенью от пути и затем сразу же приняться за дело. И вдруг кончилось все. Вокруг путников вдруг заблистал необычайный свет с неба. Его видел не Савл только, но и все его спутники. В Сирии

и вообще полуденное солнце светит и жжет невыносимо; но этот свет с неба был еще поразительнее в своей яркости и еще пронзительнее в своем пламени. Вместе со светом до спутников Савла донесся какой-то страшный, но невнятный голос. Как бы каким-то грозным мановением с неба они все были повергнуты в оцепенении на землю. Когда другие встали и отчасти оправились от ужаса, Савл лежал еще на земле, и в этом распростертом положении он видел необычайный человеческий образ и слышал человеческий голос, говорящий ему: «Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна». Но в этот страшный момент Савл не узнал Того, Кто говорил ему, потому что он никогда не видел Его на земле. «Кто ты, Господи?» – сказал он. «Я Иисус Назорей, которого ты гонишь!» Ответ этот ужасом поразил Савла, и в душе его мгновенно и в ужасающей ясности воскресло все, что он делал против этого Иисуса Назарянина. В невыносимом трепете и ужасе он спросил Его: «Господи! что повелишь мне делать?» И на это последовал милостивый ответ: «Встань, и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать». – «Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя».

Савл встал, но все вокруг него было темно. Ослепительное видение исчезло, но вместе с ним для взора Савла померкло и само солнце. Он был слеп. Испуганные спутники взяли его за руку и повели к Дамаску. По прибытии в город его отвели в дом Иуды на длинной улице, которая идет через весь город и как тогда, так и теперь называется Прямой. Там с мукой в душе, в слепоте, в телесных страданиях, в умственном возбуждении, без пищи и питья, Савл пролежал три дня, а блеск поразившего его света постоянно предносился перед его темными глазами, и звуки того укоряющего голоса все еще гремели в его ушах. Никто не может сказать, что пережила его душа в эти три дня. Наконец буря его душевного состояния нашла облегчение в молитве, и затем к нему пришел один христианин, уважаемый всеми, и даже иудеями, Анания, которому Господь явился в видении и открыл, что этот безжалостный гонитель будет избранным сосудом, чтобы возвещать имя Христово перед язычниками, царями и сынами Израиля. «И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое», – говорил Господь. Добрый Анания, опасавшийся сначала идти к известному всем кровожадному гонителю, не медлил долее. Он вошел в дом Иуды и обратился к страдальцу с дорогим приветствием, как к брату, и, возложив руки на его затемненные глаза, велел ему встать, смотреть и быть исполненным Св. Духа. «И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его; и вдруг он прозрел и, встав, крестился; и, приняв пищи, укрепился».

Проведя несколько дней в обществе Анании, который, несомненно, своей беседой ободрил дух его и преподавал ему начатки христианских истин, Савл совершенно возродился духовно и почувствовал себя совершенно другим человеком. Между его прежним и настоящим легла непроходимая бездна. Ему открылись глаза на сущность вещей, и теперь он, к изумлению, видел, что все то, в чем он полагал свою славу и свое величие, было отжившей ветошью и тьмой в сравнении с истинным светом гонимого христианства. И при одном воспоминании, что он был гонителем церкви, ужас поражал его богопросвещенную душу и тем с большей ревностью он теперь стремился загладить это свое прошлое гонительство проповеданием Христа. Оправившись от душевного и телесного потрясения, он сразу же выступил проповедником Евангелия, и в дамасских синагогах изумлялись все, как этот яростный гонитель христианства теперь вдохновенно проповедовал Евангелие. Но душа Савла была разбита и требовала более продолжительного успокоения. Ему нужен был такой отдых, во время которого он мог бы всецело оторваться от окружающего мира, уйти в самого себя, проверить свое душевное состояние и в уединенной беседе с Богом найти окончательное подтверждение своему призванию. И вот Савл, подобно великим ветхозаветным праведникам, удалился из Дамаска в Аравию, где и пробыл около трех лет. Только после этого продолжительного пребывания в пустыне, проведенного, несомненно, в глубоком душевном самоиспытании, Савл опять возвратился в Дамаск и там начал проповедь о Христе. Появление такого великого проповедника, о котором уже могли забыть отчасти, обратило на него общее внимание, и так как он всю свою прежнюю ученость, подкрепленную еще высшими

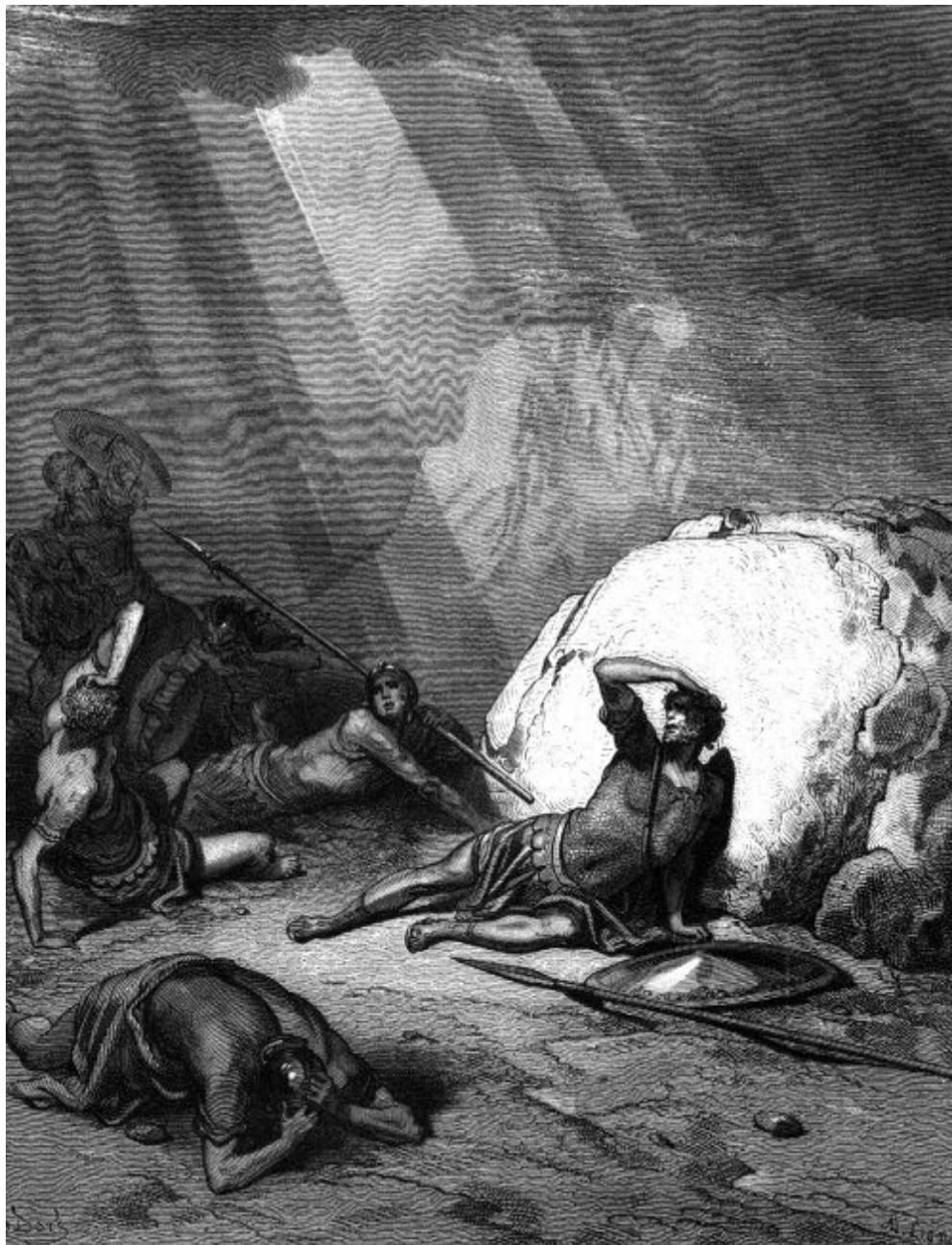
откровениями, всецело обратил на проповедь и защиту Евангелия, то никто из иудейских книжников и законников не мог выстоять против него. Это, естественно, возбудило против него крайнее негодование среди иудеев, и они составили даже заговор убить его. В этом заговоре принял участие даже правитель Дамаска, который приставил стражу к городским воротам. Опасность была страшная, тем более что она грозила в самом же начале прекратить деятельность Савла, который не успел еще хоть сколько-нибудь загладить грехов своей прежней жизни. Нужно было избежать ее, и в этом отношении помогли ему уже начавшие собираться около него ученики. Они воспользовались тем, что дома на Востоке окнами выходили за городскую стену, и, посадив Савла в большую корзину, спустили его на веревке за стену, подобно тому, как в древности Раав спасла соглядатаев. Избежав опасности, Савл тогда направился в Иерусалим. Там ему уже не было места среди старейшин иудейских, и он должен был искать убежища среди новых своих братьев-христиан. Еще будучи гонителем, он, вероятно, слышал об ап. Петре, который выдавался среди других апостолов своим мужеством в проповеди и славился чудесами. С ним-то «видеться» и решился Савл, чтобы найти в нем мужественного друга и наставника. Ап. Петр принял его с свойственным ему радушием, так что Савл пробыл у него дней пятнадцать, и за это время познакомился и с Иаковом, братом Господним. Других апостолов частью не было в это время в Иерусалиме, частью же они продолжали недоверчиво относиться к обращенному свирепому гонителю, предполагая в его обращении лишь коварный прием для разузнавания всех тайн жизни среди христиан. Но великодушный Варнава, сам эллинист, близко познакомившись с Савлом, убедил наконец апостолов, что перед ними уже не прежний гонитель, а смиренный христианин, удостоившийся страшного откровения на пути в Дамаск.

И тогда, будучи принят в общество апостолов, Савл совершенно укрепился нравственно и вновь выступил на проповедь Христа в синагогах иудейских, смело состязаясь с эллинистами, во главе которых он некогда отстаивал Ветхий Завет против Стефана. Такой переход его на сторону бывших своих противников, естественно, возбудил крайнее раздражение среди иудеев, и ему грозила участь св. Стефана. Савл был в крайнем унынии и однажды до такой степени молился в храме, что пришел в исступление. И в это время ему было новое откровение Христа, который, повелевая ему удалиться из Иерусалима, вместе с тем дал ему великое поручение быть апостолом язычников. «Иди, – говорил Христос, – Я пошлю тебя далеко к язычникам». Смиренно приняв на себя это великое поручение, Савл при помощи учеников тайно сел на корабль и, избегнув таким образом грозившей ему опасности, отправился в Кесарию, и оттуда препровожден был в Таре, где и пробыл четырнадцать лет, готовясь к своему великому призванию – апостольству среди язычников.

XXXV

Обращение Корнилия ап. Петром. Проповедь язычникам в Антиохии и первая церковь из язычников. Гонение в Иерусалиме и мученичество ап. Иакова

После обращения Савла в состоянии церкви наступило временное затишье от внешних гонений, так что «церкви по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и при утешении от Святого Духа умножались». Это было в первую половину царствования императора Кая Калигулы (37–39 по Р. Х.), и объяснялось тем, что в это время иудейский мир находился в страшном возбуждении, отвлекавшем его внимание от гонительства христиан. Раздраженный иудеями император хотел доказать им свое неограниченное самовластие и повелел поставить свою статую в святилище иерусалимского храма. Такое повеление, грозившее страшным осквернением храма языческим изображением, повергло иудеев в неописуемый ужас, и они все свои силы употребляли на то, чтобы отвратить как-нибудь подобное бедствие. И вот, когда злейшие враги церкви вынуждены были всеми силами отстаивать ветхозаветный храм от осквернения язычниками, церковь новозаветная «при утешении от Святого Духа умножалась» и открывала свои двери для язычников. Первый шаг в этом отношении сделан был по внушению свыше ап. Петром.

Савл на пути в Дамаск

Исполняя свое апостольское призвание, ап. Петр по временам обходил разбросанные в разных местах христианские общины, назидая их в вере и проповедуя Евангелие. Свою проповедь он сопровождал и великими чудесами, которые показывали, что духовные дары, полученные апостолами от своего божественного Учителя, не ослабели. Так в городе Лидде апостол именем Иисуса Христа исцелил Энея, бывшего в расслаблении восемь лет, и это чудо имело своим следствием обращение к вере не только всех жителей города, но и населения обширной равнины Саронской. Верстах в четырнадцати от Лидды находился известный портовый город Иоппия (теперешняя Яффа). Там также была христианская община, но она была крайне опечалена тем, что одна из известнейших христианок, отличавшаяся добрыми делами и обширной благотворительностью, по имени Тавифа (т. е. серна – имя, дававшееся в древности за красоту) «занемог ла и умерла». Эта великая потеря повергла всех христиан города в великую скорбь, и они не знали, где искать утешения. Услышав, однако же, что ап. Петр находится в соседней Лидде, ученики с проблеском надежды тотчас же послали за ним, прося его прибыть к ним немедленно. Апостол действительно прибыл и утешил плачущую общину великим чудом – воскрешением Тавифы. Следуя примеру своего божественного Учителя (при

воскрешении дочери Иаира), Петр, введенный в горницу, где лежала покойница, «выслал всех вон и, преклонив колена, помолился и, обратившись к телу, сказал: «Тавифа! встань!» И она открыла глаза свои, и, увидев Петра, села. Подав ей руку, апостол поднял ее и, призвав собравшихся христиан и особенно вдовиц, горько оплакивавших потерю великой для них благодетельницы, «поставил ее пред ними живою. Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа».

Апостол остановился на некоторое время в Иоппии, именно в доме некоего Симона кожевника. Дом его находился на самом берегу Средиземного моря, и с плоской кровли его открывался дивный вид на море и на весь город. На эту кровлю ап. Петр ежедневно выходил молиться, и случилось так, что его молитва совпала с молитвой одного благочестивого человека в Кесарии. Это был Корнилий, римский сотник из Италийской когорты, бывшей там на постое для поддержания власти Рима. Язычник по рождению, он обладал глубоко религиозным духом и, не находя удовлетворения своей религиозной потребности в отживавшем язычестве, подобно многим своим современникам, принял иудейство. Тщательно исполняя закон Моисеев, он был человек «благочестивый и боящийся Бога, со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу». Но и иудейство не удовлетворяло его жаждущего истины духа, и в своих молитвах он, видимо, просил Господа открыть ему источник истинного и совершенного богопознания и богопочитания. Молитва его была услышана. Однажды во время молитвы ему явился ангел, который открыл ему, что он должен призвать апостола Петра, и тот откроет ему учение, которым и можно спастись.

Корнилий чрезвычайно испугался столь необычного для него видения, но ободренный ангелом сделал так, как он повелел ему, именно послал за ап. Петром в Иоппию. И когда посланные приближались к городу, ап. Петру было видение, как раз подготовившее его к предстоящему делу. Именно, взойдя около шести часов на кровлю дома помолиться, апостол почувствовал голод, и так как обед еще не был готов, то он занялся благочестивыми размышлениями. Под лучами палящего солнца с ним сделалось нечто вроде исступления. Перед ним отверзлось небо, и с него спускалось на землю к апостолу нечто вроде большого полотна, поддерживаемого на веревках, привязанных к четырем краям его. В нем как в некоем ковчеге находились всякие четвероногие земные звери, пресмыкающиеся и птицы небесные, и был глас ему: «Встань, Петр, заколи и ешь». Но при всем своем голоде, еще более усиливаемом видом пищи, Петр не забыл правил своего воспитания. Среди этих животных и пресмыкающихся находились твари, которые не отбрасывали жвачки и не имели раздвоенных копыт, что все ясно было запрещено в пищу законом. Лучше умереть с голоду, чем нарушить постановление закона и есть то, сама мысль о чем возбуждала ужас в иудее. Петру казалось странным, что голос с неба без всякого ограничения велел ему убивать и есть тварей, среди которых нечистые так перемешаны были с чистыми. Мало того, само присутствие среди них нечистых, по-видимому, оскверняло все полотно. Вследствие этого он со свойственной ему живостью и самоуверенностью ответил: «Нет, Господи, потому что я никогда не ел ничего скверного или нечистого». Тогда в другой раз был глас к нему: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым».

Так было трижды, и затем видение исчезло: полотно сразу отдернуто было на небо. Исступление кончилось. Петр был один со своими собственными думами; все было тихо; не было ни малейшего шепота с палящего неба; у его ног безмолвно разливалось сверкающее море.

Пока апостол размышлял, что бы могло означать все это видение, на дворе появились три язычника, которые, к его изумлению, спрашивали именно о нем. В его уме тотчас же промелькнула мысль о связи только что бывшего видения с явлением этих язычников, и это подтверждено было ему последними, которые обратились к нему с приглашением от имени сотника Корнилия посетить его дом и преподать ему и его семейству назидание. Апостол, видя во всем этом высшее указание, немедленно согласился и, взяв с собой шестерых из братьев-христиан, отправился в Кесарию, где с нетерпением и благоговением ожидал его

благочестивый сотник.

Узнав о приближении апостола, Корнилий вышел к нему навстречу и повергся к ногам его. Петр тотчас же поднял благочестивого воина и, несомненно к удивлению сопровождавших его собратий, быть может даже к своему собственному удивлению, нарушил все предания своей жизни, равно как и национальные обычаи многих веков, вступив с язычником в свободный разговор в присутствии собравшихся родственников сотника. Это он делал не из забывчивости вследствие особенной восторженности, но с полным сознанием, что он, делая теперь то, что доселе считалось нечестивым, поступал согласно с божественным откровением.

Корнилий затем рассказал о причинах, побудивших его послать за Петром, и апостол начал свою торжественную речь к ним знаменитым заявлением, что теперь он с несомненной уверенностью видел, что «Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему». После этого апостол рассказал язычникам всю земную жизнь Господа Иисуса Христа, о Его служении и о том, как Он ходил повсюду, благотворя и исцеляя всех, страдавших под рабством диавола; затем о распятии и воскресении из мертвых, свидетелями которых были ученики, предназначенные голосом своего воскресшего Спасителя свидетельствовать, что Он есть предопределенный Судия живых и мертвых. И в то время, когда Петр продолжал разъяснять на основании пророков, что все, кто верует в Него, должны получить прощение грехов имени Его, вдруг на этих некрещенных язычников, как и на присутствовавших иудеев, снизошло то высшее вдохновение, которое дало им дар языков, как и апостолам во время Пятидесятницы: «Дух Святой сошел на всех». Значит, и язычников не отвергал Христос, значит, и им открывались двери в царство Его. В таком случае, что же запрещало креститься им? И апостол действительно крестил тут же всех уверовавших во Христа. И у этих новообращенных христиан из язычников апостол пробыл несколько дней, укрепляя их в вере и руководя в жизни. Когда весть об этом необычайном событии дошла до Иерусалима, то там некоторые из христиан и даже апостолов удивились такому свободному обращению Петра с нечистыми язычниками, и когда он возвратился, то упрекали его в этом, говоря: «Ты ходил к людям необрезанным и ел с ними», т. е. осквернился общением с ними. Но когда Петр подробно рассказал обо всем случившемся, прибавив в заключение: «Кто же я, чтобы мне воспрепятствовать Богу», то ученики, «выслушав это, успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь». Так совершилось на почве христианства слияние двух враждебных и дотоле непримиримых между собой миров – иудейского и языческого. Те и другие одинаково призывались в церковь, и единственным условием для вступления в нее считалась вера в Иисуса Христа как Спасителя мира, а не принадлежность к той или другой народности или к тому или другому племени. Теперь уже в церковь допущены были представители всяких верований и племен: иудеи и самаряне, эфиопский прозелит с далекого юга и язычники из самой столицы мира – Рима. И эта свобода доступа в церковь для всех язычников получила теперь двойное подтверждение: в лице ап. Петра, принявшего первенцев из языческого мира, и в лице ап. Павла, который получил особенное поручение благовествовать языческим народам и начал уже свою великую деятельность по различным городам Сирии и Киликии.

Но это еще было не все. В Иерусалим пришло известие, что Евангелие стало успешно распространяться в знаменитой греческой столице Востока Антиохии, которой суждено было скоро стать и первой столицей христианства.

Антиохия, основанная в 300 г. до Р. Х. Селевком Никатором и названная так в честь его отца Антиоха, была столицей греческих царей Сирии и впоследствии стала резиденцией римских правителей провинции того же имени. Расположенная в углу, образуемом цепями Ливана и Тавра, на берегу быстрого Оронта, Антиохия занимала в высшей степени выгодное в географическом, политическом и торговом отношении положение, так как служила центром, куда сходились нити от всех окружающих стран. Вследствие этого в ней было самое разнородное население и близко сталкивались иудеи с греками. Когда началось в Иерусалиме

гонение на христиан, то часть бежавших христиан укрылась и в Антиохии и некоторые из эллинистов не преминули обратиться с проповедью Евангелия не только к иудеям, но и вообще к смешанному населению Антиохии – к язычникам, именно грекам, на языке которых они объяснялись свободно. И к их великой радости, проповедь сопровождалась значительным успехом: «Великое число, уверовав, обратилось к Господу». Очень возможно, что эти греки находились в таком же душевном состоянии, как и Корнилий, т. е. жаждали религиозной истины, были пришельцами врат и с радостью внимали благовестию, которое способно было исцелить их душевные раны. Так как это событие, видимо, совершилось уже после обращения Корнилия, то апостолы, уже не смущаясь этим обстоятельством и видя тут действие высшего Промысла, немедленно приняли меры для утверждения новообращенных. С этой целью они отправили в Антиохию Варнаву, который как левит и вместе эллинист с острова Кипра мог служить лучшим посредником между иудеями и язычниками на почве христианского братства. Прибытие его в Антиохию сопровождалось великим благом для церкви. Увидев во всем этом движении благодать Божию, Варнава возрадовался и своим влиятельным словом «убеждал всех держаться Господа искренним сердцем». И язычники, видя перед собой мужа столь «доброго и исполненного Духа Святого и веры», охотно и в значительном числе присоединялись к церкви. Таким образом в Антиохии образовалась первая церковь из язычников. Благодаря сильному движению отсюда населения по всем направлениям, христианство отсюда именно впервые распространилось по всем восточным провинциям империи, а затем перешло и в Европу до самого Рима. Между тем временный мир, которым наслаждались церкви в Иудее, закончился. После насильственной смерти Калигулы преторианцы провозгласили императором Клавдия, и одним из первых дел нового императора было награждение Ирода Агриппы I, оказавшего ему важные услуги при его восшествии на престол, царством Иудейским. Этот царек старался всеми мерами приобрести популярность у своего народа и с этой целью, будучи в душе совершенный язычник, наружно соблюдал все постановления закона Моисеева. Со смертью Калигулы, конечно, оставлена была мысль о постановлении его статуи в святилище храма, и иудеи опять могли свободно направить свою вражду и ненависть на христиан, которых они считали не только изуверами, но и богоотступниками, отвергавшими завет, заключенный Богом с их предками. Не пренебрегая никакими средствами, Ирод Агриппа решил воспользоваться этой именно ненавистью, чтобы особенно проявить свою мнимую ревность к закону и понравиться сильной фарисейской партии. Поэтому во время Пасхи, когда особенно возбуждался иудейский фанатизм, он «поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом; видя же, что это приятно иудеям, вслед затем взял и Петра».

С коварной прозорливостью он направил свое оружие против главных вождей христианства, и ап. Иаков избран был первой жертвой потому, что это был старший брат возлюбленного ученика, один из первейших среди избранных апостолов и вообще человек, занимавший наиболее видное положение в Иерусалиме. И вот этот-то апостол, некогда просивший у Христа преимущества в царстве Его, получил его теперь и был первым из двенадцати апостолов мучеником за веру.

Ап. Иакову суждено было пасть от меча мучителя перед Пасхой. Всеобщее одобрение, каким сопровождалось это кровавое дело со стороны иудеев и которое стало еще более заметным вследствие присутствия огромных масс народа, собравшегося в Иерусалим для празднования Пасхи, подстрекнуло царя, услаждавшегося голосом народного одобрения, нанести еще более жестокий удар христианам, именно арестом знаменитейшего из апостолов. С этой целью схвачен был ап. Петр, но так как перед Пасхой уже не было времени для окончания суда над ним, и иудеи не хотели сами предавать его смерти в течение праздника, то его содержали в тюрьме до истечения семи священных дней, чтобы тогда и предать смерти с возможно большей торжественностью при огромном стечении народа. День за днем апостол оставался под строгим караулом, привязанный обеими руками к двум воинам и оберегаемый другими двумя воинами. Видя всю невознаградимость лишения столь мужественного, столь преданного, столь

одаренного духом и мудростью апостола, христиане иерусалимские изливали свое сердце и душу в молитвах о его избавлении. Но все, казалось, было тщетно.

Наступила последняя ночь праздника: заря следующего утра должна была возвестить Петру о предстоявших ему пытках на суде и о страшной смерти. Казалось, пришел уже день, когда, как предсказывал ему Спаситель, другой опояшет его и поведет его, куда он не хочет. Но в этой последней крайности Бог не оставил Своего апостола и Свою церковь. В самую последнюю ночь в темницу явился ангел и освободил его от уз, и избавление это было столь внезапным, таинственным и поразительным, что самому Петру, когда он вполне удостоверился в своем спасении, оно казалось как бы видением (Деян 12:9). Кратко рассказав об обстоятельствах избавления собратьям, собравшимся в доме Марии, матери Иоанна Марка он поручил им передать то же самое известие Иакову, брату Господню, и другим христианам, которые не присутствовали здесь, и удалился на некоторое время в безопасное уединение, между тем как Ироду оставалось изливать свое бессильное мщение на неповинном отряде воинов, содержавших стражу при темнице. Пораженный таким странным на его взгляд событием, Ирод отправился отсюда в Кесарию и там на одном большом празднестве, во время торжественного выхода его к народу, в театре постиг его страшный гнев Божий. Пораженный смертельной болезнью, он был изъеден червями и скоро скончался в заслуженных страданиях.

XXXVI

Прибытие Савла в Антиохию. Посobie иерусалимским христианам. Отправление Варнавы и Савла на проповедь язычникам. Первое миссионерское путешествие ап. Павла. Собор Иерусалимский

Успех христианской проповеди в Антиохии предвещал богатую жатву среди языческих народов вообще. Жатвы было много, но была нужда в особых для нее делателях. На этой жатве трудился просвещенный Варнава, но он видел, что его сил не достаточно, так как нива зрела для жатвы скорее, чем успевали его руки. Тогда он вспомнил о Савле и о его особом предназначении для проповеди языческим народам и отправился за ним в Тарс, где он жил в уединении, готовясь на великое поприще апостольства. Найдя его там, он вместе с ним прибыл в Антиохию, и здесь около них сгруппировалась вся церковь. Они выступили с проповедью Евангелия и учили с таким успехом, что их собрания заняли определенное место между религиозными и философскими школами этого просвещенного города, и ученики их впервые стали называться «христианами».

Антиохийская церковь, кроме духовных даров, была обильна и дарами вещественными, так как среди новообращенных было немало лиц состоятельных, и она скоро доказала свой христианский дух щедрым благотворением нуждающимся собратьям в Иерусалиме. Именно около этого времени случился сильный голод, повергший христиан Иерусалима в сильную нужду. Чтобы вывести их из этого затруднения, антиохийские христиане произвели между собой сбор и отправили в Иерусалим с этим пособием Варнаву и Савла, которые и передали его страждущим христианам. Исполнив это поручение, они возвратились в Антиохию, приведя с собой юношу Иоанна Марка, который решил следовать за ними и помогать им своими услугами.

Церковь в Антиохии между тем настолько усилилась и окрепла, что в ней почувствовалось стремление выступить на поприще миссионерской деятельности для обращения язычников окружающих стран и городов. По внушению Святого Духа представители церкви избрали для этой цели Варнаву и Савла, которых и отправили с молитвенными пожеланиями на великое служение.

Предстоявшее им поприще было чрезвычайно трудно. Языческий мир находился в это время в наихудшем состоянии. Греция, блиставшая некогда своим умственным просвещением и славившаяся учеными и философами, представляла собой жалкую рабу, которая униженно пресмыкалась перед Римом, стараясь обольстить его своими поблекшими чарами и потворствуя

самой гнусной разнузданности. Рим, славившийся простотой своих нравов, теперь потерял эту добродетель и, по выражению Сенеки, был сточной ямой всякой мерзости, или, по изречению ап. Иоанна, был блудницей, которая заставляла народы пить чашу ее блудодеяний. Находясь под гнетом необузданных полупомешанных императоров; развращаемая грязными театральными представлениями и ожесточаемая кровавыми зрелищами амфитеатра; киша всевозможными паразитами и обманщиками, острожниками и распутнейшими рабами; не имея никакой серьезной религии, никакого общественного воспитания; устрашаемая наглыми солдатами и обнищавшей чернью – столица мира представляла в этом периоде картину позора и бедствия, беспримерных в летописях мира.

Задыхаясь от внутреннего измождения, римский мир искал себе утешения в суеверии, чувственности и стоицизме. Суеверие главным образом состояло в привязанности к загадочным системам восточного жречества, в возбуждающих чувственность обрядах, в ужасных умиловительных жертвах, заимствованных из разлагавшихся мифологий Египта или из грубо чувственных религий Галатии и Фригии. Все это настолько было опасно для нравственности и порядка, что уже задолго до этого времени сенат напрасно пытался запретить обряды, совершаемые в честь Изида и Сераписа. Но все было напрасно. Язычество, видимо, разлагалось и находилось в томительной агонии, которую оно тщетно усиливало смягчить наслаждениями самой постыдной чувственности и распутства. И среди этого поголовного развращения было лишь немного таких, которые еще ценили добродетель и держались простоты древней семейной жизни и религии. Эти немногие искали убежища в суровом стоицизме, но и он был слишком бездушен, чтобы давать хоть какое-нибудь удовлетворение страдавшим душам, которые жаждали истины в ее совершеннейшем выражении. И эту-то истину отправились проповедовать языческому миру скромные апостолы из Антиохии.

Взяв с собой Иоанна Марка, Варнава и Савл отправились в приморский порт Селевкию и отплыли на корабле на остров Кипр, как родину Варнавы и, следовательно, местность, которая могла служить наилучшим поприщем для начала великой деятельности среди язычников. На Кипре было самое разнородное население и среди его немало иудеев, так что в главных городах были синагоги. Апостолы, хотя и имели своим главным предназначением проповедовать язычникам, однако же никогда не упускали случая благовествовать и иудеям. Это не только согласно было с заповедью их божественного Учителя, но вместе с тем только через иудеев, именно через эллинистов и прозелитов, можно было лучше всего достигнуть и язычников.

Главным предметом проповеди было слово Божие и доказательство на основании его, что Иисус Христос, распятый иудеями, был Мессия, Спаситель мира. С этой проповедью они обошли весь остров, от Саламина на восточном берегу до Пафа на западном. Этот последний город, известный в греческой истории совершавшимися в нем оргиями в честь Венеры, был теперь резиденцией римского проконсула Сергия Павла. Это был образованный и знатный римлянин, но, подобно всем своим современникам, он уже изверился в своих богах и досуги своей службы посвящал таинственным и странным суевериям, которыми он окружен был со всех сторон. Это был вообще век, когда безверие уживалось рядом с самым грубым суеверием. Гордые римляне, потеряв всякую твердую почву в своей национальной религии, чувствовали себя вынужденными какой-то инстинктивной необходимостью искать хоть какого-нибудь сношения с невидимым миром, хотя бы даже при посредстве мистического волшебства Востока. Известно, что Марий обращался к предсказательству еврейки Марфы. В этот замечательный период авгуры, звездочеты, халдеи, математики, астрологи, маги, предвещатели, предсказатели судьбы, чрево вещатели, снотолкователи отовсюду во множестве стекались в Рим и приобретали такое значение, что навлекали на себя негодование как сатириков, так и историков.

Некоторые из них, как Аполлоний Тианский и позднее Александр Абонотихский и циник Перегрин, обратили на себя всеобщее внимание. Едва ли было такое римское семейство, которое не содержало бы у себя своего собственного предсказателя судьбы, а Ювенал

саркастически говорит, что император Тиверий, удалившись из Рима на о. Капрею, жил там, окруженный «целым стадом халдеев». То же было с Сергием Павлом, который держал при себе в качестве волхва одного иудейского обманщика по имени Вариисус. Когда он услышал о проповеди двух пришельцев из Антиохии, то заинтересовался и ими, и хотел послушать их учение. Но волхв (Елима) увидел в этом опасность для своего выгодного положения и, чтобы унижить апостолов, вступил в открытое состязание с ними, не стесняясь, конечно, ни доводами, ни оскорблениями в своем старании убедить Сергия Павла в нелепости новой веры. Тогда Савл, с этого времени начавший называться Павлом, мужественно выступил против наглого обманщика и сразу обнаружил перед всеми его низкую алчную душу. Устремляя на ложного прорицателя свой неотразимый взор, апостол воскликнул: «О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?» И затем, заметив ужас, объявивший душу обличенного лицемера вследствие этого смелого и громоносного удара, он тут же прибавил: «И ныне вот рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени». Заклятие мгновенно возымело силу; кудесник сразу же почувствовал, что его обман обнажен и сам он уничтожен, что он стоял перед лицом карающего правосудия. Туман заволок ему зрение, наступила для него полная тьма, и, в отчаянии растопырив руки, он искал вожатого. Все это произвело сильное впечатление на проконсула, и он «уверовал, дивясь учению Господню».

Обойдя весь Кипр, проповедники сели на корабль и переправились на берег Малой Азии, именно в Пергию, в Памфилии, но юный Марк, испугавшись предстоявших трудов и опасностей, возвратился в Иерусалим. Отсюда апостолы направились в Антиохию Писидийскую, как город, который, лежа на большой торговой дороге, соединявшей его с многими соседними городами, имел большое разноплеменное и разноязычное население и представлял удобное поприще для проповеди. Но проповедь апостолов на первое время была обращена не к природным писидийцам и не к грекам, которые составляли наносный слой в населении, а к иудеям, которые прибыли туда вместе с потоком римского населения, обеспечившего за ними одинаковые права с другими жителями. В городе была синагога; в первый же субботний день апостолы отправились в нее и заняли места. Слух о их прибытии успел уже распространиться по городу, и начальник синагоги предложил им, как это обыкновенно делалось по отношению к знатым и вообще известным чем-нибудь иностранцам, сказать проповедь. Тогда ап. Павел встал и, дав знак рукой, обратился к собранию с речью, которую начал словами: «Мужи израильтяне и боящиеся Бога! послушайте». Затем, передав вкратце всю чудесную историю израильского народа, бывшую подготовлением к принятию Избавителя мира, он рассказал, что этого Избавителя-Мессию начальники иудейские не признали и без всякой вины предали распятию, положили во гроб, но «Бог воскресил Его из мертвых». «И так, – говорили апостолы, – да будет известно вам, мужи братия, что ради Его возвещается вам прощение грехов». Несмотря на то что в проповеди этой наносился страшный удар иудейству, она произвела громадное впечатление, так что при выходе апостолов из синагоги их окружила толпа язычников (прозелитов), которые и просили их, чтобы они говорили о том же и в следующую субботу.

В следующую субботу синагога уже не могла вместить всех желавших послушать дивную проповедь, так как «почти весь город собрался слушать слово Божие». Но этот успех сразу же пробудил зависть у иудеев, так что они открыто выступили против апостола, и во время проповеди всячески противоречили ему и не стеснялись всевозможными злословиями. Дело дошло до того, что проповедь стала невозможной, и тогда апостолы высказали своим иудейским врагам заслуженную ими горькую истину. Обращаясь к иудеям, апостолы мужественно сказали им: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь через пророка Исаию, который сказал о Спасителе, что Он был предназначен во свет язычникам и во спасение до края земли». С радостью и благодарением язычники приветствовали проповедь, которой теперь исключительно им

предлагались великие благословения без законнических требований иудейства. Все, кто по благодати Божией решили войти в ряды жаждавших вечной жизни, принимали веру. Более и более начало распространяться слово Господне. Но иудеи были сильны в городе, где они держали в своих руках всю торговлю, и поэтому добились даже того, что римские власти приняли их сторону и апостолы должны были удалиться из Антиохии и направились в город Иконию, где они и могли успокоиться от пережитого волнения, потому что сюда уже не простиралась власть римского пропретора. А оставленные ими в Антиохии ученики «исполнялись радости и Духа Святого».

В Иконии повторилось то же самое, что и в Антиохии. Проповедь апостолов имела большой успех, «уверовало великое множество иудеев и эллинов»; но этот успех возбудил и раздражил неверующих иудеев. Возбуждение было так сильно, что город разделился на две половины, из которых одни были на стороне иудеев, а другие на стороне апостолов. Наконец дело дошло до того, что вожаки враждебной партии из иудеев и язычников составили заговор убить апостолов. Об этом им заблаговременно дано было знать, и они еще раз должны были спастись бегством. Оставляя тетрархию Иконийскую, они все еще продолжали путь большой дорогой и, пройдя шестьдесят верст, достигли округа Антиоха IV, царя Коммагенского, и вступили в маленький город Дистру Ликаонийскую.

Как в самой Листре, так и в прилегающих селениях апостолы, по-видимому, проповедовали с успехом и оставались на некоторое время. При одном случае ап. Павел заметил среди своих слушателей человека, который был калека от рождения. Его очевидная жажда послушать заставила его выдвинуться вперед к апостолу, как человеку, который мог совершать чудесные дела. И он не ошибся. Устремив на больного свой взор, апостол громким голосом воскликнул: «Встань прямо!» Встрепенувшись от чудесной силы, калека встал и начал ходить. Все присутствовавшие поражены были этим событием, и многие в толпе от неопisanного изумления закричали: «Боги в образе человеческом сошли к нам!» – и называли Варнаву Зевесом, а Павла Эрмием, «потому что он начальствовал в слове». Молва эта разнеслась по городу, и скоро появился даже жрец Зевеса, который привел волов и принес венки для совершения жертвоприношения. Не понимая туземного наречия, апостолы лишь после всех узнали, что их хотели сделать предметом идолопоклонства. Но когда они услышали об этом, то при своем живом сознании страшного величия единого истинного Бога были до такой степени поражены ужасом, как это едва ли и могли понять язычники: разрывая свои одежды, они с криками бросились к толпе, увещевали и умоляли ее верить, что они лишь обыкновенные смертные, подобные им самим, и что самой целью их миссии было отвращать их от этого пустого идолопоклонства к единому, живому и истинному Богу, который сотворил и небо, и землю, и море, и все, что в них. Таким образом, малопомалу заставив толпу обратить внимание на свои увещания, они объяснили, что в течение прошлых поколений Бог как бы попускал всем народам ходить своими путями и не давал им особенных откровений; но даже и в те дни Он не переставал свидетельствовать о себе благодеяниями, подавая им с неба «дожди и времена плодоносные, и исполняя пищей и веселием сердца наши». Проповедь эта заставила народ разубедиться в своем заблуждении и оставить мысль о жертвоприношении, а апостолы продолжали благовествовать им о Христе. Но скоро проповедь их была прервана самым грубым образом. Из Антиохии и Иконии прибыло несколько иудеев, которые и начали возбуждать народ против апостолов, говоря: «Они не говорят ничего истинного, а все лгут». И им настолько удалось возбудить этот ветреный народ, что чернь быстро предалась мятежу и буйству. Она стала побивать ап. Павла камнями, и, думая, что он уже мертв, вытащила его за город, и там бросила. Но апостол был жив, и, когда он очнулся, ученики перенесли его тайком в город, где он и оправился от страшного потрясения. После столь жестокого обращения, очевидно, невозможно было оставаться в Листре, и апостолы оставили этот город и направились в Дервию, где они и могли успокоиться от трудов и потрясений, так как злейшие враги их, ничего не зная о том, что ап. Павел ожил, не могли преследовать их там.

Дервия представляла собой последний пункт их миссионерского путешествия, и отсюда

апостолы решили возвратиться в Антиохию. Но они не пошли ближайшим путем – через Тарс, а несмотря на все перенесенные опасности, решили возвратиться тем же путем, которым прибыли, чтобы по пути вновь побывать в только что посещенных городах и укрепить в них верующих. И вот, проходя опять через Листру, Иконию и Антиохию Писидийскую, они «утверждали души учеников, увещевая пребывать в вере и научая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие». При этом в каждой церкви рукополагали пресвитеров, вверяя им на попечение новообращенную паству. Из приморского города Атталии они наконец отплыли в Антиохию, и там на собрании всей церкви «рассказали все, что совершил Бог с ними, и как Он отверз дверь веры язычникам».

Некоторое время миссионеры-апостолы мирно отдыхали от своих трудов среди общины христиан Антиохии, которые, хотя и состояли из различных народов, как иудеев, так и язычников, жили между собой в братской любви и полном согласии. Но этот мир скоро нарушен был вторжением опасных лжебратий, которые, прибыв из Иудеи и будучи крайними ревнителями Моисеева закона, стали учить, что в царстве Христовом не может быть полного равенства между иудеями и язычниками, и что последние, чтобы спастись, обязательно должны пройти ступень иудейства и подвергнуться обрезанию. Эти ревнители, очевидно, были из тех обращенцев, которые вступили в церковь из сильной фарисейской партии и, пропитанные закваской фарисейства, хотели и в церкви Христовой придерживаться своих воззрений. Такое требование грозило большой опасностью, так как внесло бы ложное понятие об отношении закона к Евангелию, Моисея к Христу, давая мысль о том, будто искупительная заслуга Христа была недостаточна сама по себе и что ее нужно было восполнять делами Моисеева закона.

Вместе с тем нарушалось равенство между христианами, за иудеями признавалось преимущество, которого не имели христиане из язычников и для получения которого им приходилось принимать на себя тяжелое бремя обрезания и других постановлений чуждого им закона. Против такого заблуждения восстали ап. Павел и Варнава, как главные благовестники язычникам. Естественно, возник спор, и так как он грозил нарушить мир церкви, то христиане Антиохии порешили отправить Павла и Варнаву в Иерусалим, чтобы они там вместе с апостолами и представителями церкви обсудили этот важный вопрос. По дороге, лежавшей через Финикию и Самарию, они повсюду рассказывали об обращении язычников «и производили радость великую во всех братиях». По прибытии в Иерусалим они были радостно приняты «церковью, апостолами и пресвитерами и возвестили все, что Бог сотворил с ними и как отверз дверь веры язычникам».

Но фарисействующие христиане нашлись и здесь и стали настаивать, что язычников нельзя принимать в церковь без принятия ими иудейства, что «должно обрезывать их и заповедовать соблюдать закон Моисеев». Тогда для решения важного предмета апостолы обратились к тому способу, который и впоследствии сделался обычным способом решения возникавших в церкви вопросов, именно созвали собор, составившийся из присутствовавших в Иерусалиме апостолов, предстоятелей церкви и народа. Из долгого предварительного рассуждения выяснилось, что большинство стоит за равенство язычников и только незначительная партия из фарисействующих иудеев отстаивала необходимость обрезания и вообще Моисеева закона для всех вступающих в церковь. Тогда встал ап. Петр, чтобы своим властным словом порешить дело. Он напомнил собранию, как сам Бог при обращении сотника Корнилия и его домашних ясно решил этот вопрос: Он, Сердцеведец, даровал им Духа Святого в той же полноте, как и уверовавшим иудеям, и, не положив никакого различия между ними, верой очистил сердца их. «Что же вы ныне, – обратился апостол к фарисействующим, – не слушаете Бога, желая возложить на выи иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатью Господа Иисуса Христа спасемся, как и они». Довод этот был слишком силен и исходил из уст слишком авторитетного лица, чтобы можно было противиться ему, и все собрание смолкло и «слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог чрез них среди язычников». Затем встал ап. Иаков, брат Господень, который по строгости своей жизни пользовался высоким почтением даже среди иудеев. Он указал на то,

что начавшееся обращение язычников находится в полном согласии с пророчествами и есть одно из дел домостроительства Божия. Поэтому и не должно налагать на язычников иго закона. Для них достаточно, если они будут соблюдать общие требования нравственного закона, как он выражен в «Ноевых заповедях», именно будут воздерживаться «от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе». Голос апостолов восторжествовал. Собор решил дело в этом именно смысле и отправил в Антиохию и по другим городам окружное послание с подробным изложением соборного постановления. И христиане, прочитав послание, радовались, что в таком духе братства и человеколюбия разрешен был важный вопрос о допущении язычников в Церковь Христову.

XXXVII

Второе миссионерское путешествие ап. Павла. Начало проповеди Евангелия в Европе

По возвращении в Антиохию у ап. Павла, как главного апостола языческого мира, возникло естественное желание вновь посетить основанные им церкви и удостовериться в плодах своей проповеди. И он отправился в свое второе миссионерское путешествие, которое сопровождалось самыми великими последствиями для христианской церкви. Спутником его на этот раз был Сила, или Силуан, который, как видно из самого его римского имени, по-видимому, был, подобно самому апостолу, римским гражданином, имел связи с языческим миром и мог быть поэтому наиболее пригодным помощником и сотрудником апостола язычников. Напутствуемые благожеланием собратий, апостолы отправились из Антиохии прежде всего в Сирию и Киликию, где и утверждали церкви. Затем они посетили города Дервию и Листру, и в последнем ап. Павел приобрел себе нового сотрудника, юношу Тимофея, который сделался возлюбленным и преданнейшим учеником великого апостола. Это был сын вдовы Евники, которая как благочестивая иудейка, но бывшая замужем за греком, дала своему сыну хорошее воспитание – жить в страхе Божиим и в почтении к старшим. С детства он изучал Св. Писание и как по воспитанию, так и по своему характеру был человеком, который способен был на всякое самопожертвование ради веры и потому высоко ценился апостолом. Несмотря на свою молодость, он решился сопровождать ап. Павла в его великом миссионерском путешествии и оказал важные услуги и лично апостолу, и всей христианской церкви.

Из Листры ап. Павел с своими двумя сотрудниками направился дальше, и «проходя по городам, они преподавали верным соблюдать определения, постановленные апостолами и пресвитерами в Иерусалиме. И церкви утверждались верой и ежедневно увеличивались числом». Затем они прошли через Фригию и Галатию, и в этой последней стране основана была церковь, к которой ап. Павел обращался впоследствии с особым посланием (послание к Галатам). Население этой страны состояло из потомков той великой кельтской орды, которая, выйдя из обширных степей Средней Азии, двинулась через Малую Азию в Европу. Там они под именем галлов за четыре века до Р. Х. сожгли и разграбили Рим, а в третьем столетии наполнили Северную Грецию ужасами кровопролития и разрушительного варварства. Часть их осела и в центральной возвышенности Малой Азии. Там они усвоили греческий язык, вследствие чего стали называться галло-греками, и сделались фанатичными поклонниками Кибелы, матери богов, идолопоклонство которой сопровождалось самыми гнусными оргиями, имевшими непреодолимую притягательную силу для этого легкомысленного и увлекающегося народа. В Галатии апостол был задержан довольно продолжительное время, именно приступом особой болезни, от которой он часто страдал и видел в ней нарочито данное ему «жало в плоть», чтобы он чувствовал свое ничтожество и не превозносился. По наиболее вероятному предположению, это была сильная глазная боль, которая по временам подвергала апостола страшным страданиям, делала его совершенно беспомощным и лишала возможности всякой деятельности. Проповедь в Галатии была успешна. Отзывчивые ко всему новому и доброму галаты быстро приняли Евангелие и крестились; но их непостоянство причиняло апостолу немало всяких огорчений, на которые он и жалуется в своем послании к ним.

Из Галатии прямой путь вел в соседнюю область Вифинию, и апостолы хотели направиться туда; «но Дух не допустил их». Им предстояло более обширное и славное поприще, и это открыто было ап. Павлу в Троаде. С этим городом связывались великие исторические воспоминания. За четыре века перед тем великий македонский завоеватель, перейдя Геллеспонт для освобождения народов Азии от тяготевшего над ними ига восточного деспотизма, в этом именно городе, стоявшем на месте Древней Трои, предавался мечтанию о такой славе, которая бы затмила славу его великого предка Ахилла. А теперь в этом же городе было видение, призывавшее апостола Павла на такое завоевание, которое должно было затмить славу великого македонского завоевателя. Ему «предстал некий муж македонянин, прося его и говоря: прийди в Македонию и помоги нам». Это был вопль западного мира, просившего апостола о том, чтобы он пришел освободить его от тяготевшего над ним ига безверия и греха. Народ, который некогда водил Европу на завоевание Азии оружием, теперь первый призывал к себе завоевателей тем духовным оружием, которое исходило из Азии. И апостол немедленно откликнулся на призыв. Видя в этом призыв со стороны Господа благовествовать там, он решил отправиться в Македонию. В это время, между прочим, к нему присоединился Лука, возлюбленный врач, который, помогая апостолу своим медицинским искусством в его телесных немощах, решил следовать за ним и в его великом путешествии по Европе.

Сев в Троаде на корабль, проповедники через два дня прибыли в греческий город Неаполь и оттуда направились в главный город восточной Македонии Филиппы. С городом этим связывалось воспоминание о поражении Брута и Кассия, последних защитников республики в Риме. В память этого события император Август основал римскую колонию близ местоположения древнего города, основанного великим македонцем, и колония эта выросла в большой город, имевший, впрочем, более военный, чем торговый характер. Население его состояло из римских переселенцев и греков, и среди них было также несколько иудеев, но так мало, что у них не имелось даже синагоги, а был лишь молитвенный дом за городом при реке. В субботний день туда и направились апостолы, и там проповедь их увенчалась обращением одной богатой женщины из города Фиатиры, Лидии, которая торговала по различным городам багрянницей, т. е. е. пурпурными материями.

Убежденная проповедью ап. Павла, она крестилась со всеми своими домашними и оказывала апостолу и спутникам самое радужное гостеприимство. Но это доброе начало проповеди в Македонии скоро было омрачено весьма неприятным событием. Греческое язычество в это время уже потеряло свою действительную силу, и вера в богов Олимпа уступила место какой-то жалкой смеси сомнения и суеверия, причем последнее делалось тем более жалким, что появилось немало охотников легкой наживы за счет легковерия толпы. С таким обстоятельством и пришлось встретиться апостолам. На пути в молитвенный дом им встретилась одна служанка, которая, по народному убеждению, была одержима духом прорицательным, наподобие того, каким отличались знаменитые дельфийские пифии. В действительности несчастная была одержима бесом, но она прославилась своими мнимыми прорицаниями и доставляла этим большой доход своим господам. Почувствовав присутствие людей, которым дана была власть изгонять бесов, она стала неотступно следовать за ними, постоянно повторяя: «Сии человеки рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения». Так продолжалось несколько дней, и так как она препятствовала проповеди, то ап. Павел именем Иисуса Христа изгнал из нее духа, она исцелилась и перестала прорицать. Но это исцеление служанки возбудило крайнее негодование в ее господах, так как они лишились хорошего дохода. И вот они с яростью обрушились на апостолов, повлекли их на площадь к начальникам и обвиняли их в том, что они, будучи иудеями, возмущают город и проповедуют обычаи, которых римлянам не следует ни принимать, ни исполнять. Городская чернь стала на их сторону, а за ней, не расследовав дела, пошли и городские воеводы, которые, «сорвав с них одежды, велели бить их палками. И дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их». Заклучив из такого приказания, что узники виновны в каком-нибудь особенно тяжелом преступлении, тюремщик ввергнул их в наиболее крепкое

внутреннее помещение темницы и велел, кроме того, забить им ноги в колоду, т. е. в брус, имевший пять отверстий, в которые забивались руки, ноги и шея преступников.

Тюремщик на этот раз забил апостолам в колоду только ноги, но и такое положение после перенесенных на площади побоев было мучительно тяжелым. Но великие благовестники не пали духом и в течение ночи оглашали мрачные стены темницы сладостными песнопениями, к которым невольно прислушивались все узники. И вот в самую полночь вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы. От страшного сотрясения двери темницы открылись; цепи узников сорвались с колец в стене (Деян 16:26).

Пробужденный от сна и увидев двери темницы открытыми, начальник тюрьмы тотчас же извлек свой меч и хотел убить себя, думая, что его узники бежали, а в таком случае он сам должен был отвечать за них своей жизнью. Самоубийство в то время было обычным убежищем от бедствия, и в Филиппах, быть может, сочтено было бы не только естественным, но и героическим поступком. Ап. Павел, однако же, тотчас заметил его намерение, и всегда в совершенстве владея собой даже среди опасности, закричал ему громким голосом: «Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь». Все эти обстоятельства – землетрясение, приступ внезапного ужаса, порыв радости, отвратившей его от самоубийства, скромная терпеливость и спокойное прощение со стороны узников – сразу расплавили сердце этого человека. Попросив света, он бросился во внутренность темницы и в трепете волнения повергся к ногам Павла и Силы. Затем, освободив их ноги от колод и выведя их из внутреннего заключения, он воскликнул: «Государи мои, что мне делать, чтобы спастись?» Сам тон речи показывал в нем глубокое благоговение. И апостолы отвечали ему: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой».

Глубоко тронутый, начальник темницы тотчас же собрал все свое семейство, омыл им раны и, получив первые уроки евангельской истины, крестился со всем своим домом. Такой оборот дела крайне смутил и городских воевод, и они, опасаясь какого-либо мщения себе за вчерашние жестокости, отправили ликторов с наказом выпроводить апостолов поскорее из города. Но апостол Павел захотел и воеводам преподать урок осторожности на будущее время. Послав ликторов за самими воеводами, апостол строго сказал им: «Нас, римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают; нет, пусть придут и сами выведут нас». Ликторы отправились с этой вестью к воеводам, и она повергла последних в немалую тревогу. По своему невежеству, предубеждению и начальственному высокомерию они совершили вопиющее нарушение римского закона. Они осудили двух римских граждан, не дав им узаконенного права на открытое судопроизводство, и, осудив их, оскорбили высокое право и привилегию гражданства выводом их к позорному столбу и бичеванием. Этим они нарушили римский закон перед глазами всей черни форума, и притом в присутствии лиц, из которых иные, по крайней мере, совершенно охотно могли ввязаться в дело и донести обо всем этом высшим властям. Своим поступком они публично оскорбили величие Рима. Им грозила крайняя неприятность самим предстать на суд проконсула с ответом за это вопиющее беззаконие, поэтому они поспешили извиниться перед апостолами и просили их поскорее удалиться из города. Но апостолы, чувствуя за собой великое право римского гражданства, не сразу исполнили эту просьбу низких воевод, а отправились в гостеприимный дом Лидии, поучали там собравшихся христиан, и затем с миром оставили город.

Оставив Филиппы, апостолы-миссионеры прошли города Амфиполь и Аполлонию, с которыми связывались некоторые из знаменитейших событий греческой истории, и затем прибыли в Фессалонику, которая была столицей всей Македонии и резиденцией римского проконсула. В этом городе была синагога, в которой и проповедовали апостолы иудеям и язычникам-прозелитам, доказывая и открывая на основании Св. Писания, что «Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых, и что сей Христос есть Иисус», которого и проповедовали они. Многие из слушателей, особенно греки и знатные женщины, уверовали; но такой успех снова возбудил ненависть среди неверующих иудеев. Они подговорили городскую чернь и с ней напали на дом одного знатного христианина, Иасона, где жили апостолы,

вытащили их на городскую площадь и кричали, что «эти всесветные возмутители пришли и сюда, а Иасон принял их; и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса». Но ненавистникам не удалось достигнуть своей цели. Власти города, расследовав дело, нашли обвинение недоказанным и отпустили обвиняемых. Однако же возбуждение в городе было так велико, что апостолы не нашли возможным продолжать свою проповедь и под покровом ночи оставили Фессалонику и отправились в ближайший к ней город Верию, и только Тимофей временно оставлен был в Фессалонике для утверждения новообращенных в вере.

В Верии было также большое иудейское население, но эти иудеи были «благомысленнее» фессалоникийских, и ап. Павел мог отдохнуть среди них от пережитых потрясений. По обычаю, он проповедовал в синагоге, и верийцы не только не препятствовали ему в этом отношении и не отвергали проповедуемого Евангелия с слепым фанатизмом, как это было в других местах, но сами ежедневно и прилежно исследовали Св. Писание, чтобы проверить доводы и ссылки ап. Павла с подлинным свидетельством слова Божия. Следствием этого было то, что как греки, так и многие из иудеев уверовали, не только мужчины, но и женщины из более почтенных классов. Среди этих добродушных верийцев ап. Павел, наверно, провел несколько недель покоя, потому что во время своего пребывания там он два раза задумывал намерение опять идти к своим возлюбленным фессалоникийцам. Непредвиденные обстоятельства воспрепятствовали этому (1 Фес 2:18), и положение этой преследуемой церкви так озабочивало его душу, что или из Верии, или впоследствии из Афин он опять отправил к ним Тимофея, чтобы он донес ему о ее состоянии. В Верии в лице Сопатра был приобретен один преданный и верный друг, оказавший важные услуги как лично ап. Павлу, так и делу христианства вообще.

Но, конечно, нельзя было надеяться, чтобы все также хорошо шло и в будущем, особенно когда известие об успехе проповеди ап. Павла в Верии дошло до синагоги фессалоникийской. Ненавистное имя Павла подобно искре воспламенило злобную ярость иудеев, и они тотчас же отправили посланных для возбуждения против него черни и в Верии. Ап. Павел заблаговременно получил предостережение об этом от одного из своих преданных друзей. Противостоять этой настойчивой и ожесточенной вражде, которая теперь преследовала проповедников из города в город, не было никакой возможности. И так как было ясно, что Павел, а не Сила был главным предметом преследования, то ими было порешено, что Павел должен опять удалиться из города, а Сила и снова присоединившийся к ним Тимофей, которые были его сотрудниками во время пребывания в Верии, должны были остаться там, чтобы иметь попечение о нуждах церкви и поливать то доброе семя, которое начало произрастать в ней. Опасность, видимо, была велика, и удаление совершилось поспешно и, вероятно, под покровом ночи. Так князь мира сего яростно преследовал великого проповедника царства Христова, но он и сам не знал, какой готовил удар своему владычеству над миром, когда он с такой яростью и поспешностью гнал апостола язычников в самые центры просвещенного язычества. Собратья проводили ап. Павла до берега моря, и там он сел на корабль, который привез его в столицу всего образованного человечества – Афины.

XXXVIII

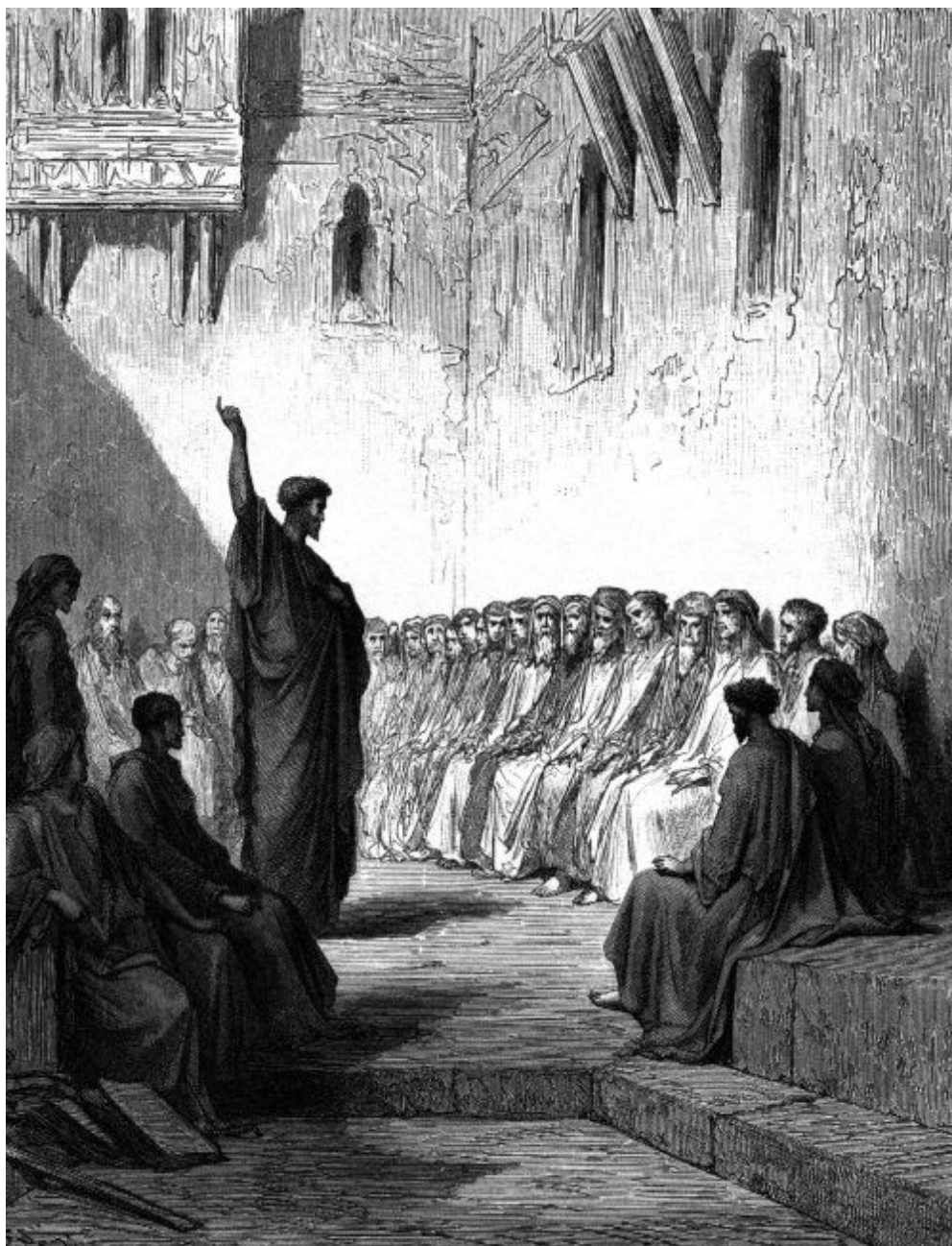
Ап. Павел в Афинах. Речь его в ареопаге. Жизнь и проповедь в Коринфе. Первые послания

Когда корабль пристал к знаменитой афинской пристани – Пирею – и перед взором апостола язычников открылся знаменитый город, то нетрудно предположить, какой поток мыслей прошел по душе Павла. Перед ним лежал город, слава которого гремела по всему миру и одно имя которого приводило в восторг каждого образованного человека. Еще в школе Савл, быть может, лелеял себя мечтой – побывать в этом центре мировой учености, куда стекались для завершения своего образования молодые люди со всех концов земли. Теперь эта мечта осуществилась – но в каком виде? Теперешний Павел шел сюда не учиться, а учить... Всякого смутила бы такая разительная перемена в положении; но тот, кто облечен был силой свыше и

неустрасимо шел навстречу всевозможным опасностям и даже смерти, боговдохновенный проповедник креста, смело вступил в философский город.

Проходя по улицам города, апостол с удивлением смотрел на богатство и разнообразие его исторических и художественных памятников. Все здесь живо напоминало величественные образы великого прошлого. На улицах и на площадях стояли статуи великих мужей и героев; но рядом с ними зоркий взгляд апостола заметил множество и таких статуй, которые изображали богов: перед ними курились жертвенники. Подобных статуй с прилежащими к ним капищами здесь было так много, что ап. Павел возмутился духом. Но еще более возмутился дух его, когда он присмотрелся к самим афинянам: одни с благоговением преклонялись перед идолами, другие с усмешкой проходили около них, и на всех лежала печать какой-то пустоты и легкомыслия. Нет, афиняне, как бы сказал сам себе возмущенный апостол, не свет вы миру, а тьма для него! Недаром причудливый мудрец среди дня зажигал факел, чтобы с ним найти между вами хоть одного человека... Опечаленный взор апостола еще раз пробежал по рядам курящихся жертвенников человеческого неразумия; на одном из жертвенников взор его остановила на себе надпись, гласившая: «Неведомому Богу». Лицо апостола просветлело, и он сразу же понял, что и душа языческих афинян искала истинного Бога и неосознанно поклонялась Ему под видом этого «неведомого Бога». Это ободрило апостола, и он, как бы почувствовав в себе новый прилив могучих сил, быстро пошел на городскую площадь.

Площадь по обыкновению была переполнена народом: одни собирались тут по торговым делам, другие из любопытства услышать что-либо новое, третьи послушать философов, которые тут же, тряся своими длинными волосами и размахивая широкими плащами, вели философские прения и излагали философские идеи. Философия в это время находилась уже в полном упадке, и так называемые философы, не давая ничего нового, занимались лишь пустым и высокопарным пересказом учений своих великих предшественников, при этом извращая их до того, что все оказывалось, по выражению Цицерона, вверх дном. Поэтому когда ап. Павел выступил с проповедью учения, которое поражало своей новизной, самобытностью и жизненностью, то она сразу же обратила на себя внимание и многие стали прислушиваться к ней. Ободренный успехом апостол, побывав в синагогах для беседы с иудеями, стал ежедневно ходить на площадь и день ото дня все больше слушателей собиралось вокруг боговдохновенного проповедника. Наконец, на него должны были обратить внимание и некоторые из философов, видимо оставшиеся без слушателей. Злоба и досада кипела в их сердце на неизвестного им проповедника, но все-таки любопытство пересилило злобу, и они стали из-за толпы прислушиваться к проповеди дерзкого незнакомца, решившегося соперничать с ними. А вдохновенная проповедь его могучим потоком разливалась по массам и какой-то чудной силой приковывала внимание народа: толпы как бы замерли, и мертвая тишина была лучшим одобрением проповеди апостола вместо шумных плесканий, какими обыкновенно рассеянная и праздная толпа наделяла дутые речи философов.

Апостол Павел в синагоге в Фессалонике

Философы с затаенной завистью видели необычайное действие учения неизвестного проповедника на массы; но странно, что они, мудрецы, сами ничего не могли понять из нее. Весь запас их философского знания не давал им силы понять новое учение, подобного которому они не встречали ни у Платона, ни у Аристотеля, ни у Эпикура, ни у Зенона, ни у других столпов философии, которые, по их понятию, исчерпывали до дна все море премудрости. Бывшие в толпе стоики и эпикурейцы, дотоле враждовавшие между собой, теперь удивленно переглянулись, стараясь друг у друга найти разрешение поразившей их загадки. Но взоры тех и других выражали лишь одно тупое недоумение. Глухой ропот досады пронесся между ними. Некоторые из более смелых философов попытались вступить в спор с апостолом и остановить его речь возражениями; но возражения как раскаленные уголья возвращались и падали на их головы: в речи апостола им не было соответствия. Укрывшись в толпе, возражатели, опять недоумевая, рассуждали между собой: «Что же хочет сказать этот суеслов?» Так эти «безумцы в своей мудрости» хотели позорным именем заклеймить великого проповедника евангельского учения, но не закрыли они этим своего безумия, еще яснее оно выглянуло из-под их философской внешности. Другие, по-видимому, более вслушались в

Новое учение и говорили: «Кажется, он проповедует о чужих божествах», и злобная нота зазвучала в этих словах. Как! Этот дерзкий пришелец не думает ли возмущать народной совести? Он не чтит Минервы, священной покровительницы города, не признает прославленных богов народных, храмы и статуи которых во множестве украшают улицы и площади! Он осмеливается подрывать народную веру! Он возмутитель против религии, государства и установившегося порядка, он развратитель народа и юношества... Таким злобно-коварным языком заговорили те из философов, для низкого честолюбия которых ничего не стоило прибегнуть к самому бесчестному средству, лишь бы только устранить ненавистного соперника. Один из самых великих и добродетельных философов Древнего мира, Сократ, принужден был выпить чашу яда, т. к. был обвиненный как подрыватель народной веры и развратитель юношества... Ослепленные злобой мудрецы готовы бы были тут же расправиться с неизвестным им проповедником, если бы не боялись народа, который лучше их понимал своим простым чувством истину проповедуемого им и мог страшно отомстить оскорбителям любимого проповедника. Ввиду этого злобствующие ненавистники, прикрыв свою злобу невинным любопытством, пригласили апостола Павла в ареопаг, чтобы он там подробнее изложил перед руководителями народа свое новое учение. Не вспоминали ли они тайно при этом, что именно в этом верховном судилище изобличавший подобных им софистов мудрец некогда присужден был испить смертоносную чашу?

На скалистом холме против Акрополя под открытым небом собрался верховный совет – ареопаг. На высеченных в скале скамьях восседали члены ареопага – именитые граждане города, государственные деятели, полководцы, философы, поэты. По склонам холма и в прилегающей долине толпился народ. Посередине площадки, образуемой скамьями, возвышались один против другого два массивных камня: при формальных судебных заседаниях на одном из них становился обвиняемый, на другом обвинитель [\[16\]](#) **16** Скамьи и общий вид места заседаний ареопага сохранились и до сих пор.

[\[Заккрыть\]](#). На один из них, как можно думать, теперь поставлен был ап. Павел. Его взорам представилось блестящее собрание, никогда не виданное им дотоле. Над ним было безоблачное небо, откуда он некогда услышал божественный голос, призвавший его к апостольскому служению. Апостол почувствовал в своем сердце палящий огонь апостольской ревности. Окинув собрание огненным, пронизательным взглядом, перед которым невольно должны были дрогнуть сердца коварных философов, апостол начал речь. «Афиняне!» – воскликнул он. Собрание напрягло слух. «По всему вижу, – продолжал апостол, – что вы как бы особенно набожны. Ибо проходя и осматривая то, что вы чтите, я нашел и жертвенник, на котором написано: “Неведомому Богу”. Сего то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам». Лица присутствующих вытянулись от изумления. Слова неизвестного проповедника звучали с такой уверенностью и такой силой, какой и тени не представляли туманные речи философов, и в то же время так близко касались всех слушателей, что все невольно переглянулись между собой. Не восстал ли перед ними великий Платон, который один только мог говорить с подобной силой и таким языком, что им заговорили бы сами боги, если бы сошли на землю? Или не возродился ли перед ними мощноязычный Демосфен, от речей которого трепетали цари? Речь апостола звучала, как речь этих героев греческого красноречия. Перед блестящим собранием ареопага действительно был Платон, но Платон высшей евангельской философии, действительно Демосфен, но Демосфен божественного слова... Для некоторых же слушателей, именно философов, страшным громом иронии загремели последние слова оратора. Они, эти тщеславные, высокомерные мудрецы, блиставшие праздным и никому не нужным фразерством, с тупым недоумением останавливались перед таинственной надписью на жертвеннике и не могли дать ответа на инстинктивный запрос народной мысли; и вот явился проповедник, который со смелой уверенностью и неотразимой силой убеждения разрешает загадку. Злоба с новой яростью закипела в них; но эта злоба была теперь совершенно бессильна: апостол одним словом лишил ее юридической основы, сказав, что он проповедует не чужих богов, а только

проливает свет знания о том Боге, которому народ уже неосознанно поклонялся. Так коварно подготовленный суд над вестником божественной истины всей силой осуждения обрушился на врагов его!

Между тем вдохновенный проповедник продолжал свою речь. Как прозрачные струи живительного источника лилась она из его уст и оживотворяла ум и сердце слушателей. Это была глубокая, неведомая им дотоле философия, но в то же время она была проста для понимания и с неотразимой силой действовала на сердце. Это была простая речь, но в то же время каждое слово ее, как молния, пронизывало душу слышавших его и явственно отпечатлевалось на лицах их.

С необыкновенной ясностью изложив возвышенное понятие о Боге, до которого едва осмеливались подниматься величайшие мудрецы Древнего мира, и показав на основании известных народных поэтов все неразумие поклонения сделанным руками человеческими идолам, апостол наконец перешел к проповеди о призвавшем его на апостольское служение Госпode, которому он посвятил весь свой гений, всю свою жизнь. «Итак, – говорил он, – оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем всюду покаяться. Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную посредством предопределенного Им мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых...» Вдруг в ареопаге произошло смятение: услышав о воскресении из мертвых, последователи эпикурейской философии не имели сил долее сохранять спокойствие; последние слова в устах вдохновенного проповедника как огненные стрелы вонзились в извращенные чувственной философией сердца их и открыли перед ними ужасающую картину праведного возмездия за ту бездну греха, в которой проходила вся их жизнь, руководствующаяся грубочувственным началом: станем есть и пить, ибо завтра умрем. Но чтобы скрыть от присутствовавших свою сердечную боль, они прикрыли ее насмешкой и стали насмехаться над страшным для беззакония учением. На стойков это учение произвело более спокойное впечатление, и они не прочь были еще послушать его, но, воспользовавшись суматохой, они равнодушно, а может быть, не без иронии, сказали апостолу: «Об этом послушаем тебя в другое время», и, конечно, не старались уловить этого времени.

Смятение в собрании продолжалось. Видя невозможность дальнейшей проповеди, апостол вышел из ареопага. Скоро разошлось и все собрание, и каменные сиденья членов ареопага, столь же жесткие, как и их сердца, опять опустели. И так неужели бесплодно осталось слово апостола? Нет, живо и действенно слово Божие: оно глубоко запало в сердца некоторых из присутствовавших и принесло свои плоды.

«Некоторые мужи, пристав к Павлу, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними». Это был первый трофей Евангелия в центре философского язычества. Такова была первая встреча Евангелия с языческой философией. Уже при первой встрече с ним дотоле непреоборимая владычица умов смутилась и сразу почувствовала грозную для себя силу неведомого пришельца. Но, смутившись, она не захотела сразу преклонить перед ним своего знамени. Еще целых пять веков она усиливалась поддерживать свое знамя во имя язычества и мудрости его, но червь времени неустанно точил древко этого знамени, и оно наконец рухнуло, склонившись к подножию креста.

Из Афин ап. Павел отправился в Коринф. При тогдашнем состоянии это был еще более знаменитый город, чем Афины, так как он именно считался главной римской резиденцией Греции. Омываемый двумя морями, с одной стороны Ионийским и с другой – Эгейским, Коринф соединял в себе пышную роскошь Азии с культурой Европы. С самой глубокой древности он славился своими искусствами и науками. Разрушенный в 146 г. до Р. Х. римским полководцем Муммием, он вновь построен был Цезарем и сделался столицей Ахаии, и к этому времени опять достиг своего прежнего блеска. Его прекрасный климат, богатства, стягивавшиеся с востока и запада, громадный наплыв иностранцев и купцов, все это содействовало чрезвычайной изнеженности и вместе распущенности нравов, которой известен

был Коринф не только по всей Греции, но и по всему миру. Бесстыдный культ Афродиты находился там в полном процветании, и «коринфский образ жизни» вошел даже в поговорку для обозначения самой необузданной распущенности. Рядом с утонченным богатством уживалась самая жалкая бедность, которая тоже заражена была господствующими пороками, и народная масса Коринфа представляла собой ту страшную бездну безотрадного падения, до которой только может доходить человек. Чтобы основать церковь Христову в этом царстве греха и развращения, требовалось не только боговдохновенное слово такого проповедника, каким был ап. Павел, но и явно высшая помощь, нравственное чудо.

Со своей проповедью ап. Павел обращался здесь уже не к высшим образованным классам, которые в Афинах достаточно обнаружили свою закоснелость в мнимой философской мудрости, а к тем жалким подонкам общества, которые более всего нуждались в утешении Евангелия. Деятельность его началась среди мелких ремесленных классов, состоявших отчасти из иудеев, и первыми плодами проповеди было обращение к вере семейства Акилы и Прискиллы, которые, бежав из Рима вследствие указа императора Клавдия об изгнании иудеев, прибыли в Коринф и начали заниматься скромным ремеслом – делать палатки. Обращение этого семейства было великим благом для апостола. Он подружился с ними на всю жизнь, нашел у них помещение и даже работал вместе с ними, добывая себе этим насущный хлеб. По субботам он занимался проповедью в иудейской синагоге и приобрел еще нескольких последователей, и между ними Криспа, начальника синагоги. Но так как иудеи Коринфа вообще враждебно отнеслись к апостолу, то он, «отряси одежды свои, сказал: кровь ваша на глазах ваших; я чист; отныне иду к язычникам». С этого времени он оставил синагогу и исключительно обращался с проповедью к язычникам, среди которых и имел значительный успех. Среди обращенных язычников были известные впоследствии Гаий и Стефан, отличавшиеся истинно христианским гостеприимством и любвеобильной благотворительностью (Рим 16:23; 1 Кор 16:15–17).

Местом своих собраний апостол избрал дом некоего Пуста, находившийся подле синагоги, и там был первый храм молитвы и собраний коринфских христиан. Враждебное отношение иудеев на время привело было апостола в уныние, и он хотел прекратить свою проповедь; но дух его подкреплен был ночным видением Господа, который сказал ему: «Не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я с тобою, и никто тебе не сделает зла; потому что у Меня много людей в этом городе». Это видение успокоило и ободрило апостола, и он оставался в Коринфе полтора года, поучая его жителей слову Божию.

Но злоба иудеев не ослабевала и с течением времени распалялась до неистовства, особенно когда они видели свое бессилие выстоять против неотразимых доводов апостола, разрушавших самые кровные их убеждения и надежды. Они воспользовались первым случаем, чтобы только отомстить ненавистному проповеднику. В это время в Ахаию назначен был новый проконсул, Галлион, брат знаменитого философа Сенеки, и подобно ему – человек в высшей степени просвещенный и гуманный. Пользуясь его неопытностью и рассчитывая на некоторую безнаказанность, иудеи произвели мятеж, схватили ап. Павла и поволокли его на площадь, требуя от проконсула суда над ним по обвинению в том, что он «учит людей чтить Бога не по закону». Хотя император Клавдий и изгнал иудеев из Рима, но их религия была все-таки *religio licita*, т. е. дозволенной со стороны государства; но религия «этого человека», как настаивали они, хотя и могла сходить под названием иудейства, была совсем не иудейством. Это была фальшивая подделка под иудейство и, направляясь против Моисеева закона, тем самым становилась *religio illicita*, недозволенной религией. Таково было обвинение, на котором с гвалтом настаивали иудеи, и лишь только оно выяснилось, ап. Павел готов был выступить на самозащиту. Но Галлион не намерен был утруждать себя выслушиванием этой беспорядочной процедуры. Вполне зная и уважая существующие законы и вместе с тем отличаясь чисто римской нелюбовью к лстиво-примирительному языку и еще более тем римским высокомерием к народу, который он, подобно своему брату, вероятно, ненавидел и презирал, он прекратил все это дело заявлением, что их обвинение против Павла, как нарушителя

Моисеева или вообще какого бы то ни было закона, какой только он мог признавать, было крайне безосновательно. «Если бы тут было какое-нибудь гражданское преступление или противоправственное действие, то я имел бы причину вникнуть в дело и выслушать вас, но когда дело идет об учении, о простых именах и о вашем законе, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом». Потушив таким образом дело, Галлион приказал ликторам очистить суд, что они и сделали с примерным усердием, «прогнав их из судилища». Такой оборот дела ободрил городскую чернь, которая давно уже ненавидела иудеев за их отщепенство и бесчеловечное ростовщичество, и вот она схватила главного иудейского вожака, Сосфена, начальника синагоги, и тут же перед судилищем, на глазах Галлиона, подвергла его беспощадным побоям, и это был вполне заслуженный урок их собственному буйству и изуверству.

После нанесения такого удара иудейской дерзости для ап. Павла наступил период продолжительного покоя, и он в течение его продолжал не только проповедовать слово Божие в самом Коринфе, но и наблюдать за состоянием церквей в других городах. Его сотрудники то и дело посещали окрестные церкви и доносили ему о их религиозно-нравственном состоянии. Среди некоторых юных церквей, оставшихся без властного руководства в вере, возникали различные недоумения, для разрешения которых требовалось авторитетное слово самого апостола; но так как сам он занят был проповедью в Коринфе, требовавшей его постоянного личного присутствия, то он для назидания другим церквям, прибег к тому способу, который впоследствии имел громадное значение для церкви, именно к письменности. И в Коринфе именно написаны им были первые послания. Поводом к ним был слух, дошедший до него из Фессалоники, что там среди христиан возникли недоумения касательно второго пришествия Господня и воскресения мертвых, и вот в разъяснение этих недоумений апостол и написал одно за другим два послания, известные под названием «первого и второго посланий к Фессалоникийцам». Так как написание этих посланий требовало значительного труда, то апостол обыкновенно не сам писал их, а диктовал писцу и собственноручно прибавлял лишь заключительное приветствие, которое и служило для христиан доказательством подлинности посланий. Так положено было начало боговдохновенным посланиям апостола народов.

Устроив все дела в Коринфе, апостол наконец оставил его, чтобы посетить Иерусалим к предстоявшему великому празднику Пятидесятницы. При отбытии из Коринфа он принял на себя обет назорейства и вместе с Акилой и Прискиллой отплыл в Ефес, знаменитый порт Средиземного моря, находившийся в постоянных торговых сношениях с Коринфом. Благочестивая чета осталась в Ефесе, где она могла рассчитывать на хороший заработок, а апостол отправился далее в Кесарию и Иерусалим и оттуда поспешил в Антиохию. Там он, среди своих возлюбленных собратий, провел несколько дней мира и радости, столь необходимых для него после перенесенных трудов и пережитых потрясений.

XXXIX

Третье миссионерское путешествие ап. Павла. Пребывание в Ефесе. Послания к галатам и коринфянам. Мятеж в Ефесе

Но такой неутомимый деятель, каким был ап. Павел, не мог долго наслаждаться покоем. Его манил простор широкой деятельности, хотя бы и сопряженной с необычайными трудами и опасностями, и он, чувствуя на себе обязанность пастырского руководства основанных им многочисленных церквей, за несколько дней отдыха составил план третьего великого миссионерского путешествия, именно с целью посетить все основанные им церкви. И вот он, «проведши в Антиохии несколько времени, вышел и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников». В Галатии он сделал распоряжение, чтобы по воскресным дням производились сборы милостыни в пользу бедных Иерусалима, и затем, обойдя окрестные церкви, направился в Ефес, который и избран был им на этот раз центром его апостольской деятельности. И лучше этого нельзя было избрать города, из которого бы Евангелие легко могло распространяться по всей Азии. Ефес, как столица Древней Ионии, был

очагом той знаменитой ионийской цивилизации, которая по пересажении ее в Грецию нашла высшее развитие в Афинах. Находясь неподалеку от залива Средиземного моря, между Смирной и Милетом, Ефес был тем знаменитым городом, где встречались между собой Восток и Запад, Азия и Европа, и множество торговых кораблей совершали постоянные рейсы между ним и Коринфом. Но несмотря на прилив в него западных воззрений, он сохранял с необычайной верностью религию древних азиатских богов, и самым почитаемым божеством его была Артемида.

Это была известная азиатская Астарта, лишь под греческим названием, и культ ее, как основывавшийся на боготворении грубых производительных сил природы, отличался самой необузданной распущенностью. Храм ефесской Артемиды славился во всем мире и считался одним из чудес света. Сожженный Геростратом, он вновь построен был с еще большим великолепием, так что своей славой Артемида затеняла другие божества Азии. Так как храм этот пользовался правом убежища, то около него обыкновенно собиралось все преступное и грязное, и это, вместе с развращающим влиянием самого культа, делало Ефес одним из самых развращенных городов мира. Подобно Коринфу, он был одним из самых больших городов языческого мира, и в нем встречались и уживались всевозможные религии и идеи. Как и в других больших городах, в нем была и синагога иудейская, а рядом с ней уживались и такие школы, которые представляли собой нечто среднее между иудаизмом и христианством; была, например, школа учеников Иоанна Крестителя, которые, приняв его проповедь покаяния, считали ее окончательной и составили особую общину. Разнообразие религиозных школ и общин содействовало чрезвычайному возбуждению религиозной мысли, и в иудейской синагоге часто выступали проповедники, блиставшие красноречием и силой своей проповеди. Особенно замечательным был из них Аполлос, который, будучи родом из Александрии и получив воспитание в ее знаменитых философско-религиозных школах, приводил слушателей синагоги в восторг своими проповедями. Особенностью его учения было то, что он под влиянием александрийских ученых, считая обычный взгляд на ветхозаветную иудейскую религию слишком грубым, старался примирить ее с философией и поэтому давал библейским сказаниям символический смысл. Вместе с тем он, по-видимому, уже имел некоторые сведения и о христианском учении, из которого он также заимствовал некоторые части. Вообще это был человек чрезвычайно образованный, глубокий знаток Св. Писания и высокодаровитый оратор. Во время отсутствия ап. Павла он познакомился с Акилой и Прискиллой и, ближе познакомившись от них с христианством, совершенно склонился на его сторону и затем решил отправиться в Коринф. Обрадовавшись приобретению для церкви такого славного проповедника и заметив, как его проповедническая деятельность могла бы быть полезна среди тонких и развитых греков, они написали для него рекомендательное письмо к коринфским старейшинам. В Коринфе его красноречие произвело громадное впечатление, и он сделался крепкой опорой для собраний. Он с таким искусством воспользовался проповедью ап. Павла, насколько он мог познакомиться с ней из бесед с Прискиллой и Акилой, что в своих публичных спорах с враждебными иудеями с непреодолимой силой, на основании их собственного Писания, доказывал мессианство Христа и таким образом был сколько приятен христианам, столько же страшен для иудеев. Он поливал то, что насадил ап. Павел.

Ап. Павел прибыл в Ефес уже по отбытии Аполлоса и, по обычаю, сделался постоянным посетителем синагоги, где он также проповедовал Евангелие. Тут он прежде всего обратился к тем, которые были подготовлены к христианству блестящими проповедями Аполлоса, а затем и вообще стал проповедовать истины христианства иудеям. Так как он преподавал христианство не под заманчивой философской формой, а во всей его простоте и прямоте, то, естественно, проповедь его возбудила неприязнь среди закоснелых иудеев, и дело дошло до того, что апостол после трехмесячного труда нашел себя вынужденным оставить синагогу и нанял для собраний своих учеников и слушателей школу некоего Тиранна, одного из языческих софистов, которых было в то время много в Ефесе. Это новое место богослужебного собрания дало апостолу возможность видеть своих собраний ежедневно, между тем как в синагоге это было

возможно лишь три раза в неделю. Его труды и проповедничество не остались без успеха. В течение целых двух лет Ефес служил для него центром миссионерской деятельности, и так как слава его проповеди начала распространяться повсюду, то он, несомненно, сам предпринимал небольшие путешествия по окрестным местам, так что, по свидетельству св. Луки: «Все жители Азии слышали проповедь о Господе Иисусе, как иудеи, так и эллины». В самом Ефесе слава о нем достигла необычайной степени – особенно вследствие великих чудес, «которые Бог творил руками Павла». Даже платки и опоясания его имели целебную силу, и слава о нем распространилась настолько, что многие из иудейских заклинателей, занимавшихся волшебством и всевозможными причитаниями (такими заклинателями переполнен был суеверный Ефес), стали завидовать ему.

Один из них, Скева, попытался подражать ему в надежде, что, употребляя малопонятное ему имя Иисуса, он будет так же успешно совершать чудеса, как их совершал ап. Павел. Но двое из его сыновей, занимавшихся заклинаниями, потерпели полную неудачу, которая повела к полному искоренению подобного шарлатанства в Ефесе. Их позвали для совершения заклинания над человеком, который, очевидно, страдал буйным беснованием. Обращаясь к злым духам, они воскликнули: «Заклинаем вас Иисусом, которого проповедует Павел». На этот раз, однако же, заклинание не имело силы. Бесноватый со злой усмешкой ответил им: «Иисуса я знаю, и Павел мне известен; а вы кто такие?» И затем, бросившись на них, с невероятной силой изорвал на них одежду и нанес им такие побои, что они едва вырвались из дома – избитые и нагие.

Столь замечательное событие не могло остаться незамеченным. Молва о нем с быстротой молнии разнеслась среди болтливых ефесян и произвела немало ужаса и смущения, следствием чего было одно чрезвычайно благотворное событие. Оказалось, что в Ефесе заклинаниями занимались не только язычники, но и некоторые из новообращенных христиан. Устрашенные происшедшим, они откровенно раскаялись в своем грехе и в доказательство искренности своего покаяния принесли свои дорогие каббалистические книги, служившие для них орудием их ремесла, и публично сожгли их. Это тайное чернокнижие практиковалось в таких широких размерах, что ценность книг, сожженных таким образом чернокнижниками в порыве покаяния, восходила до пятидесяти тысяч драхм серебра, что составляло не менее 12 500 рублей золотом. Этот необычайный костер, который, наверно, продолжался довольно значительное время, был столь поразительным обличением господствующего легковерия, что это, несомненно, было одним из обстоятельств, которые придали проповедничеству ап. Павла столь обширную известность по всей Азии.

Во время своего двухлетнего пребывания в Ефесе апостол не только проповедовал устно, но и письменно. Через своих сотрудников он вел постоянные сношения с различными церквами и в назидание двух из них, именно коринфской и галатийской, он написал два послания, известные под названием «Послания к Галатам» и «Первого послания к Коринфянам». Первое из них было вызвано печальным слухом, что галаты, с такой охотой принявшие веру от ап. Павла, по своему обычному легкомыслию увлеклись другими проповедниками, именно иудействующими противниками апостола. Последние с целью разрушить дело ненавистного им апостола стали так заманчиво изображать галатам преимущества сынов Авраама, что у них явилось даже желание «быть под законом» (Гал 4:21). Вместе с тем в их душах был подорван и сам авторитет ап. Павла. Чтобы предостеречь их от этого опасного заблуждения, апостол и написал им послание, в котором с изумительной ясностью выставляет преимущества Нового Завета над Ветхим и говорит, что сыны Авраама не те, что ведут плотскую родословную от него, а именно верующие во Христа (Гал 3:7, 29). В защиту своего апостольства он напомнил им о своем необычайном обращении, присовокупив при этом, что проповедуемое им Евангелие не есть человеческое, ибо он «принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа» (Гал 1:11–12). Послание к Коринфянам вызвано было совершенно иными обстоятельствами. До апостола дошел печальный слух, что коринфские христиане, нарушив братское единение, поделились на несколько партий и наподобие греческих школ, носивших

имя того или другого софиста, одни считали себя последователями Павла, другие – Аполлоса, третьи – Кифы и некоторые – Христа. Некоторые из братьев дошли до такого заблуждения, что стали отрицать воскресение мертвых. Вторглась в среду церкви и нравственная распущенность, которой вообще отличался Коринф, и община терпела в своей среде одного гнусного грешника, от которого с омерзением отвращались даже язычники. Все эти настроения и заставили апостола обратиться к Коринфянам с обширным посланием, в котором он с апостольской властью увещевал их оставить свои разделения, так как за всех их распялся один и тот же Христос, а все остальные проповедники лишь простые служители слова: они насаждают и поливают, но возвращает Бог. «Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий». Источником этих разделений была умственная гордость коринфян, и апостол напомнил им, что для них как христиан земная мудрость должна стоять уже на втором плане, «потому что немудрое Божие премудрее человеков» (1 Кор 2:25). Опровергнув затем заблуждение тех, которые отрицали воскресение мертвых, и повелев строго наказать тяжкого грешника, апостол делает целый ряд наставлений по различным вопросам церковно-общественной жизни и заключает собственноручно любвеобильным приветствием: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. И любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь».

По истечении двух лет апостол, считая свое дело в Ефесе законченным, составил план дальнейшего путешествия. Он предполагал после Пятидесятницы оставить Ефес, чтобы еще раз посетить церкви Македонии и Ахаии, основанные им во время второго путешествия, и отплыть из Коринфа для пятого посещения Иерусалима, после которого уже он надеялся увидеть и Рим, великую столицу тогдашнего цивилизованного мира. Сообразно с этим планом он уже отправил двух из своих сотрудников, Тимофея и обращенного им в Ефесе Ераста, в Македонию с повелением им присоединиться опять к нему в Коринфе. Ераст, бывший казначей города, был человеком влиятельным и потому лучше всего мог позаботиться как о приготовлениях к приему апостола, так и о приведении в исполнение еженедельных сборов, которыми в это время сильно занят был ап. Павел. Посещение Иерусалима делалось необходимым в видах доставления бедствующим христианам этого города милостыни, которую апостол теперь собирал среди основанных ими церквей из язычников. Но план этот расстроен был одним событием, которое подвергло самую жизнь апостола страшной опасности и ускорило его отбытие из Ефеса.

Наступил май месяц, в котором в Ефесе бывала знаменитая ярмарка Ефесия, ознаменовывавшаяся целым рядом празднеств, посвященных Артемиде. Во время этих празднеств деревянное изображение богини, по народному сказанию сошедшее с неба, выставлялось в храме на всеобщее поклонение. В течение целого месяца город был переполнен народом, стекавшимся из всех окружающих стран, и стоном стонал от всякого рода ликований. Пышные и нарядные процессии постоянно двигались к храму, жрецы и разные заклинатели пожинали богатую жатву на ниве народного суеверия; устраивались всевозможные увеселения и игры, и все это сопровождалось самым диким пьянством и разгулом. При таких обстоятельствах неизбежны были и взрывы народного фанатизма, которыми часто ознаменовывались торжества в Ефесе. То же самое случилось и теперь. В этом году замечалось видимое уменьшение бесшабашного разгула во время Ефесии, и причина этого упадка была вполне известна. Не только в Ефесе, но и во всех главных городах проконсульской Азии был возбужден глубокий интерес проповедничеством некоего Павла, который в самой столице идолопоклонства, как известно, спокойно проповедовал, что те, кои сделаны человеческими руками, совсем не боги. Много народа склонилось к принятию этой проповеди; еще более было таких, которые, по крайней мере под влиянием ее стали, равнодушно относиться к бессмысленной обрядности и причитаниям, и даже к храмам и идолам. Следствием этого было то, что в Ефесе «произошел немалый мятеж против пути Господня».

Павел и его проповедь, «братья» и их собрания были у всех на языке, и немало ропшущих проклятий произносилось против них жрецами и жрицами, а также и сотнями приживалок,

собирающихся вокруг всякого большого учреждения. Наконец это худо скрываемое озлобление прорвалось наружу. Более всего убытков понес от уменьшения благоговения к богине и ее святилищу некий серебряных дел мастер, по имени Димитрий, который продавал поклонникам маленькие серебряные модели храма и изображения в память посещения ими Ефеса и его храма. Да и не только в Ефесе, но и в каждом знаменитом центре языческого культа спрос на эти вещи вызывал много предложений их со стороны промышленников. Димитрий нашел, что его промышленность начинает подрываться, и он, прикрываясь ревностью к храму и богине, решился, насколько это было возможно для него, принять меры с целью остановить грозящее ему разорение. Созвав на собрание всех художников и простых рабочих, занимавшихся этим ремеслом, он обратился к ним с речью, в которой сначала возбудил их страсти предостережением о грозящем им разорении, а затем взывал к их дремлющему фанатизму об отмщении за оскорбленное величие их храма и упадающее великолепие богини, которую де боготворила вся Азия и весь мир.

Речь эта была как бы искрой для горючего материала. Среди слушателей раздался яростный крик: «Велика Артемида Ефесская!» – и по всему городу началось смятение. Пылая мщением к главному виновнику понесенных убытков, мятежные художники и ремесленники хотели схватить самого ап. Павла, но, не найдя его лично, схватили двух его сотрудников, Гаия и Аристарха, и повлекли их в театр – на отмщение и поругание толпы. Узнав об опасности, которая грозила его возлюбленным сотрудникам, апостол хотел сам идти в театр, чтобы пожертвовать собой, но власти города удержали его, так как опасались усиления народного смятения. Смятение это грозило опасностью побоища не только христианам, но и иудеям, которых народ не отличал от христиан. Чтобы отвратить эту опасность, из среды иудеев выступил некий Александр, попытавшийся обратиться к толпе с речью, что иудеи отнюдь не повинны в этом деле.

Но лишь только толпа разглядела иудейские черты оратора, как заглушила его речь яростным криком: «Велика Артемида Ефесская!» – и готова была приступить к одному из тех ужасных побоищ, которые не раз претерпевались иудеями в Александрии и других больших городах Востока. Опасность была страшная, но, к счастью, она отвращена была мужеством городского блюстителя порядка, пользовавшегося общим уважением населения. Пренебрегая всякой личной опасностью, он смело выступил перед лицом разъяренной толпы и обратился к ней с спокойной, но внушительной речью, которая образумила толпу. «Ефесяне! – воскликнул он. – Какой человек не знает, что Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета? Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво. А вы привели этих мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали, ни богини вашей не**sensored**ли. Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга. А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в другом собрании. Ибо мы находимся в опасности за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которой мы могли бы оправдать такое сбирище». Речь эта сразу произвела поразительное действие. Смятение прекратилось. Умная речь всеми уважаемого человека заставила толпу раскаяться в своем неразумном мятеже и испугаться его возможных последствий, как это намекнул в своей речи блюститель порядка, попеременно действовавший лестью, запугиванием, вразумлением и успокоением. Она живо напомнила им, что так как Азия была сенаторской, а не императорской провинцией и управлялась поэтому проконсулом с несколькими чиновниками, а не пропретором с легионом солдат, то они сами были ответственны за сохранение доброго порядка и, наверно, были бы сочтены виновниками нарушения спокойствия. День беспорядка мог на целые годы невыгодно отозваться на их привилегиях. Да и вообще такое смятение со стороны ефесян было (как доказывал блюститель порядка) недостойным, так как величие их храма не подвергалось никакому оскорблению; оно не оправдывалось ничем, так как нельзя было ничего доказать против этих лиц; оно было излишне, так как под рукой были и другие, более законные средства для возмездия им; наконец, если ни гордость, ни справедливость не

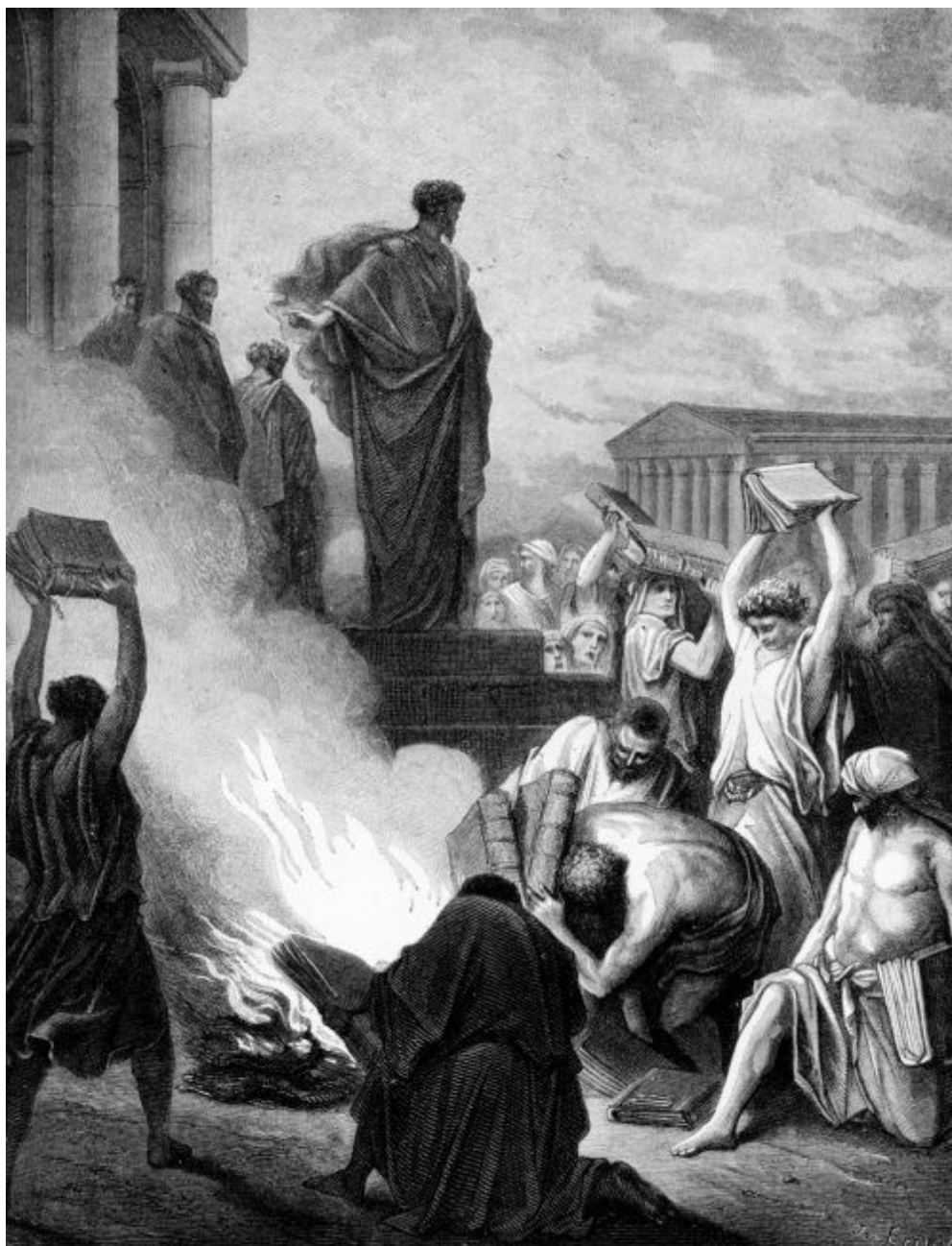
могли повлиять на них, то по крайней мере страх римлян мог воздержать их. Народ крайне устыдился своего поступка, и блюститель порядка получил возможность распустить его из театра.

Таким образом опасность для христиан и иудеев была отвращена на время, но лично для ап. Павла дальнейшее пребывание в городе сделалось невозможным, так как одного появления его достаточно было бы для нового воспламенения дикого фанатизма ефесян. Поэтому он поспешил оставить город и направился в Македонию.

XL

По пути в Македонию. Второе послание к Коринфянам. В Коринфе. Послание к Римлянам. Состояние Римской церкви

По оставлении Ефеса ап. Павел направился в Троаду. Незадолго перед тем он отправил одного из своих юных спутников, именно Тита, в Коринф, чтобы через него убедиться, какое действие произвело там его первое послание, и велел ему прибыть к нему на встречу в Троаду. Но напрасно прождав его там, апостол наконец решил сам посетить церкви Македонии. Он нашел их в цветущем состоянии, видел их преданность себе, твердость в вере, закаленную гонениями, и готовность содействовать сбору милостыни в пользу бедствующих христиан Палестины.

Апостол Павел в Ефесе

Все это было великим утешением для апостола после испытанных им огорчений и невзгод. Наконец к нему присоединился и Тит и передал ему о том спасительном действии, которое произвело его послание к коринфянам. Беспорядки исчезли, преданность апостолу усилилась, и вообще наступило видимое улучшение в церковно-религиозной и нравственной жизни Коринфа, хотя и не совсем еще восстановилось полное спокойствие.

Враги апостола пытались набросить тень сомнения на самое право апостольства Павла, но это уже была бессильная злоба, не имевшая для себя достаточной почвы. Чтобы еще более посодействовать восстановлению мира в Коринфской церкви, ап. Павел написал второе послание к Коринфянам, в котором изложил чувства радости по случаю умиротворения церкви и преподал целый ряд новых наставлений по различным вопросам. В этом послании, между прочим, апостол подтвердил свои права на апостольство, указал на перенесенные и переносимые им бедствия и страдания за Христа, а также упомянул о том, какой крест дан ему Христом на всю жизнь, чтобы он не превозносился, именно «жало в плоть, ангел сатаны». Это «жало в плоть», как уже сказано было выше, вероятнее всего была глазная болезнь, от которой

апостол страдал постоянно, и она становилась иногда столь мучительной, что лишала его всякой возможности деятельности и вынуждала обращаться к Богу с слезной молитвой об облегчении.

«Трижды молил я Господа о том, — говорит апостол, — чтобы удалил его от меня; но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается в немощи». И как бы в подтверждение этого апостол только что перед тем рассказал о том необычайном откровении, которого он некогда удостоился, именно когда он был восхищен до третьего неба, в рай, и «слышал неизреченные слова, которых человеку невозможно пересказать».

Это откровение ему было вскоре после обращения его, и с того времени он своей неутомимой, поистине геройской деятельностью вполне оправдал свое избрание, потрудившись и перенеся за дело Христово даже больше всевозможных бедствий и страданий, чем другие апостолы. Как служитель Христов, он, по его собственным словам, гораздо более «был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл в глубине морской. Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе». Перед таким величием апостольских трудов должен был смолкнуть язык самых ярых его врагов, и в Коринфе водворился мир, так что когда апостол прибыл туда, община приняла его с распростертыми объятиями.

В Коринфе апостол встретил большинство своих возлюбленнейших соратников — Тимофея, Тита, Аристарха, Луку и многих других, в сообществе с которыми он провел три месяца, устраивая дела церкви и вместе наблюдая за состоянием окрестных и македонских церквей. Коринф находился в частых сношениях с столицей мира Римом, и апостол невольно лелеял в себе мысль побывать там, чтобы и там возвестить Евангелие Христово, именно в центре языческого мира. Но обстоятельства не давали ему возможности предпринять теперь же это великое путешествие, тем более, что апостолу известно было, что там уже существовала христианская церковь, и он не хотел строить на чужом основании. Поэтому апостол на время ограничился заочными сношениями с римской церковью через посредство собратий-христиан, которым по различным делам приходилось совершать путешествие между тремя главнейшими центрами мировой торговли — Ефесом, Коринфом и Римом.

Неизвестно, когда собственно христианство проникло на берега Италии и в Рим. Но можно с вероятностью думать, что Евангелие впервые занесено было туда некоторыми из тех иудеев и прозелитов из Рима, которые в день Пятидесятницы и сошествия Святого Духа слышали боговдохновенную речь ап. Петра в Иерусалиме. Иудеев было много в Риме, особенно с того времени, когда Помпей значительное число их после завоевания Палестины переселил в столицу мира. Там они не замедлили обнаружить ту изумительную самопомощь и изворотливость, какой уже отличались в то время среди других народов. В рабы они не годились и не принимались, скоро добились своего освобождения и начали быстро размножаться и богатеть. Дружеские отношения, существовавшие между Августом и Иродом Великим, еще более содействовали улучшению их положения, и на заре христианской эры они уже настолько признавались составной частью римского населения с правами и собственной религией, что политически мудрый император отвел им особый квартал за Тибром, который они и занимали в течение последующих веков. Из мрачных переулков этого квартала они ходили продавать серные спички, старое платье и разбитую посуду, а также выходили на Цестиев или Фабрициев мосты просить милостыню и предсказывать судьбу. Скоро они размножились до того, что стали внушать опасения правительству, и императоры не раз издавали указы об изгнании их из столицы. Один из таких указов, именно указ Клавдия (Деян 18:2), повел к дружбе ап. Павла с Акилой и Прискиллой, и его, вероятно, можно отождествлять

с той мерой, о которой упоминает Светоний в знаменитом месте, где он говорит об «Impulsor Chrestus» («мятежнике *Хресте*», как неправильно римляне произносили имя Христа). Если так, то почти несомненно, что христиане не были отделены от иудеев в этом общем несчастье, причиненном их мессианскими разногласиями. Но, как признает Тацит, говоря о попытке изгнать астрологов из Италии, эти меры вообще были бесполезны. Иудеи, оставив на время Рим, скоро опять возвращались в него. Их подпольный прозелитизм даже уже в царствование Нерона получил столь сильное развитие, что Сенека, отзывавшийся об иудеях как о «самом дурном народе в мире», свидетельствует о их необычайном распространении. Поэтому, когда ап. Павел писал свое послание к Римлянам, иудеи, несмотря на неотмененный еще указ Клавдия, данный только шесть лет перед тем, составляли уже настолько большую общину, что опять были предметом беспокойства императорского правительства. На большие праздники они массами отправлялись в Иерусалим, соединяя с этим часто и торговые предприятия, и вот там именно некоторые из них слышали проповедь ап. Петра и сделались первыми благовестниками Евангелия в столице мира. Этим самым ниспровергается верование римской церкви, что основателем христианства в Риме был ап. Петр.

Предание это, как известно, расширено было впоследствии даже до того, что ап. Петр признавался первым епископом Рима, где будто бы он епископствовал двадцать пять лет. Но подобное предание не находит никакой опоры в истории, которая, напротив, может допустить лишь одно, что ап. Петр потерпел в Риме мученическую кончину одновременно с ап. Павлом.

Такое начало христианства в Риме вместе с тем дает возможность понять, каков был первоначальный состав римской церкви. Сначала она состояла из иудеев и прозелитов, но затем в нее стали вступать и многие из язычников, так что языческий элемент скоро сделался даже преобладающим. Но этот языческий элемент состоял не столько из самих римлян, сколько из греков, которых было много в Риме и которые скорее примкнули к христианской церкви, чем высокомерные римляне. Потому-то в заключительной главе Послания ап. Павла к римлянам так много лиц с греческими именами. Но эти имена принадлежат большей частью к средним и низшим классам общества. Христианство находило себе сначала приверженцев не среди богатых и знатных, а среди мелких торговцев и промышленников, среди воинов, рабов и отпущенников императорского дворца и той челяди, которая ютилась в густо населенных «голубятнях» (columbaria), как назывались в Риме ночлежные дома и жилища бедного рабочего люда. Среди личных друзей апостола в это время в Риме находились известные Акила и Прискилла, которые после временного отсутствия опять возвратились для заработков в Рим, где их дом был местом собраний для верующих. Как вообще велика была римская церковь по составу входивших в нее членов, об этом можно судить по тому, что во время Неронова гонения их погибло там, по свидетельству Тацита, «великое множество». На это указывает также то обстоятельство, что в заключительной главе Послания к Римлянам апостол посылает приветствие поименно двадцати шести лицам, т. е. таким лицам, которые по своему положению в церкви требовали личного упоминания. Многие из них приветствуются апостолом как знакомые ему, сотрудники и сродники, и это объясняется тем, что многие из обращенных апостолом христиан оказались впоследствии в Риме и усилили собой римскую церковь, успевшую скоро приобрести такую известность среди других церквей, что о вере ее членов «возвещалось во всем мире» (Рим 1:8).

К этой-то церкви в самой столице тогдашнего мира и обратился ап. Павел с посланием, которое по глубине богословской мысли и высоте боговдохновенного откровения истины христианства занимает справедливо первое место среди посланий великого апостола язычников. Много могло быть у него побуждений к этому. Как апостолу язычников, ему, конечно, хотелось лично возвестить Евангелие в том центре мира, из которого лучи христианского благовестия лучше всего могли распространяться по всему миру, так что проповедь там могла бы быть естественным завершением проповеди языческому миру вообще; и так как обстоятельства пока не позволяли ему предпринять такого далекого путешествия, то он и ограничился письменным изложением своего благовестия. Но могли быть и другие, более частные причины.

Между двумя классами, составлявшими римскую церковь, по-видимому возникли споры о преимуществе, как это случалось почти везде, где только иудеи сходились с язычниками. Так как основателями церкви были иудеи, то, естественно, они старались занять первенствующее положение в ней и, конечно, опирались при этом на свое звание как избранного народа, которому дан был закон и все обетования. Закону они стали придавать такое значение, что без него не признавали возможности спасения или оправдания перед Богом.

С другой стороны язычники, протестуя против такого притязания, заявляли, что они имели свой закон нравственный, который достаточен был для приготовления их к принятию в церковь, что их мудрецы были не менее боговдохновенны, как и ветхозаветные пророки. То и другое притязание были, очевидно, опасным заблуждением, и пока дело не дошло до открытого разрыва, апостол и поспешил разъяснить им великую истину спасения. Прежде всего он обратился к язычникам и доказал им, что их мнение, будто естественного закона нравственности достаточно в известном смысле для спасения, неосновательно, и это доказывалось тем самым обстоятельством, что языческий мир к этому времени пришел в состояние ужасающего нравственного падения. Достаточно было взглянуть на те ужасы нравственного тлена, который ярче и бесстыднее всего выступал именно в Риме, чтобы видеть, как неосновательно было это положение язычников. Ужасная картина той бездны безнравственности, которую изображал апостол в первой главе своего Послания к Римлянам (Рим 1:24–32), и должна была служить опровержением их неосновательных притязаний.

С другой стороны, неосновательны были и притязания иудеев. Хотя на их стороне большое преимущество уже в том отношении, что им именно «вверено было слово Божие»; но одного этого недостаточно для спасения. Нужно оправдать это доверие Божие. А отсюда «не тот иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, а от Бога» (Рим 2:28–29).

Одним словом, так как и иудеи, и эллины одинаково находятся в рабстве греху, то и оправдание становится возможным не в силу закона или обрезания, не в силу естественного разума, но в силу единой спасающей веры во Христа – такой веры, которая по своей жизненности способна устранить всякий вопрос о законе и о добрых делах, так как они сами являются неизбежно как плоды на здоровом и исполненном жизненных соков дереве. В таком-то именно смысле «человек оправдывается верою независимо от дел закона» (Рим 3:28).

Затем апостол подробно развивает эту основную мысль, подтверждая ее примерами и цитатами из Св. Писания и, изложив ряд назидательных истин, заключает всевозможными благожеланиями и приветствиями римским христианам вместе с выражением желания лично побывать в знаменитой столице мира. Писцом послания был сотрудник апостола Тертий, а отправлено оно было с Фивой, диакониссой церкви кенхрейской, около Коринфа. Представляя последнюю римским христианам, апостол просит их принять ее как прилично святым и помочь ей, в чем она будет нуждаться, «ибо, – добавляет он, – и она была помощницею многим и мне самому» (Рим 16:1, 2).

ХЦ

По пути в Иерусалим. Воскресное богослужение в Троаде. Беседа в Милете с ефесскими пресвитерами. В Тире и Кесарии

Закончив свое служение в Коринфе и собрав значительную милостыню для бедствующих христиан святого города, ап. Павел решил еще раз побывать в Иерусалиме, именно к празднику Пасхи. Он хотел прямо отплыть из Коринфа на корабле в Сирию, но накануне отплытия сотрудниками его открыт был низкий заговор со стороны иудеев, имевший целью погубить апостола во время морского пути, что очень легко было для них вследствие связей с матросами и прямого подкупа их. Поэтому ап. Павел вынужден был отправиться сухим путем

через Македонию в сопровождении своих друзей и сослужителей, и Пасху провел в Филиппах в мирном и любвеобильном кругу своих учеников и сотрудников, среди которых опять был и летописец его деятельности св. Лука. Затем уже он отплыл в Азию и остановился на недельный отдых в Троаде. В этом городе случилось одно событие, показывающее, что у христиан в это время были уже правильные богослужебные собрания по воскресным дням. Накануне отбытия апостола было вечернее собрание, на котором присутствовала вся церковь троадская, собравшаяся в последний раз послушать сладостной беседы великого проповедника. Собрание было в одной из горниц, т. е. тех верхних комнат третьего этажа, которые были самым прохладным и приятным отделением дома на Востоке. Горница пылала светильниками, и из уст апостола лилась боговдохновенная беседа, продолжавшаяся до полночи, и все в безмолвном благоговении слушали ее. На подоконнике одного из открытых окон, затворки которого были настежь открыты для доступа прохладного морского ветерка, сидел юноша по имени Евтих. Время было очень позднее, беседа необыкновенно затянулась, предметы, о которых шла речь, вероятно, превосходили его разумение. Хотя он сидел в самом приятном месте комнаты, где мог пользоваться свободным доступом свежего воздуха, однако же жар от людного собрания и свет многих светильников, а также непрерывный поток речи проповедника совершенно усыпили Евтиха. Незаметно для других он начал опускаться, отяжелевшая голова упала на грудь, и затем с криком ужаса он свалился в окно и упал с третьего этажа вниз на двор. Произошло общее смятение, и раздались крики, которыми сразу был прерван голос проповедника; некоторые из собравшихся бросились вниз по лестнице, чтобы посмотреть, что случилось. Бедный юноша лежал без чувств и поднят был мертвым. Крик ужаса вырвался у окружающих; но «Павел, сошедши вниз, пал на него, и, обнимая его руками, сказал: не беспокойтесь, потому что его жизнь в нем». Утишив этим замечанием возбуждение, он оставил юношу под благотворным влиянием покоя и тишины, а также, быть может, и доброй заботливости диаконисс и других присутствующих женщин, потому что повествование просто прибавляет, что апостол опять пошел вверх и после «преломления хлеба» (как называлось евхаристическое священнодействие) и совершения трапезы, которая после называлась *агапой*, он продолжал беседовать с собранием до рассвета дня и затем вышел. Тем временем Евтих вполне оправился, и его привели живого, очевидно, в верхнюю комнату, и немало утешились все.

На следующее утро апостол отправился с своими спутниками в дальнейший путь, и через несколько дней они прибыли в Милет. Так как корабль должен был простоять там несколько времени, то апостол воспользовался этим обстоятельством, чтобы повидаться и побеседовать не только с местными христианами, но и с пресвитерами церкви буйного Ефеса. С этой целью он послал вестника в Ефес, отстоявший верст на пятьдесят от Милета, чтобы они прибыли повидаться с ним. Пресвитеры радостно воспользовались случаем еще раз повидать своего великого архипастыря и прибыли к нему в Милет на следующий же день, который был, вероятно, воскресенье. Этот день он провел в их обществе и, прежде чем расстаться с ними, обратился к ним с речью, в которой глубоко трогательными чертами изобразил свою деятельность в Ефесе. «Вы знаете, — сказал он, — как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, работая Господу со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлению иудеев; как я не пропустил ничего полезного, о чем вам ни проповедал бы и чему ни учил бы вас всенародно и по домам, возвещая иудеям и эллинам покаяние перед Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот ныне я по влечению Духа иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною. Только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне вот я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царство Божие. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию. Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями пасти церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе

кровию Своею. Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года, ночь и день, непрестанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал; сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили (и при этом он протянул перед ними свои тонкие, истощенные трудом руки) руки мои сии. Во всем показал я вам, что так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать» (Деян 20:18–35).

Эта речь, которая так ярко изображает неутомимое трудолюбие, глубокое смирение, полнейшую самоотверженность его апостольского служения, произвела на всех глубокое впечатление. Он закончил свою беседу среди взрыва плача, и когда они прощались с ним, тревожась за его будущее, тревожась и за свое собственное будущее, то все склонили свои головы к нему на шею и горячо целовали его, огорченные особенно его замечанием, что они уже никогда не увидят его, как видели доселе, никогда не будут больше смотреть на дорогое им лицо своего учителя, который столько вынес ради них и которого они так любили. Если ап. Павел возбуждал к себе сильную ненависть в своих противниках, то вместе с тем он также вдохновлял к себе и самую сильную любовь и привязанность. Он должен был, по буквальному выражению св. Луки (Деян 21:1), вырваться от них. Печальные и подавляемые разными мрачными предчувствиями, они пошли с ним к кораблю, который в это время ожидал его, и можно быть уверенным, что ап. Павел горько плакал, когда он вступал на палубу корабля, и в свою очередь на берегу плач собратий раздавался до тех пор, пока паруса не слились в неясное белое пятно на далеком горизонте; и пресвитеры ефесские с тяжелым сердцем возвратились назад, чтобы еще раз, уже без всякой надежды на помощь от своего духовного отца, встретить испытание, ожидавшее их в городе Артемиды.

Корабль благополучно прибыл в Патару, и оттуда апостол, пересев на другой корабль, шедший в Финикию, отправился в знаменитый своей морской торговлей Тир. Там было несколько христиан, и с ними апостол пробыл семь дней. Любвеобильные и преданные апостолу братья получили особое внушение свыше о предстоявшей апостолу опасности в Иерусалиме и просили его, чтобы он оставил свое намерение и не ходил в Иерусалим. И сам апостол имел предчувствие об опасности, но во всем полагался на высший Промысл и через неделю оставил Тир, напутствуемый слезами и молитвами местных собратий, которые с женами и детьми провожали своего великого учителя. Проплыв на корабле до Птолемаиды, апостол с своими сотрудниками направился сухим путем в Кесарию. Там он пробыл несколько дней, и это были последние счастливые дни той свободы, которой он наслаждался дотоле. Богу угодно было освежить его дух кратким промежутком радостного общения и покоя. В Кесарии они гостили у того, кто был связан с ап. Павлом тесными узами глубочайшего сочувствия, именно у Филиппа-евангелиста. Будучи, подобно ему, просвещенным эллинистом, диакон Филипп, как известно, был одним из первых, кто выказал апостолу Павлу то сочувствие и ясное понимание, без которых было бы невозможно самое дело апостола народов. Это был Филипп, который благовествовал ненавистным самарянам и имел смелость крестить эфиопского евнуха. Судьбы этих двух благородных тружеников была тесно связана между собой. Яростное гонение Савла фарисея и было главной причиной, которая повела к рассеянию церкви иерусалимской и таким образом видоизменила назначение семи диаконов. Вследствие бегства от этого именно гонения изменилась деятельность Филиппа. С другой стороны, эта новая деятельность началась именно тем, что составляло задачу всей жизни ап. Павла. Когда ап. Павел и Филипп беседовали между собой в эти немногие драгоценные часы, они могли перебрать в своей душе много трогательных воспоминаний о тех днях, когда свет небесный, некогда снявший на лице Стефана, обращенном к небу в агонии мученичества, предзнаменовательным огнем отразился также и на лице юноши, имя которого было Савл. И помимо общения мыслей и воспоминаний,

ап. Павел во время пребывания своего в доме Филиппа мог пользоваться нежным уходом четырех дочерей его, которые, воспитавшись под благотворным влиянием своего отца, посвятили себя на девственную жизнь и на служение Евангелию.

В Кесарии ап. Павел получил новое предостережение об угрожавшей ему опасности. Сюда прибыл из Иудеи пророк Агав и, приняв символический образ древних пророков, подошел к ап. Павлу, развязал пояс, которым подвязан был его хитон, и, связывая им себе руки и ноги, сказал: «Так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме иудеи и предадут в руки язычников».

Собратья уже и сами знали о связанной с предстоящим посещением опасности, но они еще не имели доселе столь определенного извещения об этом, равно как и не предвидели, чтобы иудейское нападение могло окончиться римским тюремным заключением. Услышав это, сотоварищи ап. Павла усердно просили его, чтобы он остался в Кесарии, а они одни отправятся в Иерусалим и доставят приношение от языческих церквей; и даже члены кесарийской церкви присоединили свои слезные мольбы к мольбам его возлюбленных сотоварищей, упрашивая его не идти на явную опасность. Но апостол был непреклонен. «Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? – сказал он им. – Я не только хочу быть узником, но готов и умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса». Тогда всем стало ясно, что дальнейшие упрасивания были бы мучительны для него и вместе бесполезны. Поэтому они успокоились и отер ли свои слезы, говоря: «Да будет воля Господня».

XLII

Ап. Павел в Иерусалиме. Мятеж в храме. Арест апостола и отправление его в Кесарию. Феликс и суд над ним

Наступал праздник Пятидесятницы, и к нему-то теперь спешал ап. Павел. В Иерусалим по обычаю собралось множество народа, так что не без труда можно было найти помещение. Но оно найдено было в доме некоего Мнасона-кипрянина, одного из ранних учеников, и под его-то кровом апостол мог найти отдых после столь долгого путешествия. Братия приняли великого апостола с радостью, и на другой день состоялось торжественное собрание христиан под председательством Иакова, брата Господня, и там апостол Павел, «приветствовав их, рассказал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его». Тогда собрание, выслушав его, «прославило Бога», но в то же время нашло себя вынужденным предупредить апостола об угрожающей ему опасности. В Иерусалиме было много уже уверовавших иудеев, целые тысячи, считая с теми, которые отовсюду прибыли на праздник, «и все они были ревнителями закона». Они, очевидно, принадлежали к той многочисленной партии, которая считала закон необходимым для спасения, по крайней мере собственно для уверовавших иудеев, и поэтому подозрительно относилась к проповеди ап. Павла о том, что закон уже потерял свое значение. Народная молва об этой проповеди доходила до них в искаженном виде, и в Иерусалиме все наслышались о том, что апостол «учил иудеев, живущих среди язычников, отступлению от Моисеева закона, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих, не поступали по отеческим обычаям». Этот слух, поддерживаемый и раздуваемый врагами апостола, настроил против него всех палестинских и особенно иерусалимских иудеев-христиан настолько враждебно, что самое появление его в святом городе было небезопасно. Но если уже он явился, то нужно было как-нибудь опровергнуть ложный слух и доказать всенародно неосновательность его. Собрание посоветовало ап. Павлу с этой целью исполнить обряд назорейства и взять на себя издержки четырех других лиц из христиан-иудеев, также принявших на себя обет, но не имевших достаточно средств для покрытия всех необходимых при этом обряде расходов. «Тогда узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь исполнять закон». Опасность действительно была большая. Народ, раздраженный несправедливым притеснением римлян, находился в крайнем возбуждении и готов был излить свое недовольство на первом, кто только мог возбудить его подозрение. Вследствие этого апостол согласился на предложение и в течение семи дней совершал в храме обряд назорейства вместе с другими

четырьмя братьями, расходы которых он взял на себя. Вот уже был последний день обряда, и казалось, все окончится благополучно, как вдруг сразу все изменилось, и апостол едва не сделался жертвой народного изуверства.

Среди огромной толпы богомольцев на дворах храма появилось несколько иудеев из Ефеса и других городов Азии. Когда они увидели знакомого им апостола, то тотчас же запылали огнем яростного фанатизма. В лице его они увидели страшного богоотступника, который учил «отступлению от Моисеева закона» и теперь осмеливался своим присутствием осквернять пределы народной святыни. Известие о его присутствии мгновенно распространилось по возбужденной толпе богомольцев, и чернь заволновалась. Дикие азиаты бросились на апостола и неистово кричали: «Мужи израильские, помогите! Этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; при этом и эллинов ввел в храм и осквернил святое место сие». С ап. Павлом было несколько обращенных им греков, которых будто бы апостол и брал с собой в храм и тем, по мнению мятежников, осквернил его. Иудеи чрезвычайно ревниво оберегали свою святыню от вторжения иноплеменников и иноверцев, так что существовала даже особая «стена разделения», на которой надпись на греческом и латинском языках гласила, что: «Никто из чужеземцев не должен вступать за эту стену под страхом смерти». Тут таким образом представлялся великолепный случай для должного отмщения отступнику, который учил отступлению. Толпа бросилась на ап. Павла, и крик «На помощь!» разносился повсюду по улицам. Защищаться было невозможно. Но ап. Павла спасла святость места и бдительность римской стражи. Когда буяны, чтобы не осквернить храм кровью, поволокли апостола за его пределы, римский сотник, стоявший на страже в башне Антонии, заметил народное смятение и, опасаясь бунта, тотчас же отправил к Лисию, коменданту башни, с известием о случившемся. Лисий быстро явился на место происшествия с отрядом воинов и избавил апостола от рук его разъяренных врагов.

Взяв его под стражу, Лисий обратился к нему с вопросом, «кто он такой и что сделал». В ответ поднялись в толпе такие беспорядочные крики, что ничего нельзя было разобрать, и, отчаявшись достигнуть чего-нибудь определенного при таком положении дела, Лисий приказал вести апостола в казармы. Но лишь только он успел подняться на лестницы, ведущие на вершину здания и затем в крепость, как чернь, опасаясь, что она будет лишена удовольствия совершить свое мщение, сделала на него новое нападение с дикими криками «Смерть ему!», и ап. Павел, будучи не в силах от полученных побоев идти сам, взят был солдатами на руки и унесен из толпы. Он был избавлен от участи быть разорванным на куски главным образом тем, что Лисий держал его вблизи себя. И когда спасший его отряд уже готов был вступить в казармы, ап. Павел обратился к Лисию по-гречески: «Можно ли мне сказать тебе нечто?» – «Ты знаешь по-гречески?» – удивленно спросил комендант. – Так не ты ли тот египтянин, который пред сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?» Этот неизвестный египтянин незадолго перед тем произвел большой мятеж, подавление которого потребовало немало усилий со стороны римлян. Хотя мятежники были разбиты и казнены, но сам египтянин скрылся, и теперь у Лисия явилось невольное предположение при виде ап. Павла, не он ли этот египтянин. «Нет, – отвечал Павел, – я иудеянин, тарсянин, гражданин небезызвестного киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу».

Такая смелость со стороны человека, который только что спасен был от неминуемой смерти от рук этого самого народа, поразила Лисия, и он позволил ему обратиться к народу с объяснением. Апостол смело выступил вперед, дал знак рукой о своем желании говорить, и, когда наступила тишина, он на еврейском языке обратился к народу с длинной речью, которую начал словами: «Мужи, братия и отцы! выслушайте теперь мое оправдание перед вами». Народ, заслышав еврейскую речь, еще более стих, и апостол подробно рассказал историю своей жизни и обращения. Речь была вдохновенна и поражала своим красноречием, но изуверство не преклонилось и перед такой речью. Лишь только апостол в своем рассказе дошел до сообщения о том, что он в видении получил повеление идти с проповедью к язычникам, как вся чернь

опять заволновалась. Слово «язычники», подтверждая их подозрения, опять воспламенило их фанатизм. Лишь только он произнес его, как поднялся страшный крик: «Истреби от земли такого, ибо ему не должно жить!»

Восточная чернь, обезумев от бессильной ярости, выла, гоготала, проклинала, скрежетала зубами, размахивала руками, рвала на себе одежды, бросала пригоршнями пыль в воздух, сопровождая все это самыми дикими телодвижениями, к каким только способен необузданный фанатизм. Но ап. Павел был недоступен для неистовой ярости иудеев. У них доставало смелости потрясать воздух своими отчаянными и дикими криками и делать двор храма как бы убежищем толпы сумасшедших; но они не осмеливались броситься на выставленное против них острие римских мечей. В страшном возбуждении Лисий приказал увести узника в казармы и подвергнуть его пытке посредством бичевания, так как, совершенно не понимая того, что говорил ап. Павел, он хотел узнать, что именно он сделал для возбуждения этих яростных криков. Воины тотчас же связали ему руки, раздели его донага и согнули его в положение той страшной и часто роковой пытки, которой недалеко от этого самого места некогда подвергался и Спаситель. Три раза уже перед тем ап. Павел переносил розги римских ликторов; пять раз он подвергался иудейскому бичеванию по сорока ударов без одного. Здесь предстоял новый вид муки, именно от бича, который римляне употребляли для принуждения посредством пытки к сознанию в истине. Но на этот раз ап. Павел, не потеряв самообладания даже в крайности, возразил против приказания. Он смело заявил, что он римский гражданин и свободен от телесного наказания. Это заявление привело в смущение и самого Лисия, который мог опасаться неприятностей себе, если бы апостол принес жалобу на обращение с ним, и он постарался поскорее сдать узника на суд синедриону, чтобы избавиться от всякой ответственности по этому очевидно скорее религиозному, чем гражданскому делу.

Собрался синедрион, на который введен был Лисием узник – ап. Павел. Председателем синедриона был первосвященник Анания. Это был такой же высокомерный, преданный миру и маловерный саддукей, как и другие из ехиднина дома Анны, но он еще превосходил их своей жестокостью и ненасытной алчностью. С алчным бессердечием и жадностью он доводил низших священников почти до голодной смерти, лишал их принадлежащих им десятин, и вообще был таким хищником, что посылал своих слуг с дубинами на гумна для забирания десятин силой. Должность первосвященника он занимал в течение периода, который по этим смутным временам был необыкновенно продолжителен, хотя и прерывался его отсутствием, когда он в качестве узника отправлен был в Рим отвечать за свои преступные действия. При этом случае благодаря низким проискам он, по-видимому, выиграл свое дело; но впоследствии был низложен, и лишь немногие пожалели о нем, когда он был вытащен из водосточной трубы, куда он спрятался, и был убит разъяренными мятежниками.

И вот под предводительством такого-то первосвященника и заседал синедрион, собравшийся судить апостола. С детства привыкший благоговейно относиться к верховному судилищу народа и к его главе, апостол верил в его правосудие и хотел в речи объяснить свое положение. Став в обычное положение оратора, он начал свою речь словами: «Мужи, братия! я всюю доброю совестью жил пред Богом до сего дня». Но едва апостол высказал первое положение своей защитительной речи, как Анания с безобразной противозаконностью приказал приставам суда бить его по устам. Пораженный столь вопиющим оскорблением, столь незаслуженным насилием, ап. Павел устыдился за верховное судилище своего народа и, не стерпев столь грубого попрания всякой справедливости, воскликнул: «Бог будет бить тебя, стена подбеленная! Как! ты сидишь, чтобы судить по закону и вопреки закона велишь бить меня?» Присутствующие, по-видимому, изумлены были смелостью укора ап. Павла и сказали ему: «Первосвященника Божия поносишь?» Гнев апостола иссяк в этом мгновенном взрыве, и он тотчас же извинился с достоинством и самообладанием. «Я не знал, братия, – сказал он, – что он первосвященник», – прибавляя к этому, что если бы он знал это, то не обратился бы к нему с укорительным названием «стены подбеленной», потому что он всегда поступал по наставлению Св. Писания: «Начальствующего в роде твоём не злословь».

Когда улеглось вызванное этим случаем смятение, началось разбирательство дела, и сразу же оказалось, что члены синедриона по-прежнему главным образом разделялись на две партии: саддукейских священников и фарисейских старейшин и книжников. Последние были популярны и многочисленны, а первые богаты и могущественны. Ап. Павлу хорошо было известно, что эти две партии находились между собой в непримиримой вражде, которая смолкала только в присутствии предмета общей ненависти. Он знал также, что одним из главных предметов спора между ними был вопрос касательно невидимого мира и жизни за гробом. Видя поэтому, что он не встретит в этом суде ни справедливости, ни милосердия, он решил бросить между ними яблоко раздора и среди вавилонского смещения языков закричал: «Мужи, братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят!» Такое заявление тотчас же заставило фарисеев стать на его сторону, и они схватились с своими злейшими врагами – саддукеями и их главой первосвященником Ананией, который был так нелюбим фарисеями, что столетие спустя все еще ходили среди них рассказы о его насилиях и алчности. Тотчас же поднялся страшный шум гневных голосов, и книжники, которые держали сторону фарисеев, все поднялись для того, чтобы объявить ап. Павла невинным. «Ничего худого мы не находим в этом человеке; если же Дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу». Иудеи, даже эти знатные иерархи и раввины, опять выказали полную неспособность к самообладанию. Даже в священных пределах синедриона последовало столь сильное смятение, что ап. Павлу еще раз грозила опасность быть разорванным на куски, и на этот раз притом руками ученых и знатных лиц. Лисий, более и более изумляясь буйности иудеев, которые сначала с таким единодушием напали на Павла в храме и половина которых в синедрионе, по-видимому, теперь боролась в его защиту, порешил не отдавать своего согражданина ожидающей его позорной участи и приказал воинам увести его из синедриона. И там, в казармах чужеземных завоевателей, Господь опять явился своему мужественному апостолу и сказал ему: «Дерзай, Павел, ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме».

Но жизнь апостола была небезопасна в Иерусалиме даже под прикрытием римлян. На другой же день открылось, что против него составился со стороны фанатиков заговор, скрепленный клятвой. Фанатизм иудейский в это время находился в крайнем возбуждении и всевозможными смутами и насилиями доведен был до болезненного иступления. Развелось множество тайных убийц или так называемых сикариев, которые готовы были вонзить кинжал во всякого, кто только казался опасным для народа, его веры или политических прав. И теперь сорок человек поклялись не есть и не пить, пока они не убьют ап. Павла. Узнав об этом отчаянном заговоре, Лисий тайно и под сильным военным прикрытием отправил узника в Кесарию, к своему начальнику, прокуратору Феликсу, с формальным отношением об узнике и его деле. Феликс был отпущенником императора Клавдия и принадлежал к тем прославившимся своей низостью и алчностью римским администраторам, которые добивались своих должностей низкой лезтью и подкупом и пользовались своим положением для постыдной наживы на счет вверенных их управлению областей. По свидетельству римского историка Тацита, Феликс был в одно и то же время распутный и жестокий, свои почти царские обязанности исполнял с духом раба. Чтобы закрепить за собой положение в Иудее, он женился на Друзилле, дочери Ирода Агриппы, и, считая себя безнаказанным, он грабил и всячески оскорблял иудеев, но зато и должен был постоянно бороться с страшными мятежами, поднимавшимися то сикариями и разбойниками, то ложными мессиями. Иудеи ненавидели его, и он ненавидел их. От такого человека нельзя было ожидать справедливости, но так как апостол был римский гражданин, то это одно и могло служить залогом того, что прокуратор станет на его сторону против ненавистных ему старейшин иудейских.

Для разбирательства дела Феликс вызвал членов синедриона в Кесарию. Хотя такое путешествие и не особенно приятно было членам верховного судилища, но нельзя было обойти его, и в Кесарию отправился и сам первосвященник Анания с целью во что бы то ни стало отомстить человеку, который назвал его «стеной подбеленной». Для большего успеха в деле

иудеи наняли даже особого адвоката, Тертулла, и повели дело самым формальным образом. После обычного допроса свидетелей начались судебные речи, и первое слово было предоставлено Тертулле. Наговорив много лживых любезностей Феликсу, Тертулл стал обвинять узника, во-первых, в том, что он был общественной язвой, жившей возбуждением раздоров между иудеями по всему миру; во-вторых, что он был коновод назарейской ереси; и в-третьих, что он пытался осквернить храм. Вследствие этого-то именно иудеи схватили его и хотели судить согласно с своим собственным законом, но Лисий насильственно вмешался в их дело и взял его из их рук, приказав его обвинителям явиться к прокуратору. Прокуратор, обратившись к Лисию, мог вполне удостовериться в истине этих обвинений. Когда речь кончилась, иудеи, за неимением настоящих свидетелей, один за другим стали говорить против ап. Павла, подтверждая истинность всего сказанного Тертуллом (24:1–8). Тогда прокуратор, уже достаточно убежденный, что это, как известил его Лисий, была какая-нибудь иудейская смута касательно мелочей Моисеева закона, надменно дал знак узнику, чтобы он сказал что-нибудь против обвинения. В своей речи ап. Павел просто и с достоинством заметил, что он мог защищать себя тем с большим удовольствием перед Феликсом, что последний был теперь прокуратором весьма значительное время и поэтому, вследствие своего знакомства с иудейскими делами, легко мог уяснить себе сущность дела. Он мог удостовериться, что прошло лишь двенадцать дней с праздника Пятидесятницы, на который апостол прибыл совсем не с мятежными целями, а просто помолиться в Иерусалим, и что в течение этого времени он не беседовал ни с кем и не имел случая привлекать толпы или производить возмущение ни в храме, ни в синагоге, ни в какой-либо части города. Поэтому он положительно опровергал первый и третий пункты обвинения и требовал от иудеев, чтобы они представили свидетелей в подтверждение их. Что касается второго пункта, то он действительно принадлежит к особому обществу; но это такое же общество, как и то, к которому принадлежат они сами, так как он поклоняется Богу, поклоняться которому его, как иудея, учили с детства, открыто принимал все Св. Писание, верил, подобно большинству из них, в воскресение праведных и неправедных. Вследствие этой именно веры он всегда старался быть с чистой совестью как перед Богом, так и перед людьми. Перед тем он не был в Иерусалиме в течение пяти лет, и при возвращении с милостыней для бедных своего народа и с приношениями для храма иудеи нашли его в храме, где он спокойно очищал себя по закону. В мятеже, который последовал затем, он неповинен. Он поднят был некоторыми азиатскими иудеями, которые должны бы присутствовать в качестве свидетелей и отсутствие которых было доказательством слабости обвинения против него. Но если нельзя было привести их в качестве свидетелей, то он требовал от самих обвинителей, чтобы они изложили результат своего суда над ним перед синедрионом и доказали, есть ли у них хотя одна улика против него, кроме его восклицания, сделанного им во время разбирательства его дела в синедрионе, что его судили по вопросу о воскресении из мертвых.

Обвинение, очевидно, оказывалось несостоятельным. Сделанное ап. Павлом изложение обстоятельств дела прямо противоречило единственному сделанному против него показанию. Разногласия в учении между иудеями и им никоим образом не могли послужить предметом судебного разбирательства, так как они касались вопросов, которые не подлежали ведению римского закона. Ап. Павлу не было надобности доказывать учение назарян или оправдывать себя в принятии его, так как в это время оно еще не было объявлено *religio illicita* (религией недозволенной). Феликс вполне сознавал это. Он имел гораздо более точное знание об этом учении, чем иудеи и их нанятый адвокат. Он не хотел передать Павла синедриону, что могло бы быть опасным и было бы, несомненно, несправедливым; но в то же время он не хотел и оскорблять этих влиятельных лиц. Поэтому он отложил разбирательство дела и именно на основании отсутствия Лисия, который мог бы быть важным свидетелем в деле, обещая дать свое окончательное решение, лишь только последний придет в Кесарию.

Ап. Павел был отведен под стражу, но Феликс дал особое приказание сотнику, чтобы стража не была к нему жестокой и чтобы друзьям его дозволялся свободный доступ в его тюрьму. Со

своей стороны Феликс был так заинтересован узником, что призывал его потом к себе, чтобы показать его и своей жене Друзилле. Апостол не преминул воспользоваться этим обстоятельством, чтобы обратиться к Феликсу с строгими обличениями за его неправды. Совесть прокуратора была тронута, и он хотел даже совсем освободить узника, если бы ап. Павел понял его намеки и обещал дать ему взятку. Так как апостол не имел денег, да и не хотел искать освобождения столь низкими средствами, то и должен был в течение двух лет томиться в римской тюрьме в Кесарии. Но и самого Феликса скоро постигла заслуженная кара. Через год после заключения апостола в тюрьму в Кесарии произошла кровопролитная схватка между греками и иудеями, и так как победа осталась на стороне иудеев, которые решились жестоко отомстить своим врагам, то Феликс выслал против них свое войско и произвел страшное избиение их. По жалобе на него в Рим, он был отозван с своей должности и с целью выпутаться из затруднения должен был истратить большую часть своего несправедливо приобретенного богатства. На его место в Кесарию прокуратором был назначен Порций Фест, при котором опять и рассматривалось дело ап. Павла.

XLIII

Разбирательство дела ап. Павла перед Фестом. Ап. Павел и Агриппа II. Апелляция к кесарю. Путешествие в Рим и кораблекрушение

Новый прокуратор был человек более достойный и справедливый и на первых же порах заявил себя быстрой распорядительностью и деловитостью. Он прибыл в Палестину около месяца августа и через три дня по своем прибытии в Кесарию прямо отправился в Иерусалим. Одним из первых вопросов, с которыми он должен был встретиться, было дело ап. Павла. Двухлетнее тюремное заключение, воспрепятствовавшее осуществлению злого умысла иудеев, не могло подавить в них смертельной ненависти к человеку, который свободным предложением Евангелия язычникам давал в их глазах одно из самых роковых предзнаменований угрожающего им падения. Страшное побоище на площади рынка между иудеями и сирийскими греками, послужившее причиной отставки Феликса, оставило после себя неискоренимую вражду, и кесарийские иудеи единодушно требовали немедленного наказания ап. Павла. Когда Фест прибыл в Иерусалим, то его встретили с воплем о том же, и смерть Павла требовалась не только чернью, но и депутациями главнейших представителей Иерусалима, предводимых Измаилом Бен-Фаби, новым первосвященником.

Иудеи всегда со свойственной им ловкостью пользовались неопытностью всякого вновь прибывшего к ним правителя, с целью по возможности настроить его в свою пользу, пока он еще не успел освоиться с своим положением и, естественно, хотел произвести на всех благоприятное впечатление. Но Фест не принадлежал к числу тех низких и слабохарактерных прокураторов, которые готовы были совершить преступление, лишь бы приобрести популярность. Палестинские иудеи скоро нашли, что им приходилось иметь дело с человеком, который отнюдь не склонен был потворствовать им. Народ во главе с своими иерархами просил его, в качестве первой милости им, не исключать дело ап. Павла из их ведения, но привести узника в Иерусалим, чтобы еще раз подвергнуть его суду синедриона, на котором будут приняты все меры к тому, чтобы он не мог увернуться от этого суда при помощи возбуждения богословских распр между ними. В действительности эти обрядники, гораздо менее смущавшиеся убийством, чем церемониальным осквернением, уже позаботились о том, что если Фест согласится на их просьбу, то их наемные убийцы немедленно покончат с ап. Павлом еще на дороге.

Фест, однако же, проник в их злые умыслы и уклонился от согласия на их просьбу под благовидным предлогом, что так как ап. Павел теперь находится в Кесарии, то он немедленно возвратится туда и вполне выслушает их жалобы. Так как иудеи продолжали настаивать на своей просьбе, то Фест дал им высокомерный и чисто римский ответ, что у римлян не в обычае жертвовать жизнью личности в пользу ее обвинителей и что поэтому он должен поставить обвиняемого на личную ставку с обвинителями и дать обвиняемому полную возможность

самозащиты. Первосвященник с своими соучастниками, находя, что они ничего не могли выиграть ни запугиванием Феста, ни лестью ему, должны были еще раз ограничиться составлением наиболее влиятельной депутации для того, чтобы иметь успех в обвинении.

Через восемь или десять дней затем Фест возвратился во дворец в Кесарию и на следующий же день занял свое судейское место на трибунале для выслушания этого дела. Иудеи теперь уже нашли возможным обойтись без наемного адвоката, и судопроизводство превратилось в сцену запальчивого шума, в котором ап. Павел на многие обвинения против него отвечал спокойным отрицанием. Иудеи, с шумом окружая судилище, повторяли свои обвинения его в ереси, святотатстве и измене; но так как против него не выступало ни одного свидетеля, то ап. Павлу ничего не оставалось, как вновь изложить обстоятельства дела. В это время иудеи, по-видимому, точнее определяли сущность обвинения, именно, что Павел возбуждал смуту в иудеях рассеяния, причем старались запугать Феста, как некогда запугали Пилата именем кесаря (Деян 25:8).

Но Фест ясно видел, что имел перед собой неподсудное ему дело, так как весь вопрос касался предмета, который входил в область иудейского богословия, и что если бы даже была хотя капля истины в иудейских обвинениях, все-таки ап. Павел не был виновен ни в чем таком, что бы приближалось к уголовному преступлению. Желая положить конец этой сцене (а для достоинства благовоспитанного римлянина ничего не могло быть противнее этих воющих физиономий, сверкающих глаз и злобных выкриков презренных жидов), Фест спросил ап. Павла, желает ли он идти в Иерусалим и подвергнуться суду синедриона под его покровительством. Практически это было предложение перенести дело от римской юрисдикции к иудейской. Но ап. Павел очень хорошо знал, что он гораздо более мог рассчитывать на справедливость в руках римлян, чем в руках иудеев, преступления которых теперь приводили к гибели самый Иерусалим. Иудейские суды постоянно и с яростью обвиняли его; языческие трибуналы с такими судьями, как Галлион, Лисий, Феликс, Фест, даже такое чудовище, как Нерон, всегда признавали его невинным. Но ему уже надоели эти отсрочки, это яростное повторение клеветы, которую уже он опроверг десять раз; ему надоело быть яблоком раздора для взаимной вражды, равно как надоели и произвольные капризы областных правителей. Скучные казармы Кесарии для пламенной ревности Павла были столь же ужасны, как и мрачная тюрьма Ма*~~ensored~~* для свободной души Иоанна Крестителя, и он жаждал выйти из этого томительного состояния. Он видел, что ему нечего было больше ожидать от первосвященников или прокураторов, и поэтому он воспользовался первым благоприятным случаем, чтобы избавиться от всего этого. Как римский гражданин он имел одно важное преимущество, именно то право обращения к кесарю, которое было одним из высших преимуществ римского народа. Ему стоило только произнести слово «аррелло» и на время должны были смолкнуть все враги, жаждавшие его крови. Он решил воспользоваться этим правом. Прокуратор был лишь тенью кесаря. Его предложение, по-видимому, было добросовестно, но ап. Павел предвидел его последствия. «Я стою, сказал он, – пред судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо если я не прав и сделал что-нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть: а если ничего того нет, в чем судьи обвиняют меня, то никто не может выдать меня им, – и затем он воскликнул: – Требую суда Кесарева» (Caesarem apello). Заявление это сразу должно было положить конец всему судопроизводству, и прокуратор утвердил это требование, торжественно произнеся: «Ты потребовал суда Кесарева, к Кесарю и отправишься». Таким образом великому апостолу народов скоро предстояло отправиться в столицу мира, куда он уже давно стремился духом, но отправиться в узах.

Но прежде чем отправиться в Рим, ап. Павел имел случай провозгласить истину христианства перед блестящим собранием главнейших представителей иудейского и языческого мира, именно по случаю прибытия в Кесарию Агриппы II. Этот царек, последний из Иродов, прибыл с своей сестрой Береникой в Кесарию для заявления своего почтения новому прокуратору. Это была любезность, которой нельзя было опустить без ущерба для себя, и поэтому они

последовательно делали подобные же визиты каждому новому прокуратору. Царская власть Агриппы при тогдашнем ее положении зависела не от народной поддержки, а просто и единственно от воли императора, поэтому «иудейские царьки» подобострастно пресмыкались даже перед римскими прокураторами. Во время этого-то визита Агриппы Фест обратил внимание своего высокого гостя на затруднительное дело узника Павла. Он рассказал Агриппе о той ярости, которая возбуждалась во всем иудейском народе при одном упоминании имени этого человека и о бесплодности результатов только что законченного суда. Как бы иудеи ни старались исказить сущность дела, ясно было, что она состояла в тонкостях Моисеева закона, а также в вопросе «о каком-то Иисусе умершем, о котором Павел утверждал, что Он жив», и вообще в предметах, которые не входили в юрисдикцию Феста. Агриппа выразил согласие «послушать этого человека», и Фест на следующий же день позаботился об удовлетворении желания царька. Он приказал приготовить для этого случая особое помещение и пригласил всех главных начальников войска и главнейших обывателей города. Ироды любили зрелища, и Фест удовлетворил их страсть величественным церемониалом. Он, несомненно, явился в своем пурпурном плаще, с полной свитой ликторов и телохранителей, которые с оружием в руках стояли позади золоченых кресел, поставленных для него и его высоких гостей.

Св. Лука ясно говорит, что Агриппа и Береника торжественно вступили в преторию: она, несомненно, в блеске всех своих драгоценностей, а он в своем пурпурном одеянии, оба с золотыми коронками на головах и в сопровождении большой свиты во всей роскоши восточного одеяния. Когда введен был в это блестящее собрание ап. Павел, то по изложению Фестом сущности дела Агриппа важно сказал апостолу: «Позволяется тебе говорить за себя». Окинув собрание своим пронизательным взглядом, апостол, протянув руку по обычаю древних ораторов, начал речь замечанием, что он был особенно счастлив делать свою защиту перед царем Агриппой, потому что этот князь получил от своего отца (усердие которого в исполнении закона как писаного, так и устного, было всем известно) тщательное воспитание во всем, касающемся иудейской религии и обрядности, и поэтому не мог не чувствовать интереса к вопросу, в котором он был столь компетентным судьей. Поэтому он просил терпеливо выслушать его и еще раз изложил известную историю своего обращения из строгого и изуверного фарисея к вере, заявив, что messiанские надежды его народа уже действительно исполнились в лице того Иисуса Назарянина, последователей которого он сначала яростно гнал, но который, лично открыв ему славу свою, привел его к познанию, что Он воскрес из мертвых. Почему эта вера могла бы казаться неправдоподобной и его слушателям? Такой она сначала была и для него самого; но как он мог противостоять личному свидетельству самого Христа? И как он мог не повиноваться небесному голосу, который послал его открыть глаза как иудеям, так и язычникам, чтобы они могли обратиться от тьмы к свету и от силы сатаны к Богу, чтобы по вере в Иисуса они могли принять отпущение грехов и часть со святыми? Он не был непослушен этому велению. В Дамаске, в Иерусалиме, по всей Иудее и впоследствии среди язычников он был проповедником покаяния и обращения к Богу, а также и соответствующей этому жизни. Вот почему иудеи схватили его в храме и хотели разорвать его на куски; но в этой, как и во всякой другой опасности, Бог пришел к нему на помощь, и свидетельство, которое он приносил малым и великим, не было ни богохульством, ни богоотступничеством, а простой истиной, прямо согласной с учением Моисея и пророков, что именно Мессия должен был подвергнуться страданиям и что из Его воскресения из мертвых должен воссиять свет для просвещения как язычников, так и его народа. Апостол был увлечен потоком боговдохновенного красноречия, но для Феста все это казалось столь необычайным и чудовищным, что он не вытерпел и прервал оратора грубым замечанием: «Безумствуешь ты, Павел! Большая ученость доводит тебя до сумасшествия». Это неожиданное восклицание остановило величественный поток красноречия апостола, но оно не ослабило его изысканной вежливости. «Нет, достопочтенный Фест, – сказал он, – я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла». Но не Фест был главным лицом, к которому была обращена речь апостола, и притом он едва ли и мог понять подобные доводы. Иное дело Агриппа. Он читал Моисея и пророков и от множества свидетелей слышал по крайней мере о тех событиях, на

которые указывал Павел. К нему поэтому апостол обратился с доказательством своего совершенного здравомыслия. «Ибо, – сказал он, – знает об этом царь, пред которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто, ибо это не в углу происходило». И затем, желая продолжить нить своей аргументации в том самом пункте, где она была прервана и где могла быть наиболее поразительной для иудея, он спросил: «Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь». Но Агриппе не хотелось вмешиваться в это рассуждение, а тем менее выразить свое согласие, и поэтому он нашел удобным уклониться от ответа полунасмешливым замечанием. «Ты скоро, пожалуй, и меня сделаешь христианином!» – сказал он с полуподавленной улыбкой, и этим ловким изворотом придворной любезности уклонился от ответа на серьезный вопрос ап. Павла. Его изысканное замечание, несомненно, прозвучало очень остроумным для всего знатного собрания, и они с трудом могли подавить свой смех при одной мысли о том, что Агриппа, любимец Клавдия, друг Нерона, склонится к убеждению этого странного иудея! Чтобы Павел мог сделать царя христианином – это казалось слишком смешным. Но смех этот был тотчас же подавлен, когда апостол со всей пылкостью искренно любящего сердца воскликнул: «Молил бы я Бога, чтобы скоро ли, долго ли, не только ты, но и все слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме, – прибавил он, поднимая свою скованную руку, – кроме этих уз». Они видели, что это был не простой узник; человек, который мог приводить такие доводы, как приводил он, и говорить так, как говорил он, очевидно, был личностью, какой они еще никогда не видели или не знали ни в мире иудейства, ни в мире язычества. Но было бесполезно продолжать это зрелище. Любопытство теперь с достаточностью было удовлетворено, и теперь, более чем когда-либо, стало ясно, что хотя и можно считать Павла-узника мечтательным энтузиастом или восторженным фанатиком, но он никоим образом не был уголовным преступником. Царь, вставая с своего сиденья, дал знак о прекращении заседания, и когда знатное собрание начало расходиться, то со всех сторон слышались замечания, что Павел не заслуживает смерти или даже заключения. Решение Агриппы было вполне в пользу его оправдания. «Этого человека, – сказал он Фесту, – можно было бы освободить, если бы он не потребовал суда у кесаря». Решение этого дня спасло жизнь ап. Павлу еще на несколько лет.

Согласно заявлению ап. Павла, он вместе с другими подобными же узниками отправлен был на корабле в Рим, под римским конвоем, находившимся под командой сотника Юлия. Узникам пришлось плыть на одном из тех кораблей, которые снабжены пшеницей и другими хлебными произведениями всепожиравшую столицу мира – Рим. Была уже глубокая осень, и время приближалось к закрытию навигации, и потому, когда корабль, борясь с противными ветрами, кое-как доплыл до так называемых Хороших Пристаней, на южном берегу острова Крит, неподалеку от города Ласеи, то ап. Павел, успевший и в печальном положении узника приобрести к себе уважение окружающих, советовал остаться здесь на зимовку, справедливо предостерегая от дальнейшего плавания в столь бурное время. Но неподалеку находился порт Феникс – обычная зимняя стоянка александрийских кораблей, – и потому капитану корабля захотелось непременно зимовать там, тем более, что при обыкновенных обстоятельствах для этого требовалось лишь несколько часов плавания. С капитаном согласился и сотник Юлий, и корабль действительно двинулся в путь.

Мягкий южный ветерок надул паруса, и все, по-видимому, предвещало счастливое плавание к месту предположенной зимовки в порту Феникс или, как он в русском переводе называется, Финик. Но увы – этот ветерок оказался как бы обманчивой песнью сирены, манившей корабль к себе для гибели. Лишь только они обогнули соседний мыс, как из ущелий критской Иды рванулся страшный ураган – Эвроклидон, который тотчас же захватил корабль и с дикой яростью повлек его за собой по грозно колышающемуся морю, делая тщетными все усилия отважных моряков. Некоторое облегчение доставил было оказавшийся на пути островок Клавда, но тут представилась новая опасность стать на мель, за чем неизбежно последовала бы полная гибель. Все усилия поэтому употреблены были на то, чтобы как-нибудь отвлечь эту опасность, что и удалось сделать, и корабль опять подхвачен был ураганом и с дикой силой

понесся по безбрежному морю, и притом уже совсем в ином направлении от Финика. Свист и рев урагана, яростно рвавшего снасти и мачты, огромные свирепые валы, как щепку бросавшие грузный пшеничный корабль и обдававшие палубу *censored*той холодной влагой, раздирающий скрип разламывающихся балок и скреп злополучного корабля – все это было страшным признаком предстоящего кораблекрушения. Скоро от разрыва балок открылась сильная течь и, чтобы предотвратить полное крушение корабля, оказалось необходимым кое-как связать его канатами. Все, не исключая узников, а следовательно и ап. Павла, до изнеможения работали на водокачках; но вода все прибывала, и понадобилось выбрасывать груз, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить корабль. Несколько суток прошло так – страшных и мрачных; не видно было ни солнца, ни звезд, так что «исчезала, наконец, всякая надежда к спасению». Тринадцать дней так носились они по воле урагана, находя существенную поддержку в мужественном ободрении великого апостола. Наконец, на четырнадцатый день, при окружающем непроглядном сумраке ночи, чуткий слух моряков среди рева бури расслышал своеобразный шум берегового прибоя. Они, очевидно, были недалеко от берега, но где и не разлетится ли сейчас вдребезги злополучный корабль, со всей силой наскочив на скалистый утес? Отчаяние придавало новые силы матросам, которые, однако же, теперь больше заботились уже о собственном спасении и, сдержав корабль брошенными якорями, сами захотели обманым образом сесть на спасательную лодку и выбраться на берег, оставив корабль его собственной злополучной судьбе, которая бы скоро и постигла его, если бы воины, по совету ап. Павла, не помешали выполнению их бесчеловечного плана. С рассветом дня действительно показался берег, на отлогую часть которого путешественники и направили свой полуразрушенный корабль; но далеко не доходя до берега, он носом врезался в песок, «а корма разбивалась силой волн». Оставалось одно спасение – бросаться в воду и всякими средствами – вплавь, на досках и других осколках разбитого корабля – пробираться к берегу. Но что делать с узниками? Не воспользуются ли они этим случаем для побега? А за каждого узника воины отвечали своей жизнью. В отчаянии они порешили лучше убить их на палубе, чтобы освободиться от дальнейшей ответственности, и они, несомненно, исполнили бы свое намерение, если бы благородный сотник Юлий, видимо понявший все величие и благородство ап. Павла, своей властью не отвратил этого кровавого замысла. Кое-как все перебрались на пустынный берег и там около насоро и общими усилиями сложенного костра, насквозь промокшие, иззябшие и голодные крушенники отогревали свои заочевенные члены. Дым от костра привлек туземных жителей, которые и объяснили, что это был остров Мелит (ныне остров Мальта). Таким образом, ураган унес их на 900 верст дальше порта Финик, и вследствие окончательной гибели корабля им пришлось перезимовать по необходимости на этом именно острове Средиземного моря.

Остров Мелит в то время находился в зависимости от Сицилии и управлялся сановником, упоминаемым на надписях с тем именно титулом, который придан ему в повествовании св. Луки о кораблекрушении, именно с титулом протоса (Деян 28:7). Вследствие своего выгодного положения на Средиземном море и удобных гаваней, Мелит всегда имел важное значение в торговле и войне. Сначала это была просто колония финикийян, и жители ее продолжали говорить испорченным финикийским языком и во времена ап. Павла. От карфагенян остров после пунической войны перешел к римлянам. Он славился своим медом и фруктами, хлопчатобумажными изделиями, превосходным строительным камнем и особой породой собак, высоко ценившейся римскими аристократами. Незадолго до невольного посещения его ап. Павлом он сделался постоянным убежищем киликийских пиратов, производивших опустошения среди торговых кораблей. Одно это обстоятельство служит достаточным доказательством того, что остров населен был слабо и изобиловал лесами.

Жители приняли крушенников с добротой и помогали им в собирании дров для отогревания заочевенных от холода и сырости членов. Ап. Павел также собирал дрова. Но когда он, принеся большую охапку сухого хвороста, бросил его в огонь, из него выскочила отогревавшаяся ехидна и «повисла на руке» апостола. Увидев висящую у него на руке ядовитую змею и

заметив, что он колодник, простодушные островитяне начали переговариваться друг с другом, что это должно быть какой-нибудь убийца, когда его, спасшегося от моря, праведное мщение преследует и на суше. Апостол же, нисколько не встревоженный, спокойно стряхнул гадюку в огонь, не потерпев никакого вреда. Туземцы ожидали, что он сейчас же упадет замертво. Долго они с тревогой наблюдали за ним, и когда заметили, что не последовало никакого вреда, то, подобно грубым жителям Листры, переменили свой взгляд и говорили, что он Бог.

В течение трех месяцев, до начала февраля, когда открывалась навигация, кораблекрушенники жили на Мелите, и в продолжение этого периода, благодаря опять влиянию ап. Павла, как с ним, так и с его сотоварищами жители обращались с крайней добротой. Неподалеку от места кораблекрушения лежал город, называемый теперь Альта Веччия, резиденция Публия, правителя острова, который был, вероятно, легатом претора Сицилии. Так как сотник Юлий был знатной личностью, то этот римский сановник, так называемый протос, оказал ему любезное гостеприимство, в котором дозволено было принять участие и ап. Павлу с его друзьями. Случилось, что в это время отец Публия лежал в горячке, осложнявшейся болью в животе. Св. Лука был врач, но его искусство было не так действенно, как сила молитвы ап. Павла, который, войдя в комнату больного, помолился у его постели, возложил на него руки и исцелил его. Слух об этом исцелении распространился по всему острову, вследствие чего жители отовсюду начали приводить к нему больных, и они получали исцеление. Можно быть уверенным, что ап. Павел, хотя и не основал здесь церкви, не упустил благоприятного случая для проповеди Евангелия. Он произвел на всех глубокое и в высшей степени благоприятное впечатление, и со всех сторон был окружен знаками почтения. Во время кораблекрушения они наверно потеряли все, кроме, быть может, тех денег, которые можно было спасти на себе; поэтому они крайне нуждались в помощи и в изобилии получали ее от любви и благодарности островитян, для которых невольное пребывание апостола было источником великих духовных и телесных благодеяний.

С открытием навигации сотник Юлий посадил своих узников на другой александрийский корабль «Диоскуры», который также зимовал на острове Мелит и теперь направлялся в Рим. В начале февраля корабль направился сначала в Сиракузы, где простоял три дня, и затем поплыл в Ригию, уже на италийской стороне Мессинского пролива. Оттуда с хорошим попутным ветром корабль быстро прибыл в Путеолы, один из главнейших торговых хлебных портов Италии, и узники должны были оставить его и идти дальше сухим путем. В таком бойком порту оказалось несколько христиан, которые радостно встретили апостола, проведенного у них по их желанию неделю, что вместе с тем служит явным доказательством чрезвычайной любезности сотника к великому узнику. «А потом пошли в Рим».

Столица мира была уже недалеко отсюда, всего лишь в 200 верстах. Весть о приближении великого апостола быстро распространилась среди местных христиан, и они вышли встречать его на знаменитую Аппиеву площадь. Через семнадцать верст дальше, в Трех Гостиницах, они встретили другую группу христиан, которые также ожидали их. Хотя в Риме немного было преданных ап. Павлу людей, но он знал могущество, многочисленность и мятежность огромного собрания синагог в большом городе, а от их благосклонности или враждебности в значительной степени должна была зависеть, говоря по-человечески, его будущая судьба. Естественно поэтому, что когда он увидел эту небольшую толпу христиан, то возблагодарил Бога и ободрился вследствие такого доказательства их любви. Его ничто так не ободряло и не вдохновляло, как именно человеческое сочувствие, и приветствие со стороны этих собратий должно было озарить счастливым предзнаменованием его приближение к городу, в который он, при всем своем давнем желании видеть его, вступал теперь при гораздо более печальных обстоятельствах, чем когда-либо мог ожидать.

Чудесное спасение апостола Павла

Наконец, вот и столица мира – с ее бесконечными улицами и обширными площадями, переполненными морем человеческих существ. Апостол вступил в Рим в седьмом году царствования Нерона. Так исполнилась давнишняя мечта великого апостола народов, хотя он и вступил в Рим не свободным проповедником, а скованным узником. Там он до разбирательства дела отдан был под военный надзор, который, однако же, был настолько легок, что апостолу предоставлялась значительная свобода, которой он и пользовался для славы Божией и распространения веры Христовой.

XLIV

Ап. Павел в Риме. Двухлетние узы. Послания, написанные из Рима к Филиппийцам, Колоссянам, Ефессянам и Фимолону. Освобождение апостола и послание к Евреям

Освоившись со своим новым положением в Риме, ап. Павел прежде всего хотел обратиться с проповедью Евангелия к своим братьям по крови – иудеям. Призвав к себе главнейших представителей иудейского населения столицы, он обратился к ним как к «братьям» и старался

разъяснить им свое положение. Он уверял их, что не враждебен их народу и не разрушает их учреждений. Несмотря на это, он был схвачен в Иерусалиме и предан римским властям; однако же римляне по расследовании дела объявили его совершенно невинным и готовы были освободить, если бы противодействие иудеев не принудило его перенести свое дело на решение кесаря. Апостол всячески старался дать им понять, что он отнюдь этим не имел в виду восстановить римскую власть против своего народа, и что причина его оков была вера в исполнение той мессианской надежды, которую питал весь Израиль. Ответ иудеев был очень дипломатичен. Разделения в их собственной среде, возникшие вследствие споров о Христе, возбудили во всех такое негодование против них, что каких-нибудь десять лет перед тем они подверглись разорительному и позорному изгнанию из Рима, по указу императора Клавдия. Указ этот, правда, не был со всей строгостью приведен в исполнение; но иудеям не хотелось опять подвергаться столь разорительному бедствию. Поэтому они дали неопределенный ответ, заявив (насколько истинно – мы не знаем), что ни письменно, ни словесно не получали никакого худого известия об апостоле. Если бы кто-либо из иудеев и отправился с целью поддерживать перед кесарем обвинение против него со стороны синедриона, то они могли отправиться в путь только в одно время с Юлием и таким образом могли быть задержаны теми же бурями. Иудеи, однако, желали узнать от ап. Павла сущность его религиозных воззрений, а ввиду того, что он был заведомый христианин, они могли сказать только, что «об этом учении везде спорят». Чтобы ближе познакомиться с этим учением, они выразили желание еще побеседовать с апостолом и в следующий раз пришли к нему в значительном числе. Иудеев в это время в Риме было до 60000, у них было семь синагог, и одних начальников было столько, что, вероятно, только к ним и мог обратиться апостол со своей проповедью. В течение целого дня, от рассвета до вечера, он излагал перед ними свое личное свидетельство и приводил доводы из Св. Писания. Что беседа его не прошла бесследно, это видно из самой ее продолжительности; но все-таки лишь немногие убедились, а все другие остались при своем неверии. Беседа к концу получила даже несколько бурный характер, и прежде ее окончания ап. Павел обратился к неверующим с речью, в которой он приложил к ним место из пророка Исаии, некогда приводившееся и Спасителем, именно, что они не узрят и не услышат, ибо не хотят ни видеть, ни слышать, и что их слепота и глухота есть карающее следствие огрубения сердец их. И затем он строго предостерегал их, что спасение Божие теперь посылалось язычникам, и что последние услышат предлагаемое им благовестие.

С этих пор ап. Павел пошел своей собственной дорогой, не делая никаких дальнейших сношений с своими упорными соплеменниками. В течение целых двух лет он оставался в Риме узником, но жил на своем собственном иждивении, ободряемый посещениями своих наиболее преданных и возлюбленнейших соратников, среди которых были Лука, Тимофей, Аристарх и другие. Он, конечно, мало мог надеяться на правосудие от императора, который в это время, по выражению Тацита, уже явно склонялся к преступной жизни, и потому он пользовался всяким случаем для проповедания слова Божия, хотя бы даже тем суровым воинам, которые ежедневно сменялись для стражи над ним. Узы его, впрочем, во все время двухлетнего заключения были настолько легки, что он «принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян 28:30–31).

Причину столь продолжительного узничества апостола понять нетрудно. Для разбирательства его дела необходимо было личное присутствие его обвинителей – иудеев, которые, однако же, замедлили явиться. В первый год тюремного заключения апостола в Рим являлась из Иерусалима депутация, во главе с первосвященником Измаилом и казначеем храма Хелкией – по спорному вопросу между Агриппой, прокуратором и иудеями касательно храмовой стены. Если даже этой депутации поручено было заняться и делом ап. Павла, то она едва ли могла заняться им, так как в Риме к ней Нерон отнесся подозрительно, да и сами иудеи находили до времени нужным затягивать дело и таким образом возможно дольше держать в заключении апостола, добиться осуждения которого они едва ли могли надеяться когда-нибудь перед римским правительством. А между тем для апостола это узничество было временем

непрестанных апостольских трудов, которые были так успешны, что у него скоро явились духовные чада, рожденные им в узах (Фил 10), и проповедь его проникла даже до дома кесарева (Флп 4:22).

Но апостол не ограничивался и этой деятельностью. Находясь в узах в далеком Риме, он не переставал пещись и о других основанных им раньше церквях. Он поддерживал постоянные сношения с этими церквями через своих сотрудников и собратий, попеременно прибывавших в Рим из самых отдаленных стран и вновь отправлявшихся в них с разными поручениями от апостола. Поэтому ап. Павел имел полную возможность следить за состоянием всех известных ему церквей и в случае нужды, не имея возможности лично преподать им наставление, обращался к ним с посланиями. Таких посланий написано было им четыре, из которых три обращены к церквям и одно к частному лицу, по частному случаю. Это именно послания к *Филиппийцам*, *Колоссянам*, *Ефесянам* и к *Филимону*.

Все эти послания исполнены того же духа отеческой любви, которым дышат и другие послания ап. Павла, и вместе с тем представляют и дальнейшие стадии в раскрытии тех истин Евангелия, проповедание которых особенно вверено было апостолу языков и которые состояли в провозглашении отмены древнего подзаконного рабства. Они направлялись отчасти против иудействующих, продолжавших рабски держаться форм отмененного закона, и отчасти против новых заблуждений, начинавших зарождаться уже на почве самого язычества, каким был так называемый гностицизм, и таким образом ясно свидетельствуют о том, с какой зоркостью апостол стоял на страже охранения основанных им церквей от всякого угрожавшего им с той или другой стороны нападения враждебных сил.

Послание к *Филиппийцам* было написано апостолом в выражение своей личной любви и преданности им за то попечение, которое они обнаруживали об апостоле в его узах: они именно прислали ему денежное вспомоществование, которое и дало ему возможность жить в Риме на собственном иждивении. Пособие было принесено Епафродитом, преданным сотрудником апостола, вынесшим в пути тяжкую болезнь. С ним же, при его возвращении, апостол отправил и послание, в котором изливается в чувствах любви и благодарности, сообщает о своей узнической жизни и говорит, что «узы его о Христе сделались известными всей претории» и Евангелие проповедовалось даже в доме кесаря.

Послание к Филиппийцам написано было, по-видимому, уже к концу двухлетнего узничества апостола. Раньше его написано было послание к *Колоссянам*, т. е. к жителям города Колосс. О нем нигде не упоминается в истории миссионерских трудов апостола, так что неизвестно, когда именно апостол посещал этот город, да и посещал ли когда-нибудь во время своих миссионерских путешествий. Это был древний, но уже падавший город Фригии, лежавший на большой дороге между Ефесом и Евфратом. Расположенный на берегу реки Лика, он находился по соседству с городами Лаодикией и Иераполем, которые с течением времени и затенили его собой. Церковь там основана была, вероятно, кем-нибудь из ближайших сотрудников апостола, но он сам относился к ней с необычайным вниманием и радостно получал все известия, свидетельствовавшие о добром состоянии церкви. Так, между прочим, известие принес апостолу в Рим колосский гражданин Епафрас, бывший, по-видимому, священнослужителем церкви и «всегда подвизавшийся за членов ее в молитвах, дабы они пребыли совершенны и исполнены всем, что угодно Богу». Но вместе с доброй вестью апостол услышал от Епафраса и известие об угрожающих церкви опасностях со стороны разных лжеучителей, именно иудействующих, которые пользовались всяким случаем, чтобы разрушить дело апостола и возвращать обращенных им под отмененное иго подзаконного рабства. Иудействующие проповедовали колоссянам вместе с тем какую-то гностическую философию, и апостол предостерегает от нее как от «пустого обольщения, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол 2:8). Затем апостол преподает ряд наставлений в области религиозно-нравственной и общественной жизни и в заключение шлет приветствие от себя и своих ближайших сотрудников, между которыми упоминается Епафрас, Лука «возлюбленный

врач», Аристарх, Марк и другие. Послание было отправлено с Тихиком и Онисимом, которые должны были словесно передать подробности о римской жизни апостола. Послание заканчивается обычным собственноручным приветствием апостола, в котором он говорит: «Приветствие моею рукою, Павловою. Примите мои узы, Благодать со всеми вами. Аминь».

Для доставки послания по назначению вместе с Тихиком был отправлен еще Онисим, которого апостол называет своим «верным и возлюбленным братом», из среды самих колоссян. Он нес и другое письмо от апостола к одному частному лицу, именно к своему бывшему господину Филимону, и трепетал за свою судьбу. Он был раб Филимона, но провинившись перед ним в чем-то и опасаясь наказания, бежал от него и, как беглый раб, искал убежища в грязных трущобах Рима. Там он скитался несколько времени и скоро, конечно, прожил то, что мог украсть у своего господина. Ему предстояла неминуемая гибель от голода и всеобщего отвержения. Но в этой крайней бедственности он и обратился к великому апостолу, который с истинно отеческой любовью принял и обласкал его, и тем спас не только его тело, но и душу. Негодный фригийский раб, который по римским законам заслуживал лишь вечной каторги или даже распятия на кресте, принят был в общество христиан и сделался «братом возлюбленным». Чтобы окончательно восстановить его в его человеческих правах, апостол отправил его в Колоссы с письмом к его бывшему господину Филимону, знатному и богатому человеку, занимавшему выдающееся положение среди колосской церкви.

В этом послании апостол трогательно убеждает простить Онисима, которого апостол называет своим сыном, «родившимся в узах его». «Он был, — пишет апостол, — негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его». Затем апостол убеждает Филимона принять опять Онисима, но «не как уже раба, но выше раба, как брата возлюбленного». До какой степени любвеобильный апостол заботился об Онисиме, показывает то, что он обещается в послании лично заплатить за Онисима все, что он оказывается должным Филимону. Свое послание апостол заключает выражением уверенности, что Филимон исполнит обращенную к нему просьбу и сделает даже более ее. Вместе с тем он просит и приготовить себе помещение, так как надеется уже на скорое освобождение.

Послание к Филимону, несмотря на свою краткость, имело громадное общественное значение в смысле выяснения отношения христианства к величайшему злу языческого мира — рабству. Доселе законы почти всех народов цивилизованного мира делили людей на два разряда — свободных и рабов, полноправных и бесправных, и человеческое достоинство признавалось только за первыми. Это воззрение до такой степени укоренилось в сознании древнего человечества, что оно не могло представить себе общества без рабов как особых рабочих существ, обязанных беспрекословно исполнять волю своих господ. Даже величайшие мыслители, как Платон и Аристотель, признавали такое деление людей необходимым и смотрели на рабов как на бездушное орудие. Рим во всей силе осуществил это воззрение и развил рабство до ужасающих размеров. Рабами были переполнены все дома и поместья богатых и знатных лиц, и закон относился к ним с таким бесчеловечием, что позволял жестоким и капризным господам всячески издеваться над ними, по личному капризу или за малейшее преступление казнить, распинать или даже отдавать их на съедение собакам на псарне и рыбам в садках. Бывали случаи, как за малейшее преступление какого-нибудь раба против господина избивался весь его род, хотя бы никто из других его членов не имел не малейшего отношения к преступлению, и такая жестокость прямо подтверждалась особым законом. Такое положение дел, лишая рабов (а они были вдвое многочисленнее свободных) всякого человеческого достоинства, низводило их на степень безгласного рабочего скота, и с другой стороны развращало господ, развивая в них ложное сознание своего неизмеримого превосходства над подобными же им людьми. И отсюда рабство сделалось величайшим общественным злом, от которого разлагались самые основы общественно-государственной и нравственной жизни древнего человечества, и происходили ужасные потрясения и кровопролития, как это было особенно в последний период Римской республики. И вот теперь апостол возвещал истину, до которой не могли подняться величайшие умы древности, именно,

что раб есть такой же человек, как и его господин, в нем живет такая же душа, как и в других, и под благотворным нравственным влиянием самый негодный раб может сделаться «братом возлюбленным», как это и было с Онисимом. Этим наносился решительный удар рабству, именно в самой его основе. Христианство не провозглашало отмены рабства, что повело бы к бесплодным восстаниям рабов и кровопролитиям, и напротив, этот же апостол, который писал послание к Филимону, в других своих посланиях нередко увещевал рабов повиноваться своим господам. Но сама идея духовного равенства и братства раба с господином разрушала самые основы рабства, и это зло отселе должно было неизбежно умяться и исчезнуть, как умяется и исчезает льдина под все более разгорающимися лучами весеннего солнца.

Посланным в Колоссы приходилось ехать через Ефес, и этим обстоятельством апостол воспользовался для того, чтобы написать послание и своим возлюбленным Ефессянам, с пресвитерами которых он так трогательно беседовал и прощался проездом через Милет. Как написанное почти одновременно с посланием к Колоссянам, послание к Ефессянам имеет в своем содержании много общего с ним. В нем, кроме уяснения главной истины, что Христос есть глава церкви и всего существующего, виновник нашего спасения и залог нашего будущего наследия, подробно уясняется сущность новозаветной церкви, ее иерархическое устройство и отношение в ней между пастырями и пасомыми. В последних главах даются различные нравственные наставления мужьям и женам, родителям и детям, господам и рабам и вообще всем членам христианской церкви.

Все эти послания, очевидно, написаны были уже незадолго до освобождения апостола от его двухлетнего пребывания в узах. В некоторых из них, как в послании к Филиппинцам и особенно в послании к Филимону, апостол высказывает явную надежду на скорое решение своего дела и именно в его пользу, так что просил Филимона приготовить для него даже помещение. Но дело решилось нескоро, и можно было опасаться даже всего худшего, потому что состояние дел в Риме все более ухудшалось. Нерон с каждым годом становился все более жестоким и распутным деспотом, который удалял от себя всех более или менее честных слуг престола, каким был, например, известный философ Сенека, и вверил власть приближенным любимцам, которые всячески поощряли гнусные наклонности императора. При таком состоянии вещей трудно было надеяться на правосудие, тем более что Нерон, убив свою жену, Октавию, женился затем на своей наложнице Пoppее, которая, как прозелитка иудейства, находившаяся под влиянием иудеев, могла и своего мужа-императора враждебно настроить против ненавистного им апостола. К счастью, в отношении дела апостола в Нероне восторжествовали его лучшие чувства. При всем своем сумасбродстве Нерон, воспитанный под влиянием строгой дисциплины Сенеки, сохранил в себе отчасти чувство справедливости и римской добросовестности. Поэтому, когда ему представлено было дело апостола, то он, вероятно считая его простым соплеменником и единоверцем Пoppей, без дальнейшего расследования дела оправдал его.

По освобождении от уз апостол решил отправиться на Восток для посещения своих возлюбленных церквей. При этом он невольно вспомнил, что ему придется встретиться главным образом с своими единоплеменниками и бывшими единоверцами – евреями. Некоторые из них приняли христианство, но большинство отвергало его и старалось даже всячески противодействовать его распространению. Эта мысль больно отозвалась в сердце апостола, и он решил обратиться к своим соотечественникам с посланием, в котором окончательно выяснял их заблуждение и показывал истину и превосходство христианства, для которого все ветхозаветное домостроительство было лишь подготовлением. Все это апостол и изложил в своем знаменитом *Послании к Евреям*, в котором вместе с тем окончательно развито и выяснено христианское учение об оправдании, именно, что человек оправдывается верой, доказываемой добрыми делами. Послание написано из Италии, так как в нем есть приветствие от «италийских» (собратий), и именно вскоре по освобождении апостола от уз, когда он собирался посетить Восток (Евр 13:23–24).

Деятельность ап. Павла по освобождению его от первых уз. Посещение Востока. Пастырские послания к Тимофею и Титу. Путешествие в Испанию. Новый арест в Ефесе, вторые узы в Риме и мученическая кончина

После своего освобождения от первых уз ап. Павел, вероятно, исполнил свое желание посетить основанные им на Востоке церкви, хотя в этом отношении, за отсутствием прямых исторических свидетельств, существует лишь несколько предположений.

По наиболее вероятному предположению, подтверждаемому преданием, апостол еще раз посетил Иерусалим и затем отправился посетить и те церкви, которые, несмотря на свою духовную связь с ним, однако же еще «не видели лица его в плоти» (Кол 2:1), именно Колоссы, Лаодикию и Иераполь. Найдя помещение, как он и предполагал, в гостеприимном доме Филимона, апостол еще раз обозрел окрестные малоазиатские церкви и между прочим Ефесскую. Так как в этой последней им замечены были разные беспорядки в церковной жизни и даже зародыши заблуждения, от которого он пророчески предостерегал ефесских пресвитеров в прощальной беседе с ними на острове Милет, то, оставляя Ефес, он нашел необходимым оставить там себе преемника по управлению церковными делами и эту важную должность вверил Тимофею, который и был первым епископом вне круга апостолов.

Обязанности, возложенные на Тимофея, были важны и сложны. Он должен был управлять пресвитерами, многие из которых были старше его по летам, распределять между ними вознаграждение по трудам каждого из них, разбирать распри и жалобы, заведовать делами благотворения и женских общежитий, рукополагать пресвитеров и диаконов. Кроме того, молодому епископу приходилось умиротворять страсти недовольных его главенством, да и самим апостолом, которого уже по преклонности лет некоторые считали неспособным к дальнейшей апостольской деятельности и к управлению церквами. Пользуясь продолжительным отсутствием апостола, в Ефесе появились дерзкие самозванцы, которые, вроде Именея, Филита и Александра, выступили с новыми вероучениями, противными истинному христианству, и отвергали авторитет апостола. С одной стороны, заблуждение иудействующих, с другой – бредни александрийской философии начали распространяться среди ефесских христиан и омрачать их светлую и чистую веру, которую они восприняли от апостола. Ввиду стольких затруднений апостол не оставил юного епископа без своего авторитетного руководства и вскоре по отбытии из Ефеса написал к нему первое послание, в котором и изложил ему ряд наставлений, как действовать в затруднительных обстоятельствах. В этом послании между прочим апостол преподавал своему возлюбленному сыну и сотруднику завещание «войновствовать как добрый воин, имея веру и добрую совесть, которую некоторые отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере. Таковы, – прибавляет апостол, – Именеи и Александр, которых я предал сатане, чтоб они научились не богохульствовать» (1 Тим 1:18–20). Всепослание наполнено истинно пастырскими наставлениями, в которых мог назидаться Тимофей при исполнении своего высокого долга архипастыря церкви в столь большом и шумном городе, каким был Ефес. Свое послание апостол закончил повторением высказанного раньше предостережения. «О Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания, которому предавшись некоторые уклонились от веры. Благодать с тобою» (1 Тим 6:20–21).

Из Ефеса апостол, по-видимому, отправился в Македонию, побывал в Коринфе и оттуда посетил вместе с своим другим возлюбленным сотрудником, Титом, остров Крит или Кандию. На южных берегах этого острова апостолу уже пришлось побывать во время короткой стоянки того александрийского корабля, который потерпел полное крушение у острова Милет. Можно бы думать, что тогда же апостолом народов посеяны были семена христианства на этом острове; но так как кратковременной остановки в «Хороших Пристанях» было слишком недостаточно для этого, то вероятнее предполагать, что первые семена христианства занесены были сюда теми критскими иудеями, которые слышали чудесную проповедь ап. Петра в

праздник Пятидесятницы.

Критяне не пользовались доброй славой, и даже их соотечественник Эпименид сочинил о них колкую эпиграмму, которая гласила: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые»; поэтому неудивительно, что христианство у них не произрастало с таким успехом, как было в других местах. Оно скоро смешалось с различными местными иудейскими суевериями, и в самой церкви начались неурядицы. Чтобы устроить там церковные дела и поддержать истину христианского благовестия, апостол оставил в Крите Тита, рукоположив его так же, как и Тимофея, во епископы. Тит был также одним из самых преданных и возлюбленных членов благородного кружка друзей и учеников ап. Павла. Так как он был грек по рождению, то ап. Павел, обращением которого он был, брал его с собой в Иерусалим во время того достопамятного посещения, которое закончилось признанием свободы язычников от ига Моисеева закона (Гал 3; Тит 1:4). Тит находился в особенно близких отношениях с Коринфом, в который апостол и посылал его три раза во время беспорядков в этой легкомысленной общине (2 Кор 7–8). Та теплота, с которой ап. Павел всегда говорит о нем как о своем брате, сотоварище и сотруднике, а также тоскливое беспокойство, которое делало его положительно несчастным, когда ему не удалось встретить его в Троаде, показывают, как он дорог был апостолу в качестве помощника в его великих апостольских делах.

Чтобы поддержать его в трудных обязанностях возложенной на него должности, апостол вскоре по отбытии с Крита написал к нему послание, наполненное, как и послание к Тимофею, различными наставлениями, в которых он мог нуждаться при прохождении своего епископского служения во вверенной его управлению церкви. Послание это известно под названием «Послания к Титу». В нем апостол между прочим предостерегает Тита от разных лжеучителей и наказывает ему «обличать критян строго, дабы они были здоровы в вере, не внимая иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины» (Тит 1:13–14). Как апостол раньше наставлял Тимофея, так он наставлял теперь и Тита – «удаляться глупых состязаний и родословий, и споров, и распрей о законе; ибо они бесполезны и суетны». Между прочим в этом послании впервые говорится о «еретиках» в точном церковном смысле этого слова, как людях, которые не только порвали с церковью, но и с здравым учением ее. Апостол преподал наставление, как относиться к подобным людям. «Еретика, – говорит он, – после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит 3:9–11).

Благоустроив церковные дела на Востоке, апостол опять отправился на Запад и на этот раз, по преданию, проник даже в Испанию, куда уже давно устремлялась мысль апостола (Рим 15:24). Этот далекий Иберийский полуостров в то время считался такой же страной чудес, какой впоследствии считалась для Старого Света новооткрытая Америка. Сказочные богатства страны привлекали к ее берегам многочисленных переселенцев и промышленников, и скоро дикая страна с ее жалкими лачугами туземных дикарей покрылась цветущими городами и прорезана была великолепными римскими дорогами. Иберийцы быстро освоились с римской культурой, восприняли римский язык и римские обычаи, и из среды их стали выходить известные мыслители и писатели, каковым был между другими и знаменитый философ Сенека, уроженец испанского города Кордубы. Такая страна представляла богатое поприще и для христианской проповеди, и ее, по преданию, принес сюда великий апостол народов, желавший в точности исполнить заповедь своего Божественного Учителя, повелевавшего идти научить все народы – до края земли.

Пребывание ап. Павла в Испании не только было новым успехом Царства Божия в мире, но и послужило в руках промысла Божия средством сохранения жизни апостола от великой опасности, которой она несомненно подверглась бы, если бы он остался в Риме. Около этого именно времени в Риме разразилась страшная буря, поднятая языческим миром против христианства. Безумство Нерона, который год от года все более превращался в страшное чудовище порока и всякой гнусности, завершилось в десятый год его царствования ужасным

пожаром, который в годовщину сожжения Рима галлами вновь превратил столицу мира в груды пепла и развалин. Народ выведен был этим ужасным бедствием из терпения и жаждал мщения. В народе ходила зловещая молва, что виновником страшного бедствия будто бы был сам Нерон, который не только не принимал никаких мер к прекращению разрушительной стихии, но с высоты своей дворцовой башни в полном театральном одеянии, в виду грозного зрелища воспевал взятие Трои. Мало того, после пожарища он не только не предпринимал каких-либо мер к облегчению бедственной участи жителей, но воспользовался пожаром для того, чтобы захватить возможно больше пустопорожнего места, на котором и стал с безумной роскошью возводить себе так называемый «золотой дом», заявляя, что теперь-то он наконец обзаведется помещением хотя сколько-нибудь приличным его человеческому достоинству. Все это невольно содействовало зарождению и распространению подозрения в виновности Нерона в этом ужасном бедствии. Опасность, очевидно, грозила страшная, от которой не могли бы спасти императора никакие силы окружавшей его преторианской гвардии. Нужно было отвлечь эту опасность, и Нерон с сатанинским бессердечием свалил всю вину на невиннейших и смиреннейших из людей, именно на римских христиан, с которыми он уже знаком был отчасти из суда над ап. Павлом. Народ жаждал мщения, и лишь только указаны были ему эти его мнимые враги, как обрушился на них с истинно зверским ожесточением и кровожадностью. Сам Нерон стал во главе этого гнусного злодейства, и улицы, только что опустошенные пожаром, обагрились кровью тысячей ни в чем не повинных людей. И к стыду человечества, в этой ужасной бойне невинных людей приняли участие не только чернь, но и (по крайней мере нравственно) просвещеннейшие люди того времени. Повествуя об этом избиении христиан, просвещенный римский историк Тацит не преминул высказать при этом несколько самых гнусных клевет на христиан, о которых он, очевидно, имел лишь весьма смутные представления. «Нерон, – по словам Тацита, – подверг обвинению и мучил самыми изысканными наказаниями класс ненавидимых за свои гнусности людей, которых простой народ называл христианами. Христос, основатель этой секты, был казнен во время царствования Тиверия прокуратором Понтием Пилатом, и пагубное суеверие, подавленное на время, начало возникать опять не только в Иудее, где особенно укоренилось это зло, но даже в городе, куда со всех сторон стекается все ужасное и постыдное и находит себе приверженцев». Высокомерное презрение воспрепятствовало Тациту хорошенько познакомиться с верой и жизнью христиан, и говоря о них, он ограничивается лишь самыми безосновательными обвинениями против них. Он говорит о их учении как диком и постыдном, хотя оно дышало миром и чистотой; он обвиняет их в том, что они одушевлены неискоренимой ненавистью, между тем как основной истиной их учения было всеобщее человеколюбие. «Народ, – говорит он, – назвал их христианами», хотя они, по его мнению, и не повинны во возводимом на них обвинении в качестве мятежных поджигателей, за что их и предавали мучительной смерти, все-таки они в его глазах представляли собой такой класс преступных и гнусных сектантов, которых можно было относить к одному разряду с худшими подонками римского общества. Затем Тацит говорит, что сначала «схвачены были те, кто признавались (в принадлежности к христианству), и затем по их показаниям осуждено было громадное множество их не столько по обвинению в поджигательстве, сколько за их человеконенавистничество». Тут, очевидно, знаменитый римский историк совершенно вторил молве уличной черни и, обвиняя христиан в человеконенавистничестве, явно смешивал их с иудеями, которых он в другом месте обвинял именно в том, что они «враждебны ко всем, кроме самих себя». Но он вместе с тем дает и страшную картину самого гонения. «Для казни над ними, – говорит он, – применены были всевозможные издевательства. Покрыв их шкурами диких животных, их отдавали на съедение бродячим собакам или пригвождали к крестам; бросали в огонь и сжигали после сумерек в виде ночной иллюминации. Нерон предложил для этих зрелищ свои собственные сады и устроил конный бег на колеснице, сам смешиваясь с чернью, в одежде всадника, или разъезжая посреди нее. Отсюда, как ни виновны были жертвы и как ни заслуживали самых худших наказаний, к ним начало проявляться чувство сострадания, так как народ сознавал, что они приносились в жертву не ради общественного блага, а лишь с целью удовлетворить дикую кровожадность единичного человека». Там, где теперь вздымается громадный храм ап. Петра, некогда были

сады Нерона. В эти ужасные дни они были запружены торжествующими толпами народа, среди которого в своем легкомысленном унижении скакал император, а по всем сторонам невинные люди медленной смертью умирали на позорных крестах. Вдоль аллей этих садов в темные осенние ночи горели ужасные факелы, под которыми почва чернела и багровела от потоков дымящейся крови: каждым из этих живых факелов был мученик-христианин в своем огненном одеянии. В то же время в находившемся амфитеатре на виду 22 000 зрителей голодные собаки растерзывали на куски некоторых из лучших и чистейших мужей и жен, с гнусной изобретательностью закутанных в шкуры медведей или волков! Так Нерон крестил в крови мучеников город, которому предстояло в течение веков быть столицей целой половины мира!

Хотя ап. Павел и избег главной бури гонения на христиан и мог еще несколько времени продолжать свою деятельность по распространению Евангелия и утверждению церковью, но, видимо, приближался и его конец. Гонение, воздвигнутое на христиан в Риме, нашло сочувственный отголосок и во многих провинциальных городах, где различные представители римской власти, рабски прислушиваясь к пульсу общественной жизни в самом Риме, подобострастно подражали ему и во вверенных их управлению городах, чтобы выказать свое усердие на службе кесарю. Неудивительно, что положение христиан после этого повсюду сделалось тяжелее и опаснее, так как они стали повсюду возбуждать против себя подозрение и вражду, и последняя делалась тем более дерзкой, что всегда могла рассчитывать на поддержку власти. Этим не преминули, конечно, воспользоваться злейшие враги ап. Павла, и по возвращении его с далекого Запада на Восток приняли все меры к удовлетворению своей ненависти к нему. Когда он вновь посетил Ефес, то некий медник Александр, вероятно из числа тех ремесленников и художников, которые уже раз жаждали крови апостола и произвели страшное смятение в городе, указал на него властям как на опасного врага общественного спокойствия (2 Тим 4:14–15). Вследствие этого апостол был вновь арестован и опять в узах отправлен в Рим. Там он уже не пользовался такой сравнительной свободой, как это было при первых узах, потому что на христиан смотрели как на опасных государственных преступников. Но даже и в этом тяжелом положении апостол продолжал свою проповедь всем, кто только приходил с ним в соприкосновение, и приобрел еще нескольких обращенцев (2 Тим 4:21). По улицам Рима между тем все еще громко раздавался яростный крик черни, требовавшей преследования христиан. «Ко львам христиан!» – этот крик сделался как бы девизом уличной черни со времени великого пожара. Поэтому и суд над апостолом не мог откладываться надолго. Но нужно иметь в виду, что несмотря на возбужденность страстей, римский суд сохранял свое строгое беспристрастие, каким он прославился по всему миру и какое не раз испытывал и ап. Павел. Разбирательство его дела должно было совершиться по всем правилам римского судопроизводства. Как римский гражданин, апостол мог лично защищать свою невинность, и так как налицо не оказалось достаточных свидетельств для решения дела, то суд над апостолом был отсрочен на некоторое время, и апостолу пришлось опять пойти в мрачную темницу для ожидания своей участи. Из этой темницы он написал свое последнее послание, именно второе послание к своему возлюбленному Тимофею. Напомнив ему о том, чтобы он «возгревал полученный им через рукоположение дар Божий», апостол повторил свое предостережение против неупотребного пустословия таких лжеучителей, как Именей и Филит, равно и предсказывал о том, какие еще тяжкие дни ожидают церковь. Затем, говоря о своем положении, апостол прямо заявляет, что он уже становится жертвой, и время его отшествия настало. «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его».

Указав на свое томительное одиночество, так как все его сотрудники, за исключением Луки, разошлись по разным странам, он просил Тимофея прийти к нему возможно скорее и взять с собой Марка, который оказался ему нужен для служения. Вместе с тем апостол наказывал Тимофею, что когда он пойдет, то захватил бы с собой и фелонь, который он оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные. Затем, предостерегая Тимофея от Александра-медника,

причинившего апостолу столько зла, он заканчивает передачей приветствия от новообращенных им братьев – Еввула, Пуда, Лина и Клавдия. «Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь».

Неизвестно, успел ли Тимофей застать ап. Павла еще в живых. Дело его подверглось новому разбирательству, и на этот раз большинство судей, быть может, под давлением черни, склонилось к обвинительному приговору, и ап. Павел осужден был на обезглавление. Мученическая кончина его совершилась в 13-й год царствования Нерона, именно 29 июня, каковой день и чтится церковью как День памяти величайшего из апостолов вместе с его собратом – апостолом Петром, потерпевшим мученичество в один день с ним.

Так закончил свою жизнь великий апостол народов, послуживший Евангелию более всех других апостолов. Это был поистине избранный сосуд Божий, в котором вложены были самые великие и разнообразные дары. «Многим и другим святым давал Бог великие дарования, – говорит один новейший жизнеописатель ап. Павла, – но ни один еще святой Божий не достигал такой высоты в стольких дарованиях, никогда не получал даров Святого Духа в столь щедром излиянии, не носил в своем смертном теле столь очевидную печать Господа. В течение своей жизни он был отнюдь не позади верховнейших из апостолов и, несомненно, величаво вздымается над величайшими из всех святых, которые когда-либо с того времени старались следовать его примеру в служении и преданности Господу».

Оставленные им после себя послания сделались одним из неисчерпаемых источников истинного богопознания и духовного назидания, и христианский мир справедливо почитает в нем своего величайшего учителя, перед которым бледнеют все другие последующие деятели на ниве Божией.

Отдел девятый

Завершение апостольского века

XLVI

Апостольская деятельность и мученическая кончина ап. Петра. Соборные послания ап. Петра. Деятельность других апостолов

Одновременно с ап. Павлом потерпел мученическую кончину и ап. Петр, который таким образом закончил свою апостольскую деятельность также в столице того языческого мира, первенцев которого он некогда первый принял в церковь Христову. Но он, как известно, скоро должен был уступить поприще деятельности среди языческого мира тому, кто специально был призван быть апостолом язычников, и действительно, он скоро всецело предоставил это великое поприще ап. Павлу и сам стал почти исключительно проповедовать Евангелие среди иудеев как Палестины, так и других стран. Как один из верховных апостолов, он хорошо был известен всем главным церквам. В Коринфе при разделении местных христиан на партии одна ставила на своем знамени имя Петра или Кифы. Он основал несколько церквей в различных областях Малой Азии и для утверждения их в вере обращался к ним с посланием, в котором между прочим поименовывает и сами страны. Именно он обращался с посланием к «пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, избранным» (1 Петр 1:1). Этим указанием отчасти определяется то апостольное поприще, которое он проходил. Но он не ограничивался и этими странами, и в своей апостольской ревности проник даже в Вавилон, чтобы и в этой стране пленения возвестить своим единоплеменникам истину Евангелия. По свидетельству Иосифа Флавия, в Вавилонии было множество поселений иудейских, которые славились своим богатством и щедрыми приношениями храму. Последние были так ценны, что, по свидетельству того же историка, требовались две крепости для охранения их, и когда эти приношения отправлялись в Иерусалим, то их сопровождало несколько тысяч иудеев, чтобы обезопасить их от разбойнического нападения парфян.

Проповедь ап. Петра среди вавилонских иудеев сопровождалась благословенным успехом, и в своем первом послании он передает малоазиатским церквам и приветствие от «церкви в Вавилоне», которую он называет «избранной». Из этого же послания видно, что сотрудниками его в это время были Силуан и Марк, которые были в свое время и сотрудниками ап. Павла. Это обстоятельство показывает, какое тесное общение существовало между апостолами и как они, действуя, так сказать, на противоположных концах мира, находились в постоянных сношениях через одних и тех же сотрудников и соработников на евангельской ниве.

Уже в преклонных летах ап. Петр, как бы следуя за общим течением жизни, стремившейся к Риму как к центру, отправился в столицу мира. О пребывании его там существуют только неясные предания. По учению Римской церкви, он будто бы был первым епископом Рима и епископствовал двадцать пять лет. Но это учение находится в явном противоречии с очевидными хронологическими данными, показывающими, что апостол прибыл в Рим только незадолго до смерти. Главными событиями во время его пребывания в Риме были, согласно с позднейшими сказаниями, совершенные им обращения Филона и сенатора Пудента с его двумя дочерьми Праксидой и Пуденцианой, и его публичное состязание с Симоном-волхвом.

Этот обманщик, потерпев неудачу в воскрешении умершего юноши (каковое чудо было совершено ап. Петром), наконец попытался обольстить народ уверением, что он подымется на небо. Но по молитве апп. Петра и Павла он был оставлен поддерживавшими его демонами и грохнулся на землю, разбившись в кровь. Во время Неронова гонения ап. Петр будто бы по настойчивым просьбам христиан хотел удалиться из Рима. Но когда он вышел за Капенские ворота, то встретил Господа, несущего свой крест, и спросил Его: «Господи, куда Ты идешь?» – «Я иду в Рим, – сказал Христос, – вновь потерпеть распятие за тебя».

Апостол, чувствуя всю силу этого кроткого укора, возвратился назад и был заключен в темницу в Туллиануме. Там он обратил к вере своего тюремщика, чудесно источая для его крещения источник из каменного пола темницы. Видя, как его жену вели на казнь, он радовался этому ее путешествию в «отечество» и, называя ее по имени, громким голосом призывал ее к радостному мужеству: «О, помни Господа!»

Сам он был казнен в один день с ап. Павлом.

Они расстались на Остийской дороге, и ап. Петр был затем отведен на вершину Яникула, где он и был распят, но не в обычном положении, а по его собственной просьбе – вниз головой, потому что он считал себя недостойным умирать одинаковым способом с своим Господом. Незадолго до смерти он написал Второе соборное послание, как последнее завещание тем, которым он раньше проповедовал. В этом послании, между прочим, апостол предостерегает христиан от разных лжеучителей, «которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель». В послании делается, между прочим, ссылка на послания ап. Павла с завещанием, что в них «есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели извращают, как и прочие писания» (2 Петр 3:16). Эта ссылка показывает опять, что апостолы вели проповедническую деятельность общими силами, взаимно делясь и своими посланиями, в которых вырабатывалось богословие Вселенской церкви.

Если скудны известия о верховном ап. Петре, то еще скуднее они о других апостолах. Пробыв в Иерусалиме до Иерусалимского собора, они затем, как орлы крылатые, разлетелись по всем направлениям с проповедью Евангелия, и о деятельности их не сохранилось никаких письменных памятников, так как она запечатлевалась только на сердцах тех, которые принимали ее. Вследствие этого о них сохранились лишь неясные отголоски в предании.

По свидетельству предания, ап. Андрей избрал поприщем своей апостольской деятельности берега Черного моря, так называемую Скифию. Берега этого моря были усеяны богатыми греческими колониями, находившимися в постоянных сношениях с северными народами, от

которых сырые материалы, привозившиеся из глубины страны, сплавлялись по морю в Малую Азию и Грецию. Причиной, почему он избрал поприщем своей апостольской деятельности эту именно страну, могло быть то, что он сам находился в близких сношениях с греками, как показывает и само его греческое имя, и потому мог более рассчитывать на успех. По позднейшему преданию, он не ограничивался и берегами Черного моря, а отправился и вглубь самой страны, и там на Киевских горах, водрузив крест, он произнес свое великое пророчество о том, что благодать Божия воссияет на этих горах и возникнет великий город. Апостол Андрей потерпел мученическую кончину в г. Патрах, в Ахаии, будучи распят на особого рода кресте, который известен под названием Андреевского.

Св. Иаков, брат Господень, по смерти Иакова Зеведеева, был епископом Иерусалимской церкви и отличался такой строгостью жизни, что пользовался великим уважением даже иудеев, так что ему дозволен был вход во святилище, хотя это право предоставлялось только священникам. Он потерпел мученическую кончину в самом Иерусалиме, и главным виновником его смерти был первосвященник Анна (Ганан) Младший, последний из сыновей первосвященника Анны, упоминаемого в Евангелии. Ненависть ко Христу и христианам уже привела дом Анны к обагрению своих преступных рук кровью Христа и первомученика св. Стефана, к одобрению убийства Иакова, сына Зеведеева, и к стараниям добиться смерти и святого ап. Павла.

Та же неусыпная враждебность теперь вовлекла младшего Ганана, человека буйного и повелительного темперамента, в новое преступление. Он воспользовался неожиданно благоприятным случаем для того, чтобы предать смерти брата Господня и таким образом нанести еще один удар христианской церкви. Фест, справедливость которого спасла жизнь ап. Павлу и который был одним из самых почтенных римских прокураторов Иудеи, умер после краткого двухгодичного управления. Преемником ему был назначен Альбин, но до его прибытия прошел небольшой промежуток, во время которого Иудея находилась только под отдаленным надзором легата Сирии. Агриппы II не было в Иерусалиме. В такое время дерзкий и жестокий саддукей, каким был этот первосвященник, легко мог побудить синедрион превысить свой авторитет и вновь присвоить себе право совершения смертной казни, которая, строго говоря, уже не принадлежала ему. Он надеялся, что этого правонарушения римляне или не заметят, или взглянут на него сквозь пальцы, так как они были очень терпимы во всему, что делалось в интересах всякой законом дозволенной религии, и, естественно, не имели охоты вмешиваться в дело, которому не придавали политического значения. Одушевляя синедрион своей собственной смелостью, Ганан уговорил его арестовать Иакова и других главенствующих христиан и побить их камнями. Обвинением против них, несомненно, служило богохульство, так как во всяком случае Иакова нельзя было обвинять в «преступлении закона». Если бы Иаков был столь же ненавидим, как святой ап. Павел, то, быть может, ничего бы не оставалось и говорить больше. Но Иаков в Иерусалиме, подобно Анании в Дамаске, был глубоко уважаем иудеями, не менее чем и христианами. Он также был «муж благочестивый по закону, одобряемый всеми иудеями, живущими там» (Деян 22:12). Не только простые обращенцы в христианство, но и некоторые из самых почитаемых в городе и известных законников также опечалились от этого безумного убийства благочестивого назорея. Они решились защищать таких граждан от дерзости кровожадного дома и принесли жалобу Агриппе II. Этот царь слышал защиту ап. Павла перед Шестом и был способен лучше взглянуть на христианство, чем сколько считалось политичным со стороны его коварного и беспринципного отца. Они также жаловались новому прокуратору Альбину, который теперь находился на пути из Александрии в Иерусалим. Следствием этого было то, что Альбин написал Ганану строгий выговор за его незаконное насилие, и Агриппа почувствовал, что он мог, не подвергая опасности свою популярность, лишить его первосвященства, хотя он занимал его только в течение трех месяцев. От ап. Иакова осталось одно соборное послание. Побуждением к его написанию послужили внешние бедствия верующих, особенно из иудеев, а также злоупотребление учением об оправдании верой. Поэтому в нем с особенной настойчивостью излагается важность добрых дел в оправдании. Кроме того, в нем даются различные наставления и между

прочим излагается учение о таинстве елеосвящения и исповеди.

Св. Иуда (брат) Иаковлев проповедовал в разных странах Азии и потерпел мученичество в Финикии. Ему принадлежит краткое соборное послание, в котором апостол предостерегает верующих от различных нечестивцев, которые «вкрались» в церковь и идут в ней путем Каиновым, причиняя соблазны на вечерах любви и всячески богохульствуя.

Св. ап. Филипп проповедовал во Фригии и Скифии и потерпел мученичество в Иераполе.

Св. ап. Варфоломей (Нафанаил), по преданию, путешествовал в Индию и принес туда Евангелие св. Матфея. После проповеди в Ликаонии и Армении он, по преданию, или был казнен содранием с него кожи, или распят головой вниз в Албанополе, в Армении. Ему приписывается замечательное изречение, что «богословие в одно и то же время и велико и очень мало, и Евангелие широко и велико, а также сжато».

Св. ап. Матфей, по преданию, проповедовал в Парфии и Эфиопии и в последней потерпел мученичество через сожжение. По одному древнему свидетельству, он питался только травой и вел образ жизни, по своей простоте и самоотречению приближавшийся к аскетическому.

Св. ап. Фома называется апостолом Индии и, по преданию, основал христианские общины в Индии, и доселе называющие себя его именем. По другому преданию, он проповедовал в Парфии. В четвертом столетии его гробница показывалась в Едессе.

Св. ап. Симон Зилот проповедовал Евангелие по одному преданию – в Вавилоне, по другому – на Британских островах, где и был распят.

Св. ап. Матфий, который избран был в число двенадцати по жребию, был из числа семидесяти. Проповедывал в Эфиопии и потерпел мученическую кончину в Иерусалиме.

Этими скудными известиями и ограничиваются наши сведения о духовных родоначальниках новозаветного человечества. Эти светильники мира исчезли от наших чувственных взоров, но мы знаем, что они озарили и просветили мир. Они не искали себе земной славы, но искали славы Божией и спасения человечества, и эта их деятельность увенчалась чудесным успехом. Рыбаки галилейские, обойдя весь мир, сделали такой чудесный «улов человеков», подобного которому еще не представляет история духовно-религиозной жизни человечества.

XLVII

Восстание иудеев и разрушение Иерусалима. Значение этого события в истории Церкви

Все двенадцать апостолов, за исключением одного ап. Иоанна, закончили свою апостольскую деятельность раньше события, которое имело громадное значение для утверждения церкви в мире, именно в смысле окончательного разрушения ложных мечтаний иудеев о земном мессианском царстве. Этим событием было разрушение Иерусалима и храма. Иудеи никогда не могли примириться с наложенным на них игом языческих победителей и постоянно с ненавистью относились к римлянам, выжидая лишь случая, чтобы освободиться от них. В этом отношении они были самыми непокорными и мятежными подданными Рима. Все другие народы сравнительно легко мирились с наложенным на них игом, и даже некоторые из них считали для себя это иго благом, потому что сильная рука завоевателей водворяла внутренний и внешний мир на место нескончаемых междоусобных войн, истощавших их нравственные и физические силы. В религиозном отношении языческие народы также легко мирились с завоеванием и скоро привыкали видеть в римском пантеоне общее для себя святилище, а в римском императоре общее для себя воплощение божества. Совершенно иное дело иудеи. Вся их история отделяла их от языческого мира непроходимой пропастью. Как народ избранный, которому вверена была на хранение великая религиозная истина, они справедливо считали себя светом, лучи от которого должны были со временем распространиться и на все другие народы.

Это нравственно-религиозное превосходство в умах иудейского народа с течением времени приняло более вещественный характер, и ожидаемый ими Мессия представлялся ими уже не только как избавитель человечества, но и как политический завоеватель, перед которым должны были преклониться все другие народы. Эту мечту иудеи лелеяли в течение целых веков, и вот, к ужасу их, ко времени пришествия Мессии, как указывали все признаки, они сделались рабами жестоких язычников и вошли в качестве незначительного народа в состав громадной империи, где, по-видимому, должна была погибнуть политическая свобода всех народов. Таким образом, все их мечты как бы разлетались в прах перед безнадежной и мрачной действительностью. Но они не могли примириться с этим и подчиненность римлянам считали лишь временной, ожидая, что придет же наконец ожидаемый Мессия и свергнет ненавистное иго. Когда истинный Мессия пришел, но не был признан ими как несоответствующий их ожиданиям, то это поставило иудеев в еще более печальное и безотрадное положение. Они видели, как целые массы народа признавали Мессией того именно назаретского Пророка, которого они не только отвергли, но и предали лютейшим мукам и позорнейшей казни, и это невольно подрывало в них и ту мессианскую надежду, которая донине поддерживала их дух, так как невольно должна была заползть в их сознание роковая мысль, не действительно ли Мессию распяли они. Если так, то погибала всякая надежда на будущее. И вот, колеблясь между этими мрачными сомнениями и полуразрушенной надеждой, иудеи становились из года в год все более недовольными, раздраженными и мятежными. Этому немало содействовали и сами римляне. К иудеям они относились с полным презрением и пренебрежением и, считая их самым грязным и злым народом, не старались даже о привитии им своих гражданских порядков, как они делали это с другими народами, а просто держали иудеев в своих суровых руках и смотрели на них как на доходную статью. Вся Иудея была отдана на откуп компаниям сборщиков податей, которые через своих подчиненных мытарей вытягивали из народа последние соки, повергая народную массу в неоплатные долги и нищету. При назначении самых правителей римляне не задумывались над выбором и обыкновенно посылали в Палестину лиц, которые уже едва ли годились для других провинций. Большинство прокураторов были люди без всяких нравственных правил, они смотрели на вверенную их управлению страну исключительно как на доходную статью и прибегали ко всевозможным вымогательствам и неправдам. Номинальные иудейские царьки, будучи в полной зависимости от римлян, заботились единственно о поддержании добрых отношений с последними и с этой целью подавляли всякие народные движения. Высшие классы народа, особенно саддукеи, державшие в своих руках первосвященническое достоинство, были также чужды народу и, исключительно заботясь о своих собственных интересах, находили за лучшее бесславно пресмыкаться перед римскими властями, чем стремиться к политической независимости народа. Патриотизм сохранялся еще только среди фарисеев, которые мечтали о низвержении римского ига, но этот класс был слишком лицемерен, чтобы открыто принимать какие-нибудь меры к облегчению участи народа, и если стремился к политической независимости, то отнюдь не из участия к народу, а только из болезненного честолюбия, которое не находило достаточного удовлетворения при наличном состоянии вещей.

И вот таким образом иудеи более полстолетия с недовольством сносили ненавистное иго. С каждым годом иго становилось тяжелее, недовольство росло, и в то же время меркла надежда на чудесное избавление со стороны Мессии. Прокураторы часто сменялись, но с каждым разом являлись все более хищные прокураторы, которые доводили иудейский народ до неистового ожесточения. Уже Феликс и Фест, которым приходилось рассматривать дело ап. Павла, ознакомились своим правлением многими жестокостями и неправдами, но следующий прокуратор Альбин был еще хуже и сделал из своей должности безобразный источник хищничества, так как за деньги продавал все, даже безнаказанность самым опасным преступникам. «Не было такого зла, – говорит Иосиф Флавий, – которого бы он не сделал во время своего правления». Но ему наследовал Гессий Флор, который даже превзошел его в этом отношении. По отзыву того же иудейского историка, это был как бы палач, присланный для казни преступников. Хищничество его было так велико, что опустели от его грабительства целые города и округа.

Не довольствуясь этим, он хотел воспользоваться и сокровищами храма. От имени императора он потребовал, чтобы ему выдано было из храмовой сокровищницы семнадцать талантов. Когда иудеи отказали, то он хотел с вооруженной силой проникнуть в сокровищницу. Но этого уже не могли вынести иудеи и воспротивились ему силой. Произошло уличное побоище, которое заставило Флора отказаться от своей попытки. Раздражение между тем достигло небывалой степени. В городе образовалась партия, решившаяся отложиться от римлян. В храме состоялось собрание под председательством Елеазара, сына Анании, и на нем решено было отвергнуть ежегодное приношение императора храму, делавшееся со времени Юлия Цезаря. Это был прямой знак отвержения зависимости от Рима, восстание против кесаря. Отсюда сделалась неизбежной война, и действительно началась та знаменитая иудейская война, которая беспримерна в истории мира по сопровождавшим ее ужасам ожесточения и кровопролития.

Когда на окончательную просьбу удалить ненавистного Флора иудеи получили отказ, то в Иерусалиме произошел мятеж и восставшие захватили в свою власть город и укрепленную башню Антонию, избив находившийся в ней римский гарнизон. Спасся только один сотник, который купил себе пощаду принятием обрезания. Державший римскую сторону первосвященник Анания спрятался было в водосточной трубе, но был найден, вытащен оттуда и убит. Мятеж распространился по всей Палестине и Сирии и сопровождался повсюду не только избиением римских гарнизонов, но и кровопролитными побоищами между греками и иудеями, смертельная вражда между которыми в это время достигла наибольшего ожесточения. Для подавления мятежа к Иерусалиму двинулся правитель Сирии Цестий Галл, но он при Вефороне потерпел поражение, которое еще более подняло дух мятежников и распалило их фанатизм. Тогда оказалось, что наличных римских сил недостаточно было для подавления восстания, и римское правительство отправило на место восстания Веспасиана, одного из лучших своих военачальников, которому дано было в распоряжение вполне достаточное войско для того, чтобы отомстить иудеям за понесенный римлянами позор. Веспасиан первый свой удар направил на Галилею, которая защищалась сотысячным войском из молодых людей под начальством известного иудейского историка Иосифа Флавия. Понятно, что последнему трудно было с своим наскоро набранным и необученным войском выстоять против испытанной храбрости римлян, и города пали один за другим, подвергаясь страшному истреблению со стороны раздраженных римлян.

Первым городом пала Гадара, и в нем, равно как и в окрестных деревнях, все мужчины, женщины и дети поголовно были преданы избиению. В течение сорока шести дней Иосиф Флавий защищал Иотапату; на 47-й день она была сдана изменой. 40 000 иудеев пали во время осады, 1200 были взяты в плен, и город предан пламени. В Аскалоне было избито 10 000 евреев. В Иафии было убито их 27 000, а женщины и дети были проданы в рабство. На горе Гаризиме многие самаряне погибли от жажды, и 11600 человек пали от меча. В Иоппии было избито 8400 человек, а самый город сожжен. Но значительное число беглецов спряталось в развалинах и жило грабежом и разбойничеством. С приближением римских воинов эти иудеи бежали на корабли, но на следующее утро над ними разразилась буря, и после ужасной сцены отчаяния 4200 человек из них утонули, и их тела выбросило на берег. Тарихея был сильно укрепленный город на берегу озера Тивериадского. Римляне обещали жителям пощаду, но, несмотря на это, когда город был взят, 2200 старых и малых были избиты, 6000 наиболее сильных отосланы были Нерону для работ по прорытию Коринфского перешейка, и 30400 граждан этого и соседних городов, включая и тех, которых Веспасиан отдал Агриппе II, были проданы в рабство. После этого страшного истребления почти весь округ подчинился победителю. Гамала, однако же, еще противилась. Она считалась своими гражданами неприступной, так как построена была на вершине горы, доступной только по одной дороге, пересеченной глубоким рвом. Агриппа тщетно осаждал ее в течение семи месяцев. Тогда к ней приступил и сам Веспасиан. Теснимые голодом, от которого многие умерли, некоторые из граждан побросались вниз с крутизны или спасались через водосточные трубы. Наконец

римляне взяли и этот город. Опять произошло страшное избиение. Спаслись только две женщины; 4000 человек были избиты при защите, и 5000 бросились сами вниз с крутизны. Все остальные, даже женщины и дети, были изрублены в куски или сброшены вниз со скал. Гора Фавор, которую укрепил Иосиф Флавий, еще держалась. Римляне притворным бегством вызвали некоторых из ее защитников за город, а остальные были принуждены к сдаче вследствие недостатка воды. Так начался тот Страшный суд над народом иудейским, о котором предсказывал некогда Христос, говоря, что «тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Мф 24:21).

Смерть Нерона и провозглашение Веспасиана императором на некоторое время приостановили эту истребительную войну; но она началась опять и еще с большим ожесточением, когда Веспасиан поручил закончить начатое им дело усмирения иудеев своему сыну Титу. Тит прямо двинулся к Иерусалиму и начал правильную осаду его. Это было в апреле 70 (74) года. Тит располагал восьмидесятитысячным войском, которое и окопалось вокруг города. В Иерусалиме всего было только 2400 обученных воинов, но город был переполнен десятками тысяч пасхальных паломников и беглецов, которые теперь за стенами его искали себе убежища и принимали участие в защите стен своего города. Римляне делали мирные предложения, но иудейские зилоты не хотели ничего слышать и отвергали их. С обеих сторон были проявлены чудеса храбрости, и если осаждающие превосходили своих противников военным искусством, то зато осажденные возмещали недостаток у себя военной опытности почти безумной яростью в схватках. Но катастрофа была неизбежна. Все в этой осаде указывало на Страшный суд Божий над иудейским народом. Это не было обыкновенное историческое событие, и это сознавалось самими иудеями. В городе носились рассказы о страшных предзнаменованиях предстоящей гибели.

Еще лет за пять до осады в праздник Пасхи в Святом Святых сиял в самую полночь какой-то таинственный свет, виденный в течение трех часов; огромные медные ворота храма, для открывания которых требовалось двадцать человек, вдруг отворились сами собой и не могли быть закрыты. В праздник Пятидесятницы священники слышали какой-то таинственный голос в храме, говоривший: «Уйдем отсюда». Наконец, на облаках видны были огненные воины, которые вели ожесточенную войну, покрывшую облака кровью. За четыре года до войны, когда город еще наслаждался миром, в Иерусалиме появился какой-то странный человек по имени Иисус, сын Анании, и в праздник Кущей начал зловеще кричать в храме: «Голос от Востока, голос от Запада, голос от четырех ветров небесных! Голос против Иерусалима и храма, против мужей и жен; голос против всего народа». Народ пытался заставить его замолчать и подвергал всевозможным побоям, но он все продолжал повторять одно и то же, прибавляя еще: «Горе, горе жителям Иерусалима». Он не переставал делать эти зловещие возгласы до самой войны и уже во время осады воскликнул: «Горе и мне!» – и был убит камнем, брошенным из римского метательного снаряда.

Осаждающие между тем все крепче облагали город. Иерусалим начал терпеть нужду в припасах, и многие стали бежать из него; но Тит начал предавать всех таких беглецов распятию. Сам город сделался местом самых безумных побоищ между соперничающими партиями и ужасных насилий и грабежей. Зилоты под предводительством Елеазара предались открытому разбойничеству. А римляне все подвигались к стенам, и их метательные снаряды производили страшное опустошение на улицах. Ко всем этим ужасам присоединился страшный голод. Все запасы, сделанные частными жителями, были разграблены зилотами, и все испытывали ужасные муки голода. Женщины и дети с плачем бегали по улицам, выпрашивая куска хлеба; молодые люди ходили как тени и замертво падали от изнеможения. Носились даже страшные слухи, как матери убивали и пожирали своих собственных детей. Ежедневные жертвы в храме прекратились за недостатком жертвенных животных и отсутствием священников, большинство которых или были избиты в самом городе, у самых жертвенников, или бежали из города и были распяты римлянами. Наконец, римляне проломили городскую стену, ворвались в город и взяли приступом башню Антонию. Оставалось взять еще храм, так

как около него и в нем собрались все дошедшие до яростного исступления иудеи. Но и этот последний оплот иудейства не мог выстоять против напора римлян, и среди воплей, самоубийств и ужаснейшего побоища храм был взят и превращен в пепел. Великий жертвенник был завален убитыми. Дворы храма утопали в крови. Шесть тысяч испуганных женщин и детей с воплем ужаса погибли среди пламенеющих развалин храмовых притворов. Римляне поставили знаки своих легионов на том месте, где было Святое Святых. Овладев верхним городом, они перестали убивать только тогда, когда окончательно истомились от побоища. По свидетельству Иосифа Флавия, у Тита было искреннее желание сохранить храм, но его повеление не было исполнено его воинами, увлеченными яростным пылом битвы. С другой стороны, по свидетельству римского историка Сульпиция Севера, Тит имел преднамеренную цель искоренить христианство и иудейство одним ударом, думая, что если будет исторгнут иудейский корень, то христианская ветвь погибнет сама собой. Самые рослые и красивые юноши были оставлены для триумфа победителей. Из народа все свыше семнадцатилетнего возраста осуждены были на каторжные работы в египетских рудниках. Другие были отосланы в качестве подарка различным городам для убийства их дикими зверями или гладиаторами или для взаимного истребления в провинциальных амфитеатрах. Молодые люди обоего пола продавались в рабство. Даже в течение тех дней, когда делалось это распределение, 11 000 человек погибли от недостатка пищи; одни – потому, что их стража не хотела им дать ее, а другие потому, что не хотели принимать ее. Иосиф Флавий определяет число пленных, взятых во время войны, в 97 000, а число тех, которые погибли во время осады, в 1100 000.

Все число погибших во время войны определяется страшной цифрой в 1 337 490, а число пленных в 101700; но даже эти расчеты не включают всех потерь во время многих стычек и битв и не принимают во внимание множества тех, которые по всей стране погибли от бедствия голода и болезней. Можно вполне сказать, что народ этот был как бы обречен на истребление; 2000 гниющих тел найдены были даже в подземных ходах города. Во время осады все деревья в окрестностях были вырублены, и отсюда весь вид местности с ее обугленными и окровавленными развалинами настолько изменился, что всякий, кто бы вдруг прибыл в нее, не в состоянии был бы узнать, где он находится. Сам город был, по-видимому, столь неприступен с его массивными и несравненными укреплениями, что Тит открыто заявлял, что в этой победе он явно видит руку Божию.

Так совершился Страшный суд Божий над иудейским народом, который по своей жестоковейности не познал времени своего благодатного посещения, не принял обетованного Мессии и таким образом не исполнил своего великого предназначения. Как бесплодная смоковница, он был срублен у самого корня и прекратил свое национальное существование. Событие это имело чрезвычайно важное значение для церкви. Оно показало даже иудействующим, которых было немало среди христиан, что иудейство отжило свой век, и Ветхий Завет решительно прекращен всемогущей рукой Божией. Церковь Христова должна была стать полностью независимой от иудейского храма и Моисеева закона, и это все теперь совершилось само собой, при самых поучительных обстоятельствах. Когда в 120 году на развалинах Иерусалима построена была Элия Капитолина и христианам был позволен свободный доступ в нее, между тем как ни один иудей не смел приближаться к ней, то церковь иудействующих практически прекратила свое существование. «До этого времени, – говорит Сульпиций Север, – почти все христиане в Иудее соблюдали закон, в то же время поклонялись Христу как Богу; но по божественному установлению это иго закона должно было быть снято от свободы церкви». Церковь Элии Капитолины не была уже по преимуществу иудейской, и даже формально отделяла себя от иудеев. В первый раз в 137 году она избрала своим епископом Марка из необрезанных язычников. Событие это многозначительно доказывало, что даже в Иудее будущая судьба христианской церкви не была более в опасности от иудеев. Церковь тогда окончательно и навсегда освободилась от уз синагоги и могла спокойно осуществить предсказание Христа о том дне, когда истинные поклонники будут поклоняться не на горе и не в Иерусалиме, а будут поклоняться на всяком месте – духом и истиной.

Страшный суд Божий, постигший народ иудейский за его неверие и жестоковейность, совершился во исполнение ясных предсказаний Христа. В своей прощальной беседе, под грустным впечатлением окончательного отвержения со стороны избранного народа, Христос предсказал, что он опять скоро посетит народ иудейский, но посетит уже в качестве грозного судии, для праведного возмездия ему. Посещение это должно было совершиться еще при жизни того самого поколения, которое повинно было в отвержении Христа и совершении ужаснейшего преступления богоубийства. «Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все сие будет» (Мф 24:34), и предсказание это в точности соответствовало страшной действительности. «Сначала, – говорил Христос, – услышите о войнах и о военных слухах; восстанет народ на народ и царство на царство». И действительно, весь Восток в это время был в чрезвычайном возбуждении, Иудея в открытом восстании, а войска из Испании, Галлии и Германии, с одной стороны, и из Иллирии и Сирии – с другой, устремлялись в Рим для решения вопроса, к кому после смерти Нерона должен был перейти императорский престол. «Будут глады, моры и землетрясения по местам»; и римские историки передают, что в это именно время с особенной силой обрушивались на человечество эти страшные бедствия. На небе были необычайные знамения: над Иерусалимом в течение целого года перед войной горела страшная комета в виде серпа, наводившая своим видом ужас на жителей. «Все же это начало скорбей». Вслед за ними должны были прийти дни, когда «враги обложат тебя (Иерусалим) окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не останется в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк 19:43–44). «Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира до ныне, и не будет» (Мф 24:21). Но этому Страшному суду должны были подвергнуться только иудеи. Все же «узнавшие время посещения» не подлежали ему и могли избежать его бегством из Иудеи в горы. Христос указал и признак, по которому христиане могли узнать о приближении бедствий, чтобы заблаговременно искать убежища. «Когда увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте, тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы». Всем хорошо известно было, что разумелось под мерзостью запустения. Это именно – водворение римлянами языческих знамен на священной почве святого города, и христиане воспользовались этим предостережением. Лишь только Тит расположился с своим войском перед городом и поднял свои языческие знамена, как христиане вспомнили об этом предостережении Христа и бежали в гористый город Пеллу за Иорданом. Иерусалим был обречен на неминуемую гибель, потому что в духовно-нравственном отношении он был труп, а «где будет труп, там соберутся орлы», как они именно и собрались для растерзания этого трупа. Пелла сделалась главным средоточием церкви Христовой до тех пор, пока император Адриан не позволил христианам возвратиться на восстановленное пепелище погибшего города.

Этот Страшный суд Божий совершился уже после смерти апостолов, которые, как и предсказывал Христос, в большинстве были преданы на мучения и убиты; но один из них пережил это бедствие, именно тот, о котором Христос сказал: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду» (Ин 21:22). Это именно Иоанн, «ученик, которого любил Иисус». Ему суждено было долее всех других апостолов сиять на небосклоне апостольского века, и он сошел с апостольского поприща почти уже с окончанием этого века.

О жизни его после вознесения Иисуса Христа на небо известно очень мало. Приняв на себя великую обязанность сыновнего попечения о Пресвятой Деве Марии, он всецело отдался исполнению этого высокого долга, и лишь изредка выступал на поприще открытой апостольской проповеди. Однако же он именно вместе с ап. Петром на первых порах был главным проповедником и провозвестником воскресшего Христа и ему же пришлось одним из первых давать ответ перед синедрионом, привлечшим их к суду за проповедь о Христе. В течение этого времени ап. Иоанн, видимо, жил в Иерусалиме, хотя, быть может, по временам и

отлучался из него в другие местности Палестины. При новом взрыве гонительской ревности синедриона он схвачен был с другими апостолами и ввержен в темницу. После чудесного освобождения ночью ангелом при рассвете следующего дня они еще раз были схвачены и приведены в синедрион. На этот раз они были арестованы без насилия, так как гонители опасались насильственного вмешательства народа в их пользу. До безумия, однако же, уязвленный твердостью апостолов, которые на всевозможные доводы первосвященника отвечали в лице своего представителя ап. Петра, что они обязаны отказать в повиновении убийцам своего Господа, синедрион серьезно был занят вопросом: предать ли их всех смерти, и от совершения этого рокового преступления их отклонил только своим мудрым советом Гамалиил. Они решились, однако же, подвергнуть апостолов бичеванию, и тогда ап. Иоанн впервые узнал, что значило претерпеть позор и телесное мучение за своего Господа. Но это мучение не достигло имевшейся в виду цели. Апостолы радовались, что они сподобились перенести позор ради имени Христа, и ежедневно в храме проповедовали Его Евангелие. Затем, после путешествия в Самарию для утверждения новообращенных, ап. Иоанн почти совсем сходит с поприща исторически известной деятельности. О его движениях и жизни можно судить только по некоторым намекам в его посланиях и по сохранившимся о нем преданиям. Из Иерусалима он, по-видимому, направился по стопам апостола народов – в Рим, и там пережил страшное время гонения на христиан.

Есть предание, что он сам подвергнут был мучению и ввержен в котел с кипящим маслом, но вышел из него еще более здоровым и юным. Хотя жизнь его и сохранена была для блага церкви, но впоследствии он был схвачен в Риме и отправлен в ссылку на полупустынный остров Патмос, и именно «за слово Божие и свидетельство Иисуса Христа». Там он удостоился великого откровения о будущих судьбах церкви и мира, каковое откровение и изложено им в Апокалипсисе. По освобождении от ссылки ап. Иоанн поселился на жительство в Ефесе, и эта столица Малой Азии сделалась центром его апостольской деятельности. Из Ефеса апостол мог следить за жизнью всех окружающих церквей и часто предпринимал путешествия для личного обозрения их.

Здесь апостол наблюдал за возрастанием церкви Христовой до конца своей жизни, и при нем с особенной ясностью стало развиваться то зло, от которого уже предостерегали и другие апостолы, именно зло лжеучительства. Зло это удобнее и скорее всего могло развиваться именно в Ефесе, так как этот город был центром умственной жизни всей Малой и Западной Азии и находился в постоянных сношениях с славившейся своей философскими школами Александрией. Там явилось много таких личностей, которые, не удовлетворяясь простым пониманием христианства, стали излагать его с философской точки зрения, и так как евангельская истина не укладывалась ни в какую философскую систему, то являлось неизбежным извращение истины, доходившее до еретического заблуждения и полного отрицания христианства, т. е. до антихристианства. Таких антихристов было в Ефесе уже много, но самым видным из них был Керинф. Это был один из тех людей, которые колеблются подобно волнующемуся морю и увлекаются всяким ветром учения. Так он перемешивал и перепутывал различные иудейские заблуждения с языческими представлениями, и из этой смеси у него образовалась собственная система, по своему духу совершенно еретическая. Он учил, что мир сотворен добродетелью или силой, гораздо низшей сравнительно с истинным Божеством; что Иисус родился не от Девы, а от Иосифа и Марии, и отличается от людей только необычайной добротой; что божественный Христос только временно нисходил на человека Иисуса, именно во время крещения, а во время страдания Он опять отлетел в свою Плирому, будучи неспособен к страданию, и что вообще Иисус был только учитель, а не искупитель человечества. Все эти воззрения выходили у него из того ложного положения, что между Богом и материей не может быть никакого взаимодействия и Бог настолько удален от человека, что не может иметь непосредственного отношения с ним; отсюда само собой являлось отрицание воплощения Божества; а затем, так как материя считалась источником зла, то проповедовалось учение об угнетении материи или тела, и это, естественно, приводило таких еретиков или к

чрезвычайному аскетизму, разрушавшему тело без должного обуздания его страстей, или же к антиномианской распущенности, которая тоже должна была разрушать тело, но совершенно противоположным путем, через постыдное самоуслаждение. Ясно, что такое учение и в религиозном и в нравственном отношении было полным отрицанием истинного христианства, именно было антихристианством.

С этими-то лжеучителями и приходилось бороться ап. Иоанну. Он их прямо изобличал как антихристов. «Всякий отрицающий, что Иисус есть Христос, Сын Божий», другими словами, всякий утверждающий, как утверждал Керинф, что исторический человек Иисус не был в полном смысле Бог, есть, по торжественному заявлению ап. Иоанна, антихрист. Вопреки этому лжеучению сам апостол торжественно проповедовал, что Иисус есть Христос, что Христос есть Иисус, что Иисус есть Бог, что Иисус не какое-либо отдельное существо от Сына Божия, но тождествен с Ним. По мнению гностиков, Божество «пришло и снизошло на Иисуса подобно птице по воздуху». Но ап. Иоанн свидетельствует всем своим Евангелием и посланиями, равно как и Апокалипсисом, что Бог сделался человеком и обитал в нашем человеческом естестве нераздельно. Превечный Сын Божий не только наполнял все существо Иисуса, который был Он сам, но также наполнял всех верующих, которые рождены от Бога, а не от «хотения плоти». Он наполняет все божественной жизнью и славой. Все эти истины ап. Иоанн изложил в своих трех посланиях, особенно в первом, где он вместе с тем предостерегает верующих от «антихристов», которых тогда появилось уже «много» (1 Ин 2:18). В этом же послании апостол с особенной силой внушает верующим любить друг друга, и «любить не словом или языком, но делом и истиной». «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин 4:8). Другие два послания ап. Иоанна более кратки и написаны – второе – «избранной госпоже» (неизвестно, отдельной ли личности, или церкви) и третье – некоему «возлюбленному Гаию». В обоих этих посланиях апостол восхваляет их любовь к истине, предостерегает от лжеучителей и людей злонамеренных.

В Ефесе же ап. Иоанн написал свое Евангелие, которое должно было служить историческим подтверждением всей его проповеди. Оно как бы написано на текст из его первого послания: «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир едиnorodного Сына своего, чтобы мы получили жизнь от Него» (1 Ин 4:9). И вместе с тем оно направлено было против тех лжеумствований, которые проникли из Александрии в Ефес и смущали простую веру христиан. Так как среди этих умствований было и учение о Логосе, проповедовавшееся иудейско-александрйским философом Филоном, и так как это учение, наверно, находило последователей и среди христиан, которые готовы были подводить под это модное в то время учение и все христианство с неизбежным его искажением, то ап. Иоанн и начал свое Евангелие изложением истинного учения о том Божественном Слове, которое не было простым отвлечением ума, как учили александрийцы, а «было в начале у Бога и само было Бог», и это «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца».

О жизни ап. Иоанна в Ефесе сохранилось несколько преданий, ярко рисующих этого доблестного стража церкви и последнего из апостолов. Одно из этих преданий рассказывает, что однажды он хотел войти в одну из больших общественных бань (термы), как вдруг его известили, что там находится Керинф. Услышав это, апостол тотчас же вернулся назад, восклицая: «Убежим отсюда, чтобы баня не обрушилась на наши головы, ибо там Керинф, враг истины».

Рассказ этот показывает, до какой степени апостол избегал общения с еретиками и давал верующим наглядный пример, как нужно удаляться тех еретиков, которые извращали основную истину христианства.

Другое предание рассказывает случай, свидетельствующий о той полноте отеческой любви, которой пылал Иоанн к своим духовным чадам. По временам он предпринимал апостольские

путешествия для обозрения церквей, рукоположения пресвитеров и вообще устройства церковных дел. В одном городе он увидел юношу замечательной наружности, красивого лицом и, по-видимому, одаренного превосходными способностями. Обращаясь к только что рукоположенному епископу, Иоанн сказал: «Особенно препоручаю тебе этого юношу, в присутствии всей церкви, и беру Христа во свидетельство того». Епископ обещал иметь о нем попечение, а Иоанн прежде своего возвращения в Ефес еще раз повторил ему о своем препоручении. Епископ взял юношу к себе, воспитывал его тщательно и наконец окрестил. Воображая, что, запечатлев его печатью Христовой, он уже тем окончил дело свое, епископ ослабил свой надзор. Молодой человек ознакомился с другими юношами своего возраста и распушенной нравственности, стал вскоре злоупотреблять рано дарованной ему свободой. Сотоварищи завлекли его сначала на пиршества, затем повели его грабить ночью прохожих и, наконец, увлекли во множество преступлений. Юноша вскоре привык к порочной жизни и увлекся ею тем более, что одарен был замечательным умом. Падая все более, он из сотоварищей своих образовал шайку разбойников, а сам стал атаманом, и превосходил прочих в насилиях и жестокости. Несколько времени спустя дела церковные снова привели Иоанна в тот же город. Устроив их, апостол обратился к епископу с требованием о возвращении ему залога, т. е. юноши. Епископ со слезами отвечал, что юноша тот умер, и «умер для Бога», добавил епископ, «предался греху, потерялся и стал разбойником; он оставил церковь и пошел в горы с шайкой душегубцев».

Услышав слова эти, апостол разорвал одежды свои, глубоко вздохнул и, ударив себя по голове, сказал: «Действительно, я оставил душу брата с хорошей стражей! Дайте мне коня и проводника!» В таком положении, как был, оставил он церковь, сел на коня и поспешно удалился. По прибытии в указанное место был он взят передовой стражей. Вместо того чтобы стараться умиловить разбойников и бежать, он воскликнул: «Ведите меня к начальнику вашему, я для того и приехал». Тот ожидал его вооруженным, но когда узнал Иоанна, то пораженный стыдом бросился в бегство от него. Апостол, невзирая на свою старость, бросился в погоню за ним, крича: «Сын мой! зачем бежишь от отца твоего? Я стар и безоружен! Сжался надо мною!.. Сын мой, не бойся! Ты еще можешь надеяться на спасение. Я удовлетворю за тебя Христа, охотно умру за тебя, как Господь за нас умер. За тебя отдам я душу свою. Остановись и поверь мне... я послан от Христа».

Наконец молодой человек остановился, опустил голову, отбросил свое оружие и повергся в объятия апостола, скрывая правую руку свою, виновную в стольких преступлениях. Он просил помилования и затем, трепеща, начал горько плакать, и слезы его были столь обильны, что стали как бы новым крещением. Апостол обещался исходатайствовать ему помилование от Господа, тут же молился вместе с ним, целовал его и затем, приведя его в город, опять ввел его в церковь Христову, как великий пример покаяния и живое торжество своей апостольской любви. Так он на деле исполнил заповедь Христа об отыскании заблудшей овцы и дал всем христианским пастырям пример истинно самоотверженной любви к своим пасомым, пренебрегающей для их спасения даже явной опасностью для собственной жизни.

В последние годы своей жизни ап. Иоанн собирал вокруг себя учеников, которым и преподавал истины Евангелия. Среди учеников и слушателей его между другими были знаменитые впоследствии мужи Св. Поликарп, Папий и другие. С летами он сделался уже так немощен, что не мог сам ходить в церковь и на христианские собрания, и ученики носили его туда. Но он не мог уже и поучать, как раньше, и беседу свою на различных собраниях ограничивал словами: «Детки! любите друг друга». Ученики и братья, наскучив слушать от него все одно и то же, наконец сказали ему: «Учитель! зачем ты нам повторяешь это постоянно?» Иоанн же отвечал им следующими истинно достойными его словами: «Это заповедь Господня, и если соблюдете ее, то и довольны». Он умер, достигнув почти столетнего возраста, и погребен был в Ефесе, где его гробница сделалась местом паломничества христиан, приходивших поклониться праху «ученика, которого любил Иисус».

С последним апостолом сошел в могилу последний очевидец дел Христовых на земле, тот свидетель, который «видел славу его, славу как едиnorodного от Отца» (Ин 1:14). Но с прекращением апостольского века церковь не должна была лишиться апостольского слова, потому что иначе она осталась бы без надлежащего руководства в деле веры и жизни, память о делах и учении Христа и апостолов могла с течением времени затемниться и через это лжеучительство могло получить еще большую возможность затемнять светлую истину Евангелия своими человеческими измышлениями. Отсюда апостолы и первые их последователи скоро пришли к внушенному им свыше убеждению о том, чтобы истинное слово евангельской проповеди предать письменности и таким образом сохранить его на все времена. Так явились священные книги христиан, составившие с течением времени новозаветный канон, т. е. правило веры и жизни церкви новозаветной. Первыми книгами были послания апостолов, вызванные необходимостью поучения церковью заочно, но затем явились и книги исторические, в которых подробно излагалась в поучение грядущим поколениям история земной жизни Иисуса Христа и Его главнейших апостолов. Как в Ветхом Завете домостроительство Божие совершалось сначала устно и затем заключено было в писанный закон, так и новозаветное домостроительство должно было со временем заключиться в письмена, именно с целью дать непреложное Правило веры, на которое всегда можно было сослаться при опровержении всякой возникающей ереси. Эту именно цель и имели в виду священные писатели Нового Завета, как это видно из их собственных заявлений. Так св. Иоанн писал свое Евангелие с той целью, «дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин 20:31). При исполнении этой великой задачи апостолы имели высшую помощь посланного им Духа Святого, который научал их всему и напоминал обо всем, что говорил им Христос, основоположник Нового Завета. Отсюда то, что написано ими, имеет безусловную истинность, как об этом и говорит возлюбленный ученик: «Сей ученик и свидетельствует о сем, и знаем, что истинно свидетельство его» (Ин 21:24).

Священные книги Нового Завета написаны разными лицами, в различное время и по разным побуждениям; но так как писатели были руководимы одним и тем же Духом Святым, то в многообразии книг обнаруживается с различных сторон одна и та же истина, так что все новозаветные книги, соединенные в канон, составляют как бы одну целую книгу, разделенную на части. Всех книг в новозаветном каноне двадцать семь, и они разделяются на исторические, учительные и пророческие. К историческим книгам принадлежат четыре Евангелия и книга Деяний Апостольских; к учительным все апостольские послания в количестве двадцати одного и к пророческим книга откровения, или Апокалипсис. Большая часть этих книг написаны на греческом языке, который, как самый распространенный в то время, был наилучшим орудием распространения истины. Написанные на нем книги могли быть свободно читаемы самыми разноплеменными народами – от Атлантического океана до Евфрата, так как знание этого языка считалось необходимой принадлежностью образования у всех народов, входивших в состав Римской империи, да и в самом Риме образованные классы не только считали своим долгом изучать этот язык и его литературу, но даже употребляли его в общезнании, как язык модный и интеллигентный.

Самой ранней из исторических книг признается Евангелие от Матфея. Оно написано, по преданию, через восемь лет по Вознесении, вероятно в Палестине. Автор его – апостол Матфей, возведенный Христом в высокое апостольское достоинство из презираемого положения мытаря. Как сборщик пошлин, он обязательно должен был уметь читать и писать, и это свое знание, употреблявшееся сначала на низкое дело – записи собираемых пошлин, он по возведении его в апостольство употребил на письменное изложение жизни того божественного Учителя, который призвал его к высшей духовной жизни. Свое Евангелие, по преданию, он написал на еврейском языке, так как предназначал его в поучение своим единоплеменникам, и

именно книжникам, с целью указать на основании Св. Писания исполнение на Иисусе всех пророчеств, находящихся в Ветхом Завете о Мессии. Но еврейский подлинник в скором времени был переведен на греческий язык, и этот перевод, как явившийся в век апостольский и, следовательно, под высшим руководством апостолов или даже самого ап. Матфея, имеет значение, равносильное с подлинником. Сообразно с назначением Евангелия, оно написано с той целью, чтобы показать обращенным иудеям, что Иисус Назарянин и есть Мессия, которого они ожидали. Следя за всеми событиями земной жизни Спасителя, св. Матфей при каждом случае отмечает, как то или другое событие находится в теснейшем соотношении с ветхозаветным пророчеством. Отсюда у него постоянно повторяется изречение: «Сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит» (Мф 1:22; 2:15, 23 и др.).

Всякое более важное сообщение подтверждается ссылкой на Ветхий Завет, и таких ссылок у него больше, чем у других апостолов, не менее 65, из которых в 43 случаях делается буквальная цитата, а в остальных лишь указание на общий смысл. Евангелие состоит из двадцати восьми глав, начинается изложением родословия Иисуса Христа от Авраама и оканчивается прощальной беседой Христа с апостолами перед Вознесением, когда Он повелел им идти научить все народы, крестя их во имя Отца и Сына, и Святого Духа, и дал им славное обетование пребывать с ними «во все дни до скончания века».

Второе Евангелие написано св. Марком, который в юности носил двойное имя – Иоанн Марк, причем последнее имя, довольно употребительное у римлян, было принято им сначала как прозвище, но затем оно с течением времени совершенно вытеснило собой первое, так что в посланиях ап. Павла о нем упоминается уже только под этим последним именем. Он был сыном известной Марии, в доме которой не раз бывали собрания апостолов в Иерусалиме после Вознесения. В дом этой именно Марии прибыл ап. Петр после своего чудесного избавления из темницы (Деян 12:12), и там именно в это время «многие собрались и молились». С этого времени, по-видимому, юный Иоанн Марк глубоко привязался к верховному апостолу. Пылая юношеской ревностью потрудиться для Христа, он отправился с ап. Павлом и Варнавой (которому он доводился племянником – Кол 4:10) в качестве прислужника во время их первого великого миссионерского путешествия, но не выдержал всех сопряженных с ним трудов и из Пергии возвратился домой (Деян 12:25; 13:13). Это обстоятельство впоследствии послужило предметом немалой распри между ап. Павлом, который был недоволен таким нарушением со стороны Марка принятого им на себя обязательства, и Варнавой, который как дядя старался смягчить вину своего племянника и хотел взять его даже и во второе миссионерское путешествие, чему решительно воспротивился ап. Павел. Но это несколько не унизило Марка в глазах глубокопроницательного апостола, который впоследствии сам призывал его к себе во время своего второго тюремного заключения в Риме как человека, который нужен был ему для служения (2 Тим 4:11) и который уже доказал свое усердие в служении апостолу во время его первого тюремного заключения (Кол 4:10; Фил 24). Именно он был связующим звеном между апп. Павлом и Петром, и из Рима путешествовал, по-видимому с поручением от узника Павла, в далекий Вавилон, где проповедовал Петр. Для последнего он был «переводчиком» – в буквальном ли смысле этого слова или в смысле истолкователя учения ап. Петра, каким он и является в своем Евангелии, по преданию, записанном именно со слов ап. Петра.

Из Вавилона он сопровождал своего учителя в Рим и после мученической кончины ап. Петра послан был с проповедью в Египет и там основал церковь в Александрии, был епископом основанной им церкви и там же потерпел мученическую кончину. Свое Евангелие Марк написал по просьбе слушателей ап. Петра, желавших получить от него писаное изложение точного учения верховного апостола. В ответ на эту просьбу Марк подробно изложил все, что он слышал от ап. Петра о земной жизни Иисуса Христа, и вследствие этого его изложение отличается чрезвычайной наглядностью и живописностью, обнаруживающими именно свидетельство ближайшего очевидца излагаемых событий. Евангелие свое он, видимо, предназначал сначала для язычников, отсюда оно отличается совершенно иным характером,

чем Евангелие от Матфея. В нем редко делаются ссылки на Ветхий Завет, но зато часто объясняются различные иудейские обычаи, как, например, употребление в пищу опресноков в праздник Пасхи, омовение рук и сосудов, каковые объяснения были бы совершенно излишними для иудеев, как их действительно и обходит молчанием св. Матфей. Евангелие написано им или в Риме, или в Александрии, между 50 и 60 годами. В нем изображается по преимуществу время торжественного служения Мессии, когда Он победоносно выступал против греха и злобы мира и темой для него как бы служили слова ап. Петра: «Как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним» (Деян 10:38). Евангелие состоит из шестнадцати глав, начинается с изображения явления Иоанна Крестителя и оканчивается сообщением, как после вознесения Христа апостолы «пошли, и проповедовали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями». В нем одном только, между прочим, рассказывается о том неизвестном юноше, который в ночь взятия Христа воинами выбежал на улицу в одном одеяле, и когда один из воинов схватил его за одеяло, то, вырываясь из рук воина, он оставил одеяло в его руках и убежал совершенно нагой (Мк 14:51–52). По преданию и вероятному предположению, юноша этот и был сам повествователь, св. евангелист Марк, умолчавший о своем имени.

Третье Евангелие написано св. Лукой, известным сотрудником ап. Павла во время его миссионерских путешествий. Имя Лука есть сокращенная форма от Лукан или Луцилий. Родом он был из Антиохии Сирийской, но неизвестно какого происхождения. По своему образованию он был врач, и ап. Павел называет его своим «возлюбленным врачом», так как, вероятно, не раз пользовался его медицинским искусством при своих различных немощах, так часто удручавших его во время его великих трудов. Но медицинское образование не было достоянием высших классов в древности и часто, напротив, составляло принадлежность нарочито обучавшихся для этого рабов. Можно думать, что он занимался медицинской практикой в приморских городах и на самых кораблях, и во время одного из путешествий ап. Павла он и сделался для него «врачом возлюбленным». По другому преданию, он был вместе с тем и живописец, и написанные им иконы доселе чтутся православной церковью как особая святыня. Неизвестно, когда он собственно был обращен в христианскую веру, но, по одному преданию, он был из числа семидесяти учеников Христа и таким образом был очевидцем событий земной Его жизни.

Первое историческое свидетельство о его личности застаёт его в Троаде, где он присоединился к ап. Павлу и разделял с ним путешествие в Македонию, вследствие чего при описании этого путешествия в книге Деяний апостольских он с этого времени употребляет первое лицо множественного числа «мы» (Деян 16:9). Обращение его, наверно, совершилось раньше, иначе было бы что-нибудь сказано об этом, между тем он совершенно умалчивает о своем обращении и присоединяется к апостолу как уже вполне знакомое ему лицо.

Св. Лука путешествовал вместе с апостолами до города Филиппы и, по-видимому, остался там, так как о нем уже не упоминается в повествовании об остальной части второго миссионерского путешествия. Во время третьего путешествия он опять присоединился к апостолу и именно в Филиппах (Деян 20:5) и путешествовал с ним через Милет, Тир и Кесарию в Иерусалим, и там, видимо, пребывал во время всех смут, поведших к тюремному заключению ап. Павла. С этого времени он уже не разлучался с ап. Павлом, путешествовал вместе с ним в Рим и разделял все ужасы страшного кораблекрушения, столь живо и подробно описанного им в книге Деяний.

После смерти ап. Павла история совершенно умалчивает о нем, но он, видимо, продолжал дело своего великого учителя, который сам раньше высоко ценил своего «возлюбленного врача» и во Втором послании к Коринфянам лестно отзывался о нем как о «брате, во всех церквах похваляемом за благовествование» (2 Кор 8:18). По преданию, он претерпел мученическую кончину, получая таким образом венец наравне с большинством апостолов. Свое Евангелие он, по-видимому, написал около 60 года по Р. Х. Во время путешествий с ап. Павлом он научился

глубоко понимать его учение, как наиболее сильное и глубокое воспроизведение учения Христова в его многообразных приложениях, и как очевидец дел Христовых он в подробности знал и земную жизнь самого Христа. Это по вдохновению Святого Духа и послужило для него побуждением написать Евангелие, которое он, в частности, предназначал для некоего «достопочтенного Феофила», очевидно пользовавшегося большим уважением в христианской церкви и желавшего «узнать твердое основание того учения, в котором был наставлен». До этого времени уже были в обращении Евангелия Матфея и Марка, а также и другие различные повествования «о совершенно известных событиях»; но св. Лука хотел «по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать» достопочтенному Феофилу земную жизнь Спасителя, насколько он сам был ее очевидец и знал о ней от других «очевидцев и служителей Слова» (Лк 1:1–4). Так как Феофил, по предположению, был из язычников, то и все Евангелие вообще было написано для христиан из язычников. Поэтому родословие Христа в нем ведется не от Авраама только, как в Евангелии Матфея, а от Адама как родоначальника всех людей.

Жизнь Христа излагается по преимуществу с ее исторической стороны, и повествование отличается обстоятельностью, особенно в первых главах, где излагаются события, предшествовавшие рождению Спасителя. Евангелие состоит из 24 глав и заканчивается повествованием о Вознесении Христа на небо, после чего апостолы «возвратились в Иерусалим с великою радостью, и пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога».

Четвертое Евангелие написано «возлюбленным учеником» Иоанном, который по высоте своего учения о Боге Слове получил в церкви высокое название Богослова.

Евангелие написано им в Ефесе, уже в преклонные годы своей жизни. После разрушения Иерусалима Ефес сделался средоточием христианской церкви на Востоке и вместе с тем был центром вообще умственной жизни Востока, так как в нем сталкивались представители как греческой, так и восточной мысли. Там именно учил и первый ересиарх Керинф, который искажал христианство именно привнесением в него грековосточных элементов, в свою очередь заимствованных им в Александрии. При таких обстоятельствах особенно необходимо было для церкви иметь руководство для своей веры, которое бы обеспечивало от окружающих заблуждений. Имея в лице ап. Иоанна одного из ближайших свидетелей и очевидцев «служения Слова», христиане Ефеса стали просить его, чтобы он описал им земную жизнь Спасителя. В это время уже были Евангелия первых трех евангелистов, но только один из них, именно Матфей, был из числа двенадцати, но и он призван был уже после Иоанна и во всяком случае не принадлежал к кругу избраннейших учеников, чего именно удостоился Иоанн.

Когда христиане принесли Иоанну и сами книги первых трех евангелистов, то он похвалил их за истинность и правдивость повествования, но нашел, что в них много опущено весьма важного. При повествовании о Христе, пришедшем во плоти, необходимо говорить о Его Божестве, так как иначе люди с течением времени начнут думать о Христе лишь по тому, каким Он являлся в земной жизни. Вследствие такого заявления христиане и просили его написать Евангелие в таком именно духе, и он соизволил на их просьбу. Поэтому он свое Евангелие и начал не с изложения человеческой стороны в жизни Христа, а именно божественной стороны, с указания на то, что воплотившийся Христос есть Слово изначальное, то самое, которое «в начале было у Бога и само было Бог», – то Слово, через которое все начало быть, что произошло. Такое указание на Божество и предвечное бытие Христа необходимо было также ввиду распространявшихся Керинфом заблуждений касательно Иисуса, которого он считал лишь простым человеком, принявшим на себя Божество только временно, в период от крещения до страданий, а также в виду александрийских лжеучений о разуме и слове в их приложении к отношению между Богом и Его Словом изначальным. Что касается самого повествования, то оно служит именно дополнением к прежним трем Евангелиям. Все трое прежних евангелистов рассказывали по преимуществу о служении Христа в Галилее, так что многие важные события, совершившиеся в Иудее, обойдены ими молчанием. Дополняя их,

евангелист Иоанн и описывает по преимуществу служение Христа именно в Иудее, причем Он именно повествует о посещении Христом Иерусалима на великие годовые праздники вместе с другими паломниками.

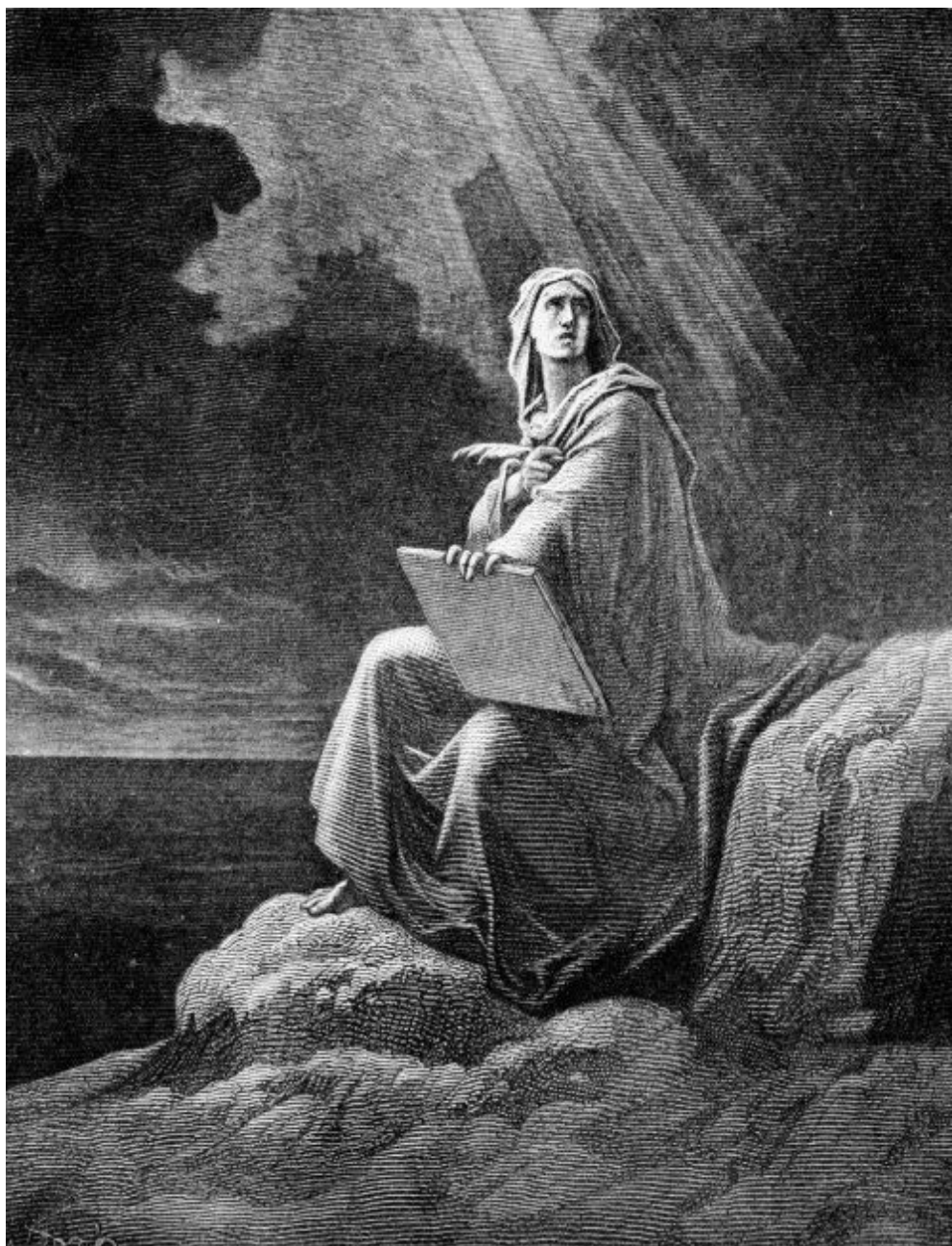
Хотя таким образом в Евангелии Иоанна и восполнены многие события в жизни Христа, не записанные в прежних Евангелиях, но жизнь Его так необъятна в своей деятельности, что, по собственному заявлению Иоанна, если бы писать о всем подробно, то и самому миру не вместить бы написанных книг. Евангелие от Иоанна состоит из двадцати одной главы и заканчивается предсказанием Христа об ожидавшей Петра и Иоанна участи в будущем, а также и свидетельством самого Иоанна, что «истинно свидетельство его».

Четвероевангелием исчерпывается с четырех сторон земная жизнь Христа, насколько она может быть исчерпана в своей необъятности боговдохновенными свидетелями истины. Но для поучения христиан недостаточно было описания жизни только самого Христа, потому что дело Его продолжали апостолы, задача которых состояла не только в том, чтобы поливать посеянное семя Евангелия, но и распространять его среди всех народов земли, за пределами Земли обетованной. Такая деятельность не могла не оказывать весьма важного влияния на жизнь церкви и потому необходимо было иметь сведения и о деятельности апостолов, по крайней мере, вскоре после вознесения Христа на небо. Этой потребности церкви и удовлетворил св. Лука, когда он после своего Евангелия написал тому же достопочтенному Феофилу вторую книгу, известную под названием «Деяния святых апостолов».

Эта книга начинается с того, на чем оканчиваются Евангелия, т. е. с повествования о Вознесении Господнем, после которого апостолы возвратились в Иерусалим, и, взойдя в горницу, «все единодушно пребывали в молитве и молении». В первых главах описывается, как избранием Матфия было восполнено священное число двенадцати апостолов, нарушенное гнусным предательством Иуды, и как эти ученики получили Святого Духа в день Пятидесятницы, того Утешителя Духа, который, по обетованию Христа, должен был облечь их силой свыше и вспомнить им все, о чем Он Сам говорил им. Затем рассказывается, как боговдохновенные апостолы начали проповедовать о воскресшем Христе иудеям и язычникам и как те и другие были допущены в церковь. Главным деятелем на первых порах был ап. Петр, которому именно выпала честь приобрести первых обращенцев из иудеев и ввести первых язычников в церковь Христову. Но так как ввиду неверия большинства иудеев церковь в будущем должна была по преимуществу собирать себе чад из язычников, то Бог воздвиг особого апостола язычников, ап. Павла, описанием трудов которого и занимается вся остальная часть книги Деяний.

Книга «Деяний апостольских» состоит из двадцати восьми глав и заканчивается сообщением о том, как ап. Павел по прибытии в Рим в качестве узника «жил целых два года на своем иждивении, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно». Таким окончанием отчасти определяется и время ее написания. Она написана, очевидно, именно во время первых уз ап. Павла в Риме, когда при все ухудшающемся состоянии правительства в Риме трудно было надеяться на освобождение его от уз и потому приходилось считать деятельность апостола язычников как бы законченной.

После пяти исторических книг в новозаветном каноне следуют семь соборных посланий апостолов Иакова, Петра, Иоанна и Иуды. Соборными они называются или потому, что посылались не к одной какой-либо определенной церкви, а целому округу или собору церквей, или потому, что они посылались от лица церкви соборной. За соборными посланиями следуют четырнадцать посланий ап. Павла к разным церквам и лицам и новозаветный канон заканчивается пророческой книгой – Апокалипсисом, или «Откровением святого Иоанна Богослова».

Апостол Иоанн на острове Патмос

Апокалипсис, по свидетельству святителя Иринея Лионского, написан был Иоанном Богословом «в конце царствования Домициана». Это было время гонения на христиан, и сам ап. Иоанн был в ссылке на острове Патмосе. Там, в этом невольном уединении на скалистом малонаселенном острове, апостол сподобился великого откровения о будущих судьбах церкви. Будучи «в духе в день воскресный», он услышал громкий голос, возвестивший ему: «Я есмь Альфа и Омега, первый и последний; то, что видишь, напиши в книгу» (Откр1:10–11). Затем некто «подобный Сыну человеческому» повелел апостолу написать послания ангелам (епископам) семи азиатских церквей, с выражением в этих посланиях похвалы или порицания за состояние той или другой церкви. Из этих посланий явствует, что требуется от церкви ее верховным Главой и какие именно дела могут служить к ее процветанию, равно как и приводить к упадку, и в них начертан божественный план для деятельности пастырей церкви на все времена. После посланий было новое видение: «И вот дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего». И затем следует целый ряд таинственных видений, в которых под символами семи печатей, семи труб и семи фиалов ярости постепенно

изображаются будущие судьбы церкви в истории. Ей предстояло и предстоит перенести множество скорбей и бедствий, но так как с ней Тот, который сказал, что и врата адовы не одолеют ее, то все закончится судом над змием как воплощением исконного человеконенавистника и над его слугами, и тогда настанет бесконечное торжество Христа, брак Агнца с Его невестой церковью, и последует полное обновление мира. «Се, грядущий скоро, – говорил в заключение Сын человеческий, – и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его». И свидетель всего этого таинственного и великого откровения отвечал: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» и за ним повторяют это все истинно верующие чада церкви, чающие второго пришествия Господня – судить живых и мертвых.

Так составил канон книг Св. Писания Нового Завета. Но эти книги были боговдохновенным воплощением веры христианской церкви лишь в ее наиболее существенном содержании и отнюдь не исчерпывали всего, что составляло предмет этой веры. Рядом с Св. Писанием церковь имела еще другой, не менее важный источник учения, именно устное предание. Под преданием разумеется вся сумма религиозного знания, которая не вошла в книги Св. Писания и осталась достоянием церкви в устной передаче от одного поколения к другому. А эта сумма великая, потому что даже не вся жизнь Иисуса Христа вошла в книги и осталось незаписанным столько дел и чудес Его, что при подробном описании их самому миру не вместить бы написанных книг (Ин 21:25). Большинство апостолов также не оставили после себя писаний, и все их учение, таким образом, сделалось достоянием церкви только в форме предания. Даже и те апостолы, которые записали свое учение, оставили многое из него незаписанным, хотя и весьма существенное для веры (2 Фес 2:15; 1 Кор 9:2 и др.).

Некоторые из самых книг Св. Писания составлены писателями, которые, как, например, свв. Марк и Лука, не были очевидцами всех описываемых ими событий, а описывали их на основании устного свидетельства очевидцев и, следовательно, по преданию. Отсюда предание по своему содержанию гораздо шире Св. Писания и служило даже к определению канона и истолкованию последнего. Только при помощи предания можно было определить, какие именно книги написаны были боговдохновенными учителями христианства в отличие от подложных сочинений, равно как и при помощи его только можно было правильно истолковывать все те места в священных книгах, которые оказывались неудобопонятными (2 Петр 3:16). Будучи достоянием церкви, святое предание сохранилось в своей чистоте благодаря тому, что оно непрерывно проповедовалось пастырями и содержалось паствой, воплощалось во всем строе церковной жизни, в праздниках и обрядах, в благочестивых обычаях, в молитвах общественных и частных, в символе веры, в правилах и в порядках христианского общества. Все это вместе, служа воплощением предания, и было той сокровищницей, к которой церковь всегда прибегала и в последующие века, когда нужно было выяснить ту или другую религиозную истину и опровергнуть то или другое заблуждение.

L

Первенствующая церковь и ее учреждения. Богослужение первенствующих христиан

Если для христиан оказалась потребность в священных книгах как воплощении того учения, которое составляло основу их веры и правило их жизни, то для них также необходимо было и богослужение как внешнее выражение их внутреннего отношения к Богу и Спасителю Христу. Хотя по учению Христа в новозаветной церкви служение Богу должно было совершаться в духе и истине, потому что Бог есть Дух, но этим положением отнюдь не исключалось внешнее богослужение. Им только разрушалось древнее верование, что богослужение должно ограничиваться одним определенным местом. Это последнее верование естественно вытекало из общего ветхозаветного домостроительства, по которому Бог для сохранения истинной веры среди погруженного в идолопоклонство человечества не только выделял особых личностей и целый народ в качестве носителей и хранителей истины, но и назначал особое место своего соприсутствия, каковым был храм иерусалимский, служивший наглядным знаменем истинной веры для всех, кто принадлежал к церкви ветхозаветной. Теперь, когда с основанием

новозаветного царства ему должен был принадлежать не избранный только народ, но весь род человеческий, такое ограничение места соприсутствия Божества сделалось излишним. Бог как Дух присутствует везде, где только собираются истинные поклонники, на всяком месте владычества Его. Это положение не только ясно высказано Христом в Его знаменитой беседе с самарянкой (Ин 4:23–24), но и подтверждено прямыми изречениями, что где только соберутся два или три во имя Его, там Он посреди них. Всякое такое собрание верующих во Христа составляло церковь, которой предоставлялись известные права в отношении суда над отдельными ее членами, как видно из изречения Спасителя, что о согрешающем и нераскаивающемся брате нужно поведать церкви, и если он не послушает и приговора церкви, то отсекается от нее и становится на один уровень с язычником и мытарем (Мф 18:17). Эти частные указания на церковь как особое учреждение нашли окончательное утверждение в том великом поручении, которое Христос сделал своим ученикам, когда Он дал им власть вязать и решить, велел идти во весь мир и крестить всех во имя Святой Троицы, и для исполнения этого великого дела ниспослал им высшую помощь в лице Духа Святого.

Как особое учреждение церковь новозаветная также должна была получить определенные внешние формы, которыми члены церкви связывались между собой в одно целое тело. Во главе ее в век апостольский стояли родоначальники новозаветного человечества – апостолы, которые сосредоточивали в своих руках всю священную власть и вместе все обязанности священного служения. Это был век необычайных даров, когда переизбыток их, проявлявшийся часто в отдельных лицах и целых собраниях, делал излишним более точное распределение служений или обязанностей. Но с течением времени, когда с увеличением числа верующих усложнились обязанности служения, по необходимости должно было совершиться распределение этих обязанностей между отдельными классами служителей церкви, и таким образом образовалась новозаветная иерархия с ее тремя священными степенями. Выделение происходило постепенно, по требованию обстоятельств. Сначала выделена была апостолами степень *диаконов*, как это и вызывалось необходимостью по случаю известного пререкания между евреями и эллинистами. Тогда именно апостолы нашли нужным и благовременным освободить себя от попечения о материальных нуждах церкви, чтобы иметь возможность «постоянно пребывать в молитве и служении слова» (Деян 4:1–4). Затем, когда обязанность проповедания Евангелия постоянно отвлекала апостолов от непосредственного духовного попечения о верующих, то из среды последних были избраны особенно достойные старцы, которые через рукоположение апостолов получали особый дар священства и становились *пресвитерами* отдельных общин или церквей.

Таковыми пресвитерами чаще всего сначала были новообращенные из иудеев лица священного сана, которые таким образом продолжали свое священное служение и в церкви новозаветной (Деян 4:7). Сами апостолы продолжали оставаться высшими иерархами церкви и в качестве таковых следили за благосостоянием церквей той или другой области или страны. Но скоро церковь распространилась так широко, что даже и этого высшего служения апостолам не представлялось возможности совершать лично, особенно когда им по делам миссионерства приходилось совершать далекие путешествия и надолго отлучаться от основанных ими церквей, как, например, это было особенно в жизни и деятельности ап. Павла. Чтобы не оставить некоторых церквей без ближайшего наблюдения за их внешней и внутренней жизнью, апостолы назначали особенно доверенных себе лиц *епископами* над отдельными округами и через рукоположение давали им власть в свою очередь рукополагать достойных лиц в низшие степени священства и вообще надзирать за состоянием церквей. Такими епископами ап. Павел назначил своих возлюбленных соратников Тимофея и Тита, которым впоследствии преподавал особые правила и руководства в их служении, изложенные в обращенных к ним посланиях. Таким образом, из апостольской власти, первоначально сосредоточивавшей в себе все служения, постепенно выделились все три степени новозаветной иерархии, как они существуют и теперь. Из такого способа выделения степеней становится понятным, что сначала степени эти не строго разграничивались между собой, так что епископы часто отправляли

служение, составляющее принадлежность пресвитеров, вследствие чего и сами названия «епископ» и «пресвитер» не имели еще строго технического значения, что могло установиться только впоследствии. После выделения этих отдельных служений из полноты апостольской власти сами апостолы сделались верховными служителями церкви, каждый в той области, где он проповедовал Евангелие и основывал церкви. Как представители отдельных церквей они были совершенно равноправны между собой, каждый заключал в себе всю полноту апостольской власти в церкви; но чтобы через это не возникло какого-либо разъединения в важнейших вопросах учения и жизни, как это возможно было даже и для апостолов, которые как люди с сложившимися воззрениями могли расходиться между собой даже и при общем руководстве их от Духа Святого, то с этой целью положено было основание особого высшего учреждения в церкви, именно собора, первый пример которого и представляется в соборе иерусалимском. Этому учреждению апостолы передали всю полноту своей власти, и соборы именно впоследствии решали все важнейшие вопросы, какие только возникали в церкви в области учения и жизни.

Кроме трех иерархических степеней в апостольской церкви были и особые служения, обуславливавшиеся переизбытком даров Духа Святого, составлявшим высокое преимущество церкви этого именно века перед последующими веками. Таковы были служения *пророков* и *евангелистов*. Пророками назывались как те, кто имели дар предсказывать будущее, так и те, кто по особому божественному вдохновению изъясняли Св. Писание через сопоставление ветхозаветных пророчеств с новозаветными событиями и тем подтверждали истину Евангелия. Такие пророки составляли особый класс учителей церкви, каковыми были Агав (Деян 9:27–28; 21:10), Иуда и Сила (Деян 15:32). Даром пророчества иногда обладали и женщины, каковы были, например, четыре дочери диакона Филиппа, которые посвятили себя в девстве на служение Богу и Его церкви (21:9). Пророки предлагали свои наставления в церковных собраниях и были таким образом боговдохновенными проповедниками с кафедры церкви апостольской, обладавшей и другими многоразличными и чрезвычайными дарами, каковым был, например, и дар языков, т. е. вдохновенного говорения на незнакомых языках. Пророки были обычными истолкователями таких проповедей (1 Кор 14). Затем были еще евангелисты или благовестники. Это были люди, посвятившие себя на проповедание Евангелия. Должность эта обыкновенно соединялась с одной из иерархических степеней, и ее исправляли по преимуществу сотрудники апостолов, каковыми были например, диакон Филипп и Тимофей (Деян 21:8; 2 Тим 4:5).

Как необходимы были в новозаветной церкви священные лица, так необходимы были и священные времена, которые исключительно посвящались на служение Богу. В церкви Христовой всякое время было священо и посвящалось Богу; поэтому в ней сначала не было таких установленных законов времен, которые бы нарочито выделялись для особого служения Богу; христиане могли во всякое время и каждый день сходить на собрания и совершать богослужение, назидаться чтением святых книг и совершать Вечери любви. Но такой порядок возможен был только в самое первое время, когда вся жизнь христиан всецело горела огнем восторженной веры. С течением времени, когда пыл первоначальной восторженности уступил место более спокойному состоянию, по необходимости должна была установиться система священных времен наподобие ветхозаветных.

Самым священным днем сделался день Воскресения Христова, заменивший собой ветхозаветную субботу. В этот день в воспоминание радостнейшего события христиане обыкновенно собирались для общественного богослужения, как это было, например, в Троаде, где воскресное богослужение нарушено было падением юноши Евтиха (Деян 20:7). За богослужением в этот день ап. Павел установил собирать милостыню в церквях Галатийских и Коринфской, ввиду того именно, что богослужение этого дня посещалось большим числом христиан, чем в остальные дни. Ко времени написания Апокалипсиса воскресный день уже совершенно ясно обозначался, и в этот именно день, как наиболее священный, было видение ап. Иоанну (Откр 1:10). Впрочем, многие из уверовавших иудеев не сразу перешли к

празднованию воскресного дня и продолжали придерживаться ветхозаветной субботы, соединяя с этим празднованием постановления законнической праведности. Обличая таковых, ап. Павел и писал Галатам, чтобы они «не возвращались к немощным и бедным вещественным началам», не поработали бы себя им и не наблюдали с фарисейской привязанностью и формализмом «дни, месяцы, времена и годы» (Гал 4:9–10). Рядом с еженедельными праздниками вошли в употребление и годовые, каковыми были Пасха и Пятидесятница. Новозаветный праздник Пасха совершался христианами в память страданий и воскресения Христа, которые преобразовались Пасхой ветхозаветной. Празднуя новозаветную Пасху, христиане вместо заклания агнцев, как это было у иудеев, с торжеством совершали установленное Христом таинство евхаристии и приобщались тела и крови Христовых.

Но в самом времени ее празднования церкви расходились между собой. На Востоке христиане приурочивали его к четырнадцатому дню нисана и праздновали, таким образом, вместе с иудеями, но другие, и по преимуществу на Западе, считали это совпадение неудобным и относили свою Пасху к ближайшему после этого числа воскресному дню. В этом разнообразии времени праздника не было ничего предосудительного, потому что церковь не держалась с рабской точностью определенных форм, тем более, что и тот и другой обычай находили освящение в предании апостолов – первый в предании Иоанна Богослова и второй в предании апп. Петра и Павла. Но так как впоследствии из-за этого вопроса возникли пререкания между восточными и западными церквами, то Первый вселенский собор окончательно определил время празднования Пасхи в первый воскресный день после 14-го нисана, как именно праздновали его западные церкви. Вторым годовым праздником был праздник Пятидесятницы. Так как он ознаменован был для апостолов сошествием Св. Духа, то в церкви христианской с ним и стало по преимуществу соединяться воспоминание об этом великом событии. Рядом с праздниками, как днями веселья, были и посты, как дни покаяния. Сначала не было для этого установлено какого-либо определенного правила для всех, и христиане постились по внутренней потребности своей духовной жизни, помня наставления Спасителя о значении поста (Мф 27:21). Пост обыкновенно соединялся с молитвой перед каким-нибудь великим делом, как это, например, было перед отпущением Савла и Варнавы на миссионерскую проповедь (Деян 13:4). Определенных постановлений о посте не было, но можно с уверенностью полагать, что среди христиан, пылавших ревностью в подражании Христу, не было недостатка в лицах, которые по примеру Его постились не по одному или двум дням в неделю только, как было у иудеев, но и содержали сорокадневный пост, получивший в церкви название сорокадесятницы.

Что касается собственно священнодействий или богослужения, то оно слагалось постепенно. Первоначально оно состояло из молитв и песнопений, проповеди и пророчеств, заключавшихся совершением евхаристии, которая сделалась центральным пунктом христианского богослужения. Проповедовать позволялось всякому, кто только чувствовал призвание к тому, кроме женщин; но так как впоследствии такая неограниченность этого права приводила к беспорядкам, как это особенно было в Коринфе, славившемся своим искусством красноречия, то потребовалось ограничить это право и ввести некоторые определенные правила в этом отношении, как это и сделал ап. Павел в своем Первом послании к Коринфянам (гл. 14). С течением времени проповедь сделалась почти исключительным достоянием предстоятелей церкви. В общем богослужение было весьма простое, как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам. Хотя свидетельства эти по большей части относятся уже к послепостольскому веку, но между первыми веками до полного торжества христианства существовала такая тесная связь, что свидетельство об одном совершенно приложимо и к другому.

Когда уже начались гонения на христиан, Плиний-младший, наместник Вифинии, приказал произвести расследование касательно веры и жизни христиан. Добытые сведения он изложил в одном письме к императору Траяну. «Христиане, – говорится в этом письме, – заявляют, что они имеют обыкновение собираться в определенный день перед солнечным восходом и петь общие песни Христу, как Богу; что они далее связывают себя обетом (очевидно, разумеется

обет, даваемый при крещении) не совершать никаких преступлений и особенно в том, чтобы сохранять себя чистыми от грабежа, воровства, прелюбодеяния, лжи и обмана. После этого они обыкновенно расходятся, но потом собираются опять, чтобы совершить общую трапезу и притом совершенно обыденную и невинную».

Еще точнее изображает богослужение первенствующих христиан Иустин Философ: «В воскресный день бывает собрание всех, которые живут в городах или селениях, и там читаются писания апостолов или книги пророков, пока у нас имеется время для того. Затем, когда чтение окончено, предстоятель обращается к собранию с словом назидания и увещания ревностно подражать тем славным примерам. После этого мы все вместе встаем и возносим наши молитвы, а по совершении молитвы приносится хлеб, вино и вода, и предстоятель по возможности совершает молитвы и благодарения. Собрание отвечает возгласением «аминь», и затем происходит раздаяние освященных предметов, которые принимает всякий присутствующий и которые отсутствующим разносятся диаконами. Состоятельные и благорасположенные люди уделяют каждый по своему желанию, и собранные дары передаются настоятелю, который оказывает ими помощь вдовицам и сиротам, равно как и посещенным болезнью, находящимся в темницах, короче – всем тем, которые находятся в нужде». Сначала вместе с евхаристией, а затем и отдельно от нее, совершались «Вечери любви», как на это уже указывается в письме Плиния. Вся община, как одно семейство, собиралась на общую трапезу. Тертуллиан подробно изображает эти вечери любви, как они совершались в его время. «Наша трапеза, – пишет он, – самым своим названием показывает то, что она есть. Она обозначается словом, которым греки называют любовь (Ο±ΟιΟ–ΠῦΟ·). Производимые при этом расходы служат в поддержание бедных ради милосердия. Это достойный повод в нашей трапезе. Поэтому судите о порядке нашего остального поведения, как он соответствует нашему религиозному долгу, который ничего не позволяет низкого, ничего неумеренного. Мы не садимся за стол раньше, чем не вознесена молитва к Богу; мы едим столько, сколько нужно голодному; мы не пьем больше того, сколько полезно стыдливым; мы насыщаемся в сознании, что и в течение ночи мы должны молиться Богу; мы говорим друг другу, помня, что нас слышит Господь. По окончании трапезы все призываются к прославлению Бога, и кто может сообщить что-либо из Св. Писания или от своего собственного духа, тот и делает это. В этом заключается испытание, насколько мы упились. Молитвой заканчивается все собрание, и мы расходимся не для того, чтобы заниматься бездельем на улицах, но чтобы продолжать свое упражнение в добродетели и честном житии». В недавно найденном «Учении Господа через двенадцать апостолов», древнейшем церковном документе, сохранились и молитвы, которые произносились при евхаристии. О хлебе произносилась такая молитва: «Мы благодарим Тебя, Отче наш, за жизнь и познания, которые Ты даровал нам чрез Иисуса, раба Твоего. Тебе слава во веки. Как этот разломленный хлеб рассеян был на горах, собран был и сделался единым, так да соберется и Твоя церковь от всех концов земли в царство Твое. Ибо Твоя есть слава и сила чрез Иисуса Христа во веки». О чаше произносилась молитва: «Мы благодарим Тебя, Отец наш, за священную лозу Давида, Твоего раба, которую Ты открыл нам чрез Иисуса, раба Твоего. Тебе слава во веки». Затем, в заключение следовала общая благодарственная молитва: «Мы благодарим Тебя, Святый Отче, за Твое Святое имя, которому Ты уготовил место в нашем сердце, и за познание, веру и бессмертие, которые Ты открыл нам чрез Иисуса, раба Твоего. Тебе слава во веки! Ты, Всемогущий Господи, сотворил все ради имени Твоего. Пищу и питье дал людям, дабы они благодарили Тебя. Нас же Ты сподобил Божественной пищи для земной жизни чрез Сына Твоего. Помяни, Господи, церковь Твою, спаси ее от всякого зла и пробуждай в любви Твоей, собери ее от четырех ветров в царство Твое, уготованное Тобою. Ибо Твоя есть сила и слава во веки. Да приидет благодать и да прейдет мир сей. Осанна Богу Давидову! Кто свят, да приступит к сему, кто нет, да покается. Маранафа. Аминь». После этого все приобщались тела и крови Христовой, все духовно соединялись на Вечери любви и затем с поцелуем братства и мира расходились по домам. Это простое богослужение христиан отличалось такой искренностью и сердечностью, что, по свидетельству ап. Павла, даже неверные, видя и слыша его, падали ниц, поклонялись Богу и говорили: «Истинно с вами Бог»

(1 Кор 14:24–25).

Таинство евхаристии, постоянно совершаясь при богослужении, было только одним из тех семи священных действий, которые получили название семи таинств и служили к освящению жизни христиан в ее различных отношениях. Эти таинства, сущность которых заключается в требовании святости от всех членов церкви и в распространении действия благодати и даров Святого Духа на все стороны жизни, ясно выразились в определенных формах уже в век апостольский. Из них Крещение было как бы дверью в церковь Христову, и оно совершалось через погружение в воду и предварялось наставлениями в вере. За Крещением следовало рукоположение и впоследствии миропомазание, через которое низводились на новокрещенного дары Духа Святого. Покаяние служило средством очищения от вновь соделанных грехов, и оно совершалось или перед всей церковью (в особенно важных случаях), или отдельно перед пресвитерами. Через таинство Священства низводились дары Духа Святого на лиц, призванных к священнослужению; таинством Брака освящался союз между христианскими супругами, и таинство Елеопомазания совершалось над больными в надежде исцеления и отпущения грехов. Освящая таким образом христианина во всех путях его жизни, таинства эти поддерживали начала святости в церкви и делали ее, по слову апостола, святой и непорочной (Еф 5:27).

II

Жизнь первенствующих христиан. Чистота и святость семейной жизни. Положение женщин и детей. Рабы и господа. Любовь к ближним

Вера первенствующих христиан не была лишь внешним исповеданием, а проникала своей животворящей силой во всю жизнь их, делая их «святыми и непорочными». Основывая церковь как царство не от мира сего, Христос основывал особое общество людей, которые, вопреки нравственному растлению окружающего мира, должны были представлять собой истинный свет добродетели и быть солью земли. И христиане глубоко сознавали это и своей жизнью вполне оправдывали свое высокое назначение. Так как древнее человечество разлагалось в самых своих основах, именно в семейном отношении, то для возрождения его необходимо было прежде всего оздоровить и возвысить семейную жизнь, и в церкви Христовой она именно нашла для себя оздоравливающую соль. Христианство совершенно обновило семейную жизнь, предоставляя браку свободу, наполняя его новым духом, отводя женщине приличное положение, делая ее опять из рабыни мужа его помощницей. В древности брак, как и все другие отношения, имел свой центр тяжести в государстве. Целью его было производить граждан для государства. Поэтому и всякий обязан был по отношению к государству вступать в брак, и государство, ввиду ослабления брачных связей, наконец считало себя вправе наказаниями принуждать к исполнению этой обязанности. Христианство провозгласило брак свободным и, уважая личную свободу, предоставило каждому на волю, вступит ли он в брак или нет. Оно, напротив, не только не принуждало к браку, но и придало особенное значение безбрачной жизни, в чем именно и проявилось торжество христианства над ложным языческим воззрением на брак. Возвысив его на степень божественного установления, церковь и совершала его соответственным этому воззрению образом. Он совершался с ведома и согласия общины. О предполагаемых браках докладывалось пресвитеру, и они совершались с его благословения. Брак, заключенный без содействия церкви, не считался у христиан истинным браком. В христианстве брак получил гораздо более высокую цель, чем какая была известна в язычестве. Он есть, по выражению одного христианского учителя, залог добродетелей для брачующихся, к их собственному воспитанию и воспитанию их детей для вечности.

Каждое семейство должно было служить отображением церкви, по слову Спасителя: «где соберутся двое или трое во имя Мое, там Я посреди их». Муж и жена в христианском браке не только делались одной плотью, но и важнее того – одним духом, именно духом одной веры. Вследствие этого по необходимости возвысилось и само положение женщины в семействе. Хотя по божественному установлению в браке муж должен быть господином, но весь характер домашности и семейной жизни определяется гораздо более женой, чем мужем. Потому-то в

языческом мире и не могло быть здоровой семейной жизни, что женщина не занимала должного положения. У греков она была рабой мужа; у римлян, хотя и уважалась больше, но все-таки по отношению к мужу была совершенно бесправной. Древность никогда не признавала за женщиной полного человеческого достоинства. Полным человеком считался только мужчина.

Христианство освободило женщину от этого рабства и этого бесправия, поставив женщину в равное положение с мужчиной во всем том, что было высшего в жизни, именно в отношении к Христу и Царству Божию. Она есть также сонаследница вечной жизни. «В том совершенстве, – как выражает эту мысль Климент Александрийский, – одинаково должны участвовать муж и жена». Из этого само собой следует все остальное. Если она по естественному течению жизни и оставалась подчиненной мужу, то все-таки она уже была не его служанкой, а его помощницей. «Ты не почел недостойным рождения Твоего Сына от жены», – говорится в одной молитве древней церкви.

Это рождение Сына Божия от жены дало женщине вообще другое положение. Правда, как Бог создал женщину для служения, так и в церкви ее призванием было служить. Публично женщина не должна была учить в собрании, потому что это значило бы предоставлять ей право, которое не принадлежит ей. Но так как все в церкви есть служение, даже учительная должность и должность правления, то в этом не было никакого унижения для женщины, потому что таким постановлением ей отводилось лишь соответствующее место в порядке, установленном Богом при творении. Эмансипированные женщины суть продукт языческого духа, и во времена упадка, даже в Риме, несмотря вообще на низкое воззрение на женщину, было множество эмансипированных женщин, которые проводили ночи в кутежах с мужчинами и даже сражались в гладиаторском вооружении.

Христианские женщины, напротив, достойно выступали как матери, которые воспитывали для церкви истинно добродетельное поколение. Язычники часто смеялись над тем, что в христианских общинах так много было женщин. Вследствие этого они в насмешку называли христианство религией старух и детей. Но они скоро должны были узнать, что христианство делало из этих женщин, должны были невольно признать различие между языческой и христианской женщиной. Там – страсть к нарядам, суетность, безмерное кокетство; здесь – простота и естественность; там – бесстыдство и распущенность; здесь – целомудрие и скромность; там – женщины, проводившие свое время в приготовлении туалетов и за самым туалетом, которым они блистали в театре и цирке, в пиршествах и на праздниках; здесь были жены, старавшиеся угодить своему мужу, матери, жившие для своих детей; там – расслабленный пол, искусственно покрашенный и убранный; здесь – героини, которые не бледнели и при виде львов в амфитеатре, которые спокойно склоняли свои головы под меч. «Какие женщины встречаются среди христиан!» – изумленно восклицал язычник Ливаний.

Евангелие впервые предоставило человеческие права и детям. В древности дети были совершенно бесправны. Отец мог безусловно распоряжаться ими по своему произволу. Он мог принимать их и воспитывать, но мог также, если только хотел этого, выбросить и умертвить. Римский закон «Двенадцати таблиц» выразительно признавал это право за отцом. Платон и Аристотель снисходительно смотрели на то, если родители выбрасывали детей, которых они не в состоянии были воспитать или которые, как слабые и больные, не могли быть полезными государству. Тот, кто принимал выброшенного таким образом ребенка, мог распоряжаться им по своему произволу и даже обращать его в рабство. Отецеская власть над детьми была безгранична, простираясь даже на жизнь и смерть их. Христианство впервые научило людей смотреть на детей как на дар Божий, как на вверенный им залог, за который они были ответственны перед Богом. Оно налагало на родителей высокую задачу воспитывать своих крещеных детей как чад Божиих для Его царства. Таинство крещения совершалось над всеми детьми, и таким образом и сами малютки делались участниками благословений и всех преимуществ христианства.

При таком взаимоотношении членов семьи всякий христианский дом был как бы храмом Божиим. В нем прилежно читалось слово Божие, ревностно и благоговейно совершались молитвы. «Если у тебя есть жена, – говорится в одном древнем наставлении, – то молись вместе с нею; брачный союз да не будет препятствием к молитве». Перед каждой трапезой они не только молились, но и вкушали часть принесенного из церкви благословенного хлеба. При каждом выходе и входе, при одевании и обувании, при умывании, при возжигании света, ложась и вставая, они клали на себя крестное знамение; и это не был простой мертвый обычай, но живое воспоминание о Распятом, о крещении в Его смерть и о принятых на себя во время крещения обязанностях.

На всей жизни христианина лежал отпечаток спокойной и священной серьезности. Христиане знали, что они соль земли и свет мира, и старались соответствовать этому призванию. Их взоры уходили в будущность к своему Господу, который обещал прийти опять, и в ожидании Его скорого пришествия они с ревностью старались об освящении своей жизни, без чего никто не мог предстать перед Ним. Вся их жизнь была как бы военной службой под начальством Христа, их военачальника. Ему они в крещении клялись в верности, отвергаясь диавола и всех дел его. Их знаменем был крест; их паролем было исповедание веры; их оружием, с которым они день и ночь стояли на страже, пребывая в бодрствовании, была молитва. «Не будем никогда ходить невооруженными, – убеждает Тертуллиан, – днем будем находиться в стоянии, ночью в бдении. Во всеоружии молитвы будем охранять знамя нашего военачальника; молясь, будем ожидать трубы архангела». Часто раздавались в христианских домах и псалмопения. Утро начиналось обычным чтением Св. Писания и молитвой, которая заканчивалась славословием, после чего все члены семейства давали друг другу поцелуй мира и расходились на свои дневные работы. Вечером день опять заканчивался общей молитвой и вечерней песнью, которая и теперь поется православной церковью, именно песнью «Свете тихий».

Не менее благотворное влияние христианство оказало и на отношения между господами и рабами. «Явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков». Перед таким благовестием не могло долго удержаться древнее рабство. Христианство заявляло, что нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28). «Христианская праведность делает в наших глазах равными всех, которые носят имя человека, – заявляет один древний учитель церкви. – Он сын, а сыны свободны. Так как Христос освободил нас от греха и рабства закону, то во всем водворилась свобода. Где Дух Господень, там и свобода» (2 Кор 3:17). Между тем как у язычников достоинство человека ценилось по его внешнему состоянию, это последнее для христиан не имело никакого значения, и истинное внутреннее достоинство ценилось совершенно независимо от него.

Раб или господин – это есть лишь нечто случайное. Раб может быть в истине, именно внутренне, свободным, а господин может быть в истине, именно внутренне, рабом. Есть только одно истинное рабство, и именно рабство греха, и одна только истинная свобода, именно свобода во Христе. Но поэтому именно христианская церковь совершенно далека была от мысли тотчас же освобождать рабов. Она даже и в этом отношении признает существующий порядок и учит рабов видеть в нем Божие устройство.

«Каждый оставайся в том, в чем он призван», – гласит основное правило апостола.

Внутренняя свобода имела столь большое значение у христиан, что перед ней часто совершенно ступшеывалась внешняя гражданская свобода. Тем не менее нельзя сказать, чтобы церковь оставила все в прежнем положении. Новое начало внутренне изменяло и преобразовывало отношения господ и рабов. Обхождения с рабами со стороны их христианских господ и отношения христианских рабов к своим господам тотчас же делались иными. Они смотрели на себя как на братьев, и ап. Павел в послании к Филимону пишет о рабе его Онисиме: «Прими его навсегда, не как уже раба, но выше раба, как брата возлюбленного»

(Фил 15, 16).

Между ними, как членами церкви, уже не было никакого различия. Они собирались в тот же самый дом Божий, молились одному и тому же Богу, исповедовали одного и того же Спасителя, вместе пели священные песни, вкушали от того же самого хлеба и пили из той же самой чаши. Все это невольно совершенно иначе настраивало господина по отношению к своим рабам. Он уже не мог относиться как к бездушной вещи к тому, кто был его братом во Христе. Перед всяким рабом, вступавшим в церковь, открывались все ее преимущества, и он мог достигнуть даже епископства. Случалось впоследствии даже так, что раб был пресвитером той же самой общины, к которой принадлежал его господин как простой член. Это, естественно, часто приводило к освобождению рабов. Хотя церковь и не настаивала на этом, чтобы не поощрять плотских стремлений рабов к свободе, но если господин сам отпускал раба, смотрела на это благосклонно, как на дело похвальное. Поэтому случаи освобождения бывали часто. Некоторые, обращаясь в христианство, освобождали всех своих рабов в самый день крещения или избирали для их освобождения какие-либо торжественные праздники церкви, особенно Пасху, чтобы засвидетельствовать о своей благодарности за воспринятую благодать.

Об одном богатом римлянине времени Траяна рассказывается, что он, сделавшись христианином, в праздник Пасхи даровал свободу всем своим рабам, которых у него было 1250 человек. С третьего столетия вошло в обычай освобождение рабов производить в церкви в присутствии священника и общины. Господин за руку подводил рабов к алтарю, там прочитывалась освободительная грамота, и в заключение священник произносил благословение. И внешним образом дело ставилось так, что они должны были благодарить за свою свободу церковь. Она являлась тем, чем была, именно хранительницей и раздаятельницей свободы. По своему освобождению рабы в христианской общине не оставляемы были на произвол судьбы, как это часто было в язычестве, а продолжали пользоваться содействием церкви в устроении своей жизни. Их прежние господа считали своим долгом помогать им и делом, и советом, как своим христианским братьям, и таким образом они оказывались не отчужденными от общества, но делались его ближайшими членами, так как христианская община научала их правильно пользоваться своей свободой и воспитывала из них деятельных и полезных людей.

В основе такого отношения к рабам лежало то, что христиане совершенно иначе относились к труду. Он не считался у них, как у язычников, позором для свободного человека почестью; христиане видели в нем не унижительное рабство, но божественное установление, обязательное для всех людей. Ведь и сам Господь был тружеником, был сыном плотника, и апостолы были также тружениками: Петр – рыбаком, Павел – делателем палаток.

Отцы Церкви часто говорят, что рабочие люди лучше знают Бога, чем языческие мудрецы. «Вы найдете у нас рабочих, – говорит Афинагор, – которые, если и не могут словами доказать преимущества нашего учения, доказывают его делами». Если для христиан закрыты были некоторые положения в жизни, как, например, военная служба, государственные должности, должности при храмах, на которых язычники зарабатывали себе хлеб, то тем больший почет и значение приобретал у них собственно ремесленный труд. Упоминавшееся выше «Учение двенадцати апостолов» повелевает общинам принимать всякого, кто приходит во имя Господне, но с испытанием. Если он странствующий, то по возможности должно оказывать ему пособие, но все-таки он не может оставаться более двух или трех дней. «Но если он остался у вас и он ремесленник, то он должен трудиться и есть. Если он не знает ремесла, то по своему разумению заботьтесь, чтобы у вас не проживал какой-нибудь празднотлюбца под именем христианина. Если он не хочет работать, то это человек, который делает из христианства промысел: удаляйтесь от общения с таковыми». Так называемые «Апостольские постановления» также выразительно увещевают всех членов общины к усердному труду, «ибо праздных ненавидит Господь Бог наш». Епископу вменялось даже в обязанность помогать ремесленникам в приискании работы. Величайшие мудрецы древности, Платон и Аристотель,

объявляли труд за нечто такое, чем не мог заниматься свободный человек, не унижая себя; ап. Павел убеждает, чтобы каждый трудился и ел собственный хлеб, и категорически поставляет правило: кто не работает, тот не должен и есть. И христианские общины действительно руководились этим именно правилом, из которого затем и создался новый мир, представивший в себе более великого и славного, чем сколько видели и могли воображать Платон и Аристотель.

В послании к Ефесянам ап. Павел, увещевая новообращенных христиан жить по правилу принятой им веры, говорит: «Кто крал, вперед не крадь, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтоб было из чего уделить нищим» (Еф 4:28). В этих словах вполне определялось истинное назначение труда. Трудиться нужно не только для приобретения средств жизни для себя, еще менее для обогащения и наслаждения, но для того, чтобы служить братьям. Такого правила и держались христиане первых времен. Трудясь собственными руками, они своими заработками помогали своим нуждающимся собратьям. Для язычников это было нечто совершенно новое. «Новую заповедь даю вам», – так Христос провозгласил свою заповедь о любви к ближним. «По тому познают вас, что вы Мои ученики, что вы любите друг друга».

В древнем языческом мире все было совершенно иначе. Всякий исключительно преследовал свои собственные интересы, нисколько не заботясь о других, потому что язычники знали только земную жизнь и у них не было никакой другой цели, как счастливо прожить именно здесь. И само счастье в основе было только наслаждением, хотя оно и понималось то в более грубом, то в более высоком смысле. Собственная личность у них есть центр, около которого вращалось все. Античный человек презирал всех, кого он привлекал на служение себе, ненавидел всех, которые противились ему. «Человек человеку волк» – таково было основное воззрение древнего дохристианского мира. Отсюда он не знал снисхождения к слабым, сострадания к угнетенным. В этом отношении бессердечным эгоизмом проникнуты даже мысли Платона, благороднейшего среди древних мудрецов, о государстве. Все нищие, по его мнению, должны быть изгнаны из государства, бедных не должно принимать, если они больны. Если телосложение рабочего недостаточно крепко, чтобы противостоять недугу, то врач без смущения может оставить его, так как этот рабочий уже бесполезен для продолжения своего ремесла. «Плохую услугу, – говорит Плавт, – оказывает бедному тот, кто дает ему есть и пить, потому что то, что он дает ему, только ухудшает и удлиняет ему жизнь к его бедственности». Добро можно было делать только тем, которые нам делают добро; тех же, которые делают нам зло, можно было только ненавидеть, даже должно было ненавидеть их.

По Аристотелю, гнев и месть – законные страсти; без них у людей не было бы сильных побуждений к добру. О самоотречении, о любви, которая может больше давать, чем принимать, и особенно о любви к врагам Древний мир не имел никакого понятия. Себялюбие было основным началом его жизни, а отсюда Древний мир не знал никакой благотворительности. От этого бездушного себялюбия могла избавить человечество только любовь, провозглашенная христианством. И эта любовь возродила его. Жизнь первобытных христиан всецело проникнута была этой братской любовью. Ничто так не изумляло язычников, ничто не было так непонятно для них, как эта именно любовь среди христиан. «Смотрите, – кричали они, – как они любят друг друга!» Между собой христиане называли себя братьями, и это братское имя было не словом только: они и в действительности жили как братья. Целование, которым они приветствовали друг друга при совершении евхаристии, не было простой формой; христианская община действительно была одним семейством, все ее члены – чадами единого небесного Отца.

Всякий служил другому, всякий молился за других. Все у них было общее. Даже незнакомец, приходивший издалека, если только он приносил одобрительное письмо от своей общины, доказывавшее, что он христианин, был принимаем как брат, и все относились к нему, как к брату. «Они любят, не зная друг друга!» – изумленно говорит один язычник. Все это, конечно, представляло полнейшую противоположность языческому изречению: «Человек человеку

волк». Эта братская любовь затем расширялась до всеобщей любви к людям. Родившаяся из любви и живущая в любви христианская община была истинным органом для осуществления любви. Она прежде всего обнимала тех ее членов, которые каким бы то ни было образом нуждались в помощи, но затем расширялась, чтобы обнять любовью и тех, которые стояли еще вне общины. Ведь и их должно привлечь к христианской общине. Отсюда любовь действовала в миссионерском духе. Она никого не исключала, как никого не исключает и милость, из которой она происходит, не исключала даже врагов, даже гонителей.

В христианских общинах отдельные лица, несомненно, много совершали дел любви и от себя. Христианин ревностно следовал слову Господню: «Прозящему у тебя дай, и от желającego занять у тебя не отвратись». В «Учении двенадцати апостолов» говорится: «Не будь таким, который раскрывает руки для взятия, но сжимает для давания. Не смущайся давать, и когда даешь, не делай этого с неохотою. Ибо ты узнаешь, кто есть славный воздаятель награды. Не отказывай нуждающемуся, но разделяй все с твоим братом и не говори, что это твое. Ибо если вы сотоварищи в бессмертном, то кольми паче в земном».

Обыкновенной формой приношений было приношение для совершения Вечери любви. Члены общины приносили свои дары большей частью натурой, и из них требующаяся часть хлеба и вина выделялась для евхаристии, а остальное шло в пользу духовенства и бедных. Имена жертвователей записывались на таблицах, так называемых диптихах, и поминались в молитве. За умерших дары приносили их родственники в день поминовения их, – обычай, который поддерживал живую и постоянную связь между настоящей и загробной общиной. Сами усопшие этим как бы продолжали служить общине. Затем делались приношения при особых обстоятельствах – по случаю радостных событий, в день крещения и т. д.

Попечением общины призревались бедные и особенно вдовы. Ап. Павел прилагал особые попечения о них и давал особые правила для выдачи им пособий. Если они действительно вели честную вдовью жизнь, то они пользовались высоким почтением в общине и попечениями до самой кончины, за что они в свою очередь должны были оказывать общине услуги, например, в воспитании детей. Бедные сироты воспитывались под надзором епископа именно вдовами. Мальчики учились ремеслу и получали, по достижении известного возраста, необходимые ремесла для занятия; девицы, в случае если они не давали обета оставаться в девстве, вступали в брак с своими христианскими братьями. Часто принимались и выбрасывавшиеся язычниками дети, которых иногда бывало много, и по-христиански воспитывались вместе с другими сиротами. Христианская община принимала участие в них и в последующей жизни, в случае если их положение было особенно тяжелым и опасным для их христианской веры и христианской жизни, и вообще помогала им устроиться в жизни.

Таким образом, любовь к ближним была знаменем всей жизни христиан, и по этому именно знамени все могли узнавать, что это люди не от мира сего, а именно сыны Царства Божия на земле, ученики Христа, провозгласившего заповедь о любви.

LII

Борьба язычества с христианством и торжество Церкви

Хотя любовь не только к ближним, но и к врагам была главной заповедью, которую проповедовал Христос и Его апостолы, но древний языческий мир, закосневший в холодном себялюбии, не хотел понять этой заповеди и уступить место тем, которые осуществляли ее в своей жизни. Те начала, которыми жил древний языческий мир, были столь же противоположны началам христианства, как вода и огонь. При столкновении их по необходимости должна была начаться борьба. Сам Спаситель ясно предсказывал об этом, когда Он говорил своим ученикам: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч». Он не скрыл, какая борьба предстояла Его ученикам, борьба на жизнь и смерть. «И будете, – говорил Он, – ненавидимы всеми за имя Мое. Возложат на вас

руки и будут преследовать вас. Будут отдавать вас в судилища, в синагогах своих будут бить вас. И убивающий вас будет думать, что он совершает этим службу Богу». Все это так именно и было, да и не могло быть иначе, потому что языческий мир был царством греха, властвовавший в нем князь мира сего невольно почувствовал для себя в христианстве разрушительную силу, которой он неминуемо должен был уступить свое господство, сокращавшееся по мере распространения Евангелия, как благовестия об искуплении человечества от рабства греху и смерти.

Христианство с самого начала выступило с ясным сознанием, что ему предстоит покорить себе мир. Апостолы помнили, что они посланы были Господом проповедовать всем народам, крестя их в новую веру, и они самоотверженно исполнили великое поручение. С чудесной быстротой христианство перешло за пределы Палестины, начало распространяться среди язычников, сначала в Антиохии, откуда великий апостол народов пронес благовестие о нем из города в город через всю Малую Азию в Европу, в Грецию и оттуда в самую столицу мира – Рим. С такой же быстротой христианство было распространено другими апостолами на восток, север и юг, до Вавилона, берегов Черного моря и Александрии, так что к концу апостольского века все громадное Римское государство было покрыто сетью христианских общин, живших между собой в самом тесном единении, а в самом Риме, по свидетельству Тацита, уже ко времени гонения Нерона, христиан было «огромное множество». Причиной такого быстрого распространения была как боговдохновенная ревность христианских проповедников, которые, как орлы крылатые, пронесли по всему миру с своим чудесным благовестием, так и само состояние языческого мира, томившегося от неверия и нравственного растления и жаждавшего возрождения. На призыв христианства сразу же откликнулись все труждающиеся и обремененные, особенно в низших классах, из которых главным образом и составлялись первые христианские общины, хотя в непродолжительном времени в церкви стали появляться и лица из высших классов, и даже члены императорского дома. Но эти обращенцы были все-таки лишь отдельными избранниками, а остальной мир в своей необъятной массе оставался совершенно чуждым христианству и относился к нему не только с презрением, но и с враждой, которая возрастала в кровожадную ненависть по мере самых успехов христианства.

Христианство по самой своей сущности было столь необычным и новым явлением и так не согласно было с теми воззрениями, которыми жил древний языческий мир, что язычники в своей массе решительно не способны были понять его. Для них прежде всего совершенно непонятным было уже духовное богопоклонение христиан. Без храма и идолов, без жертвенников и жертвы язычник не мог представить себе религии. Так как у первобытных христиан богослужение совершалось «в духе», т. е. без внешних церемониальных форм, то языщикам казалось, что они совсем не имели и не признавали Бога. Правда, они знали, что христиане говорили о каком-то невидимом, вездесущем Боге. Но для язычников это было непонятно.

В одном христианском сочинении, написанном Минуцием Феликсом в защиту христианства, выведен язычник Цецилий, который, защищая язычество, высказывает взгляды, общие в то время всему языческому миру. По поводу учения христиан о невидимом и вездесущем Боге он восклицает: «Какие нелепости воображают себе христиане! О Боге, которого они не видят и никому не показывают, они рассказывают, что Он приходит и уходит, знает и судит дела людей, их слова и даже тайные помышления. Они делают из Него какого-то шпиона, неутомимого сыщика, который постоянно в движении. Но как же Он может заниматься каждым человеком в отдельности, если Он сразу занят всеми? Или как может Он заботиться о всех, если Он всецело предан каждому отдельно?» Невидимый Бог в глазах язычников совсем не был Богом. Поэтому христиане казались им совершенными безбожниками и нечестивцами. «Долой безбожников!» – такой крик постоянно раздавался среди черни во время гонений на христиан. Если же они и допускали, что у христиан был свой Бог, то в отношении их рассказывались все те нелепости, которые приписывались иудеям, именно будто они поклонялись голове осла. Во втором веке было довольно распространено изображение,

представлявшее фигуру человека с ослиными ушами, в тоге и с книгой в руках, и надпись гласила: «Это Бог христиан». Недавно в развалинах императорских дворцов в Риме, в одном месте, которое, видимо, служило караульной для часовых, найдено грубо начерченное углем на стене изображение, которое представляет висящего на кресте человека с ослиной головой, и под ней стоит надпись, сделанная плохими греческими буквами: «Анаксамен молится своему Богу». Ясно, что это была насмешка солдат-язычников над своим товарищем из христиан.

Такие грубые религиозные понятия, как казалось язычникам, только и были возможны в той общине, которая состояла, по их мнению, из подонков общества, разных безместных ремесленников и беглых рабов. Отсюда всякий образованный язычник относился к христианству с высокомерным презрением, которое переходило в отвращение вследствие того, что будто бы у христиан с грубой религией соединялась самая безнравственная жизнь. О них рассказывались чудовищные вещи. Их тесную связь между собой, их братскую взаимную любовь, их крепкую привязанность друг к другу – даже до смерти – язычники никак не могли объяснить себе иначе, как предположением, что они принадлежали к тайному преступному союзу, вступление в который будто бы сопровождалось страшной клятвой и ужаснейшими обрядами. В своих собраниях на Вечерях любви, как с ужасом рассказывали язычники, христиане ели человеческое мясо и пили человеческую кровь. Во время подобной ужасной Вечери, рассказывалось далее, они пьянели, гасили свет, и в наступившей темноте наступал самый отвратительный разврат и совершались самые гнусные оргии. Замечательно, что эти нелепые слухи находили доверие даже среди образованных язычников, и отголосок их заметен даже в сочинениях знаменитого историка Тацита.

Но и помимо этих слухов, нелепость которых неизбежно должна была обнаружиться с течением времени, христиане все-таки были ненавистны язычникам уже потому, что они, на их взгляд, были чужды всего великого, прекрасного и благородного, враждебны всякой гуманности и явные человеконенавистники. Так как происхождение самой их религии коренилось в варварстве и невежестве, то они, естественно, по мнению римлян, презирали всякую науку и всякие искусства.

Их учителя, как утверждал впоследствии известный противник христианства Цельс, будто бы проповедовали: «Смотрите, чтобы никто из вас не предавался науке, лукава наука; наука удаляет от здоровья души, от мудрости своей погибают люди». Так как христиане удалялись от общественной жизни, не принимали участия в удовольствиях язычников, не разделяли их интересов, то они считались негодными для жизни, как темный и боящийся всякого света класс людей. Жизнь их казалась язычникам безотрадной и мрачной. Забота христиан о спасении души была, на взгляд язычников, верхом безумия. Она была не только не понятна для них, но и положительно казалась им смешной, и таким образом христиане в их глазах были в одно и то же время и самыми неразумными, и самыми жалкими из людей, так как они ради неизвестного будущего, с целью избежать воображаемой муки и достигнуть воображаемого блаженства, отказывались от несомненных благ настоящей жизни. Издеваясь над верованием христиан в загробную жизнь и воскресение, Цецилий восклицал: «Ведь вы, несчастные, не восстанете опять и в то же время не пользуетесь жизнью теперь».

Все эти и подобные упреки, поддерживавшие ненависть и вражду в язычниках к христианам, делались совершенно опасными для последних вследствие того, что могли быть обращены в политическую сторону. Так как общественно-государственная жизнь была всецело проникнута язычеством, то, понятно, христиане по необходимости должны были удаляться от нее. Хотя апостол ясно заповедовал христианам «повиноваться всякому начальству ради Господа» и «всякой власти предержащей», и христиане свято хранили эту заповедь, но вообще к языческому государству они все-таки должны были относиться отрицательно, так как их интересы уже не связаны были с интересами Римского государства и не совпадали с его величием и славой. Они избегали военной службы и общественных должностей, потому что всякий воин и должностной человек по самой своей службе обязаны были присутствовать при

общественных жертвоприношениях. Вследствие этого язычники говорили о христианах: «Вы народ ленивый, бесполезный и бездеятельный в государственных делах, так как всякому честному человеку надлежит жить для отечества и государства». Языческая религия была совершенно национальной и совпадала с интересами одного народа, между тем христианство выступало как религия всемирная, как религия для всех народов, а это была совершенно немыслимая вещь для язычников. Даже не римляне, даже варвары, исповедующие Христа, считались у христиан братьями. Отсюда недалеко было до опасного упрека, что они и сами не римляне, а враги Римского государства. Так как христиане не принимали никакого участия в языческих празднествах в честь дня рождения императора и других подобных событий, то народ считал их изменниками и оскорбителями величества. Для римлян вечное могущество Рима считалось непреложной истиной, а между тем христиане учили о кончине всего мира, а следовательно, и Рима, и с радостной надеждой ожидали скорого наступления этой кончины, так как сами они, не имея пребывающего здесь для себя города, искали его в будущем отечестве. Отсюда у римлян невольно являлась мысль, что христиане замышляют погибель Рима. Если христиане и могли вопреки всему этому ссылаться на то, что они покорные и мирные подданные, что в своих общественных собраниях и в своих домах усердно молятся за царя и за всех, яже во власть суть, что они исправно платят подати и налоги, то все это было совершенно бесполезно. Между ними и языческим миром была такая противоположность, что столкновение было неизбежно, и оно выразилось в целом ряде кровавых гонений.

Хотя столкновение таким образом было неизбежно между христианством и язычеством, но первый противник, с которым встретилось христианство, был не языческий мир, а иудейский, который и содействовал ускорению и обострению столкновения. Пока христианство еще не получало внешнего могущества и распространения, оно было совершенно чуждо языческому миру, который даже не знал о его существовании как самостоятельной религии, отдельной от иудейства, и долго смешивал его с последним. Но иудеи сразу же почувствовали в нем грозную для себя силу. Распяв Христа за то, что Он оказался не соответствующим их ложным понятиям о Мессии и провозглашал новозаветное царство на совершенно иных началах, чем им бы хотелось, иудеи начали ожесточенно преследовать и Его апостолов. Как синедрион, так и чернь соперничали между собой в гонительстве христиан, и от иудеев именно пролилась кровь первых великих мучеников, каковыми были св. архидиакон Стефан, ап. Иаков и многие другие славные мужи.

Известно также, с какой яростью и кровожадной настойчивостью иудеи преследовали ап. Павла во время его великих миссионерских путешествий, когда они не только гонялись за ним из города в город, возбуждая против него повсюду власти и чернь, но и посылали повсюду особых агентов с целью разрушать плоды его великого миссионерства, как это было в Галатии. Отвергнув Мессию и потеряв таким образом всю свою будущность, иудеи иступленно мстили за это проповедникам христианства и, как бы предчувствуя свою историческую гибель, хотели усладиться кровью виновников этой гибели. Весь период апостольского века от вознесения Христова до разрушения Иерусалима представляет картину постоянных смут, возбуждавшихся гонительством иудеев на христиан. Эти смуты невольно должны были обратить на себя внимание римских властей, и это именно послужило первым поводом к ознакомлению римлян с христианством, основателем которого они считали некоего Христа – возмутителя общественного порядка. Несмотря на эти смуты, римляне, однако же, долго не могли понять причин их, и потому, не различая еще христианства от иудейства, признавали его лишь одной из сект последнего, вследствие чего часто не обращали должного внимания на сами смуты как исключительно религиозные, и для прекращения их прибегали иногда к крутым мерам вроде изгнания иудеев из Рима, как это было при императорах Тиверии и Клавдии, причем, по-видимому, указы безразлично применялись как к иудеям, так и к христианам. Это последнее обстоятельство еще более возбуждало злобу иудеев против христиан, так как из-за последних, по их мнению, им приходилось терпеть много неприятностей от язычников, и без того ненавидевших иудеев как самый негодный и человеконенавистный народ. Чтобы выйти из

этого положения, иудеи стали всячески стараться о том, чтобы дать понять римлянам, что они совершенно не то же, что христиане, что последние ничего не имеют общего с иудейством и представляют собой секту всесветных возмутителей, между тем как сами иудеи – народ совершенно мирный и верноподданный. Так как иудеи благодаря своей обычной пронырливости и денежным оборотам, находившимся почти исключительно в их руках, пользовались весьма большим влиянием в Риме, то им и удалось наконец совершенно выделить себя от христиан и всю ненависть язычников направить именно на них, как опаснейших сектантов и врагов Римского государства. В этом они ко времени царствования Нерона успели уже настолько, что не только чернь, но и такие просвещенные римляне, каким был историк Тацит, относились к христианам с ненавистью и злобой, и когда Рим постигло страшное бедствие от ужасного, истребительного пожара, то Нерону нетрудно уже было направить жажду мщения народа именно на христиан, которые и подверглись тогда ужасному избиению, причем иудеи не только остались совершенно в стороне от этого великого бедствия, но и, по-видимому, поощряли язычников в этом бесчеловечном кровопролитии.

Суд Божий

С этого времени христиане уже ясно отличались язычниками от иудеев, и на них-то теперь направилась вся ненависть языческого мира, особенно когда с разрушением Иерусалима и разгромом иудейского народа последний потерял свое политическое существование, и на развалинах его стал с изумительной быстротой созидаться новый мир – христианский. Когда апостолы пронесли проповедь о Распятом до концов земли и повсюду появились особые общины, которые, всецело отличаясь от остального мира своей верой и жизнью, высотой и святостью их служили как бы наглядным изобличением окружающего тления, то тогда-то князь мира сего и воздвиг на церковь Божию всю политическую мощь, которой только располагал языческий мир. Но и все силы ада были не в состоянии одолеть церковь, вечно пребывать с которой обетовал ее божественный Основатель. Враги христианства с исступленной яростью начали проливать невинную кровь христиан, которой на протяжении трех веков орошалась почва всей Римской империи. Но и все ужасы кровопролитных гонений не могли уже остановить распространения христианства. Изумительная стойкость и самоотверженность христиан была лучшей свидетельницей истины их веры, даже в язычниках возбуждала невольное изумление и заставляла их пополнять ряды казненных мучеников новыми обращениями в гонимую веру, так что кровь христианских мучеников поистине была как бы семенем христианства. Несмотря на полное неравенство внешних сил борющихся сторон, победа заранее обеспечена была за слабейшей в этом отношении, именно за христианством. Как весенние воды, бурно устремляясь с гор, размывают на своем пути все ветхое и сгнившее, так и потоки христианской крови неудержимо размывали грозные на вид, но истлевшие внутри твердыни языческого мира, и он неминуемо должен был рухнуть и рассыпаться в развалины, на которых должна была пышно взойти и расцвести нива христианская. Такой конец уже заранее предвидели христиане, и ап. Иоанн уже в первом столетии праздновал торжество и окончательную победу христианства, когда он боговдохновенно восклицал: «Вера наша есть победа, победившая мир» (1 Ин 5:4). И победа эта сделалась совершившимся фактом, когда на небе заблестал таинственный крест, на котором великий римский император прочитал надпись: «Сим победиши». Крест с того времени сделался священным знаменем всякой истинной победы, и где с искренней верой и любовью водружено это святое знамя, там и есть победоносное царство Христово, царство веры, надежды и любви.

Приложения дополнительных замечаний по отдельным вопросам из Библейской истории Нового Завета

I. Гражданская история иудеев от Рождества Христова до разрушения Иерусалима

Для более ясного понимания хода новозаветной истории необходимо некоторое знакомство с гражданской историей иудеев в это время.

После смерти Ирода Великого, имевшей место вскоре после Рождества Христова, царство иудейское разделилось между его тремя сыновьями – Архелаем, Иродом Антипой и Филиппом. Первому досталась Иудея, которая вместе с Идумеей и Самарией составляла половину всего царства Ирода Великого и приносила 600 талантов дохода. Ему предоставлен был титул «этнарха» с обещанием дать впоследствии и титул царя, если он окажется достойным его. Ироду Антипе предоставлено было управление Галилеей и Переей с титулом «тетрарха», или четвертовластника, т. е. начальника четвертой части бывших владений его отца. Эти области приносили ему 200 талантов дохода. Филипп сделался четвертовластником областей Авранитской и Трахонитской, лежавших в северной части страны по восточную сторону Иордана. Во время управления этих сыновей Ирода Великого и прошла земная жизнь Спасителя, а отчасти и Его апостолов.

Архелай, сын одной из десяти жен Ирода Великого, родился в 21 году до Р. Х. и получил образование в Риме, где он воспринял в свою злую от природы душу все худшее, чему только

можно было научиться в столице мира того времени. Это был заносчивый, деспотичный, несправедливый и распутный человек, каковым он и заявил себя сразу же по восшествии на престол. Его непродолжительное десятилетнее управление ознаменовалось всевозможными угнетениями, несправедливостями и самым беззастенчивым распутством. Подобно своему отцу (который, вероятно, за сродство с собой во всех отношениях и любил его больше всех других сыновей), он вступал в незаконные браки и то и дело менял первосвященников, все более унижая высокое звание первосвященства.

Когда Иосиф, получив извещение о смерти Ирода Великого, хотел возвратиться в Иудею, то, как известно, получил предостережение от ангела не оставаться в Иудее, под владычеством Архелая, и это предостережение вполне было отголоском общего народного недоверия к последнему. Его несправедливости скоро возбудили против него всеобщие жалобы императору Августу, который вследствие этого лишил его престола и отправил в ссылку в Вьенну, в Галлии, а Иудея превращена была в римскую провинцию, отданную под управление особых римских сановников, так называемых прокураторов.

Прокураторы в свою очередь были в подчинении у императорских правителей (префектов) Сирии. В их распоряжении находилось войско, стоявшее в Палестине, они заведовали денежными делами вверенной им области, а также и всем судопроизводством, исключая те дела, большей частью религиозного характера, которые предоставлены были ведению синедриона. Им же исключительно принадлежало право произносить смертные приговоры, каковое право было в это время отнято у синедриона (Ин 18:31). Главная их резиденция находилась в Кесарии, но они часто бывали в Иерусалиме, особенно по большим праздникам, когда стечение пришедших масс народа требовало особенного наблюдения за общественным порядком, чтобы предотвратить народные бунты и мятежи. Во время пребывания в Иерусалиме они обыкновенно жили в одном из Иродовых дворцов, в так называемой Претории, где и был трибунал правосудия. О большинстве прокураторов нам известно очень немного.

Первым из них после низложения Архелая был Копоний, который управлял Палестиной под начальством Квирина, префекта Сирии, того именно «Квирина», при котором раньше производилась известная перепись (Лк 2:2). Он сразу же показал иудеям дух римского самовластия и присвоил себе право заведования первосвященническими облачениями, употреблявшимися при богослужении в великие годовые праздники. Перепись послужила поводом к восстанию под предводительством Иуды Гавдонита (Деян 5:37). При нем первосвященником был сделан Анна.

Копоний управлял Палестиной четыре года, и после него были прокураторами Марк Амбивий (13–16 гг. по Р. Х.), Анний Руф (16–19 гг.), Валерий Грат (19–30 гг.) и Понтий Пилат (30–40 гг.). Последние трое были назначены уже императором Тиверием, вступившим на престол в 15 году по Р. Х. Во время управления этих прокураторов первосвященники то и дело сменялись, и ко времени Понтия Пилата первосвященником был известный Иосиф Каиафа.

Самым известным из прокураторов был именно Понтий Пилат. Как и все другие прокураторы, он происходил из богатого сословия всадников и, вероятно, того рода Понтиев, который вел свою родословную от знаменитого самнитского полководца Понтия Телезина. При нем прошло все общественное служение Спасителя в Иудее, и при нем же Он пострадал и умер, о чем свидетельствует и римский историк Тацит, говоря, что «Христос предан был казни в царствование Тиверия прокуратором Понтием Пилатом». По своему характеру это был, как свидетельствует Филон, человек упрямый, жестокий и неумолимый. Он заявил себя многими жестокостями и несправедливостями. При нем было несколько взрывов народного недовольства. Первым поводом к взрыву был приказ его римским воинам войти в Иерусалим с своими языческими знаменами и изображениями императора; но когда это грозило восстанием и кровопролитием со стороны иудеев, видевших в этом страшное оскорбление своему святому городу, то Пилат нехотя отменил свой приказ, затаив страшную ненависть к управляемому им

народу. Во время народных вспышек в Иерусалиме он жестоко расправлялся с виновниками, и известно, как он казнил нескольких галилеян, смешав их кровь с кровью принесенных ими жертв Лк 13:1. При нем было еще несколько смятений и взрывов недовольства, что наконец обратило на себя внимание префекта Сирии Вителлия, который и донес на него в Рим и добился лишения его должности (в 40 г.).

Когда Иудея (вместе с Самарией) уже совершенно превращена была в Римскую провинцию и управлялась римскими прокураторами, другие области еще находились под управлением сыновей Ирода, именно Ирода Антипы и Филиппа.

Ирод Антипа управлял Галилеей и Переей, и под его именно властью жило св. семейство назаретское. Он царствовал с 1 по 43 г. по Р. Х., и часто упоминается в евангелиях под именем просто Ирода (четвертовластника). Это был человек внешне образованный, крайне честолюбивый, расточительный и, подобно всем Иродам, распутный. Занимая весьма скромное положение и чувствуя свою полную зависимость от римлян, он пресмыкался перед ними и по своему лстивому коварству вполне заслужил данное ему Христом прозвище «лисицы» (Лк 13:32). Подобно своему отцу, он был до страсти предан строительству и основал на берегу озера Галилейского новый город, названный им в честь императора Тивериадой и сделавшийся столицей Галилеи. В своей частной жизни он опозорил себя незаконной женитьбой на Иродиаде, жене своего сводного брата Ирода Филиппа, и когда эта преступная связь нашла грозного изобличителя в Иоанне Предтече, то он по своей слабости сделался повинным в мученической кончине великого пророка, ставшего жертвой коварной злобы Иродиады. Совесть страшно мучила его за это великое преступление, и когда до него дошли слухи о деятельности Христа, то ему казалось даже, что это воскрес Иоанн и жаждал мщения. Вследствие этого он тайно подсылал к Христу агентов с целью разузнать сущность дела и затем сам желал видеть Иисуса, но это ему удалось только уже во время суда над Христом, когда Пилат посылал к нему Спасителя как жителя Галилеи и, следовательно, подлежащего его власти. Несмотря на свой низкий характер, Ирод имел немало приверженцев, которые назывались «иродианами» (Мф 22:16; Мк 3:6). К концу своей жизни Ирод вел войну с своим тестем Аретой, арабийским князем, который хотел отомстить своему зятю за оскорбление своей дочери, отвергнутой Иродом после вступления его в незаконную связь с Иродиадой. При этом он потерпел жестокое поражение, и народ видел в этом заслуженное наказание за его неверность жене и особенно за убийство Иоанна Крестителя. По навету брата Иродиады, Агриппы, он был лишен (в 43 г.) престола в качестве изменника Риму и сослан в Лугдунун, в Галлии, где и закончил свою жизнь вместе с сопутствовавшей ему в ссылке Иродиадой.

Третий сын Ирода Великого, четвертовластник Филипп, был во всех отношениях достойнее своих сводных братьев – Архелая и Антипы. Он мирно управлял вверенными ему областями и занимался строительством и улучшением своих городов. Так он расширил и украсил город Панию, у подошвы Ливана, переименовав его в Кесарию Филиппову (для отличия от Кесарии на берегу Средиземного моря); селение Вифсаиду, на северо-восточном берегу Галилейского озера, он возвел в степень города, переименовав его в Вифсаиду Юлиину в честь Юлии, дочери Августа. Он женат был на Саломее, дочери Иродиады, – той, что своей пляской добила голову Иоанна Крестителя, – но был бездетен, умер (в 38 г.) в Вифсаиде Юлииной и был погребен со всеми почестями. Его области были присоединены к римской провинции Сирии.

Таким образом, Палестина мало-помалу по частям поглощалась римлянами. Но благодаря одной случайности она временно опять получила некоторую самостоятельность. При римском дворе среди других Иродианских князей был внук Ирода Великого Агриппа, сын умерщвленного Аристовула. Он сумел особенно сойтись с Каем Калигулой, оказал ему важную услугу при самом восшествии на римский престол, за что и был награжден предоставлением ему в управление бывших областей Филиппа четвертовластника с титулом царя. Пользуясь своим влиянием при римском дворе, он затем добился и того, что ему отданы были и области, находившиеся под управлением Ирода Антипы, т. е. Галилея и Перее; а по восшествии на

престол императора Клавдия ему отданы были и Иудея с Самарией, так что он сделался царем всей Палестины и стал называться Агриппой I. Чтобы удержать за собой это положение, он всячески старался заискать перед сильной фарисейской партией; будучи в душе язычником, лицемерно исполнял все законы Моисеевы и в угоду фарисеям сделался гонителем христиан. При нем именно потерпел мученичество ап. Иаков (Деян 12:2) и ап. Петр был ввержен в темницу, из которой получил чудесное освобождение. После непродолжительного царствования Агриппа I неожиданно получил удар, будучи поражен ангелом в театре, в Кесарии, где он по примеру римских императоров хотел принять боготворение от народа. Подобно своему деду, он страдал омерзительной болезнью и был изъеден перед смертью червями (Деян 12:20–23).

После его смерти вся Палестина опять сделалась римской провинцией и управлялась прокураторами. Среди них наиболее известны Антоний Феликс (56–64 гг.) и Порций Фест (64–66 гг.) – те прокураторы (четвертый и пятый по порядку), перед которыми ап. Павел защищался от обвинений иудеев (см. гл. XI и XLI). В 54 году сын Агриппы I, Агриппа II, получил в управление небольшую область Халкиду, на Ливане. Три года спустя он добился титула царя, а также присоединения к своему владению бывших областей Филиппа, а с восшествием на престол Нерона – и некоторых частей Галилеи и Переи, включая и город Тивериаду. Этот-то Агриппа II во время своего официального визита к прокуратору Фесту, сделанного им вместе с своей сестрой Береникой, выразил желание выслушать дело узника Павла, который и получил возможность произнести великую проповедь о христианстве перед блестящим собранием высших представителей языческого и иудейского миров. Агриппа II всецело был предан Риму, и когда началось великое восстание иудеев, поведшее к истребительной войне и разрушению Иерусалима, он держал сторону римлян. После разгрома иудейского народа и его столицы он удалился в Рим, где и умер в третьем году царствования Траяна, около 104 года по Р. X.

Всевозможные злоупотребления прокураторов, управлявших одновременно с Агриппой II областями Палестины, не входившими в пределы его царства, мало-помалу довели народ до яростного ожесточения и восстания, которое и привело к гибели Иерусалима и храма в 74 (70) году.

II. Год рождения Христа

По общепринятой хронологии Рождество Христово имело место в 754 году от основания Рима. Но эта хронология, как обязанный своим происхождением монаху Дионисию Малому, жившему в VI веке по Р. X., не имеет никакого авторитета и по исследованию новейших хронологов оказывается неверной. Она полагает рождение Христа на четыре года позже, чем следует. Теперь вполне и достоверно известно, что Ирод Великий умер в 750 году от основания Рима, а так как Христос родился, по крайней мере, за несколько месяцев до его смерти, то годом Рождества нужно считать конец 749 или начало 750 года от основания Рима. Таким образом все хронологические данные, приводимые в предыдущем приложении, для приведения их в согласие с научно-установленной хронологией должны быть уменьшены на четыре.

III. Префект Квириний и перепись иудейского народа

Полное имя Квириния – Публий Сульпиций Квирин. Он был римским консулом в 12 году до Р. X. и сделан был префектом Сирии после низложения Архелая в 10 году по Р. X. Ему поручено было произвести полную перепись собственности в Сирии, что он и исполнил, распространив перепись и на Иудею. Но так как эта перепись относится уже к более позднему времени, к началу второго десятилетия по Р. X., то возникает вопрос, каким образом св. Лука говорит (Лк 2:2), что при Квиринии именно производилась та перепись, во время которой родился Христос в Вифлееме. В это время префектом Сирии, по-видимому, был Сентий Сатурнин. С целью разрешения этого затруднения высказывалось много различных предположений, и по одному

из них допускается даже возможность ошибки со стороны св. Луки. Но это последнее предположение не может быть принято, так как все повествование св. Луки обнаруживает самое точное и полное знакомство со всеми обстоятельствами великого события. Поэтому правдоподобнее другое предположение, что Квирий два раза был префектом Сирии, и в первый период его управления ему как опытному в этом деле правителю поручено было Августом произвести в Иудее всенародную перепись, которая вследствие этого и называется у св. Луки «первой».

IV. Мытари

Среди самого презренного в глазах набожных фарисеев класса людей в евангельском повествовании часто упоминаются «мытари», так называемые по-гречески *Π., ΟμΟ»ΠΗΟΣΟιΠ....* Это были те portitores, или низшие служащие, через которых собирались подати и пошлины. Римский сенат обыкновенно отдавал сбор налогов и пошлин на откуп особым компаниям капиталистов, которые вносили причитающуюся с той или другой провинции сумму в государственное казначейство (publicum, откуда и сами они называли publicani), и затем уже сами по-своему взимали ее с населения провинций. Откупщиками, естественно, были люди из богатейшего класса, именно из класса всадников (equites). В провинциях для сбора пошлин они имели особых директоров, в распоряжении которых были многочисленные мелкие служащие, portitores, мытари, настоящие сборщики податей и пошлин. Система эта, очевидно, давала большой простор для всяких злоупотреблений. Откупщики принимали все меры к тому, чтобы взять с той или другой провинции заплаченную в казначейство сумму с хорошим избытком или процентом, вследствие чего всячески поощряли своих служащих, которые и усердствовали в угоду им, часто прибегая к излишним и незаконным поборам, обманам и вымогательствам. Из среды самих иудеев за это ремесло обыкновенно брались все те хищники, для алчности и бессердечия которых не было ничего невозможного. Так как строгие иудеи и законники считали незаконной и самую уплату податей и пошлин языческому правительству, то на мытарей смотрели не только как на негодных и презренных людей, но и как на изменников и отступников. Их обыкновенно причисляли к одному классу с грешниками (Мф 9:11; 11:19), блудницами (Мф 21:31–32), язычниками (Мф 18:17). Есть и пить с ними считалось зазорным делом и совершенно несовместимым с достоинством всякого более или менее признанного учителя или раввина. Но Спаситель своим примером показал, что и в мытарях жила та же человеческая душа с тлеющей в ней искрой добра, и своим божественным словом не раз воспламенял эту искру и возрождал все существо ее к лучшей нравственной жизни, как это и было с Матфеем и Закхеем.

V. Погибель Иуды-предателя

О гибели Иуды уже в раннее время существовали неясные представления, давшие повод к различным последующим сказаниям. О ней рассказывается в двух местах, в Евангелии Мф 27:5, 7 и Деян 1:18, и эти два указания настолько разнятся между собой, что для соглашения их необходимо прибегать к дополнительным предположениям. Смысл повествования книги Деяний указывает как бы на то, что Иуда «низринулся» с какой-то горы в пропасть, так что от сильного падения «расселось чрево его и выпали все внутренности его»; тем не менее предание, сохраненное в древних апокрифических документах и перешедшее в народные сказания, предпочтительно держалось и держится самого простого понимания выражения св. Матфея, что предатель «удавился», т. е. повесился. Об этом свидетельствует, например, апокрифическое Евангелие Никодима, в котором подробно излагается история приготовления Иудой себе веревки для повешения. Церковной археологии известны два изображения, которые наглядно представляют этот способ самоубийства предателя. Одно находится в сирийском манускрипте Рабулы и другое на слоновой кости в Британском музее. В обоих случаях Иуда изображен висящим на веревке, привязанной к суку какого-то покрытого листвою дерева. Так же совершенно представляет себе кончину предателя и воображение различных христианских

народов и, между прочим, русского.

Русский народ, как известно, весьма категорически определяет и дальнейшую подробность, именно, что Иуда удавился на «горькой осине», у которой с того-де времени и дрожит листва. Против этого возражают, что подробность эта совершенно неосновательна, так как в Палестине нет даже осин. Но мы склонны придавать народному преданию гораздо больше значения и не считаем особенной смелостью признавать в нем некоторое фактическое основание. К этому нас побуждает то обстоятельство, что само мнение (довольно распространенное), будто в Палестине нет осин, едва ли основательно. Во всяком случае с достоверностью известно, что в Палестине водятся тополи, и о них не раз упоминается в Библии, а осина, как известно всякому даже неспециалисту-ботанику, есть лишь одна из разновидностей тополя, так называемый «тополь-трясучка», или по его ботанической терминологии – *populus tremula*. Наконец, в Средней Палестине, по удостоверению весьма серьезных исследователей, водится не просто тополь, но и та именно его разновидность, которая, по представлению русского народа, послужила средством самоубийства Иуды. Так, в Библейском словаре Смита прямо говорится: «Тополы, особенно *осиновые* и серебристые, чрезвычайно часто попадают при потоках» (см. Smith, Dictionary, под словом Palestine, отд. Botany). И это обстоятельство, в свою очередь, может служить важным пояснением для других подробностей. Сучья осины, как известно, весьма некрепки и ломаются под более или менее значительной тяжестью; а это отчасти и предполагается преданием, которое причину падения Иуды объясняет двояким предположением, что или веревка оборвалась под ним, или же сломился сам сук дерева. Наконец, если допустить, что «проклятая осина» стояла именно на берегу какого-либо горного «потока» (где она и любит ютиться по приведенному выше свидетельству словаря Смита), то падение с крутизны на кремнистое дно ложбины потока может служить и достаточным объяснением свидетельства Деян 1:18, что Иуда «низринулся» и от сильного падения у него «расселось чрево и выпали все внутренности». Этот последний факт может служить достаточным опровержением тех критиков-рационалистов, которые на основании свидетельств медицины стараются опровергнуть достоверность самого повествования, так как-де простое падение трупа с *censored* дерева на землю не повлекло бы за собой таких страшных для него последствий.

VI. Новозаветные меры длины

В новозаветное время у иудеев вошли в употребление некоторые меры длины, отличные от ветхозаветных. Между прочим упоминаются субботний путь (Деян 1:12), стадия (Лк 24:13; Ин 2:19; Откр 21:16) и поприще (Мф 5:41). 1) Под *субботним путем* разумелось расстояние, которое можно было проходить без нарушения узаконенного в субботу покоя. Он равнялся, по толкованию раввинов, двум тысячам локтей, т. е. одной версте. 2) *Стадия* равнялась 600 греческим или 625 римским футам, или 125 римским шагам, т. е. приблизительно 90 сажням. Восемь стадий составляли милю. 3) *Поприще* есть римская миля, mille, названная так потому, что она равнялась *тысяче* (mille) шагов. При переводе на наши меры поприще составит приблизительно около полутора верст.

VII. Новозаветные деньги

В новозаветное время в Палестине почти исключительно ходили уже монеты греческие и римские. В книгах Нового Завета упоминаются один род монеты иудейской, но пять родов монеты греческой и четыре рода монеты римской.

Ходячей иудейской монетой был *сребреник*, остаток Маккавейской чеканки. Он равнялся сиклю (около 80 копеек) и считался национальной монетой, употреблявшейся предпочтительно перед всеми другими при храме. За эти «тридцать сребреников» Иуда предал Христа (Мф 26:15; 27:3–6, 9). По тогдашним ценам это была достаточная сумма, чтобы купить небольшой участок земли даже в окрестностях Иерусалима. В Талмуде упоминается еще особая монета зуз,

множ. *зузим*, равная 6-й части динария, т. е. приблизительно 4–5 копейкам.

Греческие монеты были пяти родов: 1) *драхма* (Лк 15:8–9), серебряная монета, равная римскому динарию: она составляла шеститысячную часть аттического таланта, сотую часть мины и разделялась на 6 оволов. В век Перикла она весила около 1 золотника 5 долей и равнялась 25 копейкам, хотя после Александра Великого ценность ее несколько понизилась. Драхма как основная денежная единица являлась в удвоенной цене как 2) *дидрахма* (Мф 27:23), каковая монета приравнивалась к полусиклю, так что вместо последнего принималась в уплату храмовой подати, хотя она по ценности стояла несколько выше его. 3) Четыре драхмы составляли *статир* (Мф 27:26), называвшийся также *тетрадрахмой*. Он приравнивался к полному священному сиклю или сребренику. На лицевой стороне его изображалась Минерва, а на обороте – ночная сова, символ этой богини. Такой статир найден был ап. Петром в пойманной им рыбе и отдан им в уплату храмовой подати за Иисуса Христа и за себя. 4) Сто драхм, или 25 статиров, составляли *мину*, которая таким образом приблизительно равнялась двадцати пяти рублям. 5) Высшей денежной единицей был *талант*, золотой или серебряный (Мф 28:24; 15:15 и сл.; Откр 16:21). Вес и ценность его сильно разнообразились в различные периоды. Золотой талант был равен десяти серебряным. Аттический талант равнялся 60 минам, или 6000 драхм, т. е. приблизительно 1500 рублям. Коринфский талант равнялся 100 минам (2500 рублям). Последний более подходил к ценности собственно еврейского (ветхозаветного) серебряного таланта, который равнялся приблизительно 2400 рублям.

Римские монеты, упоминаемые в Новом Завете, были четырех видов. 1) *Динарий*, *полатыни* *denarius*, был серебряной монетой, называвшейся так вследствие того, что она первоначально составляла десять асов, но позднее стала равняться шестнадцати. О динарии часто упоминается в евангелиях как, очевидно, о наиболее употребительной монете (Мф 18: 28; 20:2, 9–10, 13; 22: 19; Мк 6:37; 12:15; 14:5; Лк 7:41; 10:35; 20:24; Ин 6:7; 12:5; Откр 6:6). По своему весу и ценности динарий приравнивался к греческой драхме или BS4 сикля; но во время земной жизни Спасителя он имел значительно меньшую ценность и равнялся приблизительно 20 копейкам. На лицевой стороне его изображался царствующий император (Мф 22:19–21). Динарий составлял ежедневную плату римского воина, как драхма – ежедневную плату афинского воина. Он же составлял обычную поденную плату рабочим (Мф 20:2 и сл.). Динарию же равнялась поголовная подать, которую иудеи обязаны были платить римлянам (Мф 22:19). 2) Динарии разделялись на десять, а затем на шестнадцать *ассариев*, или сокращенно – *ассов* (Мф 10:29; Лк 12:6). Это была медная монета, равная приблизительно двум копейкам. 3) Четвертую часть ассария составлял *кодрант*, по-латыни *quadrans* (Мф 5:26; Мк 12:42), и он равнялся BS копейки, т. е. денежке. На лицевой стороне обеих этих монет изображался император, а на обороте – остов корабля с надписями. 4) Половину кодранта составляла *минута* (*minutum*), или *лента* (Лк 12:59; 21:2; Мк 12:42), самая мелкая медная монета, равная полушке. Две такие монетки и положила в сокровищницу храма бедная вдова, удостоившаяся особенной похвалы от Христа.

VIII. Таблица последовательной новозаветной истории по четвероевангелию

Таблица

	ЕВАНГЕЛИЯ ОТ			
	МАТФЕЯ	МАРКА	ЛУКИ	ИОАННА
1	2	3	4	5
Предвечное слово	–	–	–	1:1–14
Предсказание Архангела Гавриила о рождении Предтечи	–	–	1:5–25	–
Благовещение Пресвятой Деве Марии	–	–	1:26–38	–
Посещение Пресвятой Девой Марией Елизаветы	–	–	1:39–56	–
Рождество Иоанна Предтечи	–	–	1:57–80	–
Рождество Христово	1:18–25	–	5:1–7	–
Родословие Иисуса Христа	1:1–17	–	3:23–38	–
Обрезание Господне	–	–	2:21	–
Сретение Господа Иисуса во храме	–	–	2:22–38	–
Поклонение волхвов	2:1–12	–	–	–
Бегство св. семейства в Египет и избяние вифлеемских младенцев	2:13–18	–	–	–
Возвращение св. семейства в Назарет	1:19–23	–	2:41	–
Отрок Иисус во храме	–	–	2:42–50	–
Пропов. Иоанна Предтечи в пустыне	3:1–12	1:1–8	3:1–18	1:15–31
Крещение Иисуса Христа	3:13–17	1:9–11	3:21–23	1:32–34
Искушение Иисуса Христа диаволом в пустыне	4:1–11	1:12–13	3:1–13	–
Свидетельства Иоанна Предтечи о себе и об Иисусе Христе	3:11–12	1:1–8	3:15–17	1:15–34
Первые последователи Иисуса Христа	–	–	–	1:35–51
Первое чудо Христа на браке в городе Кане	–	–	–	2:1–11
От первой до второй Пасхи				
Изгнание Христом торгующих из храма	–	–	–	1:14–17
Беседа Иисуса Христа с Никодимом	–	–	–	3:1–21
Последнее свидетельство Иоанна Предтечи об Иисусе Христе	–	–	–	3:22–36
Беседа Иисуса Христа с самарянкой	–	–	–	4:4–42
Испеление Христом сына царедворца	–	–	–	4:46–54

Проповедь Иисуса Христа в Назаретской синагоге	–	–	4:16–30	–
Чудесный лов рыбы на Галилейском озере	–	–	5:1–11	–
Исцеление бесноватого	–	1:23–28	4:31–37	–
Исцеление расслабленного в Капернауме	9:2–8	2:2–12	5:18–26	–
Призвание к апостольству мытаря Матфея	9:9–13	2:13–17	5:27–32	–
От второй до третьей Пасхи				
Исцеление расслабленного при овечьей купальне	–	–	–	5:1–47
Защита Христом учеников, срывавших в субботу колосья	12:18	1:23–28	6:1–5	–
Исцеление Им сухорукого	12:9–14	3:1–16	6:6–11	–
Избрание двенадцати апостолов	–	3:13–19	6:12–16	–
Нагорная проповедь Иисуса Христа	гл. 5–7	–	6:17–49	–
Исцеление прокаженного	8:2–4	1:40–45	5:12–14	–
Исцеление слуги сотника	8:5–13	–	6:1–10	–
Воскрешение сына Наинской вдовы	–	–	6:11–17	–
Посольство Иоанна Предтечи к Иисусу Христу	9:1–30	–	8:18–35	–
Прощение грешницы, помазавшей миром ноги Христовы на вечери в доме Симона фарисея	–	–	7:36–50	–
Притчи: о сеятеле	13:3–23	4:2–25	8:4–18	–
О зерне горчичном	13:31–32	4:30–34	–	–
О пшенице и плевелах	13:24–30	–	–	–
Укрощение бури на озере	8:23–26	4:36–40	8:22–26	–
Исцеление Гадаринского бесноватого	8:28–34	5:1–20	8: 26–39	–
Исцеление женщины, страдавшей кровотечением, и воскрешение дочери Иаира	9:18–26	5:21–43	8: 40–56	–
Исцеление двух слепцов	9:27–31	–	–	–
Отправление 12 апостолов на проповедь	9:35–11	6:7–13	9:1–6	–
Мучительная кончина Иоанна Предтечи	14:1–12	6:14–29	9:7–9	–
Чудесное насыщение пяти тысяч человек	14:13–21	6:30–44	9:10–17	6:1–15
Хождение Христа по водам	14:22–36	6:45–58	–	6:16–21
Беседа Его в Капернаумской синагоге о таинстве причащения	–	–	–	6:22–72
От третьей Пасхи до входа в Иерусалим				
Беседа Иисуса Христа о значении отеческих преданий	15:1–20	7:1–23	–	–
Исцеление бесноватой дочери хананеянки	15:21–28	7:24–30	–	–
Исцеление глухого косноязычного	–	6:32–37	–	–
Насыщение четырех тысяч человек семью хлебами	15:31–39	8:1–10	–	–
Исцеление слепого в Заиорданской области	16:13–20	8:22–26	–	–
Исповедание Петра	–	8:27–30	9:18–21	–
Предсказание Господа Иисуса об ожидающих Его страданиях и смерти в Иерусалиме	16:21–28	8:31–39	9:22–27	–
Преображение Христово	17:1–13	9:1–12	9:–28–36	–
Исцеление бесноватого глухонемого отрока	17:14–20	9:13–28	9:37–43	–

Чудесное получение монеты для уплаты подати на храм	17:23–36	–	–	–
Учение Иисуса Христа о суде церковном и о прощении обид	18:15–22	–	–	–
Притча о милосердном царе и безжалостном займодавце	18:23–35	–	–	–
Отказ самарян пустить Иисуса Христа в свое селение	–	–	9:52–56	–
Посольство семидесяти апостолов на проповедь	–	–	10:1–20	–
Притча о милосердном самарянине	–	–	10:25–37	–
Посещение Марфы и Марии Господом Иисусом	–	–	10:38–42	–
Дарование молитвы Иисусом Христом	–	–	11:1–13	–
Проповедь Иисуса Христа в преполовление и последний день праздника Кущей	–	–	9:51	–
Женщина, взятая в прелюбодеянии	–	–	–	7:2–10
Исцеление слепорожденного	–	–	–	8:1–11
Притча о любостыжательном богаче	–	–	12:16–21	9:1–41
Увещание к бодрствованию и покаянию	–	–	12:22–33	–
Притчи о рабах, ожидавших возвращения господина	–	–	12:36–40	–
О бесплодной смоковнице	–	–	13:1–9	–
Исцеление скорченной женщины	–	–	13:10–17	–
Исцеление больного водяжкой	–	–	14:1–6	–
Притчи: о званных на вечерю	–	–	14:7–24	–
Об овце пропавшей	18:10–14	–	15:4–7	–
О драхме потерянной	–	–	15:8–10	–
О блудном сыне	–	–	15:11–32	–
Притча о богатом и Лазаре	–	–	16:19–31	–
Исцеление десяти прокаженных	–	–	17:11–19	–
Притчи: о несправедливом судье	–	–	18:1–8	–
О мытаре и фарисее	–	–	18:9–14	–
Свидетельство Иисуса Христа на празднике обновления храма о своем единосущии с Богом Отцом	–	–	–	10:22–42
Благословение детей	19:13–15	10:13–16	18:15–17	–
Указание богатому юноше совершеннейшего пути ко спасению	19:16–26	10:17–27	18:18–27	–
Притча о равной плате работникам в винограднике	20:1–16	–	–	–
Известие о болезни Лазаря и отшествие Христа в Иудею	–	–	–	11:1–16
Воскрешение Лазаря	–	–	–	11:; 17–45
Определение синедриона против Иисуса Христа и удаление Христа в Еф- раим	–	–	–	11:46–54
Предсказание Иисуса Христа о своей смерти в Иерусалиме	20:17–19	10:32	18:31–34	–
Просьба Саломей	20:20–28	10:35–45	–	–
Исцеление в Иерихоне слепцов	20:29–34	10:46–52	18:35–43	–
Обращение Закхея	–	–	19:1–10	–
Помазание ног Иисуса Христа миром на вечери в Вифании	26:6–13	14:3–9	–	12:2–11

Последние дни				
Торжественный вход Иисуса Христа в Иерусалим	21:1–11	11:1–11	19:29–44	12:12–19
Проклятие смоковницы	21:17–19	11:12–14	–	–
Изгнание торжников из храма	21:12–16	11:15–18	19:45–48	–
Пригчи о непослушном сыне и раскаявшемся	21:28–32	–	–	–
О злых виноградарях	21:33–46	12:1–12	10:9–19	–
О брачном пире для царского сына	21:1–14	–	–	–
Ответы Иисуса Христа на лукавые вопросы: фарисеям о дани Кесарю	22:15–22	12:13–17	20:20–26	–
Саддукеям – о воскресении мертвых	22:23–33	12:18–27	20:27–40	–
Законнику – о главных заповедях	22:34–40	11:28–34	–	–
Вопрос со стороны Иисуса Христа о Божественном достоинстве Мессии	22:41–46	12:35–37	20:41–44	–
Последнее обличение Иисусом Христом книжников и фарисеев	23:1–39	12:38–40	20:45–47	–
Похвала усердию вдовицы	–	12:41–44	21:1–4	–
Беседа Иисуса Христа с учениками о разрушении храма и Иерусалима, о кончине мира и втором пришествии Его	24:1–51	13:1–37	21:5–38	–
Пригчи Христа о десяти девах и талантах	25:1–30	–	–	–
Изображение Страшного суда	25:31–46	–	–	–
Определение синедриона о взятии Христа хитростью	26:3–5	14:1–2	22:1–2	–
Предательство Иуды	26:14–16	14:10–11	22:3–6	–
Умовение ног, Тайная вечеря и прощальная беседа с учениками	26:17–35	14:17–31	22:14–33	гл. 13–17
Молитва Иисуса Христа в саду Гефсиманском	26:36–46	14:32–42	22:39–40	18:1
Взятие Христа воинами	26:47–56	14:33–52	22:47–53	18:2–12
Суд над Христом у первосвященника Анны	–	–	–	18:19–24
На суде у Каиафы	26:57–58, 60–68	14:53–65	–	–
Отречение и раскаяние Петра	26:69–75	14:66–72	22:55–62	18:25–27
Погибель Иуды	27:3–10	–	–	–
Иисус Христос на суде Пилата и Ирода	27:11–26	15:2–15	23:2–26	18:29–40
Бичевание Его и осуждение Пилатом на смерть	27:26–31	15:15–20	23:23	19:1–16
Распятие, Крестные страдания, смерть и погребение Иисуса Христа	27:32–66	15:21–47	23:25–56	19:17–42
Воскресение Господа Иисуса Христа	28:1–7	16:2–7	24:1–12	20:1–10
Явления воскресшего Христа	28:8–20	16:9–13	24:34–50	20:11 21:24
Вознесение Господне	–	16:19	24:51–53	–
Заключение	–	–	–	20:30–31 21:24–25

IX. Хронология важнейших событий новозаветной истории

Полагая Рождество Христово в 750 году от основания Рима, т. е. на четыре года раньше принятой эры, можно составить следующую таблицу важнейших событий новозаветной истории:

Смерть Ирода Великого 1

Царствование Архелая 1–10

Иисус в храме Иерусалимском 12

Колоний, первый прокуратор	10–13
Смерть императора Августа	15
Царствование Тиверия	15–40
Понтий Пилат, пятый прокуратор.	30–40
Смерть Иисуса Христа	34
Смерть Ирода Филиппа	38
Калигула, римский император	40–45
Обращение ап. Павла	42
Евангелие от Матфея	42
Низложение Ирода Антипы.	43
Клавдий, римский император	45–58
Агриппа I, внук Ирода Великого, царь иудейский	45–48
Мученическая кончина ап. Исакова	48
Управление римских прокураторов	49–50
Первое миссионерское путешествие ап. Павла	50
Собор Иерусалимский	52
Второе миссионерское путешествие ап. Павла	53
Агриппа II, царь иудейский	54–104
Ап. Павел в Афинах	55
Евангелие от Марка	55
Ап. Павел в Коринфе и послания к Фессалоникийцам . .	56
Нерон, римский император	58–72
Мятеж в Ефесе	60
Послание к Римлянам	61
Арест ап. Павла в Иерусалиме	62
Евангелие от Луки	62
Ап. Павел перед Фестом и Агриппой II	64
Прибытие ап. Павла в Рим	65
Мученическая кончина Иакова, брата Господня	66
Книга Деяний апостольских	67

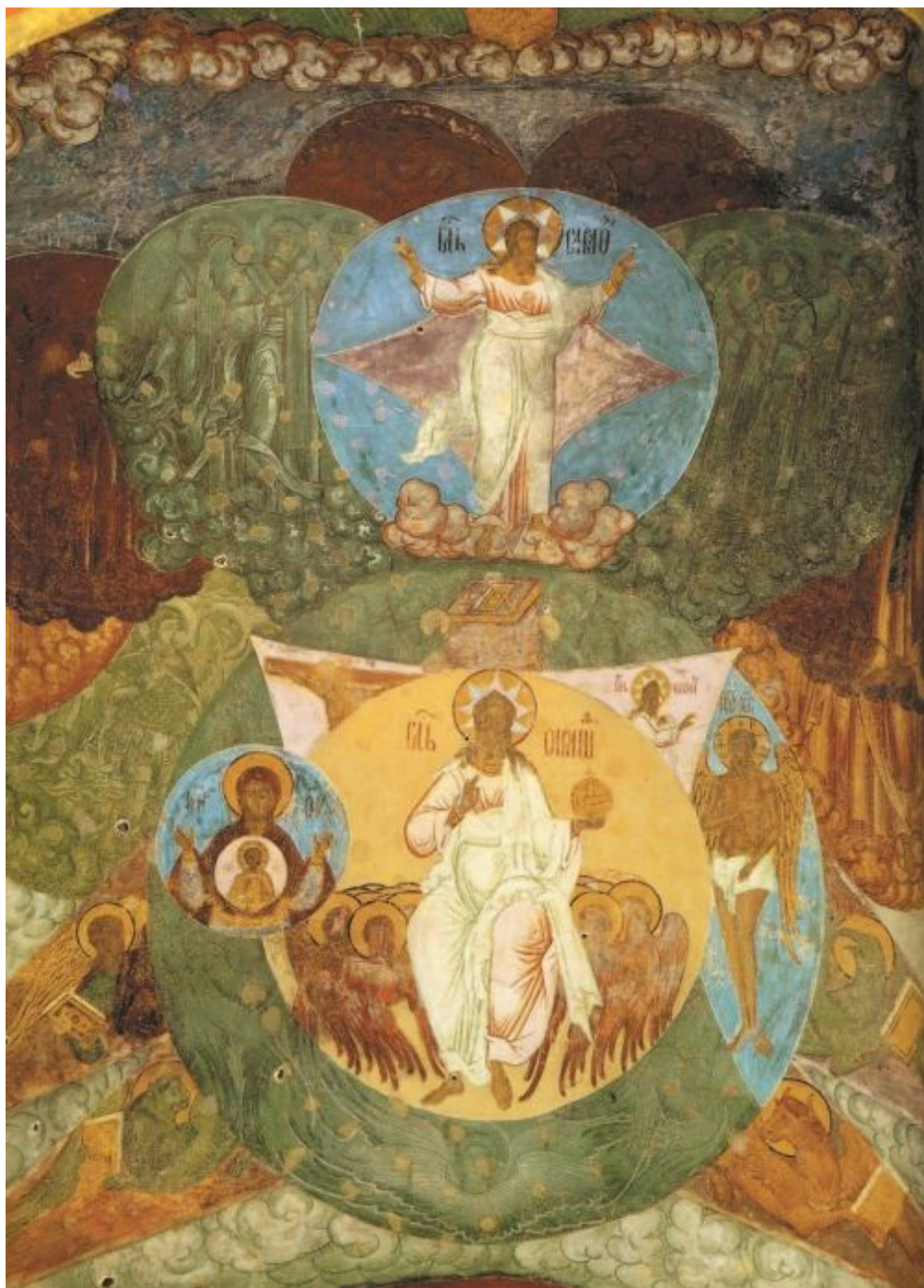
Великий пожар в Риме и гонение на христиан	68
Мученическая кончина апп. Петра и Павла	70
Иудейская война против римлян	70–77
Веспасиан, римский император	73–84
Взятие и разрушение Иерусалима и храма Титом	74
Евангелие от Иоанна	95
Кончина последнего апостола, Иоанна Богослова	98

Большая часть этих дат имеет предположительный характер и приводится здесь лишь для наглядного показа общего хода истории в I веке христианской эры.

Иллюстрации

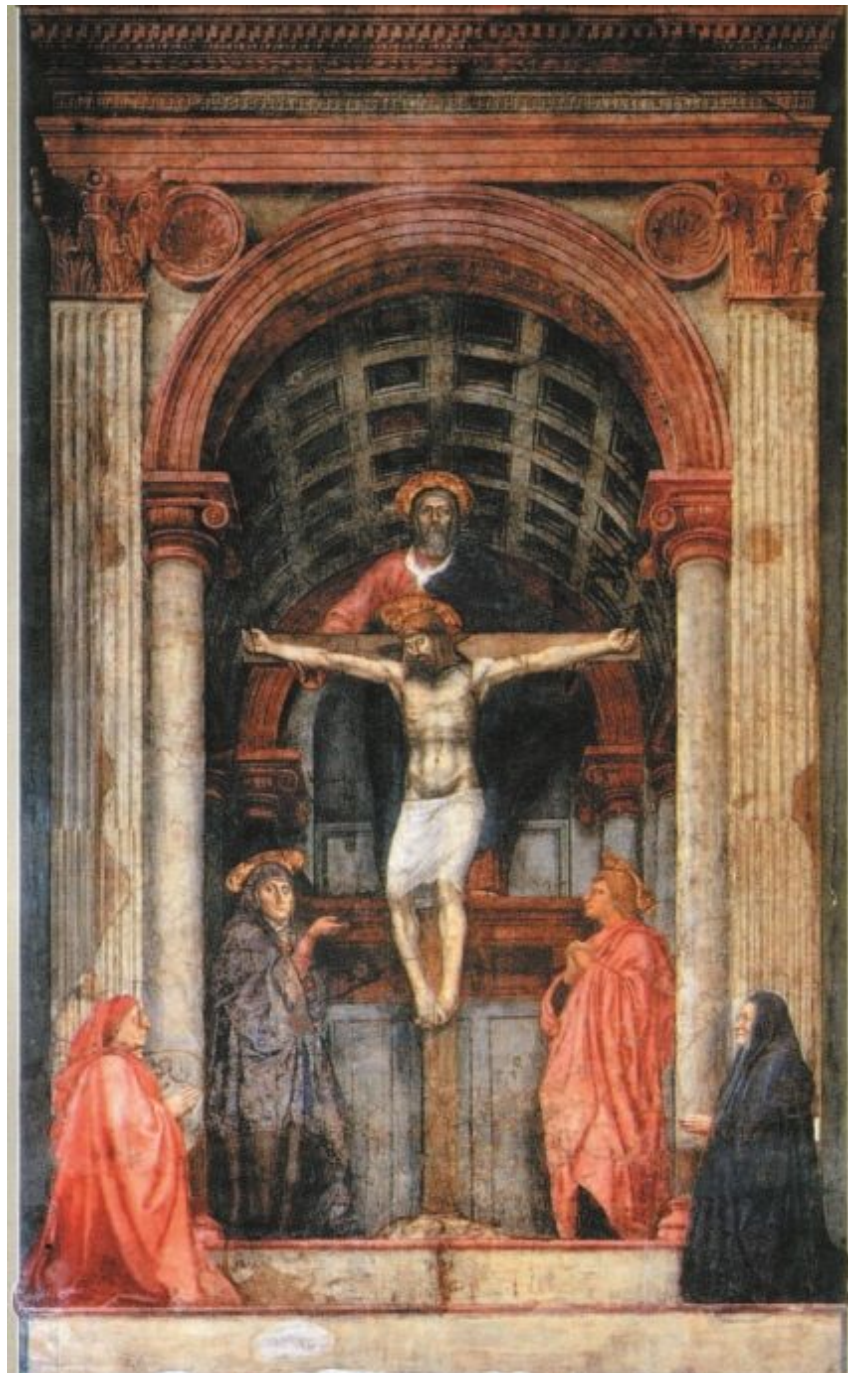
Рай. Храм Пресвятой Богородицы. Грузия

Дни творения. Роспись алтаря храма Богоявления. Ярославль

Грехопадение. Фрагмент иконы Символ веры из Преображенского собора Соловецкого монастыря

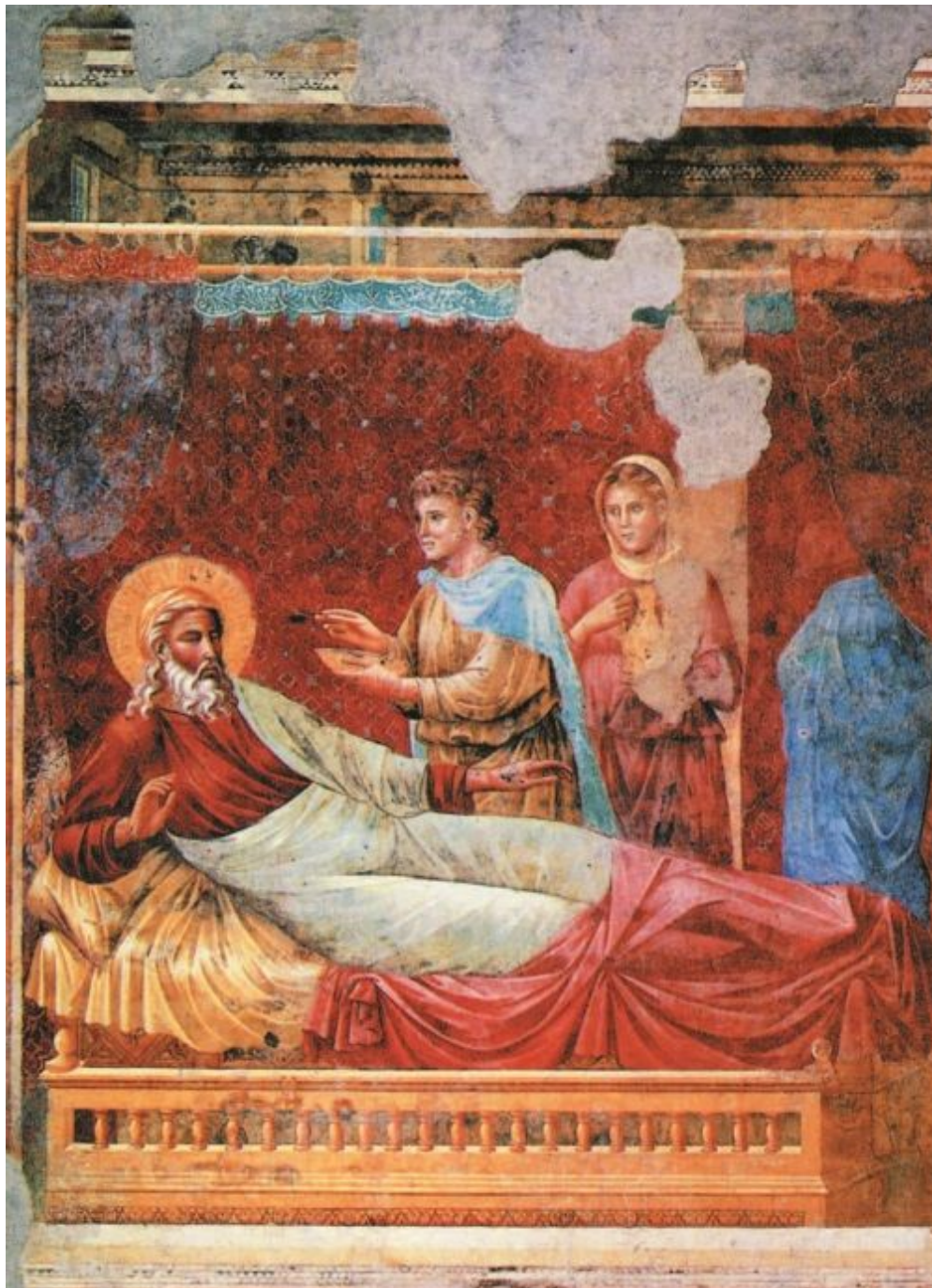
Мазаччо. Троица

Рафаэль. Обручение Богоматери

Рембрандт. Жертвоприношение Авраама

Мастер Исаака. Исаак отвергает Исава

Питер Брейгель. Вавилонская башня

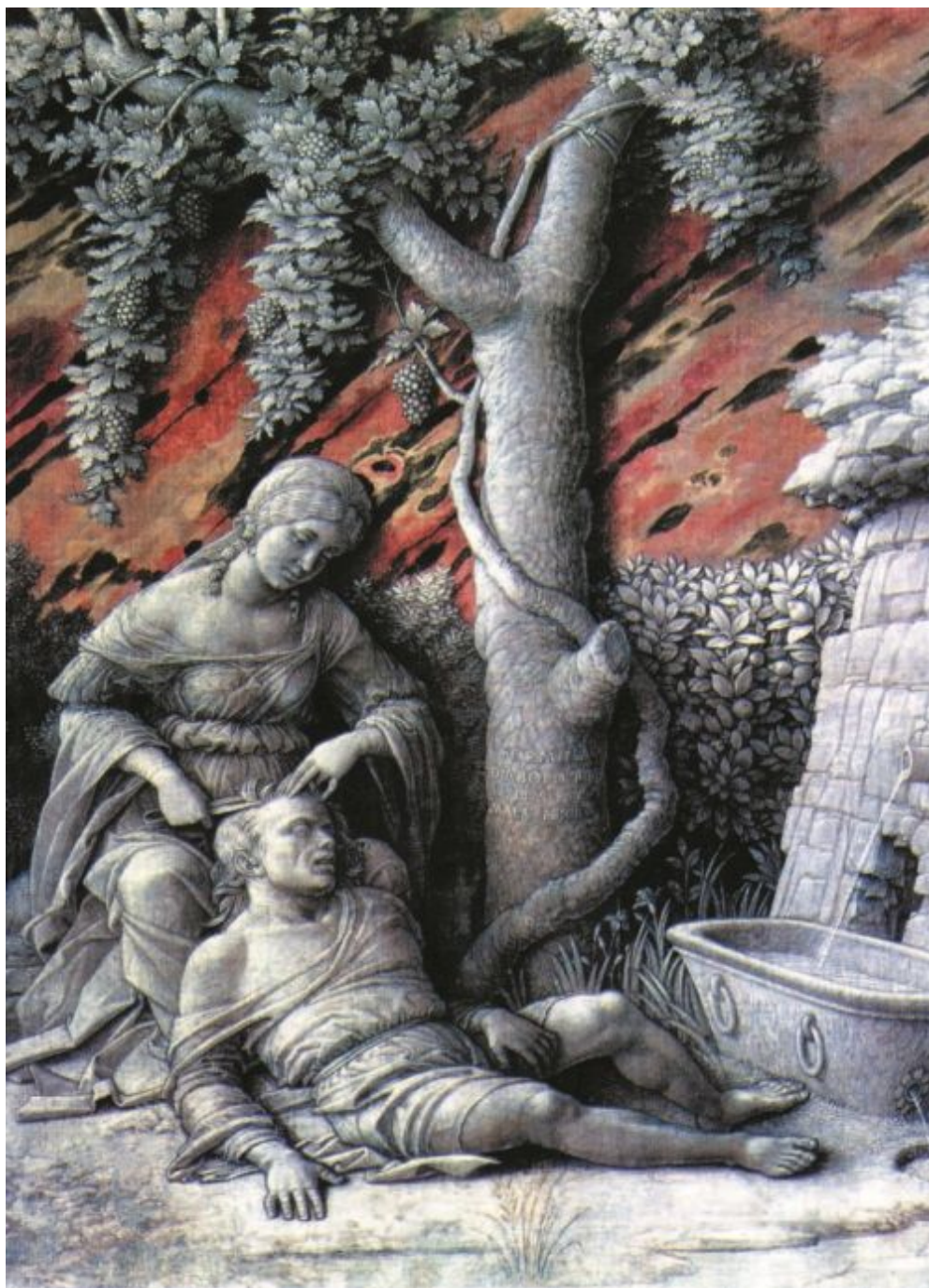

Пророк Моисей снимает обувь свою перед Неопалимой Купиной.

Синай

Пророк Моисей со скрижалями Завета

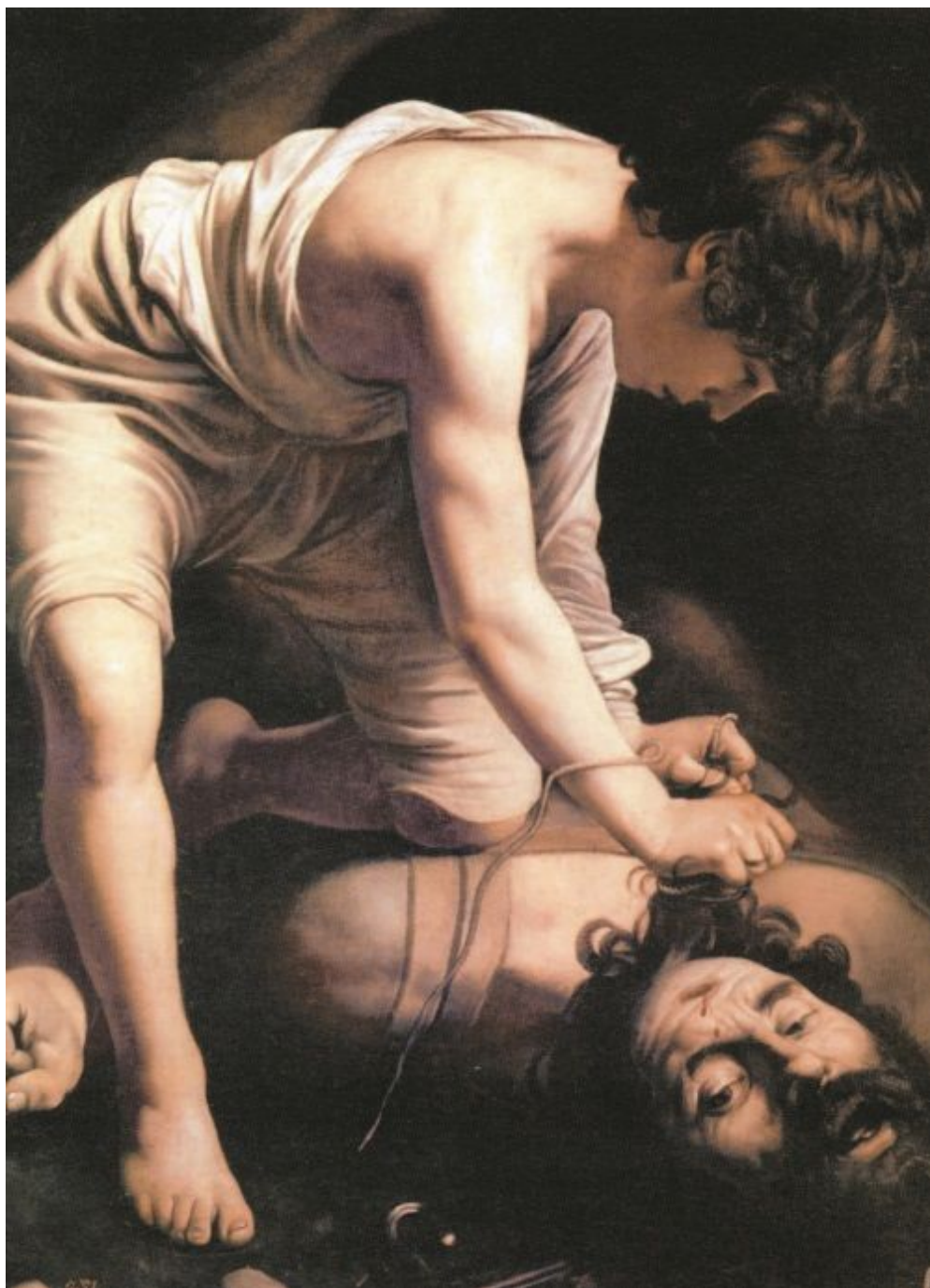
Андреа Мантенья. Самсон и Далила

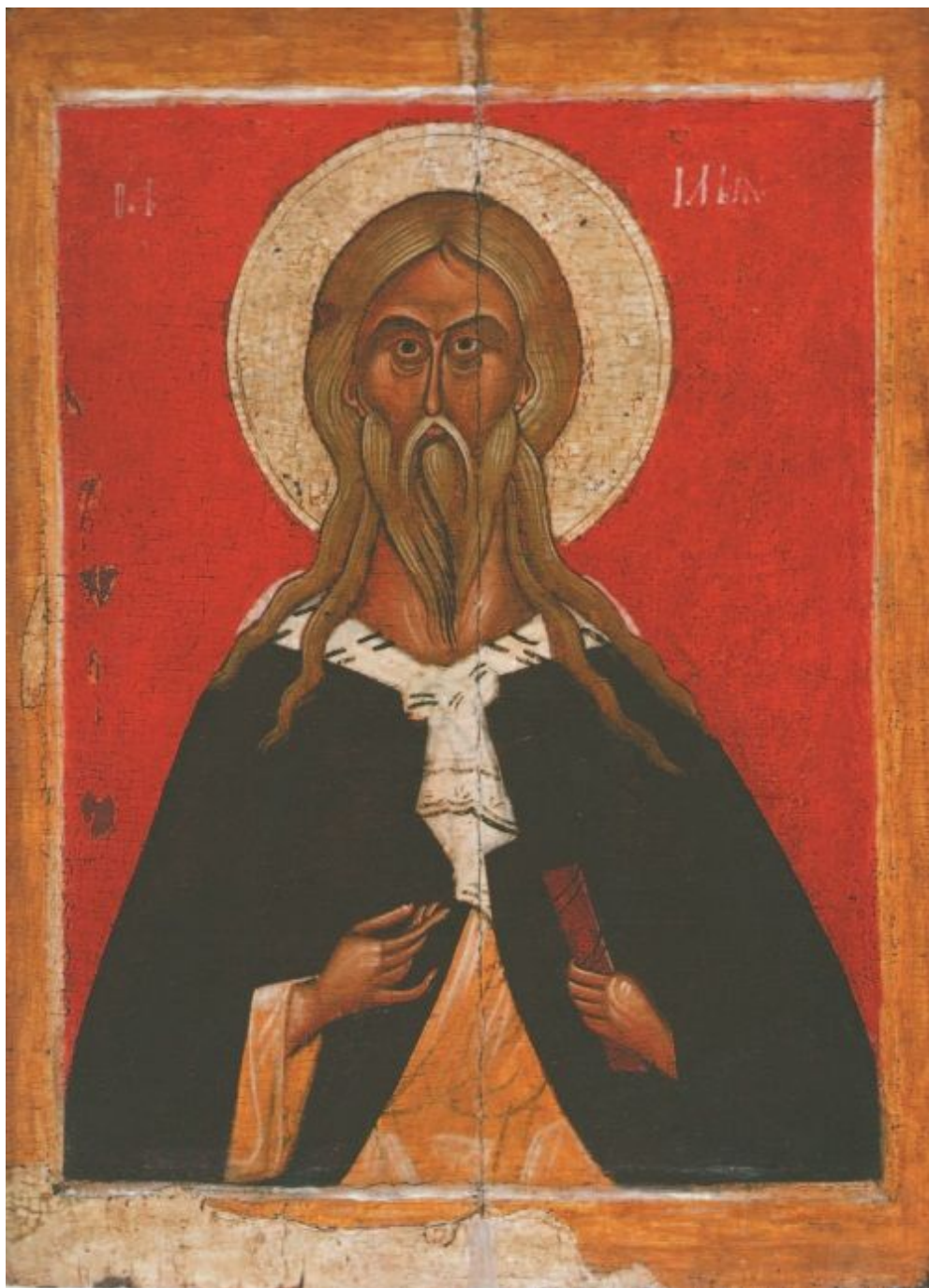
Джорджоне. Суд Соломона

Густав Доре. Моисей

Караваджо. Давид с головой Галиафа

Илия Пророк. Начало XV в.

Микеланджело. Сивилла. Фрагмент росписи Сикстинской капеллы

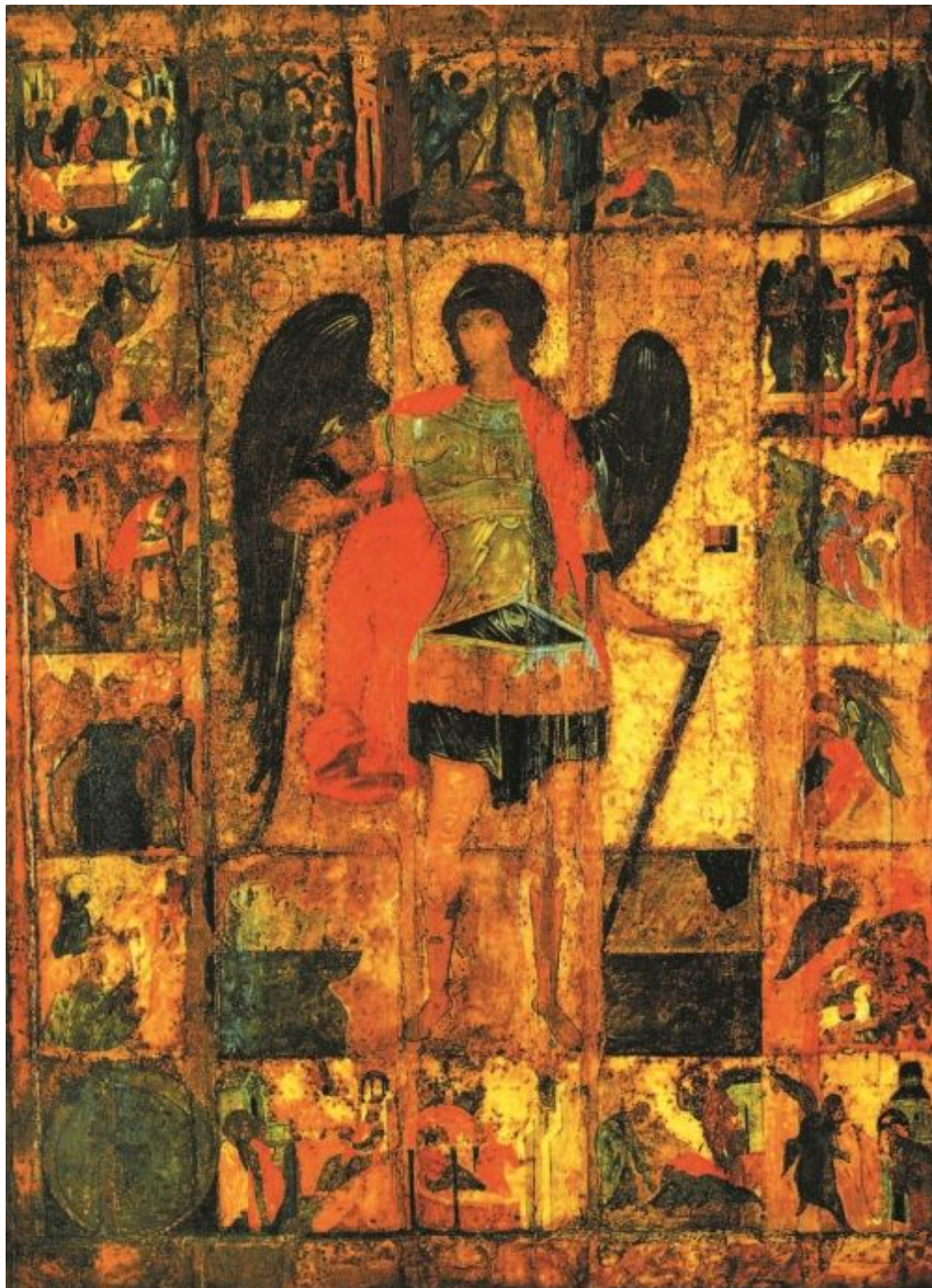
Рембрандт. Товит и Анна с козленком

Себастьяно дель Пьомбо. Юдифь

Андрей Рублев. Троица

Архангел Михаил в деяниях. Конец XIV-начало XV в.

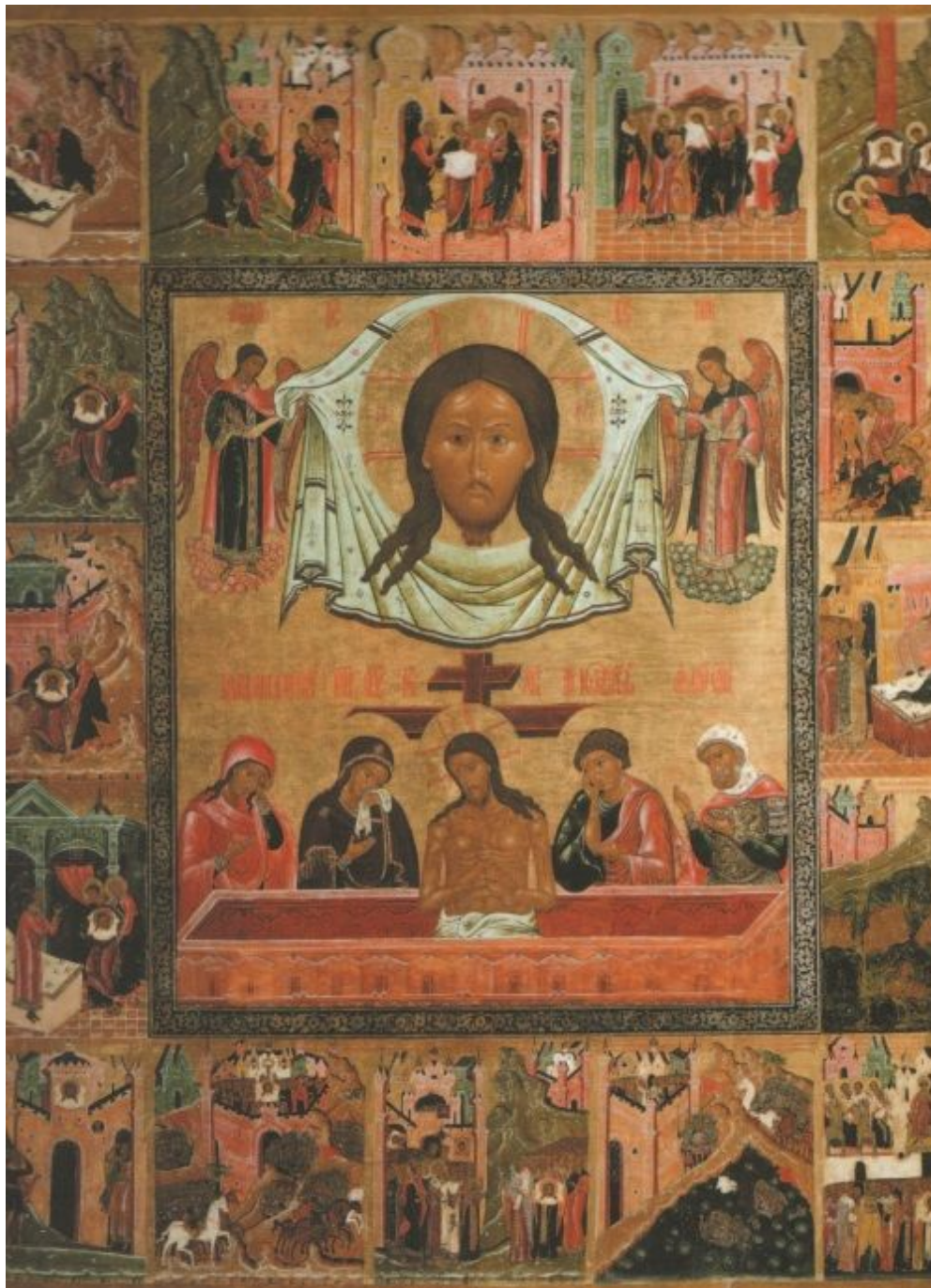
Евангелие от Марка. 1334 г.

Евангелие от Матфея. Титульная страница. 1334 г.

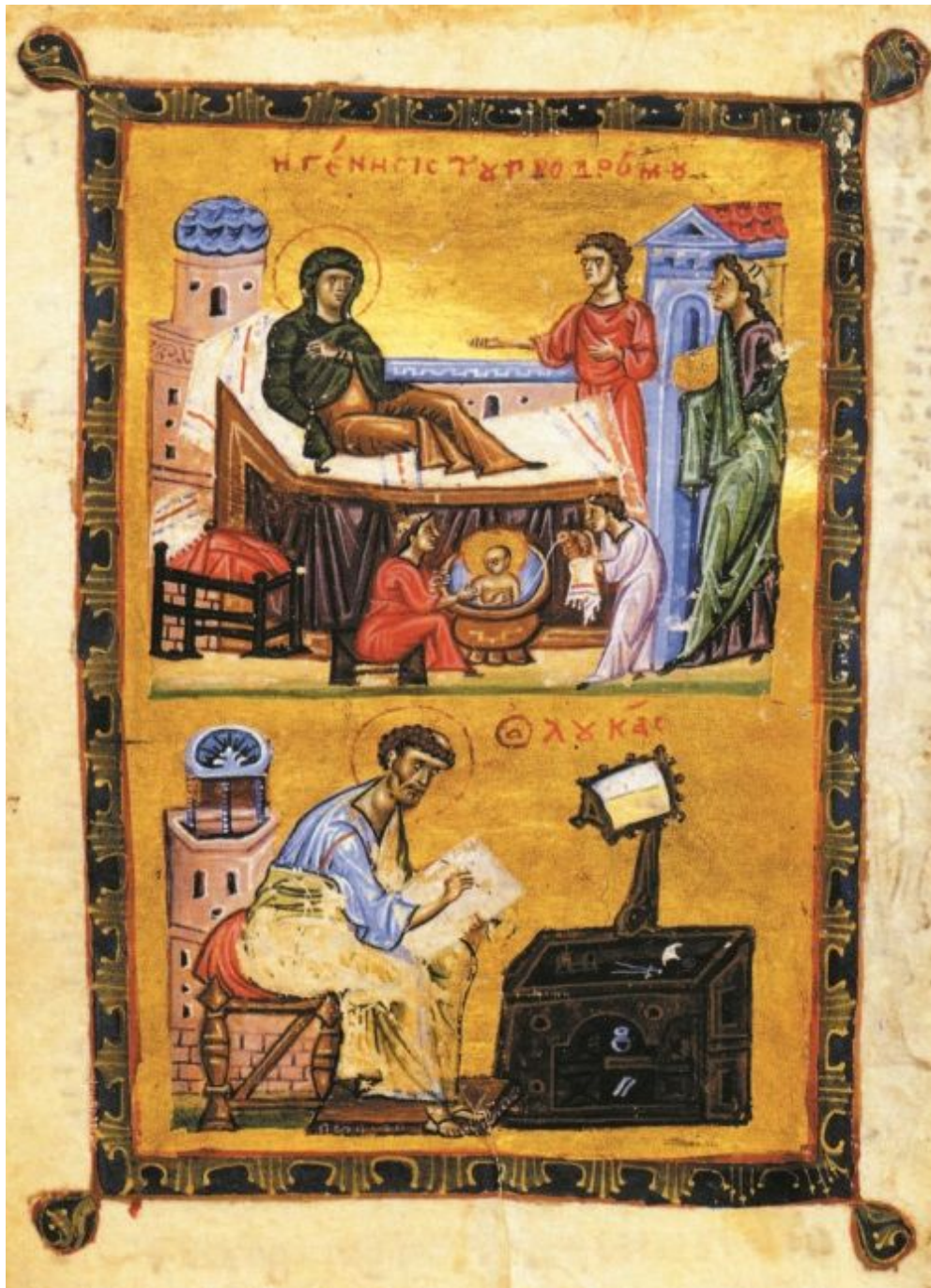

Евангелие от Луки. Титульная страница. 1333 г. Монастырская библиотека. Патмос

Петр Костромитин. Спас Нерукотворный со сказанием. Не рыдай мене, мати.

Конец XVII в.

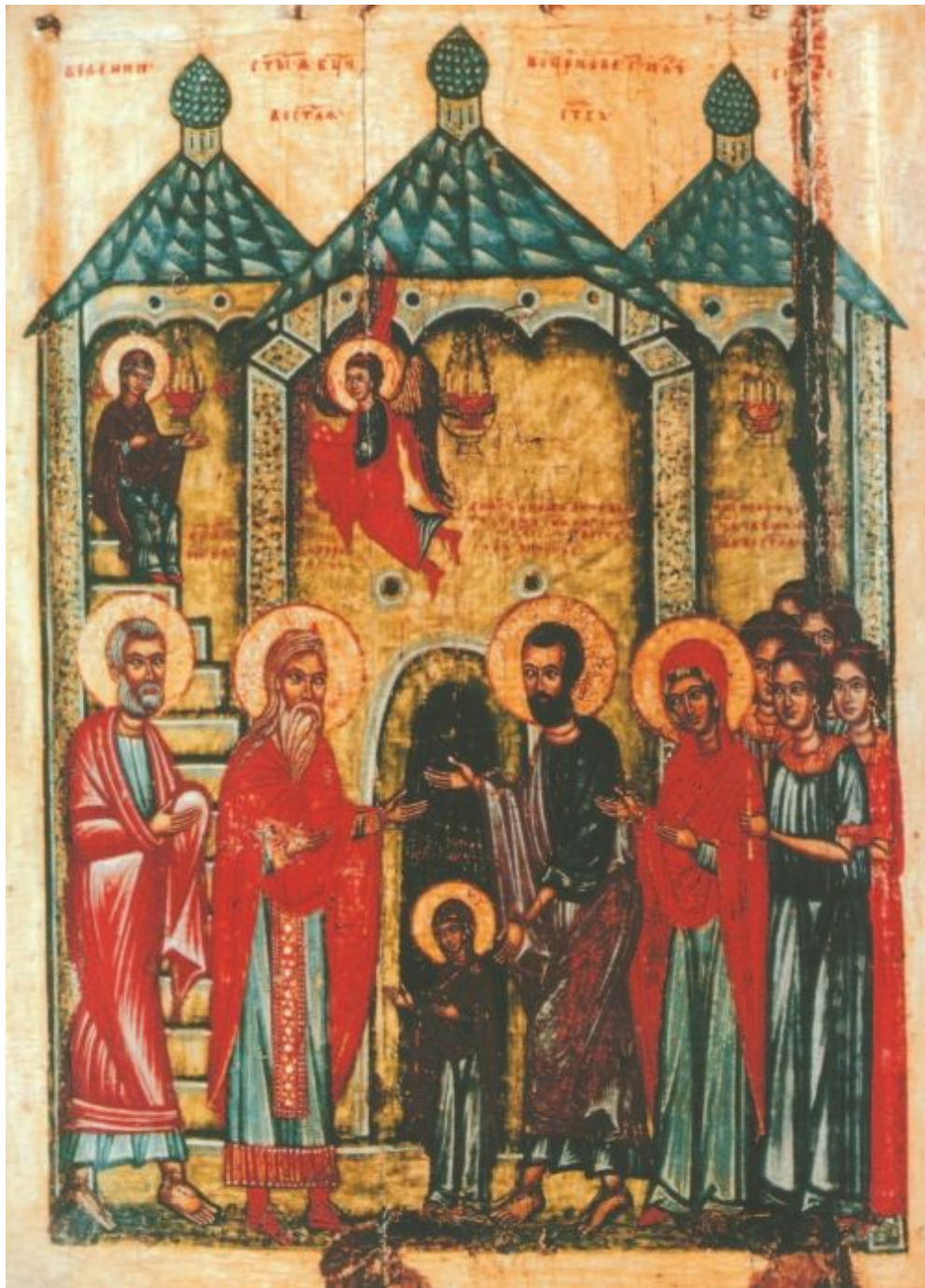
Евангелие. Рождество Иоанна Предтечи и Евангелист Лука. XII в.

Иоанн Предтеча из деисусного чина

Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

Введение Богоматери во храм. XIV в.

Богоматерь Оранта Великая Панагия

Иван Максимов. Благовещение. 1670 г.

Чима да Конельяно. Благовещение

Устюжское Благовещение

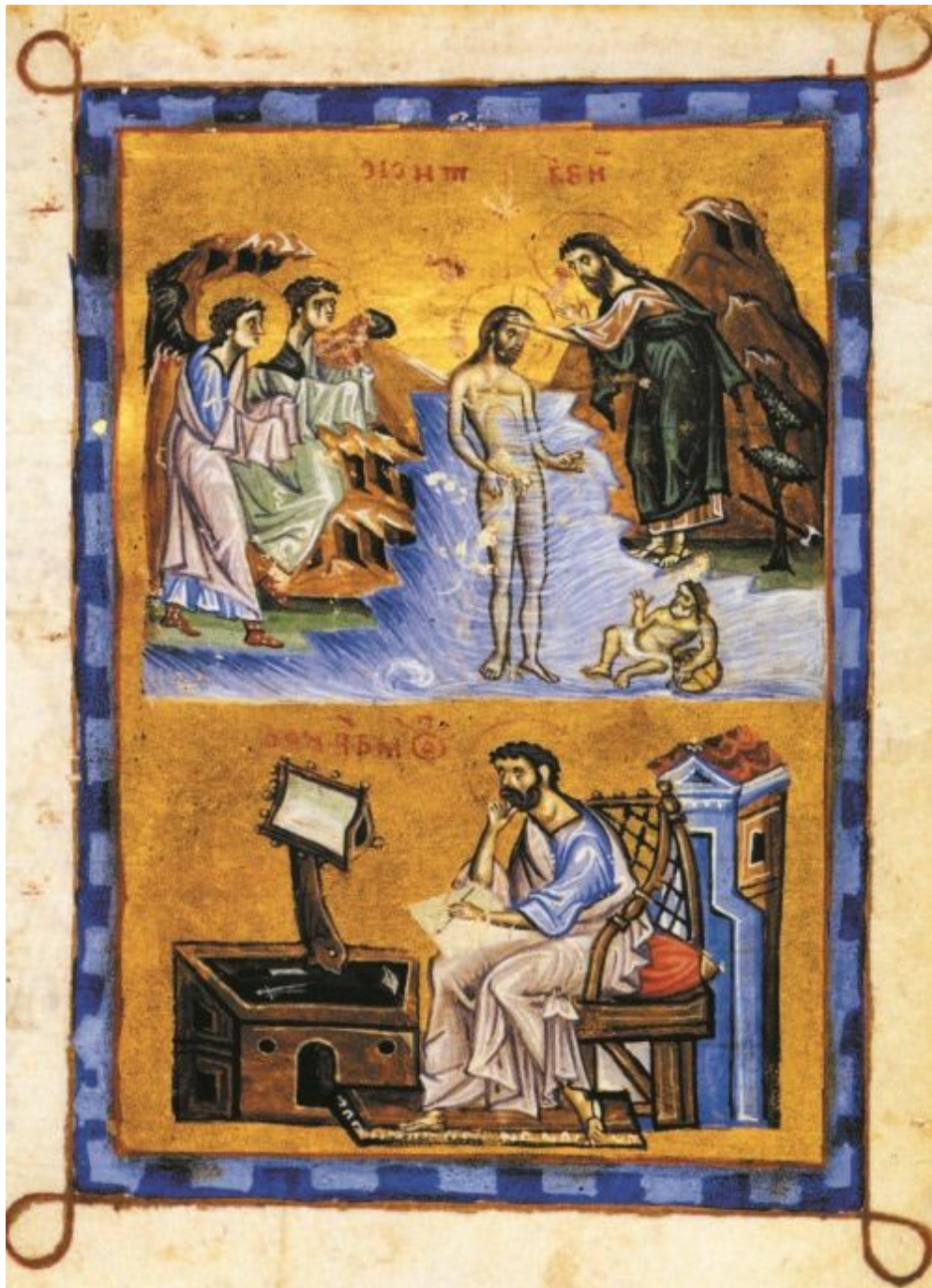
Альбрехт Дюрер. Поклонение волхвов

Рождество Христово

Петер Кристус. Рождество

Евангелие. Крещение Господне и Евангелист Марк.

Монастырская библиотека. Патмос

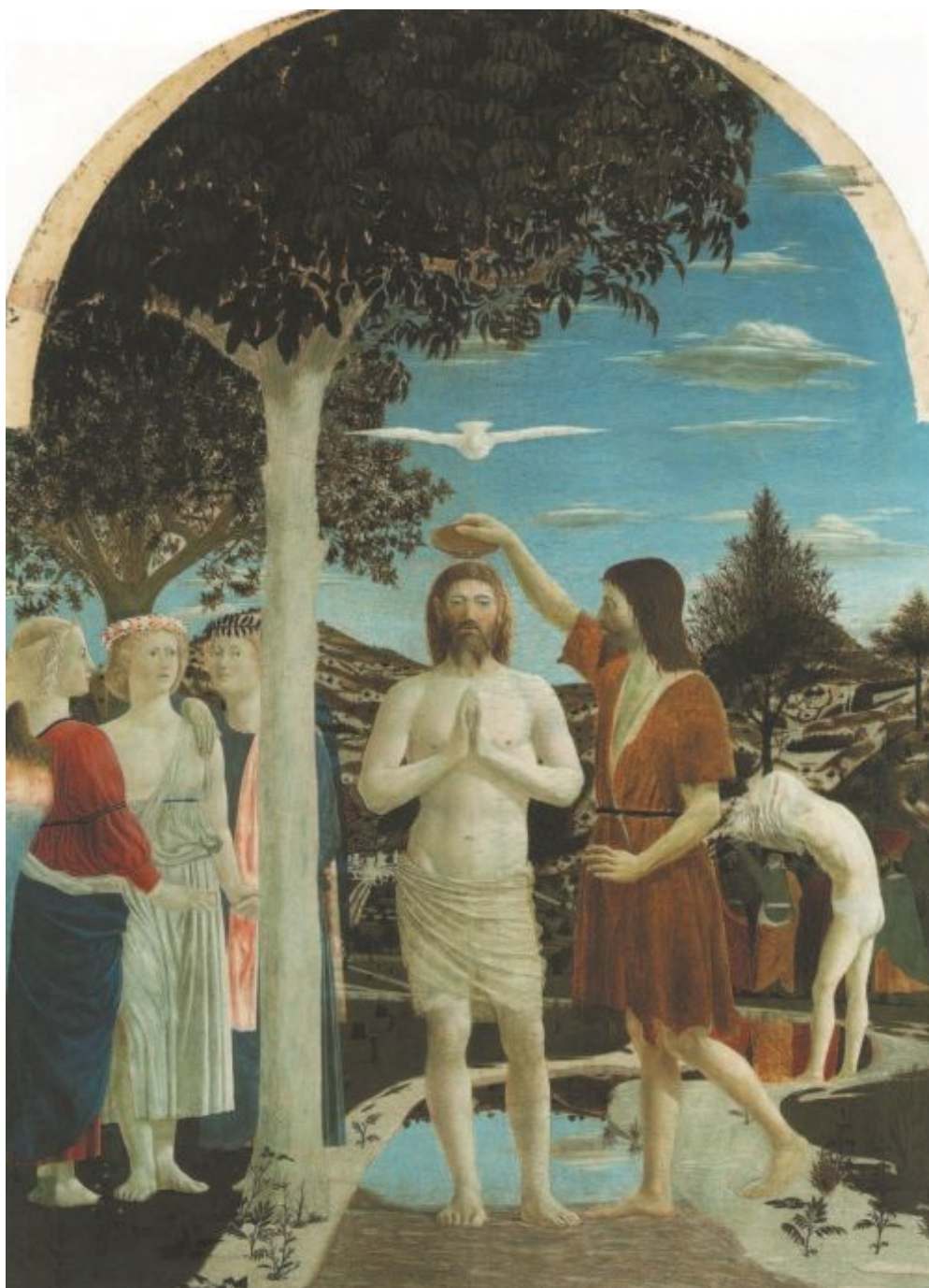
Сретение Господне. Синай

Лукас Кранах Старший. Отдых на пути в Египет

Василий Мумриков. Физический труд Св. семейства

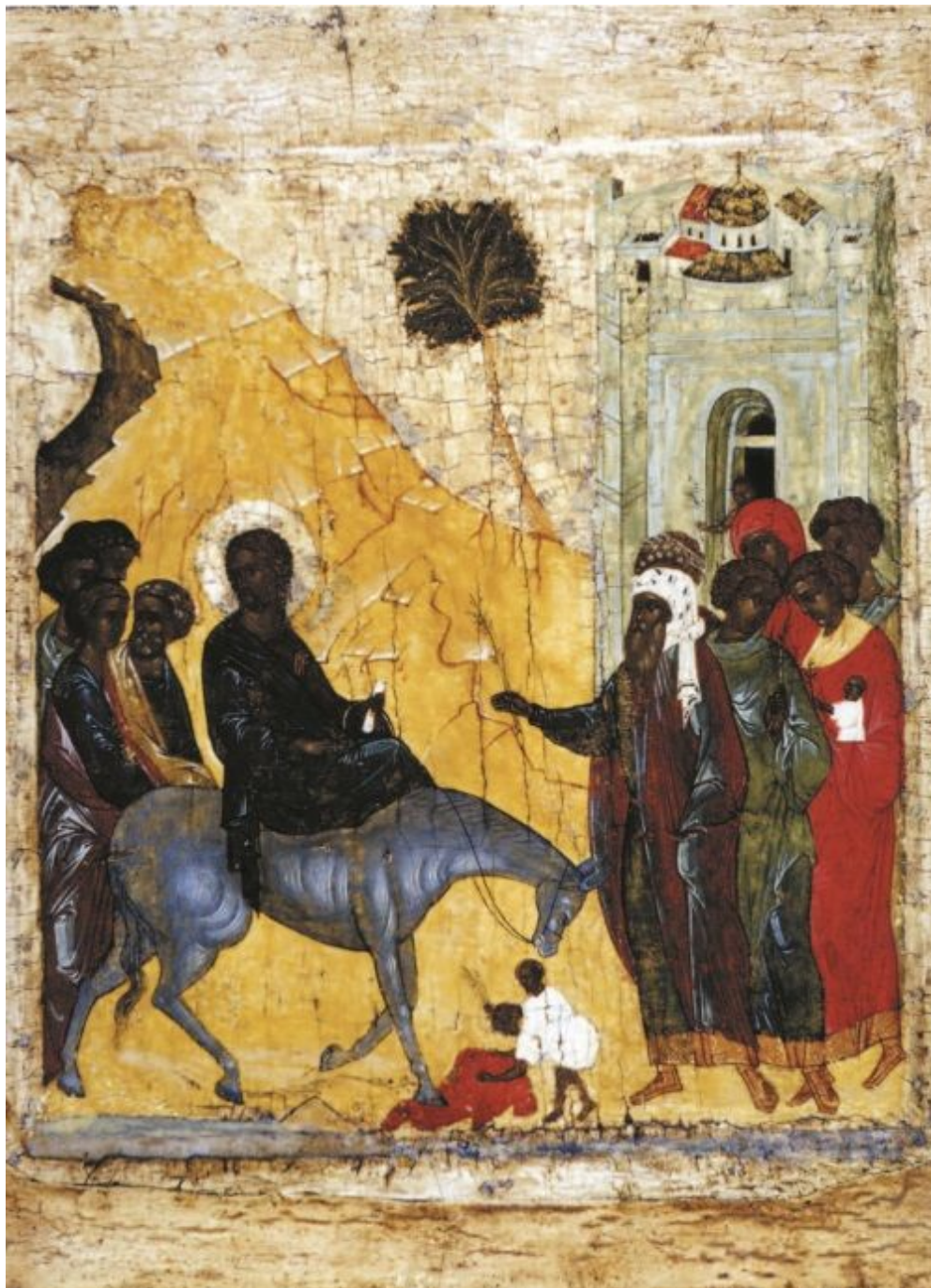
Пьеро делла Франческа. Крещение

Прославление Креста. Грузия

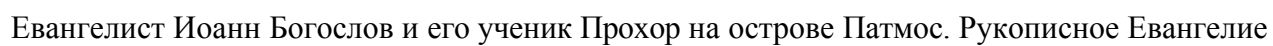
Иван Макаров Нагорная проповедь

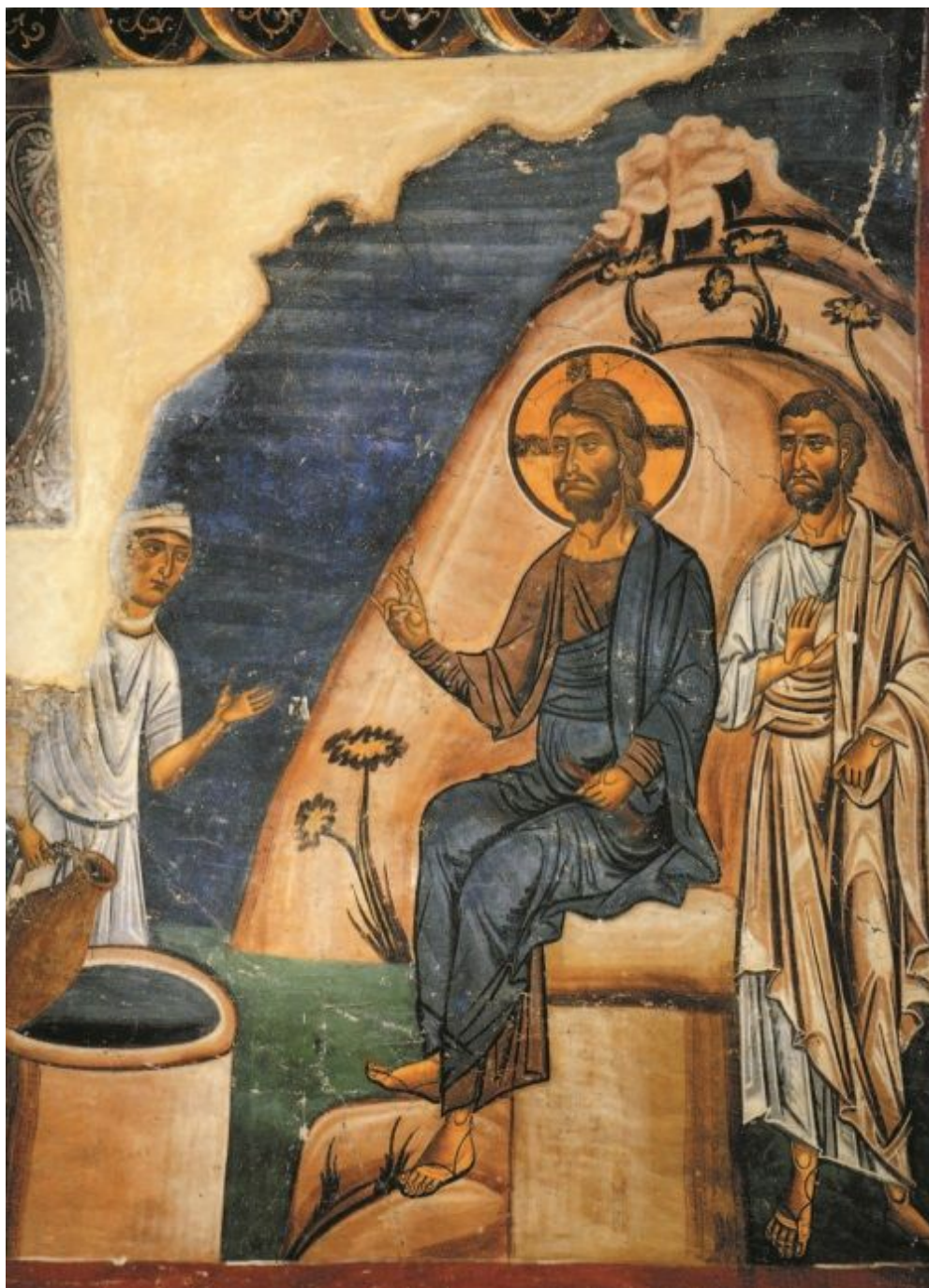

Вход в Иерусалим. XVI в.

Богоматерь Неопалимая Купина. Первая треть XIX в. Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург

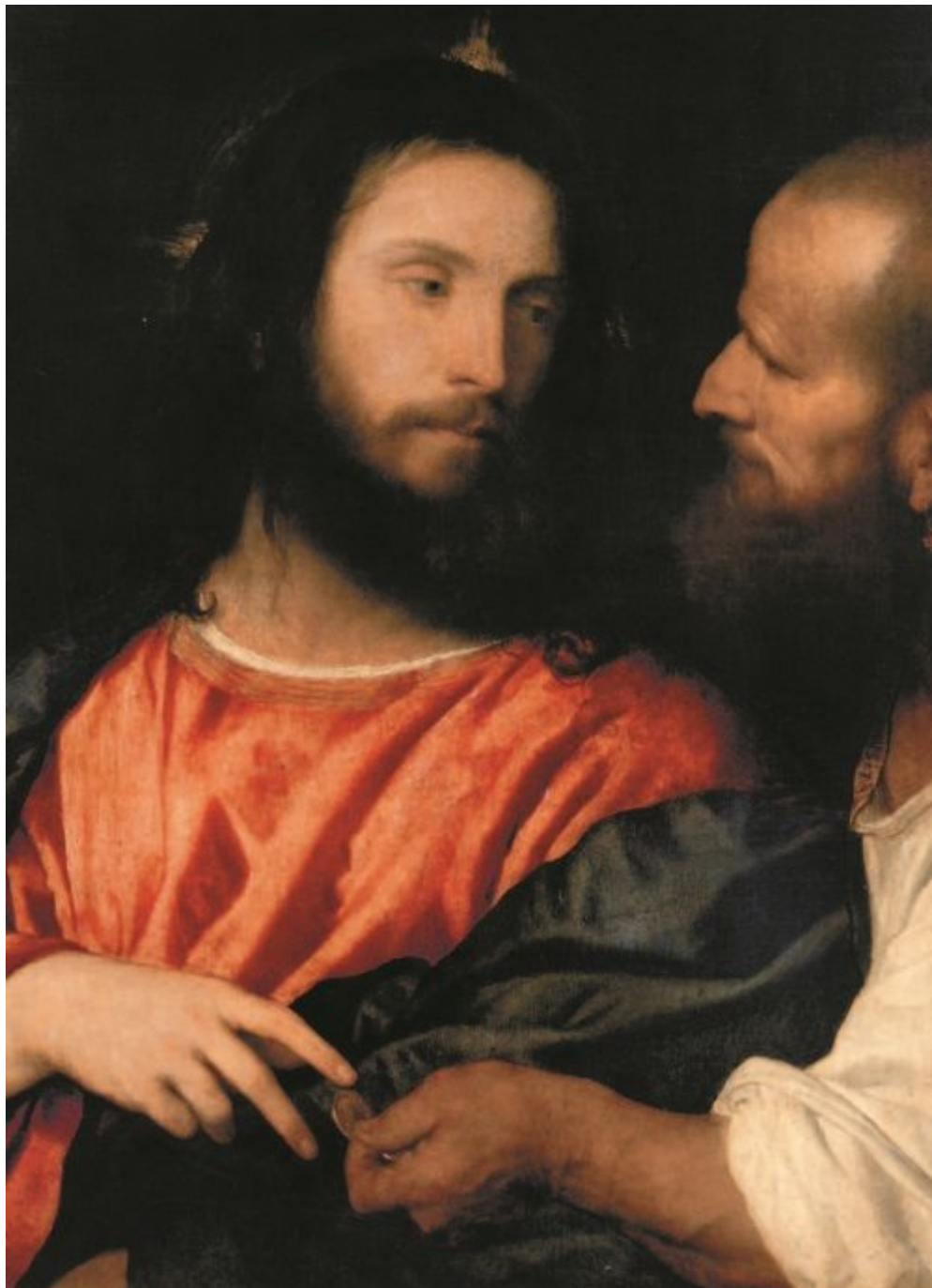
Встреча Иисуса Христа с самарянкой. Патмос

Андрей Рублев. Архангел Михаил

Рембрандт. Возвращение блудного сына

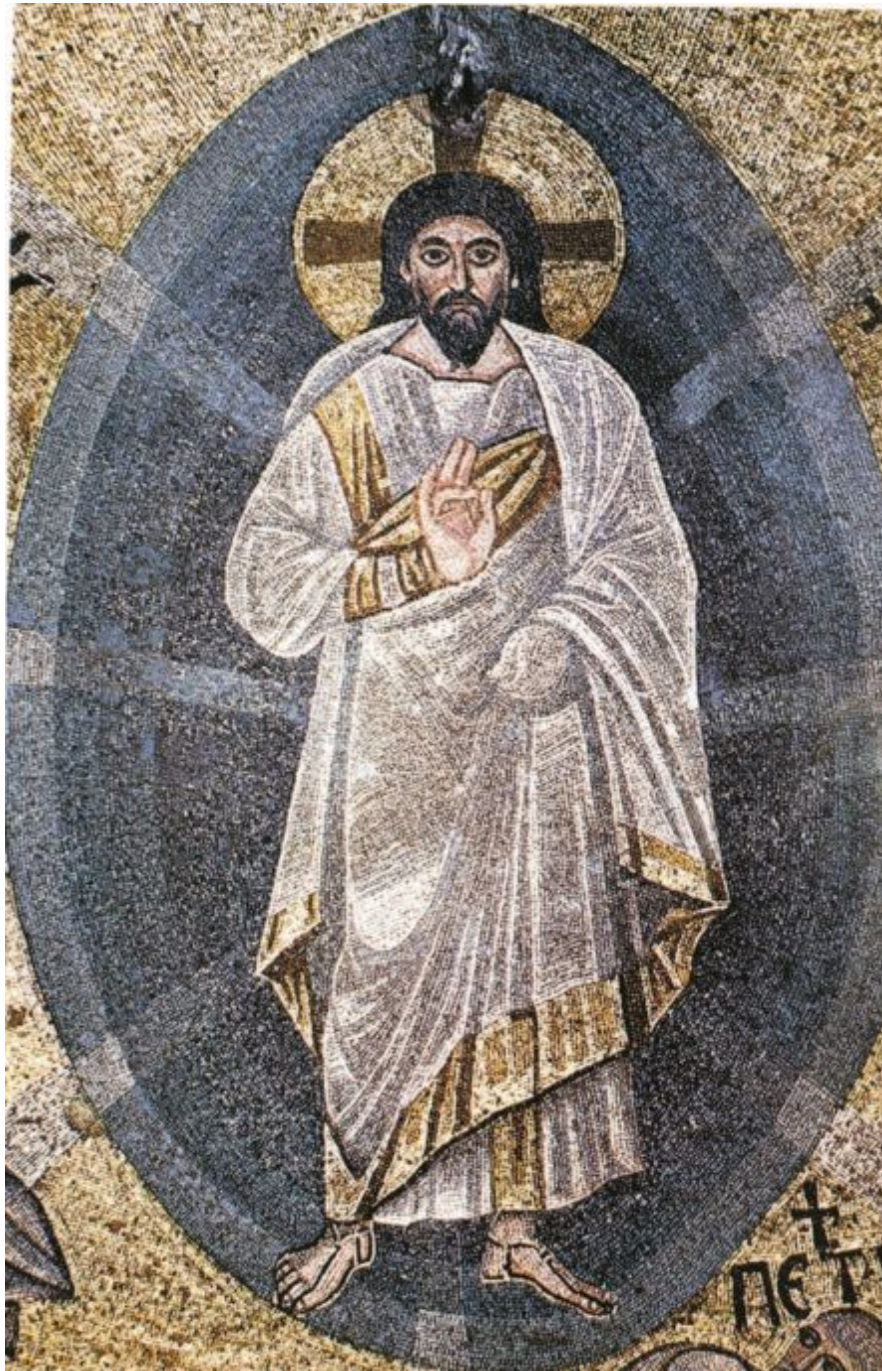
Тициан. Динарий кесаря

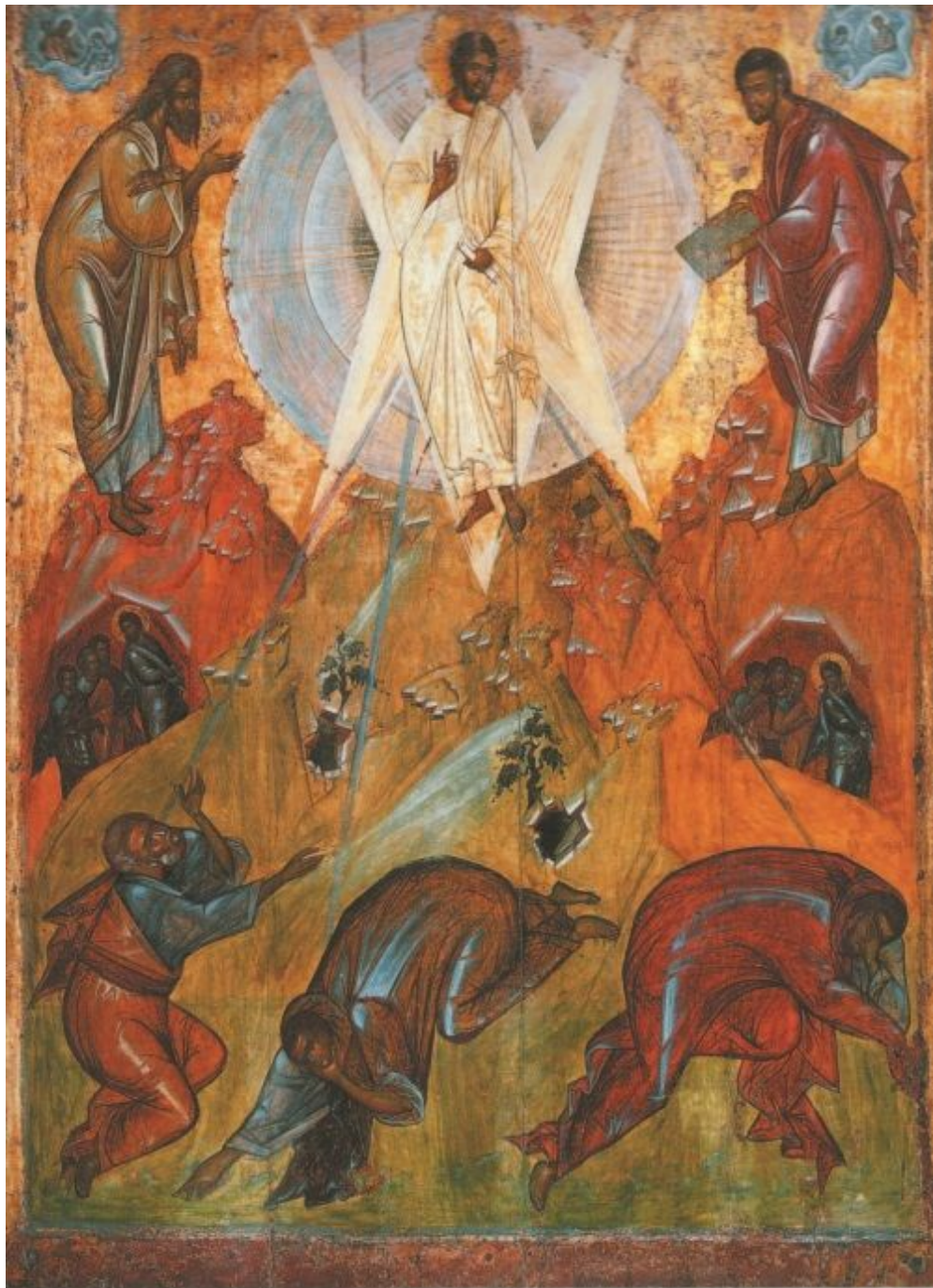
Чудотворный образ св. Иоанна Крестителя. Москва

Усекновение главы Иоанна Предтечи

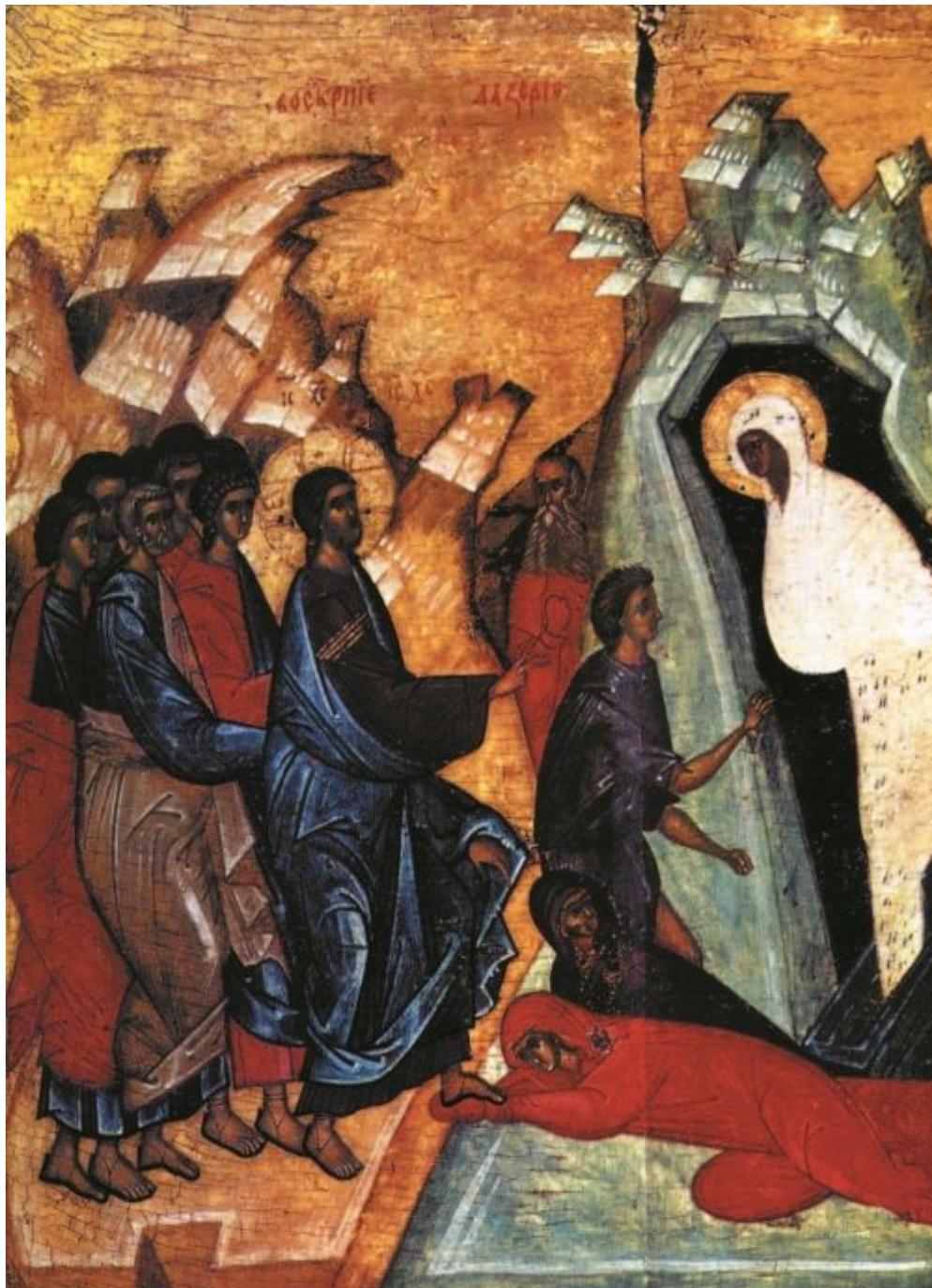
Преображение Господне. Синай

Преображение Господне. Начало XV в.

Воскрешение Лазаря и Вход Господень в Иерусалим

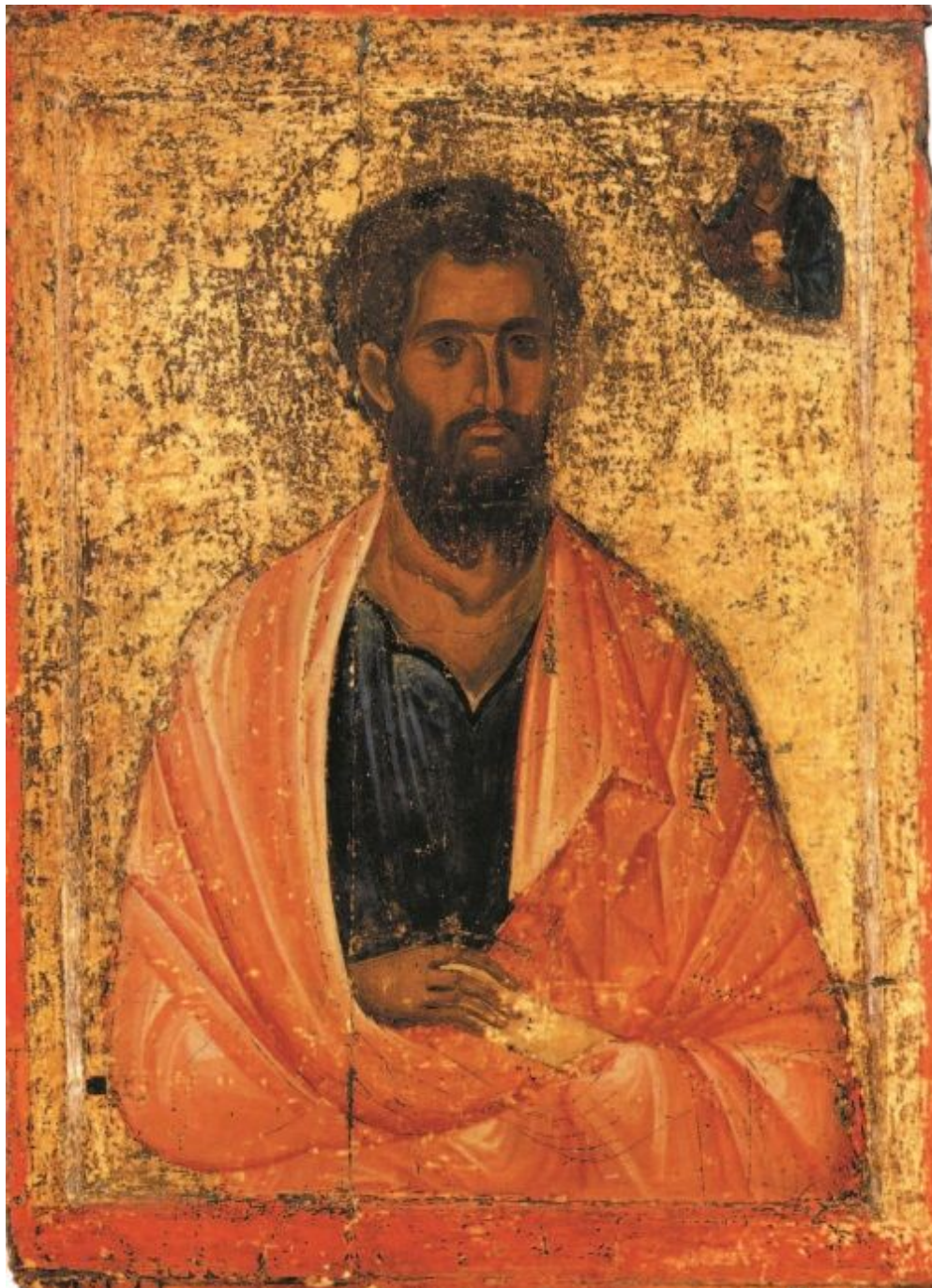
Воскрешение Лазаря

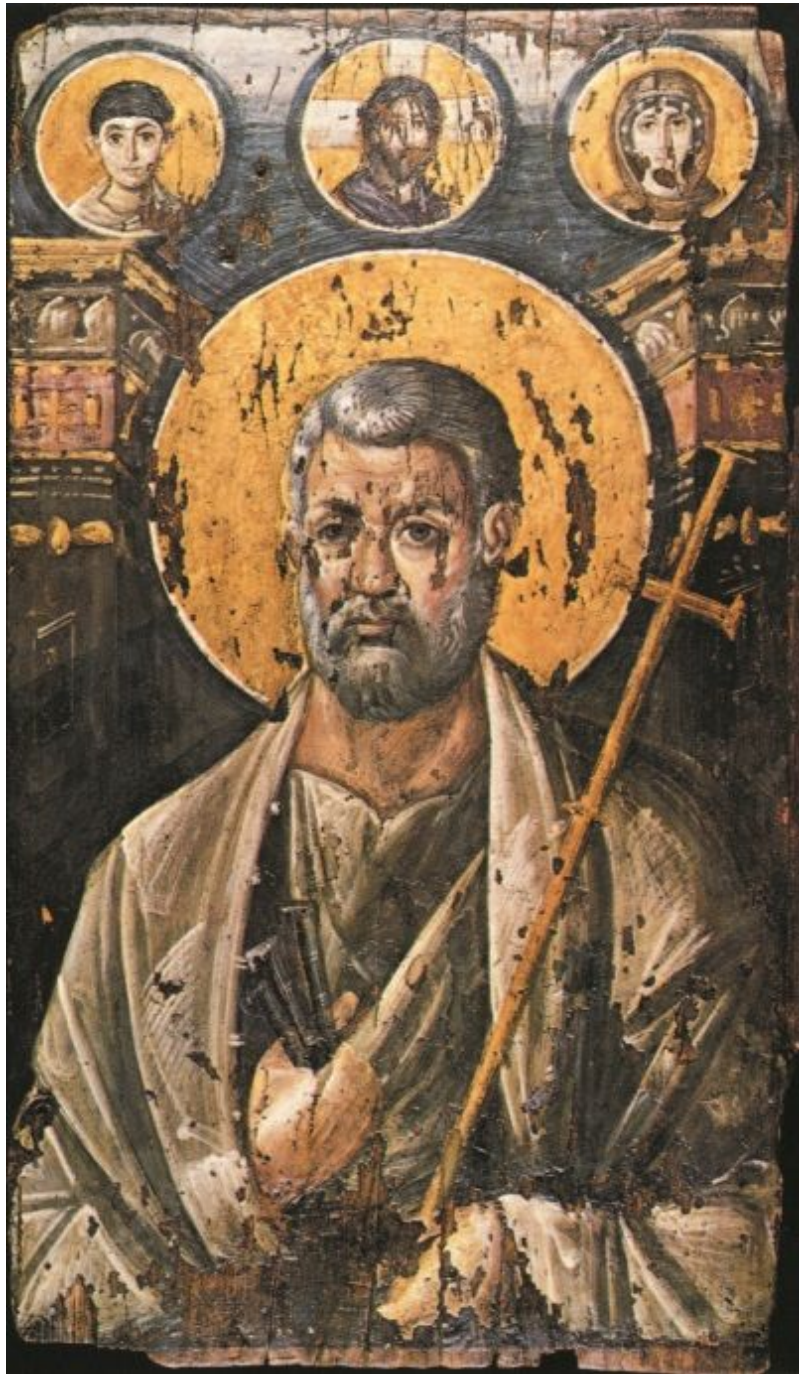
Иисус Христос на троне с символами Евангелистов и сюжетами Вход Господень в Иерусалим и Преображение

Альбрехт Дюрер. Апостолы

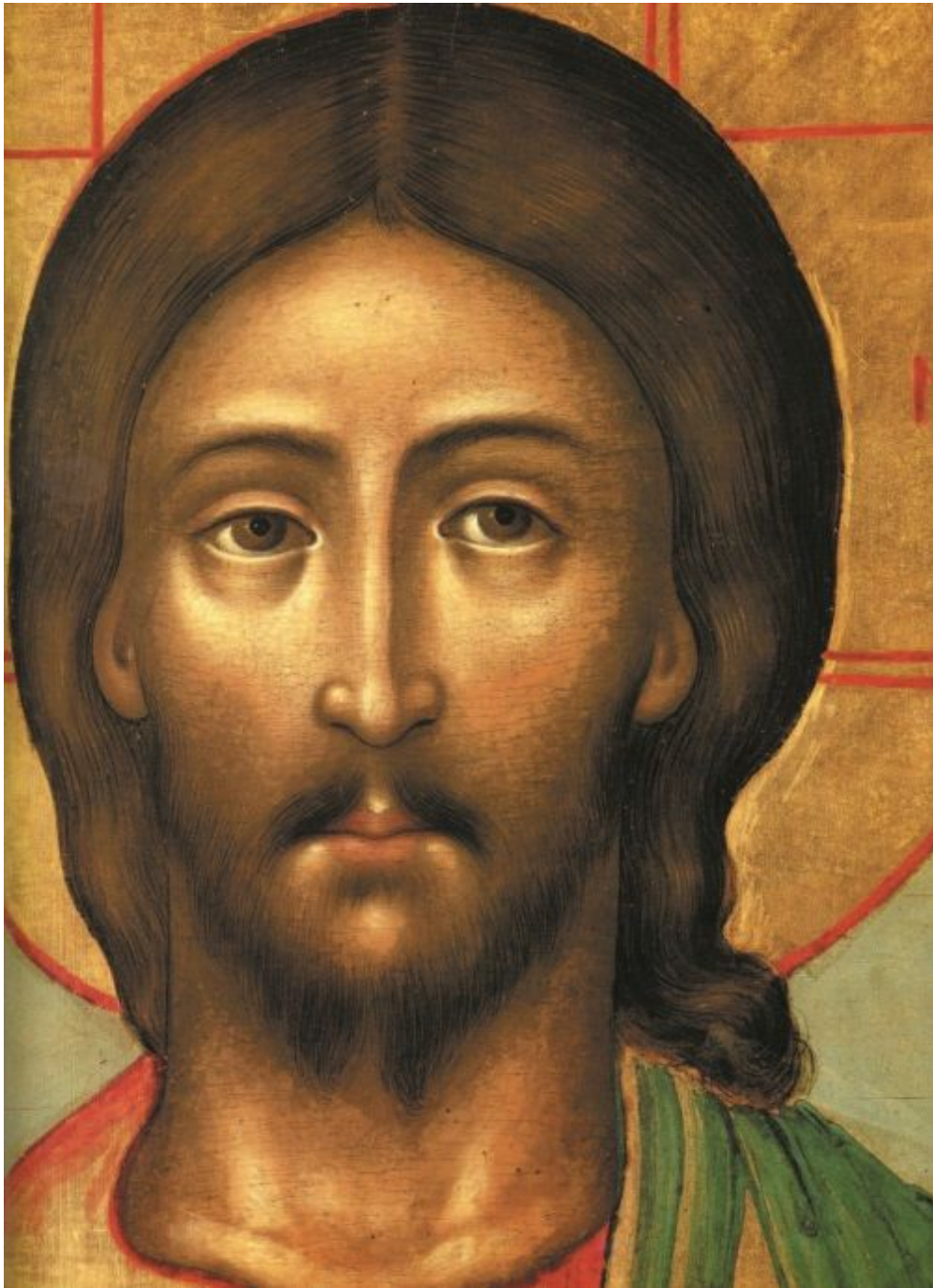
Апостол Иаков, брат Господень

Апостол Петр

Андрей Рублев. Апостол Павел

Федор Зубов. Иисус Христос. Фрагмент иконы Вседержитель

Тайная вечеря. Омовение ног. Моление о чаше.

Арест Христа

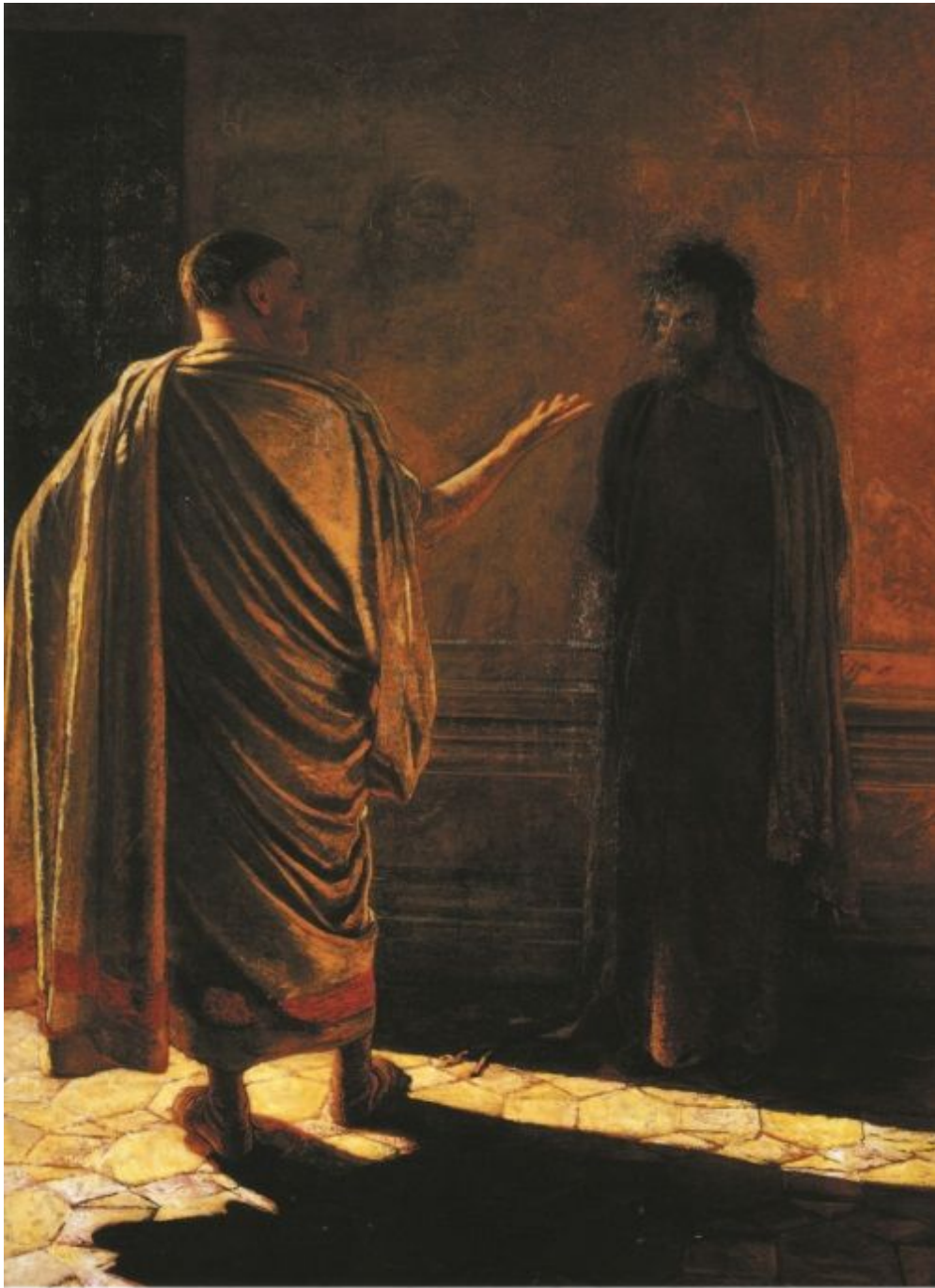
Собор апостолов. Конец XV в.

Дирк Боутс. Тайная вечеря

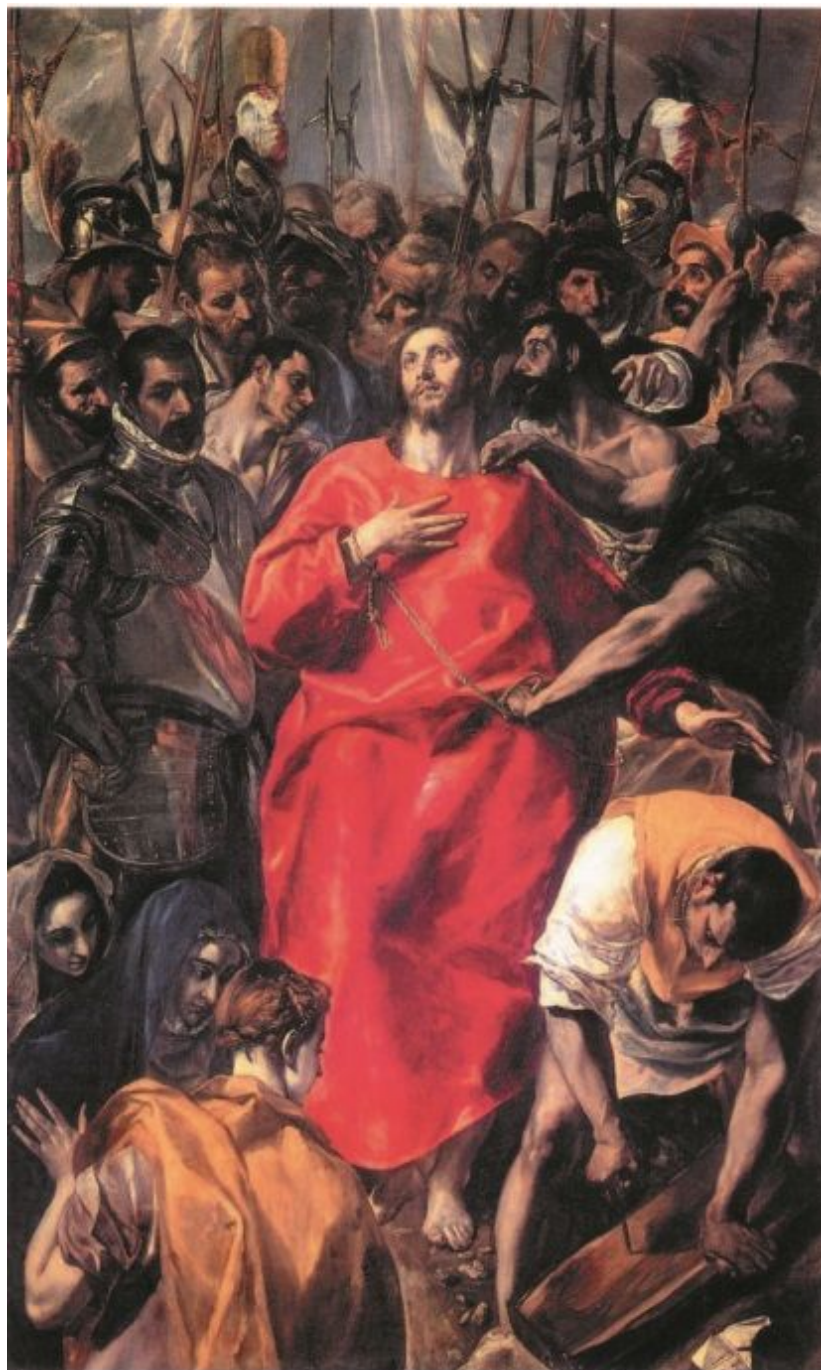
Федор Бруни. Моление о чаше

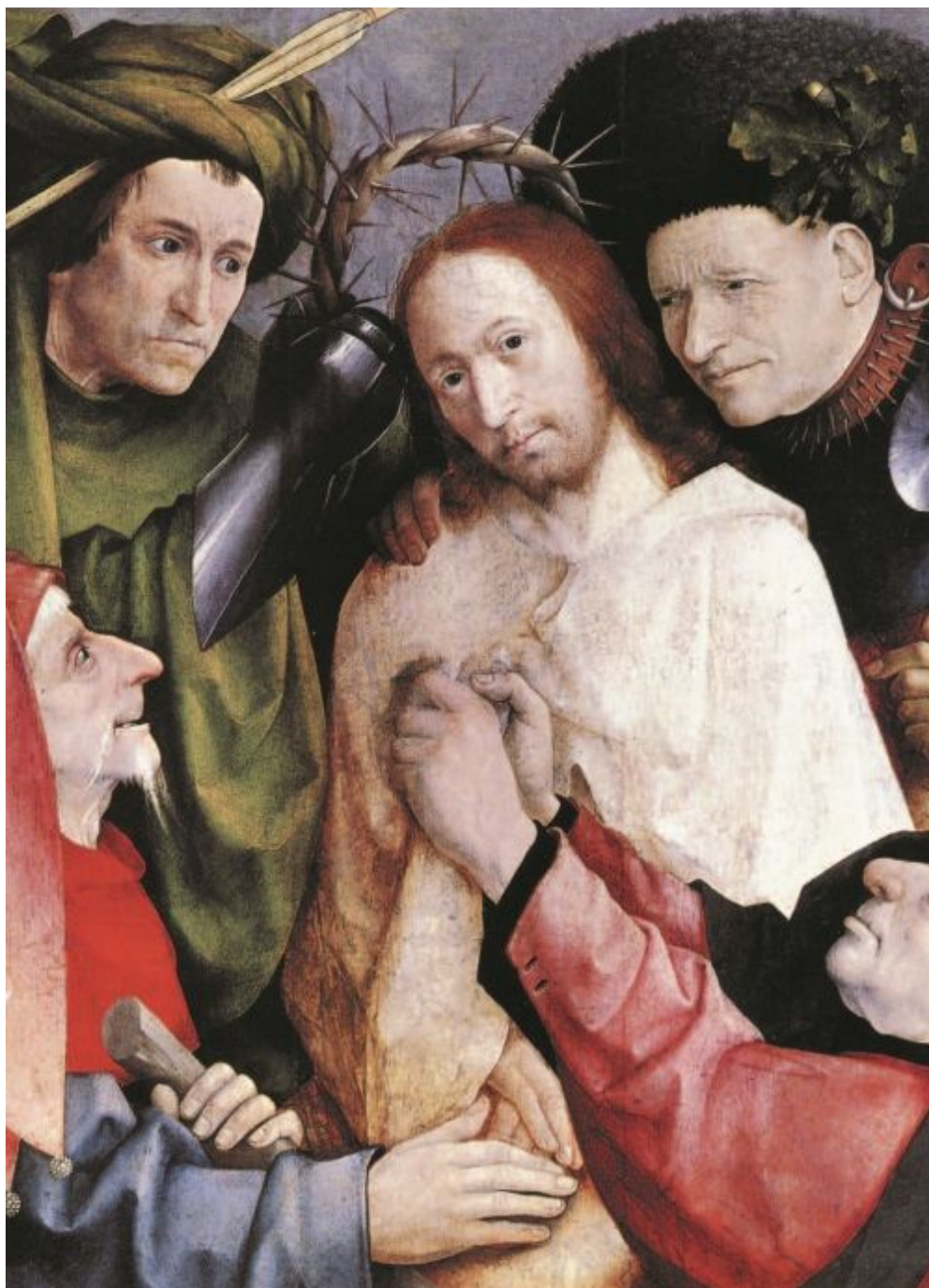
Николай Ге. Что есть истина. Христос и Пилат

Фра Анджелико. Поругание Христа

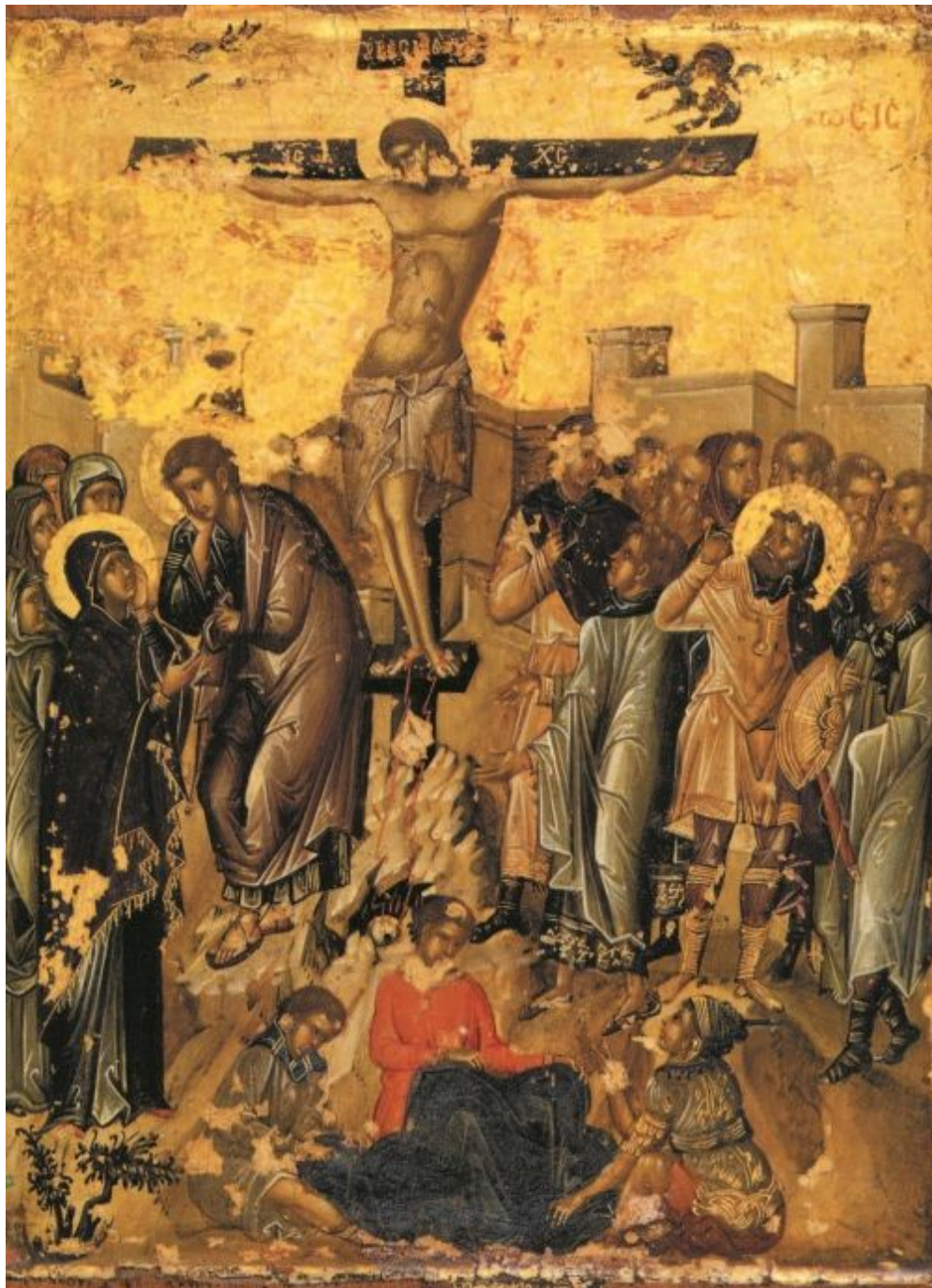
Эль Греко. Эсполио

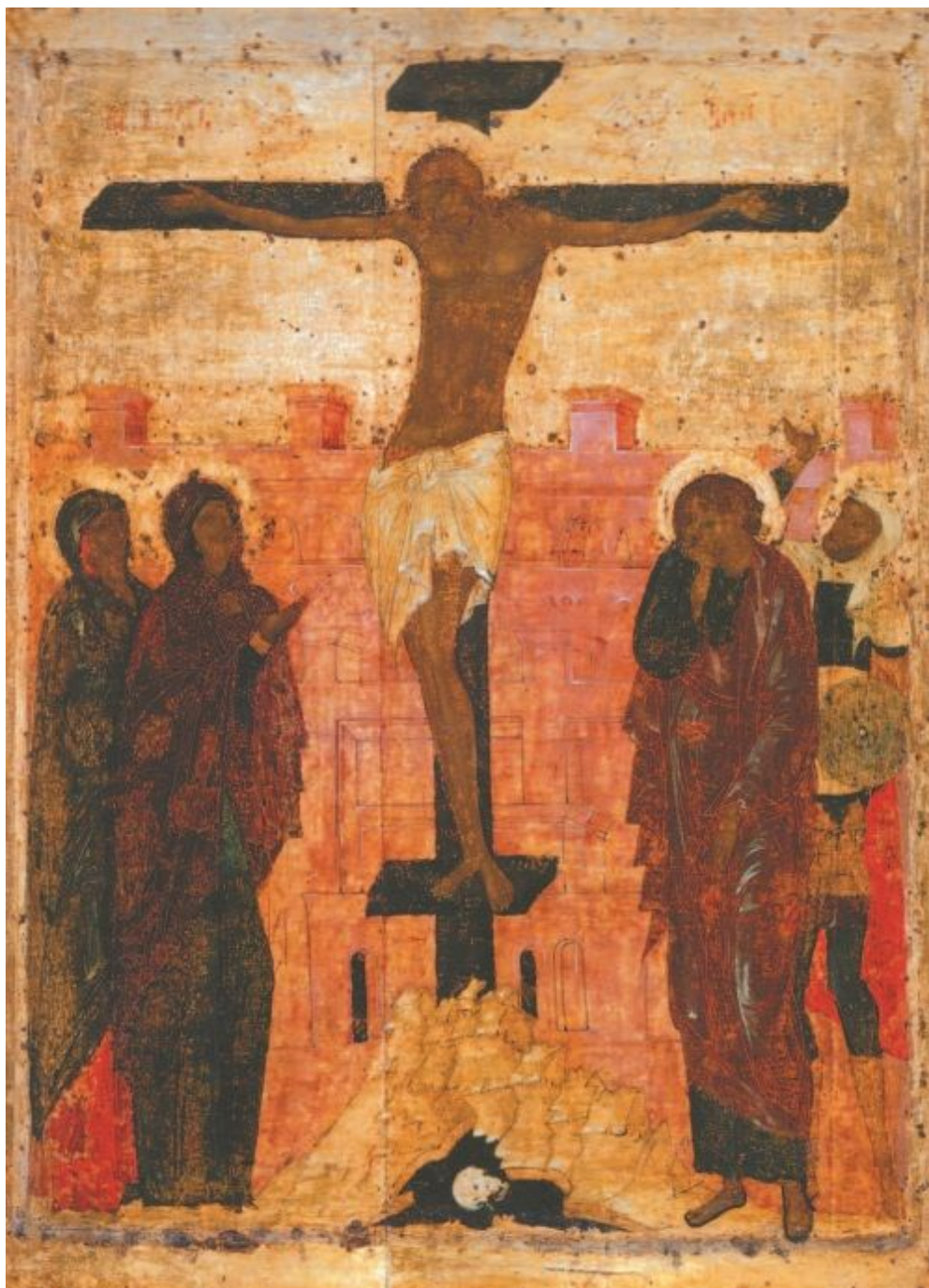
Иероним Босх. Коронование терновым венцом

Плоды страданий Христовых

Распятие. XV в.

Прохор с Городца. Распятие

Мастер из Флемалей. Троица

Эль Греко. Несение креста

Россо Фьорентино. Снятие с креста

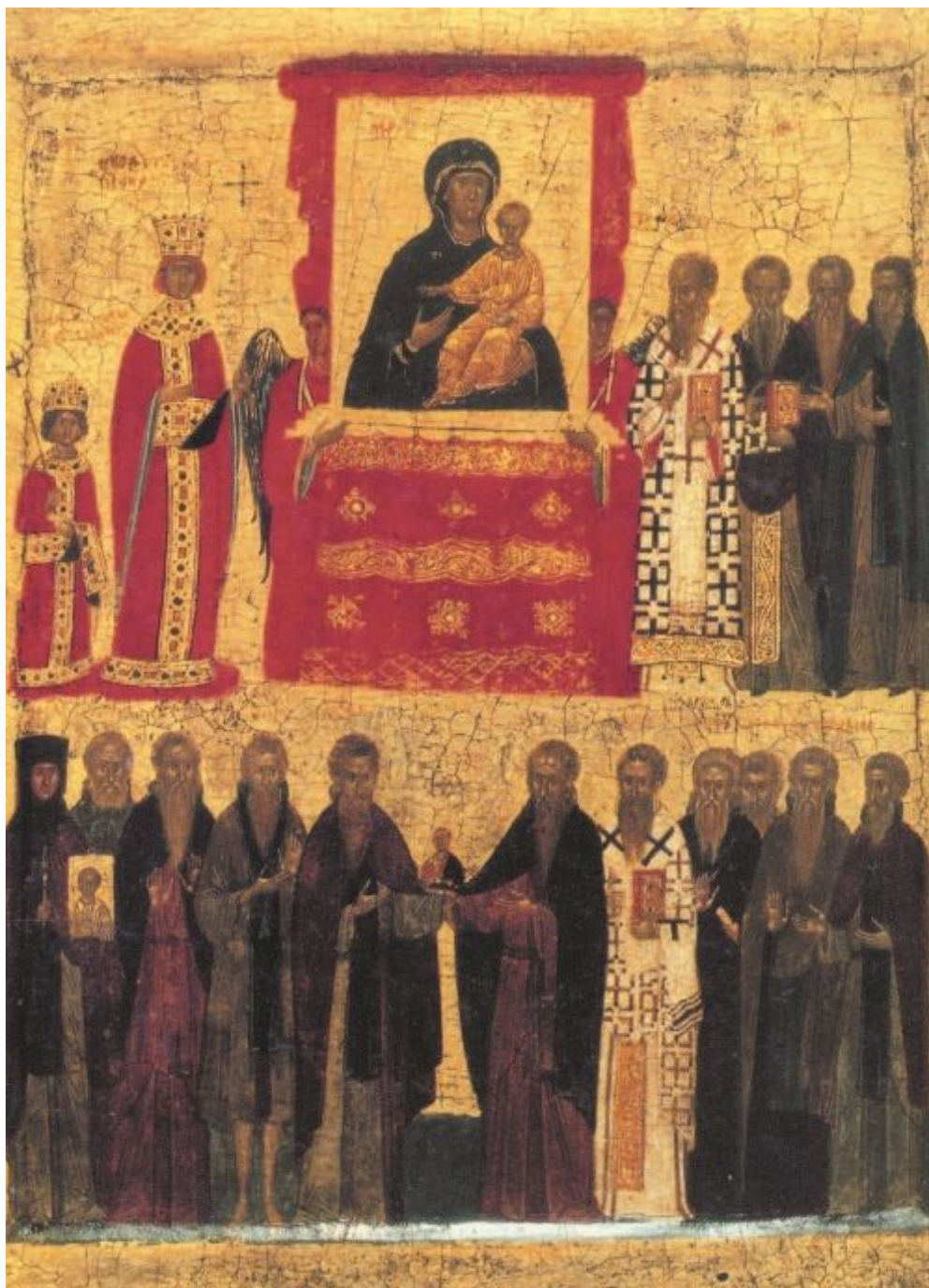
Воскресение Христово. XIX в.

Жены-мироносицы. XVI в.

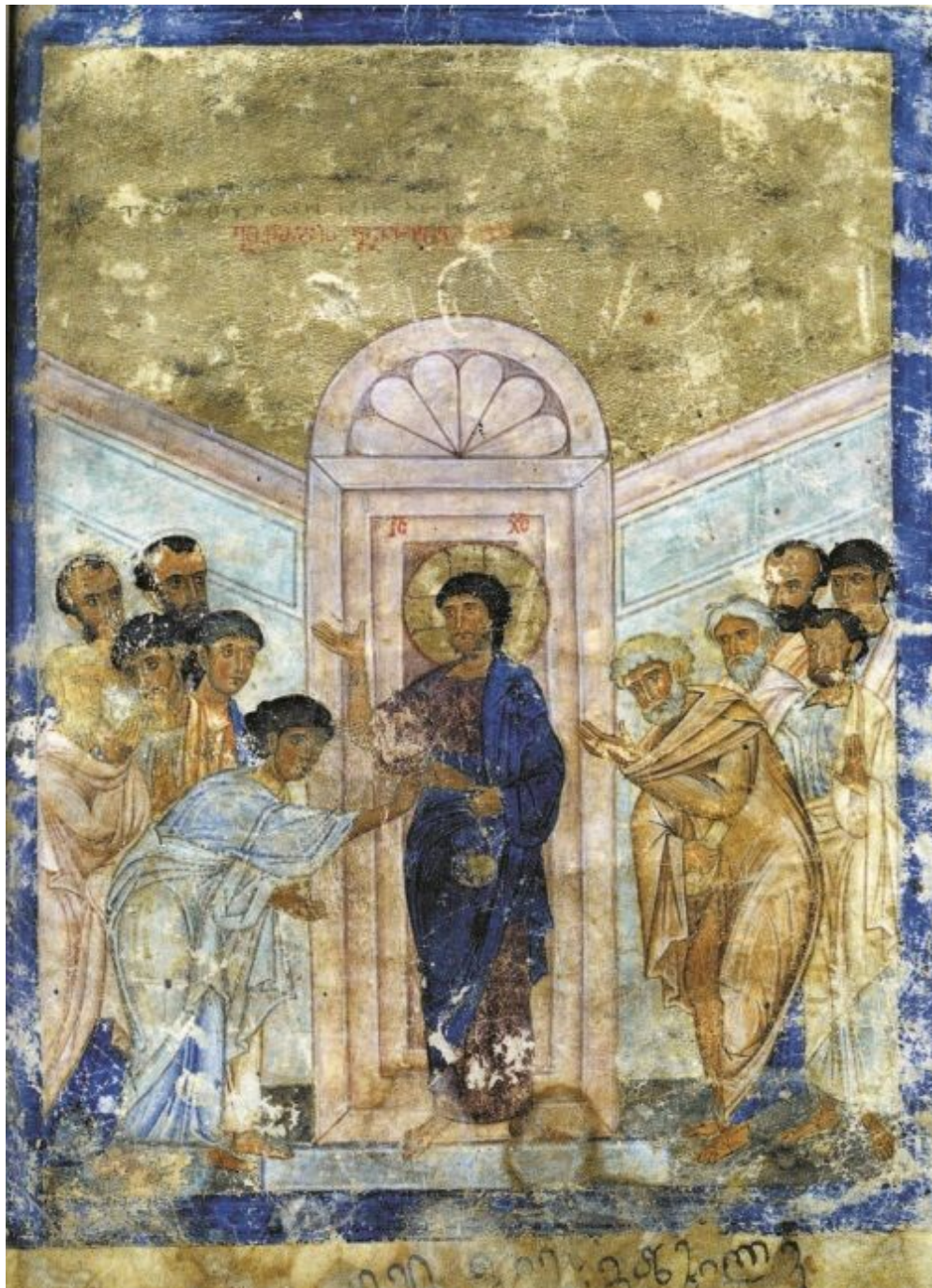
Андрей Рублев. Воскресение. Сошествие в ад

Икона. Торжество Православия

Фра Анджелико. Noli me tangere

Уверение Фомы. Грузия

Якопо Понтормо. Трапеза в Эммаусе

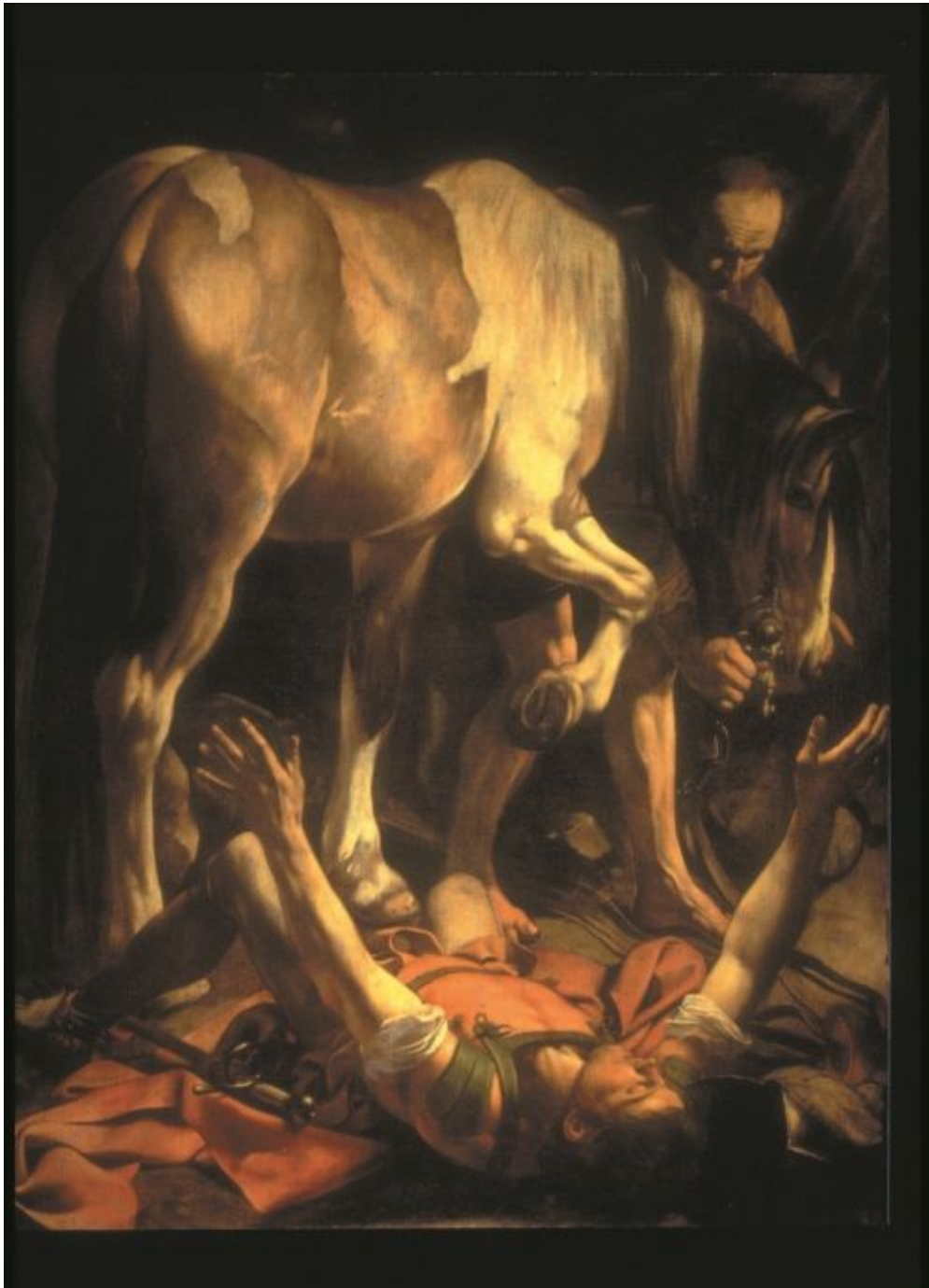
Конрад Виц. Чудесный улов

Вознесение. Середина XV в.

Пятидесятница. Середина XV в.

Караваджо. Обращение Савла

Микеланджело. Распятие св. Петра

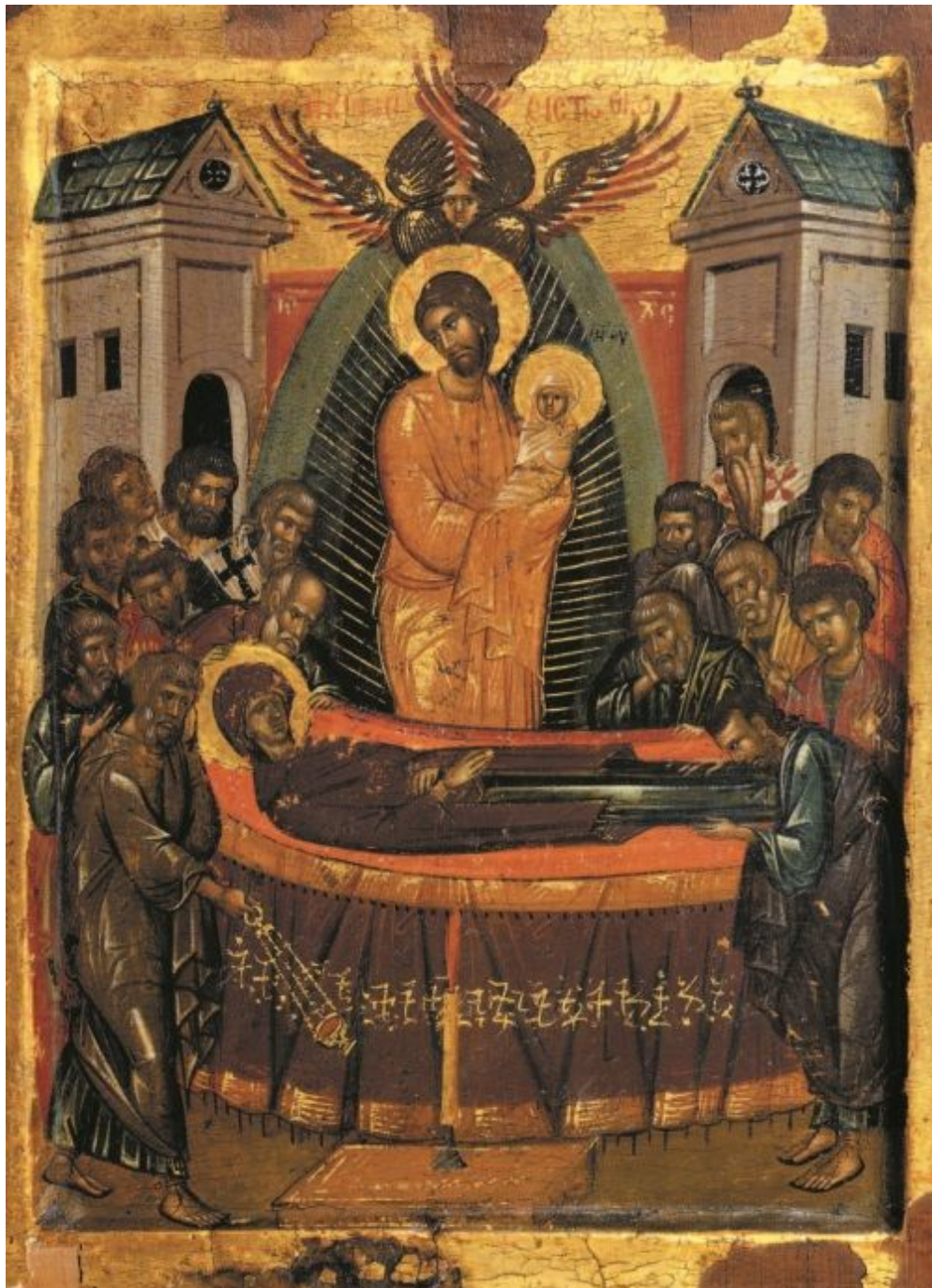
Иоанн Богослов в молчании

Видение Апокалипсиса Иоанну Богослову. XVI в.

Четыре всадника Апокалипсиса. Патмос

Успение Богоматери. XV в.

Богоматерь Смоленская. Одигитрия. 1482. Дионисий. Государственная Третьяковская галерея

Богоматерь Владимирская

Сретение Владимирской иконы Божией Матери в Москве с избранным и святыми